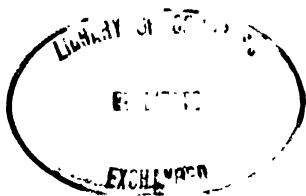

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

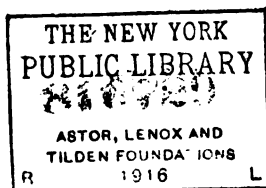
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА М. ПАНДЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XLIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

=
1854

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

за тѣмъ, чтобы во впечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзemplаровъ. Санктпетербургъ, февраля 26 дня 1853 года.

Цензоръ В. Беметовъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Отдохнувъ отъ непогодъ ,
Забывается Европа :
Ей двѣнадцатый нашъ годъ —
Какъ преданье до потона.

Быль кому онъ торжествомъ
И кому нанесъ обиды,
Поминають вскользь о томъ
Школъ новѣйшихъ Оукиаиды.

И во всемъ, что нужно знать
Изъ событій той эпохи ,
Чернь умовъ и даже знать
Всѣ, въ Европѣ, очень плохи.

А нехудо бѣ господамъ
Европейскимъ лицедеямъ,
Полководцамъ, мудрецамъ,
Ротозѣямъ, грамотѣямъ,

И Французу изъ Бордо,
И заносчивому лорду,
Всѣмъ, въ орлиное гнѣздо
Не спросяся уткнувшимъ морду, —

Всѣмъ нехудо бѣ затвердить
 Ту главу изъ русской были,
 Гдѣ вопросъ: «бить или не бить?»
 Мы по своему рѣшили.

Пусть припомятъ же они,
 Какъ честныхъ гостей почетно,
 Въ достопамятные дни,
 Мы отпотчивали плотно;

Какъ, по старымъ образцамъ
 И по русскому уставу,
 Баню жаркую гостямъ
 Затопили мы на славу;

Какъ подкладывали въ печь,
 — Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады —
 Дровъ ли мало, такъ картечь
 И различные заряды;

Какъ трехгранной кочергой
 Чисто-гульскаго издѣлья
 Жаръ сгребали на убой
 Имъ, на баню новоселья.

Свой у каждаго приѣмъ:
 Вѣдь что городъ, то и норовъ —
 Такъ училъ насъ подъ огнемъ
 Славный банщикъ нашъ — Суворовъ.

И за то — помилуй Богъ! —
 Какъ мы ихъ перевернули,
 Какъ отъ маковки до ногъ
 Шкуру вѣвниками вздули!

Сами, до поту лица,
 Только бѣ сыты были гости,
 Мы ихъ грѣли до конца
 Такъ что ихъ трещали кости.

И кто вышелъ чуть живой
 Изъ припарки той свирѣпой,

Вынесъ тѣло — головней,
Душу — пареною рѣпой.

А потомъ, на упокой,
Чтобъ голубчики остыли,
Мы березинской водой
Студено ихъ окатили.

У того спросите вы,
Кто былъ первымъ средь счастливецѣвъ
И теперь — кумиръ молвы —
Спать подъ стражей сослуживцевъ, —

Кѣмъ полна была земля,
Кто взлеталъ на пирамиды
И былъ сброшенъ въ прахъ съ Кремля,
Не стерпѣвшаго обиды.

Онъ — вашъ маленькій Капралъ,
Вы жъ — подъ ростъ его мизинцу —
Да и тотъ не разжевалъ
Всероссійскаго гостинцу.

И съ заправскимъ, хоть съ трудомъ,
Мы сочлись, взыскавъ всѣ пени:
Не управимся ль путемъ
Съ блѣдной тѣвью славной тѣни?

Вы спросите эту тѣнь:
Что такое за Россія?
Что за ледъ и за кремень
Наши груди боевыя?

Онъ изъ гроба скажетъ вамъ,
Что извѣдалъ ихъ, да поздно,
И, въ урокъ текущимъ днямъ,
Возвѣстятъ, раскрывшись грозно,

Смертью сжатые уста:
Что, отвергнувъ миръ позорной,
У подножія креста,
Съ вѣрой чистой и покорной,

Мы Москву свою зажгли,
 Словно жертвеникъ молебный,
 И, не помня зла, спасли
 Мы же городъ вашъ враждебный.

Прожужжалъ и протрубилъ
 Сей Парижъ многоглагольной,
 Что какъ дома онъ гостилъ
 На Москвѣ первопрестольной.

Помнимъ этотъ мы визитъ!
 И за честь въ уплату, мы же,
 Не выѣнивъ учтивость въ стыдъ,
 Были два раза въ Парижѣ.

И о прочемъ не въ укоръ
 Мы могли бъ напомнить прочимъ....
 Но дальнѣйшій нашъ обзоръ
 Мы до времени отсрочимъ.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ.

Карлсруэ.

9/10 января 1854 года.

М У М У́.

РАЗСКАЗЪ.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, въ сѣромъ домѣ съ бѣлыми колоннами, антресолю и покривившимся балкономъ, жила нѣкогда барыня, вдова, окруженная многочисленною дворней. Сыновья ея служили въ Петербургѣ, дочери вышли замужъ; она выѣзжала рѣдко и уединенно доживала послѣднiе годы своей скупой и скучающей старости. День ея, нерадостный и ненастный, давно прошелъ; но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи.

Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ дворникъ Гарасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухо-нѣмой отъ рожденья. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ, въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ и считался едва ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ — дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотрѣть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, одинъ, безъ помощи лошаденки, взрѣзывалъ упругую грудь земли, либо о Петровъ день такъ сокрушительно дѣйствовалъ кошей, что хоть бы молодой березовый лѣсокъ смахивать съ корней долой, либо презорно и безостановочно молотилъ трехъ-аршиннымъ

цѣломъ, и какъ рычагъ опускались и поднимались продолговатыя и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неистомной работѣ. Славный онъ былъ мужикъ, и, не будь его несчастье, всякая дѣвка охотно пошла бы за него замужъ... Но вотъ Гарасима привезли въ Москву, купили ему сапоги, сшили кафтанъ на лѣто, на зиму тулупъ, дали ему въ руки метлу и лопату, и опредѣлили его дворникомъ.

Крѣпко не полюбилось ему сначала его новое житье. Съ дѣтства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту. Отчужденный несчастьемъ своимъ отъ общества людей, онъ выросъ нѣмой и могучій, какъ дерево растетъ на плодородной землѣ... Переселенный въ городъ, онъ не понималъ, что съ нимъ такое дѣтается, — скучалъ и недоумѣвалъ, какъ недоумѣваетъ молодой, здоровый быкъ, котораго только что взяли съ нивы, гдѣ сочная трава росла ему по брюхо, — взяли, поставили на вагонъ желѣзной дороги — и вотъ, обдавая его тучное тѣло то дымомъ съ искрами, то волнистымъ паромъ, мчатъ его теперь, мчатъ со стукомъ и визгомъ, а куда мчатъ — Богъ вѣсть! Занятія Гарасима по новой его должности казались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ; въ полчаса все у него было готово, и онъ опять то оставался посреди двора и глядѣть, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, какъ бы желая добиться отъ нихъ разрѣшенія загадочнаго своего положенія, то вдругъ уходилъ куда нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу и лопату, бросался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пойманный зефиръ. Но ко всему привыкаетъ человѣкъ, и Гарасимъ привыкъ наконецъ къ городскому житью. Дѣла у него было немного; вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы дворъ содержать въ чистотѣ, два раза въ день привезти бочку съ водой, натаскать и наколоть дрова для кухни и дома, да чужихъ не пускать и по почамъ на-раудить. И, надо сказать, усердно исполнялъ онъ свою обязанность: на дворѣ у него никогда ни щепокъ не валялось, ни сору; застранныхъ ли въ грязную пору гдѣ нибудь съ бочкой отданная подъ его начальство разбитая клѣта-водовозна, онъ только двинетъ плечемъ — и не только телѣгу, самое лошадей спикнетъ съ вѣста; дрова ли придется ему колоть, топоръ такъ и звенитъ у него какъ стекло и летятъ во все стороны осколки и подѣсы; а что

насчетъ чужихъ , такъ послѣ того , какъ онъ однажды ночью , войдя въ двухъ порогахъ , стукнулъ ихъ другъ объ дружку лбами , да такъ стукнулъ , что хоть въ полицію ихъ потомъ не веди , всѣ въ околоткѣ очень стали уважать его ; да не днемъ проходящія , вовсе уже не мошенники , а просто незнакомыя люди , при видѣ грознаго дворника , отмахивались и кричали на него , какъ будто онъ могъ слышать ихъ крики . Со всей остальной челядью Гарасимъ находился въ отношеніяхъ не то чтобы пріятельскихъ — они его побаивались — а короткихъ ; онъ считалъ ихъ за своихъ . Они съ нимъ объяснялись знаками , и онъ ихъ понималъ , въ точности исполнялъ всѣ приказанія , но права свои тоже зналъ , и уже никто не смѣлъ садиться на его мѣсто въ застольѣ . Вообще Гарасимъ былъ права строгаго и серьезнаго , любилъ во всемъ порядокъ ; даже пѣтухи при немъ не смѣли драться , — ато бѣда ! увидитъ , тотчасъ схватитъ за ноги , повертитъ разъ десять на воздухѣ колесомъ и броситъ врозь . На дворѣ у барыни водились тоже гуся ; но гусь , извѣстно , птица важная и разсудительная ; Гарасимъ чувствовалъ къ нимъ уваженіе , ходилъ за ними и кормилъ ихъ ; онъ самъ смахивалъ на степеннаго гусака . Ему отвели надъ кухней коморку ; онъ устроилъ ее себѣ самъ , по своему вкусу , соорудилъ въ ней кровать изъ дубовыхъ досокъ на четырехъ чурбанахъ , — истинно богатырскую кровать ; сто пудовъ можно было положить на нее — не погнулась бы ; подъ кроватью находился дюжій сундукъ ; въ уголку стоялъ столикъ такого же крѣпкаго свойства , а возлѣ столѣка — стулъ на трехъ ножкахъ , да такой прочный и приземистый , что самъ Гарасимъ бывало подниметъ его , уронитъ и ухмыльнется . Коморка запералась на замокъ , напоминавшій своимъ видомъ калачъ , только черный ; ключъ отъ этого замка Гарасимъ всегда носилъ съ собой на поясѣ . Онъ не любилъ , чтобы къ нему ходили .

Такъ прошелъ годъ , по окончаніи котораго съ Гарасимомъ случилось небольшое происшествіе .

Старая барыня , у которой онъ жилъ въ дворникахъ , во всемъ слѣдовала древнимъ обычаямъ и прислугу держала многочисленную : въ домѣ у ней находились не только прачка , швеи , столяры , портные и портнихи , былъ даже одинъ шорникъ , онъ же считался ветеринарнымъ врачомъ и лекаремъ для людей , былъ домашній лекаръ для госпожи , былъ наконецъ одинъ

башмачникъ , по имени Капитонъ Климовъ , пьяница горькій. Климовъ почиталъ себя существомъ обиженнымъ и неопѣненнымъ по достоинству, человѣкомъ образованнымъ и столичнымъ , которому не въ Москвѣ было жить , безъ дѣла , въ какомъ нибудь захоластьѣ , и если пилъ , какъ онъ самъ выражался , съ разстановкой и стуча себя въ грудь , то пилъ уже именно съ горя. Вотъ зашла однажды о немъ рѣчь у барыни съ ея главнымъ дворецкимъ , Гаврилой , человѣкомъ , которому, судя по однимъ его желтымъ глазкамъ и утиному носу, сама судьба, казалось, опредѣлила быть дворецкимъ. Барыня сожалѣла объ испорченной нравственности Капитона , котораго накануне только что отыскиали гдѣ-то на улицѣ.

— А что, Гаврило, заговорила вдругъ она : — не женить ли намъ его, какъ ты думаешь? Можетъ, онъ остепенится.

— Отчего же не женить-съ ! можно-съ , отвѣтилъ Гаврило : — и очень даже будетъ хорошо-съ.

— Да ; только ктожь за него пойдетъ ?

— Конечно-съ. А, впрочемъ , какъ вамъ будетъ угодно-съ. Все же онъ , такъ сказать , на что нибудь можетъ быть потребенъ ; изъ десятка его не выкинешь.

— Кажется, ему Татьяна нравится ?

Гаврило хотѣлъ было что-то возразить, да сжалъ губы.

— Да!... пусть посватаетъ Татьяну, рѣшила барыня , съ удовольствіемъ понюхивая табачокъ : — слышишь ?

— Слушаю-съ, произнесъ Гаврило и удалился.

Возвратясь въ свою комнату (она находилась во флигелѣ и была почти вся загромождена коваными сундуками), Гаврило сперва выслалъ вонъ свою жену, а потомъ подсѣлъ къ окну и задумался. Неожиданное распоряженіе барыни его видимо озадачило. Наконецъ онъ всталъ и велѣлъ кликнуть Капитона. Капитонъ явился.... Но прежде, чѣмъ мы передадимъ читателямъ ихъ разговоръ , считаемъ не лишнимъ рассказать въ немногихъ словахъ , кто была эта Татьяна , на которой приходилось Капитону жениться , и почему повелѣніе барыни смутило дворецкого.

Татьяна, состоявшая, какъ мы сказали выше, въ должности прачки (впрочемъ, ей, какъ искусной и ученой прачкѣ, поручалось одмо тонкое бѣлье), была женщина лѣтъ двадцати-осьми, маленькая, худая, бѣлокурая, съ родинками на лѣвой щекѣ.

Родники на лѣвой щекѣ считаются на Руси худой примѣтой — предвѣщаніемъ несчастной жизни.... Татьяна не могла похвалиться своей участью. Съ ранней молодости ее держали въ черномъ дѣлѣ, работала она за двоихъ, а ласки никакой никогда не видала; одѣвали ее плохо, жалованье она получала самое маленькое; родни у ней все равно что не было: одинъ какой-то старый ключникъ, оставленный за негодностью въ деревнѣ, доводился ей дядей, да другіе дядья у ней въ мужикахъ состояли, — вотъ и все. Когда-то она слыла красавицей, но красота съ нея очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смирнаго, или, лучше сказать, запуганнаго; къ самой себѣ она чувствовала полное равнодушіе, другихъ — боялась смертельно; думала только о томъ, какъ бы работу къ сроку кончить, никогда ни съ кѣмъ не говорила и трепетала при одномъ имени барыни, хотя та ее почти въ глаза не знала. Когда Гарасима привезли въ деревню, она чуть не обмерла отъ ужаса при видѣ его громадной фигуры, всячески старалась не встрѣчаться съ нимъ, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробѣгать мимо него, слѣша изъ дома въ прачешную. Гарасимъ сперва не обращалъ на нее особеннаго вниманія, потомъ сталъ посмѣиваться, когда она ему попадалась, потомъ и заглядываться на нее началъ, наконецъ и вовсе глазъ съ нея не спускалъ. Полюбилась она ему: кроткимъ ли выраженіемъ лица, робостью ли движеній — Богъ его знаетъ! Вотъ, однажды, пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренныхъ пальцахъ накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдругъ сильно схватилъ ее за локоть; она обернулась и такъ и вскрикнула: за ней стоялъ Гарасимъ. Глупо смѣясь и ласково мыча, протягивалъ онъ ей пряничнаго пѣтушка, съ сусальнымъ золотомъ на хвостѣ и крыльяхъ. Она было хотѣла отказаться, но онъ насильно впихнулъ ей пряникъ въ руку, покачалъ головой, пошелъ прочь и, обернувшись, еще разъ промычалъ ей что-то очень дружелюбное. Съ того дня онъ ужъ ей не давалъ покоя: куда, бывало, она ни пойдетъ, онъ ужъ тутъ какъ тутъ, идетъ ей на встрѣчу, улыбается, мычитъ, махаетъ руками, ленту вдругъ вытащить изъ за пазухи и всучить ей, метлой передъ ней пыль разчистить. Бѣдная дѣвка просто не знала, какъ ей быть и что дѣлать. Скоро весь домъ узналъ о продѣлкахъ нѣмого дворника; насмѣшки, прибауточки, комкія словечки посыпались на Татья-

ну. Надъ Гарасимомъ, однако, глумиться не всё рѣшались: онъ шутокъ не любилъ; да и ее при немъ оставляли въ покоѣ. Рада не рада, а поцала дѣвка подъ его покровительство. Какъ всё глухо-нѣмые, онъ очень былъ догадливъ и очень хорошо понималъ, когда надъ нимъ или надъ ней смѣялись. Однажды за обѣдомъ, кастелянша, начальница Татьяны, принялась ее, какъ говорится, шпынять и до того ее довела, что та, бѣдная, не знала куда глаза дѣть и чуть не плакала съ досады. Гарасимъ вдругъ приподнялся, протянулъ свою огромную ручищу, наложилъ ее на голову кастелянши и съ такой угрюмой свирѣпостью посмотрѣлъ ей въ лицо, что та такъ и пригнулась сама къ столу. Всё умолкло. Гарасимъ снова взялся за ложку и продолжалъ хлѣбать щи. «Вишь глухой чортъ, лѣшій!» пробормотали всё въ полголоса, а кастелянша встала да ушла въ дѣвичью. А то, въ другой разъ, замѣтивъ, что Капитонъ, тотъ самый Капитонъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, какъ-то слишкомъ любезно раскалякался съ Татьяной, Гарасимъ подозвалъ его къ себѣ пальцемъ, отвелъ въ каретный сарай да, ухвативъ за конецъ стелавшаго въ углу дышло, слегка, но многозначительно погрозила ему имъ. Съ тѣхъ поръ ужъ никто не заговаривалъ съ Татьяной. И все это ему сходило съ рукъ. Правда, кастелянша, какъ только приближала въ дѣвичью, тотчасъ упала въ обморокъ и вообще такъ искусно дѣйствовала, что въ тотъ же день довела до свѣдѣнія барыни грубый поступокъ Гарасима; но причудливая старуха только разсмѣялась, нѣсколько разъ, къ крайнему оскорбленію кастелянши, заставила ее повторить, какъ дескать онъ принагнулъ тебя своей тяжелой ручкой, и на другой день выслала Гарасиму цѣлковій. Она его жаловала, какъ вѣрнаго и сильнаго сторожа. Гарасимъ порядкомъ ее побаивался, но все-таки надѣялся на ея милость и собирался уже отправиться къ ней съ просьбой, не позволить ли она ему жениться на Татьянѣ. Онъ только ждалъ новаго кафтана, обѣщаннаго ему дворецкимъ, чтобъ въ приличномъ видѣ явиться передъ барыней, какъ вдругъ этой самой барынѣ пришла въ голову мысль выдать Татьяну за Капитона.

Читатель теперь легко самъ пойметъ причину смущенія, овладѣвшаго дворецкимъ Гаврилой послѣ разговора съ госпожей. «Госпожа — думалъ онъ, посиживая у окна — конечно, жалуется Гарасима (Гаврилъ хорошо-это было извѣстно и оттого

онъ самъ ему потанилъ), все же онъ существо безеловесное; не доложить же господамъ, что вотъ Гарасимъ, молъ, за Татьяной улаживаетъ. Да и наконецъ оно и справедливо, какой онъ мужъ? А съ другой стороны, стоитъ этому, прости Господи; лѣшему узнать, что Татьяну выдаютъ за Капитона, вѣдь онъ все въ домѣ переломаетъ, ей-ей. Вѣдь съ нимъ не столкнешь; вѣдь его, чорта эдакаго, согрѣшилъ я грѣшный, никакимъ способомъ не уломаешь.... Право....»

Появленіе Капитона прервало нить гаврилинныхъ размышленій. Легкомысленный башиачникъ вошелъ, закинулъ руки назадъ и, равнодушно прелеваясь къ выдающемуся углу стѣны подлѣ двери, поставилъ правую ножку крестообразно передъ лѣвой и встрахнулъ головой. Вотъ, молъ, я. Чего вамъ нужно?

Гаврило посмотрѣлъ на Капитона и застучалъ пальцами по косяку окна. Капитонъ только прищурилъ немного свои оловянные глазки, но не опустилъ ихъ, даже усмѣхнулся слегка и провелъ рукой по своимъ блесоватымъ волосамъ, которые такъ и ерошились во все стороны. Ну, да я, молъ, я. Чего глядишь?

— Хорошъ, говорилъ Гаврило и помолчалъ. — Хорошъ, нѣчего сказать!

Капитонъ только плечиками передернулъ. «А ты небось лучше?» подумалъ онъ про себя.

— Ну, посмотри на себя, ну, посмотри, продолжалъ, съ укоризной, Гаврило: — ну, на кого ты похожъ?

Капитонъ окинулъ спокойнымъ взоромъ свой истасканный и оборванный сюртукъ, свои заплатанные панталоны, съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ онъ свои дырявые сапоги, особенно тотъ, объ носокъ котораго такъ щеголевато опиралась его правая ножка, и снова посмотрѣлъ на дворецкаго.

— А что-съ?

— Что-съ? повторилъ Гаврило. — Что-съ? Еще ты говоришь: что-съ? На чорта ты похожъ, согрѣшилъ я грѣшный, вотъ на кого ты похожъ.

Капитонъ поворотно замигалъ глазами.

«Ругайтесь, молъ, ругайтесь, Гаврило Андреечъ», подумалъ онъ опять про себя.

— Вѣдь вотъ ты опять пьянъ былъ, началъ Гаврило: — вѣдь опять? А? ну, отвѣчай же.

— По слабости здоровья спиртными напитками подвергался дѣйствительно, возразилъ Капитонъ.

— По слабости здоровья!... Мало тебя наказываютъ — вотъ что. А въ Питерѣ еще былъ въ ученьи... Многому ты выучился въ ученьи. Только хлѣбъ даромъ ѣшь.

— Въ этомъ случаѣ, Гаврило Андреечъ, одинъ мнѣ судья: Самъ Господь Богъ, и больше никого. Тотъ одинъ знаетъ, каковъ я человекъ на семь свѣтѣхъ суть и точно ли даромъ хлѣбъ свой ѣмъ. А что касается, въ соображеніи, до пьянства, то въ этомъ случаѣ виноватъ не я, а болѣе одинъ товарищъ; самъ же меня онъ сманулъ, да и сполитиковалъ, ушелъ, то есть, а я....

— А ты остался, гусь, на улицѣ. Ахъ, ты забубенный человекъ! Ну, да дѣло не въ томъ, продолжалъ дворецкій: — а вотъ что. Барыня... тутъ онъ помолчалъ: — барыня угодно, чтобъ ты женился. Слышишь? Онѣ полагаютъ, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

— Какъ не понимать-сь.

— Ну, да. По моему, лучше бы тебя хорошенько въ руки взять. Ну, да это ужъ ихъ дѣло. Чтожь? ты согласенъ?

Капитонъ ослабился.

— Женитьба — дѣло хорошее для человека, Гаврило Андреечъ; и я, съ своей стороны, съ очень моимъ пріятнымъ удовольствіемъ.

— Ну, да, возразилъ Гаврило и подумалъ про себя: — нѣчего сказать, аккуратно говоритъ человекъ. — Только вотъ что, продолжалъ онъ вслухъ: — невѣсту-то тебѣ прискали неладную.

— А какую, позвольте полюбопытствовать....

— Татьяну.

— Татьяну....

И Капитонъ вытаращилъ глаза и отдѣлился отъ стѣны.

— Ну, чего жъ ты всполохнулся?... Развѣ она тебѣ не по нраву?

— Какое не по нраву, Гаврило Андреечъ! дѣвка она ничего, работница, смирная дѣвка.... Да вѣдь вы сами знаете, Гаврило Андреечъ, вѣдь тотъ-то, лѣшій, кикимора-то степная, вѣдь онъ за ней....

— Знаю, братъ, все знаю, съ досадой прервалъ его дворецкій: — да вѣдь....

— Да пошлуйте, Гаврило Андрейчъ! вѣдь онъ меня убьетъ, ей-Богу, убьетъ, какъ муху какуюнибудь прихлопнетъ; вѣдь у него рука, вѣдь вы извольте посмотрѣть, что у него за рука, вѣдь у него, просто, Минина и Пожарскаго рука. Вѣдь онъ, глухой, бьетъ и не слышитъ какъ бьетъ! Словно во снѣ кулачищами-то махаетъ. И унять его нѣтъ никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврило Андрейчъ, онъ глухъ и, въ добаву, глупъ какъ пятакъ. Вѣдь это какой-то звѣрь, идолъ, Гаврило Андрейчъ,— хуже идола.... осина кака-то: за чтѣ же я теперь отъ него страдать долженъ? Конечно, мнѣ ужъ теперь все ни почемъ: обдержался, обтерпѣлся человѣкъ, обмаслился какъ коломенскій горшокъ, — все же я, однако, человѣкъ, а не какойнибудь въ самомъ дѣлѣ ничтожный горшокъ.

— Знаю, знаю, не расписывай....

— Господи Боже мой! съ жаромъ продолжалъ башмачникъ: — когда же конецъ? когда, Господи! Горемыка я, горемыка невсходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумаетъ! Въ младыхъ лѣтахъ былъ я битъ черезъ нѣмца хозяина, въ лучшей суставъ жизни моей битъ отъ своего же брата, наконецъ въ зрѣлые годы вотъ до чего дослужился....

— Эхъ ты, мочальная душа, проговорилъ Гаврило. — Чего распространяешься, право!

— Какъ чего, Гаврило Андрейчъ! Не побоевъ я боюсь, Гаврило Андрейчъ. Накажи меня господинъ въ стѣнахъ, да подай мнѣ при людяхъ привѣтствіе, и все я въ числѣ человѣковъ, а тутъ вѣдь отъ кого прихочется....

— Ну, пошелъ вонъ, нетерпѣливо перебилъ его Гаврило.

Климовъ отвернулся и поплелся вонъ.

— А положимъ, его бы не было, крикнулъ ему во слѣдъ дворецкій: — ты-то самъ согласенъ?

— Изъявляю, возразилъ Капитонъ и удалился.

Краснорѣчіе не покидало его даже въ крайнихъ случаяхъ.

Дворецкій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ну, позовите теперь Татьяну, промолвилъ онъ наконецъ.

Черезъ нѣсколько мгновений Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

— Чтѣ прикажете, Гаврило Андрейчъ? проговорила она тихимъ голосомъ.

Дворецкій пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ну, промолвилъ онъ : — Танюша , хочешь замужь итти ? барыня тебѣ жениха сыскала.

— Слушаю, Гаврило Андрейчъ. А кого онѣ мнѣ въ женихи назначаютъ ? прибавила она , съ верѣшительностью.

— Климова, башмачника.

— Слушаю-съ.

— Онъ легкомысленный человѣкъ, — это точно. Но гдѣспожа въ этомъ случаѣ на тебя надѣется.

— Слушаю-съ.

— Одна бѣда.... вѣдь этотъ глухарь-то, Гарасьяна, онъ вѣдь за тобой ухаживаетъ. И чѣмъ ты этого медвѣдя къ себѣ приворожила? А вѣдь онъ убьетъ тебя, пожалуй, медвѣдь эдакой.

— Убьетъ, Гаврило Андрейчъ, безпремѣнно убьетъ.

— Убьетъ.... Ну, это мы увидимъ. Какъ это ты говоришь : убьетъ. Развѣ онъ имѣетъ право тебя убивать, посуди сама.

— А не знаю, Гаврило Андрейчъ, имѣетъ ли, нѣтъ ли.

— Экая! вѣдь ты ему эдакъ ничего не обѣщала....

— Чего изволите-съ?

Дворецкій помолчалъ и подумалъ :

— Безотвѣтная ты душа ! — Ну, хорошо, прибавилъ онъ : — мы еще поговоримъ съ тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолку и ушла.

А, можетъ быть, барыня-то завтра и забудетъ объ этой свадьбѣ — подумалъ дворецкій — я-то изъ чего растревожился? Озорника-то этого мы скрутимъ; коли что, въ полицію знать дадимъ.... — Устинья Федоровна! крикнулъ онъ громкимъ голосомъ своей женѣ : — наставьте-ка самоварчикъ, моя почтенная....

Татьяна почти весь тотъ день не выходила изъ прачешной. Сперва она всплакнула, потомъ утерла слезы и принялась по прежнему за работу. Капитонъ до самой поздней ночи просидѣлъ въ заведеніи съ какимъ-то пріятелемъ мрачнаго вида и подробно ему рассказывалъ, какъ онъ въ Питерѣ проживалъ у одного барина, который всѣмъ бы взялъ да за-порядками былъ наблюдателемъ и притомъ одной ошибкой маленечко произволялся : хмѣлемъ гораздо забиралъ, а что до женскаго пола, просто во всѣ качества доходилъ... Мрачный товарищъ только ему подкидывалъ; но когда Капитонъ объявилъ наконецъ, что онъ, по

одному случаю, долженъ завтра же руку на себя положить, иранный товарищъ замѣтилъ, что пора спать. И они разошлись грубо и молча.

Между тѣмъ ожиданіи дворецкаго не сбылись. Барыню такъ заняла мысль о капитановой свадьбѣ, что она даже ночью только объ этомъ разговаривала съ одной изъ своихъ компаньенокъ, которая держалась у ней въ домѣ единственно на случай бессоницы и какъ ночной извозчикъ спала днемъ. Когда Гаврило вошелъ къ ней послѣ чаю съ докладомъ, первымъ ея вопросомъ было: а что наша свадьба, и деть? Онъ, разумѣется, отвѣчалъ, что и деть какъ нельзя лучше, и что Капитанъ сегодня же къ ней явится съ поклономъ. Барыня что-то не здоровилось; она недолго занималась дѣлами. Дворецкій возвратился къ себѣ въ комнату и созвалъ совѣтъ. Дѣло точно требовало особеннаго обсужденія. Татьяна не преклословила, конечно, но Капитанъ объявлялъ во всеуслышаніе, что у него одна голова, а не двѣ и не три.... Гарасимъ сурово и быстро на всѣхъ поглядывалъ, не отходя отъ дѣвничьего крыльца и, казалось, догадывался, что затѣвается что-то для него недоброе. Собравшіеся (въ числѣ ихъ присутствовалъ старый буфетчикъ, по прозвищу Дядя Хвостъ, къ которому всѣ съ почтеньемъ обращались за совѣтомъ, хотя только и слышали отъ него, что: вотъ оно какъ, да: да, да, да), — начали съ того, что на всякій случай для безопасности заперли Капитана въ чуланчикъ съ водочистительной машиной и принялись думать ирѣпкую думу. Конечно, легко было прибѣгнуть къ силѣ; но Боже сохрани! вылететь шумъ, барыня обезножится — бѣда! Какъ быть? Думали, думали и выдумали наконецъ. Неоднократно было замѣчено, что Гарасимъ терпѣть не могъ пьяницъ.... Сидя за воротами, онъ всякій разъ, бывало, съ негодованіемъ отворачивался, когда мимо его невѣрными шагами и съ козырькомъ фуражки на ухѣ проходилъ какойнибудь нагруженный чело-вѣкъ. Рѣшили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмѣльной и прошла бы пошатываясь и покачиваясь мимо Гарасима. Бѣдная дѣвка долго не соглашалась, но ее уговорили; притомъ она сама видѣла, что иначе она не отдѣлается отъ своего обожателя. Она пошла. Капитана выпустили изъ чуланчика: дѣло все-таки до него касалось. Гарасимъ сидѣлъ на тумбочкѣ у

воротъ и тыкалаъ лопатой въ землю... Изъ за всѣхъ угловъ, изъ подъ шторъ за окнами глядѣли на него....

Хитрость удалась какъ нельзя лучше. Увидѣвъ Татьяну, онъ сперва, по обыкновенію, съ ласковымъ мычаньемъ закивалъ головой; потомъ взглянулъся, уронилъ лопату, вскочилъ, подошелъ къ ней, придвинулъ свое лицо къ самому ея лицу.... Она отъ страха еще болѣе зашаталась и закрыла глаза.... Онъ схватилъ ее за руку, помчалъ черезъ весь дворъ и, войдя съ нею въ комнату, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, толкнулъ ее прямо къ Капитону. Татьяна такъ и обмерла... Гарасимъ постоялъ, поглядѣлъ на нее, махнулъ рукой, усмѣхнулся и пошелъ, тяжело ступая, въ свою комнату. Цѣлые сутки не выходилъ онъ оттуда. Форейторъ Антипка сказывалъ потомъ, что онъ сквозь щелку видѣлъ, будто Гарасимъ, сидя на кровати и приложивъ къ щеки руку, тихо, мѣрно и только изрѣдка мыча—пѣлъ, т. е. покачивался, закрывалъ глаза и встряхивалъ головой, какъ ямщики или бурлаки, когда они затягиваютъ свои заунывные пѣсни. Антипкѣ стало жутко, и онъ отошелъ отъ щели. Когда же на другой день Гарасимъ вышелъ изъ комнаты, въ немъ особенной перемены нельзя было замѣтить. Онъ только сталъ какъ будто поугрюмѣе, а на Татьяну и на Капитона не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Въ тотъ же вечеръ они оба съ гусями подъ мышкой отправились къ барынѣ, и черезъ недѣлю женились. Въ самый день свадьбы Гарасимъ не измѣнилъ своего поведенія ни въ чемъ; только съ рѣвки онъ пріѣхалъ безъ воды: онъ какъ-то на дорогѣ разбилъ бочку; а на ночь въ конюшнѣ онъ такъ усердно чистилъ и теръ свою лошадь, что та шаталась какъ былинка на вѣтру и переваливалась съ ноги на ногу подъ его желѣзными кулаками.

Все это происходило весною. Прошелъ еще годъ, въ теченіе котораго Капитонъ окончательно спидся съ кругомъ и, какъ человекъ, рѣшительно никуда не годный, былъ отправленъ съ обозомъ въ дальнюю деревню, вмѣстѣ съ своей женой. Въ день отъѣзда онъ сперва очень храбрился и увѣрялъ, что куда его ни пошли, хоть туда, гдѣ бабы рубахи моютъ да вальки на небо кладутъ, онъ все не пропадетъ, — но потомъ упалъ духомъ, сталъ жаловаться, что его везутъ къ необразованнымъ людямъ, и такъ ослабѣлъ наконецъ, что даже собственную шапку на себя надѣть не могъ; какая-то сострадательная

душа надвинула ее ему на лобъ, поправила козырекъ и сверху ее прихлопнула. Когда же все было готово и мужики уже держали возжи въ рукахъ и ждали только словъ: «съ Богомъ!» Гарасимъ вышелъ изъ своей коморки, приблизился къ Татьянѣ и подарилъ ей на память краснѣй, бумажный платокъ, купленный имъ для нея же съ годъ тому назадъ. Татьяна, съ великимъ равнодушіемъ переносившая до того мгновенія всѣ превратности своей жизни, тутъ, однако, не вытерпѣла, прослезилась и, садясь въ телѣгу, по христіански три раза поцаловалась съ Гарасимомъ. Онъ хотѣлъ проводить ее до заставы и пошелъ сперва рядомъ съ ея телѣгой, но вдругъ остановился на Крымскомъ броду, махнулъ рукой и отправился вдоль рѣки.

Дѣло было къ вечеру.... Онъ шелъ тихо и глядѣлъ на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самого берега. Онъ нагнулся и увидѣлъ небольшого щенка, бѣлаго съ черными пятнами, который, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ вылѣзть изъ воды, бился, скользилъ и дрожалъ всѣмъ своимъ мокренькимъ и худенькимъ тѣломъ. Гарасимъ поглядѣлъ на несчастную собаченку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ себѣ въ пазуху и пустился большими шагами домой. Онъ вошелъ въ свою коморку, уложилъ спасеннаго щенка на кровати, прикрылъ его своимъ тяжелымъ армякомъ, сбѣгалъ сперва въ конюшню за соломой, потомъ въ кухню за чашечкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разостлавъ солому, поставилъ онъ молоко на кровать. Бѣдной собаченкѣ было всего недѣли три, глаза у ней прорѣзались недавно; одинъ глазъ даже казался нѣмножко больше другого; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и щурилась.... Гарасимъ взялъ ее легонько двумя пальцами за голову и принагнулъ ея мордочку къ молоку. Собачка вдругъ начала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Гарасимъ глядѣлъ, глядѣлъ да какъ засмѣется вдругъ.... Всю ночь онъ возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ и заснулъ наконецъ самъ возлѣ нея какимъ-то радостнымъ и тихимъ сномъ.

Ни одна мать такъ не ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживалъ Гарасимъ за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тшедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась, а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ своего спа-

сителя, превратилась въ очень ладную собачку испанской породы, съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ въ видѣ трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась къ Гарасиму и не отставала отъ него ни на шагъ, все ходила за нимъ, поваливая хвостикомъ. Онъ и кличку ей далъ — гнѣмые знаютъ, что мычанье ихъ обращаетъ на себя вниманіе другихъ — онъ назвалъ ее Муму. Все люди въ домѣ ее полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, во всемъ ласкалась, но любила одного Гарасима. Гарасимъ самъ ее любилъ безъ памяти... и ему было непріятно, когда другіе ее гладили: боялся онъ что ли за нее, ревновалъ ли онъ къ ней — Богъ вѣсть! Она его будила по утрамъ, дергая его за полу, приводила къ нему за поводъ старую водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ, съ важностью на лицѣ отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала къ его коморкѣ. Онъ нарочно для нея прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, и она какъ будто чувствовала, что только въ гарасимовой коморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ съ довольнымъ видомъ вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору, какъ иная глупая дворняшка, которая, сидя на заднихъ лапахъ и поднявъ морду и зажмуривъ глаза, лаетъ просто отъ скуки, такъ, на звѣзды и обыкновенно три раза сряду: нѣтъ! тонкій голосокъ Мумуни никогда не раздавался даромъ: либо чужой баяно подходилъ къ забору, либо гдѣ нибудь поднимался полозрительный шумъ или шорохъ.... Словомъ, она сторожила отлично. Правда, былъ еще кромѣ ея на дворѣ старыи песъ, желтаго цвѣта, съ бурными крапинами, по имени Волчокъ, но того никогда даже ночью не спускали съ цѣпи, да и онъ самъ, по дряхлости своей, вовсе не требовалъ свободы — лежалъ себѣ свернувшись въ своей комурѣ и лишь нарѣдка издавалъ сильный, почти беззвучный лай, который тотчасъ же прекращалъ, какъ бы самъ чувствуя всю его бесполезность. Въ господскій домъ Муму не ходила и, когда Гарасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась назад и нетерпѣливо его выжидала у крыльца, шавостригъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ назадъ, при малѣйшемъ стукѣ за дверями....

Такъ прошелъ еще годъ. Гарасимъ продолжалъ свои дворническія занятія и очень былъ доволенъ своей судьбой, какъ

вдругъ произошло одно неожиданное обстоятельство... именно: въ одинъ прекрасный лѣтній день, барыня съ своими приживалками расказывала по гостиной. Она была въ духѣ, смѣялась и шутила; приживалки смѣялись и шутили тоже, но особенной радости онѣ не чувствовали: въ душѣ не очень-то любили, когда на барыню находилъ веселый часъ, потому что, во первыхъ, она тогда требовала отъ всѣхъ немедленнаго и полнаго еочувствія и есрадилась, если у кого набудь лицо не сіяло удовольствіемъ, а во вторыхъ, эти вспышки у ней продолжались долго и обыкновенно замѣнялись мрачнымъ и кислымъ расположеніемъ духа. Въ тотъ день она какъ-то счастливо встала; на картахъ ей вышло четыре валета: исполненіе желаній (она всегда гадала по утрамъ), — и чай ей показался особенно вкуснымъ, за что горничная получила на словахъ похвалу и деньгами гризаникъ. Съ сладкой улыбкой на сморщенныхъ губахъ гуляла барыня по гостиной и подошла къ окну. Передъ окномъ былъ разбитъ палисадникъ, и на самой средней клумбѣ, подъ розовымъ кусточкомъ, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидала ее.

— Боже мой! воскликнула она вдругъ: — что это за собака?

Приживалка, къ которой обратилась барыня, замѣталась, бѣдненькая, съ тѣмъ тоскливымъ безпокойствомъ, которое обыкновенно овладѣваетъ подвластнымъ человѣкомъ, когда онъ еще не знаетъ хорошенько, какъ ему понять восклицаніе начальника.

— Н...н...е знаю-съ, пробормотала она: — кажется, нѣмого....

— Боже мой! прервала ее барыня: — да она премиленькая собачка! велите ее привести. Давно она у него? Какже я это ее не видала до сихъ поръ?... Велите ее привести.

Приживалка тотчасъ порхнула въ переднюю.

— Человѣкъ, человѣкъ! закричала она: — приведите поскорѣй Муму! Она въ палисадникѣ.

— А, ее Муму зовутъ, промолвила барыня: — очень хорошее имя.

— Ахъ, оченъ-съ! возразила приживалка. — Скорѣй, Степанъ!

Степанъ, дюжій парень, состоявшій въ должности лакея, бросился сломя голову въ палисадникъ и хотѣлъ было схватить Муму, но та ловко вывернулась изъ подъ его пальцевъ и, поднявъ хвостъ, пустилась во всѣ лопатки къ Гарасиму, который въ то время у кухни выколачивалъ и вытряхивалъ бочку, перевертывая ее въ рукахъ какъ дѣтскій барабанъ. Степанъ побѣждалъ за ней вслѣдъ, началъ ловить ее у самыхъ ногъ ея хозяина; но проворная собачка не давалась чужому въ руки, прыгала и увертывалась. Гарасимъ смотрѣлъ съ усмѣшкой на всю эту возню; наконецъ Степанъ съ досадой приподнялся и поспѣшно растолковалъ ему знаками, что барыня, молъ, требуетъ твою собаку къ себѣ. Гарасимъ немного изумился, однако подовалъ Муму, поднялъ ее съ земли и передалъ Степану. Степанъ принесъ ее въ гостиную и поставилъ на паркетъ. Барыня начала ее ласковымъ голосомъ подзывать къ себѣ. Муму, отъ роду еще не бывавшая въ такихъ великолѣпныхъ покояхъ, очень испугалась и бросилась было къ двери, но, оттолкнутая услужливымъ Степаномъ, задрожала и прижалась къ стѣнѣ.

— Муму, Муму, подойди же ко мнѣ, подойди къ барынѣ, говорила госпожа: — подойди, глупенькая.... не бойсь....

— Подойди, подойди, Муму, къ барынѣ, твердили приживалки: — подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругомъ и не трогалась съ мѣста.

— Принесите ей чегонибудь поѣсть, сказала барыня. — Какая она глупая! къ барынѣ нейдетъ. Чего боится?

— Онѣ не привыкли еще, произнесла робкимъ и умильнымъ голосомъ одна изъ приживалокъ.

Степанъ принесъ блюдечко съ молокомъ, поставилъ передъ Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась по прежнему.

— Ахъ, какая же ты! промолвила барыня, подходя къ ней, нагнулась и хотѣла погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. — Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчаніе. Муму слабо визгнула, какъ бы жадуясь и извиняясь.... Барыня отошла и захмурилась. Внезапное движеніе собаки ее испугало.

— Ахъ! закричали разомъ всѣ приживалки: — не укусила ли она васъ, сохрани Богъ! (Муму въ жизнь свою никого никогда не укусила): — ахъ, ахъ!

— Отнести ее вонъ, проговорила измѣнившимся голосомъ старуха. — Скверная собаченка! какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она въ свой кабинетъ. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остановилась, холодно посмотрѣла на нихъ, промолвила: «Зачѣмъ это? вѣдь я васъ не зову», и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тотъ подхватилъ Муму и выбросилъ ее поскорѣй за дверь, прямо къ ногамъ Гарасима — а черезъ полчаса въ домъ уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидѣла на своемъ диванѣ мрачнѣе грозовой тучи.

Какія бездѣлицы, подумаешь, могутъ иногда разстроить человѣка!

До самого вечера барыня была не въ духѣ, ни съ кѣмъ не разговаривала, не играла въ карты и ночь дурно провела. Вздумала, что о-де-колонъ ей подали не тотъ, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнетъ мыломъ, и заставила кастеляншу все бѣлье перенюхать, — словомъ, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велѣла позвать Гаврилу часомъ ранѣе обыкновеннаго.

— Скажи, пожалуста, начала она, какъ только тотъ, не безъ нѣкотораго внутренняго лепетанія, переступилъ порогъ ея кабинета: — чтó это за собака у насъ на дворѣ всю ночь лаяла? мнѣ спать не дала!

— Собака-съ... какая-съ... можетъ быть, нѣмого собака-съ, произнесъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Не знаю, нѣмого ли, другого ли кого, только спать мнѣ не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собакъ! Желая знать? Вѣдь есть у насъ дворная собака?

— Какже-съ, есть-съ. Волчокъ-съ.

— Ну чего еще, на чтó намъ еще собака? Только одни безпорядки заводить. Старшаго нѣтъ въ домѣ— вотъ чтó. И на что нѣмому собака? Кто ему позволилъ собакъ у меня на дворѣ держать? Вчера я подошла къ окну, а она въ палисадникѣ лежитъ, какую-то мерзость притащила, грызетъ, — а у меня тамъ розы посажены....

Барыня помолчала.

— Чтобъ ей сегодня же здѣсь не было.... слышишь?

— Слушаю-съ.

— Сегодня же. А теперь ступай. Къ докладу я тебя потомъ позову.

Гаврило вышелъ.

Проходя черезъ гостиную, дворецкій для порядка переставилъ колокольчикъ съ одного стола на другой, въ тихомолочку высморкалъ въ залѣ свой утиный носъ и вошелъ въ переднюю. Въ передней на коникѣ спалъ Степанъ, въ положении убитаго воина на батальной картинѣ, судорожно вытянувъ обнаженные ноги изъ подъ скюртука, служившаго ему замѣсто одѣяла. Дворецкій растолкалъ его и въ полголоса сообщилъ ему какое-то приказаніе, на которое Степанъ отвѣчалъ полу-вѣскомъ, полу-хохотомъ. Дворецкій удался, а Степанъ вскочилъ, натянулъ на себя кафтанъ и сапоги, вышелъ и остановился у крыльца. Не прошло пяти минутъ, какъ появился Гарасимъ съ огромной вязанкой дровъ за спиной, въ сопровожденіи неразлучной Муму. Барыня свою спальню и кабинетъ приказывала протаскивать даже лѣтомъ. Гарасимъ сталъ бокомъ передъ дверью, толкнулъ ее плечомъ и ввалился въ домъ съ своей ношей, а Муму, по обыкновенію, осталась его дожидаться. Тогда Степанъ, увидевъ удобное мгновеніе, внезапно бросился на нее, какъ коршунъ на цыпленка, придавилъ ее грудью къ землѣ, сгрѣбъ въ охапку и, не надывъ даже картуза, выбѣжалъ съ нею на дворъ, сѣлъ на вервѣге повалившагося извозчика и поскакалъ въ Охотный Рядъ. Тамъ онъ скоро отъискалъ покупателя, которому уступилъ ее за полтинникъ, съ тѣмъ только, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ недѣлю продержалъ ее на привязи, и тотчасъ вернулся, но, не дожидая до дому, сѣлъ съ извозчика и, обойдя дворъ кругомъ, съ задняго переулка, черезъ заборъ перескочилъ на дворъ; въ калитку-то онъ побоялся идти, какъ бы не встрѣтить Гарасима. Впрочемъ, его безвокойство было напрасно: Гарасима уже не было на дворѣ. Выдя изъ дому, онъ тотчасъ хватился Муму; онъ еще не помнилъ, чтобъ она когданибудь не дождалась его возвращенія, сталъ повсюду бѣгать, искать ее, клянуть по своему... бросился въ свою коморку, на сѣновалъ, выскочилъ на улицу, — туда-сюда... Провала! Онъ обратился къ людямъ, съ самыми отчаянными знаками спрашивалъ о ней, показывая

на полъ-аршина отъ земли, рисовалъ ея руками... Иные точно не знали, куда дѣвалась Муму, и только головами качала, другіе знали и посмѣивались ему въ отвѣтъ, а дворецкій припалъ чрезвычайно важный видъ и началъ кричать на кучеровъ. Тогда Гарасимъ побѣжалъ со двора долой....

Уже смеркалось, какъ онъ вернулся. По его истомленному виду, по невѣрой походкѣ, по запыленной одеждѣ его, можно было предполагать, что онъ успѣлъ обѣжать полъ-Москвы. Онъ остановился противъ барскихъ оконъ, окинулъ взоромъ крыльцо, на которомъ столпилось человѣкъ семь дворовыхъ, отвернулся и промычалъ еще разъ: «Муму!» — Муму не отозвалась. Онъ пошелъ прочь. Всѣ посмѣтрѣли ему вслѣдъ, но никто не улыбнулся, не сказалъ слова.... а любопытный форейторъ Антика разсказывалъ на другое утро въ кухнѣ, что нѣмой-де всю ночь охалъ.

Весь слѣдующій день Гарасимъ не показывался, такъ что вмѣсто его за водой должникъ былъ съѣздить кучеръ Потапъ, чѣмъ кучеръ Потапъ очень остался недоволенъ. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли ея приказаніе. Гаврило отвѣчалъ, что исполнено. На другое утро Гарасимъ вышелъ изъ своей коморки и принялся за работу. Къ обѣду онъ врешелъ, поѣлъ и ушелъ опять, никому не поклонившись. Его лицо, и безъ того безжизненное, какъ у всѣхъ глухо-нѣмыхъ, теперь словно окаменѣло. Послѣ обѣда онъ опять уходилъ со двора, но не надолго, вернулся и тотчасъ отправился на сѣноваль. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и безпрестанно поворачиваясь, лежалъ Гарасимъ и вдругъ почувствовалъ, какъ будто его дергаютъ за полу; онъ весь затрепеталъ, однако не поднялъ головы, даже зажмурился; но вотъ опять его дернули, сильнѣе прежняго; онъ вскопился... передъ нимъ, съ обрывкомъ на шеѣ, вертѣлась Муму. Протяжный крикъ радости вырвался изъ его безмолвной груди; онъ схватилъ Муму, стиснулъ ее въ своихъ объятыхъ; она въ одно мгновеніе облизала ему носъ, глаза, усы и бороду... Онъ постоялъ, подумалъ, осторожно слѣзъ съ сѣнника, оглянулся и, удостовѣрившись, что никто его не увидитъ, благополучно пробрался въ свою коморку. Гарасимъ уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что ее должно быть свезли по приказанію барыни; люди-то ему объяснили знаками, какъ его Муму на нее окрысилась, и онъ

рѣшился принять свои мѣры. Сперва онъ накормилъ Муму хлѣбushкомъ, обласкалъ ее, уложилъ, потомъ началъ соображать, да всю ночь напролетъ и соображалъ, какъ бы получше ее спрятать. Наконецъ онъ придумалъ весь день оставлять ее въ коморкѣ и только изрѣдка къ ней навѣдываться, а ночью выводить. Отверстіе въ двери онъ плотно заткнулъ старымъ своимъ армякомъ и чуть свѣтъ былъ уже на дворѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лицѣ. Бѣдному глухому въ голову не могло притти, что Муму себя визгомъ своимъ выдастъ: дѣйствительно, всѣ въ домѣ скоро узнали, что собака нѣмого воротилась и сидитъ у него взаперти, но, изъ сожалѣнія къ нему и къ ней, а отчасти, можетъ быть, и изъ страху передъ нимъ, не давали ему понять, что провѣдали его тайну. Дворецкій одинъ почесалъ у себя въ затылкѣ да махнулъ рукой. «Ну, молю, Богъ съ нимъ! Авось до барыни не дойдетъ!» Зато никогда такъ нѣмой не усердствовалъ, какъ въ тотъ день: вычистилъ и выскребъ весь дворъ, выпололъ всѣ травки до единой, собственноручно повыдергалъ всѣ колушки въ заборѣ палисадика, чтобы удостовериться, довольно ли они крѣпки, и самъ же ихъ потомъ вколотилъ, — словомъ, возился и хлопоталъ такъ, что даже барыня обратила вниманіе на его радѣніе. Въ теченіе дня Гарасимъ раза два украдкой заходилъ къ своей затворницѣ; когда же наступила ночь, онъ легъ спать вмѣстѣ съ ней въ коморкѣ, а не на сѣновалѣ, и только во второмъ часу вышелъ погулять съ ней на чистомъ воздухѣ. Походивъ съ ней довольно долго по двору, онъ уже было собирался вернуться, какъ вдругъ за заборомъ, со стороны переулка, раздался шорохъ. Муму наостригла уши, зарычала, подошла къ забору, понюхала и залилась громкимъ и пронзительнымъ лаемъ. Какой-то пьяный человѣкъ вздумалъ тамъ угнѣздиться на ночь. Въ это самое время барыня только что засыпала послѣ продолжительнаго «нервическаго волненія»: эти волненія у ней всегда случались послѣ слишкомъ сытнаго ужина. Внезапный лай ее разбудилъ; сердце у ней забилося и замерло. «Дѣвки, дѣвки! простонала она. — Дѣвки!» Перепуганныя дѣвки вскочили къ ней въ спальню. «Охъ, охъ, умираю! проговорила она, тоскливо разводя руками. — Опять, опять эта собака!... Охъ, пошлите за докторомъ. Она меня убить хотятъ.... Собака, опять собака!

Охъ!» И она закинула голову назадъ , что́ должно было означать обморокъ. Бросились за докторомъ , т. е. за домашнимъ лекаремъ Харитоновъ. Этотъ лекарь , котораго все искусство состояло въ томъ , что онъ носилъ сапоги съ мягкими подошвами , умѣлъ деликатно браться за пульсъ , спалъ четырнадцать часовъ въ сутки , а остальное время все вздыхалъ да безпрестанно подчивалъ барыню лавро-вишневыми каплями , — этотъ лекарь тотчасъ прибѣжалъ , покуривъ жжеными перьями и , когда барыня открыла глаза , немедленно поднесъ ей на серебряномъ подносикѣ рюмку съ завѣтными каплями. Барыня приняла ихъ , но тотчасъ же слезливымъ голосомъ стала опять жаловаться на собаку , на Гаврилу , на свою участь , на то , что ее , бѣдную , старую женщину , всѣ бросили , что никто о ней не сожалѣетъ , что всѣ хотятъ ея смерти. Между тѣмъ несчастная Муму продолжала лаять , а Гарасимъ напрасно старался отозвать ее отъ забора. «Вотъ.... вотъ.... опять....» пролепетала барыня и снова подкатила глаза подъ лобъ. Лекарь шепнулъ дѣвкѣ , та бросилась въ переднюю , растолкала Степана , тотъ побѣжалъ будить Гаврилу , Гаврила сгоряча велѣлъ поднять весь домъ.

Гарасимъ обернулся , увидалъ замелькавшіе огни и тѣни въ окнахъ и , почувявъ сердцемъ бѣду , схватилъ Муму подъ мышку , вбѣжалъ въ комнату и заперся. Черезъ нѣсколько мгновений пять человекъ ломились въ его дверь , но , почувствовавъ сопротивленіе засова , остановились. Гаврило прибѣжалъ въ страшныхъ попыткахъ , приказалъ имъ всѣмъ оставаться тутъ до утра и караулить , а самъ потомъ ринулся въ дѣвичью и черезъ старшую компаньонку , Любовь Любимовну , съ которой вмѣстѣ кралъ и учитывалъ чай , сахаръ и прочую бакалію , велѣлъ доложить барынѣ , что собака , къ несчастью , опять откуда-то прибѣжала , но что завтра же ее въ-живыхъ не будетъ , и чтобы барыня сдѣлала милость не гнѣвалась и успокоилась. Барыня , вѣроятно , не такъ-то бы скоро успокоилась , да лекарь второпяхъ вмѣсто двѣнадцати капель налилъ цѣлыхъ сорокъ : сила лавро-вишенья и подѣйствовала — черезъ четверть часа барыня уже почивала крѣпко и мирно ; а Гарасимъ лежалъ , весь блѣдный , на своей кровати и сильно сжималъ пасть Муму.

На слѣдующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврило ожидалъ ея пробужденія , для того , чтобы дать приказъ къ рѣшительному натиску на гарасимово убѣжище , а самъ

готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа въ постели, барыня велѣла позвать къ себѣ старшую приживалку.

— Любовь Любимовна, начала она тихимъ и слабымъ голо-
сомъ : она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой
страдалицей ; нечего и говорить , что всѣмъ людямъ въ домѣ
становилось тогда очень неловко : — Любовь Любимовна , вы
видите, каково мое положеніе ; подите, душа моя , къ Гаврилѣ
Андрейчу, поговорите съ нимъ : неужели для него какая ни-
будь собаченка дороже спокойствія , самой жизни его барыни ?
Я бы не желала этому вѣрить , прибавила она , съ выраженіемъ
глубокаго чувства : — подите , душа моя , будьте такъ добры,
водите къ Гаврилѣ Андрейчу.

Любовь Любимовна отправилась въ гаврилину комнату. Не-
известно о чемъ происходилъ у нихъ разговоръ ; но спустя нѣ-
которое время цѣлая толпа людей подвигалась черезъ дворъ въ
направленіи коморки Гарасима : впереди выступалъ Гаврило,
придерживая рукою картузъ, хотя вѣтру не было : около него
шли лакеи и повара; изъ окна глядѣлъ Дядя Хвостъ и распоря-
жался, т. е. только такъ руками разводилъ; позади всѣхъ пры-
гали и кривлялись мальчишки , изъ которыхъ половина набѣ-
жала чужикъ. На узкой лѣстницѣ , ведущей къ коморкѣ , си-
дѣлъ одинъ караульщикъ; у двери стояли два другихъ, съ пал-
цами. Стали взбираться по лѣстницѣ , заняли ее во всю длину.
Гаврило подошелъ къ двери, стукнулъ въ нее кулакомъ, крик-
нулъ :

— Отвори.

Послышался сдавленный лай; но отвѣта не было.

— Говорятъ, отвори! повторилъ онъ.

— Да, Гаврило Андрейчъ, замѣтилъ снизу Степанъ : — вѣдь
онъ глухой — не слышитъ.

Всѣ засмѣялись.

— Какъ же быть? возразилъ сверху Гаврило.

— А у него тамъ дыра въ двери, отвѣчалъ Степанъ : — такъ
вы палкой-то пошевелите.

Гаврило нагнулся.

— Онъ ее армякомъ какимъ-то заткнулъ, дыру-то.

— А вы армякъ процихните внутрь.

Тутъ опять раздался глухой лай.

— Вишь, вишь, сама сказывается, заштыли въ толпѣ и опять разсмѣялись.

Гаврило вочесалъ у себя за ухомъ.

— Нѣтъ, братъ, продолжалъ онъ наконецъ: — армянъ-то ты пропихивай самъ, коли хочешь.

— А чтожь, извольте!

И Степанъ вскарабкался наверхъ, взявъ палку, просунулъ внутрь армякъ и началъ болтать въ отверстіи палкой, приговаривая: «выходи, выходи!» Онъ еще болталъ палкой, какъ вдругъ дверь коморки быстро распахнулась—вся челядь тотчасъ кубаремъ скатилась съ лѣстницы, Гаврило прежде всѣхъ. Дядя Хвостъ заверь окно.

— Ну, ну, ну, ну, кричалъ Гаврило со двора: — смотри у меня, смотри....

Гарасимъ неподвижно стоялъ на порогѣ. Толпа собралась у подножія лѣстницы. Гарасимъ глядѣлъ на всѣхъ этихъ людшекъ въ нѣмецкихъ кафтанахъ, сверху, слегка оперши руки въ бока; въ своей красной, крестьянской рубашкѣ, онъ казался какимъ-то великаномъ передъ ними. Гаврило сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Смотри, братъ, примолвилъ онъ: — у меня не озарничай.

И онъ началъ ему объяснять знаками, что барыня, молъ, непременно требуетъ твоей собаки; подавай, молъ, ее сейчасъ, это бѣда тебѣ будетъ.

Гарасимъ посмотрѣлъ на него, указалъ на собаку, сдѣлалъ знакъ рукою у своей шеи, какъ бы затягивая петлю, и съ вопросительнымъ лицомъ взглянулъ на дворецкаго.

— Да, да, возразилъ тотъ, кивая головой: — да, непременно.

Гарасимъ опустилъ глаза, потомъ вдругъ встряхнулся, опять указалъ на Муму, которая все время стояла возлѣ него, невинно помахивая хвостомъ и съ любовнытствомъ поводя ушами, повторилъ знакъ удушонія надъ своей шеей и значительно ударилъ себя въ грудь, какъ бы объявляя, что онъ самъ беретъ на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь, замахалъ ему въ отвѣтъ Гаврило.

Гарасимъ поглядѣлъ на него, презрительно уемѣхнулся, опять ударилъ себя въ грудь и захлопнулъ дверь.

Всѣ молча переглянулись.

— Что́жь это такое значить? началъ Гаврило. — Онъ заперся?

— Оставьте его , Гаврило Андреечъ , промолвилъ Степанъ : — онъ сдѣлаеть, коли общалъ. Ужь онъ такой... Ужь коли онъ общаетъ , ужь это навѣрное. Онъ на это не то, что нашъ братъ. Что́ правда, то правда. Да.

— Да , повторили всѣ и тряхнули головами. — Это такъ. Да.

Дядя Хвостъ отворилъ окно и тоже сказалъ : «да.»

— Ну, пожалуй , посмотримъ , возразилъ Гаврило : — а караулъ все-таки не снимать.... Эй ты, Ерошка ! прибавилъ онъ, обращаясь къ какому-то блѣдному человѣку, въ желтомъ нанковомъ казакинѣ, который считался садовникомъ : — что́ тебѣ дѣлать ! возьми палку да сяди тутъ, и чуть что́, тотчасъ ко мнѣ бѣги !

Ерошка взялъ палку и сѣлъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы. Толпа разошлась, исключая немногихъ любопытныхъ и мальчишекъ , а Гаврило вернулся домой и черезъ Любовь Любимовну велѣлъ доложить барынѣ , что все исполнено , а самъ на всякій случай послалъ фореитора къ хожалому. Барыня завязала въ носовомъ платкѣ узелокъ , налила на него о-де колону, понюхала , потерла себѣ виски , накушалась чаю и, будучи еще подъ влияніемъ лавро-вишневыхъ капель, заснула опять.

Спустя часъ послѣ всей этой тревоги , дверь коморки растворилась и показался Гарасимъ. На немъ былъ праздничный кафтанъ ; онъ велъ Муму на веревочкѣ. Ерошка посторонился и далъ ему пройти. Гарасимъ направился къ воротамъ. Мальчишки и всѣ бывшіе на дворѣ проводили его глазами, молча. Онъ даже не обернулся , шапку надѣлъ только на улицѣ. Гаврило послалъ вслѣдъ за нимъ того же Ерошку въ качествѣ наблюдателя. Ерошка увидалъ издали , что онъ вошелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ собакой, и сталъ дожидаться его выхода.

Въ трактирѣ знали Гарасима и понимали его знаки. Онъ спросилъ себѣ шей съ мясомъ и сѣлъ, опершись руками на столъ. Муму стояла подлѣ его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней такъ и лоснилась : видно было , что ее недавно вычесали. Принесли Гарасиму шей. Онъ накрошил туда хлѣба, мелко взрубилъ мясо и поставилъ тарелку на полъ. Муму принялась ѣсть съ обычной

своей вѣжливостью, едва прикасаясь морlochкой до кушавья. Гарасимъ долго глядѣлъ на нее; двѣ тяжелыя слезы выкатились вдругъ изъ его глазъ: одна упала на крутой лобикъ собачки, другая — въ щи. Онъ заслонилъ лицо свое рукой. Муму съѣла полъ-тарелки и отошла, облизываясь. Гарасимъ всталъ, заплатилъ за щи и пошелъ вонъ, сопровождаемый нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ полового. Ерощка, увидавъ Гарасима, заскочилъ за уголъ и, пропустивъ его мимо, опять отправился вслѣдъ за нимъ.

Гарасимъ шелъ не торопясь и не спускалъ Муму съ веревочки. Дойдя до угла улицы, онъ остановился, какъ бы въ раздумьи, и вдругъ быстрыми шагами отправился прямо къ Крымскому Броду. На дорогѣ онъ зашелъ на дворъ дома, къ которому пристроивался флигель, и вынесъ оттуда два кирпича подъ мышкой. Отъ Крымскаго Брода онъ повернулъ по берегу, дошелъ до одного мѣста, гдѣ стояли двѣ лодочки, съ веслами, привязанными къ колушкамъ (онъ уже замѣтилъ ихъ прежде), и вскочилъ въ одну изъ нихъ, вмѣстѣ съ Муму. Какой-то хромой старичишко вышелъ изъ за шалаша, поставленнаго въ углу огорода, и закричалъ на него. Но Гарасимъ только закивалъ головою и такъ сильно принялся грести, хотя и противъ теченья рѣки, что въ одно мгновеніе умчался саженой на сто. Старикъ постоялъ, постоялъ, почесалъ себѣ спину сперва лѣвой, потомъ правой рукой и вернулся, хромая, въ шалашъ.

А Гарасимъ все гребъ да гребъ. Вотъ уже Москва осталась назади. Вотъ уже потянулись по берегамъ луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повѣяло деревней. Онъ бросилъ весла, приникъ головой къ Муму, которая сидѣла передъ нимъ на сухой перекладникѣ — дно было залито водой — и остался неподвижнымъ, скрестивъ могучія руки у ней на спинѣ, между тѣмъ какъ лодку волной помаленьку относилъ назадъ къ городу. Наконецъ Гарасимъ выпрямился, поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятыя имъ кирпичи, придѣлалъ петлю, надѣлъ ее на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкой, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее... Она доверчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка махала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки... Гарасимъ ничего не слышалъ. ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкаго всплеска воды; для него самый шумный день былъ

безмолвенъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для насъ , и когда онъ снова раскрылъ глаза , по прежнему спѣшили по рѣкѣ , какъ бы гоняясь другъ за дружкой , маленькія волны , по прежнему поплескивали и постукивали онѣ объ бока лодки , и только далеко назади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги .

Ерошка , какъ только Гарасимъ скрылся у него изъ виду , вернулся домой и донесъ все , что видѣлъ .

— Ну , да , замѣтилъ Степанъ : — онъ ее утопитъ . Ужь можно быть спокойнымъ . Коли онъ что обѣщаль

Въ теченіе дня никто не видѣлъ Гарасима . Онъ дома не обѣдалъ . Насталъ вечеръ ; собрались къ ужину всѣ , кромѣ его .

— Экой чудной этотъ Гарасимъ ! пропищала толстая прачка : — можно ли эдакъ изъ за собаки проклажаться ! . . . Право !

— Да Гарасимъ былъ здѣсь , воскликнулъ вдругъ Степанъ , загребая себѣ ложкой каша .

— Какъ ? когда ?

— Да вотъ часа два тому назадъ . Какже . Я съ нимъ въ воротахъ повстрѣчался ; онъ ужь опять отсюда шелъ , со двора выходилъ . Я было хотѣлъ спросить его насчетъ собаки-то , да онъ , видно , не въ духѣ былъ . Ну и толкнулъ меня ; должно быть , онъ такъ только отсторонить меня хотѣлъ : дескать , не приставай , — да такого необыкновеннаго леща мнѣ въ становую жилу поднесъ , важно такъ , что ой-ой-ой ! — И Степанъ съ невольной усмѣшкой пожался и потеръ себѣ затылокъ . — Да , прибавилъ онъ : — рука у него , благодатная рука , нечего сказать .

Всѣ посмѣялись надъ Степаномъ и , послѣ ужина , разошлись спать .

А , между тѣмъ , въ ту самую пору пору , по Т у шоссе , усердно и безостановочно шагаль какой-то великанъ , съ мѣшкомъ за плечами и съ длинной палкой въ рукахъ . Это былъ Гарасимъ . Онъ спѣшилъ безъ оглядки , спѣшилъ домой , къ себѣ въ деревню , на родину . Утопивъ бѣдную Муму , онъ прибѣжалъ въ свою комнату , проворно уложилъ кой-какіе пожитки въ старую попову , связалъ ее узломъ , взвалилъ на плечо да и былъ таковъ . Дорогу онъ хорошо замѣтилъ еще тогда , когда его везли въ Москву ; деревня , изъ которой барыня его взяла , лежала всего въ двадцати-пяти верстахъ отъ шоссе . Онъ шелъ по немъ съ какой-то несокрушимой отвагой , съ отчаянной и виѣстѣ ра-

достной рѣшимостью. Онъ шелъ; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились впередъ. Онъ то-ропился какъ будто мать-старушка ждала его на родинѣ, какъ будто она звала его къ себѣ послѣ долгаго странствованія на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ.... Только что наступившая лѣтняя ночь была тиха и тепла; съ одной стороны, тамъ, гдѣ солнце закатилось, край неба еще бѣлѣлъ и слабо румянился послѣднимъ отблескомъ исчезающаго дня, — съ другой стороны уже вздымался синій, сѣдой сумракъ. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремѣли кругомъ, въ запуски переключивались коростели... Гарасимъ не могъ ихъ слышать, не могъ онъ слышать также чуткаго ночного шушуканья деревьевъ, мимо которыхъ его проносили сильные его ноги; но онъ чувствовалъ знакомый запахъ поспѣвающей ржи, которымъ такъ и вѣяло съ темныхъ полей, чувствовалъ, какъ вѣтеръ, летѣвшій къ нему на встрѣчу, — вѣтеръ съ родины — ласково ударялъ въ его лицо, игралъ въ его волосахъ и бородѣ; видѣлъ передъ собой бѣлѣющую дорогу, — дорогу домой, прямую какъ стрѣла; видѣлъ въ небѣ несчетныя звѣзды, свѣтившія его пути, и какъ левъ выступалъ сильно и бодро, такъ что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившагося молодца, между Москвой и имъ легло уже тридцать-пять верстъ....

Черезъ два дня онъ уже былъ дома, въ своей избенкѣ, къ великому изумленію солдатки, которую туда поселили. Помолясь передъ образами, тотчасъ же отправился онъ къ старостѣ. Староста сначала было удивился; но сѣнокосъ только что начинался: Гарасиму, какъ отличному работнику, тутъ же дали косу въ руки, — и пошелъ косить онъ по старинному, косить такъ, что мужиковъ только пробирало, глядя на его розмахи да за-гребы....

А въ Москвѣ, на другой день послѣ побѣга Гарасима, хватившись его. Пошли въ его коморку, обшарили ее, сказали Гаврилѣ. Тотъ пришелъ, посмотрѣлъ, пожалъ плечами и рѣшилъ, что вѣмой либо бѣжалъ, либо утопъ вмѣстѣ съ своей глупой собакой. Дали знать полиціи, доложили барынѣ. Барыня разгнѣвалась, расплакалась, велѣла отыскать его, во что бы то ни стало, увѣряла, что она никогда не приказывала уничтожить собаку, и наконецъ такой дала нагоняй Гаврилѣ, что тотъ цѣлый день только потряхивалъ головой да приговаривалъ: «Ну!»

пока Дядя Хвостъ его не урезонилъ, сказавъ ему: «Ну-у!» Наконецъ пришло извѣстiе изъ деревни о прибытiи туда Гарасима. Барыня нѣсколько успокоилась; сперва было отдала приказанiе немедленно вытребовать его назадъ въ Москву, потомъ, однако, объявила, что такой неблагодарный человѣкъ ей вовсе не нуженъ. Впрочемъ, она скоро сама послѣ того умерла; а наследникамъ ея было не до Гарасима: они и остальныхъ-то матушкиныхъ людей распустили по оброку.

И живетъ до сихъ поръ Гарасимъ бобылемъ въ своей одинокой избѣ; здоровъ и могучъ по прежнему и работаетъ за четырехъ по прежнему и по прежнему важенъ и степененъ. Но сосѣди замѣтили, что, времени своего возвращенiя изъ Москвы, онъ совсѣмъ пересталъ водиться съ женщинами, даже не глядитъ на нихъ, и ни одной собаки у себя не держитъ. «Впрочемъ — толкуютъ мужики — его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака — на чтѣ ему собака! къ нему на дворъ вора бселомъ не затащишь!» Такова ходитъ молва о богатырской силѣ нѣмого.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

(Елизаветъ Богдановъ Грановской.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Мы опять въ Москвѣ, въ маленькомъ домѣ Ирины Андреевны, и застаемъ ее за тѣмъ же занятіемъ, за какимъ оставили : лѣтательная старуха устроиваетъ новую счастливую свадьбу. Можетъ быть, интереснѣе было бы посмотрѣть ее съ новой стороны, напримѣръ, на похоронахъ ; но что же дѣлать, если она ище всего любила устроить свадьбы и чаще являлась передъ людьми какъ разбитная сваха, нежели похоронная плакальщица. На свѣтѣ много людей, которые весь вѣкъ дѣлаютъ одно и то же, съ которыми весь вѣкъ случается одно и то же.

— Какъ хотите, мой добрый Иванъ Матвѣичъ ; но холостому человѣку и совершенно одинокому, какъ вы, право, какъ-то холодно. Толи дѣло молодая жена, малютки, говорила Ирина Андреевна, бесѣдуя, въ своей узенькой гостиной, съ мужчиной пожилыхъ лѣтъ, наружности очень серьезной.

— Старую дѣвушку не возьму, а молодая не пойдетъ за меня, отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ.

— Это отчего?!.. съ вашимъ сердцемъ, съ вашими прекрасными правилами!!

— Я не богатъ, не молодъ.

— А теплое сердце, а? Я васъ давненько знаю, Иванъ Матвѣичъ, и, удивляясь вашимъ добродѣтелямъ, всегда думала, почему вы не женитесь.... а?

— Невѣсты не нашелъ, насмѣшливо отвѣчалъ гость.

— Не нашелъ невѣсты! А сколько у меня было прекрасныхъ дѣвицъ; да хоть Леночка моя: вѣдь вамъ, кажется, нравились. (И она погрозила гостю своимъ коротенькимъ, затекшимъ отъ колець пальцемъ.) — Какже, какже! да и какъ ей забыть свою маман! недавно еще писала: говорить, я за васъ, маман, каждый день молюсь, что выбрали вы мнѣ такого мужа, какъ мой Борисъ. Онъ прекрасный человѣкъ, аристократъ, совершенный аристократъ. Леночка теперь въ высшемъ кругу, а свою маман не забываетъ — спасибо ей! Вотъ недавно она пишетъ мнѣ еще; прочтите.

Ирина Андреевна надѣла очки, понюхала табакъ изъ подарка Бориса Федорыча и съ чувствомъ сама стала читать, прерывая себя восклицаніями: «это пріятно, Иванъ Матвѣичъ, очень пріятно, когда такъ чувствуютъ люди добро, которое имъ сдѣлаешь», и т. под. Авторъ письма въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ сильно, потому что высчитывалъ благодѣянія, которыя превышали всякое вѣроятіе и повергали въ недоумѣніе касательно существованія на землѣ такой женщины. Ирина Андреевна прослезилась, читая слѣдующую фразу: «съ вашимъ добродѣтельнымъ сердцемъ (да, у меня доброе сердце, Иванъ Матвѣичъ!) вы свою жизнь посвятили врачеванію душевныхъ педуговъ ближнихъ.» — Долгъ, обязанность наша, мой добрый Иванъ Матвѣичъ, растроганнымъ голосомъ прибавила она и, продолжая читать, такъ увлеклась, что прочла однимъ духомъ: «остаюсь облагодѣтельствованная вами и преданная по жизнь свою Марья Игнатьева.» Тутъ только Ирина Андреевна замѣтила ошибку, вытаращила свои блестящіе глаза на гостя и поспѣшно прибавила:

— Ошиблась, не то письмо прочла; впрочемъ, Леночка то же пишетъ мнѣ. — И, пряча письмо въ столъ, она продолжала: — право, Иванъ Матвѣичъ, кабы вы тогда женились на Леночкѣ, были бы счастливы.

— Я люблю спокойствіе, Ирина Андреевна, а семейныя заботы не легки.

— Конечно, быть семьяниномъ — это тяжелая обязанность; но зато награда-то, награда-то какая! Я тоже тружусь чрезъ силу; стара, слаба, покой мнѣ нуженъ. Но какъ подумаю о моихъ сироткахъ — «нѣтъ, говорю, лучше принесу себя въ жертву», и подъ часть, право, Иванъ Матвѣичъ, весело бываетъ на душѣ: видишь кругомъ любовь, благодарность; а я требую очень немногаго отъ людей, которымъ дѣлаю добро: небольшое вниманіе — и я счастлива! Вотъ право вы бы женились; что старымъ холостякомъ быть-то!

— Молодая жена меня не будетъ любить.

— Возьмите солидную дѣвицу; вѣдь вы друга хотите?

— Нѣтъ-съ, ужъ я лучше буду старымъ холостякомъ, поспѣшнѣе возразилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Да вѣдь грустно для теплаго сердца: все кругомъ холодно, чужое. Я вотъ по себѣ сужу: осталась одинокой подъ старость и, какъ ни дѣлай добро, все не такъ чувствительно. Впрочемъ, я счастлива еще: дѣти меня любятъ, а родители уважаютъ и оказываютъ вниманіе. Но все не то, какъ близкіе сердцу... А захвораетъ, а? все чужое!

Ирина Андреевна скоро и слезливо говорила, представляя совершенный контрастъ съ гостемъ, который говорилъ мало и недолго, слушалъ равнодушно.

Около шести лѣтъ протекло съ перваго свиданія нашего съ г-жей Полосухиной, и нисколько не перемѣнилась ея наружность; только булки, пришитыя къ бархатной шапочкѣ, въ черныя превратились въ каштановыя. Въ фізіономіи гостиниой также не произошло перемѣны: каждая вещица стояла на прежнемъ мѣстѣ; только вышитыя подушки на диванѣ сильно выцвѣли, да прибавилось нѣсколько фарфоровыхъ чашечекъ и восковыхъ букетовъ подъ стеклянными колпаками. Не перемѣнились также ни характеръ, ни образъ жизни Ирины Андреевны: по прежнему она посвящала себя сиротамъ, также любила говорить и видѣть у себя гостей. Рѣшительно все было то же, какъ и при Лепочкѣ.

Когда гость всталъ, собираясь уйти, Ирина Андреевна съ испривторнымъ сожалѣніемъ воскликнула:

— Куда это, куда? скучно со старухой?

— Пора домой.

— Да кто васъ ждетъ тамъ? быстроглазая жена, малютки, а?

И она засмѣялась добродушно. Гость подошелъ къ ея рукѣ. Привставъ съ дивана, она продолжала ему доказывать, что холодно-холодно жить одному. Вдругъ въ гостиную вбѣжала дѣвушка лѣтъ шестнадцати, съ веселой улыбкой; она не замѣтила въ первую минуту гостя и не поклонилась ему.

— М-ше Козлова! съ ужасомъ воскликнула Ирина Андреевна.

Дѣвушка тотчасъ поправила свою разсѣянность и сдѣлала реверансъ.

— Вотъ огонь, вотъ будетъ пылкая голова! смѣясь, сказала Ирина Андреевна, но, замѣтивъ, что дѣвушка очень покраснѣла, прибавила ей ласково: — М-ше Натали, развѣ вы не узнали? это Иванъ Матвѣичъ Бѣляковъ, — съ рѣдкими правилами, съ рѣдкимъ сердцемъ. Полноте (къ Ивану Матвѣичу) качать головой! что правда, то правда!

Дѣвушка подняла глаза, посмотрѣла на человѣка съ рѣдкимъ сердцемъ, отвѣтила на его поклонъ еще реверансомъ и, поцаловавъ руку наставницы, сказала:

— Пожалуйте, шаша, Аркадію Григорьичу билетъ за урокъ.

Ирина Андреевна взяла ее за подбородокъ и, подмигивая гостю сказала: — Вѣтревица! отдай билетъ и привеси журналъ.

Дѣвушка выбѣжала изъ комнаты.

— У, у, у, какой огонь! вотъ будетъ хлопотъ съ ней мужу.... у, у!

— Молода еще! замѣтилъ гость.

Онъ былъ правъ: по живости движеній, по дѣтскому смѣлому взгляду, дѣвушка совершенно походила на ребенка. — Ростъ ея былъ средній, и уже стройность талии невольно бросалась въ глаза. Черты лица были миниатюрны, нѣжны. Особенно оригинально было въ ея головкѣ сочетаніе черныхъ какъ смоль глазъ и бровей съ русыми золотистыми волосами. Румянецъ на ея щекахъ не былъ постояненъ, а какъ пламя вспыхивалъ ярко и медленно потухалъ. Отъ этого живость ея лица была необыкновенна и имѣла что-то удивительно привлекательное. Туадетъ ея состояла изъ зеленого камлотового платья, чернаго передника и бѣлой перелинки.

Ирина Андреевна поспѣшно отвѣчала на замѣчаніе Ивана Матвѣича:

— Зато свѣжее и горячее сердце, чувства теплыя. О, она прекрасная дѣвушка, нравственности удивительной, несмотря на огонь свой, послушна какъ овечка. Какая нѣжная дочь! сестра! О, я вамъ скажу, это кладъ, а не дѣвушка!

Натали вернулась съ журналомъ и подала его Иринѣ Андреевнѣ, которая сказала, рассматривая журналъ:

— Ну что, моя рѣзвушка, какой балъ получила? хорошо, умница! Торопись учиться: времени немного осталось для тебя. Что вишнями-то своими смотришь на свою шапан? а? — Не хотите ли (къ Ивану Матвѣичу) поглядѣть на моихъ цыплятъ?... М-ле Натали, приведите всѣхъ сюда, — только въ порядкѣ, другъ мой. Вы вѣдь старшая.

Дѣвушка снова выбѣжала изъ комнаты.

— Тихе, тихе! Такъ и хочется ей прыгать да рѣзвиться. Дѣтя еще; а нужда велитъ быть разсудительной. Родители не богаты, трудами живутъ, — восемь человѣкъ дѣтей.

И тутъ она, не переводя духу, подробно описала семейство, къ которому принадлежала Натали, сгоряча прибавивъ пару лишнихъ дѣтей, и только движеніе въ залѣ заставило ее остановиться:

— Дѣти, безъ шума! въ порядкѣ! крикнула она.

Въ гостиную вошли попарно нѣсколько дѣвочекъ разнаго возраста, но не старѣе двѣнадцати лѣтъ, одѣтыхъ какъ М-ле Натали. Онѣ сдѣлали реверансъ гостю; потомъ каждая цаловала руку у наставницы, которая награждала ихъ поцалуями и ласковыми словами.

— Вотъ мои дѣти. Миѣ весело старухѣ посреди этихъ малютокъ съ теплыми сердцами. Я горжусь тѣмъ, что каждая изъ нихъ будетъ прекрасная и добрая жена и мать. Да, Иванъ Матвѣичъ, это не легко; но я посвятила себя сиротамъ и считаю за грѣхъ не вполне замѣнить имъ мать. Я держу ихъ ближе къ себѣ. Каждая изъ нихъ близка моему сердцу, очень близка!

И наставница крѣпко прижимала къ своему боку одну изъ дѣвочекъ, которая цаловала ее въ плечо. — Всѣ стояли въ узенькой гостиной, кромѣ Ирины Андреевны, величественно возсѣдавшей на высококомъ диванѣ.

— Могу войти? сладкимъ голосомъ спросила появившаяся въ дверяхъ женщина лѣтъ сорока, съ умильно приторнымъ лицомъ.

— А, а, а, Лизавета Прокофьевна! радостно вскрикнула хозяйка, привставая на скамейку.

Гостья, или Лизавета Прокофьевна, кинулась ей въ объятія, и онѣ съ такимъ жаромъ поздоровались, какъ будто послѣ очень продолжительной разлуки. Лизавета Прокофьевна поцаловала съ чувствомъ М-ле Натали, которая подошла къ ея рукѣ.

— Милости просимъ; садитесь, моя дорогая Лизавета Прокофьевна, сказала хозяйка дома.

— Что ваша голова, добрѣйшая Ирина Андреевна? Третьяго дня вы жаловались на нее. Я сегодня вышла по дѣлу; вѣтъ думаю, зайду сама: покойнѣе буду!

— Благодарю, любезная Лизавета Прокофьевна! Право, въ заботахъ и о своихъ болѣзняхъ забудешь.

— Вы какъ насѣдочка съ цыплятами! Здравствуйте, милыя! здравствуйте! обращаясь къ дѣтямъ, сказала гостья.

— Позвольте, почтеннѣйшая Лизавета Прокофьевна, рекомендовать вамъ Ивана Матвѣича Бѣлякова: мой короткій знакомый, другъ, совѣтникъ, человекъ съ рѣдкимъ сердцемъ, съ рѣдкими....

— Очень пріятно! перебилъ хозяйку дома Иванъ Матвѣичъ. Лизавета Прокофьевна любезно отвѣчала ему поклономъ.

Ирина Андреевна, указывая на Натали, стоящую за столомъ гостья, сказала:

— Достоянная и всѣми уважаемая мать этой рѣзвухи, моей любимицы. Да, я имѣю къ ней слабость... ну, просто чувствую слабость къ вашей дочери. Я ревную, ей Богу, ревную ее къ вамъ!

Когда начался разговоръ посторонній, наставница приказала дѣтямъ итти въ садъ; Натали осталась возлѣ матери.

— А что вашъ почтеннѣйшій супругъ—трудится, я думаю! Да, онъ чадолюбивый отецъ, примѣрный мужъ. Вотъ видишь, другъ мой Натали, какъ тяжело родителямъ васъ воспитывать!

— Это обязанность наша, добрѣйшая Ирина Андреевна.

— Такъ, моя любезнѣйшая Лизавета Прокофьевна; но дѣти должны же чувствовать, надо внушать имъ благодарность.

— Мои дѣти, сказала гостья: — благодаря Бога, любятъ насъ и стараются утѣшать послушаніемъ и нравственностью.

— Видите ли, М-ле Натали, какая у васъ прекрасная мать! надо стараться утѣшать и успокоивать ее, сказала Ирина Андреевна, подвигая Натали въ объятія Лизаветы Прокофьевны.

— Ты обязана тоже многимъ добройшеи Ирине Андреевнѣ; будь благодарна ей.

И мать подвинула дочь къ хозяйкѣ дома: дѣвушка подала Ирину Андреевну въ плечо.

— Нѣтъ, ты подалуй свою мать: она причиною, что такъ тебя любишь.

Дѣвушка исполнила приказаніе Ирины Андреевны и поцеловала руку у матери, которая, указывая на хозяйку дома, съ чувствомъ произнесла: — Помни ея доброту; она тебѣ вторая мать.

Ирина Андреевна заключила дѣвушку въ объятія, нестерпя плачевно: — Мать! да, мать! Мы обѣ ее любимъ; она наша обшая дочь.

Тронутая гостья бросилась въ объятія Ирины Андреевны и онѣ стали обниматься.

Пока сидѣла Лизавета Прокофьевна, весь разговоръ гостини и хозяйки дома вертѣлся на обоюдныхъ похвалахъ прекраснымъ качествамъ другъ друга. Прощанье гостини было продолжительное съ Ириной Андреевной, очень цѣнное съ дочерью и любезное съ Иваномъ Матвѣичемъ, которому она сказала:

— Очень пріятно было бы мнѣ видѣть васъ въ кругу моего семейства. Мой мужъ домохозяинъ; для него нѣтъ другихъ радостей и удовольствій, кромѣ своего семейства. Мы очень будемъ рады принять у себя человѣка близкаго Ирине Андреевнѣ; мы ей такъ обязаны, такъ благодарны за любовь и попеченіе о нашей дочери, которая сама уже высоко цѣнитъ ея добродѣтели.

По уходѣ Лизаветы Прокофьевны, въ сопровожденіи М-ле Натали, Ирина Андреевна, сядясь на свое мѣсто, сказала:

— Вотъ эта женщина молодая вышла замужъ за человѣка пожилыхъ лѣтъ. Каждый годъ дѣти, средства небольшія, но согласіе примѣрное. До сихъ поръ она влюблена въ своего мужа, любитъ его. Все для дѣтей въ жертву приносятъ они. Это такое супружество, что, я думаю, подобнаго нѣтъ. Жаль, что трудно имъ будетъ выдать замужъ дочь: приданого не имѣетъ.

— Зато хороша собой, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Она!... понравилась, а? поспѣшно спросила Ирина Андреевна. — Красавица, просто красавица. Глаза точно двѣ звезды; а сердце!... главное, сердце-то всего важнѣе.... мягкое, доб-

рое и нѣжное. Она еще выростетъ, повоюетъ, будетъ бѣль-фамъ! Я ужь ей говорю: смотри, не гляди своими глазами-то на мужчинъ: сведешь съ ума.

— Зачѣмъ дѣвушка вселять вредныя мысли.

— Вредныя, вредныя! вытаращивъ глаза на гостя, пугливо повторила старуха. — Это я нарочно, мой милый Иванъ Матвѣичъ, чтобъ узнать, что на глубинѣ-то, на глубинѣ-то у ней.

Послѣдовалъ ударъ въ лѣвую сторону груди, сопровождаемый лукавымъ подмигиваньемъ.

— Но она такъ приготовлена, продолжала Ирина Андреевна, давно уже раскрывъ табакерку и не находя минуты понюхать: — такъ благоразумно отвѣчаетъ: «Я, говоритъ, шаша, должна думать объ утѣшеніи своихъ родителей. Я желаю имѣть мужа солиднаго, который любилъ бы моихъ родителей и замѣнилъ бы мнѣ ихъ»....

Запнувшись, она перевела духъ и понюхала табакъ.

— «чтобъ онъ былъ мнѣ совѣтникомъ, другомъ, руководилъ бы меня въ моей трудной жизни. Я же буду ему вѣрная и почтительная жена....» Да, Иванъ Матвѣичъ, я стараюсь внушать дѣвушка ея лѣтъ строгія правила: безъ нихъ, что за воспитаніе!

— Надо быть осторожной даже въ словахъ. Дѣвушку ея лѣтъ легко сбить съ толку, и она будетъ только думать о своей красотѣ, наставительно сказалъ гость.

— О, она еще ребенокъ: гдѣ ей!

— Я такъ замѣтилъ.

— Благодарю, мой родной, благодарю.... вы изъ дружбы ко мнѣ говорите... спасибо, спасибо; я васъ сама люблю какъ родного сына и очень желала бы вамъ счастья. Дай Богъ вамъ жену молодую, добрую; васъ всякая дѣвушка полюбитъ: вы человекъ съ рѣдкимъ сердцемъ!

— Ахъ, Ирина Андреевна, молодая дѣвушка не ищетъ добраго мужа, а красиваго, не безъ горькой улыбки отвѣчалъ гость.

— Господи! да я вамъ тысячу сыщу невѣсть. Повѣрьте мнѣ, Иванъ Матвѣичъ, что дѣвушка, воспитанная въ хорошихъ и строгихъ правилахъ, всегда предпочтетъ васъ молодому. Право, женитесь: ей Богу, родной мой, пріятно имѣть близкое сердце возлѣ себя.

— Сыщите невѣсту, шутливо сказалъ Иванъ Матвѣичъ.

— Невѣсту! извольте, и, понизивъ голосъ, Ирина Андреевна продолжала: — да моя рѣзвухка вамъ нравится, а? Чѣмъ она не невѣста? бѣдна, но, скажу безъ лести, будетъ отличная жена. Родители строгіе. Они будутъ очень счастливы; все, Иванъ Матвѣичъ, одной заботой менѣе. Еще много подрастаетъ невѣсть у нихъ.

Иванъ Матвѣичъ засмѣялся: такъ дика ему показалась мысль о женитьбѣ.

— Что вы смѣетесь? Да она меня такъ любитъ, такъ меня слушается, что всѣ совѣты мои исполняетъ. Хотите, я намекну родителямъ.

— Благодарю: я не думаю жениться, да и она слишкомъ молода для меня.

— Молода! да ей уже шестнадцать лѣтъ... а какъ разсудительна! Нужда, батюшка, дѣтей дѣлаетъ благоразумными.

Эта бесѣда слегка сгладила мрачность гостя, и онъ, посмѣиваясь, распростился съ хозяйкой дома, которая въ слѣдъ ему повторила:

— Холодно кругомъ, холодно одинокому на свѣтѣ жить!

Проходя залу, Иванъ Матвѣичъ раскланялся съ М-ше Натали, сидѣвшей у окна за вышиваньемъ. Она встала, чтобъ сдѣлать реверансъ, толкнула стулъ, и пальцы упали на полъ. Желая удержать ихъ, она наткнулась рукой на острые ножницы, зашвышіе въ шнуркахъ, которыми была стянута канва, и вскрикнула. Иванъ Матвѣичъ кинулся поднять пальцы и, замѣтивъ кровь на канвѣ, сказалъ: — Вы обрѣзали руку?

М-ше Натали поспѣшно завернула руку въ носовой платокъ. Въ то время Ирина Андреевна выкатилась изъ своей гостиной и торопливо спросила: — Что случилось?

— Пальцы упали, серьезно отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ, помогая М-ше Натали собирать мотки шерсти, рассыпавшіеся по полу.

— Какая неловкость! по французки и строго сказала наставница.

— Извините, шатап, я нечаянно, отвѣчала по французки же М-ше Натали.

— Это бы ничего, а вотъ руку обрѣзали, складывая мотки въ корзинку, замѣтилъ гость.

— Ахъ! ахъ! какже это? Боже мой, кровь! Паутины, паутины! суетясь, восклицала Ирина Андреевна. — Вотъ, вотъ паутина! поднявъ голову къ потолку и кружась лихорадочно, продолжала она: — голубчикъ, доставьте ее... Иванъ Матвѣичъ!

И она указала на уголъ, гдѣ висѣлъ порядочный запасъ паутины, вѣроятно, нарочно сохраняемой на пользу рѣзвыхъ малютокъ. Бѣляковъ, съ глубокомысліемъ и достаточною мрачностью, подставилъ стулъ, досталъ паутины и приложилъ ее къ рукѣ М-ше Натали, подъ громкія восклицанія наставницы:

— Ишь какой добрый! благодарите его, М-ше Натали.... Родной мой! какъ отецъ принимаетъ участіе въ ней!

Окончивъ перевязку, Иванъ Матвѣичъ раскланялся съ дамами и ушелъ.

— Смѣтри, не заплачи ему черной неблагодарностью за его услугу, лукаво грозя пальцемъ, замѣтила Ирина Андреевна своей ученицѣ, которая съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее. — Что, будешь умница, а? утѣшишь свою татап?

И г-жа Полосухина, весело и многозначительно улыбаясь, оставила въ недоумѣніи свою любимицу, которая снова усѣлась за пяльцы.

Ивану Матвѣичу Бѣлякову было не болѣе сорока лѣтъ; но постоянно мрачное выраженіе наружности дѣлало его на видъ гораздо старѣе. Ростомъ онъ былъ высокъ, сложенъ широко, но грудь имѣлъ впалую, вѣрно отъ привычки горбиться. Черты его лица были крупны и правильны, можетъ быть, даже излишне правильны; по крайней мѣрѣ такъ казалось, когда онъ сидѣлъ нахмурившись. Его открытый лобъ состоялъ изъ трехъ крупныхъ морщинъ. Брови поминутно сдвигались, какъ будто имъ хотѣлось сростись; но глубокая полоса рѣзко ихъ раздѣляла. Волосы, коротко остриженные, не имѣли уже опредѣленнаго цвѣта; множество сѣдыхъ торчало между ними. Трудно было заключить по холодному и мрачному лицу Бѣлякова, какія причины наложили на чело его столько рѣзкихъ морщинъ. Въ настоящую минуту жизнь его не была обставлена такъ хорошо, какъ умѣютъ устроить ее къ сорока годамъ многіе люди: средства его ограничивались службой; зато, впр-

знать, онъ не зналъ семейныхъ заботъ и тревогъ. Что касается до его прошедшаго, то о немъ никто ничего не зналъ; а можетъ быть, его и не было у Ивана Матвѣича. Есть люди, которымъ молодость памятна въ одномъ физическомъ отношеніи. Такъ иной, бесѣдуя о ней съ самымъ задушевнымъ другомъ, ничего не расскажетъ, кромѣ того, что его желудокъ уподоблялся желудку строуса, что онъ не имѣлъ понятія о геморроидальныхъ припадкахъ, что излишествомъ считались калоши и не къ чему было затыкать уши ватой въ глубокую зиму, а сонъ былъ такъ продолжителенъ и крѣпокъ, какъ летаргическій. Кто знаетъ, не принадлежалъ ли Иванъ Матвѣичъ въ свое время къ такой категоріи? Ирина Андреевна давно была съ нимъ знакома, но, кромѣ того, что онъ жилъ и служилъ, никакихъ интересныхъ фактовъ о немъ рассказать не могла, а то вѣрно бы рассказала; онъ ей казался такимъ же солиднымъ всегда, какъ въ сію минуту. Бѣляковъ не былъ лишенъ самолюбія и очень дорожилъ хорошимъ мнѣніемъ того общества, въ которомъ находился. Онъ слылъ за честнѣйшаго и справедливѣйшаго человѣка, чѣмъ очень гордился, такъ же, какъ и своимъ умомъ, и вообще онъ принадлежалъ къ тому сорту людей, которые сколько требовательны къ другимъ, столько же строги къ самимъ себѣ, и зато никто такъ не спокоенъ насчетъ своихъ достоинствъ, какъ они же сами. И въ характерѣ и въ самой наружности его было нѣчто пуританское.

Возвратясь отъ Ирины Андреевны, Иванъ Матвѣичъ находился въ какомъ-то странномъ состояніи духа, которое выразилось, во первыхъ, неудовольствіемъ на обѣдъ, уже три года постоянно приносимый его лакеемъ изъ ближайшаго трактира; во вторыхъ, тѣмъ, что онъ никакъ не могъ заснуть послѣ обѣда, тогда какъ исполнялъ это аккуратно лѣтъ пятнадцать. Онъ пролежалъ до сумерекъ на диванѣ, то съ открытыми глазами, то съ закрытыми, и самъ удивился, что практическая голова его вдругъ оказала сильную дѣятельность въ служебныхъ и житейскихъ дѣлѣхъ. Дикія мысли (такими онѣ ему казались въ ту минуту) даже пугали его; чуть задремлетъ, ему чудится, что онъ страшно боленъ; вѣтъ даже силъ поднять руку, жажда томить его; онъ напрасно зоветъ своего лакея: лѣнтяй храпитъ въ другой комнатѣ. Бѣляковъ пугливо вскакивалъ, дѣлалъ движеніе. Къ счастью, и жажда и слабость — все оказывалось до-

жью, кромѣ храпѣнія. Онъ снова жмуритъ глаза и вдругъ снова вздрагиваетъ: знакомый голосъ, какъ бы надъ самымъ его ухомъ, говоритъ: «холодно, холодно одному!»

Сердитый, всталъ онъ съ дивана, съ твердымъ намѣреніемъ заняться дѣлами; но напрасно сидѣлъ онъ за счетами передъ кипюю бумагъ: безсмысленны казались онѣ ему, — и онъ самъ не могъ понять, какимъ образомъ весь погрузился въ воспоминаніе своей молодости, своего прошедшаго.... Но видно тамъ все было гладко, потому что переходъ къ настоящему совершился быстро. Тогда онъ всталъ и пошелъ ходить по комнатѣ, бормоча: «Вѣчно одинъ!... Она права: тяжело такъ жить!»

И въ самомъ дѣлѣ, чтó можетъ быть скучнѣе вечера, проведеннаго Бѣляковымъ? Онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, въ которой, кромѣ огромнаго и уже довольно грязнаго турецкаго дивана, нѣсколькихъ стульевъ, комода съ разохшимися ящичками да двухъ столовъ — письменнаго и ломбернаго, ничего не было, — даже сторъ; курилъ трубку, пилъ невкусный чай, сдѣланный его лакеемъ. Наконецъ, утомленный, легъ онъ въ постель, но не скоро заснулъ, да и сонъ-то видѣлъ странный: будто онъ лежитъ въ летаргіи, комната полна какого-то оборваннаго народа, который шаритъ по его комодамъ и шкафамъ; ни одного лица съ выраженіемъ грусти нѣтъ вокругъ. Шутятъ грубо надъ нимъ. Небрежно положили его въ гробъ и уходя произнесли: «Завтра его похоронятъ.»

На другое утро Бѣляковъ всталъ поздно, торопливо собрался на службу, и чувство привычной обязанности привело его мысли въ порядокъ. Вѣроятно, тѣмъ бы все и кончилось, но не прошло и трехъ дней, какъ г-жа Полосухина уже прислала къ нему гонца, своего вѣрнаго Самсона, съ запиской; она пѣняла ему, что онъ забылъ свою шапан, краснорѣчиво описывала благодарность М-ле Натали за оказанную ей услугу и по секрету объявляла, что Натали готовить ему подарокъ: начала вязать кошелекъ. «Приходите, голубчикъ мой, сами поблагодарить мою шалунью, да привезите ей конфетъ: она большая до нихъ охотница, — только помягче, ато вредно для зубовъ.»

Иванъ Матвѣичъ, тронутый признательностію дѣвушки, такой хорошенькой, немедленно явился.

— Хорошо, что вы не забыли привести ей конфетъ; ато ничѣмъ я ее не увѣрила бы, что вы не сердитесь на нее. «Я — говорить — шапан, вижу его даже во снѣ, какъ онъ хлопоталъ обо мнѣ. Онъ подумаетъ, что я всегда такая вѣтренница и неловкая.» И какъ хвалила васъ! а о глазахъ вашихъ говорить, что лучше и добрѣе не видала еще.... Да, батюшка, вскружили, вскружили моей рѣзвущкѣ голову-то! Чего? уроку не знала, а этого съ ней не бывало еще! Я пожурила ее. — Ирина Андреевна лукаво улыбнулась и со вздохомъ прибавила: — да-съ, Иванъ Матвѣичъ, молодость впечатлительна.... у, какъ впечатлительна!

Въ гостиную явилась М-лле Натали, по приказанію своей шапан, и была встрѣчена восклицаніемъ:

— А вотъ и она! Ну, скажи-ка, кому вяжешь кошелекъ, а?... не краснѣй!... а?

Ирина Андреевна вопросительно глядѣла на свою ученицу, которая вся вспыхнула и стояла потупивъ глаза.

— Говори же! а, стыдно?

М-лле Натали молчала; да и что ей было отвѣчать, когда вязанье малиноваго кошелька началось по приказанію Ирины Андреевны?

— Скромница!... Ужь я ей говорю: полно глаза-то портить! вѣтъ, сидитъ да вяжетъ.... Ну что, неправда, небось?

Слезы дрожали на глазахъ дѣвушки, а щеки пылали какъ пламя.

— Ну-съ, такъ вотъ-съ онъ вамъ привезъ конфетъ; видите, какъ балуетъ васъ. И она подала ей корзинку, прибавивъ по французски: — Поблагодарите же хорошенько и смѣлѣе смотрите.

М-лле Натали сдѣлала низкій реверансъ Бѣлякову, который поклонился ей и спросилъ: — Что ваша рука?

— Зажима-съ.

— Покажи, покажи своему доктору... Извольте залечить, батюшка! подхватила наставница, выхвативъ конфеты у Натали и снявъ перевязку съ больной ея руки. — Извольте посмотрѣть!

М-лле Натали, сконфуженная, стояла, протянувъ больную руку, которую Иванъ Матвѣичъ, послѣ осмотра, медленно и осторожно перевязалъ, а Ирина Андреевна, воспользовавшись временемъ, отсыпала себѣ на колѣни изъ коробки большую часть конфетъ, говоря:

— Я боюсь дать ей всё вдругъ : это вредно ; лучше по-немногу.

M-lle Натали замѣтно обрадовалась , когда кончилась пере-вязка , и попросила у своей татави позволенія итти въ классъ.

— Можете ; идите , возвращая ей корзинку , отвѣчала на-ставница. — Дитя ! продолжала она , нюхая табакъ и лукаво подмигивая гостю на удалявшуюся M-lle Натали. — Совершенное дитя — всего стыдится !... но прерасудительная.

Бѣляковъ не слушалъ , погруженный въ собственныя раз-мышленія , плодомъ которыхъ было слѣдующее восклицаніе , вырвавшееся какъ бы нечаянно :

— Изъ молодой все можно сдѣлать !

Ирина Андреевна съ жадностію подхватила эту мысль и стала развивать ее довольно свободно , отчего Иваѣъ Матвѣичъ слегка сконфузился.

— Женщина существо слабое : надо ее руководить. Я была молода и такой же огонь , какъ и она ! О , Иваѣъ Матвѣичъ ! какъ въ эти года нѣжно сердце , какъ признательно оно ! о ! о ! о ! (Она тяжело вздохнула и понюхала табакъ.) — Познакомь-тесь , голубчикъ , съ Лизаветой Прокофьевной : достойная жен-щина въ нынѣшнемъ вѣкѣ ! Надо цѣнить такихъ людей. Вездѣ эгоизмъ , расположеніе рѣдко ; надо его искать въ почтенныхъ семействахъ.... Прекраснѣйшее семейство !

И тутъ она подробно описала семейство M-lle Натали и взя-ла съ своего гостя слово посѣтить достойную Лизавету Про-кофьевну , а къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ въ тотъ же вечеръ от-правила неутомимаго Самсона съ письмомъ , въ которомъ умоля-ла ее принять поласковѣе истиннаго своего друга. «Потеплѣе , любезнѣйшая Лизавета Прокофьевна : онъ сирота , а ваши лас-ки дороги каждому. Приласкайте его какъ сына. Онъ отъ ва-шей Наташеньки въ восторгѣ. Конфектъ ей привезъ , и такъ удивляется ея воспитанію ; благодарилъ меня со слезами , что «нигдѣ случай видѣть такую дѣвушку : «нынѣ — говоритъ — это «рѣдкость.» Да , надо правду сказать , я не люблю дѣлать ниче-го вполовину — и ваша дочь рѣдкость. Я замъ скажу , что она «у васъ недолго засидится.»

Иваѣъ Матвѣичъ не замедлилъ познакомиться съ родителями M-lle Натали , къ удовольствію г-жи Полосухиной. «И прекрас-но , что послушались моего совѣта ! Ужь какъ она довольна !

И такого достойнаго уваженія человѣка, такого ума и рѣдкаго сердца не видала еще въ своей жизни, говоритъ объ васъ, Иванъ Матвѣичъ, Лизавета Прокофьевна, — а мужъ тоже. Да, да! вѣрите ли? всѣ даже дѣти прыгаютъ отъ радости, какъ вы къ нимъ придете. А моя.... по секрету скажу, слышите по секрету! тутъ она прикладывала къ провалившимся губамъ свою толстую ладонь и шопотомъ прибавляла: «А моя рѣзушница такъ всѣ глаза проглядитъ, если вы долго нейдете! Слышите, это по секрету.»

Свѣдѣнія и секреты такого же рода и сообразно съ обстоятельствами сообщались и Лизаветѣ Прокофьевнѣ; даже М-лле Натали Ирина Андреевна не упускала случая сказать что нибудь.

— Ты, смотри, не кружи ему головы: онъ даромъ, что такой серьезный, но пылакая голова. Такой мужъ лучше молодого: баловать и любить больше будетъ. Да, другъ мой, благоразумная дѣвушка должна думать о будущемъ своемъ счастьи. Обязанность ея — быть хорошей матерью. Твоя мать лучшей тебѣ примѣръ. Она вышла тоже не за молодого, и, видишь, какъ счастлива. Она глава въ домѣ; твой отецъ боготворитъ ее.

Вслѣдствіе льстивыхъ рѣчей г-жи Полосухиной или по какимъ нибудь другимъ обстоятельствамъ, только Ивану Матвѣичу не сидѣлось дома, какъ прежде; онъ часто посѣщалъ Ирину Андреевну, игралъ съ ней по вечерамъ въ преферансъ, въ неизмѣнномъ обществѣ ея партнерокъ Натальи Николаевны и Авдотьи Петровны. Всѣ были нѣтъ очарованы: не то, чтобъ онъ былъ говорливъ, но такъ вѣжливъ и внимателенъ, что даже Парасковьюшка получала его поклонъ. Если онъ рассказывалъ анекдотъ, то такъ ясно и вразумительно, что даже глухая Наталья Николаевна половину его слышала. Ничѣмъ не шокировалъ онъ домашняго кружка Ирины Андреевны, съ которой былъ особенно почтителенъ: подходилъ къ рукѣ, дарилъ ей французскаго табаку, картъ, перьевъ, карандашей и бумаги. Зато какъ и принимали его! При его появленіи лица всѣхъ озарились улыбкой, исключая, можетъ быть, личика той, во имя которой все дѣлалось; но зато М-лле Натали была предметомъ постоянныхъ шутокъ Ирины Андреевны, шамакавшей, будто дѣвушка не ѣстъ, не пьетъ и одѣвалась страшно разсѣянно.

Не прошло и трехъ недѣль, какъ въ одно утро Бѣлаковъ явился къ Иринѣ Андреевнѣ съ извѣщеніемъ, что потревожилъ

ее такъ рано, и таинственнымъ взвѣщеніемъ, что желаетъ съ ней переговорить наединѣ.

— Родной мой, да ваша шатап рада ночи не спать для васъ. Я васъ какъ сына люблю.

Она усѣлась на диванъ, понюхала табаку, сложила свои коротенькія руки на обширномъ животѣ и приготовилась слушать.

Иванъ Матвѣичъ въ то утро имѣлъ наружность мрачнѣе обыкновеннаго; помолчавъ съ минуто, онъ сказалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ :

— Добрѣйшая Ирина Андреевна, вы расположены ко мнѣ....

— Какъ къ родному. Ваше вниманіе къ старухѣ трогаетъ меня, очень трогаетъ.

— Потому-то я и пришелъ просить васъ....

Г-жа Полосухина снова подхватила : — Все готова сдѣлать для васъ ваша шатап. Долгъ истинной христіанки помогать ближнему. Я посвятила себя сиротамъ и утѣшаюсь тѣмъ, что добрые люди цѣнятъ мои труды. Я....

Но онъ въ свою очередь перебилъ ее, сказавъ :

— Зная расположеніе Лизаветы Прокофьевны къ вамъ, я рѣшился просить васъ узнать стороной мнѣніе ея насчетъ моихъ....

Ирина Андреевна, вся задрожавъ, впилась глазами въ нахмуренное лицо Бѣлякова, который продолжалъ суровымъ голосомъ, смотря въ сторону :

— Чтобъ я могъ надѣяться на....

— Можете, можете! не вытерпѣвъ, радостно воскликнула г-жа Полосухина и не менѣе радостно продолжала : — о васъ такого мнѣнія, такого прекраснаго мнѣнія, что всегда со слезами она говоритъ о вашемъ рѣдкомъ сердцѣ. Да, Иванъ Матвѣичъ, такіе люди, какъ вы, дороги въ нашъ вѣкъ, очень дороги!

— Но я желалъ бы хорошенько удостовѣриться, замѣтилъ онъ : — потому что въ мои лѣта....

— Ваши лѣта! да ваши лѣта самыя лучшія и благоразумныя для.... для....

Какъ будто не рѣшаясь первая произнести роковое слово, она запнулась, вытаращила свои блестящіе глаза на Ивана Матвѣича, подняла брови.... Съ минуто длилось молчаніе.

Иванъ Матвѣичъ прервалъ его, выразительно сказавъ :

— Я надѣюсь, что вы поступите осторожно въ этомъ дѣлѣ. Я вамъ скажу откровенно, что Наталья Григорьевна дѣвушка кроткая, незабоданная, значить я могу надѣяться найти въ ней жену, какую мнѣ хотѣлось бы имѣть.

Ирина Андреевна, вздохнувъ глубоко и свободно, радостно засмѣялась и, погрозивъ ему пальцемъ, сказала :

— Вы мой врагъ, врагъ : хотите мою рѣзвуху отнять !

— Я сознаюсь, что намѣренъ поступить такимъ образомъ, если только она....

— О ! она будетъ счастлива ! Она еще дитя : сердце у ней свободно. Да, я неусыпно слѣдила за этимъ. Мои обязанности не легки. Сами видѣли, Иванъ Матвѣичъ, какъ я строго держала ее. Она была окружена людьми пожилыми, добродѣтельными, вѣтренниковъ не видала. Примѣръ строгой нравственности на каждомъ шагу ; въ домѣ родительскомъ — ласки, почтительность и послушаніе. Будьте покойны : я для васъ приготовила жену съ такими правилами, съ такимъ повиновеніемъ, что ваше семейное счастье ничѣмъ не будетъ возмущено. Насчетъ родителей нечего и говорить. Сами посудите, шесть человѣкъ дѣтей : нужно обути, одѣти, воспитать. Жалованье небольшое. Умри отецъ или отставать отъ службы, все семейство по міру пойдетъ. Надо будетъ отдать въ чужіе люди дочь въ самомъ опасномъ возрастѣ. Нѣтъ, Иванъ Матвѣичъ, вы благодарявіе имъ дѣлаете, не говоря уже о чести.

Ирина Андреевна не переводя духу проговорила свой длинный монологъ и только нюхала съ такимъ ожесточеніемъ — можетъ быть, почерпая въ табакъ свое краснорѣчіе — что наконецъ расчихалась. Бѣляковъ, воспользовавшись этимъ, сказалъ :

— Прежде, чѣмъ я рѣшусь говорить съ родителями Натальи Григорьевны, я васъ прошу узнать ихъ мнѣніе о моемъ намѣреніи, потому что, въ случаѣ благоприятнаго оборота, я долженъ буду думать о другой службѣ, болѣе соответствующей удовлетворенію семейныхъ потребностей. Мнѣ обѣщали мѣсто въ Петербургѣ. Какъ холостой я доволенъ своими доходами, но, женясь...

— Конечно, брякнула Ирина Андреевна : — молодая жена, наряды, выѣзды.

Брови его нахмурились : онъ произнесъ сурово : — Я увѣренъ, что Наталья Григорьевна, какъ дѣвушка скромная, предпочитаетъ....

— Домашнюю жизнь! живо подхватила догадливая Ирина Андреевна: — о, да, да! Я часто спрашивала ее, почему она не попросит своего отца свезти ее въ театръ. Она нѣ всегда отвѣчала, что ее мучила бы сѣбѣсть: она знаетъ, какъ ея отецъ трудится. — Я моимъ дѣтямъ внушаю строгія правила.

— Молодую дѣвухку легко сбить съ толку, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Долго ли вскружить дѣвухкѣ голову!

— Я васъ также буду просить, Ирина Андреевна, не дѣлать никакого намека касательно моихъ намѣреній самой Натальѣ Григорьевнѣ. Когда я буду имѣть согласіе родителей, тогда я самъ желаю узнать расположеніе дочери ко мнѣ. Она еще молодая: кто знаетъ, можетъ быть, и не согласится выйти за старика.

Послѣдняя фраза была произнесена такимъ голосомъ и съ такою улыбкою, которые ясно показывали, что самъ Иванъ Матвѣичъ считаетъ едва ли вѣроятнымъ отказъ со стороны бѣдной дѣвухки. Однакожъ, Ирина Андреевна сочла нужнымъ разогнать его сомнѣніе и воскликнула: «согласна, согласна!» съ такою увѣренностію, какъ будто дѣло шло о ней самой. При прощаньи она прижала голову гостя къ своей груди и поцаловала его въ морщинистый лобъ.

— Прощайте, родной. Я горжусь, что моя любимица будетъ имѣть такого мужа. Ваша шатап умретъ покойно, зная, что вы оба будете благодарить ее, что она устроила ваше счастье.... Будьте покойны, Иванъ Матвѣичъ: я употреблю все стараніе, чтобъ скорѣе кончилось.

И точно: она съ изумительнымъ рвеніемъ принялась за святотворство. Несмотря на предостереженіе Бѣлякова держать въ секретѣ его намѣреніе, она выписала къ себѣ тотчасъ же Лизавету Прокофьевну, долго шепталась съ ней въ гостиной, потомъ начались цалованье, слезы и кофей; наконецъ онѣ призвали М-ше Натали изъ класса, посадили ее по средямъ и, принявъ торжественныя позы, сидѣли въ молчаніи, которое было, впрочемъ, очень выразительно, потому что Ирина Андреевна подмигивала Лизаветѣ Прокофьевнѣ, а та въ свою очередь тяжело и грустно вздыхала. М-ше Натали была очень удивлена и вопросительно глядѣла то на мать, то на свою наставницу; послѣдняя, помюхавъ табакъ и попрыгивая табакеркой, съ едва сдержанной улыбкой, какъ будто равнодушно, сказала:

— Иванъ Матвѣичъ былъ у меня сегодня рано утромъ по одному дѣльцу. И, быстро обративъ лицо къ своей ученицѣ, она неожиданно и настойчиво спросила ее: — а, что покраснѣла, а? упоминала только о немъ, какъ зарево вспыхнули щеки!

И тутъ она слегка уцѣпивъ за щоку М-ле Натали, которая дѣйствительно покраснѣла, — но только теперь, а не при радостномъ извѣстїи о посѣщенїи Бѣлякова. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени Натали вообще конфузилась при его имени, потому что Ирина Андреевна порядочно ей надоѣла имъ.

— Я, маман, не покраснѣла, отвѣчала М-ле Натали.

— Другъ мой! Иванъ Матвѣичъ человекъ прекрасный, началъ наставительно мать, поправляя волосы дочери, которая устремила на нее свои черные глаза, полные дѣтскаго изумленнаго выраженїя.

— Его вниманїе дѣлаетъ честь всякой дѣвушкѣ, подхватывала наставница.

— Здоровы ли у насъ дома? спросила дочь у матери, замѣтно желая дать другой оборотъ разговору.

— Папенька твой по прежнему страдаетъ головою болью, но ходитъ на службу, плачевно отвѣчала Лизавета Прокофьевна.

— Богъ виднѣе, какъ твои родители трудятся, чтобъ васъ воспитать. Онъ старъ, твой папенька: его надо пожалѣть; а васъ у него много.

Наставница подмигивала матери, которая тяжело вздыхала и подносила платокъ къ глазамъ.

— Боже мой! въ самомъ дѣлѣ, здоровъ ли папенька? нугливо спросила М-ле Натали.

— Слава Богу, мой другъ! отвѣчала мать.

— Иногда глѣзомъ здоровъ, а душа страдаетъ, моя милая! ударяя по колѣну свою ученицу, сказала Ирина Андреевна. — Да, твои родители очень озабочены вами, отказываютъ себѣ во всемъ. Ты уже взрослая дѣвушка: надо думать о приданомъ; вынѣе никто не возьметъ безъ него.

На послѣднїя слова было слѣдано особенное ударенїе.

— Я еще учусь, маман, замѣтила М-ле Натали.

— Ничего; въ твои года изъ класса да и въ церковь!

— Я не хочу замужъ, воскликнула М-ле Натали.

Объ матери востепенулись и поглядѣли другъ на друга. Ирина Андреевна тотчасъ же сдѣлала вопросъ своей пріемной дочери :

— Отчего, если найдется женихъ? Развѣ можно всю жизнь обременять родителей? У нихъ и безъ тебя много растеть невѣсть. Ты должна была бы радоваться, что облегчишь дряхлаго отца.

М-ше Натали сидѣла потупивъ глаза и разглаживала на своемъ колѣнкѣ передникъ.

— Пора уже Катиньку и Соничку учить; а изъ какихъ доходовъ родителямъ платить за всѣхъ? и за брата еще платять....

— Что же дѣлать, добрѣйшая Ирина Андреевна! надо исполнять свой долгъ. Одно меня пугаетъ — это здоровье Григорья Лукича. Ему надо было бы побольше спокойствія. Труды его изнуряютъ, грустно говорила мать.

— А ты еще хочешь на шеѣ у отца весь вѣкъ остаться, замѣтила Ирина Андреевна своей ученицѣ, которую и такъ уже слова матери сильно взволновали.

Слезы навернулись у ней на глазахъ, и она робко спросила у Лизаветы Прокоевны : — Я васъ огорчила, маменька?

Мать вмѣсто отвѣта обняла дочь и стала ее ласкать. Ирина Андреевна говорила, какъ бы за нее, объ обязанности дѣтей утѣшать родителей и быть послушными; и, въ пылу своего монолога, она сказала :

— Если ты благоразумная дѣвушка, то будешь рада выйти замужъ и должна дать слово.

— Кому? пугливо воскликнула М-ше Натали.

— А хоть бы Ивану Матвѣичу.

М-ше Натали вздрогнула, измѣнилась въ лицѣ и бессмысленно глядѣла на Ирину Андреевну и свою мать, которая сказала :

— Другъ мой, мы очень благодарны за честь, которую намъ сдѣлалъ Иванъ Матвѣичъ, и съ папенькой твоимъ порадовались, что будемъ имѣть такого зятя.

— Маменька, маменька! бросаюсь ей на грудь, съ воплемъ прошептала М-ше Натали.

— Наташа, другъ мой! мы съ отцемъ не станемъ тебя принуждать, цалуя дочь и тоже заплакавъ, говорила мать.

— Полноте, Лизавета Прокофьевна! это дѣвичій стыдъ. Пусть плачетъ! замѣтила наставница; но едва ученица раскрыла ротъ, какъ она, сжавъ ее въ объятіяхъ, трагически шепнула ей:

— Не убивай своего отца и мать: будь послушна, утѣшь ихъ.

М-ле Натали совершенно потерялась; слезы матери надрывали ей грудь; она кинулась целовать ее и невольно проговорила: — Перестаньте! я согласна, только не плачьте.

М-ле Натали любила своихъ родителей. Она видѣла на каждомъ шагѣ ихъ заботы о ней; они всегда были ласковы съ дѣтми; если и горевали, что ихъ семейство велико, то съ одной стороны только—что неимѣютъ средствъ къ образованію дѣтей; они подвергались лишеніямъ, чтобъ прилично одѣть взрослую дочь, купить ей книгъ и платить за нее добрѣйшей Иринеѣ Андреевнѣ. Мысль обременять собою родителей такъ пугала ее, что она готова была дать слово выйти не только за Бѣлякова, но за безобразнаго старика. Къ тому же вопросъ о замужствѣ до этой минуты еще не приходилъ ей въ голову. М-ле Натали вѣчно была въ обществѣ дѣтей, какъ въ родительскомъ домѣ, такъ и у Ирины Андреевны. Правда, что, идя въ субботу домой, въ сопровожденіи старой кухарки, она встрѣчалась съ молодыми мужчинами, красилась и ускоряла шаги. Но тѣмъ и ограничивалось все. Иванъ Матвѣичъ первый сталъ оказывать ей вниманіе, какъ взрослой дѣвушкѣ. Похвалы, расточаемыя ему всѣми, невольно заставили ее съ уваженіемъ глядѣть на него. Какже ей было не дать слова выйти за него замужъ? Что такое супружество? Этотъ вопросъ ей никогда еще не приходилъ въ голову. Что такое любовь? Она со страхомъ спрашивала себя иногда и рѣшала, что любовь то же чувство, какое она питала къ своимъ родителямъ. Романовъ ей не давалъ читать, взрослыхъ пріятельницъ не было у ней, дѣвичьей тоже. Значить, всѣ пути, которыми доходятъ вообще барышни къ опредѣленію этого чувства, были закрыты для нея. О красотѣ своей она не имѣла яснаго сознанія; впрочемъ, иногда, снѣша чесаться, чтобъ идти въ утренній классъ, она вдругъ останавливала руку съ гребенкой и, глядясь въ зеркало, какъ бы спрашивала его: въ самомъ ли дѣлѣ у меня такіе черные глаза и хорошо ли это? и то потому, что въ послѣднее время Ирина Андреевна часто напѣвала ей, что она можетъ кружить головы мужчинамъ.

Услышавъ согласіе М-ше Натали, Ирина Андреевна заплакала и стремительно кинулась обнимать мать и дочь, говоря дочери: «Ты будешь счастлива; мои всѣ ученицы счастливы», а матери: — «радуйтесь, моя добрая Лизавета Прокофьевна, радуйтесь: ваша дочь кладъ нашла, а не мужа!»

ГЛАВА II.

Бѣляковъ соблюлъ всѣ формы сватовства: сначала онъ явился съ предложеніемъ къ родителямъ Натали Григорьевны. Получивъ ихъ согласіе, онъ просилъ позволенія переговорить лично съ ихъ дочерью.

Ирина Андреевна назначила у себя утро и, ради такого важнаго событія, отдала приказаніе Самсову никого не принимать.

Въ ожиданіи жениха, она сидѣла въ гостиной, на своемъ обычномъ мѣстѣ, и держала за руку свою ученицу, которую успѣла уже искусно приготовить къ согласію на предложеніе Бѣлякова, убѣжденнаго, что Натали даже не подозреваетъ его намѣренія. И вотъ онъ является. Ирина Андреевна подъкакиватьто незамысловатымъ предлогомъ тотчасъ оставила гостью. Въ первый разъ правильныя черты лица Ивана Матвѣича носили признаки оживленія: морщины на его лбу съ каждой минутой сгущались; не краска появилась на щекахъ, а матовыя пятна; казалось, что каждый изъ его коротенькихъ какъ игла волосъ находился въ сильномъ волненіи. Не въ лучшемъ положеніи была Натали Григорьевна: ее была лихорадка; лицо горѣло такимъ яркимъ румянцемъ, что Бѣляковъ ободрился, растолковавъ въ свою пользу замѣшательство дѣвушки. Онъ приступилъ къ разговору слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы были въ классѣ сегодня?

— Нѣтъ.... закнулась было Натали Григорьевна, но, взглянувъ на дверь, которая вела въ спальню Ирины Андреевны, и увидавъ въ щель блестящій глазъ, поспѣшно отвѣчала: — да-съ.

— Вамъ наскучило учиться? былъ второй вопросъ, предложенный Иваномъ Матвѣичемъ.

— Нѣтъ-съ, отвѣчала Натали Григорьевна и взглянула на Бѣлякова въ первый разъ съ прихода его въ комнату. Ее поразила

перенѣна въ его наружности. Иванъ Матвѣичъ въ то утро занимался своимъ туалетомъ продолжительнѣе обыкновеннаго: во первыхъ, его брилъ французъ английскими бритвами; волосы его, напомаженные душистой помадой, казались не такъ колючими; черный новый фракъ, отличная рубашка съ полясовами, которыхъ прежде не замѣчалось у Ивана Матвѣича; на одной рукѣ латевая перчатка; лакированные сапоги; даже новенькая шляпа, въ которую постоянно были устремлены его глаза, — все эти мелочи не укрылись отъ Натальи Григорьевны, и хотя она была очень сконфужена, но это все-таки не помѣшало ей подумать: «зачѣмъ онъ не всегда такъ одѣтъ!»

— Вы желали-бы... ѣхать въ Петербургъ? не совѣмъ твердымъ голосомъ прервалъ наблюденія дѣвушка Бѣляковъ.

— Нѣтъ, положительно отвѣчала она и ужасно покраснѣла, замѣтивъ толстый грозившій палецъ, высунувшійся изъ двери, слегка скрипнувшей. Она торопливо прибавила: — Я люблю... Москву, мнѣ весело... и окончательно потерялась, смущенная брошеннымъ изъ подлобья взглядомъ Ивана Матвѣича, который продолжалъ допрашивать ее:

— Если бы вы оставили Москву, кого бы вамъ было жаль?

— Родныхъ.

— Никого больше?

— Никого, торопливо отвѣчала Наталья Григорьевна, потому что Ирина Андреевна выставила банты своего чепца и привела ихъ въ сильное движеніе, качая головой.

— Значитъ вы никого не любите, кромѣ вашихъ родныхъ? Ирину Андреевну я помѣщаю въ числѣ ихъ, болѣе спокойнымъ голосомъ добавилъ Бѣляковъ.

Наталья Григорьевна молчала.

— А если найдется человекъ, который васъ будетъ любить, заботиться объ васъ, объ вашихъ родителяхъ, вы его полюбите? снова устремивъ глаза въ шляпу, мрачно спросилъ Иванъ Матвѣичъ.

Ирина Андреевна замахала рукой, высунула голову и, кивая ею Натальѣ Григорьевнѣ, дѣлала губами выразительныя гримасы.

— Да-съ, произнесла не совѣмъ вытнто ея ученица.

— И будете любить его всегда? глухимъ голосомъ спросилъ Бѣляковъ, давая довольно порядочный отдыхъ дѣвушкѣ послѣ каждаго своего вопроса.

Тѣ же самые жесты въ дверяхъ повторились.

— Да-съ, краснѣя все сильнѣе и потупляя глаза, отвѣчала Наталья Григорьевна.

Послѣдовало минутное молчаніе. Ирина Андреевна скрылась; только блестящій глазъ продолжалъ сверкать сквозь щелку двери. Бѣляковъ ничего не видѣлъ, потому что сидѣлъ спиной къ двери; да, кажется, еслибъ дверь была и противъ него, онъ и тогда ничего не замѣтилъ бы: такъ сильно былъ онъ взволнованъ и погруженъ въ свои вопросы.

— Значитъ вы согласитесь выйти за подобнаго человѣка замужъ? такимъ рѣшительнымъ вопросомъ нарушилъ онъ наконецъ томительное молчаніе.

Вмѣсто отвѣта обильныя слезы внезапно потекли по щекамъ дѣвушки.

— О чемъ же вы плачете? придвинувъ свой стулъ, мрачно спросилъ онъ.

— Такъ-съ, торопливо отирая слезы и сисясь улыбнуться, отвѣчала она.

Бѣляковъ взялъ ея руку, которую какъ бы оледенело его прикосновеніе, и, тономъ утѣшенія, сказалъ съ разстановкой:

— Я васъ.... люблю, Наталья Григорьевна!

И онъ придержалъ руку, которую Натали невольно хотѣла выдернуть изъ его руки, и смѣлѣе прибавилъ:

— А вы любите меня.... а?... согласны быть моею женою?

Дѣвушка молчала; но всѣ жилки на ея нѣжномъ лицѣ билась страшно. Иванъ Матвѣичъ чувствовалъ, какъ дрожала ея рука, холодная какъ ледъ и черезъ минуту какъ огонь горячая. Онъ ждалъ отвѣта терпѣливо, засмотрѣвшись на яркій румянецъ дѣвушки. Но вотъ уже рука вновь оледенѣла, краска смѣнилась блѣдностію, а все нѣтъ отвѣта. Вотъ ручьи слезъ полились изъ глазъ Натали Григорьевны, и она, вырвавъ свою руку изъ руки Ивана Матвѣича, закрыла лицо и горько зарыдала. Въ эту страшную минуту вошла въ гостиную Ирина Андреевна, потерявъ всякое терпѣніе и убѣдись съ неудовольствіемъ, что Натали не обращаетъ никакого вниманія на всѣ ея гримасы и жесты. Она въ волненіи воскликнула по французски:

— Это что, М-лле Натали? слезы!... Что это значить?

«Морщины на лбу Бѣлякова, какъ громовыя тучи, быстро сдвинулись; онъ мрачно глядѣлъ на плачущую дѣвушку. Ирина Андреевна подошла къ ней, обняла ее и что-то шепнула ей на ухо. — Кто тебя обидѣлъ, а? Иванъ Матвѣичъ? ну, говори! Какъ ни люблю его, а пожурю, пожурю голубчика! Ну, чтожь, а? что? Предлагая эти краткіе вопросы, она прикладывала ухо къ головѣ своей ученицы; но Натали продолжала рыдать и ничего больше. Вдругъ наставница радостно воскликнула: — Тебѣ стыдно? а! стыдно, ей стыдно!

И она подняла голову своей ученицы, засмѣялась и, подмигивая ей многозначительно, повторала одно и то же слово: «стыдно.»

— О чемъ же плакать? сурово замѣтилъ Бѣляковъ, можетъ быть, недовольный восклицаніями Ирины Андреевны, которая поспѣшила дать за свою ученицу слѣдующій отвѣтъ, прозвнесенный шутивымъ тономъ:

— Ишь какой! мужичиѣ все равно, а намъ какво! мы должны домъ родительскій оставить!

Но, замѣтивъ, что брови жениха начали еще сильнѣе хмуриться, она быстро измѣнила тонъ голоса и выраженіе лица и прибавила, обращаясь уже къ Натали:

— Вотъ какой чести дождалась ты, моя рѣзвушка! человекъ съ рѣдкимъ сердцемъ!

— Я прошу только одного у Натальи Григорьевны, чтобъ она откровенно сказала, желаетъ ли выйти за меня замужъ, прозвнесъ Бѣляковъ строго и рѣшительно.

— Какъ не желать ей! она любитъ свою мать, отца, родныхъ, добрый Иванъ Матвѣичъ!

— Я, можетъ быть, васъ неожиданностію сконфузилъ? Но я желаю самъ узнать ваши чувства, не слушая Ирину Андреевну, проговорилъ онъ.

— Чувства ея къ вамъ, мой родной, теплы, нѣжны.

И при этомъ Ирина Андреевна сильнѣе сжала руку дѣвушки и толкнула ее колѣномъ.

Наталия Григорьевна отерла слезы и посмотрѣла на свою вѣстаницу, а та стремительно принялась обнимать и целовать ее, въ то же время лукаво подмигивая и говоря Бѣлякову:

— Я все знаю: она все повѣрила своей мамаше. Да, Иванъ Матвѣичъ, васъ любятъ очень!... Ты не стыдись, мой другъ: переди тобою твоей наставникъ, будущій твой....

Но, замѣтивъ, что Натали хочетъ говорить, она спохватилась и быстро прижала голову дѣвушку къ своей груди.

— Я желала бы слышать это отъ самой Натали Григорьевны, настойчиво произнесла Бѣляковъ.

Ирина Андреевна перестала дунуть на своей груди ученицу и впилась въ ея лицо своими сверкающими глазами. Съ минуту длилось молчаніе. Ирина Андреевна поднесла платокъ къ глазамъ. Иванъ Матвѣичъ откашлянулся.

— Что же это ты не отвѣчаешь? съ упрекомъ и слезливо сказала наставница.

— Я согласна, шопотомъ произнесла Натали, спрятавъ свою голову на грудь торжествующей мамаше, и снова заплакала.

Бѣляковъ всгаль и выпрямился. Ирина Андреевна, весело кивая ему головой и глядя по плечу свою ученицу, сказала:

— Это слезы радости: пусть плачетъ.

Бѣляковъ свободно вздохнулъ; на его мрачномъ лицѣ появилось что-то въ родѣ улыбки; онъ оправилъ на себѣ новый жилетъ, снялъ со шлѣпы, тоже новой, какую-то пылинку и равнодушно сталъ ждать конца слезъ своей невѣсты — и дождался, благодаря утѣшеніямъ Ирины Андреевны, а особенно шептанью, которое имѣло такое дѣйствіе, что Натали вдругъ перестала плакать, какъ будто чѣмъ нибудь сильно напуганная. Тогда женихъ подошелъ къ рукѣ Натали, потомъ къ рукѣ Ирины Андреевны; послѣдняя обняла его и поздравила съ невѣстой-красавицей.

— Небось, губа не дура: славный цвѣточекъ выбралъ!

Не успѣлъ уйти женихъ изъ дому, какъ явились мать и отецъ невѣсты, кинулись цаловать, благодарить свою дочь; слезамъ, благодареніямъ Богу за счастье, испосланное въ лицѣ Ивана Матвѣича, поцалуямъ и объятіямъ не было конца. Утомясь цаловаться и плакать, всѣ усадились во шпетами. Радость такая непритворная блистала у всѣхъ въ глазахъ, что Натали почувствовала легкость на сердцѣ и даже какую то гордость, сознавая, что она причиною общаго счастья. Она даже удивлялась, какъ могла плакать и пугаться, когда требовали ея согласія. Чув-

ство глубокой благодарности охватило дѣвушку, и она въ первый разъ съ умилениемъ подумала объ Иванѣ Матаевичѣ.

Родители увезли невѣсту къ себѣ домой и тамъ непрерывно целовали ее и ласкали. Сестры и братья съ любовнымъ глѣдѣмъ на свою старшую сестру и тихонько приставали къ ней, чтобъ она сказала имъ, за что ее такъ целуютъ, и почему она въ будни пришла изъ пансіона. Разныя приготовленія въ домѣ объяснили дѣтямъ, что будутъ гости и священникъ для обрученія ихъ сестры. Начиная отъ главы семейства до босой дѣвки, всѣ одѣлись въ праздничное платье. Ирина Андреевна явилась съ женихомъ и со всѣми старухами и сиротами. Ей оказывали въ домѣ Лизаветы Прокофьевны неслыханный почетъ. Дѣти подходили къ ея толстой рукѣ, облеченной въ черную шолковую à jour перчатку. Посадили ее на первое мѣсто. Отецъ невѣсты самъ подставилъ ей подъ ноги скамейку. Словомъ, Ирина Андреевна вполне была награждена за свои безкорыстныя хлопоты, не такъ, какъ при свадьбѣ своей Лешочки! Невѣста встрѣтила жениха съ улыбкою и съ оченъ раскрасившимися щеками. Впрочемъ, на ея черныхъ глазахъ еще замѣтны были слезы, которыя легко могли бы смѣнить улыбку; но отчего плакать ребенку, встрѣчающему, куда ни взглянуть, радость, одобреніе, благодарность? Даже маленькіе братья и сестры, прыгая отъ восторга, что Бѣляковъ привезъ имъ конфектъ, благодарятъ Натали и упрасиваютъ скорѣе выходить за него, рассчитывая еще болѣе получить конфектъ на свадьбѣ сестры.

Ирина Андреевна поминутно давала совѣты своей ученицѣ.

— Ты улыбнись ему: вѣдь онъ сдѣлалъ счастливыми твоихъ родителей. Сядь возлѣ него. Поди, дай ему конфекту; а когда вась благословятъ, то поцалуй его покрѣпче: онъ ужъ твой женихъ — нечего его теперь стыдиться.

Невѣста все исполнила, кромѣ послѣдняго совѣта, потому что она почувствовала какой-то страхъ, когда на ея палецъ надѣли холодное кольцо и вложили ея лѣтскую руку въ мощную руку жениха.

Какъ ни были всѣ веселы и счастливы вокругъ нея, однако она почувствовала легкость только тогда, какъ женихъ уѣхалъ.

Все уже спало въ домѣ, исключая невѣсты. Она въ сотый разъ давала себѣ обѣщаніе свято выполнить слова, оказанныя передъ священникомъ. Вѣдая ея голова, не знавшая дѣльнѣ

заботъ, кромѣ уроковъ, потерялась, вытерпѣвъ въ одинъ день столько потрясающаго. Ей казалось дикимъ, что она не будетъ больше ходить въ классы, учить уроки. «Я стану посылать подарки сестрамъ и братьямъ, отцу, матери — думала она — надѣну роскошный капотъ вмѣсто камлотоваго платья и перелинки, буду хозяйничать, у меня будутъ деньги, я кулаю множество бисеру, шолку.» Но вдругъ ее смущала мысль, какъ она будетъ жить одна въ Петербургѣ, — «одна съ Иваномъ Матвѣичемъ, — и неужели ей всегда должно будетъ жить съ нимъ?» Задремавъ, она пугливо вздрагивала, какъ будто боялась проспать классные часы. И если бы не обручальное тяжеловѣсное кольцо, то ея новое положеніе показалось бы ей сновидѣніемъ.

На другой день обрученія Бѣляковъ уѣхалъ въ Петербургъ, для принятія новаго служебнаго мѣста. Разлука вовсе не казалась невѣстѣ печальною; но когда, при прощаньи съ нимъ, мать, отецъ и Ирина Андреевна заплакали, то и у ней навернулись слезы, — но не надолго: она тотчасъ же по отъѣздѣ его стала любоваться серьгами и брошкой — подарками жениха.

Бѣляковъ испросилъ у родителей позволенія писать къ своей невѣстѣ, а ей отъѣчать ему. Но еслибъ не добрая Ирина Андреевна, то Натали ровню ничего не нашлась бы писать къ нему, тѣмъ болѣе, что его письма были кратки и очень сухи: онъ описывалъ свои хлопоты по службѣ и приготовленіе дома — вотъ и все.

— Ты не смотри на это: люди нылкие, какъ твой женихъ, всегда такіе странные: все въ себѣ! Я его знаю давно, мой дружокъ: ты будешь имѣть страстнаго мужа. Онъ до безумія влюбленъ въ тебя. Пиши ему, что ты грустишь о немъ, ждешь съ нетерпѣніемъ его возвращенія. Пиши, что ты съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привязываешься къ нему! почти повелительно говорила Ирина Андреевна грустной Натали, въ недоумѣніи сидѣвшей съ письмомъ жениха въ рукахъ.

Недоумѣніе и грусть очень скоро уснули въ дѣтской душѣ дѣвушки, когда мать подтвердила слова наставницы: — Ровный характеръ въ мужѣ есть залогъ счастья, моя милая. Твой женихъ солидный человекъ и пустыхъ словъ не любитъ.

Да и некогда было Натальѣ Григорьевнѣ слишкомъ много и долго анализировать свое положеніе и углубляться въ отвлеченности: ее всякій день до изнеможенія возмил по дав-

камъ, закупаля наряды, кроили, шили, приѣзжали, толковали, какъ и что лучше купить. Каждая ничтожная вещь казалась роскошью дѣвушкѣ, не носившей ничего, кромѣ камлотового зеленого платья, а по праздникамъ ситцевого. И все, чѣмъ она радовалась, любовалась, всему причиной Иванъ Матвѣичъ. Онъ на свои деньги шилъ невѣстѣ приданое.

— Видишь, какой рѣдкій человекъ твой женихъ! онъ опора для твоихъ родителей, говорила Ирина Андреевна по поводу каждой ново-купленной тряпки. — Вотъ она, вотъ гдѣ на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ, видна его любовь къ тебѣ!

И какъ было не хвалить Ирину Андреевну Ивана Матвѣича? Онъ такъ внимателенъ къ ней: подарилъ ей прекрасный ковровый платокъ, принятый со всегдшнимъ восклицаніемъ: «миѣ вниманіе дорого; да, голубчикъ, я вижу, вы любите свою татапу, но и она васъ обожаетъ, какъ родного»; велъ переписку съ ней, въ которой она, разумѣется, не оставалась въ долгу, извѣщая его подробно о своей любимой воспитанницѣ. Какія великолѣпныя фразы приписывала она ей, какіе порывы восторга, отчаянія, сколько слезъ пролито было о разлукѣ съ женихомъ! «Плачетъ, горько плачетъ, мой родной, ваша невѣста; я, говоритъ, умру, если еще онъ долго не приѣдетъ. Пишите ей чаще, мой голубчикъ; она ребенокъ: надо ее побаловать. Кстати: скоро ея рожденіе, а продается отличная матерія. Не купите ли вы ей? она молода: пусть тѣшится. И доброе дѣло сдѣлаете тоже: одно бѣдное семейство «продаетъ эту матерію отъ крайней нужды. Я купила бы ее себѣ: пусть бы въ гробъ въ этомъ нарядномъ платьѣ положили; да плохи мои дѣлшки, очень плохи, скажу по секрету только вамъ. Я не люблю объ этомъ говорить. Тяжело, очень тяжело для старухи такое положеніе.»

И женихъ купилъ матерію и подарилъ — только не Натальѣ Григорьевнѣ, а самой Ирину Андреевнѣ. Невѣстѣ же готовилъ онъ подарокъ другого рода: въ день своего рожденія Натали узнала, что двѣ ея маленькія сестры поступаютъ къ Ирину Андреевнѣ, по желанію Ивана Матвѣича. Такіе подарки, разумѣется, такъ были важны въ глазахъ дѣвушки, хорошо внимавшей бѣдность своихъ родителей, что она забыла свою застѣнчивость и написала жениху очень иѣжное письмо, въ которомъ клялась его любить вѣчно.

— А какъ меня то любить! пишетъ: «Я знаю, папаша, вы будете горевать о своей любимицѣ; вотъ вамъ двухъ въ замѣнъ одной». Каково, а? эдакихъ жениховъ нѣтъ въ нашемъ вѣкѣ, это антикъ по рѣдкому сердцу. И чтѣ тутъ значить неравность ихъ лѣтъ! Вы посмотрите, какъ она его любитъ. Да всѣ, всѣ рѣшительно въ домѣ боготворятъ его, дѣти, даже прислуга вся нахалиться не можетъ. Я вамъ скажу, Богъ послалъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ не зятя, а родного сына, да еще нѣжнѣйшаго; вѣстно, что мы, женщины, родителямъ плохая опора: у насъ сердце заговорить, мы дѣлаемся неблагодарными и задумываемъ свое гнѣздышко завести. Дочь — отрѣзанный ломоть: къ хлѣбу не пристанеть!

Такъ описывала Ирина Андреевна подвигъ жениха. Но еще краснорѣчивѣе изображала она, за вечернимъ пасьянсомъ, предстоящую невѣстѣ новую жизнь, приписывая Бѣлякову, въ жару увлеченія, собственныя свои фантази:

— Ты будешь выѣзжать на балы, въ театры; онъ будетъ тебя наряжать какъ куклу. Онъ нанялъ огромную квартиру, меблировалъ ее. Все это онъ пишетъ по секрету. Я, говоритъ, готовъ бросить тысячи за одну ея улыбку. Вотъ онъ какой! ты не смотри, что въ письмахъ къ тебѣ скромничаетъ. Ну, и ты будь нѣжна, послушна: этимъ ты все сдѣлаешь изъ мужчины. Ты хороша собой, молода: ему захочется похвастать такой женой. Онъ немолодъ... это не порокъ, быстро прибавила наставница: — не порокъ, моя милая. Чтѣ въ молодомъ мужѣ хорошаго? капризы, вино, измѣна; кромѣ горя ничего я не видала отъ своего мужа, а былъ молодъ. Но человекъкъ солидныхъ лѣтъ не будетъ вѣтренничать.

— Зато ревновать будетъ! робко замѣчала Парасковьюшка, поправляя ошибку благодѣтельницы въ пасьянсѣ.

— Если и будетъ ревнивъ, то ласками да увѣреніемъ всегда можно его успокоить.

И она рассказывала какой нибудь эпизодъ изъ своей жизни, въ которомъ являлась жертвой вѣтренности молодого своего мужа, при чемъ помнотно обращалась къ свидѣтельству Парасковьюшки:

— Ты помнишь, вѣдь я была молода, невинна какъ она (указывая на Наталью Григорьевну), съ неомытымъ сердцемъ....

Парасковьюшка тяжело вздыхала, непредвзятая улыбка мелькала на ее печальномъ лицѣ, и она тихо бормотала:

— Да, также были молоды....

Насталъ день прѣзда жениха, окончившаго всѣ хлопоты въ Петербургѣ. Квартира, мебель, посуда и прислуга, — все было готово и ждало молодой хозяйки. Наталья Григорьевна сначала очень обрадовалась Ивану Матвѣичу; но когда она взглядѣлась въ него, онъ вдругъ показался ей совершеннымъ старикомъ. Морщины, — Боже, сколько морщинъ! а виски совсѣмъ сдѣлались серебряные. Платье на немъ такъ неловко сидитъ, бѣлья не видать. Неужели онъ такъ быстро будетъ старѣться? А какой серьезный, ни одной улыбки, ни одного слова! Чтó же за причина? Много такихъ вопросовъ задавала себѣ Наталья Григорьевна и вдругъ сама себѣ, какъ бы невольно, отвѣчала: «такъ вотъ чтó значитъ старость! Отчего же всѣ радуются, что я буду имѣть его мужемъ?»

И невѣста забыла свои наряды: все ее вниманіе было поглощено Иваномъ Матвѣичемъ. Она слѣдила за каждымъ его шагомъ, взглядомъ, выкала въ каждое его слово, въ тонъ голоса, и становилась все печальнѣе и молчаливѣе. Окружающіе такъ были заняты приготовленіями къ свадьбѣ, что никто не обратилъ вниманія даже на перемену въ лицѣ Наталіи; женихъ только и думалъ, какъ бы поскорѣе обвѣнчаться и уѣхать въ Петербургъ на службу. Такимъ образомъ, всѣ нетерпѣливо и весело ждали дня свадьбы, кромѣ невѣсты: она пугалась при одной мысли оставить отца и мать и очутиться одной съ мрачнымъ Иваномъ Матвѣичемъ. «Да вѣдь онъ добръ: вотъ и вотъ доказательства — разсуждала она. — Правда; но я все готова сдѣлать для него, только не ѣхать съ нимъ въ Петербургъ.» А день свадьбы все приближался. По случаю приготовленія временной комнаты для молодыхъ въ родительскомъ домѣ, невѣста на нѣсколько дней переѣхала къ Иринѣ Андреевнѣ, и тутъ сердцу бѣдной Наталіи суждено было вытерпѣть неожиданную пытку. Наканунѣ вѣнчанья, Ирина Андреевна, въ ночномъ туалетѣ, сидя на своемъ диванѣ въ гостиной, читала невѣстѣ длинную мораль объ обязанностяхъ хорошей жены. Уже было за полночь; наставница повѣивала, но желала выполнить добросовѣстно роль названной мамы.

— Да, дружокъ мой, этотъ человѣкъ теперь на всю твою жизнь связанъ съ тобой.

При этой фразѣ, невѣста какъ бы почувствовала дрожь и закуталась плотнѣе въ старую шаль своей матери.

— Ты должна сдѣлаться его рабой, глядѣть, думать какъ онъ желаетъ. Прогнѣвъ его воли не возстанешь. Вѣдь это законный мужъ! законный мужъ! сильно возвысивъ голосъ и стуча табакеркой по столу, повторяла старуха.

Дѣвушка поблѣднѣла и испуганными глазами глядѣла на сонное лицо своей наставницы.

— Да, это законный.... я потому тебѣ это говорю, что ты дитя. Я тоже, выходя замужъ, не знала, какъ важна эта вещь. Я думала тогда только о нарядахъ да о волѣ, которую получу. Вотъ чтѣ мы, глупыя, думаемъ, выходя замужъ.

И лицо Ирины Андреевны неожиданно омрачилось. Качая головой и неопредѣленно смотря на разложенный передъ нею пасьянсъ, она какимъ-то разбитымъ голосомъ сказала :

— Я была наказана и жестоко наказана за свою вѣтренность. Тяжело мнѣ было жить съ человѣкомъ, за котораго я вышла замужъ, не любя его. Этого ни одинъ мужчина не проститъ.

Натали вздрогнула и дрожащимъ голосомъ спросила :

— Какже онъ узналъ, что вы его не любили ?

Ирина Андреевна горько усмѣхнулась наивному вопросу дѣвушки и, указывая на портретъ, висѣвшій надъ диваномъ, отвѣчала :

— Во мнѣ течетъ его кровь, я горда, какъ онъ.... о, я горда! Но я была молода, пылка, какъ ты, красавица собой. Не смотри на меня теперь : это я такая отъ огорченія, какъ бы въ оправданіе своей шарообразности, прибавила Ирина Андреевна и опять, съ грустью въ голосъ, продолжала : — мужчины, мой другъ, безжалостны : они сами совращаютъ женщину съ истиннаго пути, а потомъ бросаютъ ее. Они употребляютъ всѣ свои способности, чтобъ завлечь женщину, и нѣтъ средствъ уберечься ей. Ты хороша собой : берегись, — о, берегись поддаваться увлеченію. Тогда настанетъ для тебя одно горе, стыдъ. А еще такой мужъ, какъ твой! О, смотри, убѣгай всѣхъ : ты молода, у тебя еще не установились чувства. Я много за своимъ увлеченія перенесла горя, я убила свою мать! Да, теперь нѣтъ.

на землѣ свидѣтелей моего прошедшаго. Тамъ!... я тамъ съ ними увижусь! пугливо перекрестясь, произнесла Ирина Андреевна. — Что дѣлать! прибавила она покорнымъ голосомъ. — Перенесу съ терпѣніемъ заслуженныя муки за свои вольныя и невольныя проступки.

Тишина водворилась въ комнатѣ. Ирина Андреевна, повѣся голову на грудь, задумалась. Наталья Григорьевна не спускала съ нея глазъ. Она была поражена грустнымъ лицомъ своей наставницы, вѣчно сіявшимъ улыбкой. Это лицо наводило на нее какой-то страхъ, и, желая вывести ее изъ задумчивости, она спросила:

— Неужели причина всему, что вы не любили своего мужа?

— Да, я погибла оттого! ты видишь, я сиротой доживаю свой вѣкъ: некому изъ близкихъ сердцу закрыть глаза. А у меня есть родная дочь!

И старуха горько заплакала.

Слезы наставницы, признаніе, что у ней есть дочь, въ то время, какъ никто не зналъ объ этомъ, сожалѣніе о прошедшемъ, — все это тѣмъ сильнѣе поразило несчастную дѣвушку, что настоящая исповѣдь вовсе не имѣла ничего общаго съ обыкновенными разказами Ирины Андреевны. Натали дико смотрѣла на нее, какъ будто передъ ней сидѣла незнакомая ей женщина; но видно ужъ такой часъ пришелъ на Ирину Андреевну: погруженная въ свое прошедшее, она не обращала вниманія на свою слушательницу и, обливаясь слезами, продолжала высказываться.

— Я была вѣтрена, увлеклась и... бѣжала съ другимъ! шепотомъ надъ самымъ ухомъ своей любимицы произнесла она, неожиданно схвативъ и судорожно сжимаая руку невѣсты. — Я была обманута. прибавила она уже съ рыданіемъ: — онъ бросилъ меня. Я, голодная и опозоренная, обратилась къ мужу; но онъ не захотѣлъ принять и не отдалъ мнѣ дочь. Я вышла замужъ за другого... и Богъ наказалъ меня за перваго. Да, я много страдала съ нимъ. Онъ такъ же поступилъ со мной, какъ я съ первымъ мужемъ: бросилъ меня съ груднымъ ребенкомъ голодную и бѣжала съ какой-то иностранкой.

Липо Ирины Андреевны столько выражало мукъ, что Наталья Григорьевна заплакала.

— Плачь, плачь о моей прошедшей жизни: въ ней много было проступковъ, печальнымъ и рѣзкимъ голосомъ вторгая Ирина Андреевна рыданіямъ дѣвушки, какъ бы лишенная сама слезъ, чтобъ оплакивать свои заблужденія.

Рыданія невѣсты все болѣе и болѣе усиливались, такъ что Ирина Андреевна наконецъ стала утѣшать ее.

— Полю! не вернуть тебѣ спокойствія моей совѣсти твоими чистыми слезами. Помни только, что, разъ поступивъ противъ совѣсти, трудно уберечь спокойствіе души и уваженіе близкихъ твоему сердцу.

Натали вдругъ перестала плакать и, полная ужаса, глядѣла на Ирину Андреевну, которая, вытараща свои блестящіе глаза и оторопѣвъ, обвела ими кругомъ комнаты: она искала предмета, испугавшаго невѣсту.

— Что съ тобой, Наташа? коснувшись до руки Наталии Григорьевны, пугливо спросила Ирина Андреевна.

Невѣста медленно и глухимъ голосомъ произнесла:

— Значить я погибла: я не люблю его!

Ирина Андреевна всплеснула руками; ужасъ искажилъ ея лицо, и она въ отчаяніи воскликнула:

— Господи! такъ чтожь мы такое надѣлали?

— Спасите меня, спасите! цалуя ея руки и обливая ихъ слезами, говорила невѣста, увлеченная еще болѣе отчаяніемъ своей наставницы.

Ирина Андреевна такъ была поражена рыданіемъ дѣвушки, что, обнявъ ее, сама искренно заплакала и какъ бы въ свое оправданіе говорила:

— Я хотѣла одного ея счастья, я устроить ее хотѣла. Наташа, что дѣлать намъ? тревожно обратилась она къ невѣстѣ. — Завтра свадьба, все готово, гости зазваны, всѣ знаютъ. Господи, Господи! и это я все надѣлала!

Ирина Андреевна была жалка въ эту минуту. Сознаніе—это чувство, почти никогда не говорившее въ ней—возстало, случайно пробужденное воспоминаніемъ о собственномъ прошедшемъ. Съ искреннимъ участіемъ прижимала она рыдающую дѣвушку къ своей груди и, при всемъ своемъ краснорѣчіи, повторяла одно только слово:

— Не плачь! не плачь!

Но этого утѣшенія недостаточно было дѣвущкѣ, испуганной неовѣдью своей наставницы и давно тревѣтавшей при мысли: хорошо ли она поступаетъ, выходя за человѣка, къ которому болѣе чувствуетъ страха, чѣмъ слѣдовало бы его чувствовать къ любимому человѣку?

— Ты, можетъ быть, полюбишь его: онъ достоинъ любви! онъ.... съ рѣдкимъ сердцемъ человѣкъ, проговорила Ирина Андреевна и вдругъ почувствовала необыкновенную легкость: языкъ ея пошелъ на торную дорогу. Теперь она могла утѣшиться не одну, а десять несчастнѣйшихъ невестъ! Съ жаромъ принялась она за дѣло и въ полчаса ясно доказала своей ученицѣ, что день свадьбы будетъ началомъ ея невозмутимаго счастья.

— Ты любишь его, любишь, дурочка, это пустой страхъ, выкинь всѣ глупости изъ головы. И какъ можно не любить его! Посмотри, онъ еще только женихъ, а уже что сдѣлалъ для твоихъ родителей. Сестры твои, по его милости, получаютъ образованіе. Ты нашла сына своимъ родителямъ и брата своимъ сестрамъ. Нѣтъ, не хочу думать, чтобы ты, моя любимица, могла быть неблагодарна. О, я буду убита, просто убита, если ты не выкинешь всѣхъ глупостей изъ своей вѣтряной головы. А мать твоя? да узнай она, — ты бы убила ее: долго ли съ ея слабымъ здоровьемъ? А Иванъ Матвѣичъ—да сохрани Боже, если бы онъ догадался. Да знаешь ли, что этотъ человѣкъ не вынесъ бы такого срама! Пулю въ лобъ! Вотъ посмотрѣла бы я, какъ это подѣйствовало на тебя, что бы ты заговорила тогда. Такіе серьезныя люди, какъ онъ, опасны. Берегись его! О, онъ не проститъ тебѣ, если ты ему покажешь, что не любишь его. Онъ благодаренъ и требуетъ отъ другихъ того же.

Ирина Андреевна такъ увлекалась своими доводами, что не замѣчала, какъ странно дѣйствуютъ они на потерявшуюся Наталю. Бѣдная невеста очутилась въ своей постели, на которой недавно еще она такъ сладко спала, если твердо знала урокъ къ утреннему классу, съ невѣроятной путаницей въ головѣ; она дала полную волю своему отчаянію, но и сама не знала, о чемъ и отчего болѣе плачетъ: оттого ли, что не любить еще своего будущаго мужа, оттого ли, что осмѣлилась высказать Ирину Андреевну свои чувства и этимъ оскорбила добраго, благороднаго человѣка, который ее такъ страстно любитъ, что можетъ даже застрѣлиться, если узнаетъ, что она

боятся его, или наконецъ оттого, что прошедшее Ирины Андреевны исполнено такихъ превратностей? Всѣ эти мысли свинцомъ ложились на ея мозгъ и давили такъ сильно, что ей казалось, будто слабая голова ея распадется. «Кого могу я винить? меня не принуждали итти замужъ! я сама сказала ему, что люблю его. Я писала ему, что вся жизнь моя будетъ посвящена его спокойствію и счастью. И что же я дѣлаю? я плачу, когда наступилъ день моихъ обѣщаній. Боже мой! какая я неблагодарная!» Эти размышленія перемеживались съ рыданіями, полными безвыходнаго отчаянія. Она наивно дивилась, зачѣмъ непременно, выходя замужъ, дѣвушка должна жить съ мужемъ. «Я была бы счастлива, еслибъ мнѣ позволили по прежнему остаться въ Москвѣ и ходить въ классъ. Я любила бы Ивана Матвѣича.»

Какія усилія ни дѣлала на другой день Наталья Григорьевна, чтобъ казаться веселой, она не могла даже удерживать слезъ, которыя набѣгали ей на глаза, на кого и на что она ни посмотреть. Мысль, что все это она видитъ въ послѣдній разъ, что ее увезутъ далеко-далеко отъ всѣхъ, кого она знавала въ своей жизни, кого любила, не покидала ее.

Наступилъ часъ одѣванья невѣсты; подругъ у ней не было, однѣ только старухи, знакомыя Ирины Андреевны, толкались около нея. Наталья Григорьевнѣ все становилось страшнѣе и тяжелѣе, такъ что тихія слезы смѣнились рыданіями. Ирина Андреевна поминутно останавливала ее, грозя и повторяя съ упрекомъ: — Стыдно, стыдно, M-lle Натали!

Невѣста вздрагивала и бросала ей умоляющій взглядъ, какъ бы прося прощенія.

Лизавета Прокофьевна съ печальной мимой, дѣлая различныя распоряженія, говорила плачущимъ голосомъ: — Ахъ, добрѣйшая Ирина Андреевна, какъ тяжело матери разставаться съ своимъ дѣтвщемъ, если бы неутѣшительная мысль, что для нихъ же счастья....

— Не говорите, почтеннѣйшая Лизавета Прокофьевна: мнѣ также тяжело, очень тяжело; я ее люблю какъ свою дочь. Не надо покориться; мы любимъ ее, значитъ должны жертвовать всѣмъ, лишь бы ей было хорошо....

Ирина Андреевна была очень величественна въ эту минуту. Пышный нарядъ дѣлалъ ее еще обширнѣе и шаровиднѣе.

Обыкновенно лукавое выраженіе лица смѣнилось болѣе важнымъ и приличнымъ настоящей роли : она везла невѣсту въ церковь. Наступилъ в этотъ часъ для Натальи Григорьевны. Начались прощанья , благословенья ; такой вопль вырвался изъ груди невѣсты, что старухи, сначала заплакавшія, по принятому обычаю, расхныкались серьезно.

Лизаветѣ Прокофьевнѣ сдѣлалось дурно : такъ испугало ее отчаянне дочери , которая , упавъ въ ноги матери , произносила несвязныя слова , темныя для всѣхъ , кромѣ , можетъ быть, Ирины Андреевны.

— Боже мой, платье сомнеть !

— Ахъ, вуаль разорветъ !

— Смотрите, волосы растрепала !

Такъ завопили старухи кругомъ ; но никто не рѣшался приблизиться къ невѣстѣ. Одна Ирина Андреевна выказала въ эту трагическую минуту присутствіе духа. Она съ силою подняла невѣсту на ноги и, указывая на ея мать, грозно сказала :

— Ты хочешь убить ее, а ?

Невѣста вся задрожала и съ тѣмъ же отчаяніемъ стала просить прощенья у Ирины Андреевны , которая повелительнымъ голосомъ дѣлала распоряженія , держа невѣсту за руку :

— Господа , пора ѣхать въ церковь ; велите давать шаль невѣстѣ.

— Дайте ее опрavitъ. Можно ли ее въ этомъ видѣ везти ! , восклицали старухи.

— Послушай , я выйду изъ терпѣнья ! чтобъ слезъ твоихъ я не видала ! прикрикнула Ирина Андреевна съ такою строгостью, какой еще никогда не бывало въ ней.

Невѣста молча повиновалась всѣмъ и всему, что ей ни приказывали. Лизавета Прокофьевна очнулась и въ послѣдній разъ поцаловала дочь , которой подрумянили блѣдныя щоки , и потомъ повезли ее.

Садясь въ карету, Ирина Андреевна сказала тихо Парасковьюшкѣ, тоже разодртой во все чужое и плакавшей не менѣе невѣсты :

— Ну, о чемъ нашей невѣстѣ плакать ? глупенькая ! не знаетъ своего счастья.

— Да, еще успѣть наплакаться! грустно произошло Пера-сковьюшка и сама испугалась своего замѣчанія: такъ рѣдко она рѣшалась высказывать свои мысли.

Но благодѣтельница ничего не возразила, занятая въ эту минуту публикою, собравшеюся около подѣзда изъ всѣхъ соеѣд-нихъ переулковъ.

На другой день свадьбы, Ирина Андреевна, съ утомленнымъ лицомъ, сидѣла у себя въ гостиной, ожидая молодыхъ; но явился одинъ Иванъ Матвѣичъ.

— А ваша жена? а? гдѣ она?

— Больна, врачно отвѣчалъ онъ.

— Простудилась?

— Нѣтъ, слезы! Ахъ, мнѣ эти женскія слезы!

— Но, мой родной, сами посудите, оставляетъ мать, отца, родныхъ.

— Оно такъ, Ирина Андреевна, да такъ плакать — это невозможно. — Я боюсь мѣсто потерять въ дилижансѣ. У ней жаръ такой сильный, даже бредъ былъ ночью!

— Боже мой, Боже мой! качая головой, воскликнула сконфуженная старуха. — Впрочемъ, что же дѣлать! молода еще, молода, мой голубчикъ!

— Молода! врачно повторилъ невозвратный и еще суровѣе нахмурился. — Благоразуміе уже должно быть въ эти лѣта. Нѣтъ, Ирина Андреевна, я вамъ скажу правду: матери дурно дѣлаютъ, что такъ сильно привязываютъ къ себѣ дочерей своихъ. Онѣ должны же знать, что не вѣкъ будутъ съ ними жить. Это только хлопоты мужьямъ. Вотъ возись теперь!

— Это правда! правда, что такое привязанность къ матери, къ чему она? обрадовавшись, затрещала Ирина Андреевна. — Для мужа, особенно такого, какъ вы, это несносно. Но ужь зато, я васъ увѣрю, что у моей Натали тепло... у, какъ тепло тутъ!

И она указала на свое сердце.

— Она сильно привяжется къ вамъ. Не первую выдаю: также плакали, а потомъ, — о, потомъ... Ирина Андреевна приостановилась и, торжественно улыбаясь, прибавила: — потомъ благословляли свою шапашу.

ГЛАВА Ш.

Неизвестно, что именно, тайный ли разговоръ съ Ирриной Андреевнѣй, слезы и увѣщанія матери, или, наконецъ, мрачность Ивана Матвѣича сдѣлали то, что Наталья Григорьевна вдругъ перестала плакать. Она какъ будто торопилась ухватить скорѣе изъ Москвы, и прощанье не было такъ страшно, какъ ожидали. Наталья Григорьевна казалась даже безчувственною, когда мать, рыдая, прощалась съ ней. Одинъ Иванъ Матвѣичъ повялъ ея безчувственность и безмолвіе и поступилъ энергически: разлучивъ мать съ дочерью, онъ поспѣшно посадилъ жену въ карету, нанятую до дилижанса, и просилъ не провожать ихъ, такъ какъ проводы поведутъ только къ лишнимъ слезамъ и расходамъ, вслѣдствіе чего на все согласная Иррица Андреевна прочла длинный панегирикъ его заботливости. Наталья Григорьевна, по видимому, приняла твердое намѣреніе помириться съ своимъ новымъ положеніемъ. Она въ первый разъ дѣлала такую дальнюю дорогу, и каждая мелочь интересовала ее. Но, къ несчастію, Иванъ Матвѣичъ своимъ пасмурнымъ лицомъ и молчаливостью скоро заставилъ ее крѣпче прижаться въ уголъ кареты и молчать. Тишина въ ихъ отдѣленіи тѣмъ рѣзче поражала, что рядомъ было шумно и весело: тамъ ѣхали молодые люди; смѣхъ и говоръ ихъ былъ неутомимъ, какъ движеніе колесъ дилижанса, катившагося по пыльному шоссе. На первой же станціи Иванъ Матвѣичъ онустилъ сторы и закрылъ окна, бдительно наблюдая, чтобъ нескромный глазъ какого нибудь сосѣда не проникъ въ ихъ отдѣленіе. Когда нужно было пить чай, онъ провелъ жену какимъ-то ходомъ чрезъ кухню, въ особенную комнату, гдѣ наскоро далъ ей выпить чаю, и тѣмъ же ходомъ увелъ ее обратно и посадилъ за полчаса ранѣе въ карету. Съ половинны дороги онъ началъ даже какъ часовой мрачно ходить около дверецъ, къ чему поводомъ, вѣроятно, послужила ошибка одного молодого человѣка, который чуть не сѣлъ на его мѣсто вмѣсто своего. Дорога съ такими охранительными мѣра-ми очень утомила Наталью Григорьевну; озабоченный видъ Ивана Матвѣича, его раздражительность съ кондукторомъ за продолжительность остановокъ, вызывавшая смѣхъ сосѣдей, — все

тревожило ее; ей казалось, не она ли причиной его гнѣва, и она робко высказывала ему свое подозрѣніе.

— Нѣтъ, я доволенъ вами, но не скрою, что ваши слезы очень, очень поражали меня.

— Я болѣе не буду плакать, съ увѣренностію говорила Наталья Григорьевна и пробовала казаться веселой, чтобъ разогнать угрюмость мужа.

Но напрасно: мрачность была нормальное его состояніе. Тонъ голоса, морщины, самый слогъ, — все согласовалось съ характеромъ, которому улыбка, веселое слово были бы явнымъ противорѣчіемъ.

Наталья Григорьевна не могла спать въ дорогѣ и часто по дѣльнымъ часамъ на разсвѣтѣ разглядывала лицо спящаго Ивана Матвѣича. Она находила его даже красивымъ; но зачѣмъ эта мрачность, не покидавшая его и въ сладкомъ снѣ? Послѣ трехъ дней, проведенныхъ съ Иваномъ Матвѣичемъ, смѣхъ сосѣдей уже казался ей дикимъ и ненормальнымъ. Она забыла, что еще недавно сама такъ же много и весело смѣялась, какъ они. Въ нетерпѣивіи ждала она пріѣзда въ Петербургъ. Петербургъ! Боже мой, съ какимъ трепетомъ и надеждами вѣзжають въ тебя въ первый разъ, и только тѣ морщатся и косятся на тебя, кто возвращается къ своему обычному труду, послѣ краткаго отдыха, внѣ твоихъ душевныхъ стѣнъ! Твой пышный видъ, твое движеніе на шумныхъ улицахъ не обмануть знакомаго уже съ твоею жизнію. Не гулять спѣшать всѣ, — нѣтъ, къ вѣчному и однообразному труду торопятся. Только одни праздные люди лѣниво и какъ бы нѣхотя волочатъ ноги. Какъ всѣ блѣдны, худы! Но вотъ свѣжее лицо; оно полно здоровья и веселья, оно зѣваешь на все и всѣхъ сбиваетъ съ ногъ; оно пугается криковъ кучеровъ и стуку экипажей. Это только что явившійся въ Петербургъ провинціалъ, съ запасомъ надеждъ, которыя думаетъ осуществить здѣсь. Онъ рѣзко отличается въ толпѣ. Но не пройдетъ и мѣсяца, какъ онъ, такъ же какъ и другіе, поблѣднѣетъ, такъ же озабоченно будетъ спѣшить въ перелюбую къ кому нибудь, чтобъ простоять часа два въ уныломъ ожиданіи, и такъ же проголодавшись побѣжитъ къ бѣдному своему обѣду, который дается ему вмѣстѣ съ сырой комнатою отъ жильцовъ. Онъ смѣшается въ толпѣ и самъ будетъ иронически улыбаться, завидя подобнаго провинціала на улицѣ.

Наталья Григорьевна высунулась изъ окна посмотрѣть на приближавшійся городъ.

— Боже мой, какъ весело! сколько огней! Какъ величественъ городъ! Вѣрно тамъ балъ! восклицаетъ она, указывая на большое строеніе, освѣщенное сверху до низу газомъ.

— Бумажная фабрика, сухо отвѣчаетъ Иванъ Матвѣичъ.

— Но теперь ночь, съ удивленіемъ замѣчаетъ она.

— Въ Петербургѣ дня мало, отвѣчаетъ ей мужъ.

— Пожаръ! смотрите, какое страшное пламя! Бѣдные, они сгораютъ! опять вскрикиваетъ съ ужасомъ Натали.

— Это заводъ — плавятъ желѣзо.

— Посмотрите, какія толпы идутъ народу: вѣрно, съ гулянья какого нибудь.

— Фабричный народъ расходится по домамъ.

Вотъ застучалъ страшно дилижансъ о мостовую и оглушил Наталью Григорьевну, привыкшую къ глухому шуму шоссе. Крики кучеровъ, пронзительная труба кондуктора, мельканіе фонарей, — все это такъ подѣйствовало на будущую жительницу Петербурга, что у ней закружилась голова. Вотъ они выходятъ изъ дилижанса. Иванъ Матвѣичъ самъ оправляетъ на ея шляпкѣ вуаль и держитъ ее крѣпко за руку, дѣлая сердитымъ голосомъ распоряженіе, чтобъ скорѣе привезли ему экипажъ доѣхать до квартиры.

Какъ удивлялась Наталья Григорьевна унылости и молчаливости своихъ сосѣдей! Ни веселаго смѣха, ни шутки. Лѣнливо собираютъ они свои вещи, какъ будто желая хоть минутой отлѣзть водвореніе свое въ шумномъ городѣ.

Иванъ Матвѣичъ усадилъ свою жену въ карету, и они поѣхали по мягкой мостовой.

«Какъ свѣтло, сколько народу на улицѣ, какъ весело, какіе магазины, какъ ярко освѣщены! какъ страшно высоки дома, какъ могутъ жить люди на такой высотѣ!» думаетъ Наталья Григорьевна, не смѣя сообщить своихъ мыслей Ивану Матвѣичу, ужасно разсерженному учтивостью сосѣдей по дилижансу, которые поклонились ему и его женѣ, когда супруги сѣли въ карету.

Карета, по приказанію его, остановилась у подъѣзда одного огромнаго дома. Они стали взбираться по лѣстницѣ. Наталья Григорьевна сначала побѣжала, но, не видя конца сту-

пенькамъ, почувствовала какой-то страхъ; ноги ея ослабли: она на каждой площадкѣ останавливалась, чтобъ перевести дыханіе, а Иванъ Матвѣичъ говорилъ: «выше, еще выше!» и мѣрно взбирался по ступенькамъ. Когда Наталья Григорьевна, взойдя на послѣднюю площадку, утомленная, облокотилась на желѣзные верилы и взглянула внизъ, дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Пять тусклыхъ фонарей, висѣвшихъ на заржавленной цѣпи, мрачно освѣщали вышину, на которой она стояла. Иванъ Матвѣичъ тяжело вздохнулъ, заноса ногу на послѣднюю ступеньку, и довольнымъ голосомъ произнесъ:

— Вотъ мы и въ Петербургѣ!

И онъ дернулъ за колокольчикъ у двери. Дверь чрезъ минуту раскрылась и старуха со свѣчей разинула было ротъ съ словомъ: «кого?...» но тотчасъ смѣнила вопросъ свой радостнымъ восклицаніемъ: «Ахъ!» и, отвѣсивъ низкій поклонъ Ивану Матвѣичу, дала ему дорогу.

— Вотъ и барыню вамъ привезъ! Скорѣе нести вещи изъ кареты, сказалъ Иванъ Матвѣичъ, какъ всегда строго, но видно было, что раздражительность его прошла.

Старуха быстро чмокнула руку у Натальи Григорьевны и сняла съ нея салопъ. Въ эту минуту явилась еще старуха и низко поклонилась Ивану Матвѣичу, который повторилъ ей то, что сказалъ первой. Новая старуха тоже хотѣла поцаловать руку у барыни. Но Натали успѣла уклониться и торопливо вошла за мужемъ въ залу, потому что темная, сырая передняя, съ затхлымъ запахомъ и съ одной красной вѣшалкой, неприятно подѣйствовала на нее. Зала показалась ей огромною, но была несоразмѣрно низка; окна небольшія, а простѣнки широкіе; мебели мало: буфетъ крашеный, съ такимъ множествомъ дверецъ, что въ маленькіе его ящички, казалось, не поставишь больше какъ по одной чайной чашкѣ; круглый столъ, раздвижной, на жидкихъ ножкахъ, два голландскіе дивана, темно-фіолетоваго цвѣта, съ перламутровыми пуговицами, съ бахромой, казавшіеся при одной свѣчѣ черными, и въ добавокъ запахъ свѣжаго дерева и лаку, смѣшанный съ сырымъ погребнымъ воздухомъ.

— Вотъ ваша комната направо, а лѣвую мой кабинетъ, сказалъ Иванъ Матвѣичъ, отдавъ свѣчу своей женѣ, и ушелъ хлопотать о вещахъ.

Наталья Григорьевна, оставшись одна и держа въ дрожащей рукѣ свѣчу, дико смотрѣла вокругъ себя, какъ бы не вѣря, что эти комнаты назначены для того, чтобъ жить ей въ нихъ.

«Гдѣ же мебель? гдѣ занавѣси? гдѣ бронза?» спрашивала себя Натали, привыкшая, по словамъ Ирины Андреевны, представлять себѣ свое будущее жилище въ довольно блестящемъ свѣтѣ. Она робко заглянула въ свою комнату, надѣясь хоть тамъ лать отдыхъ воображенію, испуганному мрачностью квартиры. Но и эта комната также огромна, также широка и низка, неуклюжа, также муста, несмотря на огромную кровать, стоящую у стѣны, противъ оконъ, со сторонами. Небольшой туалетъ казался игрушечнымъ, въ широкомъ простѣнкѣ; а маленькій диванъ, обитый ситцемъ, и швейный столикъ совершенно терялись у безконечной стѣны. Платяной шкафъ, комодъ да нѣсколько стульевъ—вотъ что еще нашла Наталья Григорьевна тамъ, гдѣ ждала найти уютность, вкусъ и внимательность любящаго человѣка. Мрачность, мрачность и мрачность—вотъ все, что встрѣчала она, куда ни глядѣла.

— Такъ здѣсь-то я должна жить?

Холодный потъ выступилъ на лицо новой жительницы Петербурга; она поспѣшила открыть окно, чтобъ дохнуть чистымъ воздухомъ. Но какъ страшно, какъ высоко отъ земли! И она невольно вспомнила деревянный домикъ своей матери, маленькія комнатки, сухія, свѣтлыя, свою маленькую кроватку у Ирины Андреевны, классную комнату, въ которой она играла въ жмурки съ дѣтьми, шумно и весело бѣгавшими вокругъ нея.

— Неужели я болѣе никогда не увижу того, что мнѣ такъ дорого? въ какомъ-то ужасѣ восклицаетъ она и пугается собственнаго голоса, глухо раздавашагося въ пустой комнатѣ.

Она спѣшитъ въ кабинетъ своего мужа; можетъ быть, тамъ комната веселѣе; но ей еще грустнѣе стало, когда она вышла изъ кабинета. Она не нашла въ немъ ничего, во чему можно было бы судить, что тутъ обитаетъ человѣкъ. Турецкій диванъ, обитый тикомъ; простой столъ, заваленный пыльными бумагами; щеты и еловинная чернильница съ двумя перьями; простой платяной шкафъ; въ углу свалены бумаги и толстыя книги—Сводъ Законовъ; даже сторъ не было у оконъ. Отъ этого, что ли, только эта комната показалась ей еще мрачнѣе другихъ....

Напились чаю. Паръ отъ самовара разостлался въ комнатѣ и покрылъ каплями поту стекла оконъ. Все тихо кругомъ. Иванъ Матвѣичъ, въ халатѣ, молчаливо покуриваетъ трубку. Вдругъ раздается выстрѣлъ! Натали вскрикиваетъ, блѣднѣетъ и вскакиваетъ, готовая бѣжать; но мужъ удерживаетъ ее, сажаетъ на прежнее мѣсто и, подавая ей стаканъ воды, наставительно говорить:

— Можно ли такъ пугаться пустяковъ? мебель новая: натурально сохнуть!

Не успѣвъ успокоиться отъ перваго испуга, Наталья Григорьевна снова блѣднѣетъ. Ей кажется, что домъ зашатался, и точно: стаканы и чашки застучали на столѣ, все дрожитъ.

— Какое ребячество! мрачно замѣчаетъ Иванъ Матвѣичъ: — экипажъ, проѣхавшій по улицѣ, заставляетъ васъ блѣднѣть и пугаться!

Онъ совѣтуетъ женѣ скорѣе лечь въ постель и успокоиться послѣ дороги.

«Какъ здѣсь страшно!» — ложась въ огромную постель, думаетъ Наталья Григорьевна и не можетъ заснуть, тревожимая стукомъ экипажей и криками запоздалыхъ гулякъ.

Она такъ привыкла къ тихимъ московскимъ немощнымъ переулкамъ, что ей казалось невозможнымъ спать среди такого шума.

Вставъ очень рано, она съ любопытствомъ оглядѣла свое новое жилище и нашла его не веселѣе прежняго; углы и простѣнки покрыты были какимъ-то чернымъ мохомъ, да въ грязноватыхъ обояхъ виднѣлось нѣсколько страшныхъ крючковъ и заплатъ — вотъ все, что открыла она новаго, при дневномъ свѣтѣ. Лица старухъ показались ей такъ противны, что она не позволила горничной дотронуться до своей головы и одѣлась сама.

Иванъ Матвѣичъ отправился на службу съ обычнымъ своимъ мрачнымъ видомъ. Натали, оставшись одна, почти тотчасъ принялась плакать. Время отъ девяти до четырехъ часовъ показалось ей безконечно длиннымъ, и она вдоволь наплакалась. Зная, какъ сердятъ ея слезы Ивана Матвѣича, она хотѣла развлечься чтеніемъ, но не нашла въ кабинетѣ мужа ни одной книги. Итакъ, она сѣла въ своей комнатѣ у раскрытаго окна и робко глядѣла внизъ, приучаясь къ высотѣ: люди, лошади — все казалось ей

сверху миниатюрнымъ; она не могла даже разглядѣть покрой платья женщинъ.

«Хоть бы крыши, съ безчисленными трубами, не заслоняли неба, а эти барки не мѣшали бы мнѣ видѣть воду; ато блескъ противоположныхъ стѣнъ, тротуары рѣжутъ глаза. Какая пыль, какъ душно! И, кажется, никто не замѣчаетъ этого; иначе зачѣмъ такъ жить? то ли дѣло маленькіе домики съ садиками!... Что дѣлаютъ теперь дома? Братья и сестры бѣгаютъ по саду; отецъ и мать отдыхаютъ. Нѣтъ, встали; собираютъ къ чаю. А я еще не обѣдала!»

И вновь слезы рвутся наружу; но Наталья Григорьевна дѣлаетъ усиліе и ищетъ предмета, чѣмъ бы развлечься. «Ахъ, сколько народу на плоту! какой стукъ, крикъ, смѣхъ! Бѣдная лошадь, какъ ей тяжело везти такую кучу мокраго бѣлья! Ахъ, зачѣмъ ее бьютъ! несчастная!» Наталіи такъ возмутилась жестокостью мужика, что закричала на него изъ окна и сама разсмѣялась своему ребячеству. «Какая мутная вода должна быть! Зато какія гладкія, чистыя улицы. Хоть бы березку мнѣ гдѣ увидать; вѣрно въ Петербургѣ нѣтъ ихъ. А всѣ такъ хвалятъ его! Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ одной онъ такъ скученъ. Я его еще не знаю. Можетъ быть, я буду любить его. Я поѣду на лодкѣ по Невѣ: говорятъ, отличная рѣка. Буду гулять въ Лѣтнемъ Саду; поѣдемъ за городъ, на острова.» Эти мысли слегка ее развлекли, и, съ твердымъ намѣреніемъ болѣе не плакать, она пошла посмотрѣть свою кухню. Старухи распивали кофе и тараторили между собою. При появленіи хозяйки, онѣ привстали; кухарка, вытирая губы, начала рапортовать, сколько она купила фунтовъ говядины и почемъ.

— Здѣсь, сударыня, очень все дорого; къ зелени и приступу нѣтъ. Начнешь торговаться, такъ глядѣть не хотятъ, объявила кухарка, страшно растянувъ послѣднія слова.

Наталіи очень сконфузилась, но не рѣшилась сказать, что пришла изъ одного любопытства посмотрѣть, какіе дворы бываютъ въ Петербургѣ, и, чтобъ поддержать свое достоинство, спросила: — Есть ли ледникъ у насъ при квартирѣ?

— Какой ледникъ! на десять жильцовъ одинъ, да и тотъ — оборони Богъ — одна нечисть! Крысы большущія. Я вотъ здѣсь ставлю, извольте взглянуть. И кухарка раскрыла дверь, между двойными половинками которой были вдѣланы полки:—

сами, посудите легкое ли дѣло за всякой мелочью бѣгать по этимъ лѣстницамъ!

Наталя Григорьевна, слушая кухарку, заглянула на дворъ и была поражена его видомъ. Въ одномъ этажѣ играютъ на фортепьяно, тамъ на скрипкѣ, внизу поютъ; повара ножами стучатъ, въ конюшнѣ на гармоникѣ играютъ. Лошади ржутъ; тамъ экипажъ моютъ, тамъ рубятъ дрова, носятъ воду. Дѣти играютъ и бѣгаютъ чуть не подъ ногами лошадей, а тутъ еще выѣзжаетъ извозчикъ съ сѣдокомъ. Собаки визжатъ и лаютъ; дѣти плачутъ. Тамъ бранятся, въ другомъ этажѣ весело переговариваются черезъ дворъ. Тяжелый, удушливый воздухъ стоитъ надо всѣмъ. «Боже мой! Боже мой, и тутъ живутъ люди!» уходя изъ кухни, дивится Наталя Григорьевна.

Явился Иванъ Матвѣичъ со службы. Наталя Григорьевна встрѣтила его радостно; но онъ усталъ, былъ голоденъ и замѣтилъ только, что столъ не накрытъ, а радость Натали осталась незамѣченной.

— Надо вамъ хозяйничать, быть заботливой, довольно кротко сказалъ онъ женѣ, а старухѣ-горничной, исправлявшей также должность лакея, строго приказалъ, чтобъ столъ всегда былъ накрытъ къ четыремъ часамъ.

— Я ждала, что прикажутъ, оправдываясь, сказала старуха.

— Спросила бы у барыни, сердито возразилъ Бѣляковъ.

— Да не смѣла беспокоить-съ: изволили все плакать.

Натали вся всникнула, встрѣтивъ полный упрека взглядъ Ивана Матвѣича, который, по уходѣ горничной, многозначительнымъ голосомъ, сказалъ:

— Опять!

— Миѣ скучно было одной.... я немножко, оробѣвъ, отвѣчала Натали.

— Надо заниматься чѣмъ нибудь; вѣдь вы знаете, что я службой достаю себѣ хлѣбъ.

— Виновата, чуть не плача, спѣшила произнести Натали, полная искренняго раскаянія; но оно не было замѣчено Бѣляковымъ, который продолжалъ свою нотацию:

— Ваша мать была вамъ постояннымъ примѣромъ хорошей хозяйки: я надѣялся, что она приготовила васъ понимать вещи какъ должно, а не мечтать Богъ знаетъ о чемъ и потомъ плакать.

По горячности, съ которою онъ говорилъ, видно было, что его нѣсколько тревожили слезы жены; не подозрѣвалъ ли онъ даже, что источникъ ихъ кроется еще въ чемъ нибудь, кромѣ разлуки съ родными? Слово «мечтать» было произнесено нитъ такъ, какъ обыкновенно произносится оно людьми его характера.

— Я больше не буду! въ отчаяніи воскликнула Натали, глотая уже слезы.

— Я надѣюсь, что слезъ вашихъ я болѣе не увижу и не услышу, все еще ворчалъ онъ.

Она отвѣчала ему однимъ тяжелымъ вздохомъ.

Отобѣдали. Иванъ Матвѣичъ, поговоривъ о домашнемъ хозяйствѣ, отправился въ кабинетъ отдохнуть. Натали опять осталась одна. Страшная тоска сжала ей сердце, и оно такъ заняло, что вопль вырвался у ней изъ груди; но она тотчасъ ономнилась и начала пугливо махать платкомъ въ лицо, чтобъ прогнать набѣжавшія слезы. Слезы скрылись, но она не могла отогнать тяжелыхъ, надрывающихъ душу мыслей, которыя осаждали ея голову.

«Боже мой, отчего мнѣ такъ скучно? — разсуждала она сама съ собой. — Неужели онъ всегда такъ будетъ говорить со мной? Онъ правъ: развѣ весело смотрѣть, какъ я плачу. Онъ столько сдѣлалъ для меня. Мои сестры учатся на его счетъ, онъ далъ денегъ въ займы моей матери на поправку нашего дома, а я сержу его. Нѣтъ, я буду исполнять все, все, что онъ ни пожелаетъ. Онъ усталъ, онъ цѣлое утро работалъ: пусть спитъ. Когда встанетъ, мы пойдемъ гулять, осматривать Петербургъ; онъ будетъ веселъ.»

Не обмылись предположенія Натальи Григорьевны: мужъ ея, послѣ трехъ-часового отдыха, усѣлся за дѣловыя бумаги и такъ былъ серьезенъ, что она не рѣшилась его беспокоить.

Слѣдующій день такъ походилъ на прошедшій, что трудно было ихъ отличить одинъ отъ другого; даже блюда за обѣдомъ были такія же. Только тоска сильнѣе сжимала грудь Натали и высота изъ окна не казалась ей уже страшной. Такъ прошла цѣлая недѣля, и каждый часъ въ ней тянулся такъ продолжительно, что Натали казалось, съ годъ уже прошло съ прибытія ихъ въ Петербургъ. Каждый день нетерпѣливо ждала она прихода Ивана Матвѣича со службы, питая надежду, что молчали-

вость и мрачность его исчезнуть. Отъ воскресенье она ждала многого: ея мужъ будетъ свободенъ, веселъ, они пойдутъ гулять. И точно: онъ самъ съ вечера объявилъ ей, что они пойдутъ въ воскресенье къ ранней обѣднѣ.

«Почему же не къ поздней?» думаетъ Натали, но не рѣшается спросить.

Вотъ и утро. Они вышли на улицу — улица пуста; только куча голубей расхаживаетъ. Иванъ Матвѣичъ не замѣчаетъ, что вуаль ея не спущенъ, а въ дорогѣ онъ строго слѣдилъ за этимъ. Звонъ колокола напомнилъ ей Москву. Но какъ весело было ей идти въ церковь съ братьями и сестрами! Какъ часто толпа разступалась, чтобъ дать ей дорогу, а за ней тянулася длинная вереница дѣтей; возвратясь домой, пили кофе съ отцомъ и матерью, потомъ шли въ маленькій домашній садъ, качались, бѣгали, играли. Послѣ обѣда она и сестры постарше ходили съ отцомъ на Прѣсенскіе пруды. «Очень, очень весело мнѣ было тогда, а главное — такъ легко и все смѣяться хотѣлось», думала Наталья Григорьевна и еще грустище прежнего возвратилась домой.

Иванъ Матвѣичъ точно провелъ воскресенье съ женой, — но какъ? Онъ посвящалъ ее въ хозяйственныя тайны, самъ слѣлалъ ей нѣсколько маленькихъ тетрадокъ для вписыванія расходовъ, аккуратно разлиновалъ ихъ, сводилъ съ ней вмѣстѣ недѣльный счетъ. Все это не поразило бы Наталью Григорьевну, воспитанную въ бѣдности: она очень хорошо понимала необходимость мелочного расчета; но отчего же одни счеты и ничего больше? и къ чему такая строгость, къ чему пошлая мораль: «каждая порядочная женщина должна....» и проч. Потомъ онъ написалъ два письма: одно къ ея родителямъ, другое къ Иринѣ Андреевнѣ, и подъ своимъ надзоромъ заставилъ и ее сдѣлать тоже; это такъ было ей трудно, что она почти по диктовкѣ его написала письма. За обѣдомъ послѣдовалъ отдыхъ, какъ и въ будни.

Натали, совершенно одѣтая, ждетъ давно, когда Иванъ Матвѣичъ проснется: онъ обѣщалъ повести ее гулять; но солнце сѣло, уже смеркается, а онъ шуршитъ листами «Сенатскихъ Вѣдомостей» въ своемъ кабинетѣ.... Выведенная изъ терпѣнія, она рѣшается напомнить ему его обѣщаніе. Медленно одѣвается Иванъ Матвѣичъ и еще медленнѣе спускается по безконечной

лѣстницѣ, постукивая палкой. Натали, какъ птичка, выпущенная изъ клѣтки, полна восторга; она готова сбѣжать какъ стрѣла съ лѣстницы, но Иванъ Матвѣичъ беретъ ея руку, крѣпко сжимаетъ и сердито замѣчаетъ ей, «куда она торопится.» Но вотъ она на улицѣ, послѣ недѣльнаго заключенія. Какой тяжелый воздухъ, какъ душно и какой паръ! а сколько народу суетится, толкается! Иванъ Матвѣичъ приказываетъ опустить вуаль; она замѣчаетъ, что ей душно, но онъ строго повторяетъ свое желаніе, замѣчая, что «молодой женщинѣ неприлично ходить съ открытымъ лицомъ въ Петербургѣ.»

— Почему мы не пошли прямо? такъ много народу идетъ туда! спросила Натали, неохотно поворачивая за нимъ въ какой-то переулочекъ.

— Неприлично молодой женщинѣ толкаться въ многолюдствѣ по Невскому, опять отрывисто отвѣчаетъ Иванъ Матвѣичъ, все ускоряя шаги.

Вотъ они очутились въ глухомъ мѣстѣ; кромѣ партій мужиковъ никого они болѣе не встрѣчаютъ. Но какой душный и неприятный запахъ отъ воды! И она спрашиваетъ мужа, что это за рѣка?

— Обводный каналъ.

— Мы въ Лѣтній Садъ идемъ?

— Нѣтъ, онъ далеко отсюда.

— А есть бульвары въ Петербургѣ?

— Нѣтъ.

— А далеко ли Нева?

— Далеко.

— Мы пойдемъ въ будущее воскресенье поутру гулять?

— Если позволятъ дѣла.

Натали устааетъ спрашивать, тѣмъ болѣе, что едва можетъ поспѣвать за мужемъ, который быстро шагаетъ и тянетъ ее за собой, не обращая ни на что вниманія. Она не могла, какъ ни старалась, попасть въ ногу съ нимъ, и наконецъ рѣшилась замѣтить ему, что онъ идетъ слишкомъ скоро. Иванъ Матвѣичъ пошелъ потише; но какъ только они встрѣчали мужчину, онъ снова принимался страшно шагать и какъ-то грознѣе стучалъ о мостовую своей толстой палкой.

Зажгли фонари, когда они возвращались къ дому. Газъ такъ ярко освѣщалъ шумную улицу, и Натальѣ Григорьевнѣ еще ра-

зительнѣе представились мракъ и пустота Обводнаго канала. Какъ грустно было ей взбираться по лѣстницѣ! Слезы душили ее.

«Вотъ и столько ожиданное гулянье, вотъ и веселый Петербургъ!» думала Натали, съ какой-то раздражительностью сбрасывая съ себя шляпку. Въ изнеможеніи она сѣла у окна своей комнаты и смотрѣла пристально, но неопредѣленно, въ даль.

За чаемъ Натали такъ была грустна и разсѣянна, что обратила на себя вниманіе мужа, который съ важностью и глубокомысліемъ читалъ «Сенатскія Вѣдомости».

— Вы чѣмъ не довольны? спросилъ онъ, пристально уставивъ свои большіе суроваго выраженія глаза на жену, которая сидѣла за столомъ, поддерживая голову рукой.

— Чѣмъ я могу быть недовольной? смѣшавшись и вопросительно смотря на мужа, отвѣчала она.

— Зачѣмъ же вы такъ сидите? я васъ давно прошу налить мнѣ чаю еще. Вамъ скучно?

— Нѣтъ писемъ изъ Москвы, поспѣшила сказать Натали.

— Письма завтра получите: ранѣе нельзя по расчету. И что за малодушіе! отъ всякихъ пустяковъ хмуриться, какъ будто Богъ знаетъ что случилось съ вами. Боюсь, не ожидали ли вы разныхъ разсѣяній въ Петербургѣ. Я все готовъ сдѣлать, но вы знаете мои средства и видите, что я занятъ по службѣ.

— Я никакихъ не ждала развлеченій, рыдающимъ голосомъ отвѣчала Натали.

— Ну, опять слезы! съ сердцемъ воскликнулъ Бѣляковъ, бросивъ въ сторону Вѣдомости.

Натали душила свои рыданія, прикладывая носовой платокъ къ лицу, и въ то же время бросала умоляющіе взгляды на мужа, какъ бы прося пощады. Онъ всталъ, налилъ стаканъ воды и, подавая ей, повелительно сказалъ: — Выпейте.

Она повиновалась, всхлипывая. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, а его жева вытерла слезы и занялась мытьемъ чашекъ. Но эта работа была очень скоро окончена, и она тоскливо искала глазами, чѣмъ бы еще занять себя. Шить? но она давно все исправила, что нужно было, да притомъ все еще такъ ново. Читать? она перечитала всю свою библіотеку, состоящую изъ русской и французской грамматикъ да Телемака. «Сенатскія Вѣдомости»? Но она ихъ пробовала читать и ровно ничего не поняла. «Какъ сократить эти длинные дни и почему они такъ

длины въ Петербургѣ? И для чего я буду сокращать день, чтобъ наступилъ другой такой же длинный и скучный? Хотѣ бы меня стали учить. Я еще такъ много ошибокъ дѣлаю, когда пишу. Иванъ Матвѣичъ сердится на меня за это; но что мнѣ дѣлать! я затвержу хорошо правила, задумаюсь, стану плакать — и все забыла. И Богъ знаетъ, о чемъ я думаю, чего я хочу! и почему я ничѣмъ недовольна и только огорчаю его?» Такъ разсуждала Натали, слѣдя увлажненными отъ слезъ глазами за Иваномъ Матвѣичемъ, иррачно расхаживающимъ по комнатѣ.

Во вдругъ щоки Натали покрываются румянцемъ; дѣтски улыбаясь, она окликаетъ своего мужа, и въ ту же минуту испугъ смѣняетъ улыбку; она робко произноситъ:

— Я васъ хочу просить....

— Что вамъ угодно? съ удивленіемъ спросилъ онъ, не боясь робости Натали, которой трудно было произнести свою первую просьбу къ тому человѣку, отъ котораго она теперь завѣла.

— Мнѣ хочется читать.

— Читать! еще болѣе удивленнымъ голосомъ повторилъ онъ.

— Да, если только недорого абонироваться; я не буду болѣе скучать, я не буду болѣе плакать, съ жаромъ сказала Натали.

— Прекрасно! но, видите ли, какое обстоятельство, садясь возлѣ своей жены, началъ довольно мягко Бѣляковъ. — Есть очень много вредныхъ книгъ для женщины, какъ вы, молодыхъ и неопытныхъ. Я человѣкъ всегда былъ занятой: мнѣ некогда было пустяки читать. Я знаю, есть полезныя между ними, какъ бы спохватясь, прибавилъ онъ. — Надо ихъ знать!

— А Вальтеръ-Скотта? мы дома читали; мамашка позволяла.

— Да.... ну его можно; пожалуй. Я, впрочемъ, узнаю.

Натали, обрадованная, чуть не запрыгала. Это невпріятно подѣйствовало на Ивана Матвѣича.

— Вамъ пора пріучиться, что вы не дѣвочка, сказалъ онъ такъ рѣзко, что она вдругъ оторопѣла и слушала его въ уныломъ недоумѣніи. — Не слѣдуетъ въ жизни ничего опрометчиво дѣлать, говорить, даже мыслить. Горячность своего характера надо всегда сдерживать. Хладнокровіе даже въ ю-

стыхъ вещахъ необходимо. Вникните сами : ну, о чемъ вы плакали недавно и чему вы такъ обрадовались? Это, разумѣется, у васъ остатки дѣтства ; но надо, непременно надо искоренять въ себѣ эти привычки. Онѣ въ жизни смѣшны, скучны. Я увѣренъ, что вы понимаете все это сами хорошо, наконецъ заключилъ Иванъ Матвѣичъ ; можетъ быть, онъ и еще продолжалъ бы, но побоялся, замѣтивъ, что его слова производить сильное впечатлѣніе на жену.

На другой день пришли письма изъ Москвы отъ родныхъ. Ивана Матвѣича не было дома, и Натали, горя нетерпѣніемъ скорѣе узнать, здоровы ли всѣ, распечатала письмо. При первой прочтенной строкѣ своей матери, она уже залилась горькими слезами. Какъ живо она вспомнила домъ, отца, мать, всѣхъ братьевъ, сестеръ, даже вещи, замокъ, сломанный у двери въ залѣ! Зачѣмъ она не въ Москвѣ? Хоть бы ей еще разъ взглянуть на всѣхъ и на все, и тогда она покорится необходимости. Слезы еще обильнѣе полились изъ глазъ и безъ того растерзанной воспоминаніями Натали Григорьевны, когда она прочла все письмо матери.

— «Боже мой, какъ виновата я! Матушка думаетъ, что я облегчаю труды своего мужа, что я ухаживаю за нимъ, угождаю ему. Какже это я ничего не дѣлаю, да еще надоѣдала и сердила его своими слезами? Можетъ ли онъ быть веселымъ? онъ вѣрно думаетъ, что я буду дурная жена. Зачѣмъ онъ такъ добръ со мною? Онъ лучше сказалъ бы мнѣ прямо, что я невыполняю своихъ обязанностей. Да, я поступила дурно; но мнѣ такъ грустно, мнѣ такъ тяжело въ Петербургѣ, что я рѣшительно забыла все, чѣмъ обязана ему.»

Такъ думала Наталя Григорьевна, прочитавъ письмо матери. Но письмо Ирины Андреевны опять совершенно сбilo ее съ толку. Г-жа Полосухина писала :

«Ты, я думаю, моя рѣзвѣшка въ вихрѣ удовольствій петербургскихъ и ласкахъ своего любезнаго муженька забыла о «своей татап. Грѣхъ, грѣхъ, другъ мой! Ну да вотъ пройдетъ «медовой мѣсяцъ : авось вспомнишь и меня, старуху.... Ну, что? «я думаю, гдѣ-то ты не перебивала, весь Петербургъ узнала. Я «думую, какіе наряды закупилъ тебѣ твой мужъ. А какіе и «много ли визитовъ вы сдѣлали? Не правда ли; весело быть за- «мужемъ? Только помни, моя милая, что это единственный

«примѣръ твой мужъ; такихъ баловниковъ мало. Я увѣрена, что копъ цѣлый день глядитъ на тебя да любитъся, что такую красавицу увезъ изъ Москвы. Что, небось, теперь, не краснѣешь, не плачешь?... Будь благоразумна, не отвлекай его отъ службы: долго ли ему потерять голову съ тобой! Напоминай ему о его обязанностяхъ. Кто же бываетъ у васъ? чего добраго, явился уже обожатели. Вѣдь ты какъ разъ сведешь съ ума хоть кого.... Но смотри, мой другъ, держи себя скромнѣе съ молодежью: подумаютъ, мужъ старый, можно и приволокнуться. Нѣтъ, люби его: онъ достойный человѣкъ.... Сестрѣночки твои тужатъ безъ тебя твою шатап и очень полюбили меня. Дѣтскія сердца чутки и льнутъ къ тѣмъ, кто посвящаетъ имъ свои заботы и попеченія. Пиши же пожалуйста обо всемъ, какъ ты проводишь дни; удѣли для твоей шатап какой нибудь часокъ времени, которое не занято у тебя ласками мужа и удовольствіями. Ну, а каковъ Петербургъ? а? чудо! А театры? ты ужъ вѣрно была во всѣхъ. А какъ идетъ твое хозяйство? Какъ въ раю, я думаю! все готово, все глядитъ тебѣ въ глаза. Ахъ! веселись, мой дружокъ, пока молода, пользуйся ласками мужа, поддерживай его любовь... Можешь и пококетничать, если увидишь, что онъ поохладѣетъ: это дѣйствуетъ на мужчину. Разжигай его: онъ у тебя немного серьебенъ. Впрочемъ, я думаю, теперь совсѣмъ другой. Теперь у него есть существо, которое онъ любитъ. Вы теперь составляете одно звено; у васъ теперь все общее—в радости и заботы. Вы дѣлитесь каждою мыслью другъ съ другомъ.... Прощай, моя родная.... да, ты родная мнѣ теперь. Помни, что я, твоя шатап, любя тебя, отыскала тебѣ такого человѣка, съ которымъ не увидишь, какъ настанетъ старость. Дай Богъ вамъ согласіе и счастье. Родители здоровы; мамаша твоя иногда похныкиваетъ о тебѣ. Ждетъ внука.... да, не краснѣй! внука, внука намъ подай!... Отецъ счастливъ твоимъ счастьемъ. Всѣ мои хорошіе знакомые тебѣ посылаютъ поклонъ; не забудь и имъ написать поклонны. Надо, моя родная, платить людямъ за вниманіе вниманіемъ. Говорятъ, въ Петербургѣ отличные ситцы и не линяютъ, а въ Москвѣ такія дурныя краски. Пришли-ка, дружокъ, своей шатап на домашній капотъ. Побалуй старуху» и проч....

Натали, окончивъ письмо, какъ оглушенная громомъ, бессмысленно шептала:

— Ласки, молодые люди, театры, наряды, любовь.... Что это пишетъ Ирида Андреевна?

И она снова перечла письмо. Бѣдность покрыла ея щеки: она пугливо отбросила письмо своей воспитательницы и стала перечитывать письмо матери.

Явился Иванъ Матвѣичъ со службы. Наталья Григорьевна отдала ему особенное письмо ея родныхъ, но онъ предпочелъ сначала отобѣдать и потомъ уже принялся за письма и прежде всего спросилъ не безъ удивленія:

— Такъ вы ужь вынули свои письма изъ конверта?

— Да, отвѣчала покойно Натали.

— Какже это вы распечатали его? съ упрекомъ замѣтилъ онъ.

— Какъ!... Я узнала руку своей матери, покраснѣвъ, отвѣчала она.

— Но оно адресовано было ко мнѣ.

— Да.... оробѣвъ, произнесла Натали.

— А развѣ можно чужія письма распечатывать?

— Неужели я дурно сдѣлала? пугливо воскликнула она. — Я такъ обрадовалась, я скорѣе хотѣла узнать, здоровы ли всѣ.

— Это не оправданіе, что вамъ скорѣе хотѣлось прочесть. Чужія письма никогда не слѣдуетъ распечатывать.

— Но это было ко мнѣ тоже, тоскливо замѣтила Ивану Матвѣичу жена.

— Кончимте этотъ разговоръ: вы, кажется, разгорячились. Но я васъ прошу впередъ даже и на свое имя не распечатывать писемъ.

— И отъ родныхъ? съ ужасомъ воскликнула она.

— А развѣ вы переписываетесь съ кѣмъ нибудь другимъ? поспѣшно спросилъ Бѣляковъ. — Мало ли можетъ случиться какое несчастіе! васъ извѣстятъ, меня нѣтъ дома: съ вашимъ малодушіемъ вы просто потеряетесь и глупостей надѣлаете, добавилъ онъ.

Натали повѣсила голову и болѣе ничего не возражала; только, по волненію ея груди, можно было замѣтить, что молчаніе стояло ей большихъ усилій.

Иванъ Матвѣичъ, прочитавъ свои письма, потребовалъ тѣ, которыя были писаны къ ней. Когда онъ читалъ письмо Ирины Андреевны, лицо его покрылось красными пятнами, руки дре-

дали и была на его сжатыхъ губахъ такая странная улыбка, что Наталья Григорьевна отъ страху потупила глаза.

— Я самъ буду отвѣчать на это письмо, дрожащимъ голо-
сомъ и иронически улыбаясь, сказалъ онъ и спряталъ въ кар-
манъ письмо Ирины Андреевны.

Какъ легко и скоро пишется письмо, когда не имѣешь нуж-
ды ничего скрывать! Наталья Григорьевна въ десять минутъ
написала большое письмо къ матери, но, перечитавъ, разорвала
его и долго писала второе, обливаясь горькими слезами.

— Кажется, вы не очень-то слушаетесь совѣтовъ вашей до-
брой матери, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, потому что красные
глаза жены ясно свидѣтельствовали о недавнихъ слезахъ. —
Я увѣренъ, что если бы родители ваши были свидѣтелями ваше-
го страннаго поведенія здѣсь, то я бы не имѣлъ нужды дѣлать
вамъ выговоры.

Натали глубоко почувствовала всю слабость характера сво-
его и дала себѣ рѣшительное слово болѣе никогда не плакать.

Черезъ недѣлю она получила письмо отъ родныхъ, и тоже въ
отсутствіи Ивана Матвѣича; но она не распечатала его, а съ ти-
желымъ вздохомъ поцаловала тѣ строки на пакетѣ, который
писалъ ей отецъ — и заплакала. Пугливо отеревъ глаза, она
дыханіемъ сушила слезу, упавшую на конвертъ, и въ волненіи
ожидала мужа. Сколько странныхъ мыслей въ это время прошло
въ ея разгоряченной головѣ! Но вотъ и онъ: «какъ мраченъ!
онъ усталъ, онъ трудится, а я не умѣю цѣнить его!»

— Письмо! Гм! смотря внимательно на печать, произнесъ
какъ бы самъ съ собою Иванъ Матвѣичъ и былъ такъ добръ,
что пробѣжалъ до обѣда письма къ женѣ отъ ея матери и отца
и передалъ ихъ по назначенію. Но не обрадовалась Наталья Гри-
горьевна; кровь, бросившаяся ей въ лицо, не исчезала; она дико
смотрѣла на Ивана Матвѣича, читавшаго уже свои письма, и ей
все чудилось его «гм» и внимательное разсматриваніе печати.
Однакожь, когда она прочла письмо матери, исполненное пох-
валъ и благодарности Ивану Матвѣичу, приказаній повиновать-
ся ему и увѣренности, что дочь за все заплатитъ ему своей лю-
бовью и покорностью, а иначе мать будетъ считать ее недо-
стойной имѣть такого мужа, письмо вышло изъ рукъ Натали.
«Что я сдѣлала!» думала она, рыдая. «Какъ должна быть я вв-
лечата въ самомъ дѣлѣ! Съ этой минуты вся жизнь моя, каждая

мысль будет о немъ!» Отъ этого рѣшенія Натали какъ бы успокоилась и перешла къ письму Ирины Андреевны, которое было слѣдующаго содержанія :

«Милая сердцу моему Наташа! я воспитала тебя въ строгихъ «правилахъ. Я горжусь тѣмъ, что всѣ мои ученицы были добрыя «жоны и матери. Я увѣрена, что и ты такая же, какъ онѣ, пре- «красная хозяйка, любишь и уважаешь своего мужа. Свѣтскія «всѣ удовольствія ведутъ къ праздности, а праздность — къ па- «губнымъ послѣдствіямъ. У очага.... да, у очага, мой дружокъ, «вотъ гдѣ женщина должна искать развлеченія. Мужъ трудится на «службѣ, а жена должна трудиться дома, готовить покой, при- «ятный отдыхъ главѣ семейства. Да, милая моя, женщина, «любящая гулянья, театры, балы, наряды, не можетъ быть «уважаема. Надо беречь каждый трудовой грошъ своего мужа, «тѣмъ болѣе такого, который удѣляетъ изъ нихъ роднымъ своей «жены. О, какъ надо уважать такого человѣка! Это перлъ ме- «жду нынѣшними мужьями.»

ГЛАВА IV.

Наталя Григорьевна употребила все стараніе, чтобъ загла- дить свои проступки. Она была внимательна къ Ивану Матвѣи- чу, входила во всѣ мелочи хозяйственныя, записывала расходъ въ разношерстныя книжки, за что старухи ворчали себѣ подъ ность: «Лучше знала бы себѣ да плакала, чѣмъ гроши-то считать!» Горничная рѣшалась даже въ слухъ высказывать свое мнѣніе насчетъ однообразной жизни барыни; прибирая что нибудь въ комнатѣ, она говорила :

— Что это, сударыня, такія молоденькія, да все одиѣ да ол- вѣ! хоть бы какое знакомство завели. Вѣдь жить этакъ куда какъ надоѣсть. На что нашъ воловозъ, и тотъ весь ужасъ какъ сожалѣть. Что за неволя вамъ такъ жить?

— Кто тебѣ сказалъ, что я по неволѣ сижу дома? я такъ хочу, отвѣчала сконфуженная Наталя Григорьевна.

Старуха усмѣхалась и продолжала свои замѣчанія.

— Господи! на что я жила у какихъ бѣдныхъ господъ, а все мужъ наровитъ какъ бы жену побаловать. Въ Екатерингофѣ пойдуть бывало, въ гости, въ театръ, — мало ли куда. Ужь, пра-

во, мы съ Авдотьей говоримъ, что Иванъ Матиѣвичъ боится васъ показывать.

— Да развѣ я такая страшная ?

— А еще бы и нѣтъ ! Вѣдь всякій видитъ, что вы въ дочери еву годитесь.... Ахъ, сударыня, я бы на вашемъ мѣстѣ.... Прикажете ту же скатерть послать на столъ ? неожиданно заключала старуха, какъ бы опасаясь высказать лишнее.

Оставшись одна, Наталья Григорьевна невольно дала волю мыслямъ, которыя она такъ тщательно старалась нѣсколько времени подавлять.

« Неужели въ самомъ дѣлѣ никто такъ не живетъ, какъ я ? Вотъ недавно переѣхали молодые къ намъ въ сосѣдство за стѣной. Смѣются, поютъ, танцуютъ ; они даже ужъ слишкомъ веселятся и кричатъ. Вотъ опять начались ихъ разговоры. »

И она стала прислушиваться. За стѣной слышался голосъ мужчины, довольно тонкій, но пронзительный :

« — Аделинька, поцалуй меня. »

Раздался звучный поцалуй.

« — Еще, еще, ну еще ! » послѣ каждаго поцалуя говорилъ мужской голосъ.

« — Надоѣлъ, Вольдемаръ ! » отвѣчалъ звонкій женскій голосъ, принадлежавшій, вѣроятно, Аделинькѣ.

« — Поцалуй ! »

« — Не хочу ! » упрямо сказала Аделинька.

« — Я твой мужъ ! » громко крикнулъ Вольдемаръ.

« — Не хочу ! » съ визгомъ и смѣхомъ крикнула Аделинька, и бѣготня поднялась страшная ; стулья падали, диваны трещали ; Вольдемаръ кричалъ :

« — По диванамъ не смѣй бѣгать ! »

« — Хочу ! » отвѣчала ему Аделинька и въ ту же минуту страшно завизжала, жалобно говоря :

« — Володя ! голубчикъ ! не буду ; не ломай руки, больно.... душечка Вольдемаръ ! »

« — Слушайся, слушайся ! » твердилъ Вольдемаръ.

« — Оставь, дуракъ ! Володька ! жидъ ! »

Первое слово было произнесено Аделинькой слезливо, но послѣднее весело ; она кричала :

« — Ну-ка, догони ; на вотъ тебѣ ! кушай ! »

Что-то полетѣло стеклянное: видно было, что брошена какая нибудь посуда; раздался крикъ и плачь Аделинки:

«— Гадкій, скверный! мнѣ стекло пошло въ руку. Ай! умру, умру!»

«— Аделинка, я нечаянно; дай я поцалую твою ручку... Ну, не плачь; я куплю тебѣ все, что ты хочешь», умоляющимъ голосомъ утѣшалъ ее Вольдемаръ.

«— Свези завтра въ театр!» вдругъ весело перебила его Аделинка.

«— А! такъ ты притворяешься? а?» грозно закричалъ Вольдемаръ.

«— Надула! ха, ха, ха!» со смѣхомъ и не менѣе громко сказала Аделинка.

И вновь наступила страшная бѣготня, крики и хлопанье дверьми.

Окруженная тишиной у себя въ комнатѣ, Наталья Григорьевна отъ слова до слова слышала все, что говорилось, даже въ полголоса, за стѣной у сосѣдей. Она познакомилась совершенно съ ихъ страннымъ образомъ жизни, съ ихъ странными характерами. Въ ласкахъ и ссорахъ они не стѣсняли себя, даже иногда выходили изъ границъ.

Приближалась глубокая осень. Небо постоянно было сѣро, и дождь то мелкій, то крупный разнообразилъ дни. Вѣтеръ вылъ въ окна и трубы въ квартирѣ Натальи Григорьевны, которая тоскливо проводила длинные осенніе вечера одна-одинохонька, потому что если и бывалъ Иванъ Матвѣичъ дома, то сидѣлъ и занимался дѣлами у себя въ кабинетѣ.

Вставили зимнія рамы, и комнаты стали еще мрачнѣе. Эта пустая переиѣна чѣмъ-то важнымъ казалась ей. Она первые дни сильнѣе чувствовала тоску съ двойными рамами, потому что раскрытое окно доставляло въ ея жизни довольно большое разсѣяніе. Муха, попавшая между рамами, столько горя приносила ей, что она не могла видѣть ее безъ слезъ въ заточеніи, и если бы не страхъ, что разсердится Иванъ Матвѣичъ, то она бы непременно выставила раму для ея спасенія. Однѣ только женщины, проводившія жизнь подобно Натальѣ Григорьевнѣ, поймутъ, что такія ничтожныя вещи могутъ имѣть сильное вліяніе на состояніе ихъ духа. Она по цѣлымъ часамъ глядѣла на противоположный домъ, изучала до мелочей привычки бога-

тыхъ его владѣтелей. « Должно быть, шесть часовъ: въ нижнемъ этажѣ столовая ярко освѣщается и топится каминъ. Вотъ, сходятся члены семейства, сѣли обѣдать. Какъ весело! ихъ такъ много, они такъ долго сидятъ за столомъ. Вотъ подають экипажи: они ѣдутъ въ театръ.»

Утромъ она также знала, въ которомъ часу принимаютъ визиты, когда поѣдутъ кататься. « Но такъ живутъ богатые люди въ Петербургѣ », разсуждаетъ Наталья Григорьевна и также неутомимо слѣдитъ за окномъ въ самомъ верху сосѣдняго дома. — У этого окна, съ цвѣтами, вѣчно сидитъ женщина, наклонивъ голову надъ шитьемъ. Зато въ воскресенье она такая веселая глядитъ въ окно и кого-то ждетъ. Вотъ она скрылась, потому что какой-то мужчина вошелъ въ ворота. Черезъ часъ, одѣтая мило, она выходитъ съ нимъ подъ руку. Иногда поадно ночью является огонекъ въ окнѣ и спускается стора. « Пришла домой. Завтра опять за работу. Но я съ радостью согласилась бы какъ она трудиться, чтобъ хоть разъ въ недѣлю жить такъ, какъ мнѣ хочется. А то куда бы ни попросила Ивана Матвѣвича идти со мной, у него вѣчныя отговорки: средства мои не позволяютъ, или: неприлично. Почему же неприлично, когда другіе дѣлаютъ? Сегодня воскресенье: съ утра на улицахъ народъ, всѣ какъ-то лѣнивейше идуть. На плоту никого нѣтъ; одни только водовозы да ихъ лошади: имъ нѣтъ отдыха. Съ барокъ не возятъ дровъ и кирпичей; мастеровой народъ цѣлый день подъ воротами. Купцы, солдаты, дѣти, — всѣ гуляютъ; одинъ будочникъ съ котятками на своемъ мѣстѣ. Ему, какъ и мнѣ, и думаю, скучно смотрѣть, какъ толпы идуть мимо его, а онъ не смѣету никуда уйти. Но вотъ смерклось; къ нему и сегодня пришла женщина съ двумя дѣтьми; она всыпаетъ въ его табачку табакъ, а дѣти зангрызаютъ въ это время съ котятками. Какъ привыкла я къ высотѣ! я различаю даже выраженіе лицъ проходящихъ », глядя въ окно, думала Наталья Григорьевна.

Утро также подробно было изучено ею по разнымъ предметамъ, явившимся на улицѣ.

Въ семь часовъ все тихо. Слышны только воркованье голубей, стукъ пустыхъ бочекъ, возимыхъ водовозами, пискъ тачекъ, катившихся съ барокъ, наполненныхъ разнымъ матеріаломъ, по доскамъ, разостланнымъ безконечно-длинной лентой по улицѣ. Извозника лѣниво ѣдутъ по пустымъ улицамъ и дремають. Шаги

прохожихъ раздаются звонокъ въ тишинѣ. Но вотъ появились скороходы, закутанные въ затасканныя шинели, съ бумагами подъ мышкой. Какъ спѣшать они!... Задымились трубы на крышахъ. Вотъ, шагая страшно, идетъ по набережной Фонтанки тощая англичанка съ толстой барыней, гуляющей для моціона, у которой такое сердитое, сонливое лицо. Вотъ идетъ тихо, съ нѣкоторымъ кокетствомъ, французъ съ розовыми щеками, съ длинными волосами. Несмотря на холодное утро, онъ драпируется въ одинъ легкій плащъ. За нимъ въ молчаніи слѣдуютъ три мальчика, блѣдные, худые, закутанные какъ старики. Охтенки, набѣлennыя и разарумяченныя, съ перетянутыми таліями, изгибаются подъ тяжестью коромыселъ, спѣшаютъ къ мелочнымъ лавкамъ, чтобъ разбавить молокомъ свои сливки или просто заpastись товаромъ для своихъ постоянныхъ покупателей. Мальчишки, съ лотками на головахъ, кричатъ пронзительно: «рыба жива!» На мостахъ и перекресткахъ улица суетятся продавцы лакомствъ или саякъ и разныхъ закусокъ; приходя, они прежде всего крестятся на всѣ четыре стороны, чтобъ отвсюду стекались къ нимъ покупатели, потомъ уже разставляютъ свои лотки съ пыльнымъ или размоченнымъ товаромъ, смотря по погодѣ, какая была наканунѣ. Кухарки съ кѣлками, спѣша по домамъ, не пропускаютъ случая потараторить съ встрѣчной сосѣдкой-товаркой и сопровождаютъ свои слова сильной жестикуляціей. Лакеи, казачки, горничныя съ корзинками и мѣшками въ рукахъ бѣгутъ къ булочной — вѣрный признакъ, что Петербургъ встаетъ. Движеніе усиливается съ каждымъ часомъ; не одни дрожки — кареты и коляски также появляются на улицахъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ няньки выходятъ съ лѣтими изъ домовъ, выбираютъ мѣсто на ступенькахъ какого нибудь магазина и усаживаются себѣ преспокойно, вѣвая на проходящихъ и таратора съ другими няньками подъ плащъ забытаго ребенка. Появляются на улицахъ дамы съ озабоченными лицами, съ большими мѣшками, вышитыми шерстью; онѣ такъ спѣшаютъ, что жалко смотрѣть на нихъ: ни дождь, ни вѣтеръ не можетъ остановить ихъ. Онѣ не страшатся переходить черезъ улицу, покрытую осенней грязью и лужами, — и для чего бы, вы думали? посмотрѣть только, нѣтъ ли чего новаго въ Гоетинномъ дворѣ. Это для нѣвѣстнаго класса петербургскихъ жительницъ самое любимое разсѣяніе. Они ни за что не купятъ

разомъ чего нужно. Нѣтъ, каждый день, чуть вставъ, онѣ сѣ-
шать изъ дому, оставляя все хозяйство въ беспорядкѣ, чтобъ
купить сегодня иголокъ, завтра — снурковъ, послѣ-завтра —
тесемокъ. Ихъ всѣ лавочники знаютъ въ Гостиномъ дворѣ; но
зато и онѣ знаютъ лавочниковъ не только въ лица, но знаютъ
даже, жевать ли, есть ли дѣти и сколько. Встрѣчаясь съ зна-
коюй дамой, тоже любительницей Гостиного двора, онѣ разго-
вариваютъ такъ:

«— Что сегодня покупали?

«— Да такъ, зашла къ Якову Яковличу, въ семнадцатомъ ну-
мерѣ.

«— Въ четырнадцатомъ.

«— Нѣтъ, вѣдь и въ семнадцатомъ есть тоже Яковъ Яков-
личъ.

«— Ахъ, да!

«— А вы зачѣмъ?

«— Да иголокъ купила.

«— Вы, кажется, вчера были здѣсь?

«— И вы тоже?

На тротуарахъ Невскаго все болѣе и болѣе появляется на-
роду, загрохотали экипажи, стонетъ мостовая: то петербург-
скіе жители гуляютъ. Въ четыре часа по улицамъ и переулкамъ
бѣгутъ тѣ же самые скороходы съ бумагами подъ мышкой, а
за ними, какъ необходимая принадлежность, застучали бочки во-
дозовозъ. Ровно въ пять часовъ Невскій опустѣлъ; только эки-
пажъ нрѣдка промчится, спѣша съ своимъ хозяиномъ къ звач-
ному обѣду. Стихло, стало смеркаться, дымъ повалилъ изъ
трубъ и низко разостлался въ воздухѣ. Галки стаями съ крикомъ
спѣшать неизвѣстно куда, дѣлая привалы по извѣстнымъ кры-
шамъ. Онѣ такъ же аккуратны осенью и зимой, какъ водозовы
в скороходы въ встасканныхъ шинеляхъ съ бумагами подъ
мышкой. Наталья Григорьевна положительно могла сказать, въ
какомъ часу на какую крышу сколько ихъ сядетъ. Вотъ по-
являются огни въ окнахъ домовъ, а вотъ и фонари зажглись на
улицахъ.

Всѣ эти мелкіе признаки уличной жизни Петербурга изу-
чила хорошо Наталья Григорьевна изъ своего окна. Завидя пер-
вый вспыхнувшій фонарь на улицѣ, она говорила: «Слава Богу,
еще прошелъ день! Но къ чему онъ прошелъ? Не все ли равно?

завтра опять тѣ же галки прилетать, покричать напротивъ моихъ оконъ и улетать.» Но она уже не плакала, предаваясь своимъ размышленіямъ: она убѣдилась, что вести другой образъ жизни ей невозможно. «Я бѣдна, я должна быть и тѣмъ счастлива, что не тягочу моихъ родителей собою. Иванъ Матвѣичъ писалъ къ моей матери, что онъ доволенъ мною теперь. Чего же я могу желать? Я счастлива, такъ пишу въ всѣ коммѣ. Но отчего Иванъ Матвѣичъ не любитъ людей? все одинъ, будто вѣчно занятъ; а какъ часто я заставала его спящимъ въ то время, какъ думала, что онъ работаетъ! И за что онъ сердится на меня, что я не могу приучиться называть его ты? Онъ правъ: я очень разсѣянна. Онъ ужасно не любитъ, когда я много говорю или смѣюсь, приноминая Москву, и свой домъ, и Ирину Андреевну. Но я боюсь, чтобъ мнѣ не разучиться говорить. Если бы не мои сосѣди, я бы забыла, какъ смѣются люди. Хотя бы одинъ разъ онъ разсмѣялся! Неужели ему такъ скучно со мною?»

Въ одно утро, Наталья Григорьевна сидѣла за шитьемъ, какъ за стѣной у сосѣдей загорѣлся сильный споръ — нужно ли во время визитовъ предлагать кофе или завтракъ? Споръ окончился очень благополучно, что случилось рѣдко, по замѣчанію Натальи Григорьевны. Потомъ нѣкоторое время была тишина; только нрѣдка раздавалась энергическая зѣвота съ завываньемъ.

«— Володька, надоѣлъ! крикнула Аделинька и топнула ногой.

«— А сама зачѣмъ зѣваетъ? спросилъ Вольдемаръ и снова началъ страшно зѣвать. — Ай! вскрикнулъ онъ вдругъ и затопал ногами: — щипаться, а!

Смѣхъ былъ ему отвѣтомъ.

«— Проси прощенья, цалуй руку! цалуй! повелительно кричалъ, продолжая топтать ногами, Вольдемаръ.

— Виновата, Володенька! дай поцалую, жалобно произнесла Аделинька.

Раздался поцалуй и крикъ, смѣшанный со смѣхомъ.

«— Кусаться! а? кусаться!

«— Не буду, не буду! Ей-Богу, я это для шутки сдѣлала, но серьезно и съ жаромъ произнесла Аделинька.

«— Ну, смотри! отвѣчалъ протяжно Вольдемаръ, и чрезъ минуту запѣлъ: «А Фонтанка-то замерзла....»

«— Вѣтъ, не замерзла! перебила его Аделинька.

« — Замолчи, Адель!... «А Фонтанка-то замерзла....»

« — Нѣтъ, незамерзла! вновь перебила пѣніе Вольдемара его супруга.

« — Я тебѣ говорю, замолчи! слышишь? вскрикнулъ Вольдемаръ и запѣлъ громко: «А Фонтанка-то замерзла....»

« — Не замерзла, не замерзла! усиленнымъ голосомъ кричала Адель.

« — Аделька, замолчи!

« — Не замерзла, не замерзла!

И въ ту же минуту раздались страшные крики и бѣготня.

« — Не буду, Володя, ангелъ! плакала плачевно Аделинька.

Черезъ минуту Вольдемаръ опять запѣлъ:

« — А Фонтанка-то замерзла...

« — Нѣтъ, незамерзла! прямо крикнула Аделинька и съ визгомъ побѣжала изъ комнаты, захлопнувъ за собой двери.

Слезы и крики не были продолжительны, потому что явились гости; Аделинька тараторила страшно, весело смѣялась; потомъ начались музыка и пѣніе.

Какъ несносенъ стукъ экипажей! они мѣшаютъ Натальѣ Григорьевнѣ слушать пѣніе. Она прикладываетъ ухо къ двери, велущей къ сосѣдямъ, и вдругъ щоки ея покрываются яркимъ румянцемъ, она отскакиваетъ пугливо. Она узнала голосъ Аделиньки, которая въ полголоса говорила кому-то:

— Завтра я буду одна вечеромъ; вы приходите черезъ грязное крыльцо сосѣдки: она глупая, всегда одна. Васъ будетъ ждать Даша.

Дашу тоже знала Наталья Григорьевна. Это была горничная Аделиньки, съ которой барыня находилась въ сильной дружбѣ. Ей часто жаловалась она на своего мужа, вмѣстѣ съ ней смѣялась надъ нимъ, передразнивала его ей, рассказывала разные анекдоты, слышанные ею въ гостяхъ, сюжеты пьесъ, видѣнныхъ ею въ театрѣ.

Часто случалось, что у супруговъ была тишина съ трехъ часовъ пополудни. Разъ она думала, что ихъ нѣтъ дома, но, ложась въ постель, была перепугана страшнымъ крикомъ, въ родѣ зѣвоты.

« — Дашка! кричалъ Вольдемаръ.

« — Даша! перекрикивала его Аделинька.

Являлась горничная.

«— Какой часъ?»

«— Два скоро-съ! отвѣчала Даша.

Супруги разразились дикимъ и продолжительнымъ смѣхомъ.

«— Мы, Володичка, хотѣли заснуть перелъ обѣдомъ.... ха, ха, ха! говорила, заливаясь, Аделинька.

«— А встали ночью! ха, ха, ха! Дашка, самоваръ готовъ? да позови повара; надѣнь носки.

Аделинька между тѣмъ смѣялась.

«— Тише, щекотно! сказалъ Вольдемаръ. — Ну что улыбаешься съ барыней-то, а? я васъ!... Гришка, ты?

«— Я-съ! раздался хриплый голосъ.

«— Поди сюда.

«— Чтò ты, Володя? замѣтила сердито Аделинька.

«— Ну чтò, обѣдъ готовъ? продолжалъ Володя.

«— Готовъ-съ, скороговоркой отвѣчалъ тотъ же голосъ.

«— А плита горитъ?

«— Горитъ-съ.

«— Ахъ, ты мерзавецъ! погоди, сейчасъ, сейчасъ, я тебя прочую, какъ дрова жечь! грозящимъ голосомъ кричалъ Вольдемаръ.

А жена вторила ему пискливо: «— Полно, ну, полно!

«— Оставь, Адель; подай халатъ.

«— Не дамъ!

«— Подай.

«— Не дамъ! сказала: не дамъ!

«— Ну, такъ не нужно!

Послышались шаги и грозный голосъ Вольдемара.

«— Зачѣмъ жжешь дрова, зачѣмъ не бережешь ихъ?

Аделинька заплѣла: «Уймитесь, волненія страсти....»

«— Надоѣла, Аделька! прервалъ ее Вольдемаръ.

«— Я плачу!.... ха, ха, ха!... я плачу! «Засни, безнадежная страсть».... ха, ха, ха!

Аделинька смѣялась такъ искренно, что супругъ послѣдовалъ ея примѣру. Между ихъ смѣхомъ слышался хрипло-плачевный гогосъ:

«— Сами изволили приказывать.

«— Пошелъ вонъ! закричалъ такъ страшно Вольдемаръ, что Наталья Григорьевна чуть не спрыгнула съ своей постели.

Разъ цѣлый день Наталья Григорьевна слыхала между болтовней Аделиньки и ея супруга слѣдующую фразу, произносимую хриплымъ голосомъ: «Больше не буду-сь!» Она спросила свою горничную, что это значитъ, потому что ея прислуга все знала, что дѣлается у сосѣдей и часто ей надоѣдала рассказами о нихъ.

— Это все шутникъ баринъ. Лакей былъ вчера пьянъ: онъ вотъ его сегодня и поставилъ на колѣни у своей кровати. Даша говорить, что просто смѣхъ. Пять часовъ уже стоитъ; господа изволили отдыхать, а онъ все дуракомъ стоитъ... Этакіе шутники!

И старуха, рассказывая, отъ души смѣялась.

— А вѣдь онъ добрый, только взбалмошный такой, продолжала она: — Даша сказывала, что намедни такъ ихъ всѣхъ уморилъ, что они животики надорвали. Возьми да нарядись въ барынинъ корсетъ. Ей-Богу, приказали зашнуровать себя Дашѣ; знаете, все какъ слѣдуетъ, и расхаживаютъ по комнатѣ да оправляются. Даша прибѣжала къ намъ, звать насъ посмотреть, и мы видѣли. Ей-Богу-сь, точно женщина ходитъ въ корсетѣ. Вотъ это баринъ! Иногда придетъ домой, дастъ денегъ людямъ, да и говоритъ: «Пейте, пляшите, пойте: мнѣ весело — пусть всѣмъ будетъ весело.» Да и барыня такая веселая. Объ васъ все спрашиваетъ, сожалеетъ очень васъ.

— О чемъ она сожалеетъ? покраснѣвъ, спросила Наталья Григорьевна.

— Да призвала меня разъ, дала чашку кофею и стала спрашивать, кто бываетъ у насъ, и какъ узнала, что вы всегда одинъ да одинъ, такъ и изволила сказать: «бѣдняжка ваша барыня; я бы на ее мѣстѣ убѣжала....»

— Ты, пожалуйста, глупостей обо мнѣ никакихъ не говори! сказала Наталья Григорьевна, досадуя, что заговорила съ болтливой старухой, которая ужасно обидѣлась и съ горничностью затараторила:

— Господи! развѣ мы какіе клеузы про васъ говоримъ. Ей-Богу-сь, наша жисть тоже не сладка. Точно въ тюрьмѣ, сиди дома. Какъ угодно, извольте себѣ искать другихъ слугъ!

Наталья Григорьевна давно уже замѣчала, что ихъ кухарка неестественно пошатывается, а горничная, войдя въ комнату и сказавъ что нибудь, распространяетъ такую атмосферу, какъ будто она принесла бутылку съ водкой и раскупорила ее; — и

наконецъ сказала объ этомъ Ивану Матвѣичу; но онъ мало обратилъ на ея слова вниманія.

— Всѣ онѣ хороши! старыя пьютъ, а молодыя еще хуже пьютъ пороки.

Всю зиму Наталья Григорьевна провела въ такомъ однообразіи, что дни всѣ смѣшались у ней. Она знала только одно, что въ каждомъ изъ нихъ были минуты такія тоскливыя, что она теряла рассудокъ. Наступило Рождество. Какъ весело встрѣчала она этотъ праздникъ въ Москвѣ! А здѣсь? Кухарка ея купила себѣ обнову, горничная тоже. Сосѣдка ея болѣе ни о чемъ не говоритъ, какъ о покупкѣ нарядовъ. Собираются въ маскарадъ, въ театръ, на балы.

«А я куда поѣду на праздники? Чтò буду дѣлать? Гадать? но о чемъ? Я замужемъ, и чтò новаго можетъ случиться со мною.»

Наталья Григорьевна ждала подарка на Новый годъ отъ Ивана Матвѣича. Она вышила ему подушку, изъ экономическихъ хозяйственныхъ суммъ, которыя и всѣ-то были незначительны, и съ волненіемъ ждала минуты, когда подастъ ему поларокъ. Онъ, можетъ быть, улыбнется! Вотъ вся награда, какой ждала Наталья Григорьевна,—но не получила и той, можетъ быть потому, что внимательность жены напомнила мужу, что онъ ничего не приготовилъ ей.

— Къ чему эти лишніе расходы? Это бесполезно, нахмуривъ брови, сказалъ Иванъ Матвѣичъ, когда жена подала ему подушку.

Эта фраза такъ ее поразила, что она вспыхнула и съ гордостью сказала:

— Я купила и шерсть и канву на деньги, которыя откладывала чуть не по грошамъ изъ расхода. Онѣ бы все равно истратились.

— Какъ истратились? Развѣ хорошая хозяйка не обязана беречь каждый грошъ! И чтò за дѣтство? взяла изъ расхода деньги и вполнѣ успоковлась, что это не есть трата излишняя. Хороша экономія!

Отчего Наталья Григорьевна не заплакала при этихъ словахъ, она сама не понимала въ то время, — судороги сдѣлались у ней въ горлѣ отъ прилива слезъ. Но когда Иванъ Матвѣичъ, одѣтый

въ мундиръ, отправился дѣлать визиты, она такъ расплакалась, какъ не плакала уже давно. Что ей было за дѣло до словъ его! Онъ, можетъ быть, даже правъ! Но ей почему-то досаднѣе всего была глупая развязка тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя она такъ наввно лелѣла, и которыя, какъ множество другихъ, обманули ее.

Горничная, увидѣвъ ее въ слезахъ, замѣтила ей, что плакать не должно въ Новый годъ, ато весь годъ одиѣ слезы будутъ. Наталья Григорьевна перестала плакать, повѣривъ словамъ горничной, которая объявила ей, что сосѣдка ихъ Аделаида Игнатьевна просить у ней браслетъ надѣть.

— Да я сказала имъ, что у нашей барыни и въ заводѣ нѣтъ ихъ, кромѣ изъ маменькиныхъ волосъ. И кажись, на что Аделаида Игнатьевна браслеты? своихъ куча такая, что ужаси. Сегодня ихній супругъ подарилъ имъ серьги дорогія да еще матерію на платье, а Дашѣ барыня отдала свою мантилью. Новехонька, совѣтъ новехонька! барыни другой хоть куда!

Грубья выходки старухи, раздраженной тѣмъ, что барыня ничего не подарила ей, опечалили Наталью Григорьевну.

«Нѣтъ у меня ни браслетъ, ни шляпки зимней, ни мантиль. Почему же онъ мнѣ ничего не хочетъ подарить? Неужели ему ничего не значить, что даже его прислуга смѣется надо мной? Онъ все твердить, что надо думать о будущемъ. А что такое будущее? Неужели вся жизнь моя пройдетъ какъ всѣ эти мѣсяцы? невозможно!»

Иванъ Матвѣичъ возвратился съ визитовъ очень поздно, пообѣдалъ и легъ спать. Наталья Григорьевна, снова сидя одна, въ темной комнатѣ, заговорила: «Почему я не могу такъ долго спать, какъ Иванъ Матвѣичъ? скучные вечера хоть скольконибудь казались бы короче. Я же, напротивъ, чѣмъ мнѣ грустнѣе, тѣмъ я менѣе сплю ночь. Что я буду дѣлать? твердить глаголы французскіе: скучала, скучаю, буду скучать. Счастливая моя сосѣдка собирается въ гости, а завтра хочетъ ѣхать въ маскарадъ. Что это такое маскарадъ? какъ бы мнѣ хотѣлось хоть взглянуть на него! Что я о глупостяхъ думаю!... Хотъ бы мнѣ дали книгу....»

Послѣ маскарада у сосѣдей Натальи Григорьевны происходила ссора. Они въ чемъ-то другъ друга упрекали, мирились, черезъ минуту опять ссорились.

Прошли праздники; все идет по старому для Натальи Григорьевны. Она быстро худѣетъ, чувствуетъ по временамъ боль въ сердцѣ; потомъ ей такъ сдѣлается скучно, потомъ страшно, и всѣ жилы бьются, а слезы сами льются изъ глазъ. Иванъ Матвѣичъ объяснилъ эти припадки простудой и сдѣлалъ ей строгій выговоръ, но привезъ своего департаментскаго доктора. То было первое постороннее лицо, которое увидѣла Наталья Григорьевна въ своей комнатѣ. Она пришла въ такое волненіе, что вся дрожала. Докторъ сначала спросилъ ее о болѣзни, потомъ коснулся образа жизни. Наталья Григорьевна, не скрывая ничего, описала свои однообразные дни и сама испугалась своихъ откровенныхъ отвѣтовъ; докторъ утѣшалъ ее, совѣтовалъ больше разсѣиваться.

— Вы еще молоды вести такую затворническую жизнь, старайтесь переломить привычку къ уединенію. Она всего причиною....

Наталья Григорьевна отвѣчала на эти слова рыданіями, которыя привлекли въ комнату Ивана Матвѣича. Онъ вошелъ съ такимъ мрачнымъ лицомъ и такимъ голосомъ произнесъ: «опять слезы!» что докторъ быстро взглянулъ на него и сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ замолчалъ. Оба они прислушивались къ истерическимъ рыданіямъ Натальи Григорьевны; но разнообразно было выраженіе ихъ лицъ. У Ивана Матвѣича пятнами выступала краска, морщины на лбу сдвинулись такъ плотно, что казались сросшимися, губы дрожали, и онъ поминутно ихъ закусывалъ. Лицо же доктора было очень покойно; смотря на его наклоненную голову и проникнутыя чуткимъ вниманіемъ черты, можно было подумать, что онъ слушаетъ музыку строгаго и серьезнаго содержанія.

— Полноте, успокойтесь! наконецъ произнесъ докторъ, взявъ за пульсъ Наталью Григорьевну.

Болъная очнулась; но рыданья не прекращались, какихъ страшныхъ усилій ни дѣлала она, подавляя ихъ.

— Прощайте! вставъ, сказалъ докторъ и, уходя изъ комнаты, громко прибавилъ Ивану Матвѣичу: — пожалуйста болѣе разсѣянія и моціону.

Иванъ Матвѣичъ, ия вслѣдъ за докторомъ, твердилъ одно: — Неосторожно сидятъ все у окна.

Возвратясь въ комнату жены, онъ не сдѣлавъ ей выговора за слезы, а послѣ обѣда предложилъ ей итти гулять.

«Опять мрачный Обводный каналъ! нѣтъ, я лучше буду дома сидѣть. И какое разсѣяніе я могу выйти въ пустыхъ, темныхъ улицахъ? и въ добавокъ какой недовольный голосъ дѣлается у Ивана Матвѣича во время нашей прогулки, которой онъ жертвуетъ часами своего отдыха!» И она отказалась на другой день итти гулять, сказавъ, что ей непріятно ходить по вечерамъ.

— Докторъ тебѣ велѣлъ моціонъ, а ты, кажется, знаешь, что днемъ я занятъ, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, умолчавъ о другомъ предписаніи доктора.

На третій день онъ опоздалъ къ обѣду, что съ нимъ случилось въ первый разъ, какъ Наталья Григорьевна была его женой. Вотъ наконецъ онъ явился усталый, мало кушалъ и былъ такъ тревоженъ, что при малѣйшемъ шорохѣ выскакивалъ изъ своего кабинета. Онъ очевидно ждалъ чего-то. Наталья Григорьевна волненіе его показалось до такой степени страннымъ, что и она начала ожидать чего-то необыкновеннаго. Но чего? вдругъ радостная мысль блеснула въ ея головѣ: не выписалъ ли онъ ея мать, отца изъ Москвы, видя ея тоску? Сердце у ней болѣзненно забилося, и когда Иванъ Матвѣичъ, при слабомъ звонкѣ, выскочилъ изъ своего кабинета и самъ побѣждалъ отворять дверь, то Наталья Григорьевна кинулась за нимъ, не сомнѣваясь, что обвинитъ когонибудь изъ родныхъ. Но она какъ вкопанная остановилась въ дверяхъ залы. Иванъ Матвѣичъ самъ тащилъ китайскій бильярдъ въ дверь, крича на мужиковъ: «осторожнѣ!» Наталья Григорьевна поспѣшно скрылась, чтобъ подавить невольныя слезы досады. Бильярдъ былъ поставленъ въ углу залы, и тогда Иванъ Матвѣичъ вошелъ въ спальню и сказалъ торжествующимъ голосомъ, которому желалъ придать равнодушный тонъ:

— Поди-ка сюда!

Наталья Григорьевна вошла въ залу и посмотрѣла на бильярдъ. Иванъ Матвѣичъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и, не замѣтя эффекта, громко произнесъ:

— Пятьдесятъ—два рубли заплачено, вто я обѣгалъ всѣ лавки.

— Я не умѣю играть, отвѣчала Наталья Григорьевна.

— Выучитесь! докторъ вамъ велѣлъ развѣннѣ. Театръ и гулянья слишкомъ дороги и нѣтъ у меня времени. А эта вещь хоть останется въ домѣ.

И онъ взялъ кій и подалъ жонѣ. Наталья Григорьевна нехотя повиновалась. Началось ученье, и съ перваго же урока бильярдъ такъ показался гадокомъ ей, что она расплакалась. Иванъ Матвѣичъ заставилъ ее играть часа два, сердился, зачѣмъ шаръ падаетъ на полъ или зачѣмъ не идетъ какъ слѣдуетъ.

Съ этого дня, Натали стоило слегка задуматься, какъ Иванъ Матвѣичъ уже стоялъ передъ ней и предлагалъ:

— А не сыиграешь ли ты на биксѣ?

Но она получила рѣшительное отвращеніе къ китайскому бильярду. Не видя пользы въ биксѣ, бѣдный мужъ придумалъ другое средство очистить свою совѣсть: нанялъ неуклюжаго мальчишку, одѣлъ его въ нанковій казакинъ съ красивыми сердцами и поутру повелъ Натали и мальчишку съ собою до мѣста своей службы. Отпуская ее обратно, онъ далъ ей длинное наставленіе идти скоро и никуда не глядѣть. И вотъ она пошла въ сопровожденіи мальчишки; но Бѣляковъ не выдержалъ — долго слѣдилъ издали, наконецъ догналъ ее и самъ проводилъ до квартиры. Такая энергическая мѣра была имъ употреблена потому, что какой-то мужичина шелъ все за Натальей Григорьевной, по той причинѣ, что ему лежала одна съ ней дорога.

Могли ли понравиться Натали и раннія утреннія прогулки? Моціонъ рѣшительно не давался ей, и она напомиала мужу другое предписаніе доктора, увѣривъ его, что кромѣ книгъ не желаетъ никакихъ развлеченій. На этотъ разъ онъ не сопротивлялся, и она съ такою жадностью принялась за Вальтеръ-Скотта, что дня ей неставало: она читала и ночью.

Какъ быстро летитъ время! Ей темно читать на диванѣ: она садится къ окну, но и тамъ ничего не видать. «Вотъ закричали галки, значить скоро придетъ Иванъ Матвѣичъ; надо обѣдать и бросить книгу. «Ахъ, какая скука», думаетъ про себя Натали. Какъ надоѣлъ ей смѣхъ и крикъ сосѣдей! Она болѣе ими не интересуется, она зажимаетъ уши и такъ читаетъ въ своей комнатѣ. Она бросила зависывать расходъ и ничего не понимаетъ, когда сонная кухарка явится къ ней вечеромъ отдавать отчетъ.

— Извольте, сударыня, записать — на пять копѣекъ соли....
ахъ, нѣтъ! на шесть.

Продолжая читать, барыня поспѣшно записываетъ на шесть копѣекъ соли.

— Пять фунтовъ говядины по девятнадцати съ половиной. Это будетъ.... кухарка глядитъ на потолокъ, а барыня въ стѣну, но никакъ не можетъ сосчитать: передъ ней рисуется замокъ Равенсвудъ съ его пустыми залами и роскошными парками.

— Записали-съ? прерываетъ кухарка видѣнія своей барыни.

— Сколько же?

— Да я сказала-съ, по девятнадцати копѣекъ съ половиной.

— Хорошо; ну, еще что?

— Кажется, все сегодня.

— Иди, я сочту одна.

— А что завтра прикажете готовить? равнодушно спрашиваетъ кухарка, не замѣчая нетерпѣнія барыни, которая, уже читая, отвѣчаетъ:

— Придумай.

— Щи-съ?

— Вчера и сегодня были.

— Да, я и забыла.

И кухарка позѣвываетъ и молчитъ. Барыня забываетъ о ея присутствіи и читаетъ. Кухарка неожиданно прерываетъ:

— Изъ почекъ-съ?

— Хорошо; а соусъ?

— Соусъ? соусъ — что угодно!

— Иди; я сама придумаю, потерявъ терпѣніе, говоритъ Наталіи и углубляется въ чтеніе.

Кухарка уходить, но чрезъ пять минутъ тихонько показывается въ дверяхъ и, на цыпочкахъ подобравшись къ стулу своей барыни, произноситъ: — На двѣ копѣйки дрожжей.

Барыня вздрагиваетъ и сердится. Кухарка съ ворчаньемъ уходитъ; но черезъ минуту шумно является горничная:

— Вамъ Авдотья сказала, что мнѣ десять копѣекъ на синьку дала; она вретъ: всего семь копѣекъ.

— Хорошо! я завтра разберу! надоѣли!

— Вотъ и надоѣлъ! а то сами изволите за каждую копѣйку взыскивать! Авдотья вчера какой испекла кумѣ своей пирогъ!

— Уйди! тебѣ нѣтъ дѣла!

— Ну, вотъ такъ, вотъ такъ: одна тащи, что хочетъ, а другая, вмѣсто благодарности, иди вонъ; да я совѣмъ ужь уйду.... что право!

И горничная, начавъ стлать постель, сердито колотить по подушкамъ.

Натали некогда разобрать ссору старухъ: она не отрываетъ глазъ отъ книги. Разсвѣтаетъ. Руки дрожать у ней, слезы обильно текутъ; быстро перевертывается послѣдняя страница. Долго плачетъ она, окончивъ романъ, и потомъ засыпаетъ. Ее будятъ наливать чай Ивану Матвѣичу; она поспѣшно дѣлаетъ свой туалетъ и, вся полная впечатлѣній прочитаннаго романа, идетъ къ чайному столу.

— Это о чемъ ты вчера плакала? спрашиваетъ ее Иванъ Матвѣичъ.

— Я дочла романъ. Какъ хорошъ!

— Это что за ребячество! развѣ я для того тебѣ даю книги, чтобъ ты плакала?

— Это я такъ; мнѣ нескучно. Прочти самъ, и ты расплачешься.

— Хорошо; да отъ глупостей-то плакать не слѣдуетъ.

— Все историческія лица въ романѣ, съ жаромъ замѣчаетъ Наталья Григорьевна.

— Я начинаю бояться, что позволилъ тебѣ читать: ты испортишь глаза; можно ли въ одинъ день прочесть четыре части! съ глубокомысліемъ возражаетъ мужъ.

— Я и ночь читала, въ оправданіе говоритъ она.

— Это просто глупо и вредно! Ты бы лучше поиграла на биксѣ! восклицаетъ онъ, возвысивъ голосъ.

Она дѣлаетъ гримасу. Онъ спѣшитъ на службу и тѣлоко вздыхаетъ, проходя мимо праздной стоящей биксы.

«Плакать и скучать, я думаю, гораздо вреднѣе для меня!» думаетъ Натали, проводивъ его, и принимается за новый романъ.

Какъ жизнь ея измѣнилась! сколько странныхъ и новыхъ мыслей родилось у ней въ головѣ!

«Нѣтъ — думаетъ она — такъ любить могутъ только люди, жившіе въ замкахъ, а не въ пятомъ этажѣ, гдѣ мы живемъ. Надо дѣлать походы, сражаться, чтобъ имѣть такое нѣжное сердце и такъ уважать женщинъ, а не на службу ходить всякій день. Боже мой! если бы вдругъ я очутилась въ замкѣ! Мнѣ кажется, я такъ же способна была бы защищать замокъ свой, какъ мужчина. Я бы имѣла навѣрно и такое же присутствіе духа, какъ Лаура въ «Шотландскомъ Аббатѣ». Я такъ же упорно и долго боролась бы съ препятствіями, чтобъ быть вѣрной своему слову, какъ миссъ Клара...» Она чувствовала такъ живо всѣ радости и страданія героини и героев романа, что иногда воображала себя на мѣстѣ Ребекки и мысленно вскакивала на окно, готовая броситься, если приблизится къ ней свирѣпый Бріанъ-де-Буа-гильберъ. Но вотъ скрипнула дверь — и все исчезло при появленіи кухарки съ говядиной или поросенкомъ. Впрочемъ, воображеніе до того увлекало ее, что она иногда даже прислугу свою видѣла ипою: старая горничная казалась ей неумолимой дуэньей, а мальчишка съ красными сердцами — красивымъ пажомъ, преданнымъ ей, и какъ потомъ сама она смѣялась надъ своими фантазіями! Прочитавъ «Ламмермурскую Невѣсту», она три дни ходила въ странномъ состояніи духа; казалось, она ничего не слышала и не понимала, преданная одной тайной мысли, и только по временамъ повторяла: «я не стою другой жизни.»

Вальтеръ-Скоттъ прочтенъ весь, и она принялась за Купера. Природа охватила ее разгоряченное воображеніе. Какъ ей хотѣлось бы убѣжать въ эти непроходимые лѣса, жить съ дикими, лишь посреди природы, а не въ пятомъ этажѣ, на мутной Фонтанкѣ! «Какъ счастливъ Патфайндеръ! Онъ всю жизнь провелъ въ лѣсу: отъ этого вѣрно онъ непохожъ на людей, которые окружаютъ его. Какъ высоко онъ стоитъ надъ ними, несмотря на свою дикую простоту! Въ немъ нѣтъ людскихъ слабостей; въ немъ одна хорошая сторона сердца человѣка развилась и созрѣла такъ же роскошно и величаво, какъ могучій дубъ въ лѣсахъ Америки. Отчего такъ мало Патфайндеровъ? Ну что, если бы его, этого Патфайндера, посадить хоть на одинъ день въ Петербургъ, въ пятый этажъ, и заставить жить, какъ живемъ мы съ Иваномъ Матвѣичемъ?» И она сама смѣется своимъ мыслямъ.

Она пробовала рассказывать содержаніе романовъ мужу; но онъ такъ странно все понималъ, такіе предлагалъ вопросы

среди самых трагических ибеть и такъ сладко зѣвалъ, что Натали скоро потеряла охоту отдавать ему отчетъ въ своемъ чтеніи. Какъ бы то ни было, Иванъ Матвѣичъ успокоился: онъ замѣтилъ, что она гораздо стала живѣе, говорливѣе и даже казалась весела. А между читанными ею романами и той дѣйствительностью, въ которой она жила, лежало такое неизмѣримое разстояніе, что никакихъ вопросовъ не могло, по видимому, пробудиться въ самой пылкой головѣ.

Но вотъ она перечла и Купера; дошла очередь до новѣйшихъ писателей. Она видитъ ясно жизнь настоящую: не рыцари дѣйствуютъ, а такіе же люди, какъ Иванъ Матвѣичъ и другіе. «Боже мой! какъ дорого обходится женщинѣ даже минутное увлеченіе! Вся жизнь ея убита имъ; она брошена всѣми. Но почему же одна такъ страшно наказана, а другая нѣтъ? Ложь, низкій обманъ дѣлаются достоинствомъ иной женщины, и никто ее не отвергъ, никто не посмѣлъ бросить въ нее камня, — неужели потому, что лицемѣріе все искупаетъ и люди боятся вступать съ нимъ въ борьбу? Какъ могутъ сильно и преданно любить женщины? Почему сердце мое никогда не замираетъ отъ радости, если заслышу шаги Ивана Матвѣича? Почему мнѣ даже теперь легче одной? Можетъ быть, онъ виноватъ: отчего онъ мнѣ никогда не сказалъ, что любитъ меня, что онъ счастливъ со мной? Какая я глупая! только въ романахъ такъ любить....» Такъ заключаетъ она свои разсужденія и снова читаетъ; но вопросы, подобные прежнимъ, мѣшаютъ ей, и она, сама не замѣчая, сидитъ цѣлый часъ и думаетъ.... А какъ разрѣшить ихъ, какъ повѣрить? «Неужели эгоизмъ и тщеславіе — главные основы счастья людей? А деньги? Сколько разъ изъ за нихъ были поправы узы дружбы; любовь самая преданная со стонами попирала свои порывы изъ за куска хлѣба. Сколько нарушено клятвъ, сколько дано ихъ противъ сердца, и все изъ за денегъ! Отчего я раньше не знала всего этого? И неужели всюду одинъ разсчетъ у людей? Нѣтъ, есть же исключенія. Какъ страстно, какъ слѣпо любить Адольфъ въ романѣ Бенжаменъ-Констана, какъ слѣпо и безумно любить Леони въ романѣ Жоржъ-Санда! Но за чтѣ обманута несчастная Индіана? она такъ много страдала съ своимъ суровымъ мужемъ. Ахъ! но она все-таки имѣла преданнаго человѣка въ лицѣ своего двоюроднаго брата. Она

жила въ замкѣ, Она могла гулять въ саду, дышать чистымъ воздухомъ!...»

Все, что ни читала теперь Наталья Григорьевна, все пришло къ своему положенію. «Какъ роскошь украшаетъ, должно быть, женщину», думаетъ она, читая романы Бальзака, «сидѣть на бархатной мебели, нога тонетъ въ ковры, кругомъ цѣлыя вазы, картины. И есть женщины, которыя могутъ скучать въ такихъ комнатахъ! Впрочемъ, онѣ такъ хороши собой, что вся эта роскошь уничтожается предъ ними. Если бы меня одѣть въ кружева, атласъ, посадить въ комнату, убранную со всею роскошью, окружить молодыми людьми, могла ли бы я нравиться?... если бы я была хороша собой! Но на что мнѣ красота? Я лучше желала бы быть уродомъ. Не все ли равно сидѣть одной въ четырехъ стѣнахъ съ красивымъ или безобразнымъ лицомъ? Одно желала бы я знать, умна я или глупа? Отчего Иванъ Матвѣичъ никогда не находитъ ничего, о чемъ бы говорить со мной, кромѣ глупыхъ домашнихъ мелочей? Неужели онъ считаетъ меня такимъ ребенкомъ, что я не умѣю думать ни о чемъ? Онъ, мнѣ кажется, вовсе не знаетъ моего характера. Если я не плачу, для него и довольно. Я одѣнусь получше, перемѣню прическу — ему рѣшительно все равно.... Отчего такъ равнодушно смотрятъ на меня всѣ? Но кромѣ Ивана Матвѣича въ старухъ я никого не вижу. Боже мой! я боюсь сдѣлаться вѣдоткой отъ такой жизни!...»

Но напрасенъ былъ страхъ Натальи Григорьевны: никакая другая жизнь не могла быстрое способствовать обогащенію ума; самая незначительная вещь обращала на себя ея вниманіе; она анализировала каждый свой поступокъ, строга была даже къ каждому своему слову. Она привыкла размышлять, къ чему не всѣ женщины привыкаютъ; многія предпочитаютъ прожить весь вѣкъ чужимъ умомъ, не давая себѣ труда о чемънибудь подумать. Натали чувствовала уже нѣкоторую самостоятельность, — разумеется, когда была одна и рассуждала сама съ собою. Она находила, что могла бы быть веселой и остроумной, потому что, очень часто воображая себя какой нибудь героиней Бальзака, она вела споръ съ разными маркизами и графами, защищалась, опровергала ихъ мнѣнія. Она старалась даже усвоить манеры какой нибудь величавой маркизы. Чѣмъ же было развлекать себя Наталья Григорьевна?

Наступаетъ весна: какъ хорошеъ воздухъ, какъ хочется затворницѣ оставить душную комнату! но она не смѣетъ. Иванъ Матвѣичъ строго запретилъ безъ него гулять, а ему нѣтъ времени, кромѣ вечера. Она раскрываетъ форточку и смотритъ въ нее по цѣлымъ часамъ; она съ жадностью впитываетъ въ себя раздражительный воздухъ весны, и чѣмъ болѣе вбираетъ его, тѣмъ душише становится ей. «Огчего такъ горять мои щоки? вѣрно отъ вѣтру?» смотрясь въ зеркало, думаетъ она и очень удивляется, что у ней такое маленькое ушко и такое прозрачное. Она уже не можетъ такъ много читать, потому что голова ея занята разными какими-то странными приключеніями, которыя только въ романахъ могутъ быть, какъ она сама же старалась твердить себѣ. Но почему же она такъ испугалась и въ то же время покраснѣла, когда замѣтила изъ форточки, что какой-то мужчина прошелъ нѣсколько разъ по набережной Фонтанки и все смотритъ наверхъ? «Неужели это для меня онъ ходитъ? не видитъ ли его кто нибудь? Какъ хорошо, что такъ много жильцовъ! Когда могъ онъ меня видѣть? Развѣ у ранней обѣды? Но я никого не замѣчала никогда. Онъ опять идетъ!»

Вся вспыхнувъ, она готова спрятаться отъ своего неизвѣстнаго поклонника, но вдругъ она видитъ руку изъ сосѣдней форточки, которая махнула платкомъ. «Глупая, глупая! кто станетъ ходить для меня?» съ досадою, захлопнувъ форточку, думаетъ она и садится за книгу.

За стѣной послышался говоръ и смѣхъ Аделинки и чей-то мужскій голосъ. Не прошло четверти часа, какъ въ передней произошла суета, и потомъ все замолкло. Она вышла спросить о причинѣ суматохи.

— Такъ-съ, вонъ наши сосѣди просили позволенія пройти чрезъ наши стѣны, сказала кухарка.

— Это зачѣмъ? спросила Наталя, удивленная улыбками и перемигиваніями кухарки съ горничной.

Послѣдняя съ развязностью сказала:

— Ну, что намъ за дѣло, Авдотья, отъ барыни скрывать!... Вотъ что, сударыня. Нашъ сосѣдъ, вѣдь вы сами изволите знать, буйный человекъ; онъ жену свою приревновалъ. А у ней былъ гость; только баринъ-то не въ свой часъ и вернись: вѣрно, кто изъ злыхъ языковъ ему шепнулъ, говоритъ Даша. Вотъ гостя—

то через нашу кухню и выпроводили, а баринъ, говорить, на себя не похожъ. Слышите, какъ кричать?

И обѣ старухи стали прислушиваться.

Натали, возмущенная улыбками и рассказами своей прислуги, поспѣшила въ комнату. Тамъ она услышала слѣдующій разговоръ.

«— Говори! онъ былъ здѣсь, былъ? кричалъ Вольдемаръ.

«— Убирайся! никого не было! кричала ему Аделинька.

«— Дарья, Гришка, Осипъ! Я ихъ допрошу по своему!

«— Такъ я и побоюсь васъ, если вы ихъ заставите вамъ наврать чепуху, покойно произнесла Адель и что-то замурыкала.

«— Былъ, а былъ? говорите, разбойники, былъ? топая, кричалъ Вольдемаръ, такъ громко, что Натали поблѣднѣла.

«— Жидъ, жидъ! свиное ухо съѣлъ! заплѣла Аделинька. — Удержите его, удержите! вдругъ вскрикнула она испуганнымъ голосомъ.

Натали кинулась въ кухню и тоскливо говорила своей прислугѣ: «Бѣгите къ ней, бѣгите!»

— Полноте, что вы? Господь съ ними! выпейте водицы, подавая ковшикъ съ водой трепещущей барынѣ, сказала кухарка.

— И какъ можно постороннимъ мѣшаться въ такія ссоры! Долго ли до грѣха! къ отвѣту потребуютъ, замѣтила горничная.

— Боже мой, Боже мой! что съ ней будетъ!

— Не плачьте, матушка барыня: привычное дѣло — какъ съ гуся вода! утѣшала ее кухарка.

Иточно: не больше, какъ черезъ часъ, раздался звонокій смѣхъ Аделиньки, разговаривавшей съ Дашей. Натали успокоилась, но, чтобъ какъ нибудь помочь сосѣдкѣ, рассказала всю исторію Ивану Матвѣичу и просила его, нельзя ли припугнуть сумасшедшаго мужа, чтобъ онъ не смѣлъ въ другой разъ дѣлать такихъ сценъ. Бѣляковъ улыбнулся; но отчего не понравилась эта улыбка Наталѣ Григорьевнѣ, такъ давно желавшей ее? почему она даже рѣшилась сказать ему съ упрекомъ: «если она даже и виновата, то съ такимъ мужемъ....»

Онъ какъ туча нахмурился и не далъ ей договорить, перебивъ ее строгимъ голосомъ: — Подобнымъ поступкамъ нѣтъ извиненія. А вы слишкомъ молоды, чтобъ имѣть свое мнѣніе о такихъ вещахъ, о которыхъ порядочная женщина не должна и

зайкаться. Вы виноваты, что раньше не сказали мнѣ, что такіе сосѣди возлѣ васъ. Я бы потребовалъ отъ управляющаго, чтобъ ихъ тутъ не было, или переѣхалъ бы самъ....

Натали ужасно испугалась и просила его пощадить несчастную. Она раскаялась, что не скрыла в этой сценѣ отъ него, какъ другія. «Какъ онъ строгъ! я думала, что онъ пожалѣетъ, защититъ ее. Къ чему прибавлять позору и такъ уже погибшей женщинѣ!»

Между тѣмъ сосѣди зажили такъ дружно, что чудо. Разъѣзжаютъ по гостямъ, по театрамъ. Какъ вѣжно Аделинька цалуетъ своего Вольдемара, что ей, однакожь, не мѣшаетъ часто высовываться изъ форточки и дѣлать какіе-то знаки мужчинѣ, — тому самому, котораго видѣла уже не разъ Натали.

Въ одно утро явилась къ ней Даша съ просьбою одолжить ей барынѣ всѣ маленькіе ключики. «У насъ шкатулочка испортилась: не отворится ли вашими? Они-съ очень вамъ будутъ благодарны-съ.» Даша съ любопытствомъ оглядывала комнату.

Ключи были даны и скоро получены обратно. Вечеромъ, читая книгу, Натали была поражена однообразнымъ воемъ и стономъ у сосѣдей. Кто-то изнеможеннымъ и жалобнымъ голосомъ произносилъ: «— О, о, о! Аделинька, душечка! у, у!»

«— Полноте, Владиміръ Аполлонычъ, что теперь плакать! не можете. Сами изволили все надѣлать, говорила Даша.

«— Голубушка Дашенька, дай мнѣ аделинькино старое одѣяло. Я умру нанемъ. О, о, о! Аделинька, Аделинька моя!... Скажи ей, Даша, какъ я ее люблю... И раздались поцалуи. — Я все отдамъ, пусть все возьмутъ, кромѣ этого одѣяла. Что ты сдѣлала со мною, Аделинька! о, о, о!»

Стонамъ и разговорамъ не было конца цѣлую ночь. Горничная все объяснила утромъ Натальѣ Григорьевнѣ.

— Какъ плачетъ нашъ сосѣдъ-то—ужасти! жаль смотрѣть на него. Разостлалъ по полу одѣяло, валяется на немъ, цалуетъ его, да такъ вотъ и плачетъ!

Барыня спросила о причинѣ слезъ.

— Да вы развѣ не изволили знать? вѣдь ушла отъ него, какъ Дашу прислала просить у васъ ключей. Это ей нужно было открыть шкатулку, гдѣ у него деньги лежатъ. Все взяла: серебро, платье, бекешъ мужскую, жирандоль, хорошія чашки.... ну

все: отпустила домъ! Въдъ поди, какой прикинулась тихой послѣ того, помните, какъ они васъ перепугали!

Цѣлое утро Натали слышала разные голоса, то женскіе, то мужскіе, и всѣ утѣшали покинутого супруга. Вольдемаръ сначала стоналъ и молилъ свою Аделинъку, потомъ, позавтракавъ, началъ грозить и браниться; а вечеромъ Даша горько плакала, преся помилованья у своего барина, который объявилъ ей, что накажетъ ее примѣрно за то, что она знала намѣреніе своей барыни и не предупредила его.

Ровно чрезъ недѣлю, рано поутру, въ квартирѣ сосѣдей раздавалось заунывное пѣніе печника, смѣшанное со стукомъ топора и свистомъ рубанка. Отъ скуки Наталья Григорьевна пошла посмотрѣть пустую квартиру. Она была въ страшной грязи; ниль стояла столбомъ. Полы были взломаны; обои забрызганы бѣлой краской; красили потолки. «Не останется слѣда гѣхъ лицъ, которыя жили тутъ. Явятся другія, не заботясь, кто до нихъ жилъ, радости или горя были свидѣтелями эти стѣны. Ихъ смѣнять третьи. Нѣтъ, неприятно жить въ такихъ городахъ: такое страшное равнодушіе къ ближнимъ!» Такимъ размышленіямъ предавалась Наталья Григорьевна, возвращаясь домой съ опустѣлой квартиры своихъ шумныхъ сосѣдей.

Выставленное окно въ мрачной комнатѣ Натальи Григорьевны доставило ей много удовольствія. Ей стало легче дышать. Свѣтлыя весеннія ночи она проводила безъ сна и все смотрѣла на небо, какъ тучи бѣгутъ одна за другою.

«Какъ тепло сегодня, какъ должно быть хорошо пахнетъ березками теперь! Хоть бы клочокъ травы миѣ увидѣть, а то все камни да камни», соскучась смотрѣть на улицу, говорила Наталья Григорьевна.

Потянулись уже знакомыя ей барки по Фонтанкѣ, стали въ домахъ откупоривать окна, балконы — единственный признакъ весны въ Петербургѣ. Балконъ, выставленный въ противоположномъ домѣ богатыхъ жильцовъ, много вызвалъ разсужденій у Натальи Григорьевны. «Сколько цвѣтовъ на балконѣ — и никто

не придетъ полюбоваться ими! Хоть бы мнѣ нѣсколько дали изъ нихъ: какъ бы я берегла ихъ!» Она судила такъ потому, что цѣлые дни возилась съ своимъ отросткомъ, выросшимъ изъ апелъсиновой косточки. Съ радостью встрѣчала она каждый листочекъ на немъ, берегла его, обдувала съ него пыль; но онъ все-таки медленно росъ; не одинъ вседневныя заботы нужны были ему: солнце.... онъ солнца жаждалъ.

Выставленная на балконъ золоченая клѣтка съ попугаемъ также вызывала размышленія Натали. «И ящичъ твой полонъ корма, ты окруженъ цвѣтами, а все-таки мечешься и хочешь вонь! Не кричи: надъ тобой не сжалятся, за тебя дорого заплатили; затворъ золоченой твоей клѣтки сдѣланъ прочно. Придетъ же фантазія людямъ, чѣмъ украшать свои комнаты! И любо имъ смотрѣть, какъ несчастная птица мечется и рвется въ клѣткѣ, ища выхода!»

Въ Петербургѣ лѣто. Возы тянутся за возами; барки, нагруженныя мебелью, плывутъ по Фонтанкѣ, какъ цѣлые дома; улицы замѣтно пустѣютъ, но воздухъ все болѣе и болѣе сгущается. Всѣ слѣшаютъ на дачи. Какую веселую жизнь себѣ представляетъ Наталья Григорьевна на дачѣ! Бѣгать по травѣ, собирать цвѣты, сидѣть по вечерамъ въ саду, слушать пѣніе соловья. Она желала бы провести такъ хоть одинъ день. Пыль, камни кругомъ, ослѣпительно бѣлая стѣны домовъ наводятъ уныніе. Вечеромъ запахъ съ Фонтанки; ночью съ барокъ возятъ известку, которая убѣляетъ еще болѣе улицы и даже долетаетъ въ пятый этажъ. Ломаютъ дома, строятъ намѣсто ихъ другіе, еще выше, чтобъ послѣдній свѣтъ отнять у оконъ сосѣдняго дома. Бѣлятъ и безъ того бѣлая стѣны домовъ. И ихъ домъ стали бѣлить. Натали съ замираніемъ сердца глядитъ на смѣльчака, сидящаго въ плохо сколоченныхъ доскахъ, который, затянувъ унылую пѣсню, усердно водитъ своей огромной кистью по стѣнѣ. Онъ все выше и выше приподнимается, наконецъ добрался и до ея оконъ.

— Ты не боишься на такихъ доскахъ сидѣть? спросила она молодого парня, очень красивой наружности.

— Чего бояться! отвѣчалъ онъ.

— Ну, а если веревка оборвется, за которую тебя держать?

— А дляче ей обрываться? она, ишь-ты, люжая! И парень сѣло покачалъ веревкой.

— Чтѣ ты дѣлаешь? вскрикнула Наталья Григорьевна.

Маляръ усмѣхнулся и затынулъ свою пѣсню.

— Скоро кончишь этотъ домъ? спросила Наталья Григорьевна.

— Сегодня.

— Ты откуда?

— Мы ярославскіе.

— Я думаю, тамъ веселѣе, чѣмъ въ Петербургѣ?

— Вѣстимо, да тягло-то наше править не возъ везти; семья наша большая, старъ да малъ. Я вотъ и пошелъ съ артелью.

— Трогать, что ли? раздался голосъ съ крыши.

— Ну, тyani! отвѣчалъ парень, и, упершись ногами въ стѣну, онъ закачался въ люлькѣ и очутился у самаго окна, откуда смотрѣла Наталья Григорьевна; она отошла и сѣла на диванъ.

Парень запѣлъ снова:

«Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ, родимая,
Рано за-мужъ свое дитятко
Отдала ты за немилаго?...»

Но вскорѣ пѣсня замолкла. Наталья Григорьевна нечаянно подняла глаза и встрѣтилась съ глазами парня, который пристально смотрѣлъ на нее, опустивъ кисть внизъ.

— Ну чтѣ спишь-то! опять раздался голосъ съ крыши.

Парень принялся водить кистью по стѣнѣ.... Натали ушла изъ комнаты; проходя переднюю, она ужасно испугалась раздаваемаго звонка. Было еще слишкомъ рано для возвращенія Ивана Матвѣича изъ должности, но она подумала: «не захворалъ ли онъ?» и сама поспѣшила отворить дверь.

Какъ она испугалась! Въ дверяхъ стоялъ молодой человекъ. Онъ спросилъ:

— Дома г-нъ Бѣляковъ?

— Нѣтъ, собравшись съ духомъ, произнесла она.

— А его супруга?

Краска еще ярче выступила на щекахъ хозяйки дома, и она проговорила робко: — «Дома.»

— Можно ихъ видѣть? улыбаясь и снявъ шляпу, спросилъ молодой человѣкъ и прибавилъ по французски: — я имѣю письмо изъ Москвы.

— Вѣрно отъ моихъ родныхъ, тоже по французски, вскрикнула радостно Наталья Григорьевна и, забывъ свое замѣдлительство, пригласила его войти.

— Вы меня, кажется, не узнали. Неужели пять лѣтъ такъ меня измѣнили? сказалъ молодой человѣкъ, подвывая письмо. — Всѣ родные ваши здоровы, а Ирина Андреевна дала мнѣ рекомендательное письмо къ вамъ и вашему мужу. Но я такъ былъ глупъ, что надѣялся и безъ письма быть узнааннымъ.

— Мишенька.... Михаилъ Петровичъ! произнесла Наталья Григорьевна, весело смотря на своего гостя.

— Да, Мишенька, Мишенька! подхватилъ восторженно молодой человѣкъ.

Натали вся вспыхнула и поспѣшно сказала: — Какъ вы измѣнились, какъ возмужали въ эти пять лѣтъ!

— Зато вы нисколько не перемѣнились: все то же выражаніе, извините, дѣтское въ вашемъ лицѣ. Я былъ пораженъ, когда узналъ о вашемъ замужествѣ, возвратясь въ Москву. Ирина Андреевна такъ много мнѣ говорила о вашемъ мужѣ, что я съ большимъ нетерпѣніемъ желаю его видѣть.

Наталья Григорьевна почувствовала снова такое сильное замѣдлительство, что не находила что отвѣчать. Разспросы о ея жизни въ Петербургѣ окончательно ее смутили, потому что молодой человѣкъ не скрывъ своего удивленія. «Зачѣмъ я говорю ему правду! я лучше буду лгать», думала она и еще болѣе конфузилась. Вѣроятно, гость это замѣтилъ: онъ скоро простился съ нею и обѣщалъ зайти вечеромъ, если они будутъ дома, чтобы лично отдать письмо Ивану Матвѣичу.

Наталья Григорьевна такъ потерялась, что сама за перла за нимъ дверь и только тогда опомнилась и чуть не расплакалась.

«Что я надѣлала! что подумаетъ онъ обо мнѣ! Я сама отворяю и запираю дверь. Ивана Матвѣича нѣтъ дома, людей не видалъ онъ. Какъ я это все скажу Ивану Матвѣичу? Нѣтъ, онъ правъ: я такія способна надѣлать глупости, если бы мнѣ пришлось жить въ обществѣ. Я не умѣю себя вести. Но какже мнѣ этому выучиться?»

Сображая всё эти обстоятельства, она вспомнила о письмѣ Ирины Андреевны и стала его читать :

Добрая Ирина Андреевна напоминала ей о томъ времени, какъ она, т. е. Наталья Григорьевна, бывши дѣвочкой еще, играла часто съ Мишоломъ у ней въ саду.

«Если ты меня любишь, дружочекъ мой, то обласкай друга своего дѣтства : онъ по врежнему влюбленъ въ тебя. Теперь онъ не мальчикъ — смотри ! Покажи ему всё достопримѣчательности въ Петербургѣ, въ вашемъ холодномъ городѣ. Онъ пріѣхалъ служить къ вамъ, родство у него большое, знакомство съ большимъ вѣсомъ ; ему предстоитъ блистательная карьера. Ты пишешь, что твой мужъ очень занятъ : такъ вотъ тебѣ и кавалеръ ; только, смотри, будь осторожна съ своимъ другомъ дѣтства : вѣдь онъ ужъ и тогда былъ влюбленъ въ тебя. У него, какъ и у тебя, пылкая голова. Поцалуй лишній разокъ своего добродѣтельнаго муженька....» и проч.

Эти строки такой сильной вызвали румянецъ на щеки Натальи Григорьевны, что она даже испугалась, заглянувъ въ зеркало.

«Что я буду дѣлать теперь ? онъ будетъ ходить къ намъ, напишетъ все въ Москву ! Ахъ, Ирина Андреевна ! лучше бы ей забыть о моемъ существованіи. Какъ ошибаются многіе, воображая, что ужъ кто живетъ въ Петербургѣ, тотъ непременно счастливъ и веселится ! Напротивъ, мнѣ кажется, нигдѣ такъ нельзя скучать, какъ въ Петербургѣ.»

Напрасно Наталья Григорьевна боялась возобновленія знакомства со своимъ другомъ дѣтства, какъ называла его Ирина Андреевна. Когда Иванъ Матвѣичъ узналъ о гостѣ, присланномъ Ириной Андреевной, то брови его такъ плотно сдвинулись, а взглядъ такъ слѣлся суровъ, что она ждала вечера съ невольнымъ страхомъ. Отобѣдали. Иванъ Матвѣичъ, противъ своего обыкновенія, не легъ отдыхать, а ушелъ со двора, и она слышала, какъ онъ своимъ строгимъ голосомъ приказывалъ мальчику сказать гостю, что его нѣтъ дома и что онъ не вернется долой ранѣе ночи.

Наталья Григорьевна была глубоко оскорблена этимъ поступкомъ Ивана Матвѣича.

Единственная отрада была у ней : это гордость, что она не поддала и тѣмъ своему мужу думать о нарушеніи своихъ обязанностей.

«Неужели причина всему ревность его? Но чтобъ ревновать, падо иначе любить!» И она старалась разгадать характеръ его.

Часовъ въ девять раздался звонокъ. Наталья Григорьевна кинулась къ двери передней и смотрѣла въ щелку. То былъ утренній гость, которому, не давъ ничего спросить, мальчишка скороговоркой протараторилъ:

— Ихъ-съ дома нѣтъ и сказали, что до ночи не придуть.

— И Наталья Григорьевны нѣтъ дома? спросилъ другъ дѣтства.

— Они-съ дома! отвѣчалъ, оторопѣвъ, мальчикъ.

— Поди, доложи.

Мальчикъ повиновался, раскрылъ настежъ дверь въ залу, такъ что Наталья Григорьевна не успѣла отскочить отъ нея, и громко сказалъ:

— Васъ спрашиваютъ.

Дѣлать было нечего. Наталья Григорьевна должна была принять гостя. Но что съ ней было, какъ она краснѣла, что говорила съ нимъ! И когда раздался звонокъ, такъ знакомый ей, она вздрогнула и кинулась въ переднюю. Больше ея ужъ не видалъ гость. Иванъ Матвѣичъ вышелъ въ залу одинъ. Вѣроятно, онъ принялъ гостя не такъ ласково, какъ слѣдовало бы принять друга дѣтства жены, и Михаилъ Петровичъ очень скоро удалился. Тотчасъ же по его уходѣ, Иванъ Матвѣичъ поднялъ страшный шумъ, браня мальчишку, который такъ испугался, что, упавъ въ ноги къ нему, завылъ, какъ будто его рѣжутъ.

Наталья Григорьевна вышла изъ своей комнаты; глаза ея были красны; но какое-то гордое спокойствіе замѣтно было въ ея лицѣ, и она сказала съ большою смѣлостію:

— Не браните его, я во всемъ виновата, и, въ избѣжаніе подобныхъ сценъ, я болѣе никогда не выйду къ нему, и онъ пойметъ, что мы не желаемъ быть знакомы съ нимъ.

— Все это прекрасно; но вы забыли, что вы уже подали ему надежду на ваше знакомство. Вы меня выставили въ какомъ видѣ? дуракомъ, невѣжей! горячася страшно, говорилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Что же мнѣ дѣлать! это все такъ нечаянно случилось.

— Нечаянно! утромъ нечаянно приняли и вечеромъ опять-таки нечаянно приняли! право, смѣшно!

И онъ засмѣлся, но такъ, что Наталья Григорьевна вся задрожала: этотъ смѣхъ, который она въ первый разъ услышала, отозвался у ней въ сердцѣ. Ей казалось, что отъ рожденья онъ лишень способности смѣяться.

Этотъ день, полный приключеній, сдѣлалъ на нее сильное впечатлѣнiе. Ей казалось, что она готова переиспытать вновь все, только бы болѣе ей не слышать ни смѣха Ивана Матвѣича, ни оскорбительныхъ угрозъ бѣдному, ни въ чемъ не виноватому мальчику.

«Къ чему его страхъ за меня? Я развѣ могу кого и побудь полюбить? Я такъ холодна, что, мнѣ кажется, сама причиной и его холодности ко мнѣ.»

Но отчего молодой человекъ поминутно являлся предъ ней? Она его видѣла даже во снѣ, хотя онъ ей вовсе не понравился: его взглядъ, манеры были чересчуръ развязны.

Онъ былъ два раза у нихъ, и ему отказывали.

Наталья Григорьевна начинала успокоиваться, какъ однажды, сидя у окна, она обратила вниманiе на мужчину, стоящаго на другой сторонѣ Фонтанки. Она всматривается и узнаетъ въ немъ своего друга дѣтства, который быстро перешелъ на другую сторону и раскланялся съ ней. А чрезъ нѣсколько минутъ у дверей раздался звонокъ.

Наталья Григорьевна, блѣдная и дрожа отъ страха, спряталась въ коридоръ и съ ужасомъ слушала тоскливый ропотъ мальчика, непускавшаго гостя въ комнату.

— Да я самъ видѣлъ ее въ окно, она дома, говорилъ очень громко Михаилъ Петровичъ.

— Не приказано, въ сотый разъ повторять мальчикъ.

Долго еще прохаживался Михаилъ Петровичъ мимо оконъ, но не видалъ Натальи Григорьевны, которая стала на стулъ по срединѣ комнаты и смотрѣла въ окно. На другое утро только что она подошла къ окну, какъ съ крикомъ отскочила, потому что Михаилъ Петровичъ уже стоялъ на тротуарѣ, облокотясь очень эффектно о перилы. На третье утро она уже получила письмо отъ него, въ которомъ онъ писалъ, что понялъ причину отказовъ, но не теряетъ надежды ее видѣть, и что вѣрно она будетъ такъ добра, что найдетъ случай къ ихъ свиданiю.

Эта дерзость такъ возмутила Наталью Григорьевну, что она въ порывѣ гнѣва чуть было не показала письма Ивану

Матвѣичу ; но, поразмысливъ , она его разорвала и бросила за окно, къ которому уже не подходила, хотя это ей не мѣшало тихонько глядѣть въ него.

«Странно, какъ устроены женщины — думала Наталья Григорьевна — я зла на него, я боюсь его, но мнѣ досадно, что его мѣтъ сегодня на обычномъ мѣстѣ.»

Она рѣшилась написать Ирину Андреевну, прося ея помощи, и чтобъ она передала Михаилу Петровичу, что его поведение очень глупо и неприлично. Она умоляла держать это въ секретѣ. Но какъ раскаялась потомъ Наталья Григорьевна, сдѣлавъ Ирину Андреевну своей повѣренной : Ирина Андреевна завела съ ней обширную переписку касательно страсти молодого человѣка, — писала, что онъ умираетъ отъ ея холодности, что онъ лишитъ себя жизни, если она будетъ продолжать презирать его. Разумѣется, пылкое воображеніе Ирины Андреевны три-четверти дополняло. Сколько страху, сколько тревогъ испытывала каждый разъ Наталья Григорьевна, когда получала письмо отъ Ирины Андреевны, которая такъ была однако предусмотрительна, что присылала всегда два письма : одно изъ нихъ можно было смѣло показать Ивану Матвѣичу.

Все осталось тайной для него : какъ письма Ирины Андреевны, такъ и любовь друга дѣтства Натальи Григорьевны, которая скоро прошла, можетъ быть, потому, что онъ получилъ мѣсто и по утрамъ долженъ былъ ходить на службу.

Наталья Григорьевна особенно часто стала разсуждать о томъ, что было бы съ Иваномъ Матвѣичемъ, если бы она вдругъ умерла или исчезла, и убѣждалась съ каждымъ днемъ, что онъ хорошо сталъ бы жить и безъ нея, хотя она въ этомъ очень ошибалась, потому что Иванъ Матвѣичъ чувствовалъ необходимость ея присутствія если не возлѣ себя, такъ въ другой комнатѣ. Всѣ его мысли, цѣль его жизни, — все вертѣлось около жены. Онъ любилъ по своему, чего не могла понять Наталья Григорьевна, думавшая такъ : «Если бы я была необходима ему, я бы замѣтила это. Мы должны были бы скучать другъ о другѣ, передавать всѣ наши мысли. Я знаю ли, что онъ думаетъ, знаетъ ли онъ, что я думаю? Впрочемъ, можетъ быть, и хорошо, что мы не знаемъ, что думаемъ другъ о другѣ....»

ГЛАВА V.

Прошло два года, въ которые Наталья Григорьевна скучала и читала такъ же много, какъ прежде; но важная внутренняя переѣна произошла съ ней: она совершенно помирилась съ своимъ положеніемъ. Ни слезъ, ни ропота не слышала болѣе Иванъ Матвѣичъ; но зато не было въ тѣхъ дѣтски-ласкающихъ взглядовъ и тѣхъ робкихъ вопросовъ; не было участія и довѣренности. Она холодно встрѣчала день и также равнодушно провожала его. Уставъ читать она шила, а уставъ шить сидѣла сложа руки и постоянно задавала себѣ одинъ вопросъ: «неужели никогда не измѣнится моя жизнь?»

Какъ будто въ награду за долгое терпѣніе, Иванъ Матвѣичъ сталъ заботиться, какъ бы развлекать ее. «Теперь поздно, мнѣ рѣшительно все равно, даже мнѣ веселѣе, когда я сижу одна», разсуждала Натали, замѣтивъ, что онъ хлопочетъ о ней. Да и какія это были развлечения? Онъ сталъ приглашать къ себѣ стариковъ раза два въ недѣлю на преферансъ. Всѣ усаживались за карты и молчаливо играли. Наталья Григорьевна називала имъ чай и внутренно сердилась на гостей. Между ними нашлись и такіе старики, которые предпочитали бесѣду съ ней картамъ. Но что могла она говорить съ ними? ихъ разговоры такъ были пошлы, такъ заучены, что она не была любезна съ ними, какъ хотѣлось того Ивану Матвѣичу. Онъ вздумалъ было вести ее съ визитами къ женамъ своихъ стариковъ, но Натали упорно отклонилась отъ всякаго знакомства. «Нѣсколько лѣтъ я сидѣла одна; я не просила никакихъ развлеченій. Теперь я прошу одного: позволенія продолжать ту жизнь, какую я вела прежде. Я привыкла къ ней.»

Зимою какъ-то веселѣе было Натальѣ Григорьевнѣ, потому что не она только, но и всѣ сидятъ въ своихъ комнатахъ. Но лѣтомъ какъ страшна, какъ возмутительна казалась ей ея жизнь! Раскаленные стѣны домовъ и плиты тротуаровъ, пыль, ослѣпляющая глаза, удушающій воздухъ такъ раздражали ея нервы, что она предпочитала совсѣмъ не выходить на улицу. Она очень часто вспоминала о своей сосѣдкѣ Аделинкѣ и интересовалась узнавъ объ участи ея. Сколько переѣнилась жильцовъ у ней за

стѣной! Но вотъ опять чистятъ и красятъ квартиру. «Кто-то переѣдетъ еще сюда?» расхаживая по пустой квартирѣ, думаетъ Наталья Григорьевна. Черезъ нѣсколько времени, въ одно утро, она услышала дѣтскій плачь и смѣхъ за стѣной, а потомъ браня няньки съ кормилицею, и очень часто съ той поры уходила съ книгой изъ своей комнаты: такой гвалтъ подымался у сосѣдей.

Во многихъ семействахъ есть обыкновеніе страннымъ образомъ успокаивать дѣтей, если они плачутъ. Нянька бранится и грозитъ отдать дитя трубочисту, горничная стучитъ гдѣ нибудь въ стѣну и баситъ: «подай, полай его!» кормилица плашетъ, страшно топая ногами; если есть еще кто нибудь, тотъ начинаетъ тоже кричать; цѣль всѣхъ — перекричать ребенка, вѣрно въ убѣжденіи, что дурной примѣръ на него сильнѣе всего подѣйствуетъ, а результатъ такой, что весь этотъ визгъ и гамъ на цѣлый день разстроиваютъ нервы у ребенка, вслѣдствіе чего нѣжные маманьки съ ропотомъ говорятъ: «Ужъ какъ разкапризничается, такъ на цѣлый день!» А няньки объясняютъ дѣло такъ: «Да онъ плачетъ къ зубкамъ или къ росту.»

Наталья Григорьевна не могла надивиться равнодушію матери, которая какъ будто не слыхала брани няньки съ кормилицею, слезъ и жалобъ послѣдней, плача дѣтей, споровъ горничной съ лакеями въ дѣтской. Однимъ словомъ, она получила очень невыгодное мнѣніе о семейной жизни своихъ новыхъ сосѣдей. Жили они уже давненько за ея стѣной, но ни разу Натали даже не полюбопытствовала узнать ихъ фамилію и не знала въ лицо никого изъ нихъ.

Однажды она прилежно шила у раскрытаго окна, какъ вдругъ была поражена дѣтскимъ лепетомъ; она высунулась по-смотрѣть и увидѣла двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, лѣтъ четырехъ или пяти, до половины высунувшихся изъ окна и спускавшихъ на снуркѣ куклу внизъ по карнизу; шнурокъ былъ коротокъ, и дѣти тянулись, чтобъ поставить свою куклу.

— Возьмите дѣтей! кто тамъ есть? поблѣднѣвъ, закричала Натали и стучала въ дверь; но все было тихо въ дѣтской. Она кинулась въ кухню, но въ ней не было никого изъ ея людей. Она побѣжала въ сѣни, отворила дверь въ сосѣднюю квартиру; комната была темна, а изъ нея раскрыта дверь въ дѣтскую.

— Ради Бога, возьмите дѣтей съ окна! закричала Наталья Григорьевна; но та же тишина была ей отвѣтомъ.

Тогда, забывъ все, она вошла въ дѣтскую и чуть не вскрикнула: дѣти высунулись до того изъ окна, что лежали на желѣзѣ и болтали еще ногами, такъ что одно неловкое движеніе, и они упали бы за окно. Наталья Григорьевна, вся дрожа отъ страху, осторожно подкралась къ нимъ, схватила ихъ за платье и притащила къ себѣ; поставивъ ихъ на ноги, она заперла окно и только тогда вздохнула свободно. Дѣти, вѣрно испуганныя встревоженнымъ незнакомымъ лицомъ, дико глядѣли на свою избавительницу.

Дѣтскія въ большей части домовъ — самыя сокровенныя комнаты для постороннихъ, значить на нихъ менѣе обращаютъ вниманія. Въ дѣтскую обыкновенно ставятъ шкафы съ маленькими платьями, комоды съ бѣльемъ и картонныя съ шляпками. Да и кто лишитъ себя гостинной, чтобъ дѣтская была большая комната? Это невозможно: гдѣ же принимать гостей? Нѣтъ, дѣтскую можно сдѣлать темную, маленькую, лишь бы гостинная была чистая. Такъ разсуждаютъ многія матери семействъ, осматривая квартиру; къ этому привыкли и домостроители, которые такъ и устраиваютъ квартиры, чтобъ была красивая и большая гостинная, а тамъ все темныя и проходныя комнаты. Дѣтская, въ которой находилась теперь Наталья Григорьевна, была какъ слѣдуетъ дѣтской — узенькая, но довольно еще свѣтлая. Въ ней стояли двѣ большія кровати и три дѣтскія. Несмотря на часъ пополудни, онѣ не были прибраны; на нихъ, также и около нихъ, на полу, валялось грязное дѣтское бѣлье. Тамъ, довольно грязный, съ мыльной водой стоялъ на комодѣ краснаго дерева; тутъ же стояла серебряная кострюлечка съ кашей и спиртъ горѣлъ на канфоркѣ, а возлѣ самаго комода помѣщалась дѣтская люлька, съ кисейными занавѣсками, которыя отъ вѣтра могли бы очень легко коснуться огня. Посреди комнаты доска для глаженья была укрѣплена на двухъ стульяхъ, и на ней огромный утюгъ; отъ неосторожнаго движенія дѣтей у стула могло бы все это упасть. Рядомъ съ дѣтскими игрушками валялись молотокъ и ножъ; какъ кололи сахаръ, такъ ихъ тутъ и бросали.

Наталья Григорьевна, привыкшая къ порядку еще у матери, была поражена этимъ зрѣлищемъ.

Люлька вдругъ закачалась, и изъ занавѣсокъ выглянула дѣтская красивая головка годоваго ребенка. Онъ уцѣпился рученками за перилы люльки и сидѣлъ подняться на ноги. На-

Наталя Григорьевна успѣшила предупредить желаніе ребенка; она взяла его на руки, и губы ея коснулись его пухлыхъ розовыхъ щекъ. Ребенокъ улыбулся, схватилъ ее за волосы и сталъ теревить, подпрыгивая и громко крича: «пай, пай!» Братъ и сестры, стоявшіе въ недоумѣніи, одушевились его примѣромъ и, забивъ въ ладоши, стали кричать и теревить за платье Наталью Григорьевну, которая не могла защититься отъ нихъ, потому что ребенокъ на ея рукахъ царапалъ ей лицо.

— Дѣти, оставьте, оставьте! говорила Наталя Григорьевна, умоляющимъ голосомъ. Въ эту минуту кто-то освободилъ ее платье изъ дѣтскихъ рукъ. Она повернула голову: предъ ней стоялъ молодой мужчина, въ домашнемъ туалетѣ, съ перомъ въ рукѣ. Онъ съ изумленіемъ и вопросительно глядѣлъ на нее.

— Папа, папа! зашепталъ ребенокъ и протянулъ руки къ молодому мужчине.

Наталя Григорьевна вспыхнула такъ сильно, что какъ бы огонь мелькнулъ передъ ея глазами. Она пугливо смотрѣла на отца, можетъ быть, спасенныхъ ею дѣтей.

— Извините меня, укладывая въ кроватку ребенка, дрожащимъ отъ волненія голосомъ несвязно произнесла Наталя Григорьевна. — Я... Но ребенокъ дико заплакалъ и сталъ тануться изъ люльки, нагнувъ ее совсѣмъ на бокъ. Она опять взяла его на руки, и, собравшись съ духомъ, сказала:

— Я такъ испугалась: ваши дѣти привязали къ шнуру куклу, спустили ее за окно и сами страшно высунулись; я кричала, звала вашу няньку — никого не было. Я пришла сказать, но здѣсь никого не нашла; я ихъ спяла и заперла окно.

Окончивъ оправданіе своего появленія въ чужой квартирѣ, она положила ребенка въ кроватку и скорыми шагами пошла къ двери.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за спасеніе моихъ дѣтей? произнесъ въ волненіи и съ такимъ чувствомъ отецъ, что она о становилась.

— Заколотите пожалуста это окно! сказала она и, пристально взглянувъ на него, выбѣжала изъ дѣтской.

Она чуть ли не въ такомъ же волненіи и страхѣ возвратилась въ свою комнату, въ какомъ вышла изъ нея. Ей было ужасно совѣстно положеніе, въ поторомъ засталъ ее незнакомый человекъ. Какъ ни была она сконфужена, однакожь замѣтила, что

въ его лицѣ было необыкновенно пріятное и мягкое выраженіе; а голосъ до сихъ поръ звучалъ въ ея ухахъ.

За стѣной поднялся страшный крикъ.

— Какъ вы смѣли оставить дѣтей однихъ? раздражительно спрашивалъ голосъ, уже знакомый ей.

— Господи Боже мой! я пошла за утюгомъ; вольно кормилицѣ въ кухнѣ сидѣть, отвѣчалъ крикливый женскій голосъ, слишкомъ давно тоже знакомый Натальѣ Григорьевнѣ: то была нянька въ домѣ.

— Я пошла пить; вы, Софья Ивановна, на меня не сваливайте; мой Митинька спалъ, сказала кормилица.

— Врешь! я тебѣ говорила, иди въ дѣтскую, и думала, что ты тамъ! еще сильнѣе кричала нянька, или Софья Ивановна.

— Не говорили-съ; всѣ вмѣстѣ смотрѣли у жиловки ситецъ. Сосѣднія старухи скажутъ, что не говорили, возвышая голосъ, отвѣчала кормилица.

— Полноте, не кричите! замѣтилъ хозяинъ квартиры.

— Да какъ же это можно-съ всякой деревенщинѣ позволять умничать въ домѣ? съ упрекомъ и обиженно сказала Софья Ивановна своему барину.

— Поѣдомъ меня ѣдите, ужъ какая моя жизнь! заливаясь слезами, произнесла кормилица.

— Ахъ, ты!... начала было нянька, но ей было приказано замолчать и уйти съ дѣтьми изъ дѣтской, въ которой кормилица, оставшись одна, укачивала ребенка и ворчала, что бросить своего вскормленника и уйдетъ, если не уймуть вѣдьму-няньку. Но не болѣе, какъ чрезъ полчаса, она опять дружелюбно съ этой же вѣдьмой-нянькой разговаривала о томъ, какъ чужая барыня прибѣжала въ дѣтскую и сняла дѣтей съ окна.

— Прости Господи! вѣрно ей нечего дѣлать, что лѣзетъ въ чужой домъ, съ злобою ворчала нянька.

«— Ну, если бы, оборони Богъ, дѣти упали, Софья Ивановна? замѣтила кормилица.

— Ишь, упали бы! а если бы и упали, ну чѣмъ я виновата! у меня не пять рукъ. Да и вольно дѣтямъ такую волю давать. Небось я у енеральши жила, а позволяли дѣлать что хочешь съ дѣтьми; а этихъ пальцемъ не тронь.

Наталья Григорьевна невольно вспыхнула при мысли, что вошла въ чужую квартиру; но, вспоминая, какъ страшно дѣти

лежали на окнѣ, она думала: «Пусть и Иванъ Матвѣичъ разсердится на меня; но что же мнѣ было дѣлать?»

Черезъ часъ послѣ этого происшествія старая горничная Наталья Григорьевны впопыхахъ вбѣжала къ ней въ комнату и, задыхаясь, объявила, что сосѣди ихъ прислали просить позволенія видѣть ее.

— Сама барыня хочетъ притти къ вамъ. Она очень изволила сердиться на кормилицу. Та вотъ такъ и воетъ, сердечная.

Въ сосѣдяхъ Натальи Григорьевны читатель увидитъ уже знакомыхъ ему лицъ: то были Павелъ Алексѣичъ Брусковъ и его супруга — Варвара Васильевна.

И. СТАНИЦКІЙ.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ДИКЕНСА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА IX.

ПРИЗНАКИ И ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ.

Не знаю, почему я пишу, какъ мнѣ кажется, исключительно о себѣ. Я постоянно только и думаю, чтобы писать о другихъ лицахъ, постоянно стараюсь думать о себѣ какъ можно меньше, и, конечно, когда замѣчаю, что снова ввожу свою особу въ число дѣйствующихъ лицъ, я не на шутку досажаю на себя и говорю себѣ: «Ахъ! Боже мой, какое ты скучное, безотвязное созданіе! это не годится, Эсмеръ, это очень дурно», а между тѣмъ все это оказывается бесполезнымъ. Надѣюсь, впрочемъ, всякій, кому придется прочитатъ написанное мною, пойметъ, что если предъидущія страницы заключаютъ въ себѣ слишкомъ много обо мнѣ, то это потому, что мнѣ не было никакой возможности поступить иначе, и следовательно исключить себя изъ ихъ содержанія.

Любимница моей души и я читали вмѣстѣ, занимались вмѣстѣ рукодѣльемъ, вмѣстѣ учились чему нибудь и вообще находили

такое множество разнообразныхъ занятій, что зимніе дни пролетѣли мимо насъ какъ перелетныя пташки. Обыкновенно послѣ обѣда и постоянно вечеромъ къ намъ присоединялся Ричардъ. Хотя онъ былъ однимъ изъ самыхъ неусидчивыхъ созданій въ мірѣ, но наше общество ему нравилось.

Онъ очень, очень, очень любилъ Аду. По крайней мѣрѣ, я такого мнѣнія, и считаю за лучшее высказать свое мнѣніе безъ дальнѣйшаго отлагательства. — До этого я еще не видала, какъ влюбляются молодые люди, но въ Ричардѣ и Адѣ я вполне видѣла развитіе этого вѣжнаго чувства. Разумѣется, я не могла сказать имъ своихъ замѣчаній, не могла показать имъ виду, что мнѣ извѣстны взаимныя ихъ чувства; напротивъ, я до такой степени была скромна и до такой степени любила показывать видъ, что ничего не знаю, ничего не замѣчаю, что иногда, оставаясь въ сторонѣ отъ нихъ, за какимъ нибудь рукодѣльемъ, мысленно спрашивала себя, ужъ не становлюсь ли я дурною обманщицей.

Но пользы изъ этого было очень немного. Все, что оставалось мнѣ дѣлать, это — вести себя какъ можно скромнѣе, и я была скромна какъ мышка. Въ свою очередь, и они были скромны какъ мышки, — если не въ поступкахъ своихъ, то въ словахъ; впрочемъ, невинность, съ которой они болѣе и болѣе полагались на меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они сильнѣе и сильнѣе привязывались другъ къ другу, была такъ плѣнительна, что скрывать отъ нихъ то, что интересовало меня, становилось въ высшей степени затруднительнымъ.

— Наша милая старушка такая славная старушка, говаривалъ Ричардъ, встрѣчаясь со мной при началѣ дня въ саду и сопровождая слова свои такимъ чистымъ, плѣнительнымъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ лицо его покрывалось яркимъ румянцемъ: — наша старушка такая милая, такая славная старушка, что безъ нея у меня ничего не клеится. Прежде чѣмъ начну я мой взбалмошный день, прежде чѣмъ начну долбить свои книги, а потомъ скакать сломя голову по окрестностямъ, какъ разбойникъ на большой дорогѣ, я поставляю себѣ въ особенное удовольствіе выйти въ садъ и погулять съ спокойнымъ нашимъ другомъ; вотъ и теперь являюсь къ вамъ именно съ этой цѣлью.

— Ты знаешь, милаша хозяйшка, говаривала Ада вечеромъ, — я обыкновенно въ это время головка ея склонялась ко мнѣ на плечо и задумчивыя глазки ея загорались яркимъ огнемъ: — ты знаешь, я не люблю говорить въ этой комнатѣ. Мнѣ пріятно посидѣть здѣсь немного, помечтать, полюбоваться твоимъ милымъ ли-

чкомъ, послушать, какъ вѣтеръ гуляетъ на просторѣ, додумать о бѣдныхъ морякахъ....

А! догадываюсь! Быть можетъ, Ричардъ намѣренъ сдѣлаться морякомъ. Мы очень часто говорили объ этомъ, часто говорили о томъ, что Ричардъ имѣлъ въ дѣтствѣ удовлетворительную склонность къ морской службѣ. Мистеръ Джорджисъ писалъ къ одному родственнику, какому-то знаменитому баронету Дайстеру Дэллоку, и просилъ его принять въ Ричардѣ участіе. Сэръ Дайстеръ отвѣчалъ весьма снисходительно, что «онъ поставитъ себя въ особенное опасіе споспѣшествовать видамъ молодого человека и сдѣлать для него все, что будетъ въ предѣлахъ его власти — да это, впрочемъ, милордъ не подавалъ большихъ надеждъ — и что миледи свидѣтельствуетъ свое почтеніе молодому джентльмену; она совершенно помнитъ, что находится съ нимъ въ родствѣ по весьма отдаленному колѣну, и надѣется, что молодой джентльменъ исполнитъ свой долгъ на всякомъ благородномъ поприщѣ, которому посвятитъ себя.

— Понимаю, все понимаю, сказала мнѣ Ричардъ: — ясно какъ день, что мнѣ самому предстоитъ проглядывать себѣ дорогу. Ничего! Мало ли было до меня людей, которымъ предстояло совершить этотъ трудъ, и они совершили. Я хочу только одного, чтобы на первый случай сдѣлала мѣня командиромъ корабельнаго казначейства: это по крайней мѣрѣ доставило бы мнѣ возможность увезти отсюда канцлера и продержатъ его на полъ-раціонѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не кончитъ нашего процесса. Средства это отдаленное: если онъ не сдѣлается дальновидѣе, то непременно спадетъ немалого съ тѣла и будетъ поприлежнѣе.

Съ легкомысліемъ, самоудовѣренностью и веселостью, ни на минуту не измѣнявшимися, Ричардъ соединялъ въ своемъ характерѣ какую-то безпечность, за которую я сильно опасалась, тѣмъ болѣе, что онъ ошибочно принималъ ее за благоразуміе. Эта безпечность проглядывала во всѣхъ его денежныхъ расчетахъ, и проглядывала замѣчательнымъ образомъ, такъ что, мнѣ кажется, я лучше всего объясню это обстоятельство, если обращусь на минуту къ денежной ссудѣ, сдѣланной нами мистеру Скимпколю.

Мистеръ Джорджисъ узналъ, или отъ самого мистера Скимпколя, или отъ Коавинсеса, какую сумму заплатили мы за Скимпколя, и вручилъ мнѣ деньги, съ приказаніемъ удержать изъ нихъ часть, принадлежавшую мнѣ, а другую часть передать Ричарду. Число поступковъ, обнаруживавшихъ безразсудную расточительность, которую Ричардъ оправдывалъ неожиданнымъ полученіемъ своихъ десяти фунтовъ, и число разъ, которое онъ употребилъ для того,

чтобы высказать мнѣ эту неожиданность, какъ будто онъ спасъ эти деньги отъ невозвратной потери, образовало бы добрую сумму для задачи изъ правила простого сложенія.

— Почему же нѣтъ, моя умница матушка Гоббардъ? сказалъ онъ мнѣ, когда хотѣлъ, ни сколько не подумавъ, пожертвовать пять фунтовъ кирпичнику. Вѣдь эти деньги достались мнѣ по дѣлу Коавинсеса, какъ говорится, ни за что, ни про что.

— Какъ же это такъ? спросила я.

— Очень просто: я истратилъ, или, лучше сказать, бросилъ десять фунтовъ, которые хотѣлось мнѣ бросить, безъ всякой надежды увидѣться съ ними еще разъ. Согласны вы съ этимъ?

— Согласна.

— Прекрасно! И вдругъ я получаю еще десять фунтовъ....

— Тѣ же самые десять фунтовъ, намекнула я.

— Какое дѣло до этого! возразилъ Ричардъ: — я получилъ десять фунтовъ, которыхъ не думалъ получить, и слѣдственно могу истратить ихъ куда мнѣ угодно.

Когда убѣдили его, что пожертвованіе его не принесетъ желаемой пользы, онъ точно также, съ тою же безпечною относилъ эти пять фунтовъ къ себѣ на приходъ и расходовалъ ихъ по своему усмотрѣнію.

— Позвольте! Что же я стану теперь дѣлать съ ними? говорилъ онъ. — По дѣлу кирпичника въ моемъ карманѣ все-таки остается пять фунтовъ; поэтому, если я прокачусь на почтовыхъ въ Лондонъ и обратно, эта прогулка будетъ стоить всего четыре фунта, и затѣмъ у меня останется еще одинъ фунтъ. Что ни говорите, а сберечь одинъ фунтъ — дѣло великое; вѣдь вы знаете пословицу: сбережешь пенни, выиграешь шиллингъ.

Я увѣрена, что Ричардъ былъ такъ чистосердеченъ и щедръ, какъ только можно быть. Онъ имѣлъ большой запасъ усердія и отваги и, несмотря на всю свою вѣтренность и легкомысліе, одаренъ былъ такимъ нѣжнымъ сердцемъ, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я полюбила его какъ брата. Его нѣжность такъ шла къ нему и весьма замѣтно бы обнаруживалась сама собою даже безъ непосредственнаго вліянія Ады; впрочемъ, при этомъ вліяніи, онъ становился самымъ очаровательнымъ собесѣдникомъ, всегда готовый быть внимательнымъ, всегда такимъ счастливымъ, самоувѣреннымъ и веселымъ. Мнѣ кажется, что я, оставаясь съ ними въ комнатѣ, гуляя съ ними, разговаривая съ ними, наблюдая за ними, замѣчая, какъ они съ каждымъ днемъ сильнѣе я сильнѣе влюблялись другъ въ друга, не говоря имъ слова о своихъ замѣчаніяхъ, и открывая, какъ каждый изъ нихъ воображалъ, что ихъ

любовь есть величайшая тайна въ мірѣ, — тайна, быть можетъ, не подмѣченная ни тѣмъ, ни другой, — мнѣ кажется, что едва ли я сама менѣе ихъ была очарована и менѣе ихъ находила удовольствія въ упопительныхъ мечтахъ о счастьи.

Дѣла наши шли такимъ чередомъ, когда, однажды утромъ, за завтракомъ, мистеръ Джорндисъ получилъ письмо и, взглянувъ на адресъ, «сказалъ: отъ Бойторна? прекрасно! чудесно!» распечаталъ его, читалъ съ очевиднымъ удовольствіемъ и на средній письма объявилъ намъ, въ видѣ парентеза, что Бойторнъ «ѣдетъ къ намъ» погостить. «Кто былъ этотъ Бойторнъ? — мы всѣ призадумались. Смѣю сказать, что мы всѣ призадумались также о томъ — по крайней мѣрѣ про себя скажу, что я призадумалась — не станеть ли Бойторнъ вмѣшиваться въ наши дѣла.

— Лѣтъ сорокъ-пять тому назадъ, сказалъ мистеръ Джорндисъ, положивъ письмо и постукивая по нему пальцемъ: — лѣтъ сорокъ-пять-тому назадъ и даже больше я поступилъ въ школу вмѣстѣ съ этимъ молодцомъ, Лоренсомъ Бойторномъ. Въ ту пору это былъ самый буйный мальчикъ въ мірѣ, а теперь—это самый буйный мужчина. Въ ту пору это былъ самый шумный мальчикъ въ мірѣ, а теперь — это самый шумный мужчина. Въ ту пору это былъ самый здоровый, самый крѣпкій мальчикъ въ мірѣ, а теперь — это здоровенный и крѣпчайшій мужчина. Это — громадный человекъ.

— Громадный по росту? спросилъ Ричардъ.

— Да, Рикъ, пожалуй хоть и по росту, отвѣчалъ мистеръ Джорндисъ. — Въ этомъ отношеніи онъ какимъ нибудь десяткомъ лѣтъ старше и, можетъ статься, дюймами двумя выше меня; голова у него откинута назадъ, какъ у стараго солдата; могучая грудь, какъ добрая площадка; руки, какъ у самаго любаго кузнеца, а лёгкія у него — ужъ я и не знаю, съ чѣмъ сравнить его лёгкія. Заговорить ли онъ, захохочеть ли, захрапитъ ли, ну, право, во всемъ домѣ полочки дрожать.

Въ то время, какъ мистеръ Джорндисъ наслаждался описаніемъ своего друга Бойторна, мы видѣли въ этомъ благопріятный и самый вѣрный признакъ, что къ перемѣнѣ вѣтра не было ни малѣйшаго предзнаменованія.

— Но не то совсѣмъ хотѣлъ я сказать тебѣ, Рикъ, и вамъ, Ада, а тебѣ, маленькая Паутинка — я знаю, вы всѣ интересуетесь этимъ.

дорогимъ гостемъ — я хотѣлъ сказать о внутреннихъ достоинствахъ этого человѣка, о теплотѣ сердца этого человѣка, о горячей любви и свѣжести чувствъ этого человѣка. Его языкъ звученъ какъ его голосъ. Онъ всегда доходитъ до крайностей, и очень часто даже въ высшей степени крайностей. Въ своихъ приговорахъ, онъ — олицетворенная свирѣпость. По его словамъ, вы непременно примете его за Огра, этого чудовища въ «Арабскихъ Сказкахъ»; и мнѣ кажется, что въ повятіяхъ нѣкоторыхъ людей онъ давно уже пользуется этой репутаціей... Впрочемъ, довольно! раньше времени я не стану говорить о немъ. Вы не должны удивляться; если увидите, что онъ приметъ меня подъ свое покровительство: онъ до сихъ поръ не забылъ, что я былъ тщедушный мальчишка въ школѣ, и что дружба наша началась съ того времени, какъ онъ однажды натопахъ вышибъ два зуба (а по его словамъ, подложивші зубы) изъ челюсти моего обидчика. — Бойторнъ, прибавляя мистеръ Джорндисъ, обращаясь ко мнѣ: — и его чело-вѣкъ будутъ сюда сегодня къ обѣду.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія къ приему мистера Бойторна, мы начали ожидать его прибытія съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Наступилъ полдень, наступило и время обѣда, а мистеръ Бойторнъ не являлся. Обѣдъ былъ отложенъ на нѣкоторое время, и мы сидѣли у камина, въ которомъ свѣтилъ потухавшій огонь, какъ вдругъ дверь въ приемную залу распахнулась и зала огласилась слѣдующими словами, произнесенными запальчиво и громко:

— Представь, Джорндисъ, какой-то отъявленный разбойникъ указалъ намъ совсѣмъ не ту дорогу: вмѣсто того, чтобъ повернуть направо, онъ велѣлъ намъ ѣхать направо. Да это просто самый закошеванный бездѣльникъ, какого не найдешь на бѣломъ свѣтѣ! Да и отецъ-то его, имѣя этакого сына, должно быть, отчаянный каутъ. Ну вѣришь ли ты, у меня бы не дрогнула рука застрѣлить этого мошенника!

— Да неужели онъ сдѣлалъ это съ умысломъ? спросилъ мистеръ Джорндисъ.

— Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта бестія во всю свою жизнь больше ничего не дѣлалъ, какъ только сбивалъ прѣзжихъ съ прямого пути. Клянусь жизнью, когда онъ сказалъ мнѣ, что нужно повернуть направо, я принялъ его за бѣшеную собаку. Подумать только, что я стоялъ лицомъ къ лицу съ этимъ какальей — и не разможилъ ему головы!

— Ты хочешь сказать, что не вышибъ ему зубовъ? сказалъ мистеръ Джорндисъ.

— Ха, ха, ха! захохоталъ мистеръ Лоренсъ Бойторнъ, и такъ громко, что намъ казалось, будто домъ дѣйствительно дрожалъ. — Ты, я вижу, не забылъ еще этой исторіи!... Ха, ха, ха!... А это былъ другой въ своемъ родѣ отъявленный бездѣльникъ! Клянусь жизнью, лицо этого негодяя, когда онъ былъ еще мальчишкой, служило гразивѣйшимъ изображеніемъ низости, трусости и жестокосердія, — лицо, которое когда либо выставлялось вмѣсто вороньяго пугала въ полѣ негодяевъ. Приведись мнѣ встрѣтить эту дрянь на улицѣ, — право, я бы свалилъ его какъ гнилое дерево.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, сказалъ мистеръ Джорндисъ. — Однако, не хочешь ли ты заглянуть наверхъ, въ свою комнату?

— Клянусь чѣстью, Джорндисъ, возразилъ гость, взглянувшій въ эту минуту, какъ намъ казалось, на часы: — елибѣ ты былъ жевать, я скорѣе шмыгнулъ бы въ садовую калитку и убѣжалъ бы на вершины Гималайскихъ горъ, чѣмъ рѣшился бы явиться сюда въ такое неумѣстное время.

— Зачѣмъ такъ далеко? сказалъ мистеръ Джорндисъ.

— Клянусь жизнью и чѣстью, убѣжалъ бы! вскричалъ посетитель. — Я ни за что на свѣтѣ не захотѣлъ бы поставить въ вину себѣ дерзкое нахальство, заставивъ хозяйку дома ждать себя до этой поры. Я бы скорѣе согласился уничтожить себя.... Клянусь, это для меня было бы въ тысячу разъ легче.

Разговаривая такимъ образомъ, они поднялись наверхъ; и вслѣдъ за тѣмъ мы улышались, какъ комната мистера Бойторна оглашалась снова и снова громкимъ: «ха, ха, ха!». Звучамъ этимъ вторило спавшее окрестное эхо и съ такимъ же удовольствіемъ смѣялось, какъ смѣялся мистеръ Бойторнъ, или какъ смѣялись мы, когда смѣхъ его долеталъ до нашего слуха.

Мы уже были всею душою расположены къ гостю мистера Джорндиса. Въ этомъ чистосердечномъ хотѣнн, въ этомъ мужественнозвучномъ голосѣ, въ этой круглотѣ и полновѣсности, съ которыми произносимо было каждое слово, и даже въ его изступленной побранкѣ, которая, по видимому, вылетала изъ него какъ холостые заряды изъ пушки и никому не вредила, — во всемъ этомъ мы открывали прекрасныя качества. Но мы еще не успѣли вполне приготовить себя къ подтвержденію нашихъ догадокъ появленіемъ самой особы мистера Бойторна, какъ мистеръ Джорндисъ представилъ его намъ. Это былъ не только очень не дурной собой, пожилыхъ лѣтъ джентльменъ, съ прекрасной осанкой и крѣпкими сложеніемъ, съ обвѣнчанной головой, покрытой волосами съ просвѣдою, и удивительнымъ спокойствіемъ въ лицѣ, когда онъ молчалъ, съ такимъ быстроемъ, которымъ, быть можетъ, показана бы нѣсколько доро-

нымъ, еслибъ привычка поддерживать разговоръ съ особенной горячностью оставила его въ неподвижномъ положеніи, и подбородкомъ, который легко бы могъ обвиснуть и раздѣлиться надвое, еслибъ не требовалась постоянная его помощь въ привычкѣ дѣлать сильныя ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, — это былъ, говорю я, не только джентльменъ по внѣшнимъ своимъ признакамъ, но и истый джентльменъ въ своихъ манерахъ: до такой степени онъ былъ рыцарски внимателенъ, его лицо озарилось такой пріятной и нѣжной улыбкой и, по видимому, такъ ясно говорило, что мистеру Бойторну нечего было скрывать отъ другихъ, и выказывало его точно такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ (выказывало его, какъ выражался Ричардъ, человекомъ, который вовсе не способенъ былъ на малыя дѣла, и который стрѣлялъ холостыми зарядами изъ огромныхъ пушекъ потому, что не носилъ при себѣ орудія мѣншаго калибра), — до такой степени все это обнаруживалось въ немъ, что во время обѣда, говорилъ ли онъ непрерывно улыбаясь съ Адой и мной, или разряжалъ страшный залпъ побранокъ, вызванный на это мистеромъ Джордисомъ, или, закинувъ голову назадъ, оглушалъ насъ своимъ потрясающимъ хохотомъ, — я любовалась имъ съ одинаковымъ удовольствіемъ.

— А привезъ ли ты съ собой свою пташку? спросилъ мистеръ Джордисъ.

— Клянусь небомъ, это удивительнѣйшая птица въ цѣлой Европѣ! отвѣчалъ нашъ гость. — Преудивительное созданіе! За эту птичку я бы не взялъ десяти тысячъ гиней. Я уже назначилъ ей пенсію, въ случаѣ, если умру раньше ея. По уму и привязанности, это — настоящій феноменъ. Отецъ ея былъ точно такой же умница!

Предметомъ этихъ похвалъ была крошечная канарейка, до такой степени ручная, что человекъ мистера Бойторна принесъ ее въ комнату на пальцѣ, и она, покружившись по комнатѣ, спустилась на голову своего господина. Мнѣ кажется, что нѣсколько самыхъ неукротимыхъ и вспыльчивыхъ выраженій со стороны мистера Бойторна, въ то время, какъ это слабое созданіе сидѣло на его головѣ, послужать превосходнымъ поясненіемъ его характера.

— Клянусь жизнью, Джордисъ! сказалъ онъ, весьма нѣжно поднося къ носу канарейки кусочекъ булки: — будь я на твоемъ мѣстѣ, то не далѣе, какъ завтра утромъ схватилъ бы канцлера за горло и началъ бы трасти его до тѣхъ поръ, пока изъ кармановъ его не посыпались бы деньги, пока бы его кости не забрякали въ его кожѣ. Позволительными или непозволительными средствами, но я непременно бы покончилъ дѣло. Вздумай ты уполномочить меня на это!

подвигъ, и повѣрь, что я бы совершилъ его къ полному твоему удовольствію!

Во все это время канарейка преспокойно клевала изъ его руки кусочекъ булки.

— Благодарю тебя, Лоренсъ, сказалъ мистеръ Джорндисъ, въ свою очередь захохотавъ: — но въ настоящее время тяжба находится въ такомъ положеніи, что едва ли можно рассчитывать на ея дальнѣйшій ходъ, даже и въ такомъ случаѣ, если весь составъ юриспруденціи будетъ законнымъ образомъ поколебленъ въ самомъ основаніи.

— На всемъ земномъ шарѣ не было еще такого Суда! сказалъ мистеръ Бойторпъ. — Миѣ кажется, подвести хорошую мину во время дѣятельнаго засѣданія и съ помощью десяти тысячъ чудовъ пороху взорвать на воздухъ это судилище, со всѣми его дѣлами и продѣлками, со всѣми новыми и старыми постановленіями, со всѣми служащими, отъ мала до велика, отъ кресель до скамеекъ, — послужило бы для него чудеснѣйшей реформой!

Невозможно было удержаться отъ смѣха при видѣ этой, такъ сказать, энергической серьезности, съ которой онъ предлагалъ такую усиленную мѣру реформы. Лишь только начинали мы смѣяться, какъ онъ, откинувъ голову назадъ, потрясалъ хохотомъ свою широкую, могучую грудь, и снова окрестности, казалось, вторили его громогласному, оглушительному «ха, ха, ха!» Его смѣхъ несколько не пугалъ канарейки, которая вполне была увѣрена въ свою безопасность и прыгала по скатерти, повертывая головкой съ одной стороны на другую и отъ времени до времени бросая моментальный свѣтлый взглядъ на своего господина, какъ будто передъ ней сидѣла другая канарейка.

— А какъ идутъ у тебя дѣла съ твоимъ сосѣдомъ насчетъ спорной тропинки? спросилъ мистеръ Джорндисъ. — Вѣдь и ты не можешь похвастать, что тяжebные труды незнакомы тебѣ?

— Чего, братецъ! подалъ *на меня* прошеніе за нарушение чужихъ предѣловъ; а я подалъ *на него* прошеніе за то же самое, возразилъ мистеръ Бойторпъ. — Клянусь небомъ, это такое надменное созданіе, какое когда либо дышало на бѣломъ свѣтѣ. По моему мнѣнію, морально не возможно допустить, что его зовутъ сэръ Лэйстеръ: его имя должно быть не Лэйстеръ, а Люциферъ.

— Каковъ комплиментъ нашему дальнему родственнику! сказалъ мистеръ Джорндисъ, обращаясь къ Адѣ и Ричарду.

— Я поставилъ бы себѣ въ непремѣнную обязанность попросить извиненія миссъ Клэръ и мистера Карстона, отвѣчалъ нашъ гость: —

еслибъ, судя по прекрасному личику лэди и улыбкѣ джентльмена, я не былъ увѣренъ, что это совершенно не нужно, и что они сами держатся отъ дальняго своего родственника на благородной дистанціи.

— Или онъ отъ насъ держится, возразилъ Ричардъ.

— Клянусь жизнью, воскликнулъ мистеръ Бойторнъ, дѣлая новый залпъ изъ своей батареей: — вся эта фамилія по своей надменности невъносима для меня! Впрочемъ, дѣло не въ томъ: ему не запретить мнѣ дороги, даже еслибъ онъ состоялъ изъ пяти десятковъ баронетовъ, слитыхъ воедино, живущихъ въ десяти десяткахъ такихъ помѣстій, какъ Чесни-Воулдъ, и заключающихся другъ въ другъ какъ китайскіе рѣзные шарики изъ слоновой кости. Этотъ человѣкъ, черезъ агента своего, черезъ секретаря, или черезъ кого вамъ угодно, нишетъ мнѣ слѣдующее: «Сэръ Лэйстеръ Дэллокъ, баронетъ, свидѣтельствуетъ свое почтеніе мистеру Лоренсу Бойторну и предлагаетъ ему обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что тропинка близъ стараго пасторскаго дома, поступившаго нынѣ въ собственность мистера Бойторна, принадлежитъ, по всѣмъ правамъ, баронету Лэйстеру, какъ часть парка Чесни-Воулдъ, и что сэръ Лэйстеръ считаетъ удобнѣйшимъ немедленно загородить эту тропинку.» — Въ отвѣтъ на это посланіе я посылаю такой отзывъ: «Мистеръ Лоренсъ Бойторнъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе баронету Лэйстеру Дэллоку и покорнѣйше проситъ обратить свое вниманіе на обстоятельство слѣдующаго рода: что онъ вполне отвергаетъ всѣ претензіи сэра Лэйстера Дэллока касательно закрытія тропинки, и къ тому имѣетъ честь присовокупить, что онъ отъ души будетъ радъ увидѣть того человѣка, который рѣшится принять на себя подобный подвигъ.» Несмотря на такое, кажется, убѣдительное посланіе, сосѣдъ мой посылаетъ какого-то безглазаго бездѣльника поставить загородку. Я навожу на этого отъявленнаго плута пожарную трубу и задаю ему такую острастку, что у него еле-еле душа въ тѣлѣ. Сосѣдъ мой ставитъ загородку ночью, а поутру я срубаю ее и сожигаю до основанія. Онъ нарочно посылаетъ своихъ тунеядцевъ шататься по моей тропинкѣ взадъ и впередъ. Я ловлю ихъ въ капканы, стрѣляю имъ въ ноги моченымъ горохомъ, заливаю ихъ пожарной трубой, — словомъ сказать, рѣшаюсь освободить человѣчество отъ невыносимаго бремени, сообщаемаго существованіемъ этихъ полу-ночныхъ разбойниковъ. Онъ подаетъ жалобу на нарушеніе чужихъ предѣловъ, я тоже подаю точно такую же жалобу. Онъ подаетъ жалобы на мои нападенія и ноёй, — я оправдываюсь и продолжаю нападать и колотить.... Ха, ха, ха!

Слушая, какъ онъ выражалъ все это съ необыкновенной энергией, другой бы принялъ его за самаго свирѣпаго изъ всего человечества. Глядя на него и въ то же время на его капарейку, сидѣвшую у него на пальцѣ, и перышки которой онъ слегка поглаживалъ, другой бы подумалъ, что это самый нѣжный, самый кроткій, добродушный человекъ. Слушая его чистосердечный хохотъ и усматривая, какъ на лицѣ его отражалась вся его добрая душа, другой непременно бы подумалъ, что это самый беззаботный человекъ, что всякаго рода споры и неудовольствія невѣдомы ему; и что все событiя его жизни составляютъ безпрерывную цѣпь свѣтлой радости.

— Вътъ, ужъ извините, говорилъ онъ: — Дѣлокавъ не удастся заслонить мнѣ дорогу, хотя надобно признаться (при этомъ тонъ его вѣсколько смѣтчился), и я охотно признаюсь, что леди Дѣлокъ образованнѣйшая женщина въ мирѣ, и готовъ оказывать ей почтение, какимъ только можетъ располагать обыкновенный джентльменъ, и какого не въ состоянiи оказать ни одинъ баронетъ съ головой въ семь столѣтiй... не дюймовъ и не футовъ, а въ семь столѣтiй толщиной... ха, ха, ха! Человекъ; поступившiй въ военную службу на двадцатомъ году и спустя недѣлю вызвавшiй на дуэль самаго завосчиваго и надменнаго фата и отставленнiй за это отъ службы — ужъ извините! — не позволить ступить себѣ на ногу, клянусь всѣми Люциферами, живыми и мертвыми, замкнутыми и отпертыми.... (*) Ха, ха, ха!

— Однако, я думаю, не всякiй я тебѣ позволить сдѣлать это, сказалъ мистеръ Джордисъ.

— Ну, разумѣется! что и говорить объ этомъ! отвѣчалъ мистеръ Бойторпъ, съ видомъ покровительства ударивъ мистера Джордиса по плечу; въ этомъ поступкѣ проглядывало что-то серьезное, хотя и сопровождался онъ непринужденнымъ смѣхомъ. — Разумѣется, не всякiй позволить. Однако, заговоривъ о нарушенiи чужихъ предѣловъ и извинивъ прежде всего передъ вами, миссъ Клэръ и миссъ Соммерсонъ, за развитiе такой сухой матерiи, я долженъ спросить тебя, Джордисъ, вѣтъ ли ко мнѣ писемъ отъ твоихъ прiателей Кэнджа и Карбоа?

— Кажется, что вѣтъ ничего, Эсэиръ? спросилъ мистеръ Джордисъ.

— Ничего, сказала я.

— Премного обязанъ вамъ, миссъ, сказалъ мистеръ Бойторпъ. — Мнѣ не слѣдовало бы и спрашивать объ этомъ послѣ моего непро-

(*) Авторъ играетъ здѣсь словами Лейстеръ Дѣлокъ (Leicester Deadlock): Лейстеръ онъ превращаетъ въ *Lucifer*, которое произносится *Люсѣбрь*; *dead* (dead) въ переводѣ значить мертвый, а *lock* (lock) — замокъ. *Прим. перев.*

должительнаго знакомства съ предусмотрительностію миссъ Сомерсонъ. (Странно, право! всѣ находили во мнѣ прекрасныя качества, которыхъ я сама не замѣчала; всѣ ободряли меня, всѣ какъ будто рѣшились, какъ будто сговорились дѣлать это!)— Я спросилъ потому, что, выѣхавъ изъ Линкольншэира, разумѣется, не заѣзжалъ въ столицу, и полагалъ, что, можетъ статься, нѣкоторыя письма присланы сюда. Надѣюсь, что завтра утромъ они отрапортууютъ мнѣ о ходѣ дѣла.

Въ теченіе вечера, проведеннаго пріятнѣйшимъ образомъ, я замѣчала очень часто, что онъ съ особеннымъ участіемъ и удовольствіемъ любовался Ричардомъ и Адой, слушая музыку въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи. Ему не нужно было признаваться, что онъ страстно любилъ музыку: эта любовь ясно выражалась на его лицѣ. Мои наблюденія, въ то время, какъ я и мистеръ Джорндисъ играли въ бэггемонъ, невольнымъ образомъ возбуждали во мнѣ желаніе узнать, не былъ ли женатъ мистеръ Бойторнъ, и я спросила объ этомъ моего партнёра.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — нѣтъ, не былъ.

— А какъ будто онъ былъ женатъ? сказала я.

— Почему ты это заключаешь? съ улыбкой спросилъ мистеръ Джорндисъ.

— Потому, отвѣчала я, покраснѣвъ немного отъ одной мысли, что такъ смѣло рѣшилась высказать свое предположеніе: — потому, что въ его манерѣ есть что-то особенно нѣжное, что, къ тому же, онъ такъ учтивъ, ласковъ и внимателенъ къ намъ, и что....

Только что я высказала это, какъ мистеръ Джорндисъ устремилъ свои взоры туда, гдѣ сидѣлъ мистеръ Бойторнъ.

Я больше не сказала и слова.

— Ты правду говоришь, милая хозяйшюка, сказалъ мистеръ Джорндисъ. — Разъ какъ-то онъ задумалъ жениться и совсѣмъ было женился. Но это было давнымъ-давно и только разъ.

— Неужели жъ умерла его невѣста?

— Нѣтъ.... впрочемъ, пожалуй, для него она умерла. Это событіе, или, лучше сказать, та минувшая пора имѣла вліяніе на всю его послѣдующую жизнь. Неужели ты думаешь, что голова его и сердце и теперь еще полны романтичности?

— Да; почему же и не думать? Впрочемъ, теперь мнѣ нетрудно отвѣчать вамъ, когда вы разъяснили мнѣ такъ много.

— Послѣ той поры онъ никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ бы могъ быть, отвѣчалъ мистеръ Джорндисъ: — теперь онъ въ лѣтахъ и совершенно одинокій: при немъ нѣтъ ни души, кромѣ слуги и этой каварейки.... Тебѣ бросать кости, душа моя.

Соображаясь съ манерами мистера Джорндиса, я понимала, что нельзя было продолжать этого разговора, не подвергаясь опасности произвестъ переиъну вѣтра. Вслѣдствіе этого я удержалась отъ дальнѣйшихъ вопросовъ. Я принимала участіе въ мистерѣ Бойторнѣ, но не любопытствовала узнать о немъ особенныхъ подробностей. Впрочемъ, я принималась мечтать объ этой старинной любовной исторіи; но громкое храпѣнье мистера Бойторна прогонило отъ меня всѣ мои мечты. Я старалась совершить весьма трудное дѣло — представить себѣ старыхъ людей молодыми и облачить ихъ красотою юности. Но прежде, чѣмъ успѣла въ этомъ, я уже спала крѣпкимъ сномъ, и мнѣ снились дни, проведенные мною въ домѣ моей крестной маменьки. Не знаю, заслуживаетъ ли вниманія обстоятельство, по которому я почти всегда мечтала объ этомъ періодѣ моей жизни: я еще такъ мало знакома съ дѣламъ подобнаго рода.

Полутру пришло къ мистеру Бойторну письмо отъ Кэнджа и Карбоа, которымъ увѣдомляли, что въ полдень явится къ нему одинъ изъ конторскихъ писцовъ. Такъ какъ наступившій день былъ днемъ, въ который я обыкновенно очищала недѣльные счета, заключала расходныя книги и вообще приводила въ порядокъ всѣ дѣла по хозяйственной части, и потому я осталась дома въ то время, какъ мистеръ Джорндисъ, Ада и Ричардъ, пользуясь прекрасной погодой, поѣхали прогуляться. Мистеръ Бойторнъ остался подождать писца изъ конторы Кэнджа и Карбоа и потомъ обѣщался выйти на встрѣчу гулявшимъ.

Я была очень занята, рассматривая долговыя книги, подводя итоги, выплачивая деньги, принимая квитанціи и, вообще, дѣлая необыкновенно много суеты и шуму, когда пришли сказать мнѣ о пріѣздѣ мистера Гуппи, который вслѣдъ за тѣмъ и явился въ комнату. Я уже нѣсколько догадывалась, что писецъ, командированный Кэнджемъ и Карбоемъ къ мистеру Бойторну, долженъ быть тотъ самый молодой джентльменъ, который встрѣтилъ меня при первомъ моемъ появленіи въ Лондонѣ, и, разумѣется, мнѣ пріятно было увидѣть его, потому что и онъ имѣлъ нѣкоторую связь съ моимъ благополучіемъ, которымъ наслаждалась я въ настоящее время.

Я едва узнала его: такимъ удивительнымъ щеголемъ показался онъ мнѣ. На немъ была новая глянцовитая пара платья, лилово-го цвѣта перчатки, шейный платокъ, отличавшійся пестрою колеровъ, лоснистая шляпа, огромный оранжерейный цвѣтокъ в толстый золотой перстень на мизинцѣ. Ко всему этому, отъ него по всей комнатѣ разливался запахъ медвѣжьяго жиру и другихъ благоуханій. Въ то время, какъ я попросила его присѣсть, пока вернется

лакей, онъ взглянулъ на меня такъ пристально, что я совершенно сконфузилась, и когда онъ сѣлъ и началъ прибираться болѣе эффектное положеніе своими ногами, и когда я въ свою очередь начала спрашивать его, доставила ли ему поѣздка въ нашъ край удовольствіе, и выразила надежду на хорошее здоровье мистера Кенджа, я ни разу не взглянула на него, но замѣчала, какъ онъ продолжалъ осматривать меня тѣмъ же испытующимъ и любопытнымъ взоромъ.

Когда лакей возвратился и попросилъ мистера Гуппи наверхъ, въ комнату мистера Бойторна, я намекала, что внизу будетъ его ждать завтракъ, отъ котораго, какъ надѣялся мистеръ Джорджъ, онъ, вѣроятно, не откажется.

— Буду ли я имѣть честь видѣть васъ за этимъ завтракомъ? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, держась за руку дверей.

Я отвѣчала утвердительно, и онъ вышелъ, слѣдуя передъ уходомъ вѣжливый поклонъ и еще разъ бросивъ на меня прежній испытующій взглядъ.

Мистеръ Гуппи очевидно находился въ крайнемъ замѣшательствѣ; но я приписывала это единственно его неловкости и застенчивости и разсудила за лучшее положить его возвращенію, посмотреть, исправно ли будетъ поданъ завтракъ, всего ли будетъ довольно, и потомъ удалиться. Завтракъ былъ поданъ и долго стоялъ на столѣ. Свиданіе съ мистеромъ Бойторномъ было довольно продолжительно и, какъ казалось мнѣ, довольно шумно, потому что хотя комната мистера Бойторна и находилась отъ столовой въ значительномъ разстояніи, но я слышала, отъ времени до времени, какъ голосъ его бушевалъ наверху подобно отдаленному урагану, порывы котораго разражались залпами страшныхъ угрозъ и добродокъ.

Наконецъ мистеръ Гуппи воротился и казался вовсе неспособнымъ для пріятной бесѣды.

— Клянусь честью, миссъ, сказалъ онъ въ полголоса: — это настоящій вандалъ.

— Пожалуста, покушайте чегонибудь, сказала я.

Мистеръ Гуппи подсѣлъ къ столу и началъ натачивать разрезной ножъ о разрезную вилку, продолжая осматривать меня (мнѣ казалось такъ, хотя сама я вовсе не глядѣла на него) тѣмъ же страшнымъ, необъяснимымъ взглядомъ. Натачиванье ножа длилось такъ долго, что наконецъ я вынужденной нашлась приподнять свои взоры, полагая этимъ разсѣять чарующую силу, подъ вліяніемъ которой находился мистеръ Гуппи, и отъ которой онъ не могъ освободиться.

И въ самомъ дѣлѣ, взглядъ мой прощавель желаемое дѣйствіе: мистеръ Гуппи взглянулъ на блюдо и началъ рѣзать.

— А что же вы, миссъ? не прикажете ли чегонибудь?

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчала я.

— Не прикажете ли, миссъ, маленькій кусочекъ чегонибудь? сказалъ онъ, однимъ глоткомъ выпивая рюмку вина.

— Рѣшительно нѣтъ, отвѣчала я: — я осталась здѣсь удостоверить, что вы ни въ чемъ не нуждаетесь. Не прикажете ли попить еще чегонибудь?

— О, нѣтъ, миссъ, я крайне обязанъ вамъ. Здѣсь есть все, что нужно для моего аппетита, для моего спокойствія и счастья.... по крайней мѣрѣ.... то есть, не то, чтобы совершеннаго спокойствія и счастья.... мнѣ еще незнакомо это блаженство.

И мистеръ Гуппи выпилъ еще двѣ рюмки вина, одну за другою.

Я разсудила за лучшее уйти.

— Ахъ, миссъ, помилуйте, сказалъ онъ, увидѣвъ, что я встала, и въ свою очередь всталъ. — Неужели вы не удостоите меня позволеніемъ объясниться съ вами наединѣ?

Не зная, что отвѣчать, я снова сѣла.

— Надѣюсь, миссъ, разговоръ этотъ не будетъ имѣть для меня дурныхъ послѣдствій? сказалъ мистеръ Гуппи, съ лихорадочнымъ безпокойствомъ придвигая стулъ къ моему столу.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, сказала я, болѣе и болѣе удивляясь.

— Я хочу сказать, миссъ, что вы не воспользуетесь этимъ объясненіемъ повредить мнѣ въ конторѣ Кэнджа и Карбоя или вообще гдѣ бы то ни было. Если разговоръ нашъ не приведетъ насъ къ желаемой цѣли, надѣюсь, я по прежнему останусь мистеромъ Гуппи, мое положеніе въ конторѣ или вообще всѣ мои виды на будущее не пострадаютъ отъ него. Короче сказать, я долженъ объяснить съ вами по секрету.

— Я теряюсь, сэръ, въ догадкахъ, сказала я: — не могу представить себѣ, что бы такое могли вы сказать мнѣ по секрету, — мнѣ, которую вы видѣли всего только разъ; во всякомъ случаѣ, мнѣ самой было бы очень прискорбно повредить вамъ.

— Благодарю васъ, миссъ. Я увѣренъ въ этомъ.... для меня этого совершенно достаточно.

Во все это время мистеръ Гуппи то приглаживалъ носовымъ платкомъ переднюю часть головы, то сильно потиралъ ладонь лѣвой руки ладонью правой.

— Съ вашего позволенія, миссъ, я выпью еще рюмку; это до- ставить мнѣ возможность приступить къ объясненію безъ дальнѣй-

шаго отлагательства и продолжать его безъ всякаго замѣшательства, для насъ взаимно непріятнаго.

Онъ выпилъ рюмку вина и снова подошелъ ко мнѣ. Я воспользовалась этимъ случаемъ — отодвинуться за столъ.

— Не прикажете ли, миссъ, и вамъ налить рюмку? спросилъ мистеръ Гуппи, по видимому, совершенно ободренный.

— Нѣтъ, отвѣчала я.

— Хоть полъ-рюмочки? сказалъ мистеръ Гуппи: — ну хоть четверть рюмочки? Не угодно? Въ такомъ случаѣ можно начать. Въ настоящее время, миссъ Соммерсонъ, я получаю жалованья въ конторѣ Кэнджа и Карбоя два фунта въ недѣлю. Когда я имѣлъ счастье впервые увидѣть васъ, это жалованье ограничивалось только однимъ фунтомъ и пятнадцатью шиллингами и оставалось на этой цыфрѣ довольно продолжительное время. Прибавка къ жалованью сдѣлана недавно, и надѣюсь, что точно такая же прибавка будетъ сдѣлана не далѣе, какъ по истеченіи годичнаго срока, считая отъ сегодня. Моя матушка имѣетъ маленькое состояніе, въ видѣ небольшой пожизненной пенсін; на этой пенсін она живетъ независимо, хотя и черезчуръ неприхотливо, въ Старой Стритъ-Роадъ. Она въ высшей степени имѣетъ качества доброй свекрови. Она ни во что не вмѣшивается; это олицетворенная тишина съ самымъ нѣжнымъ характеромъ. Правда, и она имѣетъ свои недостатки — да и кто ихъ не имѣетъ? — но я еще не знаю, чтобы она когда нибудь обнаруживала ихъ при собраніи гостей: въ подобномъ случаѣ вы смѣло можете довѣрить ей распоряженіе всѣми винами, всѣми спиртуозными и другими напитками. Самъ я проживаю въ Пентонвилѣ. Это, конечно, простенькое, но веселое и, какъ находятъ другіе, самое здоровое мѣстечко.... Миссъ Соммерсонъ! позвольте мнѣ съ самымъ нѣжнымъ и самымъ пламеннымъ чувствомъ выразить вамъ, что я обожаю васъ! Будьте такъ великодушны и позвольте мнѣ, такъ сказать, заключить мое объясненіе, позвольте предложить вамъ вмѣстѣ съ сердцемъ мою руку!

Мистеръ Гуппи упалъ на колѣни. Насъ раздвѣялъ мой столъ, и потому движеніе мистера Гуппи нисколько меня не испугало.

— Оставьте сію минуту это смѣшное положеніе, сказала я: — въ противномъ случаѣ, я принуждена буду нарушать свое обѣщаніе и позвонить въ колокольчикъ.

— Выслушайте меня, миссъ! сказалъ мистеръ Гуппи, скрестивъ руки на груди.

— Я не хочу и не могу слушать васъ, возразила я: — пока вы не встанете немедленно съ ковра и не сядете за столъ, гдѣ бы и

сдѣлало вамъ сидѣть, если только вы имѣете хоть сколько нибудь благоразумія.

Мистеръ Гуппи плачевно взглянулъ на меня, медленно всталъ съ коѣнней и подошелъ къ столу.

— Не смѣшно ли, миссъ, сказалъ онъ, приложивъ руку къ сердцу и печально кивая головой надъ подносомъ съ завтракомъ: — не смѣшно ли, миссъ, думать о пищѣ и смотрѣть на нее въ то время, когда душа полна любви!

— Вы просили меня выслушать, сказала я: — не угодно ли говорить? я слушаю васъ.

— Извольте, миссъ, сказалъ мистеръ Гуппи. — Сколько люблю я васъ и почитаю, столько же и повинуюсь вамъ. О, если бы ты, прекрасное созданіе, была предметомъ священнаго обѣта, въ которомъ предъ брачнымъ алтаремъ произносятся эти слова!

— Это невозможно, сказала я: — объ этомъ не стоитъ говорить.

— Я знаю, сказалъ мистеръ Гуппи, высунувъ впередъ лицо свое и всматриваясь въ меня (какъ я еще разъ ощущала, хотя глаза мои вовсе не смотрѣли на него) своимъ внимательнымъ, испытующимъ взоромъ: — я знаю, что въ отношеніи къ моему положенію въ свѣтѣ, и принявша въ соображеніе всѣ обстоятельства, я знаю, что мое предложеніе самое жалкое. Но, миссъ Сомерсонъ, душа моя! мой ангелъ! не звоните! я воспитывался въ дѣльной школѣ и приобрѣлъ уже значительный запасъ опытности. При всей молодости, я уже на многое наглядѣлся, многое узналъ, многое испыталъ. Осчастливленный вашей рукой, о! какихъ бы средствъ не отыскалъ я къ увеличенію вашего благополучія! чего бы только не узналъ я, что такъ близко касается собственно васъ! Разумѣется, теперь я ничего не знаю; но чего бы только не могъ узнать я, пользуясь вашимъ довѣріемъ и поощреніемъ на подвиги!

Я сказала, что онъ рассчитывалъ на мои интересы, или на то, что, по его мнѣнію, составляло мои интересы, такъ же неудачно, какъ и на мое къ нему расположеніе, и что я прошу его немедленно уѣхать отсюда.

— Жестокая миссъ Сомерсонъ! продолжалъ мистеръ Гуппи: — выслушайте отъ меня еще одно слово. Я полагаю, вы замѣтили, до какой степени поразили меня ваши прелести въ тотъ незабвенный день, когда я встрѣтилъ васъ въ Лондонѣ. Я думаю, вы должны замѣтить, что я не могъ не отдать должной справедливости тѣмъ прелестямъ, когда захопывалъ дверцы наемной кареты. Это была слабая дань тебѣ, о несравненная, но дань отъ чистаго сердца, отъ души, сгараемой чувствомъ безпредѣльной любви. Твой образъ

впечатлѣлся въ этой душѣ навсегда. Сколько вечеро́въ проведено было мною въ прогулкѣ мимо оконъ Джэллиби, собственно затѣмъ, чтобъ посмотреть на стѣны, которыя нѣкогда служили для тебя пріютомъ! Сегодняшняя поѣздка, въ сущности не нужная, была придумана мною однимъ и для тебя одной! Если я говорю объ интересахъ, то для того, чтобъ выказать всю мою готовность быть полезнымъ и все мое злополучіе. Любовь, — одна любовь, управляла и управляетъ моими словами и поступками.

— Мнѣ было бы очень прискорбно, мистеръ Гуппи, сказала я, вставъ съ мѣста и взявъ въ руку снурокъ колокольчика: — мнѣ было бы очень прискорбно оказать вамъ или кому бы то ни было несправедливость пренебреженіемъ такого благороднаго чувства, хотя бы оно было высказано еще непріятнѣе. Если вы намѣрены были только представить доказательство вашего прекраснаго мнѣнія обо мнѣ, хотя это было сдѣлано и не вовремя и неумѣстно, то, конечно, мнѣ слѣдуетъ поблагодарить васъ. Я очень мало имѣю причины гордиться своими достоинствами, и я не горжусь. Надѣюсь, сэръ, (кажется, я прибавила эти слова, сама не зная, что говорила), надѣюсь, сэръ, вы уѣдете отсюда съ полнымъ убѣжденіемъ, что никогда еще не были до такой степени малодушны, и займетесь дѣлами Кэнджа и Карбоа.

— Позвольте, миссъ, еще полъ-минуточки! вскричалъ мистеръ Гуппи, останавливая мое намѣреніе позвонить въ колокольчикъ. — Все, что было сказано, останется между нами? это не повредитъ мнѣ?

— Я буду молчать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока вы сами не подадите повода къ нарушенію моей скромности.

— Миссъ Коммерсонъ, еще четверть минуточки! Въ случаѣ, если вы подумаете.... когда бы то ни было, спустя сколько вамъ угодно времени — это рѣшительно все равно, ибо чувства мои никогда не измѣнятся — если вы обдумаете все, что я сказалъ вамъ, дайте знать мистеру Вильяму Гуппи, въ Пентонвилѣ, № 87; а если я переѣду, или умру, или скроюсь куда нибудь съ своими поблекшими надеждами, или вообще случится со мной что нибудь въ этомъ родѣ, достаточно будетъ вѣсточки къ мистриссъ Гуппи, въ Старую Стригъ-Роадъ, № 302.

Я позвонила; на звонокъ явилась служанка. Мистеръ Гуппи, положивъ на столъ визитную карточку, съ собственноручной надписью, и сдѣлавъ унылый поклонъ, удалился. Я смѣлѣе взглянула теперь и еще разъ увидѣла, какъ онъ, затворяя двери за собой, остановилъ на мнѣ свой прежній пристальный взглядъ.

Я просидѣла въ столовой еще съ часъ или болѣе, заключила книги и расчеты и вообще сдѣлала очень много, — послѣ того привела въ порядокъ всѣ свои бумаги, спрятала ихъ и была такъ спокойна и весела, какъ будто вовсе не происходило этого неожиданнаго случая. Но когда я очутилась въ моей комнатѣ, мнѣ стало удивительно, почему я начала смѣяться надъ этимъ, а еще удивительнѣе — почему я расплакалась. Короче сказать, на нѣкоторое время я находилась въ какомъ-то нервическомъ состояніи; я чувствовала, какъ будто до струны моего сердца, остававшейся такъ долго безжолвною, дотронулись грубѣе, чѣмъ дотрогивались до нея съ тѣхъ поръ, какъ единственной моей подругой въ жизни была моя ненаглядная куколка, давнымъ-давно зарытая подъ деревомъ въ саду крестной маменьки.

ГЛАВА X.

АДВОКАТСКІЙ ПИСЕЦЪ.

На восточномъ углу переулка Чансри, или, вѣрнѣе сказать, на Подворьѣ Кука, близъ улицы Курситоръ, мистеръ Снагзби, присяжный комиссіонеръ канцелярскихъ принадлежностей, торгуетъ принадлежностями, нераздѣльными отъ его профессіи. Оснѣвмый тѣню присутственныхъ мѣстъ, образующихъ, такъ называемое, «Подворье Кука», почти во всякую пору года самое тѣнистое и даже мрачное мѣсто, мистеръ Снагзби занимается продажею всякаго рода бланкетныхъ бумагъ; онъ продаетъ пергамень, въ его различныхъ размѣрахъ и видоизмѣненіяхъ; продаетъ всякаго рода бумагу, какъ-то: картонную, оберточную, рисовальную, писчую сѣрую, писчую бѣлую, полубѣлую и пропускную; продаетъ эстампы; продаетъ перья чиненныя и нечиненныя, рѣзину, сандараковій порошокъ, иголки, нитки, карандаши, сургучъ и облатки; продаетъ красный шолкъ и зеленую тесьму, бумажники, календари, памятные книжки, судейскіе списки, ливейки, чернилицы — стеклянныя и оловянныя, перочинные ножи, ножницы и другія канцелярскія орудія, — короче сказать, продаетъ неисчислимое множество предметовъ, и продаетъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ кончился срокъ его ученическаго состоянія, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался самъ хозяиномъ и вступилъ въ товарищество съ мистеромъ Песферомъ. При этомъ случаѣ на Подворьѣ Кука совершился нѣкотораго рода переворотъ. Надъ магазиномъ канцелярскихъ принадлежностей появилась новая и свѣжими красками надпись: *Песферъ и Снагзби*, замѣнивъ освя-

щеную временемъ и нелегко позволявшую изгладить себя надпись изъ единственнаго слова *Liebfers*. Дымъ, который въ этомъ случаѣ можно назвать лондонскимъ плющемъ, до такой степени обвивался вокругъ имени Пеффера и ластился къ мѣсту его жительства, что преданное чужелюдное растеніе, увиваясь около плодороднаго дерева, довело его до совершеннаго изнеможенія.

Самого Пеффера уже давно не видно въ этихъ предѣлахъ. Вотъ уже четверть столѣтія, какъ онъ покоится на кладбищѣ церкви Сентъ-Андрю, на улицѣ Голборя, гдѣ цѣлый день и половину ночи съ шумомъ и трескомъ рыщутъ мимо его загруженные вагоны и легкіе экипажи, какъ какой нибудь громадный, баснословный драконъ. Если Пефферу и вздумается когда нибудь прокатиться изъ своего заточенія и прогуляться по знакомому подворью — а эта прогулка обыкновенно начинается съ той минуты, какъ громадный драконъ усталый уляжется спать, и длится до тѣхъ поръ, пока бойкій пѣтухъ (понятіе котораго о наступленіи дня интересно было бы узнать, тѣмъ болѣе, что, судя по его личнымъ наблюденіямъ, онъ, кажется, ровно ничего не знаетъ объ этомъ), принадлежавшій къ курятнику на улицѣ Курситоръ, не пропоетъ своей утренней пѣсенки, не подастъ сигнала къ ретирадѣ — если Пефферъ и вздумаетъ иногда посѣтить предѣлы Подворья Кука, покрытые неопредѣлимымъ свѣтомъ ночи, и взглянуть на тусклые очерки зданій этого мѣста (а этого факта ни одинъ еще присяжный комиссіонеръ канцелярскихъ принадлежностей не рѣшался опровергнуть), онъ являлся невидимкой, и отъ этого никому не было ни хуже, ни лучше.

Въ бытность свою, а равнымъ образомъ въ періодъ ученичества мастера Снагзби, — ученичества, длившагося семь скучныхъ, тяжелыхъ лѣтъ, вмѣстѣ съ Пефферомъ, и въ предѣлахъ, опредѣленныхъ для помѣщенія присяжнаго комиссіонерства, проживала племянница, невысокаго роста, — лукавая племянница, которой станъ какъ-то особенно былъ сплюснутъ въ талии, и острый носъ которой удивительно напоминалъ собою о рѣзкомъ, остромъ, пронзительномъ осеннемъ вечерѣ, предвѣщавшемъ къ ночи сильную стужу. Между обитателями Подворья Кука носилась молва, будто бы мать этой племянницы, въ дѣтскомъ возрастѣ своей дочери, побуждаемая слишкомъ ревностнымъ чувствомъ материнской заботливости о томъ, что наружныя формы ея дѣтища должны быть доведены до совершенства, шнуровала ее каждое утро, упираясь материнской ногой въ ножку кровати, для пущей ловкости и болѣе твердой точки опоры, и что въ душѣ этой маменьки, судя по выраженію ея лица, заключался значительный запасъ уксусу и лимоннаго

соку — жидкости, освѣжавшія по временамъ обоняніе дочери и окисляшія ея характеръ. Но какимъ бы множествомъ языковъ ни обладала эта молва, она не долетала до слуха молодого Снагзби, а если и долетала, то не производила на него никакого вліянія. Вступивъ въ права зрѣлаго возраста, Снагзби сначала ухаживалъ за предметомъ своего обожанія, потомъ приобрѣлъ ея расположеніе и наконецъ сразу вступилъ въ два товарищества: въ одно — по части комиссіонерской, а въ другое — по части супружеской; такъ что въ настоящее время мистеръ Снагзби и племянница представляютъ собою одно и то же лицо; племянница по прежнему продолжаетъ заниматься своей таліей, которая, хотя о вкусахъ спорить нельзя, безспорно, такъ тонка, такъ тонка, какъ шпилька.

Мистеръ и мистриссъ Снагзби не только представляютъ собою едино тѣло и единъ духъ, но, по мнѣнію сосѣдей, и единъ гласъ. Этотъ гласъ, или голосъ, вылетающій, по видимому, исключительно изъ устъ мистриссъ Снагзби, частенько раздается по всему Подворью Кука. Мистера Снагзби рѣдко слышно, а если и бываетъ онъ слышенъ, то чрезъ посредство сладкозвучныхъ тоновъ своей супруги. Это больше ничего, какъ тихій, плѣшивый, боязливый человѣкъ, съ лоснящейся головой и взъерошеннымъ клочкомъ темныхъ волосъ, торчавшихъ на затылкѣ какъ щетина. Онъ имѣетъ склонность къ смиренію и тучности. Когда онъ стоитъ у дверей своего дома, въ своемъ сѣренькомъ рабочемъ сюртукѣ съ нарукавниками изъ чернаго каленкора и смотритъ на облака, или когда стоитъ за прилавкомъ своего грязнаго магазина, съ тяжелой линейкой въ рукѣ, размѣривая, разрѣзывая и раскладывая куски пергамента, съ пособіемъ двухъ своихъ прикащиковъ, — въ это время онъ смѣло можетъ назваться самымъ одинокимъ и незатѣйливымъ человѣкомъ. Въ подобныя минуты, изъ подъ самыхъ ногъ его, какъ будто изъ могилы какого нибудь безпокойнаго покойника, зачастую раздаются плачь и рыданіе вышепюмятаго голоса, и случается иногда, что тоны этихъ рыданій достигаютъ самыхъ высокихъ нотъ, — и тогда мистеръ Снагзби дѣлаетъ своимъ прикащикамъ слѣдующій намекъ: «это вѣрно моя хозяйшкa задаетъ трезвону Густеръ!» (*)

Это прозвище, употребляемое мистеромъ Снагзби, долгое время служило поводомъ къ изощренію ума молодыхъ людей на Подворьѣ Кука, и по замѣчанію которыхъ должно бы составлять неотъемлемую принадлежность мистриссъ Снагзби, потому что, въ знакъ особеннаго предпочтенія бурливому характеру, мистриссъ Снагзби

(*) Густеръ (отъ слова *gust* — порывъ вѣтра); авторъ употребляетъ это названіе сокращенно вмѣсто Августы — *Augusta*. Прим. пер.

съ большою силою и выразительностію могла бы носить имя Густеръ. Но, какъ бы то ни было, это прозвище составляло собственность, и притомъ единственную (кромѣ пятидесяти шиллинговъ годового жалованья и очень небольшого, плохо наполненнаго сундука съ разными пожитками), художавой, молодой женщины изъ призрачнаго дома, получившей, по предположеніямъ нѣкоторыхъ людей, при святомъ крещеніи имя Августы. Эта женщина, несмотря, что во время своего дѣтскаго возраста находилась подъ особеннымъ покровительствомъ какого-то благотворителя и пользовалась, при всѣхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, всѣми средствами и способами къ развитію своихъ тѣлесныхъ качествъ и душевныхъ способностей, имѣла припадку, о которыхъ приходъ, содержавшій моманутый призрачный домъ, ничего не вѣдалъ.

Густеръ, имѣвшая отъ роду двадцать-три-двадцать-четыре года, но на лицо цѣлымъ десятью годами старше, по милости этихъ неизвѣданныхъ припадковъ, получаетъ самую незавидную плату в до такой степени боится поступить обратно подъ покровительство своего патрона, что работаетъ неусыпно, безостановочно, исключая только тѣхъ случаевъ, когда уткнется головой въ ведро, въ котель, въ кастрюлю или въ какой нибудь тому подобный предметъ, который случится поблизости въ моментъ ея припадка. Она служитъ источникомъ удовольствія для родителей и содержателей прикащиковъ, которые вполне убѣждены, что къ пробужденію нѣжныхъ ощущеній въ сердцахъ молодыхъ людей не предвидится съ этой стороны ни малѣйшей опасности; она служитъ источникомъ удовольствія для мистриссъ Снагэби, которая во всякое время находятъ въ ней недостатки и замѣчаетъ ошибки въ исполненіи ея обязанностей; она служитъ источникомъ удовольствія для мистера Снагэби, который содержаніе ое въ своемъ домѣ считаетъ за величайшій подвигъ благотворительности. Магазины присяжнаго коммиссіонера, въ глазахъ Густеръ, есть не что другое, какъ храмъ изобилія и роскоши. По ея мнѣнію, маленькая гостиная вверху, постоянно содержимая, какъ другой бы выразился, въ папильоткахъ и передничкѣ, есть самая элегантная комната изъ цѣлаго міра. Видъ, который открывается изъ оконъ ея, и именно Подворье Кука съ одной стороны (не принимая въ расчетъ частички улицы Курситоръ, видимой по косвенному направленію), и съ другой — видъ задняго двора долгового отдѣленія Коавинсеса, — Густеръ считаетъ за картину неподражаемой красоты. Портреты масляными красками, и въ большомъ количествѣ, — портреты мистера Снагэби, любующагося своей мистриссъ Снагэби, и обратно, — въ глазахъ Густеръ — верхъ совершенства мастерскихъ произведеній Рафаэля и Ти-

ціана. Изъ всего этого можно заключить, что Густеръ, подвергаясь множеству лишеній, имѣеть нѣкоторыя въ своемъ родѣ вознагражденія.

Все, что не относится до тайнъ практическаго дѣлопроизводства по части присяжнаго коммиссіонерства, мистеръ Снагзби поручаетъ мистриссъ Снагзби. Она распоряжается деньгами, бранится съ сборщиками городскихъ повинностей, назначаетъ мѣсто и время для воскресныхъ митинговъ, дозволяетъ мистеру Снагзби заводить себѣ пирушки и никому не отдаетъ отчета въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; короче сказать, мистриссъ Снагзби, вдоль всего переулка Чансри, на той и на другой сторонѣ, и даже частію на улицѣ Голборнъ, служить образцомъ сравненія для сосѣднихъ женъ, которыя, въ случаѣ домашнихъ несогласій, обыкновенно предлагають своимъ мужьямъ обратить вниманіе на различіе между ихъ (то есть женъ) положеніемъ и положеніемъ мистриссъ Снагзби и ихъ (то есть мужей) поведеніемъ и поведеніемъ мистера Снагзби. Правда, молва, безпрестанно и невидимо порхающая по Подворью Кука, какъ летучая мышь влетая въ окна каждаго дома и вылетая, жужжитъ, будто бы мистриссъ Снагзби ревнива и любознательна, и что мистеру Снагзби до такой степени надоѣдаетъ домъ и все домашнее, что если бы онъ имѣлъ хоть сколько нибудь твердости духа, то не вынесъ бы этого положенія. Замѣчено даже, что жоны, представлявшія мистера Снагзби блестящимъ примѣромъ для своихъ завосчивыхъ мужей, на самомъ-то дѣлѣ смотрѣли на него съ нѣкотораго рода презрѣніемъ, и что ни одна изъ нихъ не смотрѣла на него съ такою надменностью, какъ въ своемъ родѣ замѣчательная леди, которой мужа сильно подозреваютъ въ томъ, что онъ не разъ употреблялъ на ея спинѣ свой дождевой зонтикъ, въ видѣ исправительной мѣры. Впрочемъ, эти неосновательные слухи, быть можетъ, происходили изъ того, что мистеръ Снагзби былъ въ нѣкоторомъ родѣ человекъ съ созерцательными и поэтическими наклонностями: въ лѣтнюю пору онъ любилъ прогуляться въ Стаппингъ и наблюдать, какое близкое имѣли сходство тамошніе воробы и листья съ сельскими воробьями и листьями; любилъ въ воскресные дни бродить по Архивному Двору и замѣчать (если только былъ въ хорошемъ расположеніи духа), что и на этомъ мѣстѣ старина оставила слѣды свои, и что здѣсь можно бы отыскать подъ самой церковью нѣсколько каменныхъ гробницъ, въ чемъ онъ совершенно ручался, и для удостовѣренія стоило бы только порыться въ землѣ. Онъ лелѣетъ свое воображеніе воспоминаніемъ о множествѣ усоншихъ канцлеровъ, вице-канцлеровъ и прокуроровъ; рассказываетъ двумъ своимъ прикащикамъ о томъ, что въ ста-

рину, какъ говорили дѣды, на самой серединѣ улицы Голборнъ протекалъ ручеекъ, «прозрачный какъ кристаллъ», когда Тернстэйль (*) была на самомъ дѣлѣ рогаткой для тропинокъ, идущихъ по полямъ, — рассказывая это, мистеръ Снагзби испытывалъ такое наслажденіе отъ созерцанія картинъ сельской природы, что желаніе прогуляться за городъ совершенно исчезало въ немъ.

День склоняется къ вечеру. Во многихъ мѣстахъ появляется зашвенный газъ; но дѣйствіе его очень слабо, потому что не со всѣми еще стемнѣло. Мистеръ Снагзби стоитъ у дверей своего магазина, поглядываетъ на темныя облака и видитъ запоздавшую ворону, летящую къ западу подъ свинцовымъ клочкомъ неба, прикрывающаго Подворье Кука. Ворона летитъ прямехомкомъ черезъ переулокъ Чавсри и Линкольнинскій Садъ въ Линкольнинскія Поля. (**)

Здѣсь, въ огромномъ домѣ, принадлежащемъ нѣкогда какому-то вельможѣ, проживаетъ мистеръ Толкинхорнъ. Въ настоящее время домъ этотъ раздѣляется на множество отдѣльныхъ комнатъ, и въ этихъ тѣсныхъ обломкахъ отъ величавыхъ барскихъ хоромъ живутъ присяжные адвокаты и стряпчіе, какъ червяки въ гнилыхъ орѣхахъ. Впрочемъ, отъ прежняго величія хоромъ уцѣлѣли и по сіе время широкія лѣстницы, обширные коридоры и прихожія; уцѣлѣли также росписные плафоны, гдѣ Аллегорія, въ римскомъ шлемѣ и въ олівіиніи небожителей, барахтается между балюстрадами, колоннами, цвѣтами, облаками и пухленькими купидонами, глядя на которыхъ дѣлается головная боль, какъ это, кажется, бываетъ со всѣми аллегоріями болѣе или менѣе. Вотъ здѣсь-то, между множествомъ сумдуковъ, съ надписанными на нихъ и переходчивыми именами, проживаетъ мистеръ Толкинхорнъ, — само собою разумѣется, проживаетъ въ то время, когда не находится въ загородныхъ домахъ, гдѣ британскіе вельможи проводятъ дни въ неисходной скукѣ. Вотъ здѣсь-то и находится сегодня мистеръ Толкинхорнъ; безмолвно и спокойно сидитъ онъ за столомъ, какъ какая нибудь устрица старинной школы, которую никто не въ состояніи открыть.

Какимъ кажется онъ, такимъ кажется и его кабинетъ при сумракѣ сегодняшняго вечера: ржавымъ, устарѣлымъ, закрытымъ для взора любопытныхъ. Массивные, тяжеловѣсные, съ высокими спинками, краснаго дерева и обитые волосярой матеріей стулья, старинные ветхіе столы на тоненькихъ точеныхъ ножкахъ, покрытые шерстяными салфетками и слоями пыли; гравюры, изображающія

(*) *Turnstile* (рогатка) — такъ называется восточный конецъ улицы Голборнъ, гдѣ она раздѣляется на три другія улицы.

Прим. перевод.

(**) Такъ называется огромнѣйшая площадь близъ Линкольнинскаго Сула.

Прим. перевод.

портреты лордовъ послѣдняго или предпослѣдняго поколѣнія, окружаютъ его. Мягкій и грязный турецкій коверъ окутываетъ полъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ мистеръ Толкинхорнъ; двѣ свѣчки въ старинныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ разливаютъ весьма слабый свѣтъ сравнительно съ огромной комнатой. Заглавія книгъ отъ времени истерлись и какъ будто спрятались въ сафьянные корешки. Все, что можно было запереть, находилось подъ замкомъ; но ключей отъ этихъ замковъ никогда не видать. Кое-гдѣ лежитъ на свободѣ нѣсколько бумагъ. Передъ мистеромъ Толкинхорномъ лежитъ какая-то рукопись; но онъ не смотритъ на нее. Круглой крышечкой отъ чернилицы и двумя кусочками сургуча онъ молча и медленно гадаетъ ими и довѣряетъ случаю разсѣять свою перѣшительность. Онъ бросаетъ на столъ этихъ оракуловъ, и въ середину выпадаетъ крышечка; бросаетъ еще разъ, и выпадаетъ кусочекъ краснаго сургуча, еще разъ — и въ серединѣ является черныи сургучъ. Нѣтъ, не выходить! Мистеръ Толкинхорнъ снова и снова собираетъ гадательныя кости и бросаетъ.

Здѣсь, подъ росписнымъ плафономъ, откуда укороченная, по правиламъ перспективы, Аллегорія съ изумленіемъ смѣтритъ на вторженіе мистера Толкинхорна и какъ будто хочетъ слетѣть на него, между тѣмъ какъ мистеръ Толкинхорнъ и не думаетъ о ней, — здѣсь, говорю я, мистеръ Толкинхорнъ имѣетъ свой домъ и свою контору. Онъ не держитъ у себя канцелярскихъ служителей; одинъ только пожилой лѣтъ мужчина, обыкновенно съ истертыми локтями, составляетъ всю его прислугу: онъ сидитъ въ это время въ приемной на высокомъ стулѣ и не можетъ сказать, что обязанность его обременительна. Мистеръ Толкинхорнъ ведетъ свои дѣла не какъ другіе. Онъ не нуждается въ письмахъ. Онъ представляетъ собою громадный резервуаръ семейныхъ тайнъ и довѣрій и потому живетъ въ счастливомъ одиночествѣ. Онъ не нуждается въ своихъ кліентахъ, но они нуждаются въ немъ; онъ весь и все для всѣхъ. Нужно ли составить документъ для когонибудь изъ кліентовъ, онъ составляется адвокатами, спеціально занимающимися этимъ предметомъ, и составляется подъ руководствомъ таинственныхъ наставлений; нужно ли снять чистенькую копію съ какойнибудь бумаги, она снимается по заказу въ магазинѣ присяжнаго комиссіонера, не шла при этомъ случаѣ издержекъ. Пожилой лакей на высокомъ стулѣ знаетъ о дѣлахъ аристократіи едва ли болѣе подметальщика на улицѣ Голборнъ.

Но вотъ мистеръ Толкинхорнъ снова беретъ кусочекъ краснаго сургуча, кусочекъ чернаго сургуча, крышечку съ одной чернилицы, крышечку съ другой и маленькую песочницу. Готово! Это должно

упасть на середину, это направо, это налево. Надобно же когданибудь отдѣлаться отъ этой нерѣшимости, — когданибудь или никогда. Конечно! вышло! Мистеръ Толкинхорнъ встаетъ, поправляетъ очки, надѣваетъ шляпу, кладетъ въ карманъ рукопись, выходитъ изъ комнаты, говоритъ пожилому мужчинѣ съ оборванными локтями: «я скоро ворочусь.» Очень рѣдко случается, когда онъ говоритъ ему чтонибудь больше.

Мистеръ Толкинхорнъ идетъ туда, откуда летѣла ворона... не совсемъ, можетъ быть, туда, но почти туда, къ Подворью Кука, близъ улицы Курситоръ. Онъ идетъ въ долину, украшенную вывѣскою мистера Снагзби, присяжнаго комиссіонера канцелярскихъ принадлежностей, у котораго принимаютъ заказы на переписку бумагъ, на снимку копій, на чистое письмо канцелярскихъ бумагъ по всѣмъ ихъ отраслямъ и проч., и проч., и проч.

Время приближается къ шести часамъ вечера и по всему Подворью Кука разносится ароматическое благоуханіе чаю. Благоуханіе это дѣйствуетъ на обоняніе и у дверей магазина мистера Снагзби. День въ этомъ домѣ имѣетъ раннее распредѣленіе: обѣдаютъ въ немъ въ половинѣ второго, ужинаютъ въ половинѣ десятого. Мистеръ Снагзби только что намѣревается спуститься въ подземные регіоны выпить чаю, но передъ этимъ выглядываетъ за двери своего магазина и видитъ запоздалую ворону.

— Дома ли хозяинъ?

Присмотръ за магазиномъ поручается служанкѣ Густеръ, потому что оба прикащика отправляются пить чай на кухню вмѣстѣ съ мистеромъ и мистриссъ Снагзби; вслѣдствіе этого двѣ дочери дамскаго портного, расчесывая свои кудри передъ двумя зеркалами въ двухъ окнахъ второго этажа сосѣдняго дома, не сведутъ съ ума своими прелестями двухъ прикащиковъ мистера Снагзби: онѣ пробуждаютъ только безкорыстное удивленіе въ душѣ Густеръ, у которой волосы не растутъ, никогда не росли и, утвердительно можно сказать, никогда не будутъ расти.

— Дома ли хозяинъ? спрашиваетъ мистеръ Толкинхорнъ.

Хозяинъ дома, и Густеръ сію минуту позоветъ его. Густеръ исчезаетъ, весьма довольная случаемъ отдѣлаться отъ магазина, на который она смотритъ съ чувствомъ страха и уваженія, смотритъ какъ на складочное мѣсто страшныхъ орудій страшной пытки законнаго дѣлопроизводства, считаетъ его за мѣсто, въ которое нельзя входить послѣ того, какъ потушатъ газъ.

Мистеръ Снагзби является, засаленный, разгоряченный, пропитанный запахомъ душистой травы, жующей. Съ трудомъ проглатываетъ онъ кусокъ хлѣба съ масломъ и говоритъ :

— Боже мой ! кого я вижу ? Мистеръ Толкинхорнъ !

— Пару словъ, Снагзби !

— Помилуйте, сэръ ! зачѣмъ вы не послали за мной ? Сдѣлайте одолженіе, сэръ, войдите въ заднее отдѣленіе нашего магазина.

Лицо мистера Снагзби въ одну секунду просвѣтлѣло.

Тѣсная комнатка, сильно пропитанная запахомъ пергаментнаго жира, въ одно время служить и кладовой, и конторой, и комнатою для переписки бумагъ. Мистеръ Толкинхорнъ озирается кругомъ и садится на стулъ подлѣ конторки.

— Я пришелъ къ вамъ, Снагзби, по дѣлу Джорндисъ и Джорндисъ.

— Слушаю, сэръ.

Мистеръ Снагзби повертываетъ кранъ въ газовомъ рожкѣ и кашляетъ въ горсточку, скромно предусматривая выгодный заказъ. Мистеръ Снагзби, какъ робкій человекъ, сдѣлалъ привычку кашлять различнымъ образомъ для различныхъ выраженій своихъ понятій и ощущеній и такимъ образомъ сохранять слова.

— У васъ недавно переписывали для меня нѣсколько объясненій по дѣлу Джорндисъ и Джорндисъ.

— Точно такъ, сэръ, у насъ переписывали.

— Вотъ одно изъ нихъ, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ, безпечно обшаривая совсѣмъ не тотъ карманъ, который бы слѣдовало. — О тонкая, непроницаемая, нераскрываемая устрица старинной школы ! — Почеркъ этого письма отличается отъ другихъ почерковъ и очень нравится мнѣ. Проходя случайно мимо васъ, я вспомнилъ, что эта рукопись при мнѣ, и зашелъ сюда спросить васъ... впрочемъ, вѣтъ, я ошибся: ея вѣтъ при мнѣ. Но ничего: можно и въ другой разъ.... Ахъ, позвольте, вотъ она здѣсь !... я зашелъ сюда спросить васъ, кто переписывалъ эту бумагу ?

— Кто переписывалъ эту бумагу, сэръ ? повторяетъ мистеръ Снагзби, беретъ рукопись въ руки, раскладываетъ ее на конторку и начинаетъ перелистывать ее лѣвой рукой съ такой быстротою, которой обладаютъ только одни присяжные комиссіонеры. — Это мы отдавали переписывать. Я помню, вмѣстѣ съ этой бумагой мы отдавали очень много другихъ работъ. Сію минуту, сэръ, я справлюсь по книгѣ и скажу, кто переписывалъ.

Мистеръ Снагзби снимаетъ книгу съ полки, еще разъ старается проглотить кусокъ хлѣба съ масломъ, который, по видимому, оставилъ въ горлѣ, поглядываетъ искоса на бумагу и указательнымъ пальцемъ правой руки проводитъ по оглавленію книги и читаетъ : «Джюби, Шаккеръ, Джорндисъ.»

— А вотъ и Джорндисъ! Сію минуту, сэръ, говоритъ мистеръ Снагзби. — Ну, такъ и есть! Странно, что я не запомнилъ. Мы отдавали это, сэръ, переписчику, который квартируетъ какъ разъ на другой сторонѣ переулка.

Мистеръ Толкинхорнъ заглянулъ тоже въ книгу, отыскалъ записъ комиссіонера, и, пока тотъ водилъ пальцемъ по страницѣ, онъ уже прочиталъ имя переписчика.

— Какъ вы называете его? Немо? спрашиваетъ мистеръ Толкинхорнъ.

— Точно такъ, сэръ, Немо. Вотъ онъ здѣсь. — Сорокъ-два листа большого формата. Отдано въ среду вечеромъ, въ восемь часовъ; возвращено въ четвергъ утромъ, въ половинѣ десятаго.

— Немо! повторяетъ мистеръ Толкинхорнъ. — Немо по латыни значитъ никто.

— А по англійски, сэръ, это, вѣроятно, означаетъ когонибудь, почтительно замѣчаетъ мистеръ Снагзби, употребляя при этомъ случаѣ приличный кашель. — Этого господина именно такъ зовутъ. Не угодно ли, сэръ, взглянуть сюда? Извольте видѣть: сорокъ-два листа большого формата. Отдано въ среду вечеромъ, въ восемь часовъ, возвращено въ четвергъ, въ девять съ половиной часовъ утра.

Мистеръ Снагзби маленькой частичкой своего зрачка усматриваетъ голову мистриссъ Снагзби, вполонину просунутую въ дверь магазина, съ цѣлю узнать, что за причины принудили его покинуть чайный столъ. Мистеръ Снагзби посылаетъ къ мистриссъ Снагзби объяснительный кашель, какъ будто говоря ей: «душа моя, явился покупатель!»

— Въ половинѣ десятаго, сэръ, повторяетъ мистеръ Снагзби. — Наши переписчики, сэръ, которые живутъ только заказной работой, народъ весьма странный; можетъ статься, что это не настоящее его имя, но что онъ только выдаетъ себя подъ этимъ именемъ. Теперь я вспомнилъ, сэръ, что онъ подписывается этимъ именемъ на письменныхъ объявленіяхъ, которыя онъ выставляетъ во всѣхъ почти присутственныхъ мѣстахъ. Вѣроятно, вамъ извѣстно это объявленіе... о предложеніи услугъ на переписку бумагъ?

Мистеръ Толкинхорнъ бросаетъ взглядъ въ небольшое окно на задній фасадъ дома Коавинсеса, въ окнахъ котораго свѣтятся огни. Кофейная комната у Коавинсеса находится въ задней половинѣ, и тѣмъ въсколькихъ джентльменовъ, окруженныхъ облаками табачнаго дыма, тускло и въ увеличенномъ видѣ отражаются на сторахъ. Мистеръ Снагзби пользуется случаемъ слегка обернуться назадъ и взглянуть черезъ плечо на свою хозяйшку и сдѣлать, въ видѣ из-

иженія , движеніе губами , мысленно произнося слова : «Тол-кин-хорнъ , бо-гачъ съ боль-шимъ влі-я-ні-емъ!»

— А что , давали вы работу этому человѣку и прежде ? спрашиваетъ мистеръ Толкинхорнъ .

— О , какже , сэръ ! мы отдавали ему ваши бумаги .

— Думая о болѣе важныхъ дѣлахъ , я совсѣмъ забылъ , гдѣ онъ живетъ .

— Перейдя переулокъ , сэръ . Онъ живетъ.... мистеръ Снагзби дѣлаетъ еще усиленный глотокъ , какъ будто кусокъ хлѣба съ масломъ превратился въ горлѣ въ кусокъ камня.... онъ живетъ въ магазинѣ стараго тряпья и разнаго хламу .

— Я иду теперь домой : не можете ли вы указать мнѣ этотъ домъ ?

Мистеръ Снагзби скидаетъ съ себя свѣренскій сюртукъ , надѣваетъ чернѣйшій , снимаетъ шляпу съ гвоздика .

— А вотъ и моя хозяйшюшка ! говоритъ онъ вслухъ . — Душа моя , будь такъ добра , пошли когонибудь изъ молодцовъ поглядѣть за магазиномъ , а я провожу мистера Толкинхорна черезъ переулокъ.... Рекомендую вамъ , сэръ , это мистриссъ Снагзби.... я отлучусь минутки на двѣ , душа моя .

Мистриссъ Снагзби дѣлаетъ поклонъ адвокату , уходитъ за конторку , наблюдаетъ за ними изъ подъ сторы , потихоньку уходитъ въ заднюю половину магазина и смотритъ въ книгу , которая осталась открытою . По всему видно , что любопытство сильно овладѣло ею .

— Вамъ это мѣсто покажется , сэръ , весьма угрюмымъ , говоритъ мистеръ Снагзби , почтительно шествуя по мостовой и предоставляя узенькій тротуаръ въ полное распоряженіе адвоката : — ну да ужъ и люди-то тамъ крайне угрюмые . Вообще это какой-то дикій народъ , сэръ . Преимущество господина , къ которому идемъ , состоитъ въ томъ , что онъ никогда не спитъ . Дайте ему работу , и онъ не сомкнетъ глазъ , пока не кончитъ .

На дворѣ уже совершенно стемнѣло и газовые фонари производятъ полный эффектъ . Сталкиваясь съ писцами , торопившимися на почту съ заготовленными въ теченіе дня письмами , встрѣчаясь съ стряпчими и прокурорами , идущими домой , къ обѣду , со всякаго рода челобитчицами , истцами и отвѣтчиками , и вообще съ толпами народа , на пути котораго вѣковая мудрость юриспруденціи поставила миллионы преградъ къ совершенію самыхъ обыкновеннѣйшихъ занятій въ жизни , пробираясь по уличной грязи (изъ чего составляется эта грязь , никто не знаетъ , откуда и зачѣмъ она собирается вокругъ насъ , также никто не знаетъ , — знаемъ только , что

когда ея соберется слишкомъ много, мы находимся въ необходимости считать ея), — пробираясь по такому пути, адвокатъ и присяжный комиссіонеръ подходят къ магазину тряпья и всякаго хламу, къ складочному мѣсту никуда негоднаго товара, расположенному подъ тѣнію стѣны Линкольнинскаго Суда и содержимому, какъ возвѣщаетъ вывѣска всѣмъ, до кого это можетъ касаться, нѣкимъ мистеромъ Крукомъ.

— Вотъ тутъ живетъ вашъ переписчикъ, говорить присяжный комиссіонеръ.

— А! такъ вотъ онъ гдѣ живетъ! безпечнымъ тономъ произносить адвокатъ. — Благодарю васъ, Снагзби.

— Вамъ не угодно ли зайти къ нему?

— Нѣтъ, благодарю васъ; теперь я не имѣю надобности въ немъ.... я тороплюсь теперь домой. Добрый вечеръ, Снагзби! благодарю васъ.

Мистеръ Снагзби приподнимаетъ шляпу и возвращается къ своей ховаяшкѣ и къ чаю.

Но мистеръ Толкинхорнъ вовсе не торопится домой. Онъ отходитъ на небольшое разстояніе, ворочается назадъ, снова подходитъ къ магазину мистера Крука и прямо входитъ къ нему. Въ магазинѣ темно; въ окнѣ стоитъ свѣча или что-то въ родѣ свѣчи съ нагорѣвшей свѣтлѣней; въ самой отдаленной части магазина передъ каминномъ сидитъ старикъ и подлѣ него кошка. Старикъ встаетъ и съ другой нагорѣвшей свѣчой идетъ навстрѣчу адвокату.

— Скажи пожалуста, дома твой постоялецъ?

— Который изъ нихъ, сэръ? мужчина или женщина? спрашиваетъ мистеръ Крукъ.

— Мужчина, — тотъ самый, который занимается перепиской бумагъ.

Мистеръ Крукъ внимательно осматриваетъ незнакомца, узнаетъ его съ перваго взгляда, получаетъ инстинктивное убѣжденіе въ его аристократической извѣстности.

— Угодно вамъ видѣть его?

— Да.

— Это мнѣ самому рѣдко удается, говорить мистеръ Крукъ, оскаливъ зубы. — Не прикажете ли позвать его сюда? Впрочемъ, сэръ, едва ли можно надѣяться, что онъ спустится сюда.

— Въ такомъ случаѣ я самъ поднимаюсь къ нему, говорить мистеръ Толкинхорнъ.

— Такъ не угодно ли подняться во второй этажъ? Возьмите свѣчку. Пожалуйте сюда.

Мистеръ Крукъ и рядомъ съ нимъ кошка останавливаются у лѣстницы и взорами провожаютъ мистера Толкинхорна.

— Хи, хи! произносить мистеръ Крукъ, когда мистеръ Толкинхорнъ почти совсѣмъ скрылся изъ виду.

Адвокатъ смотритъ внизъ черезъ перилы. Кошка раскрываетъ пасть и начинаетъ шипѣть.

— Смирно, лэди Джэнъ! Будь скромна передъ гостями! Вѣдь ты знаешь, что поговариваютъ о моемъ постояльцѣ, шопотомъ произносить Крукъ, поднимаясь по лѣстницѣ на двѣ ступеньки.

— Что же о немъ поговариваютъ?

— Да говорятъ, что проданъ нечистой силѣ; но вѣдь мы съ вами лучше знаемъ объ этомъ... нечистый не купить его. Но смѣю доложить вамъ, что мой постоялецъ такой нелюдимъ, такой угрюмый, что не отказался бы отъ сдѣлки съ нечистымъ. Пожалуста, сэръ, не разсердите его: вотъ мой совѣтъ.

Мистеръ Толкинхорнъ киваетъ головой и продолжаетъ идти дальше. Онъ подходитъ къ мрачной двери во второмъ этажѣ, стучитъ въ эту дверь, не получаетъ отвѣта, отворяетъ ее и въ это время нечаянно загашаетъ свѣчку.

Воздухъ въ комнатѣ до такой степени спертъ, что свѣча потухла бы сама собой, даже если бы мистеръ Толкинхорнъ не затуманилъ ея. Комната эта очень небольшая, почти черная отъ коноти, сажа и грязи. На ржавой, перегорѣлой рѣшоткѣ каминна, согнутой на серединѣ, какъ будто ницета сжимала ее въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ, краснѣетъ потухающій огонь обожженного каменнаго угля. Въ углу, подлѣ каминна, стоятъ простой досчатый столъ и ломаная конторка, которыхъ поверхность окроплена чернильнишъ дождемъ. Въ другомъ углу, на одномъ изъ пары стульевъ, лежатъ оборванный старый чемоданъ, замѣняющій платяной шкафъ; болѣе обширнаго помѣщенія для гардероба и не требовалось, потому что бока чемодана ввалились во внутрь, какъ щоки голоднаго человѣка. Полъ ничѣмъ не прикрытъ, — только подлѣ каминна тлѣетъ веревочный матъ, истертый до самой основы. Ни одна занавѣсъ не прикрываетъ ночной темноты; вмѣсто ихъ окна задвинуты ставнями неопредѣленнаго цвѣта, и сквозь два узкія отверстія въ этихъ ставняхъ голъдь могъ бы увидѣть свою жертву на одрѣ.

Противъ каминна, на низенькой кровати, адвокатъ, нерѣшавшійся сдѣлать шагъ отъ дверей, видитъ лежащаго человѣка. Цвѣтъ лица его желтый. Его длинные, взъерошенные волосы сливаются съ его бакенбардами и бородой, точно также взъерошенными и длинными.

— Ало, мой другъ! восклицаетъ мистеръ Толкинхорнъ и въ то же время стучитъ въ дверь желѣзнымъ подсвѣчникомъ.

Ему кажется, что онъ разбудилъ своего друга. Но другъ между тѣмъ, отвернувшись немного въ сторону, лежитъ неподвижно, хотя глаза его совершенно открыты.

— Ало, мой другъ! еще разъ кричитъ мистеръ Толкинхорнъ. — Ало, ало!

Свѣча, которой свѣтильня такъ долго тлѣла, окончательно потушается въ подсвѣчникѣ, которымъ вмѣстѣ съ возгласами повторялись удары въ дверь, и мистеръ Толкинхорнъ остается въ непроницаемомъ мракѣ, и только два узенькихъ глаза въ ставняхъ пристально смотрятъ на грязную кровать.

ГЛАВА XI.

НАШЪ ЛЮБЕЗНЫЙ СОВРАТЬ.

Легкое прикосновеніе къ морщинистой рукѣ адвоката, въ то время, какъ онъ въ крайней нерѣшимости стоитъ въ мрачной комнатѣ, заставляеть его вздрогнуть и вскрикнуть:

— Это кто?

— Это я, возражаетъ старикъ, хозяинъ дома, котораго тяжелое дыханіе отзывается въ ухахъ адвоката. — Неужели вы не можете разбудить его?

— Не могу.

— Чтó сдѣлали вы съ вашей свѣчей?

— Она погасла. Вотъ она; возьми ее.

Крукъ беретъ свѣчку, подходитъ къ камину, наклоняется надъ потухающей золой и старается выдуть изъ нея огонь. Но въ потухающей золѣ не оказывается и искры огня, и старанія Крука остаются тщетными. Сдѣлавъ нѣсколько безотвѣтныхъ возгласовъ къ своему постольцу и проворчавъ, что спустится внизъ и принесеть огня изъ магазина, старикъ уходитъ. Мистеръ Толкинхорнъ, по причинамъ, ему одному извѣстнымъ, не рѣшается ждать возвращенія Крука внутри комнаты, но выходитъ на площадку лѣстницы.

Желанный свѣтъ вскорѣ разливается по закопѣлымъ стѣнамъ лѣстницы, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Крукъ медленно поднимается наверхъ, въ сопровожденіи зелено-глазой кошки, слѣдующей за нимъ по слѣдамъ.

— Скажи, неужели твой постольецъ спитъ всегда такъ крѣпко? въ полголоса спрашиваетъ адвокатъ.

— Хи, хи! не знаю, сэръ! отвѣчаетъ Крукъ, тряся головой и вздергивая кверху свои махнатыя брови. — Я почти ровно ничего не знаю о его привычкахъ; знаю только, что онъ держитъ себя назащери.

Перешептываясь такимъ образомъ, они вмѣстѣ входятъ въ комнату, и когда огонь озаряетъ ее, два огромные глаза въ ставняхъ, по видимому, плотно смыкаются. Но не смыкаются глаза спящаго на жалкой постели.

— Господи помилуй насъ! восклицаетъ мистеръ Толкинхорнъ.
— Онъ умеръ!

Крукъ опускаетъ оледенѣвшую руку, которую приподнялъ было, и опускаетъ ее такъ внезапно, что она какъ камень свѣшивается съ кровати.

Крукъ и Толкинхорнъ бросаютъ другъ на друга моментальный взглядъ.

— Пошлите за докторомъ! Кликните сверху миссъ Фляйтъ! Я вижу ядъ подлѣ кровати! Кликните скорѣе миссъ Фляйтъ! произноситъ Крукъ, раскидывая, какъ крылья вампира, свои костлявыя руки надъ трупомъ постояльца.

Мистеръ Толкинхорнъ выбѣгаетъ на лѣстницу.

— Миссъ Фляйтъ! кричитъ онъ. — Кто бы вы ни были, миссъ Фляйтъ! Фляйтъ! скорѣе сюда! Торопитесь, миссъ Фляйтъ!

Крукъ глазами провожаетъ Толкинхорна, и въ то время, какъ послѣдній кличетъ миссъ Фляйтъ, онъ находитъ случай подкрасться къ старому чемодану и крадучи удалиться отъ него на прежнее мѣсто.

— Бѣгите, Фляйтъ, бѣгите! къ ближайшему доктору! бѣгомъ бѣгите, Фляйтъ!

Этими словами Крукъ обращается къ дряхлой, полоумной старушонкѣ, своей квартиранткѣ. Миссъ Фляйтъ выбѣгаетъ, въ мгновеніе ока исчезаетъ и вскорѣ приводитъ угрюмаго, по видимому, весьма недовольнаго, оторваннаго отъ обѣда врача, съ толстой верхней губой, покрытой слоемъ табаку, и съ грубымъ шотландскимъ произношеніемъ.

— Эге, друзья мои! утѣштесь! говоритъ угрюмый докторъ, окинувъ, послѣ минутнаго молчанія, окружающихъ внимательнымъ взоромъ. — Утѣштесь, друзья мои! онъ мертвъ, какъ мертвый чловѣкъ!

Мистеръ Толкинхорнъ, стоя подлѣ стараго чемодана, спрашиваетъ, давно ли онъ умеръ.

— Давно ли онъ умеръ? повторяетъ медикъ. — Разумѣется, недавно! Да такъ себѣ часа три тому назадъ!

— Да-съ, смѣю сказать-съ, не дальше этого времени, замѣчаетъ темнолицый молодой человекъ.

Какъ и когда явился онъ по другую сторону кровати, никто не знаетъ.

— А вы, должно быть, тоже по нашей части, сэръ? спрашиваетъ первый докторъ.

Темнолицый молодой человекъ отвѣчаетъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ я могу уйти отсюда, замѣчаетъ первый докторъ: — мнѣ нечего здѣсь дѣлать.

Виѣстъ съ этимъ кратковременный визитъ кончается, и докторъ спѣшить окончить начатой обѣдъ.

Темнолицый молодой человекъ нѣсколько разъ подноситъ свѣчку къ лицу покойника, тщательно осматриваетъ адвокатскаго писца, который, слѣвавшись рѣшительно *никлэмъ*, окончательно подтверждаетъ права свои на принятую имъ на себя, но *никлэмъ* не признанную фамилію.

— Я очень хорошо припоминаю этого человека, говоритъ молодой врачъ. — Года полтора тому назадъ онъ купилъ у меня опию. Скажите, есть ктонибудь изъ васъ сродни ему? заключаетъ медикъ, окинувъ взглядомъ предстоящихъ.

— Я здѣшній домохозяинъ, угрюмо отвѣчаетъ Крукъ, принимая свѣчку изъ протянутой руки молодого доктора. — Впрочемъ, когда-то онъ сказывалъ мнѣ, что я ближайшій ему родственникъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ умеръ отъ излишней дозы опию, продолжаетъ медикъ. — Вы замѣчаете, какой сильный запахъ разливается по всей комнатѣ. Да вотъ и тутъ (принимая чайникъ изъ костлявой руки Крука) положено этого яду такое количество, какого весьма довольно для отравы цѣлой поль-дюжины людей.

— Неужели вы думаете, что онъ слѣлалъ это съ умысломъ?

— То есть что вы хотите сказать? съ умысломъ ли онъ принялъ лишнюю дозу?

— Ну да! отвѣчаетъ Крукъ, облизывая губы подъ вліяніемъ любопытства, сообщающаго невыразимый ужасъ.

— Не умѣю сказать вамъ, но долженъ считать такое предположеніе невѣроятнымъ, потому что онъ привыкъ принимать большія дозы. Впрочемъ, никто не можетъ сказать вамъ утвердительно. Я полагаю, онъ былъ очень бѣденъ?

— Полагаю, что былъ. По крайней мѣрѣ его комната не показываетъ, что онъ былъ богатъ, говоритъ Крукъ, окидывая комнату

своими зелеными, сверкающими глазами. — Надобно вамъ сказать между прочимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился здѣсь, я ни разу не заглядывалъ къ нему; а онъ былъ слишкомъ молчаливъ, чтобъ открывать передо мной свои обстоятельства.

— А что, онъ остался вамъ долженъ за квартиру ?

— За шесть недѣль только.

— Ну такъ можно смѣло сказать, что онъ вамъ не заплатитъ, говоритъ молодой человекъ, снова приступая къ разсмотрѣнiю трупа. — Нечего и сомнѣваться, онъ мертвъ какъ Фараонъ. Судя по его наружности и положенiю, смерть послужила ему отрадой. А должно быть въ молодости онъ былъ красавецъ, былъ мужиной благовиднымъ.

И докторъ, помѣстясь на концѣ постели, съ лицомъ, обращеннымъ къ лицу покойника, и рукой, положенной на охладѣвшее сердце, произноситъ эти слова не безъ чувства.

— Я припоминаю, что въ его манерѣ, несмотря на всю его небрежность къ своей наружности, было что-то особенное, отличающее его паденiе въ жизни. Скажите, правда ли это? продолжаетъ онъ, еще разъ окидывая взоромъ предстоящихъ.

— Пожалуй вы захотите, чтобы я рассказалъ вамъ биографiю тѣхъ барынь, волосами которыхъ у меня внизу биткомъ набиты мѣшки? говоритъ Крукъ. — Кроме того, что онъ былъ моимъ постояльцемъ въ теченiе осьмнадцати мѣсяцевъ и жилъ, или, пожалуй, не жилъ, одной только перепиской бумагой, я больше ничего не знаю о немъ.

Во время этого разговора, мистеръ Толкинхорнъ, закинувъ руки назадъ, стоялъ въ сторонѣ отъ пречихъ, подлѣ стараго чемодана, совершенно чуждый тролкаго рода чувствъ, обнаруживаемыхъ у кровати, — чуждый профессиональнаго вниманiя молодого доктора къ покойнику, — вниманiя, тѣмъ болѣе замѣчательнаго, что оно, по видимому, вовсе не имѣло никакой связи съ его замѣчанiями касательно личности покойника, — чуждый какого-то неизъяснимаго удовольствiя, которое, противъ всякаго желанiя, обнаруживалось на лицѣ Крука, — чуждый благоговѣйнаго страха, подлѣ влiянiемъ котораго находилась полоумная старушка. Его невозмутимое лицо было такъ же невыразительно, какъ и его платье, не имѣющее на себѣ нисколько лоску. Взглянувъ на него, другой бы сказалъ, что въ эти минуты онъ вовсе ни о чемъ не думалъ. Онъ не обнаруживалъ ни терпѣнiя, ни вѣтерпѣнiя, ни вниманiя, ни разсвѣнiя. Онъ равно ничего не обнаруживалъ, кромѣ своей холодной скорлупы. Легче бы, кажется, можно было извлечь музыкальный тонъ изъ

футляра какогонибудь нѣжнаго инструмента, чѣмъ самый слабый тонъ души мистера Толкинхорна — изъ его оболочки.

Но вотъ наконецъ и онъ вступаетъ въ разговоръ: онъ обращается къ молодому медику съ своей холодной манерой, какъ нельзя болѣе соответствующей его профессіи.

— Я только что передъ вами заглянулъ сюда, замѣчаетъ онъ: — и заглянулъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать этому уже умершему человѣку, котораго, мимоходомъ сказать, я никогда не видѣлъ въ живыхъ, нѣсколько бумагъ для переписки. Я узналъ о немъ отъ нашего комиссіонера — Снагзби, живущаго на Подворьѣ Кука. Здѣсь, какъ кажется, никто ничего не знаетъ объ этомъ человѣкѣ: такъ недурно, я думаю, послать за Снагзби. Да вотъ кстати: не сходите ли вы?

Послѣднія слова относились къ полоумной старушкѣ, которая часто видала его въ Верховномъ Судѣ, которую онъ тоже часто видалъ, и которая охотно вызывается сходить за комиссіонеромъ.

Между тѣмъ какъ миссъ Фляйтъ исполняетъ порученія, медикъ прекращаетъ дальнѣйшія, безплодныя изслѣдованія и накидываетъ на предметъ ихъ стеганое одѣяло, покрытое безчисленнымъ множествомъ заплатъ. Послѣ этого докторъ мѣняется съ мистеромъ Крукомъ парой словъ. Мистеръ Толкинхорнъ соблюдаетъ безмолвіе и, по прежнему, остается подлѣ стараго чемодана.

Въ комнату торопливо вбѣгаетъ мистеръ Снагзби, въ сѣренькомъ сюртучкѣ и въ черныхъ нарукавникахъ.

— О, Боже мой, Боже мой! говоритъ онъ. — Неужли это правда? Господи помилуй! какъ это удивительно!

— Снагзби, не можете ли вы сообщить хозяйину здѣшняго дома какіянибудь свѣдѣнія объ этомъ несчастномъ созданіи? спрашиваетъ мистеръ Толкинхорнъ. — Кажется, на немъ остался долгъ за квартиру; да къ тому же, вы знаете, его нужно похоронить.

— Я, право, ничего не знаю, сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Снагзби и въ знакъ оправданія кашляетъ въ кулакъ: — я рѣшительно не знаю, что посоветовать вамъ, — развѣ только одно — послать за приходскимъ старостой.

— Я не прошу вашего совѣта, возражаетъ мистеръ Толкинхорнъ. — Я бы и самъ могъ посоветовать....

(Я увѣренъ, сэръ, лучше вашего никто не посоветуетъ, говоритъ мистеръ Снагзби, не словами, но своимъ почтительнымъ кивкомъ.)

— Я спрашиваю васъ о томъ , не можете ли вы указать на кого нибудь изъ его родственниковъ , не можете ли сказать , откуда онъ прибылъ сюда , или вообще что касается его.

— Увѣряю васъ , сэръ , отвѣчаетъ мистеръ Снагзби , предваривъ отвѣтъ свой кашлемъ , выражающимъ глубокое смиреніе ; — увѣряю васъ , сэръ , что мнѣ столько же извѣстно , откуда онъ прибылъ сюда , сколько извѣстно....

— Сколько извѣстно вамъ , куда онъ отправился отсюда , дополняетъ докторъ , чтобъ вывести мистера Снагзби изъ затруднительнаго положенія.

Наступаетъ молчаніе.

Мистеръ Толкинхорнъ устремляетъ взоры на присяжнаго коммиссіонера.

Мистеръ Крукъ , съ разинутымъ ртомъ , ожидаетъ , кто первый нарушитъ молчаніе.

— Что касается до родственниковъ покойнаго , говоритъ мистеръ Снагзби : — то скажи мнѣ теперь кто нибудь : «Снагзби , вотъ тебѣ двадцать тысячъ фунтовъ билетами англійскаго банка , — только скажи , кто родственники этого человѣка» , и клянусь вамъ , сэръ , я и тогда не умѣлъ бы сказать ! Года полтора тому назадъ , если только память не измѣняетъ мнѣ , — года полтора тому назадъ , онъ впервые явился жильцомъ въ домѣ владѣльца нывѣшняго магазина грапья и всякаго хламу....

— Именно такъ : это было въ ту самую пору , замѣчаетъ Крукъ , утвердительно кивая косматой головой.

— Такъ года полтора тому назадъ , продолжаетъ мистеръ Снагзби , замѣтно ободренный словами Крука : — однажды утромъ , сейчасъ послѣ завтрака , этотъ человѣкъ явился ко мнѣ въ лавку и , встрѣтивъ мою хозяйшку (употребляя это названіе , я подразумѣваю мистриссъ Снагзби) , представилъ образецъ своего почерка и далъ ей понять , что желаетъ заняться перепиской бумагъ , и находился — не придавая этому слишкомъ важнаго значенія (любимая поговорка мистера Снагзби во время чистосердечныхъ объясненій , къ которой онъ постоянно прибѣгалъ , для болѣе выразительности своего чистосердечія) — этотъ человѣкъ находился въ затруднительномъ положеніи . Моя хозяйшка , надо вамъ замѣтить , не имѣетъ обыкновенія оказывать излишней благосклонности къ незнакомымъ людямъ , особливо къ такимъ — не придавая этому слишкомъ важнаго значенія — которые въ чемъ нибудь нуждаются . Впрочемъ , этотъ человѣкъ понравился моей женѣ , — не знаю , потому ли , что борода его была не брита , потому ли , что волоса его тре-

бояли външнѣшняго попеченія , или просто по одной только женской прихоти — я предоставляю вамъ самимъ рѣшить это обстоятельство ; знаю только , что она взяла образчикъ почерка и спросила его адресъ . Нужно вамъ сказать , что моя хозяйка немного туговата на ухо насчетъ собственныхъ именъ , продолжаетъ мистеръ Снагзби , посоветуясь сначала съ многозначительнымъ кашлемъ въ кулакъ : — и потому имя Немо она безъ всякаго различія смѣшивала съ именемъ Нимрода . Вслѣдствіе этого она взяла себѣ въ привычку дѣлать мнѣ за нашей трапезой такого рода вопросы : мистеръ Снагзби , неужли вы не достали работы для Нимрода ? — или мистеръ Снагзби , почему вы не дадите Нимроду громадныхъ театровъ по дѣлу Джорндиса ? или что нибудь въ этомъ родѣ . Такимъ-то образомъ онъ и началъ получать отъ насъ заказы ; и въ этомъ заключается все , что я знаю о немъ ; могу еще одно только прибавить , что онъ писалъ бойко и не гнался за отдыхомъ , до того не гнался , что если бы вы , напримѣръ , отдали ему въ среду вечеромъ тридцать-пять канцлерскихъ листовъ , онъ возвратилъ бы въ совершенной исправности на другое утро въ четвергъ . Все это , заключаетъ мистеръ Снагзби , дѣлая весьма джентельное движеніе шляпой къ постели : — я нисколько не сомнѣваюсь , подтвердилъ бы мой почтенный другъ , еслибъ находился въ состояніи исполнять это .

— Не лучше ли рассмотретьъ бумаги покойника ? говоритъ мистеръ Толкинхорнъ , обращаясь къ Круку . — Можетъ статься , онѣ наведутъ на слѣдъ . По случаю скоропостижной смерти твоего постояльца , тебя , безъ всякаго сомнѣнія , призовутъ къ слѣдствію . Умѣешь ты читать ?

— Нѣтъ , не умѣю , возражаетъ старикъ , оскаливъ зубы .

— Снагзби ! говоритъ мистеръ Толкинхорнъ : — осмотрите съ нимъ комнату . Иначе онъ наживетъ себѣ хлопотъ . Поторопитесь , Снагзби ; я подожду здѣсь ; если окажется нужнымъ , я пожалуй засвидѣтельствую , что всѣ ваши показанія справедливы . Если ты поддержишь , мой другъ , свѣчу для мистера Снагзби , онъ увидитъ , чѣмъ можетъ быть полезенъ для тебя .

— Во первыхъ , здѣсь есть старый чемоданъ , говоритъ мистеръ Снагзби .

Ахъ , да ! и въ самомъ дѣлѣ тутъ старый чемоданъ ! А мистеръ Толкинхорнъ , по видимому , и не замѣчалъ его , хотя и стоялъ подлѣ него и хотя въ комнатѣ кромѣ чемодана ничего больше не было !

Продавецъ морскихъ принадлежностей держитъ свѣчу , а главный комиссіонеръ канцелярскихъ принадлежностей произво-

дять обыскъ. Медикъ облокачивается на уголь камня; миссъ Фляйтъ дрожитъ отъ страха и отъ времени до времени выглаживаетъ изъ за дверей. Даровитый послѣдователь старинной школы, въ тусклыхъ, черныхъ панталонахъ, перевязанныхъ на колъняхъ черными лентами, въ своемъ огромномъ черномъ жилетѣ и длиннополомъ черномъ пальто, съ своимъ бантомъ шейнаго платка, такъ коротко знакомымъ англійской аристократіи, стоитъ аккуратно на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи.

Въ старомъ чемоданѣ оказываются нѣсколько старыхъ, ни куда годныхъ, ничего не стоящихъ платьевъ; въ немъ отыскивается пачка билетовъ на заложенные вещи — пачка этихъ паспортовъ чрезъ шоссейныя заставы по дорогѣ нищеты; тамъ же находится измятая, истертая бумага, издающая сильный запахъ опиѳ; на ней вацарапано нѣсколько словъ, какъ видно для памяти: принялъ тогда-то, столько-то грановъ; принялъ вторично тогда-то; число грановъ увеличилъ на столько-то; видно было, что эти приемы длились довольно долго, какъ будто съ намѣреніемъ регулярно продолжать ихъ, и потомъ вдругъ прекратились. Тутъ же находилось нѣсколько грязныхъ обрывковъ отъ газетъ, съ описаніемъ судебныхъ слѣдствій надъ мертвыми тѣлами, и больше ничего. Снагзби и Крукъ осматриваютъ маленькій буфетъ и ящикъ окропленнаго чернилами стола. Но и тамъ не отыскивается ни ключа отъ писемъ, ни отъ какой нибудь рукописи. Молодой медикъ осматриваетъ платье адвокатакаго писца. Перочинный ножикъ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ — вотъ все, что онъ находитъ. Наконецъ всѣ убѣждаются, что совѣтъ мистера Снагзби принадлежалъ къ числу практическихъ совѣтовъ, и приглашеніе приходскаго старосты оказывается необходимымъ.

Вслѣдствіе этого маленькая полоумная квартирантка отправляется за старостой, а прочіе выходятъ изъ комнаты.

— Пожалуйста, не оставляйте кошку здѣсь, замѣчаетъ докторъ: — это не годится.

Мистеръ Крукъ выгоняетъ кошку, и она крадучи спускается по лѣстницѣ, размахивая гибкимъ, пушистымъ хвостомъ и облизывая морду.

— Доброй ночи! говоритъ мистеръ Толкинхорнъ и уходитъ домой бесѣдовать съ Аллегоріей и углубляться въ созерцанія.

Между тѣмъ новость о скоропостижной смерти распространилась по всему кварталу. Группы сосѣдей толпами разсуждаютъ о происшествіи. Передовые посты обсервационнаго корпуса (преимущественно ребятишки) выдвигаются впередъ къ самымъ окнамъ.

мистера Крука, въ которыхъ они совершаютъ тщательную рекогносцировку. Полицейскій стражъ уже поднялся въ комнату покойника и снова спустился къ уличной двери, гдѣ онъ стоитъ, какъ неприступная крѣпость, случайно удостоивая своимъ взглядомъ ребятишекъ, собравшихся у его подножія; но при этихъ взглядахъ атакующіе окна мистера Крука колеблются и отступаютъ. Мистриссъ Перкинсъ, которая вотъ уже нѣсколько недѣль находится въ разрывѣ съ мистриссъ Пайперъ, вслѣдствіе неудовольствія, возникшаго по поводу сильной потасовки, претерпѣнной молодымъ Пайперомъ отъ молодого Перкинса, возобновляетъ при этой благопріятной оказіи дружескія отношенія. Прикащикъ изъ ближайшаго уголовного погребка, обладающій официальными свѣдѣніями о жизни человѣческой вообще и въ частности близкими сношеніями съ пьяными людьми, обвиняется съ полицейскимъ нѣсколькими сентенціями, обличающими взаимную другъ къ другу довѣрчивость; онъ имѣетъ видъ неприступнаго юноши, недостигаемаго для руки констебля, незатоцаемаго въ стѣзжихъ домахъ. Разговоръ ведется изъ оконъ одной стороны Подворья въ окна противоположной стороны. Изъ переулка Чансри являются курьеры съ открытыми головами; они спѣшатъ узнать въ чемъ дѣло. Общее чувство, кажется, выражаетъ радость, что смерть похитила не мистера Крука, но его постояльца, хотя къ этой радости и примѣшивалось чувство обманутой ожиданій насчетъ своихъ предположеній. Среди этихъ ощущеній является приходскій староста.

Приходскій староста хотя въ обыкновенное время и не пользовался особеннымъ расположеніемъ сосѣдей, но въ настоящую минуту становится популярнымъ, какъ единственный человѣкъ, которому предоставлено право осматривать мертвыя тѣла. Полицейскій стражъ хотя и считаетъ его за существо бессильное, бездѣйственное, слабоумное, за останки отъ варварскихъ временъ, когда существовали сторожевыя будки въ Лондонѣ, но въ настоящую минуту пропускаетъ его въ двери, какъ особенное нѣчто, терпимое въ народѣ до тѣхъ поръ, пока правительству угодно будетъ стереть его съ лица земли. Любопытство усиливается, когда изъ устъ въ уста переходитъ молва, что староста уже явился и дѣлаетъ осмотръ.

Но вотъ староста выходитъ и еще болѣе усиливаетъ любопытство, находившееся въ теченіе осмотра въ невыносимо-томительномъ состояніи. Оказывается, что для завтрашняго слѣдствія староста не имѣетъ въ виду свидѣтеля, которой могъ бы сказать чтонибудь судѣ и слѣдственному приставу объ умершемъ. Вслѣдствіе этого онъ немедленно обращается къ безчисленному собранію людей, которые ровно ничего не знаютъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются

восклицанія , что сынъ мистриссъ Гринъ былъ тоже адвокатскимъ писцомъ и, вѣроятно, зналъ покойника лучше другихъ. Это обстоятельство ставитъ старосту втупикъ , тѣмъ болѣе, что по наведеннымъ справкамъ оказалось, что сынъ мистриссъ Гринъ въ настоящее время находится на кораблѣ, мѣсяца три тому назадъ отплывшемъ въ Китай, и что, конечно, можно получить отъ него необходимыя свѣдѣнія посредствомъ телеграфа : стоитъ только получить на это позволеніе лордовъ Адмиралтейства. Послѣ этого староста заходитъ въ нѣкоторые магазины, собираетъ тамъ различныя свѣдѣнія и при этомъ случаѣ , затворяя за собою дверь, мѣшая и вообще обнаруживая въ дѣйствіяхъ своихъ недостаточность соображеній, выводитъ изъ терпѣнія любознательную публику. Полицейскій стражъ мѣняется улыбками съ прикащикомъ изъ погребка. Любопытство и вниманіе народа ослабѣваютъ и уступаютъ мѣсто реакціи. Пронзительный голосъ ребятишекъ осыпаетъ старосту такимъ сильнымъ градомъ насмѣшекъ, что полицейскій стражъ считаетъ необходимымъ привести въ дѣйствіе свою неограниченную власть : онъ схватываетъ перваго дерзкаго и, разумѣется, освобождаетъ его при побѣгѣ прочихъ, но освобождаетъ съ условіемъ — сію минуту замолчать и убраться прочь въ одну минуту! условіе это выполняется буквально. Такимъ образомъ общее ощущеніе и любопытство замираютъ на нѣкоторое время, и неподвижный полицейскій стражъ (на котораго пріемъ опіума, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, не произведетъ особеннаго дѣйствія), съ его лакированной шляпой, съ его жесткимъ, накрахмаленнымъ воротникомъ, съ его несгибающимся сюртукомъ, крѣпкой перевязью и вообще всей аммуниціей, медленно подвигается по тротуару, постукиваетъ ладонями своихъ бѣлыхъ перчатокъ одной о другую и останавливается отъ времени до времени на перекресткѣ улицы, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли чего нибудь въ родѣ затерявшагося ребенка или убійцы.

Подъ прикрытіемъ ночи, слабодушный староста какъ призракъ летаетъ по переулку Чансри съ своими повѣстками, въ которыхъ имя cadaго судьи жалкимъ образомъ искажено ; даже самыя повѣстки написаны совершенно непонятно. Одно только имя старшины написано вѣрно и ясно ; но его никто не читаетъ и никто не хочетъ его знать. Повѣстки наконецъ разнесены, свидѣтели приглашены, и старшина отправляется въ магазинъ мистера Крука, гдѣ онъ назначилъ свиданіе нѣсколькимъ бѣднякамъ. Бѣдняки эти собираются, и ихъ проводятъ во второй этажъ, въ комнату покойника, гдѣ они предоставляютъ огромнымъ глазамъ въ став-

нихъ случай посмотрѣть на что-то новенькое, что составляетъ послѣднее жилище для *никого* и для каждаго.

И вотъ, въ теченіе всей той ночи, готовый гробъ стоитъ подлѣ стараго чемодана. На постели лежитъ одинокій трупъ, котораго стезя въ жизни прокладывалась въ теченіе сорока-пяти лѣтъ, но на этой стезѣ столько же осталось замѣтныхъ слѣдовъ, сколько остается ихъ отъ младенца, заброшеннаго и заблудившагося въ лабиринтъ улицъ многолюднаго города.

На другой день дворъ Крука оживился; такъ по крайней мѣрѣ мистриссъ Перкинсъ, болѣе, чѣмъ примирившаяся съ мистриссъ Пайперъ, замѣчаетъ въ дружеской бесѣдѣ съ этой превосходной женщиной. Слѣдственный судья долженъ держать засѣданіе въ гостинницѣ Солнца, гдѣ гармоническіе митинги собираются два раза въ недѣлю, и гдѣ стулъ президента бываетъ занятъ джентльменомъ, ознаменовавшимъ себя своей профессіей, а противоположный стулъ — маленькимъ мистеромъ Свильзомъ, комическимъ и въ-цѣмъ, который питаетъ необъятныя надежды (согласно съ билетомъ, выставленнымъ въ окнѣ), что друзья соберутся вокругъ него и поддержать его первоклассный талантъ. Въ теченіе наступившаго ужра гостинница Солнца ведетъ бойкую торговлю. Даже ребяташки, подъ вліяніемъ общаго волненія, до такой степени нуждаются въ подкрѣпленіи силъ, что пирожникъ, расположившійся на этотъ случай въ одномъ изъ угловъ Подворья, замѣчаетъ, что его пышки исчезаютъ какъ дымъ, — между тѣмъ какъ приходскій староста, переваливаясь съ боку на бокъ во время прогулки своей между заведеніемъ мистера Крука и гостинницей Солнца, показываетъ нѣкоторымъ скромнымъ особамъ предметъ, ввѣренный его храненію, и въ замѣнъ того получаетъ приглашеніе выпить стаканчикъ элю или чего нибудь въ этомъ родѣ.

Въ назначенный часъ пріѣзжаетъ слѣдственный судья, котораго присяжные ждутъ съ минуты на минуту, и пріѣздъ котораго пріѣтствуетъ стукъ кеглей, принадлежащихъ гостинницѣ Солнца. Слѣдственный судья чаще всѣхъ другихъ смертныхъ посѣщаетъ общественныя заведенія. Запахъ опилокъ, пива, табачнаго дыма и спиртуозныхъ напитковъ составляетъ неразрывную связь его призванія съ смертію, во всѣхъ ея самыхъ страшныхъ видоизмѣненіяхъ. Приходскій староста и содержатель гостинницы провожаютъ его въ комнату гармоническихъ митинговъ, гдѣ онъ кладетъ свою шляпу на фортепьяно, и занимаетъ виндзорское кресло въ главѣ длиннаго стола, составленнаго изъ нѣсколькихъ различнаго рода столовъ, поверхность которыхъ украшена безконечно разнообразнымъ сцѣпленіемъ линіихъ колець, отпечатанныхъ донышками

кружек и стакановъ. За столомъ размѣщается такое множество присяжныхъ, какое могутъ только допустить его размѣры. Всѣ прочіе располагаются между плевалышцами и трубками или прислоняются къ фортепьяно. Надъ головою судьи виситъ шнуръ съ рукояткой для звонка и напоминаетъ собою висѣлицу.

Начинается переключка присяжныхъ и произносится клятвенное обѣщаніе. Въ то время, какъ происходитъ эта церемонія, между присутствующими производится нѣкоторое волненіе маленькимъ челоуѣкомъ съ влажными глазами и воспаленнымъ носомъ, пухлыми щоки котораго прикрываются огромными воротничками, и который смиренно занимаетъ мѣсто у самаго входа, какъ одинъ изъ прочихъ зрителей, но, по видимому, коротко знакомый съ гармонической комнатою. Быстро пролетѣвшій шопотъ говоритъ намъ, что эта особа — маленькій Свильзь. Полагають, не безъ нѣкотораго основанія, что вечеромъ, во время гармоническаго митинга, этотъ мистеръ Свильзь представитъ слѣдственнаго судью въ каррикатурномъ видѣ и доставитъ безпредѣльное удовольствіе всему собранію.

— Итакъ, джентльмены.... начинаетъ слѣдственный судья.

— Молчать! восклицаетъ приходскій староста.

Разумѣется, это восклицаніе не относится къ судью, хотя другіе и могли бы допустить подобное предположеніе.

— Итакъ, джентльмены, снова начинаетъ судья: — вы приглашены сюда на слѣдствіе, по поводу скоропостижной смерти нѣкоторой особы. Что онъ дѣйствительно умеръ, это будетъ вамъ показано; касательно же обстоятельствъ, предшествовавшихъ кончинѣ, и рѣшенія, какое вамъ угодно будетъ положить, смотря на.... (кегли, оидъ кегли! господинъ староста! это нужно прекратить!) ...смотря на эти обстоятельства, а не на чтонибудь другое. Первымъ дѣломъ вамъ слѣдуетъ осмотрѣть мертвое тѣло....

— Эй, вы! разступитесь! восклицаетъ старшина.

И сонмъ присяжныхъ выходитъ изъ гармонической комнаты, въ весьма неправильномъ порядкѣ, какъ разстроенное погребальное шествіе, и дѣлаетъ судебный осмотръ во второмъ этажѣ дома мистера Крука, откуда нѣкоторые изъ присяжныхъ выходятъ блѣдные и черезчуръ торопливо. Приходскій староста весьма заботится о томъ, чтобъ два джентльмена, съ замѣтно обтертыми обшлагами и съ замѣтнымъ недостаткомъ въ числѣ пуговицъ, видѣла все, что нужно было видѣть. Для вѣщаго удобства, онъ нарочно представляетъ маленькій столикъ въ комнатѣ гармоническихъ митинговъ, недалеко отъ почетнаго мѣста слѣдственнаго судьи. Эти джентльмены, по образу жизни и по призванію—зѣтопицеы городскихъ про-

исшествій ; а приходскій старшина не чуждъ человѣческихъ слабостей и питаетъ надежды прочитатъ въ печати о томъ, что говорилъ и дѣлалъ «Муни, этотъ дѣятельный, умный староста такого-то прихода»; онъ даже желаетъ увидѣть имя Муни упомянутымъ такъ же свободно и въ такомъ же покровительственномъ тонѣ, какъ упоминались въ предшествовавшихъ примѣрахъ имена великихъ людей!

Маленькій Свилъзъ ожидаетъ возвращенія судьи и присяжнаго суда. Ждетъ того же самаго и мистеръ Толкинхорнъ. Мистера Толкинхорна принимаютъ съ особеннымъ отличіемъ и сажаютъ подлѣ судьи; его сажаютъ между этимъ высокимъ блюстителемъ закона, между миниатюрнымъ столикомъ, поставленнымъ для лѣтописцевъ, и ящикомъ для каменнаго угля. Слѣдствіе ведется своимъ чередомъ. Судъ присяжныхъ узнаетъ, какимъ образомъ умеръ предметъ судебного слѣдствія, и больше ничего не узнаютъ!

— Джентльмены! говоритъ судья: — съ нами присутствуетъ знаменитый адвокатъ, который, какъ мнѣ извѣстно, случайно находился въ домѣ Крука, когда сдѣлали открытіе смертнаго случая; но такъ какъ онъ, къ исполненію нашего слѣдствія, можетъ повторить только показанія медика, домовладѣльца и его квартирантки, поэтому я не считаю за нужное беспокоить его. Не знаетъ ли кто нибудь изъ сосѣдей что нибудь о покойникѣ?

Мистриссъ Перкинсъ выталкиваетъ впередъ мистриссъ Пайперъ. Мистриссъ Пайперъ, для соблюденія дѣлопроизводства, произноситъ клятву въ справедливости своихъ показаній.

— Джентльмены! да будетъ вамъ извѣстно, это Анастасія Пайперъ, замужняя женщина.... Ну, что же мистриссъ Пайперъ, что вы намѣрены сказать намъ по этому предмету?

Мистриссъ Пайперъ намѣрена и можетъ сказать очень многое, сказать бѣльшею частію въ скобкахъ и безъ соблюденія знаковъ препинанія, но высказать очень мало дѣльнаго. Мистриссъ Пайперъ живетъ на Подворьѣ (мужъ ея занимается столярнымъ ремесломъ), и уже между сосѣдями сдѣлалось давнымъ-давно извѣстно (и именно дни за два передъ тѣмъ, какъ Александръ-Джемсъ Пайперъ, умеръ на восемнадцать мѣсяцахъ и четырехъ дняхъ отъ роду; впрочемъ, никто и не ждалъ, что онъ будетъ долголѣченъ: во время прорѣзанія зубовъ этотъ младенецъ, джентльмены, перенесъ страшныя страданія!)... такъ вотъ, извольте видѣть, между сосѣдями давнымъ-давно распространились слухи, что подсудимый (мистриссъ Пайперъ непремѣнно хотѣла называть покойника подсудимымъ) продалъ себя дьяволу. Вѣроятно, угрюмая наружность подсудимаго

послужила главнымъ поводомъ къ распространенію подобной молвы. Мистриссъ Пайперъ часто видала подсудимаго и находила, что видъ его былъ дѣйствительно свирѣпый, и, чтобъ не пугать дѣтей, ему бы не слѣдовало позволять показываться между ними (а если сомнѣваются въ ея показаніяхъ, то не угодно ли спросить у мистриссъ Перкинсъ: она тоже здѣсь и во всякое время готова доказать, что дѣласть честь ея супругу, самой себѣ и своему семейству). Она видѣла, какъ дѣти сердили подсудимаго и выводили его изъ терпѣнія (вѣдь дѣти всегда остаются дѣтьми — нельзя же требовать, чтобъ при ихъ живомъ, рѣзвомъ характерѣ они были такими же солидными людьми, какими и вы, джентльмены, никогда не бывали). По поводу всего этого и по поводу его мрачнаго вида, ей часто снилось во снѣ, будто бы онъ вынималъ мотыгу изъ кармана и разсѣкалъ голову маленькому Джонни (а этотъ ребенокъ не зналъ что такое страхъ и безпрестанно бѣгалъ за нимъ такъ близко, что чуть-чуть не наступалъ на пятки). Впрочемъ, она никогда не видѣла, чтобы подсудимый и въ самомъ дѣлѣ употреблялъ мотыгу или какоенибудь другое орудіе. Она видѣла, какъ онъ бѣгалъ отъ дѣтей, какъ будто не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго расположенія; она не замѣчала, чтобы покойникъ когданибудь разговаривалъ не только съ ребятами, но и взрослыми людьми (исключая, впрочемъ, мальчишки, который подмечаетъ весь переулочекъ до самого угла; и еслибъ этотъ мальчишка былъ здѣсь, онъ непременно бы сказалъ вамъ, что подсудимый часто съ нимъ разговаривалъ).

«Здѣсь ли этотъ мальчикъ?» вопрошаетъ судья. «Его здѣсь нѣтъ», отвѣчаетъ староста. «Привести его сюда!» говоритъ судья. Во время отсутствія дѣятельнаго и умнаго старосты судья разговариваетъ съ мистеромъ Толкинхорномъ.

— Ага! вотъ, джентльмены, и мальчикъ на лицо.

Дѣйствительно, мальчикъ на лицо, весьма грязный, весьма оборваный и съ весьма хриплымъ голосомъ. Ну, мой милый! Впрочемъ, остановитесь на минуту. Предосторожность всегда не лишнее. Мальчику надо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ вопросовъ.

Зовутъ этого мальчика Джо. О своемъ имени онъ ничего больше не знаетъ. Ему вовсе неизвѣстно, что каждый человекъ имѣетъ по крайней мѣрѣ два имени. Онъ ничего подобнаго не слышалъ. Для него имя Джо лучше всякаго длиннаго названія. Джо полагаетъ, что и это имя слишкомъ длинно для него. Онъ не считаетъ себя виновнымъ въ этомъ. Можетъ ли онъ написать его? Нѣтъ. Онъ не умѣетъ писать. У него нѣтъ ни отца, ни матери, ни друзей. Въ школѣ не бывалъ. Родительскаго крова не знавалъ. Знаетъ, что

метла есть метла, и знаетъ, что лгать — грѣшно. Не помнитъ, кто ему сообщилъ понятіе о метлѣ и о лжи, но знаетъ то и другое. Не можетъ съ точностію сказать, что будетъ ему послѣ смерти, если скажетъ ложь джентльменамъ, но увѣренъ, что ему сдѣлаютъ что нибудь не хорошее, что его накажутъ за это, и накажутъ по-дѣломъ, а повтому онъ будетъ говорить истину.

— Все это ни къ чему не ведетъ, джентльмены; это не идетъ къ нашему дѣлу! замѣчаетъ судья, печально покачавъ головой.

— Какъ вы думаете, сэръ, можно ли принять это за показаніе? спрашиваетъ одинъ изъ внимательныхъ присяжныхъ.

— Помилуйте, зачѣмъ? это, я вамъ говорю, не идетъ къ дѣлу! замѣчаетъ судья. Вѣдь вы слышали мальчика? слышали, какъ онъ сказалъ: «я не могу съ точностію сказать вамъ», а, согласитесь сами, это ни къ чему не ведетъ. Намъ нельзя слушать вздоръ передъ лицомъ правосудія. Это было бы ужасное злоупотребленіе. Отведите мальчика прочь.

Мальчика отводятъ прочь, къ величайшему назиданію постороннихъ лицъ, особливо маленькаго Свильза, комическаго пѣвца.

Ну, что же теперь дѣлать. Нѣтъ ли еще свидѣтелей? Но другихъ свидѣтелей не является.

Очень хорошо, джентльмены! По произведенному слѣдствію оказывается, что неизвѣстный человѣкъ, сдѣлавшій, въ теченіе полутора года, привычку принимать опиумъ большими дозами, найденъ мертвымъ отъ излишняго приѣма. Если вы имѣете причины думать, что онъ учинилъ самоубійство, вы можете сдѣлать это заключеніе. Если же вы приписываете смерть этого человѣка несчастному случаю, то согласно съ этимъ мнѣніемъ будетъ сдѣланъ приговоръ.

Приговоръ дѣлается согласно съ этимъ мнѣніемъ. Смерть неизвѣстнаго человѣка приписывается несчастному случаю. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Джентльмены, засѣданіе кончилось. Прощайте!

Слѣдственный судья застегиваетъ свой длиннополый сюртукъ и съ мистеромъ Толкинхорномъ даетъ въ углу частную аудіенцію невпринятому свидѣтелю.

Это несчастное, отталкивающее отъ себя созданіе только и знаетъ, что сосѣданіе ребятишки часто съ крикомъ и бранью гонались за покойнымъ, котораго онъ узналъ по желтому лицу и чернымъ волосамъ; что однажды, въ холодную зимнюю ночь, когда онъ, то есть мальчикъ, дрожалъ отъ стужи на своемъ перекресткѣ, покойный, пройдя мимо, оглянувшись назадъ, потомъ вернулся къ нему, сдѣлавъ мальчику нѣсколько вопросовъ и, увидѣвъ, что у него

въ цѣломъ мірѣ не было друга, сказалъ : «у меня тоже нѣтъ друзей, — нѣтъ ни души!» и подаль ему денегъ на ужинъ и ночлегъ. Съ тѣхъ поръ этотъ человѣкъ часто разговаривалъ съ нимъ, часто спрашивалъ, каково онъ спалъ въ прошедшую ночь, какъ онъ переноситъ холодъ и голодъ, не желаетъ ли онъ скорѣе умереть, и тому подобные странные вопросы; что когда у этого человѣка не было денегъ, то, проходя мимо мальчика, онъ обыкновенно говорилъ : «сегодня, Джо, я такъ же бѣденъ, какъ и ты!»; при деньгахъ же онъ всегда былъ радъ подѣлиться съ нимъ (чему несчастный мальчикъ вѣрилъ отъ чистаго сердца).

— Онъ былъ очень добрѣ до меня, говоритъ мальчикъ, отирая глаза локотьями своего рукава. — Я бы желалъ, чтобъ въ эту минуту онъ услышалъ меня. Онъ былъ очень добрѣ до меня, очень, очень добрѣ.

Въ то время, какъ мальчикъ боязливо спускался съ лѣстницы, мистеръ Снагзби, дожидавшійся внизу, всовываетъ ему въ руку полкроны. «Если увидишь меня, когда я, съ своей хозяйшкой, то есть съ женой моей, буду проходить мимо твоего перекрестка, говоритъ мистеръ Снагзби, приложивъ указательный палецъ къ кончику носа, то, смотри, объ этомъ ни гу-гу!»

Присяжные на нѣсколько минутъ остаются въ гостинницѣ Солнца въ дружеской бесѣдѣ. Спусти немного, шестеро изъ нихъ окружаются облаками табачнаго дыму, который неосходно господствуетъ въ помянутой гостинницѣ; двое отправляются въ Гамстегъ, а остальные четверо соглашаются идти вечеромъ за полцѣны въ театръ и заключить дневныя занятія устрицами. Маленькаго Свилъза подчуютъ со всѣхъ сторонъ, — спрашиваютъ его мѣтивъ насчетъ утренняго засѣданія, и онъ выражаетъ его двусмысленными словами (его любимый способъ объясняться). Содержатель гостинницы, сдѣлавъ открытіе, что маленькій Свилъзъ пользуется необыкновенной популярностью, въ изысканныхъ выраженіяхъ рекомендуетъ его присяжнымъ и всему собранію, и при этомъ замѣчаетъ, что въ характеристическихъ аріяхъ онъ неподражаемъ, и что гардероба его для драматическихъ лицъ не сvezти на двухъ тѣлахъ.

Такимъ образомъ гостинница Солнца постепенно покрывается тѣнотою ночи и наконецъ ярко освѣщается газовыми лучами. Часъ гармоническаго митинга наступаетъ. Джентльменъ, знаменитый по своей профессіи, занимаетъ почетное кресло; обращается лицомъ (краснолицымъ) къ крошечному Свилъзу; друзья окружаютъ его и поддерживаютъ первоклассный талантъ. Въ самомъ разгарѣ вечера, крошечный Свилъзъ обращается къ собранію цѣнителей та-

ланта съ слѣдующею рѣчью: «Джентльмены, если позволите, я попробую представить вамъ сцену изъ дѣйствительной жизни, — сцену, которой я былъ свидѣтелемъ не далѣе, какъ сегодня.» Громкія рукоплесканія сопровождаютъ рѣчь и весьма ободряютъ крошечнаго Свильза. Онъ выходитъ изъ комнаты Свильзомъ, а возвращается слѣдственнымъ судьей (не имѣющимъ ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительнымъ судьей), описываетъ слѣдствіе, съ аккомпаниментомъ фортепьяно, для разнообразія и съ припѣвомъ (слѣдственнаго судьи) *типпи-дол-ли-долъ, типпи-дол-ло-долъ, типпи-ди!*

Дребезжащее фортепьяно замолкаетъ наконецъ и гармоническіе друзья собираются вокругъ своихъ подушекъ. Одинокаго покойника, помѣщеннаго теперь въ его послѣднееземное обиталище, окружаютъ торжественный покой и безмолвіе. Въ теченіе немногихъ часовъ безмятежной ночи на него взираютъ только два огромные глаза, прорѣзанные въ ставняхъ. Еслибъ мать этого одинокаго, заброшеннаго человѣка, къ груди которой онъ, будучи младенцемъ, ластился, поднималъ глаза на ея лицо, озаренное чувствомъ материнской любви, и не зная какимъ образомъ нѣжной рученкой обнять шею, къ которой карабкался, если бы мать этого отшедшаго человѣка могла прозрѣть въ будущее, — о, до какой степени это зрѣлище показалось бы ей невѣроятнымъ! О, если въ болѣе свѣтлые дни отлѣтѣвшей жизни въ душѣ этого человѣка пылалъ огонь къ любимой женщинѣ, навсегда потухшій теперь, то гдѣ же она въ эти минуты, когда бранные останки любимаго ею существа не преданы еще землѣ!

Хотя ночь и наступила, но въ домѣ мистера Снагзби нѣтъ покоя; тамъ Густеръ убиваетъ сонъ, переходя, какъ выражается самъ мистеръ Снагзби — не придавая этому слишкомъ важнаго значенія — отъ одного припадка къ двадцати. Причина этихъ припадковъ состоитъ въ томъ, что Густеръ имѣетъ отъ природы нѣжное сердце, и что-то пылкое, весьма вѣроятно, пылкое воображеніе, которое, быть можетъ, развилось бы въ ней, еслибъ постоянный страхъ возвратиться въ благотворительное заведеніе не служилъ препятствіемъ къ этому развитію. Какъ бы то ни было, но только рассказъ мистера Снагзби, за чаемъ, о судебномъ слѣдствіи, при которомъ онъ лично присутствовалъ, до такой степени подѣйствовалъ на чувствительную Густеръ, что за ужиномъ она спустилась въ кухню, предшествуемая кускомъ голландскаго сыра, и упала въ обморокъ необыкновенно продолжительный; отъ этого припадка она оправилась только затѣмъ, чтобы упасть въ другой, въ третій и такъ далѣе, въ цѣлый рядъ припадковъ, отдѣляемыхъ одинъ отъ другаго небольшими промежутками, которые она употребляла на убѣди-

тельные просьбы къ мистриссъ Снагзби не прогонять ее, «когда она очнется», и упрасивала всѣхъ вообще въ домѣ мистера Снагзби положить ее на каменный полъ и отправляться спать. Не смыкая глазъ въ теченіе ночи и услышавъ наконецъ, что пѣтухъ на ближайшемъ птичномъ дворѣ начинаетъ, приходитъ въ искренній восторгъ по случаю наступавшаго разсвѣта, мистеръ Снагзби, этотъ терпѣливѣйшій изъ людей, вдохнувъ въ себя длинный глотокъ воздуха, говорить : «наконецъ-то, любезный мой! а я ужь думалъ, не умеръ ли ты.»

Какой вопросъ разрѣшаетъ эта восторженная птица, распѣвая во все горло, или зачѣмъ она должна пѣть такимъ образомъ при наступленіи утренняго свѣта, — обстоятельство, которое ни полъ какимъ видомъ не можетъ быть важнымъ для нея, мы не беремса объяснить : это ея дѣло (люди — дѣло другое : они кричатъ громко, при различныхъ торжественныхъ случаяхъ). Достаточно сказать, что вмѣстѣ съ крикомъ пѣтуха, наступаетъ разсвѣтъ, за разсвѣтомъ — утро, за утромъ — полдень.

Дѣятельный и умный приходскій староста, имя котораго появилось въ утренней газетѣ, приходитъ съ отрядомъ бѣдняковъ въ домъ мистера Крука и уноситъ тѣло нашего отшедшаго любезнаго собрата на тѣсное, чумное грязное кладбище, откуда заразительныя болѣзни часто сообщаются тѣламъ нашихъ собратій и сестеръ, еще не отшедшихъ изъ этого міра. Они разрываютъ клочокъ смердающей земли, отъ которой турокъ отвернулся бы съ презрѣніемъ и затрепеталъ бы кафръ, и опускаютъ туда нашего любезнаго собрата, исполняя обрядъ христіанскаго погребенія.

Тамъ, гдѣ дома окружили небольшое пространство земли плотной стѣной, прерываемой въ одномъ только мѣстѣ отверстіемъ, служащимъ входомъ, — тамъ, гдѣ всѣ пороки жизни дѣйствуютъ прямо на смерть, и гдѣ всякое заразительное дыханіе смерти, всѣ элементы тлѣнія дѣйствуютъ прямо на жизнь, — тамъ предаютъ землѣ нашего любезнаго собрата, тамъ обрекаютъ его тлѣнію.

Наступи скорѣе, ночь, наступи, непроницаемая темнота! впрочемъ, вы не можете явиться слишкомъ скоро или оставаться слишкомъ долго подлѣ такого мѣста! Явитесь скорѣе, блуждающіе огоньки, въ окнахъ этихъ безобразныхъ домовъ, и вы, которые совершаете пороки внутри этихъ домовъ, совершайте ихъ по крайней мѣрѣ опустивъ занавѣсъ на эту страшную сцену! Покажись скорѣе, газовое пламя, такъ угрюмо пылающее надъ желѣзными воротами, на которыхъ ядовитый воздухъ ложится какими-то скользкими слоями! О, какъ бы хорошо было, еслибъ эти слои говорили каждому прохожему : «Взгляни сюда!»

Съ наступленіемъ ночи , сквозь арку воротъ проходитъ изогнутая фигура и приближается къ желѣзной оградѣ. Руками она придерживается за ворота, посматриваетъ сквозь рѣшетку и въ этомъ положеніи остается на нѣкоторое время.

Послѣ этого фигура слегка обметаетъ ступеньки, ведущія на кладбище, очищаетъ проѣздъ подъ воротами. Она исполняетъ все это дѣятельно и аккуратно , потомъ снова смотритъ за рѣшетку и уходитъ.

— Джо ! ты ли это ? Да, ты !

Хотя и отверженный свидѣтель, который «не умѣетъ сказать», что будетъ сдѣлано предмету его попеченій руками болѣе сильными, чѣмъ людскія руки, ты еще не совсѣмъ обрѣтаешься во тмѣ. Въ твоихъ невязанныхъ словахъ : «онъ былъ добръ до меня, очень добръ !», является отдаленный и радостный лучъ свѣта !

СТИХОТВОРЕНІЯ

•

Θ. ТЮТЧЕВА

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

=

1854

Современникъ 1854 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ

С. ТЮТЧЕВА.

I.

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

II.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палить отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу какъ зеркало стальное
Сниѣютъ озера струи,
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь спѣшатъ ручьи.

И между тѣмъ какъ, полусонный,
Нашъ дольний мѣръ, лишенный силъ,
Проникнуть нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ, —

Горѣ, какъ божества родныя
Надъ усыпленной землей,
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

III.

ПОЛДЕНЬ.

Лѣниво дышетъ полдень мгlistый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфѣ спокойно дремлетъ.

IV.

Песокъ сыпучій по колѣни....
Мы ѣдемъ поздно; меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Черный и чаще боръ глубокий....
Какія грустныя мѣста!...
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

V.

ВЕСЕННЯЯ ВОДА.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ....

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

VI.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть....
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь —
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

VII.

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою

И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещеть
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжить и плещеть,
И, на солнцѣ вѣжась, блещеть,
И смѣется надъ тобой.

VIII.

ВЕСНА.

Какъ ни гнететь рука судьбины,
Какъ ни томить людей обманъ,
Какъ ни браздить чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ,
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены —
Что устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны!

Весна — она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,
И ни морщины на челѣ....
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ,
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

Цвѣтами сыплетъ надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна:
Была ль другая передъ нею —
О томъ не вѣдаетъ она.
По небу много облакъ бродить,
Но эти облака ея:
Она ни слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ вѣсенъ бытія.

Не о быломъ вздыхаютъ розы
И соловей въ ночи поеть ;
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора леть....
И страхъ кончины неизбежной
Не свѣтъ съ древа на листа....
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,
Приди жь, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластной,
Въ сей животворный океанъ !
Приди — струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастень будь !

IX.

Давно ль, давно ль, о югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ Эдемъ ты растворенный
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу ?
Давно ль — хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ недаромъ полнъ, —
Я тамъ заслушивался пѣнья
Великихъ, средиземныхъ волнъ !

И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ родного лона
Киприда свѣтлая всплыла....
Онѣ всѣ тѣ же и понынѣ,
Все также блещутъ и звучатъ —
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я, я съ вами распростился....
Я вновь на сѣверъ увлеченъ ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.

Здѣсь воздухъ колесть : свѣтъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ , —
И холодъ, чародѣй всесильный ,
Одинъ господствуетъ вполнѣ .

Но тамъ, за этимъ царствомъ выюги,
Тамъ-тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
Еще я вижу васъ вдали :
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходить до души моей.

X.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами ;
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьютъ о берегъ свой.

То гласъ ея : онъ нудитъ насъ и просить,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ....
Приливъ растеть и быстро насъ унеситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волянь.

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

XI.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ. Мы были двое,
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ, бѣлѣя,
Руина замка вдаль глядитъ,

Стогла ты, младая Фей,
На ишистый опернишь гранитъ.

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груди вѣковой ;
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

И вечеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла....
Край неба дымно гасъ въ лучахъ ;
День догоралъ; звучнѣ пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты съ веселостью безпечной
Счастливымъ провожала день....
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

XII.

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ :
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листь и цвѣтъ на деревѣ :
Иль ихъ садовникъ приклеилъ ?
Иль зрѣеть плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою вишнихъ, чуждыхъ силъ ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мѣрѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца знатъ не дышатъ
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,

При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была,

И, языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними,
Въ бесѣдѣ дружеской, гроза.

Не ихъ вина : пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой !
Увы ! души въ немъ не встревожить
И голосъ матери самой !

XIII.

Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный
Твой взоръ, твой страстный взоръ изнемогалъ на немъ :
Безсмысленно-нѣма, нѣма какъ опаленный
Небесной молніи огнемъ !
Вдругъ, отъ избытка чувствъ, отъ полноты сердечной,
Вся трепеть, вся въ слезахъ, ты повергалась ницъ ;
Но скоро добрый сонъ, младенчески-безпечный,
Сходилъ на шолкъ твоихъ рѣсницъ.
И на руки къ нему глава твоя склонялась,
И матери нѣжнѣй тебя лелѣялъ онъ....
Стонъ замиралъ въ устахъ, дыханье уравнилось,
И тихъ и сладокъ былъ твой сонъ.
А днесь.... О, если бы тогда тебѣ приснилось,
Что будущностьъ для насъ обоихъ берегла....
Какъ, уязвленная, ты бъ съ воплемъ пробудилась
Иль въ сонъ иной бы перешла.

XIV.

И гробъ опущенъ ужъ въ могилу,
И все столпилось вокругъ.
Толкутся, дышать черезъ силу....
Спираетъ грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ,

Ученый пастырь сановитый
Рѣчь погребальную гласитъ:

Вѣщаетъ брѣнность человѣчью,
Грѣхопаденье, кровь Христа, —
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята.

А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой.

XV.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВИЛЛА.

И распростяся съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью, — тѣнью елисейской,
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ тому ужъ вѣка два или болѣ
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдолѣ,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно :
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полу-сонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

По прежнему фонтанъ въ углу лепечеть,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечеть....
И спать она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли : все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно !
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось : судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепеть
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ.

Что это, другъ ! или злая жизнь недаромъ, —
Та жизнь — увы ! — что въ насъ тогда текла, —
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла ?

XVI.

SILENTIUM.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои !
Пусть въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ
Какъ звѣзды ясныя въ ночи :
Любуйся ими и молчи.

Какъ сердцу высказать себя ?
Другому какъ понять тебя ?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь ?
Мысль изрѣченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи :
Питайся ими и молчи !

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй !
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣплять лучи :
Внимай ихъ пѣнью и молчи.

XVII.

Какъ птичка раннею зарей,
Міръ, пробудившись, встрепенулся....
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся !

Хоть свѣжестъ утрення вѣть
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣтъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ !

О, какъ пронзительны и дикы,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня !
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза !
Ночь, ночь ! о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса !...

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пѣній
Неправый праведенъ упрекъ !
Какъ грустно полу-сонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести !

XVIII.

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгараеть,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираеть :

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ....

О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и погасъ !

ХІХ.

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голось стрекозы.

Чу! за бѣлой, душею тучей
Прокатился глухо громъ;
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ....

Жизни нѣкій преизбытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлитъ,
Какъ божественный напитокъ
Въ жилахъ млѣеть и горитъ!

Дѣва, дѣва, что волнуешь
Дымку персей молодыхъ?
Что мутится, что тоскуешь
Влажный блескъ очей твоихъ?

Что, блѣднѣя, замираешь
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?
Что такъ грудь твою спираешь
И уста твои палитъ?

Сквозь рѣсницы шелковыя
Проступили двѣ слезы....
Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы?...

ХХ.

Душа моя — элизіумъ тѣней, —
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ години буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Межь вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,
И сей безчувственной толпою,
Душа моя — элизіумъ тѣней!
Что общаго межъ жизнью и тобою?

XXI.

Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля.
Вокругъ меня все было такъ уныло;
Безцвѣтный грунтъ небесъ, песчаная земля, —
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнилъ о быломъ печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ея, простертыя въ пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная рѣка,
И на тебя, прибрежная дуброва,
Вы — мыслилъ я — пришли издалика,
Вы — сверстники сего былова!

Такъ вамъ однѣмъ лишь удалось
Дойти до насъ съ береговъ другого свѣта:
О, еслибъ про него хоть на одинъ вопросъ
Могъ допроситься я отвѣта!...

Но твой, природа, міръ о дняхъ бывшихъ молчить
Съ улыбкою двусмысленной и тайной:
Такъ отрокъ, чаръ ночныхъ свидѣтель бывъ случайной,
Про нихъ и днемъ молчаніе хранить.

XXII.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумной!
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ
И ноешь и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимой !
Какъ жадно мѣръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой !
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться....
О, бурь заснувшихъ не буди :
Подъ ними хаосъ шевелится !...

XXIII.

Душа хотѣла бъ быть звѣздой, —
Но не тогда, какъ съ неба полночи
Сія свѣтила, какъ живыя очи,
Глядятъ на сонный мѣръ земной, —

Но днемъ, когда сокрытыя какъ дымомъ
Палящихъ, солнечныхъ лучей,
Они какъ божества горятъ свѣтлѣй
Въ зѣврѣ чистомъ и незримомъ.

XXIV.

Такъ здѣсь-то суждено намъ было
Сказать послѣднее прости,
Прости всему, чѣмъ сердце жило,
Что жизнь убивъ, ее испепелило
Въ твоей измученной груди !

Прости.... чрезъ много, много лѣтъ
Ты будешь помнить съ содроганьемъ
Сей край, сей берегъ съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ,
Гдѣ позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ
Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ.

Генуя.

XXV.

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами лица блистала,

И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала;

И доносилися порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ славилось строй, —
Строй звучный, шумный и невнятной.

Весенней нѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье.
Не знаю, дологъ ли былъ сонъ, —
Но странно было пробужденье.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ
И воцарилось молчанье;
Ходили тѣни по стѣнамъ,
И полусонное мерцанье;

Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,
И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило;

И мнѣ казалось, что меня
Какой-то міротворный гений
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

XXVI.

ЦИЦЕРОНЪ.

Ораторъ римскій говорилъ,
Средь бурь гражданскихъ и тревоги:
«Я поздно всталъ и на дорогѣ
Застигнуть ночью Рима былъ!»
Такъ: но, прощаясь съ римской славой,
Съ capitoлийской высоты
Во всемъ величьи видѣлъ ты
Закатъ звѣзды его кровавой!...
Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:

Его призвали Всеславія,
Какъ собесѣдника на пирь;
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
И заживо, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

XXVII.

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣтъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучемъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной —
И снова пылью огневѣтной
Низпасть на землю осужденъ.

О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремить, тебя мятеть?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты....

XXVIII.

ДВУМЪ СЕСТРАМЪ.

Объихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ,
И всю тебя узналъ я въ ней:
Та жь тихость взора, нѣжность гласа,
Та жь прелесть утренняго часа,
Что вѣяла съ главы твоей!
И все, какъ въ зеркалѣ волшебномъ,
Все обозначилось вновь:
Минувшихъ дней печаль и радость,

Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

XXIX.

Востокъ бѣлѣлъ.... ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинутое небо
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало,
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало....

Востокъ вспыхнулъ.... она склонилась,
Блестящая поникла въя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневья....

XXX.

Потокъ сгустился и тускнѣеть
И прячется подъ твердымъ льдомъ,
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмнѣеть
Въ оцѣпенѣнны ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всеисильный хладъ не можетъ :
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожить.

Такъ и въ груди осиротѣлой,
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропоть,
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шопоть.

XXXI.

Яркій снѣгъ сіялъ въ долині:
Снѣгъ разстаялъ и ушелъ;
Вешній злакъ блеститъ въ равнинѣ, —
Злакъ увянетъ и уйдетъ.

А который вѣкъ бѣлѣтъ
Тамъ, на высахъ снѣговыхъ?
А заря и нынѣ сѣтъ
Розы свѣжія на нихъ!...

XXXII.

Тамъ, гдѣ горы, убѣгая,
Въ свѣтлой таятся дали,
Пресловутаго Дуная
Льются вѣчныя струи.

Тамъ-то, молвятъ, въ старыя годы,
По лазуревымъ ночамъ
Фей вилися хороводы
Подъ водой и по водамъ.

Мѣсяць слушалъ, волны пѣли
И, навѣсясь съ горъ крутыхъ,
Замки рыцарей глядѣли
Съ сладкимъ ужасомъ на нихъ.

И лучами неземными,
Заключенъ и одинокъ,
Перемигивался съ ними
Съ древней башни огонекъ.

Звѣзды въ небѣ имъ внимали,
Проходя за строемъ строй,
И бесѣду продолжали
Тихомолкомъ межъ собой.

Въ панцырь дѣдовскій закованъ,
Вовня — сторожъ на стѣнѣ —
Слышалъ, тайно очарованъ,
Дальній гулъ, какъ бы во снѣ.

Чуть дремотой забывался,
Гулъ яснѣлъ и грохоталъ...
Онъ съ молитвой просыпался
И дозоръ свой продолжалъ.

Все прошло, все взяли годы,
Поддался и ты судьбѣ,
О, Дунай, в пароходы
Нынѣче рышуть по тебѣ.

XXXIII.

Надъ виноградными холмами
Плывутъ золотыя облака,
Внизу зелеными волнами
Шумить померкшая рѣка;
Взоръ постепенно изъ долины,
Подъемаясь, всходитъ къ высотамъ
И видитъ на краю вершины
Круглообразный, свѣтлый храмъ.
Тамъ въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда, взлетая, звукъ нѣмѣетъ, —
Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.

Ротенбургъ.

XXXIV.

Смотри, какъ западъ разгорѣлся
Вечернимъ заревомъ лучей,
Востокъ, померкнувшій, одѣлся
Холодной, сизой чешуей!

Въ враждѣ ль они между собою?
Иль солнце не одно для нихъ
И, неподвижною средою
Дѣла, не сдѣиваетъ ихъ?

XXXV.

АРФА СКАЛЬДА.

О, арфа Скальда, долго ты спала
Въ тѣни, въ тиши забытаго угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свѣтъ блеснулъ въ твоёмъ углу,
Вдругъ чудный звонъ затрепеталъ въ струнѣ,
Какъ бредъ души, встревоженной во снѣ.

Какой онъ жизнью на тебя дохнулъ?
Иль старину тебѣ онъ вспомнулъ,
Какъ по ночамъ здѣсь сладострастныхъ дѣвъ,
Давно минувшій вторился напѣвъ,
Иль въ снѣхъ цвѣтущихъ и подвесь садахъ
Ихъ легкихъ ногъ скользятъ незримый шагъ?

XXXVI.

ЛЕБЕДЬ.

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полеть
И неподвижными очами
Въ себя впиваетъ солнца свѣтъ.

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О, лебедь чистый, твоего!
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.

Она между двойною бездною
Лелѣетъ твой всеарящій сонъ,
И полной славой тверди звѣздной
Ты отовсюду окруженъ.

XXXVII.

ДЕНЬ и НОЧЬ.

На мiръ таинственный духовъ
Надъ этой бездной безъимянной
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ —
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла и, съ мiра рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

XXXVIII.

НЕ ВѢРЬ, НЕ ВѢРЬ ПОЭТУ!

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшися поэтовой любви.

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палачаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ, какъ стихiя, —
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодыя
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поносить или хвалить,
Поэта — суетный народъ :
Онъ не змѣю сердце жалить,
Но какъ пчела его сосеть.

Твоей святыни не нарушить,
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ жизнь задушить
Иль увесеть за облака.

XXXIX.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ бы рѣзвися и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ,

Гремятъ раскаты молодые ,
Вотъ дождякъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный, —
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтренная Геба,
Кормя зевесою орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

XI.

СОНЪ НА МОРѢ.

И море и буря качали нашъ челнъ ;
Я, сонный, былъ предавъ всей прихоти волнъ.

И двѣ безпредѣльности были во мнѣ —
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы
И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ....
Болѣзненно-яркій, волшебномнѣмой,
Онѣ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
Въ лугахъ огневицы развилъ онѣ свой миръ,
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ....
Сады, лабиринты, чертоги, столпы....
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ :
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ, —
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И миръ подо мною недвижно сіялъ....
Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

ХЛІ.

ВИДѢНІЕ.

Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья,
И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ !

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ....
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу ;
Лишь музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ !

ХЛІІ.

Вечеръ мгlistый и ненѣстный...
Чу, не жаворонка ль гласъ ?
Ты ли, утра гость прекрасный
Въ этотъ поздній, мертвый часъ,

Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный,
Въ этотъ мертвый поздній часъ?
Какъ безумья смѣхъ ужасный,
Онъ всю душу мнѣ потрясъ!

XLIII.

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста печальныя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые,
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О, бѣднѣйшій призракъ немощный и смутный
Забытаго, загадочнаго счастья!...
О, какъ теперь безъ вѣры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меньшей, умершій въ пеленахъ!

Ахъ, нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей роднымъ краемъ, —
Не здѣсь разцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ.

XLIV.

12 НОЯБРЯ 1844 ГОДА.

Глядѣлъ я, стоя надъ Невой,
Какъ Исаака великана,
Во мглѣ морознаго тумана,
Свѣтился куполъ золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее ночное,
Бѣлѣла въ мертвенномъ покоѣ
Оледенѣлая рѣка.

Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣеть,
Теперь на солнцѣ пламенѣтъ
Роскошный Генуи заливъ....

О, сѣверъ, сѣверъ-чародѣй!
Иль я тобою околдованъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?

О, еслибъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый югъ.

XLV.

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющемъ море
За льдиной льдина въ слѣдъ плыветъ.

На солнцѣ ль радужно блистая,
Иль ночью въ поздней темнотѣ,
Но всё неизбѣжимо тая,
Онѣ плывутъ къ одной метѣ.

Всѣ вмѣстѣ малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,
Всѣ безразличны, какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой!...

О, нашей мысли обольщенье,
Ты — человѣческое я!
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

XLVI.

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой

И въ сумракъ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой, —
Твой милый образъ, незабвенный....
Онъ предо мной вездѣ, всегда,
Недостижимый, неизмѣнный,
Какъ ночью на небѣ звезда.

XLVII.

Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
Намъ все мерзить, и жизнь какъ камней гряда
Лежить на насъ, — вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнетъ,
Мивувшимъ насъ обвѣетъ и обниметъ
И страшный грузъ минутно приподыметъ.
Такъ иногда, осеннею порой,
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе долы, —
Вдругъ вѣтръ полуетъ, теплый и сырой,
Опавшій листъ погонитъ предъ собою
И душу намъ область какъ бы весною.

XLVIII.

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви,
Мелькнутъ твои молодые годы,
Живыя помертвѣють чувства,
Мечты развѣются твои.

И жизнь твоя пройдетъ незрима
Въ краю безлюдномъ, безымянномъ,
На незамѣченной землѣ, —
Какъ исчезаетъ облакъ дыма,
На небѣ тускломъ и туманномъ,
Въ осенней безпредѣльной мглѣ....

XLIX.

Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышннѣ!
Какъ тѣнь внизу скользитъ неумовимо!

Вотъ наша жизнь — промолвила ты мнѣ —
Не свѣтлый дымъ, блестящій при лунѣ,
А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма !

L.

СЛЕЗЫ.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Летесь вы ранней и поздней порой, —
Летесь безвѣстныя, летесь незримыя,
Неустойчивыя, неисчислимыя, —
Летесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ноюй.

LI.

ПЛАВАНІЕ.

На равнинѣ водъ лазурной
Шли мы вѣрною стезей;
Огнedyшачій и бурный
Уносилъ насъ змѣй морской.

Съ неба звѣзды намъ свѣтили,
Снизу искрилась волна,
И мятежью влажной пыли
Обдавала насъ она.

Мы на палубѣ сидѣли....
Многихъ сонъ одолѣвалъ....
Все звучный колеса пѣли,
Разгребая шумный валъ....

Пріутихъ нашъ кругъ веселый,
Женскій говоръ, женскій шумъ....
Подпираетъ локоть бѣлый
Много милыхъ, сонныхъ думъ.

Сны играютъ на просторѣ
Подъ магической луной,

И баюкаетъ ихъ море
Тихо-струйною волной.

ЛII.

ВЕНЕЦІЯ.

Дождь Венеціи свободный
Средь лазоревыхъ зыбей,
Какъ женихъ порфирородный,
Достопавно, всенародно
Обручался ежегодно
Съ Адриатикой своей.

И недаромъ въ эти воды
Онъ кольцо свое бросалъ :
Вѣки цѣлые, не годы,
Дивовалися народы....
Чудный перстень воеводы
Ихъ вязалъ и чаровалъ.

И чета въ любви и мирѣ
Много славы нажила.
Вѣка три или четыре,
Все могучѣе и шире,
Разрасталась въ цѣломъ мирѣ
Тѣнь отъ львиного крыла.

А теперь въ волнахъ забвенія
Сколько брошенныхъ колець !
Миновались поколѣнья —
Эти кольца обрученія,
Эти кольца стали звенія
Тяжкой цѣпи наконецъ !

ЛIII.

РИМЪ ПОЧЬЮ.

Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ.
Взошла луна и овладѣла имъ

И сиящій градъ, безлюдно величавый,
Наполнила своей безмолвной славой.
Какъ сладко дремлетъ Римъ въ ея лучахъ,
Какъ съ ней сроднился Рима вѣчный прахъ !
Какъ будто лунный мѣръ и градъ почившій
Все тотъ же мѣръ, волшебный, но отжившій.

LIV.

АВГУСТЪ 1850 ГОДА.

Подъ дыханьемъ непогоды,
Вздувшись, потемнѣли воды
И подернулись свинцомъ,
И сквозь глянецъ ихъ суровый
Вечеръ пасмурно-багровый
Свѣтитъ радужнымъ лучемъ.

Сыплеть искры золотыя,
Сѣть розы огневья
И уносить ихъ потокъ.
Надъ волной темно-лазурной
Вечеръ пламенный и бурной
Обрываетъ свой вѣнокъ....

LV.

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

Листъ зеленѣетъ молодой :
Смотри, какъ листьемъ молодымъ
Стоять обвѣяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полу-прозрачною какъ дымъ.

Давно имъ грезилось весной,
Весной и лѣтомъ золотымъ,
И вотъ живыя эти грезы,
Подъ первымъ небомъ голубымъ,
Пробились вдругъ на свѣтъ дневной.

О, первыхъ листьевъ красота,
Омытыхъ въ солнечныхъ лучахъ,
Съ новорожденною ихъ тѣнью!
И слышно намъ по ихъ движенью,
Что въ этихъ тысячахъ и тьмахъ
Не встрѣтишь мертваго листа.

LVI.

Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутить небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ —
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримую пятой
Лѣсные гнутся исполины;
Тревожно ронщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой, —
И сквозь внезапную тревогу,
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутятся, слетаетъ на дорогу....

LVII.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремящія зрѣютъ!...
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Ублѣенныя луной!

LVIII.

ГРОЗА ДОРОГОЙ.

Неохотно и несмѣло
Солнце смотреть на поля....
Чу! за тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порой....
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей,
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Изподлобья на поля, —
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля.

LIX.

ВЪ ЮЛѢ 1850 ГОДА.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной
Какъ бѣдный нищій мимо саду
Бредеть по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинь,

На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухъ повисъ.

Лазурный гротъ какъ изъ тумана
Напрасно взоръ его манить,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Какъ бѣдный нищій мимо саду
Бредеть по знойной мостовой.

LX.

Какъ ни дышетъ полдень знойный,
Въ растворенное окно,
Въ этой хранивъ спокойной,
Гдѣ все тихо и темно,

Гдѣ живыя благовонья
Бродятъ въ сумрачной тѣни,
Въ сладкій сумракъ полусонья
Погрузись и отдохни.

Здѣсь фонтанъ неутомимый
День и ночь поетъ въ углу
И кропитъ росой незримой
Очарованную мглу.

И, въ мерцаньи полу-свѣта,
Тайной страстью занята,
Здѣсь влюбленнаго поэта
Вѣетъ легкая мечта.

LXI.

Я очи зналъ, — о, эти очи!
Какъ я любилъ ихъ — знаетъ Богъ.
Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не могъ.

Въ непостижимомъ этомъ взорѣ,
Жизнь обнажающемъ до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Давшалъ отъ грустный, углубленный
Въ тѣни рѣсницъ ея густой,
Какъ наслаждение утомленный
И какъ страданье роковой.

И въ эти чудныя мгновенья
Ни разу мнѣ не довелось
Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья
И любоваться имъ безъ слезъ.

LXII.

Вновь твои я вижу очи —
И одинъ твой южный взглядъ
Киммерійской грустной ночи
Вдругъ развѣялъ сонный хладъ....
Воскресаетъ предо мною
Край иной, — родимый край,
Словно радѣдовъ виною
Для сыновъ погибшій рай.

Лавровъ стройныхъ колыбанье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтній зной.
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной былью вѣетъ
Изъ подъ мраморныхъ аркадъ.

Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной;
Снова жадными очами
Свѣтъ живительный я пью
И подѣ чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

LXIII.

Не говори : меня онъ какъ и прежде любить,
Какъ прежде мною дорожить....
О, вѣтъ! онъ жизнь мою безчеловѣчно губить,
Хоть, вижу, ножъ въ рукѣ его дрожить.

То въ гнѣвѣ, то въ слезахъ, тоскуя, негодуя,
Увлечена, въ душѣ уязвлена,
Я страдаю, не живу... имъ, имъ однимъ живу я;
Но эта жизнь! о, какъ горька она!

Онъ мѣритъ воздухъ мнѣ такъ бережно и скудно —
Не мѣрятъ такъ и лютому врагу....
Охъ, я дышу еще болѣзненно и трудно,
Могу дышать, но жить ужь не могу.

LXIV.

О, не тревожь меня укорой справедливой :
Повѣрь, изъ насъ изъ двухъ завиднѣй часть твоя :
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу съ досадою ревнивой.

И, жалкій чародѣй передъ волшебнымъ міромъ,
Мной созданнымъ самимъ, безъ вѣры я стою
И самого себя, краснѣя, сознаю
Живой души твоей безжизненными кумиромъ.

LXV.

Чему молилась ты съ любовью,
Что́ какъ святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей.

Ахъ, если бы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Ее спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской!

LXVI.

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣ губимъ,
Что́ сердцу нашему милѣй!

Давно ль, гордясь своей побѣдой,
Ты говорилъ : она моя. ..
Годъ не прошелъ, спроси и свѣдай,
Что́ уцѣлѣло отъ нея?

Куда ланить дѣвались розы,
Улыбка устъ и блескъ очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрѣчѣ,
При первой встрѣчѣ роковой,
Ея волшебный взоръ и рѣчи,
И смѣхъ младенчески живой?

И что́ жъ теперъ? и гдѣ все это
И долговѣченъ ли былъ сонъ?

Увы, какъ сѣверное лѣто
Былъ мимолетнымъ гостемъ онъ!

Судьбы ужаснымъ приговоромъ
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженнымъ позоромъ
На жизнь ея она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
Въ ея душевной глубинѣ
Ей оставались воспоминанья....
Но измѣнили и онѣ.

И на землѣ ей дико стало,
Очарованіе ушло...
Толпа, нахлынувъ, въ грязь втоптала
То, что въ душѣ ея цвѣло.

И что жь отъ долгаго мученья
Какъ пеплѣ сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль безъ отрады и безъ слезъ!

О, какъ убійственно мы любимъ!
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй.

LXVII.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй...
Сіяй, сіяй прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ бродитъ сіянье,
Помедли, помедли, вечерній день,
Продлись, продлись очарованье.

Пускай скудѣеть въ жилахъ кровь,
Но въ сердцаѣ не скудѣеть нѣжность....
О, ты, послѣдняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

LXVIII.

ПОЭЗІЯ.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
Небесная, — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

LXIX.

КОЛУМБЪ.

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло,
И довершившій наконецъ
Судебъ неконченное дѣло.
Ты завѣсу расторгъ всесильною рукой —
И новый міръ, невѣдомый, нежданннй,
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой.
Такъ связанъ, соединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.
Скажи завѣтное оное слово —
И міромъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственннй его.

LXX.

15 СЕНТЯБРЯ 1850 ГОДА.

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сѣтый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелестить.

Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило,
Какая прелесть въ немъ для насъ ;
Когда, что такъ цвѣло и жило ,
Теперь такъ немощно и хило ,
Въ послѣдній улыбнется разъ!...

LXXI.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНИЕ.

Любовь, любовь — гласить преданье —
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ соединенье, сочетанье,
И роковое ихъ слиянье,
И посиднокъ роковой.
И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердець,
Тѣмъ неизбежнѣй и вѣрнѣе
Любя, страдая, грустно мѣня,
Оно изноетъ наконецъ.

LXXII.

ГРАФИНЪ Р. 1850 ГОДА.

(Въ отвѣтъ на ея письмо.)

Какъ подъ сугробомъ свѣжнѣмъ лѣни,
Какъ околдованный зимой,
Какимъ-то своимъ усоншей тѣни
Я спалъ зарытый, но живой!

И вотъ я чую, надо мною,
Не на яву и не во снѣ,
Какъ бы повѣяло весною,
Какъ бы запѣло о веснѣ....

Знакомый голосъ, голосъ чудный,
То лирный звукъ, то женскій вздохъ....
Но я, лѣнивѣцъ безпробудный,
Я вдругъ откликнуться не могъ....

Я спалъ, въ оковахъ тяжелой лѣни,
Подъ осьми-мѣсячной зимой,
Какъ дремлютъ праведныя тѣни
Во мглѣ стигійской роковой;

Но этотъ сонъ полу-могильный,
Какъ надо мной ни тяготѣлъ,
Онъ самъ же, чародѣй всесильный,
Ко мнѣ на помощь подоспѣлъ.

Призани давней выраженья,
Ихъ для меня онъ уловилъ
И въ музыкальныя видѣнья
Знакомый голосъ воплотилъ....

Вотъ вижу я, какъ бы сквозь дымки,
Волшебный садъ, волшебный домъ....
И въ замкѣ феи-невидимки
Вдругъ очутились мы вдвоемъ, —

Вдвоемъ! и пѣснь ея звучала,
И отъ завѣтнаго крыльца
Гвала и буйнаго нахала,
Гвала и пошлаго льстеца.

LXXIII.

МОРЕ И УТЕСЪ 1848 ГОДА.

И бунтуеть и клокочетъ,
Плещеть, свищеть и реветъ,
И до звѣздъ допрыгнуть хочеть,
До незыблемыхъ высотъ!
Аль ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь геенскій разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

Волнъ неистовыхъ прибоемъ
Безпрерывно валъ морской
Съ ревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой!
Но, спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуяль,
Неподвижный, неизмѣнный,
Мірозданью современный,
Ты стоишь, нашъ великанъ.

И, озлобленная боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ воемъ
На гранитъ громадный твой.
Но о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ....

Стой же ты, утесъ могучій!
Обожди лишь часъ другой —

Надоѣсть волнѣ гремячей
Воевать съ твоей пятой!
Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣеть вновь она,
И безъ вою и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою,
Вновь уляжется волна.

LXIV.

НАПОЛЕОНЪ.

1.

Сынъ революціи! ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ.
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!...
Бой невозможный, трудъ напрасный!...
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!...

2.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ — орлы парили
Въ его груди — змѣи вились....
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орляный, дерзостный полетъ:
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему....
Онъ былъ земной, не божій пламень!
Онъ гордо пылѣлъ, презритель волнѣ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щелы разбился углый чельнѣ.

3.

И ты стоялъ, передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!!!...»
И не напрасно было заклинанье —

Судьба откликнулась на голосъ твой !
Но новою загадкою въ изгнаньи
Ты возразилъ на отзывъ роковой.
Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
На берегахъ рѣки, тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты наконецъ....
Но чутокъ сонъ, и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на востокъ,
И вдругъ, смутясь, бѣжишь, какъ бы почуя
Передразсвѣтный вѣтерокъ !

LXXV.

ПРОБѢЖАЯ ЧЕРЕЗЪ КОВНО.

(1853.)

Ты ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты сѹпостата къ ней впустилъ,
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли бывшее, Нѣманъ, —
Тотъ день години роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ, — могучій, южный демонъ, —
И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,
И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ нами,

И двигалъ всёмъ и все стерегъ
Очами чудвыми своими.

Лишь Одного онъ не видалъ :
Не видѣлъ онъ, востель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной
Стоялъ Другой — стоялъ и ждалъ....
И мимо проходила рать —
Все грозно-боевыя лица, —
И неизбежная Десница
Клала на нихъ свою печать.

Итакъ, побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число....
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.

LXXVI.

НАШЪ ВѢКЪ.

Москва, 30 июля 1853 года.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуеть ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуеть.

Безвѣриемъ палимъ и изсушень,
Невыносимое онъ днесь выносить !...
И сознаеть свою погибель онъ,
И жаждеть вѣры... но о ней не просить.

Не скажеть вѣкъ, съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
«Впусти меня! я вѣрю, Боже мой!
«Приди на помощь моему невѣрью!...»

LXXVII.

НА СМЕРТЬ ЖУКОВСКАГО.

Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасенъ —
Послѣдній разъ прощаясь съ тобой,
Я любовался имъ: в тихъ и ясенъ
И весь насквозь проникнуть теплотой....
О, какъ они и грѣли и сіяли
Твои, поэтъ, прощальные лучи....
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужь звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья....
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ омировы читалъ!
Цвѣтуція и радужныя были
Младенческихъ, первоначальныхъ лѣтъ!
А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

По истинѣ, какъ голубь чистъ и цѣлъ
Онъ духомъ былъ, хотъ мудрости змѣиной
Не презиралъ, понять ее умѣлъ, —
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтлѣлъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ....

И этотъ-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникшіи лиру,
Какъ лучшій плодъ, какъ лучшій полвнть свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ ли міръ, оцѣнитъ ли его?
Достойны ль мы священнаго залога?...
Иль не про насъ сказало Божество:
«Лишь сердцемъ чистымъ — тѣ узреть Бога!»

LXXVIII.

Конченъ пиръ, умолкли хоры ,
Опорбжнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты въ кубкахъ вины,
На главахъ вѣнки изматы, —
Лишь курились ароматы,
Въ опустѣвшей свѣтлой залѣ.
Кончивъ пиръ, мы поздно встали:
Звѣзды на небѣ сіяли ,
Ночь достигла половины....

Какъ надъ безпокойнымъ градомъ
Надъ дворцами, надъ домами
Шумнымъ уличнымъ движеньемъ
Съ тускло-рдянымъ освѣщеньемъ
И безумными толпами,
Какъ надъ этимъ дольнымъ чадомъ
Въ черномъ, выпренномъ предѣлѣ,
Звѣзды чистыя горѣли ,
Отвѣчая смертныхъ взглядамъ
Непорочными лучами !

LXXIX.

MOBILE COMME L'ONDE.

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Какъ, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна, —

Ты на солнце ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бьешься
Въ одичалой безднѣ водъ !

Сладокъ мнѣ твой тихій шопотъ,
Полный ласки и любви;

Вятенъ мнѣ и буйный ропоть,
Стоны вѣщія твои.

Будь вѣрна стихіи бурной —
То угрюма, то свѣтла;
Но въ ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, какъ даръ заветный,
Въ зыбь твою я опустилъ,
И не камень самоцвѣтный
Я въ тебѣ похоронилъ.

Нѣтъ, въ минуту роковую,
Тайной прелестью влекомъ,
Душу, душу я живую
Схоронилъ на днѣ твоемъ.

Апрѣля 1853 г.

LXXX.

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ.

Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей....

LXXXI.

14 ІЮЛЯ, ВЪ НОЧЬ.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,

И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницы все трепетало....

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею....

LXXXII.

Святая ночь на небосклонъ взопла
И день отраднѣй, день любезнѣй
Какъ золотой коверъ она свила, —
Коверъ, накинутый надъ бездною.
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ...
И человекъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ в голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездною темной....
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.

LXXXIII.

ИЗЪ ГѢТЕ.

Kennst du das Land?

Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растутъ,
Глубокъ и чистъ лазурный неба сводъ,
Цвѣтеть лимонъ и апельсинъ златой
Какъ жаръ горитъ подъ зеленью густой?...
Ты знаешь край?... туда, туда съ тобой
Хотѣла бъ я укрыться, милый мой!...

Ты знаешь высь съ стезей по крутизнамъ,
Лошакъ бредеть въ туманѣ, по скаламъ,

Въ ущельяхъ — горъ отроде, змѣй живеть,
Гремитъ обвалъ и водопадъ реветъ?...
Ты знаешь путь?... туда и намъ съ тобой
Слѣдъ проложенъ: уйдемъ, властитель мой!

Ты знаешь домъ, на мраморныхъ столбахъ,
Сіяетъ залъ и куполь весь въ лучахъ ;
Глядятъ кумиры молча и грустя :
«Что, что съ тобою, бѣдное дитя?...»
Ты знаешь домъ?... туда, туда съ тобой,
Уйдемъ скорѣй, уйдемъ, родитель мой !

LXXXIV.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Es lächelt der See.

Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга —
Отрокъ заснулъ, убаюканъ у берега.
Блаженные звуки
Онъ слышитъ во снѣ :
То ангеловъ лики
Поютъ въ вышинѣ.
И весь онъ отчулся отъ райскаго сна.
Его обнимая, ласкаетъ волна , —
И слышитъ онъ голосъ,
Какъ ропотъ струи:
«Приди, мой красавецъ,
Въ объятя мои!»

LXXXV.

ПОМИНКИ.

(Изъ Шиллера.)

Пала царственная Троя,
Сокрушенъ пріамовъ градъ,
И ахейне, устроивъ
Свой на родину возвратъ,
На судахъ своихъ сидѣли,
Вдоль эгейскихъ береговъ,

И пѣать квалѣбный пѣли,
Громко слава всѣхъ боговъ....
Раздавайся гласъ побѣдный!
Вы къ брегамъ родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
Въ путь возвратный, въ путь безвѣдный.

И сидѣла въ длинномъ строѣ
Грустно-блѣдная семья:
Жены, дѣвы надшей Трои,
Голося и слезы лья,
Въ горѣ общемъ и великомъ,
Плача о себѣ самихъ,
И съ побѣднымъ, буйнымъ кликомъ
Дико вопль сливался ихъ....
«Ждетъ насъ горькая неволя
Тамъ, вдали, въ странѣ чужой.
Ты прости, нашъ край родной!
Какъ завидна мертвыхъ доля!

И воздвигся, жертвы ради,
Принеситель жертвъ, Калхасъ,
Градозиждущей Палладѣ,
Градорушащей молясь,
Посейдона силѣ грозной,
Опоясавшаго міръ,
И тебѣ, эгидоносный
Зевсѣ, сгущающій вѣщрѣ!
Опрокинуть, уничтоженъ
Градъ великій Иліонъ!
Долгій, долгій споръ рѣшенъ —
Судъ безсмертныхъ непреложенъ.

Грозныхъ полчищъ воевода,
Царь царей, атреевъ сынъ,
Обозрѣль толпы народа,
Уцѣлѣвшій строй дружинъ.
И внезапною тоскою
Омрачился царскій взглядъ:
Много ихъ пришло подъ Трою,
Мало ихъ пойдетъ назадъ.

Такъ возвысьте жь гласъ хвалебный,
Пой и радуйся стократъ,
У кого златой возвратъ
Не похитилъ рокъ враждебный!

Но не всѣмъ сужденъ отъ Бога
Мирный, радостный возвратъ :
У домашняго порога
Многихъ кѣры сторожать....
Живъ и цѣлъ вернулся съ бою —
Гибнетъ въ храмниѣ своей!
Рекъ Аѳинной всеблагою
Вдохновенный Одиссей....
Тотъ лишь домъ и твердь и прочень
Гдѣ семейный святъ уставъ;
Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ и порочень.

И супругой, взятой съ бою,
Снова счастливый Атридъ,
Пышный станъ обвинъ рукою,
Страстный взоръ свой веселитъ —
Злое злой конецъ приѣмлетъ!
За несчастьемъ казнь слѣдитъ —
Въ небѣ судъ боговъ не дремлетъ!
Право царствуетъ Кронидъ....
Злой конецъ началу злomu!
Право правящій Кронидъ
Вѣроломцу страшно мститъ
И семьѣ его и дому.

Хорошо любимцамъ счастья —
Рекъ Аякса братъ меньшей —
Олимпійцевъ самовластье
Величать своей хвалою!...
Неподвластно высшей силѣ
Счастье въ прихотяхъ своихъ :
Другъ Патроклъ давно въ могилѣ,
А Терситъ еще въ живыхъ!....
Счастье жеребѣя сѣтъ
Своевольною рукою.

Веселись и пѣсни ной
Тотъ, кого свѣтло грѣтъ!

Будь утѣшенъ, братъ любимый!
Память вѣчная тебѣ!...
Ты — оплотъ несокрушимый
Чадъ ахейскихъ въ ихъ борьбѣ!...
Въ день ужасный, въ день кровавый
Ты одинъ за всѣхъ стоялъ!
Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжалъ....
Не врага рукой побѣдной —
Отъ руки ты палъ своей.....
Ахъ! и лучшихъ изъ людей
Часто губить гнѣвъ зловредный.

И твоей теперь державной
Тѣни, доблестный Пелидъ!
Сынъ твой Пирръ, воитель славный,
Возліаніе творить....
Какъ тебя, о мой родитель,
Никого — онъ возгласилъ —
Зевсъ, великій промыслитель,
На землѣ не возносилъ.
На землѣ, гдѣ все измѣнно,
Выше славы блага нѣтъ.
Нашу персть — земля возьметъ,
Имя славное — нетлѣнно.

Хоть о падшихъ, побѣжденныхъ
И молчитъ побѣдный кликъ,
Но и въ родахъ отдаленныхъ,
Гекторъ, будешь ты великъ!...
Вѣчной памяти достоинъ,
— Сынъ тидеевъ провѣщалъ —
Кто какъ честный, храбрый воинъ,
Край отцевъ спасая, палъ....
Честь тому, кто, не робѣя,
Жизнь за братій положилъ....
Побѣдитель побѣдилъ —
Слава падшаго святѣ!...

Старець Несторъ, здѣсь маститый
Брашникъ, кубокъ взявъ, встаетъ,
И сосудъ, плющемъ обвитый,
Онъ Гекубѣ подаетъ :
Выпей, мать, струи цѣлебной
И забудь весь свой уронъ !
Силенъ Вакха сокъ волшебный,
Дивно насъ врачуетъ онъ....
Мать, вкуси струи цѣлебной
И забудь судебъ законъ.
Дивно насъ врачуетъ онъ,
Бога Вакха даръ волшебный.

И Ниобы древней сила,
Горемъ злымъ удручена,
Сока дивнаго вкусила,
И утѣшилась она!
Лишь сверкнетъ въ застойной чашѣ
Благодатное вино,
Въ Лету рухнетъ горе наше
И пойдетъ какъ ключъ на дно.
Да, пока играетъ въ чашѣ
Всемогучее вино,
Горе въ Лету снесено,
Въ Лету тонетъ горе наше!

И воздвиглась на прощанье
Провозвѣстница жена
И исполнилась вѣщанья
Вдохновеннаго она ,
И пожарище родное
Обозрѣвъ въ послѣдній разъ :
Дымъ и паръ здѣсь все земное,
Вѣчность, боги, лишь у васъ !....
Какъ уходятъ клубы дыма,
Такъ уходятъ наши дни !
Боги, вѣчны вы одни,
Все земное идетъ мимо.

LXXXVI.

Не даромъ милосердымъ Богомъ
Пугливой птичка создана :
Спасенья вѣрнаго залогомъ
Ей робость чуткая дана.

И нѣтъ для бѣдной птички проку
Въ свойствѣ съ людьми, съ семьей людскою :
Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ ближе къ року—
Не слобовать подъ ихъ рукой....

Вотъ птичку дѣвушка вскормила
Отъ первыхъ перушекъ съ гнѣзда,
Взлелѣяла и возростила
И не жалѣла, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но какъ съ любовію тревожной
Ты, дѣва, ни пеклась о ней,
Настанетъ день, — день непреложный :
Питомецъ твой неосторожный
Погибнетъ подъ ногой твоей....

LXXXVII.

ДВА ГОЛОСА.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна.
Надъ вами свѣтила молчать въ вышинѣ;
Подъ вами могилы — молчать и онѣ.

Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги :
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги;
Тревога и трудъ лишь для смертныхъ сердець....
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба !

Надъ вами безмолвные звѣздные круги....
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.

Пускай олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердець :
Кто ратуя палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ.

LXXXVIII.

14 ЮЛЯ 1851 ГОДА.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихій одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ — на просторѣ :
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
Тотъ же все призракъ, тревожно пустой!

LXXXIX.

Не разсуждай, не хлопочи...
Безумство ищеть, глупость судить ;
Дневныя раны сномъ лечи, —
А завтра быть тому, что будетъ.
Живя, умѣй все пережить :
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать, о чемъ тужить?
День пережить — и слава Богу.

XC.

Ужь третій годъ бѣснуются языки —
Вотъ и весна, и съ каждою весной,
Какъ стала дикихъ птицъ передъ грозой,
Тревожи́й шумъ, разноголоси́й крики.

Въ раздумьи грустномъ князи и владыки
И держатъ вожжи трепетной рукой,

Подавленъ умъ зловѣщею тоской;
Мечты людей какъ сны больного дика.

Но съ нами Богъ!... сорвавшись со дна,
Вдругъ одурѣвъ, полна грозы и мрака,
Стремглавъ на насъ рванулась глубина, —
Но твоего не помутила зрака....
Вѣтръ свирѣпѣлъ; но.... да не будетъ тако:
Ты рекъ и — всячь отхлынула волна.
1850.

ХСІ.

Не гулъ молвы прошелъ въ народъ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ —
То древній гласъ, то свѣше гласъ:
«Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ, —
Свершится онъ и грянетъ часъ!»
И своды древнія Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь.
Пади предъ нимъ, о Царь Россіи,
И встань какъ всеславянскій Царь!

ХСІІ.

РАЗСВѢТЪ.

Не въ первый разъ кричить пѣтухъ, —
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небъ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчать колокола,
А ужъ востокъ заря румянить,
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградъ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветь и будить онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполни державный!...
О, Русь, великъ градуцій день,
Вселенскій день и православный!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Утро въ горахъ	3
Снѣжныя горы	—
Полдень	4
«Песокъ сыпучій по колѣни»	—
Весеннія воды	5
Осенній вечеръ	—
«Что ты клонишь надъ водами»	—
Весна	6
«Давно ль, давно ль, о югъ блаженный»	7
«Какъ океанъ объѣмлетъ шаръ земной»	8
«Я помню время золотое»	—
«Не то, что мните вы, природа»	9
«Съ какою нѣгою, съ какою тоской влюбленный»	10
«И гробъ оуцещъ ужъ въ могилу»	—
Итальянская вилла	11
Silentium	12
«Какъ птичка раннею зарей»	—
«Какъ надъ горячею золой»	13
«Въ душномъ воздухѣ молчанье»	14
«Душа моя — влззіумъ тѣней»	—
«Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля»	15
«О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной»	—
«Душа хотѣла бѣ быть звѣздой»	16
«Такъ здѣсь-то суждено намъ было»	—
«Еще шумѣлъ веселый день»	—
Цицеронъ	17
Фонтанъ	18
Двумъ сестрамъ	—
«Востокъ бѣлѣлъ... ладья катилась»	19
«Потокъ ступилъ и тускнѣеть»	—
«Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ»	20
«Тамъ, гдѣ горы, убѣгла»	—
«Надъ виноградными холмами»	21
«Смотри, какъ западъ разгорѣлся»	—
Ара Скальда	22
Лебедь	—
День и ночь	23
«Не вѣрь, не вѣрь поэту!»	—
Весенняя гроза	24
Сонъ на морѣ	—
Видѣвіе	25
«Вечеръ мглстый и печальный»	—

	Стр.
• Итакъ, опять увидѣлся я съ вами	26
12 ноября 1844 года	—
«Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ»	27
«Еще томлюсь тоской желаній»	—
«Когда въ кругу убійственныхъ заботъ»	28
«Вдали отъ солнца и природы»	—
• Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ»	—
Слезы	29
Плаваніе	—
Венеція	30
Римъ ночью	—
Августъ 1850 года	31
Первый листъ	—
«Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь»	32
«Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ»	—
Гроза дорогой	33
Въ июль 1850 года	—
«Какъ ни дышетъ полдень знойный»	34
«Я очи зналъ, — о, эти очи»	35
«Вновь твои я вижу очи»	—
«Не говори: мена онъ какъ и прежде любить»	36
• О, не тревожь меня укорой справедливой»	—
«Чему молилась ты съ любовью»	37
• О, какъ убійственне мы любимъ»	—
Последняя любовь	38
Поэзія	39
Колумбъ	—
15 сентября 1850 года	40
Предопредѣленіе	—
Графиня Р. 1850 года. (Въ отвѣтъ на ея письмо.)	41
Море и утесъ 1848 года	42
Наполеонъ	43
Проѣзжая черезъ Ковно. (1853.)	44
Нашъ вѣкъ	45
На смерть Жуковскаго	46
«Конченъ миръ, умоляли хоры»	47
Mobile comme l'onde	—
«Сіяетъ солнце, воды блещутъ»	48
14 июля, въ ночь	—
«Святая ночь на небосклонъ взошла»	49
Изъ Гёте	—
Изъ Шиллера	50
Поминки. (Изъ Шиллера)	—
• Не даромъ милосерднымъ Богомъ»	53
Два голоса	—
14 июля 1851 года	56
«Не разсуждай, не хлопочи»	—
• Ужь третій годъ бѣснуются языки»	—
• Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ»	57
Разсвѣтъ	—

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВНА ГОГОЛЯ.

ОКОНЧАНІЕ ВТОРАГО ПЕРІОДА.

До сихъ поръ мы видѣли Гоголя-писателя то въ его сношеніяхъ съ журналистами, то въ хлопотахъ объ уничтоженіи неудавшейся поэмы, то въ фантастической поѣздкѣ за море, то на службѣ, то у его покровителей; но все это не болѣе, какъ видѣть человѣка внѣ дома. Войдемъ теперь въ его кабинетъ и посмотримъ, каковъ онъ у себя дома, посреди своихъ любимыхъ занятій, съ своими скрытыми отъ свѣта горестями и наслажденіями. Эта часть второго періода его жизни довольно полно высказалась въ перепискѣ его съ извѣстнымъ писателемъ М. А. Максимовичемъ. Г. Максимовичъ, будучи сперва профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ, а потомъ профессоромъ русской словесности въ Университетѣ св. Владиміра, имѣлъ много слушателей, разсѣянныхъ теперь по всей Россіи. Его знаютъ не по однимъ его сочиненіямъ и изданіямъ, и потому письма къ нему Гоголя должны быть гораздо интереснѣе, нежели еслибъ они были обращены къ лицу, о которомъ читатель не составилъ себѣ никакого предварительнаго понятія.

Знакомство ихъ началось съ 1829 года, когда г. Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссі-
Т. XLIV. Отд. II.

янь. По словамъ его, Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдался изъ круга собесѣдниковъ, и онъ не сохранилъ въ памяти даже наружности будущаго замѣчательнаго писателя. Потомъ уже, въ 1832 году, когда Гоголь проѣзжалъ черезъ Москву, г. Максимовичъ пріѣхалъ къ нему въ гостиницу, познакомиться съ авторомъ «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ стараго знакомаго, видѣвъ его три года тому назадъ не болѣе, какъ въ продолженіе двухъ часовъ, и г. Максимовичу стоило большого труда не дать замѣтить поэту, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ г. Максимовича, Гоголь былъ тогда хорошеиѣкимъ молодымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвѣта. Оба они заняты были въ то время Малороссією: Гоголь готовился писать исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать свои «Украинскія народныя пѣсни» (*), и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми. Немного времени провели они вмѣстѣ, но съ этой поры начинается рядъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, въ высшей степени замѣчательныхъ. (**)

Въ первомъ изъ нихъ, отъ 12 декабря 1832 года, дѣло идетъ о виньеткѣ къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ». Гоголь не можетъ отыскать какого-то художника «малоросса въ обоихъ смыслахъ», который, по его словамъ, «одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку», и жалѣетъ, что задержалъ этимъ издателя пѣсенъ.

«Я до сихъ поръ не пересталъ досадовать на судьбу — говорить онъ между прочимъ — столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ и о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга.»

Уже одиѣ эти строки показываютъ, что Гоголя нельзя было упрекнуть въ холодности къ друзьямъ, въ которой упрекаютъ его многіе. Обширный планъ литературной дѣятельности, начертанный имъ въ третьемъ періодѣ его существованія, поглотилъ всѣ его нравственныя силы, набросилъ на его лицо покровъ холодности и наложилъ печать молчанія на уста его; но были минуты, когда его душевный жаръ къ челоуѣку вообще и товарищамъ ранней молодости въ особенности обнаруживался

(*) Онѣ вышли въ 1834 году.

(**) Подлинники этихъ писемъ составляютъ собственность М. А. Максимовича.

во всей веселой свѣжести, и это, я увѣренъ, подтвердится впоследствии множествомъ его писемъ.

Слѣдующее изъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, находящихся у меня въ рукахъ, писано черезъ семь мѣсяцевъ послѣ перваго, — именно 2 іюля 1833 года. Въ немъ Гоголь жалуется уже на извурительный петербургскій климатъ, который прогналъ его впоследствии за границу.

«Жаль мнѣ очень — говорить онъ — что вы хвораете. Бросьте въ самомъ дѣлѣ Москву да поѣзжайте въ Малороссію. Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махну отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудилъ хорошенько. Бѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ. Если вы будете въ Кіевѣ, то отыщите экскъ-профессора Бѣлоусова (1): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень полезенъ во многомъ, и я желаю, чтобъ вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймаете еще въ Малороссіи осень — благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно; а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить. (2) Не знаю, напишу ли я чтонибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ вы принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однакожь, для «Денницы» (3) вашей употребляю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить (4) воображеніе. А до того, поручая васъ дѣятельности, молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, что лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣдомьте пожалуста, какую пользу принесетъ вамъ московскіи водопой и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дялковскій отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ

(1) Бывшій наставникъ Гоголя въ Гимназій Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

(2) И не удивительно: въ этомъ году Гоголь не жилъ на дачѣ. Въ началѣ письма онъ говоритъ, что «только что пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца.»

(3) Альмамахъ, издаваемый М. Максимовичемъ въ Москвѣ, въ 1834 году.

(4) Малороссійское слово; по русски — расшевелить.

моихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолевается недугомъ и крайне дряхлѣетъ. Хотѣлось бы мнѣ очень вмѣсто пера покалякать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга.... Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка.»

Въ промежутокъ между июлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были неприятности по службѣ или по предмету его литературныхъ занятій; но, судя по тону его рѣчи, едва ли не будетъ вѣрнѣе, если мы скажемъ, что то была

• Забота юности — любовь. •

Обратите вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга, отъ 9 ноября:

« Я чертовски досаую на себя за то, что ничего не имѣю, что бы прислать вамъ въ вашу «Денницу». У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полного, годнаго для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть (*), о которой я совѣмъ было позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непременно приготовлю что вы хотите. Но не теперь: *еслибъ вы знали, какіе со мною происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережегъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся.* Теперь я принялся за исторію нашей Украины. Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили. »

« Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ при-
соединеніи пѣсенъ и собраніи Холяковскаго. Какъ бы я же—

(*) То была «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанная Смирдинымъ въ «Новосельѣ».

заль теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при третней свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною вылью, съ жадностью жиды, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними — прелесть. Я вамъ ихъ спишу... (*) не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да! я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, включая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ незнаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дожидаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. (**) Даже не историческія, даже циническія, онѣ все даютъ

(*) Это обѣщаніе было исполнено. У М. А. Максимовича хранится тетрадь пѣсенъ, переписанныхъ Гоголемъ собственноручно.

Н. М.

(**) Въ началѣ 1834 года Гоголь напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 34) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 3, стр. 523) слѣдующее объявленіе *Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ* :

«До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ, полезныхъ какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, болѣею частью неполныхъ и не указавшихъ до нынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстаивалъ свою религію; какъ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получила новыя, въ замѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россією. Около пяти лѣтъ собиралъ я

по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе прошедшую жизнь и прошедшихъ людей — — — велите слѣловать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухсотъ, и что замѣчательно — что многіи изъ нихъ похожи совершенно на ангикки, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

«Прощайте, милый землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ.... (*) Лучше вычеркнуть....

«Пишите ко мнѣ.

«Вѣчно вашъ Н. Гоголь.»

Читатель теперь видитъ, что я не напрасно распространился о первоначальныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался Гоголь въ родной своей сферѣ: онѣ были могущественны и дали его чувствамъ, мыслямъ и словамъ поэтической строй, показавшійся столь оригинальнымъ всей Россіи. Письма его, при всей небрежности его языка и изложенія, обнаруживаютъ яснѣе, нежели печатныя сочиненія, изъ какого жерла лился потокъ его вдохновенія и у кого учился онъ дивному своему искусству одной строкой выражать цѣлый образъ. — — Итакъ, будемъ продолжать ихъ чтеніе.

Въ то время Кіевскій университетъ только что начиналъ организоваться. М. А. Максимовичъ желалъ поступить на кафедру русской словесности, а къ Гоголю писалъ, чтобъ онъ искалъ для себя кафедры всеобщей исторіи. (Вспомнимъ, что Гоголь тогда былъ еще старшимъ учителемъ исторіи въ Патриотиче-

сь большимъ стараніемъ матеріалы, относящіяся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова; но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣе прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣдовыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ..

Н. М.

(*) Далѣе двѣ съ половиною строки зачеркнуты нѣсколько разъ чернилами.

Н. М.

скомъ институтѣ.) На это-то письмо Гоголь отвѣчалъ ему, не выставляя числа (*):

«Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда! туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Тамъ или вокругъ него дѣлалась дѣла старинны нашей. Да, я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находить страхъ: «можетъ быть, я не успѣю!» Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но несносный климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каеэды: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! Хорошо, еслибъ попалъ туда кто нибудь изъ извѣстныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ и такъ же чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ. (**) Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употребляю стараніе его подгонять.

«Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради піесенъ, тѣмъ болѣе, что безпрестанно получаю новыя; изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше—прекрасныхъ. Впрочемъ, я нетерпѣливѣе тебя, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой вѣрно у тебя нѣтъ.»

Въ числѣ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу есть письма довольно обыкновенныя; но и въ нихъ мѣстами вспыхиваетъ искра чувства, или ума, или юмора. Притомъ же изъ нихъ видны отношенія нашего поэта къ современнымъ писателямъ, взглядъ его на тогдашнія литературныя явленія, манера его обращаться съ людьми, и т. д. Поэтому я, оставляя въ сторонѣ

(*) Изъ отмітки г. Максимовича на письмѣ видно, однакожъ, что оно было писано въ 1833 году, а предъидущее и послѣдующее письма — оба съ означеніемъ чиселъ — опредѣляютъ для него промежутокъ между 9 ноября и концомъ года.

(**) Для Дня - Денницы.

занимательность или незанимательность ихъ для большинства читателей, помѣщу ихъ всё здѣсь, какъ матеріалы для исторіи русской литературы, исключивъ только мѣста, почему либо для кого нибудь щекотливыя.

«Января 7.» (1834, изъ С.-Петербурга.)

«Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за «Денницу», которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что О*** заблагодарасудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу, однакожь, что въ ней много хорошаго; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковский.

«Что жъ ты не пишешь ни о чемъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что мы, братецъ, за лѣнтян съ тобою! Однако, напередъ положишь условіе: какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобы и духъ ся не пахъ. Да превратится онъ въ русскіе Аѳины, Богоспасаемый нашъ городъ! Да! отчего до сихъ поръ не выходитъ ни одинъ изъ московскихъ журналовъ? Скажи Н***, что это не хорошо, если онъ вздумаетъ, по прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣстъ не додастъ старыхъ. Чтѣ за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣтна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели в прошлый годъ на него сердились всё. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой. Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ прошломъ году (довольно толстая книжка in-8)?... очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ танными свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе.

«Какъ проводишь время и чтѣ дѣлаешь въ Москвѣ, и чтѣ другіе дѣлаютъ? вѣрно, есть что нибудь новое.

«Когда же погляжу я на пѣсни?»

«Прощай.

«Твой Гоголь.»

«Сиб. Февраля 13.» (1834.)

«Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 20 января, другое отъ 8 февраля, — все это по милости О***, который позволить ихъ чортъ знаетъ сколько удерживать у себя. Въ

одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ. (1) Я думаю ѣхать. Дѣла, кажется, мои идутъ на ладъ. — — —

«Ты говоришь, что если залѣнишься, то тогда, набравши силы, въ Москву. А на что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты размотри хорошенъко характеръ земляковъ: они лѣнятся, но зато, если что задолбать въ свою голову, то на вѣки. Въдѣ тутъ только рѣшимость: разъ начать — и все.... Типографія будетъ подѣ бокомъ. Чего жь больше. А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а соняшникъ! а паслинь! а цыбуля! (2) а *вино хльбное*, какъ говоритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерень, вареники, борщъ, лопухъ.... Это просто роскошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго. Запорожской Старины я до сихъ поръ нигдѣ не могу достать. — — — Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель. — Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ (бы), но у меня ихъ ужасная путаница; незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ же болѣе ста, зато извѣстныхъ — вѣроятно, около тыся (чи), изъ которыхъ большую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ. — Ну, покажѣсть прощай! а тамъ придетъ время, что будемъ все это говорить, что теперъ заставляемъ царпать наши руки въ Бого-спасаемомъ нашемъ градѣ.

«Твой Гоголь.»

«Марта 12 Спб. 1834.

«Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволилъ писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни гадки (3) о томъ. — А между тѣмъ я почти что не

(1) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ половинзмъ.

(2) Все это лакомства малороссійскихъ простолюдиновъ, кромѣ воздуха и гливъ (баргамотъ). Гоголь вспомнилъ языкъ диканьскаго пачивка.

(3) Ни гадки, съ малороссійскаго, значитъ — ни помышленія.
Н. М.

на выѣздѣ уже. — Что жь, ѣдемъ или нѣтъ? влюбился же въ Москву. — Слушай: вѣдь ты посуды самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезѣе, нѣ, для нездороваго человѣка, каковъ ты да я.

«Пѣсни намъ нужно издать непременно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свѣтѣ. — — — Что жь, получу ли обѣщанныя пѣсни? «Твой Гоголь.»»

• Марта 26 (1834). Спб.

«Во первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ и Жуковскій хлопотали объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непременно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются — — — если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ дескать, но твое здоровье... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что звать не надобно; какъ разъ другой ктонибудь взлѣзетъ на твою каеэдру.

«Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишешь: посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около вѣдѣли въ Почтамтѣ и у Смирдина, нѣтъ ли посылки ко мнѣ. — Вацлавъ (*), я тебѣ говорилъ, что отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города. — Поговоримъ объ объявленіи твоёмъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гульливья, казацкія и любовныя? Развѣ казацкія не гульливья и гульливья не всѣ ли казацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова: казацкія. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гульливая. По мнѣ, раздѣленія

(*) Т. е. изданіе пѣсень Вацлава въ Олеськи.

не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразіа, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія. — Миѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ — обрядныя. Много, если на три разряда: 1-й — историческія, 2-й — всѣ выражающія различныя оттѣнки народнаго духа, и 3 — обрядныя. — Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. — Я радъ, что ты уже началъ печатать. Если бы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсенъ, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже нѣсколько помогъ. Но въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что взяться, да и несносно ужасно дѣлать комментаріи не зная на что, а если и зная, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь пѣсенъ, то хоть привези съ собою, — да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершенно вышло изъ головы. Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно цалую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпхнули въ Украйну.

«Твой Гоголь.»

• 1834. Марта 29. Спб.

«Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Что ты пишешь про Цыха? (*) развѣ есть какое нибудь официальное объ этомъ извѣстіе? — — признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.»

«Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ изъ галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣненъ на Потоцкаго: даже самыя обстоятельства въ описаніи другія, исключая главнаго.»

«Твой Г.»

(*) Это — лицо, получившее въ Кіевскомъ университетѣ кафедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь. Н. М.

«Апрѣля 7 (1834). Спб.

« Не безпокойся : дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. — — — Для окончательнаго дѣла тебѣ бы весьма не мѣшало бы предстать самому. — — — Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя в состояніе твоего здоровья не позволяеть, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ просить тебя, не смотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что если бы былъ въ состояніи, то весьма бы было нехудо. Но, какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое тебя успокоить, в потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору. О полученіи его увѣдомь меня немедленно. Прощай; будь здоровъ! цалую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ и благихъ силъ.

«Твой Гоголь.»

«30 апрѣля (1834). Спб.

« Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердилось уже официально. Теперь тебѣ точно не зачѣмъ уже ѣхать въ Петербургъ. Тебя только безпокоять дѣла московскія. Смѣлѣе съ ними : одно по боку, другому киселя дай, — и все кончено. Изъ необходимаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. — Да, кстати о мнѣ : знаешь ли, что представленія Б*** чуть ли не больше значать, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ. Это я узналъ вѣрно. Слушай : послужи службу — когда будешь писать къ Б***, намекни ему обо мнѣ вотъ какимъ образомъ : что вы бы дескать хорошо сдѣлали, еслибъ залучили въ Университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, в тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Г*** или Г*** къ романамъ Б*** — — — Тогда бы я скорѣе въ дорогу и, можетъ быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ. —

« Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги ; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Изданіе хорошо. Примѣчанія съ большимъ тактомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что : иногда нужно отдаляться отъ словъ подлинника нарочно для того, чтобы быть

къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, малороссіянамъ, кажутся очень будутъ понятны для русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ для русскихъ, потому что оно не въ духѣ русскаго языка. И тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его. — Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешь еще принаровить къ приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно.... Но, чтобы и къ нему сдѣлать придирку, вотъ тебѣ замѣчаніе на первый случай....
мотай на усъ :

«Федора Безроднаго, атамана куреннаго, пострѣляли, порубили, только не поймали чуры.»

«Во первыхъ, *пострѣляли* не русское слово, оно не по русски спрягнулося и скомпоновалося и виѣстѣ съ словомъ *порубили* на русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Мнѣ кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать :

«Куреннаго атамана Федора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.»

«Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не влѣпить звонкаго словца въ русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другіе также поймутъ. Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всѣ малороссійскіе обороты рѣчи и конструкція прочь! Вѣдь ты вѣрно не хочешь дѣлать подстрочнаго перевода? Да впрочемъ это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того приложенъ къ каждой пѣсни. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо растолковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсню. Я бы тебѣ много кой-чего хотѣлъ еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о томъ, что можно переговорить гораздо съ болѣею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣни только — и пойдетъ тянуться; въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что вѣрно одна замѣтитъ то, что другая пропуститъ. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ твой первый

листъ и говорю : « Вотъ все, что осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ! » какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому и похвастаюсь Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыя, впрочемъ, войдутъ въ послѣдній развѣ только отдѣлъ твоего перваго тома. За *Пѣснями люду галичскаго* я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. — — — О*** скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего Наума. (*) Эти дни, можетъ быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что за безалаберщина дѣется у людей на праздникахъ : они всѣ какъ шальные. По улицамъ мечутся шитые мундиры и трехъ-угольные шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему : да будешь ты здоровъ и спокоенъ.

« Вѣсь твой Гоголь. »

« Мая 28. (1834, изъ С. Петербурга.) »

« Извини меня : точно, я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсенъ, который ты называешь шестымъ, и который, по моему счету, четвертый. О введеніи твоёмъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати : ты можешь прочитать въ Журналѣ Просвѣщенія, 4 N. статью мою о малороссійскихъ пѣсняхъ ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанный мною очень давно. —

« Мои обстоятельства очень странны — — — признаюсь, я брошу все и откланяюсь.... Богъ съ ними совѣмъ ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ доли Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Ц*** ? кто это Ц*** ? кажется, П*** его знаетъ. Нельзя ли какъ пибудь уговорить Ц***, чтобы онъ просился на кафедру русской исторіи ? —

« Ты извини меня, что я не толкую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои со-

(*) • Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ », изданная около того времени г. Максимовичемъ для престолярнаго чтенія.

стоятъ теперь изъ вихря. Когда увижусь съ тобою, то объ этой статьѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а все-таки надѣюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши ко мнѣ. Въ эти времена волненія письма все-таки сколько нибудь утишаютъ душу. Прощай.

«Твой Гоголь.»

«Мая 29. (1834, изъ Петербурга.)»

«Только что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашнее письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10 мая, другое отъ 19 мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанію. С*** никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержатъ у себя больше недѣли. Благодарю, очень благодарю тебя за листки пѣсенъ. Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній потому, что я ужасно не люблю печатныхъ или письменныхъ критикъ, т. е. не читать ихъ не люблю, но писать. Недавно С. С. получилъ отъ С*** экземпляръ пѣсенъ и адресовалъ ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Чтожь я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самое главное позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни С***, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья была уже отпечатана. Такъ какъ нескоро къ вамъ доходятъ петербургскія книги, то посылаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ на полную исторію Малороссіи, позабывъ, что еще впереди 80 главъ они будутъ читать, и что эта глава только фронтисписъ. Я бы, впрочемъ, весьма желалъ видѣть твои замѣчанія, тѣмъ болѣе, что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и вѣрно приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раз-

дѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что сдѣлалось уже нашимъ — и твоимъ и моимъ вмѣстѣ.

«Прощай! цалую тебя нѣсколько разъ.

«Твой Гоголь.»

«8 іюня (1834). Спб.

«Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ прїѣздомъ. Что тебѣ сказать о здоровьѣ?.... (*) мы, братецъ, съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. — — — Я имѣю чинъ коллежскаго ассесора, неновичекъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ. — — — и при всемъ я не могу понять — — — Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно! потому что мнѣ нужно, очень нужно мое здоровье, — мое занятіе, мое упрямство требуетъ этого. — А между тѣмъ мнѣ не видать его. — Пѣсни твои идутъ чѣмъ дальше лучше. Да что ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенія? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введеніи: если ты встрѣтишь что нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему.... дескать вотъ что еще объ этомъ говоритъ Гоголь. Да что, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова. — Прощай. Да хранять тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызвать мочь души и дѣйствовать крѣпко!

«Твой Гоголь.»

Слѣдующее письмо замѣчательно по признанію поэта въ чувствахъ, привязывающихъ его къ Петербургу. Обратите вниманіе на слова, напечатанныя курсивомъ. Гоголь рѣдко, даже и на столько, обнаруживалъ передъ кѣмъ бы то ни было сердечныя дѣла свои. Люди, которыхъ дружба удерживала его на сѣверѣ, безъ сомнѣнія, были Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и П. А. Плетневъ. Въ его письмахъ мѣстами проглядываетъ, мимо вѣдома писавшаго, истинный языкъ этого тѣснаго кружка поклонниковъ прекраснаго, какъ въ этомъ согласится каждый, кто близко зналъ хоть одного изъ нихъ. Они благоухаютъ ароматами святилища, въ которое открытъ былъ доступъ украинскому барду....

(*) Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ «крѣпкими».

10 іюня (1834, изъ С.-Петербурга).

«Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. — — — Еслибъ это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ пожалуй два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что я оставляю? Миѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что дорого, *что было мило моему сердцу*, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что привычка сдѣлала еще драгоценнѣйшимъ. Бросивъ все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску. Нужно отдалять всѣми мѣрами то, что можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобъ самая должность была для меня тягостною. Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце и потому то, что для другого кажется своенравіемъ, то есть у меня слѣдствіе дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. — — — Остановка вся за однимъ Б. Итакъ, я жду теперь отъ него рѣшенія и по немъ узнаю, велитъ ли миѣ судьба ѣхать, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько нибудь свою лѣнь, которая уже почувала лѣто и становится деспотомъ.

«До слѣдующаго письма.

«Твой Гоголь.»

Далѣе Гоголь является настоящимъ малороссіяниномъ, горячо привязаннымъ къ товарищу по ближайшему къ его душѣ дѣлу, мечтательнымъ и вмѣстѣ спутливымъ. Едва возьметъ онъ, какъ будто невзначай, нѣсколько слишкомъ нѣжныхъ нотъ, говорящихъ звуками его сердца, уже спѣшитъ развлечь вниманіе своего слушателя умышленно грубымъ запорожскимъ комизмомъ и потомъ, самъ того не замѣчая, попадаетъ на шиллію и на торжественный лиризмъ. Для многихъ эти письма будутъ простая, будничная проза; миѣ — въ нихъ на каждомъ шагѣ чудятся поэтическіе мотивы. Это пробы смычка, готовящагося импровизировать симфонію, которая неотступно грезится артисту.

27 іюня (1834, изъ Петербурга.)

«Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавайся заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непременно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возьми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непременно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя не раннею осенью или зимою, но когда бы то ни было, а я все-таки буду. Я далъ себѣ слово и твердое слово; стало быть, все кончено : нѣтъ гранита, котораго бы не проби(ли) человѣческая сила и желаніе.

«Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ тринь-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь. — Еще просьба : ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами—чортъ возьми!—если онѣ не служатъ теперь для тебя къ тому только, чтобы отемнить свои мы(сли). Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. — — — Лѣто ты непременно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь : я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ по Пслау, гдѣ бы мы лежали въ натурѣ (*), купались, а въ добавокъ бы еще женилъ тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но такъ и быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты съ ними не развинулся, а посылаю прямо въ Кіевъ, гдѣ онѣ будутъ тебя ожидать. Какъ нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому денегъ тебѣ за нихъ платить не нужно. — — — Но во всемъ этомъ ты можешь обойтись и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться, сколько можно, до упаду, хотя бываетъ и не всегда весело, и помини мудрое правило, что все на свѣтѣ тринь-трава и.... (*) Въ этихъ немногихъ, незначительныхъ словахъ заключается вся мудрость

(*) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича : «Извините, что я передъ вами въ натурѣ. • См. • Сочиненія Н. Гоголя», т. II, стр. 402.

(**) Опять крѣпкое, очень крѣпкое слово!

Н. М.

человѣческая. Чортъ возьми! я какъ вообразу, что теперь на кievскомъ рынкѣ дѣлые рядки вываливаютъ персикъ (sic), абрикось, которое все тамъ ни почемъ, что кievо-печерскіе.... уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ демороженнаго винограду, и что тополи ушпигуютъ скоро весь Кievъ, — такъ, право, и разбираетъ ѣхать, бросивши все; но, впрочемъ, хорошо, что ты ѣдешь впередъ. Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и прищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непременно завестись домкомъ въ Кievѣ, что, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить съ своей стороны. Да, пріѣхавъ въ Кievъ, ты долженъ непременно познакомиться съ эксъ-профессоромъ Бѣлоусовымъ. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ, — на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славный малой, и тебѣ будетъ пріятно сойтись съ нимъ.

«Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) время, даже въ дорогѣ, то тотчасъ пиши ко мнѣ, меня все интересуешь о тебѣ... самая дорога и проч. и проч....»

«Смотри, пожалуйста, не забывай писать мнѣ почаще; ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя писемъ, я уже скучаю.»

«Но да почіетъ надъ тобою благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчить мое сердце.»

«Твой Гоголь.»

Удивляешься на каждомъ шагу, сколько любви было въ нашемъ поэтѣ къ челоуѣку, съ которымъ, по его собственнымъ словамъ, судьба столкнула его мелькомъ, на короткое время. Мать не могла бы нацутствовать своего сына болѣе нѣжными благословеніями, и братъ не предохранялъ бы брата отъ разныхъ непріятностей съ болѣею заботливостью. Все слѣдующее письмо дышетъ идеально-нѣжною дружною.

Сиб. Іюль 1. (1834.)

«Итакъ, посылаю тебѣ книги прямо въ Кievъ, гдѣ, надѣюсь, онѣ тебя уже застанутъ, вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, которую въ разные времена списывалас (sic). Она занимательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, но которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь кое-чего отырыть въ Кievо-печерской Лаврѣ, а для

чтѣроне возьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленіе къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только распорядить хорошо время, — отдавай все прогулкѣ. Моціонъ тебѣ необходимъ. — Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣпляютъ тебя, только занимайся всегда поутру, ввечеру и въ полдень. Боже тебя сохрани. Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову держи въ тѣни; ввечеру гуляй или иди къ кому нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непременно долженъ соблюсти: если соблюдеши, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай, да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Кіевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житье; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да Бога ради, будь поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда неприятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ. (*)

«Прощай! Цалую тебя на новосельѣ и ожидаю твоего письма.»

«Твой Гоголь.»

Слѣдующее письмо представляетъ матеріалъ для собирателя анекдотовъ о поэтической разсѣянности. Гоголь проситъ г. Максимовича замолвить слово попечителю Кіевского Учебнаго Округа объ одномъ господинѣ, о которомъ тотъ впервые слышитъ, исчисляеть достоинства этого господина, но не упоминаетъ его имени.

Слб. Іюля 18. (1834.)

«Я получилъ твои экземпляры пѣсенъ и по принадлежности роздалъ кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей. Жуковский читалъ нѣкот(орыя): онѣ произвели эффектъ. — — Я, однакожъ, все ожидалъ, что ты еще будешь писать комнѣ изъ Москвы. Миѣ хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣлъ въ бричку и прочее. — Что-то ты теперь подѣлываешь въ Кіевѣ? А кстати, чтобы не позабыть: къ вамъ въ Кіевъ хочетъ ѣхать одинъ преемтвреннѣйшій (шій) и прелюбезнѣйшій человекъ, который тебѣ понравится до вельзъ, —

(*) Припоминаю читателю стихъ Пушкина —

«Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ...»

настоящій землякъ и человѣкъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора Гимназиі если нельзя въ Кіевѣ, то въ какомъ нибудь изъ другой (sic) Кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, извѣдалъ всю Русь, охотникъ страшный достепей (*) и Крыша и, наконецъ, служить здѣсь въ Почтовомъ Департаментѣ. Извѣсти только, есть ли какое нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Б***, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ какъ (мъ) образомъ: что ты знаешь-де человѣка весьма годнаго занять мѣсто и истинно достойнаго, но что не знаешь-де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ нѣтъ выгодное мѣсто и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ, что прежде онъ хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, то попробовать (sic), можетъ быть онъ согласится, тѣмъ болѣе, что тамъ близко его родина. — А съ своей стороны ты будешь очень доволенъ имъ. Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Д***. Да что ты не прислалъ мнѣ нотъ малороссійскихъ пѣсенъ? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ голоса, а самыхъ-то голосовъ нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ. Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его? Да пиши скорѣе. Что это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно. —

«Прощай

«Твой Гоголь.»

Естественно, г. Максимовичъ спросилъ у него: какъ же я долженъ назвать твоего protégé, котораго ты предлагаешь такъ расхвалить, если попечитель спроситъ его фамилію? Въ письмѣ отъ 14 августа того же 1834 года Гоголь сообщаетъ уже имя, отчество и фамилію человѣка, «съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда!» Но оно замѣчательно не въ этомъ отношеніи, какъ читатель и самъ увидитъ.

«Во первыхъ — пишетъ Гоголь — позволю тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идетъ какъ слѣдуетъ, а онъ еще и ки-

(*) Изъ его рассказовъ Гоголь заимствовалъ много красокъ для своего «Тараса Бульбы», напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящія въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки.

снетъ! Когда я — — — плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ тринь-трава, а признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступитъ ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого подлесня, что она задрала ноги. — — — Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непременно въ Малороссію, какъ здѣшній попечитель нилсъ К^{***} предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять кафедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ Университетѣ, обѣщая мнѣ чрезъ три мѣсяца экстраорд. профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ, я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ Университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ приобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть воснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, проживя здѣсь, я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театрѣ здѣшній я ставлю пьесу (*), кѣторая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ подъ полы другую. Короче, въ эту зиму я столько обдѣлаю, если Богъ поможетъ, дѣлъ, что не буду раскаяваться въ томъ, что остался здѣсь этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украйной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны употребилъ всѣ возможныя силы. — — — Какъ бы то ни было, но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите принять къ себѣ въ Кіевъ, то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ доктора велютъ напрямикъ убираться, да призна(юсь), и самому становится чѣмъ далѣ нестерпимѣе петербургскій воздухъ. Я тебѣ попрошу, пожалуста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продающіяся мѣста для дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ видѣнъ изъ него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать тебѣ деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вѣтствѣ. Пожалуста напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я ду-

(*). Дѣло идетъ о «Ревизорѣ». Другая пьеса, о которой онъ упоминаетъ дальше, вѣроятно — «Женитьба».

маю, его совершенно разнюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣеть характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, поляки, ученый дрязгъ нашъ, перекудки и монахи. Тотъ пріятель нашъ, о которомъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данил. Ш***: воспитыва(лся) въ здѣшнемъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Θεодосію, послѣ въ другія мѣста въ Южной Россіи, въ какія, не помню, — а спросить его позабылъ, потомъ служилъ въ Таможняхъ, — наконецъ нахо(ди)тся у Б*** въ Почтовомъ Департаментѣ. Въ Нѣжинѣ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что Гимназія имѣеть особенныя права и постановленія — — — Сиѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ некогда: сейчасъ ѣду въ Парское, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ. Прощай!

«Твой Гоголь.»

Августа 23. (1834, изъ С. Петербурга.)

«Пріятель нашъ Семенъ Данилов. Ш*** хочетъ или въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую Гимназію, и потому еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста нѣ вакантны теперъ, то, можетъ быть, тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ пожалуста не прозѣвай. — Пронюхай, что есть въ вашей библіотекѣ относящагося до нашего края; весьма бы было хорошо, еслибъ ты поручилъ кому нибудь составить имъ маленькій реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) замѣчательныхъ вещей. Исторія моя терпитъ ужасную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ — — — лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами. На дняхъ С*** и Г*** перегрызлись какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди скоро помирятся. Наши всѣ почти разѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмотрѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. Прощай. Пиши, что и какъ въ Кіевѣ.

«Твой Гоголь.»

Сиб. Января 22-го 1835.

«Ну, братъ, я уже не знаю, что и думать о тебѣ. Какъ, ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какойнибудь календарь или конскій лечебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, емѣсь всего, книгу, въ которой есть ли масло—сули самъ. (*)—За то ты долженъ непремѣнно описать все, что и какъ, начиная съ Университета и до послѣдней кievской букашки. — Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсенъ. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихънибудь вѣтхихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтобъ не позабыть. Есть нѣкто мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: затѣялъ быть учителемъ въ Житомирской Гимназіи изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя ли его какънибудь перетащить въ Университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомирѣ. Онъ былъ послѣ и въ Московскомъ Университетѣ и тамъ получилъ канди(да)та. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ. — Ну! весною увидимся; нарочно ѣду на Кіевъ для одного тебя.

«Что тебѣ сказать о здѣшнихъ происшествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта», а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковского полныя сочиненія и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. — Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9. — Авось либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, — право, нужно озарить Кіевъ чѣмънибудь хорошимъ. Но...

«Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени написать хоть двѣ строчки?

«Твой Гоголь.»

Гоголь хвалится, что пишетъ исторію среднихъ вѣковъ, которой никогда не суждено было быть оконченною, и ни слова не говоритъ о «Тарасѣ Бульбѣ» и прочихъ миргородскихъ повѣстяхъ, которыя занимали его умъ въ это время. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 23 августа 1834 года, онъ говоритъ, что «трудится

(*) Это были «Арабески».

какъ лошади падъ собственно своими вещами»: видно, это-то и были миргородскія повѣсти. Онъ до тѣхъ поръ строилъ и перестраивалъ свою «Исторію Малороссіи», пока изъ жертваго хлама лѣтописныхъ сказаній поднялся живой, буйно-энергическій образъ Тараса Бульбы. Эта размахистая фигура высказала ясные всевозможныхъ томовъ, какова была старинная жизнь Малороссіи и какъ понималъ ее Гоголь. Кажется; и самъ авторъ «Миргорода» созналъ эту истину, потому что, напечатавъ «Тараса Бульбу», отложилъ попеченіе объ исторіи Малороссіи и уже никогда къ ней не возвращался.

Слѣдующее письмо выражаетъ ликующее состояніе его души по свершеніи долгаго и, по собственному его признанію, тяжелаго труда. Вѣроятно, такіе судьи, какъ Пушкинъ, Жуковскій; князь Вяземскій и Плетневъ, не замедлили увѣнчать чело поэта свѣжими, вполне заслуженными лаврами, и, подъ вліяніемъ восторженнаго сознанія своего успѣха, онъ, вѣроятно, дѣлалъ не разъ то, что совѣтуетъ въ этомъ письмѣ г. Максимовичу и что вотомъ, въ каррикатурномъ видѣ, уступилъ Чичикову. Это будетъ письмо автора «Тараса Бульбы», еще не совсѣмъ отрѣшившагося отъ своего бурно-веселаго, заунывно-разгульнаго идеала. Уже одно его начало показываетъ, что авторъ только что воротился съ Запорожской Сѣчи.

Марта 22. (1835, изъ С. Петербурга.)

• Ой чи живы, чи здоровы,
• Все родычи гарбузовы? (*)

«Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во первыхъ, потому, что не коротко, а во вторыхъ, потому, что я изъ него больше горазло узналъ о твоемъ образѣ жизни.

«Посылаю тебѣ «Миргородъ». Авось либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первоначальныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ (особенно ты) глядѣть на жизнь какъ на тринь-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ. Пробовалъ ли ты когда ни-

(*) Назъ народной комической пѣсни:

Ходить гарбузы по городу,
Пытаецца своего роду....

буди, вставши по утру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ трепака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуешь другой души, чтобы разсказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1500 верстами, нью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь пріѣхать въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ. Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ всеправовѣдцы, да притомъ отъ нихъ такъ пахнетъ семинаріей, что ужь слишкомъ. Тарновскій идетъ повисторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что касается до его качествъ и души, то это такой человекъ, котораго всегда на подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принести слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни повышеній, ни честолюбія. Если бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы посоветовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ. Ибо я знаю по опыту, что значитъ имѣть при Университетѣ однимъ больше благороднаго человека. Но прощай; напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны. Чувствуешь ли ты свое счастье? знаешь ли ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, вливаешь ее, дышешь ею,—и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея. Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни.

«Твой Гоголь.»

Казалось бы, теперь между авторомъ «Миргорода» и профессоромъ русской словесности должна была закипеть вновь оживленная переписка; но случилось напротивъ. Гоголь написалъ еще только два письма къ г. Максимовичу (одно черезъ четыре мѣсяца, а другое черезъ четыре съ половиною года), и больше никогда ни слова, хотя до конца жизни оставался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Вотъ его послѣднее письмо.

Полтава. Іюль, 20 дня. 1835.

«О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шеннула мнѣ лѣнь моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ: ѣхавшему вѣстѣ со мною нужно было поспѣвать въ срокъ и никакъ нельзя было дѣлать развѣздовъ, и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ три недѣли ѣду опять въ Петербургъ, — къ 13 или къ 14, впрочемъ, буду непременно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавъ 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою. И тогда поговоримъ о томъ и о другомъ и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя; впрочемъ, ты вѣрно это и безъ моихъ объявленій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что молчишь. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находить столбнякъ. А что, какъ ты? Я думаю, такъ движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще. Письмо твое успѣетъ застать меня. Право, соскучилъ безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть. Прощай.

«Твой Гоголь.»

О послѣднемъ письмѣ Гоголя къ г. Максимовичу я покаместъ умолчу: оно относится къ третьему періоду жизни поэта и представляетъ его уже совсѣмъ инымъ человѣкомъ....

Гоголь исполнилъ обѣщаніе, данное земляку и другу въ письмѣ отъ 20 іюля 1835 года. Онъ посѣтилъ его въ Кіевѣ, на пути въ столицу, и прожилъ у него около пяти сутокъ. Г. Максимовичъ занималъ тогда квартиру въ домѣ Катеринича, на Петер-

къ. (*) Отсюда Гоголь отправлялся въ разныя прогулки по Киеву и его окрестностямъ, въ сопровожденіи г. Максимовича или кого нибудь изъ товарищей по Нѣжинской Гимназіи, служившихъ въ Киевѣ. На лаврской колокольнѣ, откуда открывается обширная панорама гористаго Киева и его окрестностей, можно видѣть собственноручную его надпись. Онъ долго просиживалъ на горѣ у церкви Андрея Первозваннаго и разсматривалъ видъ на Подоль и на днѣпровскіе луга. Въ то время въ немъ еще не было замѣтно мрачнаго сосредоточенія въ самомъ себѣ и сокрушенія о своихъ грѣхахъ и недостаткахъ; онъ былъ еще живой и даже немножко вѣтреный юноша. У г. Максимовича хранятся пѣсни, записанныя имъ въ Киевѣ отъ его знакомыхъ и относящіяся къ нѣкоторымъ киевскимъ мѣстностямъ. Безотчетная склонность его къ юмору, которой онъ только впоследствии далъ опредѣленное направленіе, ни въ чемъ не находила столько пищи, какъ въ этомъ — весьма обширномъ — отдѣлѣ малороссійской народной поэзіи....

Здѣсь кстати сдѣлать аналогію между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. Никто изъ современныхъ писателей русскихъ и иностранныхъ не бросалъ на жизнь такого грустнаго взгляда, какъ Гоголь. Самъ Байронъ слабѣе его чувствовалъ паденіе натуры человѣческой. Гордый своими достоинствами англичанинъ раздражался ничтожествомъ ближняго или общественными пороками. Гоголь, напротивъ, съ смиреніемъ христіанина, сознавалъ на своей душѣ ужасавшіе его отпечатки соприкосновеній съ людьми, которые его окружали, и страдалъ отъ своего дара измѣрять всю глубину бездны, въ которую онъ былъ повергнутъ. (**). Его сердечныя вопли были вопли души, низринутой въ адъ съ высоты самообольщенія и очнувшейся посреди грѣховныхъ страшилищъ. Невозможно взять ноты болѣе грустной, какія онъ бралъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрите, съ какимъ дѣтскимъ увлеченіемъ предавался онъ самой безза-

(*) Недалеко отъ стараго Никольскаго монастыря съ одной и Царскаго сада съ другой стороны.

(**) Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ — говорить онъ въ своемъ «Завѣщаніи» — но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. *Страшна душевная чернота*, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ предъ глазами! («Выбранья Мѣсяца изъ Переписки съ Друзьями», стр. 9.)

ботной веселости, даже и не въ первые періоды своей жизни, — даже и тогда, когда онъ смѣлся уже горькимъ смѣхомъ. То не было, однакожь, въ немъ признакомъ довольства жизнью и собою; онъ никогда не бывалъ доволенъ ни собой, ни другими вполне; съ школьной скамейки онъ уже возставалъ противъ того, что онъ называлъ тогда «корою земности и ничтожнаго самодоволія», которыя подавляли въ его ближнихъ «высокое назначеніе человѣка», и это безпокойное чувство было залогомъ постоянного развитія его духа. То было инстинктивное побужденіе природы — вознаграждать утрату главнаго элемента жизни, сердечной веселости, смѣхомъ, проистекающимъ извнѣ человѣка и замѣняющимъ для нашего сердца только въ слабой степени тотъ животворный смѣхъ, которымъ смѣется ребенокъ, или неопытная дѣвушка, не вкусившая въ жизни еще никакой отравы. То была строгая необходимость отдыха и забытья для тѣло напряженной нравственной жизни.

Если мы предложимъ себѣ вопросъ: откуда въ Гоголѣ явился такой оригинальный строй духа; если мы пройдемъ вверхъ по теченію его жизни, станемъ разсматривать всѣ сильныя вліянія, которымъ онъ подвергался въ разные ея моменты, станемъ доискиваться, не встрѣчалъ ли онъ когда либо чего нибудь однороднаго съ тономъ и складомъ своего творчества: то ни его сближеніе съ такими поэтами, какъ Пушкинъ и Жуковскій, ни изученіе твореній Гомера, Шекспира, Шиллера и Вальтеръ-Скотта, впечатлѣвшееся на его сочиненіяхъ, ни положеніе его въ школѣ, среди немногихъ друзей и, такъ называемыхъ имъ, «существователей», ни домашняя жизнь въ Яновщинѣ, гдѣ онъ, по собственнымъ словамъ, былъ «окруженъ съ утра до вечера веселіемъ», ни внушенія отца, ни любовь матери, ни неизбежное баловство со стороны такихъ «кроткихъ, безхитростныхъ душъ», каковы были его Аванасій Ивановичъ и Шульхерія Ивановна, — ничто это, по крайнему моему разумѣнію, не должно было назнаменовать въ его душѣ тотъ дивный путь, которымъ пошелъ его природный гений. Гораздо ранѣе разумаго сознанія своихъ опущеній подвергнулся онъ вліянію, которое дѣйствуетъ на поэтическую душу сильнѣе, нежели что либо впослѣдствіи, и даетъ ей неизмѣнное направленіе. То была народная поэзія племени, котораго нравственныя свойства въ такой поднотѣ отразила въ себѣ гоголева натура.

«Я думаю — говорить Вальтеръ-Скоттъ, описывая свое дѣтство — что дѣти получаютъ могущественныя и важныя для ихъ послѣдующей жизни побужденія, слушая такія вещи, которыхъ они не въ состояніи вполне понимать» (*), и оправдываетъ это глубокомысленное замѣчаніе изложеніемъ весьма раннихъ вліяній, которымъ онъ былъ обязанъ господствующимъ направле-ніемъ своего генія.

Зная, какъ развивался въ дѣтствѣ шотландскій бардъ, зная, что всего прежде, всего рѣшительнѣе и всего могущественнѣе увлекало его поэтическую душу, и даже находя между нимъ и Гоголемъ много общаго въ энтузіазмѣ, съ которымъ тотъ в дру-гой предавался изученію своей національной поэзіи, въ дѣт-скомъ и въ юношескомъ возрастѣ (**), я не безъ основанія буду утверждать, что голоса украинскихъ пѣсенъ, поражавшія слухъ Гоголя еще въ колыбели, и содержаніе ихъ, рано сдѣлавшееся для него доступнымъ въ общемъ своемъ характерѣ, дали еще неподвижному зародышу его творчества характеръ трагической грусти и лирическаго смѣха, развившійся впоследствии до такой поразительной силы. Ибо ни у одного народа пѣсня не выходитъ

(*) Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, by Lockhart. Paris, 1838; vol. I, p. 14.

(**) Вотъ какъ рассказываетъ Вальтеръ-Скоттъ въ своей автобиографіи о своей страсти къ народнымъ пѣснямъ:

«Въ числѣ важныхъ умственныхъ приобрѣтеній этого времени (т. е. когда ему было тринадцать лѣтъ) было то, что я узналъ. Остатки Старинныхъ Стихотвореній епископа Перси. Такъ какъ я съ самаго дѣтства пристрастился къ легендарному складу идей, и только по скудости матеріаловъ и грубости тѣхъ, которые были у меня въ рукахъ, отрыва-вался отъ легендъ къ другимъ умственнымъ удовольствіямъ, то можно вообразить, но нельзя описать, съ какимъ восторгомъ я увидѣлъ пѣ-сы, подобныя тѣмъ, которыя были забавою моего дѣтства и все еще оставались тайнѣю Даландою моего воображенія.... Лѣтній день проходилъ для меня такъ быстро, что, несмотря на свѣжій аппетитъ тринад-цати-лѣтняго возраста, я забылъ объ обѣдѣ; меня принесли искать съ безпокойствомъ и нашли пресыщающагося умственной моею трапе-зою.... Съ тѣхъ поръ я надѣлъ своимъ школьнымъ товарищамъ и всѣмъ, кому была охота меня слушать, трагическими выдержками изъ балладъ епископа Перси. Я воспользовался первою возможностью ско-пить нѣсколько шиллинговъ, которые попадали въ мои руки не очень часто, чтобы приобрѣсть собственный экземпляръ этой безцѣнной книги, и не думаю, чтобы какую либо книгу читалъ я въ половину такъ часто и съ такимъ увлеченіемъ.» (Ibid., vol. I, pp. 21—22.)

изъ такой мрачной душевной глубины, какъ у малороссiянъ, и ни одно племя на землѣ не способно, послѣ горькаго плача, послѣ разрывающаго сердце отчаянiя, смѣяться такимъ всепобѣждающимъ смѣхомъ, какимъ смѣются они въ своихъ комическихкихъ и саркастическихкихъ пѣсняхъ. Переходъ отъ горести къ смѣху и отъ смѣха къ горю въ ихъ поэзии и натурѣ такъ быстръ и такъ естественъ, что вся ихъ жизнь похожа на мрачную ткань, затканную блестящимъ шолкомъ, который, рисуя на одной сторонѣ яркiе цвѣты, тою же ниткою выражаетъ на оборотѣ по сіяющему полю траурныя узоры. Отсюда происходитъ, что «подъ видимымъ смѣхомъ» у Гоголя всегда «скрываются незримыя, невѣдомыя міру слезы» (*), а по мрачной ткани его фантази вездѣ разсыпаны сверкающiе цвѣты восторга и яснаго, сердечнаго хохота.

Возвратясь осенью 1835 года въ Петербургъ, Гоголь почувствовалъ сильнѣе прежняго необходимость поправить свое здоровье въ тепломъ климатѣ и началъ готовиться къ путешествiю на Кавказъ или въ другой подобный край заблаговременно. Второе изданiе «Вечеровъ на Хуторѣ» и постановка на сцену «Ревизора» доставляя ему къ тому средства. Но кто бы могъ думать, что авторъ такой смѣшной (я не говорю: веселой) комедii, какъ «Ревизоръ», страдалъ отъ нея не только во время ея представленiя, но и задолго до него? Причины его страданiй объяснить трудно. Довольно, впрочемъ, сказать, что онъ самъ ставилъ на сцену свою комедiю и усиливался образовать для нея актеровъ — подвигъ, требующiй усилiй продолжительныхъ и авторитета непреложнаго. До какой степени удались ему его хлопоты, видно отчасти изъ «Письма къ одному литератору», напечатаннаго имъ впоследствии (съ сокращенiями) въ приложенiяхъ къ «Ревизору».

«Ревизоръ сыгранъ — говоритъ онъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ страшно.... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно тягостное облекало меня. Мое же созданiе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое.»

Далѣе :

«Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ ми-

(*) «Мертвыя Души», стр. 254.

путнаго горделиваго расположенія , думалъ , что когда и забудь актеръ обширнаго таланта возблагодарить меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній , дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта ? И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская , ничтожная роль ! Это тяжело и ядовито-досадно. — Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный . О восторгѣ и приѣмѣ публики я не заботился . Одного только судьи изъ всѣхъ , бывшихъ въ театрѣ , я боялся , — и этотъ судья былъ я самъ . Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы , которые заглушали всѣ другіе . — — — Еще разъ повторяю : тоска , тоска ! Не знаю самъ , отчего одолѣла меня тоска . — — — Я усталъ душою и тѣломъ . Клянусь , никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій . Богъ съ ними со всѣми ! мнѣ опротивѣла моя пьеса . Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда , и предстоящее мнѣ путешествіе , пароходъ , море и другія далекія небеса могутъ одна только освѣжить меня . Я жажду ихъ , какъ Богъ знаетъ чего .»

Это было писано 25 мая 1836 года . Прочитавъ этотъ отрывокъ , каждый почувствуетъ , до какой степени душевныя силы поэта были истощены стараніями выразить своею комедіею непонятное для ея исполнителей и неприятными толкованіями съ людьми , которые не знали цѣны его таланту и не щадили его сердца . Имъ овладѣла тоска , которую долженъ былъ бы почувствовать каждый художникъ , обманувшійся въ своихъ гордыхъ надеждахъ , и тѣмъ сильнѣе она одолѣла его , что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 года сочиненій , трудами по службѣ и приготовленіями къ такимъ работамъ , какъ «Исторія Малороссіи» въ шести и «Исторія Среднихъ Вѣковъ» въ девяти томахъ . Ему необходимо было вырваться изъ своей сферы и искать спокойствія и исцѣленія вдали отъ отечества , среди вѣмыхъ для него племенъ , среди постороннихъ для него интересовъ , среди памятниковъ миновавшаго времени , столь успокоительно говорящихъ поэтической душѣ (*), среди безсмертныхъ созданій кисти и рѣзца , среди вѣчной весны , которой онъ такъ жаждалъ , бывало , въ Петербургѣ , и о которой писалъ къ своему другу въ

(*) Вспомнимъ слова Гоголя въ письмѣ къ г. Максимовичу отъ 9 ноября 1833 года : «Ничто такъ не успокоиваетъ , какъ исторія .»

Кіевъ : « Дай мнѣ ее одну, одну, — и никого больше я не желаю видѣть ! »

Такъ слѣдовало заключить о немъ изъ извѣстныхъ доселѣ внутреннихъ и внѣшнихъ его обстоятельствъ. Но, сообразивъ первыя стремленія къ общей пользѣ съ практическимъ направлениемъ его литературной дѣятельности, высказавшемся въ «Перепискѣ съ Друзьями» и въ самихъ «Мертвыхъ Душахъ», невольно остановишься на мысли, что приведенныя выше обстоятельства не могли бы еще подвинуть его на увольненіе отъ службы и переездъ за границу. Государственную службу Гоголь съ самой юности считалъ цѣлью своего существованія и, не прїѣздѣ въ Петербургъ, перепробовалъ нѣсколько родовъ ея, ища поприща, на которомъ онъ могъ бы всего больше приносить пользы. Наконецъ наблюденія палъ самимъ собою, а можетъ быть, и внушенія Пушкина, убѣдили его, что настоящее его призваніе литература, и что только на этомъ поприщѣ онъ будетъ истинно полезенъ своему отечеству. «Ревизоръ», при всей неудовлетворительности постановки на сцену этой пьесы, показалъ ему, что можетъ сдѣлать писатель, возгорѣвшійся любовью къ добру и сатирическимъ «гнивомъ» къ недостойному въ чловѣкѣ. Съ первымъ наброскомъ «Мертвыхъ Душъ», читанныхъ Пушкину, въ головѣ ея явилась неясная, но предчувствуемая силою вдохновенія, мысль цѣлаго созданія, которымъ «можно устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному» (*); почувявъ все величіе подобнаго подвига, онъ убѣдился окончательно, что поступить «честно», если перемѣнить службу государственную на службу Царю и Отечеству посредствомъ литературы. Но чтобы выносить въ душѣ идею задуманнаго созданія, ему было необходимо такое мѣсто, куда бы, какъ выражался онъ, «не доходили до него волненія». Такого мѣста онъ не имѣлъ въ Россіи. Здѣсь на него многіе имѣли права, которыхъ онъ не могъ и не желалъ отвергнуть. Онъ безпреставно прикасался здѣсь къ мелкой ежедневной дѣятельности, а ему нужно было провести много времени наединѣ съ Богомъ, съ природой и съ своею душою. Этого мало : сама Россія не могла представить его уму во всей громадности своего образа, пока онъ находился посреди соотечественниковъ. Онъ

(*) Слова Гоголя въ «Перепискѣ съ Друзьями», стр. 152.
Т. LXII. Стл. II.

долженъ былъ отойти отъ нея, чтобы обнять ее всю своимъ духовнымъ взоромъ, и чтобы, въ удаленіи отъ отечества, возгорѣться свѣжею къ нему любовью. Такимъ образомъ желаніе послужить вѣрною и правдою своему Царю и народу, а не какіе нибудь мелкіе эгоистическіе расчеты заставили Гоголя выйти въ отставку и уѣхать изъ Россіи. Это можно сказать рѣшительно, основываясь на его письмахъ, на его душевныхъ признаніяхъ и на всѣхъ его поступкахъ до конца жизни. Онъ былъ примѣрный гражданинъ земли своей, отъ юности до смерти оставшіяся вѣрнымъ одной благородной цѣли—приносить пользу обществу; ибо, что бы онъ ни предпринималъ, чѣмъ бы ни увлекался, мысль о службѣ Отечеству и верховному представителю Отечества, Царю, выражаясь его словами, «пребывала неотлучно въ головѣ его впереди всѣхъ его дѣлъ и занятій».

Я увѣренъ, что многимъ, знавшимъ Гоголя лично, покажутся странными эти слова. Они приведутъ въ недоумѣніе и тѣхъ, кто будетъ перечитывать заграничныя письма Гоголя, помѣщенныя далѣе въ моемъ «Опытѣ». Привождая его обыкновенные разговоры, его саркастическія выходки и разные житейскіе дразги, никто не скажетъ, чтобы Гоголь въ своей поездкѣ за границу управлялся всего болѣе желаніемъ быть тамъ, чѣмъ онъ не въ состояніи былъ показать себя на службѣ, то есть гражданиномъ земли своей; ибо онъ не любилъ обнаруживать даже и передъ близкими друзьями сокровеннѣйшихъ движеній души своей (*), и то, что для него было всего священнѣе, онъ всего глубже таилъ въ своемъ сердцѣ. Мало того: онъ почти всегда старался отклонить отъ своего тайника пытливыя взоры наблюдателя, посредствомъ одному ему свойственной проказливости. Поэтому-то многіе, передъ выѣздомъ его за границу, слышали отъ него только жалобы на сѣверный климатъ и на разныя непріятности въ сношеніяхъ съ холодными и тупыми людьми; иѣкоторые объясняли себѣ его удаленіе изъ Россіи неудачною привязанностью къ одной дѣвицѣ, — привязанностью, которая не могла бы ни къ чему привести его. Но никто ни прежде, ни послѣ его отъѣзда не могъ имѣть въ по-

(*) Это было въ немъ врожденнымъ инстинктомъ. Вспомнимъ отвѣтъ его матери на извѣстіе о смерти отца. «Я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ, однакожь не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія.»

мышденіи , чтобы на этотъ разъ государственная служба , какъ всегда , стояла впереди всѣхъ его дѣйствій.

Есть люди — и ихъ довольно много — которые , не находя возможности согласить въ умѣ противоположныя , по видимому , поступки Гоголя въ разныя эпохи его жизни , полагаютъ , что онъ только внослѣдствіи начерталъ себѣ извѣстный планъ поведенія , и увѣрялъ себя и другихъ , что онъ никогда не чувствовалъ и не дѣйствовалъ иначе. Но вѣдь это же самое говорятъ и относительно его религіозности . опираясь на нѣсколькихъ словахъ , вырывавшихся у него изъ устъ въ минуты беззаботной веселости. А между тѣмъ онъ смертию своею доказалъ , что онъ былъ не только истинный христіанинъ , но и покорнѣйшій сынъ Православной Церкви.

Какъ , однакожъ , объяснить въ его характерѣ кажушіяся противорѣчія? Почему , напримѣръ , онъ , будучи глубоко цѣломудренъ въ душѣ , позволялъ себѣ иногда пѣсни и шутки вовсе не цѣломудренныя? почему , при своемъ уваженіи къ ученію Отцовъ Церкви , онъ иногда , въ припадкѣ веселости , какъ будто забывалъ о немъ? или какимъ образомъ , стоя на высотѣ христіанскаго смиренія , онъ точно подбиралъ себѣ кругъ друзей исключительно между богатыми и знатыми?

Я затѣмъ предлагаю эти вопросы , что они сильно занимали меня , пока я не выяснилъ себѣ личности Гоголя ; ибо я не всегда питалъ къ нему тѣ чувства , съ которыми теперь начертываю исторію его внѣшней и внутренней жизни. Сомнѣнія , недоумѣнія , негодованіе на кажущуюся пошлость его поступковъ , презрѣніе къ мнимой его надмѣнности и кичливости и другія тягостныя и непріятныя чувства , которыя возбуждалъ Гоголь въ разныя времена своей жизни въ истинныхъ своихъ почитателяхъ , были и моиими чувствами ; и чѣмъ больше я цѣнилъ талантъ его , тѣмъ сильнѣе возставалъ въ душѣ противъ того , что я называлъ тогда темными сторонами его характера. Даже въ то время , когда надъ его могилой раздавались еще свѣжія сожалѣнія и высказаны были нѣсколькими его друзьями искреннія ихъ убѣжденія касательно его человѣческой личности , духъ сомнѣнія не оставилъ меня , и я , изображая , въ краткомъ очеркѣ , его дѣтство , не хотѣлъ перейти за черту того , что относится собственно къ его таланту , или къ тому возрасту , въ которомъ все дѣйствительно.

Но когда передо мной открылись всё материалы для его биографии, которые читатель найдетъ въ этой книгѣ, и я вошелъ въ болѣе близкія отношенія съ душою поэта, мои сомнѣнія и недовѣрчивость къ искренности всѣхъ его поступковъ въ остальное десятилѣтіе его жизни начали уступать мѣсто теплomu сочувствію къ его убѣжденіямъ и удивленію къ силѣ и ясности его души — точно какъ будто самъ онъ явился ко мнѣ съ другого свѣта и удостовѣрилъ меня во всемъ, положивъ руку на сердце.

Но убѣдить ли мое убѣжденіе читателя, еще незнакомаго со всѣми извѣстными мнѣ обстоятельствами жизни поэта? Нѣтъ; даже объясненія, которыя сдѣлалъ бы я ему теперь на предложенные выше вопросы, не могутъ быть приняты имъ такъ, какъ они составились въ умѣ моемъ. Необходимо самому читателю пройти до конца испытующимъ окомъ всѣ проявленія характера в души Гоголя, сколько сохранено ихъ отъ забвенія въ этомъ сборникѣ, и, по мѣрѣ своей способности, анализировать столь высокій и трудный предметъ, составить себѣ собственныя убѣжденія. Я въ этомъ случаѣ имѣю передъ нимъ только преимущество первенства. Я былъ уже въ этой необыкновенной галлерей, я привелъ въ ней кое-что въ порядокъ, чтобы каждый предметъ получалъ свою видимость; я оставилъ въ ней замѣтки кой-какихъ своихъ наблюденій и соображеній, которыя облегчатъ для него изученія предмета, и теперь предлагаю каждому войти въ эту галлерей и вынести изъ нея въ душѣ своей что кто можетъ вынести.

ПЕРИОДЪ ТРЕТІЙ.

Гоголь за границей. — Поѣздка изъ Лозанны въ Веве. — Вліаніе смерти Пушкина на дѣятельность Гоголя. — Жизнь въ Римѣ. — Переписка съ прежней ученицей. — Переводъ итальянской комедіи. — Письма къ М. С. Щепкину и П. А. Плетневу. — Волѣтельное состояніе Гоголя. — Шутливость въ характерѣ его. — Дорожныя приключенія. — Возвращеніе въ Россію. — Хлюпоты по изданію «Мертвыхъ Душъ».

Съ выѣздомъ за границу начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по тѣмъ письмамъ, которыя находятся у меня въ рукахъ, явится читателю сперва дѣтски безпечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ все болѣе и болѣе сумрачнымъ и наконецъ грозно-торжественнымъ.

Мы войдемъ въ этотъ періодъ его жизни посредствомъ одного изъ самыхъ веселыхъ его писемъ, въ которомъ онъ рассказываетъ одной изъ своихъ петербургскихъ ученицъ о своемъ путешествіи изъ Лозанны въ Веве.

• Веве. Октября 13-го 1836.

«Хотя вы, милостивая государыня ***, не изволили мнѣ описать вашего путешествія въ Антверпенъ и въ Брюссель, и хотя слѣдовало бы и съ моей стороны сдѣлать то же, но, несмотря на это, я рѣшаюсь описать вамъ путешествіе мое въ Веве, — во первыхъ, потому, что я очень благовоспитанный кавалеръ, а во вторыхъ, потому, что предметы такъ интересны, что мнѣ было бы грѣхъ не писать о нихъ. Простившись съ вами — что, какъ вы помните, было въ исходѣ перваго часа — я отправился въ Hôtel du Fauson. Обѣдало насъ три человѣка: я посреди; съ одной стороны почтенный старикъ французъ съ перевязанною рукою и орденомъ, а съ другой стороны — почтенная дама, жена его. Подали супъ съ вермишелями. Когда мы всѣ трое супъ откушали, подали намъ вотъ какія блюда: говядину отварную, котлеты бараньи, вареный картофель, шпинатъ со шпигованной телятиной и рыбу средней величины къ бѣлому соусу. Когда я

откушалъ картофель, который я весьма люблю, особливо, когда онъ хорошо сваренъ, французъ, который сидѣлъ возлѣ меня, обратясь ко мнѣ, сказалъ :

« — Милостивый государь....

« Или нѣтъ, я позабылъ : онъ не говорилъ : Милостивый государь; онъ сказалъ :

« — Monsieur, je vous sers cette viande. C'est très bonne viande.

« На что я сказалъ :

« — Да, действительно это очень хорошая говядина.

« Потомъ, когда приняли говядину, я сказалъ :

« — Monsieur, permettez-moi de vous servir une côtelette.

« На что онъ сказалъ :

« — Съ большимъ удовольствіемъ. Я возьму котлетку, тѣмъ болѣе, что, кажется, хорошая котлетка.

« Потомъ приняли и котлетку, и поставили вотъ нѣкія блюда: жаркое — цыпленка, потомъ другое жаркое — баранью ногу, потомъ поросенка, потомъ пирожное — компотъ съ грушами, потомъ другое пирожное — съ рисомъ и яблоками. Какъ только мнѣ перемѣнили тарелку и я ее вытеръ салфеткой, французъ, сосѣдъ мой, попотчивалъ меня цыпленкомъ, сказавъ :

« — Puis-je vous offrir un poulet ?

« На что я сказалъ :

« — Je vous demande pardon, Monsieur, я не хочу цыпленка; я очень огорченъ, что не могу взять цыпленка; я лучше возьму кусокъ бараньей ноги, потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку.

« На что онъ сказалъ, что онъ точно зналъ многихъ людей, которые предпочитали баранью ногу цыпленку.

« Потомъ, когда откушали жаркое, французъ, сосѣдъ мой, предложилъ мнѣ компотъ изъ грушъ, сказавъ :

« — Я вамъ совѣтую, Monsieur, взять этого компота : это очень хорошій компотъ.

« — Да, сказалъ я, это точно очень хорошій компотъ. Но я ѣдалъ (продолжалъ я) компотъ, который приготовляли собственныя ручки княжны В*** Н*** Р*** и котораго можно назвать королемъ компотовъ и главнокомандующимъ всѣхъ пирожныхъ.

«На что онъ сказалъ :

«— Я не ѣдалъ этого компота, но сужу по всему, что онъ долженъ быть хорошъ, ибо мой дѣдушка былъ тоже главнокомандующій.

«На что я сказалъ :

«— Очень жалѣю, что не былъ знакомъ лично съ вашимъ дѣдушкою.

«На что онъ сказалъ :

«— Не стоитъ благодарности.

«Потомъ приняли блюда и поставили десертъ. Но я, боясь опоздать къ дилижансу, попросилъ позволенія оставить столъ на что французъ, сосѣдь мой, отвѣчалъ очень учтиво, что онъ не находитъ съ своей стороны никакого препятствія.

«Тогда я, вваливъ шинель на лѣвую руку, а въ правую взявъ дорожный портфель съ бѣлою бумагою и разною собственноручною дрянью, отправился на почту.

«Дорога отъ Фокона до почты вамъ совершенно извѣстна, и потому я не берусь ее описывать. Притомъ вы сами знаете, что предметовъ, которые бы слишкомъ поразили воображеніе, на ней очень, очень немного. Когда я пришелъ къ дилижансу, то увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что внутри кареты все было почти занято. Оставалось одно только мѣсто въ срединѣ. Сидѣвшіе дамы и мужчины были люди очень почтенные, но нѣсколько толсты, и потому я минуту предавался размышленію. «Хотя—подумалъ я—мнѣ здѣсь не будетъ холодно, если я усядусь посрединѣ; но, такъ какъ я человекъ subtilный и щедушный, то весьма можетъ быть, что они изъ меня сдѣлаютъ лепешку, пока я доѣду до Вева. Это обстоятельство заставило меня взять мѣсто на верху кареты. Мѣсто мое было такъ широко и покойно, что я нашелъ приличнымъ положить вмѣстѣ съ собою и мои ноги, за что, къ величайшему моему изумленію, не взяли съ меня ничего и не прибавили платы, что заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Такимъ образомъ помѣстясь лежа на каретѣ, я началъ разсматривать всѣ бывшіе по сторонамъ виды. Горы чрезвычайно хороши, и почти ни одной не было такой, которая бы шла внизъ, но всѣ вверхъ. Это меня такъ изумило, что я ужь и пересталъ смотрѣть на другіе виды. Но болѣе всего поразилъ меня гороховый фракъ сидѣвшаго со мной кондуктора. Я такъ углубился въ размыш-

леніе , отчего одна половина его была темнѣе , а другая свѣтлѣе , что и не замѣтилъ , какъ доѣхалъ до Веве . Миѣ такъ понравилось мое мѣсто , что я хотѣлъ еще и больше полежать на верху кареты; но кондукторъ сказалъ , что пора сойти , на что я сказалъ , что я готовъ съ большимъ удовольствіемъ .

« — Такъ пожалуйста миѣ вашу ручку ! » сказалъ онъ .

« — Извольте , отвѣчалъ я .

« Съ кареты сходилъ я сначала лѣвою ногою , а потомъ правою ; но , къ величайшему прискорбію вашему (потому что я знаю , что вы любите подробности) , не помню , на которую спицу колеса ступилъ я ногою — на третью или на четвертую . Если хорошо припомнить всѣ обстоятельства , то , кажется , на третью; но опять если рассмотретьъ съ другой стороны , то представляется , какъ будто на четвертую . Впрочемъ , я вамъ совѣтую немедленно теперь же послать за кондукторомъ : онъ , вѣрно , долженъ знать ; и чѣмъ скорѣе , тѣмъ лучше , потому что если онъ выснится , то позабудетъ .

« По сошествіи съ кареты , отправился я къ набережной встрѣчать пароходъ . Это путешествіе могло бы доставить очень много пользы , особенно для молодыхъ людей , и , вѣроятно , развило бы прекрасно ихъ способности , еслибъ не было слишкомъ коротко , ибо оно продолжалось никакъ не больше одной минуты съ половиною . Изъ пассажировъ , бывшихъ на пароходѣ , не оказалось ни одной физиономіи русской , даже такой , на которой бы выстроены были хотя вѣмецкій городъ . Выгрузились три дамы , Богъ знаетъ какого происхожденія , два кельнера и три англаша съ такими длинными ногами , что насилу могли выйти изъ лодки . Вышедши изъ лодки , они сказали « гопшъ » и пошли искать table d'hôte . Потомъ я пошелъ къ себѣ въ комнату , гдѣ сначала сидѣлъ на одномъ диванѣ , потомъ пересѣлъ на другой , но нашель , что это все равно , — что если два равные дивана , то на нихъ рѣшительно сидѣть одинаково .

« Забѣсъ окончивается путешествіе . Все прочее , что ни было , все было незамѣчательно . Какъ вы хотите , но отвѣтъ вы непременно должны написать миѣ . Если вы затрудняетесь , какимъ образомъ писать , то я вамъ могу дать небольшой образецъ . Вы можете написать въ такомъ духѣ :

« Милостивѣйшій государь , почтеннѣйшій Николай Васильевичъ !

«Я имѣла честь волучать почтеннѣйшее письмо ваше сего октября... такого-то числа. Не могу выразить вамъ, милостивый государь, всѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу. Я проливала слезы въ сердечномъ умиленіи. Гдѣ обрѣли вы высокое искусство говорить такъ понятно душѣ и сердцу? Стократъ, стократъ желала бы я имѣть искусное перо, подобное вашему, чтобы быть въ возможности изливать такими же словами признательную и растроганную благодарность.»

«Потомъ вы можете написать : «Покорная къ услугамъ», или : «Готовая ко услугамъ», или что нибудь подобное, и письмо — я васъ увѣряю — будетъ хорошо. За сямъ позвольте мнѣ пожелать вамъ всего, что ни есть хорошаго на свѣтѣ, и остаться напереданнѣйшимъ и наипокорнѣйшимъ слугою.

«Н. Гоголь.

«P. S. Еще одно, не въ шутку, весьма нужное слово. При соедините вашу просьбу къ моей и упросите вапу маленьку прѣхать сегодня же или завтра въ Веве, если не состоится ваша поѣздка въ Женеву. При свиданіи съ вами, я былъ глупъ какъ швейцарскіи баранъ, — совершенно позабылъ вамъ сказать о прекрасныхъ видахъ, которые нужно вамъ непременно видѣть. Вы были и въ Монтре и въ Шильсѣ, но не были близко. Я вамъ совѣтую непременно сѣсть въ омнибусъ, въ которомъ очень хорошо сидѣть и который отправляется изъ вашей гостиницы въ семь часовъ утра. Вы поспѣете сюда къ завтраку, и я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; съ обѣихъ сторонъ горы, и нигдѣ почти вамъ не нужно будетъ подыматься на гору. Мы будемъ идти прекраснѣйшею долиною, которая — я знаю — вамъ очень понравится. Усталости вы не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видомъ. Нужно, чтобы онъ былъ очень хорошъ. Здѣсь пообедаемъ, если вамъ будетъ угодно, въ часъ, или можете отправиться къ себѣ въ Лозанну. Во всякомъ случаѣ, если вамъ не противно будетъ, я опять провожу васъ до Лозанны.»

По хронологическому порядку, за этимъ письмомъ слѣдуетъ у меня первое письмо Гоголя изъ заграницы къ П. А. Плетневу. (*) Содержаніе его представляетъ такой разительный контр-

(*) Т. е. первое изъ тѣхъ, которыя я имѣю теперь. Впоследствии, вѣроятно, отыщутся и другія.

расть съ веселою болтовнею разсѣянаго путешественника, какъ сердечные крики поэта съ его комическими картинами. Это было письмо по случаю извѣстія о смерти Пушкина. (Оно уже извѣстно читателю.) «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ.... Невыразимая тоска!...»

Никто бы не разсказалъ мнѣ о состояніи души поэта въ то время такъ ясно, какъ онъ самъ въ этихъ немногихъ словахъ. «Боже! — восклицаетъ онъ, какъ человѣкъ, видящій гибель своего драгоценнѣйшаго достоянія — нынѣшній трудъ, внушенный мнѣ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его....» Теперь, послѣ созженія этого труда, мы отъ всей души сочувствуемъ ужасу и горю поэта. Это была истинно трагическая минута! Да, жизнь Гоголя, при всей скудости извѣстныхъ намъ доселѣ фактовъ, представляетъ поэму полнѣе, выше и поразительнѣе «Мертвыхъ Душъ». Даже тайна, скрывающая отъ всѣхъ многіе поступки Гоголя и цѣлые годы его жизни, исполнена бѣльшей торжественности, нежели та, которая распростерлась надъ уничтоженными созданіями его генія.

Въ упомянутомъ письмѣ Гоголь жалуется, что «былъ очень боленъ», что «начинаетъ чистно поправляться», и говоритъ, что теперь только «установился на мѣстѣ», ато «все шатался въ дорогѣ». Изъ этого видно, что жизнь его въ Римѣ началась около половины марта 1837 года. Нѣкоторые изъ русскихъ художниковъ, коротко знавшіе Гоголя въ этомъ городѣ, говорятъ, что онъ былъ скрытенъ и молчаливъ въ высшей степени. «Бывало — разсказываетъ г. Гаевскій (*) со словъ этихъ художниковъ — отправится съ кѣмъ нибудь бродить по солнечнымъ лучамъ солнца полямъ обширной римской Кампаніи, пригласитъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣнія птицъ, и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порывамъ неудержимой веселости и являлся такимъ, какъ представляютъ его себѣ, судя по произведеніямъ, всѣмъ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острога слѣдовала за остроюю, и веселый смѣхъ

(*) Въ «Замѣткахъ для біографіи Гоголя.»

его слушателей не умолкалъ ни на минуту. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ, онъ особенно любилъ историческаго живописца А. И. Иванова, которому посвятилъ одно изъ писемъ въ своей «Перепискѣ», и который до сихъ поръ еще живетъ въ Римѣ, — гравера Ф. И. Юрдана, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ «Завѣщаніи» (стр. 14 и 15), и покойнаго скульптора Ставассера.»

Но послушаемъ, что говоритъ о своей римской жизни Гоголь, въ письмѣ г. Плетневу. Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, одно весьма важное и до сихъ поръ неизвѣстное обстоятельство: именно — что въ 1837 году сдѣлано было Гоголю отъ Царскихъ щедротъ единовременное пособіе въ 5,000 рублей ассигнаціями. Поэтъ осчастливленъ былъ столь великодушнымъ вниманіемъ къ его положенію «какъ нельзя больше», и этому-то празднику его души мы обязаны слѣдующимъ письмомъ, свѣтлымъ какъ итальянское небо.

«Римъ. Ноября 2-го 1847.

«Не сердитесь на меня, впрочемъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣтъ того, о чемъ любить изливаться молодая душа путешественника. Теперь на первый случай знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ нельзя больше; добрый Государь нашъ (храни его за это Богъ), пожаловавши мнѣ 5000 руб., далъ мнѣ средство по крайней мѣрѣ полтора года прожить безбѣдно въ Италіи.

«Что за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающей колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства, — все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все взмѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ небу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестя-

щами драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя, душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе; въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпосовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю ее, читаю..... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чтеніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для котораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ — и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите — рисуйте, хотите — глядите.... не хотите ни того, ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Проглянетъ солнце (а оно глядитъ каждый день) — и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастью. А если случится, что нѣтъ солнца (что бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце); то идите по церквамъ на каждомъ шагу: и въ каждой церкви чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія. Но небо, небо!... Вообразите, когда проходятъ два-три мѣсяца и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какойнибудь москуточекъ его!

«Но я разучился совсѣмъ писать письма; одно слово толкаетъ другое, я мараю, ставлю ошибки.... но когда нибудь вы увидите записки, въ которыхъ отразились, можетъ быть, вѣрно впечатлѣнія души моеи, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности.

«Тамъ и тѣ предметы, диво природы и искусства, къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой, въ томъ видѣ, въ какомъ она приняла ихъ.» (*)

Подъ этимъ-то вѣчно-сіяющимъ небомъ, вдали отъ удовольствій свѣта, которыя сдѣлались теперь для поэта «пошлыми», въ этомъ городѣ-деревнѣ и деревнѣ-городѣ, на просторѣ и на досугѣ, Гоголь написалъ или докончилъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», въ которой отразилось спокойствіе, лежащее

(*) Гоголь тщательно переписалъ это письмо для печатанія, и оно было уже подписано цензоромъ; но, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, печатаніе его было отгѣнено авторомъ.

надъ «вѣчнымъ городомъ», и видѣтъ широкой ходъ эпопей, забранный потомъ въ душу при безконечномъ чтеніи эпопей Рима. Въ послѣдующихъ письмахъ онъ самъ кипящею своею рѣчью расскажетъ, почему онъ представлялъ ясно Русь только среди чужого населенія и непохожихъ на нее странъ. Онъ постигнулъ и объяснилъ друзьямъ эту тайну по возвращеніи въ Россію въ 1841 году, съ готовою для печати рукописью «Мертвыхъ Душъ». Но не будемъ заглядывать впередъ и прослѣдимъ заграничную жизнь его по его письмамъ къ разнымъ особамъ. Всего сильнѣе занялъ нашего поэта «вѣчный городъ», котораго грандіозный образъ представилъ онъ въ своемъ отрывкѣ, подъ заглавіемъ «Римъ». Слѣдующее письмо его можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ этому отрывку романа, начатаго, какъ видно, на слишкомъ высокій строй и потому оставленнаго безъ продолженія. Оно тѣмъ интереснѣе, что въ немъ ужь намѣчены мысли и картины, которыя потомъ развиты и обработаны окончательно въ отрывкѣ «Римъ».

«Римъ, мѣсяць апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города. (*)»

«Я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанное вами отъ 10 февраля по здѣшнему счету. Оно такъ искренно, такъ показалось мнѣ полно чувства и въ немъ такъ отразилась душа ваша, что я рѣшился итти сегодня же въ одну изъ церквей римскихъ — тѣхъ прекрасныхъ церквей, которыя вы знаете, гдѣ дышетъ священный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышины овальнаго купола, какъ Святой Духъ, какъ вдохновеніе, посылаетъ средину ихъ, гдѣ двѣ-три молящіяся на колѣняхъ фигуры не только не отвлекаютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышленію. Я рѣшился тамъ помолиться за васъ. Хотя вашу ясную душу слышать и безъ меня Богъ и хотя немного толку въ моей грѣшной молитвѣ, но все-таки я молился; я исполнилъ этимъ движеніе души моей; я просилъ, чтобъ послали вамъ высшія силы прекрасныя небеса, солнце и ту живую, юную природу, которая достойна окружать васъ. Вы похожи теперь на картину, въ которой художникъ великій употребилъ всѣ свои силы на то,

(*) Обыкновенно полагаютъ, что Римъ основанъ за 753 года до Р. X. Если вычесть это число изъ 2588, то выйдетъ, что письмо было писано въ 1835 году, когда Гоголь находился еще въ Россіи; а между тѣмъ оно очевидно относится къ 1837 или къ 1838 году. *Н. М.*

чтобы создать прекрасную фигуру, которую онъ помѣстилъ на первомъ планѣ. Потомъ ему надоѣло заняться прочимъ, второй планъ онъ напачкалъ какъ ни попало, или, лучше, далъ напачкать другимъ. Оттого вышло, что позади васъ находится чухонская природа. Я слышу отсюда всѣ ваши чувства, и, зная васъ хорошо, я зналъ, что вы должны быть полны Римомъ, что онъ живетъ еще свѣтлѣе въ вашихъ мысляхъ теперь, чѣмъ прежде.

« Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то удивительное въ немъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, гдѣ, по причинѣ холеры, я остался гораздо долѣе, нежели сколько думалъ, я не могъ дожидаться часа, минуты ѣхать въ Римъ; и когда я получилъ въ Женевѣ вексель, который доставилъ мнѣ возможность ѣхать туда, я такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что еслибъ въ это время нашелся свидѣтель моей радости, то онъ бы принялъ меня за ужаснаго скрягу и сребролюбца. И когда я увидѣлъ наконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде, чѣмъ я родился на свѣгъ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ любить оно показываться сквозь арки Колизея. Опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ сосенъ, которые кажутся иногда плавающими въ воздухѣ; тотъ же чистый воздухъ; та же ясная даль; тотъ же вѣчный куполъ, такъ величественно круглящійся въ воздухѣ. Нужно вамъ знать, что я пріѣхалъ совершенно одинъ, что въ Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренціи. Но я былъ такъ полонъ въ это время, и мнѣ казалось, что я въ такомъ многолюдномъ обществѣ, что я припоминалъ только, чего бы не забыть, и тотъ же часъ отправился дѣлать визиты всѣмъ своимъ друзьямъ. Былъ у Колизея, и мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, потому что онъ, по своему обыкновению, былъ величественно милъ и на этотъ разъ особенно разговорчивъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ рождались такія прекрасныя чувства: стало быть, онъ со мною говорилъ. Потомъ я отправился къ Петру и ко всѣмъ другимъ, и мнѣ казалось, они всѣ сдѣлались на этотъ разъ гораздо болѣе со мною разговорчивы. Въ первый

разъ нашего знакомства они, казалось, были болѣе молчаливы, дичились и считали меня за форестьера.

«Кстати о форестьерахъ. Всю зиму, прекрасную, удивительную зиму, лучше во сто разъ петербургскаго лѣта — всю эту зиму я къ величайшему счастью не видалъ форестьеровъ; но теперь ихъ наѣхала вдругъ куча къ Пасхѣ. Чтò за веселый народъ! пріѣхалъ и сердится, что въ Римѣ нечистыя улицы, нѣтъ никакихъ совершенно развлеченій, много монаховъ, и повторяетъ вытверженные еще въ прошломъ столѣтіи изъ календарей и старыхъ альманаховъ фразы, что итальянцы подлцы, обманщики и проч. и проч. Впрочемъ, они наказаны за глупость своей души уже тѣмъ, что не въ силахъ наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслию въ прекрасное и высокое, — не въ силахъ узнать Италію. Есть еще классъ людей, которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: «Какъ это величаво! какъ хорошо!» словомъ, превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душою. Ихъ не терпитъ тоже моя душа, и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на себя маску набожности, лицемерія, услужливости для достиженія какойнибудь своей цѣли, нежели кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ.

«Знаете, чтò я вамъ скажу теперь о римскомъ народѣ? Я теперь занятъ желаніемъ узнать во глубинѣ весь его характеръ, слѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился, и скажу, что, можетъ быть, это первый народъ въ мірѣ, который одаренъ до такой степени эстетическимъ чувствомъ, невольнымъ чувствомъ понимать то, чтò понимается только пылкою природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейскій умъ не набросилъ своей узды. Какъ показались мнѣ гадки нѣмцы послѣ итальянцевъ — нѣмцы со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ! Но объ этомъ я вамъ, кажется, уже писалъ. Я думаю, уже вы сами слышали очень многія черты остроумія римскаго народа — того остроумія, которымъ иногда славилась древніе римляне, а еще болѣе — аттическій вкусъ грековъ. Ни одного происшествія здѣсь не случится безъ того, чтобъ не вышла какаянибудь острота и эниграмма въ народѣ. Во время торжества и праздника во случаю избранія кардиналовъ, когда городъ былъ иллюминированъ три дня (да, кстати здѣсь сказать, что нашъ пріятель

Мецофанти сдѣланъ тоже кардиналомъ и ходить въ красныхъ чулочкахъ), во время этого праздника было почти все дурное время; въ первые же дни карнавала дни были совершенно итальянскіе, — тѣ свѣтлые, безъ малѣйшаго облачка дни, которые вамъ такъ знакомы, когда на голубомъ полѣ неба сверкають стѣны домовъ, всѣ въ солнцѣ, и такимъ блескомъ, какого не вынесетъ сѣверный глазъ; въ народѣ вышелъ вдругъ экспромтъ: *I Dio vuol carnival e non vuol cardinale.*

«Знакомы ли были вы съ трансверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые такъ горды своимъ чистымъ происхожденіемъ? Они одни себя считаютъ настоящими римлянами. Никогда еще трансверянинъ не женился на иностранкѣ (а иностранкой называется всякая, кто только не въ городѣ ихъ), и никогда трансверянка не выходила замужъ за иностранца. Случалось ли вамъ слышать языкъ ихъ, и читали ли вы знаменитую ихъ поэму: *il Meo Patassa*, для которой рисунки дѣлалъ Пинелли? Но вамъ, вѣрно, не случалось читать сокетовъ нынѣшняго римскаго поэта Белли, которые, впрочемъ, нужно слышать, когда онъ самъ читаетъ. Въ нихъ, въ этихъ сокетахъ, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и такъ вѣрно отражается въ нихъ жизнь нынѣшнихъ трансверянъ, что вы будете смѣяться, и это тяжелое облако, которое налегаетъ часто на вашу голову, слетитъ прочь вмѣстѣ съ докучливой и несносной вашей головою болью. Они писаны *in lingua romanesca*; они не напечатаны, но я самъ ихъ послѣ пришлю.

«Кстати мы начали говорить о литературѣ. Намъ извѣстна только одна эпическая литература итальянцевъ, то есть литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII вѣка у итальянцевъ обнаружилась сильная склонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то нужно его изучать въ ихъ поэмахъ героико-комическихъ. Вообразите, что собраніе *autori burleschi italiani* состоитъ изъ сотора толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что давишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что одиѣ итальянскія типографіи могутъ печатать ихъ: во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которыхъ не

всякому можно позволить читать. Я вамъ расскажу теперь объ одномъ праздникѣ, который не знаю, знаете ли вы, или нѣтъ. Это — торжество по случаю построенія Рима, юбилей рожденія, или именины этого чуднаго старца, видѣвшаго въ стогнахъ своихъ Ромула. Этотъ праздникъ, или, лучше сказать, собраніе академическое, былъ очень простъ; въ немъ не было ничего особеннаго. Но самый предметъ былъ такъ великъ, и душа такъ была настроена къ могучимъ впечатлѣніямъ, что все казалось въ немъ священнымъ; и стихи, которые читались на немъ небольшимъ числомъ римскихъ писателей, больше вашими друзьями аббатами, всѣ безъ изыятія казались прекрасными и величественными, какъ будто по звуку трубы воздвигали въ памяти моей древнія стѣны, храмы, колонны, и возносили все это подъ самую вершину небесъ. Прекрасно, прекрасно все, что было: но такъ ли оно прекрасно, какъ теперь? Миѣ кажется, теперь... но по крайней мѣрѣ если бы миѣ предложили, что бы я предпочелъ видѣть предъ собою — древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величїи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ развалинахъ, — я предпочелъ бы Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ. Онъ прекрасенъ уже тѣмъ, что ему 2588-й годъ, что на одной половинѣ его дышетъ вѣкъ языческій, на другой — христіанскій, и тотъ и другой — огромнѣйшія двѣ мысли въ мірѣ.

«Но вы знаете, почему онъ прекрасенъ. Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющемъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежъ деревъ, едва покрывшихся свѣжей, почти желтой, зеленью, и даже темные какъ ворохъ крыло кипарисы, и еще далѣе голубые, матовые какъ бирюза горы Фраскати и Албанскія и Тиволи. Что за воздухъ! Удивительная весна! Глажу—не наглажусь. Розы усыпали теперь весь Римъ; по обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться въ одинъ носъ, чтобы не было ничего больше — ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри

были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовоція и весны.

«Но я чутъ было не позабылъ, что пора уже мнѣ отвѣчать на сдѣланные вами вопросы и порученія. Первый — поклониться первому аббату, котораго я встрѣчу на улицѣ — я исполнилъ, и вообразите, какая исторія! Вамъ нужно ее разсказать. Выхожу я изъ дому (Strada felice, № 126), иду я дорогою къ Monte pincio и у церкви Trinita готовъ спуститься лѣстницею внизъ; внизу — подымается на лѣстницу аббатъ. Я, припомнивъ ваше порученіе, снялъ шляпу и сдѣлалъ ему очень вѣжливый поклонъ. Аббатъ, какъ казалось, былъ тронутъ моею вѣжливостью и поклонился еще вѣжливѣе. Его черты мнѣ показались пріятными и исполненными чего-то благороднаго, такъ что я невольно остановился и посмотрѣлъ на него. Смотрю — аббатъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ меня очень учтиво, не имѣетъ ли онъ чести меня знать, и что онъ имѣетъ несчастную память позабывать. Тутъ я не утерпѣлъ, чтобы не засмѣяться, и разсказалъ ему, что одна особа, проведшая лучшіе дни своей жизни въ Римѣ, такъ привержена къ нему въ мысляхъ, что просила меня поклониться всему тому, что болѣе всего говоритъ о Римѣ, и между прочимъ первому аббату, который мнѣ попадется, не разбирая, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы только былъ въ чулочкахъ, очень хорошо натянутыхъ на ноги, и что я радъ, что этотъ поклонъ достался ему. Мы оба посмѣялись и сказали въ одно время, что наше знакомство началось такъ странно, что стоить его продолжать. Я спросилъ его имя, и — вообразите — онъ поэтъ, пишетъ очень недурные стихи, и мы теперь съ нимъ очень подружились. Итакъ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за это пріятное знакомство.

«Съ аббатомъ Lanci я не имѣлъ чести видѣться, а то бы, вѣрно, и ему отдалъ поклонъ.

«На вопросъ вашъ: «Здорова ли мейерова блуза пыльнаго цвѣта?» имѣю честь отвѣтствовать, что здорова. Я ее еще недавно видѣлъ вечеромъ на своемъ господинѣ, а господинъ былъ верхомъ на лошади, и такимъ образомъ пронеслись всѣ трое вихремъ по Monte pincio.

«Соломенная шляпа тоже, вѣроятно, здорова. На вопросъ же вашъ: «Боготворить ли онъ статуи?» имѣю честь доносить, что онъ, какъ кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія, — по

крайней мѣрѣ онъ побольше попадаетъ съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у которыхъ нѣтъ ни шляпокъ, ни лентъ, а одна запыленная драпировка, накинутая какъ ни попало. Впрочемъ, Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна В*** Н***, которая подтрунивала надъ нимъ первая, говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тогъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ хорошаго очень много.

«Кустодь Колизея тоже здоровъ, и англичанъ цѣлыми вязанками тащить на лѣстницу Колизея. Каждую ночь почти иллюминація.

«О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ еще не видалъ ни одной. Кажется, всѣ римскія деревни рѣшились просвѣтить ихъ и отправили страшныя толпы. Народъ очень умный, но лежатъ совершенно безъ всякаго дѣла, и сомнѣваюсь, чтобы они могли что нибудь рассказать, прійдя домой, о римскихъ памятникахъ, а тѣмъ болѣе о живописи.

«Вы спрашиваете еще, правда ли, что К*** ѣдетъ въ Петербургъ. Это очень можетъ случиться, и нѣтъ ничего удивительнаго, страннаго, если бы онъ остался въ Италіи. Для этого нужно имѣть душу художника. К*** можетъ нарисовать хорошо портретъ К***, но до художника ему далеко, какъ до небесной звѣзды.

«У англійскихъ скульпторовъ побываю непремѣнно, и очень вамъ благодаренъ за это порученіе: безъ васъ бы мнѣ не пришло въ голову.

«Трагедію Николини: «Антоніо Фоскарини», купилъ и завтра принимаюсь читать.

«Что касается до Madamigella Conti, о которой вы интересуетесь, то она теперь не ходитъ въ церковь Петра, ибо Madama Conti, узнавъ, что она много глядитъ на форестьеровъ, схватила ее въ охапку и увезла въ деревню Сабинны, въ 18 или около миль отъ Рима.

«Вотъ вамъ и все. Кажется, ничего не пропустилъ. Жаль мнѣ, и я золь до нельзя на головную боль, которая продолжаетъ васъ мучить. Нѣтъ, вамъ нужно подальше изъ Петербурга. Здѣсь климатъ живетъ заодно съ этой болѣзью. Пишите ко мнѣ обо всемъ, что у васъ ни есть на душѣ и мысляхъ. Помните, что я вашъ старый другъ, и что я молюсь за васъ здѣсь, гдѣ молитва на своемъ мѣстѣ, то есть въ храмѣ. Будьте здоровы. О здоровьѣ

только вашему молось я; что же до души вашей и сердца, я не молось о них: я знаю, что они не переменяются и останутся вѣчно такими же прекрасными.

«Очень жалѣю, что я не получилъ вашихъ писемъ, писанныхъ вами въ Веве. Получили ли вы два письма мои: одно къ вашей маменькѣ, другое къ вамъ, которое я писалъ черезъ К***? Кланяйтесь всѣмъ.»

Это письмо писано было къ той же особѣ, что и приведенное выше, изъ Веве, отъ 12 октября. Я имѣю шесть писемъ Гоголя къ ней, и всѣ они дышатъ особенною весеннею теплою поэтической души его. Справедливо замѣтилъ г. С. А.—въ въ своей статьѣ: «Нѣсколько словъ о Біографіи Гоголя (*), что Гоголь «съ разными людьми казался разнымъ человѣкомъ», и что «онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди». Въ перепискѣ съ своей ученицей онъ подбираетъ только самыя тонкія и чувствительныя струны своей души и съигрывается съ нею въ удивительный ладъ. Не зная, кто была его корреспондентка, каждый составитъ себѣ ясное понятіе о высокихъ свойствахъ души ея. Гоголю нужны были искреннія бесѣды съ такими свѣжими натурами. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ ихъ внутренней и внѣшней жизни, и домогался отъ нихъ полной откровенности. Бесѣды съ ними давали живительную пищу его сердцу и открывали его уму новый міръ, замкнутый для его наблюдательности въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вотъ почему онъ тратилъ столько времени на длинныя письма къ нимъ, въ которыхъ старался и смѣшить, и тронуть ихъ, и вознести ихъ мысли къ возвышенному и прекрасному. Въ то же время онъ увлекался понятнымъ каждому чувствомъ, которое я назову молодостью сердца, и которое заставляетъ насъ симпатизировать движеніямъ каждой прекрасной и юной души, прислушиваться къ ея трепету и впитать въ себя ея благоуханіе. Чувство это долговѣчнѣе всѣхъ въ нашемъ сердцѣ; но ни въ комъ оно не сохраняется въ такой свѣжести до конца жизни, какъ въ истинныхъ поэтахъ, такъ что поэзія и сердечная молодость могутъ взаимно быть признаками одна другой въ каждой высокой личности, и одна безъ другой никогда не существуютъ. Отсюда можно вывести объясне-

(*) •Московскія Вѣдомости• 1853 года, № 36.

ніе, почему Гоголь, въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, когда, говоря словами упомянутого выше автора, «его христіанство становилось все чище и строже, высокое значеніе цѣли писателя яснѣе и судъ надъ собою суровѣе», — почему Гоголь не измѣнился нисколько въ своихъ отношеніяхъ къ нѣсколькимъ избраннымъ своего сердца и жаждалъ ихъ бесѣды и откровенности такъ же сильно, какъ и

«Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.»

Симпатія къ тому, что молодо, что свѣжо, что не тронута нравственною порчею и общается въ будущемъ роскошные цвѣты и плоды, сохранилась въ немъ до конца жизни. Въ то время, когда многіе привыкли называть его молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ, онъ былъ любимъ въ нѣсколькихъ дѣтскихъ кружкахъ, онъ владѣлъ искреннею привязанностью другого рода дѣтей, простосердечныхъ поселянъ, у себя на родинѣ, и пользовался самою вѣрною дружбою нѣсколькихъ весьма достойныхъ матерей семействъ и христіански-образованныхъ дѣвицъ. Даже на смертномъ одрѣ своемъ, когда весь міръ сдѣлался для него «закрытъ и нѣмъ», когда онъ видѣлъ въ своемъ воображеніи только Бога и передъ нимъ свою душу, — даже и тогда представленіе святости дѣтства, этого дивнаго возраста, передъ которымъ открыто такое обширное поприще *возможности* совершенства, не оставило ума его, и онъ написалъ дрожащею рукою на лоскуткѣ бумаги :

«Аще не budete яко дѣти, не увидите въ царство небесное.»

Но зачѣмъ вспоминать о смерти, раскрывая передъ читателемъ самую цвѣтущую пору жизни поэта? Забудемъ на время, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, и дадимъ его слову увлечь наше воображеніе въ его Италію и въ его звучащій гармоніею внутренній міръ. Въ слѣдующихъ двухъ письмахъ изъ Рима онъ явится живой передъ нами, съ своей мечтательностью, съ своей обычной легкой грустью, этимъ волшебнымъ покровомъ, возвышающимъ для насъ прелесть ума его, и съ своей вѣчной улыбкой, бросающей мягкій отсвѣтъ на самыя суровыя его истины, явится фантастическимъ и благоговѣйнымъ, суетнымъ и торжественнымъ, кроткимъ въ душѣ и безпощаднымъ въ своей насмѣлкѣ.

«Римъ, 7 ноября 1838.

«Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрезъ Mr Цаве. Я вамъ за него очень много благодаренъ. Вы мнѣ живо напоминаете все — и вашъ Петербургъ и мой Римъ, то есть мои первыя впечатлѣнія и ваши первыя впечатлѣнія. Помните, во время первыхъ дней нашихъ въ Римѣ, когда съ Нибиемъ въ рукахъ, и проч. и проч... То время уже далеко, уже другія впечатлѣнія объемлютъ мою душу, уже весьма часто прохожу я мимо тѣхъ памятниковъ и сѣдыхъ, дряхлыхъ чудесъ, передъ которыми зѣвалъ по нѣскольку безмолвныхъ часовъ. Уже не съ готовымъ удивленіемъ новичка и чужестранца ищу ихъ.... Но до сихъ поръ какъ прекрасное сновидѣніе посѣщаетъ меня иногда воспоминаніе обо всемъ этомъ, и я тогда жажду повторить этотъ сонъ: спѣшу увидѣть вновь, что видѣлъ прежде, и на мигу становлюсь опять новичкомъ. Опять мои чувства живы. Вы разбудили ихъ вашимъ письмомъ, вы ихъ пріятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя въ нихъ падежи бываютъ большіе либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда такъ выражена счастливо, что я завидую вамъ. Уже два мѣста, два цѣлыхъ періода я укралъ изъ нихъ, — какіе именно, я вамъ не скажу, потому что намѣренъ совершенно завладѣть ими.... Потому еще я люблю ваши письма, что въ нихъ мало того, что бываетъ обыкновенно въ петербургскихъ письмахъ.

«Но обратимся къ первому пункту вашего письма. Вы мнѣ показали теперь очень привязанными къ Германіи. Конечно, не спорю, иногда находятъ минуты, когда хотѣлось бы изъ среды табачнаго дыма и нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ нѣмецкаго студента, какъ кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я, по крайней мѣрѣ, въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приблизимся къ ней

близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ, какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отыскивать эту дорогу. Ахъ, Марья Петровна, что это вы дѣлаете? Я не узнаю васъ. Не вы ли еще такъ недавно преслѣдовали все то, что иногда неугомонно бродитъ въ нашемъ воображеніи и увлекаетъ его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумагѣ, ясно — что первое занятіе человѣка на землѣ есть свинки? (*) Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали? Но, мнѣ кажется, этихъ животныхъ въ Петербургѣ (увы!) достаточно. Тамъ же есть и чухонцы, которые особенно славятся смотрѣніемъ за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и вѣрная истина. Трудно, трудно удержать средину, трудно изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда они существуютъ въ головѣ нашей, — трудно вдругъ и совершенно обратиться къ настоящей прозѣ; но труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ — жить вдругъ и въ томъ и въ другомъ мірѣ. Знаете ли? сказать ли вамъ откровенно? я вашъ старый другъ, я объ васъ забочусь; мысли мои поминутно вращаются около васъ; вы мнѣ дороги по всему; наша дружба очень, очень древняя. Мнѣ стало очень грустно, когда я читалъ письмо ваше. Я мыслялъ: будетъ ли счастлива моя пріятельница Марья Петровна? И когда я представилъ себѣ этотъ холодный, прозаическій, мелкій чувствами и характерами міръ, который окружаетъ Марью Петровну, — облако сомнѣнія отуманило мнѣ очи. Клянусь, мнѣ было грустно; но я вспомнилъ, что у Марьи Петровны есть черты римскаго характера, есть что-то твердое и сильное, есть какая-то воля и рѣшительность на великія вещи, и во мнѣ вдругъ поселилась увѣренность насчетъ васъ; я сталъ покойнѣе. Я радъ очень, что Петербургъ для васъ становится сносенъ; по крайней мѣрѣ вы находите теперь развлеченія, которыя васъ занимаютъ. Ваше описаніе желѣзной дороги и поѣздки по ней очень живо; стало быть вамъ очень весело,

(*) Намекъ на матеріальную жизнь, которой лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смѣяться надъ попираніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему. *Н. М.*

стало быть вы были довольны, и, признаюсь, сказать вамъ нужно тайнѣ и по секрету, я крѣпко завидовалъ вамъ. Все-таки сердце у меня русское. Хотя при видѣ, то есть при мысли о Петербургѣ, морозъ проходитъ по моей кожѣ и кожа моя пропикается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотѣлось бы мнѣ сильно прокатиться по желѣзной дорогѣ и услышать это смѣшеніе словъ и рѣчей нашего вавилонскаго пародонаселенія въ вагонахъ. Здѣсь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь бы, можетъ быть, я бы разсердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россію, къ которой гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать, а безъ гнѣва — вы знаете — немного можно сказать: только разсердившись говорится правда. Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ своимъ товарищемъ, и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ. Но въ сторону все прочее; поговоримъ о нашемъ любезномъ Римѣ. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о немъ до сихъ поръ. Вы читаете теперь исторію Мишле: это страшный вздоръ; это совершенно то, что у насъ Полевой. Но, къ счастью, вы не читали Полевого. Мишле какъ попугай повторяетъ Нибура; обокралъ оттуда и оттуда, у того и другого, умничаютъ не кстати, рассуждаетъ Богъ знаетъ какъ, и модный педантъ, какъ всѣ французы. Вы спрашиваете насчетъ новооткрытыхъ мозаикъ въ катакомбахъ, чудесныхъ, какъ говорятъ газеты; однакожь, вовсе нѣтъ. Отъискали мозаикъ и очень много, но всѣ очень повреждены; даже не знаютъ до сихъ поръ, къ какому времени отнести. Антикваріи раздѣлились на двѣ партіи: одни относятъ къ временамъ христіанства, другіе — къ язычеству. Но найдена у Porta Maggiore гробница булочника, которую (какъ объявляетъ самъ булочникъ въ надписи, вѣдь же сдѣланной) онъ воздвигъ себѣ и своей женѣ. Монументъ очень великъ (булочникъ былъ очень тщеславенъ). На немъ барельефъ; на барельефѣ изображено печеніе хлѣба, гдѣ супруга его мѣситъ тѣсто. Прошлый годъ.... по, можетъ быть, вы слышали объ этомъ?... нашелъ одинъ спе-

куляторъ , который взялся рыть , съ тѣмъ , чтобы найденными вещами дѣлиться пополамъ съ правительствомъ , а остальныя ему продавать . Онъ вырылъ нѣсколько гробницъ , множество золотыхъ и бронзовыхъ вещей ; въ числѣ ихъ статуи четыре , скульптуры перваго и лучшаго вкуса . Они раздѣлились . Нашедшій взялъ на свою долю мало , но самыхъ отличныхъ . Правительство взяло много , но достоинствомъ хуже . Остальныя правительство оцѣнило и готовилось заплатить 5000 скуди ; но когда пришло дѣло до платежа , сколько ни рылось оно по своимъ старымъ карманамъ , ничего не могло найти , кромѣ нѣсколькихъ медзопаоловъ , говорятъ , очень истертыхъ , и нашедшій продалъ почти все въ Англію , а лучшую изъ статуй купилъ король баварскій за нѣсколько сотъ тысячъ и перевезъ въ Мюнхенъ .

«Но довольно о старинѣ . Въ Римѣ завелось очень много новостей . Здѣсь происходятъ совершенные романы , и совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ Италіи . Первый романъ... но героини его вамъ извѣстны . Это ваши пріятельницы , дѣвицы Конти , которыя , какъ вамъ извѣстно , очень плотны и толсты , и потому не любятъ ходить *alla moda* , и которыя всегда жаловались на самовластіе своей матушки , не пускавшей ихъ всякій день въ церковь Св. Петра , когда очень много форесгьеровъ . Эти дѣвицы Конти влюбились страшнымъ образомъ въ двухъ жандармовъ ; но такъ какъ , по причинѣ того же самаго самовластнаго правленія своей матушки , онѣ не могли видѣть часто своихъ любовниковъ , то (средство , какъ вы увидите , очень оригинальное) онѣ рѣшились задавать матушкѣ каждый день въ извѣстное время добрый пріемъ опиума и въ продолженіе того времени , какъ матушка спала , впускали къ себѣ своихъ жандармовъ . Одинъ разъ , когда матушка еще не успѣла совершенно вздремнуть , одна изъ этихъ героинь — которая именно , не помню — старая нетерпѣливѣе видѣть своего жандарма , полѣзла къ ней подъ подушку доставать ключи . Мать проснулась и съ этихъ поръ усилила присмотръ , а дочери рѣшились усилить пріемъ опиума . Старуха никакъ не могла понять , отчего у ней кружится голова . Пріемы опиума , видно , были довольно велики . Она уже давно подозрѣвала , что дочери что-то съ ней дѣлаютъ , и рѣшилась одинъ разъ прикинуться спящею . Дочери вели преспокойно въ своей комнатѣ бесѣду съ своими любовниками , какъ вдругъ стучать въ дверь , и голосъ матери приказываетъ имъ отворить .

Дочери спрятали ихъ какъ могли; но, по разстроенному и испуганному ихъ виду, мать догадалась, что въ комнатѣ что нибудь есть, начала искать, искать, и вытащила изъ шкафа обоихъ жандармовъ. Выгнавъ жандармовъ, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убѣжали въ монастырь. Оттуда онѣ написали письмо къ одному монсеньору, ихъ опекуну, жалуясь на деспотизмъ своей матери и требуя, чтобъ ихъ выдали замужъ за жандармовъ. Монсеньоръ изъявилъ свое разрѣшеніе, и теперь обѣ Конті — супруги, — живутъ и питаются рѣшительно одною любовью, потому что у жандармовъ нѣтъ ни копейки, а мать съ своей стороны не хочетъ дать ни меццобайока.

«Другой романъ. Одинъ изъ фамиліи Доріевъ влюбился до безумія въ одну дѣвушку сироту, хорошей, впрочемъ, фамиліи, а главное — прекрасную собою. Все дѣло было между ними улажено, и черезъ недѣлю свадьба, какъ вдругъ Дорія получаетъ извѣстія, заставляющія его ѣхать въ Геную. Онъ проситъ свою невѣсту переѣхать на время въ монастырь, потому что онъ не желалъ бы ее видѣть до тѣхъ поръ въ свѣтѣ. Уѣзжаетъ въ Геную, — оттуда пишетъ письмо довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которыя заставляютъ его пробыть немного долѣе; описываетъ ей великолѣпіе своего генуэзскаго дворца и приуготовленія, которыя онъ дѣлаетъ къ принятію ея. Изъ Генуи Дорія поѣхалъ въ Парижъ и оттуда написалъ письмо, менѣе страстное, а наконецъ увѣдомилъ ее, что свадьба не можетъ между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этотъ союзъ. Бѣдная невѣста не сказала ни слова на это, никакихъ укоризнъ, но черезъ пять дней умерла. Тѣло ея было выставлено въ одной изъ римскихъ церквей. Она и мертвая была прекрасна.

«Третій романъ тоже съ Доріемъ, другимъ. Но не хочу болѣе сплетничать. Вы знаете о немъ, безъ сомнѣнія, изъ газетъ, потому что онъ былъ опубликованъ. Въ Римѣ шумно, болѣе, нежели сколько бы желалось. Форестьеровъ гибель. Русскихъ, англійшей, французовъ — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Римъ мнѣ кажется теперь похожимъ на домъ, въ которомъ мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и въ который теперь пріѣзжаемъ, и находимъ, что домъ проданъ; изъ оконъ выглядываютъ какія-то глупыя лица хозяевъ.... словомъ, грустно. Пишите ко мнѣ, не забывайте ва-

шего общанія. Пишите ко мнѣ не тогда, когда вамъ будетъ весело, но тогда, когда вамъ сдѣлается скучно, или, лучше, когда душа ваша пожелаетъ съ кѣмънибудь раздѣлиться, когда вы почувствуете потребность передать именно комунибудь мысли. Будь онѣ самыя сокровенныя, пишите ихъ смѣло: я ихъ сохраню, какъ секретъ. Еще одна просьба къ вамъ, и я васъ прошу, чтобы вы попросили отъ меня вашу маменьку: будьте такъ добры, навѣстите когданибудь моихъ сестеръ въ Патриотическомъ Институтѣ. Вы этимъ сдѣлаете имъ большое благодѣяніе. Можетъ быть; онѣ украдутъ чтонибудь изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ; а то можетъ доставить имъ много радости въ жизни. Мнѣ часто становится грустно при мысли, что у нихъ никого нѣтъ изъ родныхъ близко. Если жъ вамъ не будетъ времени и вы будете заняты, то отправьте имъ это письмо, которое я при семъ прилагаю.»

Май 30. 1839. Римъ.

«Я получилъ ваше письмо и, распечатавъ, долго не вѣрилъ, ваше ли это письмо, вы ли пишете ко мнѣ. Какъ вы перемѣнились! Уже годъ, какъ я не получалъ отъ васъ писемъ, и вы въ этотъ одинъ годъ такъ выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрѣлость и быстрый ходъ! Даже почеркъ письма вашего измѣнился; даже русскій языкъ и падежи васъ слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что дѣвушка на 18-мъ году въ одинъ годъ проходитъ тотъ курсъ, который нашему брату едва дается въ нѣсколько лѣтъ. Вы писали ваше письмо, какъ сами говорите, подъ вліяніемъ записокъ Александрова, или Дуровой, которыя вы въ то время читали. Ваши сужденія объ этой книгѣ оригинальны и вмѣстѣ тонки и вѣрны. Ваши мысли тѣ же, какія я зналъ въ васъ и встрѣчалъ прежде. То же въ нихъ своеобразное выраженіе вашего характера, и я бы угадалъ ихъ, зная хорошо васъ, еще прежде, чѣмъ вы бы ихъ сказали. Но онѣ получили здѣсь такую зрѣлую оболочку, такую точность, такъ выразились ясно, отчетливо, что я вижу: это и вы и не вы вмѣстѣ. Если бы ваше письмо пришло нѣсколькими мѣсяцами раньше, я бы съ готовностію и живою, многорѣчивою охотою пустился бы соглашаться съ вами и попере- чить вамъ, и судить, и спорить обо всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете; но чувствую, что теперь буду и тупъ, и

вяль, и глупъ. Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы; другія, совершенно непривычныя, являются на мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ тоже подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, но другой и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-краснорѣчивы ея страницы. Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Вьельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали, можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновеннаго, основательнаго ума его. И все это — добыча неумолимой смерти. И не спасутъ его ни молодые лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную. Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ. Итакъ, не выпите меня, если я глупъ и не умѣю къ вамъ написать письмо такъ же умно, какъ вы написали ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ одинъ единственно прекрасный и возвышенно благородный изъ вашихъ петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ... Клянусь, непостижимо страшна судьба всего хорошаго на землѣ! Едва только оно успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы. «Оно на краткій мигъ», шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. «Оно дается для того, чтобы крушилась по немъ душа.» Кстати о прекрасномъ. Когда я думалъ объ васъ (я объ васъ часто думалъ и особенно о вашей будущей судьбѣ), я думалъ, кому-то вы достанетесь. Постигнетъ ли онъ васъ и доставитъ ли вамъ счастье, котораго вы такъ достойны. Я перебиралъ всѣхъ молодыхъ людей нашихъ петербургскихъ. Тотъ просто глупъ; другой поймалъ какъ-то несчастную крупичку ума, и зато уже хочетъ выказать се всему свѣту, и выказать за цѣлый мѣшокъ ума; тотъ ни глупъ, ни уменъ, но бездушнѣе, какъ и самъ Петербургъ. Одинъ былъ человѣкъ, на которомъ я остановилъ взглядъ, и этотъ человѣкъ готовится не существовать болѣе въ мірѣ.

«Вы извѣстите, что я пустился быть вашей свахой, что называется ипаче: кума. Мое мысленное сватовство, какъ вы видите, неудачно.... Я вамъ все говорю; я не хитрю съ вами, не таю отъ васъ моихъ мыслей. Дѣлайте и вы такъ со мною. Зачѣмъ вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ здоровьѣ, о его подробномъ то есть состоявіи? я бы вамъ далъ совѣтъ очень не хуже докторскаго. Знайте же: ваша болѣзнь излечима совершенно, и со мною согласны всѣ тѣ, которымъ я давалъ идею о вашей болѣзни. Вы должны лечиться холодною водою въ Грешенбергъ. Слышали ли вы о чудесахъ, производимыхъ тамъ медикомъ, воспитаннымъ одною натурою, безъ помощи медицинскіхъ академій и проч. и проч.? Я одинъ изъ числа самыхъ невѣрующихъ, какъ вы сами знаете, и всегда сомнительно качалъ головою, когда слышалъ, какъ вы внимали вздорамъ Фишера или глотали ваши гомеопатическіе порошки и аллопатическія гадости въ видѣ микстуры. Но, клянусь, я самъ своими глазами видѣлъ такія чудеса. Нѣтъ, я умоляю вашу мамежку всѣми силами небесными испытать это средство. Холодною водою лечатъ всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, но болѣе всего лечатъ болѣзни вашего рода. — — — Если ваша болѣзнь даже просто только головной ревматизмъ, то ревматизмы цѣлятся удивительно. Словомъ, послушайте слова истины и поѣзжайте.

«Кстати о здоровьѣ и болѣзняхъ, если о нихъ уже мы заговорили. Говорятъ, для больного нѣтъ большаго наслажденія, какъ встрѣтиться тоже съ больнымъ и наговориться съ нимъ досыта о своихъ болѣзняхъ. Они говорятъ объ этомъ съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ говорятъ только обжоры о сѣдлыхъ ими блюдахъ. Итакъ, вслѣдствіе этого, скажу вамъ о своемъ тоже здоровьѣ. Здоровье мое *non vale un fico* (*), какъ говорятъ итальянцы, — хуже нынѣшней русской литературы, о которой вы мнѣ доставили въ вашемъ письмѣ извѣстія. Лѣтомъ ѣду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ. Вы не повѣрите, какъ грустно оставить на одинъ мѣсяцъ Римъ и мои ясныя, мои чистыя небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту Германію, гадкую, запачканную и закопченную табачищемъ.... Но я позабылъ, что вы ее такъ любите, и чуть было не сказалъ еще нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ.

(*) Т. е. не стоить фиги.

Впрочемъ, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша. И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которыя такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, что составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о нѣмецкой дымной путаницѣ. И можете ли сказать, что всякій нѣмецъ есть Шиллеръ? Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть: «Невскій Проспектъ». По мнѣ, Германія есть не что иное, какъ самая неблаговоиная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленькую неопрятность этого выраженія. Чтожь дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, несмотря на то, что нѣмцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужаснымъ образомъ и, можетъ быть, даже имѣете маленькое желаніе поджарить меня за это на медленномъ огнѣ. Но полно! больше не буду васъ сердить.

«Вы меня очень заинтересовали новымъ романомъ, который вы читали, и который вамъ понравился. Я вѣрю, что онъ долженъ быть очень хорошъ, ибо всѣ ваши сужденія въ этомъ вашемъ послѣднемъ письмѣ такъ основательны, что я никакъ не смѣю имъ не вѣрить (отсюда исключается словъ нѣсколько о нѣмцахъ). Я говорю о романѣ Миклашевичевой (*), о которомъ вы пишете. Онъ точно рѣдкость у насъ на Руси. Порядочный романъ.... что-то очень.... (**). У меня на языкѣ вертѣлось вставить здѣсь одно слово, которое чрезвычайно просидось на языкѣ, но лучше повоздержаться. Не все то можно, что хочется, особливо въ письмѣ; ибо есть много такихъ почтенныхъ людей, которые чрезвычайно любятъ (можетъ быть, даже изъ любви къ просвѣщенію) читать чужія письма и доставлять такимъ образомъ невинное утѣшеніе добродушной душѣ своей, а иногда выводить даже изъ этого невинныя сплетни. Въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, еще теплятся слѣды восторга, чувствованнаго вами при представленіи «Гамлета». Вы имъ полны. Впечатлѣнія ваши живы и сильны. Такъ они и должны быть. Вы его смот-

(*) Онъ не былъ напечатанъ.

(**) Здѣсь слова два вырвано облаткою.

рѣли въ первый разъ, и актеръ, исполнявшій роль его, долженъ былъ вамъ нравиться безусловно, совершенно. Таковъ законъ, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потомъ вы будете тоже восхищаться, но будете болѣе находить большихъ промаховъ въ актерѣ. Каратыгинъ есть одинъ изъ тѣхъ актеровъ, который вдругъ и съ перваго раза влечетъ къ себѣ, схватываетъ васъ въ охапку насильно и уноситъ съ собой, такъ что вы не имѣете даже времени очнуться и притти въ себя. Эти роли совершенно въ его родѣ. Но болѣшая часть ролей, созданныхъ Шекспиромъ, и въ томъ числѣ Гамлетъ, требуютъ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ недостаетъ въ Каратыгинѣ. Вы можете это увидеть только послѣ, по долгомъ соображеніи и долгомъ изученіи характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ, и потому я не хочу говорить вамъ объ этомъ. Лучше, если вы дойдете къ этому сами.

«Вы спрашиваете меня о новостяхъ: что происходитъ новаго среди вѣчныхъ древностей? Все прекрасно, чудесно. Больше ничего не могу сказать. Цвѣтутъ розы, темнѣютъ кипарисы, ослѣпительно сіяетъ синій небесный сводъ, убраны по праздничному всѣ развалины и вашъ другъ Колизей. Но вы все это знаете и безъ моихъ словъ. Картина Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоитъ на томъ же, на чемъ стояла. Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ разъ Италію, и, дохнувъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою. Бруни какъ будто быхватило петербургскимъ морозомъ; по крайней мѣрѣ кисть его скользитъ лѣнливо, а не работаетъ. Объ аббатѣ Ланси не имѣю никакого свѣдѣнія.

«Вы пишете и спрашиваете, когда я буду. Это задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрѣшать. Притомъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату такой, который и мнѣ можетъ пригодиться. Прощайте. Будьте здоровы. Не оставьте совершенно безъ вниманія поданный мною вамъ совѣтъ насчетъ здоровья вашего: я имѣю хорошее предчувствіе, — и не сердитесь за глупость письма моего. Право, если бы вы знали положеніе души моей, — о, вы бы извинили меня! Прощайте. Напишите скорѣе вашъ отвѣтъ и адресуйте его въ Маріенбадъ, *poste restante*.»

Гоголь исполнилъ свое намѣреніе полечиться на водахъ и совершилъ по этому случаю путешествіе въ Венецію, откуда написалъ письмо къ актеру Щепкину о комедіи Джіовани Жиро: «Дядька въ затруднительномъ положеніи» (*l'Ajo nell' Imbagazzo*), переведенной имъ съ итальянскаго. Въ немъ Гоголь является художникомъ, страстно привязаннымъ къ своему искусству, какъ это читатель увидитъ самъ. Вотъ оно: (*)

«Ну, Михаилъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина заклада выиграна. Комедія готова. Въ нѣсколько дней русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добросовѣстно! Всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою. — Въ афишкѣ вы должны выставить два заглавія: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчасъ послѣ фамиліи автора: «перваго итальянскаго комика нашего времени». Первое дѣйствіе ея прилагаю при письмѣ вашему, второе будетъ въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправитесь къ П.; велите ее тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ, съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листковъ: другого экземпляра нѣтъ, черновой исчезъ. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ, въ итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ блестящій. Вы, какъ человѣкъ, имѣющій тонкое чутье, тотчасъ постигнете комическое положеніе вашей роли. Нечего вамъ и говорить, что ваша роль — самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи. Роль ажитации сильной. Человѣкъ, который совершенно потерялъ голову! Тутъ сколько есть комическихъ и истинныхъ сторонъ. Я видѣлъ въ ней актера съ большимъ талантомъ, который между прочимъ далеко ниже васъ. Онъ былъ прекрасенъ, и такъ въ немъ все было натурально и истинно. Слышенъ былъ человѣкъ, не рожденный для интриги, а попавшій неволью въ оную, — и сколько натурально комическаго! Эготъ гувернеръ, котораго я называлъ дядькой, потому что первое кажется не совсѣмъ точно, да и не русское, долженъ быть одѣтъ весь въ черномъ, какъ одѣваются въ Италіи донинѣ всѣ эти люди: аббаты, ученые и проч., въ черномъ фракѣ не совсѣмъ по модѣ,

(*) Письмо это заимствовано мною изъ № 2 «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 года. Точная дата его не означена. Подлинникъ принадлежитъ, вѣроятно, г. Щепкину.

а такъ, какъ у стариковъ, въ черныхъ панталонахъ до коленъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, въ черномъ суконномъ жилетѣ, застегнутомъ плотно снизу доверху, и въ черной пуховой шляпѣ, трехъ-угольной, — не той, что носить у насъ, а въ той, въ какой нарисованъ блудный сынъ, пасущій стада, то есть съ пригнутыми немного полями на три стороны. — Два молодые маркиза точно также должны быть одѣты въ черныхъ фракахъ, только помодѣе, и шляпы, вмѣсто трехъ-угольныхъ, круглыя, черныя пуховыя или шолковыя, какъ носимъ мы всѣ грѣшные люди; черныя чулки, башмаки и панталоны короткіе. Вотъ все, что вамъ нужно замѣтить о костюмахъ. Прочія лица одѣты, какъ ходитъ весь свѣтъ.

«Но о самихъ роляхъ нужно кое-что: роль Джильды лучше всего, если вы дадите которойнибудь изъ вашихъ дочерей. Вы можете тогда болѣе дать ее почувствовать во всѣхъ ея тонкостяхъ. Если же кому другому, то, ради Бога, слишкомъ хорошей актрисѣ. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если жь притворяется, то это притворное у ней становится уже истиннымъ. Она произноситъ свои монологи, которые, говорятъ, набрала изъ романовъ, съ одушевленіемъ истиннымъ, а когда въ самомъ дѣлѣ проснулось въ ней чувство матери, тутъ она не глядитъ ни на что и вся женщина. Ея движенія просты и развязны, а въ минуты одушевленія картинны; она становится какъ-то вдругъ выше обыкновенной женщины, что удивительно хорошо исполняютъ итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видѣлъ, была свѣжая, молодая, проста и очаровательна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, забывалась и одушевлялась какъ природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, какъ будто нужна воспитанная свѣжимъ воздухомъ деревни и стеной.

«Играющему роль Пиппето никакъ не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповать: онъ тотчасъ будетъ выполнять съ претензіями. Онъ долженъ выполнить ее совершенно невинно, какъ роль молодого, довольно неопытнаго человѣка; а глупость явится сама собою, такъ, какъ у многихъ людей, которыхъ вовсе никто не называетъ глупыми.

«Больше, кажется, не нужно говорить ничего... Да! маркиза дайте какомунибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая:

блженный, воблаженный старецъ, неслушающий никакихъ резоновъ. Я думаю, какъ нѣтъ другого, отдайте Мочалову; его же нмѣ нѣтъ магическое дѣйствіе на московскую публику. Да не судите по первому впечатлѣнію и прочитайте нѣсколько разъ эту пьесу, — непременно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ нѣтъ успѣхъ.»

Вѣроятно, къ этому же году относится слѣдующее письмо его, на которомъ не означенъ годъ. Оно было адресовано къ П. А. Плетневу.

«30 октября. Римъ.

«Здравствуйте, безцѣнный Петръ Александровичъ! Напишите мнѣ хоть одну строчку. Я не имѣю никакихъ, совершенно никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Пишу къ вамъ потому, что я васъ видѣлъ третьяго-дня во снѣ въ такомъ необыкновенномъ и грустномъ положеніи, что испугался и не могу быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не услышу чего нибудь о васъ.

«Увѣдомьте меня также, какъ мое дѣло. Можно ли мнѣ подняться на то мѣсто въ Римѣ, о которомъ я писалъ къ вамъ? Мнѣ нужно теперь знать это, и тѣмъ болѣе теперь. Я заболѣлъ жестоко, и, Боже, какъ заболѣлъ! Я самъ виноватъ. Я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешествія, и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почувя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ. Я перешелъ черезъ край и за напряженіе не вовремя, когда мнѣ нужно было отдохновеніе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и рассказывать, какъ была опасна болѣзнь моя. Геморойдъ мнѣ бросился на грудь, и цервическое раздраженіе, котораго я дѣ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики было махнули рукой; но одно лекарство меня спасло неожиданно. Я велѣлъ себя положить ветурину въ дорожную коляску. Дорога спасла меня. Три дни, которые я провелъ въ дорогѣ, меня нѣсколько возстановили. Но я самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности. Малѣйшее какое нибудь движеніе, незначашее усиліе, и со мной дѣлается не знаю что. Страшно, просто страшно. Я боюсь. И такъ было хорошо началось дѣло. Я началъ такую вещь, какой вѣрно у меня до сихъ поръ не было, — и теперь нѣтъ подъ самыми облаками дѣ въ грязь.

«Медику натурально простиительно меня успокоить и говорить, что это совершенно пройдет, и что мнѣ нужно только успокоить(ся). Но мнѣ весьма простиительно тоже не вѣрить этому, и мое положеніе вовсе не такого рода, чтобы оставаться, тѣмъ болѣе, что вотъ мѣсяць, и я ничуть не лучше. Еслибъ я зналъ, что изъ меня уже рѣшительно ничего не можетъ быть (страшнѣе чего, конечно, ничего не можетъ быть на свѣтѣ), тогда бы, натурально, дѣло кончено. У меня нѣтъ никакой охоты увеличивать всемірное населеніе своею жалкою фигурою и за жизнь свою я не далъ бы гроша и не сталъ бы изъ за нея биться. Но, клянусь, мое положеніе слишкомъ, если даже не черезчуръ. Большой, разстроенный душой и тѣломъ и никакихъ средствъ... Увѣдомьте меня. Можетъ быть, можно какъ нибудь узнать одно изъ этихъ двухъ словъ: да или нѣтъ?»

«Но, клянусь, мнѣ также, если даже не больше, теперь хочется имѣть извѣстія о васъ самихъ. Послѣ видѣннаго мною сна я не могу успокоиться о васъ. Теперь въ моемъ больномъ, грустномъ, часто лишенномъ надежды душевномъ состояніи у меня единствен(но), что доставляетъ мнѣ похожее на радость, это — перебирать въ мысляхъ моихъ немногихъ, но любящихъ, прекрасныхъ друзей, вычислять все случаи въ жизни, гдѣ дружба ихъ обнаруживалась ко мнѣ, и сердце у меня тогда такъ начинаетъ сильно биться, какъ можетъ только у ребенка, который не изумляется отъ радости, но остается какъ будто передурганъ радостью. Знаю, что это происходитъ отъ моего нервическаго расстройства и что движеніе потрясаетъ меня, но все какъ это сладко! И я тогда едва дышу. Прощайте. Цалую васъ сильно, а дай Богъ, чтобы ничего съ вами не было»

«Вашъ Гоголь.»

«Ривъ. Via Felice. № 136.»

Въ этой-то Via Felice (счастливая улица) поэтъ нашъ велъ такую несчастную жизнь! «Изъ подъ самихъ облаковъ да въ грязь». Слабое тѣло его не выносило порывовъ духа: это былъ сильный аэростатъ изъ тонкой и брвенной ткани. Общество, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и первые юношескіе годы, заключая въ себѣ много пищи для его таланта, все, однако же, не могло вполне организовать поэта съ такимъ огромнымъ запасомъ природникъ началъ творчества, какимъ одаренъ былъ

Гоголь. Достигнуть той эпохи умственного развитія, когда передъ позтомъ открывается самый обширный горизонтъ духовнаго міра, онъ долженъ былъ дѣлать надъ собою усилія сверхъестественныя, чтобы создать выраженіе для отвлеченныхъ рѣчей своихъ, и взнемогалъ подъ бременемъ непоимѣрнаго труда. Поэтому-то умственное «напряженіе», производящее въ другомъ только усталость и отвращеніе къ работѣ, въ немъ разрушало почти въ концѣ хилый организмъ и рождало одно сожалѣніе о той высотѣ, на которой онъ не въ силахъ былъ удержаться.

«А такъ было хорошо началось дѣло.... Я началъ такую вещь, какой вѣрно до сихъ поръ у меня не было!» Сколько художнической любви къ своему дѣлу въ этихъ словахъ!... Онъ былъ чистый художникъ, чуждый всего, что не входитъ въ область поэтическаго созерцанія; для него существовало только искусство, онъ дѣйствовалъ и организовался только по внушенію простой религіи и нравственности, напечатлѣнныхъ въ его умѣ и сердцаѣ еще въ родительскомъ домѣ. Дѣтская свѣжесть и впечатлительность чувствъ остались въ немъ до самой смерти, вмѣстѣ съ какой-то наивностью въ поступкахъ и словахъ. Онъ до того былъ погруженъ въ свои созданія, что не принималъ никакого участія въ томъ, въ чемъ не чувалъ пищи для своего творчества. Отъ этого въ его письмахъ, рядомъ съ зрѣлыми мыслями мужа, встрѣчаются несообразныя съ обстоятельствами требованія ребенка, неумѣстная и непонятная для другихъ раздражительность, или убѣжденія, начисто расходящіяся съ дѣйствительнымъ состояніемъ вещей. Онъ самъ чувствовалъ свои недостатки и въ удаленіи отъ людей старался перевоспитать свою душу. Какъ искренно желалъ онъ сдѣлаться лучшимъ, видно изъ печатнаго его признанія въ томъ, что онъ считалъ въ себѣ оскорбительнымъ или непріятнымъ для ближнихъ. На 4 страницѣ его «Завѣщанія» мы читаемъ:

«Вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ произносить мнѣ не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей.

Отчасти же это происходило и от мелочного самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя вправѣ глядѣть спѣсно на другихъ.»

Къ сожалѣнію, я не имѣю въ своихъ рукахъ писемъ его къ Жуковскому и еще къ двумъ-тремъ лицамъ, съ которыми онъ переписывался, живя за границею, и потому долженъ сдѣлать новый пробѣлъ въ его біографіи, который надѣюсь наполнить въ свое время. Теперь, чтобъ показать отношенія Гоголя къ Жуковскому, разскажу одинъ характеристическій анекдотъ, въ которомъ Гоголь является такимъ же баловнемъ маститаго поэта; какимъ былъ въ свое время и Пушкинъ. Когда Жуковскій жилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Гоголь прогостилъ у него довольно долго. Однажды — это было въ присутствіи графа А. К. Т*** — Гоголь пришелъ въ кабинетъ Жуковскаго и, разговаривая съ своимъ другомъ, обратилъ вниманіе на карманные часы съ золотой цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Чьи это часы? спросилъ онъ.

— Мои, отвѣчалъ Жуковскій.

— Ахъ, часы Жуковскаго! никогда съ нами не разстанусь!

Съ этими словами, Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій, восхищаясь его проказливостью, долженъ былъ отказаться отъ своей собственности.

Написавъ слово «проказливость», я вспомнилъ, какъ хорошо писалъ ко мнѣ однажды С. Т. А*** объ этой чертѣ характера Гоголя въ болѣе обширномъ смыслѣ. Съ его позволенія, я приведу здѣсь отрывокъ изъ письма его :

«Въ натурѣ Гоголя была проказливость, шутка: онъ любилъ спроказить, подшутить, любилъ пуфъ. Онъ былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобъ отдѣлаться какъ нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ. По тѣмъ же причинамъ, онъ часто давалъ обѣщанія, которыя и не думалъ исполнять. Изъ множества примѣровъ, я разскажу вамъ два.

«Гоголь вздумалъ попробовать, можно ли путешествовать въ чужихъ краяхъ, не имѣя паспорта, и выдумалъ слѣдующую штуку. Когда надобно было предъявлять гдѣ нибудь паспорта, Гоголь отбиралъ ихъ отъ пассакировъ и очень обязательно принималъ на себя хлопоты представить, кому слѣдуетъ. Собствен-

наго паспорта онъ не отдавалъ, а оставлялъ у себя въ карманѣ. Когда помѣченные паспорта возвращали Гоголю, онъ принималъ ихъ, рассматривалъ и вдругъ восклицалъ: «Да гдѣ же мой паспортъ? Я вамъ его отдалъ вмѣстѣ съ другими!» Начинали искать, но паспорта не находили. Тотъ, кто ихъ записывалъ, совѣтился, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывалъ сконфуженнаго путешественника. Между тѣмъ надобно было ѣхать, и Гоголь уѣзжалъ съ незаписаннымъ паспортомъ. Разумѣется, онъ разнообразилъ свои выдумки. Дѣло только въ томъ, что я и другіе видѣли его паспортъ возвратившимся изъ за границы почти бѣлымъ; а извѣстно, какъ бывають измараны замѣтками заграничные паспорта.

«Вотъ другой случай. Гоголь ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву въ дилижансѣ и сидѣлъ въ одномъ купе съ моимъ знакомымъ, прекраснымъ человѣкомъ, П. И. П***. Замѣтя, что товарищъ очень обрадовался сосѣдству извѣстнаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не Гоголь, а *Гогель*, прикинулся смиреннымъ простачкомъ, и П*** оставилъ сосѣда въ покоѣ. Пріѣхавъ въ Москву, П*** немедленно посѣтилъ насъ. Рѣчь зашла о Гоголѣ, и петербургскій гость изъявилъ горячее желаніе его видѣть. Я сказалъ, что это очень немудрено, потому что Гоголь бываетъ у насъ почти каждый день. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Гоголь, своей тогда еще живой и бодрою походкой. Я познакомилъ его съ моимъ гостемъ, и что же? П*** узнаетъ въ Гоголѣ своего сосѣда Гогеля! Мы не могли удержаться отъ смѣха, но П*** осердился. Онъ былъ правъ: за что Гоголь дурачилъ его трое сутокъ? Между тѣмъ Гоголь сдѣлалъ это рѣшительно для того, чтобы избавиться отъ докучныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ обуюковенно писателю: «Что вы теперь пишете? когда подарите насъ новымъ произведеніемъ? для чего вы не напишете того-то?» и проч. и проч. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который такъ любилъ уединеніе дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу и онъ, поднимая воротникъ шинели выше своей головы (это была любимая его поза), всю дорогу читалъ потихоньку Шекспира или предавался своимъ творческимъ фантазіямъ.»

Дорожныя приключенія Гоголя — еслибъ собрать ихъ побольше — представили бы очень занимательное чтеніе, потому что Гоголь во всемъ, что съ нимъ случалось, выказывалъ часть

своего оригинальнаго и разнообразнаго характера. Напримѣръ, однажды, остановясь во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ гостинищѣ *Der weisse Schwan*, онъ вздумалъ ѣхать куда-то далѣе и, чтобы не встрѣтить остановки по случаю отправки вещей, велѣлъ шаканушъ отвѣзда гаускнехту (то, что у насъ въ трактирахъ половой) уложить всѣ вещи въ чемоданъ, когда еще онъ будетъ спать, и отправить туда-то. Утромъ, на другой день послѣ этого распоряженія, посѣтилъ Гоголя графъ А. Т***, и Гоголь принималъ своего гостя въ самомъ странномъ нарядѣ — въ простышѣ и одѣлѣ. Гаускнехтъ исполнилъ приказаніе поэта съ такимъ усердіемъ, что не оставилъ ему даже во что одѣться. Но Гоголь, кажется, былъ доволенъ своимъ положеніемъ и цѣлый день принималъ гостей въ своей пестрой мантїи, до тѣхъ поръ, пока знакомые собрали для него полный костюмъ и дали ему возможность уѣхать изъ Франкфурта.

Обратимся къ его перепискѣ.

Послѣднее письмо, писанное имъ къ М. А. Максимовичу, носитъ уже московскую дату. Въ то время г. Максимовичъ надѣялся основать въ Кіевѣ родъ періодическаго изданія, подъ заглавіемъ «Кіевлянинъ», и просилъ Гоголя украсить это изданіе своимъ именемъ. Отвѣчая на эту просьбу, поэтъ нашъ высказалъ своему старинному другу жалкое разстройство своего здоровья и глубокую скорбь объ утратѣ лучшей поры жизни и лучшихъ душевныхъ силъ. Вотъ его письмо :

«Москва. Январь (1840).

«Письмо твое металось и мыкалось по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, и наконецъ нашло меня здѣсь. Очень радъ, что увиѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. П*** слылъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ, изъ котораго я не хочу ничего объявлять до времени его появленія въ свѣтъ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ, а цѣльнаго ничего нѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ было писать и принимался ломать голову, но ничего не вышло изъ нея. Она у меня одеревянѣла и опеломлена такъ, что я ничего не въ состоянїи дѣлать, — не въ состоянїи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Еслибъ ты зналъ, какъ тягостно

мое существованіе здѣсь. Жду и не дожлусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія (sic) здѣсь. — О! много, много пропало, много уплыло. Наниши мнѣ, что ты дѣлаешь и что хочешь дѣлать потомъ, когда сбросишь съ плечь все то, что тяжело лежало на нихъ. Пріѣзжай когда нибудь хоть подъ закатъ дней въ Римъ, на мою могилу, если не станеть уже меня въ живыхъ. Боже, какая земля! и какъ тамъ свѣжо душѣ!... Прощай, душа! обнимаю тебя. Пиши на имя Погодина.

«Твой Гоголь.»

Коротенькое письмо его къ ученицѣ, съ которою онъ переписывался, живя за границею, покажетъ еще яснѣе, въ какомъ болѣзненномъ расположеніи духа былъ онъ въ это время.

«Хотя нѣсколько строкъ напишу къ вамъ. А не хотѣлъ, — право, не хотѣлъ братья за перо. Изъ этой ли свѣжшой берлоги выставлять носъ и еще писать? Медвѣди обыкновенно заверачиваютъ свой носъ поглубже въ шубу и спятъ. Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ *родномъ омутѣ*, куда я не знаю за что попалъ. Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, невоинятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что ужасно — что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ. Вы на меня можете надѣть и шляпку и все, что хотите, и можете сметать съ меня пыль, мести у меня подъ носомъ, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь.»

Съ возвращеніемъ въ Россію, начинаются хлопоты Гоголя объ изданіи его поэмы. Тутъ онъ является въ высшей степени нетерпѣливымъ и раздражительнымъ, посылаетъ къ своимъ повѣреннымъ письмо за письмомъ и въ каждомъ выражаетъ новыя жалобы и новыя безпокойства. Въ изнуреніи отъ долгихъ ожиданій и тайной скорби, Гоголь ужъ самъ готовъ отложить печатаніе задушевнаго труда своего, находя, что уже прошло къ тому время, и что его твореніе еще не совсѣмъ обработано.

Опъ ограничивается желаніемъ представить его на судъ публики, состоящей изъ пяти преданныхъ ему друзей, и готовъ снова уѣхать въ Римъ и снова приняться за отдѣлку своего великаго созданія. Не лучше заставимъ его самого говорить объ этомъ.

«Февраля 6-го (1840, изъ Москвы.)

«Изъ письма Прокоповича я узналъ между прочимъ, что вы хотите рукопись отдать ***; отсовѣтуйте это дѣлать. *** былъ всегда противъ меня, хотя я совершенно не знаю, чѣмъ возбудилъ его нерасположеніе. Оно, казалось, началось со времени Ревизора. Иначе дѣйствовать при тепереш(нихъ) обстоятель(ствахъ) тоже, кажется, нельзя: и потому прекратите это дѣло. И вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть. А ваше великодушное участіе не потеряло чрезъ то ни мало цѣны; скажите это всѣмъ: Александръ Осиповиъ, (*) графу В***, кв. О***, князю В***. Я умчу это движеніе душъ ихъ въ нѣдрѣ моего признательнаго сердца всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будетъ вѣчно свѣжить меня и пробуждать любовь къ прекраснымъ сокровищамъ, хранящимся въ Россіи. Нѣтъ, отчаяніе не взойдетъ въ мою душу. Непостижимъ вышній произволъ для человѣка, и то, что кажется намъ гибелью, есть уже наше спасеніе. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего. И теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя видѣются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить. О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголокъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и возненья; но что жь дѣлать! У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь дѣла и могу возвратиться; вышло не такъ.

«Но я твердъ. Пересиливаю сколько могу и себя и болѣзнь свою. Неотразима вѣра моя въ свѣтлое будущее, и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой. — Передайте мою признательность, мою сильную признательность всѣмъ. Успокойте ихъ, скажите имъ, что они уже мно-

(*) Вѣроятно, г-жѣ См.

го сдѣлали для меня. Клянусь, это знаетъ и чувствуетъ одно только мое сердце. Ихъ великодушiе, можетъ быть, мнѣ не мадебится еще впереди. Ради Бога, успокойте ихъ, а рукопись возвратите мнѣ. Но прежде—самое главное—прочтите ее вмѣстѣ, т. е. въпятеромъ, и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашемъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанiя, отмѣтитъ всѣ погрѣшности и несообразности. Грѣхъ будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ. Мнѣ все должно говорить. Мнѣ больше, нежели кому другому, нужно указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять все это. Пусть всѣ эти лоскуточки они передадутъ вамъ, а вы ихъ немедленно препроводите ко мнѣ. — Эту небольшую записку вручите Александрѣ Осиповичѣ. Да хранить васъ всѣхъ небо! Оно сохранитъ васъ за благородную прелесть вашихъ душъ.

«Вѣчно вашъ Гоголь.

«P. S. Будетъ ли въ «Современникѣ» мѣсто для статьи около семи печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки—выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. е. къ празднику. Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте!»

Это письмо было написано сгоряча, но потому удержано у себя Гоголемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго посланiя :

«Февраля 17 (1840, изъ Москвы).

«Я получилъ ваше увѣдомленiе о томъ, что дѣло идетъ наладъ. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, но я еще не получилъ рукописи, хотя три дни уже прошло послѣ полученья вашего письма. Я——не смѣю еще предаваться надеждѣ, пока все не окончится дѣло. Дай Богъ, чтобъ оно было хорошо.— Я уже ко всему приготовился и чуть не послалъ было къ вамъ письма, которое нарочно прилагаю вамъ при семъ. Вы можете во всякомъ случаѣ прочесть его всѣмъ, къ кому оно имѣетъ отношенiе. — — —

«Добрый Графъ В***! какъ я понимаю его душу. Не изъяснить какимъ бы то ни было образомъ чувства моя было бы смѣшно и глупо съ моей стороны. Онъ сляшкомъ хорошо понимаетъ, что я долженъ чувствовать. Хорошо бы было, еслибъ на дняхъ я получилъ мою поэму. Время уходитъ. Въ другомъ письмѣ моемъ вы начитаете просьбу о позволенiи вѣхъ въ

вашъ «Современникъ». Извините, что такъ дурно пишу; перо подчинено ножницами, а не ножикомъ, который невѣстна куда запропастился. Отдайте прилагаемое письмо Мар. Петр. Б... Обнимаю васъ.

«Вашъ Гоголь.»

Извиненіе Гоголя въ томъ, что онъ пишетъ небрежными почеркомъ, показалось мнѣ сперва очень страннымъ. Онъ вообще не отличался каллиграфическимъ искусствомъ, и всѣ письма его (кромя одного или двухъ, которыя онъ переписалъ по особымъ причинамъ набѣло) писаны крайне небрежно, чѣмъ бы перо ни было очинено, ножикомъ или ножницами. Но потому смыслъ этихъ словъ объяснился для меня какъ нельзя удовлетворительнѣе. Трудясь надъ своимъ перевоспитаніемъ, онъ не оставилъ безъ вниманія и своего почерка. Последніи письма его къ П. А. Плетневу обнаруживаютъ явное подражаніе почерку прописей и даже попытку на щеголеватость буквъ. Не скажу, чтобъ онъ много успѣлъ въ каллиграфіи, но нѣкоторыя изъ его предсмертныхъ писемъ до такой степени отличаются отъ писемъ прежней эпохи, что если бы не было постепеннаго перехода къ нимъ отъ его обыкновенныхъ каракулекъ, то можно было бы принять ихъ за чужія рукописи.

Ничего, впрочемъ, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что такой высокій литературный талантъ такъ медленно подвигался впередъ въ искусствѣ, можно сказать, общедоступномъ. Въ письмахъ Гоголя сохранено много разказовъ о томъ, какъ ему трудно бывало заставить себя дѣлать то, что онъ вѣнчалъ себя въ обязанность, но къ чему не загоралась въ немъ искра произвольнаго увлеченія. Вообще, у него была тугая натура, и многое въ его сочиненіяхъ доставалось ему съ большимъ трудомъ. Когда онъ говоритъ, что ломалъ надъ чѣмъ нибудь голову, это надобно понимать въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ близкихъ къ нему людей подсматривали, что онъ дѣлаетъ, запершись у себя въ комнатѣ и принявшись за работу. Это были самыя странныя, самыя смѣшныя и жалкія гимнастическія упражненія. Онъ размахивалъ руками, упирался кулаками въ бока, вертѣлся на всѣ стороны, схватывалъ себя за волосы, взъерошивалъ ихъ самымъ дикимъ образомъ и выдѣлывалъ необыкновенныя гримасы. Отъ этого-то онъ иначе не принимался за трудную работу, какъ запершись накрѣпко въ своемъ каби-

нетъ, къ которому отданъ былъ слугѣ приказъ — не допускать никого и близко.

Я не для смѣхотворства привожу подобныя преданія о землякѣ своемъ. Въ его трудныхъ усиліяхъ надъ самимъ собою выражается «желѣзная сила души», о которой онъ писалъ къ М. А. Максимовичу (*), вѣ этотъ «тяжелый и сильный характеръ», который онъ изобразилъ въ Остапѣ Бульбѣ. (**) Въ то же самое время становится понятнѣе, какимъ образомъ Гоголь изъ двѣтущаго юноши такъ быстро обратился въ болѣзненнаго старца, и отчего только подъ животворнымъ небомъ Италія онъ получалъ употребленіе всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ своихъ. То, что казалось въ немъ прихотью избалованнаго ребенка, было слѣдствіе строгой необходимости; иначе Гоголь не былъ бы Гоголемъ.

Но обращаюсь къ его перепискѣ по поводу изданія первой части «Мертвыхъ Душъ».

Вотъ что писалъ онъ, въ порывѣ раздраженнаго нетерпѣнія, къ одному изъ своихъ знатныхъ пріятелей, не означивъ, въ разсѣянности, а можетъ быть, по какой нибудь другой причинѣ, ни года, ни числа, ни города, изъ котораго писано письмо.

« — — — Все мое имущество в состояніи заключено въ трудъ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ сколько могъ свои болѣзненные неудачи, въ надеждѣ, что, когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники преклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій русскій принести своей отчизнѣ — — — И между тѣмъ никто не хочетъ взглянуть на мое положеніе, никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, — — — и что такимъ образомъ я лишаясь средствъ продлить свое существованіе, необхо-

(*) См. выше письмо отъ 12 февраля 1834 года: «А на что человеку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣтъ, да и концы въ воду. Ты размотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но за то, если что задолбать въ свою голову, то на вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость. Разъ начать, и все!»

(**) «Онъ (Андрій, противопоставленный Гоголемъ старшему брату) учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ.» — «Сочиненія Н. Гоголя», т. II, стр. 84.

двное для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ? Неужели и вы откажете мнѣ въ вашемъ покровительствѣ? — — — Почему знать, можетъ быть, несмотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. — И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги — — — скажетъ въ то же время, что вы были равнодушны къ созданьямъ русскаго слова и не тронулись положеніемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями писателя, немогшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ. Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы будете великодушны — — —»

Въ письмѣ къ другому пріятелю изъ высшаго круга онъ еще сильнѣе выражаетъ болѣзненность своего нетерпѣнія, усиленнаго, конечно, не дѣйствительнымъ ходомъ вещей, а равнодушіемъ къ поэту, существовавшему только въ его воображеніи.

«Къ величайшему сожалѣнію, мнѣ не удалось быть у васъ въ бытность вашего сіятельства въ Москвѣ. Олигъ разъ Ч... Александръ Дм., съ которымъ мы условились ѣхать вмѣстѣ, не захватилъ за мною по причинѣ какого-то помѣшательства, а потомъ овладѣла мною моя обыкновенная періодическая болѣзнь, во время которой я остаюсь почти въ неподвижномъ состояніи въ своей комнатѣ иногда въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль. Впрочемъ, какъ я разсудилъ потомъ, пріѣздъ мой къ вамъ былъ бы лишнимъ. Дѣло мое уже вамъ извѣстно. Я знаю, душа у васъ благородна, и вы вѣрно будете руководствоваться однимъ глубокимъ чувствомъ справедливости; дѣло мое право, и вы никогда не захотите обидѣть человека, который въ чистомъ порывѣ души сидѣлъ нѣсколько лѣтъ за своимъ трудомъ, для него пожертвовалъ всѣмъ, терпѣлъ и перенесъ много нужды и горя и который ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему. Игакъ, и теперь я не прилагаю къ вамъ никакихъ просьбъ моихъ; но если дѣло уже кончено, моя рукопись послана ко мнѣ и вы были моимъ справедливымъ и вмѣстѣ великодушнымъ заступникомъ, то много, много благодарю васъ. Вы не можете взвѣсить всей моей благодарности къ вамъ; но если бы вы свисоцли въ глубину моей души, если бы уви-

дѣли тамъ всё томленія, тогда бы вы поняли, какъ велика (моя) благодарность. Это чувство всегда глубже всѣхъ другихъ я чувствовалъ въ моемъ сердцѣ, а теперъ болѣе нежели когда либо.» — — —

Дата и городъ не означены.

Перечитывая эти письма, значительно мною сокращенныя, удивляешься простодушію поэта и его незнанію самыхъ обыкновенныхъ приемовъ въ сношеніяхъ съ людьми такого рода, въ такому дѣлу и при такихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ могъ бы научить его каждый, кто сколько нибудь обращался съ людьми по части прозаическихъ сношеній, и даже поправить въ его письмахъ языкъ (*), который не былъ у него слабѣе и въ то время, когда онъ силѣлъ еще на школьной скамейкѣ. Но письма его не теряютъ отъ того нисколько своего интереса. Напротивъ, въ нихъ ограждается Гоголь полнѣе, нежели въ письмахъ къ короткимъ друзьямъ своимъ, въ которыхъ онъ обнаруживаетъ только то, что желаетъ обнаружить, и въ которыхъ рядомъ съ его хорошими свойствами, отличающими его отъ другихъ людей, не высказываются передъ нами его недостатки, ставящіе его ниже многихъ изъ мѣньшихъ его братьевъ.

Не думаю, однакожь, чтобы эти недостатки понижали Гоголя хотя однимъ градусомъ во мнѣніи истинно благородно мыслящаго человѣка. Нѣтъ, зная ничтожество его въ жизни практической, неловкости въ сношеніяхъ съ людьми, мелочныя причуды характера или какіе бы то ни было нравственныя недостатки, мы тѣмъ больше должны почитать пламень его таланта. Глядя такимъ образомъ на поэта, мы не оскорбимъ его памяти своимъ любопытствомъ, донскивающимся его лучшихъ воступковъ или мыслей и самыхъ пошлыхъ его слабостей съ одинаковымъ вниманіемъ. Да и получится ли полный, живой образъ человѣка, если мы соберемъ только доблестныя его черты, утаивъ отъ читателей все мелочное, все грязное и отталкивающее? Жизнь наша — какъ бы мы ни были совершенны — никогда не складывается изъ одного высокаго прекраснаго, и въ нравственномъ мѣрѣ все имѣетъ свое разумное назначеніе. Часто какой нибудь порокъ, какая нибудь слабость характера, не имѣя для души сама во

(*). Напримѣръ, въ фразѣ: «по причинѣ какого-то помѣшательства». Гоголь, очевидно, хотѣлъ сказать: «по причинѣ какой-то помѣхи.»

себѣ ничего привлекательнаго, дѣлаетъ свое дѣло въ общей механикѣ духовной дѣятельности и нервѣко — замѣтнымъ для наблюдателя образомъ — служить стимуломъ къ стремленію человека впередъ или очистительнымъ средствомъ для его грѣховной природы. Тема эта обширная, не вмѣстимая въ предѣлы небольшого отступленія, и потому, прерывая цѣпь мыслей, ведущую далеко въ сторону отъ предмета моей бесѣды съ читателемъ, я обращаюсь снова къ письмамъ Гоголя, которыя говорить довольно ясно сами за себя. Въ слѣдующемъ письмѣ высказывается въ дивномъ смѣшеніи слабость и сила одной и той же души.

17 марта (1840). Москва.

«Вотъ уже вновь прошло три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершенномъ окончаніи дѣла, — а рукописи нѣтъ какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посылаю каждый день (sic) освѣдомиться на почту, въ Университетъ, и во всѣ мѣста, куда бы только она могла быть адресована, — и нигдѣ никакихъ слуховъ. Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и тревоги! А время уходитъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что случилось, чтобы я хотя по крайней мѣрѣ зналъ, что она не пропала на почтѣ, и чтобы зналъ, что мнѣ предпринять.

«Я смѣлся написать для «Современника» статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякій день и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но, какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ»; но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что остается одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній. Вы, можетъ быть, даже увидите, что она болѣе чѣмъ какая другая, соответствуетъ скромному направленію вашего журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торжествующій, шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая: это — благоуханье пшѣтвовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ нему дороги: съ ней

довольно славнаго имени поэта. Но только одинъ сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руку и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію. Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнья. Нѣтъ! у меня нѣтъ для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналистъ такъ же не могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, какъ не могутъ соединить(ся) теоретикъ и практикъ. — Притомъ, каждый писатель уже означенъ своеобразнымъ выраженіемъ таланта, и потому никакъ нельзя для нихъ вывести общаго правила. Одному давъ умъ быстрый схватывать мгновенно всѣ предметы міра въ минуту ихъ представленія. Другой можетъ сказать свое слово только глубоко обдумавъ; иначе его слово будетъ глупѣе всякаго обыкновеннаго слова, произнесеннаго самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ (если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію). Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться отъ него на минуту есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отчасти отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, потому что заняться чѣмъ нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло на-противъ; я даже не въ силахъ собрать себя.

«Притомъ уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удаленъ отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Отирытаго горизонта нѣтъ предо мною. Притомъ здѣсь, кромѣ могущихъ смутить меня внѣшнихъ причинъ, я чувствую физическое препятствіе писать. Голова моя страдаетъ вслѣдствіе: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынуть, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать. Если же комната на-топтана, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совер-

шенно; малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ будто бы она хотѣла треснуть. Въ Рвѣхъ я писалъ предъ открытымъ окномъ, обвѣваемый благотворнымъ и чудотворнымъ для меня воздухомъ. Но вы сами въ дупѣ вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывъ и угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе выше всѣхъ мірскихъ несчастій. — Участіе ваше мнѣ дорого: не оставьте письма моего безъ отвѣта, напишите сейчасъ вашу строчку.

«Повѣсти не раздѣляйте на два нумера, но помѣстите ее всю въ одной книжкѣ и отпечатайте для меня десятокъ экземпляровъ. Скажите, какъ вы нашли ее (мнѣ нужно говорить откровенно). Если встрѣтите погрѣшности въ слогѣ, поправьте. Я не въ силахъ былъ прочесть ее теперь внимательно. Голова моя глупа, душа неспокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ прїездъ мой въ Россію!

«Посылаю вамъ отдѣльныя брошюры статьи, напечатанной въ «Москвитинѣ»; разошлите по адресамъ. Остальные дайте, кому найдете приличнымъ, а не то — Прокоповичу.»

Немного раньше этого времени, Гоголь писалъ о себѣ изъ Москвы къ своей ученицѣ, о которой было говорено выше. Какъ непохоже это письмо на его прежнія письма къ ней! Но для біографіи оно тѣмъ не менѣе интересно.

«Мнѣ Плетневъ сдѣлалъ за васъ выговоръ, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Но я вамъ писалъ. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка; но другого я ничего не въ силахъ былъ тогда сдѣлать: я былъ тогда боленъ и слишкомъ разстроенъ. Но господишь, съ которымъ я послалъ ее въ Петербургъ, вѣроятно, гдѣ нибудь плотно пообедавши, выронилъ ее на улицѣ и не посмѣлъ предстать къ вамъ съ извиненіемъ. Иначе я не могу себѣ изъяснить, почему вы ее не получили. Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими странными припадками, какія никогда со мной еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ

Т. XLIV. Отд. II. 61/2.

сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетающей въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-приятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно сомнамбулистическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще неприятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающія. Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣплюсь, сколько могу; выѣзжаю даже изъ дому, не жалуясь и никому не показываю, что я боленъ, хотя часто, часто бываетъ не подъ силу. Теперь я вижу, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать къ вамъ, что почти не нужно было моего личнаго присутствія: и безъ меня вѣрно бы все такъ же было; а главное — что хуже всего — я не въ силахъ здѣсь заниматься трудомъ, который для меня есть все. Зато съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю весны! Но, однакожь, до отъѣзда моего я буду у васъ, буду веселѣе, лучше, нежели былъ у васъ въ прошломъ году, — не такъ безтолковъ, не такъ страненъ, не такъ глупъ. Но покажьтесь я все еще нездоровъ. Меня томить и душить все, и самый воздухъ. Я былъ такъ здоровъ, когда ѣхалъ въ Россію; думалъ, что теперь удастся прожить въ ней поболѣе, узнать тѣ стороны ея, которыя были доселѣ мнѣ не такъ коротко знакомы. Все пошло какъ кривое колесо, по словамъ пословицы. Скажите вашей маменькѣ, что мнѣ было передано ея участіе, изъявленное ею въ письмѣ къ одной пріятельницѣ, что оно было мнѣ очень кстати: оно пролило какое-то тихое утѣшеніе въ мои трудныя минуты. Оно мнѣ показалось чѣмъ-то похожимъ на свѣтлое предвѣстіе яснаго будущаго. Я очень, очень много благодаренъ за него. Можетъ быть, самое длинное письмо ко мнѣ не было бы мнѣ такъ утѣшительно тогда, какъ тѣ коротенькія слова. Итакъ, вотъ вамъ покажьтесь извѣстіе обо мнѣ и о припадкахъ моей болѣзни, вѣроятно, не похожей на вашу, если только вы до сихъ поръ хвораете, отъ чего да избавитъ васъ Богъ. Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу васъ застать не за Жауэ-Поль-Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются

только въ здоровомъ расположеніи духа. Но эту пѣсню, я думаю, вы слышите часто и безъ меня. Я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ: приходило ли вамъ когда нибудь желаніе, непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе? Я не разумію то желаніе, которое похоже на долгъ и которое всякій положилъ себѣ имѣть, — нѣтъ, сердечный порывъ.... Но оставляю неоконченною мною рѣчь. Есть чувства, о которыхъ не слѣдуетъ говорить, и произносить о нихъ что нибудь уже значить профанировать ихъ.

«Посоветуйте вашему брату В. П. не оставлять живописи. У него есть рѣшительный талантъ. Талантъ есть Божій даръ, и горе тому, кто пренебрежетъ имъ. Посоветуйте ему непременно сдѣлать копіи съ Каналета, находящагося въ Эрмитажѣ, а потомъ и съ Клодъ-Лоррена, если будетъ возможность. Эти двѣ противоположности сильно разовьютъ его и введутъ его во многія тайны искусства. Извините, что я рѣшаюсь перенести строки письма моего съ этой почтительной четвертушки на сію короткую и дружескую осьмушку. Впрочемъ, мы съ вами, кажется, очень коротки, то есть я разумію — оба невысокаго роста. Надобно вамъ сказать, что начало письма этого писалось совершенно въ другомъ расположеніи духа и начато было уже недѣлю назадъ. Теперь, сегодня я получилъ письмо отъ Плетнева, съ извѣстіемъ, что дѣло мое идетъ, кажется, лучше. Дай Богъ. Но я уже былъ ко всему приготовленъ — и къ удачѣ и къ неудачѣ, благодаря Провидѣнію, ниспославшему мнѣ чудную силу и твердость. Прошайте; будьте здоровы. Я молюсь душевно, да снизойдетъ вамъ въ душу святая, ясная тишина. Перецелуйте все ваше семейство, всѣхъ; а говорить имъ, что я ихъ люблю, я почитаю лишнимъ.

«Весь вашъ Гоголь.»

Еще и еще одна жалоба бѣднаго поэта.

• 27 марта (1840, изъ Москвы).

«Голова моя совершенно пошла кругомъ. Вчера я получилъ письмо отъ Прокоповича, которымъ онъ увѣдомляетъ меня, что вы послали рукопись еще четвертаго марта, въ среду на первой недѣлѣ поста. Ради Бога, увѣдомьте, съ кѣмъ вы послали ее, и точно ли она была принята на почту и кѣмъ. Боже, ка-

кая страшная участь! Думалъ ли я, что буду такимъ образомъ оставленъ безъ всего! Время ушло, и я безъ копѣйки, безъ состоянія выплатить самые необходимые долги, которыхъ не выплатить безчестно, безъ возможности собрать сколько нибудь на дорогу. Непостижимое стеченіе бѣдъ! Я не знаю даже, гдѣ отыскивать слѣды моей рукописи. Разрѣшите хотя это по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ навѣрное, пропала ли она, или нѣтъ.

«Весь вашъ

«Н. Гоголь.»

Наконецъ Гоголь получилъ рукопись.

НИКОЛАЙ М.

Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.

ВОСПОМНАНІЯ О ГОГОЛѢ.

(ПО ПОВОДУ ОЫТА ЕГО БІОГРАФІИ.)

Появленіе въ февральской книжкѣ «Современника» начала статей, скромно названныхъ «Опытомъ біографіи Николая Васильевича Гоголя», должно, кажется, побудить каждаго, кто былъ въ сношеніяхъ съ этимъ писателемъ, сообщать публикѣ всевозможныя подробности о покойномъ авторѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». При одномъ такомъ откровенномъ разсказѣ многихъ очевидцевъ возможно современемъ ожидать составленія полной біографіи Гоголя, о которой говоритъ авторъ «Опыта».

Какъ ни незначительны могутъ показаться свѣдѣнія, которыя доставляю я о Гоголѣ, но рѣшаюсь передать ихъ здѣсь, въ надеждѣ, что это послужитъ, можетъ быть, примѣромъ для другихъ: не останавливаясь публикованіемъ неизвѣстныхъ, хотя бы и мелочныхъ подробностей о Гоголѣ. Любя и уважая память его какъ писателя и какъ человѣка, не должно считать ничего до него относящагося нелюбопытнымъ и нестоящимъ вниманія.

Въ первый разъ увидѣлъ я Гоголя въ началѣ 1831 года. Два старшіе мои брата и я поступили въ число учениковъ его. Это было въ то же время, когда онъ сдѣлался домашнимъ учителемъ и въ домѣ П. И. Балабина, и, сколько помню, нѣсколько раньше, чѣмъ знакомство его съ домомъ А. В. Васильчикова. Гоголь былъ рекомендованъ моимъ родителямъ покойнымъ В. А. Жуковскимъ и

П. А. Плетневымъ, которые, по дружбѣ своей къ намъ, всегда принимали живое участіе въ дѣлѣ нашего воспитанія и образованія.

Въ то время, о которомъ я говорю, Гоголь дѣйствительно былъ очень похожъ на портретъ, изображенный авторомъ «Опыта біографіи». Первое впечатлѣніе, произведенное имъ на насъ, мальчиковъ отъ девяти до тринадцати лѣтъ, было довольно выгодно, потому что въ добродушной фязіономіи новаго нашего учителя, не лишенной, впрочемъ, какой-то насмѣшливости, не нашли мы и тѣни педантизма, угрюмости и взыскательности, которыя считаются часто принадлежностію званія наставника. Не могу скрыть, что, съ другой стороны, одно чувство приличія, можетъ быть, удержало насъ отъ порыва свойственной вашему возрасту смѣшливости, которую должна была возбудить въ насъ наружность Гоголя. Небольшой ростъ, худой и искривленный носъ, кривыя ноги, холодокъ волосовъ на головѣ, не отличавшейся вообще изяществомъ прически, отрывистая рѣчь, безпрестанно прерываемая легкимъ носовымъ звукомъ, подергивающимъ лицо, — все это прежде всего бросалось въ глаза. Прибавьте къ этому костюмъ, составленный изъ рѣзкихъ противоположностей щегольства и неряшества — вотъ каковъ былъ Гоголь въ молодости.

Двойная фамилія учителя — Гоголь-Яновскій, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, затруднила насъ въ началѣ; почему-то намъ казалось сподручнѣе называть его г. Яновскимъ, а не г. Гоголемъ; но онъ сильно протестовалъ противъ этого съ перваго раза.

«— Зачѣмъ называете вы меня Яновскимъ? сказалъ онъ. — Моя фамилія Гоголь, а Яновскій только такъ, прибавка; ея поляки выдумали.»

Уроки начались немедленно и происходили болѣе по вечерамъ. Несмотря на то, что такіе необыкновенные часы могли бы произвести неудовольствіе въ мальчикахъ, привыкшихъ, какъ мы, учиться только до обѣда, классы Гоголя такъ насъ веселили, что мы не роптали на эти вечерніе уроки. Сначала предполагалось, что онъ будетъ преподавать намъ русскій языкъ. Немало удивились мы, когда въ первый же урокъ Гоголь началъ толковать намъ о трехъ царствахъ природы и разныхъ предметахъ, касающихся естественной исторіи. На второй урокъ онъ заговорилъ о географическихъ дѣленіяхъ земного шара, о системахъ горъ, рѣкъ и проч. На третій — рѣчь зашла о введеніи во всеобщую исторію. Тогда покойный старшій братъ мой рѣшился спросить у Гоголя: «когда же начнемъ мы, Николай Васильевичъ, уроки русскаго язы-

ка?» Гоголь усмѣхнулся своею сардоническою усмѣшкою и отвѣтилъ : «на что вамъ это, господа? въ русскомъ языкѣ главное дѣло — умѣть ставить *ь* и *е*, а это вы и такъ знаете, какъ видно изъ вашихъ тетрадей. Просматривая ихъ, я найду иногда случай замѣтить вамъ кое-что. Выучить писать гладко и увлекательно не можетъ никто; эта способность дается природою, а не ученьемъ.» Послѣ этого классы продолжались на прежнемъ основаніи и въ той же послѣдовательности, т. е. одинъ посвящался естественной исторіи, другой — географіи, третій — всеобщей исторіи.

Я сказалъ уже, что уроки Гоголя намъ очень нравились. Это неумудрено: они такъ мало походили на другіе классы; въ нихъ не боялись мы ненужной взыскательности со стороны учителя, слышали отъ него много новаго, для насъ любопытнаго, хотя часто и не очень идущаго къ дѣлу. Кромѣ того Гоголь при всякомъ случаѣ рассказывалъ множество анекдотовъ, при чемъ простодушно хохоталъ вмѣстѣ съ нами. Новаторство было однимъ изъ отличительныхъ признаковъ его характера. Когда ктонибудь изъ насъ употреблялъ какоенибудь выраженіе, уже сдѣлавшееся давно стереотипнымъ, онъ быстро останавливалъ рѣчь и говорилъ, усмѣхаясь: «кто это научилъ васъ говорить такъ? Это неправильно; надобно сказать такъ-то». Помню, что однажды я назвалъ Бальтійское море. Онъ тотчасъ же перебилъ меня: «кто это научилъ васъ говорить: Бальтійское море?» Я удивился вопросу. Онъ усмѣхнулся и сказалъ: «Надобно говорить: *Балтийское* море; называютъ его именемъ Бальтійскаго — невѣжды, и вы ихъ не слушайте.» Но какой тонъ добродушія слышался во всѣхъ его замѣчаніяхъ! Какою неистощимою веселостію и оригинальностію исполнены были его рассказы о древней исторіи! Не могу вспомнить безъ улыбки анекдоты его о войнахъ Амазиса, о происхожденіи гражданскихъ обществъ и проч.

Свидѣтельство многихъ опытныхъ людей доказываетъ, что Гоголь не былъ сотворенъ ни профессоромъ, ни педагогомъ. Кажется, это не подлежитъ сомнѣнію. Конечно, блестящій талантъ его могъ облекать роскошными красками какіе либо историческіе матеріалы и создать изъ нихъ исполненную интереса лекцію, подобную той, о которой говорится въ «Опытѣ его біографіи». Но отъ такой попытки, доступной людямъ, уже знакомымъ съ предметомъ и ищущимъ только разсмотрѣнія его лекторомъ съ новой стороны, до возможности преподавать цѣлый ученый курсъ такъ же далеко, какъ и до умѣнья элементарнымъ образомъ передавать ученикамъ какія либо свѣдѣнія. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь занимался сочиненіемъ синхронистическихъ таблицъ для пре-

подаванія исторіи по новой методѣ и, кажется, содѣйствовалъ В. А. Жуковскому въ составленіи новой системы обученія этой наукѣ, основанія которой были изданы въ свѣтъ впоследствии. Таблицы свои приносилъ Гоголь и къ намъ, но употреблялъ ихъ только въ видѣ опыта.

Гоголь скоро сдѣлался въ нашемъ домѣ очень близкимъ человекомъ. Въ дни уроковъ своихъ онъ часто у насъ обѣдалъ и выбиралъ обыкновенно за столомъ мѣсто поближе къ намъ, дѣтямъ, потѣшаясь и нашею болтовней и самъ предаваясь своей веселости. Разказы его бывали уморительны; какъ теперь помню комизмъ, съ которымъ онъ передавалъ, на примѣръ, городскіе слухи и толки о танцующихъ стульяхъ въ какомъ-то домѣ Конюшенной улицы, бывшіе тогда во всемъ разгарѣ. Кажется, этотъ анекдотъ особенно забавлялъ его, потому что нѣсколько лѣтъ спустя вспоминалъ онъ о немъ въ своей повѣсти: «Ночь». (См. Соч. Гоголя, т. III, стр. 124.) Никогда не забуду того нетерпѣнія, съ которымъ ожидали мы появленія второй части его «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Любознѣтельство наше такъ было возбуждено первымъ томомъ этихъ несравненныхъ разказовъ! Онъ иногда читалъ ихъ самъ, принося матушкѣ экземпляръ вновь вышедшей своей книги. Это бывалъ настоящій праздникъ. Замѣтимъ здѣсь, что Гоголь, такъ скоро и легко сдѣлавшійся короткимъ знакомымъ матушки, которой говорилъ часто о своихъ литературныхъ занятіяхъ, надеждахъ и проч., никакъ не могъ побѣдить какой-то робости въ отношеніи къ моему покойному отцу. (*) Причиною этому должно полагать то, что онъ никакъ не могъ отдѣлать отношеній своихъ какъ добраго знакомаго отъ мысли о подчиненности: отецъ мой былъ начальникомъ его по Патриотическому Институту, куда Гоголь опредѣленъ былъ учителемъ. Черта довольно оригинальная, потому что всѣ знавшіе покойнаго моего отца могутъ засвидѣтельствовать, что онъ съ своей стороны никогда не подавалъ подчиненнымъ повода не только робѣть передъ нимъ, но и всячески заставлялъ, внѣ служебныхъ отношеній, забывать, что онъ начальникъ. Но такова уже была странность Гоголя. При отцѣ онъ, на примѣръ, ни слова почти не говорилъ о литературѣ, хотя предметъ этотъ, какъ извѣстно, всегда занималъ Гоголя.

Если не ошибаюсь, уроки Гоголя продолжались года полтора. Послѣ этого Гоголь пропадалъ мѣсяца два, и, сколько могу припомнить, въ это время было ему передано отъ матушки удивленіе объ

(*) Статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ, скончавшійся въ прошедшемъ году.

его отсутствіи и объяснено, что намъ безъ учителя нельзя долѣе оставаться. Такъ какъ онъ и послѣ этого не явился, то мѣсто его занялъ П. П. Максимовичъ. Вдругъ однажды Гоголь явится къ обѣду. Дѣло ему немедленно объяснилось; но это нисколько не перемѣнило отношеній его къ нашему дому. Доказательствомъ тому служить то, что уже въ 1835 году, когда я былъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ, онъ приносилъ матушкѣ экземпляры вышедшихъ тогда сочиненій своихъ: «Арабскіи» и «Миргородъ».

Съ поступленія въ Лицей я вѣскольکو лѣтъ не видалъ Гоголя. Помню, что слышалъ отъ братьевъ, бывшихъ въ здѣшнемъ университетѣ, о томъ, что онъ читаетъ тамъ лекціи, что его чтеніе слушали Жуковский и Пушкинъ. Когда сыгранъ былъ въ началѣ 1836 года «Ревизоръ», всѣ мы въ Лицеѣ нетерпѣливѣе обыкновеннаго ожидали праздниковъ, чтобы видѣть эту превосходную комедию; это было тѣмъ труднѣе, что въ Петербургъ отпускали насъ только на Святки, на четыре послѣдніе дня Масляницы и на Пасху. Вскорѣ послѣ представленія «Ревизора» Гоголь уѣхалъ за границу.

Весною 1842 года я уже оканчивалъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ который перешелъ изъ Лицея. Въ одинъ теплый, солнечный день, веселый кружокъ молодежи (въ томъ числѣ и я) обѣдалъ у извѣстнаго въ то время ресторатѣра Сень-Жоржа. Послѣ обѣда общество наше продолжало пировать въ саду. Туда перешли изъ комнатъ и другіе обѣдавшіе. Тутъ-то встрѣтился я съ небольшого роста человѣкомъ, причесаннымъ à la moujik, въ усахъ и эсианьолеткѣ, и съ трудомъ узналъ прежняго своего учителя. Дѣйствительно, это былъ Гоголь, очень перемѣнившійся лицомъ и похожій на тотъ портретъ его, который помѣщенъ при альманахѣ Бецкаго: «Молодикъ, 1844 года». Гоголь только что пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ это время вышли въ свѣтъ «Мертвыя Души». Я подошелъ къ Гоголю, который находился у Сень-Жоржа въ обществѣ нѣсколькихъ своихъ пріятелей, въ числѣ которыхъ былъ князь П. А. Вяземскій. Онъ обрадовался, когда я назвалъ себя. Послѣ распросовъ о моихъ домашнихъ, онъ въ свою очередь долженъ былъ отвѣчать на разные мои вопросы, которые особенно относились до второй части «Мертвыхъ Душъ». Восторги мои по случаю первой части, по видимому, доставили ему удовольствіе. Онъ говорилъ, что осенью надѣется напечатать слѣдующій томъ. Нельзя было не замѣтить перемѣны въ его характерѣ: беззаботная веселость юности въ десять лѣтъ нашей разлуки частію замѣнилась въ немъ болѣею зрѣlostью мыслей и расположеніе духа сдѣлалось серьезнѣе. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой встрѣчи я уѣхалъ изъ Петербурга и не видѣлъ больше Гоголя; это было послѣднее

Т. XLIV. Отд. II. 7/.

наше свиданіе. Когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ послѣдніе годы своей жизни, я былъ безпрестанно въ отлучкахъ и кочевалъ по всевозможнымъ концамъ Россіи. Сказать ли правду? если Провидѣнію угодно было прекратить такъ рано дни любимаго моего поэта, то я не сожалѣю о томъ, что не видѣлъ его подъ конецъ его жизни. Храню какъ свѣтлое воспоминаніе память о знакомомъ мнѣ авторѣ «Вечеровъ на Хуторѣ», «Ревизора», «Мертвыхъ Душъ», исполненномъ свѣжести, силы и поэзіи, и память эта не помрачается горестною мыслию о видѣ несчастнаго, мучимаго тѣлесными и душевными недугами автора «Переписки съ друзьями», въ которомъ не было видно и тѣни прежняго Гоголя.

МНХ. ДОНГІНОВЪ.

17 февраля 1854 года.

ПО ПОВОДУ РОМАНОВЪ И РАЗСКАЗОВЪ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА.

Рываки, романъ г. *Григоровича*, въ трехъ частяхъ. — Титъ Софроновъ Козонокъ, рассказъ изъ простонароднаго быта, г. *Потлякина*. — Крестьянка, романъ въ двухъ частяхъ, г. *Потлякина*. — Питерщикъ, рассказъ г. *Писемскаго*. — Дѣшій, рассказъ его же. — Саввушка, повѣсть г. *Кокорева*. — Рывакъ, рассказъ г. *Мартынова*. — Огненный змѣй, рассказъ г. *Аедьова*.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Два рассказа г. Писемскаго: «Питерщикъ» и «Дѣшій», мы можемъ назвать двумя семейными драмами изъ простого быта. Оставляя роману оптической обманъ перспективы, такъ необходимый ему, эпизоды и пристройки, составляющіе важную часть обольщенія, которое онъ производитъ на глазъ читателя, г. Писемскій ограничился простыми очерками, какъ онъ называетъ свои рассказы, скромной, одночленной постройкой. По нашему мнѣнію, онъ показалъ этимъ вѣрность эстетическаго чувства своего, потому что народная драма дѣйствительно должна сосредоточиваться въ полусвѣтъ простого жилища, доступнаго не всякому глазу. Если она пышно выносится на свѣтъ, передъ всѣми, если роскошно зацѣпляетъ на удивленіе каждому зрителю, то уже можно почти навѣрное сказать, что для вѣжнаго растенія этого употреблены искусственныя средства, какъ, говорятъ, употребляется электричество, чтобъ возбудить ростъ и производительность нѣкоторыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Вспомнимъ, что всякое глубокое чувство въ народѣ неговорливо и стремится скорѣе внутрь, въ темную глубь

Т. XLIV. Отд. III.

души, чѣмъ наверхъ, къ свѣту, къ похвальбѣ самимъ собою или къ заявленію самого себя. Въ вѣдрахъ человѣческаго сердца и должно его отыскивать. Отсюда необходимость для народной драмы самой простой обстановки, чтобъ дать возможность писателю обратиться все свое вниманіе на одномъ, много — на двухъ лицахъ. Это ему особенно необходимо, если вспомнимъ, какъ легко опознаться и принять собственныя свои предположенія за дѣйствительныя чувства выводимыхъ лицъ. Простота созданія въ разсказахъ г. Писемскаго доказываетъ, что онъ, какъ опытный писатель и какъ художникъ, знающій предметъ свой, понялъ всѣ эти требованія. Оттого и разсказы г. Писемскаго имѣютъ *задушевный* характеръ, смѣемъ такъ выразиться, отличающій ихъ отъ другихъ произведеній изъ народнаго быта. Драма лежитъ въ естественныхъ своихъ границахъ, и оттого чувство, одушевляющее ея героевъ, кажется вѣрнѣе и истиннѣе. Разсказы г. Писемскаго исполнены жизненной теплоты, и онъ блистательно опровергъ ими упрекъ въ холодной наблюдательности, въ равнодушіи къ своимъ лицамъ, или, лучше, въ неприличномъ благоволеніи ко всѣмъ имъ безразлично, какой часто дѣлали ему за другія, болѣе молодыя его произведенія.

Чрезвычайно любопытно дѣлается послѣ этого ближе узнать составъ драмы и присмотрѣться, на чемъ именно она основана. Мы не считаемъ за нужное подробно излагать содержаніе разсказа г. Писемскаго: «Питерщикъ», будучи увѣрены, что всякому человеку, принимающему участіе въ отечественной литературѣ, онъ хорошо извѣстенъ. Авторъ встрѣчаетъ въ одномъ промышленномъ уѣздѣ Костромской губерніи раззореннаго, скучающаго самимъ собой крестьянина, который прежде велъ большой торгъ въ Питерѣ. Исподоволь Клементій Матвѣичъ разсказываетъ неожиданному гостю свою питерскую исторію, которая проста. Въ одинъ разгульный часъ (послѣ смерти любимой его жены) завезли его къ двумъ барышнямъ, изъ которыхъ вторая, большая мастерица на гитарѣ, застѣнчивая и печальная съ виду, съ перваго раза отняла у Клементія разсудокъ. Какъ только узнала объ этомъ барышня Пелагея Ивановна, черезъ старую торговку-сплетницу, у ней появилась какая-то тетушка, сама она оказалась офицерской дочерью, а Клементій, уже слѣпой сначала, пропустилъ слухъ о себѣ, чтобъ не отставать отъ пріятельницъ, будто онъ купецъ. Отсюда начинается выжиманіе сока у названнаго купца барышней Пелагеей Ивановной и ея тетушкой. Клементій, изъ ложнаго стыда, изъ непонятной страсти, поддается всѣмъ требованіямъ ихъ до тѣхъ поръ, пока, отнявъ послѣдній рубль, тетушка указываетъ ему двери и притомъ еще съ упреками. Но борьба чувства чести, не совсѣмъ погибшаго въ Пела-

геъ Ивановнѣ, съ несчастнымъ своимъ положеніемъ прошла для нея не даромъ. При разставаньи она выбрасываетъ одно за другимъ всѣ платья и наряды, подаренные ей Клементіемъ, закашливается и харкаетъ кровью. Клементій возвращается въ деревню свою раззоренный, униженный, съ дурной славой и, что всего хуже, съ надорваннымъ и обманутымъ сердцемъ. Черезъ нѣсколько времени, авторъ встрѣчаетъ его опять въ Питерѣ и опять богатаго; но онъ сухъ, мало говорливъ и сильно смахиваетъ на кулака. Изъ этого бѣглаго изложенія читатель легко увидитъ, что основная мысль разсказа чрезвычайно счастливо придумана. Другими словами ее можно выразить такъ: авторъ старался показать, что огненная, слѣпая страсть, приходящая безъ вѣдома человѣка и на перекоръ его разсудку, такъ же способна завладѣть и простолюдиномъ, какъ человѣкомъ высшаго развитія, и что въ сущности она производитъ явленія одинаковыя въ обоихъ, за исключеніемъ, разумѣется, только внѣшней формы. Онъ создаетъ на этой мысли разсказъ, отъ котораго съ трудомъ можно оторваться.

Но здѣсь мы должны остановиться, понуждаемые къ тому весьма важнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, всякая страсть, всякое чувство есть общее достояніе человѣчества, и во многихъ случаяхъ еще болѣе достояніе свѣжей, неиспорченной природы, какова натура Клементія, чѣмъ извѣженной и пресыщенной какого либо льва. Совсѣмъ тѣмъ ослѣпленіе страсти не можетъ выразиться въ обоихъ одинаково, какъ бы страсть ни казалась однородна съ перваго взгляда: праздный, извѣженный господинъ всегда будетъ находиться подъ гнетомъ ея и долѣе доведетъ ее скорѣе до крайней, мучительной степени выраженія, чѣмъ простолюдинъ, хотя чувство послѣдняго, можетъ, и глубже, и сильнѣе, и въ первыя минуты порывистѣе обнаруживается во вредъ себѣ и другимъ. Есть много отрезвляющихъ вліяній на простолюдина и, наоборотъ, есть много причинъ у любого образованнаго человѣка, поддерживающихъ чувство его даже и тогда, когда оно начинаетъ пропадать. Когда страсть упорна и выходитъ изъ глубокихъ нѣдръ сердца, продолжительность ея и степень самого развитія опредѣляются положеніемъ въ обществѣ человѣка, испытывающаго ее. Для одного — обязанности и условія жизни слагаются такъ, чтобъ скорѣе возвратитъ его къ долгу, бодрости и настоящему дѣлу; у другого — они идутъ радомъ съ его личнымъ настроеніемъ духа и не мѣшаютъ ему предаваться всему, что питаетъ страсть, начиная съ возможности анализировать ее въ подробности до живительныхъ обольщившихъ искусствъ. Такимъ образомъ, мы можемъ полагать, что одно лицо, именно первое изъ двухъ, скорѣе будетъ приведено къ ошиб-

къ, къ самоубиенію, даже къ вероу или преступленію, чѣмъ другое; но зато искушеніе его короче и не такъ долго опредѣлено ему лежать въ сѣтяхъ безъ возможности движенія. Если роли иногда перемѣняются, то это ничего не доказываетъ. Подобныя измѣненія существенныхъ условій жизни принадлежать къ анекдотамъ и случаямъ, не имѣющимъ никакого значенія для искусства. Только въ безцвѣтныхъ эпохи его позволительно автору брать ихъ предметами рассказовъ и описаній, какъ мы видѣли и у себя въ то молодое время, когда эпитетъ: «истинное прокошествіе», забавлялъ повѣствователя не только что отъ художественскихъ требованій, но отъ необходимости соблюдать какое либо правдоподобіе, смыслъ и мѣру въ фантази. Все это говоримъ мы изъ необходимости показать, что смѣшеніе двухъ сферъ, опредѣляющихъ дѣйствія лицъ, легко прокрадывается даже въ весьма замѣчательныя литературныя произведенія изъ простонароднаго быта. Такъ мы отчасти находимъ подобное смѣшеніе въ превосходномъ рассказѣ г. Писемскаго. Клементій его, намъ кажется, именно слишкомъ долго обманывается, слишкомъ долго позволяетъ себя держать на привязи и въ потемкахъ.

Онъ занимаетъ для барышни съ ея тетужкой домъ, отдѣливаетъ его своими мастерскими и самъ живетъ *полтора года* на одномъ дворѣ съ ними. Въ эти полтора года Клементій постоянно старается играть роль купца, и не видно, чтобъ хоть разъ вышелъ изъ себя, когда Пелагея Ивановна и тетужка ея, грабя покровителя своего безъ милости, силятся держать его постоянно подъ ногами своими, прикидываясь благородными. Чтò въ первую минуту страсть понятно безъ объясненій, то уже теряетъ ясность и правдоподобіе, когда страсть раскидывается на время, не вполне правильно рассчитанное. Надо много постороннихъ причинъ, тоннаго, неусыпнаго кокетства съ одной стороны, самообольщенія и игры молкихъ микроскопическихъ ощущеній, чтобъ два лица черезъ полтора года очутились на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ были сначала. Предполагать существованіе подобныхъ условій въ низшемъ быту и на нихъ создавать происшествіе, значить выводить слѣдствія изъ того, чтò надо доказать еще и чтò врядъ ли можетъ быть доказано. Какъ мастерски ни вывертывается авторъ изъ сомнительнаго положенія, (а надо сказать, мастерство г. Писемскаго при этомъ случаѣ дѣйствительно изумитъ всякаго, способнаго видѣть его), но читатель все остается съ своимъ подозрѣніемъ насчетъ истинной родословной Клементія. Если онъ простолюдинъ въ самомъ дѣлѣ, то долженъ неспѣшить развязкой, а продолжительная игра и баснословно свои ощущеніями отънимаетъ у него, въ глазахъ нашихъ, всѣ

права состоянія и лишаетъ его чести принадлежать кругу, въ который записался. Кто не знаетъ, что въ увлеченіи истинной страсти простой человѣкъ добивается тотчасъ же, безъ дальнихъ околичностей, послѣднаго слова, которое ему нужно, чтобъ опредѣлить свое собственное положеніе, потому что никто не имѣетъ такого полнаго отвращенія къ неопредѣленности, какъ простолюдинъ. Это уже давно и справедливо замѣчено. Кто не знаетъ также, что если простой человѣкъ покупаетъ вниманіе и ласки, то онъ требуетъ прямой выдачи своей покупки, какъ всякаго другого товара, потому что онъ, въ сильной степени обладая деликатностію сердца, пошлѣтія не имѣетъ о ложной изысканной деликатности, которая искусственно покрываетъ неблаговидный предметъ для большей удобности торгующихся? Стоять и смотрѣть полтора года на собственную свою муку, на собственное свое нравственное разложеніе — не въ натурѣ и не въ духѣ его. Страннѣе становится еще для мысли положеніе Клементія, когда мы замѣчаемъ, что авторъ не далъ своему герою даже и минуты на объясненіе съ Пелагеей Ивановной, которая тоже страдаетъ, какъ извѣстно, отъ ложнаго положенія своего. И тотъ, и другая томится въ сѣтяхъ и разыгрываютъ роли свои, ведущія въ пропасть, усиленно и инстинктивно, такъ точно, какъ, говорятъ, птица стремится въ отверстую пасть змѣи. Полтора года живутъ они на одномъ дворѣ, обманываютъ другъ друга каждодневно и только при разрывѣ обнаруживаютъ себя и настоящія свои мысли. Авторъ можетъ сказать въ оправданіе свое: «тетушка мѣшала»; но тутъ является новое затрудненіе. Герои его — оба несчастливы глубоко, и боль сердца, ѣдкая горечь чувства, неизбежность гибели не даютъ имъ столько энергіи, чтобъ миновать названную тетушку, обойти ее и положить конецъ продолжительной игрѣ, въ которой обѣ стороны проигрываются. Тетушка тутъ препятствіе слишкомъ малое. Это содоменина, которая не должна считаться при скачкѣ съ препятствіями, и странно было бы видѣть ѣздока, переврѣтывавшаго овраги и стѣны, въ раздумьи и въ нерѣшимости передъ нею. Гораздо простѣе можетъ быть объяснено все дѣло. Въ разказѣ г. Писемскаго мы видимъ ту же самую *литературную выдумку*, которая мелькаетъ во всѣхъ произведеніяхъ изъ престопагоднаго быта. Ею всегда разрѣшается то невольное и почти неизбежное участіе собственной мысли автора, воспитанной и образованной на другого рода представленіяхъ, въ мысляхъ и чувствахъ героевъ, о которомъ мы говорили. Правда, литературная выдумка скрыта у г. Писемскаго весьма глубоко въ вѣдрахъ самаго произведенія и отыскать ее не совсѣмъ-то легко, но присутствіе ея чувствуется уже невольно. Тамъ по одному запаху догадываетесь вы, въ чащѣ лѣса, о при-

существом растения, которого глазъ вашъ еще открыть не можете. Однако же, самое благоуханіе его и особенное свойство душистости приводятъ наконецъ человѣка къ цвѣтку, пританцованному въ гущѣ обыкновенной зелени и избѣгающему общаго вниманія.

Не скроемъ отъ читателя, что мы были обрадованы, увидѣвъ въ самомъ авторѣ разсказа подтвержденіе нашей мысли. Отъ зоркаго, испытаннаго глаза г. Писемскаго, разумѣется, не могло укрыться нѣкоторое родство Клементія съ романтическими типами совершенно другого рода, и вотъ какія слова влагаетъ онъ своему герою: «Даже, по сей день, сударь, я самому себѣ удивляюсь: какъ жись этакими пустыми словами, какъ разсуждать со стороны, такъ малаго ребенка провести нельзя, а тутъ всему вѣру давалъ. У господъ справедливая поговорка есть, что любовь слѣпа: коли она овладѣла человѣкомъ, такъ онъ ничего не видитъ и не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, а можетъ быть и то — вы, конечно, этому не повѣрите — а можетъ быть, онѣ и привороту какогонибудь мѣ дали — прахъ ихъ знаетъ.» Если отнять послѣднюю прибавку, составляющую красную нитку или узорчатую бахразу ткани, пришиваемую обыкновенно для красоты, то рѣчь Клементія обнаруживаетъ намъ довольно ясно, что *господская поговорка* чуть ли не была первой причиною всѣхъ испытанныхъ имъ бѣдствій. Господская поговорка дама и необыкновенные размѣры его страсти, и то долгое колебаніе воли, и ту степень празднои тупоты, которыя такъ эффектно развиваются повѣствованіемъ г. Писемскаго. Многаго бы не случилось съ Клементіемъ безъ господской поговорки; да если правду сказать, то подобныя господскія поговорки извѣстны почти всѣмъ героямъ простонародныхъ разсказовъ, — только они не высказываютъ ихъ такъ откровенно, какъ Клементій.

При всемъ томъ, драма, выведенная г. Писемскимъ, еще производитъ на читателя сильное впечатлѣніе даже и тогда, когда онъ знаетъ, что для спаянія частей ея въ одно цѣлое употреблены постороннія вещества. Рубецъ едва замѣчается: такъ много искусства употреблено авторомъ для скрытія его. Дѣйствительно, кто умѣетъ любоваться приемами художника и наслаждаться ими, помимо даже самаго существа дѣла (для нихъ самихъ, какъ сваялъ бы ученый теоретикъ), тотъ найдетъ обильную пищу эстетическому наблюденію въ разсказѣ г. Писемскаго. Исторія его знакомства съ Клементіемъ, способъ, какимъ онъ догадывается о характерѣ и обстоятельствахъ его по нѣкоторымъ внѣшнимъ, весьма тонкимъ признакамъ, наконецъ постепенность интереса, растущаго вмѣстѣ съ развитіемъ событія, — все это свидѣтельствуетъ о рукѣ, уже навыкшей держать руль повѣствованія и направлять его, по своему

усмотрѣнію, вѣрно, правильно и прямо къ цѣли. Человѣку, который въ современномъ произведеніи ищетъ прежде всего современной истины, надо остерегаться г. Писемскаго больше, чѣмъ кого либо. Ни одинъ писатель, сколько намъ извѣстно, такъ не умѣетъ закрыть сомнительный товаръ и пропустить его подъ вашими глазами, какъ онъ; ни одинъ не завлекаетъ васъ такъ точностію и естественностію простонароднаго языка, какъ онъ, и не сдумѣетъ подъ благовиднымъ предлогомъ дать ходъ образу и представленію, для которыхъ нужно особенное снисхожденіе читателя. Въ самомъ еще искусствѣ расположенія разсказовъ и воспроизведенія мысли своей таетъ у него часто замыселъ на вводъ многихъ частностей, которыя, будучи взяты отдѣльно, уже не выдерживаютъ повѣрки. И часто также случается, что при разсказахъ г. Писемскаго вы наслаждаетесь собственно не сущностію жизни, о которой идетъ дѣло, а мастерскимъ способомъ автора говорить о ней, извлекаете поученіе и выводъ не касательно быта, который описывается, а касательно искусства, съ какимъ подступаетъ къ нему авторъ и имъ овладѣваетъ. Искусство здѣсь обманъ, какъ нерѣдко случается въ отношеніи народныхъ повѣствованій, и читателю должно беречься отъ опасной ошибки: принять авторскія силы, измѣняющія и подчиняющія себѣ предметъ, за настоящій видъ, за настоящую фигуру предмета. Осторожность нужна болѣе всего при второмъ разсказѣ г. Писемскаго. Обольщеніе, какое производятъ «Лѣшій» г. Писемскаго, должно быть строго провѣрено читателемъ, если онъ не хочетъ получить о весьма важномъ предметѣ понятіе автора, увлекательное и теплое, разумѣется, но, по нашему мнѣнію, тоже не совсѣмъ согласное съ истиной.

«Лѣшій» показываетъ намъ именно заблужденіе страсти и преступное увлеченіе въ женскомъ сердцѣ. Это наоборотъ съ «Питершиномъ». Дѣвушка Марфа живетъ съ умной, по крестьянски, и строгой матерью Устиньею въ страшномъ захолустьи Кокинскаго уѣзда. Соблазнитель ея — плутоватый, старый и безобразный управитель имѣнья изъ дворовыхъ. Строгость матери, общее состояніе нравовъ, еще не растлѣнныхъ въ дикомъ уголку провинціи, наконецъ несняшій надзоръ исправника заставляютъ любовниковъ прибѣгнуть къ хитрости. Управитель похищаетъ дѣвушку и распускаетъ слухъ, что ее лѣшій таскалъ. Никто и не сомнѣвается въ справедливости слуха, который поддерживаетъ и сама дѣвушка послѣ того, какъ рѣшилась возвратиться къ матери. Однакожь, стыдъ и раскаяніе разрѣшаются въ ней истерической болѣзнію: она дѣлается клякушей. Между тѣмъ вниманіе исправника обращено уже на все прошествіе, и тогда управитель, подъ собственными

его глазами, съ крикомъ, гамомъ, вихремъ, какъ настроидій дѣвѣй, покидаетъ опять дѣвушку и скрываетъ ее въ дѣсу. Мука стала снова возвращаетъ Марфу въ родимый домъ, продѣлки управителя открываются, и дѣвушка, снѣдаемая горестью, раскаянiемъ и упреками совѣсти, съ согласiя начальства, посвящаетъ себя богомольческой жизни, страствованiю и наконецъ поселяется жить при дустьицкѣхъ.

Столько-то народныхъ мотивъ собрано въ этомъ небольшомъ разсказѣ! Не будемъ говорить о приступѣ къ повѣствованiю, который превосходитъ въ «Лѣшемъ» не менѣе того, какимъ открывается «Питерщикъ», о твердой постановкѣ разсказа и прекрасной, почти повѣстической рамѣ, въ которой онъ движется, о правильномъ, органическомъ возрастанiи его, о лицѣ управителя Егора Шармныча, этомъ соединенiи плутовства и трусости, о лицѣ исправника Ивана Семеныча — лицѣ идеальномъ, но въ которое такъ ловко введены жизненные черты, рожденные долгой опытностью, умомъ, омышленностью и вмѣстѣ простосердечной добротою, что оно получаетъ ясный и привлекательный обликъ: все это не ниже таланта г. Писемскаго и стоитъ наравнѣ съ другими его разсказами, заслужившими почетную извѣстность. Замѣтимъ только, что Иванъ Семенычъ, паустово передающій автору весь разсказъ, принужденъ слѣлать оговорку, которая на минуту затемняетъ его физиономiю. «Я ужъ нарочно — говорить онъ въ одномъ мѣстѣ — представляю вамъ все въ лицахъ, какъ они (т. е. крестьяне), знаете, по своему говорятъ.» Эта маленькая гримаса, вынужденная положенiемъ разсказчика, отзывается нѣсколько неловко на читателя; да не въ томъ дѣло. Какъ въ «Питерщикѣ» главное дѣйствующее лицо — Клементій, такъ въ «Лѣшемъ» главное дѣйствующее лицо — Марфуша. Вглядимся же въ нее попристальнѣе.

Марфуша не насильно увлечена старымъ и злымъ прикащикомъ, а влюбляется въ него на работахъ. Она только оскорблена и опорочена насильно, да и тутъ, впрочемъ, принимаетъ свое положенiе хотя и съ сопротивленiемъ, но не имѣющимъ нисколько характера отчаянной рѣшимости. Вѣрный историкъ ея любви, Иванъ Семенычъ объясняетъ себѣ дѣло такъ (при сознанiи Марфуши, что чувствовала пристрастку къ жирному и салному прикащику): «Я только, знаете, пожалъ плечами, — впрочемъ, тутъ же вспомнилъ Пушкина.... вѣроятно, и вы знаете.... «Полтава» — прекрасное сочиненiе: тамъ тоже молодая дѣвушка влюбилась въ старика Мазану. Когда я еще читалъ это, такъ думалъ: правда ли это, не фантазия ли одна и бываетъ ли на бѣломъ свѣтѣ? а тутъ я самъ на практикѣ вижу.» Не во гнѣвъ Ивану Семенычу, объясненiе это, какъ и

объясненіе Клементія , приведенное выше , нельзя принять въ уваженіе. Мазепа имѣлъ за себя величіе сама, таинственность своихъ замысловъ , волненіе суровыхъ мыслей , отражавшееся на видѣніи его существѣ , чтѣ все и объяснено *сочиненіемъ* Пушкина , а здѣсь дѣйствуетъ прижимистый и не совсѣмъ симпатичный общицѣ прикащикъ. «Полтавой» никакъ нельзя объяснить Марфушу. Она рѣзительно становится въ противорѣчіе съ духомъ даже всей настоящей народной литературы , гдѣ , если не ошибаемся , нѣтъ ни одной пѣсни , прославляющей любовь молодой красавицы къ старику , и гдѣ , наоборотъ , есть множество пѣсень , въ которыхъ участь дѣвушки , связанной со старикомъ какими либо узамъ , уюдоулабляется горькому и самому худшему изъ всѣхъ несчастій. Въ простомъ , здоровомъ пониманіи вещей такъ , кажется , а должно быть. Еще въ бѣльшее противорѣчіе становится Марфуша со всей своей общицей , которая , при тихомъ и замѣчательно нравственномъ характерѣ своемъ , не можетъ быть настроена очень дружелюбно къ своеобразному и распущенному прикащику. Чтѣ имѣть къ нему *приотрастку* , Марфуша должна уже быть отчасти вырожденкомъ. Ей слѣдуетъ отдѣлаться отъ своей семьи , переработать свое воспитаніе , выкинуть изъ головы обычныя свои понятія , побѣдить болѣзнь и инстинктивное отвращеніе къ предмету , т. е. отобрать съ дороги вещи , которыя не такъ-то легко и скоро передвигаются. «*Все можетъ страсть истинная*», скажутъ намъ ; да , уже не говоря о томъ , что страсть имѣетъ границы дѣйствія , какъ порохъ и электричество и все , чтѣ намъ угодно на свѣтѣ , но сама страсть кажется въ разсказѣ невозможностию. Суевѣрные защитники *страсти* , порожденные у насъ , впрочемъ , чуждымъ , иностраннымъ вліяніемъ , полагаютъ , кажется , что страсть есть феноменъ , которому нѣтъ причинъ , нѣтъ конца , нѣтъ повода и никакого человѣческаго объясненія. Особенно живутся у насъ съ такимъ ложнымъ представленіемъ *страсти* стихотворцы и романисты ; но подобныя заблужденія всегда бывають у людей , привыкшихъ пѣть и говорить съ чужого голоса. Не входя въ дальѣйшее развитіе этой мысли , которая бы далеко завлекла насъ , ограничимся замѣткой. Если бы и дѣйствительно явился на свѣтъ фактъ страстнаго увлеченія , помимо всѣхъ нравственныхъ и жизненныхъ препятствій (чего , призвательно сказать , мы и вообразить не можемъ) , то , конечно , для такого любовнаго феномена нужно было бы написать особенный разсказъ , ему одному и посвященный.

Марфуша послѣ перваго возвращенія въ родительскій домъ прикидывается нѣмой , потомъ , мучимая раскаяніемъ , подпадаетъ историческимъ припадкамъ. Иванъ Семенычъ объясняетъ существова-

нѣ кликушъ тѣмъ разстройствомъ нервовъ, которое кончается истерикой. Не опровергая физиологическаго объясненія его, скажемъ только, что исторія порчъ, суевѣрій и проч. имѣетъ корень еще болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ душевныхъ болѣзняхъ. Воображеніе, настроенное на одинъ ладъ, можетъ производить дѣйствительныхъ кликушъ и безъ всякихъ сантиментальныхъ поводовъ, такъ что романическое объясненіе Ивана Семеныча касается только Марфуши и сдѣлано имъ въ виду сообщенія ей нѣкотораго рода интересности. Впрочемъ, важнѣе этого для насъ другое обстоятельство. Послѣ вторичнаго похищенія своего, Марфуша, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и жизни, увидѣвъ наконецъ всю великость своего паденія, предается страннической жизни и поселяется при пустынь. На этомъ обстоятельствѣ мы и остановимся.

Съ перваго взгляда чувство, побуждающее Марфушу на такой подвигъ, кажется чувствомъ общечеловѣческимъ, которое можетъ испытать точно такъ же герцогиня де-ла-Вальеръ, какъ и простая крестьянка. Совсѣмъ тѣмъ общечеловѣческія чувства подчиняются, во первыхъ, условіямъ развитія, а во вторыхъ, условіямъ народности. То, что у пышной дамы, воспитанной на понятіяхъ о высокомъ значеніи собственнаго лица, объ отвѣтственности за оскорбленіе и униженіе его, кажется естественной и трогательной развязкой жизни, то, навязанное скромному быту, имѣющему совсѣмъ другія нравственныя основанія, кажется уже развязкой насильственной, произвольной и потому холодной. Сознаніе своей вины, упреки сердца и совѣсти чувствуются всѣми одинаково, да на разную дѣятельность вызываютъ они людей. Такъ, при странничествѣ и за тѣмъ при духовномъ успокоеніи Марфуши могъ быть только одинъ поводъ — благочестіе, и никакой другой. Тысячи другихъ сложныхъ, тонкихъ, метафизическихъ поводовъ, которыми такъ обильны свѣтскіе романы, не существуютъ въ понятіяхъ народнаго быта, какъ намъ кажется. Аскетическое направленіе вызывается у него только одной ближайшей причиной — потребностію духовной пищи. За тѣмъ обратитъ это направленіе въ способъ развязки своихъ страстей, въ новую игру чувствъ и мыслей, въ продолженіе жизненныхъ тревоженій, только на другой почвѣ, въ поправку своихъ ошибокъ, въ тонкую бесѣду съ самимъ собою, — все это значитъ перенести понятія изъ чуждой сферы въ такую, которая обращаетъ всегда вниманіе только на одну существенную сторону всякаго дѣла. Когда авторъ отсылаетъ къ удлиненію простонароднаго героя, послѣ цѣпи бѣдствій и паденій въ видѣ отдыха, онъ только отдѣляется отъ него на скорую руку, а совсѣмъ не доканчиваетъ его исторію. Герою или героинѣ подка-

ываются тогда мысли и понятія, которыя онъ пріобрѣсти не могъ, и которыя лишаютъ его послѣдняго достоинства — своей собственной самостоятельной физиономіа. Отсылка Марфуши къ уединенной жизни принадлежитъ къ этому роду литературнаго самоуправства. Она произошла отъ приспособленія романическихъ, всѣмъ извѣстныхъ представленій къ быту, которому они совсѣмъ чужды, или который ихъ понимаетъ съ одной стороны гораздо легче, а съ другой стороны гораздо строже. Немногихъ словъ, сказанныхъ нами, кажется, достаточно, чтобъ оправдать въ нѣкоторой степени такое заключеніе. На лицѣ Марфуши, какъ и на лицѣ Клементія, играетъ тѣнь литературной выдумки, существованія которой даже и не подозреваетъ талантливый и справедливо увѣренный въ своихъ силахъ авторъ обоихъ превосходныхъ очерковъ.

Такъ мы видимъ, что въ народную русскую драму вплетаются незамѣтно красивые цвѣтки чуждой флоры, и это еще тогда, какъ ею занимается талантъ многообразный, знакомый, по всему видимому, съ своимъ предметомъ на столько, на сколько это было возможно ему, и владѣющій средствами выше обыкновенныхъ. Спрашивается: къ какимъ заимствованіямъ долженъ прибѣгнуть простой, менѣе надѣленный рассказчикъ, и сколько экзотическихъ, или тепличныхъ растений вплететъ онъ въ простонародную драму, если вздумаетъ заниматься ею? Дѣйствительно, еще тяжело создать вполне удовлетворительную картину душевныхъ мыслей деревни, понять тѣ малыя вещи, которыя горько ложатся на сердца простолюдина, и исключить изъ списка драматическихъ двигателей и рычаговъ многія высокія чувства, носящія эти титла между нами. Даже и въ то время, когда авторъ попадетъ на мотивъ, дѣйствительно принадлежащій выбранному имъ міру, сколько труда стоитъ ему, чтобъ провести его до конца въ надлежащей чистотѣ. Какъ часто, видимъ мы, дрожитъ его рука, спутывается мысль и накладываются узлы за узлами на веревку, которую онъ началъ плести еще недавно такъ чисто и, казалось, такъ ловко. Замѣчаніе наше также относится къ повѣствовательной драмѣ, какъ и къ настоящимъ драматическимъ произведеніямъ изъ простонароднаго быта. Причина ихъ относительной слабости одна. Типъ, который мелькаетъ передъ глазами автора, не выдается самъ добровольно впередъ и не выдвинутъ другими на первый планъ посредствомъ многосторонняго изученія. Объясненіе его началось, можно сказать, на нашихъ глазахъ, и, если принять въ соображеніе, необыкновенное разнообразіе подробностей и жизненныхъ чертъ, которыя входятъ въ него, своеобразность его понятій, обманывающую всѣ предположенія и заготовленные выводы, трудъ объясненія долженъ продолжаться

еще долго. До тѣхъ поръ каждый изъ писателей довольствуется бѣльшей или мѣньшей степенью собственной *наглядки*, которая, однакожъ, никогда не можетъ обнять предмета вполнѣ. Само собою разумѣется, что тутъ являются пробѣлы и возстаютъ неожиданно вопросы, приводящіе въ замѣшательство самаго опытнаго мастера въ литературномъ дѣлѣ. Наполненіе первыхъ и разрѣшеніе вторыхъ составляетъ ту великолѣпную литературную игру, которую старались мы уловить. На нее уже потрачено много силъ и еще болѣе потрачено будетъ, вѣроятно, впоследствии. И сохрани Богъ, чтобъ мы мѣшали этому направленію творческихъ способностей или считали его бесплоднымъ! Мы знаемъ, что многимъ обязаны ему, что, напримѣръ, оно освѣтило нѣкоторыя стороны русской жизни, оставшіяся доселѣ въ темнотѣ или даже въ общемъ подозрѣніи насчетъ возможности ихъ представленія и поясненія. Еще болѣе ожидаетъ отъ него образованная публика въ будущемъ, потому что именно въ средѣ такой игры нападаетъ иногда авторъ на характерную частность, а иногда на животворную мысль, которыя составляютъ драгоценное приобрѣтеніе въ общемъ дѣлѣ *уясненія* *своихъ* себя, что мы полагаемъ лучшимъ, высокимъ призваніемъ литературы вообще. Обязанность наша ограничивается скромнымъ указаніемъ, что игру эту не всегда должно принимать за дѣло, и что если она неизбѣжна покажется, по состоянію изслѣдованій нашихъ о темномъ предметѣ, находящемся теперь *на очереди* литературнаго воспроизведенія, то ей должно предаваться по крайней мѣрѣ съ бѣльшей осторожностью и безъ излишняго, самодовольнаго увлеченія....

Одинъ изъ видовъ этой игры, рожденной не совсѣмъ яснымъ представленіемъ міра, на который обращено вниманіе писателя, есть *идиллія*. Со времени паденія псевдо-реальной школы, т. е. въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, сельская идиллія сдѣлалась господствующимъ направленіемъ въ нашей словесности, и рѣдкій изъ писателей не прибѣгалъ къ ней, да присутствіе ея слышится еще и теперь во многихъ новѣйшихъ произведеніяхъ. Преобладаніе идиллическаго тона объясняется многими весьма важными причинами, которыхъ долго было бы разбирать здѣсь. Между прочимъ развитію ея сильно способствовало нелюбиміе, въ которомъ очутились писатели послѣ явной несостоятельности предшествующаго направленія. Не каждый изъ нихъ могъ обречь себя на спасительное молчаніе, въ которомъ тихо копились бы зрѣлыя литературныя идеи, а идиллія представляла готовый выходъ для дѣятельности. Никто не будетъ, полагаемъ, отвергать пользы, принесенной ею тогда. По милости идилліи, научились и публика и сами писатели

узнать лица и характеры, мимо которых проходили они прежде или съ пустой гордостью, или съ напраснымъ соблазнованіемъ, почитать, что движенія сердца, душевное горе, нравственное веселіе и даже мысль ни у кого не отобрамы и никому не даны въ исключительное владѣніе, видѣть, наконецъ, что природная обстановка, въ которой живутъ тысячи людей, отлично выдерживаетъ описаніе, не дже мебельныхъ, бронзовыхъ и другихъ принадлежностей комфорта. Совсѣмъ тѣмъ идиллія не есть изображеніе всякаго предмета съ его поэтической стороны, а наоборотъ—есть усиліе достигнуть поэзіи безъ дѣйствительнаго предмета въ основаніи. Это труженникъ, производящій всѣ земныя работы на мимолетномъ облакѣ, если только можно допустить подобное сравненіе. Ближайшее знакомство съ дѣломъ и развитіе творческихъ силъ вытѣсняютъ мало по малу идиллію, замѣщая ея безплодную фантазію, летающую въ пространствѣ безъ возможности спуститься внизъ и остановиться на чемъ либо, той поэтической идеализаціей, которая не выдумываетъ предметовъ, а только обнаруживаетъ ихъ настоящій смыслъ, ихъ настоящее значеніе. Идеализація, правильно понятая и художественно выполненная, совпадаетъ такимъ образомъ съ реализмомъ, потому что тайный смыслъ, скрытое значеніе вещей и составляютъ сущность ихъ; но она ничего не имѣетъ общаго съ псевдо-реализмомъ, который занимается одной внѣшней стороной предметовъ и минуетъ все, что только не подпадаетъ прямо глазу. Идиллія; однако же, не исчезаетъ даже и съ появленіемъ художественной идеализаціи. Всякій разъ, какъ встрѣчаются у автора пробѣлы, сомнѣніе, темный вопросъ, показывается идиллія и вступаетъ опять во всѣ права свои. Она служитъ готовымъ балластомъ для наполненія тѣхъ пустыхъ мѣстъ, которыя остаются отъ недостаточности положительныхъ свѣдѣній, отъ невозможности отыскать истинную причину событія и истинныя послѣдствія его, а наконецъ отъ стремленія къ поэтическому освѣщенію предмета, когда еще не найдено ему вѣрнаго освѣщенія полъ рукой. Въ послѣднемъ случаѣ выдумки идилліи, всѣ ея опыты увеселительной физики, разжигательные огни и фосфорическія сіянія пригодны какъ нельзя болѣе. Все хорошо, что только нѣсколько освѣщаетъ потемки. И мы видимъ, что въ самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ изъ простонароднаго быта еще не обходится безъ идилліи, и что она присутствуетъ тамъ, какъ ясное свидѣтельство неполнаго знанія дѣла и неполнаго обладанія предметомъ.

Есть, однакожь, идиллія по преимуществу, къ которому невольно стремится симпатіи читателя. Мы говоримъ о г. Кокоревѣ, такъ рано похищенномъ смертію у русской литературы. Разноазъ

его: «Саввушка», появившійся еще въ 1852 году, выражаетъ вполне этого замѣчательнаго писателя, не успѣвшаго сдѣлать всего, что онъ могъ сдѣлать. Въ разсказѣ есть мѣста, показывающія такое близкое знакомство съ русской жизнью, какое не часто встрѣчается. Всего замѣчательнѣе, что подобныя мѣста у г. Кокорева являются уже почти безъ примѣси искусства, безъ ученой, систематической постановки, безъ преднамѣреннаго литературнаго разчета, чѣмъ писатель этотъ и отличается отъ всѣхъ своихъ собратьевъ. Мѣста эти выдѣлились сами по себѣ, развитіе получили отъ собственныхъ силъ, на сколько достало ихъ, изъ себя почерпнули весь свой эффектъ, и не видно, чтобъ авторъ заботился о томъ, какъ бы ловчѣе показать ихъ людямъ. Изъ многихъ такихъ мѣстъ, упомянемъ объ одномъ, но, можетъ быть, лучшемъ изъ всѣхъ: о сценахъ въ заведеніи: «Старая Изба», Распивочной близъ Сухаревой башни, на Самотекѣ. Пусть читатель проверитъ наши слова, пробѣжавъ эту оживленную картину, которая можетъ служить даже отчасти историческимъ матеріаломъ впоследствии. Изъ нея, напримѣръ, будущій описатель нравовъ замѣтитъ, что въ извѣстную эпоху городскіе романсы и цыганскія пѣсни начали спускаться въ народъ, отпѣтые и забытые въ другихъ кругахъ. Онъ увидитъ также, какимъ образомъ они начинаютъ мѣшаться съ чисто національными произведеніями въ столицахъ, а оттуда, вѣроятно, итти и еще далѣе; да и многое другое можетъ онъ еще замѣтить какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другихъ. Если въ каждомъ изъ лучшихъ современныхъ нашихъ писателей есть любопытныя этнографическія данныя, на которыя не мѣшаетъ иногда взглянуть и строгой наукѣ, то, конечно, ни у кого пока мѣстъ ихъ нѣтъ болѣе г. Кокорева. Къ несчастію, писатель этотъ совершенно подавленъ идеалією. Саввушка его, сперва разгульвѣйшій ученикъ портного, потомъ не совсѣмъ счастливый мужъ, а потомъ еще менѣе счастливый портной, служитъ провизіонеромъ для одного бѣднаго семейства, гдѣ пьяный мужъ сводитъ жену въ могилу и самъ пропадаетъ. Отъ нихъ остается дочка Саши, порученная ему, Саввушкѣ, которую онъ и пристроиваетъ къ какой-то тетушкѣ; но дѣвушка сманена шарманщикомъ и скрывается. Саввушка ноетъ и горюетъ до тѣхъ поръ, пока въ Старой Избѣ, о которой упоминали, встрѣчаетъ Сашу, въ костюмѣ мальчишки, пляшущую и распѣвающую для гостей Избы. Тутъ подымается Саввушка, выхлопатываетъ у разныхъ людей деньги — на заплату долговъ Саши, преодолеваетъ ея собственныя дурныя наклонности, заманивъ ее разъ на могилу матери и тамъ усовѣстивъ ее, потомъ беретъ ее на воспитаніе, воспитываетъ тщательно, добивается своей любимицѣ шереметьевской преміи для бѣдныхъ невѣстъ и нако-

нецъ выдаетъ ее замужъ за молодого, прекраснаго часовщика Петра Васильевича.... Все это теченіе разсказа въ яркомъ, радужномъ и однообразномъ колоритѣ, конечно, утомляетъ глазъ читателя, который весьма радъ, когда отъ времени до времени прорывается эта черезчуръ свѣтлая, неестественная атмосфера, и показываетъ вдали клочокъ земли съ настоящими людьми и съ настоящей природой; но у г. Кокорева есть неопѣненное качество, спасающее его даже и тогда, какъ онъ плыветъ въ водахъ идилліи, мимо фантастическихъ береговъ, къ которымъ пристать нельзя. Идиллія у него не щегольство, не манерный показъ своихъ авторскихъ приѣмовъ и даже не способъ вывернуться изъ труднаго обстоятельства, что такъ часто бываетъ. Идиллія у него есть дѣло сердца, и онъ самъ вѣрять въ нее. Вы ясно видите, что авторъ вмѣстѣ съ героемъ своимъ Саввушкой бѣгаетъ по чужимъ домамъ, отъискивая способъ выручить Сашу изъ порочной атмосферы, вы видите, что онъ вмѣстѣ съ нимъ плачетъ надъ неудачей и переживаетъ съ нимъ каждую его радость и каждую его печаль. Когда приводитъ онъ Саввушку и его питомицу къ пристанищу, или, лучше, въ какой-то сказочный Храмъ Славы, онъ весьма далекъ отъ мысли устроить имъ эффектное помѣщеніе на удивленіе другимъ. Въ немъ живетъ только глубокая потребность видѣть ихъ безмѣрно счастливыми, выразить собственное свое чувство любви къ нимъ и найти успокоеніе сильно взволнованному сердцу. Въ этомъ семейномъ торжествѣ автора едва-едва замѣтно участіе искусства: такъ сильно поглощены всѣ другія требованія однимъ главнымъ, которое всегда и стоитъ на первомъ планѣ. Конечно, идиллія остается по прежнему идилліей и не переходитъ отъ этого въ поэтическую идеализацію происшествія, но за ней все-таки свѣтитси жизненная истина, выражаемая душевнымъ настроеніемъ автора, и теплота чувства, разлитая по ней изъ этого источника, сообщаетъ ей силу впечатлѣнія, которой она безъ этого никогда бы не имѣла.

Совсѣмъ иные поводы бываютъ у вѣкоторыхъ другихъ идиллій. Вотъ передъ нами сельская идиллія г. Авдѣева: «Огненный Змѣй». Мы называемъ разсказъ г. Авдѣева идилліей потому, что онъ рисуетъ именно явленія фата-морганы авторскаго воображенія, хотя въ немъ есть и сильныя страсти, и душевная буря, и замѣтная претензія на драму. «Огненный Змѣй» любопытенъ во многихъ отношеніяхъ, особенно какъ свидѣтельство, чѣмъ можетъ сдѣлаться простонародная литература, когда переходитъ въ достоиніе записнаго разсказчика, который не остановится за словомъ, лишь бы мысль была заготовлена прежде и обнаружилось требованіе на нее въ публикѣ. Въ идилліяхъ г. Кокорева первый поводъ есть симва-

тія автора къ предмету; у г. Авдѣева первый поводъ къ идилліи есть пресыщеніе отъ удовольствій петербургской жизни и отъ работы въ фельетонахъ, какъ онъ объясняетъ на первой страницѣ своей повѣсти. Несмотря на странность побужденія, а можетъ статься и по причинѣ странности побужденія, онъ въ восторгѣ отъ глухой деревни, въ которую нечаянно заѣхалъ; но восторгъ — плохой руководитель. Деревня г. Авдѣева уже такъ глуха, какъ гвіанскій дѣсь: въ ней не знаютъ ни дней, ни мѣсяцевъ, ни годовъ, и кажется даже, по нѣкоторымъ намекамъ, что въ ней не вѣдаютъ, обрѣтается ли она въ губерніи, въ воеводствѣ или въ намѣстничествѣ. Это значить уже простирать *вольность* описанія до крайнихъ границъ; авторъ позабылъ намъ сказать только — есть ли въ этой деревнѣ какой нибудь прикащикъ или какая либо контора управленія? Впрочемъ, легко догадаться, что излишняя густота красокъ произошла отъ намѣренія автора показать собственныя свои свѣдѣнія въ деревенскомъ календарѣ, въ народныхъ примѣтахъ, въ тайной наукѣ простолоюдина, которая будто бы позволяетъ ему обходиться безъ всякихъ гражданскихъ и вообще образованныхъ дѣлений и указаній. Дѣйствительно, авторъ, какъ записной разкащикъ и настоящій сынъ своего вѣка, знаетъ всю мудрость деревни, всю подготовитную ея науки. Ему извѣстно, что на Варвару зима мосты шмостила, а на Савву гвозди заострила, а на Васильевъ вечеръ день прибылъ на куриный носъ, такъ же точно, какъ онъ хорошо ознакомленъ съ Петромъ-полукормомъ, Тимофѣемъ-полужинникомъ и проч. Всѣ эти свѣдѣнія, однако же, и многія еще другія почти ни къ чему не служатъ у него: какъ только высчиталъ ихъ авторъ или покрасилъ ими, случайно, рѣчь простолоюдина, такъ все и кончилось. Они не даютъ никому никакого значенія. Это все равно, что встрѣтить въ обществѣ образованнаго и веселаго господина, который, Богъ знаетъ съ чего, вѣрить въ домового и разсказываетъ о немъ анекдоты. Въ голову вашу непременно приходитъ мысль, что господинъ тутъ самъ по себѣ, а домовой — самъ по себѣ. Странно, что при этомъ повторяется всегда одно и то же явленіе. Чѣмъ дальше разкащикъ стоитъ отъ своей темы, чѣмъ недоступнѣе она ему съ каждымъ шагомъ впередъ, тѣмъ все изысканнѣе, наряднѣе, эффектиѣе старается онъ ее сдѣлать. Онъ изукрашаетъ быть простонародья наподобіе того, какъ разбогатѣвшій спекулянтъ покрываетъ золотомъ всю домашнюю утварь свою. Каждое лицо разказа въ такомъ случаѣ носитъ лучшую поэтическую пѣсню изъ всего сборника русскихъ пѣсенъ; въ каждомъ углу избы слышится замѣчательное по вѣрью или трогательное преданіе, за каждымъ плетнемъ разказы-

вается легенда, а умъ о самихъ лицахъ, бытїи ихъ и о природѣ, ихъ окружающей — говорить нечего. Тутъ смѣшиваются всѣ тоны, всѣ тѣни и всѣ цвѣта, начиная отъ ярко-солнечнаго до прозрачно-туманнаго и т. д. Во всемъ этомъ богатствѣ недостаетъ только одного — живой мысли, близкаго родства съ предметомъ и вѣрнаго колорита, который дается настоящимъ пониманіемъ перваго. Взгляните на основную мысль «Огненнаго Змѣя» и на весь составъ его. Какая картина въ разныхъ вкусахъ, или, лучше, какая турнировская скачка на пяти лошадяхъ въ одно время! Въ уединенной избушкѣ, изукрашенной по стѣнамъ пучками сухихъ травъ, живетъ старая ворожея-знахарка съ молодой внучкой своей — Васёной. Косо смотреть на нихъ вся деревня, но еще принимаетъ въ свой кругъ внучку, за красоту и молодость ея. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока разъ весь міръ, возвращаясь съ работы, видитъ огненнаго змѣя, который летитъ черезъ всю деревню и разсыпается надъ избушкой ворожен, гдѣ тогда была одна внучка ея — Васёна. Съ этой минуты вся деревня отстраняется отъ Васёны, а гордая Васёна, съ своей стороны, разрываетъ не только обычныя дружескія связи молодости, но и отталкиваетъ Федюшу — своего испытаннаго любовника. Она уходитъ въ самое себя, начинаетъ блѣднѣть и сохнуть, а огненный змѣй чаще и чаще посѣщаетъ ее, но уже въ образѣ управительскаго сына, живущаго не подалеку. Не совсѣмъ же глуха была деревня Ознобиха, какъ хотѣли насъ увѣрить. Федюша рѣшается подстеречь, съ помощью чаръ нечистаго, который водится съ его возлюбленной, и на третью ночь видитъ его. Несчастный любовникъ съ тѣхъ поръ заматывается, идетъ въ солдаты, управительскій сынокъ тоже, какъ водится, отъѣзжаетъ. и рассказъ кончается сценой, въ которой Васёна, подъ руководствомъ своей бабушки-ворожен, выходитъ ночью на улицу, проникается вдохновеньемъ и напускаетъ на измѣнника страшный приворотъ и заклатіе.... Послѣдствія того и другого неизвѣстны. Таковъ этотъ пестрый рассказъ, и въ краткомъ очеркѣ, который мы представили, читатель еще найдетъ, если захочетъ, сборъ фантастическихъ мотивовъ, выдуманннй для прикрытія бѣдности настоящаго содержанія, и содержаніе съ трудомъ добытое — для ввода обвѣтшалыхъ фантастическихъ подробностей. Дѣйствительно, все какъ-то идетъ врозь у автора и каждая отдѣльная часть еще не по своей дорогѣ. Самыя интересныя лица разсказа: героиня Васёна, подруга ея Дуня и проч., говорятъ грубымъ языкомъ, формы котораго не смягчены внутренней граціей мысли или чувства, что такъ хорошо умѣютъ дѣлать гг. Григоровичъ, Писемскій и Тургеневъ. Напротивъ, авторъ какъ будто съ намѣреніемъ останавливается на внѣшней жесткости крестьянскаго языка и пишетъ: ра-ѣ,

те-я, матри, вмѣсто — развѣ, тебя, смотри, точно боится, какъ бы не проговорился его лица по книжному. Въ замѣнъ, когда переходитъ онъ къ описанію нарядовъ ихъ, то уже является изысканность и щегольство, напоминающія скорѣе искуснаго маскараднаго или, театральнаго костюмера, чѣмъ деревенское кокетство, а въ изображеніи ихъ физіономій вводятся въ дѣло такія тонкія замѣтки, какія не всякому диллетанту въ живописи придуть въ голову и тогда, какъ онъ смотритъ (выписываемъ слова автора) на портреты *новой итальянской живописи, освѣщенные и сокрыты такъ, что на нихъ, несмотря на неподвижность линий и непрозрачность кожи, можно, по какому-то переливу тѣней, ясно читать внутреннее настроеніе.* Этими словами авторъ рисуетъ особенности васѣнниной физіономіи. И пусть не подумаетъ читатель, что рассказъ «Огненный Змѣй» не имѣетъ занимательности. Мы увѣрены, наоборотъ, что онъ многими прочтенъ съ наслажденіемъ и особенно за эффектное смѣшеніе воображаемаго и дѣйствительнаго міра, убаюкивающее всякую мысль и всякое изысканіе. Это и заставило насъ остановиться на немъ. Цѣль наша была — указать, какимъ путемъ идетъ, обыкновенно, писатель, взявшійся за простонародный бытъ отъ скуки, отъ пресыщенія, отъ нечего дѣлать или отъ увѣренности въ мастерствѣ своемъ. Тяжело дѣлается смотрѣть тогда на обоихъ: на автора, выбравшаго предметъ, который вызываетъ добросовѣстный трудъ, а не прихотливую шалость, на самый предметъ, который дичится и уходитъ изъ рукъ человѣка, приступившаго къ нему безъ уваженія и серьезной мысли. Если простонародному быту суждено перейти у насъ въ область всендневной литературы, или, сказать иначе, въ область той болтовни, которая составляетъ насущный хлѣбъ всякой современности (по нѣкоторымъ признакамъ видно, что ему не миновать судьбы этой), то безобразіе отношеній между авторомъ и предметомъ обнаружится при этомъ случаѣ все же для всѣхъ глазъ. Мы указываемъ теперь на первые, еще легкіе проблески его, и желаніе отстранить одно извѣстное имя въ литературѣ нашей отъ явленія, мало утѣшительнаго по себѣ самому, вынудило насъ сказать всю правду. Пусть г. Авдѣевъ держится того полу-свѣтскаго круга, въ которомъ почерпнулъ онъ свои лучшія повѣсти. На этой почвѣ онъ всегда останется умнымъ, пріятнымъ, а иногда и провинциальнымъ-разскащикомъ.

Говорить ли о рассказѣ г. Александра Мартынова: «Рыбакъ», который состоитъ изъ нѣсколькихъ страницекъ, наполненныхъ необычайными странностями. Рассказъ этотъ намъ кажется пародіей на простонародныя повѣсти съ мужицкимъ языкомъ и съ сентиментальнымъ направленіемъ, и въ такомъ случаѣ это одна изъ са-

ныхъ забавныхъ шутокъ послѣднихъ годовъ, которые такъ обильны были шутками. Авторъ видитъ на рѣкѣ В — ни купающагося парня, который далъ болѣе 150 поросенковъ, т. е. болѣе 150 вырковъ, не переводя духа, и пораженъ отъ этой удали *благословнiемъ*. Прямо отъ парня переходитъ онъ къ старому рыбаку, который небывалымъ языкомъ, состоящимъ изъ смѣшенiя деревенской грубости и городской пошловатости, рассказываетъ, какъ была у него дочка Наташенька, да молодой баринъ подмѣтилъ ее на базарѣ, пришелъ уху ѣсть и (новаго рода Алеко!) поселился между рыбаками въ шалашъ, за тѣмъ, *ишь ты* — прибавляеть рыбакъ — *воздухи здѣсь хороши — спится ловко*. Открылъ, однако же, старикъ продѣлки своей дочки, напустился на нее, побилъ шибко, да и отправился въ слободу, куда уѣхалъ волокита, чтобъ опять его *пагубника* привести къ дѣвонкѣ, *роднаго дѣтища жалюми*. Въ слободѣ онъ его уже не отыскалъ, какъ легко догадаться, и возвратился назадъ съ пустыми руками. Дочка, услыхавъ это, бросилась въ воду, а потомъ въ *разумъ помутилася*, а старикъ отвезъ ее въ больницу, гдѣ *изъ пользапрують*, и съ тѣхъ поръ сдѣлался несчастнымъ на весь вѣкъ. Уморительная простота разсказа, слезливость старика и комизмъ всѣхъ положенiй, наконецъ необычайный языкъ его, невольно вызывающiй смѣхъ у читателя, и драматическое содержанiе, которое призванъ онъ выражать, составляютъ особенности этой пародiи. Мы знаемъ, что многiе совсѣмъ не считаютъ предвѣренною шуткою разсказъ г. Мартынова, а повѣстью, написанною весьма серьезно; но тогда явленiе дѣлается совершенно необъяснимымъ, и мы, для чести автора, хотимъ лучше принимать его за пародiю. Вотъ на выдержку одно мѣсто изъ повѣствованiя стараго рыбака: «Прошло эдакъ съ добрыхъ недѣлю. Сидимъ мы съ Наташей по-вечеру у котелка; носидать собралися, прежде чѣмъ ей-ту на сонъ идти, а мнѣ къ удамъ: хороши по-вечеру клевы живутъ. Солнышко садилось; вечеръ былъ важный такой, и рыбѣ надо бы ходко идти. Ну и сидимъ мы-то: ложкѣ, чай, по первой не успѣли во рту помазать, — глядь... отколѣ ни возмись, *Позапрошлой*. Меня нидо морозомъ по спинѣ дернуло (знать чуяло сердчишко); а Наташа — гдѣ *нетъ!*... Какъ держала у рта ложку, такъ и не смигнѣтъ, словно-те *батмуръ* какой нашелъ. — «Хлѣбъ-соль — молвилъ — добрые люди!» — Хлѣба-соли кунать, молъ, батюшка — будто путному молвилъ и я въ та-поры... Да кто его зналъ; въ душу людскую не влѣзешь *въ!*... «Пустите, баятъ, меня съ вами уши похлѣбать: гололъ уморилъ, а я ва все-про-все заплачу.» — Ужь и стать ли, говорю, вамъ съ нами нѣтъ одного корыта снѣдать... Буде вашей милости въ угоду — ны тебѣ другую ушицу доснѣмъ, ужъ такую, что въ ротъ,

то спасибо! Рыбки не занимать — стать — и *седни* Богъ не обидѣлъ. Волишь: *утренничка* сварганю — стерлядокъ тамъ, али *малиновъ* (налимовъ), аль иной прочей — всякой въ волюшку. — «Ладно, говоритъ, старикъ — сваргань, а тебѣ обиды не будетъ.» — Какая, молъ, обида! обидишь меня — тебя Господь обидитъ.... «Но пережь дай, бантъ, вашей проотвѣдать: умаляся добре!...» Сжикомъ, почитай, отнялъ ложку у Наташи моей, — ну и *швыркнулъ* разъ-другой... Что ему загорѣлося больно — Богъ его вѣдаетъ! аль и вправду *летитъ* пронялъ.» Неужели это не пародія, неужели рассказъ г. Александра Мартынова долженъ служить примѣромъ и доказательствомъ того, что простонародныя повѣсти, спускаясь все болѣе въ низшіе слои литературной дѣятельности и въ руки бездарныхъ писателей, могутъ переродиться въ чудовищный сбродъ нелѣпностей, оскорбляющій вкусъ и всѣ понятія объ искусствѣ?...

Просмотрѣвъ всѣ наиболѣе замѣчательныя произведенія, явившіяся въ прошломъ году по особому отдѣлу нашей литературы, сѣвшимъ къ заключенію. Ясно дѣлается, по крайней мѣрѣ для насъ, что въ настоящую минуту предметъ описанія — простонародный бытъ — стоитъ еще враждебно къ самому способу описанія его въ романахъ и рассказахъ. Въ манерѣ представленія его, словно отъ примѣси какаго-то ядовитаго вещества, есть краски, поѣдающія характерныя черты его облика или въ крайнемъ случаѣ значительно ослабляющія ихъ. Истина жизни и искусство рѣдко бываютъ примирены, а болѣею частію находятся въ обратной математической пропорціи другъ къ другу и законъ правильного соотношенія между ними еще не найденъ. Простонародный бытъ гораздо лучше подчиняется кисти, когда онъ составляетъ содержаніе миниатюры, абриса, эскиза, когда онъ умаленъ и введенъ въ скромную раму, которую уже надо опредѣлять дюймами и линіями. Тутъ одна яркая особенность его, одна отдѣльная черта, подмѣченная вѣрно и выработанная со тщаніемъ, вообще свойственнымъ живописи малыхъ размѣровъ, удовлетворяетъ читателя, знающаго чего требовать отъ картины. Гдѣ не было претензіи на объясненіе всѣхъ сторонъ предмета, тамъ не можетъ быть и запроса на него. Совсѣмъ другое дѣло, когда предметъ выведенъ изъ скромнаго угла и поставленъ въ той самостоятельности, въ той особенности, которая предъявляетъ права на честь строгой и многосторонней оцѣнки. Тогда происходитъ явленіе, уже замѣченное нами. Несмотря на силу средствъ, на богатую долю таланта и наблюденія, даже на обиліе мыслей, писатель не въ состояніи показать всѣ необходимыя нравственныя стороны предмета, какъ обѣщался и какъ хотѣлъ. Прежде всего, мѣшаетъ этому неполное знаніе его, а потомъ противорѣчащія

подробности, которыми такъ обилёнъ всякій характеръ изъ простаго быта. Примирить ихъ въ художественномъ образѣ, разумѣется, можно, но представляетъ значительныя трудности, даже по обилію неразработанныхъ матеріаловъ. «Поэтическое прозрѣніе» тутъ ничего не можетъ сдѣлать, потому что и оно должно имѣть какую нибудь уже добытую частицу кости, чтобъ построить весь остовъ невѣдомаго организма. Безъ этой существенной частицы и «поэтическое прозрѣніе» будетъ точно такая же литературная игра, какъ идиллія или другія уловки литературнаго ремесла. При такомъ состояніи дѣла, писателю остается выборъ изъ противорѣчащихъ подробностей, очистка ихъ и уже потомъ созданіе характера на основаніи кристалловъ, очутившихся въ ретортѣ послѣ этого процесса. Мы уже видѣли, что на подобную работу употребляются всѣ творческія силы писателей, и что она производится иногда съ искусствомъ, заслуживающимъ вниманіе и полную признательность нашу. Къ несчастію, ни одна черта въ родномъ обликѣ, знакомомъ по инстинкту и нагляднѣ каждому, не можетъ быть выпущена и не можетъ пропасть. Если она отстранена авторомъ по какой либо причинѣ, то тотчасъ же воскресаетъ у котораго нибудь изъ читателей его, но уже въ видѣ возраженія, сомнѣнія, противорѣчія. Какъ ни мала, какъ ни ничтожна пренебреженная или опущенная черта, но въ рукахъ читателя она уже составляетъ орудіе весьма разрушительнаго свойства. Ею онъ подкапываетъ основаніе разсказа, снимаетъ съ него краски, разлагаетъ его въ частяхъ и въ цѣломъ. Ни одинъ еще разсказъ, сколько намъ извѣстно, не сосредоточилъ на себѣ единоголоснаго убѣжденія въ непогрѣшительности всѣхъ своихъ данныхъ и всѣхъ своихъ выводовъ, а напротивъ — каждый изъ нихъ порождаетъ и порождаетъ столкновенія личныхъ и совершенно противоположныхъ мнѣній, взаимно исключаютъ себя. Ясно, что какъ авторъ, такъ и чтенцы его имѣютъ различныя понятія о предметѣ, еще не сведенныя опытомъ, наукой, трудомъ въ одно общее и полное представленіе его. Есть ли возможность, при такомъ положеніи дѣла, окончательнаго и полнаго проявленія его въ искусствѣ? Сомнѣніе тутъ, кажется намъ, позволительно, особенно, если вспомнимъ, что самыя лучшіе, самыя вѣрныя приемы современнаго искусства скорѣе запутываютъ пониманіе быта, чѣмъ объясняютъ его. Значить, кромѣ всѣхъ другихъ препятствій, есть даже помѣха для представленія его въ надлежащей ясности и со стороны обыкновенныхъ условій искусства. Ограничимся однимъ замѣчаніемъ: естественный бытъ врядъ ли можетъ быть воспроизведенъ чисто, вѣрно и съ поэзіей, ему присущной, въ установленныхъ фор-

махъ вынѣшняго искусства, выработанныхъ съ другою цѣлью и при другихъ поводахъ. Первые, основныя правила изящнаго здѣсь не находятъ приложенія дѣлостнаго, а только допускается приложеніе ихъ урывками, по кускамъ и случайное; хитрѣя подготовки, обычныя иллюзіи искусства, принятыя всѣми по общему соглашенію и не возбуждающія при другихъ случаяхъ ни малѣйшаго возраженія, здѣсь становятся ложью, обманомъ, иногда чудовищностію. Была попытка выйти изъ этого враждебнаго отношенія искусства къ предмету въ драматической литературѣ нашей, но это одна успѣшная попытка, гдѣ драматическая форма подчинилась требованіямъ новаго рода, осталась уединенной попыткой и феноменомъ безъ ясной причины и безъ видимыхъ послѣдствій. Какой видъ будетъ имѣть свѣжая, оригинальная форма простонароднаго разсказа — мы не знаемъ. Это уже настоящее дѣло и тайна тѣхъ самыхъ даровитыхъ писателей, которые возбуждали своими произведеніями вопросъ этотъ въ публикѣ и на которыхъ лежитъ сильная обязанность если не разрѣшить его, то по крайней мѣрѣ указать дорогу къ его разрѣшенію. Статся можетъ, что вмѣстѣ съ новой формой появится и содержаніе, которое не станетъ нуждаться въ поясненіяхъ со стороны, потому что всѣ поясненія уже будутъ находиться въ немъ самомъ, которое разовьется на переборъ обычному, холячему между нами пониманію идей и предметовъ, и въ яркой особенноти, свидѣтельствующей о законности его происхожденія, обманетъ догадки, правила и кодексы, какъ записнаго цѣха читателей, такъ и вообще публики, привыкнувшей къ извѣстному и однообразному изложенію въ литературныхъ произведеніяхъ....

II. А—ВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ФЕВРАЛЬ 1854.

CATALOGUE D'UNE BELLE COLLECTION D'OUVRAGES, EN MAJEURE PARTIE RARES ET PRÉCIEUX, concernant principalement la Russie et l'ancienne Pologne, qui seront vendus aux enchères a la Bibliothèque Impériale Publique le 24 février et les jours suivans.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, передъ первой продажей дублетовъ изъ Императорской Публичной Библиотекы, мы имѣли случай бесѣдовать съ читателемъ о библиографическихъ ея драгоценностяхъ и, рассматривая каталогъ книгамъ, назначеннымъ къ продажѣ, поздравлять петербургскихъ библиофиловъ съ возможностью пріобрѣтенія за недорогую цѣну многихъ превосходныхъ изданій, давнымъ-давно уже не существующихъ въ продажѣ. Въ статьѣ нашей мы, помнится, сдѣлали одну только ошибку: поздравлять слѣдовало не однихъ петербургскихъ, но всѣхъ русскихъ библиофиловъ. Ко дню продажи явились любители рѣдкихъ изданій изъ Москвы, изъ отдаленныхъ имѣній, изъ заграницы даже. Каждый изъ покупателей пріѣхалъ не напрасно: каждый обогатилъ свою библиотеку запасомъ рѣдкостей; каждый не могъ хвалиться быстротой и распорядительностью продажи; каждый начитался всласть добытыхъ имъ сокровищъ. То не былъ аукціонъ маленькій, тѣсный, — аукціонъ, съ котораго только два или три счастливица уходятъ довольными, между тѣмъ какъ всѣ ихъ товарищи совершаютъ свой путь къ дому съ пустыми руками. Если число покупателей могло назваться великимъ, зато и предметовъ купля имѣлось достаточно, во всѣхъ ро-

X. TLIV. Отд. IV.

дахъ и по всѣмъ цѣнамъ и по всѣмъ отраслямъ науки. Предупредительность начальства Императорской Публичной Библиотеки, — предупредительность, вполне оцѣненная публикою, давала возможныя облегченія покупателю дублетовъ, обращая эти дни аукціона (дни, памятные книголюбу) въ дни истиннаго удовольствія. Тутъ вы сходились съ своими собратіями по благородной страсти къ книгамъ, насыщали свой взоръ видомъ предметовъ типографскаго искусства, такъ близкихъ вашему сердцу, приглядывались къ изданіямъ, которыя хотѣли приобрѣсти, получали о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ всѣ нужныя свѣдѣнія, зная опредѣленные дни и часы, могли совершать покупку безъ торопливости и выжиданія, наконецъ получали купленные вами книги со всевозможною быстротою. Даже лица, крайне занятія и дорожающія каждымъ своимъ часомъ — а такихъ лицъ бездна въ Петербургѣ — находили средства присутствовать на аукціонѣ, запасаться тѣмъ, что имъ было нужно, не теряя получаса лишняго, что ежедневно случается на частныхъ аукціонахъ, гдѣ диллетанту такъ часто приходится тратить цѣлые дни, и какъ часто тратить ихъ попустому! Каждый изъ любителей, не присутствовавшихъ на первыхъ продажахъ дублетовъ изъ Императорской Библиотеки, долженъ со вниманіемъ прочесть первый листокъ полнаго «Каталога», о которомъ мы теперь говорить намѣрены. На этомъ листкѣ выписанъ короткій сводъ правилъ, при новомъ аукціонѣ, который начался 24 февраля. На каждый номеръ каталога можно прискаты день, въ который должно явиться для покупки книги, подъ сказаннымъ номеромъ. Съ 20 февраля, по утрамъ, заданія, назначенныя въ продажу, выставлены въ залахъ Библиотеки. Всякое лицо, прилично одѣтое, допускается въ залу, гдѣ производится продажа. Купленные книги выдаются покупателю въ самый день ихъ продажи, безъ всякой формальности. Такъ какъ всѣ издержки по аукціону приняты на себя Библиотекой, покупателю не можетъ предстоять никакихъ добавочныхъ расходовъ. Если покупатель не желаетъ взять купленной книги съ собою въ самый день ея покупки, ему дается трехдневный срокъ для ея получения.

Теперь не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о самихъ сочиненіяхъ, назначенныхъ въ продажу: составители каталога во многомъ облегчаютъ нашъ трудъ, прибавивъ къ особенно рѣдкимъ номерамъ краткое и дѣльное указаніе ихъ значенія. Прежде всего идутъ книги богословскаго содержанія, между которыми особенно рѣдки сочиненія Фабри (1526 года), Лазиція (1582), Регенвольсія (1652), Гелладія (посвященное Петру Великому), платоново христіанское богословіе (сокращеніе, сдѣланное для Его Императорскаго Высочества

Великаго Князя Павла Петровича), письмо Антонія Поссевина къ королю Стефану I (1583) и многія другія. Потомъ, за юриспруденціей и политикой, слѣдуютъ сочиненія, относящіяся къ русской исторіи, начиная съ трактата знаменитаго Бейера объ Азовѣ и кончая сочиненіемъ Фонтона о кампаніи фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго въ Малой Азіи. Этотъ отдѣлъ богатъ замѣчательнѣйшими изданіями и по внутреннему содержанию и по типографской части. Тутъ мы находимъ Альдинское изданіе книги о происхожденіи и подвигахъ славянъ, переведенной съ латинскаго Белизаріемъ Маласпалли и напечатанной въ Венеціи въ 1595 году. Тутъ мы видимъ четвертый томъ записокъ графа Яна Потоцкаго о славянскихъ народахъ въ концѣ IX столѣтія и Кругово сочиненіе о византійской хронологіи со взглядомъ на исторію древней Руси. Рядомъ съ трудами историка Мюллера и Бюшинга стоитъ базельское, 1562 года, изданіе Мартына Хромера и не менѣе старое, но еще болѣе рѣдкое сочиненіе о *изумительныхъ, престашныхъ и несмѣланныхъ, но справедливыхъ происшествіяхъ* временъ московскаго великаго князя Іоанна Васильевича. Два другія сочиненія о временахъ Іоанна Грознаго и Дмитрія Самозванца привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе: одно изъ нихъ, напечатанное по итальянски (Чіампи), весьма рѣдко, другое же, собственно о Іоаннѣ, изданное въ Эрзуртѣ, замѣчательно портретомъ Грознаго, къ нему приложеннымъ. Далѣе встрѣчаемъ мы трактатъ Шурцфлейша о «Стенкѣ Разинѣ, донскомъ казакѣ и измѣнникѣ», въ трехъ разныхъ изданіяхъ, и многія другія историческія сочиненія, болѣе близкія къ нашему времени и оттого еще болѣе привлекательныя.

Въ ряду книгъ, относящихся къ періоду Петра Великаго и послѣдующихъ царствованій, имѣются истинныя сокровища для тѣхъ лицъ, которыя, изучая отечественную исторію, изучаютъ ее съ поэтической и правоописательной точки зрѣнія. Для нашихъ будущихъ Маколеевъ и Вальтеръ-Скоттовъ, для всѣхъ дилетантовъ-историковъ, жаждущихъ проникнуть мысленнымъ окомъ въ частную жизнь нашихъ прапрадѣдовъ и, можетъ быть, современемъ воссоздать эту жизнь въ цѣломъ рядъ поэтическихъ, но безукоризненно-истинныхъ образовъ, тутъ найдутся сочиненія, за которыми можно отдать все на свѣтѣ: такъ они любопытны и рѣдки, такъ многое пророчатъ онѣ нашей фантазіи. Напримѣръ, въ 1710 году, въ Амстердамѣ, была издана маленькая книжка, подъ заглавіемъ: «Prime Kouschimen, histoire tartare, et Dom Alvar del Sol, histoire parolitaine. Первая изъ этихъ повѣстей содержитъ въ себѣ исторію князя Меншикова, «полудержавнаго властелнна», какъ назвалъ его Пушкинъ. «Kouschimen» есть анаграмма имени «Menchikov». Домъ

«Альваръ дель-Соль», герой второго разказа, по всей вѣроятности, изображаетъ собой кого либо изъ соотечественниковъ и современниковъ князя Александра Данилыча. Въ выпискѣ каталога, нами разбираемаго, значится, что книга эта мало извѣстна и любопытна; ни въ томъ, ни въ другомъ нельзя сомнѣваться. А сочиненіе Гюберъ Леблана: «Петръ Первый во Франціи», изданное въ Амстердамѣ (1741 г.),—сочиненіе, въ которомъ авторъ рисуетъ философско-сатирическую картину французскихъ нравовъ предъ очами Великаго Государя? А рѣдкія записки сочинителя, скрывшагося подъ псевдонимомъ *Нестуранаго*, — псевдонимомъ, до сихъ поръ не вполне разоблаченныиъ? Сколько во всѣхъ этихъ книгахъ *фонда!* сколько нищи для здравой фантазіи, сколько поэзіи для будущихъ временъ, сколько зародышей для историческихъ сочиненій, для драмъ и романовъ, можетъ быть! Вспомните только о томъ, какъ много нищи для великобританскихъ историковъ и разсказчиковъ дало въ наши дни открытіе скромныхъ записокъ Самуила Пеписа, какъ часто учесый, одаренный зоркимъ глазомъ, удивлялъ всѣхъ читателей, знакомя ихъ съ какой нибудь полу-забытой, старой брошюрой, хроникой, заброшенной на сѣденіе мышамъ въ чьей нибудь частной библіотекѣ, даже съ газетною статьей стараго времени, — статьей, относящейся къ особамъ и событіямъ, стоившимъ вниманія всѣхъ европейскихъ читателей. Можетъ быть, не одно изъ замѣчательныхъ изданій, названныхъ въ лежащемъ передъ нами «Каталогѣ», вдохновитъ собой ученаго покупателя, послужитъ основой любопытнаго этюда, популярнаго произведенія, новой, прекрасной книги. За всѣ эти возможные результаты мы должны быть благодарны попечительному началству Императорской Библіотеки, которое намло средства, не причивая ущерба знаменитому книгохранилищу, подѣлится его сокровищами съ публикой и, мадо того, сдѣлать самый доступъ къ этимъ сокровищамъ и лестнымъ и привлекательнымъ.

Снова возвращаясь къ «Каталогу», мы встрѣчаемъ въ немъ отдѣлъ D, самый богатый изъ отдѣловъ. Тутъ помножены сочиненія, хроники, письма о Россіи, отъ отдаленной старины до нашихъ дней, вмѣстѣ съ твореніями въ томъ же родѣ, но не относящимися къ Россіи. Тутъ найдете вы разказы Марко Поло и Герберштейна, посольскія замѣтки Іовіуса и Карлейля, — однимъ словомъ, множество твореній, которыя раскрываютъ намъ ту интереснѣйшую область исторіи, что заключаетъ въ себѣ картину старинной жизни, старинныхъ обычаевъ и старинныхъ нравовъ. Высчитывать всѣ рѣдкости сказаннаго отдѣла мы не въ состояніи, но, чтобъ дать хотя приблизительное понятіе о егъ разнообразіи, упомянемъ только

о сокѣ достопримѣчательнаго, по издѣству изданія или по занимательности предмета. Въ обоихъ отношеніяхъ едва ли не прежде всего должно итти Альдическое изданіе (въ двухъ экземплярахъ) «Путешествія венеціанскаго посланника *Барбаро* въ Персію, Индію и Константинополь», на итальянскомъ языкѣ. «Вандалія» *Альберта Кранца*, напечатанная въ Кельнѣ, въ 1519 году, замѣчательна годомъ тисненія и украшеніями заглавнаго листка. Майербергово описаніе «Посольства въ Московію», какъ всѣмъ извѣстно, изобилуетъ драгоценными замѣтками; въ немъ сверхъ того заключается полный переводъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. Французскій переводъ этого сочиненія также назначенъ въ продажу; онъ изданъ въ Лейденѣ и считается болѣе рѣдкимъ, чѣмъ подлинникъ. Путешествія *Штрауса Капеля* (оба на нѣмецкомъ) и *Герарда Вера* (итальянскій переводъ) названы въ Каталогѣ «рѣдчайшими» (rarissime). Для любителей старинныхъ гравюръ и картъ пріятельны записки *Таннеруса*, бывшаго въ Москвѣ съ польскимъ посломъ Чарторижскимъ въ 1678 году, старинныя изданія извѣстнаго путешественника *кавалера Шардена*, путешествія *ле-Брюина* въ Московію, Персію и Восточную Индію и замѣтки о Россіи шведскаго плѣнника *Штраденберга*. Не упоминаемъ о *Палласѣ*, *Георги*, *Кокси* и наконецъ о позднѣйшихъ путешественникахъ, съ ихъ описаніями и картинками, приложенными къ тексту; можемъ только сказать, что многія изъ сочиненій въ этомъ родѣ, по видимому, недавно пущенныя въ свѣтъ, давно уже вышли изъ продажи. Лондонское изданіе (1815 года) *Джонстона* путешествія по внутренней Россіи, Польшѣ и берегамъ Балтійскаго моря, съ раскрашенными гравюрами и картами, не такъ-то легко можетъ быть добыто любителемъ. То же съ *Мишленомъ* и его «Зимнимъ Путешествіемъ чрезъ Россію, Кавказскіе Альпы и Грузію въ Курдистанъ». То же и съ замѣтками *Гольднернесса* о Крымѣ и Новой Россіи. То же и съ поѣздкою на Востокъ *Морьера*, автора «Хаджи-Бабы», писателя, по видимому, крайне популярнаго и нерѣдкаго. Цѣны всѣмъ здѣсь выписаннымъ книгамъ назначены самыя умеренныя: напримѣръ, парижское изданіе «Поѣздка Н. Чихачева на Алтай и къ границамъ Китая», въ книжной торговлѣ стоящее болѣе пятидесяти рублей серебромъ, одѣшено начальствомъ Библіотеки только въ пятнадцать.

Здѣсь мы заключимъ нашу бесѣду о новомъ каталогѣ сочиненій, которыя можно пріобрѣсть въ Императорской Публичной Библіотекѣ. «Каталогъ» этотъ вполне выполняетъ свое назначеніе въ краткомъ и сматомъ видѣ доставлять библіофиламъ всѣ нужныя свѣдѣнія и указанія, знакома публику съ качествомъ, количествомъ и цѣною продаваемыхъ сочиненій и передавая буду-

щимъ покупателямъ правила, составленные для ихъ пользы и выгоды. Обо всей безконечной заботливости начальства Императорской Библиотеки, относительно посѣтителей и покупателей, многого говорить мы не будемъ. Всякій, кто имѣлъ наслажденіе работать въ залахъ Библиотеки, покупать изданія, назначаемыя отъ нея въ продажу, и даже просто любоваться видомъ сокровищъ, въ ней заключающихся, никогда не забудетъ о всемъ вниманіи, предупредительности чиновъ Библиотеки, наконецъ о тысячахъ улучшеній и усовершенствованій, имѣющихъ цѣлью пособіе, указаніе и выгоду самаго скромнаго любителя книжнаго дѣла.

Мѣсяцословъ на 1854 годъ. Съ портретомъ Его Величества Государя Императора. Спб.

Эта книжка, необходимая для справокъ, какъ и въ прошедшемъ году, содержитъ VII отдѣленій: I. Свѣдѣнія церковныя, II. Свѣдѣнія астрономическія, III. Свѣдѣнія о естественныхъ событіяхъ, IV. Свѣдѣнія статистическія, V. Свѣдѣнія историческія, VI. Свѣдѣнія почтовыя, и VII. Разныя свѣдѣнія. Она начинается «Изъясненіемъ употребленія мѣсяцослова», въ которомъ показано содержаніе первой и второй страницъ каждаго мѣсяца. Изъ этого показанія видно, что, согласно съ Бесселемъ, годъ принимается въ 365,2422199 такъ называемаго *средняго времени*, т. е. того времени, которое употребляется въ обществѣ. Такой годъ собственно юліанскаго мѣсяца менѣе 0,0077801 сут., или во 100 лѣтъ юліанскій годъ отстанетъ отъ астрономическаго на 18 ч. 40 м. 20 сек., въ чемъ и заключается причина различія между *старымъ* и *новымъ* стилями, изъ которыхъ послѣдній введенъ папою Григоріемъ XIII, въ 1582 году, или чрезъ 1257 лѣтъ послѣ Никейскаго собора, принявшаго юліанское счисленіе и положившаго твердыя основанія для вычисленія «Пасхалии», или времени подвижныхъ православныхъ праздниковъ, зависящихъ отъ дня св. Пасхи. Григоріанская поправка въ величинѣ года, сдѣланная нѣмецкимъ ученымъ Шлюсселемъ или Клавіусомъ, хотя довольно удовлетворительна, потому что погрѣшность дойдетъ до одного дня только въ четыре тысячи лѣтъ, однако она совершенно произвольна и не принадлежитъ къ ряду тѣхъ чиселъ, которыми выражаются отношенія года къ суткамъ. Притомъ Григоріанское счисленіе отступило отъ основнаго правила Никейскаго собора, которымъ требуется, чтобъ христіанская Пасха никогда не была въ одни дни съ еврейской. Не считаемъ нужнымъ распространять эти замѣчанія въ нашей рецензіи; но въ «Мѣсяцословѣ» они были бы не лишними, особенно нѣтъ, когда г. Хавскій

издасть книги и брошюры, въ которыхъ ложныя толкованія приводятъ многихъ въ сомнѣнiе.

За указанiемъ на различiе *стилей* слѣдуетъ объясненiе употребленiя столбцовъ подъ заглавiемъ: «Уравненiе времени» въ отдѣленныхъ мѣстахъ Россiи, напримѣръ въ Иркутскѣ, котораго долгота отъ петербургской разнится 4 ч. 55 м. 52 с., и во многихъ другихъ городахъ, гдѣ, за недостаткомъ хорошихъ часовщиковъ, но необходимости надобно прибѣгать къ полуденной линiи или къ солнечнымъ часамъ, чтобъ не совсѣмъ спутаться во времени, безъ котораго такъ же нельзя жить, какъ безъ воздуха. Вычисленiе «уравненiя времени» для каждаго города, помѣщеннаго въ «Росписи городовъ», съ означенiемъ его долготы, весьма нетрудно. Обращаемся къ Иркутску и найдемъ для него «уравненiе времени» для 1 iюня. Разность долготъ между Иркутскомъ и Санктпетербургомъ показываетъ, что когда въ Санктпетербургѣ полдень, тогда въ Иркутскѣ считается уже 4 ч. 55 м. 52 с., или для круглаго счета 4 ч. 56 м. по полудни; слѣдовательно, найти «уравненiе времени» для Иркутска значитъ найти его для 4 ч. 56 м. по полудни для Санктпетербурга. На стр. 18 видимъ, что оно въ 14 ч. уменьшается 12 секундами, слѣдовательно въ часъ *полсекундою*, въ четыре часа — 2 секунд., и въ 56 м. — 0,47 сек., или почти 0,5 сек.; такъ что искомое «уравненiе времени» будетъ 20¹/₂ секундъ.

Новолунiя и полнолунiя показаны для Санктпетербурга и Москвы съ надлежащею точностью; но о теченiи солнца ничего не говорится: не худо бы въ заглавiи каждаго мѣсяца означать его вступленiя въ знаки зодиака и въ «Изъясненiи употребленiя мѣсяцослова» объяснить смыслъ этихъ знаковъ, и тѣмъ болѣе потому, что они выставлены на стр. 3, а во всемъ «Мѣсяцословѣ» уже не находимъ ни одного слова.

Въ томъ же «Изъясненiи употребленiя мѣсяцослова» не показано, какимъ образомъ по числамъ восхожденiя и захожденiя солнца въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, въ Архангельскѣ и проч. можно вычислить долготу дня. Это замѣчанiе дѣлаемъ потому, что намъ случалось встрѣчать людей, которые останавливаются надъ рѣшенiемъ этого вопроса.

Наконецъ въ «Изъясненiи употребленiя мѣсяцослова» упоминается о таблицахъ явленiя планетъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ; но эти таблицы всегда остаются безъ всякаго употребленiя.

Переходимъ къ разсмотрѣнiю самого «Мѣсяцослова». Въ его оглавленiи онъ раздѣленъ на VII отдѣленiй, но въ самой книжкѣ они смѣшаны и даже не означены никакими рубриками: первое и второе отдѣленiя совершенно слиты; хотя бы астрономическiя по-

казанія можно бы отдѣлить отъ церковныхъ, къ которымъ принадлежатъ праздники, торжественные и неучебные дни. Черезъ это открывается возможность дополнить астрономическія показанія многими любопытными подробностями и необходимыми примѣчаніями къ драгоценной таблицѣ: «Элементы планетъ», которую списываютъ календари Новороссійскій и Кавказскій и всегда съ опущеніями, — отчего сомнительный міръ представляется въ нихъ не вполне. Нынѣ астрономическія свѣдѣнія всѣмъ нравятся: для чего же не удовлетворять этой любознательности?

Въ отдѣленіи III находимъ прелюбопытную таблицу «средней (среднихъ?) температуры (температуръ?) разныхъ мѣстъ Россійской имперіи», составленную г. Веселовскимъ; но нельзя не пожалѣть, что эти мѣста расположены безъ всякаго порядка относительно географическихъ широтъ и долготъ, и даже не по алфавитному списку, что весьма затрудняетъ приискиваніе мѣста и не даетъ понятія о ходѣ температуръ на огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Россією. Достоинство этой таблицы возвысилось бы еще болѣе присоединеніемъ къ ней столбца съ возвышеніями мѣстъ надъ уровнемъ океана, для котораго множество матеріаловъ собрано въ чудныхъ геодезическихъ работахъ на *русскомъ меридианѣ* и въ многочисленныхъ триангуляціяхъ гг. офицеровъ Главнаго Императорскаго Штаба.

Тамъ же весьма любопытенъ «Перечень примѣчательныхъ естественныхъ событій» съ іюня 1852 года по іюнь 1853 года.

Отдѣленіе IV, содержащее статистическія свѣдѣнія, чрезвычайно обширно и содержитъ въ себѣ множество превосходныхъ данныхъ; но географическое положеніе городовъ не свѣрено съ таблицею В. Я. Струве: «Table des positions géographiques en Russie». Въ росписи «Мѣсяцослова» не находимъ многихъ мѣстъ, содержащихся въ таблицѣ г. Струве, положенія другихъ означены ошибочно, и при нѣкоторыхъ совсѣмъ не выставлено этихъ положеній. Напримѣръ:

	Мѣсяцословъ.		Таблица Струве.	
	шир.	долг.	шир.	долг.
Аккерманъ . . .	47°12'	48°1'	46°42'	48°1'
Гумры . . .	ничего		40°47'	61°26'
Яренскъ . . .	ничего		62°10'	66°46'
Еникале . . .	ничего		45°23'	54°19'
Карачевъ . . .	53°7'	51°41'	53°7'	52°41'

И проч. и проч.

Изъ прочихъ таблицъ укажемъ на «Вѣдомости о родившихся и умершихъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ».

Въ Санктпетербургѣ :

Родившихся. Умершихъ. Разность.

16,294 21,451 5,157

Въ Москвѣ :

Родившихся. Умершихъ. Разность.

9,548 11,323 1,115

Вѣдомостей о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба въ «Мѣсяцословѣ» 1853 года не было. За эти вѣдомости многіе будутъ весьма благодарны. Денежные обороты въ кредитныхъ установленіяхъ, какъ слѣдуетъ, показаны за 1852 годъ, а въ «Мѣсяцословѣ» прошедшаго года они принадлежали къ 1851 году. Такую же перемѣну находимъ и относительно ярмарокъ. Но вѣдомость объ акціонерныхъ обществахъ осталась прежняя.

Таблица государствъ и владѣній Европы показываетъ значительныя перемѣны. Напримѣръ, народонаселеніе Австрійской имперіи уменьшилось 665,534 душами; въ трехъ королевствахъ Великобританскихъ въ 10 лѣтъ убыло 400,262 души, и въ одной Ирландіи 1,550,206 душъ. Во многихъ другихъ государствахъ находится приращеніе народонаселенія: такъ, въ Швеціи возрасло оно 177,536 душъ въ пять лѣтъ, и проч.

Таблица «населенія главныхъ городовъ въ Европѣ» осталась безъ перемѣны.

Наконецъ, намъ остается взглянуть въ Отдѣленіе — на «Некрологъ замѣчательныхъ лицъ» и на «Хронологію достопамятныхъ происшествій Россійской имперіи». Въ «Некрологѣ» не бесполезно было бы отдѣлять русскихъ покойниковъ отъ иностранныхъ и имена ихъ расположить по алфавиту, а не по времени смерти. Если этотъ некрологъ упоминаетъ о всѣхъ умершихъ замѣчательныхъ русскихъ людяхъ, то мы должны радоваться, что ихъ очень немного сравнительно съ иностранцами, между которыми, впрочемъ, встрѣчаемъ имена почти неизвѣстныя. «Хронологія достопамятныхъ происшествій» доведена до ноября 1851 года и оканчивается открытіемъ желѣзной дороги между Москвою и Санктпетербургомъ. За распространеніе этой таблицы, необходимой для справокъ, читатели «Мѣсяцослова» были бы весьма благодарны; ее можно дополнить многими любопытными подробностями, и неужели въ 1852 и 1853 годахъ не было ни одного достопамятнаго происшествія?

Изъ этого краткаго обозрѣнія можно видѣть, что «Мѣсяцословъ» улучшается, но желательнѣе, чтобъ его усовершенствованіе шло быстрѣе.

Карманная книга для русскихъ воиновъ въ турецкихъ походахъ. *О. Сенковского. Спб. 1854.*

Чрезвычайно практически и во всѣхъ отношеніяхъ превосходно составленный самоучитель турецкаго языка, отлично приспособленный къ спеціальному своему предназначенію — быть «Карманною книгою для русскихъ воиновъ».

Первая часть этой книги заключаетъ въ себѣ турецко-русскіе разговоры, «приспособленные къ военнымъ обстоятельствамъ»; кромѣ обыкновеннѣйшихъ разговорныхъ фразъ, они содержатъ различные военные разспросы о мѣстоположеніи, о состояніи и расположеніи непріятельскихъ войскъ, о томъ, чего требуютъ русскіе отъ мирныхъ жителей, о томъ, что русскіе вовсе не хотятъ ни обижать, ни беспокоить ихъ, если они не принудятъ къ этому собственными непріязненными поступками, и т. д. Турецкія фразы написаны русскими буквами; въ случаяхъ, когда турецкая фраза уклоняется отъ русской въ разстановкѣ словъ и т. п., въ примѣчаніяхъ прибавленъ буквальный переводъ турецкой фразы, — однимъ словомъ, сдѣлано все для облегченія русскаго, желающаго говорить съ туркомъ.

Потомъ слѣдуетъ русско-турецкій словарь, также прекрасно составленный и содержащій всѣ употребительныя въ обыкновенномъ разговорѣ слова.

Вторая часть книжки содержитъ краткую турецкую грамматику (въ которой турецкія слова также написаны русскими буквами). При всей краткости и популярности своей, эта грамматика имѣетъ полное право и въ ученомъ отношеніи назваться одною изъ лучшихъ турецкихъ грамматикъ. Она гораздо лучше жоберовой грамматики, существующей и въ русскомъ переводѣ.

Нельзя не благодарить г. Сенковского за этотъ прекрасный трудъ, которымъ, безъ сомнѣнія, съ чрезвычайною выгодною воспользуются наши офицеры, участвующіе въ турецкомъ походѣ.

Нынѣшнее изданіе — перепечатка изданія 1828 года.

Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи, по 1725 годъ. *Составилъ поручикъ Обручевъ. Спб. 1853.*

Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. *Составилъ А. Савельевъ, съ большимъ числомъ плановъ городовъ и укрѣпленій. Спб. 1853.*

Г. Обручевъ, не довольствуясь печатными матеріалами для исторіи военнаго дѣла въ Россіи до кончины Петра Великаго, внимательно отыскивалъ ихъ въ богатыхъ собраніяхъ рукописей Импе-

раторской Публичной Библіотеки, Румянцевскаго Музея, «Древле-хранилища» г. Погодина и библіотеки графа Уварова (которымъ было куплено собраніе рукописей Царскаго). Такимъ образомъ, онъ успѣлъ отыскать много матеріаловъ, которые до него были неизвѣстны ученымъ, и, прекрасно воспользовавшись ими, составилъ книгу, необходимую для всякаго занимающагося русскою исторіею. Кромѣ печатныхъ книгъ, изданныхъ въ Россіи о военномъ дѣлѣ, г. Обручевъ подробно знакомитъ насъ съ содержаніемъ сохранившихся въ рукописяхъ: «Военной книги» (переведенной съ нѣмецкаго при Василии Ивановичѣ Шуйскомъ), «Устава ратныхъ пушечныхъ и другихъ дѣлъ», который Рубанъ издалъ очень невѣрно, «Описной книги пушекъ, пищалей» и т. д. временъ Михаила Феодоровича, подобной же «Подлинной описи 1647 года», и т. д. Изъ этого читателя могутъ видѣть, что «Обзоръ» г. Обручева представляетъ множество новыхъ матеріаловъ.

Книга г. Савельева составлена также очень добросовѣстно; главнѣйшими пособіями для автора служили Карамзинъ, «Военно-энциклопедическій Лексиконъ», Древняя Русская Вивлюевка, Никоновская Лѣтопись и изданія Археографической Коммиссіи. Къ тексту приложены планы и чертежи древнихъ укрѣпленій Чернигова, Старой Ладуги, Пскова, Нижняго Новгорода, Изборска, Тулы, Волоколамска, Пронска, Порхова, Владиміра, Московскаго Кремля, Казани, Смоленска, Троицкой Лавры, Новгорода и Кіева, съ объясненіями и краткою исторіею этихъ городовъ и укрѣпленій. Они придаютъ еще болѣе важности труду г. Савельева, составленному съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Объ эти прекрасныя книги продаются въ магазинѣ г. Юнгмейстера, отличающемся особенною полнотою своего каталога по части ученой и въ особенности учебной литературы.

Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ въ средніе вѣка. М. Богдановича. Спб. 1853.

Небольшая брошюра, изданная г. Богдановичемъ, подъ этимъ полнымъ заглавіемъ — компиляція, составленная между прочимъ и въ такомъ родѣ, какъ примѣръ слѣдуетъ ниже.

Вамъ угодно знать «исторію военнаго искусства у аравитянъ»? — извольте, вотъ она :

Обитатели Аравіи раздѣлялись на племена, изъ которыхъ одни жили въ городахъ, другія въ пустыняхъ; вѣра у нихъ была разная — это объясняется на цѣлой страницѣ.

Но этимъ дѣломъ объ аравитянахъ не кончилось: явился у нихъ, какъ извѣстно (или по предположенію автора, неизвѣстно) вамъ,

Мухаммедъ, а если хотите—*Магометъ*; блуждалъ онъ съ караванами по пустынямъ, и т. д., женился на богатой вдовѣ Кадиши, и т. д., и т. д., и т. д. — Это занимаетъ три страницы. Вамъ не этого хотѣлось отъ «Исторіи военнаго искусства»? — подождите: она еще будетъ дальше, на слѣдующей страницѣ, на которой говорится, уже въ самомъ дѣлѣ о военномъ искусствѣ аравитянъ, вотъ что:

«Они сражались большею частью иѣшкомъ; оружіе ихъ состояло преимущественно изъ палицъ; въ послѣдствіи же главная сила ихъ пополненій состояла изъ легкой конницы. Они слѣдовали по направленію большихъ дорогъ, устремляясь къ важнѣйшимъ пунктамъ страны, въ которую производилось вторженіе. Если они встрѣчали на пути непріятельскую армію, то вступали съ нею въ бой; а если дальнѣйшему ихъ слѣдованію препятствовала крѣпость, то старались овладѣть ею. Сраженію предшествовала молитва; если первая атака не имѣла успѣха, то они повторяли нападеніе; если же удавалось имъ опрокинуть непріятеля, то они преслѣдовали его.»

Вамъ хотѣлось бы узнать побольше о «военномъ искусствѣ» и т. д. аравитянъ? извольте обратиться къ «Всеобщей Исторіи» гг. Кайданова или Смарагова: тамъ найдете и больше, если вамъ надобно больше.

А по нашему довольно, и очень довольно.

Сочиненія П. Каратыгина. Спб. 1854.

Книжка очень красиво изданная и состоящая изъ 93 страницъ. «Не можетъ быть!» воскликнетъ читатель «Современника», отдыхающій на лонѣ мирной сельской жизни отъ тревогъ и тревоженій своей юности, проведенной въ Петербургѣ, гдѣ онъ во время было занималъ не послѣднее мѣсто въ сословіи театраловъ Александринскаго театра. «Какъ? 93 страницы? Вы шутите! И тутъ помѣстились и «Знакомые незнакомцы», и «Ложа перваго яруса», и «Недотрога», и «Гераклитъ и Демокритъ», и «Дошъ-Кихоть», и «Отелло на Пескахъ», и «Булочная», и «Натуральная Школа». и пр. пр.?! Бѣть не можетъ!» Вы правы, м. г., этого вы не найдете въ «Сочиненіяхъ П. Каратыгина», точно такъ же, какъ и прочихъ его пьесъ, которыхъ, по счету «Сѣверной Пчелы», оказалось чуть ли не пятьдесятъ. Публика ожидаетъ еще полнаго собранія этихъ жавотки надрывающихъ произведеній петербургской драматургіи, по которымъ столь щедрою рукою разсыпана крупная соль, принимаемая многими за *настоящую аттическую*. Пока авторъ даритъ насъ книжкою, въ которой каждая почти пьеса, исключая перваго стихотворенія, «22 октября», отличающагося теплотою патріотическаго чувства, служитъ какъ бы конспектомъ достоинствъ, отличающихъ

многочисленные произведенія нашей водевильной Музы, для которой пора бы придумать имя, съ предоставленіемъ ей права водворяться на современномъ, хоть Пярголовскомъ, Парнасѣ. Прочтите, если вамъ есть время, басни «Споръ» и «Мужикъ съ корзинкой льда», рассказъ «Аллегрѣ», комедію «Фальшивая тревога». Комедія эта, какъ подобаетъ всякой русской пьесѣ, заимствована изъ старинной комедіи и именуется и другимъ названіемъ: «не шути огнемъ — обожжешься», съ неизбѣжнымъ прибавленіемъ частицы «или». Наконецъ пробѣгите афоризмы и анекдоты. На вась такъ и поѣть чѣмъ-то знакомымъ, исключительно принадлежащимъ Петербургу: остроуміемъ театральнаго буфета, сатирою на нравы, порожденною подъ звуки палкивскаго органа, даже знаніемъ свѣта и общежитія, почерпнутымъ прямо изъ изящной гостинной очаровательной вдовы Вельской, которая ежедневно въ семь часовъ вечера на сценѣ Александринскаго театра начинаетъ прельщать пылкаго поручика Лидина. Если вы изъ любопытства хоть на минуту бывали въ этой атмосферѣ, вы черезъ нѣсколько лѣтъ по одному слову, сказанному незнакомымъ вамъ человѣкомъ, за тысячу верстъ отъ Петербурга узнаете посѣтителя этого круга столичнаго общества, — круга, столь привлекательнаго для многихъ неопытныхъ юношей. Еще одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ названной нами сферы составляетъ какая-то безцеремонность со всѣми, которая сначала приписывается неопытными добродушію, но вскорѣ оказывается просто воздревскою фамиллярностью. Посмотрите, какъ мало церемонятся съ знакомыми и незнакомыми господа *сочинители* въ партерѣ Александринскаго театра и до какой степени нецеремонно обходятся они съ публикой въ каждомъ своемъ водевилѣ. И не мудрено: публика такъ ихъ любитъ, такъ вѣритъ возможности существованія міра, ими выдуманнаго, — того міра, въ которомъ только и думаютъ, какъ бы жениться на обожаемой дѣвицѣ, сыграть какую нибудь штуку, переодѣвшись жидомъ или бухарцемъ, повалить на полъ соперника-урода и сдернуть съ него парикъ, и т. п. Не привыкнувъ къ такому снисхожденію публики, трудно рѣшиться напечатать тяжелыми стихами разсказанный апологъ Мененія Агриппы о частяхъ человѣческаго тѣла, оканчивающійся извѣстіемъ, что Юпитеръ былъ нездоровъ желудкомъ и, помиривъ враждующихъ, вдругъ

..... ворчаніе услышалъ,

Поморщился опять — и самъ куда-то вышелъ. (Стр. 14.)

Но что особенно носить на себѣ печать совершенной *беззастѣнчивости*, это афоризмы и анекдоты. Водевильные плохіе каламбуры, сказанные когда нибудь на пріятельской вечеринкѣ, являются здѣсь

на судъ публики и ожидаютъ обычныхъ рукоплесканій. Анекдоты эти далеко превосходятъ тѣ образцы рода (*modèles de genre*), которые печатались когда-то въ «Невскомъ Альманахѣ» и «Вѣникъ Грацій». У автора не забыта и допотопная игра словъ о *дълномъ* и *не дълномъ*, *годномъ* и *не годномъ*, разсказывается о хвостунѣ, говорящемъ про себя: какъ я люблю ходить *по ковру* (пока вру), и т. п.

Изъ афоризмовъ насъ поразили слѣдующій:

«Шампанское похоже на своего земляка: болтливаго Француза, который изрѣдка пріятель, но чѣмъ чаще имѣешь съ нимъ дѣло, тѣмъ болѣе онъ становится приторенъ».

Мы замѣтили этотъ афоризмъ оттого, что на дняхъ нашли совершенно таковой же въ рукописи нашего пріятеля г-на Кузумы Пруткова, который въ нашемъ же присутствіи тщательно вычеркнулъ его, говоря, что эта мысль слишкомъ обыкновенна и притомъ неопредѣленна, потому что ее можно примѣнить и къ отчаянному любезнику, и къ плоскому каламбуристу, и пр.

Въ наше время водевили не въ диковину, о нихъ даже не говорятъ въ литературѣ. Теперь ужъ не то, что лѣтъ за двадцать тому назадъ, когда, по случаю шутки «Библиотеки для Чтенія» надъ переводомъ какого-то нелѣпаго Французскаго водевиля, переводчикъ его г. Кови предпринималъ въ «Молвѣ» походъ для защиты своего произведенія и тщетно старался начать войну съ грозной тогда «Библиотеккой», которая въ сознаніи своего величія окончила дѣло, какъ и всегда — молчаніемъ, этимъ могучимъ оружіемъ сильнаго.... Впрочемъ, забавный водевиль всегда будетъ пріятнымъ подаркомъ для театральнoй публики. Пусть г. Каратыгинъ напишетъ новую пьесу въ родѣ «Булочной», и мы первые отъ души будемъ рукоплескать ему. Но отъ чтенія «сочиненій», подобныхъ изданнымъ, лучше, еслибъ авторъ уволилъ насъ.

Маркидантка, драма Н. Кукольника. Спб. 1854.

Дядюшка на трехъ ногахъ, комедія П. Каратыгина. Спб. 1854.

У Оеклы Егоровны Катериненталь, незамужней нѣмецкой дамы, которая, послѣ многихъ, вѣроятно довольно интересныхъ, похожденій, очутилась маркиданткою при русскомъ отрядѣ, стоящемъ въ укрѣпленіи Вепракѣ (дѣйствіе происходитъ въ началѣ 1709 года), — у этой незамужней матери есть красавица дочка; Татьяна Кирилловна, дѣвица очень образованная, какъ видно изъ ея отвѣта на вопросъ: «кто твой отецъ?» — «про то Богъ да мать моя знаютъ», — отвѣтъ, совершенно приличный сиромой дѣвицѣ. Тать-

ана Кирилловна, или, попросту, Таня, воспитывалась въ нѣмецкомъ городѣ Ревелѣ и вслѣдствіе того получила «русскую душу». Мать сама говоритъ о своей дочкѣ, что «яблоко отъ яблони недалеко откатывается», а мать «смолоду любила русскихъ»: изъ этого вы уже можете заключить, что сердце у Тани приготовлено къ возвышенному чувству любви; а еслибъ у васъ еще оставались нѣкоторыя сомнѣнія относительно этого пункта, она сама разрушаетъ ихъ вполне основательнымъ изрѣченіемъ: «сердце возрастъ чувствуетъ». Мать не соглашается съ ея наблюденіями надъ своимъ возрастомъ и говоритъ ей, когда она старается принять участіе въ бесѣдахъ ея съ сержантомъ Частоколовымъ и другими знакомыми: «Ты зачѣмъ тутъ? Рано! больно рано! вотъ и меня о твоей порѣ обманули! Пошла за прилавокъ, смотри за своимъ дѣломъ, а въ полюбовныя дѣла не мѣшайся! Рано больно!» Но вы увидите, что правда на сторонѣ дочери: мать не умѣетъ цѣнить ранняго развитія милой Тани. Какъ дѣвица, которую въ Ревелѣ «научили, наставили «всякимъ нѣжностямъ», ну такъ тонко, будто ея мать не маркитантка, а что вѣбудь еще гораздо лучшее, — какъ дѣвица столь образованная, Таня гнушается именемъ маркитантки и метитъ сдѣлаться чѣмъ вѣбудь получше.

«На ловца звѣрь бѣжитъ», говоритъ пословица, и Танѣ скоро представляется случай исполнить желанія своего «сердца, чующаго возрастъ.» Въ Веприкѣ начальникомъ гарнизона нѣкто г. Юрловъ, котораго маркитантка называетъ «шаромыжникомъ», а сержантъ Частоколовъ — запросто «Юрлашей.» Не знаемъ, въ Ревелѣ ли воспитывался онъ, но душа у него такая же чистая и возвышенная, какъ у Тани, и сердце — сердце также прекрасное. «Сердце сердцу вѣсть подаетъ», «рыбакъ рыбака чувствуетъ издалека» — само собою, разумѣется, что между Юрлашею и Танею завязывается платоническая любовь. Но передадимъ ея развитіе словами самой драмы:

Юрловъ. Что ты, душа моя, такъ задумалась?

Таня. Я... такъ-съ... ничего... ожидаю вашихъ приказаній!

Юрловъ. О, если бы я могъ тебѣ приказывать!...

Таня. Да вѣдь развѣ не вы въ цѣломъ городѣ самый старшій?

Юрловъ. И для тебя тоже?

Таня. Да я такъ думаю.

По необходимости, должны мы выпустить нѣсколько строкъ, объясняющихъ, чего требуетъ Юрловъ. Таня уже сказала, что жлетъ его приказаній, но сначала, однако, плачетъ; потомъ ей дѣлается жарко, и она восклицаетъ (*Юрловъ жметъ* — такъ сказано въ драмѣ — *ея руку*): «Господи, онъ раздавить меня!» потомъ называетъ себя несчастною и хочетъ утопиться. Но Юрловъ объясняетъ

ей, что при помощи лекаря все можно поправить, и Таня успокоивается, когда онъ послѣ всего этого прижимаетъ ее къ груди. Юрловъ продолжаетъ :

Юрловъ (*одною рукою обливъ Таню*). И у меня вѣдь сердце съ ушами! Таня, душечка, сердце мое, погляди на меня! (*Съ нѣжностью глядя другъ на друга*) Поцалуй меня! (*Уста сходятся въ поцелуй.*)

Но на этомъ интересномъ мѣстѣ платоническія объясненія Тани и Юрлаши прерываются появленіемъ на сцену маркитантки и Частоколова, какъ видно, уже окончившихъ свои занятія; эти грубые люди не понимаютъ истинной любви, они превратно понимаютъ представившееся имъ зрѣлище; они восклицаютъ :

Частоколовъ. Вотъ-те разъ! Оказія!

Маркитантка. Разбой на большой дорогѣ! Рѣжутъ! грабятъ! Помогите! (*Зѣнавѣсь падаетъ.*)

Конецъ первой картины. Картина вторая. У Юрлова балъ. Но передъ баломъ еще происходитъ объясненіе у Юрлова съ его сержантомъ :

Юрловъ. Скажи, Частоколовъ, что эта дѣвушка у нея, дочка, что ли?

Частоколовъ (*присамничаясь*). Ну.... а если меня.... такъ я вашему высокоблагородію доложу, что пусть бы себѣ нашъ братъ, солдатъ неотесанный.... а то вы сами, почитай каждый вечеръ послѣ зори, другимъ наказывать изволите, чтобы бѣдныхъ дѣвушекъ не обижать.....

Юрловъ. Понимаю. Онъ правъ. Мнѣ и самому досадно, что я могъ позволить себѣ....

И, выслушавъ справедливый выговоръ отъ своего сержанта, Юрловъ рѣшается «не трогать» Таню и заняться Дуною, дѣвушкою богатою, а не бѣдною.

Итакъ, у Юрлова балъ. На балъ отячуются: шведскій плѣнный офицеръ и дочь малорусскаго полковника Томары, вышерѣченная Дуня, которую отецъ прочитъ въ невѣсты Юрлову. Юрловъ ангажируетъ ее на мазурку, но вдругъ замѣчаетъ выглядывающую изъ передней въ залу Таню, пришедшую посмотреть на балъ вмѣстѣ съ горничными и бабами. Юрловъ далъ зарокъ «не трогать» Таню, но....

Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ? —

Онъ вмѣшивается въ толпу лакеевъ и бесѣдуетъ съ Танею. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращается на свое мѣсто и (надобно тавцовать мазурку) подаетъ руку Дуни :

Юрловъ (*Дуня, подавая руку*). Неудбно ли?

Дуня. И вы ту же руку предлагаете дочери благороднаго полковника, которою.... и вымолвить несправдливо.... Капитанъ! (*обращаясь къ альфонсу шведу*) Неудбно ли вамъ быть моимъ кавалеромъ?

Мазурка начинается. Юрловъ остается безъ дамы. Онъ ангажируетъ Таню: «Таня! пойдешь плясать.»

И они начинаютъ плясать такъ, что маркитантка, дама, кажется, несчастливая, приходитъ въ ужасъ и хочетъ остановить ихъ. Происходитъ гвалтъ. Танецъ останавливается. Маркитантка начинаетъ ругать дочь:

Маркитантка. Ахъ ты котенокъ этакой! Дитей прикидывалась! Въ одинъ день выросла! Видишь, чему ихъ въ Ревелѣ учать! Вотъ я тебя!

Но Таня, не слишкомъ-то слушая мать, бранится съ Дунею такъ отлично, что мать, несмотря на свой гнѣвъ, не можетъ не похвалить ея искусства въ этомъ дѣлѣ: «Молодецъ, Таня!» Вбѣгаетъ жидъ съ извѣстiемъ, что Карлъ XII идетъ на Веприкъ. Гости удаляются. Юрловъ, оставшись одинъ, говоритъ: «Прощай, Таня! За тѣмъ ли я узналъ тебя, чтобы жалѣть о жизни! Полно, Миша! Мужайся! Все равно! Жизни не жаль.... Жаль только — Тани!»

Занавѣсъ падаетъ. Конецъ второй картины. Картина третья. Юрловъ, раненый при защитѣ Веприка, выходитъ изъ боя для перевязки раны. Его перевязываютъ. Таня присутствуетъ при этомъ и держитъ полушубокъ Юрлова. Окончивъ перевязку, лекаръ удаляется. Юрловъ остается наединѣ съ Таней.

Юрловъ. Было жарко, будетъ жарче! Я жду сигнала къ третьему и послѣднему приступу.

Таня. Послѣднему?!

Юрловъ. Послѣднему! Нечего себя обманывать! Таня, подай полушубокъ! Пора на мѣсто!

Таня (*прижавъ къ груди полушубокъ*). Не дамъ, видите Богъ, не дамъ!

Юрловъ. Фуй, Таня! Я этого отъ тебя не ожидалъ! Полушубокъ, Таня!

Таня (*подавалъ ему полушубокъ*). Боже! Я сама одѣваю его! Быть можетъ....

Юрловъ. На смерть!

Таня. Господи!

Юрловъ. И не.... «можетъ быть», а на смерть вѣрную, женщину.... Таня! ты поблѣднѣла! а я думалъ, что въ глазахъ твоихъ найду силу и бодрость на послѣдній подвигъ?... (*Выстрѣлъ*) Прощай, Таня! (*Уходитъ.*)

Таня (*съ горестью*). Только-то!

Юрловъ (*возвращаясь*). Тая, я не смѣю обнять тебя!

Тая (*простирая къ нему объятія*). Какъ сестру, какъ друга!

Юрловъ (*обнимая ее*). Прости, на вѣки....

Маркидантка (*аплод.*). Опять, господинъ подполковникъ?!

Тая. Ахъ! (*Падаютъ безъ чувствъ на руки матері.*)

Юрловъ (*убылая*). Спасайте Таню, ради Бога, спасайте!

Маркидантка. Спасайте! Да! самъ загубилъ, да и спасайте! Всѣ вы шаромыжники, подлипылы! Знаю я васъ! и т. д. (*Тая припадаетъ къ себѣ*.) Маркидантка (*съ нѣжностью*). Танхень, милочка, сердце мое! Пойдемъ, я тебѣ горчичники поставлю. (*Уходитъ*.)

Веприкъ взятъ шведамъ. Юрловъ, поклявшійся умереть, сдается шведамъ. Его отводятъ въ крѣпость Старые Санджары, гдѣ уже сидятъ 2,000 русскихъ плѣнныхъ и гдѣ только 1,000 шведскаго гарнизона. Тая, переодѣтая жиденкомъ, пробирается въ Санджары. Ее приводятъ къ шведскому коменданту этой крѣпости. Онъ узнаетъ въ жиденкѣ Таню (потому что онъ — тотъ самый шведъ, который былъ на балѣ у Юрлова) и, зная ихъ любовь, догадывается, въ чемъ дѣло; чтобы доставить удовольствіе своему плѣннику, онъ препровождаетъ Таню къ Юрлову. Юрловъ даетъ ей порученіе уведомить русскихъ, что плѣнные ожидаютъ только перваго нападенія на Санджары, чтобы, воспользовавшись замѣшательствомъ гарнизона, разбить колодки и перебить шведовъ. Тая убѣгаетъ. Комендантъ догадывается, что, кромѣ удовольствія, онъ доставилъ и надежду Юрлову; гонятся за Танею, но безуспѣшно. Какъ Юрловъ сказалъ, такъ все и дѣлается. Освобождаясь при помощи Тани, Юрловъ отправляется подъ Полтаву, гдѣ уже ждутъ битвы. Этимъ кончается седьмая картина.

Картина восьмая. Разбитые шведы бѣгутъ черезъ сцену. На сценѣ стоитъ Маркидантка съ дочерью.

Маркидантка. Ну, Тая, война кончилась!

Тая (*съ испугомъ*). Кончилась?!

Маркидантка. Кончилась, Танхень! Всю шведскую армію разсѣрвали! Рѣшительно кончилась! Танхень! что съ тобой?

Тая. Кончилась! Война кончилась!... И все мое счастье кончилось!

Маркидантка. Что ты это врешь, Танхень?

Тая. Матушка! я вижу, только теперь вижу, какъ вы мама любите! и мое горе пуще, пуще! Вы безъ меня не можете жить, а я.... Ахъ, матушка! какъ и сказать мнѣ вамъ?... страшно!

Маркидантка. Прямательно сказать, и мнѣ не легче! Душа ушла въ пятки.

Тая. Я была такъ счастлива, такъ счастлива! Теперь все кончилось! Я это понимаю, мама! понимаю! О, пожалѣйте ваше несчастное дѣтище!

МАРКИТАНКА. Възъ ово что! Эхъ, дитя мое неразумное, мало ты еще свѣту видѣла! Не оиъ, такъ значить не оиъ, а его, а значить, ты полюбилъ тѣхъ, мимозодомъ, дя нѣтунъ.

ТАНЯ. Мимозодомъ! Мамо! не вынесу! не пытай меня!

МАРКИТАНКА. Душечка моя! будь умнѣе.... Я тебѣ, на Москвѣ, въ женихи подыщу такого купчика....

ТАНЯ. Ахъ, мамо! У тебя нѣтъ ко мнѣ жалости! На, казни! Я твоя! съ головой и сердцемъ — твоя! Не порадуешься надъ своимъ несчастнымъ дѣтищемъ! (*Падаетъ на грудь матери.*)

Входятъ Юрловъ и Томара. Томара предлагаетъ Юрлову прѣхать въ Переяславль, если хочетъ жениться на его дочери. Юрловъ отвѣчаетъ, что непременно прѣдетъ.

ТОМАРА. Вотъ и чудесно! Такъ мы, въ Переяславлѣ, за разъ и веселье справимъ.

ТАНЯ. Слышишь, мамо?

МАРКИТАНКА. Слышу! Лучше бы мнѣ шведы уши отрѣзали!

Юрловъ (*подходя къ Таню*). Что правда, то правда! Свадьбы никогда откладывать не должно! Такъ уже и мнѣ, Павелъ Степановичъ, (*взявъ за руку Таню*) позволѣте представить и мою невѣсту!

ТАНЯ (*ухвативъ за сердце*) Охъ, убили! Ножъ здѣсь! Спасите!

МАРКИТАНКА (*оторопѣвъ, скоро*). Ваше высокоблагородіе! имѣю счастье доложить, что если мы и люди бѣдные, бездомные, беззащитные, то тѣмъ болѣе стоимъ начальническаго вашего высокоблагородія свисхожденія и такъ сказать не за что насъ, такъ сказать, публично позоромъ окатить будто шайкой воды въ жаркой банѣ.

Юрловъ. Да, Фекла Егоровна! жизнь моя цѣликомъ принадлежитъ твоей Танѣ! Она спасла ее для себя, чтобы эту, и безъ того сладкую, жизнь украситъ полнымъ счастьемъ высокой любви! Я не шучу! Въ свидѣль! Тania моя невѣста! Сердце мое давно нарекло ее этимъ именемъ, а въ Переяславлѣ обзвѣчаемся!

МАРКИТАНКА. Въ ноги, Таня, въ ноги! (*Таня какъ намоленная вскакиваетъ къ ногамъ Юрлова.*)

ТОМАРА. Вотъ не рыцароки, такъ по рыцарски!

Владимиръ Луцкой и Наташа влюблены другъ въ друга. Они почти женихъ и невѣста. Для окончательной помолвки, тетка, у которой живетъ Наташа (*дѣйствіе въ Петербургѣ*), ждетъ только пріѣзда своего брата, дядю Наташи, отставнаго военнаго съ дорониной ногой. Онъ написалъ, что самъ прѣдетъ въ Петербургъ взглянуть, стоитъ ли племянница женихъ. Но долго ждать его и все не дождутся. Естественно хрому старыку быть тяжело на подъемъ; да легче ли отъ этого влюбленнымъ? Ихъ дѣла приняла другой оборотъ: старый волокута Филиппъ прѣвѣдаетъ, что за Наташею большое приданое, и разными конилинскими да любезностями успѣвъ совершить свиданіе на свою сторону теткушку, старую и безтолковую

дѣву. Вѣсть съ нею онъ придумываетъ средство заставить Наташу отказать Луцкому и выйти за него: Филинъ переодѣнется дядю Наташи, скажетъ племянницѣ, что Луцкой пустой, вѣтренный мальчикъ, за котораго онъ ее не отдастъ, а благословляетъ ее выйти за Филина, о которомъ слышался онъ много хорошаго. Луцкой и Наташа подслушиваютъ заговоръ и составляютъ противъ него точно такой же свой заговоръ; и когда Филинъ уѣзжаетъ переодѣться дядюшкою, Луцкой также уѣзжаетъ переодѣться дядюшкою. А пока они переодѣваются, прѣзжаетъ настоящій дядюшка и, незамѣченный никѣмъ, прячется въ кабинетъ, чтобы сдѣлать сюрпризъ племянницѣ и сестрѣ. Черезъ минуту является Луцкой, переодѣтый дядюшкою. Тетушка принимаетъ его за своего соучастника, Филина. Ей только странно кажется, что онъ хвалитъ Луцкаго и бранитъ Филина; но онъ говоритъ ей потихоньку: «молчите, все будетъ хорошо; я знаю, что дѣлаю.» Тетушка успокоивается и уводитъ его въ столовую, гдѣ уже готовъ обѣдъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ въ залу настоящій Филинъ, также переодѣтый дядюшкою. Луцкой, уже дожидавшійся его, выходитъ ему навстрѣчу въ залу и прикрикиваетъ на него: «Что это значитъ? Да какъ вы смѣли рѣшиться на вашъ наглый обманъ? Да я васъ въ ступицѣ истолку! Да я васъ....» Филинъ, разумѣется, принимаетъ Луцкаго за настоящаго дядюшку, труситъ, проситъ прощенія и пощады. — «Ну, посмотримъ. Да что за глупость пришла вамъ въ голову искать невѣсты не по лѣтамъ себѣ? Вѣдь вамъ нужны только деньги, а у наташиной тетки 25,000 серебромъ.» — «Неужели?» — «Ну, да.» — «Я этого, къ сожалѣнію, не зналъ.» — «Ну, хорошо же!... Сестра! (Сестра выходитъ въ это время изъ столовой на шумъ въ залѣ).... «сестра! Мг. Филинъ проситъ твоей руки.» Тетушка въ восторгѣ. Филинъ ошеломленъ. Луцкой, не давая времени опомниться, соединяетъ ихъ руки. «Браво, браво! молодецъ!» кричитъ ему настоящій (уже третій) дядюшка, выходя изъ своей засады. И дѣло кончается, при общемъ хохотѣ, къ общему удовольствію.

Какъ видите, эта комедія, безъ всякаго сомнѣнія, переделанная съ французскаго, вовсе не комедія, а фарсъ съ переодѣваньями, годный только для сцены, а не для печати. Но все-таки она несравненно лучше многихъ другихъ произведеній нашего репертуара, изъ которыхъ съ нѣкоторыми вы знакомы.

Мечта и дѣйствительность. Фантастическая драма въ пяти дѣйствіяхъ, основанная на германскомъ повѣртіи. Спб. 1854.

Это оригинальное сочиненіе основано на фантастическомъ повѣртіи, существующемъ въ нѣмецкихъ земляхъ, какъ говорятъ пра-

дубломленіе, — повѣрри, о которомъ и сами нѣмцы опредѣлительно *ничего не знаютъ*. «По крайней мѣрѣ сколько авторъ ни старался обратить о томъ подробныхъ свѣдѣній, почти никто не отвѣчалъ ему ничего положительнаго.»

Многосторонніе и трудолюбивые нѣмцы ничего не сдѣлали изъ этого повѣрри: ни легенды, ни пѣсни, ни баллады.... ни даже *романса!* Мало этого: ни въ *Conversations-Lexicon*, ни въ какомъ нѣмецкомъ словарѣ не отыскалъ ни одного слова объ этомъ повѣрри нашъ авторъ, вознамѣрившійся, во что бы то ни стало, составить изъ него драму, въ укоръ нѣмцамъ, которые не умѣли и не смѣли имъ воспользоваться.... Онъ не останавливался ни передъ чѣмъ: черезъ книгопродавцевъ и путешественниковъ относился въ Германію; но книгопродавцы и путешественники указали ему только на одну старинную комическую оперу, въ которой это повѣрри взято со стороны смѣшной.

Какимъ же образомъ авторъ узналъ объ этомъ повѣрри?

Свѣдѣнія о немъ сообщены ему *одною лифляндкою*.

Въ чемъ же заключается это повѣрри?

Въ томъ, что всѣ дѣти, родившіяся въ воскресенье и потому называемыя воскресными (*Sonntags-Kinder*), *получаютъ свойство видѣнія духовъ*.

Удивительная задача основать на такомъ фантастическомъ преданіи драму, и задача не легкая; но авторъ заранѣе измѣрилъ всѣ трудности задуманнаго имъ предпріятія, рѣшился побороть эти трудности и побѣдоносно вышелъ изъ этой страшной борьбы, о которой не осмѣлились и подумать нѣмцы. Такая смѣлость и настойчивость русскаго автора должны быть очень лестны для его соотечественниковъ.

Драма вышла неподражаема; но, чтобы она имѣла успѣхъ, или даже для того, чтобы была понята, по мнѣнію самого же автора, необходимъ строгій выборъ артистки для исполненія роли Альвины.... А надобно замѣтить, что эта Альвина не живое существо, а танцующая тѣнь. «На этой очаровательной танцующей тѣни, безъ танцевъ которой драма не можетъ быть понята, должно сосредоточиться восторженное чувство зрителя», какъ прекрасно замѣчаетъ авторъ; «ея поступъ должна быть неслышна, какъ поступъ тѣни; ея позы и движенія, не переходя въ балетныя, должны быть живописны. Она должна быть въ легкомъ платьицѣ съ передничкомъ, по домашнему, *просто, но пріятно*, такъ, какъ бы находилась еще въ семействѣ. *Блгое* только тамъ, гдѣ нужно — продолжаетъ авторъ — по содержанію драмы. «Впослѣдствіи она является уже *неземною жительницею*.»

Кромѣ этой очаровательной танцующей тѣни, въ драмѣ есть еще слѣдующія лица:

- 1) Родители Карлины, почтенной наружности старцы, въ старинномъ костюмѣ.
- 2) Германъ, въ солидномъ Нѣмецкомъ кафтанѣ.
- 3) Эдуардъ, во Франтовскомъ парадѣ молодого человѣка лѣтъ за 40 назидъ.
- 4) Одинъ изъ неизвѣстныхъ, старикъ, болѣзненнаго вида, въ утреннемъ тулупѣ, съ палкою.
- 5) Другой изъ неизвѣстныхъ, хорошенькой мальчикъ, одѣтый по-дѣтски.
- 6) Неизвѣстная, молодая женщина, въ старинномъ щеголеватомъ костюмѣ.

Неизвѣстные въ тулупчикахъ, дитя, одѣтое по дѣтски, старцы почтенной наружности, Германъ въ солидномъ кафтанѣ, — все это не живыя, а выражаясь словами автора — *безтѣлесныя существа, которыя не могутъ сдѣлать никакого вреда, а только, будучи къ намъ близки, привѣтствуютъ наши души.*

Живыя нѣмецкія существа, движущіяся въ драмѣ: Каролина Германъ, вдова; ея дочери Франциска и Лаура; Вильгельмъ Бивенвальдъ, братъ Карлины; прикащикъ Карлъ Фриде и кухарка Роза, еще болѣе походятъ, впрочемъ, на тѣней, чѣмъ самыя тѣни, — и это сдѣлано авторомъ, вѣроятно, не безъ намѣренія — чтобы заставить угадывать зрителя, что передъ нимъ: нѣмецкая тѣнь или нѣмецкое живое существо.... Нѣмецкій духъ такъ и вѣетъ въ этой драмѣ движущихся и танцующихъ тѣней.

Содержаніе ея, канва, по которой авторъ вышивалъ свои тѣни, слѣдующая:

Прикащикъ Карлины Германъ, Карлъ Фриде, воображаетъ, что у вдовы три дочери, когда у нея въ сущности только двѣ; третья, Альбина, давно умерла. Но Карлъ, какъ воскресное дитя, видитъ ея тѣнь, безпрестанно прыгающую и танцующую граціозно, и страстно влюбляется въ эту граціозно танцующую тѣнь. Къ концу драмы онъ узнаетъ, что это только тѣнь, и женится на Лаурѣ, которая есть живое существо, имѣющее подобіе тѣни, родная и любимая сестра настоящей танцующей тѣни. Нѣмецкая грація, чувствительность и идеальность превосходно изображены авторомъ въ лицѣ этой Лауры. Она говоритъ такимъ слогомъ:

«Лаура. *Ахъ сестрица! Какое наслажденіе любить даже и не видя къ себѣ возврата! Когда, въ теплый вечеръ, я гуляю одна по саду и смотрю на столицу на небѣ лулу, покрытую пріятными и смѣлыми грустными серебряными свѣтомъ, я всегда думаю: это образъ моего сердца. Оно также пріятно и также грустно свѣтится лучами своего*

болнца. А гуляя по берегу рѣки, тамъ, гдѣ возвышается гора, я часто представляю въ это и представляю себя: вотъ, такъ и я, когда изъ всего моего существа останется одна любовь, поселюсь въ пещерѣ какой нибудь скалы и буду повторять его слова. Ахъ!... А когда читаю Вертера, я воображаю себя на мѣстѣ Шарлотты.

Если бы это сказано было по нѣмецки, это было бы, мы думаемъ, еще лучше.

Но самымъ удачнымъ и эффектнымъ мѣстомъ этой удивительной драмы тѣней мы считаемъ 4 явленіе II дѣйствія, въ которомъ *Альвина*, безтѣлесное существо, которое не можетъ дѣлать никакого вреда, *поднимаетъ въ предосторожность отъ зелени* свое платье и, способствуя такимъ образомъ танцамъ, начинаетъ танцевать подь музыку, изображающую чувства Карла и ея дѣтскую рѣзвость. Очаровательная сцена!... Авторъ приложилъ въ концѣ драмы остроумный планъ этой сцены, въ которомъ литера А означаетъ бесѣдку, Б — скамью, С — дерево, а большія точки — цвѣты. «Разстояніе между цвѣтами — замѣчаетъ онъ — по требованію танцевъ, два съ половиною аршина.»

И затѣмъ такъ объясняетъ танцы этого безтѣлеснаго существа, которое не можетъ дѣлать никому вреда :

«Вильгельмъ произноситъ: *Которая?* — Альвина показывается изъ за бесѣдки и становится въ первую позу надъ цвѣткомъ а. Музыка дѣлаетъ аккордъ. Карлъ: *Теперь! Она здѣсь.* — Вторая поза Альвины: она, увидѣвъ бабочку на цвѣткѣ в, оборачивается къ ней. Вильгельмъ: *Говоритъ?* — Альвина дѣлаетъ прыжокъ къ бабочкѣ и становится въ третью позу надъ цвѣткомъ в. Второй аккордъ. Карлъ: *Я не могу оставаться. Прощайте.* — Бабочка перелетаетъ, въ виду зрителей, на цвѣтокъ с. Музыка изображаетъ ея полетъ. Альвина слѣдуетъ за нею съ дѣтскою радостію и становится надъ цвѣткомъ с въ четвертую позу. Третій аккордъ, послѣ котораго начинается послѣдовательная музыка до самаго окончанія танцевъ. Альвина бѣжитъ за взлетѣвшею бабочкою, стараясь поймать ее: отъ е до d на воздухѣ, перепрыгивая черезъ цвѣты, а отъ d до e на цвѣткѣ. На цвѣткѣ e она ищмала ее и, держа ее ладонью, выбѣгаетъ съ нею на авансцену до f, откуда, прикрывъ ее другою рукою, несетъ осторожно до g. Здѣсь она сдуваетъ ее съ ладони. Бабочка летаетъ надъ нею. Она, танцуя, ловитъ ее, продолжая эту забаву до ухода Карла, съ отсутствіемъ котораго скрывается за бесѣдкою.»

Драма эта можетъ доставить большее удовольствіе читателю; но крайней мѣрѣ намъ она доставила таковое, и мы искренно желали бы увидѣть ее разыгранною на сценѣ. Но вотъ важный вопросъ: гдѣ взять актрису для воспроизведенія роли Альвины?... Второй, второстепенный вопросъ: какаѣ мысли заключаются въ этой драмѣ?...

Угадайте и рѣшите, проникательный читатель.

Но для чего вамъ беспокоиться и напрягать свои умственные способности на разрѣшеніе такой трудной задачи.... Важный авторъ спѣшитъ предупредить васъ. Онъ говоритъ :

• Когда мы имѣемъ несчастье понести сердечную потерю въ нашемъ семействѣ, намъ долго еще кажется, что милый человекъ съ нами. Вотъ чувство, осуществляемое этою драмою въ характеръ Карлины. •

Авторъ предвидитъ даже указанія критики. Онъ представляетъ себя, что критика спрашиваетъ его :

• Какъ могъ Карлъ, служа у Каролины Германъ, не знать о числѣ ея дочерей? Правдоподобно ли, чтобы онъ, будучи влюбленъ въ Альвину, ни разу не поговорилъ съ нею? •

И отвѣчаетъ :

• Оправданіемъ тому служить *чрезвычайная застенчивость* Карла. Застенчивость, подобно разсѣянности, представляетъ иногда невѣроятные случаи. При томъ онъ у Каролины только два мѣсяца, не живетъ въ домѣ и бываетъ непрестанно въ развѣздахъ; а *ливное*: безъ этого не было бы драмы. *Остается следовательно рѣшить: должно ли было пожертвовать ею?* •

— Ни за что! отвѣчаетъ критика, которая, впрочемъ, вовсе и не думала спрашивать объ этомъ.

Въ сущности такія явленія вовсе не подлежатъ суду ея.... Что ей дѣлать съ такою мечтою и съ такою дѣйствительностію?... Она только вноситъ на свои страницы это явленіе, какъ замѣчательный фактъ, и почтительно отходитъ въ сторону.

Мы только рѣшимся замѣтить одно: если бы вмѣсто *Мечта* и *Дѣйствительность* авторъ назвалъ свою драму *Танцующія Тѣни*, то это заглавіе болѣе, кажется, соответствовало бы сущности этого неоспоримо удивительнаго сочиненія....

Если бы кто нибудь, послѣ всего сказаннаго нами, рѣшился предложить намъ смѣлый вопросъ: къ какому роду талантовъ принадлежитъ авторъ «Мечты и Дѣйствительности?» мы отвѣчали бы на это отрывкомъ изъ новыхъ стиховъ нашего друга глубокомысленнаго г-на Пруткова :

Дарованья, вѣдь различны
И таланты не одни, —
То есть, не одинъ и тѣ же!...

ЛЕНЦИНЪ ВЪ ТЕККЕРЕЯ ОВЪ АНГЛІЙСКИХЪ ДОМОРІСТАХЪ.

Озлогчаніе.

VI.

СТЕРИЪ И ГОЛЬДСМИТЪ.

Лауренсъ (то есть Лаурентій) Стериъ, авторъ «Тристрама Шенди», «Сантиментальнаго Путешествія» и большого количества писемъ къ дамамъ, болѣею частью очень молодымъ и корешенькимъ, родился въ Ирландіи, въ 1713 году, отъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Отецъ его, капитанъ Стериъ, храбро бился съ французами и испанцами, прижилъ бездну дѣтей, получилъ тяжкую рану при Гибралтарѣ и наконецъ умеръ вслѣдствіе этой раны. Первые десять лѣтъ своей жизни будущій доморостъ провелъ въ казармахъ и въ переходахъ съ полкомъ своего родителя. Воспоминанія объ этомъ счастливомъ періодѣ своего дѣтства Стериъ одолженъ лучшимъ созданіямъ своей фантазіи въ образѣ Дядюшки Тоби и честнаго Капрала Трина. Много разъ, можетъ быть (говоритъ Теккерей), ребенку приходилось приготавливать свои маленькими ножками подъ звуки трубъ, игравшихъ при Рамиллѣ, или играть знаменами, аллебардами, съ бою отнятыми въ Мальплеттской битвѣ.

До осьмнадцати лѣтъ Стериъ оставался въ Галвекскомъ училищѣ, оттуда перешелъ въ Кембриджъ и получилъ духовную степень, съ помощью счастливой протекціи, — набралъ себѣ много должностей, довольно выгодныхъ. Женившись по любви, на жещинѣ, которая чахла и умирала отъ страсти къ молодому ученому, Стериъ сперва жаль съ нею очень согласно и пустился дѣлать ей платоническія невѣрности только въ тотъ возрастъ, когда обыкновенные мужья отлагаютъ всякое попеченіе насчетъ волокитства за

песторонними красавицами. Но разъ, объявивъ своимъ друзьямъ, чрезъ 25 лѣтъ послѣ брака, «что жена его — странное и непонятное дѣло! — надоѣла ему неслыханнымъ образомъ», авторъ «Тристрама» сталъ гоняться за молодыми женщинами хуже всякаго сатира. Мы не хотимъ думать и не имѣемъ права думать, что почтенный старецъ имѣлъ въ виду цѣли, несогласныя съ своимъ возрастомъ и званіемъ (всѣ подробности, до насъ достигшія, ясно доказываютъ чистоту и сентиментальность стерновыхъ привязанностей), — но, какъ бы то ни было, женѣ его отъ того приходилось не легче. Нашъ филантропъ-Юрикъ, творецъ «Сентиментальнаго Путешествія», родоначальникъ слезливаго направленія словесности, которое не минуло в русской литературы (*), писатель, проливающій (печатно) слезы надъ усталымъ или умершимъ осломъ, безъ совѣсти пренебрегалъ подругою своей молодости и оскорблялъ ее, позоря свои сѣдины жалкими волокитствами во вкусѣ Астри и пастушескихъ романовъ. «*Sum fatigatus et oegrotus de mea uxore*» пишетъ Стерна на прегадкомъ латинскомъ языкѣ. Лучше бы онъ написалъ, выражается Теккерей, «*Sum mortaliter in amore*, я смертельно влюбленъ въ другую женщину!» Около того самого времени, когда этотъ лестный отзывъ о своей женѣ былъ написанъ Стерномъ, автора «Тристрама Шенди» представили госпожѣ Элизѣ Дреперъ, супругѣ начальника Суратской факторіи, проживавшаго въ Бомбей и отпустившаго свою молоденькую, прелестную жену полечиться въ Лондонъ отъ слѣдствій индѣйскаго климата. Элиза обладала умомъ и необыкновенною красотою. Долгое пребываніе въ Индіи, посреди роскоши, лѣни и чудесъ тамошней природы, придадо характеру ея много плѣнительныхъ, оригинальныхъ особенностей, способныхъ очаровать и не Стерна. Нашъ старый и тощій поэтъ, на это время освободившійся отъ жены, попросилъ позволенія называться *браминою* молодой красавицы. Элиза стала кокетничать съ нимъ отъ чистаго сердца. Послѣдовала перепалка, невинная, немного насмѣшливая со стороны жены набоба, восторженная, плаксивая, остроумная, шарѣдка неприличная со стороны ея пятидесяти-четырехъ-лѣтняго поклонника. Не можемъ сказать съ достовѣрностью, какая причина такъ располагала сердце нашего юмориста къ несовременнымъ нѣжностямъ, но всего вѣрнѣе будемъ предполагать начало этой нравственной порчи въ его самолюбіи. Пока жизнь Стерна текла тихо и ровно, пока успѣхъ его твореній не познакомилъ съ нимъ всего Лондона, пока женщины не начали сами гоняться за несравненнымъ Юрикомъ, Юрикъ жилъ тихо и смирно,

(*) Карамзинъ до страсти любилъ сочиненія Стерна и любилъ подражать его направленію.

уважая свою супругу, и позволялъ себѣ пастушескія нѣжности только въ печати. Со славою все перемѣнилось: новая жизнь, новые успѣхи открылись передъ даровитымъ чудакомъ, и онъ бросился очертя голову въ океанъ свѣта и новыхъ привязанностей, совершенно оправдывая поговорку о сѣдинѣ въ бородѣ и бѣсѣ, съ ней неразлучномъ. Самъ юмористъ, съ своими несвоевременными привязанностями, со своими сантиментальностями и сердцемъ, навязываемымъ каждой знакомой и умной женщиной, представлялъ изъ себя нѣчто крайне юмористическое. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ нашъ дряхлый селадонъ письменно бесѣдуетъ со своею Элизой, передъ ея отъѣздомъ изъ Англіи:

«Я получилъ твое письмо, Элиза, вечеромъ, воротясь съ обѣда у лорда Батурста. На этомъ обѣдѣ я говорилъ о тебѣ — и все о тебѣ — говорилъ цѣлый часъ, не позволяя никому прерывать меня. Старый лордъ (ему 85 лѣтъ) три раза провозглашалъ тостъ за твое здоровье, называлъ тебя лучшею изъ *набобессъ*, когда либо существовавшихъ, и изъявлялъ желаніе прожить еще нѣсколько времени только для того, чтобъ познакомиться съ тобою. Мы могли говорить о тебѣ смѣло: съ нами обѣдала только одна, *чувствительная* особа; оттого-то все время послѣ обѣда, до девяти часовъ, проведено было *сантиментальнѣйшимъ* образомъ. Подобно лучезарной звѣздѣ, ты оживляла и направляла наши рѣчи! И когда я говорилъ о тебѣ, на сердцѣ моемъ становилось тепло. Я грущу по тебѣ и не стыжусь своей грусти. Милое, прелестное дитя! Итакъ, ты повѣсила портретъ *твоего брамина* надъ своимъ письменнымъ столомъ, ты глядишь на него, припоминая меня! Юрикъ улыбается и одобряетъ всѣ твои поступки! Меня радуетъ то, что твои товарищи-пассажиры — люди порядочные и добрые. Но Элиза могла бы цивилизовать и дикарей, хотя я не захотѣлъ бы поручать ей этой должности!...»

Все это мило, хотя и сантиментально. Но что скажетъ читатель объ этихъ помстинѣ безумныхъ строкахъ, въ которыхъ престарѣлый любезникъ, рассчитывая на смерть мистера Дрепера, предлагаетъ себя въ супруги *набобессъ*, на случай ея вдовства. Извѣстіе о разстроенномъ здоровьи Дрепера подало поводъ къ сказанному предложенію:

«Кстати, Элиза, если уже рѣчь дошла до вдовъ, то я буду просить тебя объ одной вещи. Если ты когда нибудь овдовѣешь, пожалуйста не выходи за какого нибудь богатаго набоба: я самъ намѣренъ на тебѣ посвататься. *Моя жена не можетъ прожить долго, и нѣтъ* женщины на свѣтѣ, кромѣ тебя, — женщины, способной заступитъ ея мѣсто. Правда, мнѣ девяносто—пять лѣтъ, если принять въ соображеніе мое здоровье, тебѣ же всего двадцать—пять; но, отставъ

отъ тебя по части молодости, я не стараюсь наверстать потерю съ помощью остроумія и веселости. Я буду любить тебя лучше, чѣмъ Снѣгать свою Стеэгу или Скарроетъ свою Ментоню. Угѣдомъ меня, нравится ли тебѣ мое предложеніе.»

Какоевъ *старый браминъ!* Хорошо еще, что зародышъ подобнаго рода чувствъ нужно искать не въ гнусномъ разсчетѣ, а въ вѣтренности! Едва Элиза уѣхала въ Индію, Стернъ успѣвшиль отпра- вить къ другой красавицѣ, леди П^{***}, письмо, исполненное вѣжностей. Сердце его не занято: неужели прекрасная леди не захочетъ призрачь и приголубить этого бѣднаго сердца? Юрикъ сходить съ ума отъ ея глазокъ и губокъ: неужели красавица не пожалѣетъ бѣднаго Юрика? Poor Yorick! истинно бѣдный Юрикъ, престарѣлый шутъ въ пастушескомъ нарядѣ!

«Трудна, тяжка должность человѣка — говорить Теккерей — человѣка, рѣшившагося смѣяться и плакать передъ публикою, раскрывать передъ нею свои воспоминанія, свои личныя горести и радости, выносить на рынокъ свои собственные чувства, выписывать ихъ на бумагу и продавать за деньги! Сколько румянъ нужно старому актеру, сколько напыщенности и усилій требуется для увлеченія публики на свою сторону! И если зритель ему вѣритъ, то вѣритъ ли онъ самъ себя? Гдѣ начинается ложь и кончается истина? Недавно я былъ въ компаніи съ однимъ французскимъ актеромъ, отлично пѣвшимъ застольныя пѣсни и послѣ нихъ затянувшимъ сентиментальную балладу. Онъ спѣлъ ее отлично, тронулъ всѣхъ слушателей, и самъ расплакался. Стернъ имѣлъ эту самую способность: онъ умѣлъ хныкать и находилъ выгоду въ хныканьи. Его творенія утомляютъ меня своимъ вѣчнымъ разчетомъ на мою чувствительность. Стернъ будто смотритъ мнѣ въ лицо, наблюдаетъ за эффектомъ своихъ страницъ, словно говоритъ мнѣ: «смотри, какъ я чувствителенъ, признайся, что я уменъ: чтожь ты не плачешь? неужели ты и тутъ не признаешь моей силы?» Въ одномъ мѣстѣ онъ груститъ по поводу стараго экипажа, избитаго и заброшеннаго въ сараѣ; черезъ нѣсколько страницъ онъ сочиняетъ элегію по поводу мертваго осла. (*) Все это напоминаетъ шутки паяса, расписавшаго себя лицо, разостлавшаго свой коврижъ и потомъ уже начавшаго отвертывать на немъ свои штуки, къ восхищенію

(*) Пусть Стернъ продолжаетъ слезы надъ мертвыми ослами и сочиняетъ элегію по этому случаю: голосъ нашего стараго Самуила слышимъ грубо для элегіи; но нашъ старикъ находитъ посреди улицы упавшую дочь порока и, какъ самаритянинъ, несетъ ее домой, на своихъ плечахъ!

Карленинъ (этиодъ о Джессонѣ и Восталлѣ).

толпы зѣвакъ. Прочь отъ меня, пацъ! я не дамъ ни копейки за твоего мертваго осла и за всѣ твои штуки!»

Однако, Теккерей все-таки называетъ Стерна великимъ юмористомъ. Взглянувъ на человѣка и писателя глазами истиннаго цѣнителя, нашъ профессоръ не хочетъ выводить полнаго вывода изъ своихъ замѣтокъ. Стернъ такъ давно славится! Стернъ имѣлъ такое вліяніе на словесность! столько миллионѣвъ народа плакало надъ его старымъ осломъ! Какъ истинный англичанинъ, Теккерей нѣмѣетъ перелѣ фактомъ совершившимся, не находитъ въ себѣ довольно силы на то, чтобъ отдѣлить добрыя качества стерновой музы отъ безчисленныхъ заблужденій, предать эти послѣднія заслуженной насмѣшкѣ и заслуженному презрѣнію. Послѣ теккереевой лекціи авторъ «Тристрама Шенди» остается прежнею загадочною знаменитостію, прежнимъ великимъ Стерномъ, противъ твореній котораго никто еще не поднималъ голоса, хотя они уже давно противорѣчатъ вкусамъ, убѣжденіямъ, деликатности современнаго читателя.

«Кто, изъ числа миллионѣвъ людей, читавшихъ творенія Гольдсмита (такъ продолжается послѣдняя лекція), не любитъ самого поэта, этого лѣниваго странника, безпечнаго трубадура, всюду носящаго съ собой воспоминанія о дорогой родинѣ? Странна и непостоянна его натура: онъ жаждетъ переменъ, бури и, едва достигнувъ до нихъ, тревожно смотритъ на дни покоя и строй друзей, только что оставленныхъ. Сегодня онъ строитъ воздушный замокъ по поводу завтрашняго дня, завтра же пишетъ элегію и со слезами вспоминаетъ о прошлыхъ суткахъ! Сколько прелести, слабости, нѣжныхъ улыбокъ, теплоты душевной въ его безсмертномъ стихѣ! Ваша любовь къ нему есть полу-состраданіе. Вы приходите домой со сраженія, съ житейской войны, воспламененные трудомъ и боемъ, — приходите и видите у себя тихаго пѣвца, слышите его успокоивающую пѣсню. Кто осмѣлится обидѣть незлобнаго менестреля? Кому онъ сдѣлалъ какое либо зло? У него нѣтъ оружія съ собой: онъ имѣетъ при себѣ одну арфу, — но звуки ея услаждаютъ всѣхъ и каждого. Старый и малый, знатный и бѣдный, военачальникъ въ своей ставкѣ, воины, сидящіе вокругъ огня, женщины и дѣти посреди деревенской улицы, — все слушаетъ пѣвца, все внимаетъ его простымъ пѣснямъ о красотѣ и любви. Милая исторія о Векфильдскомъ Священникѣ прокралась во всѣ замки и хижины Европы, — а кому изъ насъ незнакома эта дивная книга?»

Жизнь Гольдсмита до того знакома каждому грамотному чело-
вѣку, что «новаго слова» о ней сказать нѣтъ никакой возможно-

сти (*); зная это, Теккерей бросается въ цѣлый рядъ весьма удачныхъ подробностей насчетъ обстановки этой жизни. «Отецъ Оливера — рассказываетъ онъ — служилъ оригиналомъ доктора Прямроза. Онъ жилъ въ своемъ-сельскомъ приходѣ, поучая паству, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, любя и угощая всѣхъ своихъ сосѣдей. За его вѣчно-накрытымъ столомъ сидѣли бѣдные друзья и проживальщики, всегда готовые смѣяться шуткамъ добраго пастора и помѣщать въ свои желудки произведенія его небольшихъ полей. Кто видалъ ирландскій домъ въ наши дни, можетъ вообразить себѣ хозяйство лиссойскаго пастора. На кухнѣ, у огонька, всегда отводилось мѣсто старому нищему; безрукій солдатъ получалъ свою порцію картофеля и сыворотки. Кухня набита гостями, гости сидятъ въ столовой, — всюду ласка, расточительность, бѣдность и радушіе.... Маленькаго Ноля (Оливера) отдали въ школу, или, какъ говорилось по догдашнему, *подъ ферулу* доктора такого-то. О, бѣдные маленькіе предки наши! (*poor little ancestors!*) тяжело приходилось вамъ подъ ферулой старинныхъ педагоговъ! много розогъ вамъ доставалось, и много горькихъ слезъ пролили вы, наши крошечные прадѣды и прапрадѣды! Маленькаго Ноля сѣкли учителя, поколачивали товарищи; старый скрипачъ, ходившій на кухню пастора Гольдсмита, называлъ малютку не иначе, какъ Езопомъ!» Во всей послѣдующей жизни Оливеръ оставался прежнимъ школьникомъ, забавнымъ и часто обижаемымъ товарищемъ, добрымъ чудачкомъ, не лишеннымъ какой-то особенной, комической претензіи на изящество. Онъ любитъ варяжать свою крошечную персону (при деньгахъ) въ розовый камзолъ и кафтанъ персиковаго цвѣта, является на ученый экзамень въ красныхъ панталонахъ и видомъ этихъ панталонъ поражаетъ своихъ строгихъ собратій по наукѣ.

«Въ Дублинской Коллегіи Святой Троицы — продолжаетъ Теккерей — мнѣ показывали имя Оливера Гольдсмита, вырѣзанное на одномъ изъ оконныхъ стеколъ, алмазомъ. Чей бы могъ быть этотъ

(*) Совѣтъ тѣмъ объ Оливерѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ, еще недавно довольно много спорили. Въ бесцѣльной книгѣ авторъ «Векенъдскаго Священника» представляетъ полнѣйшій, заисключительный чудачкомъ, чуть не кліотомъ. Дешевые до насъ шуточки Джонсона и отзывы некоторыхъ современниковъ оказались не совѣтъ лестными для Гольдсмита. Съ другой стороны возникли критики, пытавшіеся увидать «Векенъдскаго Священника» и представить это произведеніе чѣмъ-то въ родѣ неудачно-правоучительной сказочки. Но критики перые пошла полнѣйшій своимъ хитросплетеннымъ устроиваніемъ и оставили «Векенъдскаго Священника», а вслѣдъ за тѣмъ извиненія Форстера и Ирвинга на вѣчныхъ временахъ, воссоздали передъ нами добрую, дѣтски-самолюбивую, дѣтски-безпечную и дѣтски-замысловатую личность юности.

алмазъ? Конечно, не гольдсмитовъ! у него алмаза никогда не водилось, да и въ самой коллегіи онъ игралъ роль не очень видную. Онъ былъ лѣнивѣе, бѣденѣе и мотоватѣе, умѣлъ закладывать свои вещи, писать баллады для уличныхъ пѣвцовъ, брать за эти баллады по кронѣ и проматывать полученные деньги. Его наказали за то, что онъ въ своей комнатѣ, тихомъ пріютѣ учености, устроилъ балъ и плясалъ неистовымъ образомъ. Онъ убѣжалъ изъ университета, вознамѣрился эмигрировать въ Америку, промоталъ всѣ свои деньги, не добѣжавъ до морского берега, вернулся домой повѣсивъ носъ и изъяснивъ раскаяніе. По этому случаю добрые родственники убили тельца, но, вѣроятно, не упитаннаго, а довольно тощаго.»

Литературная жизнь Гольдсмита представляетъ намъ ту же самую картину безпечности, нѣжности, ребяческихъ причудъ и добрыхъ дѣлъ всякаго рода. Кроткая и любящая натура Оливера не выветъ посреди житейскихъ бурь, посреди дождя и дурной погоды. Онъ бѣденѣе в щедрѣ, — щедрѣ на свои крохи, щедрѣ на ласковое слово, если и крохи не имѣется. Если у него не осталось ничего кромѣ флейты, онъ беретъ ее и играетъ на ней для того, чтобъ ребяташки слушали и веселились духомъ. Въ его квартирѣ есть каменный уголь — живѣе! отдадимъ его сосѣду, которому уже два дни нечѣмъ затопить камина. На постели Оливера есть простыня и одѣяло — онъ вручаетъ ихъ бѣдной вдовѣ, у которой нѣтъ ни одѣяла, ни простыни. Когда Нолль служилъ помощникомъ школьнаго учителя, онъ тратилъ свое жалованье, угощая воспитанниковъ. Жена старшаго педагога, замѣтивъ неразумную расточительность поэта, взяла на себя трудъ принимать всѣ его деньги, хранить ихъ у себя и выдавать только на необходимое. Долго спустя, въ періодъ своей славы, встрѣчая прежнихъ своихъ учениковъ, Гольдсмитъ любилъ угощать ихъ чѣмъ только могъ. «Видѣлъ ли ты мой портретъ, снятый сэромъ Рейнгольдомъ?» спрашивалъ онъ у того или другого изъ бывшихъ школьничковъ. «У тебя нѣтъ съ него гравюры? ай, Джекъ! еслибъ кто вздумалъ издать твой портретъ, я купилъ бы его на послѣднія деньги!» Герцогъ Нортумберландскій, отправляясь лордомъ-лейтенантомъ въ Ирландію, спрашивалъ Гольдсмита о томъ, нѣтъ ли у него въ виду для себя какого либо мѣста подъ его начальствомъ. Оливеръ проситъ герцога не забыть о его братѣ, «что ло меня милордъ — прибавилъ благородный чудакъ — я не ишу ни чьей протекціи; мои меценаты — книгопродавцы!» Плохо иногда приходилось Гольдсмиуту съ подобными меценатами!

Много толкуютъ біографы о непоимѣрномъ самолюбіи нашего поэта, о его обидчивомъ самохвальствѣ, о его раздражительномъ;

истеричѣливомъ желаніи славы. Но если Гольдсмитъ неправъ по этой части, то права ли публика въ отношеніяхъ своихъ къ Гольдсмиту? Придворные остроусловы едва знали Оливера по имени, почестями же и вниманіемъ осыпали Битти. Модный свѣтъ благоговѣлъ передъ Стерномъ. Модный свѣтъ утверждалъ, что комическій писатель Нолли затмилъ всѣхъ современныхъ драматурговъ. Въ раздражительномъ самолюбіи Гольдсмита, — самолюбіи скорѣе грустно-наивномъ, нежели задорномъ, — мы видимъ законный протестъ противъ неблагоустроенныхъ и непонятливыхъ современниковъ. Авторъ «Венсильдскаго Священника» имѣлъ право протестовать и знать себѣ дѣлу. На его сторонѣ стоялъ не модный свѣтъ, а кружокъ людей истинно великихъ: за одно съ нимъ шли великодушный Джонсонъ, и удивительный Рейнольдсъ, и великій Гиббонъ, и великій Баркъ, и великій Фоксъ. Эти люди любили Гольдсмита, лелѣвали его, сознавали въ немъ великаго поэта, выручали его изъ денежныхъ затрудненій и хранили у себя небольшіе капиталы мотоватаго барда. Гордый любовью этихъ великихъ людей, Оливеръ не могъ ли роптать на книгопродавцевъ, неохотно покунавшихъ его поэмы, и на дирекціи разныхъ театровъ, холодно обращавшихся съ его обворожительными комедіями?

Послѣднія шесть лѣтъ своей жизни Гольдсмитъ былъ почти огражденъ отъ нужды (совершенно спасти его отъ нужды могъ развѣ одинъ Богъ!), между тѣмъ какъ живая, счастливая натура поэта, безвредно исчерпавъ цѣлое море бѣдъ, неудачъ, — море горькой и унижительной нищеты, продолжала цвѣсти по прежнему. Современники начали оцѣнывать поэта, книгопродавцы перестали принимать покровительный видъ въ присутствіи Нолли. Отечественная публика пустилась удивляться необыкновенному писателю, его подвижному генію, умѣющему украшать всѣ предметы, имъ избраннаго. Въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, при началѣ своей славы, посреди круга друзей (перваго круга во всей тогдашней Англій), Гольдсмитъ вриано шелъ къ извѣстности, почету и богатству; но судьба судила иначе и пресѣкла жизнь нашего поэта, пресѣкла ее безвременно. Изнуренный подъ тягостью долговъ и работы, посреди лихорадочныхъ плановъ лихорадочной дѣятельности, — посреди начатыхъ комедій, истерій и всякаго рода сочиненій, исполненныхъ истеричнаго и жаднаго увеселеній, нашъ Гольдсмитъ, добрый Гольдсмитъ стараго Самуила Джонсона, кончилъ земное поприще на сорокъ-шестомъ году своей жизни. За день до смерти добраго Нолли, докторъ Туртошъ спрашивалъ своего пациента, щупая его пульсъ: «Недосея ли духъ вашъ? пульсъ бьется слишкомъ сильно, тогда какъ лихорадка весьма незначительна.» — «Нѣтъ, мой духъ не недосея!» от-

вѣчалъ бѣдный, задумчивый Гольдсмитъ. Эдмундъ Боркъ, великій изъ великихъ, услыжавъ о кончинѣ автора «Векфильдскаго Священника», закрывъ лицо, зарыдалъ какъ ребенокъ. Сэръ Рейнольдсъ смѣлся за работой, когда до него дошло роковое извѣстіе: нашъ художникъ положилъ кисть, тихо вышелъ изъ мастерской и весь день не входилъ въ нее, что случалось съ нимъ въ дни страшѣйшихъ семейныхъ горестей. Во время похоронъ, гольдсмитову лѣстницу запрудила плачущая толпа голяковъ всякаго рода: женщины безъ пристанища, лакеевъ безъ мѣста, работниковъ безъ работы. Каждый произносилъ похвалу усопшему, каждый провожалъ въ немъ своего благодѣтеля и кормильца. «Докторъ Гольдсмитъ (это слова великаго Джонсона Босвеллю), докторъ Гольдсмитъ, сэръ, былъ избалованъ и страшенъ. Онъ надѣлалъ большихъ долговъ и разбросалъ все свое имущество, сэръ. Но, сэръ, неважѣмъ теперь припоминать его слабостей: то былъ великій, очень великій человекъ!»

Вотъ какимъ образомъ проводили въ могилу добраго Ноля его друзья и голяки, имъ облагодѣтельствованные.

«Я много разъ — рассказываетъ Теккерей — имѣлъ случай посѣщать комнаты, когда-то занимаемыя Гольдсмитомъ въ Темплѣ. Я видѣлъ ступени, по которымъ поднимались Джонсонъ, Боркъ и Рейнольдсъ, посѣщая друга, своего добраго Гольди, тѣ ступени, на которыхъ сидѣла и горько плакала бѣдная женщина-сосѣдка, узнавъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, за черной дубовой дверью, умираетъ одинъ изъ добрѣйшихъ и благодушнѣйшихъ чудаковъ на всемъ свѣтѣ!» Не такъ и не тамъ хотѣлъ умереть нашъ поэтъ, высказавшій намъ свои сокровеннѣйшіе воздушные замки въ прелестныхъ стихахъ по поводу сельскихъ воспоминаній. Какъ хотѣлъ онъ жить и умереть посреди своего роднаго ирландскаго мѣстечка, въ кругу гостепріимныхъ соотичей и простыхъ поклонниковъ! какъ жаждалъ онъ, успокоясь отъ бурь житейскихъ, передавать событія своей жизни, въ тихій лѣтній вечеръ, кружку добрыхъ поселянъ, чистыхъ душою, способныхъ цѣнить поэта, имѣвшего такъ много сродства съ ними, такъ много любви къ солнцу, къ природѣ, и къ родной землѣ, и къ роднымъ людямъ! Не въ громадномъ зданіи Вестминстерскаго Аббатства желалъ Гольдсмитъ сложить свои кости; онъ и могилы желалъ живописной, подъ ирландскими деревьями, на родномъ кладбищѣ!

Драматическій писатель Кольманъ (младшій), жившій въ наше время, оставилъ трогательную страничку, въ которой изображается вѣкъ Оливера Гольдсмитъ.

«Мнѣ было только пять лѣтъ — говоритъ этотъ писатель — когда авторъ «Деревни», сидя за кофею у моего отца, сталъ играть со мной, предварительно посадивъ меня къ себѣ на колѣни. На его милое вниманіе я отвѣчалъ очень дерзко, то есть ударилъ доктора по лицу всей пятернею, и ударилъ такъ крѣпко, что на щекѣ поэта нѣсколько времени остался слѣдъ моей гнѣвной лапки. Расправу произвели тутъ же, замкнувъ меня въ темную комнату, гдѣ я началъ ревѣть отчаяннѣйшимъ образомъ; но, къ счастью, заточеніе продолжалось недолго, благодаря заступничеству одного великодушнаго друга. Нужно ли сказывать, кто за меня заступился? Самъ Гольдсмитъ вошелъ ко мнѣ, держа свѣчу въ рукѣ; подъ вліяніемъ ласкъ его, я пересталъ плакать. Воспользовавшись моимъ спокойствіемъ, докторъ сталъ показывать фокусъ, поглотившій все мое вниманіе. Онъ поставилъ на столъ три шляпы, предварительно спрятавъ подъ каждую по шиллингу. «Первый шиллингъ, сказалъ онъ: — это — Англія, второй — Франція, третій — Испанія. Теперь смотрите всѣ. Гей престо кокаларумъ!» Тутъ онъ открылъ шляпы — всѣ три шиллинга лежали подъ одной, Англія захватила и Францію и Испанію! Съ той поры наша дружба утвердилась вполне, и всякій разъ, когда Гольдсмитъ являлся къ отцу, я бѣжалъ за нимъ, дергалъ его за платье, ждалъ его улыбки. Всякій разъ онъ мнѣ улыбался, всякій разъ онъ игралъ со мною!»

Простая съ благодушнымъ Оливеромъ, Теккерей посвящаетъ послѣднія страницы своей послѣдней лекціи обсужденію стараго, но постоянно занимательнаго вопроса — объ отношеніяхъ писателей къ публикѣ и публики къ писателямъ.

«Многіе люди — говоритъ нашъ профессоръ — многіе очень умные люди думаютъ до сихъ поръ, что въ нашемъ отечествѣ профессія литератора не пользуется должнымъ уваженіемъ, а сами литераторы, вмѣсто любви, поддержки, наградъ и сочувствія, встрѣчаютъ одну незаслуженную холодность со стороны своихъ соотечественниковъ. Противъ такого заключенія, по видимому, оправдываемого печальной жизнью многихъ изъ нами здѣсь упомянутыхъ юмористовъ, можно сказать многое. Общество чтитъ гениальныхъ людей, умѣетъ воздавать за ихъ услуги; но оно не обязано вмѣшиваться въ житейскія дѣла литераторовъ, глядѣть на ихъ слабости снисходительнымъ глазомъ. Заблужденія писателя должны нести свой горькій плодъ, какъ и заблужденія всякаго человѣка. Литераторъ обязанъ платить своему портному, обязанъ соображаться съ законами общества и не требовать отъ общества никакихъ себѣ послабленій. Если онъ надѣется быть лордомъ-канцлеромъ, не труясь и проводя ночи въ игорныхъ домахъ, онъ поступаетъ очень

неразумно. Большую часть своихъ неудачъ онъ долженъ приписывать себѣ, а не публикѣ. Публикѣ нѣтъ дѣла до нашихъ претензій, публика не измѣнитъ своихъ законовъ въ нашу пользу. Никакой законъ въ пользу пишущаго сословія не въ силахъ излечить гольдсмитовой расточительности, никакой законъ не въ силахъ измѣнить размахистой природы Фильдинга или помочь неоплатнымъ долгамъ Стиля. Никакой геній не поставитъ насъ выше констабля и полиціи. И, наконецъ, какого рода почестей можетъ ждать писатель отъ общества? Общество не намѣрено учреждать для него почетной стражи, пешишь о его особомъ благосостояніи. Всякій день видимъ мы въ свѣтѣ адвокатовъ безъ практики, спекуляторовъ безъ состоянія, мичмановъ съ сѣдыми волосами. Если эти люди терпятъ неудачу, то отчего жъ не терпятъ неудачъ поэтамъ и литераторамъ? Отчего поэты и литераторы *одни* жалуются на холодность свѣта? Если всѣ люди, дѣлающіе дѣло, терпятъ, борятся съ судьбой, ѣдятъ свой хлѣбъ въ потѣ лица, отчего же намъ ждать небывалыхъ исключеній въ пользу пишущаго сословія? Не лучше ли намъ спокойно и твердо встрѣчать жизненную невзгоду, вести себя скромно и мужественно, трудиться, а за тѣмъ отложить свои невозможныя требованія?

«Но иные писатели нашего времени — продолжаетъ профессоръ — не совсѣмъ согласны со мною. Между нашими соотечественниками и современниками есть лица, вѣчно готовые жаловаться на холодность публики къ литературѣ и литераторамъ. Странное дѣло! если леди В не разсудила пригласить на свой раутъ капитана А, капитанъ не станетъ говорить, что въ его лицѣ оскорблено войско. Лордъ С не хочетъ имѣть за своимъ столомъ совѣтника Д; но совѣтникъ не вздумаетъ обвинить лорда какъ особу, презирающую всѣхъ совѣтниковъ на свѣтѣ. За что же авторъ, необласканный публикой, упрекаетъ ее въ холодности къ искусству, въ презрѣніи къ литераторамъ? Вредно и тяжело трудиться, жить въ свѣтѣ, имѣя такое предубѣжденіе къ свѣту. Откуда взять откровенность, какимъ образомъ посмотрѣть въ лицо свѣту, питая внутри себя подозрѣнія такого рода? Если вы, литераторъ, выступаете на литературное поприще, имѣя въ виду сдѣлаться посланникомъ, подобно Прайору, или статсъ-секретаремъ въ родѣ Эдисона, вы уже утратили свою независимость, свою чистоту, вы перестали быть самимъ собою. Вы ищете меценатовъ — не друзей или слушателей. Планы ваши не удались — вы горько обвиняете общество; но общество смѣется надъ вами, называетъ васъ *un grand homme in solis pectus*, отвѣшиваетъ вамъ поклонъ и показываетъ вамъ двери. Публика, свѣтъ, масса читателей не лишена зоркости, опытности,

здорового смысла. Свѣтъ любить васъ, если вы умѣете быть любезнымъ; свѣтъ готовъ весело смѣяться, если вы его смѣшите; онъ даетъ вамъ все, что можетъ дать, то есть признаетъ ваши достоинства и снисходитъ къ вашимъ слабостямъ. Достоинства ваши могутъ остаться непомятыми, — это правда; но въ жизненной битвѣ не всѣмъ суждена побѣда! Ни къ одному изъ юмористовъ, о которыхъ мы здѣсь бесѣдовали, свѣтъ не оказался неблагодарнымъ, жесткимъ, преднамѣренно холоднымъ. Гольдсмитъ не имѣлъ вѣнца, и лучшее его произведение два года лежало у книгопродавца въ рукописи; оба обстоятельства имѣли причиной ошибку, но никакъ не преднамѣренную холодность. Благородныя имена Снифта, Попа и Эддисона! дорогая и славная память Фильдинга и Гольдсмита, нашихъ друзей, учителей и благодѣтелей! Неужели наша безконечная любовь къ именамъ этимъ, неужели восторги и сочувствіе цѣлыхъ поколѣній не показываютъ того, какъ умѣемъ мы чтить искусство, воздавать дань признательности памяти блистательнѣйшихъ его представителей.»

Представивъ читателю, по возможности, подробный и живой отчетъ о содержаніи лекцій В. Теккерея и дозволивъ себѣ, въ продолженіе разсказа, нѣсколько относящихся къ нимъ замѣтокъ, мы считаемъ долгомъ сказать нѣсколько заключительныхъ словъ обо всемъ произведеніи, какъ о новой книгѣ. Читанныя лекціи, особенно лекція полу-импровизированная, рѣдко выходятъ хороши въ печати (*); но теккеревы юмористы и въ этомъ отношеніи стоятъ вниманія любителей великобританской словесности. Весь трудъ нѣсколько несоразмѣренъ по частностямъ, нѣсколько прихотливъ по замыслу, но выполненъ съ легкостью, живостью и горячностью. Авторъ самъ участвуетъ учаая другихъ, и любовь его къ предмету чтенія не можетъ быть заподозрена ни мало. Ожиданный успѣхомъ, наэлектризованный сочувствіемъ публики, онъ позволяетъ себѣ десятки удачнѣйшихъ шуточекъ, мастерскихъ, иногда пристрастныхъ очерковъ, вѣрныхъ, хотя по временамъ парадоксальныхъ замѣтокъ. Все особенно бойкое и остроумное въ лекціяхъ мы постарались передать читателю слово въ слово, и читатель согласится, что такихъ мѣстъ приведено нами немало.

Какъ собесѣдникъ публики, какъ фельетонистъ и увлекательный разсказчикъ, способный принести великую пользу популяризациономъ идей и фактовъ не всѣмъ извѣстныхъ, Теккерей заслу-

(*) Фоксъ, заставъ одного изъ парламентскихъ товарищей за чтеніемъ своей рѣчи, спросилъ его: «какова она въ печати?» «Превосходна! отбѣтилъ тотъ. — Я читаю и восхищаюсь.» «Плохо, замѣтилъ ораторъ: — стало бытъ, она лучше не годится, какъ рѣчь!»

живиеть безуловной похвалы за свои лекціи ; но какъ историкъ словесности (а эту роль ему, по необходимости, пришлось на себя взять, толкуя о положеніи знаменитѣйшихъ писателей своей родины), какъ историкъ словесности и біографъ лицъ, ее прославляющихъ, намъ профессоръ оказывается слабымъ, а иногда и болѣе чѣмъ слабымъ. Планъ чтеній составленъ по произволу и развивается произвольнымъ образомъ. Почему изъ британскихъ юмористовъ выбраны только юмористы англійскаго періода, почему наконецъ изъ числа этихъ счастливицевъ Ричардъ Стиль занимаетъ особую цѣлую главу, а Смоллету, писателю неизмѣримо даровитѣйшему и во сто разъ любимѣйшему читателями, посвящены двѣ или три страницы? Разсужденіе о томъ, что Поупъ и Гэй, особенно первый, слава ли могутъ вообще быть отнесенными къ разряду юмористовъ, завлекло бы насъ слишкомъ далеко ; но мы не можемъ не указать и на это, ничѣмъ не оправданное, положеніе. «Кому же и быть юмористомъ, если не автору «Дунсіады»? спрашиваетъ Теккерей ; но, намъ кажется, этотъ вопросъ вовсе не рѣшаетъ дѣла. «Дунсіада» есть сатира рѣзкая, злобная, мѣткая и холодная ; юмористическихъ же особенностей мы въ ней никакихъ не видимъ. А о томъ, что можно быть сатирикомъ не имѣя въ себѣ нисколько юмору, знаетъ всякій человѣкъ, хотя сколько нибудь думавшій объ этомъ предметѣ.

Оставивъ критическія воззрѣнія нашего автора и передвинувшись къ біографической сторонѣ лекцій, мы найдемъ въ ней прежній произволъ въ приговорѣ и вѣчто еще худшее, то есть однообразіе выводовъ, порожденное поверхностнымъ изученіемъ источниковъ. У Теккеря и Фильдингъ весьма добръ, и Смоллетъ добръ, и Стиль добръ, и Гогартъ добръ, и Гольдсмитъ чрезвычайно добръ, и Эддисонъ добръ, и даже Поупъ добръ. Фильдингъ гуляка, Смоллетъ гуляка, Стиль гуляка ; но всѣ они веселые, беззаботные, привлекательные гуляки. Всѣ юмористы, о которыхъ идетъ рѣчь въ лекціяхъ, истинные джентльмены по теплотѣ и мягкости сердца, по способности помогать несчастнымъ, по твердости и благородству духа. Фильдингъ джентльменъ, Прайоръ джентльменъ, Поупъ джентльменъ, Эддисонъ джентльменъ изъ джентльменовъ. Мы глубоко, всѣмъ сердцемъ убѣждены въ той истинѣ, что каждый человѣкъ высокаго дарованія (за весьма малымъ исключеніемъ) не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ ; но мы знаемъ и то, что и доброта и мягкость сердца имѣютъ тысячи своихъ отдѣльныхъ и очень рѣзкихъ отбѣнковъ, на которые Теккерей не обратитъ должнаго вниманія. Знаменитые его предшественники по части біографій и исторически-литературныхъ этюдовъ могли слу-

жить ему въ этомъ дѣлѣ указаніями и примѣромъ. Ихъ усиліями для насъ сохранены портреты истинно добрыхъ людей, истинныхъ джентльменовъ-писателей, ни мало не сходныхъ другъ съ другомъ. Джонсонъ, какъ его изобразили намъ Карлейль и Маколей, добръ неописанно; Вальтеръ-Скоттъ чрезвычайно добръ, въ чемъ увѣряютъ насъ біографія, писанная Локгартомъ, и голосъ современниковъ; Эддисонъ, въ этюдѣ Маколей, является намъ истинно добрымъ человекомъ, а между тѣмъ какъ несходны между собой личности этихъ добрыхъ людей, джентльменовъ по сердцу: Джонсона, Эддисона и Скотта! Въмѣсто того, чтобъ въ своихъ біографическихкихъ очеркахъ придерживаться той же системы, Теккерей, несмотря на все свое остроуміе, на всю свою артистическую догадливость, поминутно впадаетъ въ общія мѣста. Его стиль совершенно похожъ на Фильдинга, а Прайоръ — на Смоллета; ясные же обрисовываются передъ читателемъ личности тѣхъ юмористовъ, о которыхъ уже прежде было писано, и писано знатоками дѣла, давными нашему профессору готовый матеріалъ для его чтеній. Такъ, унылая особа Свифта, выдвинутая изъ мрака поэтическимъ трудомъ лорда Джеффри, весьма жива и поэтична у Теккерей; такъ, фигуры Эддисона и Конгрева, изображенныя безсмертнымъ перомъ на страницахъ «Эдинбургскаго Обзорія», достаточно хороши и у нашего автора; такъ, наконецъ, милый Оливеръ Гольдсмитъ, «свѣтлый въ прозѣ» Ирвингомъ и Форстеромъ, доставилъ нашему профессору возможность блеснуть отличными страницами.

Стараніями современныхъ блистательныхъ историковъ словесности, наука писать біографіи сдѣлала огромные шаги впередъ, какъ въ Англии, такъ и въ остальной Европѣ. Занятія біографа, историка старыхъ литературныхъ нравовъ, дѣятеля старыхъ литературныхъ произведеній, — занятія, еще недавно скромныя и худо вознаграждаемыя, нынѣ сдѣлались плодотворными, искусительными занятіями. Передъ вами лежитъ груда матеріаловъ, собраніе твореній того или другого писателя, давно умершаго, записки современниковъ о немъ же; передъ вами находятся его портреты и бюсты, его факсимиле, его письма, каррикатуры, на него дѣланныя, поздравленія, ему присылаемыя. Требуется изъ всей этой нестройной и разнохарактерной массы грубаго матеріала извлечь одно стройное и всѣмъ знакомое цѣлое, вырубить статую изъ кусковъ мрамора, поставить ее на пьедесталъ и показать просвѣщенной публикѣ памятникъ, воздвигнутый надъ прахомъ существа ей дорогаго, услаждавшаго ея грусть, ея досуги своими пѣснопѣніями, своими разсказами, своими возвышенными умствованіями. Трудясь за своимъ памятникомъ, историкъ словесности наслаждается и жи-

веть жизнью стараго времени, прежнихъ и давно умершихъ, но великихъ людей. Передъ нимъ носятя сцены изъ времени минувшихъ, подробности изъ жизни нашихъ отцовъ; передъ нимъ волшебная историческая обстановка, передъ нимъ старое веселье и старыя тревоги, старая слава и старинная домашняя жизнь. Передъ нимъ выясняется образъ любимаго поэта или ученаго, съ его понятіями и слабостями, съ его причудами и добрыми качествами, съ его заслугами, съ его добрыми дѣлами и пустыми прихотами. Подобно читателю древнихъ надписей, онъ пытается изъ многихъ полу-стертыхъ буквъ составить истинное слово, и — о, радость! — это слово найдено. Старый поэтъ, утѣха старыхъ и будущихъ столѣтій, ораторъ, честь своей родины, мыслитель, дававшій благіе уроки цѣлому поколѣнію, снова стоитъ передъ нами будто живой, снова услаждаетъ насъ, снова учитъ насъ, снова бесѣдуетъ съ нами. И читатель, рукоплеская счастливцу-біографу, говоритъ: «тутъ живетъ истина! передо мною тотъ самый великій мужъ, котораго имя я знаю и чту съ младенчества!»

Въ этомъ вышемъ дарѣ воссоздавать минувшее время, воскрешать изъ литературныхъ могилъ образы давно усопшихъ великихъ людей природа отказала Теккерю. Авторъ англійскихъ юмористовъ не будетъ никогда Карлейлемъ, Маколеемъ, Джеффри, Ирвингомъ. Его послѣдняя книга не войдетъ въ число сочиненій, движущихъ впередъ методу пониманія родной словесности. Но тѣмъ не менѣе за нимъ останется слава профессора остроумнаго, оживленнаго, популярнаго и, слѣдовательно, весьма способнаго къ распространенію въ публикѣ фактовъ и заключеній, пріисканныхъ другими, болѣе серьезными историками словесности, эссейстами и біографами.

ИНОГОРОДНЫЙ ПОДПИСЧИКЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Кто можетъ оставаться безмолвнымъ при совершающихся событіяхъ? Сердце каждаго русскаго горяче откликнулось на воззваніе Царя, и всѣ мы готовы принести на святой алтарь отечества нашу жизнь, наше достоиніе, наше слово. Какъ передать тѣ патриотическія чувства, которыя одушевляютъ всѣхъ въ сію минуту? Эти ежедневныя пожертвованія, присылаемыя со всѣхъ концовъ Россіи, эти люди, оставляющіе добровольно удобства и спокойствіе жизни и вступающіе въ ряды воиновъ, въ ряды защитниковъ Отечества и вѣры православной, наконецъ этотъ энтузіазмъ, которымъ глубоко проникнуто все безъ исключенія пишущее дословіе въ Россіи, вполне понимающее значеніе своего долга, эти стихи, болѣе или менѣе искусные, но всѣ одинаково исполненные любовью къ Царю и Отечеству, — все это представляетъ явленіе великое и многозначительное. Мы не были свидѣтелями позавешаго 1812 года, мы не имѣли счастья видѣть, какъ вся громадная Русь, какъ одинъ человѣкъ, поднялась тогда на защиту Отечества; но мы знаемъ, что тотъ же самый духъ одушевляетъ насъ въ сію минуту, какой нѣкогда одушевлялъ отцовъ нашихъ, и что дѣти готовы принести все въ жертву святой Руси, какъ нѣкогда все приносили ей въ жертву отцы ихъ.

Мы глубоко понимаемъ значеніе Россіи, мы свято вѣримъ въ ея грядущее, мы готовы встрѣтить грудью нашихъ враговъ, и повторяемъ вмѣстѣ съ нашими великими поэтами:

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
 Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
 Не въ силахъ завитить свой Измаильскій штыкъ?
 Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
 Иль намъ съ Европой спорить ново?
 Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
 Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
 Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
 Отъ потрясеннаго Кремля,
 До стѣнъ недвижнаго Китая,
 Стальной щетинюю сверкая,
 Не встанетъ Русская земля?...

Изъ множества стиховъ, написанныхъ по поводу настоящихъ событій, мы представимъ здѣсь два стихотворенія: одно — г-на Жемчужникова, а другое — принадлежащее автору, который, къ сожалѣнію, скрылъ свое имя.

КЪ РУССКИМЪ.

9 февраля 1884 года.

Орудьемъ зависти, — сперва безумнымъ словомъ
 Они чернили насъ. Въ сознанин правоты,
 Не отвѣчали мы ни крикамъ, намъ не новымъ,
 Ни злomu шопоту презрѣнной клеветы.
 Оружиемъ войны они намъ угрожали,
 Не вызывая насъ въ открытый, честный бой, —
 Въ сознанин нашихъ силъ, хранили мы покой.
 Мы все щадили ихъ. Мы ждали.

Великодушiе не вразумило ихъ.
 Глубокомысленнымъ политикамъ казалось,
 Что врагъ спокойный слабъ и робокъ, если тихъ.
 Межъ тѣмъ надъ нихъ главою ужъ буря собиралась,
 Не даромъ грозная парила тишина.
 Есть мѣра кротости, конецъ долготерпѣнью!
 Предавшись буйному, слѣпому увлеченю,
 Они хотять войны?.... Война!... .

Къ оружию, братiя! Васъ ожидаетъ слава!
 Вамъ подвигъ доблестный на долю свыше данъ —
 На беззаконiе несите знамя права
 И православный Крестъ на мнимыхъ Христанъ!
 Сей вынужденный бой, безъ всякаго предлога,
 Таить, быть можетъ, цѣль — въ мiръ тлѣнiя и тьмы
 Внести вѣру, жизнь и свѣтъ, и къ этой цѣли мы
 Подвигнуты десницею Бога!

Все упованiе возложимъ на Него!
 Издревле, Промысломъ Божественнымъ хранимы,
 Всѣмъ грозны, не страшась угрозы никого,
 Мы были, съ помощью Его, несокрушимы!
 Чѣмъ былъ нашъ Русскiй духъ, онъ тѣмъ и нынѣ есть.
 Онъ не ослабъ къ Царю и къ родинѣ любовью.
 Россiя защититъ своею честной кровью
 Свою наследственную честь!

НА НЫНѢШНЮЮ ВОЙНУ.

Вотъ, въ воинственномъ азартѣ,
 Воевода Пальмерстонъ
 Поражаетъ Русь на картѣ
 Указательнымъ перстомъ.

Вдохновенъ его отвагой,
 И французъ за нимъ туда жъ,
 Машетъ дядюшкиной шпагой
 И кричить: allons, courage!

Полю, братцы, на смѣхъ свѣту,
 Не оставайтесь въ дуракахъ.
 Мы видали шпагу эту
 И не въ этакихъ рукахъ.

Если дядюшка безславно
 Изъ Руси вернулся вспять,
 Такъ племяннику подавно
 И вдали не слобровать.

Альбионъ — статья нная:
 Онъ еще не раскусилъ,
 Что за машина такая
 Наша Русь, и въ сколько силъ.

То-то будетъ удивленье
 Для практическихъ головъ,
 Какъ высокое давленье
 Имъ покажутъ безъ паровъ!

Знайте жъ — машина готова,
 Будетъ дѣйствовать какъ встарь,
 Ею двигаютъ три слова:
 Богъ, да родина, да Царь!

Шисьна «многороднаго поддичина» о русской журналистикѣ.

ФЕВРАЛЬ 1854 ГОДА.

Мода на русскую словесность. — Поклоненіе чужестранному искусству. — Суровые литераторы. — Г. Дмитріевъ и его новыя воспоминанія. — Старые и новые литературные дѣтели. — Исторія временъ Шашкова, Карамзина, Жуковского и Шаховскаго. — Соперничество старинныхъ партій. — Макбетъ въ переводѣ г. Лиховина. — Нѣчто о русскихъ переводчикахъ Шекспира. — Метафоры и простота. — Духъ Шекспира. — Повѣсть г-жи Ольги Н". «Сужденаго коверъ не объѣдешь». — «Спессартскій Мъсъ», нѣмецкая новелла. — Фантазія и дѣйствительность. — «Воспоминанія о ловахъ звѣрей въ Сибири», г. Черепанова. — Характеристика статьи. — Воспоминанія г. Ротчева о Калифорніи и начало путевыхъ его замѣтокъ.

Нѣтъ! это не иллюзія, не мода, не скоропреходящая прихоть изящнаго свѣта! Сочувствіе столичныхъ жителей къ русскому искусству, русской наукѣ и русской словесности растетъ не по днямъ, а по часамъ; съ каждой недѣлей оно развивается въ обширныхъ размѣрахъ и пророчить намъ отрадное, золотое время для русскихъ поэтовъ, художниковъ и мыслителей. Съ чувствомъ достоинства и довѣрія русской литературы долженъ встрѣтить эти родныя ласки, эти залоговыя любви и вниманія, это участіе къ своимъ трудамъ, эти радушные вызовы на полезную дѣятельность. Откинувъ скорѣе всякое поклоненіе чужестранному, забывши нами крошечныя несогласія и братски звавшись за руки, отблагодаримъ русскаго читателя за его любовь ко всему отечественному. Въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, стыдно будетъ тому, кто чѣмъ либо запятнаетъ почетное званіе литератора, кто приметъ сплетничать и вредить своимъ собратіямъ по искусству, кто станетъ угрюмо смотрѣть на своего читателя и цѣнителя, кто зароетъ свой талантъ въ землю, кто станетъ называть модой и прихотью жажду публики ко всему своему и родному! Иностранные журналы, иностранная поэзія, иностранныя картины и иностранныя романы скорѣе были до сихъ поръ модой и прихотью. Масса публики вѣчно любила свое и жаждала роднаго; только одна неумолимая мода не давала ей инстинктамъ возможности высказаться, а высказавшись — на всегда отбросить докучную моду. Кто жилъ въ провинціи и видѣлъ не разъ эти милые почтовые дни, съ приходомъ русскихъ газетъ, книгъ и журналовъ, тотъ не заподозритъ русскаго читателя въ холодности. Кто по часамъ слѣдилъ, стоя у картины своего друга, отзывы и толки толпы, волнующейся въ залахъ Академіи Художествъ, во время годичной выставки, тотъ удержится отъ упрековъ, такъ обычныхъ, когда

дѣло идетъ о нашей публикѣ. Если въ одной изъ залъ Академіи народъ стоитъ, тѣсно сомкнувшись, около которой нибудь изъ картинъ, будте увѣрены, что картина эта изображаетъ или подвигъ русскихъ воиновъ, или черту изъ народнаго быта. Неужели и это случайность, прихоть и мода? Неужели и въ наше время нужно приписать одной модѣ на все русское это огромное количество стиховъ въ честь нашего славнаго воинства и успѣхъ оригинальныхъ пьесъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и потребность въ новыхъ русскихъ книгахъ, и тысячи знаковъ поощренія, вниманія и сочувствія къ нашей словесности? Но, впрочемъ, дѣло не въ названіи: пусть только само явленіе утѣшительно, — а называть его пускай беретъ всякій по своему усмотрѣнію. Конечно, для человѣка съ сатирическимъ складомъ ума и тутъ откроется возможность подглядѣть крошечныя странности, неловкости, промахи со стороны свѣта, такъ недавно считавшаго русскую литературу чѣмъ-то ничтожнымъ, нестоящимъ вниманія — и вдругъ начавшаго чтить ее и интересоваться ею. «Читать русскихъ писателей! какое несчастное занятіе!» два года тому назадъ говорила не одна дама, выдѣляющаяся пламенѣющая любовью къ русской музѣ. У меня нѣтъ крайне богатый и горделивый знакомецъ, еще недавно при встрѣчкѣ нашихъ подававшій мнѣ съ самымъ покровительственнымъ видомъ два пальца правой руки, на что я постоянно отвѣтствовалъ протягивая ему одинъ палецъ — обстоятельство, питавшее между нами постоянную холодность. Теперь этотъ знакомецъ безъ всякой причины, по видимому, превратился въ моего друга, жметъ мою длань обѣими руками, грѣетъ ее въ нихъ болѣе чѣмъ по четверти часа и проситъ позволенія посѣщать меня когда только мнѣ это будетъ угодно. Отчего когда-то горделивый другъ такъ крѣпко жметъ мои руки, отчего дамы, недавно еще презиравшія русскихъ поэтовъ, теперь заучиваютъ наизусть ихъ стихотворенія? Вѣтеръ подулъ въ нашу сторону, и прихотливая мода, во вредъ разнымъ нѣмцамъ и французамъ, Шнупеніусамъ, Базанкурамъ, Гондрекурамъ и д'Арленкурамъ, обратила свой сіяющій ликъ на русскую поэзію и на русскихъ писателей. Базанкуръ, Фудрасъ, Дюма и Шнапсіусъ усыпали свои головы пепломъ, а героями дня оказались г. Григоровичъ съ своими «Рыбаками», Островскій съ своими комедіями и Фетъ съ своими прелестными стихотвореніями. Положимъ, что все это одна мода; но гдѣ искать ея зародыша, если не въ пробужденіи общей любви къ родному искусству и художеству? Недавняя мода на французскую словесность равнымъ образомъ имѣла свое коренное происхожденіе въ томъ образованіи юношества на чужой манеръ, о которомъ писалъ Грибоедовъ въ своей комедіи, Пушкинъ — въ «Графѣ Нулинѣ», и скромный Нахимовъ въ своихъ сатирахъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, какой нибудь богатый помѣщикъ, приставляя къ своимъ дѣтямъ изъ Франціи пріѣзжаго гувернера и заставляя ихъ вызубривать разсказъ Терамена, безсознательно готовилъ лавровыя вѣнцы для Дюма и Гондрекура, безсознательно причинялъ ущербъ русскимъ артистамъ и писателямъ нашего времени. Поч-

тенная дама, еще прошлый годъ говорившая, что она не позволитъ своей дочери читать Пушкина (а какъ теперь она стыдится этого изрѣченія!), принадлежить къ числу растений, требующихъ многіе годы на свое развитіе и процвѣтаніе. Ея рѣзкій отзывъ о любезнѣйшемъ изъ нашихъ поэтовъ подготовленъ былъ трудами эмигрантки Фалбага, усилями москѣ Трике, неуспѣшной дѣятельностью француза Гильоме, подбитаго вѣтеркомъ. мода никогда не приходитъ сама собою, сироста. Отчего какъ-то не очень давно вошли въ употребленіе шотландскія матеріи съ преогромными цвѣтами, матеріи, придававшія дамѣмъ видъ ходячихъ кресель? оттого, что на лондонскихъ фабрикахъ залежалось огромное количество этихъ нелѣпныхъ матерій, и, съ помощью парижскихъ портнихъ, фабриканты привалялись наводнять ими всѣ части образованнаго свѣта! Въ томъ, что наша публика такъ долго отворачивалась отъ отечественнаго искусства, виновать не одинокіе эмигранты, содержатели пансіона, нынѣ уже сгнившій въ сырой землѣ, не одна institutrice, выучившая сотню дѣвицъ лепетать по французски и отучившая ихъ говорить на ихъ родномъ нарѣчій! Виноваты отчасти и сами молодые литераторы, изрѣдка позволявшіе себѣ грызться между собой для потѣхи читателя, и старые писатели, не желавшіе поощрять, поучать и любить своихъ юныхъ преемниковъ по литературнымъ заслугамъ.

Къ числу этихъ послѣднихъ, — почтенныхъ, но иногда не вѣтру суровыхъ любителей русскаго слова, — придется намъ отнести и господина М. Дмитріева, хотя вторая статья его «Мелочей изъ Запаса моей Памяти», нынѣ лежащая передъ нами, заслуживаетъ и полного вниманія и полной благодарности нашей. Свѣдѣнія, доставленныя г. Дмитріевымъ о дѣлахъ, наружности, значеніи Карамзина, Шишкова, В. Л. Пушкина, князя Шаликова и С. Н. Глинки, чрезвычайно любопытны и полезны, но размышленія, которыми почтенный авторъ приправляетъ эти живыя свѣдѣнія, могли бы остаться въ его портфель безъ всякаго ущерба «Мелочамъ изъ Запаса моей Памяти». Г. Дмитріевъ являетъ живѣйшее отвращеніе къ русской литературѣ и журналистикѣ нашего времени; отвращеніе это (совершенно чистосердечное, а не накинутое на себя изъ расчета, какъ у нѣкоторыхъ литераторовъ) высказывается оное въ цѣломъ рядѣ непрерывныхъ отступленій, сравненій между старымъ и новымъ слоюзъ, коихъ замѣтокъ по поводу поэтовъ и литераторовъ послѣдняго двадцатипятилѣтія. По убѣжденію даровитаго автора, нынѣшніе писатели и пишутъ безграмотно, и не уважаютъ цѣнить таланта своихъ предшественниковъ, и заражены самохвальствомъ, и даже въ частныхъ бесѣдахъ являются не иначе, какъ сухими, бездарными педантами, неуважающими даже смѣяться и веселиться. На чемъ основано такое неслетное убѣжденіе, я не могу себѣ представить, тѣмъ болѣе, что всѣ мои личныя убѣжденія идутъ имъ совершенно наперекоръ. По моему крайнему разумнѣію, многіе изъ нашихъ писателей пишутъ легко и изящно, никогда не хвалятъ ни себя, ни своихъ друзей, питаютъ безпредѣльное уваженіе къ славнымъ имъ

намъ нашихъ старыхъ поэтовъ и мыслителей. Въ обществѣ этихъ литераторовъ мнѣ случалось проводить цѣлые дни, оживленные добродушнѣйшей веселостью, разговорами дѣльными, живыми и увлекательными. То, что кажется г. Дмитріеву темнымъ и сѣрымъ, мнѣ кажется бѣлымъ и свѣтлымъ.... Если онъ выражаетъ свою мысль не подкрѣпляя ея фактами, то и я могу поступить по тому же способу. Изъ столкновеній двухъ личныхъ убѣжденій, неподкрѣпленныхъ фактами, можетъ родиться истина, ненуждающаяся въ фактахъ для доказательства. А истина эта будетъ проста: во всякое время литераторы имѣли свои недостатки и свои достоинства, — недостатки, съ которыми нужно мириться изъ уваженія къ словесности, и достоинства, заслуживающія общей симпатіи. Тотъ, кто для оцѣнки извѣстнаго литературнаго періода заведетъ двое вѣсовъ и двѣ мѣры, кто станетъ унижать прежнихъ дѣателей во вредъ новымъ, или, расточая хвалы старымъ поэтамъ, поднимать свою ферулу на ихъ учениковъ, — тотъ вѣчно останется въ накладѣ. Сѣмя, красующееся въ наливающимся колосѣ, происходитъ отъ сѣмени, въ прошломъ году брошенномъ въ землю, — и отъ него въ свою очередь пройвойдутъ новые колосья и новыя сѣмена; урожай можетъ выйти богатый или скудный, но вѣсь, и видъ, и мѣра, и цѣна зеренъ должны оставаться одинаковыми во всѣ годы. Пшеница не переродится въ крапиву, а ученики Карамзина и Пушкина не вернутся (даже, еслибъ сами того хотѣли) къ дѣятельности Хераскова или Тредьяковского. Недостатки, въ которыхъ упрекаетъ насъ г. М. Дмитріевъ, существовали всегда и вездѣ, во всѣхъ литературныхъ кругахъ, съ примѣсю добрыхъ качествъ, которыя и нынѣ не исчезли. Хотите доказательствъ, такъ обратитесь къ «Мелочамъ изъ Запаса моей Памяти». Самъ авторъ ихъ представитъ вамъ доказательства десятками. Про насъ говорятъ, что мы пишемъ очень безграмотно — то же самое говорилъ о Карамзинѣ и его послѣдователяхъ Шишковъ, человекъ унылый и страстно преданный дѣлу русскаго слова. Нападки Шишкова отличались ѣдкостью, невозможною въ наше время: такъ смягчились литературные нравы. «Шишковъ, разгорячась на своего противника (*), говорить, что не всѣ славянскія выраженія принадлежатъ къ высокому слогу. Есть и простыя — продолжаетъ онъ — напримеръ, *и сотворю тебѣ сторицею!* Противникъ его возражаетъ на это: *и аби создамъ тебѣ сторицею!* Вотъ жесткость спора и невыскаанность выраженій. Въ то время писатели не знали, что уважительность провію точно такъ же, какъ масло острить бритву. Но рѣшимся ли мы, основываясь на двухъ зазорныхъ выходкахъ, нрѣчь свой приговоръ надъ Шишковымъ и противниками Шишкова, какъ надъ лицами, возмущающими духъ по своей невѣжливости? Нѣтъ, мы цѣнимъ и того и другихъ, ихъ имена пользуются нашимъ полнымъ уваженіемъ....

Далѣе. Г. Дмитріевъ и другія лица одного съ нимъ мнѣнія упрекаютъ современныхъ литераторовъ въ духѣ ветеринности, въ предла-

(*) См. «Мелочи изъ Запаса моей Памяти», стр. 188.

и френкомъ и коварномъ униженіи таланта въ своихъ противникахъ. Разверните ту же статью на страницѣ 195 и слѣдующихъ, гдѣ говорится о литературныхъ несогласіяхъ между нѣсколькими первыми литераторами стараго времени, то есть между Карамзиннымъ, Жуковскимъ — съ одной стороны, и колкимъ, даровитымъ княземъ Шаховскимъ — съ другой. Направление Карамзина и Пушкина, или, скорѣе, направление ихъ поклонниковъ и подражателей, не нравилось Шаховскому, воспитанному на остроумныхъ, правильныхъ, но холодныхъ націоніяхъ французской старой музы. Чувствительные герои Карамзина, Эрасты, Лианы и такъ далѣе, — герои, пользующіеся всякимъ удобнымъ случаемъ для проливанія слезъ и даже бросающіеся въ прудъ при несчастныхъ случаяхъ жизни, имѣли дѣйствительно свою смѣшную сторону, выгодную для наблюдательнаго насмѣшника. Привязанность Карамзина къ слезливому и безалаберному Юрику, то есть Стерну, послужила первымъ начатіемъ войны, и вотъ на русскомъ театрѣ начали являться въ изобиліи «Новые Стерны», во фракахъ мердуа и розовыхъ платочкахъ, со слезой на рѣсницѣхъ и вѣжливой улыбкой на губахъ, — «Новые Стерны», всегда готовые задутьши миръ въ своихъ объятіяхъ, надобѣтъ ближнему своими подалуми и затягивать элегіи по поводу сорваннаго цвѣтка или застрѣленной тетерки! Жуковский, не менѣе Карамзина оказавшій услугъ родной словесности, тоже не могъ ускользнуть отъ насмѣшекъ: его туманность, его привидѣнія, его луна вѣчно свѣтящая сквозь облако, его раскрытые гробы и голубки на плечѣ мертвеца, его лѣса, *сильющіе* *сквозь пламень зарева*, его барды, умѣющіе только влюбляться и изнывать, его запутанно романтическія описанія давали много пищи товарищамъ и послѣдователямъ Шаховскаго. (*) Съ своей стороны и

(*) На дняхъ, въ старой книжкѣ «Благонаѣреннаго», я нашелъ двѣ перодіи на произведеніи Жуковскаго, — перодіи, кажушіяся мнѣ, по крайней мѣрѣ моему разумѣнію, замѣчательно удачными. Въ нихъ свѣаченъ и развѣръ, и туманность, и неопредѣленность фантазіи, и простонародныя выраженія, которыми иногда любилъ шеголять поэтъ Людмила.

I. ГОСТЬЯ.

Пришла въ село — въ ворота постучалась,
И передъ моеи ворота отверлась.
Въ набухивъ ей старуха отзывалась:
«Откогда ты, молодка — отзовись?»
Я, бабушка, изъ ближняго селенья;
Меня сюда неслодомой привелъ;
Дорогой мнѣ великаи привидѣнья....
Ахъ! не къ тебѣ ль онъ на почлегъ зашелъ?

II. ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Что за шорохъ, что за вѣтеръ?
Кто стучать въ окно?
То знакомый-незнакомецъ!
Онъ меня узналъ,
Въ двери онъ, съ привѣтной лаской,
Руку мнѣ пожалъ....
Догорала въ небѣ звѣзды
И восточъ пылалъ!

Жуковский и Карамзинъ, сознавая свои дарованія, дѣлая вперёдъ искусство, выкупая свои недостатки тысячью красотъ и достоинствъ, не могли терпѣливо переносить шутивья рѣчи объ этихъ недостаткахъ, и только однихъ недостаткахъ. «Насъ помиримъ, мы обнялись и съ тѣхъ поръ ненавидимъ другъ друга», могли сказать о себѣ и классики и романтики. Взаимное неудовольствіе проявилось въ сатирахъ, комедіяхъ, шуткахъ, въ церемоніяхъ арзамасской школы, въ журнальной полемикѣ, и борьба не кончилась даже и тогда, когда начальники враждебныхъ кружковъ сами принялись смѣяться надъ своей горячностью. За нихъ стали воевать подражатели и журналисты, новые классики и романтики, новые Аяксы, бившіеся во мракѣ. Наврасно здравые цѣнители говорили и той и другой сторонѣ: «успокойтесь, прекратите вашу вражду, вы всё правы, и всё виноваты», — никто не успокоивался и не прекращалъ ратоборства. Какой же выводъ сдѣлать изъ всей этой исторіи? — по моему мнѣнію, тотъ, что во всякой литературѣ споры и разногласіе такъ же неизбѣжны, какъ шумъ станковъ и стукъ разныхъ машинъ на бумагопрядильной фабрикѣ. Лишь бы шумъ не мѣшалъ работать, лишь бы споры не переходили границъ приличія; большаго не могутъ требовать ни зрители, ни самые труженики. Литературныя нововведенія, упрощеніе слога, открытіе новыхъ путей въ области вязащаго никогда не могутъ произойти безъ преній болѣе или менѣе жаркихъ. Положимъ, что въ настоящемъ году явится на Руси великій поэтъ и пойдетъ собственнымъ своимъ путемъ и произведетъ бездну прекрасныхъ вещей, проникнувшихъ предельно чисто новой, невѣдомой до сихъ поръ свѣту, положимъ, что передъ его трудами труды наши, труды теперешнихъ писателей, покажутся вялыми и устарѣлыми: слѣдуетъ ли изъ этого, что мы всё отречемся отъ своей манеры, отъ прожитыхъ годовъ труда, опыта и мышленія, отъ своихъ учителей, отъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, и, отрекшись отъ всего прошлаго, смиренно пойдемъ за блистательнымъ счастливецемъ? Ничуть не слѣдуетъ. Литературное нововведеніе не есть то же, что, наприкладъ, замѣненіе салныхъ свѣчей стеариновыми, или тяжелыхъ парусныхъ баркасовъ вертлявыми пароходами: выгоды стеарина и паровъ ощутительны съ перваго взгляда, съ перваго опыта, между тѣмъ какъ открытіе новыхъ путей въ области вязащаго требуетъ много времени, многихъ споровъ и долгой полемики для признанія ихъ свѣтомъ. Рубенсъ, говоря, одной чертой умѣлъ дѣлать изъ плачущаго лица лицо смѣющагося; но такіа превращенія невозможны въ словесности. Мы должны обсудить и понять черту, о которой говорится. Когда населеніе германскаго Парнасса начало работать передъ приговорами Гёте, великій Гёте утратилъ часть своего величія: до такой степени нужны великому писателю и споръ, и противорѣчіе, и даже нападки невоздержанныхъ на слово противниковъ. Шишковъ, нападая на языкъ Карамзина, дѣлалъ пользу и Карамзину и его послѣдователямъ, побуждая ихъ глядѣть за собой строже, избѣгать чужестранныхъ оборотовъ рѣчи, и такъ далѣе. Про-

таиннии Жуковскаго и романтическихъ поэтовъ своими шутками ограничили страсть названныхъ поэтовъ ко всему туманному и разпылающемуся. Когда Пушкинъ и Гоголь перестали писать слогомъ *прозаиковъ красноречивыхъ*, привыкшихъ къ *периоду размыренному* и непрерывно заиачивавшихъ свою фразу *прилагательными звучными*, когда, вслѣдствіе ихъ примѣра, русскіе писатели начали всюду употреблять языкъ разговорный, — и у Пушкина и у Гоголя явилось много ошесточенныхъ противниковъ. Какую пользу, по видимому, могло принести вышнательство этихъ противниковъ, лицъ, отрицавшихъ дневной свѣтъ, писавшихъ слогомъ старымъ, несходнымъ съ живою рѣчью? а, между тѣмъ, польза пришла, и пришла сама собою. Посреди полемикъ и словопревій совершены были важныя уступки, избранъ путь прямой и правильный, — путь, съ котораго, можетъ быть, сбились бы два названные нами поэта, еслибъ все ихъ окружающее безпрекословно поверглось передъ ними ницъ и молча признало бъ ихъ своимъ вожаками. Все нами сказанное давно извѣстно каждому любителю родной словесности, и г. Дмитріевъ, авторъ «Мелочей изъ Запаса моей Памяти», все это знаетъ; но, къ сожалѣнію, его ничѣмъ необъяснимая антипатія къ новымъ литературнымъ дѣятелямъ мѣшаетъ ему взглянуть на весь вопросъ съ истинной точной зрѣнію.

Простясь съ статьею почтеннаго автора, обращаемся къ другимъ статьямъ новаго «Москвитянина», начавшаго 1854 годъ выпускомъ довольно толстой книжки, которую надо считать за двѣ, ибо на ней выставлено: №№ 1 и 2. То, что казалось болѣе чѣмъ недостаточнымъ для одного номера, для двухъ кажется нѣсколько бѣднымъ, и мы отъ души желаемъ, чтобъ редація московскаго журнала поскорѣ вернулась къ своей прежней системѣ выпуска книжекъ — по двѣ въ мѣсяць. №№ 1 и 2, вмѣщенные въ одну книжку, почему-то мнѣ напомнили печальную шутку одного давнишняго изданія, запоздавшего четырьмя мѣсяцами и, для соблюденія своего достоинства, издавшего декабрьскую свою книжку съ надписью №№ 9, 10, 11 и 12. Въ толстой январской книжкѣ «Москвитянина» вѣдетъ довольно много интересныхъ мелкихъ статей, «Послѣдній Патито» (живой и свѣжій рассказъ г. Библикова о бѣдномъ итальянскомъ аббатѣ, когда-то сочинившемъ арлекинады, влюблявшемся въ Коломбинъ и страдавшемъ вслѣдствіе ихъ невѣрностей), да сверхъ того шекспировъ «Макбетъ», переведенный г. Лихонинымъ. Для читателя, котораго интересуеетъ вопросъ о томъ, что именно заставило г. Лихонина переводить «Макбета», дважды переведеннаго на русскій языкъ стихами и еще раза три прозою, находится въ началѣ драмы «Предисловіе Переводчика». Въ этомъ предисловіи г. Лихонинъ объявляетъ, что всѣ его старанія были устремлены на сохраненіе раамѣра подлинника и на тщательное переложеніе метафоръ Шекспира, — разумѣется, кромѣ тѣхъ, которыя совершенно противорѣчатъ духу языка русскаго. Мнѣ кажется, что тутъ-то я таится камень преткновенія всѣмъ настоящимъ и будущимъ переводчикамъ шекспировыхъ произведеній: метафора, «раскидывав-

шая складки своей манты по всемъ европейскимъ театрамъ и до сихъ поръ укореившаяся въ великобританской словесности болѣе чѣмъ гдѣ либо, рѣшительно несомѣстна съ духомъ русскаго языка и просто русскимъ духомъ. Русскій современный человѣкъ не въ состояніи переварить метафорическаго слога, какъ бы великъ ни былъ поэтъ, писавшій такимъ слогомъ. Пусть метафора будетъ блистательна, грамматически правильна, неожиданно остроумна, счастлива и выразительна — ни русскій зритель, ни русскій читатель съ ней не примирится. Онъ даже не въ силахъ смотрѣть на нее какъ на необходимое зло, и вотъ одна изъ причинъ, почему подстрочные переводы Шекспира (особенно переводы въ стихахъ) никогда не найдутъ себѣ у насъ популярности. Шекспиръ великъ, необъятно великъ, — объ этомъ не можетъ быть двухъ разнорѣчащихъ мнѣній. Но мы можемъ откровенно спросить всѣхъ русскихъ любителей, благоговѣющихъ передъ Шекспиромъ, имѣвшихъ счастье научать его въ оригиналѣ, со всѣми пособіями, которыя имъ можетъ дать самое разностороннее литературное образованіе, мы можемъ спросить ихъ: искренно ли они мирятся съ метафоризмомъ Шекспира, съ этимъ цвѣтистымъ слогомъ, съ этими занутоанными остротами и опредѣленіями, которыя гнутъ наперекоръ всѣмъ нашимъ понятіямъ, всѣмъ нашимъ привычкамъ? Простота есть сущность русской рѣчи, основа нашего характера, наша атмосфера, въ которой намъ душно и тоскливо. Сѣверный житель можетъ чувствовать себя не на мѣстѣ посреди дивнаго климата и могучей растительности тропическихъ краевъ: въ этомъ не виноватъ ни онъ самъ, ни край, въ который его переселили. По той же аналогіи, намъ кажется страннымъ русскій переводъ Шекспира, въ стихахъ, съ сохраненіемъ метафоръ великаго поэта, со всѣми антитезами, игрою словъ и цвѣтистостію оригинала. Возьмите, на примѣръ, на удачу два или три мѣста изъ перевода г. Дихонниа, наиболѣе близкія къ подлиннику :

.... Херувимъ небесный....

О отразимъ этотъ дѣлъ прогрессъ,

Передъ очами всѣхъ, — и тамъ, что слезы,

Потопять вѣтеръ. — У меня вѣтъ шпоръ,

Чтобы колоть нагрѣній бока :

Лишь честолюбіе — скакунъ. Онъ самъ себя

Перескакалъ — и на другихъ падеть.

Возьмите еще слова Макбета послѣ совершеннаго имъ преступленія :

Мнѣ кажется, что такъ и слышу голосъ :

« Не спи ужь больше. » — Сонъ Макбета убитъ,

Цѣнный сонъ, кѣмъ всѣхъ заботъ мотокъ

Занутоанный разевливается можетъ ;

Смерть еждневной нашей жизни, — санну

Отъ тласкаго труда, бальзамъ душой убитыиъ,

Второй капля великой себъ природы,

Главу, питающа на тѣрѣ жизни,»

Дозволено будетъ этихъ двухъ мѣстъ. Меня могутъ осуждать и по старому называть любителемъ парадоксовъ, но я все-таки скажу о нихъ свое прямое мнѣніе: *that will never do!* такъ передавать намъ Шекспира невозможно! Сердце мое возмущается этими уподобленіями и описаніями, я не могу видѣть ихъ на своемъ языкѣ, они оскорбляютъ мое родное нарѣчіе въ его сокровеннѣйшемъ значеніи, и примириться съ ними я не въ состояннн, не взирая на весь геній поэта, на всѣ усилія переводчика. Въ каждомъ языкѣ есть свои неувольнима, таинственныя особенности, нисколько не зависящія отъ грамматики, синтаксиса и такъ дагѣе. Отчего иная превосходнѣйшая, игривѣйшая пѣсенка Беранже, переданная по нѣмецки или англійски, со всевозможной тщательностью, съ дарованіемъ и добросовѣстностью, выходитъ сходна съ пародіею, а не съ переводомъ? отчего весьма ловкій переводъ французскаго милаго кушетца возмущаетъ нашу душу своей дубоватостью? отчего прелестная повѣсть Пушкина, переданная по французски и переданная со знаніемъ дѣла, не возбуждаетъ сочувствія въ европейскомъ читателѣ? Потому что переводчики, даже и схватывая духъ переводимаго писателя, не помышляютъ о духѣ языка, на который его перелагаютъ, не помышляютъ о духѣ читателей, для которыхъ этотъ переводъ готовится! Шекспирова «Макбета» я разъ восемь читалъ въ оригиналѣ, съ трепетомъ восхищенія. Я прочелъ многихъ комментаторовъ Шекспира и нѣсколько знакомъ съ драматургами-современниками и предшественниками творца «Гамлета». Я приглядѣлся къ цвѣтнстости великобританскихъ поэтовъ, знаю ея происхожденіе, признаю законность, даже уважаю пристрастіе націи къ этой стародавней, прославленной цвѣтнстости. Но любить ее я не могу; сверѣе я полюблю *единства* Расина и Кребиллона. Грудь моя не выдерживаетъ атмосферы, которая разлита въ старомъ великобританскомъ театрѣ. Къ моему наслажденію, при чтеніи лучшихъ вещей Шекспира, вѣчно примѣшиваются страхъ съ безпокойствомъ: мнѣ поминутно кажется, что «вотъ зловѣщій воронъ крикнетъ» и вслѣдъ за дивными строками явится на сцену «пуховый сонъ», или «земля, трясущаяся въ лихорадкѣ», или «дерзкій ножъ, не видящій нанесенныхъ мнѣ ранъ», или «небеса, приготовляющіяся завопить: *стой! стой!*». Всѣ эти чудеса человѣческой рѣчи понятны и любезны британскому читателю Шекспира: онъ выросъ на нихъ, учился по нимъ, его дѣды имъ восхищались, съ ними связана исторія родной поэзіи; но для насъ они тягостны въ подлинникѣ, невыносимы въ русскомъ вѣрномъ переводѣ. Если сказанные обороты рѣчи производятъ такое дѣйствіе на человѣка, нѣсколько освоившагося съ англійскою словесностью, то какъ должны они поражать читателя, въ первый разъ приступающаго къ Шекспиру въ русскомъ подстрочномъ переводѣ? Еслибъ читатель не боялся выражать своего откровеннаго мнѣнія по поводу величайшаго изъ драматурговъ, сколько бы любопытныхъ признаній мы услышали! Сколько особъ, способныхъ восхищаться поэзіею, оттолкнуты отъ Шекспира излишней точностью его переводчиковъ! Сколько недоумѣ-

нїа, досады и увнїя породили въ русскихъ диллетантахъ всѣ эти метафоры, антитезы и обороты рѣчи, несомнѣнные съ духомъ нашего языка, несомнѣнные съ понятїями нашими!

Но — спроситъ меня не одинъ человекъ, сочувствующій направленїю г. Лихонина въ его переводѣ «Макбета» — но каковы же образомъ слѣдуетъ переводить Шекспира по русски? Неужели Иногородный Подписчикъ желаетъ возвращенїа времени Дюси (или, какъ его привыкли называть, Дюсиса), неужели онъ хочетъ вернуться къ той порѣ, когда Шекспира ломали наизнанку и прилаживали ко вкусу щепетильныхъ петиметровъ или сухихъ академикомъ? На такой запросъ отвѣчать нелегко, тѣмъ болѣе, что онъ гораздо сложнѣе, нежели кажется. Новыхъ Дюсисовъ видѣть я не желаю, хотя съ исторически-литературной точки зрѣнїа весьма уважаю и Дюсиса и его передѣлки шекспировыхъ драмъ. Вольтеръ и Дюси, своими отрывочными переводами, заимствованїями и цѣлыми драмами французскаго Шекспира, подготовили успѣхъ шекспировыхъ творенїй во Франціи, подготовили его лучше, чѣмъ Латурнеръ, Мерсье и другїя лица, истинно понимавшія Шекспира и разумно имъ восхищавшіяся. Въ подготовленїи такого же почти рода нуждается великое большинство русскихъ читателей, и читателей весьма образованныхъ: только подготовленїе это не должно вылиться въ тѣхъ смѣшныхъ, обидныхъ для искусства формахъ, какія ему придали классицизмъ и самонадѣянность французовъ. У насъ уже есть подстрочные переводы Шекспира; теперь намъ нужны переводы поэтическіе, хотя бы отчасти и своеобразные. Поэтъ-переводчикъ, который, не гоняся за буквой Шекспира, проникнется *духомъ* великаго поэта и воссоздастъ этотъ духъ въ рядѣ выраженїй, непротиворѣчающихъ духу языка русскаго, окажетъ нашей публикѣ заслугу, передъ которой ничто заслуга труженика-комментатора. Карлейль, нападая на слишкомъ мелочныхъ переводчиковъ, выражается такъ: «душа человека видна во всемъ его живомъ тѣлѣ — не въ кусочкахъ этого тѣла». Не точности метафоръ хотимъ мы въ русскомъ переводѣ «Макбета», но точности поэтической. Не остроты, но возможности вѣрно переданныя, намъ надобны — намъ надобны рядъ мощныхъ сценъ и образовъ, намъ нужна сумрачная поляна, перросная верескомъ, на которой вѣдьмы совершаютъ «свое дѣло безъ названїа», намъ нужно видѣть передъ собой массивный замокъ гена кавдорскаго, проникнуть въ его тускло-освѣщенный, зловѣщїа залы въ тотъ часъ, когда преступная леди преклоняетъ своего мужа на воступленїе. Мы хотимъ присутствовать на пиръ, цѣневѣтъ во время видѣнїа, наступать на замокъ Макбета съ кланами истителей, мучиться виѣтѣ съ слабымъ честолюбцемъ, вѣрнн въ предсказанїе о Бриваномомъ лѣсѣ и содрогаться въ ту минуту, когда зеленый лѣсъ двигается съ своего мѣста, кроа за собой вооруженныхъ всадниковъ. Пока переводчики будутъ гнаться за буквою поэта, ничего подобнаго не увидать, не испытаетъ читатель. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Лондонѣ, дирекція одного изъ театровъ выдумала поставить на сценѣ

«Макбета» самымъ артистическимъ образомъ по части виѣшней обстановки. Декораціи писаны были съ развалинъ макбетова замка и съ окрестныхъ пейзажей, всѣ костюмы измѣнены согласно эпохѣ, сцена шира происходила не въ великолѣпной залѣ (что всегда дѣлалось и чего не должно было дѣлаться, ибо при Макбетѣ въ Шотландіи не имѣлось великолѣпныхъ залъ), а въ нагой, сѣрой, каменной галлерей. будто сложенной цѣлонами изъ обломковъ утесовъ. Ряды косматыхъ, полу-одѣтыхъ горныхъ воиновъ, съ пылающими факелами въ рукахъ, стояли вдоль стѣнъ живыми канделябрами, придавая всей картинѣ нѣчто грозное и фантастическое. Эффектъ вышелъ громадный и поразительный. Спрашивается теперь, какаѧ причина породила этотъ эффектъ? неужели искусство декоратора, неужели одна тщательность обстановки, дикаѧ пестрота костюмовъ? Были балеты, обставленные въ десять разъ великолѣпнѣе, на сценѣ лондонской оперы давались пьесы съ золотомъ, электрическимъ освѣщеніемъ, цѣлыми полками статистовъ; но публика забыла всѣ эти пьесы, не потрясалась ими такъ, какъ «Макбетомъ» при его новой обстановкѣ. Дѣло въ томъ, что дирекція проникнулась духомъ Шекспира и подладила все сценическое очарованіе драмы къ сумрачной поэзіи, ее наполнявшей. Будущій поэтъ-переводчикъ Шекспира не худо сдѣлаетъ, если во время своего труда будетъ думать обо всемъ сказанномъ. Русской публикѣ нужна не буква «Гамлета», «Коріолана» и «Отелло»: мы хотимъ шекспиrowsкой поэзіи въ стихѣ, оборотѣ рѣчи, въ поэтическомъ предисловіи, даже въ самомъ мелкомъ изъ комментаріевъ. Большинство переводчиковъ Шекспира никакъ не можетъ примириться съ той мыслью, что великаго поэта, отдаденнаго отъ насъ столѣтіями, жившаго не нашей жизнью, нельзя изучать съ усиліемъ, какъ Декарта, или Ньютона, или Эвклида. Помогите же читателю понимать безъ усилій духъ Шекспира и тогда, если нужно, гонитесь за буквою драматурга.

Отъ Шекспира и головоломныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ его переводчиками и передѣлывателями, пора перейти къ другимъ предметамъ. На этотъ разъ я имѣю въ запасѣ для моего читателя предметъ новый и очень пріятный, — именно довольно большую повѣсть: «Суженаго конемъ не объѣдешь», — повѣсть, подписанную именемъ Ольги Н^н, едва ли не въ первый разъ явившимся въ нашей литературѣ. Зная очень хорошо, каковы выходятъ журнальные отзывы о женщинахъ-писательницахъ, особенно новыхъ и еще не примелькавшихся очамъ критиковъ, я боюсь быть отчаянно-приторнымъ въ моемъ отзывѣ. Мнѣ уже чудится читатель, пожимающій плечами и вопіющій: «опять дѣло пошло о женственности, тонкости женскихъ наблюденій и прозрачности фигуръ, писанныхъ женскою кистью!» Во избѣжаніе подобнаго неудовольствія, я предположу лучше, что повѣсть «Суженаго конемъ не объѣдешь» писана мужчиной, имѣющимъ многія достоинства, равно доступныя и мужчинамъ и женщинамъ (только не всѣмъ), то есть умъ, теплоту сердца, терпимость, мягкость духа и несомнѣн-

ное умѣнье пріятно разсказывать простыя исторіи. Кому изъ моихъ читателей не приходилось, явившись въ гости на полчаса, встрѣтить въ салонѣ какого нибудь незнакомаго человѣка и незамѣтно заболтать съ нимъ до самого ужина? Или не случилось ли кому нибудь изъ нихъ получать изъ далекаго края письма, писанныя умной пріятельницей, писанныя безъ расчета и претензій, подъ вліяніемъ минуты и новыхъ впечатлѣній, — письма ласковыя, свѣтлыя, которыя перечитываешь и послѣ ихъ перваго прочтенія, — письма, которыхъ не рѣшишься истребить ни за что въ свѣтъ? Впечатлѣніе, оставленное во мнѣ повѣстью г-жи Н**, совершенно равняется впечатлѣнію послѣ двухъ вышеприведенныхъ случаевъ. Разбирать эту повѣсть въ литературномъ отношеніи мнѣ кажется такъ же страннымъ, какъ, наприимѣръ, писать рецензію на разговоръ своего новаго, умнаго пріятеля или кропать статью по поводу частнаго письма, недавно полученнаго. Говорю безъ всякихъ шутокъ: мнѣ до сихъ поръ кажется, что я прочелъ произведеніе г-жи Н** не въ печати, не въ журналѣ, а въ рукописи, въ рядѣ настоящихъ писемъ: такъ поразило меня въ немъ отсутствіе всякой авторской претензій, всякаго расчета на литературную славу. Сцены не скруглены, эффектовъ даже дозволенныхъ нѣтъ вовсе, событія дня разсказываются на десяти страницахъ, между тѣмъ какъ происшествія цѣлаго года сжаты на двухъ, — но весь этотъ безпорядокъ нравится и не можетъ не нравиться. Расположить свою повѣсть по послѣдне-похваленнымъ образцамъ можетъ всякій. Но не всякій можетъ разсказать такъ хорошо то, что разсказываетъ намъ авторъ «Суженаго». Мысль повѣсти превосходна: любовь умной женщины къ одному изъ тѣхъ блестящихъ и слабыхъ существъ, которыхъ суровые мыслители называютъ пустыми людьми, и, правду сказать, называютъ довольно справедливо. Многіе замѣчательные писатели вдохновлялись подобною мыслью, на ней построенъ не одинъ романъ Жоржа-Санда, но тема такъ обширна и многообразна, что ни одинъ изъ виртуозовъ, за нее бравшихся, не вредитъ своему сосѣду и сотруднику. Пока на свѣтъ будетъ водиться неудачная любовь и пока юныя женщины станутъ кидаться въ объятія красивыхъ, но недостойныхъ юношей (обстоятельство, оправдываемое тѣмъ, что особы, достойныя истинной страсти, рѣдко бываютъ красивы), пока угрюмые философы не перестанутъ сравнивать женщинъ съ бабочками, летящими къ огню и погибающими отъ огня, до тѣхъ поръ сказанная тема не изобьется. Каждый изъ поэтовъ и каждая изъ романистокъ станутъ подступать къ ней по своему: кто со слезами, кто со скрежетомъ зубовъ, кто съ меланхоліею, кто съ уморительными проклятіями на мужчинъ, кто съ философскими выводами, кто съ тихой и ясной, хотя нѣсколько грустной улыбкой. Съ такой именно улыбкой подступилъ къ знаменитой темѣ авторъ новой русской повѣсти. Его привлекательная героиня, полюбившая хорошенькаго юношу Нагибина, зараженнаго бѣсомъ дандизма, безхарактерности, фразерства и донъ-жуанства, не силится оправдать своей любви или возвести ее на степень какого-то

жрѣвості; она говоритъ откровенно и печально: «взгляните, какъ миль и слабъ этотъ человекъ, который усмьшалъ такими терниими путь моей жизни!» И мы совершенно согласны съ героиней: ея Юрій и миль, и слабъ, и стоитъ любить, хотя любовь можетъ принести однѣ бѣды преданной ему женщинѣ! Ученые дипломатты повѣи любить судить людей коротко и гнѣвно, не думая про *circumstances atténuantes*, облегчительныя обстоятельства. Юрій зараженъ безхарактерностью — убейте Юрія: мужчина, но кодексу критиковъ, не можетъ быть безхарактернымъ! Увы, грозныя цѣнители повѣстей! для мужчинъ и особенно женщинъ съ теплымъ и любящимъ сердцемъ вашъ кодексъ нигуда не годится. Безхарактернѣйшій изъ людей можетъ быть миль своему другу и прекрасенъ для преданной ему невѣсты. За этого безхарактернаго, зараженнаго допъ-жуанствомъ человекъ умереть любящая женщина, и суровый другъ, тысячу разъ разрушавшій свою съ нимъ дружбу, пойдетъ въ огонь и воду! Для совершенія всѣхъ этихъ чудесъ, безхарактерному, но привлекательному человекъ слѣдуетъ только поплакать, отпустить десютокъ фразъ и самому имъ повѣрить на время, явиться съ блѣдностью на своемъ красивомъ личикѣ, потушить свѣозъ слезы, общать исправиться. Если цѣнитель такъ снисходителенъ къ кавалеру Дегриѣ, набѣгавшему Старый и Новый Свѣтъ слѣдомъ за своей вѣтреной Машей, то отчего онъ не хочетъ допустить существованія кавалеровъ Дегриѣ женскаго пола и дѣвницъ Десно во фразахъ и палевыхъ перчаткахъ? Безхарактерный и слабый мужчина можетъ имѣть величайшую прелесть для прекраснѣйшей женщины: за что же нибудь троянская Елена любила Париса, навлекшаго столько бѣдъ на свою родину и посреди сраженій являшагося чуть не трусомъ? Кто имьшалъ ея сердцу выбрать «достойнѣйшаго» въ тотъ часъ, когда она обозрѣвала греческій станъ со стѣнъ Пліона, ясно различая, посреди мѣдиолатныхъ ахейцевъ, и Ахиллеса, храбрѣйшаго изъ красавцевъ, и мудраго Одиссея, подобнаго богамъ бессмертнымъ, и неукротимаго Аякса Теламонада, съ его семикожнымъ щитомъ, и Диомеда, сына тидеева, непобоявагося въ пылу битвы залетѣть съ копьемъ на самого Ареса, бога войны и кровопролитія?

Въ повѣсти г-жи Н*** кромѣ удачной темы и оригинальнаго воплощенія, кромѣ двухъ главныхъ характеровъ, имѣются и другія достоинства. Въ ней нѣтъ дѣйствующихъ лицъ, особенно прекрасныхъ и особенно порочныхъ: что-то примиряющее и снисходительное слышится во всякомъ очеркѣ, во всякомъ отзывѣ о другихъ людяхъ; даже особы, особенно антипатичныя героинѣ (разказъ идетъ отъ ея лица), обрисованы безъ рѣзкости, такъ обычной большинству записныхъ рассказчиковъ. Этотъ кроткій, интимный, джентльменскій тонъ разсказа еще болѣе возвышаетъ героиню въ глазахъ читателя. Настасья Александровна очень умна, и гувернантка Анна Петровна, о которой мы говорили въ прошлой книгѣ, весьма неглупа, — но какая разница между умомъ той и другой! Тамъ, гдѣ одна судитъ и ридитъ, осуждаетъ ближняго, расточаетъ высокопарныя приговоры и совер-

идеть свой путь толкая и оскорбляя своих соседей, — другая живет и поучает и заставляет любить себя. Слабостям Анны Петровны не может быть пощадны, ибо она сама не падает чужими слабостями, — ошибки Настасьи Александровны, высказанные ею самою, оправданные ею, перестают быть ошибками. Она сама, героиня г-жи Н**, так мягка сердцемъ и такъ снисходительная къ ближнимъ, ея характеръ такъ созрѣлъ и возмужчалъ въ трудной школѣ, которая называется неудавшеюся любовью! Не для смягченія ли нашей души, не для нравственного ли блага предусмотрительная судьба такъ часто связываетъ любовью слабого съ сильнымъ, достойного съ недостойнымъ? не для пользы ли нашей, можетъ быть, она привязываетъ гордаго мужчину къ пустой вѣтренницѣ или высоко-развитую женщину къ мальчику—развѣру? Развѣ при подобныхъ союзахъ и бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ нами, не крикнетъ умъ, слишкомъ способный засыпать посреди очастившей страсти, не смягчается сердце, вынужденное дѣйствовать, и страдать, и мириться съ жизнью? Вліаніе несчастной любви отражается во всякомъ словѣ, во всякомъ поступкѣ нашей Настасьи Александровны: слова эти утѣшительны, хотя и улыбки по временамъ, поступки много страдавшей женщины отяжелоты нѣжностью и благородствомъ. Оттого весь характеръ выходитъ рѣзень, и правдивъ, и привлекателенъ. Еслибъ Настя г-жи Н**, при самомъ вступленіи въ свѣтъ, отыскала себѣ супруга, наполненного всѣми возможными добродѣтелями и совершенствами, она могла бы, отдыхая на розахъ, утратить великую часть своего ума, сердце же такъ и оставить неразвитымъ, — однимъ словомъ, превратиться въ женщину счастливую и ничтожную. Съ своей настоящей страстью, съ своей печальной борьбой и ошибками Настасья Александровна можетъ быть истинно несчастна по временамъ, но ничтожной особой она не сдѣлается ни на минуту.

Вотъ все, что могу я сказать о новой писательницѣ и о новой повѣсти. Цѣлыя репутаціи женщинъ-писательницъ во Франціи и Германіи создавались на основаніи произведеній гораздо менѣе стоящихъ вниманія, нежели повѣсть «Суженаго конемъ не объѣденъ», и это обстоятельство отчасти повергаетъ меня въ отчаяніе. Конкуренція иностранныхъ рассказчиковъ и романистовъ тѣмъ обиднѣе, невыносимѣе для всякаго человѣка, когда либо занимавшагося своей литературой, что извѣстность этихъ романистовъ и рассказчиковъ часто бываетъ извѣстностью неважною. Многие изъ нашихъ журналовъ дѣлаютъ обзоры иностранныхъ періодическихъ изданій; но, по моему мнѣнію, до сихъ поръ они оставляютъ въ тѣни одинъ пунктъ несомнѣнной важности, именно: глубокой упадокъ изящной словесности во Франціи и Германіи. До сихъ поръ еще наша публика находится на вѣтѣ счетъ во мракѣ. Не одинъ читатель закроетъ мою статью съ ужасомъ, если я скажу ему, что въ парижскихъ литературныхъ журналахъ, даже въ величавомъ «*Revue des Deux Mondes*», печатаются повѣсти и рассказы, недостойные быть напечатанными въ слабѣйшемъ русскомъ

журналъ за лѣтніе мѣсяцы, — что нѣмецкіе литературные листки, издающіеся въ такомъ изобиліи, щеголяютъ изящными произведеніями, за которыя въ Петербургѣ хорошій профессоръ литературы выставилъ бы своему семнадцати-лѣтнему ученику самое умѣренное число ба-ловъ. Все это знаютъ многіе диллетанты — и молчатъ, по терпимости русскаго человѣка. Лицамъ, желающимъ имѣть подъ рукой фактъ для вѣщаго убѣжденія въ истинѣ словъ нашихъ, мы рекомендуемъ прочесть еще недавно переведенные у насъ рассказы Генри Мюргера (человѣка, о которомъ кричатъ, какъ о гениі) и другихъ его сверсниковъ. Въ январьской книжкѣ одного нашего періодическаго сборника тѣ же лица могутъ отыскать повѣсть «Сонъ въ Спессартскомъ Лѣсу», вятую изъ одного пер-венствующаго въ Германіи листка, подъ названіемъ «Novellen-Zeitung». Повѣсть написана авторомъ съ любовью, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ псевдо-поэтическими отступленіями и, по всей вѣроятности, трогала своихъ голубокихъ читателей до слезъ; но, при всемъ томъ, написать ее у насъ могъ бы развѣ одинъ авторъ «Жезла Правоты» и «Юродиваго мальчика, взыгравшаго въ садахъ Трегуляи». Сотрудникъ «Нѣмецкой Литературной Газеты» рассказываетъ намъ, съ ужасающею добросовѣстностью, о несчастіяхъ нѣкоего герра Конрада, жившаго дѣтъ за семьсотъ до нашего времени и влюбившагося въ лѣсную нимфу, отвѣтившую на его страсть полною взаимностью. Любов-ники, какъ и слѣдуетъ во всякой фантастической и трогательной по-вѣсти, погибаютъ неизвѣстно за что и по какимъ причинамъ, — кажет-ся, вслѣдствіе непріязни королевы эльфъ, вознегодовавшей по случаю легкаго поведенія своей нимфы. Въ упоминаемой нами повѣсти есть все, что когда либо изобрѣтала досужалъ германская фантазія: и лѣс-ной балъ нимфъ, и пожаръ, и разрушеніе вѣмка, и привязан-ность, продолжающаяся чуть ли не столѣтіе. Въ довершеніе всего Конрадъ оказывается импровизаторомъ, а въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни говоритъ стихами, плохими до невѣроятности. Подобныя про-изведенія могутъ только являться съ успѣхомъ въ Германіи, въ той странѣ, гдѣ возможны всѣ извращенія читательскаго вкуса, гдѣ Ж. П. Рихтеръ сказалъ во всеуслышаніе: «въ юности моей я любилъ чи-тать книги, ничего въ нихъ не понимая. Темнота произведенія имѣла для меня невообразимую прелесть». Читать подобныя произведенія иногда очень полезно, хотя бы для того, чтобъ убѣдиться въ есте-ственности и правотѣ того направленія, которое проникаетъ собою на-шу отечественную литературу. Каковы бы ни были наши дѣтели по таланту, какимъ нападкамъ ни подвергались бы ихъ произведенія со стороны критики, ихъ литературное направленіе заключаетъ въ себѣ въ-что здоровое, практическое и твердое. Слабѣйшій изъ нашихъ со-временныхъ беллетристовъ не увлечется фантастическимъ родомъ по-эзіи, не потеряетъ своего масла, своихъ чернилъ и своего труда, изоб-ражая эльфъ, и сиренъ, и герровъ Конрадовъ, жившихъ на свѣтѣ во времена Карла Великаго. Самый несчастный изъ нашихъ героевъ, употребляя плохую прозу для выраженія своихъ мыслей, не заговоритъ

посреди романа стихами, хотя бы стихами сносными. На свѣтъ нѣтъ альфъ и сиренъ, на свѣтъ люди не говорятъ стихами. Этихъ двухъ истинъ, не существующихъ для нѣмецкаго литератора, достаточно для того, чтобъ обуздать фантазію злѣйшаго изъ нашихъ супер-натуралистовъ. Наконецъ, всякій почти изъ нашихъ товарищей и литературныхъ сверстниковъ, путемъ разсудка, дошелъ до одного полезнаго вывода: по его разумѣнію, жизнь самая простая и, по видимому, самая прозаическая, дѣйствительность самая немногосложная по временамъ бываютъ любопытнѣе цѣлаго волшебнаго царства. Подобный взглядъ на чудеса жизни и дѣйствительности возвышаетъ душу, порождаетъ много прекрасныхъ начинаній, дѣлаетъ изъ словесности нѣчто прочное и устойчивое, вполне достойное сочувствія публики. Литература, основанная на подобныхъ началахъ, никогда не представлятъ изъ себя званія, выстроеннаго на пескѣ, никогда не сдѣлается праздною забавой или пустымъ развлеченіемъ.

О «Спесартскомъ Лѣсѣ», нѣмецкой ничтожной повѣсти, заговорилъ я болѣе для того, чтобъ отъ нея, по аналогіи предметовъ, перейти къ прекраснѣйшей статьѣ г. Черепанова о ловлѣ звѣрей въ лѣсахъ отдаленной Сибири. Чтобы понять, до какой степени простая русская дѣйствительность волшебнѣе и увлекательнѣе фантастической германщины, нужно читателю сдѣлать то, что я сдѣлалъ: прочесть разсказъ г. Черепанова тотчасъ послѣ нѣмецкой повѣсти, отъ времени Карла Великаго перейти къ нашимъ годамъ, изъ лѣсовъ Германіи перешагнуть въ лѣсистый міръ, лежащій между Уральскимъ хребтомъ и Восточнымъ океаномъ, покинуть лѣсныхъ нимфъ съ импровизаторами и примѣнять ихъ компанію на компанію звѣролововъ. Эффектъ произойдетъ поразительный, въ этомъ я смѣю ручаться. Дѣйствительность покажется вамъ фантазіей, а фантастическія приключенія герра Коврада чѣмъ-то невыносимо пошлымъ. Не задумывался и не робѣя выказывая свое мнѣніе о г. Черепановѣ, его разсказахъ и его талантѣ. Истинно говорю вамъ, о мои почтеннѣйшіе читатели, въ этомъ писателѣ, только что выступившемъ на арену нашей словесности, имѣется та самая жилка, за которую Куперъ, Сисфильдъ и Вашингтонъ Ирвингъ получили свою всесвѣтную репутацію. Духъ этихъ трехъ неподобныхъ постовъ, обезсмертившихъ своими сочиненіями лѣса и степи Сѣверной Америки, живетъ въ г. Черепановѣ. Можетъ быть, я увлекаюсь подъ вліяніемъ минуты и испытаннаго удовольствія, но, какъ бы то ни было, удовольствіе не можетъ притти само собою: самый странный порывъ безпричиннаго, по видимому, пристрастія долженъ же обусловливаться чѣмъ нибудь замѣчательнымъ. Я въ восторгѣ отъ воспоминаній г. Черепанова; я вижу запасъ чистой поэзіи въ каждомъ отдѣлѣ этихъ воспоминаній.

Представьте себѣ лѣсистый и горный край, тысячами верстъ отдаленный отъ Европы, обширностью своей превосходящій, и далеко превосходящій, самымъ обширнѣйшимъ изъ европейскихъ королевствъ и имперій. Этотъ край г. Черепановъ называетъ звѣринцемъ Россіи. Угрюмая прелесть этого необъятнаго края, поросшаго непроходимыми лѣ-

сами и пересѣченнаго рѣками, въ числѣ которыхъ прежде всего должно назвать Лему — Миссисипи сибирскаго края, можетъ поспорить съ прелестью странъ, по которымъ бродили стрѣлокъ Пат-Файндеръ и Натанъ, первый американецъ Техаса. Вѣтви Саянскаго хребта, пробѣгая въ разныхъ мѣстахъ края, довершаютъ его живописность, образуя ущелья, свѣтлые оазисы, пещеры и скалы, съ которыхъ бѣгутъ горные ручьи и весьма часто водопады, до сихъ поръ остающіеся неизванными, нерисованными и необозначенными на картахъ. Селеній и притоновъ для кочующихъ племенъ тутъ находится немного; главные жители страны — это звѣри всякаго рода, начиная отъ дикой лошади и кончая бѣлкою; съ ними-то ведетъ постоянную войну компанія полу-осѣдыхъ, полу-кочующихъ звѣропромышленниковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ когда-то и самъ г. Черепановъ. Охотился онъ по нуждѣ, или изъ любви къ искусству, мы сказать не въ состояніи, хотя воспоминанія нашего автора, проникнутыя безпредѣльной любовью къ краю и быту звѣропромышленниковъ, изобличаютъ въ немъ человѣка, умѣющаго смотрѣть на свое дѣло съ артистической точки зрѣнія. Какъ любить онъ простыхъ, безстрашныхъ товарищей своей кочевой жизни, какъ рисуетъ онъ намъ ихъ удачи и несчастные походы, ихъ повѣрья и ихъ молодечество, ихъ встрѣчи съ дикими звѣрями, — встрѣчи, исполненныя драматизма, ихъ ночлеги подъ темнымъ небомъ или веселые ужины въ зимовьяхъ, то есть избушкахъ, тамъ и сямъ раскинутыхъ по лѣсамъ для пріюта звѣролову! Вотъ бытъ и вотъ сцены для явго разочарованнаго европейца, предавшагося силъ и малодушію! Гдѣ, если не въ этихъ лѣсахъ и пещерахъ, посреди труда и опасностей, въ маломъ кружкѣ вѣрныхъ и неутомимыхъ товарищей, человѣкъ можетъ ознакомиться съ величіемъ природы, узнать цѣну другому человѣку, постигнуть все значеніе вѣрнаго глаза, твердой руки и безстрашнаго сердца? Какъ здорово и свѣжо должна идти жизнь человѣческая въ этихъ странствованіяхъ съ винтовкой за плечами! съ какимъ неслыханнымъ аппетитомъ совершаются эти трапезы у горящаго костра! чтѣ за рассказы идутъ на зимовьѣ въ утлой избушкѣ, передъ ужиномъ! какой богатырскій сонъ сходить по ночамъ на кружокъ подобранныхъ къ огоньку звѣролововъ! какой возбуждающій холодъ усиливаетъ ихъ дремоту въ тотъ часъ, когда тѣни ночи пошатываются и первыя полосы утренней зари загораются на востокѣ! Обо всемъ этомъ даже подумать пріятно, а читать воспоминанія человѣка, испытавшаго все нами сказанное и умѣющаго ясно передавать свои ощущенія, еще пріятнѣе и еще цѣлительнѣе для сердца!

Всякій изъ читателей, конечно, не одинъ разъ слышалъ рассказы о знаменитыхъ путешественникахъ, перенесшихъ во время своихъ странствованій великія бѣдствія и, несмотря на то, полюбившихъ кочевую жизнь до изступленія. Великій Мунго Паркъ, равъ пять чуть не умершій въ степи отъ голода и нѣсколько мѣсяцевъ терпѣвшій всякія мученія въ плѣну у африканскихъ мавровъ, чуть не утопился отъ скуки на роднѣ и при первой оказіи уѣхалъ опять въ Африку, гдѣ

и погибъ окончательно. Брюсъ, покончившій свои поѣздки, достойныя путешествій Синдабада изъ «Тысячи Одной Ночи», сталъ жить въ Европѣ какимъ-то труномъ, утѣшая себя одними разказами о своихъ дѣянiяхъ. «Вы спрашиваете меня, зачѣмъ я рвуся изъ своей родины — говорить третiй путешественникъ — зачѣмъ я бросаю жену, дѣтей, все удобства цивилизацiи? Дѣло въ томъ, что я хочу спать подъ деревомъ!» Иарѣчене истинно великое, не смотря на свою странность. Брюсъ и Мунго-Шаркъ, пускаясь въ свои отчаянныя экспедицiи, могли имѣть въ виду славу, любопытство и т. д.; но господишь, покидавшiй европейскую жизнь для того, чтобы спать подъ деревомъ, изображаетъ собой нечто болѣе великое: онъ любитъ искусство для искусства — *l'art pour l'art* — природу для природы. Кажется мнѣ, что и г. Черепановъ принадлежитъ къ туристамъ того же разряда; но крайней мѣрѣ въ его «Воспоминанiяхъ» столько живописности и свѣжести! Они замѣчательны въ литературномъ отношенiи, какъ вѣрная картина края, съ его природой, промышленниками и мохнатыми жителями. Вспоминая о своихъ звѣроловныхъ подвигахъ, о ночлегахъ и переходахъ, г. Черепановъ дѣлается счастливъ и передаетъ часть своего восторга читателю. Истинно умный, истинно артистическiй трудъ эти «Воспоминанiя»!

Не такъ замѣчательны по выполненiю, но все-таки интересны въ своемъ родѣ Путевыя Воспоминанiя г. Ротчева о Калифорнiи, окрестностяхъ Санъ-Франциско, переѣздахъ по морю на американскихъ пакетботахъ и о многомъ иномъ, что будетъ разказано читателю въ слѣдующихъ статьяхъ за слѣдующiе мѣсяцы. Одна статья г. Ротчева напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», другая — въ периодическомъ сборникѣ; изъ послѣдней можно ознакомиться съ одной изъ причинъ, придающихъ особенную увлекательность разказамъ автора. Г. Ротчевъ, состоя въ Россiйско-Американской Компанiи, проживалъ на берегахъ рѣки Сакраменто въ то время, когда ни одному человѣку не приходила въ голову мысль о сокровищахъ, скрывающихся въ недрахъ ея береговъ. Въ то время — говоритъ онъ — Калифорнiя представляла собой великолѣпную пустыню, слабое населенiе которой занималось скотоводствомъ, деньги же добывало себѣ, за безцѣнокъ продавая бычачьи шкуры на мелкiя суда, изрѣдка посѣщавши ихъ суровое пристанище. Въ такомъ видѣ оставилъ г. Ротчевъ Калифорнiю (кажется, около 1840 года); посѣтивъ ее во второй разъ, по прошествiи немногихъ лѣтъ, онъ засталъ превращенiя, о которыхъ каждый изъ насъ съ изумленiемъ читалъ въ свое время. На мѣстѣ хижинъ высился огромный городъ, пустынные когда-то берега заставились тысячами кораблей; жизнь странная, неестественная, но все-таки грандиозная кипѣла повсюду. Можно себѣ представить, какъ должно было подѣйствовать это чудо нашего столѣтiя на жителя, уже подготовленнаго къ дѣльной наблюдательности и знаиенiю края, и слухами, и воспоминанiемъ о томъ, чѣмъ была Калифорнiя въ старое время. Разказы г. Ротчева вышли живы и занимательны, хотя въ нихъ имѣется что-то послѣшное, неровное и даже лихорадочное, какъ жизнь Калифорнiи.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ничто не ново подъ луною. — Парижскія увеселенія. — Новая драма Дюма. — Обѣдъ во внутренности игнанолона. — Чувствительное объясненіе съ читателемъ. — Переселеніе изъ Европы въ Америку. — О климатъ Сѣверной Америки и вліяніе его на фізіологическія и психологическія особенности Янки. — Литературныя бедуны, въ Сѣверной Америкѣ. — Гонорарія англійскихъ и сѣверо-американскихъ писателей. — Вѣрность, до чего можетъ дойти современнѣйшій перепечатка. — Литературныя бедуны другого рода. — Германскіе «букеты шпѣтовъ» и англійскіе «книпески». — Легкое средство писать умныя и ученныя книги. — Новый романъ Отто Мюллера: «Шарлотта Аккерманъ». — Романическія біографіи и біографическія романы. — Новый англійскій романъ: «Вальтеръ Эвелина». — Кое-какія мелкія новости.

Ничто не ново подъ луною; истина не новая, благосклонный читатель, трижды благосклонный, потому что мы никогда не нуждались столько въ вашей благосклонности, какъ теперь: уловка тоже далеко не новая.

Ничто не ново подъ луною; даже и та великая, животренущая новость, что сеньоръ... о или сеньоръ и и сеньора.... и, пробудили уснувшія музыкальныя чувства Парижа, въ удивительно новыхъ операхъ, «Севильскомъ Цырульникѣ» и «Донъ-Жуанѣ»; что тамъ-то и тамъ-то были балы, на которыхъ горѣли люстры, разливали благовоиіе пирамиды цвѣтовъ, раздавался упонительный оркестръ, толпились самыя избранныя гости, въ самыхъ роскошныхъ туалетахъ, и т. д. и т. д.... Не ново также и то, что на сценѣ одного изъ парижскихъ театровъ: Водевилья, Разныхъ Разностей, Французской Комедіи, Комической Драмы, или Драматической Комедіи (не все ли это равно для васъ, благосклоннѣйшій читатель?), появилась драма или трагедія, или комедія (это у французовъ рѣшительно все равно)... драма или трагедія, или комедія, Дюма-фиса или Дюма-пера (опять же нѣтъ никакой разницы), въ тридцати-двухъ актахъ, изъ которыхъ одинъ какъ двѣ капли воды похожъ на другой, гдѣ герой или героиня (различіе весьма незначительное — только фізіологическое), прелестное существо, съ удивительнымъ сердцемъ и нѣсколько запачканною репутаціею, влюбляется въ герцога или герцогиню, прыгаетъ съ пятнадцатаго этажа внизъ головою и становится на ноги, какъ кошка, умираетъ шестнадцать разъ, а воскресаетъ тридцать-два, оказываетъ чудеса храбрости, мужества, благородства и поетъ про розы и лиліи, сыплетъ остроты, отъ которыхъ помираютъ со смѣху актеры, и, пробѣсившись часовъ десять средю, наконецъ женится и, нацѣвая,

уводить свою будущую супругу за кулисы, къ великой радости актеровъ, съ которыхъ потъ льется градомъ, отъ такой работы, и къ великой досадѣ зрителя, который радъ бы досидѣть до полудня, потому что ему рѣшительно нечего дѣлать дома; да, собственно говоря, у него и дома-то нѣтъ, а есть только квартира, куда онъ приходитъ спать, да и то не всегда. Не ново также и то, что это трагико-комическая драма выкроена изъ стараго историко-фантастическаго романа, помѣщавшагося ежедневно, въ продолженіе девяти лѣтъ, въ фельетонѣ известной газеты; такъ что иному читателю, пропустившему нѣсколько листовъ (а съ кѣмъ же этого могло не случиться въ продолженіе девяти лѣтъ?), доставалось начинать съ слѣдующей фразы:

— Итакъ, герцогъ?

— Нѣтъ, баронъ!

— Отчего же нѣтъ, герцогъ?

— Какъ вы себѣ хотите, а нѣтъ, да и только.

— Но, влянусь честью! это....

И толстый баронъ горько улыбнулся.

Герцогъ посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, поправилъ манжету, засвисталъ свою любимую пѣсню: «Мальборугъ въ походъ поѣхалъ», и тихими, медленными шагами вышелъ изъ комнаты.

Грустно отдавался каждый изъ этихъ шаговъ въ добромъ сердцѣ барона, — грустно, какъ мѣрные удары погребальнаго колокола, какъ стукъ молотка, забивающаго послѣдній гвоздь въ крышку гроба.

«Вотъ свѣтъ! вотъ люди!» — подумалъ баронъ и покачавъ головою....

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Не ново также и то, что фельетонисты, за неимѣніемъ новостей, рассказываютъ, какъ въ одномъ изъ добрыхъ городовъ Франціи трехлѣтняя дѣвочка собственными руками убила трехъ работниковъ, зажгла домъ и, выбѣжавъ на улицу, закричала: «пожаръ!» или что Monsieur M. N... влѣзъ въ карету и засталъ тамъ Madame M. N., ожидавшую появленія, кого вамъ угодно, и т. д. и т. д....

Не ново также и то, что мистеръ Томъ Пиглстоби, по случаю окончанія въ Кристалномъ Дворцѣ новой чучелы допотопнаго животнаго *мнанодона*, передъ которыми современный словъ не болѣе, какъ щенокъ, влѣзъ въ глазъ этого чудовища и произнесъ оттуда спичъ къ обществу изъ тридцати ученѣйшихъ геологовъ и палеонтологовъ, обѣдающихъ весьма комфортабельно во внутренности игнанодона. Въ спичѣ своемъ мистеръ Пиглстоби имѣлъ смѣлость выразить сначала, что вся образованная Европа видитъ ихъ въ эту минуту, хотя этого никакъ нельзя было сказать обо всѣхъ участникахъ обѣда, потому что знаменитый палеонтологъ мистеръ Вильямъ Сьюти и знаменитый геологъ мистеръ Гарри Бьюти такъ углубились въ игнанодона, что ихъ не могла видѣть не только вся образованная Европа, но даже и джентльмены, равносильшіе кушанье, насылу до нихъ до-

бирались ; а отъ мистера Эдуарда Троппи-Троппи, помѣстившагося въ ухѣ гостепріимнаго игнанодона, видны были для всего остального человечества только двѣ полныя руки, усердно работавшія ножами и вилками, и кончикъ носа.

Даже высокопочтенный Томъ Пиглстеби выразилъ сомнѣніе: было ли когда нибудь въ свѣтѣ зрѣлище, подобное тому, въ которомъ онъ имѣеть высокую честь принимать участіе, и прибавилъ съ твердою увѣренностью, что подобное зрѣлище могло только устроиться въ Англии — государствѣ, которому (прибавляетъ онъ уже безъ всякаго сомнѣнія) нѣтъ и не было подобнаго въ исторіи, даже и въ тѣ счастливыя и давно протекшія времена, когда прекрасныя игнаноконы (какъ двѣ капли воды похожіе на того, во внутренности котораго, благодаря удивительнымъ познаніямъ мистера Говкинса, мы имѣемъ честь обѣдать), расхаживали по улицамъ, какъ расхаживаютъ нынче шарлотки и моськи.

Громкія рукоплесканія выразили живое сочувствіе къ патриотическому одушевленію, озарившему лицо благороднаго и ученаго оратора, взглядывавшаго на собраніе изъ глаза игнанодона.

Но когда этотъ краснорѣчивый мужъ, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, обрисовавъ всѣ ученые заслуги мистера Говкинса, построившаго игнанодона и устроившаго во внутренности обѣды, отличавшейся обиліемъ самыхъ изысканныхъ яствъ и отличѣйшихъ винъ, выразилъ то чувство счастья, которое испытывалъ онъ самъ (ораторъ), подавая посильные совѣты мистеру Говкинсу, — джентльмену, соединяющему въ себѣ рѣдко соединяемыя достоинства анатома, естествоиспытателя и великаго практическаго художника (при чемъ мистеру Говкинсу оставалось только хлопать глазами), то раздались такіе одобрительные крики, поддержанные топаньемъ ногами и стульями, что джентльмены, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, откупоривавшіе бутылки подъ брюхомъ игнанодона, сочли нужнымъ для спасенія своей жизни выскочить оттуда, а ученый палеонтологъ, скрывавшійся въ ухѣ допотопнаго чудовища, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ посмотрѣлъ на мистера Говкинса и съ удовольствіемъ вспомнилъ, что застраховалъ свою жизнь въ двѣнадцати страховыхъ обществахъ.

Не ново также и то (и, ахъ, какъ не ново!), что мы, не зная съ чего начать наши новости, начинаемъ съ того, что нѣтъ ничего новаго подъ луною....

Но что же дѣлать, высокоблагосклоннѣйшій читатель, когда на насъ нашелъ такой стихъ (какъ выражался одинъ господинъ въ фризовой шинели и съ подвязанною щекою, потерпѣвшій за истину), что намъ все новое кажется старымъ, все, что еще за минуту казалось занимательнымъ и полнымъ мысли — пустою болтовнею, переменною декораций, пересыпкою камешковъ въ калейдоскопѣ и старою погудкою на старый ладъ. А какъ нашелъ на насъ этотъ стихъ, растолковать мы вамъ не умѣемъ, а объяснимъ прихвромъ.

Случалось ли вамъ ѣхать (да непременно случалось) въ зимнюю, морозную ночь, когда полная луна льетъ серебристый свѣтъ на снѣжную пелену, покрывающую холмы и доли, и снѣгомъ опушенную дубраву, на деревушку, чернѣвшую вдаль, и на тройку вашихъ коней, рѣзко отражающуюся на снѣгу, и на вашего дремлющаго возницу, и на васъ самихъ, возвращающихся домой послѣ веселаго, теплаго ужина у сосѣда-помѣщика. Вы устали, но вамъ не хочется спать; ваша голова работаетъ, но вы ни о чемъ не думаете, въ вашемъ сердце чувства, и не то, что чувства, а какіе-то привраки чувствъ, какъ волны, то подымаясь, то улегаясь, то выростая въ громады, то разбиваясь въ пѣну, смѣняють другъ друга; но вы не управляете вашими чувствами: вы всѣ отдались впечатлѣнію, и оно играетъ вами. Взоръ вашъ забирается въ лѣсную глушь, гдѣ въ таинственномъ смѣшеніи перепутываются бѣлые пласты снѣга и черные стволы деревьевъ, или скользятъ въ безконечную даль, къ самому горизонту, или упирается въ яркую, вздрагивающую звездочку, и ищетъ въ ней чего-то знакомаго. Звонъ бубенчиковъ, скрипъ полозьевъ, тихій топотъ копытъ, храпъ озябшей лошади, полусонное присвистываніе кучера, шумъ отдаленнаго лѣса и далекій лай неугомонной Жучки, невзлюбившей почему-то мѣсяца, — все перемѣшивается въ одинъ гулъ, въ одинъ звукъ, въ одинъ говоръ. Еще мгновение, и этотъ гулъ превратится для васъ въ гулъ большого города: вы слышите звонъ колоколовъ, стукъ экипажей, говоръ толпы. Да взгляните-ка вонъ туда, за окраину лѣса, распахнушагося на горизонтъ чернымъ крыломъ, взгляните попристальнѣе: это онъ и есть тотъ большой городъ, звуки котораго до васъ долетаютъ; вонъ и колокольни высунулись бѣлыми привидѣніями изъ темной массы домовъ, вонъ и рядъ чудныхъ дворцовъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, колоннадами. Эге! да вонъ и пестрый шагбаумъ; ужъ не видите ли вы и часового?... Какже это вы до сихъ поръ думали, что въ той сторонѣ нѣтъ ничего, кромѣ болота, куда вы осенью ходили за утками?

Но луна окунулась въ темное облако — и все измѣнилось! Окрестность померкла, опять скрипятъ полозья, подсвистываетъ кучеръ, звенять, и вовсе не гармонически звенять, бубенчики, храпятъ глупый конь и тявкаетъ неугомонная собачонка.... Вы устали, вамъ холодно, скучно и хочется поскорѣе домой, въ вашу спальню, освѣщенную трепетнымъ свѣтомъ лампы, горячей у образа, въ вашу теплую постель.

Счастливецъ! еще пять минутъ, и вы дома, еще десять — и нашъ фельетонъ выпадетъ у васъ изъ рукъ.... а мы, мы должны еще облетать мало что не весь земной шаръ, побывать во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и рассказывать, что тамъ дѣется.

Съ чего же мы начнемъ? съ чего вамъ угодно, только не съ Европы: надоѣло смертельно! Недаромъ бѣгутъ изъ нея цѣлые десятки тысячъ народа, искать новаго отечества; последуемъ же за этими шумными толпами.

«Вотъ уже нѣсколько лѣтъ совершается въ Европѣ движеніе, которому ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ исторіи. Цѣлыя народонаселенія оставляютъ мѣста своего рожденія, свои родныя хижины, продаютъ поля, завѣщанныя имъ ихъ отцами, и переселяются за нѣсколько тысячъ верстъ, подъ чуждое небо, на дѣвственную почву, которая черезъ нѣсколько времени сдѣлается для нихъ настоящею отчизною.

• И не должно думать, чтобы романтическая страсть къ приключеніямъ увлекала по ту сторону Атлантическаго океана этихъ людей съ холоднымъ разсудкомъ, неспособныхъ къ энтузіазму, принадлежащихъ къ саксонской расѣ. Они не стремятся перенести въ дикія страны цивилизацію и обработку полей, они не спасаютъ своихъ вѣрованій, которыми никто не угрожаетъ, не жаждутъ отдаленныхъ завоеваній и добычи.

• Лѣтъ тридцать тому назадъ, нѣсколько германцевъ, соблазненные разсказами о быстрыхъ обогащеніяхъ, которые тогда совершались въ Америкѣ, пустились туда со страхомъ и надеждою. Это были трудолюбивые земледѣльцы, искавшіе золота въ плодородіи земли, а не въ золотыхъ россыпяхъ, которыхъ тогда и не было въ Соединенныхъ Штатахъ. Но дешевизна и дѣвственное плодородіе почвы позволили имъ составить себѣ владѣнія, превосходившія по величинѣ богатѣйшія помѣстья Европы, и успѣхъ увѣнчалъ ихъ предпріятіе. Скоро они почувствовали потребность окружить себя родными, знакомыми лицами, товарищами труда и богатаго прибытка и вызвали къ себѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Они не подозрѣвали, въ какіе громадныя размѣры должно было разростись движеніе, которому они положили начало.»

Замѣтимъ отъ себя, между прочимъ, что пространство казенныхъ земель въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1848 году равнялось 1,584,000,000 американскихъ акровъ; кромѣ того, около 106,000,000 акровъ уже было продано и весьма значительное количество ихъ уступлено подъ школы, дороги и другія общепользныя учрежденія. Цѣна, за которую была продана земля, среднимъ числомъ равнялась за акръ 1 доллару 25 центовъ. Эта цѣна осталась и теперь. (*)

• Съ тѣхъ поръ переселеніе каждый годъ увеличивалось въ страшной пропорціи. Въ 1852 году полмилліона европейцевъ оставили старый континентъ и отправились расчищать и разрабатывать дѣвственные лѣса Америки: мужчины въ полномъ цвѣтѣ силъ, женщины, дѣти, старики — не безъ печали, но съ надеждою на лучшую будущность, покидали землю, гдѣ одни только что родились, а другіе состарѣлись, продали земли, хижины, мебель, оставляя платье и нѣсколько земледѣльческихъ орудій. Небольшой суммы денегъ ставеть имъ на пере-

(*) Американскій акръ равняется почти французскому *arpent*, или 0,37 нашей десятины; следовательно, казенной земли всей 586,080,000 десятинъ. Долларъ = 1,35 коп. сер., центъ — сотая часть доллара.

См. *Les Etats-Unis d'Amérique*, par. S. S. Goodrich. Paris. 1853.

ѣздъ и на покупку такого количества земли, которое бы сдѣлало всякаго богачемъ на старомъ континентѣ.

• Въ первое время эмиграціи, переселенцы сами выбирали себѣ портъ, гдѣ отыскивали иногда съ трудомъ и съ потерю времени судно, которое должно было перевезти ихъ въ Америку, условливались въ цѣнѣ иногда слишкомъ высокой, а особенно если принять въ расчетъ всѣ условія тогдашняго перевоза, и часто расточали въ бесполезныхъ издержкахъ всю сумму, назначенную для покупки земель. Но такой порядокъ вещей не могъ ускользнуть отъ глазъ смѣтливыхъ негоціантовъ приморскихъ городовъ и въ особенности Гавра, который, по своему географическому положенію и по обширности своей торговли, завладѣлъ почти всѣми сношеніями Франціи съ Сѣверной Америкой.

• Многіе торговые порты Европы оспариваютъ монополію перевоза эмигрантовъ: Бременъ, Анверъ, Ливерпуль, Гавръ дѣлаютъ все, что только возможно, чтобы привлечь къ себѣ толпы переселенцевъ. Бременъ выстроилъ громадную гостинницу, назначенную для пріюта эмигрантовъ, отъ минуты ихъ прибытія до минуты отъѣзда; здѣсь, за самую умѣренную цѣну, они получаютъ пищу и квартиру; но, тѣмъ не менѣе, преимущество остается за Гавромъ. Переселенцевъ влечетъ туда желаніе взглянуть по дорогѣ на Парижъ; въ Гаврѣ также могутъ быть разсчитаны впередъ всѣ издержки, и количество ихъ не превышаетъ бременскихъ; кромѣ того, отъ Гавра меньше остается морского переѣзда, который въ особенности неприятенъ для переселенцевъ, а море, предстоящее имъ, менѣе Нѣмецкаго подвержено бурямъ.

• Многіе торговые дома во Франціи обратили свое вниманіе на этотъ предметъ и свачала вели между собой страшную конкуренцію, плодами которой пользовались владѣльцы судовъ, а издержки которой платили эмигранты. Это дѣлалось такимъ образомъ: когда судно съ легкимъ грузомъ назначалось къ отправленію въ Соединенные Штаты (*), то тотчасъ же являлись десятки спекуляторовъ, желающихъ откупить его палубу и каюты, набивали цѣну и за это возвышеніе цѣны расплачивались, конечно, эмигранты. Но теперь торговые дома лучше поняли взаимные интересы, сблизились и стали сами предписывать условія владѣльцамъ судовъ: переселенцы выиграли, эмиграція увеличилась, и никто не остался въ накладѣ.

• Огромная толпа, переплывающая ежегодно Атлантическій океанъ, состоитъ по большей части изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ: Шотландія и Ирландія и прирейнскія провинціи даютъ самое большее количество. Для германскихъ переселенцевъ открыты три дороги для

(*) А надобно замѣтить, что изъ Франціи большею частью идутъ суда съ легкимъ, укладистымъ, но цѣннымъ грузомъ — произведеніями фабрикъ, искусства, моды и т. п., тогда какъ изъ Америки суда идутъ большею частью съ грузомъ тяжелымъ или объемистымъ: хлѣбомъ, хлопчатой бумагою; потому-то на американскихъ торговыхъ судахъ пассажирскихъ каютъ весьма мало, но за то онѣ убраны съ неслышанною роскошью и самымъ прихотливымъ комфортомъ.

переселенія : одни проѣзжаютъ Германію по желѣзнымъ дорогамъ до Бремена ; другіе спускаются по Рейну до Анвера ; третьи, входя въ Альзасъ черезъ Кельскій мостъ , проѣзжаютъ всю Францію и добираются до Гавра. Но вотъ уже два года, какъ открылась для переселенцевъ четвертая дорога : они, вмѣсто того, чтобы садиться на суда въ Анверъ , спускаются по Рейну до Роттердама и переѣзжаютъ въ Гуль или Ливерпуль, откуда уже и отправляются въ Америку.

• При такомъ движеніи торговли не могла остаться безъ дѣла: образовались цѣлыя компаніи, рассылающія своихъ агентовъ набирать и подговаривать переселенцевъ; это стоитъ имъ небольшого труда. Они уже не стремятся въ страну малозвѣстную, но знаютъ всѣ подробности и всѣ выгоды тамошняго быта отъ своихъ друзей и родственниковъ, которые давно уже переселились туда и дознали на опытѣ всѣ преимущества жизни трудолюбиваго человѣка въ Америкѣ. Имъ предлагаютъ взять ихъ съ мѣста и довести къ ихъ роднымъ и друзьямъ, счастьемъ которыхъ они давно завидуютъ: что же мудренаго, что мало находится людей, которые бы, имѣя малѣйшую возможность переселиться изъ Германіи въ Сѣверную Америку, могли бы противиться такому искушенію? Лучшія условія, предлагаемыя имъ тѣми или другими антрепренѣрами, склоняютъ ихъ на выборъ того или другого порта.

• Цыфры, собранныя съ 1848 по 1852 годъ, дадутъ понятіе о томъ, какъ возрастаетъ значеніе Гавра въ отношеніи эмиграціи. Изъ этого порта съѣли на суда въ Америку .

	Въ Нью-Йоркѣ.	Въ Новомъ Орлеанѣ.	Всего.
Въ 1848	18,114	7,392	25,506
— 1849	23,068	10,830	33,898
— 1850	20,500	5,324	25,824
— 1851	34,705	9,529	44,234
— 1852	51,674	20,651	72,325
Всего	148,051	53,726	201,787.

Въ 1852 году изъ Гавра въ одну Калифорнію отправилось 2,545 человекъ.

По націямъ эмигранты, выѣхавшіе изъ Гавра, раздѣляются слѣдующимъ образомъ :

Баварцевъ	22,411
Баденцевъ	16,021
Гессенцевъ	3,689
Прусаковъ	3,685
Швейцарцевъ	9,532
Бельгійцевъ	4,054
Итальянцевъ	208
Голландцевъ	415
Саксонцевъ и австрійцевъ	1,465
Французовъ	13,844.

Всего 75,325.

«Съ нѣкотораго времени французскій элементъ начинаетъ приобретать въ числѣ другихъ нѣкоторую важность; но эти французы принадлежатъ Франціи только по территоріуму и могутъ быть названы нѣмцами по языку и правамъ.»

Но мы считаемъ необходимымъ добавить, съ своей стороны, что для переселенія, какъ оно ни дешево стоитъ, все-таки надобно имѣть порядочную сумму денегъ, и изъ прирейнскихъ провинцій, оставая въ вакустннн виноградники, переселяются вовсе не бѣдняки, а самый цвѣтъ трудолюбиваго, промышленнаго и зажиточнаго, если не богатаго народонаселенія.

Альзасъ слѣдуетъ примѣру Бадена и Баваріи. Но что увлекаетъ альзасцевъ? одинъ ли примѣръ ссѣлей, живущихъ на правомъ берегу Рейна? болѣзнь ли картофеля, которая, какъ увѣряютъ, побудила страсбургцевъ къ переселеніямъ? или это одинъ избытокъ народонаселенія переселяется на землю плодородную, хотя и необработанную? Какъ бы то ни было, Франція покуда еще не слишкомъ беспокоится; но мѣры, предпринимаемыя германскими правительствами, желающими остановить это стремленіе, до сихъ поръ оказываются недостаточными.

Швейцарія начинаетъ также доставлять свою часть ежегодной эмиграціи. Швейцарцы, несмотря на свою привязанность къ роднымъ горамъ и долинамъ, по закону соединенія противорѣчій, страстно любятъ путешествовать; прежде Швейцарія доставляла солдатъ всей западной Европѣ, а теперь посылаетъ земледѣльцевъ въ Америку. Распространеніе цивилизаціи выигрываетъ отъ этого, безъ всякаго сомнѣнія. Швейцарскія общины не только не протвѣяютъ переселеніямъ, но даже поощряютъ ихъ всѣми возможными для нихъ средствами. Они покупаютъ у бѣднѣйшихъ землю; и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, земля человѣку, который уже не въ состояніи ея обработывать?

Переселенецъ, какъ мы уже сказали, не отправляется на авось, какъ прежде: его приглашаетъ всегда или родственникъ, или другъ, который проложилъ уже дорогу, и который доставитъ ему и работу и средства выгодно употребить маленькій капиталъ. Экономія — вотъ прежде всего, чего ищетъ переселенецъ при переѣздѣ: каждае пять франковъ, издержанные даромъ, лишаютъ его одного акра земли въ Америкѣ; а потому стоитъ посмѣтрѣть, съ какою строгою бережливостію онъ путешествуетъ. Желѣзныя дороги, кажется, именно для него и созданы, вмѣсто безпкойныхъ и дорогихъ экипажей, которые насилу тащитъ пара лошадей, вмѣсто двадцатидневнаго перехода пѣшкомъ, сорока часовъ достаточно, чтобъ перевезти его изъ Страсбурга въ Гавръ, и цѣлый день еще онъ можетъ провести въ Парижѣ. За тридцать-три франка съ лица онъ дѣлаетъ этотъ переѣздъ въ удобномъ вагонѣ безъ малѣйшаго утомленія. Пудъ багажа перевозится даромъ, и это позволяетъ ему увезти съ собою нѣсколько самыхъ необходимыхъ и не слишкомъ громоздкихъ инструментовъ. За малогѣ-

ныхъ членовъ семейства плата весьма умеренная. Все это соединяется вмѣстѣ, чтобы сдѣлать для переселенца его путешествіе легкимъ и удобнымъ; а надобно предполагать, что въ скоромъ времени эта дешезина и удобства еще болѣе возрастутъ, если справедливы слухи, что компаніи желѣзныхъ дорогъ, по которымъ ѣздятъ эмигранты, заботятся о средствахъ еще болѣе понизить цѣну.

Всякій эмигрантъ уже въ Страсбургѣ (откуда онъ отправляется во Францію) знаетъ навѣрное, что ему станетъ переѣздъ; особенные агенты берутся доставить его или въ Нью-Йоркъ, или въ Нью-Орлеанъ, куда ему угодно. Выгода, доставляемая этими договорами, состоитъ и въ уменьшеніи издержекъ за перевозъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ увѣренности, что въ портѣ не придется ожидать судна болѣе шести дней. Подрядившееся судно должно прибыть въ Гавръ по крайней мѣрѣ за трое сутокъ до назначеннаго срока. Если же, по какимъ бы то ни было причинамъ, хотъ бы это были бури и противный вѣтеръ, судно прибудетъ тремя днями послѣ срока, то за каждые двадцать-четыре часа просрочки оно платитъ каждому пассажиру одинъ франкъ и пятьдесятъ сантимовъ вознагражденія.

Цѣна перевоза въ Нью-Йоркъ (тысяча сто морскихъ миль) равнообразится отъ осмидесяти до девяноста франковъ, смотря по большому или меньшему количеству судовъ, находящихся въ портѣ. Въ этой суммѣ пища не считается: всякій везетъ съ собой свои припасы; но, чтобы избѣжать дурно понятой бережливости, которая бы могла довести экипажъ до голода, то мѣстное начальство строго наблюдаетъ, чтобы каждый переселенецъ везъ съ собою извѣстное количество хлѣба, сухарей, муки, легко сберегаемыхъ овощей, соленого или копченнаго мяса. Опытъ далъ возможность опредѣлить съ точностью количество необходимыхъ издержекъ на этотъ предметъ по гаврскимъ цѣнамъ, а именно на тридцать франковъ достаточно для Нью-Йорка и на тридцать-шесть до Нью-Орлеана. Необходимое количество воды и мѣсто у огня для приготовленія кушанья имѣетъ всякій пассажиръ даромъ.

Трудно представить себѣ что нибудь живописнѣе внутренности судна, наполненнаго переселенцами. За большою мачтою начинается обширная галлерей, доходящая до самого носа, всѣ отверстія трюма открыты, чтобы дать свободный проходъ воздуху. Двѣ линіи лагерныхъ кроватей, одна надъ другою, идутъ по бокамъ судна, первая на 50 сантиметровъ отъ полу, вторая метромъ выше; каждая постель имѣетъ почти два метра въ ширину. Тамъ каждое семейство устраиваетъ себѣ отдѣльное помѣщеніе посредствомъ занавѣсокъ; матрасы, принесенные съ собою, служатъ постелью во время ночи и диваномъ во время дня; свѣтъ, распространяемый отверстиями, даетъ женщинамъ возможность заниматься своими рукодѣльями, и, несмотря на тѣсноту, болѣзни, зависящія отъ нея, случаются въ настоящее время уже рѣдко, такъ какъ всѣ предосторожности противъ нихъ приняты.

Прибывъ въ Соединенные Штаты, переселенцы тотчасъ же находятъ всѣ средства для переѣзда въ самую глубь страны. Правительство Союза понимаетъ очень хорошо, что переселенія изъ Европы составляютъ его силу и залогъ его величія въ будущемъ. Потому ново-прибывшимъ доставляются всевозможныя удобства, и за плату баснословно малую (*) они проѣзжаютъ или на пароходахъ, или по желѣзнымъ дорогамъ такія разстоянія, которыя для американца кажутся, быть можетъ, не болѣе, какъ длинными прогулками, но для насъ, обитателей Старога Свѣта, весьма долгими путешествіями.

Переселенецъ изъ средней полосы Европы въ сѣверныя штаты Америки находитъ тамъ почти что свою родную природу; но мало по малу эта природа оказываетъ на него свое чуждое вліяніе, измѣняетъ его образъ жизни и привычки и черезъ нѣсколько времени сообщаетъ ему тотъ рѣзкій типъ, котораго мы не можемъ не видѣть на каждомъ сѣверо-американцѣ. Это явленіе такъ любопытно и такъ многозначительно, что мы не можемъ не привести прекрасной статьи Десора объ этомъ предметѣ, помѣщенной въ «Revue Suisse», а потомъ переведенной въ «Allgemeine Zeitung».

Нѣмецкій и швейцарскій переселенецъ — говоритъ Десоръ — пріѣзжая въ Нью-Йоркъ, не замѣчаетъ вообще никакой разницы въ климатѣ этой страны съ климатомъ своей родины. Но мало по малу, если онъ остается тамъ долго, начинаютъ оказываться различія, которыя скоро принуждаютъ его измѣнить свои привычки, и, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ по неволѣ принимаетъ самъ американскіе нравы, надъ которыми еще недавно смѣялся.

Это испытываютъ на себѣ постоянно всѣ переселенцы, но, несмотря на то, не перестаютъ удивляться такому таинственному дѣйствию природы. Они знаютъ, что Сѣверныя Штаты лежатъ почти подъ однимъ градусомъ широты съ среднею Европою, а въ школахъ слышали, что страны, находящіяся въ умѣренномъ полѣ, болѣе всѣхъ прочихъ сходны между собою. Переселенцы удостовѣрились опытомъ, что зима въ окрестностяхъ Нью-Йорка и Бостона почти такъ же холодна, а лѣто такъ же тепло, какъ и въ окрестностяхъ Франкфурта, Базеля и Цюриха; а между тѣмъ они испытываютъ совершенно различное дѣйствіе природы, котораго они не могутъ объяснить себѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цвѣтъ германскаго населенія Бостона стекался въ тамошній лицей, гдѣ читались тогда лекціи эмпирической географіи, и между многими другими вопросами, сильно занимавшими публику, больше всѣхъ привлекло ея вниманіе рѣшеніе вопроса о вліяніи климата на человѣка. Всѣмъ хотѣлось знать, почему они въ короткое время должны были измѣнить свои привычки и при-

(*) Переселенцы прибываютъ въ Бостонъ, Нью-Йоркъ, Филадельфію и Новый Орлеанъ; бродяги и преступники не принимаются. Изъ Нью-Йорка достигаютъ Цинциннати въ четыре дня, въ Сентъ-Луи въ восемь дней, въ Нью-Орлеанъ въ десять дней. Издержки перевоза по желѣзнымъ дорогамъ вдвое больше европейскихъ.

нать совершенно другіе способы во многихъ ремеслахъ и хозяйственныхъ занятіяхъ? Но еслибъ я былъ вызванъ прочесть нѣсколько лекцій о климатѣ и сдѣлать въ этомъ отношеніи сравненіе между Европой и Америкой, то я бы рассматривалъ вліяніе климата нѣсколько спеціальнѣе, принимая въ соображеніе тѣ замѣненія, которыя онъ производитъ.

• Эти явленія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, двоякаго рода: одни относятся къ ежедневнымъ случаямъ жизни и справедливость ихъ можетъ быть засвидѣтельствована каждымъ, другія подмѣчаются въ различныхъ ремеслахъ. Къ первой категоріи принадлежатъ слѣдующія явленія:

• Тамошняя хозяйка постоянно удивляется легкости, съ которой даже въ зимнее время сохнетъ бѣлье въ этой сторонѣ, такъ что оно изготавливается тамъ гораздо скорѣе, нежели въ Европѣ: это дѣлаетъ возможнымъ принять всеобщій американскій обычай производить стирку каждую недѣлю.

• Съ другой стороны, эта же самая хозяйка, привыкшая хозяйничать въ Германіи, жалуется на скорость, съ которою въ Америкѣ черствѣетъ и сохнетъ хлѣбъ. Привыкнуши напекать большіе запасы хлѣба, она черезъ нѣсколько дней находитъ его совершенно черствымъ и негоднымъ къ употребленію. Она жалуется сначала на муку, на воду, но потомъ по неволѣ принимаетъ общій американскій обычай — печь хлѣбъ каждые два дня.

• Это неудобство (если это только можетъ быть названо неудобствомъ) выкупается тѣмъ преимуществомъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ плѣсень далеко не такъ скоро заводится, какъ у насъ въ Европѣ. Зимніе запасы весьма рѣдко терпятъ отъ нея. Погреба находятся вообще въ превосходномъ состояніи, такъ что самые разнообразныя жизненные припасы могутъ быть сохраняемы въ нихъ гораздо долѣе, нежели у насъ.

• Это отсутствіе сырости можно еще очевиднѣе замѣтить зимою въ комнатахъ. Окношки запотѣваютъ гораздо менѣе, чѣмъ у насъ, и нѣмецкіе переселенцы удивляются, не находя почти нигдѣ тѣхъ зимнихъ узоровъ на окнахъ, къ которымъ привыкли они на родинѣ, хотя здѣсь также холодно и даже холоднѣе, нежели въ Гамбургѣ и Мюнхенѣ.

• Къ этимъ опытамъ, повторяющимся безпрерывно въ ежедневной жизни, можно причислить и тѣ, съ которыми знакомится каждый, наблюдая сколько нибудь за своимъ здоровьемъ.

• Явленія, испытываемыя въ различныхъ ремеслахъ, не менѣе многозначительны.

• Здѣсь нѣтъ надобности высушивать вновь выстроенные дома прежде, чѣмъ можно будетъ перейти въ нихъ. Едва только рабочіе оставляютъ домъ, какъ уже являются наемщики, не боясь вредныхъ послѣдствій, которыя испытываетъ у насъ на себѣ всякій, поселившійся въ совершенно новомъ, невысохшемъ домѣ.

• Красильщики также гораздо скорѣе кладутъ фигуры на грунтъ, не боясь, что отъ этого краски потеряютъ свой цвѣтъ.

• Напротивъ того, столяры и въ особенности машинисты должны быть очень осторожны при выборѣ дерева для своихъ работъ. То самое дерево, которое въ Европѣ было бы достаточно сухимъ, не можетъ быть еще употреблено въ дѣло бостонскимъ или нью-йоркскимъ столяромъ: оно непременно станетъ коробиться и лопаться. Въ особенности это относится къ паркетамъ, а потому ихъ можно рѣдко найти въ самыхъ богатыхъ домахъ. По этой же причинѣ роили, приготовленные въ Америкѣ, цѣнятся американцами гораздо выше вѣнскихъ и парижскихъ, хотя послѣдніе гораздо лучше для насъ.

• Я съ своей стороны, какъ естественспытатель, увѣрился самъ въ одномъ фактѣ, не подлежащемъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію: Извѣстно, съ какимъ трудомъ сохраняются въ Европѣ коллекціи естественной исторіи; многія изъ нихъ мы спасаемъ отъ плѣсени только посредствомъ извести и другихъ сохраняющихъ матеріаловъ, особенно, если зданія, въ которыхъ находятся эти коллекціи, новы. Въ Бостонѣ же я видѣлъ собранія млекопитающихъ и птицъ, сохраняемые безъ малѣйшаго вреда въ комнатахъ, только что покинутыхъ штукатуромъ, и когда я замѣтилъ это смотрителю этого собранія, предупреждая его объ опасности, то онъ отвѣчалъ мнѣ: «вы забываете, что мы въ Новой Англіи (*), а не въ Европѣ.»

• Всѣ эти различныя явленія имѣютъ одну и ту же причину — гораздо большую сухость воздуха въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели въ Европѣ, хотя количество ежегодно выпадающаго дождя и число дождевыхъ дней не только не менѣе, но даже нѣсколько болѣе въ Сѣверной Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ. Это-то противорѣчіе климата съ метеорологическими наблюденіями заставило меня такъ долго останавливаться на одномъ явленіи. Но это противорѣчіе только видимое. Причина его очень проста и состоитъ въ томъ, что въ ясную погоду сѣверо-американская атмосфера гораздо суше европейской (это не сомнѣно ясно). Воздухъ не остается въ томъ насыщенномъ влагою состояніи, въ которомъ онъ находится, напримѣръ, въ Англіи и въ Восточной Европѣ, и какъ только перестаетъ дождь и перемѣняется вѣтеръ, то ясная и сухая погода тотчасъ же устанавливается, гигрометръ падаетъ и температура росы замѣчательно ниже температуры атмосферы. Въ этомъ отношеніи сѣверо-американскій климатъ имѣетъ болѣе сходства съ альпійскимъ. Въ нашихъ горахъ замѣчается также это кажущееся противорѣчіе въ результатахъ наблюденій. Основываясь на одномъ фактѣ, что въ горахъ болѣе идетъ дождя, чѣмъ на равнинахъ, физики пришли къ слишкомъ поспѣшному заключенію, что горная атмосфера заключаетъ въ себѣ больше влажности, а потому часто въ старыхъ и новыхъ метеорологическихъ вычисленіяхъ кли-

(*) Новую Англію составляютъ слѣдующіе штаты: Мень. Нью-Гемпширъ, Вермонтъ, Массачузетъ, Родъ-Айлендъ, Соедигісигт. Впрочемъ, это раздѣленіе не имѣетъ никакого политическаго значенія.

мать Альпъ причисляется къ самымъ влажнымъ, тогда какъ, наоборотъ, воздухъ горъ, по всѣмъ наблюденіямъ, оказывается гораздо суше.

Причину этой бѣдшей сухости американскаго климата легко объяснить. Въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, господствуетъ западный вѣтеръ. Но къ нашимъ берегамъ эти вѣтры прилетаютъ отягченные сыростью, въ Соединенныхъ же Штатахъ наоборотъ. Они рѣдко сопровождаются здѣсь дождями, потому что, пролетѣвъ огромный континентъ, теряютъ всю свою влагу. Они играютъ здѣсь ту же роль, какую въ Европѣ играютъ восточные вѣтры; а мы знаемъ, съ какою скоростью высыхаютъ наши поля подъ вліяніемъ сѣверо-восточнаго вѣтра.

Уже Бюффонъ замѣтилъ, что тогда какъ американскія животныя вообще менѣе животныхъ стараго континента, растенія Америки, наоборотъ, получаютъ гораздо большее развитіе.

— Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ прибавить нескоты извѣстіе о гигантскомъ деревѣ, открытомъ недавно въ Калифорніи. Это дерево растетъ въ удивительномъ мѣстѣ Сьерры-Невады, на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря, и имѣетъ 300 футовъ въ высоту и 20 футовъ въ діаметръ, на высотѣ 5 футовъ отъ земли. Оно совершенно здорово, и ему считаютъ болѣе 3000 лѣтъ. Возлѣ можно встрѣтить нѣсколько деревьевъ той же породы (*Taxodium sempervivens*), которыя еще превышаютъ его по высотѣ; но ни одно не достигаетъ его объема. Двадцать-одинъ футъ коры этого дерева былъ привезенъ въ Санъ-Франциско въ натуральномъ видѣ. Изъ нея сдѣлали коммату, убрала ее покрывши, поставили роуль, кресла для сорока человекъ и равочли, что во внутренности ея можно помѣстить безъ неудобства 140 человекъ дѣтей. Эта порода признана за совершенно новую, еще доселѣ неизвестную породу, изъ семейства шишконосныхъ (*coniferous*), и дали ей названіе *Wellingtonia gigantea*. Оно вѣчно зелено и самое величественнаго вида. Сѣмена его отправлены въ Англію для разведенія въ англійскихъ паркахъ этой могучей породы. У подошвы растительнаго гиганта люди и животныя кажутся насекомыми.

Въ *Gardener's Chronicle* помѣщено ученое описаніе этой новой породы, названной въ честь герцога Веллингтона.

Но обратимся къ нашему предмету:

Исторія Америки еще такъ нова, что нельзя прийти къ положительному заключенію, какому измѣненію подвергаются въ ней животныя, привезенныя изъ Европы; но надъ человекомъ сдѣланы уже весьма замѣчательныя наблюденія. Еще прошло не болѣе двухсотъ тридцати лѣтъ съ того времени, когда первые переселенцы прибыли изъ Европы къ берегамъ Новой Англіи. Это были болѣею частью джессиденты, оставившіе свою родину по релігіознымъ спорамъ, иррешныя англичане, обладающіе всѣми физическими и моральными отличіями, составляющими характеристику англо-саксонской расы. Въ настоящее же время — по истеченіи двухъ столѣтій — жители Соединенныхъ Штатовъ уже болѣе не англичане. Они имѣютъ такіа

бешныя, имъ только свойственныя черты, подобныя, по своей рѣзкости тѣмъ, которыми такъ ясно различаются между собою нѣмецкія и англійскіе фizioноміи, — словомъ, совершенно новымъ типъ Янки, типъ американскій, развили на новой почвѣ. И должно замѣтить, что этотъ типъ произошелъ не вслѣдствіе смѣшенія расъ: онъ рѣзче всего высказывается въ восточныхъ штатахъ, гдѣ, какъ извѣстно, смѣшенія расъ почти не было. Такимъ образомъ эту глубокую перемену мы должны приписать вліянію климата.

• Одно изъ фizioлогическихъ отличій американца — это худощавость. На улицахъ Нью-Йорка, Бостона, Филадельфій вы въ сотнѣ лицъ едва встрѣтите одного человѣка полнаго, и тогда почти безошибочно можете сказать, что это иностранецъ.

• Въ особенности поражаетъ всякаго въ американской фizioноміи — необыкновенная длина шеи, не потому, чтобы шея американца была въ самомъ дѣлѣ длиннѣе нашей, а потому, что она кажется длиннѣе отъ худощавости. Американцы также легко узнаютъ европейца по противоположному признаку. Мнѣ часто случалось въ Америкѣ на гуляньяхъ спорить съ друзьями о происхожденіи лицъ, попадавшихъ намъ навстрѣчу, и американцы обыкновенно выражались такъ: «посмотри только на шею, — у американца никогда не бываетъ такой шеи.»

• Это замѣчаніе относится также и къ женщинамъ и придаютъ имъ ту особенную типическую красоту, то нѣжное и воздушное выраженіе, которыми славятся женщины Сѣверной Америки. Признавая всю привлекательность этого полу-воздушнаго тина, я думаю, однако, что болѣе сильныя и земныя формы женщинъ Европы имѣютъ меньшее право на наше удивленіе. Это различіе, замѣчаемое между американками и европейками, зависитъ не только отъ меньшаго развитія мускуловъ у женщинъ Америки, но также, и, можетъ быть, еще въ болѣе степенной, отъ меньшаго развитія у нихъ системы железъ: явленіе, заслуживающее серьѣзнаго вниманія фizioлоговъ.

• Такое вліяніе климата оказываетъ свое дѣйствіе не только въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, но и въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, перемѣняющихъ континенты. Немногіе европейцы толстѣютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, тогда какъ американцы, пробывъ нѣсколько времени въ Европѣ, обыкновенно принимаютъ особенный видъ полноты и силы. То же случается и съ европейцами, которые, пробывъ долгое время въ Америкѣ, возвращаются назадъ въ Европу.

• Это вліяніе климата на физическое различіе не должно ли было отразиться въ моральныхъ и эстетическихъ особенностяхъ, отличающихъ американца отъ европейца?

• Каждаго европейца, вышедшаго на берегъ въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ или Балтиморѣ, поражаетъ особенная, царствующая тамъ лихорадочная дѣятельность. Всѣ куда-то торопятся: люди на набережныхъ и тротуарахъ бѣгутъ такъ скоро, что ихъ нѣтъ возможности догнать. Два пріятели, встрѣтаясь на улицѣ, едва успеваютъ пожать другъ другу руки или кивнуть головою и расходятся: имъ некогда!

• Правда, въ большихъ городахъ и приморскихъ мѣстахъ Англіи вы видите нѣчто подобное; но въ дѣятельности англичанъ гораздо болѣе размышленія; тогда какъ американецъ дѣйствуетъ какъ будто руководимый какимъ-то инстинктомъ, и вѣчно торопится болѣе по привычкѣ и по природной нетерпѣливости, нежели по необходимости. Эта нетерпѣливость высказывается иногда даже совершенно нестати, и объ американцахъ говорятъ справедливо, что у нихъ нѣтъ времени пообѣдать. У людей дѣловыхъ такое лихорадочное нетерпѣліе еще понятнѣе; но оно дѣйствуетъ эпидемически рѣшительно на всѣхъ. Пассажиры, въ каютѣ парохода, гдѣ имъ ужь рѣшительно нечего дѣлать, ѣдятъ съ тою же поспѣшностью. Эту поспѣшность весьма трудно преодолѣть; самое неприличіе, котораго болѣе всего боятся въ Америкѣ, едва отъ нея удерживаесть.

• Такое распространеніе всеобщей нетерпѣливости должно имѣть и свою общую причину. Хотя мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ измѣненій о вліяніи влажности воздуха на нервную систему, но не ошибемся, если большую нервную раздражительность обитателей Соединенныхъ Штатовъ припишемъ сухости климата. Не найдетъ ли это объясненіе себѣ подтвержденіе въ томъ вліяніи, которое оказываетъ на насъ сѣверо-восточный вѣтеръ? Этотъ вѣтеръ, какъ мы уже сказали, соответствуетъ совершенно по своему свойству сѣверо-западному вѣтру Америки. Оба вѣтра — континентальные, оба сухіе; но вліяніе нашего сѣверо-восточнаго вѣтра еще сильнѣе. Жители Юры знаютъ очень хорошо, какое вліяніе на нервы и расположеніе духа оказываютъ этотъ вѣтеръ, и въ особенности тотъ, который они называютъ «чернымъ» (schwarze Bise). Если этотъ вѣтеръ дуетъ въ продолженіе долгаго времени, то всѣ начинаютъ чувствовать безпокойство, раздражительность, дурное расположеніе духа, и, можетъ быть, не вовее безъ основанія замѣчаютъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ свирѣствуютъ такіе вѣтры, много злыхъ женщинъ.

• Мы не ошибемся, если припишемъ также этой причинѣ то влеченіе, что крѣпкіе напитки оказываютъ гораздо болѣе вредное вліяніе на человека въ Сѣверной Америкѣ, нежели въ Европѣ. Европейцы и въ особенности англичане, привыкшіе употреблять много вина и вообще крѣпкихъ напитковъ, должны, если боятся дурныхъ послѣдствій, оставить эту привычку въ Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ чему приписываетъ мы также распространеніе и сильное вліяніе, которыя имѣютъ въ Сѣверной Америкѣ общества воздержанія.

• Сѣверо-американцы, несмотря на свою кажущуюся холодность, необыкновенно живы и восприимчивы: ихъ чувствительность не знаетъ границъ. При этихъ свойствахъ не должна ли развиться въ нихъ злость? По логикѣ и теоріи это такъ и должно бы быть: это такъ бы и было, если бы дурныя послѣдствія этой крайней раздражительности и нетерпѣливости не были предотвращены съ самаго ранняго возраста. Люди, жившіе въ Соединенныхъ Штатахъ, знаютъ, съ какою заботливостію стараются тамъ прежде всего научить дѣтой искусству

самообладания. Изъ того-то и выводитъ то великое послѣдствіе, что народъ, самый раздражительный на свѣтѣ, оказывается въ то же время замѣчательнымъ самообладаніемъ и такимъ господствомъ надъ своими страстями, которая дѣлаетъ для нихъ легкимъ самое строгое, пунктуальное исполненіе законовъ. Для американца не нужна полиція; не если онъ забывается, то общественное мнѣніе тотого всегда поставитъ его въ законныя предѣлы. А потому для человѣка, который хочетъ выдавать себя за джентльмена, считается величайшимъ позоромъ выйти изъ себя и предаваться перывамъ гнѣва. Вотъ почему всякій американецъ, когда ему случится видѣть двухъ человекъ, дошедшихъ до ручной раздѣлки, непремѣнно скажетъ: «это навѣрно или ирландцы, или нѣмцы».

Благодаря наблюдательности Десора за нѣсколько характеристическихъ замѣтокъ, мы не можемъ не утѣркнуть его въ томъ, что онъ уже слишкомъ много вліянія приписываетъ одной сухости атмосферы.

Но свойственна ли эта восприимчивость и раздражительность народу, эта горячая дѣятельность, эта худоба тѣла, омигаемая оміяніемъ дѣятельности души, вообще юношескому возрасту человека? Мы думаемъ, что народъ Соединенныхъ Штатовъ находится именно въ этомъ возрастѣ, рѣже отиѣченномъ физиологическими и моральными особенностями. Духъ націи, направленіе, принятое ею въ исторіи, принципъ, лежащій въ основу ея самобытнаго существованія, мораль гигантскіе успѣхи на поприщѣ развитія, быстро развиваемая тѣла будущаго, волшебное чувство ежеминутно съ непостижимой быстротою контрастирующей силы — вотъ что производить эту душевную лихорадку, вотъ что производитъ тотъ вѣчный жаръ въ тѣлѣ, въ которомъ сжариваютъ, какъ масло въ лампадѣ, всѣ питательныя отдѣленія, вотъ что производитъ эту юношескую сухощавость. Сухость атмосферы можетъ имѣть только второстепенное вліяніе.

Мы уже имѣли случай говорить прежде, что это теропиное, лихорадочное самонадѣянное направленіе сѣверо-американцевъ часто порождаетъ самые смѣльные и несбыточные проекты и порождаетъ легковѣріе, которое даетъ возможность являться на свѣтѣ такими нелѣпыми открытіями, какъ открытіе чудовищнаго морского зѣвря, или великолѣпнаго города ацтековъ, вертящихся столовъ и т. под. Въ этотъ разъ мы могли бы привести еще новое доказательство этого легковѣрія, указавъ на недавнее открытіе руды изъ чудныхъ городовъ въ пустыняхъ Калифорніи; но такъ какъ въ этотъ разъ мы и то слишкомъ много занимались Америкой, то оставимъ ее до будущаго мѣсяца, сказавъ еще нѣсколько словъ объ особенностяхъ книжной торговли и литературной дѣятельности въ Соединенныхъ Штатахъ..

Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ изъ корреспондентовъ Allgemeine Zeitung:

Въ Сѣверной Америкѣ въ настоящее время разбирается вопросъ, слѣдуетъ ли заключить съ Англіею договоръ о международной литературной собственности. Такого договора давно требуютъ въ Лон-

донѣ, и въ самую дѣль англійскіе писатели имѣютъ все пріятныя желанія, чтобъ изъ литературная собственность была мѣстою ограничена отъ изаденій сѣверо-американскихъ типографій. Толстыя обсервѣнія (Reviews), модныя романы, учебныя книги, тотчасъ же послѣ своего появленія на свѣтъ въ Лондонѣ и Единбургѣ, переиздаются въ Америкѣ. Эти американскія изаденія не всегда правильныя, но всегда дешевы и хорошо отпечатаны; цѣна дѣхъ вчетверо менѣе цѣны лондонскихъ изаденій. Есть даже примѣры, что англійскій романъ, стоившій въ Лондонѣ около семи рублей серебромъ, можно купить въ Америкѣ за тридцать-пять копеекъ серебромъ. Они сначала выходятъ газетными листами, а черезъ два недѣли, по прибытіи въ Новый Сѣтъ, отпечатываются уже вполнѣ.

Соединенные Штаты, какъ извѣстно, составляютъ лучший рынокъ для сбыта произведеній европейскихъ фабрикъ; но они также являются и лучшимъ книжнымъ рынкомъ въ цѣломъ свѣтѣ. Библиотеки для чтенія много и въ Америкѣ, но тамъ эти библиотеки не оказываютъ такого вреднаго вліянія на продажу книгъ, какое оказываютъ они въ Германіи. Въ Германіи самые знатные и богатые люди не стѣбятся брать книги изъ такихъ библиотекъ; даже государственный сановникъ не постыдится пожить на свой столъ «финаисую» книгу съ ярлыкомъ лавина. Одинъ изъ моихъ друзей посѣтилъ богатѣйшій торговый городъ Германіи и одно тамошнее богатое семейство, съ которымъ онъ былъ знакомъ въ дѣтствѣ, и которое дало въ честь его обѣдъ, стоившій не менѣе ста гульденовъ. Не когда послѣ обѣда гости в колесѣ прогуливались въ саду, то одна изъ дочерей хозяйки сказала восту: «Можете ли вы себѣ представить, докторъ, что мы два или три раза посылали въ библиотеку для чтенія за вашими послѣдними произведеніями и до сихъ поръ не могли еще получить его! не правда ли, это ужасно, докторъ?» Издержать сто гульденовъ на обѣдъ въ честь моего — и не рѣшиться заплатить вѣсколькихъ грошей за его произведение!

Въ Баронѣ губанка очень скупа на покупку книгъ, въ Америкѣ — другое дѣло. Въ то самое время, какъ я пишу эти строки, мерзело нѣмой лежитъ множество американскихъ изаденій. Беру первое: — *Rambles in Yucatan*, by W. Norman (Путешествіе въ Юкатанъ, Нормана), Филадельфія 1849 года, седьмое изадеіе; далѣе — *Incidents of the travel in Central-America, Chiapas and Yucatan* — (Приключенія путешествія по Центральной Америкѣ, Чиапасу и Юкатану) Джона Стенсона, Нью-Йоркъ 1846 года, двенадцатое изадеіе, первое появилось въ 1841 году. Шоговорна американцевъ: «хорошія школы, хорошія книги, много желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ», не лишена основанія.

Но такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ все принижаетъ колоссальныя размѣры, то и произведенія книгопечатанія подвергаются общему закону. Многія газеты расходятся во 100,000 экземпляровъ. Одинъ изъ огромнѣйшихъ нью-йоркскихъ листковъ, появляющійся ежедневно, ежедневно и два раза въ мѣсяцъ, имѣетъ для перваго вида 21,500 подписчиковъ, для втораго — 63,120, для третьаго — 6,360,

и кровъ того въ Каллефорнн 4,000 и въ Европѣ 350. Другія большія газеты имѣютъ отъ 80 до 40 и 70 тысячъ подписчиковъ. (*) Вотъ нѣсколько многозначительныхъ замѣтокъ объ этомъ предметѣ одного изъ прагматическихъ людей въ книжномъ дѣлѣ.

Одинъ изъ филадельфійскихъ издателей, мистеръ Керри, выдалъ недавно *Letters on international copyright* (о международномъ правѣ перепечатки), въ которомъ онъ сильно возстаетъ противъ предлагаемаго нѣкоторыми договора въ пользу англійскихъ писателей, и говорить, что при такомъ договорѣ побудительная сила конкуренціи исчезнетъ, и что произведенія англійскихъ авторовъ будутъ доставляться публикѣ по цѣнамъ гораздо высшимъ. Онъ указываетъ также и на то, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей американскіе писатели находятся гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели англійскіе. Это положеніе доказываетъ онъ цѣлымъ рядомъ весьма интересныхъ (**) при- мѣровъ, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь нѣкоторые. «Леди Морганъ — говоритъ Керри — нищія и принуждена жить подавленіемъ; мистеръ Геманъ жила и умерла въ бѣдности; Ламанъ Бланшаръ лишилъ себя жизни въ припадкѣ безумія: онъ писалъ статью для газеты въ то время, когда жена его лежала на смертномъ одрѣ, и поиѣшался; миссъ Мильфордъ обратилась за помощью къ американскимъ читателямъ, а не къ англійскимъ. Джейкъ Гэйтъ жилъ общественнымъ подавленіемъ; Томасъ Муръ никогда не могъ выйти изъ стѣсненнаго положенія, и если бы не его другъ лордъ Лансдоунъ, то великій поэтъ провелъ бы самую бѣдственную старость. Камбелъ, по его собственнымъ словамъ, попалъ бы въ тюрьму за долги, если бы деньги за новое изданіе не подошли къ стати.

Капитанъ Марриетъ былъ очень любимъ читающею публикою, и, однако, по словамъ мистера Керри, его сочиненіе разошлось едва въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ; сочиненіе Бульвера никогда не доходило выше 2,500 (!?) экземпляровъ; то же самое можно сказать и о другихъ новеллистахъ. И хотя теперь говорятъ въ нѣмецкихъ газетахъ, что Теккерей не хотѣлъ продать своего новаго романа за 2,400 фунтовъ стерлинговъ, Керри утверждаетъ, что ни одно изъ сочиненій этого автора не достигало въ продажѣ 6,000 экземпляровъ. Можетъ быть, что въ самое послѣднее время число покупателей его романовъ нѣсколько увеличилось. Дѣла Диккенса нѣсколько лучше: онъ продаетъ книгу, каждый экземпляръ которой ему обошелся 4 шиллинга 6 пенсовъ, за 20 шиллинговъ. Его «Холодный Домъ» появлялся по нѣ- сяцамъ; авторъ рассылалъ при немъ объявленія, такъ что при по-

(*) Не должно при этомъ упускать изъ виду, что тогда какъ французскія и англійскія газеты расходятся по всей Европѣ, въ Азіи и Сѣверной Америкѣ, американскія почти исключительно только въ Соединенныхъ Штатахъ.

(**) Но, по нашему мнѣнію, слишкомъ натянуты. Мы знаемъ, что современные англійскіе писатели находятъ совсѣмъ не въ такомъ дурномъ положеніи, какъ толкуетъ объ этомъ издатель Керри, смотрящій на предметъ съ своей издательской точки зрѣнія.

слѣднемъ ливрезовѣ текстъ состоялъ только изъ нѣсколькихъ строкъ, а все остальное было наполнено объявленіями. За каждое объявленіе Диккенсъ получалъ отъ 1 до 5 и 6 фунтовъ стерлинговъ; этою спекуляціею онъ выигралъ болѣе 15,000 фунтовъ стерлинговъ. Журналъ его (The Household-Words) приноситъ ему ежегодно чистаго барыша 4,000 фунтовъ стерлинговъ, хотя онъ самъ ровно болѣе ничего не дѣлаетъ какъ писать по одной статейкѣ каждую недѣлю.

Нѣужели это значить ничего? Статейка каждую недѣлю? Шутка!

• Въ Америкѣ обстоятельства совершенно другого рода: большаго изданія новыхъ британскихъ беллетристовъ въ пять лѣтъ разошлось 80,000 экземпляровъ; мелкихъ сочиненій Макколея не менѣе 60,000 экземпляровъ; сочиненій миссъ Аквилоръ — 100,000 экземпляровъ; географической энциклопедіи Муррея — болѣе 50,000; торговаго лексикона Макъ-Кулоха — тотчасъ же 12,000 экземпляровъ. Стихотвореній Александра Смита въ три мѣсяца разошлось 10,000 экземпляровъ; сочиненій Теккерея въ три или въ четыре раза болѣе, нежели въ Англии; сочиненія Диккенса — по крайней мѣрѣ миллионъ экземпляровъ; послѣднихъ сочиненій Бульвера — 32,000 экземпляровъ; сочиненій Тьера — 32,000 экземпляровъ; сочиненій Бюффона, изданія Монтегю — 4,000 экземпляровъ.

• Мнѣніе, что такой наплывъ англійскихъ книгъ вредитъ американскимъ издателямъ и писателямъ, совершенно несправедливо и опровергается самыми блестящими фактами, приводимыми Керри: прежде новаго изданія сочиненій Ирвинга книгопродавецъ Путаваномъ, котораго разошлось 144,000 экземпляровъ, сотни тысячъ экземпляровъ прежнихъ изданій нашли уже себѣ книгопродавцевъ. Здѣсь не будетъ излишнимъ прибавить еще нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что книги, довольствовавшіяся бы въ Европѣ сотнями покупателей, находятъ ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ тысячами. Два разсказа миссъ Варнеръ; *Queeshey and the wide, wide world*, разошлись въ 140,000 экземплярахъ по 80 центовъ (*) каждый; *Fern leaves*, Фанни Ферриъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, разошлось въ числѣ 45,000 экземпляровъ по 1 доллару 25 центовъ каждый; *Мечты Холостяка*. Нина Марвеля, въ числѣ 70,000 экземпляровъ, по 1 доллару 25 центовъ каждый; новѣсти мистриссъ Генцъ въ три года — 93,000 экземпляровъ, по 50 центовъ каждый; сочиненій Гиддеса о Нанолсонѣ и Вашингтонѣ — болѣе 200,000 экземпляровъ, по 1 долл. 25 цент.; путешествій Стеенса въ Египетъ и Грецію — 80,000 экзempl., по 87 цент.; его же путешествій въ Юкатанъ и центральную Америку — 60,000 экзempl., по 2 долл. 50 цент.; Кендала экспедиція въ Санта-Фе — 23,000 экземпляровъ. Въ особенности расходятся всѣ творенія и біографіи знаменитыхъ государственныхъ людей Сѣверной Америки: жиаъ Джона Кенонъ Адамса, написанная Сьюардомъ (Seward), разошлась въ 30,000 экземплярахъ; полныя творенія Вебстера, появившіяся только

(*) Сентъ — сотая часть доллара, т. е. 1,36 коп. сер., почти 1½ коп. сер.

два года тому назад, уже разошлось въ чистѣ 47,000 экземпляровъ, но 2 долл. за каждый; сочиненій Прескота разошлось болѣе 160,000 томовъ, сочиненій Бандретта — болѣе 30,000 экземпляровъ. Дубинка высоко цѣнятся также сочиненія Госсера (Hawthorne), Лонгфелло (Longfellow), Бранта (Bryant), Вилсона, Кэртиса (Curtis), Седжвика (Sedgwick) и многихъ другихъ. Стихотворенія Лонгфелло и Филли, не менѣе десяти различныхъ изданій.

Далѣе Керри замѣчаетъ, по несомнѣнному овладѣтельству одного издателя, что онъ платитъ Вилсону, Лонгфелло, Бранту и Адьстону за каждое стихотвореніе, какъ бы оно коротко ни было, пятьдесятъ долларовъ, а Богъ одинъ знаетъ какия короткія стихотворенія отдали писателю эти господа — замѣчаетъ этотъ издатель — рѣдкое болѣе сорокати пяти строкъ. Другіе поэты получаютъ отъ двадцати до тридцати долларовъ. Тотъ же самый издатель платитъ одному писателю за каждую строку прозы двадцать-пять долларовъ (?), Куперу за каждую біографію морского героя тысячу долларовъ, Джейму — за каждую повѣсть тысячу двѣсти долларовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ писателю остается право собственности: покупается только одно изданіе. Тотъ же самый издатель за статьи въ два журнала, изъ которыхъ каждый ежегодно стоитъ три доллара, переплатилъ американскимъ писателямъ въ гонораріяхъ въ продолженіе десяти лѣтъ, болѣе отъ-тридцати тысячъ долларовъ; — за нныя нумера болѣе тысячи-пятьсотъ долларовъ.

Самые высокіе гонораріи въ Соединенныхъ Штатахъ, получилъ Вашингтонъ Ирвингъ. Менѣе нежели посредственный географъ. Мичель составилъ себѣ огромное состояніе учебниками; географическій учебникъ Морзе принесъ ему болѣе двадцати тысячъ долларовъ; поперенная книга миссъ Десли дала ей двѣнадцать-тысячь долларовъ; Прескотъ получилъ девяносто-тысячь долларовъ.

При этомъ должно припомнить, что все населеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ состоитъ изъ двадцати-пяти милліоновъ душъ, изъ которыхъ надобно вычесть четыре милліона негровъ и краснокожихъ, а также и три милліона ирландцевъ, которые не читаютъ, несмотря что не выучились читать на оловяномъ островѣ, и всѣхъ вновь переселившихся англичанъ; кромѣ того должно также исключить два милліона нѣмцевъ, которые (изъ пяти милліоновъ нѣмецкаго населенія Соединенныхъ Штатовъ) еще не выучились по-англійски; и жидановъ въ Новой-Мексикѣ и Калифорніи; такъ что публика, читающей по-англійски, остается всего шестнадцать милліоновъ. Прибавьте еще къ огромному числу книгъ безсрочно огромнѣйшее число газетъ, и вы согласитесь, что сѣверо-американцы могутъ быть названы по преимуществу читающимъ народомъ.

Трудно, конечно, положить какую нибудь удаю на бельгійскія, лейпцигскія и сѣверо-американскія типографіи, такъ беззастѣно озабочившія въ чужихъ дачахъ, тѣмъ болѣе, что страшная дешевизна бельгійскихъ и сѣверо-американскихъ изданій ставитъ большинство публики на сторону этихъ литературныхъ бедуновъ; но нельзя же

не сомнѣться, что дѣло ихъ не совсѣмъ чистое, и что литературная собственность далеко не такъ ограждена, какъ собственность другого рода. Нѣтъ сомнѣнія, что эти сотни тысячъ копѣчныхъ экземпляровъ приносятъ огромную пользу, и что, благодаря имъ, въ настоящее время за каждую нибудь тысячу франковъ можно составить такую полную библиотеку величайшихъ и извѣстѣйшихъ произведений человеческого гения всѣхъ вѣковъ и народовъ, на какую въ прежнія времена надобно бы изтратить по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ; но современными писателямъ отъ этого не легче, и нельзя не сознаться, что они имѣютъ полное право на участіе въ выгодахъ отъ распродажи этихъ безчисленныхъ экземпляровъ, по крайней мѣрѣ въ той части выгоды, которая зависитъ не отъ отсутствія платы автору, а отъ множества расходящихся экземпляровъ, свидѣтельствующаго о внутреннемъ достоинствѣ сочиненія. Отсутствіе платы автору за право перепечатки сокращаетъ цѣну книги, если предположить даже эту плату весьма значительную, весьма немного: можетъ быть не болѣе, какъ на $\frac{1}{4}$ всего сокращенія: остальное уменьшеніе, остальные $\frac{3}{4}$, зависятъ отъ множества расходящихся экземпляровъ, такъ что авторъ и самъ бы продалъ свою книгу почти также дешево, если бы былъ увѣренъ, что она разоидется въ десяткахъ и сотняхъ тысячахъ экземпляровъ. Мы при нынѣшнемъ положеніи вещей, когда сотни бемгійскихъ, лейпцигскихъ и американскихъ типографій ждутъ только появленія на свѣтъ книги, доставляемой имъ на быстрыхъ крыльяхъ пара, чтобы превратить одинъ экземпляръ въ десятки тысячъ, авторъ, чѣмъ интереснѣе и современнѣе его твореніе, чѣмъ славнѣе его имя, чѣмъ больше потребности чувствуетъ публика въ его произведеніи, тѣмъ менѣе можетъ разсчитывать на распродажу своего изданія. И въ этомъ отношеніи великое новое изобрѣтеніе, увеличивающее быстроту перепечатанія, усовершенствующее красоту изданія, ускоряющее быстроту сообщеній, болѣе и болѣе уменьшаетъ проценты съ авторской собственности. Вотъ почему ни Диккенсъ, ни Теккерей, ни Госоризъ далеко не пользуются тѣми выгодами, которыя бы должны были принадлежать имъ по праву, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже будетъ идти дѣло. Механическія улучшенія перепечатки и перевозки сочиненій съ каждымъ днемъ возрастаютъ, и мы уже, соображая будущее по прошедшему, безъ особенной натяжки можемъ предвидѣть то время, когда книга, сегодня появившаяся въ Лондонѣ, на другой же день появится въ сотни тысячъ копѣчныхъ изданій и разомъ въ Брюсселѣ, Лейпцигѣ, Филадельфіи, Нью-Йоркѣ. Что тогда останется дѣлать автору, если людская справедливость не дастъ какого нибудь огражденія его собственности? Слѣдуя такому очевидно совершающемуся прогрессу усовершенствованій перепечатки, авторскій доходъ можетъ дойти до нуля. Книжничья контрабанда собьетъ цѣну его произведеній и въ его отечествѣ.

Но вотъ еще другой классъ литературныхъ бѣдуновъ, въ особенности расшаривающихся въ послѣднее время въ Германіи и Англіи. Это

классъ составителей альманаховъ, книжковъ, альбомовъ, подарковъ къ Рождеству, къ Новому году, къ именинамъ, мнѣнь миленькимъ друзьямъ, мнѣнь маленькимъ пріятелямъ, прекрасному полу и т. д., и т. д. Такіе господа необыкновенно щедрѣ на заглавія и до того переполнены любовью къ своимъ читателямъ и читательницамъ, что готовы для пользы своихъ дорогихъ, милыхъ покупателей обокрасть родного отца. Но по крайней мѣрѣ въ этихъ букетахъ цвѣтовъ можно разобрать кому принадлежитъ каждый цвѣтокъ, а кому и веревочка; но чтѣ дѣлать съ такими господами — а ихъ каждый годъ разводится больше и больше — которые смѣло и безъ всякой застѣнчивости выставляютъ свое имя въ заглавномъ листѣ или, рѣшившись подмахнуть его подъ журнальную статью, послѣ нѣсколькихъ глубокомысленныхъ и проникнутыхъ задумчивостью фразъ, начинаютъ безъ всякаго зазрѣнія грабить двухъ и много грѣхъ авторовъ, понавшихъ къ нимъ на столъ, не пестря своей книги или статьи выносными цыпочками или осылками. Такими геройскими средствами въ одну недѣлю трудолюбивой переписки и много что перевода готовится оригинальное ученое сочиненіе, философскій трактатъ, біографія знаменитаго полководца или писателя, и съ такимъ знаніемъ малѣйшихъ случаевъ изъ его жизни, что добросердечному читателю остается только позавидовать счастью автора, бывшему, безъ сомнѣнія, въ самой тѣсной дружбѣ съ описываемыми великими государственнымъ людьми или великими писателями. Критика, берущая въ этомъ случаѣ на себя роль полицейскаго сыщика, рано или поздно обличаетъ похищенія; но въ томъ-то и дѣло, что *рано* или *поздно*. Число такихъ спекуляторовъ съ каждымъ днемъ такъ умножается, условия ихъ такъ осложняются, что за всѣми не угладишь и скорѣе поймашь лондонскаго уличнаго карманнаго артиста, нежели такого господина. Между тѣмъ книга уже посвящена какому нибудь извѣстному лицу, или статья нашла себѣ мѣсто на страницахъ лучшаго журнала, деньги получены, а часто и рубли, котораго не разобьешь съ одного щелчка. Такимъ образомъ, появляются постоянно исторіи того или другого государства или той, или другой эпохи, но новѣйшимъ, только что открытымъ источникамъ, біографіи знаменитыхъ писателей всѣхъ странъ, путешествія и т. п.

Есть еще нѣсколько второстепенныхъ видовъ литературнаго грабежа, но мы бы очень душно употребили наше время, еслибы посвятили ему всѣ остальные страницы, а потому укажемъ лучше на нѣсколько замѣчательнѣйшихъ литературныхъ новостей, замѣченныхъ иностранною критикою.

Въ Германіи обращаетъ всеобщее вниманіе новой романъ Отто Мюллера «Шарлотта Анкерманъ». Вотъ чтѣ говорить объ этомъ романъ критика:

«Отто Мюллеръ, познакомившій уже насъ съ нѣсколькими трогательными сердечными исторіями прошедшаго столѣтія, подарилъ намъ новый романъ, въ которомъ онъ снова беретъ то же время и тотъ же предметъ. Здѣсь снова представляется оца намъ благородную, но стра-

стиую художническую натуру въ борьбѣ съ суровымъ холодомъ дѣйствительной жизни. Героинею этой новой трагедіи сердца, рассказанной въ формѣ романа, является Шарлотта Аккерманъ, сестра Шрёдера, гениальная актриса цѣлующаго времени нѣмецкой сцены.

Мы вѣрнимъ съ трудомъ, читая о той необыкновенной и трогательной печали, которая овладѣла жителями Гамбурга при извѣстїи о внезапной и преждевременной кончинѣ знаменитой артистки. Когда извѣстїе объ этой смерти — рассказываетъ Эд. Девриентъ, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ — достигло биржи, то ея немолчный говоръ въ минуту смѣнился мертвою тишиною. Въ день погребенія весь городъ облекся въ трауръ. Сцена была закрыта въ продолженіе осьми дней, и публика явилась въ театръ въ траурѣ. Поэмы, некрологи, воззванія, дѣбаты о памятникѣ не имѣли конца....

Но тотъ поступокъ бы не совершенно справедливо и не отдалъ бы должной чести гениальности молодой артистки, кто приписалъ бы все глубокое впечатлѣніе, произведенное ея смертію, одной преждевременности этой смерти. Шарлоттѣ не было еще осьмнадцати лѣтъ, когда, 8 мая 1775 года, она была навсегда похищена у искусства. Вечеромъ почувствовала она себя нездоровою, но еще играла въ маленькой комедїи и танцовала въ балетѣ, — а въ часъ по полуночи ея уже не было.... Говорили, что Шарлотта, во время своего пребыванія въ Шлезвигѣ, упала съ лошади; другіе толковали о стаканѣ воды, выпитомъ враскорю, третїе — о глубокомъ оскорбленїи, нанесенномъ ей ея братомъ, передъ самымъ спектаклемъ. Ф. Мейеръ, биографъ Шрёдера, говоря объ этомъ предметѣ, становится неяснымъ; онъ приводитъ всѣ три причины извѣстїя. Гораздо болѣе вѣроятїя имѣеть за себя тотъ, скоро распространившійся слухъ, что главнѣю причиною смерти великой артистки была сердечная скорбь отверженной любви.

Въ 1776 году появилась въ Гамбургѣ переписка между Шарлоттою и ея другомъ Софіею Ундеръ, Доротеєю Аккерманъ и майоромъ З. (Зильбургъ), который вербовалъ тогда въ Гамбургѣ солдатъ для Данин и писалъ къ Т. въ Копенгагенъ. Изъ этой переписки видно, что молодая артистка отдала свое страстное сердце гениальному, но дикому и необузданному искателю приключеній, Зильбургу, который очень скоро оказался недостойнымъ любви Шарлотты. Подлинность этой переписки не была признана Шрёдеромъ. Онъ утверждалъ, что въ ней нѣтъ ни одного слова правды. Но это опроверженіе Шрёдера не можетъ имѣть большого значенія. При второй части этой переписки издатель достаточно доказываетъ ея подлинность и опровергаетъ Шрёдера и его друзей. Самая рѣдкость этого изданія подтверждаетъ его истинность. Она сохранилась въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ: одинъ находится у одного гамбургскаго библіомана, другой у Шнейдера въ Берлинѣ, и можетъ быть гдѣ нибудь еще одинъ или два экземпляра. Слухъ, что Шрёдеръ самъ скупилъ всѣ остальные экземпляры, имѣеть много основаній.

Но, какъ бы то ни было, а при такихъ обстоятельствахъ никто имѣлъ полное право сдѣлать эту переписку основой своего произведенія и этому произведенію дать имя Шарлотты Амгерманъ. Смерть талантливой артистки являлась привлекательною психологическою задачею, которая была достойна того, чтобы ее рѣшило искусство.

Отто Миллеръ счастливо разрѣшилъ эту задачу. Характеръ Шарлотты обрисованъ художнически. Сначала мы видимъ еще невозможную, гениальную художническую душу, живущую только въ мірѣ искусства: она велика въ этомъ мірѣ потому, что ея собственная личность запечатлѣна гениемъ, потому, что, выражая великія произведенія поэзій, она выражаетъ самое себя. «Рутландъ» въ Эссексѣ ея лучшая роль: любящая женщина, исполненная мечтательности и самаго глубокаго задушевнаго чувства, счастливая женщина, безконечно наслаждающаяся полнотою своего собственнаго чувства, — героиня въ минуту опасности, страдающая, преданная отчаянію женщина — вотъ вся сила ея души, ея собственное существо. Но горе, страшное горе ждетъ эту женщину, если она, пробудясь отъ своей художнической мечты, захочетъ отыскать въ дѣйствительной жизни ту поэзію, которую она находила до сихъ поръ только на сценѣ. И, тѣмъ не менѣе, это не могло не случиться! Она познакомилась съ Зильбургомъ. Его прошлое богато приключеніями, въ его натурѣ много величія и поэзій, а если и есть что нибудь низкаго и мещистое, то этого не видно, не хочетъ видѣть ослѣпленная артистка и безпрестанно вызываетъ свое любящее сердце на прощаніе, на забвеніе, на героизмъ любви. Свою художническую мечту она переноситъ на сцену дѣйствительной жизни. Она съ каждымъ днемъ глубже и глубже погружается въ море заблужденія, и наконецъ ей дѣлается невозможно долѣе закрывать глаза. Она не можетъ уже обманывать себя долѣе, не можетъ не видѣть, что отдала свое сердце недостойному, который любилъ ее только до тѣхъ поръ, пока эта любовь льстила его тщеславію и не противорѣчила легкости его нравовъ и его положенію въ свѣтѣ. Но какъ ей спастись изъ этого водоворота? Повадно: стрѣла слишкомъ глубоко вонзилась въ ея окровавленное сердце; а самъ Зильбургъ сдѣлалъ для нея эту борьбу невозможною. Оскорбленный ея отказомъ, оскорбляемый Шрёдеромъ, обдумывающимъ месть за сестру, Зильбургъ начинаетъ преслѣдовать несчастную дѣвушку; какъ демонъ минувшаго времени, онъ встрѣчаетъ ее каждую минуту и на каждомъ шагѣ и глубже и глубже волнуетъ въ ея бѣдное сердце жало заботы и горя. Артистка, въ счастливое время высказывавшая свое сердце въ роли «Рутландъ», высказываетъ его теперь въ другихъ, болѣе печальныхъ роляхъ: въ Маріи Воарше, «Клавиго» Гёте и въ «Олвиіи», какъ высказывала Аврелія «Вильгельма Мейстера» свою скорбь словами Осели. Но ея прекрасное тѣло слишкомъ нѣжно для такой суровой судьбы: оно не выдерживаетъ этихъ битвъ.

Всѣмъ этого главнаго характера группируются личности Зильбурга, Унцера, Шрёдера, Гёца, и мы приобретаемъ такое живое и наглядное

понятіе о задушевной жизни тогдашняго времени, что даже и съ этой, чисто-исторической точки зрѣнія, новый романъ Отто Мюллера можетъ быть названъ замѣчательнымъ явленіемъ.

Этого историческаго достоянства, если можно такъ выразиться, даже слишкомъ много въ романѣ. Романистъ не всегда удачно вставляетъ историческіе факты въ поэтическій разсказъ. Многія письма, помѣщенныя цѣлкомъ изъ вышеупомянутой нами переписки, приговоръ Шюпа объ игрѣ Шарлотты въ роли Оливіи и Десслемовы слишкомъ мало связаны съ ходомъ повѣствованія и, не открывая для насъ новыхъ области историческаго романа и исторической драмы, гдѣ все правда и все вымыселъ, напоминаютъ намъ, что мы читаемъ то вымыселъ, то истину. Этотъ недостатокъ еще яснѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, разсказывая вымышленныя происшествія, авторъ сбивается на тонъ историка. Авторъ не показываетъ намъ сначала, какъ бы слѣдовало романисту, причинъ и не выводитъ изъ нихъ послѣдствій, а, наоборотъ, какъ историкъ объясняетъ явленія причинами. Однимъ словомъ, читая этотъ романъ, мы слышимъ скорѣе прекрасную біографію, нежели мастерскій вымыселъ Гёте, который въ своемъ «Вертерѣ» и въ своемъ «Клавиго» показывалъ, какъ долженъ пользоваться новѣе фактами. Но къ чему отыскивать дурное въ такомъ множествѣ прекраснаго и возвышеннаго?

Мы не знаемъ романа Отто Мюллера, но, судя по словамъ критики, полагаемъ, что германскій романистъ подчинился тому общему современному направленію, вслѣдствіе котораго біографіи становятся похожи на романы и романы на біографіи, — направленію, которое сильнѣе всего выразилось въ англійскихъ писателяхъ. — Не отрицая въ которыхъ достоинствахъ у такого направленія и болѣе всего той печати въроподобія, которое оно кладетъ на вымыселъ, и занимательности, которую оно придаетъ біографіи, мы не можемъ, однако же, не замѣтить, что это направленіе, сливая романы и біографіи въ одинъ родъ произведеній, отнимаетъ у нихъ обонхъ то, что составляетъ ихъ характеристическую и необходимую особенность, — у біографіи: строгость истины, строгость, иногда сухую, но необходимую; у романа: возможность стройной поэтической концепціи, можетъ быть, идеальной, но необходимой въ произведеніи повѣи біографіи, написанная перомъ романиста, стремится связывать такіа отдѣльныя происшествія къ жизни лица, котораго, можетъ быть, вовсе не были связаны въ дѣйствительности, или если и были, то такими глубокими и сокровенными нитями, до которыхъ невозможно доконаться фантически, которыхъ не могло сознать, можетъ быть, и само то лицо, жизнь котораго описывается. Оглянитесь назадъ на свое прошлое: сколько замѣчательныхъ внутреннихъ или вѣншихъ событій, величайшихъ никакихъ послѣдствій! сколько незабываемыхъ чувствъ, пролетѣвшихъ какъ вѣтеръ по прѣстальной поверхности озера! сколько неизреченнхъ надеждъ, никогда и не въ чемъ не осуществившихся, страшныхъ, одинокихъ всплесковъ характера, никогда уже потомъ не повторявшихся, неожиданныхъ, ни отъ чего независимыхъ перемѣнъ въ

вашей собственной души, — и вы согласитесь, что вы сами, без большой натяжки, без вымысла, которому в этом случае так легко подчиняется ум человека, ищущий во всем гармонии и единства, — не могли бы представить в стройном, поэтическом создании истории вашей жизни, хотя, конечно, во всякой жизни есть поэзия. И наоборот: роман с биографическим направлением, будь он написан пером автора «Ярмарки Тщеславия» и «Шендениса», никогда не будет иметь той художнической полноты и оконченности, которая только одна дает поэтическому созданию права на вечное и живое существование, среди оконченных созданий природы, истории и художнического гения человека. Мы склонны думать, что живая, глубокая, умная форма теккереевских рассказов, несмотря на всю свою увлекательность, есть только форма переходная: это этюды великого художника, разбросанные по клочкам, — этюды, в которых художник приучает свою руку к мягкой верности природе, затѣм, чтобы эта рука не изменила ему, когда он будет воспроизводить перед нами стройный, оконченный идеал какой-нибудь стороны действительной жизни. Читая «Шендениса», мы читаем удивительно, мастерскую, гениальную биографию, или, лучше, автобиографию, но не роман, — эту прозаическую поэму, как называл ее Гоголь, но без основания. Читая «Оттилию» (*Die Wahlverwandschaft*) и даже «Вертера Гёте», мы видим удивительно-глубоко-обдуманное, поэтическое, цельное создание, от которого нельзя без варварства отнять ни одной черты, к которому нельзя прибавить ни одного эпизода; тогда как этих эпизодов, может быть, множество отнято и убавлено в созданиях Диккенса и в особенности Теккерея, хотя Теккерей далеко опередил Диккенса в умении подмечать и выражать самые тонкие, ядовитые, а язвительные и поэтические черты действительной жизни. Но великие по форме создания Гетё, как далеки они по живому содержанию от создания Теккерея! Мы думаем, что сядя опытность современного юмориста и поэтическая свежесть его душевных движений найдут когда-нибудь себе художническую форму, в которой все неисчерпаемое разнообразие действительной, а не идеализированной жизни (как у Гетё) найдет себе художнически-стройное и оконченное выражение. Вот на каком основании мы называем биографическую форму романов формой переходною и думаем, что романист не должен никогда упускать из виду, что он пишет не биографию, а прозаическую поэму. В этой поэме, как во всякой поэме, всё происшествие и всё малѣйшія черты многочисленных характеров, строго верные действительности, должны связываться не исторіею жизни одного человека, а одной идеею, — не философскою, как у Бульвера, не полемическою, как у Жорж-Санда, но возникшею в поэтическом вдохновении, созрѣвшею в жару поэтической фантазии, и построенной по непреложным законам художнического такта, как у Гёте. Читая романтическія произведения Франціи, Англіи, Германіи, Сѣверной Америки, мы невольно приходимъ къ тому

заключенію, что у каждаго изъ этихъ народовъ вырабатываются отдѣльными стороны романа: кто-то сошьетъ ихъ въ одну повѣсть?

Германскіе романисты въ послѣднее время ѹклонились отъ дороги, указанной имъ Гёте, и сдѣлали очень дурно: одни, помельче, пустяшески подражать горячешному бреду французскихъ писателей, другіе, поумише, неподражаемому юмору англичанъ и, утративъ почву народнаго характера, поражены замѣчательнымъ безилодіемъ. Въ Англіи истина біографій видимо одолеваетъ поэтическую концепцію: Теккерей въ своемъ «Эсмондѣ» до того вѣренъ вѣку и лицамъ, которыхъ онъ рисуетъ, до того подражаетъ даже языку того времени, что романъ исчезаетъ и передъ глазами проходитъ отвратительно-грязная хроника. Самъ герой не стоитъ того, чтобы облекать его существованіе въ поэтическую форму: онъ жертвуетъ для своей любовницы спойствиемъ тысячъ и собственными своими убѣжденіями. Онъ отвратителенъ, но окружающія его лица еще чернѣе, и челоюлку, прочитавъ этотъ романъ, остается только сказать: «какое сиверное было время!»

А вотъ другое произведеніе, неизвѣстнаго автора, въ которомъ есть и юморъ, и вѣрность взгляда, и талантливость въ выраженіи, и множество истинно краснорѣчивыхъ страницъ; но нѣтъ одного — романа, даже болѣе — нѣтъ простой связи происшествій. — Это-то «Вальтеръ Эвелинъ или длинное несовершеннѣе» (Walter Evelin or, the Long Minority. in 3 volumes. Bentley). Вотъ какой отзывъ даетъ The Illustrated London-News объ этомъ новомъ и въ высшей степени біографическомъ романѣ, имѣющемъ въ превосходной степени всѣ достоинства и недостатки этого рода произведеній:

«Маломанный калейдоскопъ, жгутъ ярнхъ лентъ, цвѣты, сбитые въ кучу, вавилонское смѣшеніе дипломатическихъ приемовъ могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ чувствѣ, которое овладѣваетъ читателемъ при прочтеніи этого романа. При глубокомъ знаніи жизни, происходящемъ отъ правильнаго и зорнаго наблюденія, при замѣчательныхъ литературныхъ способностяхъ, большомъ умѣ, краснорѣчии и значительной долѣ юмора, автору «Вальтера Эвелина» недостаетъ одного изъ самыхъ рѣдкихъ и самыхъ высокихъ литературныхъ достоинствъ — терпѣнія, чтобы сдѣлаться самымъ вѣрнымъ, занимательнымъ и талантливымъ живописцемъ современнаго высшаго общества, и притомъ въ такой степени, какой не достигалъ еще ни одинъ писатель. Коротко знакомый съ манерами и характерами людей, которыхъ онъ рисуетъ, онъ создалъ бы произведеніе самое замѣчательное, если бы хорошо оставилъ интригу. Всѣ лица, попавшія подъ его перо, костюмированы удивительно, дѣйствуютъ и говорятъ съ замѣчательною легкостью и натуральностью, но сбиты въ кучу, перемѣшаны, разбросаны куда попало безъ всякаго уваженія къ послѣдовательности и любопытству читателя. Но, тѣмъ не менѣе, романъ всегда занимателенъ, а иногда и поучителенъ.»

Рассказывать ли вамъ исторію Эвелина, внука семидесятилѣтняго оглуѣвшаго пера, племянника самаго бронзоваго изъ англійскихъ дип-

ломатовъ, юности, находящагося подъ опекой графа Виннингтона; преняго лондонскаго дебошира высшаго тона, а теперь служащаго на дипломатической части и способнаго разворить кого угодно, только не самого себя: онъ купилъ нѣсколькихъ композиторовъ и, выдавъ ихъ сочиненія за свои, прослылъ за глубокаго музыканта; онъ содержитъ оперную танцовщицу и жертвуетъ для нея своими семейными и общественными обязанностями; онъ даже обезумѣлъ, и только одно богатство и громкій титулъ спасаютъ его отъ законныхъ послѣдствій безумія.

Подъ такой опекой юность Вальтера Эвелина должна была быть богата приключеніями; но намъ некогда ихъ рассказывать, — и пора кончить.

Что же сказать вамъ еще новенькаго? Зима, улегшаяся было на время въ западной Европѣ, снова распотѣшилась въ февралѣ. Въ Римѣ газовые фонари собираютъ вокругъ себя каждую ночь густую толпу любопытныхъ, а землетрясенія пугаютъ не на шутку. Въ восточной Азіи открыто огромное богатство каменнаго угля; но эта послѣдняя новость такъ важна, что мы поговоримъ о ней въ слѣдующемъ номерѣ. Много и литературныхъ новостей, но всего не перескажемъ. (*)

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ.

Итальянская опера. — Балетъ. — Балъ въ Благородномъ Собраніи. — Аукціонъ, лотерка и лотерея въ пользу приврѣзанныхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ. — Различныя масленичныя увеселенія, баллавы и прочее.

.... Мы начнемъ съ итальянской оперы....

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ двухъ возобновленныхъ операхъ итальянскаго сезона: объ «Отелло» (бенефисъ г. Тамберлика) и «Шуританахъ» (бенефисъ г-жи де-ла-Гранжъ). По единодушному приговору всѣхъ здѣшнихъ любителей, никогда «Отелло» не былъ данъ съ такимъ совершенствомъ и въ теперешнее время ни на одномъ театрѣ въ мірѣ невозможно представить что нибудь подобное. Стоитъ переписать афишу: Отелло — г. Тамберликъ, Дездемона — г-жа де-ла-Гранжъ, ся отецъ — г. Лаблашъ, Яго — г. де-Бассили, Родриго — г. Кальцолари. Это дѣйствительно великолѣпная обстановка! Опера шла удивительно и произвела фуроръ. Кромя самого г. Тамберлика, который какъ будто созданъ для роли Отелло и совершенъ слушателей въ восторгъ несокрушимою силой и страстностью своего пѣнія, этии единственно ему возможными грудными и энергическою, безхитростною своею игрою, — г-жа де-ла-Гранжъ прекрасная Дездемона. Лаблашъ истинно великъ въ сценѣ проклятія, г. Дебассили и г. Кальцолари превосходны въ своихъ хотя второстепенныхъ,

(*) Ang. Zeit.; The III. News; The Athen.; L'Iustr.; L'Indép. Belge, etc etc.

но написанныхъ для первостепенныхъ пѣвцовъ роляхъ. «Отелло» нынѣшняго сезона останется долго памятнымъ истиннымъ любителямъ музыки. «Пуритане» понравились менѣе. Г-жа де-ла-Гранжъ и тутъ прекрасна какъ вездѣ; но г. Кальцолари показался неудовлетворительнымъ послѣ Маріо, который роль Артура можетъ почитать однимъ изъ своихъ триумфовъ. Сама музыка «Пуританъ» насъ никогда особенно не восхищала: сладко въ ней уже черезчуръ сладко, а сильное нѣсколько вульгарно, какъ, напримѣръ, пресловутый дуэтъ: *Suoni la tromba intrepida*. Этими операми оканчивается нынѣшній итальянскій сезонъ, отличавшійся, какъ могли видѣть читатели, чрезвычайнымъ разнообразіемъ своего репертуара. И въ этомъ случаѣ нельзя не отдать полной справедливости нашей попечительной дирекціи. Мы надѣемся въ октябрѣ увидѣться со всѣми тѣми артистами, которые приобрыли и упрочили за собою расположеніе публики.

Балетная сцена приобрыла новую и очень недурную танцовщицу г-жу *Геллу*, между прочимъ, прекрасно выполняющую роль Маргариты въ новомъ, очень длинномъ и великолѣпно обставленномъ балетѣ «Фаустъ», который данъ былъ въ первый разъ въ бенефисъ г. Перо. Балетъ имѣлъ успѣхъ блистательный, что и неудивительно, при хореографической фантазіи г. Перо и при такомъ коръ-де-балетѣ, какъ у насъ. Г-жа Суровщикова, воспитанница Императорскаго Театральнаго Училища, выполнила роль Марты — одну изъ важныхъ ролей въ балетѣ — съ большимъ искусствомъ.

Вообще прошедшій (февраль) мѣсяцъ былъ замѣчательнѣе необыкновеннымъ разнообразіемъ публичныхъ увеселеній, чему отчасти причиною была масляничная недѣля. Нѣкоторые изъ этихъ увеселеній связанны были съ благотворительною цѣлю, и въ этомъ случаѣ дѣятельность Общества Посѣщенія Бѣдныхъ обращаетъ на себя прежде всего вниманіе. Общество дало балъ съ безпроигрышной лотереей, въ залахъ Благороднаго Собранія (на Литейной, въ домѣ графа Орлова), на которомъ было большое стеченіе публики, и кромѣ того въ залахъ князя Н. Б. Юсупова устроило аукціонъ, также безпроигрышную лотерею и базаръ, въ которомъ принимали самое дѣятельное участіе почти всѣ наши свѣтскія дамы. Базаръ, аукціонъ и лотерея продолжались пять дней. Зала, гдѣ выставлены были разыгрывавшіяся вещи и гдѣ находился базаръ, была устроена г. архитекторомъ Водовымъ, членомъ Общества, съ большимъ вкусомъ.

Зала эта имѣетъ продолговатую форму: при входѣ въ нее мраморныя колонны, поддерживающія хоры, на которыхъ игралъ оркестръ музыки князя Юсупова: лѣвая, свѣтовая сторона была заглаута красною матерією, а зала освѣщена люстрами; по красной матеріи, отъ самаго потолка, были расположены полки, на которыхъ, среди лампъ и зелени, помѣщались разнообразныя выигрыши лотереи, разставленные съ большимъ искусствомъ. Но гораздо привлекательнѣе была правая сторона: тамъ, какъ и въ концѣ залы, противоположномъ входу, были устроены восемь лавокъ армарки, обитыя крас-

ныиъ же, украшенныя зеленью и цвѣтами. Въ этихъ лавкахъ дамы занимались благотворительною продажей. Въ первой лавкѣ продавались лотерейныя билеты, во второй — стѣвные припасы; третья, четвертая и пятая заключали въ себѣ разнообразныя предметы; въ шестой — преимущественно сигары; въ седьмой, устроенной въ видѣ избы — дѣтскія игрушки; въ восьмой, имѣвшей видъ бесѣдки изъ березы и соломы — букеты и цвѣты. Въ самой серединѣ, между лавками, помѣщалась выставка серебряныхъ вещей, назначенныхъ для будущей лотереи Общества, которая разыграется 14 марта. Серебро это, расположенное въ нишѣ, среди зелени представляло видъ блестящаго каскада.... Участіе дамъ придадо необыкновенную пріятность этому благотворительному празднику.

Масляничная недѣля была, какъ и всегда, очень шумна. Утренніе и вечерніе спектакли, катанья, пикники, балы, маскарады и наконецъ балаганы, — все это занимало, по обыкновенію, петербургскихъ жителей. Балагановъ въ нынѣшнемъ году было много: если не ошибаемся, тринадцать или четырнадцать. Тутъ были съ своими труппами и Легать, и братья Шпози, и семейство Вейнертъ, и Раппо, и звѣринецъ Зама, и проч.... Представленія Легата въ нынѣшнюю Масляницу не совсѣмъ, впрочемъ, удались. Въ одной изъ панорамъ показывалась картина Синопскаго сраженія.

Въ сію минуту успокоившійся отъ удовольствія Петербургъ готовится къ концертамъ, о которыхъ мы сообщимъ нашимъ читателямъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

МОДЫ.

Въ Парижѣ на прогулкахъ (даже!) начинаютъ появляться на шляпкахъ маленькіе шлейфы; но эта мода, вѣроятно, не найдетъ себѣ много подражателей, какъ и мода на коротенькіе лифы временъ Имперіи. Если шлейфъ можетъ придать красоту и величавость дамскому туалету на балѣ, зато на бульварѣ онъ уже не имѣетъ рѣшительно смысла. Для прогулокъ дѣлаютъ платья шолковыя и изъ индѣйскаго кашемира, вышитыя спереди шелками въ видѣ передника. У такихъ платьевъ лифы, конечно, закрытыя. Бурнусы и тальмы — бархатныя, обшитыя кружевами или мѣхомъ; много также суконныхъ и плюшевыхъ воротниковъ, въ родѣ тальмы. Туалетъ для гулянья вообще изъ темныхъ цвѣтовъ. Шляпки атласныя, съ плюшевыми тульями. Цвѣты замѣняются лентами и блондами. Визитныя платья также преимущественно изъ темныхъ цвѣтовъ — муаръ-антикъ, и гладкія бархатныя. Бархатъ употребляется нынѣ исключительно для утренняго туалета. На балахъ онъ вовсе не въ употребленіи. Новая матерія для визитныхъ платьевъ — муаръ съ воланами, которые затканы бархатными цвѣтами — очень красива. Въ большомъ употребленіи также лифы изъ лентъ и прошивокъ, — это для экономіи. Такіе лифы хороши для платьевъ не совсѣмъ свѣжихъ.

Теперь поговоримъ о бѣльѣ: это статья важная, особенно въ приданомъ.

Рубашки батистовыя дѣлаются на узенькой прошивкѣ, рукава маленькіе и гладкіе, вышитые; внизу тоже вышивка. Эти рубашки обшиваются валансѣнскими кружевами, въ два пальца ширины.

*

Полотняныя рубашки не обшиваются кружевами; для нихъ дѣлаются мелкіе фестоны вмѣсто кружевъ. Кофты батистовыя, съ роскошной вышивкой гладью и съ кружевами валансьенъ. Ночныя чепчики батистовые или кисейные, на шелковыхъ цвѣтныхъ подкладкахъ. Платки носовые изъ тончайшаго батиста, обшитые фестонами въ нѣсколько рядовъ. Пенюары, изъ батиста и тонкаго жаконъ, подходятъ близко къ фасонамъ кофточекъ, только подлиннѣе послѣднихъ и рукава шире. Вышивка и кружева составляютъ ихъ главное украшеніе. Юбки вышиваются до колѣнъ, а если внизу вышивка небольшая, то до колѣнъ идутъ мелкія складочки.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВРАНАШЪ. — II.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГНОМЫ И ЗНАМЕНИТАЯ АРТИСТКА.

(ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ИЗЪ ПОДЗЕМНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.)

(Посвящается памяти *Александра Анфилоевича Орлова* и живымъ литературнымъ славамъ, преемше всѣхъ стоящимъ — *Курьель Пруткову* и *Носому Поэту*.)

Сцена представляетъ небольшую комнату выложенную и какъ будто вылизанную лыжкомъ; на столѣ — книжечки съ золотымъ обрѣзомъ, на вѣткахъ — зубочистки въ бисерныхъ чехлахъ, ящички съ позолотой и картинками, конфеты въ красивыхъ бумажкахъ, и проч., на полкахъ — ермычки съ узорами и различными остроумными надписями. Гномъ-сочинитель, хозяинъ этой комнатки, субтильно сложенный, съ самодовольной мордочкой, въ очкахъ, въ архаичкѣ съ бранденбургими и въ ермолкѣ, вышитой узорами изъ рыбьей чешуи, прикрывающей голое его темя, на которомъ не осталось и слѣда шерсти, охорашивается и самодовольно улыбается при взглядѣ на лежащую передъ нимъ на столѣ книгу, напечатанную нотами, стихами, куплетами, литографіями, фотографіями, различными рисунками, на которыхъ изображены, неизвѣстно для чего, какія-то барышни съ цвѣтками въ рукахъ и съ тамбуринами. Передъ гномомъ-сочинителемъ сидитъ лягушка на заднихъ лапкахъ, одѣтая по лапски, съ такою же кнвигю въ рукѣ и съ глаубокомысленнымъ видомъ. Отъ времени до времени гномъ изъжно переглядывается съ лягушкой.

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКѢ.

Около половины одиннадцатаго. Я думаю, скоро соберутся всѣ наши. Любопытно выслушать ихъ сужденіе о знаменитой артисткѣ. Игру ея вѣроятно слѣдуетъ подвергнуть строгому критическому обсуждованію. Я уже замьслилъ планъ серьезной статьи о ней, которая будетъ опираться на мзарѣніе Лессинга о драматическомъ искусствѣ.

ЛЯГУШКА ВЪ ДАМСКОМЪ ПЛАТЬЕ.

Ничего вѣтъ хорошаго въ этой актрисѣ: нечего о ней много разсуждать.

(Сердится и начинаетъ злобно кивать. Раздается звонокъ, и черезъ минуту ядается маленький литературный гномъ съ красными щечками, какъ бы натертыми сургучемъ, съ брюшкою и лысвой. На лѣвой лапкѣ его бѣлая перчатка. Онъ выступаетъ важно и медленно, какъ бы обдумывая что-то, и вертитъ правой рукой табакерку, фыркая отъ времени до времени. Его мордочка сіяетъ и лоснится самодовольствіемъ.)

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКѢ.

А! откуда? не изъ театра ли?

ГНОМЪ СЪ ТАБАКЕРКОЙ.

Мое почтеніе. — Нѣтъ. — Я изъ дому: писалъ критическую статью объ одномъ новѣйшемъ модномъ романѣ. Вотъ, батюшка, увидите, какъ я отдѣлалъ этихъ модниковъ-то! (*Ухмыляется и нюхаетъ табакъ, съ разстановками, въ два пріема.*) Ну, а чтожь, романъ-то мой вы купите? Серьезно говорю, это хорошая вещь, и мнѣ дадутъ уже за него изрядную цѣну. Хотя эти модники насъ и не считаютъ литераторами, но я, который двадцать-четыре года занимаюсь литературой, я докажу имъ, какъ дважды-два — четыре, что они....

(Второй звонокъ. Входятъ вдругъ нѣсколько литературныхъ гномовъ. На первомъ планѣ выступаетъ гномъ болѣе похожій на бѣлваго и длиннаго червя, съ мутными глазами, въ золотыхъ очкахъ, съ прегордымъ и заносчивымъ видомъ и съ совершенно равнодушнымъ и спокойнымъ выраженіемъ, какъ бы показывающимъ, что для него вѣтъ уже тайнъ ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, ни въ жизни. Манеры и вся вѣщность этого гнома проникнуты глубочайшею свѣтскостію. За нимъ суетится другой гномъ, вѣсело золосъ съ банной началкой на головѣ, пропитанный запахомъ морскихъ травъ, подолбывателъ и надувающий носомъ какія-то зримъ. Въ его манерѣ — энциклопедическое спокойствіе. Онъ раскланивается присутствующимъ, подходитъ къ лапкѣ лягушки, бросается на книжки и начинаетъ рыться въ нихъ жордой. Остальные гномы совершенно уже ничтожны отдѣльно, каждый самъ по себѣ; но въ цѣломъ они имѣютъ значеніе хора.)

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКѢ (къ двумъ первымъ вошедшимъ гномамъ).

Очень радъ, очень радъ, милости просимъ.

(Гномъ въ золотыхъ очкахъ, безмолвно киваетъ головой и отползаетъ въ сторону, гордо поспатривая на всѣхъ. Гномъ съ началкой на головѣ крѣпко жметъ руку хозяина и наталкивается на другихъ гномовъ и всѣмъ одинаково вѣжно жметъ руки, за слѣпотою не отличая никого.)

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКѢ.

Ну, что? ну, какъ сегодня вы нашли ее, господа? Хорошее ли вы впечатлѣніе вынесли? Удовлетворяетъ ли она въ роли Климентины строгимъ требованіямъ искусства? Лессингъ въ своей *Драматургіи*....

ГНОМЪ СЪ ТАБАКЕРКОЙ. (идти заложивъ руки
назадъ съ важностію и
вдругъ перебиваетъ).

Я не знаю, господа, но, по моему (*вертитъ глубокомысленно табакерку между пальцами*), по моему.... она только можетъ вредить зарождающемуся у насъ искусству и отвлекать вниманіе отъ своихъ, национальныхъ талантовъ (*важно нюхаетъ*). Я, конечно, не придаю себѣ Богъ знаетъ какого значенія въ литературѣ, но все-таки... ги! я имѣю же хоть маленькое значеніе, я хоть что нибудь да сдѣлалъ же (*раздражался и нюхал*). Конечно, литературные модники пренебрегаютъ моими сочиненіями; но что же они сами сдѣлали? Я имъ докажу, что они ничего не значать, — докажу.... Я, по крайней мѣрѣ, описываю жизнь какъ она есть, а они.... Но дѣло не въ томъ: эта знаменитость, пріѣхавшая къ намъ, уже нанесла существенный вредъ однимъ тѣмъ, что съ минуты ея появленія здѣсь ни одна книга нейдетъ. Это фактъ, господа. (*Опять нюхаетъ*.) Книжная торговля совсѣмъ остановилась. Мой романъ, который сначала пошелъ было такъ хорошо....

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКѢ (съ просіей).

Не въ томъ дѣло... Какъ выполнила она сегодня роль Клитемнестры? вотъ вопросъ.

ГНОМЪ ВЪ ЗОЛОТЫХЪ ОЧКАХЪ (медленно и съ разстановкой).

Въ ней одна пластика да еще, можетъ быть, мимика. Пластика и мимика — болѣе ничего. Одно и то же всегда и во всѣхъ роляхъ — пластика и мимика! Впрочемъ, я уже высказалъ все это въ одномъ изъ моихъ фельетоновъ.

ГНОМЪ СЪ МОЧАЛКОЙ НА ГОЛОВѢ (покачивая мочалкой и глубокомысленно выдвигая свои губы впередъ, пѣвучимъ тономъ).

Ну да, ну да....

ЛЯГУШКА ВЪ ДАМСКОМЪ ПЛАТЬѢ.

Да и что за роли въ классическихъ пьесахъ! одна декламация и одніѣ фразы

ГНОМЪ СЪ МОЧАЛКОЙ НА ГОЛОВѢ.

Ну да, ну да....

ОДИНЪ ИЗЪ МЕЛКИХЪ ГНОМОВЪ.

Однако, въ ней много страсти. Она превосходно выражаетъ гнѣвъ, ненависть....

ГНОМЪ СЪ МОЧАЛКОЙ НА ГОЛОВѢ (покачивая мочалкой).

Правда. Ну да, ну да, да, да!

ДРУГОЙ ИЗЪ МЕЛКИХЪ ГНОМОВЪ.

Гнѣвъ — такъ; но ненависть она выражаетъ слабо.

ГНОМЪ СЪ МОЧАЛКОЙ НА ГОЛОВѢ.

Можетъ быть, конечно.... Ну да, да, да.

ГНОМЪ ВЪ ЗОЛОТЫХЪ ОЧКАХЪ (поднимъ голову).

Пластинка и миника! болѣе ничего. Я это высказалъ въ моемъ сельскомъ, говоря о музыкѣ, и снова повторяю.

(Смысломъ осматриваясь взять при этихъ словахъ и гордо выпоказать изъ карманы.)

ГНОМЪ СЪ ТАБАКЕРКОЙ.

Но позвольте! если бы она не вредила національному искусству, развивающейся у насъ мысли, если бы, говорю я, не этотъ фактъ, что съ ея приходомъ книжная торговля остановилась.... что мой романъ.... Миѣ все равно: я, слава Богу, нажилъ литературой небольшой капиталецъ, могу жить безбѣдно, удалиться въ свою деревеньку, заняться сельскимъ хозяйствомъ.... Я.... что же? — надо сказать правду — на судьбу жаловаться не могу (*похвастъ, самодовольно улыбался, табаки*); но дѣло въ томъ, что эта заѣзжая знаменитость повредитъ всему искусству. *Мой романъ....*

ГНОМЪ СЪ МОЧАЛКОЙ НА ГОЛОВѢ (поетъ полъ ночь).

Ну да, ну да....

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКѢ (глубокомысленно).

Она рѣшительно ниже своей славы; она повредить намъ не можетъ. Я это прекрасно высказалъ въ моей статьѣ.

(Обращаясь къ гному съ мочалкой на головѣ, не выдерживаятъ своего серьезнаго тона и вдругъ, къ общему удивленію, заѣзжаетъ:)

Я утѣреть, и, конечно,
Согласитесь съ этимъ вы,
Подъ луной ничто не вѣчно:
Слава, почести.... увы!
Все проходитъ. Все здѣсь тлѣнно....
Остается лишь одно
Непреложно, непремѣнно:

(Указывая на книжку)

Вотъ онъ! вотъ онъ!
Книга, батюшка, Искусство;
Здѣсь положено ума,
Вдохновенія и чувства,
Пропросту скажу вамъ — тьма!
Это, сударь, не игрушки.
Это, сударь, я люблю,
Остальное жъ финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!
И артистка, что такъ нынѣ
Восхищается всѣхъ игрой,

(Обращается къ гному съ золотой табакеркой)

О ней завтра и вѣ поминѣ
Ужъ не будетъ, милый мой....

Потягается пусть съ нами!
Нѣтъ-съ, почтеніе мое!
Славны бубны за горама —
Мы раскусимъ и ее.
Удивить вишь насъ хотѣла....
Эка невидаль! Но мы
Разберемъ и это дѣло.
Не таковскіе умы!
Европейскую-то славу
Подавайте намъ.... «да, да!»
По какому это праву
Прикатили вы сюда?...
У насъ есть свои таланты
Сорта перваго. Вотъ какъ!...
Пусть кадятъ вамъ эти франты, —
Не дадимся мы въ просакъ....

ХОРЪ ГНОМОВЪ.

Браво, браво! Именно такъ....

(Когда крики смолкаютъ, гномъ съ мочалкой обращается ко всѣмъ съ значительною мнимою.)

Я написалъ, господа, стихи къ этой знаменитой (*при словѣ знаменитой злобная иронія показывается на его мордѣ*) актрисѣ; позвольте вамъ прочесть. (*Откашливается.*)

ВСѢ (*кромя гнома съ табакеркой*).

Читайте, читайте.

(Гномъ съ табакеркой бросаетъ завистливый взглядъ на гнома съ мочалкой, когда послѣдній начинаетъ торжественно читать слѣдующее :)

ЗНАМЕНИТОЙ АКТРИСЪ.

Огнями зала ярко блещеть....
Передъ восторженной толпой,
Что такъ безумно рукоплещеть,
Стоитъ античный образъ твой.
На головѣ твоей повязка,
Скрываетъ пѣплумъ гибкій станъ....
Близка трагедіи развязка....
Бушуетъ страшный ураганъ
Въ груди твоей. Твой звучный голосъ
Все возвышается.... Какъ громъ
Рокочетъ онъ. И дыбомъ волосъ
Встаетъ у зрителя. И въ томъ
Сомнѣнья нѣтъ, что ты какъ Фел
Легко и дивно создана;
Что ты, какъ древняя камея,
Изящной тонкости полна....

Твои движенья величавы,
Полны соблазна красоты,
И европейской громкой славой
Гордиться смѣло можешь ты!

Но.... мысли внутренней послушень,
Искусство горячо любя,
Однѣ — недвиженъ, равнодушень,
Гляжу я грустно на тебя!
Очей съ тебя свести нѣтъ силы;
Но все подъ образомъ Камиллы
Лохмотья нищей вижу я!
Я вижу, дѣвочкой безвѣстной,
Отъ рынка ты не вдалекѣ,
По грязной улицѣ и тѣсной
Бредешь съ котомкою въ рукѣ;
Уста жуютъ кусочекъ булки
И глазъ отъ жадности горить,
Когда тыходишь въ закоулки,
Гдѣ въ лавкѣ окорокъ висить....
Вотъ отчето ты роль Камиллы
Воспроизводишь предъ толпой
Съ такой энергiей и силой,
Съ такою злобою живой.
Пусть отягчаютъ брилiанты
Твою одежду, выю, грудь,
И пусть камелиями франты
Твой гордый усыпаютъ путь.
Не равнодушье.... нѣтъ! презрѣнье
Къ тебѣ я чувствую. На торгъ
Идетъ твой генiй. Вдохновенье
На груды золота. Восторгъ,
Крикъ и всеобщее волненье
Тебя не трогаютъ. О, нѣтъ!
Ты остаешься хладнокровной....
На ложу проданный билетъ
Цѣной безумно-баснословной,
Браслетъ, алмазный фермуаръ,
Тебѣ дороже!.... Гдѣ твой жаръ
И безкорыстiе къ искусству?...
Ты говорить не можешь чувству....
И проклятъ я твой чудный даръ....
Такъ тщетно крупный брилiантъ
Съ твоей главы льетъ море свѣта,
И отъ тебя въ восторгѣ франтъ —
Презрѣнный баловень паркета....

Но не растрогаетъ поэта,
Твой еретическій талантъ!...

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКЪ.

Браво!- браво!... Превосходно!... Какой стихъ! какая глубина мысли! Именно, своею игрою она мститъ за свое дѣтство. Я это уже прекрасно высказалъ въ моей статьѣ.

ХОРЪ ГНОМОВЪ."

Браво! браво!

ГНОМЪ СЪ ТАБАКЕРКОЙ (злбно поглядываетъ на гнома-поэта, про себя).

Ничего нѣтъ хорошаго. Кто же нынче не умѣетъ писать гладкіе и звучные стихи? Вотъ и я.... я....

ГНОМЪ ВЪ ЕРМОЛКЪ (про себя).

Опять загляднѣ свое я, я, я!

(Лягушка въ дамскомъ платьѣ торжественно подпрыгиваетъ къ гному-поэту съ вѣнкомъ изъ клюквенныхъ листьевъ съ иммортель-ками въ лапкѣ и, вспрыгнувъ къ нему на голову, кладетъ на нее этотъ вѣнокъ.)

ВСѢ (въ умиленіи).

Браво! браво!

ГНОМЪ СЪ ТАБАКЕРКОЙ (съ бѣшенствомъ вынюхиваетъ при этомъ вѣнчищъ поль-табакерки, весь наливается отъ досады кровью и бормочетъ:)

Хорошъ лауреатъ, увѣнчанный клюквой!

Зававѣсь опускается.

ЧИТАТЕЛЬ (въ совершенномъ недоумѣніи).

Чортъ знаетъ что такое! Гномы говорятъ, нюхаютъ табакъ, читаютъ стихи, поютъ — и даже носятъ очки.... Совершенный вадоръ! Ничего не поймешь!

КРИТИКЪ (врачно).

А главное, тутъ нѣтъ истины. Безъ истины же въ жизни, безъ истины въ наукѣ и безъ истины въ искусствѣ ничего быть не можетъ!

*Аполликій **.*

ДОСУГИ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА.

Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходимъ кашнефоль смычку виртуоза.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КЪ ТОЛПѢ.

Клейми, клейми, толпа, въ чаду суетъ всечасныхъ,
Изъ низкой зависти, мой громогласный стихъ :
Тебѣ не устрашить питомца музъ прекрасныхъ,
Тебѣ не сокрушить треножниковъ золотыхъ !...
Озлилась ты ? такъ зри жь, какимъ огнемъ презрѣнья,
Какою гордостью горитъ мой ярый взоръ,
Какъ смѣло черпаю я въ морѣ вдохновенья
Свинцовый стихъ тебѣ въ позоръ !...

Да, да ! клейми меня, но не безславъ восторгомъ
Своимъ бессмысленнымъ поэта вѣщихъ словъ !...
Я въ вѣкъ не осрамлю себя презрѣннымъ торгомъ,
Во вѣки не склонюсь предъ полчищемъ враговъ :
Я вѣчно буду пѣть и пѣсней восхищаться,
Я вѣчно буду пить спасительный нектаръ....
Толпа, раздайся жь ! прочь ! довольно насмѣхаться !
Тебѣ ль вознать Пруткова даръ ?...

Постой ! Скажи, за что ты злобно такъ смѣешься ?
Скажи, чего давно такъ ждешь ты отъ меня ?
Не льстивыхъ ли похвалъ ? нѣтъ, ихъ ты не дождешься !...
Приванью своему по гробъ не измѣня,
Но съ правдой на устахъ, улыбкою дрожащихъ,
Съ змѣю жолчною въ изношенной груди,
Тебя я наведу, въ стихахъ, огнемъ палачихъ,
На путь съ неправаго пути !...

(ПОДРАЖАНІЕ ГЕЙНЕ.)

На взморѣ, у самой заставы,
Я видѣлъ большой огородъ:
Ростеть тамъ высокая спаржа,
Капуста тамъ скромно растетъ.

Тамъ утромъ всегда огородникъ
Лѣнливо проходитъ межъ грядъ;
На немъ неопрятный передникъ,
Угрюмъ его пасмурный взглядъ.

Польетъ онъ изъ лейки капусту,
Онъ спаржу небрежно польетъ,
Нарѣжетъ зеленого луку
И послѣ глубоко вздохнетъ.

Намедни къ нему подъѣзжаетъ
Чиновникъ на тройкѣ лихой;
Онъ въ теплыхъ, высокихъ галошахъ,
На шеѣ лорнетъ золотой.

— Гдѣ дочка твоя? вопрошаетъ
Чиновникъ, прищурясь въ лорнетъ;
Но, дико взглянувъ, огородникъ
Махнулъ лишь рукою въ отвѣтъ.

И тройка назадъ поскакала,
Сметая съ капусты росу;
Стоитъ огородникъ угрюмо
И пальцемъ копаетъ въ носу.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ КРОНШТАДТА.

Вду я на пароходѣ, —
Пароходѣ винтовомъ;
Тихо, тихо все въ природѣ,
Тихо, тихо все кругомъ,
И, поверхность разрѣвая
Темно-синей массы водъ,
Мѣрно крыльями махая,

Быстро мчится пароходъ.
Солнце знойно, солнце ярко,
Море смирно, море спитъ,
Парь густою черной аркой
Къ небу чистому бѣжить....

На носу опять стою я,
И стою я какъ утесъ,
Пѣсни солнцу въ честь пою я,
И пою я не безъ слезъ !

Съ крыльевъ влага золотая
Льется шумно, какъ каскадъ,
Брызги, въ воду упадая,
Образуютъ водопадъ —
И владутъ подь-часъ далеко
Много по морю слѣдовъ
И пренного и пренного
Струекъ, звѣкъ и круговъ.
Ахъ ! не такъ ли въ этой жизни,
Въ этой юдоли заботъ,
Въ этомъ морѣ, въ этой призмѣ
Нашихъ суетныхъ хлопотъ,
Мы — питомцы вдохновенья —
Мещемъ въ свѣтъ свой громкій стихъ
И кладемъ въ одно мгновенье
Слѣдъ во всѣхъ сердцахъ людскихъ ?

Такъ я думалъ съ парохода,
Быстро на берегъ сходя,
И пошелъ среди народа,
Смѣло въ очи всѣмъ глядя.

ВЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

(Письмо къ моему пріятелю Анноллію въ Москву.)

Толпой огромною стѣснился въ мой умъ
Разнообразные, удачные сюжеты,
Съ завязкой сложною, съ анализомъ души
И съ патетичною, загадочной развязкой.
Я думалъ въ мировой поэмѣ ихъ развить,
Въ большемъ, посредственномъ или маленькомъ масштабѣ,
И ужъ составилъ планъ и, къ міросоверщанью
Высокому свой умъ стараюсь приучить.

Безъ задней мысли, я къ простому понимаю
Обыденныхъ основъ стремлюся всей душой.
Но, вѣрный новому въ словесности ученью,
Другимъ послѣдуя, я навсегда отвергъ :
И личности протестъ и разочарованье,
Теперь дешевое, и модный нашъ дѣдизмъ,
И безъ основъ борьбу, страданья безъ исхода,
И антипатіи богѣзвенной причуды, —
А чтобъ не впасть въ абсурдъ, изгналъ экстравагантность.
Очистивъ главную творенія идею
Отъ ей несвойственныхъ и пошлыхъ положеній,
Ужъ размѣнявшихся на мелочь въ наше время,
Я отстранилъ и фальшь и даже форсировку,
И долго изучалъ, — безъ устанъ, съ упорствомъ,
Свое въ изгибахъ разныхъ внутреннее я.
За тѣмъ, въ канву избравши фабулу простую,
Я взглядъ установилъ, чтобъ мертвой копировкой
Явленій жизненныхъ дѣйствительности грустной
Наносный не внести въ поэму элементъ,
И, техникъ пустой не слишкомъ предаваясь,
Я тщился разъяснить творенія процессъ
И слово новое сказать въ своемъ созданьи.

Съ задаткомъ опытной практичности житейской,
Съ запасомъ творческихъ и правильныхъ началъ,
Съ избыткомъ силъ души и выстраданныхъ чувствъ,
На данныя свои въирая объективно,
Задумалъ типы я и идеалъ создалъ,
Изгналъ все частное и индивидуальность,
И очертилъ свой путь и лица обобщилъ,
И прямо, кажется, къ предмету я отнесся
И, поэтичѣе его развить хотѣвъ,
Характеры свои заранѣй обусловилъ,
Но.... разложенья вдругъ нечаянный моментъ
Постигъ мой славный планъ.... и я вотще стараюсь
Хоть точку въ сей бѣдѣ исходную найти !...

ЭПИГРАММА.

№ III.

Пія душистый сокъ цвѣточка,
Пчела даетъ намъ медъ въ замѣнъ;
Хотя твой добъ пустая бочка,
Но все же ты не Діогенъ.

ПЯТКИ НЕ ВСТАТИ.

БАСНЯ.

У кого болитъ затылокъ,
Тотъ ужъ пятокъ не чеши !
Мой сосѣдъ былъ слишкомъ пылокъ
(Жилъ въ деревнѣ онъ, въ глуши) :
Разъ случись ему, гуляя,
Головой задѣтъ сучокъ;
Онъ, недолго размышляя,
Осердяся на толчокъ,
Хватъ рукой за обѣ пятки —
И за тѣмъ въ грязь носомъ хватъ !
Многимъ привычки гадки,
Но скверней не отыскать
Пятки попусту чесать !

ОСАДА ПАМБЫ.

(Романсеро. Съ испанскаго.)

Девять лѣтъ донъ Педро Гоменъ,
По прованью : Левъ Кастильи,
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питаясь.
И все войско дона Педръ —
Девять тысячъ кастильянцевъ —
Всѣ, по данному обѣту,
Не касаются мясного,
Ниже хлѣба не свѣдаютъ,
Пьютъ одно лишь молоко....
Всякій день они слабѣютъ,
Силы тратя по пустому,
Всякій день донъ Педро Гоменъ
О своемъ безсильи плачетъ,
Закрываясь епанчею.
Настаетъ ужъ годъ десятый, —
Злые мавры торжествуютъ,
А отъ войска дона Педръ
На лицо едва осталось
Девятнадцать человекъ !
Ихъ собралъ донъ Педро Гоменъ

И сказалъ имъ : « Девятнадцать !
Разовьемъ свои знамена,
Въ трубы громкія взыграемъ
И, ударивши въ литавры,
Прочь отъ Памбы мы отступимъ !
Хоть мы крѣпости не взяли,
Но поклясться можемъ смѣло
Передъ совѣстью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами даннаго обѣта :
Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли,
Ничего не ѣли ровно,
Кромѣ только молока ! »
Ободравные сей рѣчью,
Девятнадцать кастильянцевъ,
Всѣ качая на сѣдлахъ,
Въ голосъ слабо закричали :
— Saucto Jago Compostello !
Честь и слава дону Педру !
Честь и слава Льву Кастильи !
А каптанъ его Діего
Такъ сказалъ себѣ сквозь зубы :
— Если бъ я былъ полководцемъ,
Я бъ обѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
Запивая сантуринскимъ ! —
И, услышавъ то, донъ Педро
Произнесъ со громкимъ смѣхомъ :
« Подарить ему барана —
Онъ изрядно подшутилъ ! »

ВЪ АЛЬБОМѢ КРАСНОЙ ЧУЖЕСТРАНКѢ.

Вокругъ тебя очарованье,
Ты неподобна, ты мила,
Ты силой чудной обаянья
Къ себѣ поэта привлекла;
Но онъ любить тебя не можетъ :
Ты родилась въ другомъ краю,
И онъ охулки не положить,
Любя тебя, на честь свою !...

ДРАМЫ ИЗЪ ОБЫДЕННОЙ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СТОЛИЧНОЙ ЖИЗНИ.

ОПАСНЫЕ СОСѢДИ.

Театръ представляет театръ, или, скорѣе, не театръ, но амфитеатръ Большаго Театра во время бенефиса любимой пѣвицы. Народу бездна. Одно только незанятое мѣсто возлѣ самого потолка. По одну его сторону сидитъ молодой художникъ, слушаетъ музыку и плачетъ, самъ не замѣчая своихъ слезъ. По другую сторону отставной морякъ, съ доброй, но энергической физиономіей, тоже слушаетъ со вниманіемъ. На незанятое мѣсто капелъдиреръ проводитъ безукоразненно и даже богато одѣтаго молодого человѣка, по фамиліи Санцова.

СВИЦОВЪ (ниваетъ головой капелъдиреру)

Мерсі, дружокъ; при выходѣ сочтемся
За то, что проводилъ меня.... ни разу
Я не бывалъ въ заоблачныхъ странахъ.
Ступай же; не мѣшай намъ слушать....

КАПЕЛЬДИНЕРЪ (уходя)

Знаю,

Какъ вы сочтетесь....

СВИЦОВЪ (къ сосѣдямъ)

Чуть не заблудился!

Такіе здѣсь углы и переходы!

Престранно, право.... (вставляетъ лорнетъ въ глазъ) и отъ люстръ жарко.

Да гдѣ же сцена? еслибъ ктонибудь
Теперь меня, — меня въ райкѣ увидѣлъ!

(Хочетъ.)

Пари держали мы съ comtesse Julie,
Что буду я на этомъ бенефисѣ,
Не хлопоча заранѣ о билетѣ,
Не заходя къ знакомымъ дамамъ въ ложи
И отказавшись отъ абонеента.
И вотъ я здѣсь.... (Художнику.) И здѣсь я не напрасно:
Когда не ошибаюсь, предо мною
Артистъ великій, что писалъ портреты
Съ княженъ Эме Камельскихъ?... Я васъ видѣлъ
Когда вы разъ кончали свой сеансъ....
Я не ошибся?

ХУДОЖНИКЪ (дрожащимъ голосомъ)
Не мѣшайте слушать!

СВИЦОВЪ (обращаясь къ моряку)
Артистъ! артистъ! весь въ пѣнье погрузился!
Приятно видѣть даже.... Ахъ, смотрите,
Направо здѣсь — дѣвица — точно Фей....
Какіе глазки — жаль, что безъ перчатокъ.
А волосы — клянусь, волосъ подобныхъ
Не выдавалъ я даже въ Транстевере.
Скажите, кто она?...

ОТСТАВНОЙ МОРЯКЪ (сурово)
Нельзя ль потише!

СВИЦОВЪ (придвигаясь къ дѣвушкѣ)
Какіе, право, здѣсь сидятъ уроды!
Имъ музыка въ диковину.... но вы,
Отрадное и свѣтлое явленье,
Скажите, какъ попали въ эти страны,
Гдѣ все такъ душно, тѣсно, дико, бѣдно?
Сто разъ счастливъ я прихотью моею:
Мнѣ захотѣлося изъ бель-этажа
Забрести сюда.... устроить наблюденья,
Похохотать, разокъ взглянуть на сцену,
Потомъ уйти.... и вдругъ я васъ увидѣлъ!
Такъ, я близъ васъ намѣренъ провести
Весь этотъ вечеръ, все на васъ глядѣть,
Подать вамъ шаль, узнать, гдѣ вы живете....
Скажите....

ДѢВУШКА.
Ахъ! да не мѣшайте слушать!

(Отворачивается.)

СВИЦОВЪ.
Неужли такъ вамъ опера мила?
Неужли эти писки, завыванья,
Скороговорка, полосканье рта,
Речитативъ велѣпный и протяжный,

(Передразниваетъ пѣвцовъ.)

Sciagurato.... io son perduto

И вамъ, и вамъ приходится по вкусу?...

ХУДОЖНИКЪ (тихо сосѣду)
Терпѣнья нѣтъ!

СОСѢДЪ (вполголоса).
Вотъ мы его сейчасъ!

СВИЦОВЪ (увлекаясь дѣвушкою)
Я музыку люблю, когда изъ ложи
Изъ ряда перваго смотрю на сцену;

Но здѣсь мнѣ душно и неловко очень;
Но здѣсь я *вась*, младая Фей, вижу,
Но здѣсь я, пораженный красотой,
Огнемъ очей убійственно прелестныхъ,
Весь погруженный въ созерцанье дива,
Я музыкѣ внимать не въ состояннн!
О! отвѣчайте мнѣ хотя полслова,
Не отвергайте.... не глядите гнѣвно:
Я не достоинъ участи такой!...

ГОЛОСА ВЪ АМФИТЕАТРѢ.

Прогнать его.... свистунъ!... мѣшаетъ слушать!...

СВИЦОВЪ (художнику)

Что значить этотъ крикъ?

ХУДОЖНИКЪ (встаетъ, гнѣвно отворяетъ двери)

Извольте выйти!

СВИЦОВЪ.

Вы мнѣ? вы мнѣ?...

МОРЯКЪ (тоже встаетъ)

Сейчасъ очистить мѣсто!

А! вы пропѣли арію намъ славно,
Теперь прошу народный хоръ послушать!
Идите вонъ и не мѣшайте намъ!
Идите вонъ, безъ крика и кривлянья,
Не то сейчасъ въ полицію....

БЛИЖАЙШІЕ ЗРИТЕЛИ (хоромъ)

Вонъ! вонъ!

СВИЦОВЪ (пораженъ)

Но я.... *messieurs*.... я деньги заплатилъ....

МОРЯКЪ.

Платили вы за то, чтобъ наслаждаться,
Сидѣть въ тиши, не приставать къ сосѣдямъ,
Не разсуждать про графовъ и князей,
Съ которыми вы незнакомы.... Вонъ!
Она поетъ, и *вась* мы не желаемъ
Ни видѣть здѣсь, ни слушать.... Убирайтесь!

(Съ помощью капельдинера, выталкиваетъ Свицова.)

СВИЦОВЪ (высовываясь въ разтворенную дверь)

Свирѣпые и грубые уроды!
Я самъ не стану возлѣ *вась* сидѣть, —
Отсюда жъ я зайду къ одной княгинѣ,
Оттолъ поѣду къ бенефицианткѣ,
Про *вась* скажу ей и ее заставлю
Пропѣть при мнѣ всю оперу на память.
Она мнѣ не откажетъ.

(Сосѣди снова выталкиваютъ Свицова и запираютъ двери.)

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Богъ съ тобою!

(Къ сосѣдямъ) Теперь, друзья, коварство сокрушивши
И балтуна презрѣннаго изгнавъ,
Давайте плавать въ морѣ сладкихъ звуковъ!

(Всѣ начинаютъ слушать оперу.)

СНѢСЬ.

Г. Щербина напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№№ 1 и 2 1854) нѣсколько стихотвореній. Вотъ между прочимъ одно изъ нихъ:

КРАСАВИЦЪ.

Я стремлюсь вѣчно-юной душою
И всѣмъ сердцемъ къ твоей красотѣ:
Въ ней явилася жизнь предо мною
Въ безграничной своей полногѣ.

Не могу я безъ слезъ умиленья,
Безъ восторговъ взирать на тебя....
Ты родникъ моего вдохновенья,
И могу ли я жить не любя!

Поражаетъ меня сочетанье
И теченіе линий въ тебѣ, (?)
Безразличное красокъ сліянье
Въ незамѣтной для ока борьбѣ,

И мелодія духа разлита
Многозвучно въ тѣлесныхъ чертахъ, (?)
И сіяніемъ страсти повита,
Говоритъ и трепещетъ въ глазахъ.

Предъ тобою и мысли, и чувства
Мнѣ хотѣлось бы въ ираморъ облечь:
Я ищу для созданій искусства
Осязаемо-зримую рѣчь.

Пусть невѣжда ихъ дерзко обидитъ,
И камнями броситъ въ меня:
Онъ въ ихъ чувственномъ тѣлѣ не видитъ
Сокровеннаго мысли огня....

*Во плоти ихъ исканіе дуга
Въ неразвѣтномъ слякнѣ съ ней (?)
Недоступно для грубаго слуха
И темно для незоркихъ очей.*

Подъ стихотвореніемъ подписано: 1853 годъ. Изъ этого видно, какой прогрессъ г. Щербина сдѣлалъ въ поэзіи.

Въ другомъ стихотвореніи г. Щербина объявляетъ намъ :

*Я всегда поэтомъ буду
И любви и красоты!*

*Вамъ (продолжаетъ онъ), художники другіе,
Горе, суетность людей,
Вамъ мечтанія больныя,
Стонъ и жалобы страстей!*

*Тó моя отвергла лира,
Что́ проходитъ съ каждымъ днёмъ,
Что́ изгонится изъ міра
Вѣчной правды торжествомъ....*

*Вѣрьте, молча я страдаю
И больный. страдаю васъ,
Сокрушаюсь, наблюдаю
Каждой жизни нашей часъ....*

*Но того, что́ недостойно,
Я искусству не даю,
И въ душѣ горлчкóй знойной
Зло безъ образовъ таю (?)...*

Мы отъ всего сердца готовы бы были повѣрить скромному поэту на слово, что онъ и больнѣе страдаетъ, и сокрушается, и презираетъ суетность людей, и не даетъ того, что́ недостойно искусства.... Но спрашивается — мы предлагаемъ этотъ вопросъ всѣмъ сколько нибудь понимающимъ и любящимъ искусство — достойны ли искусства вышеприведенные и вообще всѣ стихи г-на Щербины, опубликованные въ «Отечественныхъ Запискахъ»?

Мы, изъ чувства деликатности, этотъ, нетрудный впрочемъ, вопросъ разрѣшить сами не желаемъ.

Кстати о стихахъ: мы почему-то припомнили стихи Новаго Поэта:

*Не вѣрь, что твоею душою
Владѣетъ поэзіи даръ:
Самолюбіе движетъ тобою
И обманчивый юности жаръ.*

*Ты скоро, поэтъ, исписался
И скоро на лаврахъ заснулъ,
Подъ шумъ похвалы заболтался
И вехота насъ обманулъ.*

Все это случается въ мѣрѣ,
Тутъ страннаго нѣтъ ничего;
Но только скажи: для чего
Брацать на разстроенной лирѣ?

Стишки эти, по нашему мнѣнію, не хуже стихковъ г-на Щербинны, такъ же, какъ и греческія стихотворенія Новаго Поэта и г-на Пруtkова ничѣмъ не уступаютъ въ своемъ родѣ послѣднимъ греческимъ стихотвореніямъ г-на Щербинны. Г. Пруtkовъ и Новый Поэтъ важны въ свою очередь могутъ воскликнуть:

Но того, что недостойно,
Я искусству не даю!

Въ февралѣ 1854 года появился третій томъ «Раута», изданный въ Москвѣ г. Сушковымъ. «Ералашъ», поставившій себѣ правиломъ отмѣчать всѣ литературныя рѣдкости, въ какомъ бы родѣ онѣ ни были, спѣшитъ указать только на слѣдующія немногія строки «Раута», увѣренный, что журнальная критика не замедлитъ обратить вниманіе читателей на другія стороны этого «Сборника», подлежащія вѣдѣнію «Ералаша»:

I.

VENIT-VIDIT-VISIT.

(Н. П. X.)

О, сила глазъ! магическая сила!

Пришла — взглянула — робѣдила!...

26-го сентября 1853.

(Авторъ не означенъ.)

II.

«... Пушкинъ всю свою жизнь подличалъ Аполлону и Музамъ? стихка не оставилъ непріятнаго ихъ *деспотическому* уху! рѣшмы *либеральной* не сказала этихъ дѣвамъ, невинницамъ, Музамъ, Касталидамъ!... То ли теперь у насъ на Руси? Пегасъ — не знаю: пѣгой ли, сивый ли конь — такъ и пляшетъ, безъ узды, хвостомъ помахивая! пусть въ вѣршахъ нѣтъ ни мѣры, ни размѣра, ни складу, ни ладу, ни рѣшмы, ни передышки, да за то хорошо! (*каковъ тонъ!*) куда-какъ хорошо, даромъ что Фебъ съ Пѣридами хмурится и затыкаютъ себѣ уши стихами Жуковского да Батюшкова, да прочими подобными пустяками Баратынского да Языкова, Хомякова да Веневитинова, Ростопчиной да Павловой да — да всѣхъ изъ этой мелочи и не вспомнишь... Пусть ихъ, низкопоклонники, угождаютъ властямъ Шарнаскимъ: намъ ихъ примѣръ не законъ, намъ законъ не писанъ, мы торжественно свергли съ себя ненавистное иго вкуса, приличій, благозвучія, мы сами Гомеры, лишь бы дѣло пошло на брань, на дрань,

• на срамъ, на грязь; мы тутъ пуще Гомера покажемъ удалъ молодецкую — Гомеръ *тотъ тресни!* (переводъ *безсмертной* половинки подустипшя изъ *безсмертной*, какъ думаютъ французы, трагедіи Корнеля: Гораци — *qu'il trougât!*... Переводъ въ шуточномъ разговорѣ Крылова съ нешутливымъ Гвидичемъ, за завтракомъ — за горникомъ *подовыхъ пироговъ въ маслѣ*). Да, господишь Гомеръ! если еще вы въ правду господишь, а не мнѣ, не собирательное лице, не рѣшето, сквозь которое пропущены всякія *равсиди* — тѣ же пѣсни нашихъ въ старину слѣпцовъ! (*какова ученость!*) полно вамъ чваниться! какъ бы тамъ у васъ ваши боги и богини ни ругались, какія бы гадости вы ни живописали, — у новѣйшихъ также брань на вороту не висить; они также не плоше вашего обругаютъ все и всѣхъ; а ужъ до изящества въ мерзостяхъ, какія нынче описываютъ наблюдатели *плотодной* природы и естественной жизни человѣка и современнаго общества, даромъ-что оно какъ-будто не языческое, — смѣло скажу — ни прежде, ни послѣ насъ, не дойдутъ никакіе Волтеры, Буфелеры, Парии — не подумайте, что я говорю о русскомъ парнѣ; (*каково остроуміе!*) нѣтъ, этотъ парень — французъ сладострастный. — Теперь въ современныхъ литературахъ все обнажено, разложено, объяснено до нельзя!...

Черезъ страницу:

• Нынче у насъ кто не Шекспиръ? такъ и производить въ Шекспиры, то того, то другаго, не въ очередь и не въ примѣръ другимъ. Какъ-то и мена, незнаменитаго, Сенковскій, разбирая мою современную драму: «Бѣдность и благотворительность», пожаловалъ (въ 1847 г.) въ Шекспиры! теперь ужъ шесть лѣтъ старшинства бы ниѣлъ, да я, право, не повѣрилъ ему; а принялъ любезность его за шутку, впрочемъ, для пишущаго, всегда искустельную шутку: въ-ришь — не въ-ришь, а все какъ-то любо!»

Николай Сушковъ.

(Изъ статьи «Обозъ къ потомству».)

III.

МИНУТЫ МИЗАНТРОПІИ.

Какъ люди злы! и въ злобѣ какъ ужасны!

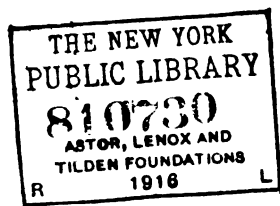
И вичего для нихъ святаго нѣтъ!

И дружба ихъ и ласки ихъ опасны!

И счастливъ тотъ, кого не зваеть свѣтъ!

Николай Сушковъ.

Нельзя не поблагодарить г. Сушкова за доставленіе такого драгоценнаго матеріала — для «Ералаша».

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕЦІЙ

ГРАФА А. К. ТОЛСТАГО.

I.

Колокольчики мой,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темноглубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ;
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мой,
Цвѣтики степные!
Не кланите вы меня,
Темноглубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчатся мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимой!

Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю;
Конь несеть меня ляхой, —
А куда? не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буравами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ;
И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянской дожь,
Дикій, непокорный!

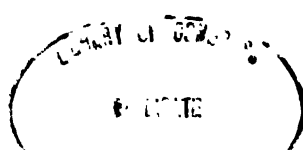
Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Миръ забывши тѣсной,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной.
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью ль? кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ —
Знаетъ Богъ единой!...

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темноглубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

II.

Ой стоги, стоги,
На лугу широкомъ!
Вась не перечесть,
Не окинуть окомъ!

Ой стоги, стоги,
Въ зеленомъ болотѣ,

Стоя на часахъ,
Что вы стережете?

Добрый человекъ,
Были мы цвѣтами, —
Покосили насъ
Острыми косами!

Раскидали насъ
По срединѣ луга,
Раскидали врозь
Далѣ другъ отъ друга!

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя вороны!

На главахъ у насъ,
Затмѣвая звѣзды,
Галокъ стая вьсть
Поганья гнѣзда!

Ой орелъ, орелъ!
Нашъ отецъ далекій,
Опустился къ намъ,
Грозный свѣтлоокій!

Ой орелъ, орелъ!
Внемли нашимъ стонамъ,
Долѣ насъ срамить
Не давай воронамъ!

Накажи скорѣй
Ихъ высокомерье,
Съ неба въ нихъ ударь,
Чтобъ летѣли перья,

Чтобъ летѣли врозь,
Чтобъ въ стени широкой
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далеко, далеко!

III.

По греблѣ неровной и треской,
Вдоль мокрыхъ рыбацкихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней, —

Сижу и смотрю я дорогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогой,
На дальній дымокъ деревень.

По греблѣ со взглядомъ угрюмымъ
Проходить оборванный жилъ,
Изъ озера съ пѣной и шумомъ
Вода черезъ греблю бѣжитъ.

Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугъ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подвѣли крикъ.

Близъ мельницы старой и шаткой
Сидятъ на травѣ мужики;
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣнливо провозитъ мѣшки....

Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть не былъ я здѣсь никогда:
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и мостъ, и вода,

И мельницы говоръ унылый,
И ветхое въ полѣ гумно....
Все это когда-то ужъ было,
Но мною забыто давно.

Такъ точно ступала лошадка,
Такіе жъ тащила мѣшки,

Такіе жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики,

И жидъ проходилъ боролатой,
И также шумѣла вода....
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда !

IV.

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча !

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль стоять, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пирь, такъ пирь горой !

V.

УМЪРЕННОСТЬ.

Поразмысливъ аккуратно,
Я избралъ себѣ дорожку,
И иду по ней безъ шума,
Понемножку, понемножку !

Впрочемъ, я вѣдь не безстрастенъ,
Я не холоденъ душою,
И во мнѣ вѣдь закипаетъ
Ретивое, ретивое !

Если кто меня обидитъ,
Не спущу я ! Какже можно ?
Изъ себя какъ разъ я выду —
Осторожно, осторожно !

Безъ ума могу любить я,
Но любить, конечно, съ толкомъ ;

Я готовъ и правду рѣзать,
Тихомолкомъ, тихомолкомъ.

Еслибъ братъ мой захлебнулся,
Я бъ не сталъ махать руками,
Тотчасъ бросился бъ въ воду —
Съ пузырями, съ пузырями!

Хоть сейчасъ пойду на турку,
Пусть услышу лишь картечь я,
Грудью лягу въ чистомъ полѣ, —
Безъ увѣчья, безъ увѣчья!

Послужу я и въ синклетѣ
Такъ чтобъ вѣдали потомки,
Но ужъ если пасть придется —
Такъ соломки, такъ соломки!

VI.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу
И до земли висить ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И тихъ и чистъ лазурный сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенить и блещетъ,
Вдали стоитъ угрюмый, черный лѣсъ,
И къ облакамъ, клубясь надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Въ тотъ милый край, гдѣ сердцу такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететь Маруса,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко,
И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Варываютъ прахъ неистовой присядкой!

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
 Испещрены лазурью васильковъ,
 Среди степей, курганъ времёнъ Батыя,
 Вдали стада пасущихся воловъ,
 Обозовъ скрышь, кавры цвѣтущей гречи,
 И вы, чупы — остатки славной Сѣчи ?

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
 Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
 Далеко льется жаворонка пѣнье,
 Стада белятъ, а колоколь гудитъ,
 И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
 Идутъ казачки пестрыми толпами ?

Видалъ ты ночь надъ спящею Украиной,
 Когда съдой встаетъ съ болота паръ,
 Весь міръ облекся сумракомъ и тайной,
 Надъ степью блещетъ искрами стожаръ,
 И мнитъ намъ, черезъ туманъ прозрачный
 Несутся вновь Палѣи и Сагайдачный ?

Ты знаешь край, гдѣ древле нашъ Великій
 Въ открытомъ полѣ шумно пировалъ,
 Со звукомъ трубъ побѣдъ сливались клики
 И гордый шведъ въ смятеніи бѣжалъ ?
 Гдѣ наши дѣды всѣ летѣли къ бою....
 Туда, туда стремлюся я душою !

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи
 И груды тѣлъ легли среди полей,
 Гдѣ за Царя, главу склонивъ у плахи,
 Въ послѣдній разъ молился Кочубей,
 И много гдѣ пролито крови славной
 Въ честь бунчука и вѣры православной ?

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
 Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ,
 Надъ нимъ дворца разрушенныя своды,
 Густой травой давно заросшій входъ,
 Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою?...
 Туда, туда стремлюся я душою !

Ты знаешь домъ, гдѣ врагъ презрѣнной лести,
Родной землѣ отдавъ остатокъ силъ,
Послѣдній гетманъ жизни полной чести.
Златой закатъ спокойно проводишь?
Ты знаешь домъ и льды надъ горою?
Туда, туда стремлюся я душою!

ПРОЩАНІЕ.

Будь счастлива — забудь о томъ, что было ;
Не отправлю я счастья твоего,
Не вспомню, какъ вѣкогда любило,
Какъ вѣкогда для сердца моего
Твое такъ безраздѣльно сердце жило.

Не вспомню! что было, то прошло....
Пусть счастья сонъ душѣ разсѣять больно ;
Но жизнь не сонъ — гляди впередъ свѣтло,
Обманами намъ тѣшиться довольно :
Отри слезу и подыми чело.

Къ чему слеза? раскаянье бесплодно ;
Раскаянье — удѣлъ души больвой.
Твое же сердце — чисто и свободно....
И пусть мое истерзано борьбой,
Но понесетъ свой жребій благородно.

Живи.... люби.... проклятіе не я
Принесу тому, кто жизни жаждетъ....
Любить и жить должна душа твоя :
Во снѣ тупомъ она глубоко страждетъ,
Какъ вѣкогда страдала и моя.

Будь счастлива.... въ послѣдній разъ мнѣ руку
Свою подай и дай къ устамъ прижать
Въ послѣдній разъ на вѣчную разлуку,
И дай въ одномъ рыданьи передать
Грядущихъ дней безвыходную муку ;
Въ послѣдній разъ натѣшить сердце сномъ,
Предаться мигъ обманчивому счастью,
Повѣрить въ жизнь, въ лобзаніи одномъ
Сказаться слѣпо-вѣрующей страстью
И замереть въ страданіи вѣмомъ.

Будь счастлива.... ни стономъ, ни мольбою
Не отправлю я счастья твоего....
По прежнему въ борьбѣ съ моей судьбою,
Я требую — всего или ничего....
Прости, прости.... да будетъ Богъ съ тобою!

ИЗЪ ПИЛЛЕРА.

(Посвящается А. А. Фету.)

«Возьмите свѣтъ! — онъ вашъ!» сказалъ благой Зевесъ
Людскому племени, съ высотъ своихъ небесъ :
«Я вамъ дарю его! — въ наслѣдіе возьмите,
«Лишь межъ собой его по братски раздѣлите.»

Сказалъ — и выгомъ все, кому Богъ руки далъ,
Спѣшить устроиться, хлопочеть старъ и малъ :
Вмигъ пахарь завладѣлъ полями и лугами,
Охотникъ въ лѣсъ ушелъ за хищными звѣрами;

Купецъ товарами набилъ амбары, дошъ....
Смирный ростовщикъ бесѣдуетъ съ виномъ ;
Владѣлецъ затворилъ дороги и плетнины
И требуетъ со всѣхъ законной десятины.

За тѣмъ, когда раздѣлъ давно былъ совершенъ,
Пришелъ поэтъ, — пришелъ изъ странъ далекихъ онъ....
И овладѣла имъ тяжелая кручина :
Ужъ все на всей землѣ имѣло господина.

— О горе, горе мнѣ! такъ я забыть одинъ,
Одинъ изъ всѣхъ людей, я — твой любимый сынъ? —
Такъ жалобно взывалъ любимецъ Аполлона,
Припавши къ ступенямъ юпитерова трона.

«Не ты ль парилъ душой въ странѣ волшебныхъ сновъ?»
Сказалъ ему Зевесъ : «чтожь ропщешь на боговъ?
«И гдѣ, скажи мнѣ, былъ ты при раздѣлѣ свѣта?»
— Съ тобою! — былъ отвѣтъ смиреннаго поэта :

— Мой взоръ твой свѣтлый ликъ въ восторгѣ созерцалъ,
Мой слухъ гармоніи міровъ твоихъ внималъ,
И, погружаясь душой въ сіянье золотое,
Прости, я потерялъ наслѣдіе земное. —

«Увы! — сказалъ Зевесъ — вся роздана земля,
«Ужъ больше не мои ни воды, ни поля;
«Но если ты плѣненъ небесной синевою,
«То небо навсегда отверзто предъ тобою!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ВЕСЕННІЙ БРЕДЪ.

(М. П. З.....у.)

Здорово, милый другъ! я прямо изъ деревни!
Былъ три дня на конѣ, двѣ ночи спалъ въ харчевнѣ,
Усталъ, измучился, но какъ я счастливъ былъ,
И какъ на счетъ костей я душу освѣжилъ!
Ужь въ почкахъ яблоки; жужжать и вьются ичелы;
Ужь свѣжей травкою подернулась земля....
Вчера Егорьевъ день — какой гурьбой веселой
Деревня выгнала стада свои въ поля!
Священникъ съ причетомъ, крестомъ и образами
Молебень отслужилъ предъ пестрыми толпами
И, окропивъ водой, благословилъ стада —
Основу счастья и сельскаго труда.
И къ морю я забрелъ: что плещется уклеики!
Въ бору застигъ меня весенній первый громъ,
И первымъ дождикомъ облитый какъ изъ лейки,
Продрогши, ввечеру согрѣлся я чайкомъ
Въ трактирѣ съ чухнами, среди большой дороги.
Но сколько испыталъ я въ сердцѣ новыхъ чувствъ!
Продумалъ сколько думъ о мирѣ и о Богѣ,
Провѣрилъ наши всѣ теоріи искусствъ,
Все перебралъ, о чемъ съ тобой мы толковали,
Искали истины — и безпощадно ввали!
Повѣришь ли, мой другъ, что на конѣ верхомъ,
Или ворочаясь въ ночи на сѣновалѣ,
Межъ тѣмъ какъ вкругъ шумѣлъ весь постоялый домъ,
Проѣзжіе коней вирагали, отпрятали,
И подлѣ же меня до утреннихъ лучей
Я слышалъ чавканье коровъ и лошадей, —

Я, другъ мой, нашу всю науку пересоздалъ!
 Ученымъ и тебѣ — всѣмъ по заслугамъ воздалъ!
 Я думалъ: Боже мой! ну, вотъ, межъ тѣмъ какъ я
 Съ душою, раннею весною обновленной,
 Такъ ясно вижу все, и разумъ просвѣтлѣнной
 Отвагой дышетъ, полнъ сердечнаго огня, —
 Ты, въ душевной комнатѣ, боясь сквознаго вѣтру
 О мѣрѣ, можетъ быть, систему сочинилъ...
 О вандалъ! ты весну не сердцемъ ощутилъ —
 Прочелъ въ календарѣ, узналъ по барометру!
 Вѣдь такъ и съ истиной въ наукѣ-то у васъ!
 Вы томы пишете, начнете свой рассказъ
 Съ ассирійанъ, миданъ и кончите Россіей, —
 И чтó жъ? Толкуя намъ, какъ думали другіе,
 Сказали ли хоть разъ, какъ думаете вы?
 Ну чтó бы подойти къ предмету просто, прямо,
 Чѣмъ споры древнихъ лѣтъ поддерживать упрямо
 Съ надменной важностью безсмысленной совы?
 О эрудиція! о школьныя вериги!
 Да что за польза намъ, что поняли вы книги!
 Нѣтъ, дайте истины живое слово намъ,
 Какъ видѣлась она стариннымъ мудрецамъ
 Еще блестящая восторгомъ вдохновенья
 И окропленная слезами умиленья!
 Она — дѣтя любви и жизни, — не труда!
 Ученость вѣдь еще не мудрость, господа!
 Системы, сшитыя логически и строго —
 Хитро созданный храмъ, въ которомъ нѣтъ лишь — Бога!

Но, впрочемъ, вы враги восторга и мечты!
 Вы — положительны! Для васъ въ наукахъ точность
 Ручательство за ихъ достоинство и прочность,
 И, изучая жизнь, что вамъ до красоты!
 «Все бредъ, что пальцами оцунать невозможно!
 «Намъ греки не примѣръ: они учились жить
 «И мѣръ невидимый старались объяснить;
 «Мы цѣннымъ только то, чтó твердо, несрочно», —
 И въ цифрахъ выразить готовы вы весь мѣръ!...
 Чтó я пойму, когда, описывая пѣръ,
 Ты скажешь — столько-то бутылокъ осушили?
 Нѣтъ, было ль весело, скажи, и какъ вы пили?
 И въ грязномъ кабацкѣ бутылкамъ тотъ же счетъ,

Что у дворецкаго въ перикловомъ чертогѣ,
 Гдѣ пировалъ Сократъ и поучалъ народъ
 О благѣ, красотѣ и о единомъ Богѣ.
 И много стоитъ вамъ и муки и трудовъ
 Найти у грековъ счетъ ихъ селъ и городовъ
 Или республикъ ихъ опредѣлить доходы. ..
 О близкіе еще къ младенчеству народы!
 Вѣдь о грамматикѣ не думали они,
 А пѣли ужъ стихи великой Иліады,
 И эта пѣснь жива еще по наши дни
 И служить намъ еще, какъ ключъ въ степи, отрадой!...

Я каюсь, милый мой, брани меня, ругай,
 Иль дѣйствіемъ весны на разумъ объяснай,
 Но мысли странныя въ умѣ моемъ рождались.
 Представилъ живо я нашъ непонятный вѣкъ,
 Все, что мы видѣли, чѣмъ жили, вдохновляясь
 И, какъ игрушкою наскучивъ, въ быстрый бѣгъ
 Отъ стараго впередъ все далѣ устремлялись;
 Припомнилъ лица я, и страсти, и слова,
 И вопль паденія, и клики торжества,
 Что вырывалось внезапно, вдохновенно,
 Что было жизнію, казалось, всей вселенной,
 Въ чемъ каждому изъ насъ была и роль, и честь, —
 И вдругъ подумалъ я — пройдетъ столѣтій шесть,
 И кинется на насъ ученыхъ вереница!...
 Я думалъ — Боже! какъ ихъ вытянутся лица,
 Когда въ громадѣ книгъ, что нашъ оставитъ вѣкъ,
 Ища съ трудомъ у насъ Сократовъ и Сенекъ,
 Найдутъ какія-то печальныя замѣтки —
 Сухого дерева раскрошенныя вѣтки!
 Увидятъ кинны книгъ, истлѣвшія въ пыли,
 Гдѣ правила ремеслъ въ науки возвели;
 Тамъ сочиненіе, подъ коимъ гнется полка —
 «О цѣнности вещей въ правленіе Святополка.»
 Увидятъ, что у насъ равно оцѣнены
 За остроту ума и реалистъ и мистикъ;
 Тамъ цифры мертвыя безжизненныхъ статистикъ,
 Романы самыя статистикой полны....
 Найдутъ, какъ тщялися тугіе корнесловы
 Языкъ нашъ подвести подъ чуждыя оковы;
 Откроютъ критиковъ и важныхъ и смѣшныхъ;

Грамматиковъ — и, ахъ! несходство между нихъ!
 Историковъ идей, историковъ событий,
 Историковъ монетъ, историковъ открытій...

Но, изчисляя тутъ познаній нашихъ кругъ,
 Одну припомнилъ я науку, милый другъ
 И такъ захохоталъ среди ночного мрака,
 Что спавшая въ сѣняхъ залаяла собака.
 Вѣдь мало намъ наукъ и сложныхъ и простыхъ!
 Намъ мало даже книгъ, хоть перечестъ ихъ мука!
 Для насъ нужна еще особая наука —
 Исторія.... чего?... да этихъ самыхъ книгъ!....

Но мой шутовской смѣхъ и грустію смѣшался,
 И съ горемъ пополамъ, ей-Богу, я смѣлся,
 Покуда крѣпкій сонъ меня не уломалъ.
 Когда жъ проснулся я, востокъ зарей сіялъ,
 Летѣли облака съ зардѣвшими краями,
 Какъ полчища, пройти предъ царскими очами
 Готовы на смотръ; и несся царь съдой
 Надъ сталью озера; земля ночнымъ морозомъ
 Была окрѣплена съ подмерзнувшей травой,
 И тонкій ледъ звенѣлъ, дробясь подъ ногой.
 Пора ужъ двигаться ночевщикамъ-обозамъ!
 Взъерошенный мужикъ ужъ вытѣзъ на крыльцо
 Распрямить холодкомъ горячее лицо
 И мрачно чешется.... Тамъ мальчуганъ пузатый
 Въ просонкахъ поднялся и выскочилъ изъ хаты
 И сталъ какъ Купидонъ извѣстный у ключа....
 Весь домъ задвигался, зѣвая и ворча.
 Пора на рынокъ въ путь лѣнивому чухонцу....
 Телѣги тронулись.... И мнѣ коня! и въ путь!
 Куда?... Куда нибудь! да хоть на встрѣчу солнцу!
 О, радостная мощь мою подѣмаетъ грудь!
 Дыханье такъ свѣжо и вылетаетъ паромъ!
 И мысль во мнѣ кипитъ, свѣтлѣя и горя,
 Какъ будто глянула и на нее заря
 Пылающая тамъ, по небесамъ, пожаромъ!
 Какъ будто кто-то мнѣ таинственно шепталъ,
 Когда вчерашній бредъ я свой припоминалъ,
 И — «радуйся! вѣщай, что ты рожденъ поэтомъ!
 «Пускай ученые трудятся надъ скелетомъ!

«Пусть строятъ, плотники, науки прочный храмъ!
 «Мысль зданья имъ чужда, — но каждый пусть келейникъ
 «Несетъ соломенку на общій муравейникъ!
 «Ты жь избранъ говорить грядущимъ племенамъ
 «За вѣкъ, за родину! Тебѣ предъ свѣтомъ цѣлымъ
 «Глаголомъ праведнымъ и вдохновенно смѣлымъ
 «Ихъ душу возвѣститъ потомству суждено!
 «Ученымъ — скорлупа! тебѣ, пѣвецъ, зерно!
 «Въ тебѣ бьетъ свѣтлый ключъ науки вѣчно новой!
 «Въ тебѣ живая мысль выковываетъ слово —
 «Пусть ловятъ на-лету грамматики его:
 «Оно лишь колыбель созданья твоего!
 «Пускай родной языкъ неприванные мучатъ,
 «На чуждый образецъ его ломаться учатъ,
 «Клеймятъ чужимъ клеймомъ и гнутъ въ свое ярмо:
 «Ты видишь, точно конь онъ дикий не дается
 «И въ пѣнѣ ярости и бѣсится и бьется,
 «И силится слизать кровавое клеймо.
 «Но какъ онъ вдругъ дохнетъ родныхъ степей разгуломъ
 «Подъ ловкимъ всадникомъ! какъ мчится по полямъ!
 «Вѣдь только пыль змѣей вѣется по слѣдамъ,
 «И только полнится окрестность звонкимъ гуломъ!»

АПОЛЛОНЪ КАЙНОВЪ.

КЪ КЛЮЧУ БАНДУЗИЮ.

Изъ Горация, ода XIII.

О, ключъ Бандузія ! прозрачїе кристалла,
Цвѣтовъ достоинъ ты, ты заслужилъ съ виномъ
Холодную волну смѣшать на днѣ фіала;
Мы завтра въ честь твою козленка принесемъ.

Вотще ему пора съ отвагой и любовью
Едва примѣтные рога склонять на бой,
И стада первенецъ алѣющею кровью
Назначенъ оросить холодный берегъ твой.

Тебя каникуловъ не смѣютъ раскаленныхъ
Полдневные часы коснуться; ты повнѣ
Бродящія стада и плугомъ утомленныхъ
Веловъ отрадною прохладою даришь.

Покроешься и ты, о ключъ, безсмертной славой,
Когда мои стихи для пѣвня изберутъ
Пещеры на скалахъ и ясень величавой,
Отколь струи твои болтливыя текутъ.

А. ФЕТЪ.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

(Елизаветъ Богдановъ Грановской.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VII.

Возвратясь изъ деревни, Борисъ Федорычъ рѣшился служить, но очень скоро втянулся въ прежнюю жизнь и только утѣрялъ жему, что хлопочетъ о мѣстѣ, наивно и съ благородствомъ доказывая ей, будто онъ ѣздитъ въ свой полу-свѣтъ и бѣгаетъ по моднымъ трактирамъ единственно съ тою тонкою цѣлю, что это самый вѣрный способъ сблизиться съ людьми, которые со-временемъ могутъ быть ему полезны на его служебномъ поприщѣ. Элень уже спокойное смотрѣла на своего мужа: она свыклась съ мыслью, что у него слово и дѣло находятся въ постоянномъ противорѣчїи. Тихо и единообразно текла ея жизнь въ добровольномъ отчужденїи; тишина эта нарушалась только спорами, даже ссорами съ Борисомъ Федорычемъ, находившимъ ея взглядъ на общество и на всѣ вещи въ мїрѣ — преувеличенно строгимъ; наконецъ онъ дошелъ до того убѣжденїя, что источникъ ихъ споровъ и разногласїи въ жизни — страшный, исключительный характеръ Элень. Послѣ такого открытїя ему

вдругъ стало легко; онъ уже окончательно не давалъ никакой цѣны словамъ Эленъ, и если она замѣчала, что его безразсудныя траты могутъ кончиться плохо, онъ и тутъ недовѣрчиво улыбался и такъ пожималъ плечами, какъ будто хотѣлъ сказать: странный, странный характеръ! — Зато Нестужевъ совершенно переродился. Онъ не ѣздилъ болѣе ни въ пѣлу-свѣтъ, ни даже въ свѣтъ: даже бранилъ общество, соглашаясь съ Эленъ, что не стоитъ подчиняться его стѣснительнымъ условіямъ; даже началъ серьезно заниматься... политической экономіей (эта наука, кажется, тоже модная; спросите каждаго праздношатающагося свѣтскаго человѣка, что онъ читаетъ, отвѣтомъ будетъ: о политической экономіи). Бесѣдуя съ Эленъ, онъ по-немногу высказалъ чистосердечное раскаяніе въ своемъ эгоизмѣ, въ пустотѣ прежней жизни, даже въ своемъ фатствѣ, оправдываясь, впрочемъ, ложнымъ воспитаніемъ и обстановкой жизни. Онъ сдѣлался сострадательнымъ, положилъ пенсію вдовѣ, обремененной дѣтьми, помѣстилъ въ заведеніе сироту; мечталъ, какъ юноша, о путешествіи за границу, не по желѣзнымъ дорогамъ, а въ блузѣ, съ котомкой за спиной и посохомъ пѣшехода... даже однажды Эленъ увидѣла его въ шинели и въ фуражкѣ! Это было уже слишкомъ. Бѣдный Борисъ Федорычъ, втайнѣ преклонявшійся предъ его авторитетомъ, совершенно потерялся и кончалъ тѣмъ, что тоже завелся шинелью, но... не фуражкой! (въ томъ и была между ними существенная разница, что Нестужевъ, вслѣдствіе какихъ либо важныхъ причинъ въ роковыхъ обстоятельствахъ, могъ еще отважиться пройти по Невскому въ фуражкѣ, но Борисъ Федорычъ — никогда и ни за что). Эленъ радовалась переменѣ въ Нестужевѣ, но не сохранила ей вѣрности: перерожденный дондѣ слишкомъ явно наслаждался самъ своимъ перерожденіемъ и слишкомъ часто говорилъ о томъ. И она никакъ причину не раскаялась въ своей недовѣрчивости. Прошедши зиму, Эленъ стала собираться въ деревню; Нестужевъ молчалъ, молчалъ... Наконецъ, равнодушіе Эленъ къ его моральнымъ доблестямъ привело его въ рѣшительное негодованіе. Онъ требовалъ награды за свое перерожденіе; онъ жаловался на несправедливость Эленъ: сбросивъ маску ложнаго смиренія, онъ нагло хвасталъ своими прекрасными душевными качествами и въ то же время утѣкалъ безъ нихъ; потому что, во имя любви къ ней, онъ превзошелъ съѣтомъ и надѣлъ фуражку, — словомъ, нимало

смѣшнымъ обществу! Сцена произошла забавная; но Элень не смѣялась: она съ трепетомъ думала, что годами двумя раньше та же самая комедія могла имѣть другую развязку....

Самолюбивый Нестужевъ объяснилъ равнодушіе Элень, конечно, не презрѣніемъ къ нему, а любовью къ другому.... къ кому же? кто его соперникъ? разумѣется, Брусковъ, о которомъ она съ такимъ жаромъ вспоминаетъ, на котораго такъ много возлагаетъ блестящихъ надеждъ. — Нестужевъ убѣжалъ первый въ свою деревню, скрывъ свой отъѣздъ; но напрасна была его хитрость: Элень такъ жаждала видѣть Вавилонку и снова встрѣтиться съ человѣкомъ, личность котораго въ отдаленіи приняла характеръ необыкновенно успокоетельный, почти идеальный, что никакая гроза новыхъ деревенскихъ сплетенъ не могла остановить ее. Зато Борисъ Федорычъ похаживалъ на школьника, возвращавшагося въ училище послѣ каникулъ. Панический страхъ къ общественному мнѣнію гналъ его за женой, въ деревню,

Но мысли были далеко....

Впрочемъ, Элень предоставила ему полную свободу и даже не безъ ѣдкости совѣтовала остаться въ Петербургѣ, чтобъ не испортить будущей своей служебной карьеры.

Приѣхавъ въ Вавилонку, Элень въ ту же минуту послала лѣтѣть Брускова о своемъ прибытіи и ждала его такъ нетерпѣливо и тревожно, что даже сама покраснѣла, задавъ себѣ вопросъ: да почему же мое сердце, привыкшее болѣзненно и тяжело биться, теперь бьется такъ смѣло и радостно, при малѣйшемъ дальнемъ звукѣ лошадиного топота? Прибытіе молодого человѣка помѣшало ей рѣшить этотъ вопросъ. Радость Элень при его появленіи такъ была искренна, такъ трогательна, что Брусковъ казался сравнительно холоденъ; увлеченіе его продолжалось только одну минуту: послѣ первыхъ дружескихъ порывовъ свиданія, онъ вдругъ пріутихъ и какъ будто сконфузился. Это легко объяснялось его робостью, и счастье Элень ничѣмъ не было нарушено. Они были одни, потому что Борисъ Федорычъ не замедлялъ надѣяться въ новый лѣтній туалетъ и отправился къ Аннѣ Ивановнѣ, какъ иѣнительницѣ всего моднаго.

— Вы ни въ чемъ не измѣнились наружно, сказала Элень, смотря открыто и весело на Брускова, который, избѣгая ея глазъ, отводилъ:

— И вы тоже, — и, какъ бы жалея измѣнить разговоръ, онъ поспѣшно спросилъ: — какъ веселились въ Петербургѣ? что Борисъ Федорычъ?

— Борисъ все по старому неумолимо строго не вѣтвъ чело-
вѣческимъ слабостямъ и.... впрочемъ, что за интересный во-
просъ вы сдѣлали! Скажите лучше, какъ вы здѣсь жили, какъ
подвинулась ваша работа?

И она съ участіемъ ждала отвѣта, котораго не получила, а
въ замѣтъ его онъ сказалъ: — мы васъ ждали давно!

— Почему вы думали, что я непременно буду? съ удивле-
ніемъ спросила Элень.

— Какъ жаворонки — ранніе вѣстники весны, такъ появле-
ніе или отъѣздъ Нестужева — предвѣстникъ вашихъ намѣро-
ній. Онъ въ своей деревнѣ....

Элень съ улыбкой выслушала Павла Алексѣича и беззаботно
только замѣтила: — такъ онъ ужъ здѣсь!

— Будто вы не знали? язвительно воскликнулъ Брусковъ.

— Право, нѣтъ! такъ наивно произнесла Элень, что молодой
человѣкъ поспѣшно спросилъ:

— Развѣ вы не видались съ нимъ въ Петербургѣ?

— Я видѣлась съ нимъ, и даже очень часто, но онъ разсер-
дился, и я не видала его послѣднее время.

— Онъ въ васъ по прежнему влюбленъ?

— Могу смѣло сказать, что нѣтъ; въ эту минуту онъ золъ
на меня, и я увѣрена, что не будетъ ѣздить къ намъ.

— Затѣмъ же онъ пріѣхалъ сюда? какая его цѣль? съ жи-
востью, даже съ испугомъ, какъ показалась Элень, спросилъ
Брусковъ.

Элень весело засмѣялась.

— Я не ожидала, чтобъ Нестужевъ могъ такъ интересоваться
васъ! сказала она, глядя ему прямо въ лицо своими свѣтлыми,
счастливыми глазами.

Разговоръ перемѣнился. Стали припоминать старое. Элень
распрашивала о сѣбѣяхъ; строила планы дальнѣйшей жизни.
Она навела множество книгъ и радовалась, что они по старому
будутъ гулять и читать. «Чуть ли не самое пріятное время въ
моей жизни было прошлой весной. Я такъ ждала весны; де-
ревни, какъ узникъ — свободы» говорила она. Каждое
слово, улыбка Элень во все время свиданія съ Брусковымъ

дышали веселостью и откровенностью. Но онъ говорилъ мало и рано уѣхалъ. Оставшись одна, Элень вышла на террасу, сѣла на первую ступеньку лѣстницы и задумалась. Какая-то непривычная — счастливая — мысль вертѣлась у ней въ головѣ, подобно маленькой прозрачной тучкѣ, которая быстро неслась по небу, освѣщенному луной, сталкивалась съ другими темными тучами, терялась въ нихъ, но снова выныривала на чистое пространство и гордо неслась по немъ. Пѣніе соловья иногда навѣстивало ей ея настоящее, и она съ улыбкой оглядывалась кругомъ и свободно вздыхала, какъ бы преисполненная счастья. Совершенно смерклось, настала ночь, когда Борисъ Федорычъ возвратился домой, и съ удивленіемъ спросилъ свою жену :

— Ты еще не спишь?

— Помилуй! я такъ счастлива, что могу дышать чистымъ воздухомъ, что забыла о снѣ. Развѣ очень поздно?

— Довольно; мы ужинали....

— Съ кѣмъ?

— У Нестужева; я неожиданно встрѣтилъ его у Анны Ивановны. Онъ давно здѣсь. Ахъ, Элень, какую я тебѣ смажу забавную новость, вотъ удивишься!

— Чтò такое? равнодушно спросила Элень.

— Отгадай: кто изъ нашихъ здѣшнихъ знакомыхъ страстно влюбленъ въ Бабетъ? даже до нелѣпости.

— Нестужевъ, съ увѣренностью отвѣчала Элень.

— Нестужевъ! о нѣтъ! онъ неспособенъ влюбиться въ провинціальную барышню; онъ смѣется надъ ней.

— Однако, бываетъ тамъ часто.

— И другіе бываютъ у Анны Ивановны: она, надо ей отдать справедливость, умѣетъ поддерживать знакомство.

— Я забыла Валентина Петровича, прервала Элень.

— Неужели не отгадаешь? спросилъ онъ.

Элень призадумалась и отвѣчала:

— Право, не знаю, кто бы....

— А твой другъ, смѣясь, сказалъ Борисъ Федорычъ.

— Кто? пугливо воскликнула Элень.

— Павелъ Алексѣичъ; да, онъ! и влюбленъ какъ безумный, даже ревнуетъ ее, дѣлаетъ сцены ей, къ ужасу Анны Ивановны и Жюли, которыя забрали въ голову, что ихъ племянница такъ хороша, что Нестужевъ женится на ней. Вотъ дурья! собьютъ

только съ толку дѣвушку, которая, разумѣется, всегда отдастъ предпочтеніе ему передъ Брусковымиъ.

Элень какъ бы замерла на своемъ мѣстѣ; ея дыханіе не было слышно; темнаго мѣшала видѣть ея лицо.

Борисъ Федорычъ продолжалъ:

— Нестужевъ меня угостилъ отличнымъ ужиномъ, въ рыбѣ подавали серебряные ножи. Право, Элень, варварство стало вѣтъ рыбу...

Элень ничего не отвѣчала.

— Онъ хотѣлъ сначала заѣхать ко мнѣ, но я приближалъ этого: у насъ еще не все въ порядкѣ, какъ бы оправдываясь, говорилъ Борисъ Федорычъ и прибавилъ смѣлѣе: — онъ что-то велѣлъ тебѣ сказать, напомнить, что онъ.... Элень?

— А, что? глухо произнесла Элень.

— Ты развѣ не слышавши, что я говорю? съ удивленіемъ, въ свою очередь, спросилъ Борисъ Федорычъ и явственно продолжалъ: — Нестужевъ хочетъ, чтобы ты....

— Ну, что онъ хочетъ? неперипливо прервала Элень.

— Да что съ тобою? сердито спросилъ онъ.

— Что такое? ну, Нестужевъ? тоскливо и раздражительно проговорила Элень.

— Ты съ кѣмъ поссорилась въ Петербургѣ?

— Съ кѣмъ?

— Ахъ, Боже мой! какая ты странная сегодня. Я чаю тебѣ сегодня одне и то же, и ты еще раздражаешься, обидчиво сказала Борисъ Федорычъ.

Элень быстро встала и сказала едва слышно:

— Прощай; у меня болитъ голова.

— Какъ благородно послѣ дороги сидѣть такъ долго, да еще на сырости, — и нукъ дреталъ руку жемъ, которая подала свою.

— Элень! что съ тобою? твоя рука какъ ледъ! пугливо воскликнулъ Борисъ Федорычъ.

— Ничего! оставь меня! вырвать свою руку, въ волненіи, сказала Элень и поспѣшно ушла въ комнату.

Борисъ Федорычъ послѣдовалъ за ней, песторая:

— Ты, право, не здорова; лучше захватить; здѣсь по Петербургъ.

Но Элень, не слушая его, ушла къ себѣ наверхъ.

Борисъ Федорычъ таиъ привыкъ къ странностямъ своей жены, что скоро успокоился и занялся перестановкою стульевъ и столовъ въ залѣ. На другое утро Елена вышла изъ своей комнаты поздно. Глаза ея опухли; выраженіе лица было такъ болѣзненно, что Борисъ Федорычъ встревожился и сталъ притворяться къ женѣ о причинѣ, которой не узналъ, а только страшно раздражить больную; она придралась къ пустякамъ и горько расплакалась. Борисъ Федорычъ, ломая руки, метался до помнѣтѣ и восклицалъ:

— Наказаніе, просто наказаніе! такая раздражительность!

Еще никогда не видалъ онъ ее въ такомъ, мало сказать: раздраженномъ, но гнѣбномъ состояніи. Не слезы, не огчадимые вопли вырывались изъ груди Елены... Она ушла въ лѣсъ и нескоро явилась домой. Борисъ Федорычъ въ тотъ день даже забылъ пообѣдать, и когда его жена вышла изъ своей комнаты къ вечернему чаю, наружно очень спокойная, онъ часто и робко спрашивалъ ее, чуть она задумывалась:

— Ну, что твои нервы? это все дорoga! какъ торопилась и зачѣмъ!

Въ первый разъ съ начала знакомства Елена успѣшила уйти при появленіи Брускова, которое было возбуждено радостнымъ восклицаніемъ Бориса Федорыча: онъ давно желалъ убѣдить, по совѣтникамъ оставить больную жену. Елена каждую минуту должна была бороться съ собою. Она едва поладовалась съ гостемъ, и когда онъ, пообыкновенно, протянулъ ей руку, замедляя подать свою.

Борисъ Федорычъ, желая развлечь ее, не очень ловко завелъ разговоръ о Нестужевѣ, о скрамныхъ его успѣхахъ въ женшиакѣ и о томъ, что Бабетъ неравнодушна къ нему. Брусковъ блѣднѣлъ и краснѣлъ. Елена внимательно слѣдила за нимъ и сама не упускала случая сдѣлать колкое замѣчаніе насчетъ племянницы Анны Ивановны, припоминала ея слова и предавала ихъ очень комически. Она даже неожиданно обратилась къ Брускову съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Когда я убѣждала отсюда, она вамъ не нравилась; но время все мѣняется. Можеть быть, съ моей стороны не ловко теперь явилась гворчить о ней не восторженными тономъ?

Брусковъ весь вспыхнулъ и подтвердилъ голосомъ отгѣ-

— Я ее прежде не зналъ, но теперь нахожу, что въ ней есть много залоговъ....

— Кокетничать! смѣлся, подхватилъ Борисъ Федорычъ.

— Наряжаться! перебила его Элень, ѣдко улыбаясь. — Общество Анны Ивановны и Жюли вѣрно пойдутъ впрокъ дѣвушкамъ съ залогамъ....

И она не окончила фразы: блѣдность Брускова, судорожное движеніе его губъ ясно говорили, въ какомъ состояніи онъ находился.

Когда Элень осталась одна, то стала разгадывать, какимъ образомъ Брусковъ могъ сблизиться съ такой дѣвушкой, какъ Вабеть, которая не нравилась ему прежде даже наружностью? Она припоминала сужденія молодого человѣка о ложномъ воспитаніи дѣвицъ, припоминала его ужасъ при одной мысли о близости женщины, такъ младенчески неразвитой, — и совершенно терялась. Элень забыла, что не каждый человѣкъ въ известную пору жизни одаренъ способностію ясно видѣть вещи, не поддаваясь эффектному освѣщенію пылкой молодости. Вы смотрите балетъ; передъ вами послѣдняя картина, освѣщенная мажорнымъ огнемъ; группы женщинъ граціозно кружатся въ воздухѣ, съ гирляндами въ рукахъ; кругомъ очаровательная зелень, роскошныя деревья, прозрачныя воды; но случайно замедлили észусть занавѣсъ — роскошное освѣщеніе погасло — и вы видите толстые каматы, на которыхъ летали женщины, фальшивыя гирлянды — вмѣсто свѣжей зелени, бездушное полотно — вмѣсто кристалльных волнь. Но занавѣсъ не всегда же медлятъ упасть, и вотъ почему многіе поступки людей кажутся намъ противорѣчащими ихъ характеру и убѣжденіямъ, — мнѣнію, которое раздѣляютъ даже они сами, когда потускнеть въ ихъ памяти тысяча мелочей, побудившихъ ихъ поступить такъ, а не иначе. Мы видѣли, какъ сильно былъ пораженъ Брусковъ неожиданнымъ отъѣздомъ Элень и чему приписалъ его; онъ тогда точно также мучительно разгадывалъ этотъ поступокъ, казавшійся ему противорѣчащимъ гордости, убѣжденіямъ, словомъ, всему характеру Элень. Въ то время, какъ нарочно, его уваженіе къ Элень достигло крайней точки энтузіазма; ея добріе къ нему, ея участіе развили въ немъ нѣкоторую самоувѣренность. И вдругъ внезапно все было уничтожено унижительной страстью, которою объяснялъ онъ отъѣздъ

Эдель! Долго послѣ того не могъ опомниться молодой человекъ; деревенская жизнь показалась ему невыносимой; диссертация, которую онъ писалъ, готовясь къ экзамену на высшую ученую степень, была забыта — занятія потеряли для него интересъ. Самолюбіе было глубоко увлечено; онъ силъся высвободиться изъ полъ влѣнія женщины, которая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ была двигателемъ его занятій, фантазій, юношескихъ вѣрованій и въ которой онъ такъ возмутительно обманулся, — и началъ искать разсѣянія. Мари была первымъ предметомъ его вниманія. Онъ сталъ часто ѣздить въ Антропову, на что Наталья Семеновна смотрѣла снисходительно, а Андрей Нилычъ просто блаженствовалъ, давая при свиданіи съ отцомъ Брускова полную волю своему тугому воображенію. Онъ уже соображалъ планъ дома для молодыхъ. Послѣ общества Эдель, немного интереса представляла робкая, чуждая дѣйствительности Мари, рѣзко, впрочемъ, отличавшаяся отъ своей подруги Бабеть любовью къ чтенію, къ музыкѣ, даже къ хозяйству. Но натура Мари была воспримчива, и, можетъ быть, самолюбіе было причиною, что Брусковъ не скучалъ съ нею: каждое его слово ловила она съ благодарностью, близкой къ благоговѣнію — бѣдная дѣвушка безознательно полюбила молодого человека съ первой встрѣчи. Дружба Брускова съ Мари не давала спокойно спать Аннѣ Ивановнѣ, которая читала своей племянницѣ длинныя лекціи объ искусствѣ нравиться мужчинамъ, при чемъ Жюли обыкновенно приговаривала: «Ахъ, Бабеть, слушайте ее, слушайте! дорожите каждымъ словомъ вашей тетушки! Ваша тетушка — сама премудрость.» И дѣвица послушалась. Ей и самой казалось обиднымъ предпочтеніе Брускова къ Мари, съ которою молодой человекъ танцевалъ даже нѣсколько разъ мазурку — танецъ, въ провинціи опаснѣйшій для холостяковъ: «Вы компрометировали дѣвушну: вы всегда съ нею танцевали мазурку», кричатъ хоромъ родственники дѣвушки! Бабеть стала оказывать явную холодность къ Брускову, даже презрѣніе. Онъ интересовался знать причину; Мари спросила свою подругу, но та лаконически отвѣчала: «Обомай его слегка хочешь, а онъ ииѣ прогневенъ» — и только. А между тѣмъ Анна Ивановна устраивала вечера, маскарады, живые картины; странно любезничала съ Брусковымъ, лѣстила ему, сплотничала на Наталью Семеновну, не забывая и дочь,

повѣрила ему сегодѣшня тайнымъ насчетъ того, кто именно означенъ и сватается къ Бабеть. Въ гостиной туалетъ Варвары Федлевны былъ всегда блистателенъ, плечи и руки открыты: трудно было не взглянуть! Къ тому жь Бабеть вдругъ замѣтила такое обращеніе съ Брусковымъ — сдѣлалась необыкновенно любезна, охотно съ нимъ танцовала. Мари радовалась такой переимѣнѣ, но скоро почувствовала инстинктивный страхъ и умоляла свою подругу быть съ нимъ по прежнему холодною.

— Ахъ; Варя! онъ влюбится въ тебя!

— Какія ты глупости говоришь! право, я удивляюсь, за что ты его обоимъ.

— Сама не знаю; но сдѣлай такъ, чтобъ онъ не влюбился въ тебя. Дай слово мнѣ, Варя!

— Обмануть его никогда не стану, а если онъ влюбится — я не виновата!

Послѣ этого разговора прителенницы замѣтно охладѣли другъ къ другу. Анна Ивановна перестала пускать гостей свою племянницу въ Антоповку, подъ разными предлогами, а Брускову намекнула, что причиной — онъ. Сердце молодого человека находилось въ такомъ положеніи, что съ радостью готово было откликнуться вниманію женщины, лишь бы залечить свѣжія раны оскорбленнаго самолюбія. Эффектная иррегулярность Бабеть имѣла огромныя преимущества предъ незначительной и имитаторной фигурой Мари. Варваринъ Брусковъ не былъ еще такъ влюбленъ, чтобъ серьезно думать о послѣдствіяхъ. Онъ былъ счастливъ, что освободился отъ тяжелаго своего состоянія и почувствовалъ снова энергію. Можетъ быть, время помогло бы ему обдумать свои дѣйствія и разгадать характеръ этой эффектной барышни, которую онъ видѣлъ только въ гостиной. Но пріездъ Настужева далъ дѣлу рѣшительный и быстрый ходъ. Настужевъ началъ часто бывать у Анны Ивановны, которая чуть не сошла съ ума отъ такого неожиданнаго счастья, и, разумеется, рѣзко замѣнила свое обращеніе съ Брусковымъ. Бабеть также должна была перенести всю любовь свою на поносившаго сестра; ее паражали еще лучше; подъ непрѣлными условіями нещлаго вышвырнута въ Настужеву, который съ своей стороны обрѣдился съ провинциальною барышней, чьею развѣсно. Висерые усилки его ступенили Брусковъ: она рѣшила съ та итотъ разъ быть побѣдителемъ; забывая, что ему нечего

подобный бой, если мужчина благороденъ. Подстрекательство, самолюбіе, наивное кокетство и тщеславіе провинціальной Барвины поставили его очень скоро на такую ногу передъ Бабетъ, что въ ея власти было овладѣть имъ; а тутъ еще явился Борисъ Федорычъ съ своими выходками, имѣвшими свойство масла, подливаемаго на огонь. Вотъ какъ просто и быстро случилось то, что безъ Нестужева могло бы совсѣмъ не случиться.

Элень скоро повяла все, что ны теперь сказала. Чего бы ей ни стоило, но участіе и состраданіе къ молодому человѣку взяли верхъ надъ всеми другими чувствами въ ея сердцѣ. — Она рѣшилась дѣйствовать въ его пользу и старалась вызвать его на прежнюю откровенность, въ надеждѣ открыть ему глаза; но Бруковъ дичился, даже убѣгалъ ее, зная, что она не слишкомъ расположена къ Бабетъ. Наконецъ Элень первая сдѣлала шагъ къ откровенности, разсказавъ ему настоящую причину своего неожиданнаго отъѣзда изъ деревни: Борисъ Федорычъ слишкомъ увлекся Варварой Васильвной и, подстрекаемый Нестужевымъ, которому хотѣлось выставить его смѣшнымъ, могъ надѣлать тысячу глупостей и погубить репутацію дѣвушки. «Послѣ страшныхъ сценъ съ Борисомъ, я убѣдила его уѣхать. «Нестужевъ, досадуя, что планы его не удались, предупредилъ меня отъѣздомъ. Воображаю, какіе толки были обо мнѣ здѣсь!» такъ заключила Элень свой короткій разсказъ, который произвела на Брукова глубокое впечатлѣніе. Горячая и еще простымъ душная натура молодого человѣка сквалася въ негодованіи, съ которымъ онъ громко проклиналъ свою низкую подозрительность; во всемъ блескѣ юношескаго идеала снова выросла передъ нимъ женщина, къ которой онъ, можетъ быть, не питалъ теперь прежняго чувства, но въ которой видѣлъ спасительницу чести любимой дѣвушки! Стыдась поднять горящее лицо, онъ молча осыпалъ поцалуйми руки Элень. Она не могла удержатъ слезъ и заплакала, проговоривъ:

— Даже вы меня рѣшились обвинить!

Вся грусть и боль женскаго сердца отразились въ этомъ упрекѣ; какъ будто не одна оскорбленная гордость слышалась въ немъ. Онъ неловко началъ оправдываться, но Элень тотчасъ овладѣла собой и сказала спокойно:

— Полноте! забудемъ все старое; надо намъ поговорить о настоящемъ. Павелъ Алексѣичъ, я все знаю, несмотря на все

вашу скрытность; ваше положеніе требуетъ осторожности и благоразумія. Увѣрены ли вы въ вашей страсти, чтобъ позволить себѣ требовать взаимности отъ дѣвушки, за счастье которой вы должны будете отвѣчать ей и вашей совѣсти?

Голосъ Элень звучалъ строгостію. Молодой человекъ пугливо пронзень: — Я рѣшился.

Элень вздрогнула и тихо сказала :

— Значить моя совѣты безполезны теверь ?

— О, нѣтъ! помогите мнѣ! умоляющимъ голосомъ воскликнулъ Брусковъ. — Завтра она дастъ мнѣ отвѣтъ.

— Кто, Анна Ивановна ?

— Нѣтъ, я ей еще не говорилъ.

Элень вспыхнула; лице ея омрачилось гнѣвомъ, и она съ горечью сказала :

— Такъ ей надо обдумать еще, любить ли она васъ? но вдругъ, сконфузясь, она спокойнѣе прибавила : — я не понимаю дѣвушку, которая на предложеніе мужчины не можетъ прямо сказать, да или нѣтъ.

— Не вините ее : вы развѣ не видите, какъ она обставлена. Въ ней много дѣтскаго, чтó легко пройдетъ, когда ее окружаютъ другими лицами.

— А убѣдились ли вы, что она желаетъ разстаться съ своимъ дѣтствомъ? Есть женщины, которыя всю жизнь останутся дѣтьми. Потомъ, она, кажется, любить наряды, выѣзды; а ваше состояніе все будетъ заключаться въ трудѣ. И есть ли общее въ вашихъ характерахъ? Ну какъ она захочетъ продолжать такую жизнь, какою вела въ дѣвушкахъ? Гдѣ взять столько денегъ? — Элень закидала вопросами жениха.

— Это все мелочи. Неужели я долженъ потупить свою жизнь, женясь на богатей? съ замѣтной досадою сказалъ Брусковъ.

Появленіе Бориса Федорыча прекратило разговоръ. Брусковъ ушелъ, а Борисъ Федорычъ счелъ нужнымъ утѣшить безпокойство Элень слѣдующимъ монологомъ :

— И полно, Элень, волноваться за будущность Павла Алексѣича! если онъ выбралъ пустую дѣвушку, такъ вѣрно не желалъ имѣть жену порядочную. Проживетъ отлучно. Бабетъ все не такъ названа, какъ кажется, по словамъ Жюли; вѣтъ увидишь, она его будетъ водить за носъ. А онъ какъ поживетъ да

узнаеть людей, то и вынадутъ всѣ перья изъ его радужныхъ крылышекъ, на которыхъ онъ воображалъ возлетѣть высоко надъ нами грѣшными!

Неудивительно, что Бабеть медлила отвѣтомъ, за которымъ должно было послѣдовать формальное предложеніе Брускова: избалованной похвалами, тщеславной дѣвушкѣ немного было лестнаго въ такой партіи. Но какъ только Нестужевъ прекратилъ свои посѣщенія и началъ громко смѣяться надъ Анной Ивановной, дерзнувшей причислить его къ претендентамъ на руку провинціальной барышни, — съ той минуты многое смѣнилось; можетъ быть, раздраженная неудачей своихъ плановъ, Анна Ивановна вдругъ охладѣла къ Бабетъ, вмѣсто восторженныхъ похвалъ, племянница услышала упреки, даже обвиненія, будто она своимъ кокетствомъ бросила университетскую тѣнь на добродѣтельное имя тетки. О блестящихъ партіяхъ не было болѣе и помину, а стали доказывать дѣвушкѣ, которую сами прежде увѣрили, что она рождена для свѣта, стали доказывать, что наряжать, вывозить на балы и дѣлать для нея вечера впредь не будутъ, что и такъ много жертвъ было принесено безъ всякой пользы. Даже Валентинъ Петровичъ, постоянно искавшій вниманія Бабетъ и такъ охотно мечтавшій о женитьбѣ въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Жюли, и тотъ вдругъ круто смѣнился, чему причиною былъ слышанный имъ собственными ушами вовсе не лестный отзывъ Нестужева о красотѣ Бабетъ. Какъ ни намекали ему Анна Ивановна и Жюли, что его мечты могутъ осуществиться, онъ казался глухъ и вѣмъ, а наконецъ — верхъ ужаса и неблагодарности — началъ посѣщать, въ качествѣ жениха, Настасью Семеновну, непримиримаго врага спасскихъ обитателей.

Бабетъ попробовала слезами и капризами запугать тетку, но Анна Ивановна всловошила весь домъ траги-чернической сценой, Сержъ пѣлую ночь продежурилъ у постели больной, угощая ее гомеопатическими лекарствами, а утромъ таинственно призвалъ племянницу въ свой кабинетъ, въ которомъ соединялось нѣсколько ученыхъ кабинетовъ. Чего тутъ не было! Громадный столъ, а на немъ еще маленькіе столы, табуреты съ лѣсенками; скелеты, черепа, химическіе аппараты, астрономическія зрительныя трубы, даже русская печь, въ которой постоянно что-то варилося. Принявъ предварительно успокоительныхъ кашель и лавъ ихъ своей племянницѣ, Сержъ очень долго читалъ ей наставле-

ннѣ, какъ она должна: утѣшать свою тетку: въ заключеніе оянитъ далѣ принять расплакавшейся дѣвушкѣ кашель и самъ принять. Потомъ Бабеть заставили просить у тетки прощенья и дѣть торжественное слово не возобновлять подобныя отношенія. Эти обстоятельство рѣшили судьбу Брускова. Бабеть авидясь въ глазахъ влюбленнаго страдалицей и женщиной за свою любовь къ нему. Впрочемъ, когда онъ сдѣлалъ формальное предложеніе. Варварѣ Васильевнѣ, послѣ жаркихъ пожалуевъ, усадила между Сержемъ и Анной Ивановной, которая держала за руку племянницу и, печально улыбаясь, говорила ей:

— Ты всегда будешь близки моему сердцу. Если ты и оставишь нашъ домъ, то мы не перестанемъ любить тебя какъ дочь.

Въ то же время Жюль ждала: страшно ринула жену и, уставивъ на него глаза, полные сочувствія, темнымъ голосомъ говорила:

— О, какъ она счастлива, что будетъ имѣть такого спутника въ жизни! Вы сотворены другъ для друга.

Женитьба Брускова дала обильную пищу языкамъ всей губерніи, особенно благодаря жаркому участию Павла Семёновича, до такой степени озлобленнаго на Анну Ивановну, что не было физическаго и моральнаго порока, которымъ не изтрадила бы она ее. Андрей Нилычъ, видя слезы своей дочери и слыша жужжанье супруги, грозился даже вызвать Сержа на дуэль. Всѣ обращались, неизвестно почему, къ Эленѣ; впрочемъ, сдѣлать и ее не шинула. Невѣста получила анонимное письмо, въ которомъ намекалось, что нравственность жениха не очень надежна, такъ какъ онъ былъ въ связи съ одной дамой... и проч. Даже изъ Антроповки явилась во дворъ Анны Ивановны дѣва лѣтъ двадцати-пяти, съ какими-то слезливыми претензіями; и разспрашивала о женихѣ.

Брусковъ былъ очень занятъ, опровергалъ слухи, закладывая на слова отца, готоваго идти на міру для счастья сына, и переписывался съ петербургскими пріятелями, вице-выгоднаго жѣста, хотъ утѣшалъ Эленъ и себя, что все-таки напишетъ диссертацию и не оставитъ своихъ ученыхъ занятій.

Эленъ такъ была поглещена его женитьбой, что не обращала вниманія на возростяющую дружбу Борца Федоровича съ Пестушевскимъ, къ которому въ деревню пріѣхали двѣ француженки

изъ Петербурга, неописанной красоты, ума и любезности: такіе ходили о нихъ толкъ. Съ того времени Борисъ Федорычъ началъ даже гостить у школьнаго своего товарища. Нестужевъ иногда бывалъ у Элень и постоянно подолгалъ ей самолюбіе то мужемъ, то Брусковымъ. Элень съ презрѣніемъ смотрѣла на всѣ его выходки и убѣждалась съ каждымъ днемъ, что злоба этого человѣка не имѣетъ границъ. Но она ей казалась безсильной, въ чемъ она скоро раскаялась. Однажды Борисъ Федорычъ явился домой послѣ трехъ-дневнаго дощенья у Нестужева и робко объявилъ своей женѣ, что онъ хочетъ прогуляться въ Петербургъ. Какъ ни была готова Элень къ непріятностямъ, но такое извѣстіе поразило ее, и она съ особеннымъ удареніемъ въ голосъ спросила:

— И ты хочешь ѣхать съ Нестужевымъ?

— Я... да; но я боюсь оставить тебя одну... робко отвѣчалъ супругъ.

— Не бойся: я здорова. Ты можешь смѣло ѣхать, неожиданно измѣнивъ тонъ своего голоса, произнесла Элень.

Послѣ этого настало молчаніе въ комнатѣ. Элень сидѣла какъ убитая, потупивъ голову, а Борисъ Федорычъ, въ волненіи, ходилъ взадъ и впередъ. Наконецъ онъ подошелъ къ женѣ и съ чувствомъ поцаловалъ ее въ голову. Элень какъ бы не чувствовала ласкъ мужа, который заглянулъ ей въ лицо. Слезы навернулись на его глазахъ, и онъ кинулся на колѣни и началъ цаловать ея руки въ какомъ-то иступленіи.

Элень грустно глядѣла на своего мужа, лежащаго у ея ногъ.

— Скажи мнѣ одно слово, Элень: ты не желаешь, чтобъ я ѣхалъ, и я останусь! разстроганнымъ голосомъ сказала Борисъ Федорычъ.

— Мнѣ все равно.

Супругъ всталъ на ноги и съ упрекомъ сказалъ:

— Тебѣ все равно! Что тебѣ за дѣло до меня, возлѣ ли тебя я, или нѣтъ!

— А тебѣ?

— Я останусь! ты скажи мнѣ только, что ты не хочешь, чтобъ я ѣхалъ! горячась, говорилъ Борисъ Федорычъ.

— Къ чему мнѣ лишять тебя удовольствія! ты хочешь ѣхать?

— Ну я не знаю, если ты не желаешь.

— А если ты далъ честное слово.

Борисъ Федорычъ сконфузился и запальчиво отъѣчалъ :

— Ты, Элень — я знаю тебя — ты готовъ Богъ знаетъ что подумать, чему приписать мой отъѣздъ, а правъ, просто такъ.... для прогулки.

— Я ни чему не приписываю ; поѣзжай , когда хочешь и съ кѣмъ хочешь ! гнѣвнымъ голосомъ сказала Элень. Этимъ ее мужъ ужасно обидѣлся и на разные тоны повторялъ :

— Съ кѣмъ хочешь ! съ кѣмъ хочешь !

— Одинъ я тебѣ даю совѣтъ : это — помнйть, что дѣла наши запутаны и что новые долги окончательно ихъ разстроаютъ.

— Господи ! Элень ! ну можно ли такъ говорить со мною ? Развѣ я трачу деньги безразсудно ? Ты, можетъ быть, думаешь, что я влюбленъ въ этихъ француженокъ, и что я для нихъ ѣду ? Я не ребенокъ, чтобъ дѣлать такія глупости ! чуть не плача, говорилъ онъ.

— Значить намъ не о чемъ и толковать.

И Элень встала съ своего мѣста. Борисъ Федорычъ взялъ ее руку, поцаловалъ съ чувствомъ и сказалъ слезливымъ голосомъ :

— Ты, Элень, будешь часто писать ко мнѣ ? будешь благоразумна ? Пожалуста, не ходи безъ меня долго по ночамъ на сырости.... Элень, Элень !

И онъ заглядывалъ въ лицо жены , которой она старалась скрыть. Слезы изобильно катились изъ ее глазъ.

— Тебѣ скучно ? я останусь , я не поѣду ! И что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать тамъ !... Не плачь, Элень !

— Пожалуста, не смотри на мои слезы ; ты знаешь, я люблю плакать. Поѣзжай, только возвратись скорѣе, вытирая слезы, сказала Элень, принуждая себя улыбиться.

— Хорошо, хорошо ! Я скоро вернусь, цалуя руки у жены, говорилъ Борисъ Федорычъ. Когда Элень ушла спать, онъ долго сидѣлъ задумавшись и потомъ уже сталъ дѣлать приказаніе Петру насчетъ дорожныхъ сборовъ.

На другой день была ужасная бѣготня въ домѣ. Всѣ суетились около огромнаго чемодана : Борисъ Федорычъ забиралъ весь свой туалетъ, какъ будто дѣлалъ переселеніе на необитаемый островъ, а не ѣхалъ на двѣ недѣли въ столицу. Въ дорож-

номъ костюмѣ, онъ въ нетерпѣніи рассказывалъ по залѣ, въ ожиданіи своего товарища. Волненіе его перешло въ раздражительность, которой Элень не пощадила. Сцена выпыхнула довольно жаркая. То, что Элень такъ тщательно скрывала наканунѣ, все было высказано ею мужу, въ минуту гнѣва. Упреки, насмѣшки, которыя особенно были язвительны въ устахъ Элень, — ничего не было забыто.

Въ эту-то самую минуту подали Борису Федорычу записку отъ Нестужева, которая привела его еще въ большее неподованіе. Онъ бросилъ на полъ дорожную фуражку, сорвалъ перчатки съ рукъ, даже развязалъ галстухъ, что придало его наружности отчаянный видъ.

Записка была слѣдующаго содержанія:

«Все готово для васъ, но я вчера простудился, возвращаясь съ охоты; у меня лѣхорадка. Поѣзжайте одинъ, а я васъ догоню. Не заставляйте себя ждать.»

— Что же ты не даешь отвѣта? спросила Элень, догадываясь о содержаніи записки.

Борисъ Федорычъ нинулся къ колокольчику и, дергая его, оглушительно кричалъ: «Петръ, Петръ!» а Петръ стоялъ въ дверяхъ; на замѣчаніе Элень, что онъ напрасно подымаетъ такой звонъ, Борисъ Федорычъ язвительно отвѣчалъ:

— Извините-сь, и обратился къ лакею:

— Скажи, что я тоже боленъ.... я ждалъ, ждалъ.... пусть онъ ѣдетъ, а я его догоню!

— Гдѣ, Борисъ, имъ упомянуть такой многосложный и несвязный отвѣтъ! замѣтила Элень, едва удерживая смѣхъ.

— Прошу васъ оставить меня въ покоѣ! Прекрасно! Я виноватъ, я дурной человѣкъ, я не люблю васъ.... я.... не помню себя, кричалъ Борисъ Федорычъ.

Элень указала Петру на дверь, и когда Петръ скрылся, она обратилась къ мужу и съ гордымъ превръщеніемъ сказала:

— Теперь можете изливать свой гнѣвъ!

Но Борисъ Федорычъ уже метался по дивану и плакалъ, что съ нимъ было всегда послѣ сильнаго волненія. Слезы его и отчаяніе были прерваны Петромъ, который вошелъ съ докладомъ, что пріѣхали съ визитомъ молодые. Элень одна приняла наряженную и самодовольную Варвару Васильевну и нѣсколько сконфуженнаго Павла Алексѣича....

Но этотъ день, казалось, былъ испытаніемъ для блѣдой Эленъ. Только что она успокоилась немного, какъ явился Нестужевъ, въ дорожномъ четвероимъстномъ экипажѣ, который былъ оставленъ за воротами; а изъ оконъ его выглядывали женскія головки. Борисъ Федорычъ такъ перекошевался строгаго выговора Нестужева, что впоныхахъ простился съ Эленъ и кинулся въ карету. Нестужевъ, подъ какимъ-то предлогомъ, вырвался въ залу и напелъ Эленъ въ слезахъ, съ пылающими щеками, которая она скрывала, врыпавъ лицомъ къ столу.

— Словы! Боже мой! да вы меня умиляете вашей супружеской нѣжностью! остановясь въ дверяхъ, сказалъ Нестужевъ.

Эленъ хотѣла скрыть слезы, хотѣла говорить, но не могла и зарыдала. Нестужевъ не ожидалъ этого: онъ готовился къ самымъ оскорбительнымъ упрекамъ, къ обвиненію въ презрѣнію, съ какими она всегда встрѣчала его дерзости. И вдругъ видѣть эту женщину въ слезахъ! онъ подѣйствовалъ на него сильно, и онъ поспѣширъ сказалъ:

— Скажите мнѣ одно доброе слово, и онъ останется дома.

Эленъ посмотрѣла съ удивленіемъ на Нестужева и была въ нерѣшимости.

— Простите мнѣ этотъ поступокъ, въ волненіи продолжалъ онъ. — Вы вызвали меня на него вашими постоянными оскорбленіями. Вы должны понять, что сами заставляете такъ дѣйствовать. Въ послѣдній разъ прошу у васъ хоть одного взгляда, безъ примѣся злобы и презрѣнія. Я подаю вамъ руку на примиреніе.

Нестужевъ протянулъ руку и тревожно глядѣлъ на Эленъ. Лицо его было блѣдно и такъ рѣзко взѣмнялъ его избытокъ раскаянія, которое, можетъ быть, въ первый разъ и въ послѣдній возродилось съ его сердца.

— Ради Бога, скорѣе говорите, что я долженъ сдѣлать? воскликнулъ онъ умоляющимъ голосомъ, какъ бы боясь за непрочность порядочнаго порыва своей души.

Эленъ пугливо закрыла свое лицо, тоже какъ бы боясь тронуться раскаяніемъ, едва слышно произнесла: — васъ ждутъ! и указала на дверь.

Нестужевъ на минуту оторопѣлъ, но принявъ тотчасъ же свой развязный видъ, пожалъ плечами, сдѣлалъ жалобную мину и вышелъ изъ залы.

Ихъ отъѣздъ столько надвѣлалъ шуму, что молодые остались на второмъ планѣ и всё занялись Эленъ. Нашлись такія добрыя и соотрадательныя души, что пріѣзжали навѣщать ее какъ вдову, потому что общій говоръ былъ, будто Борисъ Федорычъ уѣхалъ въ Петербургъ стрѣляться съ Нестужевымъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Бориса Федорыча, уѣхали въ Петербургъ и молодые.

ГЛАВА VIII.

Впечатлѣніе, произведенное на Наталью Григорьевну ея содѣями, ясно покажетъ, какія перемѣны произошли въ пятидѣтній промежутокъ времени съ молодыми, супругами. Наталья Григорьевна встрѣтила гостей въ залѣ и нашла Варвару Васильевну очень красивой женщиной; но что-то надменное было во всей ея фигурѣ, гармонія въ правильныхъ чертахъ ея лица нарушена была излишней полнотой, а большіе ея глаза такъ мало имѣли выраженія, что становилось жаль, зачѣмъ они такъ велики. Туалетъ ея былъ пышенъ, но даже въ перчаткахъ замѣтно было отсутствіе вкуса.

Зато наружность Павла Алексѣича сдѣлала на Наталью Григорьевну очень пріятное впечатлѣніе. Она нашла его лицо такими молодежавымъ, что не могла себѣ представить его отцомъ семейства. Мягкое и кроткое выраженіе его лица, тонкія и красивыя его брови невольно бросались въ глаза. Она такъ привыкла къ густымъ нахмуреннымъ бровямъ Ивана Матѣича, Грустная улыбка его такъ показалась ей пріятельскою, что она какъ бы обрадовалась ей. Глаза его, полныя жизни и мысли, поразили ее своей глубиной, и она невольно сравнивала ихъ съ огромными глазами его жены. Первый вопросъ, который сдѣлала Варвара Васильевна своей новой знакомой, когда мужъ отрекомендовалъ ее, былъ:

— А сколько у васъ комнатъ? и въ тоже время Варвара Васильевна внимательно и безцеремонно оглядывала мебель въ комнатѣ.

— Кажется, три, отвѣчала Наталья Григорьевна, смущенная развязностью своей гостьи.

— Жена моя сама хотѣла благодарить васъ, началъ Брусковъ.

— Да... я такъ перепугалась, когда онъ мнѣ рассказалъ. Все кормилица виновата, продолжая осмотръ, сказала Варвара Васильевна.

— А нянька еще болѣе, кажется, замѣтилъ ей мужъ.

— Пожалуста, я знаю лучше тебя! съ достоинствомъ отвѣчала Варвара Васильевна и, обратясь къ Натальѣ Григорьевнѣ, спросила ее не безъ иронической улыбки: — а вы часто выѣзжаете?

— Куда? необдуманно отвѣтила Наталья Григорьевна и поспѣшно прибавила: — я люблю дома сидѣть.

— Какая вамъ скука, я думаю; у васъ нѣтъ дѣтей; что вы дѣлаете однѣ?

— Читаю! теряюсь отъ допросовъ гостини, отвѣчала хозяйка дома.

— Не все же читать. Бываете въ оперѣ?

— Я? нѣтъ.

— Вы не любите музыки? ;

— О нѣтъ, очень люблю! съ испугомъ воскликнула Наталья Григорьевна и покраснѣла, предчувствуя, что послѣдуетъ новый вопросъ, на которой не такъ-то легко будетъ отвѣчать.

И точно: Варвара Васильевна спросила съ удивленіемъ: — Если любите музыку, то почему не бываете въ оперѣ?

— Кажется, сегодня твой абониментъ? перебилъ свою жену Брусковъ.

— Да!... я такъ на прошедшей недѣлѣ пять разъ была въ театрѣ, съ гордостью сказала Варвара Васильевна.

Настало молчаніе; въ теченіе котораго Варвара Васильевна производила шумъ своимъ шолоновымъ платьемъ, оправляя его складки. Брусковъ всталъ и сказалъ ей: «Мнѣ пора ѣхать.»

— И я съ тобою.

— Ты сейчасъ пріѣхала только!

— Я сидѣла у галаальщицы. Она такъ мнѣ хорошо угадала, какъ будто все знаетъ. Говорить, что меня ждетъ какая-то радость и наслѣдство, очень серьезно сказала Варвара Васильевна.

— Поѣзжайте къ ней, прибавила она, обращаясь къ хозяйкѣ дома: — только у ней столько народу, что я три часа ждала, пока пришла моя очередь.

— Не всё вѣрить въ эти глупости, замѣтилъ Брусовъ своей жёнѣ, которая съ горячностію воскликнула:

— Извините! вчера она мнѣ, гадая, сказала, что меня ожидаетъ какое-то огорченіе, но что все кончится благополучно; а что сегодня было?

Натаалья Григорьевна замѣтила, что слова Варвары Васильевны производятъ непріятное впечатлѣніе на ея мужа; она поспѣшила дать другое направленіе разговору и спросила: есть ли годъ маленькому ихъ сыну.

— Скоро будетъ годъ, отвѣчала Варвара Васильевна съ достоинствомъ. Онъ такой родился большой.... Вотъ Аня моя родилась маленькая. Ну и кто скажетъ, что она моложе Саша только десятью мѣсяцами!

Брусовъ прервалъ жену, спросивъ Наталью Григорьевну о мужѣ: оказалось, что Иванъ Матвѣичъ служитъ подъ начальствомъ его родного дяди.

— Странно, замѣтилъ Брусовъ. — Вашъ мужъ вѣрно бываетъ у дядюшки, у котораго я тоже часто бываю; мало того: вотъ уже почти годъ мы живемъ въ одномъ домѣ дверь въ дверь и до сихъ поръ никогда не встрѣчались.

— А я такъ объ васъ все знаю! моя горничная Авдотья въ вашей кухнѣ видѣла васъ, перебила Варвара Васильевна.

Брусовъ какъ-то нетерпѣливо всталъ и раскланялся съ хозяйкой дома, сказавъ: — я боюсь вамъ наскучить; но позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ за спасеніе моихъ дѣтей.

— Что это! ужъ будто въ самомъ дѣлѣ они упали бы! съ недоувѣрчивостію замѣтила Варвара Васильевна.

— Если бы не пришла Наталья Григорьевна, то они оставались бы одни Богъ знаетъ сколько времени: я тоже хотѣлъ уйти изъ дому, довольно сухимъ тономъ отвѣчалъ ей мужъ.

Онъ раскланялся еще разъ съ Натальей Григорьевной. Пожавъ руку своей новой знакомой, Варвара Васильевна небрежно сказала ей: «приходите къ намъ». Едва успѣла она выйти изъ дверей, какъ замѣтила своему мужу:

— Ну, ужъ какая она дура, кажется!

— Это почему? съ удивленіемъ спросилъ Борисъ.

— Да какъ же? все краснѣетъ, сидитъ дома, много у нихъ не бываетъ.

— Можетъ быть; ихъ средства не позволяютъ; развѣ можно судить такъ поверхностно?

— И знаю, что говорю; Авдотья мнѣ уже давно про нее разсказывала.

— Я желалъ бы, чтобъ ты не основывала своихъ суждений о людяхъ на словахъ горничныхъ и нянекъ, почти съ сердцемъ отвѣчала мужъ.

Но, кажется, Варвара Васильевна не обращала на его слова особеннаго вниманія; тономъ самонадеявшимся и презрительнымъ она продолжала свой замѣчанія.

— А замѣтила, какъ она была одѣта?

— Очень мило! нѣхота отвѣчалъ Брусковъ, сходя съ лестницы.

— Мило! ха, ха, ха! мило! Ситцевое платье, точно у моей Авдотьи.

— Какое бы платье ни было, только оно имѣетъ видъ очень красивый, такъ рѣвно замѣтилъ Брусковъ, что Варвара Васильевна воскликнула съ досадою:

— Господи! да развѣ я что сказала дурное!

И долго еще подвергала она строгому разбору мебель, наряды и туалетъ своей сосѣдки.

Наталя Григорьевна точно также не оставила изъ покоя ни глазъ, ни волосъ, ни туалета Варвары Васильевны. Общее впечатлѣнiе было не совсѣмъ выгодное, чему, можетъ быть, много содѣйствовало мнѣнiе, составленное заранее, изъ головного знакомства съ дѣтскою. Отъ нея также не укрылась и раздражительность Брускова.

Но какъ будетъ смотрѣть на это случайное знакомство Иванъ Матвѣичъ? вотъ вопросъ, исключительно занимавшій Наталью Григорьевну. Наконецъ онъ возвратился домой и, къ удивленiю ея, былъ даже разговорчивѣе обыкновеннаго, интересовался мельчайшими подробностями знакомства своей жены и когда она передала ихъ ему, сказалъ:

— Завтра же мы должны сдѣлать имъ визитъ.

«Неужели Иванъ Матвѣичъ изъ служебныхъ видовъ рѣшается идти противъ своихъ убѣжденiй? какъ время и случай разоблачаютъ людей. И этотъ характеръ, во видимому, твердый какъ камень въ своихъ убѣжденiяхъ, точно также уничтожается передъ выгодой!» такъ разсуждала Наталя Григорьевна въ тотъ день

вечеромъ, обдумывая, продолжать ли ей знакомство съ сосѣдками, съ которыми она жила съ годъ стѣна объ стѣну и не была знакома. Не общало ей особеннаго удовольствія знакомство съ такою женщиной, какъ Варвара Васильевна. Но раздумывать было поздно: Варвара Васильевна быстро стада съ ней на дружескую ногу, разъ пять въ день забѣгала къ своей одинокой сосѣдкѣ, то по домашнему, то разодѣтая и тогда являлась чрезъ парадное крыльцо. Казалось, она хвастала предъ Натальей Григорьевной своимъ нарядами; показала ей весь свой и дѣтскій гардеробъ, упрашивала ее ѣздить съ нею по магазинамъ, Она также приставала къ ней съ откровенностями.... Наталья Григорьевна не могла надивиться противоположности характеровъ жены и мужа. Онъ постоянно былъ грустенъ, озабоченъ домошъ, она же вѣчно спокойна; онъ цѣлый день работаетъ, а она придумывала, на какіе бы наряды и глупости издерлатъ заработанныя деньги, забывая совершенно необходимыя вещи по хозяйству. Онъ такъ много читалъ и читаетъ, его все интересуетъ, а ее, кромѣ тряпокъ, ровно ничего. Книги для нея вещь лишняя; развѣ въ мѣсяцъ разъ возьметъ она романъ, чтобъ наполнить свой разговорный словарь пошлыми, но высокопарными словами. Узнавъ поближе хозяйство своей сосѣдки, Наталья Григорьевна даже возмущалась безопасностью Варвары Васильевны, тѣмъ болѣе, что домашніе беспорядки сердца Брускова и мѣшали ему работать.

Въ самомъ дѣлѣ, не слишкомъ пріятно видѣть мать семейства въ праздной полудремотѣ, или разряженную въ шолкъ и кружева, въ цѣлые дни проводящую въ гостяхъ. Варвара Васильевна смотрѣла на дѣтей, какъ на забаву; впрочемъ, и многія матери видятъ въ нихъ игрушки. Вотъ она, отъ нечего дѣлать, идетъ въ дѣтскую, садится на диванъ: ее не поражаетъ беспорядокъ; она будитъ ребенка, чтобъ поиграть съ нимъ, дразнитъ его; онъ плачетъ, а она хохочетъ. Потомъ она начинаетъ примѣрять на дѣтяхъ праздничныя платья, и дѣти торгуются съ ней:

— Ты дашь мнѣ конфетку? спрашиваетъ дочь.

— Дамъ, дамъ! отвѣчаетъ мать и, примѣряя платье, говоритъ: — какая будетъ хорошенькая, всѣ будутъ любоваться, хвалить!

— Скажутъ, вѣрно енаральская дочка, подхватываетъ нянька.

— А подарятъ мнѣ куклу? спрашиваетъ дѣвочка.

Безсмысленный вопросъ дочери приводитъ мамашу въ восторгъ; заливаясь громкимъ смѣхомъ, она идетъ въ кабинетъ къ мужу и отрываетъ его отъ работы, подробно сообщая ему весь разговоръ. Варвара Васильевна съ утра жуеетъ конфекты и кормитъ ими дѣтей; если вѣкуда ѣхать и нѣтъ гостей, она проснется только къ обѣду, не заботясь, что подадутъ на столъ.

Разумѣется, такого рода женщина не могла нравиться Наталѣ Григорьевнѣ: ничего общаго у нихъ не было, — и о чемъ стали бы онѣ говорить? Все удовольствіе Натальи Григорьевны состояло въ дѣтяхъ, которыхъ она ужасно полюбила. Она приходила съ утра въ дѣтскую, одѣвала, мыла, чесала ихъ, шила имъ платья, укладывала ихъ спать, играла съ ними въ куклы. Брусковъ, приходя домой, не разъ заставлялъ ее въ дѣтской; она сидѣла на полу, окруженная дѣтьми и игрушками; онъ даже иногда слышалъ, какъ она имъ пѣла. Дѣти, бросая свои игрушки, внимательно ее слушали, и никто не замѣчалъ, что есть еще свидѣтель ихъ забавъ. Вечеромъ она бѣгала съ ними по залѣ, а потомъ рисовала, вырѣзывала имъ птицъ, звѣрей. Изрѣдка отецъ, въ свободное время, принималъ участіе въ ея работѣ, и они оба трудились надъ карточными домами. Дѣти ужасно любили слушать сказки, рассказываемыя Натальей Григорьевной; всѣ капризы ихъ прекращались, стоило погрозить, что она никогда не будетъ больше сказывать сказокъ.

Разъ Брусковъ зашелъ утромъ въ дѣтскую и засталъ тамъ Наталью Григорьевну, укачивающую его меньшого сына. Она слѣдала ему знакъ, чтобъ онъ не говорилъ. Онъ долго въ молчаніи смотрѣлъ на добровольную нянюшку и наконецъ, замѣтивъ, что ребенокъ закрылъ глаза, тихо сказалъ съ улыбкой:

— Вотъ я не ожидалъ, что мои дѣти найдутъ себѣ такую нянюшку. Гдѣ кормилица?

— Нянька ушла гулять съ дѣтьми, а кормилица пошла мыть бѣлье, отвѣчала шопотомъ Наталья Григорьевна.

— А Варвара Васильевна дома?

— Не знаю; кажется, пошла спать.

Брусковъ тяжело вздохнулъ и проговорилъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой:

— Я теперь ухожу изъ дому споноймо. Я знаю, что вы позаботитесь о дѣтяхъ. А прежде: нужно вникать въ дѣло, а мнѣ все мерещится, что-то съ дѣтьми.

Наталья Григорьевна указала ему головой на сына, который спалъ на ея колѣняхъ и улыбался во снѣ.

— Онъ такъ граціозно заснулъ, какъ будто чувствуетъ, на чьихъ рукахъ онъ лежитъ. Я боюсь, что мы ужъ слишкомъ пользуемся вашей добротой, сказалъ отецъ.

— Моя доброта происходить изъ удовольствія, какое я нахожу возиться съ дѣтьми.

— Какъ жаль, что у васъ нѣтъ дѣтей! вы понимаете, какъ ихъ воспитывать, замѣтилъ Брусковъ.

— Я думаю, любовь къ дѣтямъ каждую мать научитъ, какъ слѣдуетъ ихъ воспитывать.

— Нѣтъ, есть такія непостижимыя натуры, которыя лишены даже способности любить благоразумно дѣтей своихъ. Онѣ думаютъ, что, цалуя ихъ по сту разъ въ день, накупая имъ глупыхъ дорогихъ платьевъ и позволяя имъ капризиться и дѣлать что имъ вздумается, онѣ доказываютъ этимъ сильную любовь къ дѣтямъ. А воспитывать дѣтей такъ трудно: надо приносить жертвы, имѣть постоянное присутствіе духа, высшее терпѣніе; нужна осторожность въ словахъ, въ движеніяхъ. Ребенка все поражаетъ; его надо занять такъ, чтобъ не мерепугать дѣтскаго воображенія, а не смѣшить гримасами до истерики, какъ дѣлаютъ многія матери. На это мало одной любви къ дѣтямъ: надо быть образованной и сохранить въ душѣ своей много чистоты дѣтской.

Все чаще и чаще Брусковъ бесѣдовалъ съ Натальей Григорьевной, и предметомъ ихъ разговора постоянно были дѣти, ихъ воспитаніе, или книги, которыя Наталья Григорьевна брала изъ небольшой ея библіотеки.

Нянькѣ и кормилицѣ очень нравилось поведеніе сосѣдней барыни: онѣ свободно могли сидѣть въ кухнѣ, даже ходить со двора.

— Ну что рады? пришла ваша нянюшка, такъ вотъ вы и разсѣлись какъ барыня! поддразнивая Софью Ивановну, говорилъ лакѣй въ кухнѣ.

— Пусть се нянчится, коли охота есть, съ грубымъ смѣхомъ отвѣчала нянька.

— Чудная она, прости Господи: точно какъ въ нѣмкахъ жила, замѣчала кормилица.

— Какая мастерица, золотыя руки! прибавляла горничная.

— Ока важность! велика штука, что умѣть все дѣлать! Да развѣ настоящей баринѣ идеть? И Богъ се знаетъ, изъ какихъ взята — вѣдь не здѣшная. Цѣлый день, точно какая затворница, торчитъ дома. Ни она къ кому, ни къ ней кто — что это за барыня? и весело ли было бы вамъ, какъ бы наша тоже вездѣ несть сезона? это зашей, туда пооди, здѣсь убери! криливо ораторствовала нянька.

— Ну хороша и наша-то. Все прибережешь, а она верхъ дномъ повернетъ: охоту всякую отобьетъ. Побыли бы вы, Софья Ивановна, ея горничной, такъ другое запѣла бы, съ горячностію сказала Авдотья.

— Мало у меня хлопотъ, что ли! не вижу небось, какъ наша дурить. А все-таки скажу, что лучше вашей хваленной. Ужь горничныя не могу эдакихъ, какъ она. Наша разкритится — и все, а эта слова не скажетъ, а такъ смотреть, что хуже крику!

— Что ваша работа въ горницахъ! сказала кухарка, молчавшая до той минуты. — Вотъ кабы вы на моемъ мѣстѣ побывали! Намедни баринъ сердится, зачѣмъ все одни да одни блюда? А придется къ ней спросить: что прикажете готовить сегодня? Кухарка перевела духъ и кончила пискливѣмъ тономъ: супъ, соусъ, пирожное...

Общій хохотъ накрылъ остроумное замѣчаніе кухарки.

ГЛАВА IX.

Наталья Григорьевна съ грустью убѣждалась въ то, что Павелъ Алексѣичъ вовсе не такъ спокоенъ и равнодушенъ къ окружающему, какъ старается показывать. Достаточно было видѣть выраженіе его лица въ тѣ минуты, когда Варвара Васильевна вздумаетъ хозяйничать, то есть кричать на людей или разсуждать съ поразительной самоувѣренностію о вещахъ недоступныхъ ей по образованію. Грубыя выходы съ дѣтскими всего болѣе раздражали Брускова; онъ забывалъ тогда свою роль, но досада его обнаруживалась такъ деликатно, что для Варвары Васильевны эти мимолѣтныя движенія внутренней

бури были непонятны; она не сомнѣвалась, что составляетъ счастье своего мужа, что онъ любитъ ее, потому что никогда не жалуется и позволяетъ ей исполнять прихоти. Она смутно понимала, что въ словахъ, въ обращеніи его съ ней есть что-то особенное, но не думала видѣть тутъ снисхожденіе. Она слишкомъ вѣровала въ свою красоту. Впрочемъ, Варвара Васильевна большую часть жизни пребывала въ такомъ тупомъ спокойствіи, въ такомъ глубокомъ убѣжденіи, что можетъ составить счастье всякаго, кто бы женился на ней, что даже не давала себѣ труда много думать о такихъ вещахъ; источникомъ вспышекъ своего мужа она однажды навсегда признала испорченность желудка или дурно проведенную ночь, и потомъ уже она ничего не видала. Надѣленная флегматическимъ характеромъ, съ рожденіемъ перваго ребенка она окончательно предалась тупой праздности, въ какой пребываетъ большая часть женщинъ средняго круга; взлѣтанный воспитаніемъ эгоизмъ развился въ ней до грубости; она не понимала никакого благороднаго порыва, если онъ не сопряженъ съ личной выгодой человѣка, и бывали случаи, въ которыхъ мужъ казался ей изумительно страннымъ. Много было недостатковъ въ характерѣ Варвары Васильевны, когда она была еще дѣвичествомъ; но все украшающая молодость такъ маскируетъ ихъ, что когда она проходитъ, то люди дивятся, откуда взялись недостатки. Чтобы смилчуть ихъ въ Варварѣ Васильевнѣ, нужно было ее перевоспитать; для этого надо было ей встрѣтиться съ человѣкомъ жесткаго сердца и взгляда на жизнь очень положительнаго, а ее мужъ, напротивъ, имѣлъ почти идеальныя убѣжденія. Дѣйствительность не страшна ему, пока онъ не сталъ съ нею лицомъ къ лицу, пока видѣлъ въ ней только хорошія стороны или готовился воевать съ ней въ громадной борьбѣ, какъ мечтаетъ всякій юноша. Но онъ угадалъ духомъ, когда дѣйствительность являлась ему въ мелочахъ, во всей наготѣ грубаго эгоизма. Сколько борьбы уже испыталъ онъ съ той поры, какъ столкнулся съ нею, сколько ему еще предстояло! Достанетъ ли у него твердости духа бороться съ матеріальными лишеніями, чтобы сохранить свои убѣжденія, или онъ падетъ, какъ многіе пали? Уже бывали минуты, когда онъ, прійдя къ себѣ въ кабинетъ, послѣ разговора съ женою, съ ужасомъ и отчаяніемъ разсуждалъ о томъ, откуда ему взять денегъ, чтобы удовлетво-

рить требованія жены, и не предпочесть ли ему домашнее спокойствіе своимъ убѣжденіямъ и спокойствію совѣсти?

Семейство прибывало съ каждымъ годомъ; онъ усиленно трудился, а трудъ его былъ ему чуждъ и по воспитанію и по наклонностямъ. Онъ работалъ для денегъ, которыя шли прежде всего на прихоти Варвары Васильевны; остальное поглощалось безперядочнымъ хозяйствомъ.

За выборъ жены Брускова нельзя обвинять. Женился, онъ не подозрѣвалъ даже, что существуютъ женщины съ такимъ характеромъ, какъ у Варвары Васильевны. Рамная встрѣча съ Эленъ утвердила въ немъ понятіе о женщинахъ свѣлое и высокое. Любовь его къ ней была заглушена разсудкомъ; зрѣлое и разумное развитіе Эленъ подавило его юношескія мечты; онъ старался обратить любовь свою въ благоговѣнное уваженіе и горячее участіе. Потребность любви взаимной, сильно возбужденная, и горячо кипѣвшая кровь юноши были причиною, что онъ слѣпо увлекся одной физической красотой Варвары Васильевны, не замѣтивъ такихъ недостатковъ, съ которыми примиреніе невозможно для человѣка съ его развитіемъ и натурой. Осмѣленіе его прошло, но было уже поздно; совѣсть не позволяла ему искать оправданія въ томъ, въ чемъ каждый другой на его мѣстѣ, не задумываясь, нашелъ бы не только оправданіе, но и свободу. Нѣтъ, Брусковъ былъ строже къ самому себѣ. Почти съ первыхъ дней супружества онъ обрекъ себя на принужденіе, къ которому обязывала его не по сердцу выбранная дѣятельность, и, надо сказать правду, сначала надежды превоспитать жему много облегчавши его труды. Заботы семейнаго быта, начиная съ важныхъ до самыхъ мелочныхъ, также не замедлили обрушиться на Брускова, и онъ исполнялъ ихъ, по видимому, съ такой охотой, какъ будто чувствовалъ къ нимъ призваніе. Внимательный глазъ могъ открыть только одинъ признакъ его ложнаго положенія — это полное охлажденіе ко всему, что занимало его прежде, какъ будто съ лучшей мечтой его жизни, такъ жалко разлетѣвшейся, умерли въ немъ все живые интересы.

Съ своей стороны, Варвара Васильевна была убѣждена, что очень любить мужа, на томъ основаніи, что вѣрна ему; хотя слухая испитать эту вѣрность не представлялось, да еще на томъ, что ревновала его къ Еленѣ Александровнѣ, особенно послѣ его

путешествія въ деревню, по случаю болѣзни отца. Елена Александровна жила тогда въ своей Ваацловкѣ и ходила за большимъ старикомъ, который умеръ на ея рукахъ. По возвращеніи мужа, Варвара Васильевна нашла въ немъ большую переѣху и такъ какъ съ нимъ пріѣхала въ Петербургъ Елена Александровна, то причина тотчасъ нашлась: Варвара Васильевна приписала эту переѣху старой его любви, и съ той поры въ домѣ ихъ начались такія сцены, которыя, можетъ быть, кончились бы трагически, еслибъ Елена Александровна не уѣхала за границу.

Наталя Григорьевна составила уже нѣкоторое понятіе о Еленѣ Александровнѣ по откровеннымъ разговорамъ Варвары Васильевны. Имѣла или нѣтъ основаніе Варвара Васильевна, только ничто ее такъ не сердило, какъ похвала, сказанная ей мужемъ отсутствующей; даже бывали вспышки между супругами. Ихъ отзывы о ней были такъ противоположны, что Наталя Григорьевна очень интересовалась видѣть ее. Случай не замедлилъ представиться. Въ одно утро, когда всѣ сидѣли за завтракомъ, въ томъ числѣ и Наталя Григорьевна, вошелъ лакей и объявилъ о пріѣздѣ г-жи Ольховской. Радость оживила грустное лицо Брускова; напротивъ, въ лицѣ Варвары Васильевны разлилось тревожное безпокойство. Наталя Григорьевна также неравнодушно ждала гостью. Елена Александровна вошла быстро и съ дружескимъ восклицаніемъ кинулась къ первому Брускову. Онъ схватилъ ея руку и осыпалъ поцелуями, а она нѣсколько разъ поцаловала его голову. Слезы увлажили ея глаза; улыбкой самой искренней радости озарилось лицо, и она, удерживая руку мужа, такъ радушно протянула свою руку къ жепѣ и такъ прямо смотрѣла ей въ глаза, такъ непринужденно поцаловала ее, что Наталя Григорьевна была поражена ревнивыми подозрѣніями Варвары Васильевны.

Наружность Елены Александры, ея простой, но изящный туалетъ, ея волненіе, ея гомость, улыбка, вопросы, полные оригинальности и ума, сдѣлали пріятное впечатлѣніе на Наталью Григорьевну; она въ какомъ-то удивленіи не сводила глазъ съ гостью; неволью сравнивая ее съ хозяйкой дома, отличавшейся тривиальными манерами, тупымъ выраженіемъ лица.

— А привезли ли вы шаль? былъ первый вопросъ Варвары Васильевны, обращенный къ гостьѣ, которую она такъ давно не видала.

— Привезла все, что вы просили, отвечала Елена Александровна, продолжая прерванный разговоръ съ Брусковымъ.

Когда гостя коснулась дѣтей Варвары Васильевны, она сказала: — Я приведу къ вамъ ихъ, и вышла изъ залы.

Елена Александровна, оставшись одна, вздохнула свободнѣе, пристально, даже съ безпокойствомъ посмотрѣла на Брускова и, протянувъ ему руку, въ волненіи произнесла:

— Почти годъ мы не видались.

— Да, я не ожидалъ еще такъ скоро увидѣться! цалуя ея руку, отвечалъ Павелъ Алексѣичъ.

— Я очень скучала, такъ выразительно произнесла Елена Александровна, что Наталья Григорьевнѣ ревность Варвары Васильевны не показалась уже удивительной.

— Когда я услышу отъ васъ, что вы веселы?

— Возвратите мнѣ молодость. Я думаю, вы больше, чѣмъ кто нибудь, понимаете мои вѣчныя жалобы, какъ ни кажетесь покойнымъ.

Брусковъ какъ бы опомнился, что есть свидѣтельница ихъ разговора, и поспѣшилъ познакомить двухъ дамъ, которыя поклонились и улыбнулись другъ другу, не сказавъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ фразъ. Хозяинъ дома, указывая на Елену Александровну, сказалъ, смѣясь, Наталья Григорьевнѣ:

— Рекомендую вамъ одну изъ самыхъ злыхъ женщинъ, если судить по ея собственнымъ словамъ о себѣ.

— Хороша рекомендація. Нѣтъ, пожалуйста, оставьте ей самой сдѣлать заключеніе. А вамъ никогда не совѣтую довѣрять ни похваламъ, ни брани людей, протянувъ руку Натальѣ Григорьевнѣ, сказала гостя....

Въ эту минуту возвратилась въ залу Варвара Васильевна, замѣтивъ свой измятый капотъ шолковымъ и подобравъ волосы подъ чепчикъ съ яркими бантами. Двое старшихъ дѣтей шли впереди ея, а грудной ребенокъ, заспавший, плакалъ у ней въ рукахъ. Елена Александровна, поцеловавъ старшихъ дѣтей, обратилась къ меньшому и сказала:

— Дурно же ты знакомишься со мной! о чемъ плачешь?

— Я его разбудила, замѣтила Варвара Васильевна.

Ребенокъ, увидя Наталью Григорьевну, протянулъ ей руки.

— Ну, полнѣ, плакса! Оми больше всѣхъ любить ее, сказала Варвара Васильевна, передавая сына на руки Натальѣ Григорьевнѣ.

— Еще бы, она цѣлые дни сидитъ съ ними! замѣтила отецъ.

Краска выступила на лицѣ Натальи Григорьевны, когда Елена Александровна, провинцательнымъ и быстрымъ взглядомъ оглядѣвъ супруговъ, остановила свои глаза на ней и спросила ее какъ бы съ удивленіемъ:

— Вы такъ любите дѣтей?

— Да, отвѣчала Наталья Григорьевна, укачивая ребенка.

— Изъ дѣтской не выходить или увезете дѣтей къ себѣ? вы живете дверь въ дверь, поспыла Варвара Васильевна своимъ всегдашнимъ насмѣшливымъ тономъ, въ которомъ больше было презрѣнія, чѣмъ шутки.

— Вы вѣрно воспитывались въ большомъ семействѣ? спросила Елена Александровна Наталью Григорьевну.

— Она москвичка, отвѣчалъ за нее Брусковъ: — и, кажется, воспитывалась въ томъ самомъ пансіонѣ, гдѣ вы.

— Неужели у Ирины Андреевны? радостно воскликнула Элень и, узнавъ, что у нихъ была одна и та же ташава, забрисала Наталью Григорьевну вопросами.

Ей хотѣлось знать, такъ ли все, какъ было при ней у Ирины Андреевны. Та же у ней табакерка, тѣ ли же учителя? такъ ли она кушаетъ сиротскія конфекты? такъ же ли тараторить и дорожить вниманіемъ, какъ прежде? Элень не забыла даже спросить о собакѣ и вензеляхъ на стеклахъ, писанныхъ чьей-то невѣжествомъ рукой.

Этотъ разговоръ быстро сблизилъ ихъ. Элень такъ непринужденно говорила съ Натальей Григорьевной, что послѣдней уже казалось, что онѣ знакомы давно, даже какъ будто въ одно время учились у Ирины Андреевны. Когда она ушла къ себѣ, Элень, обращаясь къ Брускову, сказала:

— Не правда ли, какая она хорошенькая? какъ шла и фигура!

— Вотъ! въ ситцевомъ платьѣ! презрительно замѣтила Варвара Васильевна.

Долго и много толковали еще о Натальѣ Григорьевнѣ, которой Элень въ свою очередь похвальнось. И чѣмъ больше она ей

видѣла, тѣмъ сильнѣе становилось впечатлѣніе. Ей нравилось въ ней все: ея манеры, наружность, живой и умный разговоръ, колкіе отвѣты, — рѣшительно все, исключая ироніи, съ какою она смотрѣла на тѣ предметы, которые Наталья Григорьевна, болѣе по рутинѣ, чѣмъ обдуманно, привыкла уважать. Зато Ивану Матвѣичу очень не нравилась Элень.

— Я увѣренъ, что ты уклонившись отъ дружбы съ такою женщиной, которая походить скорѣе на мужчину; съ самыми ложными понятіями о вещахъ, сказала: охъ женѣ своей. — Это дуриной примѣръ женщинамъ; надо его удаляться.

— Мея боялся многіе, сказала разъ Елена Александровна, можетъ быть, замѣтивъ переѣву въ обращеніи Натальи Григорьевны. — Въ самомъ дѣлѣ, я должна казаться страшною. Я часто досажаю на себя, что не притворюсь и не лгу; но мнѣ право лѣнь; я увѣрена въ своихъ способностяхъ усвоить лесть, притворство и всѣ атрибуты лицемерія, но жаль, что не вижу никакой пользы!

Такая откровенность пугала робкую Наталью Григорьевну и давала пищу языку Варвары Васильевны, которая передавала слова Элень въ довольно невыгодномъ свѣтѣ; особенно она любила бесѣдовать о ней съ Иваномъ Матвѣичемъ, который явно возмущался сужденіями Елены Александровны. Наталья Григорьевна была поражена способностью, открывшеюся съ пріѣздомъ Элень въ Варварѣ Васильевнѣ: подмѣчать малѣйшія движенія, слова въ своемъ врагѣ и потомъ очень язвительно обсуживать ихъ. Она по секрету разказала Натальѣ Григорьевнѣ, что Элена ужасная жевщица, такой холодной жокетки не было и не будетъ на свѣтѣ: никогда никого не любила, всю жизнь провела въ низкахъ интригахъ, въ заботахъ объ удовольствованіи своего самолюбія, разворила мужа, и проч.

— А когда она пріѣхала въ деревню, не падъ ней смѣялись и никто не хотѣлъ съ нею знаться, замѣчала Варвара Васильевна.

— За что же? спросила Наталья Григорьевна.

— Страшно важничала. Завлекала молодыхъ мужчинъ, чтобы они только за ней ухаживали. Цѣлый день сидитъ одна-одна-хонька съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, гуляетъ по лѣсамъ, и съ мовиъ тоже было. Отговаривала его жениться, даже на свадьбѣ не была, а потомъ такимъ другомъ принималась. Да, за ней

есть много штукъ. А еще все твердить, что она лѣвится обманывать.

Брусковъ же о той самой Эленъ говорилъ совершенно противное:

— Такой женщины, можетъ быть, нѣтъ другой, по удивительной простотѣ рядомъ съ самыми рѣдкими достоинствами. Такое любящее и сострадательное сердце не часто встрѣтишь. Она сбросила съ себя всѣ ложныя понятія о жизни и явилась во всемъ блескѣ истиннаго назначенія женщины. Только гордость, можетъ быть, излишняя, вредить ей; она не дорожить уваженіемъ людей и не хочетъ искать въ нихъ опоры своимъ прекраснымъ убѣжденіямъ. За одно еще можно ее винить: она слишкомъ надѣется на свои силы и желаетъ, можетъ быть, невозможнаго въ людяхъ совершенства.

Если ложны были грубые выводы Варвары Васильевны, то неправъ былъ въ свою очередь Брусковъ: онъ не понялъ одного, что не совершенства искала Елена Александровна, но чело-вѣка, способнаго любить искренно и просто, не поработая любящую женщину. Это желаніе обыкновенно пугаетъ мужчинъ: они не понимаютъ, что оно всего вѣрнѣе обезпечиваетъ ихъ собственную свободу. Такъ какъ она была врагъ всего пѣшлаго, условленнаго временемъ и рутинной жизни, то иногда поступки ея казались странными. Самое горячее участіе ея принимали за холодность, жертвы — за расчетъ, или даже не замѣчали ихъ. Елена Александровна жестоко страдала одиночествомъ, но накидывала на себя роль все презирающей женщины: что дѣлать! это желаніе доходило у ней до крайности! Но какъ нѣжна и молода была ея душа, какъ доступна всякому благородному увлеченію, несмотря на весь горькій опытъ и тяжкія обиды жизни! Молодость свою она провела въ борьбѣ съ обстоятельствами, которыя старалась, по возможности, подчинить своимъ убѣжденіямъ, не отдаваясь слѣпо ихъ вліянію. Года шли, а съ ними и молодость убѣгала. Эленъ испугалась приближенія тѣхъ лѣтъ, когда чело-вѣкъ теряетъ незамѣтно тотъ огонь, который называется поэзіею жизни. «Я одна, всѣ боятся меня; но что же такое я сдѣлала?» она спрашивала иногда себя. Очень большую ошибку. Это уклоненіе отъ той рутинны, но какой привыкли всѣ жить, хотя и тяготятся ею. Ее очень многіе ненавидѣли, особенно женщины, — можетъ быть, потому, что она своею независи-

мостью пробуждала въ нихъ зависть и сознаніе ихъ собственнаго лицемѣрія.

Восторженный отзывъ о ней Брускова Наталья Григорьевна объяснила больше, чѣмъ простымъ уваженіемъ или дружбой. Да и могло ли быть иначе? «Эта женщина такъ умна, такъ хороша собой, думала Наталья Григорьевна, что, бывая съ ней, даже я — женщина — не свожу съ нея глазъ. Но зачѣмъ въ ней эта сухость, зачѣмъ это пренебреженіе къ женщицѣ, которая ниже ея развитіемъ и умомъ, къ Варварѣ Васильевнѣ? Неужели она наслаждается превосходствомъ своимъ предъ той, которой спокойствіе волею или неволею она же нарушила? Павелъ Алексѣичъ такъ уменъ, что можетъ замѣтить это; къ чему еще лишнее страданіе прибавлять ему? И кто знаетъ, можетъ быть, главная причина его настоящей грусти — это его прежняя любовь къ Еленѣ Александровнѣ: зачѣмъ же она не убѣгаетъ его? Но если и она его любитъ? Какъ ужасны и безвыходны ихъ страданія! Нѣтъ, лучше никогда не испытать любви, чѣмъ очутиться въ такомъ положеніи. Я умерла бы отъ одного стыда, глядя на бѣдныхъ дѣтей. Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ все только такъ кажется.» Разсуждая такимъ образомъ, Наталья Григорьевна неутомимо слѣдила за каждымъ шагомъ и взглядомъ Брускова и Елены Александровны. «Зачѣмъ она такъ смотритъ на него? въ ея взглядѣ слишкомъ много ласки и довѣрія. Такъ ли смотреть на человѣка, питая къ нему только дружбу! О, она любила и любитъ его!» Съ ужасомъ приходитъ она къ этому заключенію и съ усиленнымъ рвеніемъ ухаживаетъ за дѣтьми, и еще грустнѣе становится ей, когда она подумаетъ о самоубѣренности Варвары Васильевны, которая съ прїѣзда Елены Александровны еще пышнѣе рядится, глухо тратя трудовыя деньги мужа.

Неизвѣстно почему, и Наталья Григорьевна, къ собственному своему удивленію, стала чувствовать къ Эленѣ нѣкоторую неприязнь. Какъ бы ни была она весела, сидя у сосѣдей своихъ, достаточно было появленія Эленѣ, чтобы веселость смѣнилась чувствомъ неловкости; Богъ знаетъ почему, ей все думалось, что она слишкомъ ничтожна, дурна собой. Однако, Наталья Григорьевна все забыла по случаю болѣзней дѣтей, у которыхъ сдѣлался кокаюшъ, перешедшій въ скорлупинъ; теперь ей нужно было собрать всѣ свои силы, вооружиться неслыханнымъ

терпѣиємъ, даже изобрѣтательностью. Тамъ, гдѣ нѣтъ въ обыкновенные дни порядка въ домѣ, при малѣйшемъ чрезвычайномъ событіи дѣлается совершенный хаосъ. У Варвары Васильевны ни бѣлья дѣтскаго, ни самыхъ необходимыхъ вещей не было. Зато рвались кисейныя дѣтскія платья, чтобъ приложить горчицу или припарку. Деньги бросались кому пошло, если нужно было купить варенье или лекарство; никто не требовалъ отчета. Всѣ безъ толку суетились, толкались въ дѣтской, не дѣлая никакой пользы. Брусковъ, убитый болѣзнию дѣтей, раздраженный беспорядкомъ въ домѣ, съ несвойственною ему жестокостью дѣлалъ упреки Варварѣ Васильевнѣ, которая такъ потерялась, что однажды цѣлый день ничего не кушала и больше обыкновеннаго почивала: удвоенный сонъ былъ у ней всегдашнимъ и единственнымъ проявленіемъ огорченія. Кормилица и нянька, утомленные предыдущими безсонными ночами, также не могли выдержать и поминутно засыпали, забывая давать дѣтямъ лекарство. Нечего было дѣлать! Наталья Григорьевна, просидѣвъ весь этотъ день у больныхъ дѣтей, рѣшилась провести въ дѣтской и ночь. Весь домъ спалъ, кромѣ ея и Брускова, который поминутно заходилъ въ дѣтскую навѣдаться, что дѣлается съ дѣтьми.

Было уже два часа ночи. Наталья Григорьевна сидѣла на стулѣ у одной изъ дѣтскихъ кроватей. Свѣча, заставленная зеленымъ транспораномъ и стоявшая на комодѣ, тускло освѣщала комнату, пропитанную лекарствами. Дѣти попеременно плакали, требовали пить, тяжело дышали и кашляли. Впрочемъ, главный кризисъ болѣзни уже прошелъ, и по временамъ въ дѣтской водворялась полная тишина, посреди которой боролась съ дремотой Наталья Григорьевна. Брусковъ зашелъ въ дѣтскую въ одну изъ такихъ минутъ и, сѣвъ на скамейку, стоящую у стула Натальи Григорьевны, тихо сказалъ:

— Лягте, а я посижу за васъ. Миѣ, право, страшно за ваше здоровье. Я никогда не воображалъ, до чего можетъ дойти самоотверженіе въ женщинѣ.

— Какая страшная жертва не поспать ночь для бѣдныхъ дѣтей! Я такъ часто проводила безъ сна ночи для книгъ....

— Я теряюсь при мысли, какъ и чѣмъ мы можемъ доказать ту благодарность къ вамъ, то уваженіе, которое вы заставляете чувствовать къ себѣ даже самыхъ грубыхъ людей. Я былъ не-

чаянно свидѣтелемъ сегодня разговора кормилицы съ нянькой объ васъ. Да, Наталья Григорьевна, вы утѣшительный примѣръ между женщинами. Кажется, самаго озлобленнаго человѣка противъ нихъ вы заставили бы примириться...

— Что съ вами сегодня сдѣлалось? Какъ вы преувеличиваете все! произнесла довольно строго Наталья Григорьевна и, совершенно понизивъ голосъ, едва слышно продолжала: — Я увѣрена, что всякая на моемъ мѣстѣ то же бы сдѣлала: напримѣръ, Елена Александровна, еслибъ только она увидѣла пользу вашихъ дѣтей и спокойствіе ваше.

— Можетъ быть; она женщина вполне добрая; я имѣлъ случай видѣть и ее у кровати больного... да, она также способна забывать себя для другихъ. Но, впрочемъ, у ней другой характеръ: у ней нѣтъ такого терпѣнія и кротости, какъ у васъ, отвѣчалъ Брусовъ, медленно и какъ бы взвѣшивая каждое свое слово.

Наталья Григорьевна испугалась, подавъ ему поводъ сравнить свой характеръ съ такимъ сильнымъ и самостоятельнымъ, какъ у Елены Александровны, и молчала.

Брусовъ задумался и тоже молчалъ.

Усталые глаза начали сами собой закрываться у Натальи Григорьевны, и она рѣшилась подремать, пока есть кому замѣнить ее. Брусовъ, замѣтивъ, что она спитъ, долго и внимательно глядѣлъ на нее, потомъ посмотрѣлъ на Варвару Васильевну, спавшую въ той же комнатѣ на диванѣ, склонилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ; чуткое ухо Натальи Григорьевны услышало его вздохъ: она встрепенулась, но, видя, что дѣти спятъ, снова закрыла глаза.

Какъ грустно склонилась головка Натальи Григорьевны на плечо! какъ граціозно рисуется вся ея фигура на стулѣ! маленькія ножки лежатъ такъ легко одна на другой! Дыханіе такъ осторожно, какъ будто и во снѣ она заботится, чтобъ не нарушить спокойствія дѣтей. Зато какъ смѣло и свободно дышетъ Варвара Васильевна; даже иногда вылетаетъ изъ ея груди что-то въ родѣ храпѣнія. Одна рука закинута на голову, другая свисла съ дивана. Накрахмаленныя юбки придаютъ спящей чудовищную массивность. Дѣти плачутъ, кашляютъ, а на ея лицѣ ни одна черта не измѣнилась; она такъ сладко и ровно дышала, что можно было поручиться за ея душевное спокойствіе.

Если Брусковъ не находилъ возможности благодарить Наталью Григорьевну за попеченіе о его дѣтяхъ, зато нашлась Варвара Васильевна. Какъ только дѣти начали поправляться, она отправилась въ магазинъ и купила дорогой матеріи на платье. Торжественно и при всей своей прислугѣ вручила она эту матерію Натальѣ Григорьевнѣ, какъ знакъ благодарности за безсонныя ночи, слезы и неутомимыя заботы о дѣтяхъ.

— Боже мой! зачѣмъ все это? воскликнула страшно сконфуженная Наталья Григорьевна, обращаясь къ Брускову, у котораго лицо вдругъ искривилось; казалось, онъ такъ потерялся, что не находилъ словъ и молчалъ.

— Ради Бога, мнѣ ничего не надо! чуть не плача, вновь обратилась къ нему Наталья Григорьевна, отступая назадъ отъ Варвары Васильевны, повторявшей одно и тоже на разные тоны: — Возьмите, да возьмите, у васъ шѣтъ хорошаго платья.

Брусковъ наконецъ опомнился, вырвалъ матерію изъ рукъ жены, бросилъ нянѣкъ и сказалъ по французски:

— Вотъ кому можно дѣлать такіе подарки!

Съ минуту Варвара Васильевна стояла какъ ошеломленная, потомъ поглядѣла на мужа съ тупымъ изумленіемъ и воскликнула:

— Что ты дѣлаешь! я пятьдесятъ цѣлковыхъ заплатила!

— Еслибъ и тысячу, то все-таки не такъ слѣдуетъ благодарить Наталью Григорьевну, съ необыкновенной горячію отвѣчалъ Брусковъ уже по русски.

Варвара Васильевна надулась и, свертывая матерію, бормотала:

— Ужь я, право, не понимаю, чѣмъ тутъ обижаться. Я старалась....

— Варвара Васильевна, не думайте, что это капризъ мой, замѣтила Наталья Григорьевна, бросая умоляющіе взгляды на Брускова и какъ бы прося его помощи, чтобъ оправдать свой отказъ. Но онъ поспѣшно выпелъ изъ комнаты.

Варвара Васильевна не глядѣла на Наталью Григорьевну и возилась съ матеріей, увертывая ее.

Брусковъ вернулся скоро, держа въ рукѣ дагерротипный портретъ, на которомъ были изображены всѣ его дѣти и жена. Онъ подалъ его Варварѣ Васильевнѣ, что-то сказавъ ей тихо. Она молча передала портретъ Натальѣ Григорьевнѣ, которая поцаловала ее, пожала руку Брускову и сказала весело:

— Такой подарокъ я съ радостью принимаю.

Варвара Васильевна иронически улыбнулась и тоже весело замѣтила: «И прекрасно! а я себѣ сошью платье изъ этой матеріи.» И она развернула ее и любовалась узоромъ, приставая къ мужу съ вопросомъ: чѣмъ лучше убрать платье— кружевами или лентами?

Сухость, даже нѣкоторая раздражительность въ его голосѣ оскорбили ее. Она сдѣлала ему выговоръ; въ которомъ кольнула и Наталью Григорьевну, только что ушедшую. Она не то, чтобъ не любила свою сосѣдку: нѣтъ, сосѣдка была полезна совѣтами въ нарядахъ, въ хозяйствѣ, хлопотами въ дѣтской, и потому нравилась ей; но въ то же время Варвара Васильевна не терпѣла, когда другіе хвалили ее при ней. А Брусковъ даже и теперь вздумалъ ставить Наталью Григорьевну въ примѣръ ей, вслѣдствіе чего глаза у Варвары Васильевны весь тотъ день были красны, и она гораздо ранѣе обыкновеннаго улеглась спать — явный признакъ глубокаго огорченія. Наталья Григорьевна замѣтила также, что Брусковъ былъ очень печаленъ. Уходя домой поздно вечеромъ, она зашла въ кабинетъ, чтобъ передать ему наставленія, какъ слѣдуетъ дать лекарство дѣтямъ, и нашла его сидящимъ у письменнаго стола, заваленнаго бумагами; но онъ не работаетъ, а склонивъ надъ ними голову, казался сияющимъ. Наталья Григорьевна въ нерѣшительности остановилась въ дверяхъ и уже хотѣла уйти, какъ вырвался изъ его груди тяжелый вздохъ. Она окликнула его. Брусковъ быстро поднялъ голову и какъ бы испугался, увидя ее. Блѣдное его лицо, съ страдальческимъ выраженіемъ, въ свою очередь, испугало Наталью Григорьевну.

— Чтѣ съ вами? спросила она въ волненіи.

— Простите! мы оскорбляемъ васъ. Вы не можете понять, какъ мнѣ тяжело, произнесъ онъ.

— Стыдитесь! Неужели мой глупый отказъ принять подарокъ могъ такъ встревожить васъ? успокойтесь! сказала Наталья Григорьевна повелительно, не замѣчая, впрочемъ, тона своего голоса.

— Есть несчастія въ жизни у каждаго; но испытывать то, что я терплю, хуже всякой пытки! произнесъ Брусковъ такъ отчаянно, что Наталья Григорьевна почувствовала лихорадочную дрожь.

Въ первый разъ она видѣла въ такомъ жалкомъ положеніи мужчину, кроткаго и достойнаго счастья. «Гдѣ же спокойствіе

и счастье послѣ этого?» подумала она и, увлеченная участіемъ, сѣла возлѣ Брускова и съ нѣжностью сказала ему:

— Вы слишкомъ встревожены, изнурены болѣзнію дѣтей: вотъ почему пустая причина такъ сильно подѣйствовала на васъ. Не будьте требовательны; есть характеры, съ которыми слѣдуетъ дѣйствовать очень осторожно, чтобъ достигнуть успѣха.

— Я все перепробовалъ, я потерялъ всякую надежду! возразилъ съ жаромъ Брусовъ.

— Риди Бога, не говорите такъ: ваши слова могутъ убить ту, которая васъ любитъ; а она любитъ васъ. Надо смотрѣть спокойно на необходимыя слабости женщинъ. Вы такъ много выказали силы воли во время болѣзни дѣтей, а теперь, когда они такъ неожиданно спаслись, вы приходите въ отчаяніе.

— Бѣдныя, несчастныя мои дѣти! упавъ на столъ лицомъ, простоналъ Брусовъ.

Наталья Григорьевна вздрогнула; она отняла его руки отъ лица и, сжимая ихъ, полнымъ слезъ голосомъ сказала:

— Павелъ Алексѣичъ, ваше отчаяніе непростительно. Развѣ можно упадать духомъ тамъ, гдѣ нужно только терпѣніе? Ваше несчастье вымышленное. Это все мелочи въ сравненіи съ настоящими несчастьями. Боюсь говорить больше: вамъ потомъ самому стыдно будетъ, что былъ свидѣтель вашего минутнаго отчаянія. Прощайте; я должна идти домой. Вотъ порошки; дайте сами дѣтямъ, только размѣшайте хорошенько, потому что они очень осѣдаютъ на дно.

И она отдала ему порошки. Взявъ ихъ, онъ удержалъ ее руку и съ жаромъ поцаловалъ нѣсколько разъ, говоря: «Спасибо вамъ, спасибо.»

Наталья Григорьевна поцаловала его въ лобъ. Въ ту минуту нянька тихо произнесла въ дверяхъ:

— Барышня изволили встать и плачутъ.

Наталья Григорьевна быстро выдернула руку и отшатнулась, но, опомнясь, снова подала ее Брускову и сказала по французски:

— Будьте разсудительнѣе. Гдѣ же совершенное счастье? Сравните свое положеніе съ положеніемъ другихъ: это самое вѣрное средство помириться съ обстоятельствами.

Она ушла за нянькой, а Брусовъ, проводивъ ее глазами, оставался долго въ одной позѣ съ вопросительнымъ взглядомъ,

потому что голосъ, какимъ были произнесены послѣднія слова, звучалъ такимъ страданіемъ, такимъ воплемъ, что даже нянька подумала, что Наталья Григорьевна жаловалась на нее, вслѣдствіе чего, идя за ней, она оправдывалась такъ :

— Я рада бы васъ не безвокоить, да вотъ сами изволите знать, что дѣти только васъ и слушаются. Я была у Варвары Васильевны, но онѣ опочиваютъ-сь. Я ихъ будила-будила — онѣ изволили проснуться и разсердились : ты, говорятъ, не умѣешь съ дѣтьми обходиться.

Наталья Григорьевна плохо слушала няньку, сильно потрясенная разговоромъ съ Брусковымъ. Но когда она пришла въ дѣтскую и нашла дѣтей крѣпко спящими, то съ невольнымъ удивленіемъ спросила : зачѣмъ позвали ее ? «А сейчасъ такъ изволили плакать барышня», отвѣчала нянька.

Въ тотъ день Наталья Григорьевнѣ пришлось слишкомъ много испытать ощущеній разнаго рода. Неласково встрѣтилъ ее Иванъ Матвѣичъ; его рѣзкія черты, проникнутыя неудовольствіемъ, были жестче обыкновеннаго, или, можетъ быть, такъ показалось Натальѣ Григорьевнѣ, которой слишкомъ запомнился послѣдній взглядъ Брускова.

— Вы хоть бы ночью сидѣли дома, а не въ гостяхъ ! Я долженъ ждать васъ по пяти часовъ ! сердито сказалъ онъ и со стукомъ поставилъ стулъ у стола, на которомъ было накрыто два прибора и стояло какое-то кушанье. Одна свѣча освѣщала комнату.

Ей такъ было грустно, что она не могла сѣсть за столъ, а сѣла въ темный уголъ на диванѣ и смотрѣла на своего мрачнаго мужа въ халатѣ и туфляхъ.

— Вы даже не хотите сѣсть у стола ! Вамъ некогда ! вы заняты чужимъ домомъ, вы огорчены болѣзнию чужихъ дѣтей. Вамъ некогда заняться хозяйствомъ своимъ ! кушая соусъ, ворчалъ Иванъ Матвѣичъ. Онъ давно уже изъявилъ женѣ неудовольствіе за попеченіе о чужихъ дѣтяхъ, выразивъ прямо и ясно свое мнѣніе такимъ образомъ : — Я рѣшительно не понимаю тебя. Что за охота безвокоиться, не спать ночи для чужихъ ! ну, будь еще они тебѣ родственники, которымъ ты была бы обязана. Ато, право, тутъ нѣтъ здраваго смысла !

Наталья Григорьевна молча подошла и сѣла къ столу.

— Вотъ , если бы ваша голова не была занята глупостями , то я бы не бѣлъ этого соуса десять разъ на недѣлѣ.

— Вы любите его , замѣтила Наталья Григорьевна .

— Есть блюда , которыя я тоже люблю , но вамъ некогда домоюъ своимъ заняться

— Ваши насмѣшки и упрёки не у мѣста . Если я пренебрегла чѣмъ нибудь въ домоъ , то я надѣюсь , всякій извинилъ бы меня , зная , что я сидѣла у больныхъ дѣтей , раздражительнымъ голосомъ произнесла Наталья Григорьевна .

Иванъ Матвѣичъ съ шумомъ отодвинулъ стулъ , бросилъ салфетку на столъ и , выразительно смотря на жену , сказалъ лдовито :

— Вы тоже и теперь сидѣли въ дѣтской ? да , въ дѣтской ! Слышите ! Я больше не позволю вамъ съ утра до ночи сидѣть въ дѣтской .

Послѣднее слово такъ было произнесено , что Наталья Григорьевна , вздрогнувъ , быстро вскочила съ своего мѣста , хотѣла что-то сказать , но не рѣшилась и скоро вышла изъ залы , оставивъ одного Ивана Матвѣича , который расхаживалъ по залѣ и ворчалъ себѣ подъ носъ :

— Такъ привязаться къ чужимъ дѣтямъ — развѣ это возможно ?

Какъ ни сердился Иванъ Матвѣичъ , Наталья Григорьевна не могла вытерпѣть , чтобъ нѣсколько разъ въ день не сбѣгать къ сосѣдямъ , тѣмъ болѣе , что она замѣчала нѣкоторый раздоръ между мужемъ и женой , который ей хотѣлось уничтожить . Не замѣчая сама , она сдѣлалась между ними посредницей .

Недолго ей пришлось разыгрывать роль примирительницы . Она слегла въ постель отъ коклюша .

Какъ Иванъ Матвѣичъ ни огорчился , однакожь , не могъ воздержаться отъ морали , весьма логически выводя болѣзнь жены , какъ неизбежное слѣдствіе ея неблагоразумія . Впрочемъ , онъ обнаружилъ сильную привязанность къ ней , какъ ни казался холоденъ : денегъ не жалѣлъ , самъ бѣгалъ къ докторамъ , не спалъ ночи и собиравенпоручно подносилъ ей лекарство .

Наталья Григорьевна медленно выздоравливала ; она уже двѣ недѣли лежала одна , не видя никого , кромѣ своего мужа , доктора и горничной . Опять настали такіе длинные вечера , такіе безконечные дни .

«Неужели я такъ жила столько лѣтъ? спрашивала она сама себя. Это настоящее заключеніе. Опять я слышу крикъ этихъ несносныхъ гадокъ. Куда онѣ исчезали все это время? Нѣтъ, онѣ прилетали аккуратно всякій день, но я не обращала на нихъ вниманія. Неужели я снова осуждена и буду покорно выносить такую жизнь? Развѣ я нарушила свои обязанности? Нѣтъ, буду требовать другой жизни.... Боже мой! Зачѣмъ мнѣ не растолковали, что значитъ замужство? Пусть требовали бы отъ меня какой угодно жертвы, только не этой!» И она горько рыдала, но вдругъ, испуганная своими рыданіями, отирала глаза. — «Опять я плачу; развѣ одинокая жизнь — новость для меня? И кто приметъ участіе въ моемъ горѣ? даже нѣкому услышать моихъ слезъ.... И чего я хочу?»

Новыя рыданія заглушаютъ на время разсужденія больной, которая душитъ ихъ, уткнувъ голову въ подушки.

— Наталья Григорьевна! послышался дрожащій и тихій голосъ.

Она съ крикомъ приподнялась, пораженная неожиданнымъ появленіемъ Брускова у своей кровати.

Замѣтивъ ея испугъ, онъ поспѣшно сказалъ:

— Простите, что я пришелъ; но, будьте добры, бросьте глупый предрасудокъ, будто я могу захворать. Вы одиѣ, вы плакали.... Я пришелъ къ вамъ въ кухню — вообразите: ни одной души нѣтъ близко васъ, и я рѣшился войти; простите, не сердитесь.

— Но вы сами больны? спросила Наталья Григорьевна, тревожно смотря на блѣдное и исхудалое лицо Брускова.

— Я здоровъ; я только испугался вашихъ слезъ. Успокойтесь. Вамъ скучно одной?

— Я воображала, что тихо плачу. Здоровы ли дѣти? что-то ихъ совсѣмъ не слышно.

— Я перевелъ ихъ въ кабинетъ къ себѣ.

— Это зачѣмъ?

— Я боялся, чтобъ они васъ не беспокоили: черезъ дверь все слышно.

Наталья Григорьевна вспыхнула и закашлялась. Брускова поддерживалъ ея голову. Припадокъ кашля продолжался долго; она такъ ослабла, что оставалась въ забытій нѣсколько минутъ.

Больная тихо подняла голову и, пожавъ слабо руку гостю, сказала съ улыбкой:

— Ну вотъ и вамъ пришлось возиться съ больной.

— Позвольте мнѣ быть возлѣ васъ, когда вы совершенно одиѣ.

И онъ вдругъ умолкъ, какъ бы сконфузясь чего нибудь.

— Напрасно вы перевели дѣтскую, сказала Наталья Григорьевна, послѣ длиннаго промежутка молчанія.

— Я давно хотѣлъ это сдѣлать; дѣти и такъ порядочно вамъ надоедаютъ. Къ тому же имъ тамъ ближе къ спальнѣ Варвары Васильевны.

Разговоръ снова прекратился.

— О чемъ вы такъ плакали? нетвердымъ голосомъ спросилъ Брусовъ.

— Какъ вы думаете, имѣю ли я право скучать? съ живостью спросила Наталья Григорьевна и въ волненіи ждала отвѣта, устремивъ на гостя свои большіе глаза, которымъ болѣзнь придавала особенную выразительность. Скажите! Я, можетъ быть, заблуждаюсь. Шесть лѣтъ, какъ я сижу въ этихъ стѣнахъ; но за что же я вѣчно одна, какъ будто заключенная? Такъ жить безъ всякихъ надеждъ, Боже мой! И вы спрашиваете, о чемъ я могу плакать? съ упрекомъ и сквозь слезы говорила больная.

Брусовъ молчалъ, но, по его судорожно сжатымъ губамъ, видно было, что молчаніе стоило ему большихъ усилій.

— Такъ я неправа? такъ и должно быть! съ ужасомъ и въ отчаяніи прошептала она.

— Что же я могу сказать вамъ, не обвинивъ.... съ презрѣніемъ началъ было Брусовъ и вдругъ остановился и съ грустью продолжалъ: — оставьте всѣ эти вопросы до другого раза: вы теперь слишкомъ слабы, чтобъ рѣшать ихъ.

— Значить я не имѣю никакой надежды? упавъ лицомъ въ подушку, со стономъ сказала Наталья Григорьевна; рыданія послышались въ комнатѣ.

— Я пришелъ развлечь васъ, но, кажется, доставляю вамъ еще болѣе скуки, въ отчаяніи произнесъ Брусовъ и хотѣлъ уйти.

Но больная произвела его вмя, протанула ему руку и сказала умоляющимъ голосомъ: — Не оставяйте меня, не оставяйте одну!

Брусковъ въ изнеможениі сѣлъ на стулъ возлѣ кровати.

— Я болѣе не буду плакать... Я васъ такъ давно не видала и какъ глупо приняла! Не правда ли, я теперь похожа на вашихъ дѣтей, когда они разкапризничаются? сами не знаютъ, о чемъ плачутъ. Вы меня постращайте, какъ я ихъ, скажите, что уйдете.

И она, улыбаясь и плача, торопливо говорила, заглядывая въ грустное и задумчивое лицо Брускова.

— Вы правы: вы такое же дитя, такъ же невзыскательны и такъ же довѣрчивы, какъ они, въ раздумьи сказалъ гость, смотря неопредѣленно.

— Не смѣйтесь надо мною.

— Смѣяться надъ вами! я смѣюсь? вдругъ съ неожиданной живостью воскликнулъ Брусковъ. — Я такъ далеко отъ всякой шутки въ эту минуту, продолжалъ онъ тихо, какъ будто стращалъ, чтобъ его словъ кто нибудь не услышалъ: — еслибъ вы могли заглянуть, что дѣлается теперь въ моемъ сердцѣ, то... вы.... Не пора ли вамъ принять лекарство? четвертый часъ: въ это время вы принимаете, кажется, лекарство? глядя на часы, въ сильномъ волненіи говорилъ Брусковъ.

— Почему вы знаете, что я принимаю лекарство въ этотъ часъ? съ удивленіемъ спросила Наталья Григорьевна.

— Я видѣлъ сегодня доктора, отвѣчалъ Брусковъ. — И мнѣ слышно все, что у васъ здѣсь говорятъ, прибавилъ онъ.

— Дайте воды и варенье: лекарство очень противно, сказала больная, помолчавъ съ минуту и какъ бы что-то соображая.

Когда Брусковъ подалъ ей лекарство, то ложка въ его рукахъ дрожала, такъ что Наталья Григорьевна придерживала его руку своей, тоже дрожащей отъ слабости; глотая лекарство, она смотрѣла ему въ глаза.

— Что же вы не заѣли вареньемъ? спустя минуту, спросилъ онъ неожиданно, и тѣмъ вывелъ изъ задумчивости больную, которая сказала:

— Ахъ, я и забыла....

И когда онъ подалъ ей блюдечко съ вареньемъ, она, взявъ ложку и потупя глаза, спросила не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— А что Елена Александровна, здорова ли она?

— Она очень желала видѣть васъ, но вы знаете причину, почему она у васъ не бываетъ. Да и вы такъ строги, даже же-

стоки—запретили вашимъ друзьямъ видѣть васъ, тоже не очень смѣло отвѣчалъ гость.

— Что за охота захворать!

— Отчего же вы пренебрегаете своимъ здоровьемъ, а не даете права другимъ рисковать тѣмъ же для васъ? Если бы я не зналъ васъ хорошо, я растолковалъ бы ваше приказаніе въ дурную сторону.

— Какже его можно растолковать иначе, кромѣ страха? Я не хочу быть причиною чьихъ нибудь страданій.

— По какому же праву вы берете на себя такую роль, которую вы не хотите уступить никому?

— Хорошо, хорошо! мнѣ и такъ много читають морали. Пощадите хоть вы меня, шутливо возразила больная.

— Это не мораль, а одно желаніе показать вамъ, какъ вы странно смотрите на свое самопожертвованіе....

— Ни слова о немъ, или я заплачу! сердито перебила Брускова больная, и, вѣрно, желая измѣнить предметъ разговора, она продолжала кротко: — право, мнѣ очень совѣстно предъ Еленой Александровной: она такъ добра; но вы знаете, какія страшныя понятія о женщинахъ имѣеть Иванъ Матвѣичъ.

— Онъ боится Елены Александровны... Да, такія женщины, какъ она, не могутъ пользоваться расположеніемъ всѣхъ. Она слишкомъ.....

Наталья Григорьевна съ запальчивостію остановила его:

— Довольно! Я знаю, что вы думаете о ней, и знаю, что такое я сама. Я знаю, что я глупа! смѣйтесь надо мною. Я прожила пять лѣтъ въ этихъ стѣнахъ. Я одна изъ самыхъ ничтожныхъ и слабыхъ женщинъ.

Наталья Григорьевна стала пить воду, вѣрно желая привести себя въ болѣе покойное состояніе.

— Какъ вы ошибаетесь! Эта самая женщина, о которой мы сейчасъ говорили, не точно ли такъ же, какъ вы, можетъ считать себя глухой, ничтожной, если выикнуть въ ея домашнюю жизнь?

Брусковъ говорилъ съ жаромъ. Наталья Григорьевна тяжело вздохнула и съ сердцемъ сказала:

— Признайтесь, вы пристрастны къ Еленѣ Александровнѣ.

— Вамъ, кажется, успѣли рассказать все мое прошедшее. Ну, что же, какое вы составили обо мнѣ понятіе? говорите также откровенно! разгорячась, говоритъ Брусковъ.

— Не сердитесь : я такъ спросила.

— Любовь къ такой женщинѣ , какъ Елена Александровна, можетъ ли бросить тѣнь на человѣка ? Я знаю , ей приписываютъ кокетство.... Я краснѣю за тѣхъ , которые объясняютъ такъ ложно то вліяніе , какое она можетъ имѣть на всякаго, если захочетъ. Она развѣ виновата , что природа одарила ее умомъ , красотой и такой душой ? Я глубоко уважаю Елену Александровну, и , вѣрно , всѣ пытали бы къ ней то же чувство, еслибъ она не скрывала свою нѣжную и прекрасную натуру подъ личиною холоднаго презрѣнія ко всему и ко всѣмъ.

Брусовъ имѣлъ благородную цѣль — оправдать Елену Александровну, увидавъ , что ее успѣли очернить. Но Наталья Григорьевна объяснила его слова иначе. Склонивъ голову къ подушкамъ , она слушала похвалы Еленѣ Александровнѣ , по видимому, очень равнодушно ; казалось , она была больше занята лентами у наволочки , которыя то завязывала , то развязывала; наконецъ она такъ затянула узелъ , что стала сердиться.

— Какъ вы углубились въ распутываніе этого узла ! смотря все время на больную, сказалъ наконецъ Брусовъ.

— Я загадала на него.... Боже мой ! неужели пять часовъ ? поспѣшно выпрямась на постели , воскликнула Наталья Григорьевна.

— А что ? спросилъ тревожно Брусовъ.

И они оба вздрогнули отъ рѣзкаго звонка , въ третій разъ повторившагося.

Брусовъ, вставая, сказалъ :

— Вы теперь не одинъ будете.

— Сядьте, тихо и въ волненіи произнесла больная.

Въ эту минуту тяжелые шаги раздались въ залѣ , сопровождаемые ворчаньемъ , походившимъ на рычаніе цѣнной собаки.

Иванъ Матвѣичъ вошелъ въ спальню и , не скрывая своего удивленія при видѣ гостя , вопросительно смотрѣлъ на жену. Она, какъ бы понавѣ его взглядъ, торопливо отвѣчала ему :

— У меня случился такой сильный припадокъ , что я послала къ нимъ ; я хотѣла послать за тоб.... я....

Кровь бросилась въ лицо Натальи Григорьевны ; она судорожно закашляла и , отстранивъ руки Ивана Матвѣича , желавшаго поддержать ее голову, упала на подушки и душила въ нихъ свой кашель. Припадокъ былъ силенъ. Когда она припод-

няла голову, Брусковъ, блѣдный, стоялъ у стѣны, склонивъ голову на грудь, а Иванъ Матвѣичъ сидѣлъ и мрачно глядѣлъ на часы.

— Сильнѣе, чѣмъ вчера : семь минутъ продолжался, произнесъ онъ хриплымъ голосомъ.

Гость поднялъ голову и, встрѣтивъ глаза больной, произнесъ торопливо : «прощайте», и вышелъ.

Иванъ Матвѣичъ долго послѣ его ухода сидѣлъ молча ; морщины на его лбу все болѣе и болѣе сгущались, а брови совершенно сошлись ; сѣдые иглы ихъ стояли дыбомъ. Откашлянувшись, онъ мрачно и отрывисто спросилъ :

— Отчего мнѣ не сказали, что онъ здѣсь ?

— Не знаю, дрожащимъ голосомъ отвѣчала больная.

— Ты кого посылала къ нимъ ?

Дыханіе больной стѣснилось, когда она раскрыла ротъ, чтобъ отвѣчать. Она пугливо схватилась за горло.

— Кого посылала ? повторился вопросъ.

Больная судорожно позвонила въ колокольчикъ — вбѣжала горничная. Наталья Григорьевна, при видѣ ея, пугливо спрятала лицо въ подушки и махнула ей рукой, сказавъ болѣзненно-глухо :

— Иди; не нужно.

Горничная вышла. Иванъ Матвѣичъ съ горячностью воскликнулъ :

— Что все это значить ?

Наталья Григорьевна сѣла в съ несвойственной твердостью, смотря въ лицо своему мужу, явственно произнесла :

— Я солгала тебѣ : онъ самъ пришелъ.

Иванъ Матвѣичъ сдѣлалъ такое движеніе, что его жена вскочила съ постели.

— Я плакала очень громко : онъ услышалъ, пришелъ въ кухню узнать, не нашелъ никого изъ людей.... я....

— О чемъ вы могли плакать ? раздражительно закричалъ Иванъ Матвѣичъ.

— Мнѣ скучно, заплакавъ горько, отвѣчала больная.

— Это что за штуки ! Вамъ скучно, вы начинаете кричать и весь домъ сбѣгается на мою квартиру ! И ждете !

— Неужели вамъ мало моего сознанія ? вся задрожавъ, воскликнула Наталья Григорьевна.

— Какую важность приписываете вы своему сознанию! Я бы узналъ... слышите? я бы все разузналъ!

— Я позвала горничную, чтобы она подтвердила мою ложь; но, видите, я неспособна лгать, въ отчаяніи говорила больная.

— Прекрасно! этого не доставало — людей запутывать въ свои тайны....

— У меня нѣтъ никакихъ тайнъ! постыдно и съ горячностью перебила больная. — Я теперь стыжусь своего страха.

— Страха! ха, ха, ха! закричалъ, не помня себя, Иванъ Матвѣичъ.

— Говорите тише, умоляющимъ голосомъ произнесла больная, садясь на постель.

— Чего мнѣ бояться? Посредниковъ, которыхъ вы избираете! Но могутъ ли вамъ вѣрить, когда вы лжете такъ смѣло въ моихъ глазахъ?

— Перестаньте, замолчите! метаясь по постели, стонала больная.

Но Иванъ Матвѣичъ продолжалъ наливать свой гнѣвъ, не имѣя силъ удержаться или пощадить кого нибудь. Онъ говорилъ скоро, задыхаясь, но что говорилъ, Наталья Григорьевна не понимала.... она упала къ ногамъ Ивана Матвѣича; что говорила сама, что дѣлала, тоже для нея осталось тайной. Только, когда она очнулась, старухи держали ее за руки и съ трепетомъ успокоивали.

Иванъ Матвѣичъ, блѣдный, дрожащими руками выпутывалъ изъ нея волосъ ослабѣвшіе ея пальцы и хриплымъ голосомъ давалъ приказанія.

Наталью Григорьевну положили на постель, потому что она такъ была слаба, что не могла поднять руки, а въ головѣ ея была какая-то пустота, такъ что она не могла дать себѣ отчета, гдѣ она лежитъ и что съ ней было. Иванъ Матвѣичъ, принявъ ея слабость за сонъ, воѣхалъ за докторомъ. Горничная осталась у постели. Наталья Григорьевна спросила ее, что съ ней было.

— Такіе ужасы, право! мы чуть не умерли съ Авдотьей отъ страху. Полна кухня сбѣжалась: и Варвара Васильевна, и баринъ, — всѣ стояли у двери. А вы-то изволили бить себя въ грудь, рвать волосики и все кричите: «я солгала, я убью себя.» Ей Богу-съ, не лгу, такъ вотъ и ломаете ручки, ажко ко-

сточки крустятъ , а Иванъ-то Матвѣичъ нашъ, блѣдный-пре-
 блѣднѣющій, тоуно воскъ, да все намъ твердитъ съ Авдетьей :
 «держите крѣвче , держите!» , а самъ ваши волоски изъ рукъ
 вынутываетъ. Павелъ Алексѣичъ ломится въ дверь (а ее зам-
 кнулъ самъ баринъ) и кричитъ : «не мучте ее».... ей Погу-съ.
 Можетъ, баринъ нашъ не дозволилъ слышать со страху-то!

— Довольно , довольно ! застенавъ , пронѣнесла больная и
 снова впала въ безчувствіе.

ГЛАВА X.

Здоровье Натальи Григорьевны поправлялось медленно. Сле-
 зы или полнѣйшая апатія — вотъ крайности, которымъ она по-
 переменно предавалась. Иванъ Матвѣичъ почти ежедневно из-
 мѣнялъ образъ жизни, стараясь, по совѣту доктора, чѣмъ нибудь
 развлечь ее; но не по характеру была ему эта роль: очень часто
 придуманное имъ удовольствіе кончалось непріятностью: какое
 нибудь рѣзкое его слово раздражало больную. Наконецъ онъ
 потерялъ терпѣніе и кончилъ тѣмъ, что написалъ къ Лидаветѣ
 Прокофьевнѣ жалобу на дочь. Родители не замедлили прислать
 ей длинное увѣщаніе, которое, впрочемъ, не такъ подѣйствовало,
 какъ привисна Ирины Андреевны.

«Если тебѣ жизнь недорога для любящаго тебя страстно
 твоего благороднѣйшаго мужа и оверы твоихъ родныхъ, то
 «вспомни, что отецъ твой сталъ слабъ здоровьемъ. Его вѣрніе
 «съ каждымъ днемъ потухаетъ. Можетъ быть, его ждетъ страш-
 «ное несчастье. Для васъ онъ жертвовалъ всѣмъ; а ты, его род-
 «ная дочь, не хочешь питать благодарности къ тому человеку,
 «который облегчаетъ его труды, кто замѣнилъ его въ семей-
 «ствѣ. Какъ ни близка родня жены, моя милая, для вѣрнаго му-
 «жа, но если подруги его жизни нѣтъ на свѣтѣ, то онъ скоро
 «забудетъ и родныхъ. Береги себя: ты нужна своему семейству.
 «Бера примѣръ съ меня: я посвятила свою жизнь для другихъ,
 «и ты видишь, какъ безропотно исполняю свой обѣтъ. Лечись,
 «слушайся своего друга и будь опорой семейству.»

Страшная перспектива нищеты, угрожавшей семейству, силь-
 но поразила Наталью Григорьевну. Съ той поры она дѣлала
 надъ собой невѣроятныя усилія, чтобъ все шло по прежнему.

Иванъ Матвѣичъ успокоился : правда, здоровье жены не улучшалось, но возвратилось самое важное — покорность.

Въ числѣ мѣръ развлеченія, Иванъ Матвѣичъ просилъ Варвару Васильевну принять въ его женѣ участіе, вслѣдствіе чего Варвара Васильевна возила ее по магазинамъ, въ Гостиный дворъ, рассказывала ей разныя сплетни, въ которыхъ участницей непременно являлась Елена Александровна, жадовалась даже на своего мужа, что онъ съ нѣкотораго времени очень измѣнился.

— Выдумалъ кабинетъ свой сдѣлать въ дѣтской, и все молчать, что ни говоришь. Ужь лучше бы сердился.

Наталья Григорьевна не поспѣвала пожалѣть о Варварѣ Васильевнѣ, какъ она переходила къ нарядамъ :

— Посмотрите, какъ Елена Александровна наряжается — откуда беретъ? мужа раззоряетъ. А все твердить : глуго, непростительно тратитъ на тряпки деньги. Лучше бы сказала : непростительно чужихъ мужей сбивать съ толку. — Не вѣрите, такъ замѣчайте! Я хочу жить на островахъ, а она подбиваетъ его жить въ какой-то глуши. И я должна нанимать дачу тамъ, гдѣ ей вздумается! Смѣется и говоритъ : вамъ рано еще искать жениховъ своей дочери! каково, а? Я все вижу! это ея штуки, что онъ такой сталъ нынче. А какой угодливой притворилась, какъ я вышла замужъ ; а потомъ начала умничать : и то не такъ и другое. Я просто съ ума сходила, плакала, плакала, наконецъ сказала ему, что если онъ еще будетъ ей позволять умничать, то я ее осрамлю при всѣхъ. Онъ послушался. Письмо писалъ ей. Я все знаю. Вотъ она и покатила за границу. Вернулась.... замѣчайте, какой онъ сталъ : денегъ не даетъ мнѣ! это все ей досадно, что я лучше ея буду. Вчера у насъ были гости ; я ее такъ отдѣлала, что чудо. Я ему запрещаю говорить съ ней при мнѣ.

— Радя Бога, не дѣлайте этого! тревожно сказала Наталья Григорьевна : — онъ и такъ много страдаетъ.

— Да я хочу ее осрамить. Все еще злятся, что не удалось ей завлечь его тогда.

Варвара Васильевна была такъ откровенна не съ одной Натальей Григорьевной, но и съ Иваномъ Матвѣичемъ. Она сказала ему все и коснулась прошедшаго. Это обстоятельство имѣло важныя и рѣшительныя послѣдствія. Съ тѣхъ поръ Иванъ Матвѣичъ съ прежнимъ равнодушіемъ глядѣлъ на знакомство своей жены съ сосѣдами ; даже больше : онъ долженъ былъ

уѣхать по службѣ на все лѣто изъ Петербурга и рѣшился помѣстить Наталью Григорьевну на дачѣ вмѣстѣ съ Варварой Васильевной.

— Я буду покоенъ : что случится, ты въ семействѣ, гдѣ тебѣ очень одолжены. Докторъ говоритъ, что тебѣ необходимъ чистый воздухъ и развлеченіе. Я взялъ бы тебя съ собой, но ни твое здоровье, ни мои средства не позволяютъ, — такъ говорилъ Иванъ Матвѣичъ. Впрочемъ, онъ ни за что не оставилъ бы жену въ Петербургѣ, еслибъ не былъ дѣйствительно покоенъ: Варвара Васильевна такъ бдительно слѣдила за нравственностію своего мужа и всѣхъ прикосновенныхъ къ дому, что благопріятіе обстоятельство нельзя было желать.

Уѣзжая, Иванъ Матвѣичъ читалъ женѣ своей длиннѣйшія наставленія, какъ держать себя въ чужомъ домѣ, и между прочимъ сказалъ :

— Одного прошу тебя — какъ можно далѣе отъ Елены Александровны : дружба этой женщины можетъ принести тебѣ непріятности. Варвара Васильевна, несмотря на свои недостатки, права во всемъ ; люби ее и слушайся.

Оставшись одна, Наталья Григорьевна очень была поражена состояніемъ своего духа. Она дивилась, почему ей не скучно безъ того человѣка, съ которымъ она прожила столько лѣтъ. «Къ тюремщикамъ привыкаютъ — рассуждала она — а я? зачѣмъ меня такъ глупо воспитали? и чѣмъ лучше я тѣхъ женщинъ, которыя выходятъ замужъ изъ расчета? Онъ не виноватъ ; я обманула его, другая полюбила бы его....»

И ей стало такъ тяжело, хотѣлось плакать, и въ первый разъ она порадовалась своей грусти, приписывая ее отсутствію Ивана Матвѣича.

Варвара Васильевна стала собираться на дачу.

Петербургскія дачи раздѣляются на три разряда : въ первомъ живутъ люди съ большими средствами ; при ихъ дачахъ, или, лучше сказать домахъ, нѣтъ садовъ, а только маленькіе полисадники, въ которыхъ не увидите ни травы, ни деревца — все цвѣты и кустики. Днемъ на такихъ дачахъ никто не гуляетъ, можетъ быть потому, что нѣгдѣ. Вечеромъ, когда сырость покроетъ все туманомъ, у подъѣздовъ появятся экипажи, которые отвозятъ жителей на какую нибудь пыльную дорожку, гдѣ собираются все показывать себя. Наружнія украшенія этихъ дачъ

великолепны; но пыль съ дороги и тѣснота отъ стесненій возбуждаютъ сожалѣніе, что столько средствъ потрачено не у мѣста. Зато вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи комнатъ, уставленныхъ зеленью и цвѣтами, эти дачи имѣютъ необыкновенный эффектъ. Пріятно жить на дачѣ, чтобъ пользоваться природою; но эти дачи созданы не для того. И что за невѣдалъ природа и чистый воздухъ?

Средній классъ, не желая ни въ чемъ уступить высшему, образовалъ второй разрядъ дачъ, которыя также тѣсны, лишены зелени, богаты только пылью и неэффективны ни днемъ, ни ночью. Кто плѣнится ими? Въ окнахъ три-четыре горшка завялыхъ жалкихъ цвѣтовъ, грязныя обои, съ разноцвѣтными заплатами; плохая мебель: не вести же на дачу хорошую; палисадничекъ подонъ дѣтьми, няньками и мамками. Здѣсь боятся говорить громко, потому что одна парусина балкона раздѣляетъ васъ съ сосѣдомъ. Жизнь каждого дѣлается извѣстною всей околлицѣ. Въ воскресенье нарядъ дѣтей и дамъ парадень до смѣшного. Шолкъ, бархатъ, кружева и черья—необходимость въ такіе дни; являются экипажи, въ которыхъ дамы свлятъ словно китайскія куклы, боясь смять платье. Въ эти дачи переселяетъ людей также не любовь къ природѣ, не жажда покоя и отдыха послѣ осьмимѣсячнаго затворничества, но тоже тщеславіе—тщеславіе предъ тѣми знакомыми, которые остались въ городѣ или перебрались въ глушь.

Остальныя дачи—въ глуши. Тамъ можно гулять дамамъ безъ шляпъ. Есть зелень и лѣса. Можно встрѣтить усталыя лица съ далекихъ прогулокъ, увидѣть стадо коровъ, въ праздникъ услышать пѣсню крестьянъ. Словомъ, это дачи, куда переселяются немногія семейства, обрекающія себя на деревенскую жизнь.

Послѣдній разрядъ дачъ не правила Варварѣ Васильевнѣ, хотя она твердила, что переѣзжаетъ на дачу единственно для дѣтей. Послѣ споровъ и слезъ, она таки поставила на своемъ: дача была нанята за нѣсколько верстъ отъ Петербурга, въ такомъ мѣстѣ, куда по праздникамъ съѣзжаются городскіе мате-ди гулять въ публичномъ саду и слушать музыку. Къ счастью Натальи Григорьевны, дача была далеко отъ сада и стояла въ уединеніи отъ другихъ дачъ.

Приготовленія Варвары Васильевны къ дачѣ ограничивались покупаніемъ нарядовъ; закупал ихъ, она такъ объявляла свои

траты: «Я ужь знаю, она будетъ наряжаться. Я не хочу быть хуже ея одѣтой.» Вспышки между ею и мужемъ стали повторяться чаще и чаще. Наталья Григорьевна, невольная ихъ свидѣтельница, страшно конфузилась. Страдальческое лицо Брускова трогало ее. Она никогда не питала особеннаго расположенія къ своей сосѣдкѣ, но съ нѣкотораго времени сама стала дивиться чувству, которое рождалось въ ней при видѣ несправедливости Варвары Васильевны: «Что мнѣ за дѣло! пусть ихъ есорятся, мирятся; чѣмъ я могу помочь? Кто изъ нихъ правъ, — боюсь даже опредѣлить. Я знаю одно, что положеніе его мучительно, если онъ точно любитъ другую.»

Въ день переѣзда на дачу, на квартирѣ Варвары Васильевны съ шести часовъ утра начались хлопоты. Страшная суматоха происходила въ пыльныхъ, голу-пустыхъ комнатахъ: половину мебели уже вытащили на дворъ. Дѣти плакали, капризничали; прислуга ссорилась между собою, била посуду, укладывавая, требовала поминутно денегъ на веревки, рогожи, сѣно. Однако, дѣло не подвигалось впередъ, возы не нагружались, потому что Варвара Васильевна послала лакея и горничную за нарядами. И только въ шесть часовъ вечера нагруженные возы двинулись со двора, и то благодаря Брускову, котораго такъ раздражили беспорядки Варвары Васильевны, что онъ поссорился съ ней. За тѣмъ начали наконецъ усаживаться въ четверошестную карету, заваленную узлами и подушками. Наталья Григорьевна молчаливо пошѣстилась въ углу, притиснутая подушками и дѣтьми. Варвара Васильевна, не слишкомъ изящно одѣтая, бранилась съ кормилицей, которая, къ довершенію картины, вдругъ разрыдалась истерическими слезами; какъ нарочно, даже небо нахмурилось, сталъ накрапывать дождь; свистали стекла; Брусковъ захлопнулъ двери и велѣлъ кучеру ѣхать. Тронулись; какъ вдругъ повое горе: нянька раздавила бутылку съ деревяннымъ масломъ, которую сама же сунула подъ ноги: она не рѣшалась открыть, опасаясь простудить дѣтей, которые безъ умолку плакали: духота сдѣлалась страшная, такъ что у Натальи Григорьевны закружилась голова; она, какъ поютно, поблѣднѣла. Кучера остановилъ; в Варвара Васильевна, высунувшись изъ кареты, махала своему мужу, ѣхавшему на дрожжахъ въ шляпѣ.

— Что такое случилось? подбѣгая къ каретѣ, спросилъ онъ.

Увидя блѣдную Наталью Григорьевну, онъ отворилъ поспѣшно дверцы, вывелъ ее изъ кареты, захопнулъ вновь дверцы и крикнулъ кучеру: — пошелъ!

— Поль! Паша! такъ дико и грозно закричала Варвара Васильевна, что кучеръ не рѣшился ѣхать.

— Поѣзжайте съ дѣтьми; я возьму Наталью Григорьевну на дрожки, сказалъ Брусковъ, едва сдерживая свой гнѣвъ.

— Я не поѣду одна! Возьми меня, отвѣчала капризнымъ голосомъ его жена.

— Вы въ такомъ туалетѣ: съ вами нѣтъ средствъ ѣхать! разгорячась, произнесъ Брусковъ и ушелъ отъ дверецъ кареты, приказавъ кучеру ѣхать.

— Поль! крикнула ему въ слѣдъ жена, но, видя, что онъ ее не слушаетъ, а усаживаетъ Наталью Григорьевну, прибавила: — дуракъ! и скрылась въ каретѣ.

Эту выходку слышали и Наталья Григорьевна и Брусковъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія, онъ сказалъ:

— Согласитесь, что мы отлично бережемъ васъ: мучили, мучили цѣлый день сборами, а теперь еще простудимъ.—И онъ заботливо закрылъ шинелью ноги своей дамы и ближе придвинулся къ ней, чтобъ защищать ее отъ дождя зонтикомъ. — Вы, я думаю, въ первый разъ видѣли такую пріятную картину семейнаго счастья. Не правда ли?

— Развѣ можно обойтись безъ маленькихъ вспышекъ въ семействѣ? наконецъ произнесла Наталья Григорьевна.

— Вспышки! хороши вспышки! съ тяжелымъ вздохомъ воскликнулъ Брусковъ. — Это не ново для меня; но я буду просить васъ быть со мной хоть одну минуту откровенною, какъ вы были прежде. Да, вы очень, очень измѣнились, — и отчего? причины я не могу отыскать, какъ ни пытался ломать голову. Но мы располагаемъ жить вмѣстѣ: неужели и теперь вы будете продолжать избѣгать меня?

Въ голосѣ Брускова слышался упрекъ, сильно смутившій Наталью Григорьевну; зашмыгнувъ глаза, несвязно проговорила она какія-то оправданія.

— Этотъ разговоръ, продолжалъ онъ: — долженъ навсегда укрѣпить между нами тѣ дружескія отношенія, которыя вы сами установили своею привязанностію къ моимъ дѣтямъ, и тѣмъ участіемъ...

Тутъ онъ остановился и тихо прибавилъ :

— Признаюсь, мнѣ больно видѣть перемѣну въ васъ.

Голосъ его, грустный и умоляющій, глубоко тронулъ Наталью Григорьевну. Сдерживая наворачнувшіяся слезы, она въ волненіи сказала :

— Все это вздоръ! я по прежнему люблю.... вашихъ дѣтей в....

Она замолчала и отвернула голову въ сторону.

— Одно ваше слово, и я буду покоенъ....

Брусковъ въ свою очередь не досказавъ фразы и замолчалъ.

Лица ихъ просіяли. Тяжелая и грязная дорога не утомила ихъ, даже не была ими замѣчена: они весело болтали, строя планы дачной жизни.

Уже смерклось, когда они прѣехали къ цѣли своего путешествія; оказалось, что Варвара Васильевна еще не прѣзжала. Встревоженный Брусковъ поѣхалъ встрѣчать ее по другой дорогѣ. Тѣмъ временемъ Наталья Григорьевна обошла весь полуразвалившійся домъ, съ гнилымъ балкономъ, которой сообщалъ ему удушливый воздухъ. Впрочемъ, обширный, запущенный садъ выкупалъ недостатки дачи. Бродя по комнатамъ, Наталья Григорьевна думала :

«Какъ-то буду я жить въ чужомъ семействѣ? будетъ ли весело? что черезъ мѣсяцъ, сидя у этого окна, я буду думать? Ничего не можетъ случиться со мною новаго: та же тоска, то же равнодушіе. Хотя бы не пришлось больше быть свидѣтельницей ссоръ. И то нѣтъ! обойдется ли безъ нихъ, когда главная ихъ причина будетъ жить противъ самыхъ оконъ?... Къ чему она такъ близко наняла дачу?»

И она сердито посмотрѣла на противоположный домикъ, съ раскрытыми ставнями, отошла отъ окна и печально сказала : «Какъ мнѣ жаль его!»

Карета прѣехала съ сонными и голодными дѣтьми; но какъ возы еще не бывали, то и возникъ вопросъ, какъ уложить дѣтей спать? Чрезвычайно поздно явились возы, съ вымокшею мебелью и постелями. Вѣтеръ вылъ, дождь стучалъ въ ставни. Варвара Васильевна хныкала и ворчала на своего мужа. Картина была непривлекательна, и какъ мрачно, какъ тяжело дѣйствовала она на Наталью Григорьевну! Пустая горница, слабо освѣщенная;

изъ сѣна сдѣланы двѣ постели; на одной лежить Варвара Васильевна, а мужъ сидитъ на полу у ноголовья, потому что гроза пугаетъ ее и мѣшаетъ ей заснуть.

— Вотъ забралась въ такую даль! прекрасную дачу назвали! ворчала Варвара Васильевна, вѣроятно, думая развлечь тѣмъ себя и мужа: — я простужусь еще здѣсь. И все по ея милости!

— Перестаньте, сдѣлайте одолженіе, шепталъ ей мужъ.

— Вотъ мило! я буду молчать, когда такъ обходятся со мной!

— Замолчите, громче и съ сердцемъ провянешь мужъ.

— Что вы кричите! Я не нянька ваша! въ негодованіи воскликнула Варвара Васильевна, приподнявъ голову: — я васъ не боюсь! Ваша....

Въ эту минуту Брусковъ схватилъ ее за руку; его лицо столько выражало гнѣва, что Варвара Васильевна замолчала; не черезъ секунду заплакала, причитывая, что ее рады убить, и прочее.

Наталя Григорьевна лежала въ другомъ углу, дѣлая видъ, что спитъ, и не шевелилась. Канъ мучительно прошла ночь для нея! Чуть забрежжила день, она робко открыла усталые глаза и взглянула на спящую Варвару Васильевну. На ея лицѣ она не нашла и тѣни страданія; зато какъ блѣдно было лицо ея мужа, который прислонился къ стѣнѣ и спалъ сидя. Она долго смотрѣла на нихъ и думала: «Они оба неправы, но сколько страданія въ его лицѣ!» Потомъ неслѣжно встала, подошла къ Брускову и коснулась его плеча. Онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и съ какимъ-то страхомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на Наталью Григорьевну, которая, указавъ ему на свое мѣсто, тихо сказала:

— Ложитесь; вы устали.

Брусковъ взглянулъ на нее глазами, полными грусти и благодарности, и прошепталъ, поправляя свои волосы: «Вы обо всѣхъ беззаботесь.»

Въ ту самую минуту Варвара Васильевна слегка прихрапнула.

На дачѣ еще рѣче, чѣмъ въ городѣ, выдавался безпорядокъ въ домѣ Варвары Васильевны: ничего не было прибрано, посуда подавалась перебитая, изломанная; но хозяйка дома какъ будто не замѣчала ничего и только думала, какъ бы ей обновить платье или мантилью и пройти мимо оконъ Елены Александровны, которая тоже перѣѣхала на дачу.

Наталя Григорьевна, въ первые дни своего пребыванія на дачѣ, все забыла, наслаждалась исключительно природой, которую она, можно сказать, въ первый разъ увидѣла. Вставая рано, она до поздней ночи ходила по саду, по лѣсамъ; ее занимала каждая травка, каждая мошка, и она дивилась, какъ могла жить лѣтомъ въ пятомъ этажѣ.

Варвара Васильевна въ свою очередь дивилась длиннымъ прогулкамъ Натали Григорьевны и со смѣхомъ рассказывала своему мужу:

— Вотъ смѣшная! пойдетъ гулять чѣмъ свѣтъ, а вернется къ обѣду, — наберетъ цѣлый возъ всякихъ травъ, цвѣтовъ и просить смотреть, какъ они хороши; а ихъ просто надо выбросить за окно. А къ музыкѣ итти со мною не хочетъ. Право, она престранная! Я думала, что будетъ у меня компаньонка. А такъ съ ней скука жить.

Брусковъ ничего не возражалъ своей женьѣ, но спѣшилъ перемѣнить предметъ разговора.

Наталя Григорьевна уже начинала разубѣждаться въ подозрѣнїяхъ своихъ насчетъ Элены и Брускова: онъ явно избѣгалъ встрѣчь съ своей соеѣдкой, она была постоянно печальна и рѣдко посѣщала паркъ, примыкавшій къ ихъ дачамъ.

Однажды, гуляя въ паркѣ, Наталя Григорьевна завидѣла быстро идущаго по аллеѣ Брускова, и мысль, что онъ идетъ не безъ цѣли, невольно пришла ей въ голову. Съ какой быстротой и въ то же время осторожностію она скрылась за дерево, когда увидѣла что-то бѣлое. Почему такъ сильно забилось сердце у Натали Григорьевны и отчего переполнилось оно негодованіемъ? она не старалась вникать. Елена Александровна приближалась. Какъ грустна была ея поступь, какъ печально склонилась ея голова къ землѣ, въ какомъ изнеможеніи сложены были ея руки, рисуясь на бѣломъ капотѣ! Видя ее въ эту минуту, никто бы не могъ подумать, что это та самая женщина, которой приписывали столько энергіи характера. Наталя Григорьевна вишла глазами въ ея страдальческое лицо, она готова была уже броситься къ ней съ утѣшеніями; но показался вдали Брусковъ: она невольно остановилась, ей стало страшно. Елена Александровна какъ нарочно сѣла на ту скамейку, противъ которой была скрыта Наталя Григорьевна, съ отчаяніемъ взяла себя за голову и тяжело вздохнула.

Въ эту минуту приблизившійся Брусковъ замѣтилъ ее. Онъ ускорилъ шагъ и съ участіемъ спросилъ :

— Что съ вами?

— Вы откуда явились? спросила Элень, стараясь улыбнуться. Но онъ повторилъ свой вопросъ съ большею настойчивостію :

— Что съ вами? говорите. Вы дали мнѣ слово быть твердой.

— Развѣ вы не знаете, что со мною бывають глупыя припадки тоски? отвѣчала Елена Александровна, вытирая глаза.

— Вы скрываете; я увѣренъ, что ваша тоска не безъ причины, съ жаромъ возразилъ Брусковъ.

— Можетъ быть, значительно и твердо произнесла Элень. — Вставъ, она взяла его подъ руку и сказала насмѣшливо: — пойдете домой и не сердитесь, если я буду откровенна съ вами.

Наталя Григорьевна не знала, что ей дѣлать; она боялась, чтобъ не увидѣли ее, и не въ силахъ была долѣе оставаться на мѣстѣ, гдѣ была свидѣтельницей такой сцены.

Она поспѣшила домой и на дорогѣ встрѣтила Варвару Васильевну въ сильномъ гнѣвѣ.

— Вы видѣли моего мужа? спросила она.

— Да, впопыхахъ отвѣчала Наталя Григорьевна.

— Съ ней, съ ней! я ужь догадалась, какъ она вышла въ садъ! раздраженнымъ голосомъ воскликнула Варвара Васильевна и хотѣла итти, но Наталя Григорьевна удержала ее и умоляла не ходить.

— Я ее отдѣлаю, я давно выискивала случая, задыхаясь, говорила Варвара Васильевна, и, поглядѣвъ въ даль, она радостно прибавила: — а вотъ и они!

Въ ожиданіи приближенія Элень и своего мужа, она приняла грозную позу и, закинувъ гордо голову назадъ, ворчала сквозь зубы:

— Подойдите, подойдите!

Наталя Григорьевна съ ужасомъ глядѣла то на нее, то на приближающихся и вдругъ сказала умоляющимъ голосомъ:

— Уйдемте отсюда! Бога ради! Если она пришла говорить съ нимъ, не унижайтесь.

— А, вы видите сами! какова? подхватила, торжествуя, Варвара Васильевна и пошла на встрѣчу.

Наталя Григорьевна старалась ее удержать за руку. Но было поздно. Брусковъ съ своей дамой могли все видѣть и слышать.

«Они могут подумать, что я причиной всему!» старая от стыда, думала Наталья Григорьевна и съ ужасомъ ждала развязки готовой вспыхнуть ссоры. Чтò можетъ сказать онъ въ свое оправданіе, и какъ она будетъ глядѣть на женщину, предъ которой такъ виновата? Но какъ была поражена Наталья Григорьевна покойнымъ и даже гордымъ видомъ Елены Александровны! Продолжая идти подъ руку съ своимъ кавалеромъ, Элень непринужденно и ласково поклонилась ей и Варварѣ Васильевнѣ. Брусковъ тоже былъ покоенъ.

«Неужели люди могутъ такъ притворяться?» съ ужасомъ думала Наталья Григорьевна и была выведена изъ своихъ размышленій рѣзкимъ голосомъ Варвары Васильевны, обратившейся къ мужу:

— Гдѣ это изволили пропадать?

— Мы гуляли, спокойно отвѣчала Элень. — Вы, вѣрно, тоже вышли гулять? вечеръ отличный! пойдемте вмѣстѣ.

Варвара Васильевна какъ бы потерялась отъ равнодушія, съ какимъ встрѣчались ея грозные взгляды; но, опомнясь, она презрительно оглядѣла съ ногъ до головы свою соперницу и, взявъ грубо подъ руку скопфуженнаго мужа, повелительно сказала ему: «Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.»

Елена Александровна освободила свою руку и, улыбаясь насмѣшливо, сказала Брускову: — Идите! должно быть очень важное дѣло! Пройдемтесь, продолжала она, подавая руку Натальѣ Григорьевнѣ: — пока выскажетъ Варвара Васильевна важныя дѣла, для которыхъ даже забыла соблюсти долгъ вѣжливости — отвѣтитъ на мой поклонъ.

Наталья Григорьевна молчала; она чувствовала какую-то лихорадочную дрожь отъ прикосновенія руки Елены Александровны, которая, усмѣхнувшись, прибавила:

— Вы, кажется, пользуетесь ея расположеніемъ. Это должно быть очень пріятно. Я вотъ сколько ни старалась, никакъ не могла заслужить его.

Презрительный тонъ, съ какимъ говорила Елена Александровна, увеличилъ страхъ робкой Натальи Григорьевны. И она пріостановилась и сказала: «Я пойду домой!»

— Зачѣмъ вы спѣшите? васъ ждетъ дома не очень веселая сцена.

Но Наталья Григорьевна, оскорбленная презрѣніемъ Елены Александровны, отвѣтила сухо: «Я не знаю, о какихъ сценахъ вы говорите!»

— Такъ она еще не посвятила васъ въ свои тайны? Это странно! Клянитесь Павлу Алексѣичу и скажите ему, чтобъ онъ приходилъ ко мнѣ; я поздно лягу сегодня, сказала Елена Александровна и въ слѣдъ ей прибавила: — да по дружбѣ не скажите этого при Варварѣ Васильевнѣ.

Въ горькихъ слезахъ вернулась Наталья Григорьевна домой. Какъ страшна казалась ей Елена Александровна! «Гдѣ вся нѣжность и деликатность этой женщины? Съ ея смѣлостію и жестокостію какъ борется бѣдной Варварѣ Васильевнѣ? Зачѣмъ эта несчастная унижается передъ нею, къ чему ревнуетъ его? О немъ надо сожалѣть: любить такую женщину невозможно, ея можно только бояться. Онъ погибнетъ въ борьбѣ съ нею и долгомъ своимъ. За минуту какъ безсильна была эта женщина, казалось, она сама страдала! Неужели и то была ложь? Къ чему я все это видѣла? Пусть лучше бы я обманывала себя весь вѣкъ.»

Подобныя размышленія не давали ей покоя, и она, сидя подлѣ оконъ, глядѣла на освѣщенные окна Елены Александровны и на калитку. Чего ожидала она и зачѣмъ такъ внимательно глядывалась во всѣхъ, кто входилъ въ калитку?

Въ первый разъ Наталья Григорьевна испытывала разочарованіе въ тѣхъ людяхъ, которымъ приписывала все, что есть въ человѣкѣ хорошаго. Но состояніе Елены Александровны въ ту же минуту было гораздо мучительнѣе. Она сознавала свой дурной поступокъ и раскаявалась въ немъ. И тѣмъ сильнѣе было раскаяніе, что она принимала въ Натальѣ Григорьевнѣ необыкновенное участіе, которое, можетъ быть, вытекало не изъ простого источника любви къ ближнему. «Неужели я никогда не научусь обуздывать порывы свой?» думала она. «Я желала сойтись съ этой женщиной и между тѣмъ вооружаю ее противъ себя. Я придумываю всѣ средства къ счастію человѣка, въ которомъ принимаю участіе, а между тѣмъ дѣйствую такъ, что лишаю его послѣдняго спокойствія. И послѣ того я страдаю, что меня не понимаютъ! И къ чему и иду участія въ тѣхъ людяхъ, которымъ вовсе не до меня? Сегодня я убѣдилась окончательно: женщина, какъ я, должна все-

дять ужасъ, а не любовь; ему нужно сочувствіе такой же слабой души, какъ его. Моя участіе только оскорбляетъ его. Оно указываетъ ему слишкомъ ясно его ложный путь, его ложныя цѣли, къ которымъ онъ безуспешно стремится съ своими жертвами. Но что готовится для нихъ? они оба стоятъ на краю пропасти. Неужели у меня неостанетъ столько силы воли, умѣнья, чтобъ предупредить ихъ гибель? еще есть время. Но какъ дѣйствовать? Принести свою гордость въ жертву, заслужить, можетъ быть, ненависть ихъ обоимъ въ то время, какъ только его мнѣніемъ я дорожу на свѣтѣ?» И она горько расплакалась. Проплакавъ долго и потерявъ надежду видѣть Брускова, она легла спать съ ноющимъ сердцемъ: тоскливо давило ее сознаніе, что приобрѣтено ею еще лицо, вередъ которымъ она видювата.

На другое утро, вставъ рано, Наталья Григорьевна пошла гулять въ лѣсъ и очень удивилась, увидѣвъ владѣ Елену Александровну. Она была вся въ бѣломъ. Кисейный вуаль искусно былъ накинута на голову и защищалъ лицо отъ солнца. Въ ея рукахъ былъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Сколько граціи, сколько нѣжности нашла въ ней Наталья Григорьевна, смотря, какъ она мелькаетъ между деревьями, срывая цвѣты! Наталья Григорьевна послѣдовала ея примѣру. Онѣ обѣ притворялись, что не видятъ другъ друга, и когда наконецъ встрѣтились лицомъ къ лицу, Наталья Григорьевна наклонилась, будто желая сорвать цвѣтокъ, а Елена Александровна съ покорностію и кротостію сказала:

— Я не ожидала васъ встрѣтить въ лѣсу!

И она протянула руку Натальѣ Григорьевнѣ, смотря ей въ глаза съ полнымъ раскаяніемъ.

Наталья Григорьевна, какъ бы очарованная ея взглядомъ, молча подала свою руку, которую тихо и выразительно пожала Елена Александровна. Ей отвѣчали тѣмъ же. Какъ заблестали при этомъ глаза Элеи! съ какой благодарностію улыбнулась она Натальѣ Григорьевнѣ и какимъ нѣжнымъ голосомъ сказала, покраснѣвъ и подавая свой букетъ:

— Составимте букетъ.

И обѣ женщины пошли вмѣстѣ. Онѣ забыли собирать цвѣты и шли скоро, разговаривая о природѣ. Сколько общаго нашли онѣ другъ въ другѣ! какъ имъ весело сдѣлалось! Онѣ сами не замѣтили, какъ руки ихъ невольно обвились вокругъ талии другъ

друга, — и такъ продолжали онѣ свою прогулку. Когда онѣ подходили къ дому, Елена Александровна смѣшила Наталью Григорьевну своими разсказами объ Иринѣ Андреевнѣ и ея пріятельницахъ. Звучный смѣхъ оглашалъ воздухъ; но вдругъ смѣхъ замолкъ, разсказъ Елены Александровны началъ путаться. Онѣ шли отвернувшись другъ отъ друга; каждая чувствовала, какъ чужая рука, обвивавшая талію, раскалалась. Каждая давно замѣтила Павла Алексѣича, шедшаго къ нимъ на встрѣчу, но обѣ притворялись, что не видятъ его. Наконецъ, когда онъ подошелъ довольно близко, Элень сказала небрежно:

— Кажется, это Павелъ Алексѣичъ.

— Гдѣ? а! да, кажется, отвѣчала Наталья Григорьевна.

И онѣ обѣ замолчали, но, казалось, чувствовали, какъ шокъ ихъ загорался точно электрическимъ огнемъ, когда Брусковъ, не безъ удивленія смотря на нихъ, молча пожалъ имъ руки.

— Мы успѣли Богъ знаетъ гдѣ перебивать, а вы только изъ дому выходите, сказала Елена Александровна, замѣтивъ въ немъ нѣкоторое замѣшательство. — Посмотрите, какой букетъ мы собрали. Мы плохіе ботаники. Скажите, что это за цвѣтокъ?

И она показала на одинъ изъ цвѣтковъ букета.

Брусковъ отвѣчалъ, что онъ самъ плохой ботаникъ.

Дамы желали итти домой, но Брусковъ упробилъ ихъ еще погулять съ нимъ. Они немного прошли вмѣстѣ и всѣ трое успѣлись отдохнуть на зеленомъ скатѣ горы. Разговоръ замолкъ: каждый, казалось, думалъ о чемъ-то. Кто смотрѣлъ на озеро, разстлавшееся подъ ихъ ногами, кто на противоположный лѣсъ, покрытый еще легкимъ туманомъ, кто на небо. Что думали они всѣ трое? ихъ мысли имѣли ли общее? Елена Александровна задавала себѣ вопросъ: «случайно или нарочно пришелъ Брусковъ?» Наталья Григорьевна грустно смотрѣла на лѣсъ и повторяла про себя: «опъ для нея пришелъ!» Павелъ Алексѣичъ думалъ о нихъ обѣихъ; ему было легко и весело, что эти двѣ женщины, которыхъ онъ такъ искренно уважалъ, изъ которыхъ каждая стоила самой преданной и страстной любви, такъ странно встрѣтились на дорогѣ его жизни и сидятъ теперь около него.

ГЛАВА XI.

Сближеніе двухъ женщинъ очень не нравилось Варварѣ Васильевнѣ, которая такъ предостерегала свою гостью:

— Вспомните меня, она не станетъ даромъ ни за кѣмъ ухаживать. Ужь чего нибудь да ищетъ она въ васъ!

Но эти предостереженія не дѣйствовали: Наталья Григорьевна находила большое удовольствіе въ обществѣ Эленъ и начала часто посѣщать ее. Борисъ Федорычъ рѣдко бывалъ дома: онъ ежедневно ходилъ на музыку, какъ на службу. Наталья Григорьевна, носившая ситцевыя платья, робкая и молчаливая, не привлекала его вниманія — до слѣдующаго случая.

Ее уговорили итти къ музыкѣ въ публичный салъ. Очутая въ первый разъ въ толпѣ мужчинъ и женщинъ, она просто испугалась. Ей казалось, что ея неловкость и робость замѣчены всѣми, и что взгляды, бросаемые на нее, полны насмѣшекъ. Она боялась встать съ своего мѣста, ей было скучно до слезъ; тому, что она ощущала, глядя на Елену Александровну, она даже не знала названья. Ее поражали въ ней свободныя манеры, полныя граціи. Какъ рѣзко она выдавалась между всѣми женщинами своимъ изящнымъ туалетомъ, смѣлымъ и простымъ взглядомъ! Какъ спокойно встрѣчала она завистливыя взгляды женщинъ, какъ будто не сознавая своего превосходства надъ ними! Зато шедшій съ нею Борисъ Федорычъ имѣлъ торжественное сознаніе, что его платье самаго новѣйшаго покроя. Онъ оглядывалъ себя съ такимъ вниманіемъ, какъ будто онъ былъ дикарь, на котораго въ первый разъ надѣли европейское платье. Чье нибудь двусмысленное вниманіе горделиво принималъ онъ за дань удивленія, а тѣхъ, кто былъ одѣтъ хуже его, унижалъ презрительнымъ взглядомъ.

Сидя возлѣ Натальи Григорьевны, Брусковъ спросилъ ее:

— Довольны ли вы гуляньемъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Странно! Я всегда думалъ, что женщинѣ тамъ и весело, гдѣ можетъ она видѣть торжество свое.

— Да, еслибъ я была Еленой Александровной. Посмотрите: съ какимъ восхищеніемъ всѣ смотрятъ на нее. Она имѣетъ полное право гордиться.

— Вамъ нечего завидовать ей, прервалъ ее Брусковъ.

Можетъ быть, потому, что сказанная фраза опредѣлила настоящее чувство Натальи Григорьевны, она сѣвшила оправдаться:

— Я увѣрена, что Еленѣ Александровнѣ завидуютъ всѣ женщины.

— Могутъ всѣ, только не вы. Развѣ вы не замѣчаете, что на васъ не менѣе смотрять? Да; сейчасъ съ моей стороны двое мужчинъ сравнивали васъ съ Еленой Александровной.

— Невыгодное сравненіе! въ враневіи произнесла Наталья Григорьевна; но въ то же время улыбка самодовольствія невольно оварила ея лицо.

Она чувствовала, что быть отличенной въ толпѣ отъ другихъ женщинъ необыкновенно приятно.

Въ эту минуту къ нимъ подошла Элень съ своимъ мужемъ. Она сѣла возлѣ Брускова и тиховько сказала ему:

— Знаете ли, что Наталья Григорьевна производитъ ужасные толки здѣсь. Всѣ интересуются знать ея фамилію.

Элень говорила правду, которая всего лучше подтверждалась тѣмъ, что Борисъ Федорычъ сѣлъ возлѣ Натальи Григорьевны и сдѣлался съ нею необыкновенно любезенъ, даже позволилъ себѣ нѣкоторую фамильярность, когда вереница молодежи шла мимо ихъ скамейки.

Они сидѣли нѣсколько времени, болтая всѣ вмѣстѣ; но вдругъ разговоръ ихъ замолкъ: всѣ четверо смотрѣли на приближающуюся къ нимъ Варвару Васильевну. Греленавлевое платье, со множествомъ торчащихъ оборокъ и раскрашленныхъ юбокъ, которыя дѣлали баснословнымъ объемъ ея фигуры, бархатная мантилья съ кружевами, шляпка съ пестрыми лештами и цвѣтами, — словомъ, весь туалетъ, въ соединеніи съ тяжелой походкой, распущенной полнотой и отпечаткомъ самодовольствія, придавалъ ей пошлый видъ, несмотря на красивое лицо. Она подошла и громко начала разсказывать о томъ, что сейчасъ кто-то изъ гуляющихъ назвалъ ее: *belle-femme*.

— Если бы я увидѣлъ на любимой женщинѣ перчатки лимоннаго цвѣта, одно это тотчасъ охладило бы меня, тихо шепнулъ Наталья Григорьевнѣ Борисъ Федорычъ, проиллюстрировавъ Варвару Васильевну.

Она не замѣчала его ироніи и любезно обратилась къ нему:

— Знаете ли, какъ всё говорятъ про вашу даму (и она указала на Наталью Григорьевну). Её находятъ лучше всѣхъ здѣсь. (Тутъ она бросила презрительный взглядъ на Эленъ, которая кротко приняла его.) Вы, Наталья Григорьевна, пожалуйста, ходите чаще сюда. Пусть злятся на васъ тѣ, которые спать и видятъ быть вездѣ первыми!

Наталья Григорьевна ужасно сконфузилась, а Брусковъ поспѣшно всталъ и предложилъ свое мѣсто жёнѣ.

— Благодарю! кажимъ-то высокомернымъ тономъ отвѣчала она и нагдо посмотрѣла на Эленъ, которая сочла за лучшее идти подъ руку мужа и пойти гулять.

— Какъ я ее люблю! съ громкимъ смѣхомъ сказала Варвара Васильевна, садясь на скамейку. — Душечка Наталья Григорьевна, хоть на зло ей, ходите чаще къ музыкѣ. Посмотрите, она васъ скоро разлюбитъ.

— Ты выходишь изъ границъ приличія, шепнулъ ей мужъ.

— Ахъ, пожалуйста, оставь свою мораль хоть при публикѣ громко отвѣчала ему супруга.

Онъ пожалъ плечами и вмѣшался въ толпу гуляющихъ; а она, не замѣтивъ его неудовольствія, продолжала упрашивать свою гостью завтра опять ятти на музыку: — Надѣньте мою новую мантилью и мою крѣпкую шляпу съ перомъ. Она просто отъ злости сойдетъ съ ума!

— Я въ послѣдній разъ здѣсь, отвѣчала Наталья Григорьевна.

— Вы ужь съ ней не за одно ли? сказала Варвара Васильевна, и, увидя, что обидѣлаэтимъ свою гостью, она прибавила: — докажите, что любите меня: идите завтра къ музыкѣ.

На выручку Натальи Григорьевны явился Борисъ Федорычъ, поддалъ ей руку и они пошли по саду. Не выпуская ея руки, онъ довелъ ее домой. Варвара Васильевна ужасно была весела и зазвала къ себѣ пить чай не только Бориса Федорыча, но и жену его; во весь вечеръ она только и говорила, что объ эфеэнтѣ, произведенномъ Натальей Григорьевной, или рассказывала Борису Федорычу, какіе длинные волосы у Наташи; касалась ея привычекъ, напримѣръ: «Знаете ли, что когда она спитъ, то глаза у ней полу-открыты?» и т. п.

На другой день она чуть не силой протащила свою гостью къ музыкѣ. Борисъ Федорычъ былъ неотлучнымъ ихъ камерномъ.

Варвара Васильевна такъ занялась мщеніемъ, что даже смотрѣла равнодушно на частыя посѣщенія и продолжительные разговоры Элень съ Павломъ Алексѣичемъ. Раздражительность и почти постоянно грустное состояніе Элень она объясняла увнженнымъ самолюбіемъ и ежеминутно старалась язвить ее — иногда такими выходками, что бѣдная Наталья Григорьевна чуть не плакала. Напримѣръ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, она тихонько выхватить гребенку изъ ея косы — волосы рассыпаются, Наталья Григорьевна вся вспыхуетъ, а Варвара Васильевна залетается звонкимъ смѣхомъ. Иногда поздно вечеромъ, когда всѣ разойдутся по своимъ комнатамъ, хозяйка являлась къ своей гостьѣ и ласково-таинственнымъ голосомъ говорила:

— Я къ вамъ съ просьбою.

— Съ какой?

— Въ васъ влюбленъ....

— Варвара Васильевна, довольно вамъ надо мною смѣяться! возражала смущенная гостья.

— Я и не думаю смѣяться! Нечего секретничать: сами видите. Только, ради Бога, кокетничайте хорошенько.... что вамъ стоитъ? пусть его сходить съ ума. Она же кокетничаетъ, и всѣ ее хвалятъ!

— Умоляю васъ, никогда не говорите такихъ вещей. Вспомните, что Иванъ Матвѣичъ не понимаетъ шутки. Я боюсь даже подумать, что было бы, еслибъ онъ слышалъ васъ!

— Вотъ еще! онъ долженъ радоваться!

Хозяйка уходила съ замѣтнымъ неудовольствіемъ, а бѣдная Наталья Григорьевна думала о томъ, какъ скоро она привыкла къ свободѣ, и что близко время, когда нужно будетъ снова запереться въ четырехъ стѣнахъ. «И неужели я могу возбудить любовь тамъ, гдѣ есть такая женщина, какъ Елена Александровна? Нѣтъ, я никогда не могу быть ея соперницей», такъ она думала, но, кажется, не очень огорчалась этимъ. Въ послѣднее время она вообще чувствовала какую то гордость и сама часто дивилась себѣ, откуда у ней взялась смѣлость говорить, спорить. Она гораздо долѣ дѣлала свой туалетъ, чѣмъ прежде, и находила общія прогулки гораздо пріятнѣе, чѣмъ гулять одной.

Впрочемъ, вниманіе Бориса Федорыча скоро начало тяготить ее, особенно потому, что со времени частыхъ его посѣщеній Брусковъ странно переувѣвился: онъ сталъ то равнодушенъ, то излишне жестокъ къ выходкамъ Варвары Васильевны, раздражителенъ, даже придирчивъ съ Борисомъ Федорычемъ, а съ самой Натальей Григорьевной такъ сухъ и холоденъ, что даже иногда нарушалъ условія гостепріимства. «Неужели я дурно дѣлаю, что бываю часто съ Борисомъ Федорычемъ?» думала она, стараясь разгадать причину его гнѣва. «Онъ правъ. Къ чему все это?» И она рѣшилась избѣгать своего поклонника. Если женщина убѣгаетъ мужчину, какъ это объяснить? Двоице: или она боится его полюбить, или онъ ей противенъ. Последняго, конечно, не могъ допустить Борисъ Федорычъ. Онъ рѣшилъ, что наступило его время дѣйствовать, и, улавывъ удобную минуту, съ упрямомъ сназалъ Натальѣ Григорьевнѣ:

— Вы меня избѣгаете. Я понимаю, почему: васъ вооружаютъ противъ меня, васъ ревнуютъ ко мнѣ.

Она вся вспыхнула и не знала, что отвѣчать.

— Вы, можетъ быть, неопытны въ этихъ вещахъ, но слѣдите внимательнѣе за дѣйствіями одного лица, и вы убѣдитесь, что участіе къ вамъ не совѣтъъ безкорыстно.

— Я здѣсь чужая и ревновать меня нѣкому и нѣ къ кому.

— Я могу вамъ доказать, что есть кому! съ горячностью воскликнула Борисъ Федорычъ.

Это такъ испугало Наталью Григорьевну, что она встала, чтобъ уйти; но смѣлый Борисъ Федорычъ удержалъ ее за руку. Она не успѣла вырвать ее, какъ въ раскрытомъ окнѣ, у котораго она сидѣла, появилось блѣдное лицо Брускова. Борисъ Федорычъ бросилъ на него сердитый взглядъ и ушелъ домой.

Весь тотъ день Наталья Григорьевна думала о томъ: «кто можетъ ее ревновать?» А вечеромъ случилась сцена очень трагическая. Ввоньхадъ вбѣжала къ ней нацѣпа и просила ее сойти внизъ, потому что Варварѣ Васильевнѣ дурно. Наталья Григорьевна нашла ее въ кабинетѣ мужа всю въ слезахъ. Въ рукахъ была записка отъ Эленъ, которая просила Брускова вратти къ ней. Негодованіе противъ Эленъ закипѣло въ сердцѣ Натальи Григорьевны.

— Какъ попала къ вамъ эта записка? спросила она Варвару Васильевну, которая, указывая на письменный столъ, сказала, всхлипывая: — Никогда прежде не заперла ящикъ, а тутъ ключъ съ собой сталъ носить. Я сегодня замѣтила и думаю, что за причина? И тутъ только я вспомнила, что въ послѣднее время онъ опять началъ предавать: вѣрно, все сидитъ съ ней. Получилъ сегодня утромъ записочку и заперъ. Постой, думаю: попробую свой ключикъ отъ рабочаго стола. ... Смотрите, ленточка, цвѣтокъ! Она бросилась къ ящику и начала выбрасывать вещи, приговаривая: — вотъ его драгоценности, пусть плачутъ о нихъ! Увидя портретъ Эленъ, давно подаренный Брускову, она какъ бы обезумѣла, схватила ножикъ и проткнула портрету глазъ.

— Вотъ ея перчатки! разрывая перчатку, продолжала она.

— Это моя перчатка! вскрикнула Наталья Григорьевна страннымъ голосомъ, въ которомъ слышались и удивленіе, и страхъ, и радость.

Въ то время дверь отворилась: Брусковъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на смущенныхъ и взволнованныхъ дамъ, стоявшихъ въ его кабинетѣ. Замѣтивъ, что ящикъ у его стола открытъ, онъ быстро подошелъ къ столу, сердито захлопнулъ его и съ словами: «Еще этого не доставало!» вышелъ изъ кабинета.

Супруга провожала его рыданіями и жалобами на свое несчастное положеніе.

Напрасно старалась Наталья Григорьевна успокоить ее. Она сначала гнѣвалась, потомъ, сознавъ свой дурной поступокъ, испугалась его послѣдствій и всю ночь провела въ слезахъ. Въ первый разъ мужъ не обратилъ вниманія на эти слезы, даже не хотѣлъ подойти къ ней. Жалѣя ее, Наталья Григорьевна рѣшилась на другое утро поговорить съ Брусковымъ, котораго она обвиняла во всемъ, а противъ Эленъ чувствовала злобу. Но его уже не было дома: еще всѣ спали, какъ онъ уѣхалъ въ городъ. Это повергло Варвару Васильевну въ совершенное отчаяніе и встревожило весь домъ; она поминутно выбѣгала смотрѣть, не ѣдетъ ли онъ, высматривала людей, до семи часовъ не обѣдала; она не скрывала своихъ слезъ, своего ужаса. Къ вечеру у ней сдѣлался жаръ; она начала бредить.

Брусковъ воротился поздно.

— Павелъ Алексѣичъ! забудьте все; она очень страдаетъ, такими словами встрѣтила его Наталья Григорьевна.

— Я, право, не считаю себя виноватымъ, отвѣчалъ онъ.

— Она тоже не виновата.

— Кто же? И вы, кажется, раздѣляете взорныя подозрѣнія, проговорилъ онъ, вспыхнувъ, и пошелъ къ женѣ.

Упрекъ этотъ сильно оскорбилъ Наталью Григорьевну; подъ вліяніемъ его, она рѣшилась немедленно съѣхать съ дачи, оправдывая свое намѣреніе разными посторонними причинами. Узнавъ это отъ своей жены, Брусковъ прибѣжалъ въ комнату къ Натальѣ Григорьевнѣ и чуть не на колѣняхъ просилъ извинить ихъ, если они чѣмъ нибудь оскорбили ее.

— Я потерялся, я не понимаю, что я дѣлаю, въ отчаяніи говорилъ онъ.

— Если мнѣ тяжело жить у васъ, то не потому, что я оскорблена вами; я страдаю за васъ, заплакавъ, сказала Наталья Григорьевна.

— Если это правда, то вы не уѣдете отъ насъ, вы не рѣшитесь оставить меня въ такую страшную минуту моей жизни. Что было со мною? какъ провелъ я день? Клянусь вамъ, я ничего не помню. Тяжесть, тоска и такая сильная, что я рѣшаюсь молить помощи... вы одинъ можете успокоить меня; ваше одно слово, и я буду покоенъ.

Наталья Григорьевна дико слушала его несвязныя слова, но въ то же время какъ будто туманъ спадалъ съ ея глазъ, и что-то сіяющее казалось ей вдали; она робко спросила:

— Что же хотите вы знать?

— Вы... вы любите его?... едва могъ выговорить Брусковъ.

— Кого? Бориса Федорыча? нѣтъ! нѣтъ!

Трясъ голоса и выраженіе лица дышали въ эту минуту у Натальи Григорьевны такою искренностію, что невозможно было не вѣрить ей. Брусковъ едва могъ прованестъ отъ волненія:

— Я оскорбилъ васъ подозрѣніемъ... простите, простите меня! и онъ съ жаромъ цаловалъ ея руку. Лицо его просіяло. Онъ весело продолжалъ: — Теперь я въ свою очередь скажу вамъ, что ваши подозрѣнія также несправедливы. Кромѣ дружбы, клянусь вамъ я болѣе ничего не питаю къ ней.

Щоки Натальи Григорьевны такъ ярко вспыхнули, что она закрыла лицо руками,

— Вы не вѣрите?

— Я вѣрю, вѣрю! прошептала она.

— Намъ остается одно теперь. Это быть по прежнему друзьями. Намъ необходимо быть откровенными, потому что мы оба нуждаемся въ совѣтахъ.

Брусковъ долго говорилъ о своемъ тяжеломъ положеніи, но старался оправдывать свою жену и винилъ только свой вспыльчивый характеръ. Онъ такъ твердо давалъ слово быть снисходительнымъ и терпѣливымъ, съ такимъ теплымъ и нѣжнымъ чувствомъ говорилъ о дѣтяхъ, что, слушая его, Наталья Григорьевна все забыла и простила ему. Она по прежнему глядѣла прямо ему въ глаза. Они разстались такими искренними друзьями, что, не думая ни минуты, каждый принесъ бы себя въ жертву другому.

Съ этого разговора какъ будто все измѣнилось вокругъ Натальи Григорьевны. Ей стало легко, весело; она болѣе не боялась домашнихъ ссоръ, зная неосновательность ихъ и рѣшимость Брускова быть осторожнымъ и снисходительнымъ къ слабостямъ Варвары Васильевны, которая тоже нѣсколько измѣнилась и была не такъ рѣзка въ своихъ поступкахъ. Да и обстоятельства благоприятствовали миру и тишинѣ домашней.

Брусковъ цѣлый день или гулялъ съ Натальей Григорьевной, или читалъ съ нею. Они вмѣстѣ ходили собирать травы, цвѣты, составляли мѣстную флору. Часто Наталья Григорьевна сама удивлялась безконечнымъ разговорамъ съ своимъ спутникомъ. Какъ великолѣпны казались имъ осенніе — холодные и лунные — вечера! Впрочемъ, имъ никогда не было холодно, и они удивлялись, почему другіе зябли. Время летѣло быстро. Придя въ свою компанію, о чемъ бы ни подумала Наталья Григорьевна, все ей казалось въ лучшемъ свѣтѣ; да и мысли ея не заходили далѣе завтрашняго дня. Ее прошедшее какъ бы исчезло; будущее — она о немъ не думала, и въ упоеніи наслаждалась настоящимъ, которое было тихо и ясно, какъ прозрачная рѣчка съ песчанымъ дномъ.

Зато Елена Александровна была постоянно печальна и даже — такъ казалось Натальѣ Григорьевнѣ — съ нѣкотораго времени начала обращаться съ нею и съ Брусковымъ нѣсколько иронически. Посѣщенія Бориса Федорыча слѣвались рѣже, что Варвара Васильева не преминула приписать леспотизму Эленѣ.

Въ день именинъ старшаго сына Варвара Васильевича вду-
мала сдѣлать балъ. Освѣтили балконъ китайскими фонарями;
появились гости, въ томъ числѣ Эленъ съ мужемъ, и начались
танцы. Всѣхъ усерднѣе танцевалъ самъ хозяинъ дома — и поч-
ти все съ Натальей Григорьевной. Они съ такимъ увлеченіемъ
двигались, такъ живо кружились, смѣялись, шептались, что
многіе гости начали поглядывать насмѣшливо на нихъ, особенно
Борисъ Федорычъ, который даже старался мѣшать имъ гово-
рить между собою. Эленъ, замѣтивъ, что Брусковъ довольно горячо
принимаетъ выходки его, поспѣшила предупредить сцену:
она сама ангажировала Павла Алексѣича на туръ вальса и
сказала ему:

— Всѣ любятъ вашу даму; но вы слишкомъ эгои-
стически поступаете, лишая другихъ удовольствія танцевать
съ нею.

— Особенно вашего мужа! но онъ такъ мало сгѣсняетъ
себя, что безпрестанно заговариваетъ съ нею, несмотря на то,
что она чужая дама.

— Можетъ быть, она позволила ему, сказала, измѣнилась въ
лицѣ, Елена Александровна.

— Увѣряю васъ, что онъ пользуется ея робостью, и могу васъ
успокоить, что въ этомъ случаѣ вамъ нечего тревожиться.

— Вы такъ давно знаете меня, что ваше утѣшеніе очень
трогательно — и очень дѣйствительно, потому что — я ицъ
всему сужу — между ею и вами нѣтъ тайнъ!

— Я горжусь этимъ! отвѣчалъ Брусковъ и съ изумленіемъ по-
смотрѣлъ на свою даму. Только теперь замѣтилъ онъ блѣдность ея
лица и ядовитую улыбку, которая уже уступала мѣсто сградаль-
ческому выраженію; но ему такъ было весело, что онъ предпочелъ
поскорѣе оставить женщину, которая, какъ онъ, можетъ быть,
чувствовалъ, могла смутить его счастье. Эленъ какъ бы встрѣ-
ченулась. Женская гордость, взявъ верхъ надъ другими чувст-
вами, и весь остатокъ вечера она казалась необыкновенно весе-
лою, бодтала, смѣялась, танцевала съ такимъ одушевленіемъ,
что многіе, глядя на нее, говорили:

«Какая веселая эта женщина. Сейчасъ видно, что счастлива!»

Зато, возвратясь домой, она въ изнеможеніи упала на ди-
ванъ, съ лицомъ, выразившимъ столько страданія, что Борисъ
Федорычъ пугливо спросилъ:

— Ну полноте его читать, изъвъ письмо въ ея рукѣ, сказала Варвара Васильевна и продолжала съ жаромъ: — Ей досадно на васъ, вотъ она и изволила подослать своего мужа ко мнѣ, чтобъ онъ будто самъ отъ себя намекнулъ мнѣ, что Павелъ Алексѣичъ ухаживаетъ за вами... Ха, ха, ха!

Но смѣхъ ея былъ заглушенъ чуть не воплемъ, вырвавшимся изъ груди Натальи Григорьевны, которая, дрожа всѣмъ тѣломъ, смотрѣла на Варвару Васильевну.

— Чтѣ съ вами? А, какво! чего вы испугались? Я всего отъ нея ждала.

— Варвара Васильевна, что же вы... начала было Наталья Григорьевна, но не могла договорить и, вспыхнувъ какъ зарево, скрыла свое пылающее лицо въ подушки.

— Да я сейчасъ догадалась, что это все ея штуки, и коротко отвѣчала ему, что ничего не боюсь, потому что Наталья Григорьевна не то, чтѣ другія женщины!

Эта похвала заставила поблѣднѣть Наталью Григорьевну, и она умоляющимъ голосомъ сказала:

— Ради Бога, не говорите Павлу Алексѣичу.

— Да я ему ужъ все рассказала! со смѣхомъ отвѣчала Варвара Васильевна.... онъ....

— Все! въ отчаяніи перебила ее Наталья Григорьевна.

— Чтѣ это, какія вы? ну чего тутъ такъ пугаться? Онъ не Иванъ Матвѣичъ: я его не боюсь.

— Чтѣ вы сдѣлали? ломая себѣ руки и заливаясь слезами, сказала Наталья Григорьевна.

— Ей-Богу, я не понимаю, о чемъ вы плачете. Я только хотѣла вамъ доказать, какова эта женщина. Вѣдь вы все не вѣрите мнѣ. Ей досадно, что я дружна съ вами: вотъ она и мутитъ. Но пусть не беспокоится: я ей никогда не повѣрю!

И, въ доказательство своихъ словъ, Варвара Васильевна поцеловала Наталью Григорьевну, которая сидѣла долго послѣ ея ухода съ поникшей головой и вспыхнувшими щеками.

На другое утро послѣ бала Наталья Григорьевна сошла внизъ, когда все еще кругомъ спало. При мысли, какъ беззаботно и весело танцевала она вчера въ этой комнатѣ и какъ тяжело ей теперь, слезы навернулись у ней на глаза. Но недолго она оставалась одна. Вошелъ Брусковъ и, пожимая ей руку, сказалъ, немного смущеннымъ голосомъ:

— Кажется, весь домъ еще спитъ. — Онъ какъ будто избѣгалъ встрѣтиться съ ней взглядомъ; она тоже стояла потупивъ глаза, съ пламеньющими щеками и тихо проговорила «да».

Съ минутою длилось молчаніе, въ теченіе котораго она внимательно разсматривала вчерашній букетъ цвѣтовъ, стоящій на окнѣ.

— Завяль, сказалъ наконецъ Брусковъ.

— Надо перемѣнить воду, съ живостью сказала Наталья Григорьевна и, взявъ вазу, хотѣла итти; но онъ остановилъ ее.

— Оставьте его! пойдѣмте гулять лучше, какъ сговорились вчера, и дайте мнѣ на память вчерашняго дня одинъ цвѣтокъ.

Она взяла вѣтку резеды и подала ему. Онъ поцаловалъ ей руку.

— Вонъ и папа всталъ. Сдѣлай ручку! раздался въ это время приторно-сладкій голосъ. Они быстро оборотились къ окну и увидали няньку съ ребенкомъ на рукахъ.

Во время прогулки разговоръ не клеился. Они оба были задумчивы и печальны. Рука Натальи Григорьевны все скользила изъ руки кавалера, такъ что онъ придержалъ ее и сказалъ:

— Мы что-то сегодня неразговорчивы.

— Я устала.

— Такъ сядѣмте.

— Нѣтъ! пойдѣмте скорѣе домой, тревожно сказала она.

— Васъ что-то беспокоитъ? вы скрываете; но я догадываюсь: вамъ вѣрно передали уже замѣчаніе Бориса Федорыча?

Она не отвѣчала, но еще болѣе поблѣднѣла и едва могла итти. Брусковъ былъ не въ лучшемъ состояніи. Они такъ прошли нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Я такъ дорожу вашимъ спокойствіемъ, что готовъ сдѣлать все, что вы найдете лучшимъ....

— Я боюсь, чтобъ Варвара Васильевна какънибудь не поговорила съ Ивану Матвѣичу, въ волненіи произнесла она.

— А развѣ онъ скоро будетъ? остановясь и вздрогнувъ, спросилъ Брусковъ.

— На дняхъ, почти шопотомъ отвѣчала она.

Молча и еще печальнѣе они вернулись домой и разошлись по своимъ комнатамъ.

Варвара Васильева встала очень поздно и сидѣла въ дѣтской, кушая сама и обкармливая дѣтей остатками вчерашняго пирога. Нянька тараторила передъ ней.

— Ужь что нареду-то собралось у окна-то! гибель.... просто лавка была. Всѣ любовались вами и нашимъ Павломъ Алексѣичемъ. Его всѣ тоже хвалили; только дивятся, что онъ не съ вами танцевалъ. Ужь будто мужу съ женою не слѣдъ веселиться, а надо съ чужой. Добро бы красива была, а то спица передъ вами.

Барыня съ довольной усмѣшкой сказала: — Ну, небось лучше Елена Александровна!

— А что же? какъ ни бойка на взглядъ, а няня скромница и ее перехитритъ. Вы бы хоть разъ встали пораньше, такъ и увидѣли бы....

— Чтò же такое я увидѣла бы? съ спокойнымъ любопытствомъ спросила барыня.

— Да то, что вы, можетъ статься, мнѣ и не повѣрите. Она прикинулась тихонькой да пугливой, вотъ васъ и повела.

— Какія ты глупости врешь!

— Хороши глупости! обидлесь, подхватила нянька. — Всѣ ужъ про нихъ знаютъ, смѣются мнѣ въ лицо! Вонъ намелни снѣгъ-ральская кормилица сказала: «Ну ужъ, говорить, нянюшка, бѣдная ваша барыня-то, такая красавица, а....» Ужь пыталась я ее морочить, такъ все свое говорить: «Не видимъ, что ли, какъ они то-и-знай вмѣстѣ гуляютъ.»

— Экая важность! спокойно отвѣчала барыня, начинавшая тревожиться.

— Конечно, у господъ это не важность, а для насъ, простыхъ, все въ диковину. Я за ней присматриваю, какъ еще дѣти были больны.... Я, знаете, и подмѣтила: все шу-шу-шу етъ бариномъ-то. Выдумала бѣгать по утрамъ ранымъ-ранехонько гулять. Сегодня встала тоже спозаранку и сейчасъ въ залу! а я, знаете, была въ саду. Митинька плакалъ.... я боялась, что разбудить васъ. Я, знаете, вижу въ залѣ кто-то есть: думаю, комнату убираютъ. Заглянула въ окно. Глядь: она подала бирину цѣтокъ, а онъ въ петлицу его! да руку у ней изволилъ поцаловать!

И нянька упивалась смущеніемъ, какое изобразилось на лицѣ госпожи. Варвара Васильевна поспѣшно вышла изъ дѣтской и прямо пошла въ кабинетъ къ мужу; но его не было

тамъ ; она наверхъ, къ Натальѣ Григорьевнѣ, и ея тоже иѣтъ. Тогда она сильно взволновалась, ходила по комнатѣ, смотрѣла въ окно, на часы. Въ первый разъ она обратила вниманіе, какъ продолжительны ихъ прогулки, и вспомнила, сколько разъ ждала ихъ кушать.

Нянька поминутно являлась въ залу, гдѣ ходила Варвара Васильевна, и спрашивала :

— Скоро ли кушать, сударыня? дѣти плачутъ, бѣдешкія. Или: Чтó ихъ, сударыня, морить-то съ голоду?!

Наталья Григорьевна и Брусковъ неожиданно встрѣтились въ лѣсу. Каждый изъ нихъ желалъ освѣжиться, просидѣвъ нѣсколько часовъ въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Давно уже Наталья Григорьевна не чувствовала такой тоски, какъ въ тотъ день ; въ сильномъ порывѣ горя, высказала она все, чего боялась ; она призналась, что ужась леденить ее при одной мысли, что близится время, когда она снова очутится въ пятомъ этажѣ своей мрачной квартиры, въ убійственной тишинѣ, въ вѣчномъ одиночествѣ. И горько-горько плакала она. Брусковъ доказывалъ ей, что жизнь въ городѣ будетъ не такъ печальна, какъ ей кажется, что она будетъ проводить время по прежнему въ дѣтской, что театръ, прогулки будутъ разнообразить досугъ. А тамъ опять весна: они снова оживутъ, возобновятся ихъ тихія прогулки, ихъ чтеніе. Прошло довольно времени, пока ему удалось успокоить ее. Они воротились домой оба почти веселые и, войдя въ залу, были поражены суровымъ пріемомъ Варвары Васильевны, которая, своимъ рѣзкимъ голосомъ, повелительно сказала мужу :

— Нельзя ли не морить меня и дѣтей голодомъ изъ за вашихъ прогулокъ?

— Виноватъ: я не ожидалъ, что такъ поздно, отвѣчалъ онъ, смотря на нее съ удивленіемъ.

Она пронзительно крикнула: « Давайте обѣдать! » и сѣла за столъ, не сказавъ ни слова своей гостьѣ. Когда принесли супъ, она налила только себѣ и стала кушать съ шумомъ, наводившимъ страхъ и уныніе. Вѣроятно, боясь спросить ее о такомъ странномъ гостепріимствѣ, Брусковъ самъ принялся хозяйничать; но скоро движенія его сдѣлались такъ рѣзки, что Наталья Григорьевна вздрогнула ; уловивъ удобную минуту, она съ умоляющимъ видомъ покачала головой и приложила палецъ къ губамъ.

Брусковъ повялъ эту безмолвную мольбу и подавилъ свой гнѣвъ. После нѣкотораго молчанія, и онъ и гости старались заговорить съ хозяйкой дома, но встрѣчали такіе насильственные отвѣты, что они почли за лучшее говорить между собою. Тогда Варвара Васильевна обратилась къ мужу съ рѣзкимъ вопросомъ:

— Кто это вамъ далъ эту реверу?

И она указала на петлицу его пальто. Краска, покрывшая щеки гости, и вилка, слегка застучавшая о тарелку, заставили смѣшаться Брускова. Варвара Васильевна, торжествуя, грозно повторила свой вопросъ: «Что же? я васъ, кажется, спрашиваю.»

— Я выпросилъ у Натальи Григорьевны, отвѣчалъ твердо Брусковъ, и въ его лицѣ показалось что-то смѣлое.

— Какъ идутъ къ вамъ эти нѣжности! цвѣточки, прогулки! теряя ровность голоса, отрывисто произнесла Варвара Васильевна.

— Отчего же? съ наружнымъ спокойствіемъ спросилъ онъ.

— Посмотримъ, какъ то вы будете продолжать дурачиться, какъ пріѣдетъ Иванъ Матвѣичъ! со смѣхомъ произнесла Варвара Васильевна, шумно отодвинула свой стулъ и стала посреди комнаты, грозно глядя на присутствующихъ.

Наталья Григорьевна подошла, по обыкновенію, благодарить хозяйку дома за обѣдъ; но она отвернулась отъ нея. Брусковъ, несмотря на сильное своё волненіе, кротко замѣтилъ женѣ:

— Васъ благодарятъ Наталья Григорьевна.

Варвара Васильевна повернулась, оглядѣла съ ногъ до головы смущенную гостью и, закинувъ голову назадъ, гордо пошла къ двери.

Наталья Григорьевна поспѣшила сѣсть на стулъ: ноги у ней дрожали, голова кружилась. Она судорожно сжала ее въ своихъ рукахъ. Брусковъ кинулся къ женѣ, схватилъ ее за руку и подвелъ къ Натальѣ Григорьевнѣ. Кроткіе глаза его дико сверкали; онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Просите прощенья: вы оскорбили Наталью Григорьевну! сказалъ онъ.

— Ахъ, Господи! что это такое? заливаясь слезами, пронзительно вскрикнула Варвара Васильевна.

Она испугалась выраженія его лица.

Наталья Григорьевна выбѣжала изъ залы, какъ сумасшедшая, и, едва добѣжавъ до своей комнаты, въ изнеможениі упала на свою постель. Она оставалась нѣсколько минутъ какъ не живая, но вдругъ встала, торопливо надѣла шляпку, салопъ и кинулась къ двери.... Ее остановила Елена Александровна, стоявшая въ дверяхъ. Она была блѣдна, страшно взволнована, но какое-то величіе, рѣшимость и сила были видны въ ней. Она захерла дверь, сняла шляпку съ Натальи Григорьевны, разстегнула салопъ и сказала:

— Что вы дѣлаете? куда вы идете?

Бѣдная женщина съ рыданіемъ упала на грудь Эленъ, которая скрыла свое лицо на ея плечѣ, и вмѣстѣ онѣ горько плакали.

Слезы и отчаяніе Натальи Григорьевны такъ усилились, что Эленъ посадила ее на диванъ, дала ей пить, смочила ея голову. И потомъ она печально и въ молчаніи смотрѣла на плачущую Наталью Григорьевну. Если она не плакала, то не менѣе страданія выражало ея красивое лицо. Наконецъ рыданія стали уменьшаться; Эленъ тихонько вышла изъ комнаты. Кромѣ слезъ не было произнесено ни слова этими женщинами. — Зато крики Варвары Васильевны все еще раздавались въ залѣ, но при появленіи Эленъ вдругъ умолкли: можетъ быть, лицо ея, дышавшее величавой суровостью, смутило Варвару Васильевну.

— Вашъ голосъ, сказала Эленъ: — слышеть на всѣхъ дачахъ. Я думала, не горитъ ли у васъ въ комнатахъ....

Но вдругъ она остановилась, замѣтивъ Брускова и пораженная необыкновенно гнѣвнымъ выраженіемъ его лица. Казалось, все терпѣніе, все благоразуміе его истощились, и онъ готовъ былъ къ отчаянному поступку. Эленъ схватила его за руку и умоляющимъ голосомъ произнесла:

— Ради Бога, уйдите! ни слова не говорите теперь: вы слишкомъ разстроены! Помните, какія послѣдствія могутъ быть!

Онъ хотѣлъ говорить, но Эленъ потрясающимъ голосомъ произнесла: — Помните о дѣтяхъ!

Онъ молча вышелъ.

Тогда Эленъ вздохнула свободно. Варвара Васильевна также пришла между тѣмъ въ свое обычное состояніе и высокоожерно спросила:

— Нельзя ли узнать, кто вамъ позволилъ вмешиваться въ наши разговоры?

— Тихе! отвѣчала спокойно Элень. — Я вмѣшалась въ ваши крики потому, что толпы народа начали было собираться у вашихъ оконъ, точно какъ вчера; только другимъ зрѣлищемъ шли они любоваться.... Я вмѣшалась еще для того, чтобъ вы замѣтили слышать то, послѣ чего всякая порядочная женщина... Ну, да вы сами знаете, что васъ ожидало!

Варвара Васильевна тихо заплакала, повторяя: «онъ меня не любитъ!»

— Чѣмъ вы заслужили его любовь? капризами, тратами его трудовыхъ денегъ, праздною, безпорядками въ домѣ, пренебреженіемъ къ дѣтямъ. Развѣ такими средствами женщина можетъ заставить мужа любить ее? Вы каждый день ему напоминали его ошибку въ выборѣ. Вы оскорбляли его глупыми выходками своей ревности. Вы, можетъ быть, заставите его забыть всѣ обязанности, если будете продолжать такъ тиранить его!

— Чѣмъ же я виновата? Господи! я его люблю! воскликнула въ отчаяніи Варвара Васильевна.

— Докажите же ему это, выбросьте всѣ глупости изъ вашей головы, выпросите прощеніе.

— Только не у ней! съ живостью замѣтила Варвара Васильевна.

— У всѣхъ, кого вы оскорбиди сегодня! такимъ строгимъ и убѣдительнымъ тономъ произнесла Элень, что Варвара Васильевна склонила съ покорностію голову и прошептала:

— Хорошо! только, чтобъ онъ не сердился.

Елена Александровна оставила залу. Можетъ быть, въ первый разъ Варвара Васильевна смотрѣла ей вслѣдъ безъ гнѣва и насмѣшки.

Борисъ Федорычъ ждалъ въ волненіи свою жену, и когда она возвратилась, онъ раздражительно сказалъ:

— Элень, помилуй, что ты дѣлаешь? они срамятъ себя на всѣ дачи, а ты бѣжишь къ нимъ. Я увѣренъ, что всѣ эти крики

произошли отъ известіи о тебѣ вещей. Я слышала отсюда, какъ она кричала, что выгнать Наталью Григорьевну.

— И ты не краснѣлъ, что все это надѣлала твоя непростительная вѣтренность! въ негодованіи воскликнула Элень.

— Элень! Элень! что ты, что съ тобой? возразилъ Борисъ Федорычъ.

— Что со мною! Я говорю: ты былъ причиною, что есть и спокойствіе женщины гибнетъ!

— Элень! это слишкомъ! ты не поймишь, что говорю. Я наконецъ понимаю: участіе твое къ спокойствію чужого дома слишкомъ близко моему сердцу....

— Развѣ ты недавно это замѣтилъ? съ гордостію спросила Елена Александровна.

— Я думалъ, что въ тебѣ есть женская гордость.

— Женская гордость моя давно разбита. Если я принесла въ жертву все тому, о комъ только сожалѣла, то я не считаю униженіемъ пожертвовать своей гордостію тому, кого я уважаю!

— Къ кому, даже, можетъ быть, еще пытаешь что нибудь....

— Можетъ быть; но это, я надѣюсь, никого не можетъ огорчить.

— Разумѣется: я не способенъ дѣлать сценъ, какую вы сейчасъ имѣли удовольствіе слышать.

— Потому только, что найдете во мнѣ слишкомъ много равнодушія и презрѣнія къ такимъ комедіямъ.

— Элень! не выводите меня изъ терпѣнія! крикнулъ Борисъ Федорычъ.

— Вотъ видишь, ты такъ же начинаешь кричать, какъ Варвара Васильевна, сказала Елена Александровна.

Борисъ Федорычъ обидѣлся, вспыхнулъ и наговорилъ ей тысячу оскорбленій. Она молчала. Онъ постепенно усмирался, наконецъ заплакалъ и началъ просить прошенія.

— Послушай, Борисъ! сказала она рѣшительнымъ голосомъ: — когда мы оба были молоды, то имѣли надежду на взаимное исправленіе; теперь этого невозможно, и потому не лучше ли намъ принять мѣры?

— Элень, Элень! я умру безъ тебя!

И она продолжала унизительно умолять о прощѣніи, которое она поскорѣй желала, чтобъ прекратить тяжкую, но хорошею ей известную спору.

Черезъ часъ Борисъ Федорычъ, сдѣлавъ очень продолжительный туалетъ, отправился къ швейцарѣ, а Елена Александровна не осушала глазъ до другого дня.

Ровно сутки продолжались тайные переговоры у Варвары Васильевны съ мужемъ. Она входила въ кабинетъ его въ слезахъ и уходила съ рыданіями. Слезы, казалось, сдѣлались обыкновеніемъ въ домѣ. Наталья Григорьевна также весь день плакала; ея глаза такъ опухли, что на другой день она едва могла глядѣть на свѣтъ. Она нерѣшалась идти внизъ и, какъ осужденная, просидѣла все утро у себя въ комнатѣ. Когда послышался шорохъ на лѣстницѣ, то сердце у ней замерло и она такъ испугалась, что, вскочивъ со стула, съ ужасомъ ждала, когда отворять дверь.

— Вы спите? нетвердымъ голосомъ произнесла Варвара Васильевна за дверью.

— Нѣтъ, также робко отвѣчала Наталья Григорьевна.

Варвара Васильевна раскрыла дверь и, не переступая порога, сказала:

— Пойдемте кушать.

И, видя нерѣшимость Натальи Григорьевны, она взяла ее за руку и повела внизъ. Гостыя послѣдовала за ней, глотая слезы, которыя хлынули къ ея глазамъ, отъ разныхъ ощущеній.

На темной лѣстницѣ Варвара Васильевна остановилась и сказала довольно торопливо:

— Вы простите меня, душечка: я много глупостей сдѣлала вчера.

И она поцаловала Наталью Григорьевну, которая такъ тронулась кротостью Варвары Васильевны, что хотѣла было упасть передъ нею на колѣни. Съ истиннымъ чувствомъ благодарности, она поцаловала также ее, и обѣ женщины наконецъ жарко обнялись и заплакали.

— Не сердитесь на меня, шептала Наталья Григорьевна.

— Я не сердуюсь; только, пожалуйста, ничего не ссоривайте ей: она насъ опять поссоритъ, сказала Варвара Васильевна и, вытирая слезы, продолжала: — я только теперь узнала, какая она злая женщина. Ей не сидитъ сонъ въ эту ночь.

Наталя Григорьевна пришла въ ужасъ отъ лицемѣрства Елены Александровны, которой она не задумалась приписать все, что мучительнаго было пережито ею: униженіе, стыдъ, раскаяніе. И тогда негодованіе, даже ненависть къ Еленѣ возродились въ ней съ новою силою!

Онѣ вошли въ залу, держась за руки. При появленіи ихъ, лицо Брускова озарилось радостью, и онъ свободно вздохнулъ.

Наталя Григорьевна, краснѣя, поздоровалась съ нимъ. Она никакъ не могла рѣшиться прямо взглянуть ему въ глаза.

За столомъ Варвара Васильевна была до владѣнія любезна съ Натальей Григорьевной, такъ что услаивала ея конфузное положеніе, а послѣ обѣда, вѣрно желая доказать, что она искренно забыла все, сказала ей:

— Я пойду спать, а вы пойдите гулять съ Пашей.

Наталя Григорьевна страшно испугалась.

Брусковъ поспѣшно отвѣчалъ женѣ:

— Миѣ некогда: я долженъ кончить къ завтраму работу.

— Успѣешь! обнявъ шею своего мужа, сказала она, поцаловала его въ голову, подошла къ Натальѣ Григорьевнѣ съ довольной улыбкой, запечатала поцалуемъ на ея вспыхнувшей щекѣ и съ достоинствомъ вышла изъ залы.

Брусковъ и Наталя Григорьевна сидѣли нѣсколько минутъ по ея уходѣ молча, съ потупленными глазами; когда наконецъ глаза ихъ встрѣтились, они оба покраснѣли. Брусковъ что-то хотѣлъ сказать, но въ ту самую минуту вошла нянька съ дѣтьми; онъ быстро всталъ и ушелъ изъ комнаты.

Тишина и миръ воцарились, по видимому, во всѣхъ сердцахъ, исключая Натальи Григорьевны, которая каждый день все болѣе и болѣе пугалась своего положенія. Она краснѣла отъ каждаго слова и взгляда Брускова.

«Почему годось дрожать у меня, когда я отвѣчаю ему на вопросъ? почему глаза мои ни на комъ не могутъ остановиться, какъ только на его лицѣ, хотя бы тысячу другихъ сидѣло около меня? Почему миѣ дѣдается тяжело, какъ только не вижу его? Я невольно иду въ ту комнату, гдѣ онъ, какъ будто какая-то сила притягиваетъ меня туда!»

Отвѣта на свои вопросы она не рѣшалась выговорить и переходила къ другимъ мыслямъ, къ другимъ вопросамъ:

«Зачѣмъ она является всюду, гдѣ только появится онъ? Если бы она не любила его, то зачѣмъ ей было бы столько выносить оскорбленій отъ Варвары Васильевны? Къ чему она цѣлый день сидитъ въ саду у входа? Она сторожить его!»

Однажды всѣ сидѣли за чаемъ вокругъ стола у Варвары Васильевны. Брусковъ былъ въ городѣ, и его не ждали ранѣе другого дня. Вдругъ въ передней раздался его голосъ. Всѣ смотрѣли покойно на дверь, ожидая его появленія. Одна Наталья Григорьевна не поднимала глазъ; шoki ея горѣли какъ зарево. Можетъ быть, никто не обратилъ бы на это вниманія, если бы нянька, пристально смотрѣвъ на нее, не сказала громко:

— Что это, Наталья Григорьевна, какъ у васъ ушко горитъ? дурно, знать, про васъ говорить кто нибудь.

Невольно всѣ повернулись къ Натальѣ Григорьевнѣ. Въ эту самую секунду Элень вскрикнула, опрокинувъ чашку на свое платье. Наталья Григорьевна радостно кинулась помогать ей, а она такъ громко начала соболѣзновать о своемъ платьѣ, что появленіе Брускова было на второмъ планѣ. Онъ поздоровался съ дѣтьми, пожалъ руку дамамъ и вручилъ Натальѣ Григорьевнѣ письмо.

— Отъ кого? что вы испугались? спросила ее Варвара Васильевна.

— Рука Ивана Матвѣича! замѣтилъ Брусковъ.

— Такъ прочтите-ка, когда будетъ, сказала Варвара Васильевна.

Дрожащими руками распечатала письмо Наталья Григорьевна, бросила взглядъ на первыя строки и поблѣднѣла.

— Что съ ней! ахъ, что съ ними дѣлается? вскрикнула нянька.

Наталья Григорьевна провела рукой по глазамъ и силилась придать покойное выраженіе своему лицу.

— Вамъ дурно! замѣтила Варвара Васильевна.

— Ужъ не умеръ ли ихней супругъ? снова вскрикнула нянька.

Брусковъ грозно взглянулъ на няньку и обратился къ Натальѣ Григорьевнѣ съ вопросомъ:

— И, кажется, не ошибся: его рука?

Наталья Григорьевна, ничего не говоря, вышла поспѣшно изъ комнаты.

— Что это съ ней? смотря ей вслѣдъ, сказала Варвара Васильевна.

— Я такъ испугалась: они заводили какъ покраснѣть, когда мнѣ подаль баринъ письмо, и вдругъ мертвые сдѣлались, замѣтила нянька.

— Ты бы лучше замѣчала, какъ дѣти чай пьютъ. Смотри, какъ Митя залился, прервалъ ее Брусковъ раздражительнымъ и строгимъ голосомъ.

— Ему-съ мамаша приказали самому учиться кушать чай, обиженно отвѣчала нянька.

Варвара Васильевна съ удивленіемъ сказала мужу: — Что ты учишь ее!

— Для того, чтобъ она не совались говорить, когда ее не спрашиваютъ, сердито возразилъ онъ и ушелъ.

Клена Александровна все то время сидѣла въ темномъ углу, облокотясь на столъ и прикрывая лицо рукой. Она простилась съ хозяйной дома, съ дѣтьми и ушла домой.

Нянька въ слѣдъ ей сдѣлала гримасу.

— Это что ты дѣлаешь? съ улыбкой спросила Варвара Васильевна.

— Такъ-съ, ничего-съ: старого воробья на мякинѣ не проведешь: ишь, чашку обронила. Какже, я слѣпа, что ли! Вижу, что нарочно сдѣлала, говорила нянька, обратясь къ двери, въ которую вышла гостя.

— Ты все пустяки врешь, замѣтила хозяйка дома.

— Не по вашему же, сударыня, сидѣть да молчать. Не выколотъ мнѣ себѣ глаза, коли я все вижу на старости лѣтъ, съ гордостію говорила нянька. — Я вамъ скажу, сударыня, хоть я изъ простыхъ, а лучше бы, кабы вы спровадили ее съ Богомъ отсюда. Нянька тяжело вздохнула, вытерла ребенку губы и, снимая его со стула, прибавила: — Мы, душечка, не пойдемъ прощаться съ папашей: ему не до насъ.

Варвара Васильевна, простясь съ дѣтьми, сидѣла долго въ залѣ въ какомъ-то раздумѣ. Потомъ она пошла въ кабинетъ своего мужа, котораго нашла очень печальнымъ и раздражительнымъ. Тогда она отправилась въ комнату къ Натальѣ Григорьевнѣ, но нашла и ее не въ лучшемъ расположеніи дуа.

Барвара Васильевна очень долго бесѣдовала съ нянькой въ тотъ вечеръ ; онѣ таинственно шептались.

ГЛАВА XII.

На другой день, рано утромъ, нянька вошла въ спальную Барвары Васильевны и, разбудивъ ее, таинственно сказала :

— Пошли-съ.

Это слово имѣло магическое дѣйствіе на сонную ея барыню. Она поспѣшно встала съ постели и, сдѣлавъ кое-какъ утренній туалетъ, вышла въ садъ и торопливо пошла по аллеѣ; но не успѣла она пройти нѣсколько шаговъ, какъ ее догнала Елена Александровна и, поздоровавшись съ ней, сказала, не безъ наомѣшки :

— Какъ вы рано нынѣ встаете!

— Я всегда такъ встаю, отвѣчала Барвара Васильевна и удвоила шаги.

Елена Александровна продолжала идти за ней, заводила разговоръ и несколько не оскорблялась отрывистыми отвѣтами и сердатыми взглядами своей сосѣдки, которая наконецъ съ досадою сѣла на скамейку и гордо сказала :

— Продолжайте свою прогулку; я устала.

— Я тоже устала, садясь возлѣ нея, отвѣчала Эленъ.

Барвара Васильевна вскочила и чуть не бѣгомъ пошла къ дому. Елена Александровна со вздохомъ проводила ее глазами и тоже почти побѣжала — не по прямой аллеѣ, а въ сторону, перескакивая канавы и пробираясь черезъ кусты. Послѣ нѣсколькихъ минутъ путешествія, она очутилась на тропинкѣ, которая вела на небольшой косогоръ, гдѣ стояла полуразвалившаяся въ китайскомъ вкусѣ бесѣдка. Пройдя тихими шагами мимо нея, Эленъ громко зашѣла. Не успѣла она скрыться, какъ Наталья Григорьевна робко выглянула изъ дверей бесѣдки, внимательно посмотрѣла на всѣ стороны и какъ стрѣла пустилась бѣжать. Елена Александровна тотчасъ снова появилась у бесѣдки.

— Гдѣ что вы изволили гулять такъ рано? спросила Наталья Григорьевну Барвара Васильевна, сидя на крыльцѣ, выходящемъ на дворъ.

— Въ саду, сконфуженно отвѣчала Наталья Григорьевна.

— Садъ велькъ! я искала васъ и не нашла.

Варвара Васильевна съ ядовитостью ударяла на послѣднiя слова.

— Мы были.... голосъ замеръ у Натальи Григорьевны, и она вспыхнула какъ зарево.

— Кто же это мы?... а?... выпрямляясь, воскликнула Варвара Васильевна.

— Елена Александровна, поспѣшно отвѣчала Наталья Григорьевна.

— Я сейчасъ имѣла несчастiе сидѣть съ нею на большой аллее.

— А я у басѣдки.

— Странно! такъ выразительно произнесла Варвара Васильевна, что Наталья Григорьевна потушила глаза.

— Господи, она вездѣ поспѣваетъ! съ досадою проворчала Варвара Васильевна, завидя вдаль Елену Александровну подъ руки съ своимъ мужемъ. — Они оба шли ужасно скоро и когда приблизились къ крыльцу, Варвара Васильевна рѣзко своротила даму своего мужа:

— Какъ это вы успѣваете со всѣми гулять: со мною, съ нимъ и даже съ Натальей Григорьевной?

И она засмѣялась, можетъ быть, замѣтивъ ужасъ, изобразившiйся на лицѣ Натальи Григорьевны, которая пугливо смотрѣла на Елену Александровну.

— Это мой секретъ, и вы его не узнаете, отвѣчала Елена Александровна.

— Я вовсе и не желаю знать ваши секреты! обиженно подхватила Варвара Васильевна.

— Зачѣмъ же вы меня допрашивали?

— Допрашивала! я допрашивала! что вы! все возвышая голосъ, восклицала Варвара Васильевна. — И развѣ можно вамъ вѣрить! вы еще вчера изволили доказывать, что женщины нужно умѣть лгать, и что вы можете хорошо лгать, если захотите.

— Я не отказываюсь отъ своихъ словъ; бываютъ случаи, когда невинная ложь спасаетъ отъ большихъ непрiятностей, десло отвѣчала Елена Александровна.

— Вы для себя всегда найдете оправданiе...

— Потому что умѣю гнать смѣло и ловно... не правда ли, я угадала вашу мысль? смѣясь, перебила Элея.

Барвара Васильевна кивнула головой въ знакъ согласія.

Въ продолженіе этого разговора ни Наталья Григорьевна, ни Брусковъ не произнесли ни слова; они оба были страшно блѣды.

Елена Александровна обратилась къ Брускову и спросила его:

— А вы какъ думаете о женщинѣ, которая смѣло сознается въ своемъ пороѣ?

— Порока я не нахожу тамъ, гдѣ ложь бываетъ спасительнѣе правды, сухо отвѣчалъ Брусковъ.

Въ эту минуту стукъ подѣхавшаго къ воротамъ экипажа обратилъ ихъ вниманіе.

— Кто это? кто это? повторяли они одинъ за другимъ, смотря на входящаго мужчину, закутаннаго въ шивель, надѣтую въ рукава и съ поднятымъ кверху воротникомъ.

— Это вашъ мужъ! радостно вскрикнула Барвара-Васильевна и пошла на встрѣчу пріѣхавшему.

Брусковъ, какъ бы пораженный громомъ, смотрѣлъ дико на Наталью Григорьевну, поблѣднѣвшую какъ полотно и сидящую неподвижно на лѣстницѣ крыльца.

— Идите скорѣе на встрѣчу, сказала Елена Александровна, схвативъ за руку Наталью Григорьевну, и съ силою поставила ее на ноги; потомъ, обратясь къ Брускову, она повелительно прибавила: — что вы стоите! идите скорѣе!

Наталья Григорьевна какъ бы очнулась и кинулась къ Ивану Матвѣичу, который принялъ ее въ свои объятія и цаловалъ въ голову, потому что лицо ея было спрятано на его груди.

— Здорова ли? я нарочно написалъ, что пріѣду завтра. Самъ не люблю ожидать, обращаюсь уже къ другимъ, сказалъ Иванъ Матвѣичъ, но вдругъ лицо его измѣнилось, и онъ съ ужасомъ воскликнулъ:

— Ей дурно!

Всѣ засуетались; дамы побѣжали въ домъ, не зная зачѣмъ, Брусковъ стоялъ не двигаясь и дико смотрѣлъ на Ивана Матвѣича, державшаго въ своихъ объятіяхъ безчувственную жену.

— Что вы стоите? Ради Бога, воды! съ упрекомъ замѣтилъ ему Иванъ Матвѣичъ.

Нѣкое ведро было притащено. Наталію Григорьевну усадили на стулъ и осыжили ей лицо водою. Всѣ глядѣли въ потерпѣніи на больную. Лице Ивана Матвѣича было выразительнѣе всѣхъ. Онъ странно похудѣлъ, его шубритая борода торчала теперь какъ его густыя брови, а волосы совершенно засеребрились. Дорожный туалетъ такъ мало украсилъ его, что онъ казался дряхлымъ старикомъ.

Наконецъ Наталья Григорьевна пришла въ себя и, поздоровавшись съ мужемъ, спросила его о здоровьи матери и отца. Онъ съ замѣтательствомъ отвѣчалъ: «Отецъ твой жалуется все на глаза», и потомъ переимѣнилъ разговоръ, вычисляя неудобства и дороговизну своего путешествія.

Иванъ Матвѣичъ замѣтно былъ доволенъ своимъ возвращеніемъ. Выраженіе его глазъ смѣнилось, когда онъ смотрѣлъ на жену. Она же ходила какъ потерянная, отвѣчала ему не впопадъ, не могла придумать, о чемъ бы спросить его; прочитавъ два раза письмо своей матери, она ровно ничего не помнила; за обѣдомъ не могла ѣсть и сидѣла такая грустная, что довольно обращала общее вниманіе.

— Вы какъ убитая сидите! кажется, на нашемъ мѣстѣ радоваться надо, съ улыбкой замѣтила ей Варвара Васильевна.

Иванъ Матвѣичъ мрачно посмотрѣлъ на хозяйку дома; она смѣло обратилась къ нему: «Не подумайте, что всегда была молчаливая. И нѣтъ! такая разговорчивая да хоютунья. На цѣлый день другой разъ отправятся гулять, ждешь-ждешь ихъ обѣдать — изъ силъ выйдешь! Кажется, нельзя ей пожаловаться на скуку безъ васъ: у ней много было кавалеровъ.»

Брусковъ измѣнился въ лицѣ и сверкающими глазами посмотрѣлъ на Варвару Васильевну. Она съ наивностью замѣтила ему:

— Ты тоже ничего не ѣшь?

Слезы прихлынули къ сердцу Наталіи Григорьевны. Она выскочила изъ за стола и побѣжала наверхъ. Иванъ Матвѣичъ послѣдовалъ за ней. — Брусковъ, судорожно снявъ салфетку, бросилъ ее на столъ и ушелъ въ свой кабинетъ. Осталась одна Варвара Васильевна, съ заданчивымъ лицомъ.

Наталія Григорьевна отчаянно плакала сидя на диванѣ, а Иванъ Матвѣичъ мрачно рассказывалъ по комнатѣ, выжидавъ торпѣдую, когда успокоится его жена; наконецъ онъ сѣлъ возлѣ нея и сердито сказалъ:

— Ты обманывала меня?

Въ отвѣтъ Наталья Григорьевна только судорожно сжала свое голову. Онъ продолжалъ:

— Ты скрывала отъ меня, что тебя здѣсь не любятъ.

Наталья Григорьевна веселѣе отвѣчала:

— Она недавно такъ стала обходиться со мной.

— Какая причина? отрывисто спросилъ онъ.

— Я не знаю, едва слышнымъ голосомъ отвѣчала она.

— Сплетня какія нибудь; ты, вѣрно, ведаешь себя неестественно?

Этотъ вопросъ привелъ въ ужасъ Наталью Григорьевну; она умоляющимъ голосомъ воскликнула:

— Уйдите отсюда скорѣе, ради Бога, уйдите!

Лицо Ивана Матвѣича покрылось багровыми пятнами; онъ стиснулъ зубы и съ злобой спросилъ:

— Они оскорбили тебя? говори!

— О нѣтъ, нѣтъ! мнѣ скучно, мнѣ страшно... уйдите скорѣе. Не говорите ничего мнѣ. Я довольна была ею: она добра. Я такъ прошу тебя уѣхать, заливаясь слезами, отчаяннымъ голосомъ говорила Наталья Григорьевна.

— Хорошо. Но прежде успокойся; я все разберу.

— Умоляю тебя, оставь все; клянусь, меня никто не оскорбилъ! съ такою едлою воскликнула она, что Иванъ Матвѣичъ видимо смутился. Онъ долго молчалъ и думалъ.

— Чего же ты боишься? къ чему эти слезы, если нѣтъ никакихъ причинъ? наконецъ сдвинулъ онъ.

Она отерла глаза, улыбнулась и, стараясь придать дрожащему своему голосу спокойствіе, сказала:

— Я сама не знаю. Видно, все отъ обморока. Я ушла изъ за стола потому, что голова закружилась.

Однако, эти увѣренія мало подѣйствовали на Ивана Матвѣича. Усѣвшись въ волтеровскія кресла, онъ насупилъ брови и молча сидѣлъ, угрюмый какъ туча. Наталья Григорьевна, машинально взявъ книгу, не читала, а украдкой слѣдила за выраженіемъ его лица. Голова его повисла на грудь; лицо, сохраняя прежнюю мрачность, мало по малу приняло тупой видъ; наконецъ глаза его закрылись, онъ заснулъ. То былъ крѣпкій сонъ цѣлѣйшей меды на телѣхъ. Книжку забыла Наталья Григорьевна. Она внимательно разглядывала суровое даже и

во снѣ лицо своего мужа. Много мучительныхъ ощущеній было испытано ею. Она припомнила ту минуту, когда въ первый разъ увидѣла его, какъ потомъ одѣвали ее къ вѣнцу; прїѣздъ свой въ Петербургъ. Ей живо представилось все семейство родныхъ: всѣ смотрять на нее съ упрекомъ, а мать говорить что-то страшное. Наталья Григорьевна вздрагиваетъ. Какая-то отчаянная рѣшимость является въ ея лицѣ. Она беретъ доскутокъ бумаги и пишетъ карандашемъ. Краска смѣняетъ ея блѣдность. Пугливо сунувъ въ книгу записку, она встаетъ и, бросая робкіе взгляды на спящаго, осторожно приближается къ двери. Она долго не рѣшается открыть дверь, и наконецъ уходитъ. Черезъ минуту, блѣдная, она возвращается въ комнату. Иванъ Матвѣичъ по прежнему спитъ.

Въ время Брусковъ сидѣлъ на крыльцѣ, задумавшись. Варвара Васильевна насмѣшливо глядѣла на него, сидя тоже на ступенькахъ; у ногъ ея играли дѣти съ Еленой Александровной, которая изъ песку строила имъ дома и башни.

Явился лакей и подалъ книгу своему барину, сказавъ :

— Наталья Григорьевна просятъ вторую часть.

Брусковъ равнодушно развернулъ книгу, чтобы посмотрѣть заглавный листъ, но тотчасъ же быстро захлопнулъ ее, всталъ и удалился.

Варвара Васильевна презрительно замѣтила :

— Ага! за книги принялась, какъ бѣгать-то нельзя!

Елена Александровна одна подмѣтила пугливое движеніе, съ которымъ Брусковъ захлопнулъ книгу, и когда онъ воротился на крыльцо, она съ безпокойствомъ слѣдила за нимъ: лицо его обличало сильное волненіе; онъ поминутно глядѣлъ на часы, при малѣйшемъ шорохѣ вздрагивалъ. Наконецъ онъ всталъ и пошелъ въ садъ.

— Куда ты? спросила Варвара Васильевна.

— Такъ, хочу пройтись, едва слышно отвѣчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ нянька изъ дверей таинственно пошала свою барыню, съ выраженіемъ злобнаго торжества, которое, казалось, ужаснуло Елену Александровну. Давъ скрыться нянкѣ и госпожѣ, она оставила дѣтей и пустилась бѣжать по аллеѣ, куда пошелъ Брусковъ. Какъ скоро она замѣтила его, тотчасъ повернула въ сторону, перескочивъ канавку, и побѣжала черезъ кусты и лужайку, по узенькой тропинкѣ,

которая вела въ бесѣдку. Вбѣжавъ въ нее, она упала въ нннемо-
женн на полулежанншую рѣшотчатую скамейку. Лицо Елены
Александровны горѣло; глаза такъ блестя, что, казалось,
искры вылетали изъ нихъ. Она сидѣла какъ истуканъ, пре-
ратая въ слухъ и сажмая рукой свое сердце, котораго услен-
ное бннене слышалось въ тишинѣ, царствовавшей кругомъ.

Внутренность бесѣдки была жалкая: стѣны, нѣкогда раскра-
шенныя ннтайскими фигурами звѣрей, птицъ и людей, по-
линяли отъ сырости; паркетный полъ весь верекоробился и
былъ починенъ простыми досками. Паутина висѣла бахрамою
по всѣмъ угламъ. Въ единственномъ оннѣ, не заколоченномъ
досками, недоставало нѣсколькнхъ стеколъ.

Елена Александровна вышла изъ неподвнжности только въ
ту минуту, когда слышались шаги, быстро приближавшнся
къ бесѣдкѣ. Бѣдность покрыла ее шоки и сдержанный вонъ
вырвался изъ ея груди. Но въ ту же минуту она придала своему
лицу улыбающееся выраженн, сѣла небрежно въ уголъ и, при-
нявъ усталую позу, глядѣла на дверь.... Эта дверь распахну-
лась: Брусковъ вошелъ торопливо, захлопнулъ ее и только то-
гда замѣтилъ Елену Александровну и невольно попятнлся....

— Какъ вы кстати пришли! а я объ васъ думала, сказала
Елена Александровна и, указывая на мѣсто возлѣ себя, прибави-
ла рѣко: — садитесь; я хочу поговорить съ вами.

Брусковъ сѣлъ, молча, не глядя на свою сосѣдку, которая
продолжала:

— Вы съ нѣкоторыхъ поръ сердиты на меня.

— Не правда! я не имѣлъ никакого повода, въ волненн
отвѣчалъ онъ и съ ужасомъ прислушивался къ легкому шуму
чнхъ-то шаговъ вблизи бесѣдки.

Елена Александровна внимательно слѣдила за выраженнемъ
его лица и когда онъ привсталъ, она удержала его за руку и по-
весительно сказала:

— Не шевелитесь!

И въ то же мгновенн сѣлала руладу, откашлянулася и еще
повторала се.

Шаги замерли у самой двери; кто-то побѣжалъ прочь. Наде
было видѣть лицо Брускова, на которомъ на минуту изобразился
величайшнй страхъ и потомъ радость. Последнее выраженн
вызвало злую улыбку у его сосѣдки, и она язвительно сказала:

— Кто это караулитъ насъ?

— Вѣроятно, случайно кто нибудь, отвѣчалъ онъ.

— Да, это правда! вотъ и мы случайно встрѣтились здѣсь. Но если бы вдругъ пришелъ кто нибудь сюда. Развѣ пошлѣри бы намъ? Какъ вы думаете, если бы я была жена Николая Матвѣича и онъ узналъ бы это: я бы на всю жизнь пошла?

Елена Александровна съ живостью смотрѣла на нѣмой ужасъ, изобразившійся на лицѣ Врускова. Видно было, что его сильно поразили слова ея. Она продолжала:

— Честъ женщины свесить отъ нустаконъ; неосторожность одного невиннаго поступка можетъ на всю жизнь погубить ее. Советую вамъ, Павелъ Алексѣичъ, быть какъ можно осторожнѣе въ приговорахъ надъ женщинами.

— Я никогда не былъ несправедливъ къ женщинамъ! сухо отвѣчалъ Врусковъ.

Елена Александровна вспыхнула, но тотчасъ же приняла спокойное выраженіе и сказала:

— Неужели вы думаете, что никогда не могли ошибиться? Напримѣръ, вы думаете обо мнѣ, какъ о женщинѣ безъ сердца, что для меня не нужно никакихъ привязанностей, — ничего, ничего.

Слова навернулись на глазахъ говорившей, но она подавила ихъ насильной улыбкой и продолжала: — Я никогда не жаловалась, что во мнѣ ошибались тѣ, въ комъ я принимала живѣйшее участіе. Можетъ быть, я не умѣю пріобрѣтать ихъ довѣрія.

— Не правда! васъ многіе любятъ и уважаютъ, сказалъ Врусковъ разсѣянно.

— Что же это за любовь, съ упрекомъ вскрикнула она: — когда на мое участіе отвѣчаютъ мнѣ скрытно? Меня считаютъ женщиной самостоятельной и съ характеромъ, во влѣдствіе чего никто не хочетъ простить мнѣ ни малѣйшей ошибки. «Ее нечего жалѣть!» думаютъ тѣ люди, въ которыхъ я ищу участія. «Ты сильна: борись одна!» Развѣ я не такая же женщина, какъ другія. Я также не могу жить, не имѣя привязанностей, какъ и другія. Я также люблю, я также страдаю. Моя сила характера уничтожается; я дѣлаюсь рабой своихъ чувствъ; я унижаюсь! послѣднія слова Елена Александровна произнесла съ негодованіемъ и злобою.

— Я никогда не думала, чтобъ вы нуждались въ чьей-нибудь участіи. Вы такъ горды были всегда, строгі.... Слышите: голоса!

Она стала прислушиваться.

Елена Александровна не обратила на это вниманіе; повернула голову на грудь и смотря съ грустною улыбкою, она шептала:

— Я горда, я горда?

— Идуть сюда! помѣшалъ въ лицѣ, воспалившись Брускова, потому что рѣзкій голосъ Варвары Васильевны коснулся его слуха.

— Ну такъ, что жей равнодушно сказала. Елена Александровна.

— Я боюсь за васъ.

— Не бойтесь: я женщина съ сильнымъ характеромъ! Я все могу вынести.

И, сказавъ это съ язвительной улыбкой, она выпрямилась и гордо смотрѣла на дверя.

— Наталья Григорьевна, вы здѣсь? раздался голосъ Варвары Васильевны.

— Видите, не меня ищутъ! замѣтила Елена Александровна.

Въ лицѣ Брускова сначала мелькнула радость, но вдругъ онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Я пойду лучше къ ней, на встрѣчу.

— Это бесполезно.

— Я боюсь: васъ оскорбить, къ отчаянію говорилъ Брускова.

— Не ходите! взявъ его за руку и посадивъ возле себя, произнесла Елена Александровна.

— Всея ищетъ Иванъ Матѣичъ! расплашувъ въ эту минуту дверь и войдя къ бесѣдкѣ, провозгласила Варвара Васильевна — и какъ ошеломленная, разинула ротъ и дико смотрѣла на Елену Александровну, которая, сложивъ руки, сидѣла въ углу на скамейкѣ и съ жалостью смотрѣла на блѣднаго, какъ полотно, Брускова.

Варвара Васильевна, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ, смотрѣла бесѣдку. Тогда Елена Александровна, улыбаясь, сказала ей:

— Развѣ вы не видите, что Натальи Григорьевны здѣсь нѣтъ?

Въ эту минуту показался на порогѣ бесѣдни, блѣдный и весь дрожащій, Иванъ Матвѣичъ. Оглядывъ ее торопливо, онъ свободно вздохнулъ и грозно сказалъ Варварѣ Васильевнѣ:

— Моей жены здѣсь нѣтъ, а вмѣшиваться въ чужія дѣла я не намѣренъ.

И онъ ушелъ.

Варвара Васильевна, опомнясь послѣ неожиданной встрѣчи съ Еленой Александровной, въ то время, какъ убѣждена была, что найдетъ Наталью Григорьевну, которую видѣла нѣтъ, какъ она выскочила изъ окна гостиной въ садъ, — грозно подошла къ Брускову, сидѣвшему съ поникшею головою и съ потупленными глазами.

Елена Александровна кинулась между мужемъ и женою и, обратясь къ первому, сказала:

— Посмотрите прямо въ глаза вашей женѣ: совѣсть ваша чиста!

— Мало вы меня дурачили! Это все ваши штуки, заливаясь слезами, воскликнула Варвара Васильевна.

— Пожалуйте его! указывая на Брускова, кротко сказала Элень.

— Уйдите, уйдите отсюда! прошу васъ же разыгрывать роль защитницы! въ изступленіи закричала Варвара Васильевна и, обратясь къ мужу, трагически прибавила: — Скажи, чтобъ она ушла, а нето я сейчасъ же оставлю тебя съ ней навсегда!

Элень съ ужасомъ выбѣжала изъ бесѣдни, не дождавшись отъ Брускова даже благодарнаго взгляда. Не въ первый разъ онъ не понималъ всей важности услуги, оказанной ему этой женщиной.

Въ тотъ же вечеръ Иванъ Матвѣичъ увезъ въ городъ свою жену. Письмо, оставленное имъ Брускову, было такого содержания, что онъ не можетъ ни минуты долѣе оставить жену свою въ обществѣ такой женщины, какъ Елена Александровна.

Первые дни переселенія въ мрачную городскую квартиру назвали Натальѣ Григорьевнѣ тяжелымъ своимъ : ей все думалось , что вотъ-вотъ она снова очутится на дачѣ , по прежнему будетъ видѣть зелень и небо , гулять въ лунныя ночи во саду. Но проходитъ день , два , и она впадаетъ въ тоску , въ невыносимое отчаяніе. Эти дни показались ей длиннѣе тѣхъ лѣтъ , которыя она провела одна-единехонька со дня своего замужства. Опять завылъ вѣтеръ въ окна и трубы ; онъ все тотъ же , только еще томительнѣе , еще наугомоннѣе прежняго. Какъ произительно кричатъ галки ! онѣ какъ будто стараются своимъ крикомъ напомнить ей , что она снова будетъ ихъ слушать , можетъ быть , безконечное число лѣтъ. Она проводитъ ночи безъ сна , въ лихорадочномъ ожиданіи услышать знакомые голоса за стѣной , дрожить при малѣйшемъ шорохѣ. Вниманіе Ивана Матвѣича пугаетъ ее , и она дышетъ свободнѣе , когда онъ уходитъ на службу. Чтѣ ни дѣлается , ни говорится вокругъ нея , она ровно ничего не понимаетъ. Мысленно она каждую минуту живетъ посреди лицъ , съ которыми свыкла , въ лѣсу , въ полѣ... Вотъ кто-то зоветъ ее ; она вздрагиваетъ , осматривается : передъ ней Иванъ Матвѣичъ — онъ сердито говорить :

— Я васъ третій разъ окликаю , а вы какъ глухо-нѣмая сидите.

И , грознымъ жестомъ указывая на сосѣднюю дверь , онъ повелительно объявляетъ :

— Сегодня ихъ ждутъ съ дачи. Я надѣюсь , что послѣ всѣхъ оскорбленій , нанесенныхъ намъ , ваша нога не должна переступать ихъ порогъ.

Прозвнеся свое рѣшеніе , Иванъ Матвѣичъ ушелъ въ должность.

Въ первую минуту слова его какъ бы ошеломили Наталью Григорьевну ; она чувствовала въ головѣ страшный хаосъ и сама себя спрашивала : « что съ ней дѣлается , и возможно ли ей навсегда отказаться видѣть сосѣдей ? и достанетъ ли у ней ума и воли противиться рѣшенію Ивана Матвѣича ? »

Пока она обдумывала , какъ ей дѣйствовать , за сосѣдней дверью слышались дѣтскіе голоса. Изъ груди Натальи Григорьевны вырвался крикъ радости : забывъ все , она бѣжитъ въ кухню , горя нетерпѣніемъ видѣть прибывшихъ сосѣдей , но ее останавливаетъ горничная :

— Ахъ, сударыня, не извольте ходить. Сейчасъ сама Варвара Васильевна выходила въ стѣны и кричала, чтобъ нѣтъ ни нухаю даже не пучкали... ойъ Богу-съ!

— Да и нашу бириню называлъ намъ съ ихними людьми не колыхати, прибавила кухарка.

Наталя Григорьевна медленно вернулась въ свою комнату, какъ будто силы ее оставили; сѣла къ дверямъ соседой и горько стала плакать. Это были ея послѣднія слезы въ этой комнатѣ. Въ тотъ же день, по распоряженію Ивана Матвѣича, совершилось перемѣщеніе: въ ея комнату перенесли его мебель и книги, а кабинетъ его обратили въ спальню. На вопросъ Натальи Григорьевны: зачѣмъ это? она отвѣчала: «ваша спальня удобнѣе для моихъ занятій», и такъ постыливо поглядѣла на нее, что она невольно потупилась. Съ грустными чувствами оставила она комнату, въ стѣнахъ которой стояло нѣтъ выжженных тосливо и одиноко, — оставила тогда, когда пріятно было бы жить въ ней! Но ее не только отняли, но даже заперли на ключъ, когда ушелъ изъ дому Иванъ Матвѣичъ.

Горничная явилась прибирать новое жилище своей госпожи и таинственно сказала:

— Вы не извольте плакать при нашей кухаркѣ: она наущница. Какъ только сосѣди пріѣхали, она-съ успѣла съ ихней нянькой напоятаться, а потомъ все что-то бириню тараторила. Онъ приказалъ ей узнать, дома ли ихній...

И, замѣтивъ ужасъ, изображавшійся на лицѣ Натальи Григорьевны, она успѣшно прибавила:

— Ихъ нѣтъ дома. Иванъ Матвѣичъ изволикъ сидѣть съ Варварой Васильевной... Ужъ грѣхъ ей было такъ обходиться съ вами за всѣ ваши безпокойства о дѣткахъ.

Наталя Григорьевна не могла удержаться и спросила ее дрожащимъ голосомъ, краснѣя и не глядя:

— Дѣти здоровы.... а Павелъ Алексѣичъ здоровъ?

— На ногахъ-съ. Ужаси какъ вѣдъ жалкость людей: такой худой, блѣдный, знаете, крохи въ ротъ не возьметъ въ цѣлый день и все сидитъ одинъ въ кабинетѣ. Никакъ говоритъ, что на дѣтей и не глядѣть!

Наталя Григорьевна испугалась болѣе ея горничной и даже приназаніе скорѣе прибратъ въ комнату, но горничная продохнула свое:

— Да какъ имъ не жалѣть такого барина: овецка! Боятся всѣ въ домѣ, чтобъ грѣха какого не случилось!

Наталя Григорьевна пугливо спросила:

— Какого грѣха?

— Да какъ-съ. Я вотъ жила у часового мастера: тоже съ женой все не ладили. Онъ, знаете, сталъ задумываться да опечаливаться, одинъ да одинъ при своихъ мысляхъ. А сталъ браться, да какъ себя царапъ!

И горничная, при послѣднемъ словѣ, такой сдѣлала жестъ рукой по горлу, что Наталя Григорьевна вскрикнула и поблѣднѣла; но рассказчица не удовольствовалась эффектомъ и повторила жестъ, прибавивъ:

— Такъ-таки и зарѣзался, оставилъ съ голоду умирать жену и дѣтей.

Наталя Григорьевна не въ состояніи была долѣ слушать страшную рассказчицу. Ужасная картина смерти часового мастера отчетливо рисовалась ей въ каждомъ темномъ углу комнаты.

Послѣ продолжительной бесѣды съ госпожей Брусковой, Иванъ Матвѣвичъ возвратился домой до того мраченъ и грозенъ, что прислуга въ домѣ, неизвѣстно почему, заходила на цыпочкахъ и заговорила шепотомъ. Наталя же Григорьевна чувствовала безотчетный страхъ вдвое сильнѣе прежняго: какъ будто она стоитъ на землѣ, колеблющейся подъ ногами, и слышитъ глухіе подземные раскаты грома. Предчувствіе не обмануло ее. Въ настоящемъ своемъ положеніи она не могла услышать ужаснѣе того извѣстія, которое сообщилъ ей Иванъ Матвѣвичъ:

— Вамъ должно ѣхать въ Москву навѣстить вашихъ родныхъ. Билетъ взять. Вы ѣдете завтра.

Наталя Григорьевна такъ была далека отъ мыслей оставить Петербургъ, что невольно вырвались у ней слова, полныя ужаса:

— Такъ скоро!

— Вамъ, кажется, не хочется ѣхать къ роднымъ? Неужели вы забыли всѣ свои обязанности? Позвольте мнѣ вамъ напомнить ихъ и приказать ѣхать безъ всякихъ слезъ и сценъ! И онъ ушелъ въ свой кабинетъ.

По уходѣ его она долго сидѣла неподвижно, какъ будто туманъ заволокъ ей глаза.... Богъ знаетъ почему, живо припом-

видя ей первый день пребывания на дачѣ — новѣло на душу тѣмъ отраднымъ чувствомъ, которое испытывала она, гуляя, послѣ пятилѣтняго затворничества, въ дѣюу. Такъ ясно, весело кругомъ ! Но вотъ набѣжала туча, солнце скрылось, слышны вурлявые, жалобные крики птичекъ ; вѣтеръ вробѣжалъ по листьямъ деревьевъ, темнота усладлась... сердце болязненно сжимается! Поднялся вихоръ, съ пронзительнымъ свѣтомъ крутящій все, что ни попадетсѣ. Вотъ она теряетъ силы противитьсѣ ему ; онъ уноситъ ее какъ листочъ съ дерева въ безпредѣльную пустоту. Наконецъ она неборола его... ощущиваетъ ногой землю, — нога скользитъ въ вренъсѣ. Мрачъ и холетъ кругомъ!

Появленіе горничной съ чемоданомъ привело въ сознаніе Наталью Григорьевну. Собрала свои мысля, она долго писала. Это было письмо къ Брускову, которое, впрочемъ, вышло очень краткое : оно состояло въ просьбахъ помнить обязанности отца и забыть все остальное. О себѣ она не упоминала ни слова.

Горничная покоса поглядывала на свою госпожу, укладывая въ чемоданъ бѣлье, и когда барыня запечатала письмо, она сказала :

— Служили, служили всѣмъ сердцемъ вамъ и Ивану Матрѣичу, а вѣтъ вы насѣ теперь и оставите, да еще такъ круто : не успеешь мѣста прѣискать ; надо тратиться на квартиру. Вѣдь, знаете ли ? и барыня видно не думаетъ больше жечь въ Петербургѣ. Онъ приказалъ дворнику завтра же билетъ прѣбить, что квартира передается за отѣздомъ, а намъ съ кухаркой скавалъ : «готовытеся елатъ все счетомъ.»

Вместо отвѣта Наталья Григорьевна поспѣшно подала ей письмо, чуть слышно скавала : «отдай Павлу Алдѣевичу» и выбѣжала въ залу съ такимъ смущеннымъ и блѣднымъ лицомъ, какъ будто она совершила преступленіе.

Горничная говорила ей вслѣдъ : — Будьте покойны ; а вотъ жила.... Но барыня не слыхала ее. Черезъ нѣсколько минутъ горничная явилась въ залу съ платьемъ въ рукахъ :

— Прикажете ли вы укладывать ? Извольте взглянуть : рукава-то всѣ истерлись.

— Возьмъ себѣ, нетерпѣливо отвѣчала Наталья Григорьевна.

— Я за васѣ буду Богу молить, ужъ пожалуйте еще вашу маутидечку. Вамъ она не дорога, а служащему человеку гдѣ

такую купить, утѣшно глядя на свою тоскожу, кивнула горничная.

Послѣдняя ночь Натальи Григорьевны въ Петербургѣ очень походила на первую. Она чувствовала тотъ же ужасъ, ту же отчаянную тоску; только въ одномъ была разница: въ самой себѣ она уже не находила силъ и готовности утѣшаться какими нибудь надеждами въ будущемъ. Ея петербургская жизнь казалась ей сновидѣниемъ, какъ будто она легла спать ребенкомъ, а проснулась женщиной, успѣвшей многое испытать. Съ каждымъ часомъ, приближавшимъ ее къ отъѣзду, она какъ бы перерождалась. Вчера еще такая-то мысль ее пугала, такая-то вещь казалась ей бѣлою, а сегодня — все измѣнилось и получило новый смыслъ и новый цвѣтъ въ глазахъ Натальи Григорьевны! Этотъ переломъ совершился такъ быстро и сознательно, что она, вставъ утромъ, прежде всего подошла къ зеркалу, чтобъ посмотреть на себя. Она удивилась спокойному выраженію своего лица, и ей невольно подумалось, что будь у ней черные волосы, они посѣдѣли бы отъ всего, что переработала ее голова въ эту ночь. Дѣйствительно, перемена была такъ поразительна, что не ускользнула даже отъ Ивана Матвѣича, пришедшаго спросить жену, все ли готово у ней къ отъѣзду. Спокойное выраженіе ея лица видимо его удивило, а твердый голосъ, какимъ она произнесла:

«Я давно готова исполнить ваше приказаніе» — заставилъ его пытливо оглядѣться кругомъ: онъ какъ будто искалъ разгадки.

— Что вы скажете вашимъ роднымъ на ихъ вопросы? мрачно спросилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Какъ что?

— Надо же сказать резонъ, почему вы пріѣхали неожиданно и одиѣ! воскликнулъ онъ, разсерженный спокойствіемъ жены.

— Я думаю, правду будетъ проще всего сказать.

— Вы думаете? нѣтъ, она не будетъ умѣтна. Я прошу васъ не говорить ея, и надѣюсь, вамъ легко будетъ исполнить мою просьбу.

— Нѣтъ! я рѣшилась сказать правду! гордо отвѣчала Наталья Григорьева.

Иванъ Матвѣичъ весь посинѣлъ, долго кашлялъ и потомъ уже сталъ говорить, дѣлая такія ударенія на каждое слово, какъ будто онъ былъ кузнецъ, ударяющій молотомъ по наковальнѣ:

— Извольте передать отъ меня вашимъ роднымъ, что я прислалъ васъ съ ними повидаться, что я скоро самъ буду въ Москву, возьму васъ, и мы уѣдемъ въ провинцію. Моего теперешняго жалованья мнѣ недостаточно содержать два дома. Слышите ли? Я хотѣлъ скрыть отъ васъ печальное положеніе вашихъ родныхъ. Но вы сами вызвали.... Отецъ вашъ....

— Онъ умеръ! глухо провзнесла Наталья Григорьевна.

— Успокойтесь: онъ живъ, но, по слабости зрѣнія, лишился мѣста, а съ нимъ и средствъ не только къ воспитанію, но и къ пропитанію вашихъ сестеръ и братьевъ....

И долго еще описывалъ Иванъ Матвѣичъ жалкое положеніе родныхъ своей жены. Съ каждымъ его словомъ лицо Натальи Григорьевны теряло гордо-спокойное выраженіе и наконецъ снова приняло выраженіе убитое и покорное.

Черезъ недѣлю въ пустой квартирѣ Натальи Григорьевны съ шумомъ бѣгали маленькіе Брускowy. Варвара Васильевна распорядилась какъ хозяйка: она оставила квартиру за собой, для Анны Ивановны, которая, овдовѣвъ, перебиралась въ Петербургъ на постоянное жительство.

ЭПИЛОГЪ.

Елена Александровна, съ переѣзда въ городъ, или, точнѣе, со сцены въ бесѣдкѣ, не видала ни Брускова, ни его домашнихъ, и еслибъ не Борисъ Ѳедорычъ, отъ праздности выискивавшій къ кому бы зайти, лишь бы не дома просидѣть вечеръ, то она не знала бы ничего о дальнѣйшей судьбѣ своихъ старыхъ знакомыхъ. Разказы, приносимые оттуда Борисомъ Ѳедорычемъ, были исполнены ироніи и негодованія, которое особенно разрѣшалось надъ внѣшней обстановкой жизни Брускова, — обстановкой и прежде непривлекательной, а съ переселеніемъ Анны Ивановны ставшей еще пошлѣе. Претензіи свѣтскости, внесенныя ею въ безпорядочное хозяйство и въ образъ жизни Варвары Васильевны, только повели къ новымъ расходамъ, и Брусковъ окончательно превратился въ жалкаго труженика. Визавъ увѣщаніямъ тетки, Варвара Васильевна начала являться и выѣзжать на вечера. Постояннымъ кавалеромъ ихъ былъ Валентинъ Петровичъ, рѣшившійся вновь появиться на Невскомъ проспектѣ; Брускову было некогда: онъ работалъ. Впрочемъ, разказы Бориса Ѳедорыча не ограничивались одной внѣшностью. Онъ иногда говаривалъ своей женѣ:

— И вообрази, Элень, Брусковъ доволенъ; онъ и самъ, кажется, считаетъ Анну Ивановну образцомъ свѣтскости. Печальное арѣлище! отъ всего отсталъ, ничего не читаетъ, ни зачѣмъ не слѣдить! корпитъ цѣлый день надъ бумагами, а въ свободное время играетъ въ карты; въ воскресенье филдстеромъ идетъ гулять съ женой, съ теткой, съ дѣтьми. А если бы ты видѣла, какъ одѣтъ: право, совѣстно съ нимъ кланяться! Вотъ до чего дошелъ твой идеалъ! не безъ ироніи замѣчалъ Борисъ Ѳедорычъ.

— Не торопись торжествовать, замѣчала Элень: — его пошлость имѣетъ оправданіе: въ ней можно найти человѣческую сторону. Неужели ты думаешь, нужно много энергіи, чтобъ слѣдить за модой, прилично одѣваться, читать? Ему стоило только

лишить семейство необходимыхъ удобствъ. Не тѣмъ онъ жалокъ, что не похожъ на твоего друга Пестужева, а тѣмъ, что погубилъ способности, которыми могъ быть полезенъ не одному своему семейству. Но каковъ онъ ни есть, ничье счастье имъ не подавлено, и кругомъ себя онъ не слышитъ ничего ропота!

Выслушавъ сужденіе Эзель, Борисъ Федорычъ только пожалъ плечами: въ его лицѣ выразилось сожалѣніе. Онъ думалъ: «вотъ уже до чего дошла она... странный, странный характеръ!» Нужно замѣтить, что жизнь, какую онъ велъ, давала видные плоды: его понятія быстро съуживались и тупѣли.

Преѣздивъ черезъ Москву, Елена Александровна навѣстила Ирину Андреевну и подивилась искусству, съ какими всемірная маман сохранилась сама и сохранила свои привычки. Эзель нашла ее въ гостиниѣ, окруженную гостями; тотчасъ же явились сиротки — сестры Натальи Григорьевны, какъ потомъ оказалось. На вопросъ о самой Натальѣ Григорьевнѣ, Ирина Андреевна съ улыбкою отвѣчала:

— Пишетъ: такъ счастлива своей провинціальной жизнью, что другой не желаетъ. Она вѣдь, другъ мой Ляночка, не очень любила нашу сѣверь: ей холодно было жить съ нами. Въ провинціи ее обласкали. Иванъ Матвѣичъ прекрасное мѣсто имѣетъ, балуетъ ее, вѣчется и о родныхъ... рѣдкій человекъ! Вотъ бы далъ Богъ иъ также пристроить! она указала на сиротъ и прибавила, обращаясь къ гостямъ: — я вамъ говорю, что мои воспитанницы, которыхъ я выдала, такъ счастливы, такъ счастливы... да вотъ вамъ живей прѣлѣръ, спросите. Не правда ли, Ляночка?...

Эзель промолчала, но при прощаньи съ грустью поцаловала сиротокъ, счастье которыхъ будетъ устроено ихъ общими маманъ.

Продолжая свое путешествіе въ почтовой каретѣ, Елена Александровна, въ одномъ городѣ, пошла пѣшкомъ впередъ, пока передрягади лошадей. Мѣстоположеніе города было унылое: плоско, совершенно лишено зелени, кругомъ извѣстково-песчаный грунтъ, съ мелкими камешками, а ця въ которую сторону не видно ему конца! На самомъ вѣсадѣ, словно отчужденный, отаѣльно стоялъ темно-сѣрый домикъ, съ черепичной кровлей. Окна маленькія и выглядывали изъ подъ павѣсы кровли, словно недобрые глаза цѣя подлобья. Рамы были старинныя, съ мелкими зеленовато-желтыми стеклами. Напротивъ дома ганулось низкое и длинное кирпичное красное зданіе, съ рѣзчатчатыми желѣзными отдушницами. Кругомъ ни клочка зелени; только одно дерево, Богъ знаетъ какихъ усидій стоццашее мѣстной почвѣ, чахлая сосна, съ наклоненными сучьями. Элень невольно пожалѣла о тѣхъ, кому суждено жить въ такомъ мрачномъ и такъ уныло обставленномъ домѣ. Заглядывая въ его раскрытыя окна, она также не нашла ничего отраднаго; даже и живой души не замѣчалось въ немъ. Но вотъ въ самомъ крайнемъ окнѣ видна женщина, сидящая съ наклоненной надъ работою головой. Можетъ быть, тѣнь Елены Александровны увидла на щитѣ; обитательница домика дугливо подняла глаза, и обѣ женщины радостно вскрикнули. Элень увидла Наталью Григорьевну, которая, не вѣря глазамъ своимъ, спросила ее:

— Какъ попали вы сюда?

Элень повѣщивно рассказала.

Не успѣли они обмѣняться пустыми вопросами, какъ послышался звукъ трубы кондуктора.

— Боже мой, намъ не дадутъ сказать двухъ словъ, чуть не плача, провзнесла Элень. — Вы постоянно здѣсь живете? какое здѣсь общество? спросила она.

— Я никого не вижу, отвѣчала Наталья Григорьевна.

— Выписываете ли вы хоть книги?

Звукъ трубы раздался надъ самымъ ухомъ Элень, карета остановилась у оконъ. Наталья Григорьевна пугливо схватила руку Элень, — обѣ женщины какъ будто лишились способности говорить и смотрѣли на кондуктора, ловко раскрывшаго дверцы, какъ на какое нибудь чудовище. Наконецъ Элень поцаловала оторопѣвшую Наталью Григорьевну и печально сказала:

— Наша неожиданная встрѣча — какъ будто насмѣшка судьбы...

— О, повѣрьте! въ моей жизни и эта встрѣча принесетъ много отрады!

Снова загремѣла труба, подъ звуки которой еще разъ поцеловались онѣ. Элень сѣла на свое мѣсто и кланялась. Наталья Григорьевна, вся вспыхнувъ, торопливо спросила ее:

— Что Павелъ Алексѣичъ?

— Занимается воспитаніемъ дѣтей, кажется, счастливъ! Варвара Васильевна....

Послѣднія слова заглушены были новымъ звукомъ трубы и топотомъ лошадей. Элень оглядывалась на Наталью Григорьевну и дѣлала ей прощальные знаки. Но ей не отвѣчала Наталья Григорьевна, торопливо касаясь рукой глазъ.

Нужно ли прибавлять что нибудь о Нестужевѣ, о Борисѣ Федорычѣ? Какъ они жили, такъ живутъ и будутъ жить, еслибъ существованіе ихъ прдлжлось тысячелѣтія: очень пріятно для себя, бесплодно для другихъ.

И. СТАНИЦКАЯ.

КОНЕЦЪ.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА XII.

НА СТРАЖЪ.

Немалое въ Линкольншайръ прекратилось наконецъ и Чесни-Воулдъ какъ будто нѣсколько ожилъ. Мистриссъ Ронсвелъ обременена гостепріимными заботами: сэръ Лэйстеръ и миледи должны на дняхъ возвратиться изъ Парижа. Фешенебельная газета уже узнала объ этомъ и сообщаетъ радостныя вѣсти омраченной Англии. Она узнала также, что сэръ Лэйстеръ и миледи соберутъ въ своей древней, гостепріимной фамиліальной линкольншайрской резиденціи блистательный и отличный кругъ *élite* изъ *beau monde* (фешенебельная газета, какъ всѣмъ извѣстно, весьма слаба въ англійскомъ діалектѣ, но зато гигантски сильна во французскомъ).

Для оказанія болѣе чести блистательному и отличнѣйшему кругу, а равнымъ образомъ и самому помѣстью Чесни-Воулдъ, разрушенный мостъ въ паркѣ исправленъ, и вода, вступившая теперь въ надлежащіе предѣлы, картинно въ нихъ колышется и придаетъ особенную прелесть всему ландшафту, видимому изъ оконъ гос-

подскаго дома. Свѣтлые, но холодные лучи солнца проглядываютъ сквозь чашу хрупкаго лѣса и награждаютъ улыбкой одобренія рѣзкій вѣтерокъ, развѣвующій поблекшіе листья и осушающій мохъ. Они скользятъ по всему парку, гоняясь за тѣнью облаковъ, какъ будто ловятъ ихъ и никогда не настигаютъ. Они заглядываютъ въ окна господскаго дома, бросая на дѣдовскіе портреты темныя полосы и пятна яркаго свѣта, о которыхъ живописцы и не помышляли. На портретъ миледи они бросаютъ ломаную полосу свѣта, которая какъ молнія спускается въ каминъ и, по видимому, хочетъ раздробить его въ дребезги.

Подъ тѣми же свѣтлыми, но негрѣющими лучами солнца и при томъ же рѣзкомъ вѣтеркѣ миледи и сэръ Лэйстеръ возвращаются въ отечество въ своей дорожной возницѣ (позади которой въ приятной бесѣдѣ сидятъ горничная миледи и камердинеръ милорда). Съ весьма значительнымъ запасомъ брляченна, хлопчатна бичемъ и множества другихъ побудительныхъ мѣръ и увѣщаній со стороны двухъ безсѣдельныхъ коней съ развѣвающимися гривами и хвостами, и двухъ центавровъ въ лакированныхъ шляпахъ и въ ботфортахъ, путешественники выѣзжаютъ изъ Отела Бристоля на Вандомской площади, мчатся между колоннами улицы де-Риволи, испещренной полосами свѣта и тѣни, къ площади Конкордъ, въ Елисейскія Поля, къ воротамъ Звѣзды и наконецъ за шлагбаумъ Парижа.

Правду надобно сказать, путешественники наши не могутъ ѣхать слишкомъ быстро, потому что миледи Дэдлокъ даже и здѣсь соскучилась до смерти. Концерты, собранія, опера, театры, поѣздки—ничто не ново для миледи подъ этимъ устарѣлымъ небомъ. Не далѣе, какъ въ прошлое воскресенье, когда бѣднати въ Парижѣ веселились, играя съ дѣтми между подстриженными деревьями и ираническими статуями Дворцоваго Сада, или гуляли въ Елисейскихъ Поляхъ и мвлекали элзвiumъ изъ фокусовъ ученыхъ собакъ и качелей на деревянныхъ лошадакахъ, или за городомъ, окружа Парижъ танцами, влюблялись, пили вино, курили табакъ, бродили по кладбищамъ, играли на бильярдѣ, въ карты, въ домино, поддавались обману шарлатановъ и другимъ соблазнительнымъ пританнамъ, одушевленнымъ и неодушевленнымъ, — не далѣе, какъ въ прошедшее воскресенье, миледи, подъ влияніемъ неисконной скуки и въ портѣхъ гиганта отчаяніа, почти возненавидѣла свою горничную, за то, что она находилась въ веселомъ расположеніи дуа.

Миледи, слѣдовательно, невозможно слишкомъ быстро удалиться отъ Парижа. Неисконная скука ожидаетъ ее впереди, точно такъ же, какъ остается позади. Одно только, что невѣрное; средоточіе не-

башни съ стужи : это — бѣжать отъ того мѣста, гдѣ пришлось испытать ее. Такъ неясная же Паризъ въ туманной дымѣ и пусть новыя сцены, новыя и безконечныя аллеи, пересѣкаемыя дружными аллеями обнаженными деревьями, заступаютъ твое мѣсто! И когда придется еще разъ взглянуть на тебя, то отойдешь за нѣсколько миль, пусть ворота Звѣзды покажутся бѣленькимъ патрикюмъ, озареннымъ яркими лучами солнца, пусть самый городъ представится безконечной стѣной на безпредѣльной равнинѣ и двѣ темныя четырехугольныя башни пусть высятся надъ нимъ какъ нѣкіе гиганты.

Сэръ Лейстеръ почти восторженно находится въ приливномъ расположеніи духа; онъ не знаетъ, что такое скука. Когда нѣтъ у него другаго занятія, онъ занимается созерцаніемъ своего собственнаго величія. Мысль таковой неискажаемый источникъ для своего размеченія — это весьма важная выгода для человѣка. Прочитавъ полученныя письма, онъ разваливается въ уголь кареты и, по обыкновенію, начинаешь соображать, какую важную роль суждено ему раздѣлывать въ обществѣ.

— У васъ сегодня необыкновенно много писемъ? говоритъ миледи послѣ продолжительнаго молчанія.

Чтеніе утомило ее. На пространствѣ двадцати миль она съ трудомъ прочитала страницу.

— Да, очень много, но ни одного интереснаго.

— Въ чемъ же икъ, кажется, есть одно изъ предлинныхъ посланій мастера Толкикорна?

— Отъ васъ ничто не можетъ скрыться, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ съ нѣмелымъ восхищеніемъ.

Миледи вздыхаетъ.

— Это неспособнѣйшій изъ людей, замѣчаетъ она.

— Онъ посылаетъ... извините, миледи, я совсѣмъ было забылъ... онъ посылаетъ и вамъ нѣсколько словъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, выбирая письмо и раскрывая его. — Съ этими смѣнами лошадей я совсѣмъ было забылъ о его припискѣ. Извините, миледи. Онъ пишетъ (сэръ Лейстеръ такъ медленно вынимаетъ очки, такъ молчаливо надѣваетъ ихъ, что миледи начинаетъ обнаруживать раздражительность)... онъ пишетъ... «касательно спернаго дѣла о троникѣ...» Ахъ, извините, миледи, я совсѣмъ не то читаю. Онъ пишетъ... да! вотъ оно! Онъ пишетъ: «свидѣтельству гарбочайныя мѣненіе миледи; надѣюсь, что перемена мѣста благотворно повліяетъ на ихъ здоровье. Сдѣлайте одолженіе, сэръ, передайте миледи (быть можетъ, это ихъ интересуетъ), что, по возвращеніи вѣннамъ, я имѣю нѣчто сообщить имъ касательно лица, пере-

писывавшаго объясненія по извѣстному вамъ процессу, почеркъ котораго такъ сильно возбудилъ любопытство миледи. На дняхъ я видѣлъ его.»

Миледи, нагнувшись нѣсколько впередъ, смотритъ въ окно.

— Приписка мистера Толкинхорна этимъ кончается, замѣчаетъ сэръ Лэйстеръ.

— Я бы хотѣла пройтись немного, говоритъ миледи, продолжая смотрѣть въ окно.

— Пройтись? повторяетъ сэръ Лэйстеръ съ удивленіемъ.

— Я бы хотѣла пройтись немного, говоритъ миледи съ большою опредѣлительностью: — велите остановиться.

Карета останавливается; услужливый камердинеръ соскакиваетъ съ запятокъ, отворяетъ дверцы и откидываетъ ступеньки, повиная нетерпѣливому движенію руки миледи. Миледи такъ быстро выпрыгиваетъ изъ кареты и такъ быстро идетъ по дорогѣ, что сэръ Лэйстеръ, при всей своей вѣжливости, не успѣваетъ предложить ей услуги и остается позади. Однакожь, спустя минуты двѣ, онъ ее нагоняетъ. Миледи улыбается, кажется такой хорошенькой, беретъ руку милорда, идетъ съ нимъ вмѣстѣ съ четверть мили, скушаетъ и наконецъ снова садится въ карету.

Стукъ и трескъ продолжаютъ большую часть трехъ дней, съ большимъ или меньшимъ брячаньемъ звонковъ, хлопаньемъ бичей и съ большими или меньшими увѣщаніями и проявленіями бодрости со стороны центавровъ и безсѣдельныхъ лошадей. Любезная вѣжливость со стороны супруговъ, въ гостинницахъ, гдѣ они останавливаются, служитъ предметомъ всеобщаго восхищенія. «Хотя милордъ немножко и старенецъ для миледи — говоритъ содержательница гостинницы «Золотая Обезьяна» — и хотя на видъ онъ годится ей въ отцы, но нельзя не замѣтить съ перваго взгляда, что они нѣжно любятъ другъ друга. Посмотрите, какъ милордъ, съ сѣдой какъ лунь и непокрытой головой, помогаетъ миледи выйти изъ кареты и войти въ нее. Посмотрите, какъ миледи признаетъ всю вѣжливость милорда, отвѣчая ему легкимъ наклоненіемъ своей премиленькой головки и пожатіемъ своими нѣжными пальчиками. Ну, право, это восхитительно!»

Одно только море не умѣетъ цѣнить вполнѣ великихъ людей и безъ зазрѣнія совѣсти распоряжается ими по своему. Сэръ Лэйстеръ не привыкъ бороться съ капризами этой стихіи, а вслѣдствіе этого она покрываетъ лицо его, на манеръ шалфейнаго сыра, зелеными пятнами и во всей его аристократической системѣ производитъ удивительно-жалкій переворотъ. Но, несмотря на то, со вступленіемъ на берегъ достоинство милорда одерживаетъ совершенную

надъ моремъ побѣду, и онъ, торжествующій, спѣшитъ съ миледи въ Чесни-Воудъ, отдохнувъ одну только ночь въ Лондонѣ, ито потому, что это случилось по дорогѣ въ Линкольншайръ.

Подъ тѣми же свѣтлыми, но холодными лучами солнца, тѣмъ болѣе холодными, что день уже вечерѣетъ, при томъ же рѣзкомъ вѣтеркѣ, и тѣмъ болѣе рѣзкомъ, что отдѣльныя тѣни обнаженныхъ деревьевъ сливаются въ одну длинную тѣнь, и когда Площадка Замогильнаго Призрака, озаренная съ западнаго угла огненнымъ заревомъ отъ заходящаго солнца, прикрывается ночной темнотой, миледи и сэръ Лэйстеръ вѣзжаютъ въ паркъ. Грачи, качаясь въ своихъ висячихъ домахъ, свитыхъ на верхушкахъ вязовой аллеи, по видимому, рѣшаютъ вопросъ о томъ, кто сидитъ въ каретѣ, проѣзжающей подъ ними. Нѣкоторые утверждаютъ, что сэръ Лэйстеръ и миледи возвращаются изъ заграничнаго путешествія, другіе отрицаютъ это; то вдругъ всѣ они замолчатъ, какъ будто несогласіе между ними устранилось и вопросъ окончательно рѣшенъ, то вдругъ всѣ закаркаютъ, какъ будто снова вступая въ жаркій споръ, возбужденный однимъ упорнымъ и соннымъ грачѣмъ, который ни на шагъ не хочетъ отступить отъ своего мнѣнія. Предоставляя имъ качаться и каркать, карета между тѣмъ катится впередъ къ подъѣзду господскаго дома, изъ немногихъ оконъ котораго вырывается свѣтъ зажженныхъ огоньковъ, — не такой, однако же, яркій, чтобы придать обитаемый видъ мрачной массѣ лицевого фасада. Впрочемъ, блистательный и отличный кругъ избранныхъ гостей въ скоромъ времени пріѣздомъ своимъ совершенно оживитъ это унылое мѣсто.

Мистриссъ Ронсвелъ встрѣчаетъ пріѣзжихъ и съ чувствомъ глубокаго уваженія и весьма низкимъ книксеномъ принимаетъ обычное пожатіе руки сэра Лэйстера.

— Ну что, какъ вы поживаете, мистриссъ Ронсвелъ? Я очень радъ, что вижу васъ.

— Надѣюсь, сэръ Лэйстеръ, что я имѣю счастье встрѣчать васъ въ добромъ здоровьи?

— Въ отличномъ здоровьи, мистриссъ Ронсвелъ.

— Миледи кажется очаровательно прекрасною, говоритъ мистриссъ Ронсвелъ, дѣлая другой реверансъ.

Миледи безъ значительной растраты словъ замѣчаетъ, что здоровье ея въ такомъ томительномъ состояніи, какое, по ея мнѣнію, останется навсегда.

Между тѣмъ Роза въ отдаленіи стоитъ позади ключницы; и миледи, не подчинившая еще быстроту своей наблюдательности, вмѣ-

отъ съ другими способностями души, холодному равнодушію, спрашиваетъ :

— Что это за дѣвочка?

— Это моя ученица, миледи. Зовутъ ее Роза.

— Поди сюда, Роза! говоритъ леди Дэдлокъ, съ видомъ гнѣвнѣе стараго учителя. — Знаешь ли, дитя мое, какъ ты хороша? говоритъ она, слегка касаясь ея плеча двумя пальчиками.

— Нѣтъ, миледи, не знаю, отвѣчаетъ Роза и, въ крайней застенчивости, смотритъ въверхъ, смотритъ внизъ, наконецъ совершенно не знаетъ, куда ей смотрѣть, и болѣе прежняго кажется хорошею.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятнадцать, миледи.

— Девятнадцать? повторяетъ леди Дэдлокъ съ задумчивымъ видомъ. — Берегись, дитя мое, чтобы лезть не испортила тебя.

— Слушаю, миледи.

Миледи слегка прикасается своими нѣжными, затенутыми въ перчатку, пальчиками къ нуховенькой, съ ямочкою, щечкѣ Розы и идетъ она площадку широкой дубовой лѣстницы, гдѣ саръ Лейсторъ съ рыцарскою нѣжливостію ожидаетъ ее. Старый Дэдлокъ, нерискованный во всею ростъ, смотритъ на нихъ выпуча глаза, какъ будто онъ не знаетъ, чтѣ ему дѣлать. Надобно полагать, что это состояніе было для него весьма обыкновеннымъ во времена королевы Елизаветы.

Въ этотъ вечеръ, въ комнатѣ ключницы, Роза ничего больше не дѣлаетъ, какъ только твердить похвалы миледи. Миледи такъ ласкова, такъ прекрасна, такъ добра, такъ деликатна; у нея такой нѣжный полесъ, и такъ горячо ея прикосновеніе, что Роза до сихъ поръ чувствуетъ его! Мистриссъ Ронсвелъ подтверждаетъ все это, не безъ нѣкотораго сознанія собственнаго своего достоинства, не соглашаясь съ Розой только въ одномъ, что миледи ласкова. Въ этомъ мистриссъ Ронсвелъ не сомнѣнь убѣждена. Впрочемъ, избави ее Боже сказать хоть слово въ порицаніе кого нибудь изъ членовъ такой превосходной фамиліи, особливо въ порицаніе миледи, прекрасными качествами которой восхищается весь свѣтъ; но еслибъ миледи была немножко посвободнѣе, не такъ холодна и недоступна, то мистриссъ Ронсвелъ готова допустить, что миледи была бы еще прекраснѣе.

— Почти жалко, прибавляетъ мистриссъ Ронсвелъ (только почти, потому что сказать утвердительно насчетъ желанія видѣть лучшую черепушку въ поступкахъ и дѣяніяхъ Дэдлоковъ было бы въ высшей степени преискусительнѣе): — почти жалко, что миледи не

имѣть дѣтей. Еслибъ у нея была дочь, взрослая барышня, которая бы интересовала ее, мнѣ кажется, что недостатокъ, замѣняемый въ миледи, совершенно бы исчезъ.

— Почему вы знаете, бабушка, можетъ статься, тогда миледи стала бы болѣе надменна? замѣчаетъ Ватъ, который побывалъ у нея дома и снова прѣѣхалъ къ бабушкѣ — вѣдь онъ такой добрый, почтительный внучекъ!

— *Болѣе и болѣе*, мой милый, возражаетъ бабушка, съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства: — это такія слова, употребленія которыя и слушать не въ моемъ обыкновеніи, если они служатъ къ мориданію достоинства миледи.

— Извините, бабушка. Но развѣ ова не надменна?

— Если надменна, стало быть имѣть на это свои причины. Фамилія Дэдлоковъ на все имѣетъ свои уважительныя причины.

— Конечно, конечно, бабушка, говоритъ Ватъ: — вѣроятно, и они знаютъ изъ св. писанія, что гордость и тщеславіе — смертный грѣхъ. Простите меня, бабушка. Вѣдь я сказалъ это въ шутку.

— Ну, ужъ извини, мой другъ, а надо сказать тебѣ, что сэръ Лэйстеръ и миледи не такіе люди, чтобы шутить надъ ними.

— Сэръ Лэйстеръ, конечно, такой человекъ, что шутить надъ нимъ было бы смѣшно, говоритъ Ватъ: — и я со всею покорностію прошу его прощенья. Однако, знаете ли, бабушка, я полагаю, что прѣѣздъ его сюда и съѣздъ его гостей не помѣшаютъ мнѣ пробыть денка два въ здѣшней гостинницѣ? вѣдь это дозволяется всякому путешественнику.

— Безъ сомнѣнія, не помѣшаютъ, мой другъ.

— Я очень радъ, говоритъ Ватъ: — потому что... потому что я имѣю невыразимое желаніе скорѣе ознакомиться съ здѣшними прекрасными оверстностями.

Взоры Вата случайно встрѣчаются съ Розой; Роза потупляетъ свои глазки и при этомъ очень покраснѣлась. Но, по старинному повѣрью, должны бы, кажется, разгорѣться ея ушки, а не свѣженькія пухленькія щечки, потому что въ эту минуту горничная миледи говоритъ о ней съ величайшею энергіей.

Горничная миледи французка, тридцати-двухъ лѣтъ, родомъ изъ южныхъ провинцій, лежанка между Авиньономъ и Марселемъ, большоглазая, смуглолицая женщина съ черными волосами. Она была бы хороша собой, еслибъ не этотъ кошачій рывокъ и врезавшаяся неприятная катанутьность лица, отъ которой членство одуривалась слишкомъ рѣдко и добъ казалась слишкомъ выступавшимъ. Во всемъ ея анаголическомъ составѣ было что-то неопредѣленно острое и болючее; она имѣла варивательную способность

смотрѣть во всѣ стороны, не поворачивая головы, а это придавало ея наружности еще болѣе непріятный видъ, особливо когда была она не въ духѣ и близости ножей. Несмотря на вкусъ въ ея одеждѣ и во всѣхъ ея скромныхъ украшеніяхъ, эти особенности придавали ея наружности такое выраженіе, что ее можно бы назвать очень чистенькой, но не совсѣмъ еще ручной волчицей. Кромѣ совершенства во всѣхъ свѣдѣніяхъ, приличныхъ ея званію, она, обладая совершеннымъ знаніемъ англійскаго языка, была настоящая англчанка и вслѣдствіе этого нисколько не затруднялась въ выборѣ словъ для описанія Розы, обратившей на себя вниманіе миледи. Она произноситъ эти слова, сидя за обѣдомъ, съ такой быстротой и съ такой извительностью, что ея собесѣдникъ, преданный камердинеръ милорда, чувствуетъ нѣкоторое облегченіе, когда она подноситъ ложку ко рту.

Ха, ха, ха! Ее, Гортензію, которая служитъ миледи болѣе пяти лѣтъ, всегда держали въ отдаленіи, а эту куклу, эту дрянъ ласкаютъ.... рѣшительно ласкаютъ! и когда еще? едва только миледи воротилась домой!.... Ха, ха, ха! ей говорятъ: «Знаешь ли, дитя мое, что ты очень хороша собою?» «Нѣтъ, миледи.» — Ну, конечно, гдѣ ей знать! — «Сколько тебѣ лѣтъ, дитя мое? Берегись, чтобъ лезть не испортила тебя!» О, какъ это забавно! это отлично хорошо.

Короче сказать, это такъ отлично хорошо, что мадамзель Гортензія не можетъ позабыть. Это до такой степени забавно, что нѣсколько дней сряду, за обѣдомъ, даже въ присутствіи своихъ соотечественницъ и прочихъ лицъ, занимающихъ одинаковую съ ней должность у собравшихся гостей, она безмолвно предается удовольствію насмѣшки, — удовольствію, которое выражается еще болѣею натянутостью лица, растянутостью тонкихъ сжатыхъ губъ и косвенными взглядами. Это неподражаемое расположеніе духа часто отражается въ зеркалахъ миледи, — разумѣется, когда сама миледи не смотритъ въ нихъ.

Всѣ зеркала въ домѣ приведены въ дѣйствіе, — многія изъ нихъ даже послѣ продолжительнаго отдыха. Они отражаютъ хорошенькія лица, улыбающіяся лица, молоденькія лица и лица старческія, которыя ни подъ какимъ видомъ не хотѣтъ покориться старости. Словомъ, во всѣхъ зеркалахъ отражается полная коллекція различныхъ лицъ, прибывшихъ провести недѣлю или двѣ января въ Чесин-Воудѣ, и за которыми «ешенебельная газета слѣдитъ какъ гончая собака съ хорошимъ чутьемъ; она слѣдитъ за ними отъ представленія ихъ къ Сентъ-Джемскому Двору до перехода къ вѣчности. Линкольншайрское помѣстье ожгло. Днемъ раздаются въ лѣсахъ ружейные выстрѣлы и громкіе голоса; наѣздники и экипажи ожив-

ляютъ аллеи парка; лакеи и всякаго рода челядь наполняютъ деревню и деревенскую гостиницу. Ночью, сквозь длинныя просѣвки, видѣется рядъ оконъ длинной гостиной (гдѣ надъ каминномъ виситъ портретъ миледи); онъ кажется рядомъ алмазовъ въ черной оправѣ.

Блистательный и избранный кругъ заключаетъ въ себѣ неограниченный запасъ образованія, ума, храбрости, благородства, красоты и добродѣтели. Но, несмотря на всѣ эти преимущества, въ немъ есть и маленькій недостатокъ. Какой же этотъ недостатокъ?

Неужели дэндиизмъ? Теперь уже нѣтъ болѣе (и о какая жалость!) знаменитаго Джоржа, этого моновожатаго всѣхъ дэнди; нѣтъ уже болѣе бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и накрахмаленныхъ, какъ камень, галстуховъ, нѣтъ фраковъ съ коротенькими таліями, нѣтъ фальшивыхъ икръ, нѣтъ шнуровокъ. Теперь уже нѣтъ тѣхъ извѣстныхъ дэнди, того или другого пола, которые въ театральныхъ ложахъ падали въ обморокъ отъ избытка восторга, и которыхъ другія, точно такія же нѣжныя созданія приводили въ чувство, подсовывая подъ носъ длинно-горлые флаконы со спиртомъ. Нѣтъ тѣхъ щеголей, которые употребляютъ четверыхъ лакеевъ, для того, чтобъ натянуть лосину, — которые съ удовольствіемъ смотрятъ на казнь, но переносятъ угрызеніе совѣсти за то, что проглотили горошину. Неужели въ этомъ блистательномъ и избранномъ кругу существуетъ дэндиизмъ, — дэндиизмъ, имѣющій болѣе зловредное направленіе, — дэндиизмъ, который опустился ниже своего уровня, который занимается болѣе невинными предметами, чѣмъ крахмаленье галстуховъ и перетяжка талій, препятствующая свободному пищеваренію, — дэндиизмъ, который въ болѣе или меньшей степени приравнивается къ людямъ здравомыслящимъ?

Да, существуетъ. Его невозможно скрыть. Въ теченіе этой январской недѣли въ Чесни-Воулдъ нѣкоторые леди и джентльмены новѣйшаго фешенебельнаго тона обнаружили рѣшительный дэндиизмъ, въ различныхъ предметахъ. Эти джентльмены и леди, по свойственной имъ неспособности находить пріятныя развлеченія, рѣшились открыть маленькую бесѣду о томъ, что простой классъ народа не имѣетъ своего собственнаго убѣжденія, не имѣетъ вѣры въ обширномъ значеніи этого слова, какъ будто на убѣжденіе простолюдина непременно должны дѣйствовать одни только высшія чувства, какъ будто простолюдинъ тогда только убѣдится въ фальшивой монетѣ, когда изъ подъ верхней его оболочки будетъ проглядывать грубый металлъ!

Въ Чесни-Воулдъ находятся леди и джентльмены другого фешенебельнаго тона, не столь новаго, но очень элегантнаго, которые рѣ-

нельзя предавать бласкъ всему міру и держать подъ спудомъ всё это прубыи существности, для которыхъ каждый предметъ имеетъ лишь одну только прекрасную сторону, которую открыли не общіе движеніе, не вѣчную основу къ развитію всего прекраснаго, которые сами не знаютъ, чему нужно радоваться и о чемъ удивляться, которые не утруждаютъ себя размышленіями, для которыхъ все живое должно прикрываться костюмами нравственности, должно оставить себѣ въ непреклонную обязанность основывая неподвижно на одномъ мѣстѣ и опираться на принимающій вѣнечный столбцаго столба.

Тамъ, наиримѣръ, находится императоръ Будъ, человекъ съ значительными вѣсомъ въ своей партіи, человекъ, которому известно, что значитъ официальная должностъ, и который съ большою важностію сообщаетъ сэру Лейстеру Дэдлоу, послѣ объѣда, что онъ рѣшительно не можетъ поступить, къ чему стремится вышнній двѣкъ. Парламентскія пренія съ вышннихъ времена не то, что было старину; Нижній Парламентъ со вѣмъ не то, что прежде, и даже самый Кабинетъ со вѣмъ не то, чѣмъ было ему слѣдовало быть. Съ крайнимъ изумленіемъ онъ замѣчаетъ, что, допустивъ паденіе вышнняго министерства, выборъ правительства падеть непременно или на лорда Кудля, или на сэра Томаса Дудля, но падеть, конечно, въ такомъ случаѣ, если герцогъ Фудль не будетъ дѣйствовать за одно съ Гудлемъ; а такое предположеніе можно допустить вслѣдствіе разрыва между этими джентльменами по поводу несчастнаго происшествія съ Нудлемъ. Съ другой стороны, вернувъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Управленіе Нижнимъ Парламентомъ Джудлю, Министерство Финансовъ Кудлю, управление колоніями Лудлю, а иностранными Мудлю, что вы станете дѣлать тогда съ Нудлемъ? Нельзя же вамъ будетъ предложить ему мѣсто преподавателя въ Совѣтѣ: это мѣсто приготовлено уже для Кудля. Нельзя его назначить управляющимъ государственными дѣлами: эта обязанностъ болѣе всего прилична Будю. Что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что отечество наше прекращаетъ крушеніе, гибнетъ, распадается на части (что совершенно очевидно для патриотизма сэра Лейстера Дэдлока), потому что никто не можетъ предоставить значительнаго мѣста Нудлю!

Между тѣмъ высокопочтеннѣйшій членъ Парламента Вудль Буффи держитъ черезъ столь горячее преніе съ другимъ высокопочтеннѣйшимъ джентльменомъ, что совершенное паденіе отечества — въ чемъ уже нѣтъ никакого сомнѣнія, хотя еще объ этомъ только говорятъ — должно приписать распоряженіямъ Кудли. Еслибъ поступили съ Кудли, какъ бы слѣдовало поступить съ нимъ

при самомъ его вступавніи въ Парламентъ, ослабъ не позволила ему перейти на сторону Дусси, тогда бы невольнымъ образомъ принудили его соединиться съ Фуэси, имѣли бы въ немъ сильнаго оратора въ защиту Гуэси, приобрѣли бы при выборахъ значіе богатства Дусси и завлекли бы въ эти выборы представителей трехъ графствъ — Куэси, Луэси и Муэси; въ добавокъ къ этому вы бы упрочили административную часть государства ессциальными свѣдѣніями и дѣятельностію Нуэси. И все это замечать, какъ намъ известно, отъ одного только каприза Пуэси!

Различіе мнѣній обнаруживается не только въ этомъ, но и въ другихъ, не менѣе важныхъ предметахъ; а между тѣмъ для блистательнаго и образованнаго круга совершенно ясно, что это различіе мнѣній происходитъ единственно изъ защиты Будля и его партіи, изъ надежіи на Буэси и его партію. Эти два лица представляютъ собою двухъ великихъ актеровъ, которымъ предоставлена обширная сцена. Безъ сомнѣнія, кромѣ ихъ были и другіе особы, но о нихъ упоминалось случайно, какъ о лицахъ замѣчательныхъ, но сверхъ-комплектныхъ, которымъ суждено было расширивать роли второстепенныхъ закулисныхъ; на сценѣ же кромѣ Будля и Буэси съ ихъ послѣдователями, семействами, наследниками, душеприказчиками, распорядителями, и учредителями, кромѣ этихъ первоклассныхъ актеровъ, этихъ колонновожатыхъ своихъ партій, отнюдь никто не смѣлъ появляться.

Вотъ въ этомъ-то, быть можетъ, находится столько дендизма въ Чесни-Воулдъ, сколько блистательный и просвѣщенный кругъ не отъищеть на всемъ своемъ протяженіи. За предѣлами самыхъ тихихъ и самыхъ деликатныхъ кружковъ, точь-въ-точь, какъ за кружкомъ некроманта, которымъ онъ очерчиваетъ себя, являются въ быстрой послѣдовательности фантастическія видѣнія, — съ тою только разницею, что здѣсь являются не призраки, но дѣйствительность, и потому можно опасаться за нарушеніе предѣловъ круга.

Какъ бы то ни было, Чесни-Воулдъ биткомъ набитъ, такъ набитъ, что въ груди каждой изъ пріѣхавшихъ горничныхъ вспыхиваетъ пламя оскорбленнаго самолюбія, потушить которое нѣтъ никакой возможности. Одна только комната пуста. Эта комната, изъ третьеклассныхъ впрочемъ, устроена въ башнѣ — просто, но комфортабельно меблирована и имѣетъ какой-то старинный дѣловой видъ. Эта комната принадлежит мистеру Толкинхорну; никто другой не смѣетъ занять ее, потому что мистеръ Толкинхорнъ можетъ пріѣхать совершенно неожиданно и имѣетъ право пріѣзжать во всякое время. Однако, онъ еще не пріѣхалъ. У него скромная привычка пройти, разумеется, въ хорошую погоду, пѣшкомъ отъ са-

мой деревни по всему парку, и такъ тихо пробраться въ эту комнату, какъ будто онъ никогда не выходилъ изъ нея, попросить челоуѣка, чтобы онъ доложилъ сэру Лэйстеру о его прїѣздѣ, на тотъ конецъ, что, быть можетъ, его желаютъ уже видѣть, и наконецъ явиться за десять минутъ до обѣда въ тѣни дверей библиотеки. Мистеръ Толкинхорнъ спитъ въ своей башенкѣ, съ скрипучимъ флюгеромъ надъ головой; вокругъ башни разстлается свинцовая крыша, на которой, въ ясное утро, можно видѣть его гуляющаго передъ завтракомъ, какъ какого нибудь ворона крупной породы.

Каждый день передъ обѣдомъ миледи поглядываетъ въ дверь библиотеки, покрытую вечернимъ сумракомъ, и не видитъ тамъ мистера Толкинхорна. Каждый день за обѣдомъ миледи поглядываетъ, нѣтъ ли пустого мѣста за столомъ, которое мистеръ Толкинхорнъ могъ бы занять немедленно по своемъ прїѣздѣ; но пустого мѣста не видать. Каждый вечеръ миледи какъ будто случайно спрашиваетъ горничную:

— Не прїѣхалъ ли мистеръ Толкинхорнъ?

И каждый вечеръ миледи получаетъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Нѣтъ еще, миледи, не прїѣхалъ.

Однажды вечеромъ, распустивъ свои волосы, миледи, послѣ обычнаго отвѣта своей горничной, углубляется въ размышленія, — какъ вдругъ, въ противоположномъ зеркалѣ, видитъ свое задумчивое личико и подлѣ него пару черныхъ глазъ, наблюдающихъ за ней со вниманіемъ и любопытствомъ.

— Будь такъ добра, говоритъ миледи, обращаясь къ отраженію лица Гортензии: — займись своимъ дѣломъ. Ты можешь любоваться своей красотой въ другое время.

— Простите, миледи! Я любовалась вашей красотой.

— Напрасно, говоритъ миледи: — это вовсе не твое дѣло.

Наконецъ, однажды вечеромъ, не задолго до захожденія солнца, когда яркія группы фигуръ, часа два оживлявшія Площадку Замогильнаго Призрака, разсѣялись и на террасѣ остались только сэръ Лэйстеръ и миледи, мистеръ Толкинхорнъ является. Онъ подходитъ къ нимъ своимъ обычнымъ методическимъ шагомъ, который не бываетъ у него ни скорѣе, ни медленнѣе. На немъ надѣта его обыкновенная, ничего не выражающая маска — если только это маска — и въ каждомъ членѣ его тѣла, въ каждой складкѣ его платья онъ носитъ фамиліальныя тайны. Преданъ ли онъ всей душой своимъ великимъ кліентамъ, или только считаетъ ихъ за людей, которымъ продаетъ свои услуги, это его собственная тайна. Онъ хранитъ ее, какъ хранитъ тайны своихъ кліентовъ; въ этомъ отношеніи онъ

считать и себя своимъ клиентомъ и ужь, разумѣется, ни подь какимъ видомъ не измѣнить себѣ.

— Какъ ваше здоровье, мистеръ Толкинхорнъ? говоритъ сэръ Лэйстеръ, протягивая ему руку.

Мистеръ Толкинхорнъ совершенно здоровъ. Сэръ Лэйстеръ тоже совершенно здоровъ и миледи также совершенно здорова. Всѣ остаются какъ нельзя болѣе довольны. Адвокатъ, закинувъ руки назадъ, прогуливается по террасѣ подлѣ сэра Лэйстера съ одной стороны; миледи идетъ съ другой.

— Мы ждали васъ раньше, замѣчаетъ сэръ Лэйстеръ.

Замѣчаніе въ высшей степени милостивое. Другими словами, это значить: «Мы помнимъ, мистеръ Толкинхорнъ, о вашемъ существованіи даже и въ то время, когда вы не напоминаете о немъ своимъ присутствіемъ. Замѣьте, сэръ, мы и на это удѣляемъ частичку нашихъ мыслей.»

Мистеръ Толкинхорнъ, вполне понимая это, дѣлаетъ низкій поклонъ и говорить, что онъ премного обязанъ.

— Я бы раньше пріѣхалъ, объясняетъ онъ: — еслибъ меня не задержали равныя дѣла по вашей тяжбѣ съ Бойторномъ.

— Это человекъ съ весьма дурно направленнымъ умомъ, съ нѣкоторою суровостію замѣчаетъ сэръ Лэйстеръ: — въ высшей степени опасный человекъ для всякаго общества... человекъ съ весьма низкимъ характеромъ.

— Онъ очень упрямъ, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ.

— Въ такомъ человекѣ эта черта весьма натуральна, возражаетъ сэръ Дэдлокъ, — а между тѣмъ самъ оказывается упрямѣйшимъ человекомъ. — Слышать такой отзывъ о немъ для меня вовсе не удивительно.

— Дѣло остановилось на томъ теперь, продолжаетъ адвокатъ: — согласны ли вы сдѣлать какую нибудь уступку?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчаетъ сэръ Лэйстеръ: — ни на волосъ. Чтобы я сдѣлалъ уступку?

— Я не говорю какую нибудь важную уступку... этого, безъ сомнѣнія, вы не позволите себѣ. Я подразумеваю подь этимъ совершенную бездѣлицу.

— Позвольте вамъ сказать, мистеръ Толкинхорнъ, возражаетъ сэръ Лэйстеръ: — между мной и мистеромъ Бойторномъ не можетъ быть бездѣлицъ. Мало этого: я долженъ замѣтить вамъ, что мнѣ трудно представить себѣ, какимъ образомъ *какое нибудь* изъ моихъ правъ можно считать за бездѣлицу. Я говорю это не столько относительно моей личности, сколько относительно той фамилии,

поддерживать и охранять достоинство которой лежит исключительно на мнѣ.

Мистеръ Толкинхорнъ вторично дѣлаетъ нѣкій поклонъ.

— Теперь я имѣю по крайней мѣрѣ руководство изъ дальнѣйшему дѣйствию, говоритъ онъ. — Боюсь, однако, что мистеръ Бойторнъ надѣлаетъ намъ много хлопотъ....

— Дѣлаетъ хлопоты, мистеръ Толкинхорнъ, въ характерѣ такихъ людей, прерываетъ сэръ Лэйстеръ. — Я уже сказалъ вамъ, что это въ высшей степени безразличный, низкій человѣкъ, — человѣкъ, котораго, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, непременно бы посадили въ тюрьму уголовныхъ преступниковъ за некое подобье разбойничьего дѣла и наказали бы жестокимъ образомъ.... ослибъ, прибавляетъ сэръ Лэйстеръ послѣ минутнаго молчанія: — ослибъ только не повѣсили, не колесовали, не четверговали его.

Сэръ Лэйстеръ, высказавъ такой жестокий приговоръ, по нѣжному, сбросилъ съ груди своей тяжелой намень; казалось, ему было бы еще легче и пріятнѣе, еслибъ приговоръ этотъ можно было привести въ исполненіе.

— Однако, начинается темнѣть, говоритъ онъ: — вѣнчелди, не жалуй, простудится. Душа моя, войдемъ въ комнаты.

Въ то время, какъ они подходятъ къ двери пріемной залы, леди Додлокъ въ первый разъ обращается къ своему адвокату.

— Вы писали мнѣ нѣсколько строчекъ касательно лица; о почеркѣ котораго я когда-то спрашивала васъ. Только вы одинъ могли припомнить это обстоятельство; сама я совершенно забыла объ этомъ. Ваше письмо напомнило мнѣ снова. Не могу представить себѣ причины, по которой обратила вниманіе на этотъ почеркъ, но увѣрена, что тутъ должна скрываться какая нибудь причина.

— Вы увѣрены, миледи? повторяетъ мистеръ Толкинхорнъ.

— О, да! разсѣянно возражаетъ миледи. — Я думаю, что это случилось не безъ причины. И вы приняли трудъ на себя отыскать человѣка, который переписывалъ эту бумагу.... позвольте, какъ она называется по вашему.... клятвенное показаніе?

— Точно такъ, миледи.

— Какъ это странно!

Они входятъ въ мрачную столовую въ нижнемъ этажѣ, освѣщаемую днемъ двумя глубокими окнами. Наступили сумерки. Каминный огонь ярко играетъ на дубовой стѣнѣ и блѣдно отражается въ окнахъ, за которыми, сквозь холодное отраженіе пламени, видно, какъ вся окрестность будто дрожитъ, объята холоднымъ вѣтромъ, и сѣрый туманъ, какъ одинокій путникъ, за шлемомъ

несущая на себѣ облаковы, ползеть по полямъ и прогалинамъ парка.

Миледи опускается въ кресло, стоящее къ сторонѣ отъ каминна; сэръ Лэйстеръ занимаетъ другое кресло, противъ миледи. Адвокатъ становится противъ каминна, прикрывая лицо рукой, протянутой во всю длину. Изъ за руки онъ наблюдаетъ за миледи.

— Да, говоритъ онъ: — я спрашивалъ объ этомъ человѣкѣ и наконецъ нашелъ его. И какъ странно я нашелъ его....

— Изумило человѣкомъ, съ которымъ бы несправедливо было встрѣтиться? развѣнно и лживо замѣчаетъ миледи.

— Я нашелъ его мертвымъ.

— О, Боже мой! воскликнулъ сэръ Лэйстеръ.

Его не столько изумило открытіе мистера Толкинхорна, сколько обстоятельство, что объ этомъ открытіи говоритъ въ его присутствіи.

— Мнѣ указали его квартиру—жалкое мѣсто, гдѣ каждый предметъ несетъ отпечатокъ нищеты; въ этой квартирѣ я нашелъ его мертвымъ.

— Вы извините меня, мистеръ Толкинхорнъ, замѣчаетъ сэръ Лэйстеръ: — но чѣмъ меньше будетъ сказано объ этомъ....

— Ахъ, нѣтъ, сэръ Лэйстеръ, дайте мнѣ до конца выслушать эту исторію, говоритъ миледи: — она какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ сумеркамъ. О, какъ ужасно! И вы нашли его мертвымъ?

Мистеръ Толкинхорнъ подтверждаетъ слова миледи низкимъ поклономъ и говоритъ:

— Уверь ли онъ отъ своей собственной руки....

— Клянусь честью! восклицаетъ сэръ Лэйстеръ. — Въ самомъ дѣлѣ, это....

— Позвольте мнѣ выслушать исторію, возражаетъ миледи.

— Если ты желаешь, душа моя. Но все же я долженъ сказать....

— Вамъ ничего не должно говорить!... Продолжайте, мистеръ Толкинхорнъ.

Сэръ Лэйстеръ, какъ учтивый кавалеръ, долженъ уступить, хотя онъ все еще чувствуетъ, что говорить такую нелѣпность въ кругу людей высокаго сословія, какъ вамъ угодно....

— Я хотѣлъ сказать, продолжаетъ адвокатъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ: — уверь ли онъ отъ своей руки, или нѣтъ, этого я не въ силахъ объяснить,—но, во всякомъ случаѣ, могу утвердительно сказать, что причиной смерти была собственная его поспешность; умышленный ли былъ его поступокъ, или нѣтъ, это не только мнѣ,

но и никому неизвѣстно. Слѣдственный судья рѣшилъ, однако, что адъ былъ принятъ случайно.

— Какого же рода человекъ былъ это несчастное созданіе? спрашиваетъ миледи.

— Весьма трудно сказать, отвѣчаетъ адвокатъ, мотая головой: — онъ жилъ въ такой бѣдности, въ такой небрежности, цвѣтъ лица его былъ до такой степени цыганскій, волоса и борода его были такъ всклокочены, что, право, я долженъ считать его адъ самыхъ послѣднихъ простолюдиновъ за самаго послѣдняго. Докторъ говорилъ, однако, что нѣкогда онъ похожъ былъ на порядочнаго человека, какъ по манерамъ, такъ и по платью.

— Какъ звали этого несчастнаго?

— Его звали такъ, какъ онъ прозвалъ себя; но никто не зналъ его настоящаго имени.

— Неужели не знали и тѣ, кто находился при немъ во время болѣзни?

— При немъ никого не находилось. Онъ найденъ былъ мертвымъ. Вѣрнѣе сказать, я нашелъ его мертвымъ....

— Безъ всякаго слѣда узнать что нибудь больше?

— Безъ всякаго. Былъ тамъ старшій чемоданъ, говорить адвокатъ задумчиво: — но... нѣтъ, въ немъ не было никакихъ бумагъ.

Произносилъ каждое слово этого короткаго разговора, леди Дэдлокъ и мистеръ Толкинхорнъ, безъ малѣйшаго измѣненія въ своей наружности, пристально смотрѣли другъ на друга. Быть можетъ, это было весьма натурально при разсказѣ о такомъ необыкновенномъ происшествіи. Сэръ Лейстеръ смотрѣлъ на огонь съ выраженіемъ одного изъ Дэдлоковъ, котораго портретъ стоялъ на лѣстницѣ. Съ окончаніемъ разсказа, онъ возобновляетъ свой протестъ, говоря, что для него совершенно ясно, что миледи не имѣетъ никакой причины знать этого несчастнаго (развѣ потому только, что онъ писалъ просительныя письма), и надѣется не слышать болѣе о предметѣ, ни подъ какимъ видомъ не соответствующемъ положенію миледи.

— Конечно, это можно назвать стеченіемъ ужасовъ, говорить миледи, подбирая полы своего платья: — но они могутъ заинтересовать на минуту. Сдѣлайте одолженіе, мистеръ Толкинхорнъ, отворите мнѣ дверь.

Мистеръ Толкинхорнъ исполняетъ это съ почтительностію и держитъ дверь открытою, пока проходитъ миледи. Она проходитъ мимо него съ обычной усталостію во всѣхъ ея движеніяхъ и съ выраженіемъ холодной благодарности. Они снова встрѣчаются за обѣдомъ, встрѣчаются снова на другой день, встрѣчаются снова

въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ дней. Леди Дэдлокъ по-прежнему все та же истомленная богиня, окруженная поклонниками и ужасно склонная умереть со скуки, несмотря на блескъ, который окружаетъ ее. Мистеръ Толкинхорнъ по-прежнему все тотъ же безмолвный хранитель благородныхъ тайнъ. Очень замѣтно, что онъ не на своемъ мѣстѣ, но въ то же время совершенно какъ у себя дома. Они, по видимому, такъ мало обращаютъ вниманія другъ на друга, какъ всякія другія два лица, встрѣтившіяся изъ разныхъ мѣстъ въ одномъ и томъ же домѣ. Но наблюдаютъ ли они другъ за другомъ, подозреваютъ ли они другъ въ другѣ какую нибудь тайну, приготовились ли они сдѣлать нападеніе другъ на друга и никогда не допустить нападенія врасплохъ, и сколько бы далъ каждый изъ нихъ, чтобы узнать сокровенныя тайны своего противника, — все это скрыто на нѣкоторое время въ глубинѣ ихъ сердецъ.

ГЛАВА XIII.

РАЗСКАЗЪ ЭСФЕРИ.

Мы уже держали множество совѣщаній насчетъ будущей карьеры Ричарда, сначала одни, безъ мистера Джорндиса, какъ Ричардъ желалъ того, а впослѣдствіи съ нимъ вмѣстѣ; но всѣ наши совѣщанія долгое время не подвигались впередъ. Ричардъ говорилъ, что онъ готовъ на все. Когда мистеръ Джорндисъ выражалъ свои сомнѣнія насчетъ того, не прошли ли лѣта Ричарда для поступленія его въ морскую службу, Ричардъ говорилъ, что онъ самъ думалъ объ этомъ и полагалъ, что было уже поздно пуститься на это поприще. Когда мистеръ Джорндисъ спрашивалъ его мнѣнія насчетъ военной службы, Ричардъ говорилъ, что онъ думалъ также и объ этомъ, и что эта идея очень недурна. Когда мистеръ Джорндисъ совѣтовалъ ему подумать и рѣшить безъ постороннихъ, было ли въ немъ пристрастіе къ морю одною только обыкновенною ребяческою склонностію, или сильнымъ влеченіемъ, Ричардъ отвѣчалъ, что онъ уже не разъ и серьезно обдумывалъ объ этомъ, но рѣшительно ничего не придумалъ.

— Не умѣю сказать, говорилъ мнѣ мистеръ Джорндисъ: — до какой степени эта нерѣшительность въ характерѣ обязана какой-то неизвѣстности и отлагательству, которымъ обреченъ онъ былъ съ самаго рожденія. Я могу утвердительно сказать, что Верховный Судъ, при множествѣ своихъ грѣховъ, долженъ отвѣчать и за

этомъ. Онъ развила въ немъ привычку откладывать всякое дѣло и надѣяться на рѣшеніе его при болѣе удобномъ случаѣ, вовсе не зная, когда и какой предстанится случай, и такимъ образомъ оставлять вся начатое неоконченнымъ, неопредѣленнымъ, затемненнымъ. Характеры болѣе взрослыхъ и степенныхъ людей часто мѣняются окружающими обстоятельствами. Невозможно же было ожидать, чтобы характеръ мальчика, подвергаясь въ развитіи своему такому сильному вліянію, не измѣнился къ худшему.

Я чувствовала всю справедливость этихъ словъ, хотя, если позволено мнѣ будетъ выразить свое мнѣніе, мнѣ казалось, что надо было много сожалѣть о томъ, что воспитаніе Ричарда несколько не противодѣйствовало вліянію обстоятельствъ и не служило къ правильному развитію характера. Ричардъ восемь лѣтъ провелъ въ школѣ и изучалъ, сколько я понимаю, писать латинскіе стихи всѣхъ родовъ и размѣровъ и старался достичь въ этомъ искусствѣ совершенства. Но я никогда не слышала, чтобы кому либо изъ его наставниковъ вздумалось узнать, въ чемъ заключаются его врожденные наклонности, въ чемъ состоятъ его недостатки и какого рода лучше всего сообщить ему познанія. Онъ съ такимъ прилежаніемъ занимался стихосложеніемъ и достигъ этого искусства до такого совершенства, что если бы остался въ школѣ до совершеннолѣтія, то, мнѣ кажется, только бы и занимался стихами и въ заключеніе кончилъ бы свое воспитаніе забвеніемъ всѣхъ правилъ стихотворства. Хотя я не сомнѣваюсь, что его стихи были прекрасныя, поучительныя, очень полезныя для множества жизненныхъ цѣлей и легко сохраняемыя въ памяти въ теченіе всей жизни; но все же, мнѣ кажется, было бы гораздо полезнѣе для Ричарда заняться немного чѣмъ вибудь дѣльнымъ, нежели слишкомъ много одними латинскими стихами.

Впрочемъ, я очень мало понимала объ этомъ предметѣ и даже теперь не знаю, занимались ли молодые люди классическаго Рима или Греціи стихосложеніемъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, занимаются ли этимъ молодые люди нынѣшняго вѣка.

— Рѣшительно не могу придумать, за что мнѣ приняться, говоритъ Ричардъ, задумчиво. — Въ одномъ только я увѣренъ, что къ духовному званію я совершенно не способенъ.

— Не имѣешь ли ты склонности къ занятіямъ мистера Кэнджа? намекулъ мистеръ Джорндисъ.

— Не знаю, сэръ, отвѣчалъ Ричардъ. — Впрочемъ, катанье на лодкахъ мнѣ очень нравится, а присяжные писцы очень часто проводятъ время на водѣ. Это славная профессія!

— А насчетъ докторскаго поврища? намекнулъ мистеръ Джордидись.

— Вотъ это такъ дѣло! вскричалъ Ричардъ.

Мнѣ кажется, что Ричардъ еще ни разу не подумалъ объ этомъ.

— Вотъ это дѣло! повторилъ Ричардъ, съ величайшимъ энтузиазмомъ. — Наконецъ-то мы добились дѣла! Какъ это чудесно! Я стану называться членомъ Королевскаго Медицинскаго Общества!

Надъ его восклицаніями никто не смѣялся, хотя онъ самъ хотѣлъ надъ ними отъ всего сердца. Онъ говорилъ, что выбралъ наконецъ профессію, и чѣмъ болѣе думалъ о ней, тѣмъ болѣе убѣждался, что судьба его рѣшена: наука врачеванія была въ его понятіяхъ наукой всѣхъ другихъ наукъ. Я полагаю, что онъ пришелъ къ такому заключенію потому только, что никогда не имѣлъ случая подумать хорошенько, къ чему именно способенъ онъ, и что, ухватясь за эту самую новенькую ли него идею, онъ радовался, что навсегда отдѣляется отъ необходимости думать и раздумывать о выборѣ карьеры. Я старалась угадать, послужили ли такому выбору латинскіе стихи, или это уже само собой должно было случиться.

Мистеръ Джордидись употребилъ много труда, чтобы серьезно переговорить съ Ричардомъ объ этомъ и убѣдиться, не обманывается ли Ричардъ въ такомъ важномъ предпріятіи. Обыкновенно послѣ этихъ совѣщаній Ричардъ становился нѣсколько серьезнѣе, но, сказавъ Адѣ и мнѣ, что «дѣло устроено чудесно», начиналъ говорить о чемъ нибудь другомъ.

— Клянусь небомъ! вскричалъ мистеръ Бойторнъ, сильно заинтересованный этимъ предметомъ (Впрочемъ, мнѣ бы не слѣдовало и говорить объ этомъ, потому что мистеръ Бойторнъ ни въ какія дѣла не вмешивался слабо): — клянусь небомъ! я въ восторгѣ, что молодой человѣкъ съ-такимъ рвеніемъ посвящаетъ себя этому благородному призванію! А что касается до корпорацій, приходскихъ и другихъ общинъ, этихъ сходбищъ пустоголовыхъ олуховъ, которые собираются нарочно затѣмъ, чтобъ разбѣяться такими свичами, за которые — клянусь небомъ! — ихъ всѣхъ поголовно слѣдовало бы присудить къ ссылкѣ на весь остатокъ ихъ ничтожной жизни въ ртутные рудники, и тѣмъ отвратить заразу, которую приносятъ они къ нашему родному нарѣчію; въ вознагражденіе же тѣхъ неопціенныхъ услугъ, которыя молодые люди оказываютъ намъ, употребляя лучшую часть своей жизни на близкое изученіе предмета, на продолжительныя занятія, подвергая себя всевозможнымъ лишеніямъ, получая скудное содержаніе, котораго бы недостаточно было къ существованію какого нибудь адвокатскаго писца, я бы поставилъ за правило готовить изъ каждаго члена корпораціи анатомическіе аппара-

ты, собственно для того, чтобы молодые люди изучали на практикѣ, до какой степени можетъ растолстѣть пустая голова.

Въ заключеніе такого пылкаго объясненія, мистеръ Бойторнъ окинулъ насъ взглядомъ съ пріятной улыбкой и потомъ вдругъ загремѣлъ своимъ оглушительнымъ «ха, ха, ха!» раскаты котораго продолжались, конечно съ умысломъ, до тѣхъ поръ, пока мы сами не присоединились къ этому чистосердечному смѣху.

Такъ какъ Ричардъ послѣ неоднократныхъ отсрочекъ, даваемыхъ ему мистеромъ Джордисомъ на размышленіе, все еще продолжалъ говорить, что онъ рѣшительно выбралъ для себя карьеру, и такъ какъ онъ все еще продолжалъ увѣрять Аду и меня, что «дѣло устроенно чудесно», то рѣшено было пригласить на общее и окончательное совѣщаніе мистера Кэнджа. Вслѣдствіе этого, мистеръ Кэнджъ прибылъ въ одинъ прекрасный день къ обѣду, усѣлся въ покойное кресло, вертѣлъ футляръ изъ подъ очковъ между пальцами, говорилъ звучнымъ голосомъ и вообще дѣйствовалъ совершенно такъ, какъ дѣйствовалъ, сколько мнѣ помнится, въ то время, когда я впервые увидѣла его, будучи еще маленькой дѣвочкой.

— Конечно, конечно! говорилъ мистеръ Кэнджъ. — Да, прекрасно! Весьма хорошая профессія, мистеръ Джордисъ, отличная профессія!

— Курсъ наукъ и практическія приготовленія требуютъ прілежвыхъ занятій, замѣчалъ мой опекунъ, бросая взглядъ на Ричарда.

— Безъ сомнѣнія, говорилъ мистеръ Кэнджъ: — это требуетъ большаго прилежанія.

— Впрочемъ, это болѣе или менѣе составляетъ главное условіе при избраніи всякаго рода профессіи, говорилъ мистеръ Джордисъ. — Я не знаю, до какой степени можно уклониться отъ этого условія при всякомъ другомъ выборѣ.

— Совершенно справедливо, сказалъ мистеръ Кэнджъ: — и мистеръ Ричардъ Карстонъ, который такъ достохвально выказалъ себя на поприщѣ, если можно такъ выразиться, классическихъ наукъ, подъ сѣнію которыхъ протекла его счастливая юность, безъ сомнѣнія, примѣнитъ привычки, если не самыя правила и практическія упражненія стихосложенія того языка, на которомъ, гдѣ-то было сказано, если я не ошибаюсь, поэты не образуются, но рождаются, — безъ сомнѣнія, онъ примѣнитъ все это къ воздѣлыванію въ высшей степени пракческаго поля дѣйствія, на которое вступаетъ.

— Вы вполне можете положиться, сэръ, сказалъ Ричардъ, съ всегдашнею безпечною: — что я охотно вступаю на это поприще и готовъ употребить на немъ всѣ свои старанія и усилія.

— Очень хорошо, мистеръ Джорндисъ! сказалъ мистеръ Кэнджъ, плавно кивая головой. — Если мистеръ Ричардъ Карстонъ увѣряетъ насъ, что вступаетъ на это поприще охотно и съ готовностью употребить на немъ всѣ свои старанія и усилія (еще плавно кивая головой и сопровождая каждое слово плавными размахами руки), я долженъ представить вамъ на видъ, что намъ остается только разсмотреть, какимъ образомъ лучше всего достигъ желаемой цѣли. И, во первыхъ, намъ слѣдуетъ принять въ соображеніе порученіе мистера Ричарда руководству свѣдущаго и опытнаго врача. Есть ли у васъ въ настоящее время кто нибудь въ виду?

— Кажется, никого нѣтъ, Рикъ? сказалъ опекунь.

— Никого, сэръ, отвѣчалъ Ричардъ.

— Совершенно такъ! замѣтилъ мистеръ Кэнджъ. — Во вторыхъ, касательно содержанія молодого человѣка — не встрѣчается ли съ этой стороны ощутительнаго препятствія?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Ричардъ.

— Совершенно такъ! повторилъ мистеръ Кэнджъ.

— Я бы желалъ имѣть нѣкоторое разнообразіе, сказалъ Ричардъ: — желалъ бы приобрести нѣкоторую опытность и въ другихъ отношеніяхъ....

— Безъ сомнѣнія, это весьма необходимо, возразилъ мистеръ Кэнджъ. — Я думаю, мистеръ Джорндисъ, все это намъ нетрудно устроить? Намъ остается только, во первыхъ, отыскать въ достаточной степени искуснаго врача, и какъ скоро мы успѣемъ въ этомъ, смѣю прибавить, какъ скоро будемъ мы въ состояніи заплатить извѣстное вознагражденіе, единственное затрудненіе будетъ заключаться въ выборѣ именно одного врача изъ множества. Во вторыхъ, намъ слѣдуетъ соблюсти тѣ небольшія формальности, которыя окажутся необходимыми какъ въ отношеніи къ нашему возрасту, такъ и въ отношеніи къ опеку Верховнаго Суда; и тогда мы въ непродолжительномъ времени — позвольте здѣсь употребить чистосердечное выраженіе мистера Ричарда — «вступимъ на поприще» къ общему нашему удовольствію. Должно приписать стеченію обстоятельствъ, сказалъ мистеръ Кэнджъ съ отгѣвкомъ меланхоліи въ улыбку: — одному изъ тѣхъ стеченій обстоятельствъ, которыя пожалуй и не требуютъ особенныхъ объясненій, принимая въ расчетъ ограниченность умственныхъ дарованій человѣка, — должно приписать стеченію особенныхъ обстоятельствъ, что у меня есть кузень, который занимается искусствомъ врачеванія. Можетъ случиться, вы примете его за искуснаго и опытнаго врача; можетъ и то случиться, что онъ какъ нельзя лучше будетъ соотвѣтствовать этому

предположенію. Я также мало могу ручаться за него, какъ и за васъ, но все же скажу — *можетъ статься!*

Такъ какъ это совѣщаніе было нервнымъ приступомъ къ открытію карьеры, то рѣшено было, что мистеръ Кенджъ повѣдается и поговорить съ своимъ кузеномъ. А такъ какъ мистеръ Джорнлисъ давно уже обѣщалъ свезти насъ въ Лондонъ на нѣсколько недѣль, то на другой же день положено было предпринять эту поѣздку и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить дѣло Ричарда.

Мистеръ Бойторнъ уѣхалъ отъ насъ черезъ недѣлю; мы совершили путь и расположились въ хорошенькой квартиркѣ близъ Оксфордской улицы надъ лавкой обойщика. Лондонъ былъ для насъ великимъ чудомъ, и мы проводили цѣлые часы, любуясь его диковинками, которыхъ было такъ много, что онѣ казались намъ неистощимыми. Мы посѣщали главные театры и съ наслажденіемъ смотрѣли всѣ тѣ пьесы, которыя стоило смотрѣть. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ театрѣ мистеръ Гуппи снова началъ беспокоить меня.

Однажды вечеромъ я и Ада сидѣли впереди ложи, а Ричардъ занималъ любимое свое мѣсто — за столомъ Ады. Взглянувъ случайно въ партеръ, я увидѣла, что мистеръ Гуппи, съ растрепанными волосами и съ выраженіемъ глубокой горести на лицѣ, смотрѣлъ на меня. Въ продолженіе всего представленія, я чувствовала, что онъ смотрѣлъ не на сцену и актеровъ, а на нашу ложу и меня, и смотрѣлъ съ расчитаннымъ выраженіемъ глубокой грусти и глубочайшаго отчаянія.

Это обстоятельство совершенно испортило мое удовольствіе въ тотъ вечеръ; оно приводило меня въ замѣшательство и было очень, очень забавно. Съ этого раза мы никогда не пріѣзжали въ театръ безъ того, чтобы не увидѣть въ партерѣ мистера Гуппи, съ растрепанными волосами, съ отложенными воротничками и съ уныніемъ въ лицѣ. Во время нашего прихода въ ложу, если его не оказывалось въ партерѣ, я начинала уже надѣяться, что онъ не придетъ, и заранѣе восхищалась на нѣкоторое время представленіемъ, но, взглянувъ въ сторону, совершенно неожиданно встрѣчалась съ его унылыми до глухости взорами, и съ той минуты была увѣрена, что эти взоры слѣдили за мной въ продолженіе всего вечера.

Я не могу выразить, до какой степени меня это беспокоило. Еслибъ онъ причесалъ волосы и поднималъ бы кверху свои воротнички, это было бы только смѣшно; но полная увѣренность, что это глупое созданіе не спускаетъ съ меня глазъ, ни на минуту не измѣняетъ своего безмысленнаго выраженія въ лицѣ, производило на меня такое непріятное впечатлѣніе, что я не могла смѣяться при самыхъ комическихъ сценахъ, не могла плакать при самыхъ тро-

гательныхъ, не могла пошевелиться, не могла говорить; словомъ сказать, я была морально связана. Избѣгнуть наблюдений мистера Гуппи перемѣнивъ мѣсто и удалась въ глубину ложи — я не могла этого сдѣлать: я знала, что Ричардъ и Ада были увѣрены, что я стану сидѣть подлѣ нихъ, и что они не могли бы такъ свободно бесѣдовать другъ съ другомъ, еслибъ подлѣ нихъ сидѣла не я, а кто нибудь другой. Поэтому я оставалась на своемъ мѣстѣ, рѣшительно не зная, куда мнѣ смотрѣть, потому что куда бы я ни взглянула, я знала, что взоръ мистера Гуппи слѣдитъ за мной; да въ тому же мнѣ больно было подумать, что этотъ молодой человекъ собственно для меня, а не для удовольствія, обрекалъ себя страшнымъ издержкамъ.

Иногда я думала сказать объ этомъ мистеру Джордису и въ то же время боялась, что молодой человекъ потеряетъ мѣсто, и что я буду причиной его несчастія; иногда думала довѣрить это Ричарду, но боялась, что онъ раздерется и подобьетъ глаза мистеру Гуппи; иногда думала сердито посмотреть на него или строго поначать головой, но чувствовала, что этого мнѣ не сдѣлать; иногда я намѣревалась написать его матери, но это обыкновенно кончалось убѣжденіемъ, что начать переписку было бы гораздо хуже: такъ что я всегда приходила къ заключенію, что ничего не могу сдѣлать. Настойчивость мистера Гуппи заставляла его не только слѣдить за нами, когда мы отправлялись въ театръ, но встрѣчать насъ въ толпѣ народа, при нашемъ выходѣ, и даже становиться на запятки нашей кареты; и я дѣйствительно видѣла его раза два или три, какъ онъ претерпѣвалъ тамъ мученія отъ ужасныхъ гвоздей. Когда мы пріѣзжали домой, онъ прислонялся къ фонарному столбу противъ нашего дома. Домъ обойщика, гдѣ мы квартировали, расположенъ былъ на углу, и окно моей спальни приходилось какъ разъ противъ фонарнаго столба. Вечеромъ я не рѣшалась подходить къ этому окну, опасаясь увидѣть мистера Гуппи (какъ это и случилось въ одну лунную ночь) прислонившагося къ столбу и подвергавшаго себя опасности схватить сильную простуду. Еслибъ мистеръ Гуппи, къ моему несчастію, не имѣлъ въ теченіе дня занятій, я бы рѣшительно не имѣла отъ него покояствія.

Пока мы предавались удовольствіямъ, въ которыхъ мистеръ Гуппи такъ странно участвовалъ, дѣло, которое привлекло насъ въ Лондонъ, подвигалось впередъ своимъ чередомъ. Кузень мистера Кэвджа былъ нѣкто мистеръ Бэйхамъ Баджеръ, имѣвшій хорошую практику въ Чельси и, кромѣ того, въ одномъ изъ большихъ городскихъ лазаретовъ. Онъ изъявилъ совершенную готовность принять Ричарда въ свой домъ и слѣдить за его занятіями; а такъ

накъ казалось, что занятія эти подъ руководствомъ мистера Баджера пойдутъ не безъ успѣха, что мистеръ Баджеръ полюбилъ Ричарда, а Ричардъ полюбилъ мистера Баджера, то заключено было условіе, получено согласіе лорда-канцлера, и дѣло совершенно кончилось.

Въ тотъ день, когда Ричарду слѣдовало явиться къ мистеру Баджеру, мы всѣ приглашены были къ послѣдному на обѣдъ. Въ пригластельной запискѣ мистриссъ Баджеръ было сказано, что обѣдъ будетъ въ строгомъ смыслѣ семейный, — и дѣйствительно: мы не встрѣтили ни одной леди, кромѣ самой мистриссъ Баджеръ. Она окружена была въ своей гостиной различными предметами, жабляющими, что мистриссъ Баджеръ немножко рисуетъ, немножко играетъ на фортепьяно, немножко играетъ на гитарѣ, немножко играетъ на арфѣ, немножко поетъ, немножко занимается рукодѣльемъ, немножко пишетъ стихи и немножко занимается ботаникой. Я должна думать, что ей было лѣтъ пятьдесятъ, но одѣта она была какъ молоденькая дѣвочка и имѣла нѣжный цвѣтъ лица. Если къ маленькому списку всѣхъ ея достоинствъ я прибавлю, что она румянилась немножко, то, мнѣ кажется, это нисколько не повредитъ дѣлу.

Самъ мистеръ Бэйхамъ Баджеръ былъ краснощекій, свѣжельцый, хрупкій на взглядъ джентльменъ, съ слабымъ голосомъ, бѣлыми зубами, бѣлокурыми волосами, удивляющимися взорами и, въ заключеніе, нѣсколькими годами моложе мистриссъ Бэйхамъ Баджеръ. Онъ чрезвычайно восхищался ею, и по весьма забавному поводу (такъ по крайней мѣрѣ намъ казалось) — что она имѣла уже третьяго мужа. Едва мы зайли мѣста, какъ мистеръ Баджеръ торжественно сказалъ мистеру Джордису:

— Быть можетъ, вы не повѣрите, что я уже третій супругъ мистриссъ Бэйхамъ Баджеръ.

— Неужели? сказалъ мистеръ Джордисъ.

— Да, третій! А вѣдь по наружности мистриссъ Баджеръ нельзя повѣрить, миссъ Соммерсонъ, чтобы эта леди имѣла уже двухъ супруговъ.

Я отвѣчала, что дѣйствительно нельзя повѣрить.

— И еслибъ вы знали, какіе это были замѣчательные люди! сказалъ мистеръ Баджеръ довѣряющимъ тономъ. — Капитанъ королевскаго флота Своссеръ былъ первымъ супругомъ мистриссъ Баджеръ и былъ, смѣю сказать, знаменитый офицеръ. Имъ профессоръ Динго, моего непосредственнаго предмѣстника, стяжало европейскую извѣстность.

.. Мистриссъ Баджеръ услышала это и улыбнулась.

— Да, душа моя! сказалъ мистеръ Баджеръ, въ отвѣтъ на эту улыбку: — я сообщилъ мистеру Джорндису и миссъ Сомерсонъ, что ты уже была за двумя мужьями, и что оба мужа были люди знаменитые. Они находятъ, какъ и вообще всѣ, кому я говорю объ этомъ, что трудно повѣрить мнѣ.

— Мнѣ едва было двадцать лѣтъ, сказала мистриссъ Баджеръ: — когда я вышла за Своссера, капитана королевскаго флота. Я ходила съ намъ въ Средиземное море, и теперь вы видите во мнѣ настоящаго моряка. Спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ дня нашего бракосочетанія, я сбѣлалась женой профессора Динго.

(...стяжавшаго европейскую извѣстность! прибавилъ мистеръ Баджеръ въ полголоса.)

— День, въ который вѣнчали меня съ мистеромъ Баджеромъ, продолжала мистриссъ Баджеръ: — былъ днемъ моихъ предъидущихъ вступленій въ замужство. Къ этому дню я питаю особенную привязанность....

— Такъ что мистриссъ Баджеръ вѣнчалась съ тремя супругами — двое изъ нихъ люди знаменитые, сказалъ мистеръ Баджеръ, подтверждая факты: — аккуратно двадцать перваго марта, въ одиннадцать часовъ по полудни.

Мы всѣ выразили удивленіе.

— Хотя я вполне уважаю скромность мистера Баджера, сказалъ мистеръ Джорндисъ: — я рѣшаюсь, однако же, поправить его выраженіе и сказать, что мистриссъ Баджеръ выходила замужъ не за двухъ, но за трехъ знаменитыхъ людей.

— Благодарю васъ, мистеръ Джорндисъ! Я сама всегда говорю ему объ этомъ, замѣтила мистриссъ Баджеръ.

— Чтò же я говорю тебѣ на это, душа моя? сказалъ мистеръ Баджеръ. — Нисколько не унижая этой извѣстности, которую приобрѣлъ на медицинскомъ поприщѣ, и которую нашъ другъ мистеръ Карстонъ будетъ имѣть множество случаевъ оцѣнить, я еще не до такой степени слабоуменъ (эти слова относились ко всѣмъ намъ вообще), я еще не до такой степени безразсуденъ, чтобы ставить свою извѣстность на одну параллель съ извѣстностью такихъ знаменитыхъ людей, какъ капитанъ Своссеръ и профессоръ Динго. Быть можетъ, вамъ интересно будетъ, мистеръ Джорндисъ, продолжалъ мистеръ Бейхамъ Баджеръ, провожая насъ въ гостиную: — взглянуть на портретъ капитана Своссера. Портретъ этотъ былъ написанъ, когда капитанъ возвратился въ отечество послѣ крейсераства у африканскихъ береговъ, гдѣ онъ страдалъ отъ туземной лихорадки. Мистриссъ Баджеръ находить, что онъ очень жолтъ.

Но, несмотря на то, черты лица его очень правильныя, — очень правильныя.

Мы всё въ одинъ голосъ отвѣчали: «да, очень правильныя!»

— Когда я смотрю на этотъ портретъ, сказалъ мистеръ Баджеръ: — то всегда говорю про себя: «вотъ человекъ, на котораго бы я желалъ постоянно смотрѣть.» Это желаніе ясно показываетъ, какой знаменитый человекъ былъ этотъ капитанъ. По другую сторону, — портретъ профессора Динго. Я зналъ его очень хорошо, я находился при немъ въ послѣднія минуты его жизни: похожъ какъ двѣ капли воды, совершенно жиной, — только что не говорить! Надъ фортепьяно вы видите портретъ мистриссъ Бэйхамъ Баджеръ, когда была она мистриссъ Своссеръ. Надъ софою — мистриссъ Бэйхамъ Баджеръ, когда называлась она мистриссъ Динго. Обладая оригиналомъ мистриссъ Баджеръ *in esse*, я не считаю за нужное имѣть съ нея копию.

Когда провозгласили, что обѣдъ на столѣ, мы спустились внизъ. Это былъ въ своемъ родѣ маленькій, но во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный банкетъ, въ теченіе котораго капитанъ и профессоръ упорно оставались въ головѣ мистера Баджера; а такъ какъ Ада и я находились подъ особеннымъ его покровительствомъ, то неизбѣжно должны были выслушивать всѣ похвалы, щедро расточаемыя на этихъ знаменитѣйшихъ людей.

— Вамъ угодно воды, миссъ Коммерсонъ? Позвольте, позвольте! Пожалуста, не пейте изъ этого стакана. Джемсъ, принеси мнѣ кубокъ профессора.

Ада очень восхищалась искусственными цвѣтами подъ стекляннымъ колпакомъ.

— Удивительно, какъ долго они сохраняются! сказалъ мистеръ Баджеръ. — Они подарены были мистриссъ Бэйхамъ Баджеръ еще въ ту пору, когда она плавала въ Средиземномъ морѣ.

Мистеръ Баджеръ предложилъ мистеру Джордису выпить стаканъ кларета.

— Но только не этого кларета! говорилъ онъ. — Нѣтъ, ужъ извините! Сегодня день случайный, а на всякій особенный случай я имѣю обыкновеніе подчивать гостей особеннымъ виномъ. (Джемсъ, подай кларетъ Своссера.) Вотъ это вино, мистеръ Джордисъ, привезено изъ за границы капитаномъ Своссеромъ, — ужъ и не умѣю вамъ сказать какъ давно! Вы увидите это чудо — не вино. Душа моя, мнѣ пріятно отвѣдать этого вина съ тобой вмѣстѣ.... (Джемсъ, подай кларетъ Своссера мистриссъ Баджеръ.) За твое здоровье, душа моя!

Послѣ обѣда, когда мы, дамы, удалились въ гостиную, то взяла съ собой и первыхъ двухъ мужей мистриссъ Баджеръ. Мистриссъ Баджеръ представила намъ біографическій очеркъ жизни и службы капитана Своссера до его женитьбы и болѣе подробную его исторію съ того дня, какъ онъ влюбился въ нее во время бала на кораблѣ «Кришлеръ», давнаго офицерамъ того корабля на Плиутскомъ рейдѣ.

— Неопѣненный мой старикъ «Кришлеръ»! говорила мистриссъ Баджеръ, качая головой. — Это былъ благородный корабль. Чистейшій, боевой, весь рангоутъ, какъ говаривалъ капитанъ Своссеръ, вытануть въ струночку. Вы извините меня, если я употреблю морскія выраженія: вѣдь я была когда-то настоящимъ морякомъ. Капитанъ Своссеръ любилъ этотъ корабль собственно изъ за меня. Когда его слали къ порту, покойникъ мой часто говаривалъ, что еслибъ былъ богатъ, то непременно бы купилъ драхльмъ его остовъ и велѣлъ бы сдѣлать надписи на тѣхъ шхажечныхъ планкахъ, гдѣ мы стояли съ нимъ въ парѣ контрданса, и гдѣ онъ чувствовалъ, какъ пролетали сквозь него продольные выстрѣлы изъ обоихъ бортовъ моей артиллеріи: такъ онъ называлъ, по своему, мои глаза.

Мистриссъ Баджеръ покачала головой, вздохнула и заглянула въ зеркало.

— Большая перемѣна была при переходѣ отъ капитана Своссера къ профессору Динго, продолжала мистриссъ Баджеръ съ плачевной улыбкой. — При самомъ началѣ я сильно омущала эту перемѣну. Въ образѣ моей жизни это была настоящая революція. Но привычка въ связи съ наукою — въ особенности съ наукою, — принудила меня забыть эту перемѣну. Будучи единственнымъ товарищемъ профессора въ его ботаническихъ изслѣдованіяхъ, я почти совсѣмъ забыла, что плавала когда-то по морямъ, и сдѣлалась сама настоящая ученая. Замѣчательно, что профессоръ во всѣхъ отношеніяхъ точно такъ же не имѣлъ ни малѣйшаго сходства съ капитаномъ, какъ и мистеръ Баджеръ не имѣетъ его съ обоими ими.

Потомъ намъ слѣдовало выслушать печальное описаніе кончины капитана Своссера и кончины профессора Динго: оба они, какъ оказалось, одержимы были неизлечимыми недугами. Во время этого описанія, мистриссъ Баджеръ замѣтила намъ, что въ жизни своей она была влюблена до безумія одивъ только разъ, и что предметъ этой бѣшеной страсти, которой никогда не возвратиться къ ней со всею ея силою и пылкостью, былъ капитанъ Своссеръ. Въ то время, какъ профессоръ медленно умиралъ у насъ подъ вліяніемъ са-

мыхъ ужасныхъ мученій , и когда мистриссъ Балжеръ, подражая умирающему, съ большимъ усилиемъ провизгала : «Гдѣ же Лаура? пусть Лаура подастъ мнѣ тостъ и воды», изъ столовой вошла джентльмены , и — профессоръ скончался.

Я замѣтила въ этотъ вечеръ — впрочемъ, я замѣчала это въ теченіе многихъ предшествовавшихъ дней — что Ада и Ричардъ болѣе чѣмъ когда либо находились другъ подлѣ друга; конечно, это было весьма естественно, если взять въ расчетъ близкую разлуку. И потому, когда мы пріѣхали домой и когда Ада и я удалились въ свою спальню, мнѣ нисколько не удивительно было увидѣть Аду молчаливѣе обыкновеннаго, и хотя я вовсе не была подготовлена, но меня нисколько не удивило, когда Ада бросилась въ мои объятія и, спрятавъ на груди моей свое печальное личико, сказала :

— Моя милая Эсэиръ! я хочу открыть тебѣ большую тайну, — безъ сомнѣнія, моя милочка, самую большую завѣтную тайну!

— Какую тайну, ангель мой?

— О, Эсэиръ, тебѣ не отгадать ея!

— А если я попробую отгадать?

— О, нѣтъ! нѣтъ! ради Бога, не отгадывай! воскликнула Ада, крайне испуганная одной мыслию, что я и въ самомъ дѣлѣ отгадаю.

— По крайней мѣрѣ до кого же касается эта тайна? спросила я, притворяясь задумчивою.

— Это касается, сказала Ада шопотомъ : — это касается.... до кузена Ричарда.

— Въ чемъ же дѣло, моя душечка? спросила я, цалуя ея золотистые волосы. — Сквозь слезы я ничего не видѣла, кромѣ этихъ волосъ. — Скажи же, чтó такое?

— О, Эсэиръ, тебѣ никогда не отгадать!

До такой степени было для меня пріятно ощущеніе, когда Ада льнула ко мнѣ и скрывала на груди моей свое личико, — до такой степени отраднó было для меня убѣжденіе, что она плакала не отъ горести, но отъ избытка радости, счастья и надежды, что мнѣ не хотѣлось помочь ей выйти такъ скоро изъ этого положенія.

— Онъ говорить.... впрочемъ, я знаю, это покажется тебѣ смѣшнымъ: мы еще оба такъ молоды.... но онъ говорить, — и Ада залилась слезами.... онъ говорить, что пламенно любить меня.

— Неужели? сказала я. — Я ничего подобнаго не слышала, но, моя душечка, я бы могла сказать тебѣ объ этомъ недѣли четыре тому назадъ.

Какъ плѣнительно было смотрѣть на Аду, когда лицо ея въ пріятномъ изумленіи покрывалось яркимъ румянцемъ, когда она крѣп-

ко сжимала меня въ своихъ объятіяхъ и смѣялась, и плакала, и бѣднѣла, и вспыхивала, и снова смѣялась, и снова плакала!

— Я не знаю, право, за кого ты, моя милочка, считала меня, сказала я: — вѣрно, за какую нибудь глупешку. А эта глупешка знала, что Ричардъ любить тебя такъ пламенно, какъ только можно, ужъ я и не знаю, съ которыхъ поръ.

— И ты ни слова не сказала мнѣ! вскричала Ада, цалуя меня.

— Я ждала, когда мнѣ самой скажутъ объ этомъ.

— Но теперь я сказала тебѣ, и какъ ты думаешь: дурно это съ моей стороны или нѣтъ? возразила Ада.

Еслибъ я была самая жестокая женщина изъ цѣлаго міра, то, быть можетъ, нѣжными ласками своими она бы принудила меня сказать *нѣтъ*. Но, слава Богу, я не была жестокой, и потому безъ всякаго принужденія сказала *нѣтъ*.

— Теперь, значитъ, я все знаю, сказала я.

— О, нѣтъ, милая моя Эсепрь, это еще не все! сказала Ада, обвиняя меня крѣпче и снова скрывая свое личико у меня на груди.

— Еще не все? сказала я. — Даже и это еще не все?

— Нѣтъ, нѣтъ, не все! отвѣчала Ада, качая головкой.

— И ты не хотѣла открыть.... начала я въ шутку. — Но Ада взглянула на меня и, улыбаясь сквозь слезы, сказала:

— Ахъ, нѣтъ, Эсепрь! я хотѣла открыть тебѣ все. Ты вѣдь знаешь, что я хотѣла! Я хотѣла открыть передъ тобой всю мою душу!

Я, смѣясь, сказала ей, что знала это точно такъ же, какъ знала и все другое. Потомъ мы сѣли къ камину, и я предоставила себѣ право говорить одной; хотя съ моей стороны сказано было очень немного, но я вскорѣ успокоила Аду и нѣсколько развеселила.

— А какъ ты думаешь, хозяйшюшка Дорденъ, знаетъ объ этомъ кузень Джонъ или нѣтъ? спросила Ада.

— Если кузень Джонъ не слѣпъ, сказала я: — то должно полагать, что онъ знаетъ объ этомъ не меньше нашего.

— Намъ надо переговорить съ нимъ до разлуки съ Ричардомъ, сказала Ада робкимъ голосомъ. — Посоветуй намъ, душечка, какъ лучше сдѣлать это. Ты не разсердишься, если Ричардъ войдетъ сюда?

— Неужели Ричардъ здѣсь.... за дверями? спросила я.

— Право, не знаю, возразила Ада съ наивнымъ простодушіемъ, которое одно бы плѣнило мое сердце, еслибъ оно уже давнымъ-давно не было плѣнено. А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, онъ не за дверями ли.

И, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ за дверями. Ада и Ричардъ сѣли по обѣ стороны отъ меня и, по видимому, были влюблены не другъ

въ друга, но въ меня: такъ были они довѣрчивы, внимательны и нѣжны ко мнѣ. Сначала они вели себя по принятому между ними обыкновенію. Я, впрочемъ, не останавливала ихъ: я отъ чистаго сердца любовалась ими и приходила въ восторгъ; но мало по малу мы углублялись въ размышленіе и разсужденіе о томъ, какъ молоды были они, сколько лѣтъ должно пройти, прежде чѣмъ осуществится ихъ любовь, какими путями приведетъ она ихъ къ счастью, и станетъ ли она одушевлять ихъ непоколебимою рѣшимостью исполнять обязанности другъ къ другу; станетъ ли она одушевлять ихъ постоянствомъ, твердостью и терпѣніемъ. Ричардъ говорилъ, что онъ готовъ для Ады избить пальцы до костей, Ада обѣщала сдѣлать то же самое для Ричарда. Они ласкали меня, называли меня самыми нѣжными именами, и, разсуждая и совѣтуясь, мы просидѣли такимъ образомъ почти до самаго разсвѣта. Наконецъ я обѣщала имъ въ то же утро сообщить обо всемъ кузену Джону.

Съ наступившимъ утромъ я отправилась послѣ завтрака къ моему опекуну, въ комнату, которая въ Лондонѣ замѣняла для насъ Ворчальную Холоднаго Дома, и сказала ему, что хочу поговорить съ нимъ по секрету.

— Я увѣренъ, наша хозяйшкa, сказалъ онъ, закрывъ книгу: — я увѣренъ, если ты намѣрена говорить со мной по секрету, то въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго?

— Я полагаю, что нѣтъ, отвѣчала я: — и могу поручиться даже, что въ моемъ секретѣ ничего нѣтъ секретнаго. Это случилось не дальше, какъ вчера.

— Вчера? Говори же скорѣе, Эсмиръ, что это такое?

— Вы помните, сказала я: — счастливый вечеръ, когда мы впервые явились въ Холодный Домъ? Помните, когда Ада пѣла въ темной комнатѣ?

Мнѣ хотѣлось напомнить ему взглянуть, который онъ тогда бросилъ на меня; и если не ошибаюсь, то желаніе мое исполнилось.

— Помните, еще когда.... сказала я, съ небольшимъ замѣшательствомъ.

— Да, да, помню, душа моя, сказалъ онъ. — Пожалуста, не торопись; говори покойнѣе.

— Ну такъ я вамъ скажу, что Ада и Ричардъ влюблены другъ въ друга. Мало того: они уже признались въ этомъ другъ другу.

— Уже? воскликнулъ опекунъ мой, сильно изумленный.

— Да, признались, сказала я. — И — сказать ли вамъ правду, мой добрый опекунъ? — я этого давно ждала.

— Какая же польза изъ твоихъ ожиданій? сказалъ онъ.

Минуты двѣ онъ просидѣлъ задумавшись. На лицѣ его безпрестанно играла его всегдашняя добрая и пріятная улыбка. Потомъ онъ сказалъ, что желаетъ видѣть Ричарда и Аду. Когда они пришли, онъ одной рукой обнялъ Аду съ отеческой нѣжностью и обратился къ Ричарду серьезнымъ и въ то же время ласковымъ тономъ.

— Рикъ, сказалъ онъ: — я радъ, что приобрѣлъ твое довѣріе. Я надѣюсь сохранить его. Представляя себѣ наши отношенія, которыя такъ прояснили мою жизнь и надѣлили ее новыми интересами и радостями, я въ то же время представлялъ себѣ, заглядывая въ будущее, возможность, что ты и твоя милая кузина (не пугайся, Ада, не конфузся, душа моя!) пойдете вмѣстѣ по одной дорогѣ въ жизнь. Я видѣлъ и вижу многія причины, по которымъ должно желать вашего союза. Но не забудь, Рикъ, я представлялъ себѣ это, заглядывая въ будущее.

— Мы тоже, сэръ, основываемъ наше счастье на будущемъ, возрадъ Рикъ.

— Прекрасно! сказалъ мистеръ Джордидсъ. — Это весьма благоразумно! Теперь, друзья мои, выслушайте меня. Я бы могъ вамъ сказать, что вы еще не умѣете вполнѣ цѣнить своихъ душевныхъ наклонностей: что, быть можетъ, встрѣтится множество обстоятельствъ, которыя разлучатъ васъ на вѣки; что цѣпь, сплетенная вами изъ цвѣтовъ, можетъ разорваться или обратиться въ цѣпь свинцовую. Но я этого не сдѣлаю. Если суждено этому случиться, то оно само собой случится очень скоро. Я хочу оставаться въ томъ убѣжденіи, что, спустя нѣсколько лѣтъ, любовь ваша другъ къ другу не измѣнится. Все, что я, руководимый этимъ убѣжденіемъ, хочу сказать вамъ, заключается въ томъ, что если чувства ваши переизмѣнятся, если вы откроете, что и въ зрѣломъ возрастѣ вы другъ для друга точно такіе же кузены (особенно въ твоимъ мужествѣ, Рикъ! ужъ ты извини меня!), какими были въ ребячествѣ, не стыдитесь быть откровенными со мной: въ этомъ ничего не будетъ необычайнаго или чудовищнаго. Помните, что я для васъ не больше, какъ добрый другъ и дальній родственникъ. Помните, что я не имѣю надъ вами ни малѣйшей власти. Если я не отвлекаю изъ нашихъ отношеній никакой пользы, то по крайней мѣрѣ имѣю право желать и надѣяться удержатъ за собой ваше расположеніе.

— Я убѣжденъ, сэръ, за себя, сказалъ Ричардъ: — убѣжденъ и за Аду, что вы имѣете надъ нами обоими весьма сильную власть, укрѣпившую наше уваженіе, признательность и преданность къ вамъ, и что эта власть усиливается съ каждымъ днемъ.

— Неопѣненный кузень! сказала Ада, склонясь къ нему на плечо: — я чувствую, что вы замѣнили мнѣ мѣсто отца. Вся любовь,

все послушаніе, которыя бы я должна питать къ отцу, вполнѣ передаются вамъ.

— Ну, хорошо, хорошо! скавалъ мистеръ Джорндисъ. — Займемтесь теперь нашими предположеніями. Откроемъ глаза и съ надеждою заглянемъ въ даль. Рикъ, свѣтъ передъ тобою. Какъ ты вступишь въ него, такъ онъ и приметъ тебя: это вѣрно, какъ дважды-два — четыре. Надѣйся на одно только Провидѣніе и на свои усилія. Никогда не раздѣляй ихъ другъ отъ друга. Постоянство въ любви — вещь превосходная; но она ровно ничего не значитъ безъ постоянства во всякаго рода трудахъ. Еслибъ ты имѣлъ дарованіе всѣхъ великихъ людей прошедшаго и нынѣшняго вѣка, ты ничего не сдѣлаешь путнаго безъ надлежащаго размышленія о предпріятіи, дѣлѣ и безъ особеннаго прилежанія. Если ты увлечешься убѣжденіемъ, что совершенный успѣхъ, въ большихъ дѣлахъ или малыхъ, зависѣлъ или могъ зависѣть, будетъ или можетъ зависѣть отъ фортуны, то разстанься съ этой ложной идеей, или разстанься съ кузиной своей Адой.

— Нѣтъ, ужъ я лучше разстанусь съ этой идеей, саръ, сказалъ Ричардъ, съ улыбкой: — я расстаюсь съ нею, если только привесъ ее сюда (надѣюсь, впрочемъ, что со мной этого не могло и не можетъ быть), и буду пробивать себѣ дорогу къ Адѣ съ надеждою на Провидѣніе и на свои усилія.

— Справедливо! сказалъ мистеръ Джорндисъ. — Если тебѣ не суждено сдѣлать ее счастливою, то зачѣмъ бы ты сталъ преслѣдовать ее?

— Я не хотѣлъ бы сдѣлать ее несчастною, даже еслибъ она и не любила меня, гордо возразилъ Ричардъ.

— Славно сказано! воскликнулъ мистеръ Джорндисъ: — славно сказано! Итакъ, Ада останется здѣсь, въ своемъ домѣ, со мною. Люби ее, Рикъ, въ своей дѣятельной жизни, столько же, сколько и въ ея домѣ, когда ты посѣтишь его, и все пойдетъ хорошо. Въ противномъ случаѣ все пойдетъ дурно. Вотъ и конецъ моей проповѣди. Я думаю, недурно будетъ, если ты прогуляешься съ Адой.

Ада съ нѣжностію обняла его. Ричардъ отъ души пожалъ ему руку и вмѣстѣ съ Адой вышелъ изъ комнаты, предварительно бросивъ взглядъ на меня, какъ будто давая этимъ знать, что они будутъ ждать меня. Дверь оставалась отворенною, и мы взорами слѣдили за ними въ то время, какъ они проходили по смежной комнатѣ, ярко освѣщенной лучами полуденнаго солнца, и скрылись въ двери въ отдаленной стѣнѣ ея. Ричардъ, склонивъ голову къ Адѣ, склонившейся къ нему на руку, что-то говорилъ ей съ большимъ жаромъ. Ада смотрѣла ему въ лицо, слушала и кромѣ Ричарда ни-

чего не видѣла. Такъ молоды, такъ прекрасны, такъ полны надежды и блестящихъ ожиданій! они безвѣчно шли, озаряемые яркими лучами солнца; быть можетъ, въ это же самое время въ ихъ мысляхъ пролетали грядущіе годы, озаренные лучами безпредѣльнаго счастья. Яркій свѣтъ солнца, озарившій ихъ, былъ случайный. Въѣстъ съ тѣмъ, какъ сырнѣлись они въ тѣни отдаленныхъ дверей, помрачилась и комната, и солнце скрылось за облака.

— Правъ ли я, Эсѣрь? спросилъ мой опекунъ, когда Ада и Ричардъ совершенно скрылись.

Тотъ, который былъ такъ добръ, такъ мудръ, спрашиваетъ меня, правъ ли онъ!

— Быть можетъ, это обстоятельство доставитъ Рикау качество, котораго недостаетъ въ немъ, — недостаетъ въ сердцѣ, въ которомъ такъ много прекраснаго! сказалъ мистеръ Джордансъ, кивая головою. Я ничего не сказалъ Адѣ, Эсѣрь, — не сказалъ потому, что она во всякое время имѣетъ при себѣ добраго друга и прекраснаго совѣтника.

И онъ положилъ руку мнѣ на голову, смотря на меня съ любовью.

Я не могла скрыть маленькаго волненія, хотя употребила все съ своей стороны, чтобы скрыть его.

— Успокойся, мой другъ! сказалъ онъ. — Намъ надо тоже позаботиться, чтобы жизнь нашей маленькой хозяйшкы не протекла въ заботахъ за другихъ.

— Въ заботахъ? Неопѣненный опекунъ мой, я считаю себя счастливейшимъ созданиемъ въ мірѣ!

— Вѣрю этому, сказалъ онъ. — Но, быть можетъ, кто нибудь найдеть — о чемъ Эсѣрь никогда и не подумала — что о маленькой хозяйшкѣ должно помнить болѣе всего на свѣтѣ.

Я забыла сказать въ своемъ мѣстѣ, что за семейнымъ обѣдомъ въ домѣ мистера Баджера сидѣлъ джентльменъ. Джентльменъ этотъ былъ врачъ, съ смуглымъ лицомъ. Онъ былъ очень скромнъ, но я находила его очень умнымъ и любезнымъ. По крайней мѣрѣ такъ отзывалась о немъ я Адѣ.

ГЛАВА XIV.

ПРЕКРАСНАЯ ОСАНКА И ИЗВѣСТНЫЯ МАНИЕРЫ.

На другой день вечеромъ, Ричардъ разстался съ нами, чтобы начать новое свое поприще, и, съ чувствомъ безпредѣльной любви

къ Адѣ и безпрѣдѣльнаго довѣрія ко мнѣ, поручилъ Аду мою по-
печенію. Мнѣ трогательно было подумать тогда, а еще трогатель-
нѣе вспоминать теперь (особливо зная всѣ послѣдующія обстоятель-
ства, которыя мнѣ должно описать), до какой степени ихъ мысли
были заняты мною, даже въ грустныхъ минуты разлуки. Я входила
во всѣ планы ихъ въ настоящемъ и будущемъ. Я должна была пи-
сать къ Ричарду разъ въ недѣлю и сообщать ему вѣрныя извѣстія
объ Адѣ, которая въ свою очередь должна была писать черезъ день.
Я должна получать собственноручныя доносенія Ричарда о ея за-
нятіяхъ и усѣхахъ; я должна наблюдать, до какой степени будутъ
сохраняться въ немъ рѣшительность и постоянство; мнѣ слѣдовало
быть ближайшей подругой Ады въ день ея свадьбы, жить вмѣстѣ
съ ними послѣ свадьбы, принять на себя ихъ домохозяйство, —
словомъ, мнѣ предстояло быть счастливой отъ этого дня и наве-
гда.

— А если выигравъ процессъ, мы разбогатѣемъ, Эсмир... вѣдь
мы выиграемъ непременно! сказалъ Ричардъ въ заключеніе.

При этихъ словахъ по лицу Ады пробѣжала легкая тѣнь.

— Неоцѣненная Ада, сказалъ Ричардъ, послѣ минутнаго молча-
нія: — почему же намъ не выиграть?

— Было бы лучше, еслибъ она кончилась сейчасъ же, хотя бы
мы остались бѣдными, сказала Ада.

— Ужъ не знаю, право, возразилъ Ричардъ: — можетъ ли она
рѣшиться такъ скоро. Она еще ничѣмъ не рѣшилась въ теченіе
Богъ знаетъ какого множества лѣтъ.

— Къ несчастію, это слишкомъ справедливо, сказала Ада.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ Ричардъ, отвѣчая скорѣе на
взоры Ады, чѣмъ на ея слова: — во всякомъ случаѣ, моя
кузина, чѣмъ дольше она тянется, тѣмъ скорѣе должно ждать рѣ-
шенія, какого бы рода оно ни было. Не правду ли я говорю?

— Ты знаешь лучше, Ричардъ. Но если мы станемъ надѣять-
ся, я боюсь, что эта надежда слѣзаетъ насъ несчастными.

— Но, моя Ада, вѣдь мы и не надѣемся на это! вскричалъ Ри-
чардъ, весело. — Мы знаемъ лучше, въ какой мѣрѣ можно пола-
гаться на нее. Мы только говоримъ, что если тяжба обогатитъ
насъ, то намъ не будетъ предостоять законнаго препятствія сдѣ-
латься богатыми. Верховный Судъ, по торжественному опредѣле-
нію закона, нашъ угрюмый старикъ-опекунъ, и мы въ правѣ пола-
гать, что все, чѣмъ онъ награждаетъ насъ, составляетъ наше не-
отъемлемое достояніе. А согласишься, что нѣтъ никакой необходи-
мости наговаривать на разладъ съ нашими правами.

— Конечно, вѣтъ, сказала Ада : — но, мнѣ кажется, лучше было бы забыть все это.

— И прекрасно! вскричалъ Ричардъ. — Дѣйствительно, лучше забыть все это. Мы предаемъ все это дѣло совершенному забвенію. Хозяйшка Дорденъ принимаетъ на себя одобряющее дѣяніе — и дѣлу конецъ!

— Одобряющее дѣяніе Хозяйшки Дорденъ, сказала я, выгнавъ изъ за сундука, въ который укладывала его книги : — не было видно, когда вы дали ему это названіе... Впрочемъ, оно дѣйствительно одобряетъ это, и хозяйшка Дорденъ полагаетъ, что лучше этого нельзя поступить.

Вслѣдствіе этого, Ричардъ еще разъ сказалъ, что дѣлу конецъ, и немедленно началъ, на точно такихъ же шаткихъ основаніяхъ, строить такое множество воздушныхъ замковъ, какого весьма было бы достаточно вооружить всю великую китайскую стѣну. Онъ расстался съ нами въ самомъ пріятномъ расположеніи духа: Ада и я, приготовленные въ сильной степени ощущать его отсутствіе, ввели самую тихую жизнь.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, мы зашли съ мистеромъ Джорджомъ къ мистриссъ Джеллиби, но, къ нашему несчастію, не застали ея дома. Оказалось, что она уѣзжала куда-то пить чай и брала съ собой миссъ Джеллиби. Кромѣ чаю ихъ ожидалъ значительный запасъ краснорѣчивыхъ спичей и убѣдительныхъ писемъ по предмету воздѣлыванія кофейныхъ плантацій и просвѣщенія туземцевъ колоніи Боррибула-Ха. Само собою разумѣется, все это требовало усиленной дѣятельности надъ перомъ и чернилами, и, слѣдственно роль, которую миссъ Джеллиби разъягивала въ этихъ совѣщаніяхъ, была весьма незавидная.

Спустя нѣсколько времени, и именно, когда мистриссъ Джеллиби слѣдовало возвратиться въ городъ, мы еще разъ посѣтили ея. Она была въ городѣ, но только не дома. Немедленно послѣ завтрака она отправилась въ отдаленную часть Лондона по африканскому вопросу, возникшему изъ Общества подъ названіемъ Восточно-Лондонской Отрадели Развѣтвленія Пособій. Такъ какъ я не видѣла Пини въ послѣднее наше посѣщеніе (въ тотъ разъ, когда нигдѣ не могли отыскать его, и когда, по мнѣнію кухарки, онъ, должно быть, бѣгалъ за телѣгой мусорщика), — я осѣдомилась о немъ и теперь. Устричныя раковины, изъ которыхъ Пини строилъ домики, находились въ коридорѣ; но его нигдѣ не уоматривалось, и, вѣроятно, какъ полагала та же самая кухарка, «онъ убѣжалъ за баранами».

— За баранами? повторила мы съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— О, да! отвѣчала кухарка. — Въ торговые дни онъ часто провозасть ихъ за городъ и возвращается оттуда въ такомъ положеніи, что и представить невозможно!

На слѣдующее утро, я сидѣла съ моимъ опекуномъ у окна, а Ада усердно занималась письмомъ, — безъ сомнѣнія, къ Ричарду, — когда намъ доложили о приходѣ миссъ Джеллиби. Вслѣдъ за тѣмъ она вошла къ намъ, ведя съ собой Пипи, слѣзать котораго презентабельнымъ, она употребила большія съ своей стороны усилія. Онъ уже не былъ такимъ замарашкой, хотя грязь слоями лежала въ углахъ его лица и рукъ; его волосы были сильно намочены и не вычесаны щеткой, но приглажены ладонью. Все платье на этомъ милomъ ребенкѣ было или черезчуръ велико для него, или слишкомъ мало. Между прочими изъ его несоотвѣтствующихъ другъ другу украшеній, на немъ была надѣта шляпа съ широкими полями и крошечныя перчатки. Его сапоги пригодились бы, безъ всякаго преувеличенія, пахарю, между тѣмъ какъ ноги его, до такой степени испещренныя царапинами, что представляли собою географическія карты, были обнажены ниже того мѣста, гдѣ очень коротенькіе, толстые панталоны оканчивались двумя наставками совершенно изъ другой матеріи. Недостающее число пуговиць на его неуклюжей курточкѣ очевидно было заимствовано отъ фрака мистера Джеллиби. Самые разнообразныя образчики швейнаго искусства выглядывали въ тѣхъ мѣстахъ его одежды, гдѣ требовалась необходимая и частая починка. Искусство штопанья я замѣчала и въ костюмѣ миссъ Джеллиби; но, несмотря на то, она удивительно какъ улучшилась въ своей наружности и казалась очень хорошенькою. Она убѣждена была, что маленькій Пипи былъ весьма неудачнымъ предметомъ всѣхъ ея трудовъ, и обнаружила свое убѣжденіе, взглянувъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ сначала на него, потомъ на насъ.

— О, Боже мой! сказалъ мой опекунъ. — Вѣтеръ дуетъ прямохонько съ востока.

Ада и я радушно приняли миссъ Джеллиби и представили ее мистеру Джорндису. Сѣвъ на стулъ, она сказала:

— Ма свидѣтельствуешь вамъ почтеніе и надѣется, что выизвините ее: она занимается теперь корректурою плана. На дняхъ она намѣрена выпустить въ свѣтъ пять-тысячь новыхъ циркуляровъ и знаетъ заранѣе, что для васъ интересно слышать это. Одинъ экземпляръ я принесла съ собой. Не угодно ли?

И вмѣстѣ съ этимъ она довольно угрюмо вручила циркуляръ.

— Благодарю васъ, сказалъ мой опекунъ : — премного обязанъ мистриссъ Джеллиби. Ахъ, Боже мой ! какой это несноснѣйшій, мучительнѣйшій вѣтеръ !

Мы занялись маленькимъ Пипи, свяли съ него шляпу, спрашивали его, помнить ли онъ насъ, и тому подобное. Сначала Пипи смотрѣлъ изъ подлобья, но при видѣ пирожного сбѣлся развязнѣе и позволилъ себѣ сѣсть ко мнѣ на колѣни, гдѣ онъ спокойно занимался лакомствомъ. Когда мистеръ Джорджъ удалился во временную Ворчалную, миссъ Джеллиби открыла обычный свой отрывистый разговоръ.

— Мы живемъ по прежнему гадко, говорила она : — я не имѣю покоя въ жизни. Разговоръ объ Африкѣ безконеченъ. Мнѣ бы насколько не было хуже, еслибъ я была чѣмънибудь другимъ.... пожалуйста, хоть, какъ они называютъ, человѣкомъ и собратомъ !

Я хотѣла было сказать ей что-то въ утѣшеніе.

— О, миссъ Коммерсонъ, это бесполезно ! воскликнула миссъ Джеллиби : — хотя за ваше доброе вниманіе я отъ души благодарю васъ. Я знаю, какъ со мной обходятся, и потому ваши слова меня не разувѣряютъ. Васъ бы тоже никто не разувѣрилъ, еслибъ съ вами обходились такимъ образомъ. Пипи, поди прочь, поди подъ фортепьяно, играй тамъ въ кошку и мышку.

— Не пойду ! сказалъ Пипи.

— Хорошо же ты, неблагодарный, негодный, жестокий мальчишка ! возразила миссъ Джеллиби, съ слезами на глазахъ. — Больше я тебя никогда не стану одѣвать.

— Пойду, Калли, сейчасъ пойду ! вскричалъ Пипи.

Дѣйствительно, это былъ такой милый и добрый ребенокъ и до такой степени былъ тронутъ огорченіемъ сестры своей, что тотчасъ же отправился по назначенію.

— Кажется, и словъ не стоитъ все это пустое дѣло, сказала бѣдная миссъ Джеллиби, въ видѣ извиненія : — а оно между тѣмъ совсѣмъ утомило меня. Я занималась циркулярами до двухъ часовъ утра. Я до такой степени презираю это занятіе, что только отъ одного этого у меня болитъ голова, болитъ такъ сильно, что я рѣшительно ничего не вижу. Взгляните на этого жалкаго, несчастнаго ребенка. Видали ли когданибудь такое пугало ?

Пипи, къ счастью, не сознававшій недостатковъ въ своей наружности, сидѣлъ на коврѣ позади ножки фортепьяно и спокойно выглядывалъ изъ своей конурки, продолжая ѣсть пирожное.

— Я затѣмъ послала его въ другой конецъ комнаты, чтобы онъ не слушалъ нашего разговора. Я этого не хочу, замѣтила миссъ Джеллиби, придвигая свой стулъ ближе къ нашимъ. — Эти

праздны, отецъ податливъ! Я хотѣла сказать рѣчь, что дѣла наши идутъ хуже прежняго. Но скоро сдѣлается банкротомъ, и тогда ма, я надѣюсь, будетъ совершенно довольна. За это никого больше не слѣдуетъ благодарить, какъ одну только ма.

Мы выразили надежду, что дѣла мистера Джеллиби не въ такомъ дурномъ положеніи, какъ она полагаеть.

— Безполезная надежда! хотя съ вашей стороны это весьма великодушно, возразила миссъ Джеллиби, качая головой. — Па ска- залъ мнѣ, не дальше, какъ вчера поутру (ахъ, онъ ужасно несчастливъ!), что ему не выдержать этого шторма. Да и въ самомъ дѣ- лѣ удивительно будетъ, если онъ выдержитъ. Когда всѣ наши ла- вочки присылають къ намъ такую дрянъ, какую вздумается имъ, когда прислуга наша дѣлаетъ съ этой дрянью, что хочетъ, когда у меня нѣтъ времени привести все это въ надлежащій порядокъ, ко- гда ма рѣшительно ни о чемъ не заботится, такъ ужъ, право, я не знаю, удастся ли моему па выдержать ужасный штормъ. Призна- юсь, будь я на его мѣстѣ, я бы давно убѣжала изъ дому!

— Душа моя! сказала я, улыбаясь. — Вашъ папа, безъ сомнѣ- нія, заботится о своемъ семействѣ?

— О, да, миссъ Коммерсонъ, у него славное семейство; но доставляетъ ли ему оно утѣшеніе? Его семейство! это все равно, что векселя, грязь, опустошеніе, шумъ, полеты съ лѣстницы внизъ головой, суматоха и злополучіе! Его безалаберный домъ отъ конца одной недѣли до конца другой представляетъ собою какую-то пра- чешную, хотя въ ней ничего не стирается.

Миссъ Джеллиби топнула ногой и утерла глаза.

— Конечно, я сожалѣю па только въ этой мѣрѣ, сказала она: — но на ма я такъ сердита, такъ сердита, что не нахожу словъ выра- зить свой гнѣвъ! Нѣтъ, ужъ я не намѣрена переносить это, — я рѣ- шилась. Я не хочу быть рабой во всю мою жизнь, не хочу дождать- ся поры, когда какой нибудь мистеръ Квэйль предложитъ мнѣ ру- ку. Чудесная вещь, право, быть женой филантропа! Нѣтъ, ужъ из- вините: я и безъ того вдоволь насмотрѣлась на нихъ!

Надобно признаться, что и я съ своей стороны не могла удер- жаться отъ гнѣва на мистриссъ Джеллиби, видя и слыша эту за- брошенную дѣвочку и убѣждаясь, какъ много горькой и насмѣшли- вой истины заключалось въ ея словахъ.

— Еслибъ мы не подлюбили другъ друга, когда вы останетесь од- нѣе въ нашемъ домѣ, продолжала миссъ Джеллиби: — мнѣ бы съдѣло было притти сюда сегодня: я знаю, какой бы смѣшной фи- гурой показалась я вамъ. Но, пользуясь вашимъ расположеніемъ, я

рѣшилась навѣстить васъ, особливо, когда я не надѣюсь увидѣться съ вами при будущемъ прїѣздѣ нашемъ въ Лондонъ.

Она сказала это такимъ многозначительнымъ тономъ, что Ада и я взглянули другъ на друга, ожидая отъ нея чего-то болѣе.

— О, нѣтъ! совсѣмъ не то, что вы думаете! сказала миссъ Джеллиби, живая головкой. — Впрочемъ, нѣтъ кажется, я могу не ложиться на васъ. Я увѣрена, вы не извините мнѣ. Я стесорена.

— И неужели въ домѣ нитѣ объ этомъ не знаютъ? спросила я.

— Ахъ, Боже мой! возразила она, скорѣе съ упрекомъ, нежели съ гнѣвомъ. — Миссъ Коммерсонъ, можетъ ли и быть это иначе? Вы знаете, что такое моя ма; а что касается на, я не хотѣла сказать ему, боясь еще болѣе разсердить его.

— Но, душа моя, выйти замужъ безъ его вѣдома и согласія — развѣ это не можетъ увеличить его несчастіе? спросила я.

— Нѣтъ, сказала миссъ Джеллиби, смягчалась. — Надѣюсь, что нѣтъ. Замужемъ я бы всячески старалась успокоить его и развлечь, когда онъ вѣдуваетъ навѣстить меня. Ко мнѣ приходилъ бы Пипи погостить, приходили бы и другіе, — словомъ сказать, о нихъ кто нибудь сталъ бы заботиться!

Въ Кадди было много нѣжнаго чувства. Говоря эти слова она, смягчалась болѣе и болѣе и такъ много плакала надъ этой невѣдомой для нея картиной семейнаго счастья, что Пипи въ своемъ уголку ноцъ фортепьяно былъ сильно разстроганъ и опрокинулся на спину съ горькими слезами. Только тогда могли мы совершенно успокоить его, когда я привела его поцаловать свою сестру и показала ему, что Кадди сибѣтся (и дѣйствительно, чтобъ подтвердить мои слова, она сибѣлась отъ чистаго сердца). Мы принуждены были не позволить ему поочереди ласкать наши подбородки и гладить грязной ручежкой наши лица. Наконецъ, когда онъ затихъ, мы посадили его на стулъ сѣстрѣть въ окно, и миссъ Джеллиби, придерживая его за ногу, предомышала свою нечестивѣду.

— Это началось съ перваго прїѣзда вашего къ намъ въ домъ, сказала она.

Весьма натурально, мы спросили ее: какинъ образомъ началось это?

— Я чувствовала, что была слишкомъ необразованна; отвѣчала она: — и потому рѣшилась, во что бы то ни стало, образованъ себя и начала учиться танцевать. Я сказала ма, что мнѣ стыдно за себя, в чѣ я должна учиться танцамъ. Ма взглянула на меня страннымъ своимъ взглядомъ, какъ будто я была внѣ предѣловъ ея зрѣнія; но я уже рѣшилась выучиться танцевать, и потому отправилась въ танцевальную школу мистера Торвидропъ, на улицѣ Ньюмартъ.

— И случилось тамъ, душа моя, что.... начала я.

— Да, это случилось тамъ, прервала Кади : — я створена за мистера Торвидропъ. Впрочемъ, надо вамъ сказать, тамъ два мистера Торвидронъ : отецъ и сынъ, и сынъ, безъ сомнѣнiя, мой Торвидронъ. Я бы ничего не желала больше, какъ только быть лучше воспитанной и сдѣлаться для него лучшимъ женой.... я очень, очень люблю его.

— Надобно признаться, сказала я : — мнѣ жаль слышать объ этомъ.

— Я не знаю, право, почему вамъ должно сожалѣть, возразила она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. — Впрочемъ, какъ хотите, сожалѣйте или нѣтъ, но только я створена за мистера Торвидропъ, и онъ меня очень любитъ. Это еще тайна даже съ его стороны, потому что старикъ мистеръ Торвидропъ очень привязанъ къ своему сыну, и внезапное объявленiе о нашей помолвкѣ крайне огорчило бы его и даже причинило бы ему ударъ. Старикъ мистеръ Торвидропъ очень учтивый, очень благородный человекъ.

— Знаетъ ли объ этомъ его жена? спросила Ада.

— Жена старика Торвидропъ? сказала миссъ Джеллиби, вынувъ глаза. — У него нѣтъ жены. Онъ вдовецъ.

Мы были прерваны на этомъ мѣстѣ маленькимъ Пипи. Миссъ Джеллиби, увлеченная предметомъ своего разговора, безпрестанно дергала его за ногу, какъ за снурокъ отъ колокольчика, и притомъ такъ сильно, что страданiя бѣднаго ребенка обличились наконецъ глухимъ, но выразительнымъ стономъ. Пипи обратился ко мнѣ съ умоляющимъ взглядомъ; а такъ какъ я была только слушательницей въ разговорѣ, то взяла на себя трудъ поддержать его. Миссъ Джеллиби, подадовавъ Пипи и увѣривъ его, что сдѣлала это безъ всякаго умысла, продолжала свое чистосердечное признанiе.

— Такъ вотъ въ какомъ положенiи находитесь дѣло! говорила Кади. — Если я должна краснѣть за это, то все же думаю, что виновата въ этомъ моя ма. Мы обвиняемся при первой возможности, и тогда я пойду къ отцу въ контору и оттуда напишу объ этомъ къ ма. Это не слишкомъ огорчить ее : я вѣдь для нея не больше, какъ перо и чернила. Величайшее утѣшенiе мое заключается въ томъ, что послѣ свадьбы я не услышу больше объ Африкѣ, сказала Кади, со слезами. — Молодой мистеръ Торвидропъ ненавидитъ ее изъ любви ко мнѣ; а если старый мистеръ Торвидропъ и знаетъ, что существуетъ такая страна, то этимъ и ограничивается все его знанiе.

— Это тотъ самый человекъ, который такъ учтивъ и благороденъ? сказала я.

— Очень благородствъ, отвѣчала Каади. — Въ этомъ отношеніи онъ настоящій джентльменъ. Онъ извѣстенъ почти всюду за свою прекрасную осанку и изящныя манеры?

— Онъ тоже чему нибудь учитъ? спросила Ада.

— Нѣтъ, особенному онъ ничему не учитъ, отвѣчала Каади. — Но его осанка — это просто прелесть!

Каади говорила потомъ, съ замѣтной нерѣшимостью, что осталась еще одна вещь, которую бы она хотѣла сообщить намъ, которую мы бы должны знать, и которая, она надѣялась, не могла показаться намъ непріятною. Дѣло въ томъ, что она упрочила знакомство съ миссъ Флайтъ, съ маленькой, нолоумной старушкой; что она часто ходитъ къ ней рано по утрамъ и встрѣчается тамъ съ своимъ возлюбленнымъ, но встрѣчается только на вѣсколько секундъ.

— Я хожу туда и въ другое время дня, говорила Каади: — но Принца тамъ не бываетъ. Молодого мистера Торвидроупъ зовутъ Принцемъ; мнѣ очень не нравится это имя, но что дѣлать! вѣроятно, онъ не самъ себя называлъ этимъ именемъ. Старый мистеръ Торвидроупъ называлъ его Принцемъ, въ честь принца-регента. Старый мистеръ Торвидроупъ обожалъ принца-регента за осанку и изящныя манеры. Надѣюсь, вы не станете думать обо мнѣ дуру за наши невинныя свиданія въ домѣ миссъ Флайтъ. Я отъ души люблю бѣдную старушку, да, кажется, и она меня любитъ. Еслибъ вы увидѣли молодого мистера Торвидроупъ, то, я увѣрена, вы бы стали имѣть о немъ хорошее понятіе; по крайней мѣрѣ, я увѣрена, вы бы не подумали о немъ чего нибудь дурного. Я иду теперь на урокъ. Я не смѣю просить васъ прогуляться со мной, миссъ Сомерсонъ; но если хотите, говорила Каади, дрожащимъ голосомъ: — я была бы очень рада, очень рада.

Случилось такъ, что мы условились съ опекуномъ сходить въ тотъ день къ миссъ Флайтъ. Мы рассказали ему о нашемъ первомъ визитѣ, и нашъ разсказъ очень интересовалъ его; но всегда встрѣчалось какое нибудь обстоятельство, которое мѣшало намъ отправиться туда въ другой разъ. Если я вполнѣ принимала довѣріе, которое миссъ Джеллиби такъ охотно возлагала на меня, то въ то же время я надѣялась на свое вліяніе, посредствомъ котораго расчлѣтывала отклонить ее отъ опрометчиваго шага, и потому рѣшила, что Пипи, я и она отправимся въ танцъ-классъ, и посаѣ класса встрѣтимъ мистера Джорндиса и Аду въ домѣ миссъ Флайтъ, имя которой я только теперь впервые узнала. Распоряженіе это сдѣлано было въ томъ условіи, что миссъ Джеллиби и Пипи воротятся къ намъ отобѣдать. Это условіе было принято охотно какъ братомъ,

танъ и сестрой. Съ помощію булавокъ, мыла, воды и голоешой щетки, мы принарядили Цепи, и вышли изъ дому, направивъ шагъ къ улицѣ Ньюманъ, находившейся въ весьма недалекомъ разстояніи.

Я нашла, что танцевальная школа была учреждена въ довольно мрачномъ домѣ, въ которомъ окна, освѣщающіе хѣтничку, украшены были различными бюстами. Въ томъ же домѣ помѣщались, такъ я узнала по дощечкамъ на дверяхъ, рисовальный учитель, продавецъ каменнаго угля (хотя для помѣщенія его угля во всемъ домѣ не было свободнаго угла) и литографъ. На дощечкѣ, величинной и положеніемъ отличавшейся отъ всѣхъ прочихъ, я прочитала имя: «мистеръ Торвалдронъ». Дверь была отворена и зала заставлена большимъ роялемъ, арфой и множествомъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ въ футлярахъ; все это передвигалось съ мѣста на мѣсто и при двавномъ свѣтѣ назалось какимъ-то кламенъ. Миссъ Желлиби сообщила мнѣ, что школа отдавалась нанаяунѣ для концерта.

Мы пошли дальше. Это былъ домъ красивый нѣвогда, и именно въ то время, когда на комъ нибудь лежала обязанность поддерживать въ немъ чистоту и свѣжесть, и когда на на комъ не лежало обязанности курить въ немъ въ теченіе цѣлаго дня. Наконецъ мы вошли въ большую комнату мистера Торвалдронъ, которая въ отдаленномъ концѣ раздѣлялась на нѣсколько кабинетскъ и освѣщалась сверху. Это была пустая комната, съ большимъ резонансомъ и съ запахомъ конюшни; вдоль стѣны стояло нѣсколько камышевыхъ стульевъ; самыя стѣны украшались въ симметрическомъ порядкѣ изображеніемъ лиръ, съ небольшими вѣтвями для свѣчей, отъ которыхъ, по виданію, точно такъ же сыпались сальныя капли, какъ сыпаются съ другихъ вѣтвей осеннія листья. Нѣсколько дѣвочекъ и дѣвицъ, отъ тринадцати и четырнадцати-лѣтняго до двадцати-двухъ и трехъ-лѣтняго возраста, составляли посреди комнаты неправильную группу. И въ то время, какъ я старалась отыскать между ними ихъ наставника, Кади схала мнѣ руку и сказала, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ свѣтскаго этикета:

— Миссъ Коммерсонъ, рекомендую вамъ мистера Принца Торвалдронъ.

Я слѣдила резерансъ маленькому человѣчку ребяческой наружности, съ голубыми глазами, блѣлокурыми, шалковистыми волосами, которые раздѣлялись по срединѣ головы правильными проборами и сплывались кудрями. Подъ лѣвой мышкой онъ держалъ маленькую скрипку, какую я, бывало, видала въ пивовѣ, гдѣ мы называли ее карманнымъ инструментомъ; въ лѣвой же рукѣ его находилась нѣ-

историческій смѣточъ. Бальные башмаки его отягались особенно медлыми рази́рами. Его махеры до такой степени были нежны, даже, можно сказать, женоподобны, что онъ не только понравилсѣ мнѣ, но произвелъ на меня въ своемъ родѣ замѣчательное впечатлѣнiе, — до такой степени замѣчательное, что я невольнымъ образомъ подумалъ, что онъ имѣлъ большое сходство съ его матерью, и что его мать или оставалась въ небреженiи, или съ ней обходились очень дурно.

— Я считаю за счастье видѣть подругу миссъ Джеллиби, сказалъ онъ, дѣлая мнѣ низкій поклонъ. — Теперь уже прошло назначенное время для начала класса, продолжалъ онъ съ робкой вѣжностью: — и я началъ бояться, что миссъ Джеллиби не пожалуетъ сегодня.

— Будьте такъ добры, прошу васъ, сэръ, сказала я: — припишите мнѣ эту вину: я задержала мою подругу и за то извиняюсь передъ вами.

— О, помилуйте! сказалъ мистеръ Торвидропъ.

— Пожалуста, продолжала я: — не позволяйте мнѣ быть виновницей дальнѣйшей остановки.

Вмѣстѣ съ этимъ извиненiемъ я отошла и сѣла на стулъ между Пипи и старушкой леди, съ угрюмымъ лицомъ, которая присутствовала въ классѣ съ двумя племянницами и крайне была недовольна сапогами Пипи. Принцъ Торвидропъ пробѣжалъ пальцами по струнамъ карманнаго инструмента, и ученицы его заняли свои мѣста. Въ это самое время изъ боковыхъ дверей появился старый мистеръ Торвидропъ въ полномъ блескѣ своего величiя.

Это былъ довольно тучный, пожилыхъ лѣтъ джентльменъ, съ искусственнымъ румянцомъ, искусственными зубами, искусственными бакенбардами и въ парикѣ. Онъ былъ перетянутъ, подбитъ даждѣ, натянутъ на штрипки, приглаженъ, пригланъ. Шейный платокъ его былъ такъ туго затянутъ (отчего и самые глаза его терли свой натуральный видъ), его подбородокъ и даже уши до такой степени углублялись въ него, что, казалось, если бы не тугая повязка щекъ, то голова его непременно бы упала на грудь или на спину, какъ увядшiй цвѣтокъ. Подъ мышкой у него находилась шляпа огромныхъ размѣровъ, которая отъ верхушки къ ногамъ замѣтно суживалась; въ рукѣ онъ держалъ пару бѣлыхъ перчатокъ, которыми похлопывалъ по шляпѣ. Онъ остановился въ классѣ и, сосредоточивъ всю свою тяжесть на одной ногѣ и приподнявъ одно плечо, принявъ неподражаемо величавую позу. При немъ находилась трость, находилась доржетка, находилась табакерка, находилась кольца, — словомъ, при немъ находилось все искусственное, но ничего натурального; онъ не былъ похожъ на юношу, не имѣлъ сред-

ства и съ почтеннымъ старцемъ; онъ не имѣлъ сходства ни съ чѣмъ въ мірѣ, какъ только съ образцомъ прекрасной осанки и изящныхъ манеръ.

— Батюшка! у насъ гостя — миссъ Джеллиби подруга, миссъ Сомерсонъ.

— Миссъ Сомерсонъ, сказалъ мистеръ Торвидроупъ: — сдѣлала мнѣ отличіе своимъ посѣщеніемъ.

И въ то время, какъ онъ кланялся, сохраняя свое натянутое положеніе, мнѣ показалось, что на бѣлкахъ его глазъ образовались складки.

— Мой батюшка, сказалъ сынъ, обращаясь ко мнѣ, съ сыновнимъ убѣжденіемъ въ достоинствахъ своего родителя: — мой батюшка — человекъ весьма замѣчательный. Всѣ восхищаются моимъ родителемъ.

— Продолжай, Принцъ! продолжай свои занятія! сказалъ мистеръ Торвидроупъ, стоя спиной къ камину и съ видомъ нѣжнаго покровительства махая перчаткой. — Продолжай, дитя мое!

При этомъ повелѣніи, или, вѣрнѣе, при этомъ милостивомъ разрѣшеніи, урокъ пошелъ своимъ чередомъ. Принцъ Торвидроупъ, выплывая различныя па, отъ времени до времени наигрывалъ на своемъ карманномъ инструментѣ; иногда, стоя, игралъ на фортепьяно; иногда, поправляя учениковъ, напѣвалъ въ полголоса мотивы танца; безпрестанно и добросовѣстно выдѣлывалъ съ неповоротливими каждый прыжокъ и каждую часть фигуры, — словомъ, онъ минуты не оставался въ покоѣ. Блистательный родитель его во все это время ничего больше не дѣлалъ, какъ только грѣлся у камина, и представлялъ собою образецъ прекрасной осанки и изящныхъ манеръ.

— Да онъ ничего больше и не дѣлаетъ, сказала старушка леди съ угрюмымъ лицомъ. — И послѣ этого неужли вы повѣрите, что на дверяхъ выставлено *его* имя, а не когонибудь другого?

— Но вѣдь и сынъ его носить то же самое имя, сказала я.

— Помилуйте! да еслибъ только можно было, онъ бы вовсе не позволялъ сыну носить какоенибудь имя, возразила старушка. — Взгляните на платье сына. (И дѣйствительно, оно было очень незатѣйливо — мѣстами изношено, мѣстами даже оборвано) и взгляните вы на отца: вѣдь на немъ совершенно все съ иголочки; а почему? потому, что у него, видите, прекрасная осанка! Я бы ему показала осанку! Я бы его сослала съ этой осанкой въ Ботани-бей.

Любопытство подстрекало меня узнать чтонибудь болѣе объ этой особѣ.

Я спросила :

— Не дасть ли онъ теперь уроковъ прекрасной осанки?

— Куда ему! рѣзко отвѣчала старушка.

Послѣ минутнаго размышленія, я намекнула, что, быть можетъ, онъ дасть уроки фектовальнаго искусства?

— Да онъ самъ ровно ничего не смыслить въ этомъ, отвѣчала старушка.

Я посмотрѣла съ удивленіемъ и любопытствомъ узнать еще болѣе. Старушка, болѣе и болѣе воспламеняясь гнѣвомъ противъ образца прекрасной осанки, распространилась по поводу этого предмета и сообщила мнѣ нѣсколько подробностей о карьерѣ мистера Торвидропъ-старшаго, съ горячими увѣреніями, что съ ея стороны все это высказано было въ самой умѣренной степени, безъ всякаго преувеличенія.

Не занимаясь въ жизни рѣшительно ничѣмъ, кромѣ усовершенствованія своей прекрасной осанки и изящныхъ манеръ, онъ женился на кроткой учительницѣ танцованья съ посредственнымъ образованіемъ и, для поддержанія тѣхъ расходовъ, которые неизбѣжны были при его положеніи въ обществѣ, замучилъ несчастную жену свою до смерти, или, вѣрнѣе сказать, принуждалъ ее заниматься своей профессіей до такой степени, что, изнуренная, она сошла въ могилу. Чтобы обнаружить свою осанку передъ лучшими образцами и постоянно имѣть передъ собой лучшіе образцы, онъ считалъ необходимымъ посѣщать всѣ публичныя мѣста, куда собирается фешенебельный и праздный кругъ; считалъ за нужное въ фешенебельные сезоны показываться въ Брайтонѣ и другихъ мѣстахъ и вообще вести самую безпечную жизнь, въ платьѣ, сшитомъ по послѣднему фасону. Чтобы доставить ему средства исполнять всѣ свои прихоти, преданная жена-танцмейстерша трудилась и работала и, быть можетъ, трудилась бы и работала теперь, еслибъ только достало силъ ея на столь долгое время.

Сущность этого разказа состояла въ томъ, что, несмотря на самолюбіе мужа, поглощавшее всѣ другія чувства, его жена, находясь подъ обаяніемъ его прекрасной осанки, до послѣдней минуты своей жизни, вѣрила въ его прекрасныя качества и на смертномъ одрѣ, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, поручила его сыну, какъ существу, имѣвшему полное право на родительскую любовь, и на котораго родитель, въ свою очередь, никогда не могъ бы смотрѣть съ излишней гордостію и равнодушіемъ. Сынъ, наслѣдовавъ убѣжденіе и довѣріе своей матери и имѣя всегда передъ собой образецъ прекрасной осанки, дожилъ до тридцатилѣтняго возраста, работалъ за отца по двѣнадцати часовъ въ день и съ особеннымъ подобостра-

стиемъ смотрѣлъ на него, какъ на существо, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ.

— И посмотрите, какъ онъ важничаетъ! говорила моя сосѣдка, съ безмолвнымъ негодованіемъ вѣдая головой на стараго мистера Торвидроупъ, который въ эту минуту натягивалъ узкія перчатки и, разумѣется, вовсе не подозревалъ, какія чувства онъ внушалъ почтенной леди. — Воображаетъ себѣ, что онъ рѣшительно аристократъ! Онъ такъ снисходительно ласковъ къ своему сыну, котораго такъ отлично надуваетъ, что, право, другой сочтетъ его за отличнаго отца! Гм! я бы сейчасъ укусила его! сказала старушка, осматривая его съ ногъ до головы, съ видомъ безпредѣльнаго негодованія.

Въ душѣ я не могла удержаться отъ смѣха, хотя и слушала разсказъ старой леди съ чувствомъ искренняго участія. Имѣя передъ глазами отца и сына, трудно было сомнѣваться въ справедливости ея словъ. Какое бы могла я сдѣлать заключеніе о нихъ безъ разсказа сосѣдки, или какое бы могла я сдѣлать заключеніе о разсказѣ сосѣдки безъ нихъ, — право, я не умѣю сказать. Во всемъ, что заставляло меня убѣждаться, не проглядывало ни малѣйшей несообразности.

Мои глаза все еще перебѣгали отъ молодого мистера Торвидроупъ, такъ усердно работавшаго, на стараго мистера Торвидроупъ, такъ прекрасно державшаго себя, когда послѣдній величаво подошелъ ко мнѣ и вступилъ въ разговоръ.

Онъ прежде всего спросилъ меня, сообщая ли я очарованіе и блескъ столицъ Британіи, проживая въ ней? Разумѣется, я не сочла нужнымъ высказать ему совершенное свое убѣжденіе въ противномъ, но просто отвѣчала ему, гдѣ находилась наша квартира.

— Такая прекрасная и образованная леди, сказалъ онъ, цалуя свою правую перчатку и потомъ указавъ на собраніе учащихся: — вѣроятно, будетъ смотрѣть снисходительнымъ окомъ на здѣшніе недостатки. Съ своей стороны, мы дѣлаемъ все, чтобы полировать молодыхъ людей, — полировать и полировать!

Онъ съѣлъ подлѣ меня, употребивъ нѣкоторые усилия для сдержанія лозы величаваго образца, изображеніе котораго висѣло надъ диваномъ. И действительно, онъ какъ нельзя болѣе былъ похожъ на него.

— Полировать молодыхъ людей, — полировать и полировать! повторилъ онъ, взявъ щепотку табаку и вѣжно отряхавъ пальцы. Но въ настоящее время мы... если позволено мнѣ будетъ выразиться такъ передъ особой, которая одарена всѣми совершенствами отъ природы и искусства, — я при этомъ мистеръ Торвидроупъ, при-

поднявъ плечо, поклонился, чего, по видимому, не могъ исполнить безъ того, чтобъ не задернуть бровей кверху и не прищурить глаза... въ настоящее время мы советуемъ не то, чѣмъ бы слѣдовало быть намъ въ отношеніи къ прекрасной осанкѣ и изящнымъ манерамъ.

— Неужели, сэръ? сказала я.

— Мы совсѣмъ переродились, возразилъ онъ, кивая головой, — но это киванье въ его галстухѣ не могло быть слишкомъ размахистомъ. Прозанческій вѣкъ неблагопріятенъ для прекрасной осанки. Онъ развиваетъ вульгарность. Можетъ статься, я говорю это съ маленькимъ пристрастіемъ. Мнѣ бы, можетъ быть, не слѣдовало говорить, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ меня называли *дементльменовомъ* Торвидроуъ, не слѣдовало бы говорить, что Его Высочество Принцъ-Регентъ, возвращаясь изъ Брайтонскаго паніона (о какомъ чудномъ зданіи!) и замѣтивъ, съ какой граціей приподнималъ я шляпу, удостоилъ меня величайшей почести, спросивъ обо мнѣ: «Кто это таковъ? Почему я не знаю его? Почему не имѣеть онъ доходу въ тридцать тысячъ фунтъ стерлинговъ?» Впрочемъ, это маленькое событіе, обратившееся въ анекдотъ — обыкновенная участь, сударыня, всѣхъ подобныхъ событій — и теперь еще повторится, при нѣкоторыхъ случаяхъ, между людьми высokaго сословія.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала я. — И мистеръ Торвидроуъ подтвердилъ слова свои величавымъ поклономъ съ приподнятіемъ плеча.

— Вотъ только между этими людьми и сохранилось еще въ нѣкоторой степени то, что называемъ мы прекрасной осанкой и изящными манерами, прибавилъ онъ. — Англія — увъ! бѣдное мое отечество! весьма замѣтно переродилась; она перерождается съ каждымъ днемъ. Въ ней уже очень, очень немного осталось дментльменовъ. Да, насъ очень немного. Я прелвижу, что насъ смѣнитъ пологѣе.... ткачей!

— Надобно полагать, однако, что здѣсь, въ нашемъ домѣ, пологѣе дментльменовъ останется непрерывнымъ, сказала я.

— Вы слишкомъ добры, сударыня, отвѣчалъ образецъ дментльменовъ, съ поклономъ, сопровождаемымъ улыбкой и приподнятіемъ плеча. — Вы любите мнѣ, сударыня. Но нѣтъ... нѣтъ! Я еще до сихъ поръ не могъ внушить моему сыну этой прекрасной частицы его искусства. Избави небо, чтобы я рѣшился увидѣть достоинства моего любезнаго сына, но все же скажу вамъ по правдѣ, у него нѣтъ прекрасной осанки, въ немъ нѣтъ изящныхъ манеръ!

— Однако, онъ, кажется, превосходный учитель, замѣтила я.

— Такъ точно, сударыня: онъ учитель превосходный. Все, что можно приобрѣсть, онъ приобрѣлъ. Все, что можно передать, онъ можетъ передать. Но есть вещи... при этомъ онъ взялъ другую ще-

потку табаку и сдѣлалъ поклонъ, какъ будто желая сказать, напрямъ: вотъ какъ эта вещь!

Я устремила свой взоръ къ среднѣй комнатѣ, гдѣ обожателемъ миссъ Джеллиби, занимаясь въ это время отдѣльно съ каждой ученицей, трудился сильнѣе прежняго.

— Мой милый сынъ, проиждесь мистеръ Торвидронъ, поправляя галстухъ.

— Вашъ сынъ неутомимъ, сказала я.

— Такой отзывъ для меня награда, сказалъ мистеръ Торвидронъ. — Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ, дѣйствительно, пошелъ по стопамъ покойной матери. Это было преданное созданіе. Но женщины, — дивныя женщины! прибавилъ мистеръ Торвидронъ, съ такой вычурностью, которая мнѣ крайне не понравилась: — вы созданія непостижимыя!

Я встала и подошла къ миссъ Джеллиби, которая въ это время надѣвала шляпку. Время, определенное для урока, миновало, и миновало давно, а потому началось общее надѣваніе шляпокъ. Когда миссъ Джеллиби и ее нареченный находили случай объясняться другъ съ другомъ и влюбиться другъ въ друга, я не знаю. Знаю только, что при этомъ случаѣ мнѣ не удалось обмѣняться словомъ.

— Милый мой, знаешь ли, который часъ? благосклоннымъ тономъ спросилъ мистеръ Торвидронъ своего сына.

— Нѣтъ, батюшка, не знаю. — У сына не было часовъ, а у отца были хорошенькіе золотые. Онъ вынулъ ихъ изъ кармана съ такимъ видомъ, который бы послужилъ примѣромъ человѣческому роду.

— Два часа, мой сынъ; не забудь, что въ три тебѣ предстоитъ урокъ въ Кенсингтонѣ.

— Не беспокойтесь, батюшка, я еще успѣю, сказалъ Принцъ. — Я пообѣдаю на скорую руку и отправлюсь.

— Все же, мой сынъ, не мѣшаетъ поторопиться. На столѣ стоитъ холодная баранина — покушай на здоровье.

— Благодарю васъ, батюшка. — Вы уже уходите?

— Да, мой другъ. Я полагаю, что мнѣ, по обыкновенію, должно показаться въ городѣ, сказалъ мистеръ Торвидронъ, прищуривъ глаза и приподнявъ плечи, въ знакъ скромнаго сознанія своего достоинства.

— Я бы совѣтовалъ вамъ съ комфортомъ пообѣдать гдѣнибудь.

— Я и самъ думаю объ этомъ. Я полагаю, что отобѣдаю во французскомъ ресторанѣ — Оперной Колоннадѣ.

— Вотъ это прекрасно! До свиданія, батюшка!

— До свиданія, мой сынъ. Господь надъ тобой!

Мистеръ Торвидронъ сказалъ это съ отеческою нѣжностію и благочестіемъ, по видимому, какъ нельзя сильнѣе подѣйствовавши на сына, который, разлучаясь съ отцомъ, до такой степени былъ доволенъ имъ, до такой степени почитателенъ къ нему, до такой степени гордился имъ, что въ эту минуту я была почти убѣждена, что безусловная преданность и почитательность къ старшимъ должны стоять въ главѣ всѣхъ обязанностей молодого человѣка. Нѣсколько минутъ, употребленныхъ Принцемъ на прощанье съ нами (и въ особенности съ одной изъ насъ), еще сильнѣе увеличило во мнѣ пріятное впечатлѣніе въ пользу его, можно сказать, дѣтскаго характера. Въ то время, какъ онъ укладывалъ въ карманъ свою миниатюрную скрипку, а вмѣстѣ съ ней и громадное желаніе остаться съ Кадди еще на нѣсколько секундъ, я чувствовала къ нему искреннее расположеніе и состраданіе. Въ пріятномъ настроеніи духа онъ отправился сначала къ холодной баранинѣ, а потомъ на урокъ въ Кенсингтонъ, такъ что все это едва ли не болѣе заставляло меня сердиться на отца, чѣмъ на рассказъ угрюмой леди.

Отецъ отворилъ намъ дверь и поклонился такъ величаво, что, признаюсь, онъ вполне оправдывалъ собственное свое мнѣніе о своемъ высокомъ достоинствѣ и значеніи въ свѣтѣ, и въ то же время доказалъ, что онъ вполне заимствовалъ и усвоилъ всѣ изящныя манеры отъ своего блестящаго патрона. Точно съ тою же ловкостью и вѣжливостію онъ проводилъ насъ черезъ улицу, отправляясь въ аристократическую часть города, гдѣ намѣренъ былъ показаться между весьма ограниченнымъ числомъ оставшихся джентльменовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я до такой степени углубилась въ размышленія о видѣнномъ мною въ улицѣ Ньюманъ, что совершенно не могла разговаривать съ Кадди, не могла даже сосредоточить своего вниманія надъ тѣмъ, о чемъ она говорила со мной. Я думала и передумывала о томъ, неужли есть и въ самомъ дѣлѣ или бывали когда нибудь джентльмены, которые, не имѣя даже танцевальной профессіи, жили чужими трудами и пріобрѣтали нѣкоторую извѣстность собственно за свою прекрасную осанку и изящныя манеры? Это размышленіе сдѣлалось наконецъ такъ запутанно и допускало возможность существованія такого множества джентльменовъ, подобныхъ мистеру Торвидронъ, что я сказала самой себѣ: «Эсенъ, выкинь это изъ головы и будь внимательна къ Кадди.» Я такъ и сдѣлала, и мы до самаго Ливкольтъ-Ина безъ умолку говорили другъ съ другомъ.

Кадди между прочимъ сообщила мнѣ, что воспитаніе ея возлюбленнаго оставлено было въ такомъ небреженіи, что не всегда

легко можно прочитывать его записки. Она говорила, что было бы гораздо лучше, еслибы онъ заботился больше о правописаніи и меньше употреблялъ старанія на наружную отдачу своихъ писемъ, что онъ вставлялъ въ слова такое множество буквъ, что иногда онѣ совершенно теряли свою національную наружность. «Конечно, я увѣрена, онъ дѣлаетъ это съ добрымъ намѣреніемъ — замѣчала Кадди — но бѣдняжка совсѣмъ не замѣчаетъ, какъ мало пользы отъ того!» Кадди послѣ того старалась доказать мнѣ, что не можно ожидать отъ него образованія, когда онъ всю свою жизнь провелъ въ танцклассѣ и ничего больше не дѣлалъ, какъ только учился и трудился, трудился и училъ, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ! Да, впрочемъ, бѣда не велика! Она ручается, что сумѣетъ писать письма и за себя и за него, и что для него гораздо лучше быть любезнымъ, нежели ученымъ. «Да къ тому же и сама я не такъ образована, чтобы быть черезчуръ взыскательной», говорила Кадди. — Я увѣрена, что сама ровно ничего не знаю, и за это, конечно, должна благодарить мою мама!

— Есть еще одна вещь, которую мнѣ бы хотѣлось сообщить вамъ, пока мы однѣ, продолжала Кадди. — Я не хотѣла сказать вамъ объ этомъ, миссъ Сомерсонъ, прежде, чѣмъ вы сами не увидите Принца. Вы вѣдь знаете, что такое нашъ домъ и наше хозяйство. Въ нашемъ домѣ бесполезно было бы заняться приобретеніемъ свѣдѣній, которыя очень не мѣшаетъ имѣть жемъ Принца. Мы живемъ въ такой суматохѣ, что подобное предпріятіе совершенно невозможно, и я, принимаясь за него, каждый разъ удадала духомъ болѣе и болѣе. Поэтому я приобретаю маленькій навыкъ къ хозяйству — какъ вы думаете отъ кого? — отъ бѣдной миссъ Флайтъ. Рано по утрамъ, я помогаю ей прабирать ея комнату, чистить клетку для ея птичекъ, готовить ей чашку кофе (до этого я, право, не умѣла и взялась за это), и я научилась готовить его такъ отлично, что Принцъ говоритъ, будто бы лучше этого кофе онъ никогда не пивалъ, и что такимъ кофе остался бы доволенъ даже и отецъ его, который въ этомъ отношеніи весьма разборчивъ. Я умѣю теперь готовить незатѣйливые пудинги, умѣю купить кусокъ баранины, чаю, сахару, масла, и сдѣлать некоторыя другія хозяйственныя распоряженія. Я не умѣю иглою взять въ руки, сказала Кадди, бросивъ взглядъ на заплатки курточки Пипи: — во современемъ надѣюсь усовершенствовать себя и въ этомъ. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась я нареченной Принца, съ тѣхъ поръ, какъ стала заниматься всѣмъ этимъ, и чувствую себя въ лучшемъ расположеніи духа и какъ-то охотнѣе прощаю моей ма. Сегодня утромъ мнѣ стало немного досадно и обидно, когда

увидѣла васъ и миссъ Кларъ такими шардышными и такими хорошевыми, — мнѣ стало стыдно и за Пипи и за себя; но при всемъ томъ, мнѣ кажется, что нравъ мой сдѣлался лучше прежняго, и что я болѣе прежняго готова прощать моей ма,

Бѣдная дѣвочка, такъ много употреблявшая усміей для своего образованія, говорила это отъ чистаго сердца и трогала мое сердце.

— Милая Кадди, сказала я: — я начинаю любить тебя, и, надѣюсь, современемъ мы будемъ друзьями.

— О, неужли? воскликнула Кадди: — это было бы для меня величайшимъ счастьемъ!

— Кадди, душа моя, сказала я: — будемъ друзьями съ этой минуты, станемъ говорить какъ можно чаще объ этихъ вещахъ и прокладывать прямую дорогу къ твоему благополучію.

Кадди была въ восторгѣ. Чтобъ утѣшить и ободрить ее, я высказала ей по своему все что могла, — и въ тотъ день, мнѣ кажется, я не сдѣлала бы ни одного возраженія мистеру Торвидроупъ, изъ одного только искренняго желанія счастья его будущей невѣсткѣ.

Между тѣмъ мы подошли къ дому мистера Крука, котораго задняя дверь была отворена. Надъ дверью приклеенъ былъ билетъ, объявлявшій объ отдачѣ въ наемъ комнаты во второмъ этажѣ. Это обстоятельство напомнило Кадди сообщить мнѣ о скоропостижной смерти въ домѣ Крука и о сдѣланныхъ по поводу такого происшествія, и что миссъ Флайтъ была больна при этомъ случаѣ отъ сильнаго испуга. Дверь и окно опустѣлой комнаты были открыты, и мы заглянули въ нее. Это была комната съ тѣмъ мрачнымъ входомъ, на который миссъ Флайтъ обратила мое вниманіе при первомъ нашемъ посѣщеніи. Уныло и пустынно было это мѣсто! мрачное, печальное мѣсто, производившее во мнѣ какое-то странное ощущеніе унынія и даже ужаса.

— Вы поблѣднѣли, сказала Кадди, когда мы вышли изъ нея: — вы озабли!

И дѣйствительно, я чувствовала, что въ этой комнатѣ меня обѣвало могильнымъ холодомъ.

Разговаривая по дорогѣ, мы шли медленно, и потому опекуи мой и Ада пришли сюда равнѣ насъ и уже давно сидѣли въ комнаткѣ миссъ Флайтъ. Они любовались птичками, между тѣмъ какъ медикъ, который взялъ трудъ на себя со всею заботливостью и состраданіемъ лечить миссъ Флайтъ, весело разговаривалъ съ ней подлѣ камина.

— Я кончилъ свой визитъ, сказалъ онъ, отходя отъ камина. Миссъ Флайтъ гораздо лучше, и завтра ей можно будетъ отпра-

виться въ присутствіе, если ей непремѣнно того хочется. — Я понимаю, черезъ болѣзнь свою она многое теряетъ тамъ.

Миссъ Фляйтъ приняла этотъ комплиментъ съ удовольствіемъ и сдѣлала намъ общій книксенъ.

— Второе посѣщеніе отъ всей опеки мистера Джорндиса приноситъ мнѣ большую честь, сказала она. — За особенное счастье вмѣняю себѣ принять Джорндиса изъ Холоднаго Дома въ моемъ смиренномъ пріютѣ (при этомъ особенный книксенъ мистеру Джорндису). Фицъ-Джорндисъ, душа моя, еще разъ здравствуйте!

Это имя относилось къ Каади, и миссъ Фляйтъ, кажется, иначе не звала ее.

— А что, она была очень нездорова? спросилъ мистеръ Джорндисъ джентльмена, котораго мы застали въ совѣщаніи съ миссъ Фляйтъ.

Миссъ Фляйтъ поспѣшно отвѣчала на это сама, несмотря, что вопросъ былъ сдѣланъ почти шопотомъ.

— Рѣшительно болѣла! очень, очень нездорова, сказала она, серьезнымъ тономъ и съ нѣкоторою таинственностію. — Особенной боли не чувствовала, но, знаете, такое безпокойство! Я страдала не столько тѣломъ, сколько нервами.... да, нервами! Знаете ли, продолжала она, понизивъ голосъ и дрожа всѣмъ тѣломъ: — вѣдь здѣсь была смерть. Въ этомъ домѣ былъ ядъ. А такія ужасныя вещи сильно дѣйствуютъ на весь мой организмъ. Это испугало меня. Одинъ только мистеръ Вудкортъ знаетъ, какъ сильно была я перепугана. Рекомендую вамъ, это мой врачъ, мистеръ Вудкортъ! (съ особенной важностью) Это опека Джорндиса, это самъ Джорндисъ изъ Холоднаго Дома, а это Фицъ-Джорндисъ!

— Миссъ Фляйтъ, сказалъ мистеръ Вудкортъ, такимъ серьезнымъ тономъ, какъ будто онъ говорилъ прямо ей, хотя слова его и относились къ намъ, въ то же время нѣжно взялъ ее за руку: — миссъ Фляйтъ описываетъ свой недугъ съ свойственною ей аккуратностію. Она была разстроена происшествіемъ въ здѣшнемъ домѣ, — происшествіемъ, которое бы встревожило и болѣе твердую особу; разстройство ея перешло въ довольно опасную болѣзнь. Она привела меня сюда при первой тревогѣ въ домъ; но уже было слишкомъ поздно, чтобъ оказать съ моей стороны какую нибудь пользу несчастному. За эту неудачу я вознаградила себя тѣмъ, что былъ хоть немного, но полезенъ ей.

— Это великодушнѣйшій медикъ изъ всѣхъ медиковъ, прошептала мнѣ миссъ Фляйтъ. — Я ожидаю рѣшенія суда, то есть я жду дня страшнаго суда, и тогда передамъ ему все мое достояніе.

— Дня черезъ два, сказала мистеръ Вудкортъ, поглядывая на старушку съ наблюдательной улыбкой: — дня черезъ два, безъ сомнѣнiя, она будетъ по прежнему здорова. Слышали вы объ ея особенномъ счастиі?

— О моемъ самомъ необыкновенномъ счастиі! подхватила миссъ Фляйтъ, и лицо ея озарилось самодовольной улыбкой. — Я увѣрена, душа моя, вы никогда и ничего подобнаго не слышали. Каждую субботу, сладкорѣчный Кэнджъ, или Гуппи, пиছেтъ сладкорѣчнаго Кэнджа, кладетъ мнѣ въ руку сверточекъ шиллинговъ. Да, шиллинговъ, увѣрю васъ! И каждый разъ въ этомъ сверточкѣ оказывается одно и то же число шиллинговъ. Всякій разъ приходится по шиллингу на каждый день въ недѣль. Теперь вы знаете! И какъ кстати, не правда ли? очень кстати! А что вы скажете, откуда являются эти сверточки? Это весьма важный вопросъ. Очень естественно. Сказать ли вамъ, что я думаю объ этомъ? Я думаю, говорила миссъ Фляйтъ, отступивъ назадъ, съ весьма проникательнымъ взглядомъ и грозя пальцемъ весьма выразительно: — я думаю, что ихъ посылаетъ великій канцлеръ, который убѣдился наконецъ въ медленномъ вскрытіи великой печати (а она давно-давно уже вскрывается). Это будетъ продолжаться, пока не кончится мое дѣло. Вѣдь, не правда ли, что это весьма правдоподобно? Однако, какъ хотите, но *онъ* черезчуръ ужъ тянетъ человѣческую жизнь — это верхъ деликатности! Присутствуя въ Верховномъ Судѣ.... а я присутствую тамъ, съ моими документами, очень аккуратно.... я обвиняла его въ томъ, и онъ почти признался. Я это заключаю потому, что когда улыбнусь ему съ своей скамейки, *она* мнѣ тоже улыбнется. Однако, какъ вамъ угодно, а это ужъ мое особенное счастье, не правда ли? Фицъ-Джорндисъ откладываетъ эти денежки съ величайшей для меня выгодой. О, увѣрю васъ, съ величайшей выгодой!

Я поздравляла ее съ этимъ счастливымъ приращеніемъ ея доходовъ и пожелала, чтобъ оно надолго продолжалось. Я не старалась отгадать, откуда проистекалъ этотъ источникъ, не удивлялась такому замѣчательному великодушію. Овекувъ мой стоялъ передо мной, рассматривая птичекъ, и я знала, о чемъ онъ думалъ въ это время.

— Скажите, ма'мъ, какъ вы называете своихъ птичекъ? спросилъ онъ своимъ пріятнымъ голосомъ. — Не имѣютъ ли онѣ какихъ нибудь особенныхъ названій?

— Въ этомъ случаѣ я могу отвѣчать за миссъ Фляйтъ, что у каждой изъ нихъ есть свое имя, сказала я. — Миссъ Фляйтъ обѣ-

щала намъ сказать эти имена. Ада, вѣроятно, помнитъ это обѣщаніе?

Ада помнила очень хорошо.

— Неужели я и въ самомъ дѣлѣ обѣщала? сказала миссъ Флайтъ. — Однако, кто это стоитъ у моихъ дверей? Крукъ, зачѣмъ вы подслушиваете у дверей?

Старикъ Крукъ, хозяинъ дома, распахнувъ дверь, очутился въ комнатѣ съ мѣховой своей шапкой въ рукѣ и своей кошкой позади, у самыхъ ногъ.

— Я вовсе не подслушивалъ, миссъ Флайтъ, сказалъ Крукъ. — Я только что хотѣлъ стукнуть въ вашу дверь, вотъ этими косточками, а вы и крикнули.

— Прогоните вашу кошку. Вонъ ее отсюда! сердито воскликнула старушка.

— Ба! ба! Тутъ нѣтъ никакой опасности, господа, сказалъ мистеръ Крукъ, медленно и проникательно останавливая взглядъ свой на каждомъ изъ насъ поодиначкѣ: — моя кошка не тронетъ птичекъ, если я не прикажу.

— Пожалуста, извините вы моего домовладѣльца, сказала старушка, обнаруживая свое достоинство. — Онъ вѣдь, того.... съумасшедшій. — Чего же вы хотите, Крукъ, когда у меня гости?

— Ха, ха! Вѣдь вы знаете, что я лордъ-канцлеръ.

— Знаю, возразила миссъ Флайтъ. — Чтѣ же изъ этого слѣдуетъ?

— Какъ чтѣ? сказалъ старикъ, съ какимъ-то клокотаньемъ въ горлѣ. — Для лорда-канцлера не быть знакомымъ съ Джорндисомъ было бы очень странно и смѣшно.... не правда ли, миссъ Флайтъ? Неужели я не смѣлъ позволить себѣ маленькую вольность? Вашъ покорнѣйшій слуга, сэръ. Я не хуже вашего, сэръ, знаю глѣбу Джорндисъ и Джорндисъ. Я знавалъ, сэръ, стараго сквайра Тома, но васъ ни разу не видалъ, не встрѣчалъ даже и въ судѣ, хотя, въ теченіе года, я таки частенько тамъ бываю.

— Я никогда не бываю тамъ, сказалъ мистеръ Джорндисъ (и дѣйствительно, онъ ни подъ какимъ видомъ не заглядывалъ туда): — я скорѣе соглашусь ходить куда нибудь въ другое мѣсто.

— Неужели? возразилъ Крукъ, оскаливъ зубы. — Вы, кажется, черезчуръ ужъ строги къ моему благородному и ученому собрату; впрочемъ, и то надобно сказать, въ каждомъ Джорндисѣ это чувство весьма натурально. Пуганая ворона куста боится, сэръ! Вы любуетесь, мистеръ Джорндисъ, птичками моей постоялицы?

Старикъ мало по малу входилъ въ комнату, пока не прикоснулся къ локтю моего опекуна, и пристально взглянулъ въ глаза его въ свои очив.

— Странная вещь, сэръ: она никому не говоритъ, какъ зовутъ этихъ птичекъ, а между тѣмъ каждая изъ нихъ имѣетъ свое имя.

Эти слова были сказаны шопотомъ.

— Фляйтъ, можно сдѣлать переключку имъ? спросилъ онъ вслухъ, подмигивая намъ и указывая на нее, въ то время, какъ она отвернулась отъ насъ, какъ будто затѣмъ, чтобъ поправить огонь въ каминѣ.

— Какъ хочешь, отвѣчала она сердито.

Старикъ, бросивъ на насъ другой пронизательный взглядъ, взглянулъ на клѣтки и прочиталъ слѣдующій списокъ:

«Надежда, Радость, Юность, Тишина, Покой, Жизнь, Пыль, Дракъ, Расточительность, Нужда, Разореніе, Отчаяніе, Сумасшествіе, Смерть, Хитрость, Глухость, Слова, Шарки, Лохмотья, Пергаментъ, Грабежъ, Червенство, Жаргонъ, Окорокъ и Шпигель.»

— Вотъ вамъ и вся коллекція, сказалъ старикъ. — Всѣ онѣ заперты по клѣткамъ моимъ благороднымъ и ученымъ собратомъ.

— Какой рѣзкій вѣтеръ! произнесъ мой опекунъ.

— Когда мой благородный и ученый собратъ рѣшитъ дѣло миссъ Фляйтъ, ихъ всѣхъ выпускать на волю, сказалъ Крукъ, снова подмигивая намъ. — И тогда, прибавилъ онъ шопотомъ: — и тогда, если только это случится когда нибудь — чего ожидать невозможно — тогда птички, которыя не бывали взаперти, заклюютъ ихъ.

— Неужели и въ самомъ дѣлѣ восточный вѣтеръ? сказалъ мой опекунъ, показывая видъ, что смотритъ въ окно на флюгарку. — Я думаю, что восточный!

Мы увидѣли, какъ трудно было намъ выбраться изъ дому. Насъ задерживала не миссъ Фляйтъ: она вела себя весьма благоразумно, нисколько не стѣсня другихъ, — но мистеръ Крукъ. По видимому, онъ не могъ оторваться отъ мистера Джорджаса. Еслибъ онъ былъ привоанъ къ нему, то и тогда, кажется, не могъ бы держаться подлѣ него такъ безотважно. Онъ вызвался показать намъ свой Верховный Судъ и странный хламъ, заключающійся въ немъ. Во время обзора нашего (который умышленно былъ растянутъ), онъ держался подлѣ мистера Джорджаса и отъ времени до времени останавливалъ его подлѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, какъ будто его мучило

желаніе начать какое-то таинственное объясненіе, преступить къ которому, однако, онъ никакъ не рѣшался. Я не могу представить выраженіе лица и манеры мистера Крука, такъ сильно выражавшія осторожность, и нерѣшительность, и безпрестанное побужденіе высказать или сдѣлать что-то особенное. Его наблюденія за мной опекуномъ были непрерывны. Онъ не сводилъ глазъ съ его лица. Илуча подлѣ него, онъ наблюдалъ за нимъ съ хитростью старой лисицы. Если онъ шелъ впереди, то безпрестанно оборачивался. Когда мы останавливались, онъ обращался къ нему лицомъ и, потирая рукой открытый ротъ свой, съ какимъ-то страннымъ сознаніемъ своей власти надъ нами, выворачивая глаза кверху и хмурия сѣдыя брови свои до такой степени, что онѣ почти закрывали его глаза, казалось, слѣдилъ за каждою чертою лица мистера Джорндиса.

Наконецъ, осмотрѣвъ весь домъ (кошка не отставала ни на шагъ отъ Крука) и весь запасъ разнообразнаго хлама, который, дѣйствительно, былъ очень интересенъ, мы вошли въ заднюю часть лавки. Здѣсь, на днѣ пустой бочки, находилась стеклянка съ чернилами, нѣсколько обгрызковъ перьевъ и нѣсколько грязныхъ театраль-ныхъ афишъ; а противъ бочки, на стѣнѣ, наклеено было нѣсколько крупныхъ прописей, съ различнымъ шрифтомъ.

— Что вы дѣлаете здѣсь? спросилъ мой опекунъ.

— Учусь читать и писать, отвѣчалъ Крукъ.

— И успѣшно?

— Медленно, дурно, возразилъ старикъ, съ недовольнымъ видомъ. — Въ мои лѣта это дается не легко.

— Легче было бы, еслибъ васъ училъ ктонибудь, сказалъ мой опекунъ.

— Конечно; но пожалуй еще выучать не такъ, какъ слѣдуетъ! возразилъ старикъ, и въ глазахъ его блеснуло подозрѣніе. — Не знаю, право, сколько я потерялъ, не выучившись грамотѣ прежде, и потому не хочу потерять еще чтонибудь, если выучать меня навыворотъ.

— Навыворотъ? сказалъ мой опекунъ, съ своей добродушной улыбкой. — Кто же, по вашему мнѣнію, станеть учить васъ навыворотъ?

— Не знаю, мистеръ Джорндисъ изъ Холоднаго Дома! отвѣчалъ старикъ, приподнимая очия на лобъ и потирая руки. — Не думаю, что сталъ бы ктонибудь... да все-таки я лучше довѣрлю себя самому себѣ, нежели кому другому.

Эти отвѣты и поведеніе мистера Крука заставили моего опекуна, въ то время, какъ мы проходили мимо Линкольнскаго Суда, сиротъ мистера Вудворта, дѣйствительно ли Крукъ вѣдѣвалъ, какъ

представляла его миссъ Флайтъ. Молодой врачъ отвѣчалъ отрицательно и прибавилъ, что онъ не видѣлъ причины, на которой бы можно было основать подобное предположеніе. По своему невѣжеству, Крукъ былъ крайне недовѣрчивъ и къ тому же постоянно находился подъ вліяніемъ джина, котораго онъ употреблялъ огромное количество, которымъ не только онъ, но и вся его лавка, какъ мы и сами зашѣтали, были пропитаны; во всякомъ случаѣ, мистеръ Вудкортъ не считалъ его за сумасшедшаго.

Возвращаясь домой, я такъ примирилась съ маленькимъ Пипи, купивъ ему вѣтряную мельницу и два мѣшочка для муки, что онъ кромѣ меня никому не позволялъ снѣть шляпы съ себя и ни съ кѣмъ не соглашался сѣсть за столъ, какъ только со мной. Кадди сидѣла подлѣ меня, съ другой стороны, и подлѣ Ады, которой мы тотчасъ сообщили всю повѣсть любви, какъ только что пришли домой. За обѣдомъ мы больше всего занимались маленькимъ Пипи и его сестрицей Кадди. Мой опекунъ былъ веселъ, какъ и всѣ мы. Вообще мы всѣ были веселы и счастливы. Наконецъ Кадди, уже поздно вечеромъ, отпраяилась домой, въ наемной каретѣ, вмѣстѣ съ Пипи, который спалъ крѣпкимъ сномъ и въ то же время крѣпко держался за вѣтряную мельницу.

Я забыла сказать — по крайней мѣрѣ я не говорила до сихъ поръ — что мистеръ Вудкортъ былъ тотъ самый смуглый врачъ, съ которымъ мы встрѣтились въ домѣ мистера Баджера; забыла сказать, что мистеръ Джорндисъ пригласилъ его обѣдать, и что онъ обѣдалъ съ нами; забыла сказать, что когда мы разошлись и когда я сказала Адѣ: «Ну, моя милочка, поговоримъ теперь о Ричардѣ!» Ада засмѣялась и сказала... Впрочемъ, не знаю, нужно ли говорить, что именно сказала Ада. Она всегда любила и любить шутить!

ГЛАВА XV.

В Е Л Ъ - Я Р Д Ъ .

Во время пребыванія нашего въ Лондонѣ, мистера Джорндиса безпрестанно осаждали толпы челоувѣколюбивыхъ леди и джентльменовъ, дѣйствія которыхъ такъ сильно изумляли насъ. Мистеръ Квэйлъ, который явился къ намъ вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, былъ челоувѣколюбивѣе всѣхъ другихъ. По видимому, его лоснящаяся выпуклости на вискахъ сдѣлались еще лоснистѣе, и онъ зачесывалъ свои волосы назадъ такъ сильно, что корни ихъ готовы были выскочить изъ головы и основаться въ благотворной почвѣ

филантропін. Главѣйшая его способность состояла, кажется, въ способности восхищаться всѣмъ вообще, безъ всякаго различія. Онъ готовъ сидѣть сколько угодно часовъ сряду и, съ безпредѣльнымъ наслажденіемъ, освѣщать и согрѣвать свои виски лучами свѣта, истекающими отъ какого бы то ни было свѣтила. Увидавъ его въ первый разъ совершенно погруженнымъ въ созерцаніе достоинствъ мистриссъ Джеллиби, я считала ее всепоглощающимъ предметомъ его обожанія. Вскорѣ, однакожь, я замѣтила свою ошибку и убѣдилась, что это былъ не болѣе, какъ прихвостникъ во всей процессіи человѣческаго рола.

Однажды явилась къ намъ мистриссъ Пардигль съ какой-то благотворительной подпиской, а вмѣстѣ съ ней и мистеръ Квэйль. Все, что говорила мистриссъ Пардигль, мистеръ Квэйль повторилъ намъ, и точно такъ же выхвалялъ достоинства мистриссъ Пардигль, какъ выхвалялъ до этого достоинства мистриссъ Джеллиби. Мистриссъ Пардигль написала рекомендательное письмо къ моему опекуну, въ которомъ превозносила до небесъ своего краснорѣчиваго друга мистера Гусеръ. Съ мистеромъ Гусеръ явился также и мистеръ Квэйль. Мистеръ Гусеръ, будучи тщедушнымъ агентомъ, съ лоснистой наружностью и глазами до такой степени маленькими для его огромнаго, луноподобнаго лица, что они, по виду, сдѣланы были первоначально для чего нибудь другого, — съ перваго взгляда не располагалъ къ себѣ. Но едва только усѣлся онъ, какъ мистеръ Квэйль спросилъ Аду и меня: не правда ли, что это великое созданіе (дѣйствительно, правда, говоря относительно вялости; но мистеръ Квэйль подразумѣвалъ въ вопросѣ своемъ качества душевныя), а не поразила ли насъ массивная величина его лица? Короче сказать, намъ пришлось выслушать отъ этихъ людей о безчисленномъ множествѣ миссій различныхъ родовъ; но для насъ всего яснѣе было то обстоятельство, что миссія мистера Квэйла суждено быть въ восторгѣ отъ миссії каждаго другого человѣка, и что это была самая популярная изъ всѣхъ миссій.

Мистеръ Джорндисъ попалъ въ это общество, побуждаемый своимъ мягкосердечіемъ и ревностнымъ желаніемъ оказывать съ своей стороны добро ближнему на сколько было въ его власти; но, несмотря на то, онъ откровенно признавался намъ, что это общество должно очень часто оказываться неудовлетворительнымъ, и именно тамъ, гдѣ благотворительность принимала судорожныя формы, гдѣ милосердіе служило только блестящимъ прикрытіемъ для громогласныхъ самолюбцевъ и спекулянтовъ, имѣющихъ весьма слабую репутацію, ничтожныхъ въ своей профессіи, шумныхъ и тщеславныхъ въ своихъ поступкахъ, рабочиныхъ и даже до мель-

оя уникающихъ себя въ глазахъ людей сильныхъ, льстецовъ другъ передъ другомъ и неспособныхъ для тѣхъ, кто стремится спокойно и молча поддержать безсильнаго отъ паденія, но не ищетъ случая приподнять когонибудь на волюсь съ оглушительнымъ шумомъ и самохвальствомъ. Когда мистеръ Гумеръ вредоужилъ поднести подарокъ мастеру Квайлу (мистеръ Гумеръ уже получилъ для себя подарокъ, по ходатайству мистера Квайла), и когда онъ часа полтора проговорилъ объ этомъ предметѣ на митингѣ, въ которомъ участвовали двѣ школы для бѣдныхъ сиротъ мужескаго и женскаго пола, и убѣждалъ ихъ жертвовать на это предпріятіе своими пенсами и полупенсами, — вѣтеръ, я думаю, задувалъ тогда съ востока на дѣвѣхъ три недѣли.

Я упоминаю объ этомъ потому, что перехожу къ мистеру Скимпюлю. Мнѣ казалось, что, въ противоположность подобнаго рода вещамъ, его безыскусственность, совершенно дѣтскій характеръ и безпечность служили для моего опекуна величайшимъ утѣшеніемъ; я увѣрена, что человекъ въ строгомъ значеніи слова прямодушный и честный, между множествомъ людей, совершенно противоположныхъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, долженъ неизбежно служить для мистера Джорджаса источникомъ удовольствія. Мнѣ было бы прискорбно сказать, что мистеръ Скимпюль угадывалъ это и вслѣдствіе того старался угождать моему опекуну; впрочемъ, и то сказать, я никогда не понимала его въ такой степени, чтобы одѣлать о немъ вѣрное заключеніе. Мнѣ кажется, чѣмъ онъ былъ для моего опекуна, тѣмъ же самымъ былъ и для цѣлаго міра.

Онъ былъ нездоровъ, и потому, хотя и жилъ въ Лондонѣ, но мы не видали его до настоящей поры. Онъ явился однажды утромъ, былъ очень любезенъ и по прежнему находился въ весьма пріятномъ расположеніи духа.

«Вотъ и я — говорилъ онъ — къ вашимъ услугамъ!» Онъ страдалъ разлитіемъ жолчи. Впрочемъ, всѣ богатые люди не изъяты отъ этого недуга, и, на этомъ основаніи, мистеръ Скимпюль старался убѣдить себя, что онъ человекъ съ весьма значительнымъ достаткомъ. И дѣйствительно, онъ былъ богатъ желаніями и намѣреніями, не имѣвшими предѣловъ. Самой щедрой рукой надѣлалъ онъ своего врача. Онъ постоянно удвоивалъ, а иногда учетверялъ плату за визиты. Онъ говорилъ доктору: «Послушайте любезный докторъ, вы очень ослѣплены, если полагаете, что лечите меня безъ всякаго возмездія. Еслибъ вы знали, такъ я готовъ осыпать васъ золотомъ, — конечно, въ моихъ желаніяхъ, не имѣющихъ предѣловъ.» — И въ самомъ дѣлѣ (говорилъ онъ), желаніе въ немъ было такъ безпредѣльно, что, по его понятіямъ, оно имѣло

равносильное значеніе съ существеннымъ исполненіемъ. Еслибъ онъ имѣлъ кругленькіе кусочки этого металла или клочки этой то-шешкой бумажки, которымъ родъ человѣческой приписываетъ такъ много важности, и еслибъ онъ имѣлъ возможность вручить ихъ доктору, то, конечно, вручилъ бы ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Но, не имѣя ихъ, онъ, вмѣсто исполненія, предлагалъ свое желаніе. И превосходно! Если желаніе его было чистосердечно, если онъ дѣйствительно хотѣлъ отплатить за визиты доктора щедрой рукой, то чего же еще больше? въ его понятіяхъ это замѣнило монету и вполне выражало его благодарность

— Это, можетъ статься, частію происходитъ оттого, что я не имѣю ни малѣйшаго понятія о цѣнности денегъ. Это такъ основательно, такъ благоразумно! Напримѣръ: мясникъ мой говоритъ, что у него есть на меня маленькій счетецъ, и что онъ хочетъ очистить его. Замѣчаете ли, какъ милая поэтическая наклонность души этого человѣка обнаруживается въ его собственныхъ словахъ? Желая, чтобы расплата не показалась затруднительной для обѣихъ сторонъ, онъ длинный счетъ свой постоянно называетъ маленькимъ счетцемъ. Я отвѣчаю мяснику: любезный другъ, если ты зналъ, что счетецъ нашъ маленький, такъ я квитъ съ тобой. Право, тебѣ не стоило трудиться приходить съ своимъ маленькимъ счетцемъ. Мы съ тобой квитъ. По крайней мѣрѣ я такого мнѣнія, что мы квитъ съ тобой.

— Но что бы вы сказали, еслибъ мясникъ вмѣсто мяса ставилъ бы на счетъ вамъ однѣ только цифры? сказалъ мой опекунъ съ искреннимъ смѣхомъ.

— Любезный Джордансъ, вы удивляете меня, сказалъ мистеръ Скимпль. — Въ этомъ случаѣ вы занимаете мѣсто мясника. Мясникъ, съ которымъ однажды имѣлъ я дѣло, рассуждалъ совершенно по вашему. — «Сэръ — говоритъ онъ — зачѣмъ вы кушаете весеннюю баранину, которой фунтъ стоитъ восемнадцать пенсовъ?» — «Зачѣмъ я ѣмъ весеннюю баранину?» повторилъ я, и, разумѣется, подобный вопросъ показался мнѣ крайне забавнымъ. «Зачѣмъ, что я люблю ее!» — Кажется, этотъ отвѣтъ весьма убѣдителенъ. «Прекрасно, сэръ — говоритъ мясникъ — но еслибъ я такъ же точно рассуждалъ о своей баранинѣ, какъ вы рассуждаете о своихъ деньгахъ!» «Любезный мой — сказалъ я — пожалуйта будемъ рассуждать объ этомъ предметѣ, какъ подобаетъ разумнымъ существамъ. Какимъ же образомъ могло это быть? Это совершенно невозможно. У тебя была баранина, а у меня не было денегъ. Ты бы никакъ не могъ прислать ко мнѣ баранины, еслибъ у тебя ея не было: вѣдь это невозможно; между тѣмъ какъ со мной дѣло совсѣмъ другое: у меня

нѣтъ денегъ, но я могу думать и думаю о нихъ, не имѣя возможности уплатить ихъ.» Онъ не сказалъ на это слова, и тѣмъ дѣло кончилось.

— И онъ не принялъ законныхъ мѣръ ко взысканію? спросилъ мой опекунъ.

— Да, онъ принялъ, отвѣчалъ мистеръ Скимполь — Но уже въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ по внушенію не разсудка, но гнѣва. Гнѣвъ напомнилъ о Бойторнѣ, который пишетъ мнѣ, что вы и ваши барышни обѣщали пріѣхать на короткое время въ его холостой домъ въ Линкольншайръ.

— Онъ большой фаворитъ моихъ питомицъ, сказалъ мистеръ Джордансъ : — и я дѣйствительно обѣщала за себя и за нихъ.

— Да, жалко : природа какъ будто забыла защитить его, замѣтила мистеръ Скимполь, обращаясь къ Адѣ и мнѣ. — Не правда ли, что онъ немножко бурливъ, какъ море? Онъ немножко горячъ, какъ бѣшеный быкъ, который забралъ себѣ въ голову, что всякій цвѣтъ — малиновый цвѣтъ! Впрочемъ, я съ своей стороны отдаю справедливость нѣкоторымъ его достоинствамъ.

Мнѣ удивительно было, что эти два созданія такъ высоко цѣнили другъ друга : мистеръ Бойторнъ придавалъ особенную важность весьма многимъ предметамъ, между тѣмъ какъ мистеръ Скимполь рѣшительно ни о чемъ не заботился. Кромѣ того, я замѣтила, что мистеръ Бойторнъ не разъ готовъ былъ выразить довольно сильно свое мнѣніе насчетъ мистера Скимполя, когда, по какому нибудь случаю въ разговорѣ, ссылались на послѣдняго изъ нихъ. Безъ сомнѣнія, я подтвердила слова Ады, когда она сказала, что мы какъ нельзя болѣе остались довольны посѣщеніемъ мистера Бойторна.

— Вѣдь онъ приглашалъ и меня, сказалъ мистеръ Скимполь : — и если ребенокъ можетъ довѣрить себя подобнымъ рукамъ... впрочемъ, предстоящаго ребенка, вѣроятно, будутъ охранять попеченія такихъ нѣжныхъ созданій, какъ вы, напримѣръ... въ такомъ только случаѣ я поѣду къ нему. Онъ предлагаетъ заплатить за меня все, что будетъ стоить дорога туда и обратно. Я полагаю, что это будетъ стоить денегъ, — быть можетъ, шиллинговъ, даже фунтовъ или чего нибудь въ этомъ родѣ? Ахъ, кстати : я вспомнилъ Коавинсеса. Миссъ Соммерсонъ, помните вы нашего пріятеля Коавинсеса?

Онъ спросилъ меня объ этомъ самымъ простосердечнымъ, веселымъ тономъ и безъ всякаго замѣшательства.

— О, какъ не помнить! сказала я.

— Представьте, Коавинсеса арестовала смерть. Теперь смѣло можно сказать, что онъ не отниметъ отъ другихъ свободы любоваться Божьимъ свѣтомъ.

Эта новость неприятно изумила меня, тѣмъ болѣе, что, при началѣ разговора, я успѣла вспомнить этого человѣка и представляла себѣ его смѣшную фигуру, на софѣ въ Холодномъ Домѣ, и безпрестанно утиравшагося платкомъ.

— Мнѣ только что вчера сообщилъ объ этомъ его преемникъ, сказалъ мистеръ Скимполь: — его преемникъ теперь у меня въ домѣ; онъ овладѣлъ моимъ домомъ, судя по его выраженію. Онъ пришелъ вчера, въ день рожденія моей дочери съ голубыми глазами. Я доказывалъ ему, что это весьма безразсудно и неприлично. «Еслибъ, говорю я, у васъ была дочь съ голубыми глазами, вамъ бы неприятно было, еслибъ я пришелъ къ вамъ безъ всякаго приглашенія; въ день ея рожденія.» Однако, онъ все-таки остался.

Мистеръ Скимполь разсмѣялся этой пріятной нелѣпности и слегка пробѣжалъ по клавишамъ рояля, за которымъ сидѣлъ.

— Въ добавокъ онъ сказалъ мнѣ, говорилъ мистеръ Скимполь, продолжая брать аккорды, которые мѣнялись послѣ каждыхъ двухъ-трехъ словъ: — въ добавокъ онъ сказалъ, что Коавинсесъ оставилъ.... трехъ дѣтей... безъ матери.... что профессія Коавинсеса... была непопулярна... и молодое поколѣніе Коавинсеса.... находится въ пренепріятномъ положеніи.

Мистеръ Джордисъ всталъ и, потирая голову, началъ ходить по комнатѣ. Мистеръ Скимполь игралъ мелодическіе аккорды одной изъ любимыхъ пѣсенъ Ады. Ада и я глядѣли на мистера Джордиса, угадывая, что происходило въ эти минуты въ его душѣ.

Прожаживаясь по комнатѣ, останавливаясь, оставляя потирать себѣ голову и снова начиная, опекунъ мой положилъ руку на клавиши и тѣмъ остановилъ игру мистера Скимполя.

— Мнѣ не нравится это, Скимполь! сказалъ онъ съ задумчивымъ видомъ.

Мистеръ Скимполь, совсѣмъ забывшій о чемъ говорилъ, взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Этотъ человѣкъ былъ необходимъ, продолжалъ мой опекунъ, прожаживаясь взадъ и впередъ по весьма ограниченному пространству между роялемъ и концомъ комнаты и въ то же время въерошившая сверху волосы на затылкѣ, какъ будто раздувала ихъ сильный восточный вѣтеръ. — Если мы чрезъ наши ошибки и заблужденія, чрезъ нашу недостаточность въ знаніи свѣта или чрезъ наши несчастія дѣлаемъ такихъ людей необходимыми, мы не должны возливать на нихъ свое мнѣніе. Въ его ремеслѣ ничего не было злоуряднаго. Онъ поддерживалъ свое семейство. Не мѣшало бы, право, разузнать объ этомъ побольше.

— О! о комъ? о Коавинсесъ? вскричалъ мистеръ Скимполь, уразумѣвъ наконецъ значеніе словъ мистера Джорндиса. — Ничего не можетъ быть легче. Прогуляйтесь въ главную квартиру Коавинсеса, и вы узнаете все, что угодно.

Мистеръ Джорндисъ кивнулъ намъ головой; мы только и ждали этого сигнала.

— Пойдемте! пойдемте по этой дорогѣ, друзья мои; да и почему же не идти по этой? развѣ она хуже другихъ?

Мы приготовились въ пѣсколько секундъ и вышли изъ дому. Мистеръ Скимполь шелъ съ нами и былъ въ восторгѣ отъ этой экспедиціи. Искать Коавинсеса, говорилъ онъ, вмѣсто того, чтобъ Коавинсесъ искалъ Скимполя, такъ ново для него и такъ отрадно для души.

Прежде всего онъ провелъ насъ въ улицу Куревторъ, гдѣ находился домъ съ желтыми рѣшотками въ окнахъ, который онъ называлъ замкомъ Коавинсесъ. На нашъ звонокъ у входа въ этотъ домъ, изъ рѣшотчатого окна, сдѣланнаго въ воротахъ, показался мальчикъ отвратительной наружности.

— Кого вамъ тутъ нужно? спросилъ мальчикъ, опершись подбородкомъ на двѣ желѣзныя рѣшоткины.

— Здѣсь служилъ одинъ человекъ, сказалъ мистеръ Джорндисъ: — онъ недавно умеръ.

— Ну, такъ чтожь? сказалъ мальчикъ.

— Миѣ хочется знать, какъ его звали.

— Его звали Неккетъ.

— А его адресъ?

— Въ кварталѣ Белль-Ярдъ, сказалъ мальчикъ: — на лѣвой рукѣ надъ свѣчной лавкой, которую содержитъ Блайндеръ.

— Снажи пожалуста... не знаю, право, какъ бы спросить это получше, ворчалъ мой опекунъ: — былъ этотъ человекъ трудолюбивъ?

— Былъ ли Неккетъ трудолюбивъ? повторилъ мальчикъ. — Да, онъ былъ весьма трудолюбивъ. Онъ никогда не уставалъ слѣдить за должниками. Бывало, ужъ если возьмется за дѣло, такъ простоятъ на мѣстѣ битыхъ часовъ десять.

— Онъ могъ поступить и хуже, говорилъ про себя мой опекунъ. — Онъ могъ бы взяться за дѣло и не сдѣлать его. Благодарю тебя, мой милый. Миѣ ничего больше не нужно.

Мы оставили мальчика, который, склонивъ голову на бокъ и облокотясь рукой на ворота, ласкалъ и сосалъ концы желѣзныхъ рѣшотокъ, и пошли обратно къ Линкольн-Ину, гдѣ ждалъ насъ мистеръ Скимполь: онъ не имѣлъ расположенія подходить близко къ

дому Коавинеса. Соединясь вмѣстѣ, мы отправились въ Болъ-Ярдъ, очень узкую улицу въ недалекомъ разстояніи. Мы скоро отыскали свѣчную лавку. Въ ней находилась добрая на взглядъ старушка, страдавшая водяною или удушьемъ, а можетъ быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

— Гдѣ дѣти Неккета?

— Неккета? отвѣчала старушка на мой вопросъ. — Да, конечно, миссъ. Вѣдь трое осталось. Первая дверь, миссъ, на самомъ верху лѣстницы.

И вмѣстѣ съ этимъ черезъ прилавокъ она подала мнѣ ключъ.

Я взглянула на ключъ и потомъ взглянула на нее; она слова не сказала мнѣ, какъ будто была увѣрена, что я знала, что должно дѣлать съ нимъ. Полагая, что этотъ ключъ былъ отъ дверей, за которыми сидѣли дѣти, я вышла изъ лавки безъ дальнихъ распросовъ и повела всѣхъ на лѣстницу. Мы шли такъ тихо, какъ только можно; но, несмотря на то, невольнымъ образомъ произвели шумъ, поднимаясь всѣ четверо по старой лѣстницѣ, такъ что, поднявшись во второй этажъ, мы увидѣли, что шумомъ своимъ обезпокоили мужчину, который стоялъ тамъ, выглядывая изъ комнаты.

— Кого вамъ нужно? не Гридди ли? сказалъ онъ, устремивъ на меня пристальный, сердитый взглядъ.

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ я: — я иду выше.

Онъ осмотрѣлъ Аду, мистера Джорндаса и мистера Скигнола тѣмъ же сердитымъ взглядомъ, въ то время, какъ они шли за мной по лѣстницѣ. Мистеръ Джорндасъ пожелалъ ему добраго дня.

— Добрый день! отвѣчалъ онъ сердито и отрывисто.

Это былъ мужчина высокаго роста, съ жолто-блѣднымъ лицомъ, съ головой, на которой заботы оставили слѣды свои и на которой оставалось очень немного волосъ, съ глубокими морщинами на лицѣ и глазами на выкатѣ. Онъ имѣлъ воинственную наружность; его гнѣвная и раздражительная манера, въ соединеніи съ его смуглой, все еще громадной и могучей, хотя очевидно клонившейся къ упадку, наводила ужась на меня. Въ рукѣ держалъ онъ перо, и, сквозь растворенную дверь, я увидѣла, что вся комната была завалена кипами бумагъ.

Оставивъ его у дверей, мы поднялись на самый верхъ. Я постучалась въ дверь, и въ комнатѣ раздался тоненькій, звонкій голосокъ.

— Мы заперты! ключъ у мистриссъ Блйндеръ!

Услышавъ это, я приложила ключъ и отворила дверь. Въ блѣдной комнаткѣ, съ косымъ потолкомъ и съ весьма замѣтнымъ недостаткомъ въ мебели, находилась крошечный мальчикъ — лѣтъ пяти-

шести; онъ наньчилъ и убаюкивалъ довольно тяжелаго ребенка мѣсяцевъ осьмнадцати. Въ каминѣ не искрилось огня, хотя погода была холодная; оба ребенка были укутаны въ какіе-то лохмотья платковъ. Однакожь, эта одежда не грѣла ихъ, потому что носики ихъ покраснѣли и маленькія фигуры ихъ скорчились. Чтобы согрѣться, мальчикъ ходилъ по комнатѣ, убаюкивая ребенка, головка котораго лежала у него на плечѣ.

— Кто васъ заперъ здѣсь? это былъ нашъ первый и весьма натуральный вопросъ.

— Чарли, сказалъ мальчикъ, оставившійся на мѣстѣ съ самаго нашего прихода и съ любопытствомъ смотрѣвшій на насъ.

— Кто же это Чарли? твой братъ?

— Нѣтъ. Это моя сестра Шарлотта. Батюшка всегда звалъ ее Чарли.

— Сколько же васъ всѣхъ, кромѣ Чарли?

— Только я, сказалъ мальчикъ: — и Эмма (при этомъ онъ поправилъ чепчикъ на головѣ ребенка, котораго наньчилъ), да еще Чарли.

— Гдѣ же теперь Чарли?

— Ушла стирать, сказалъ мальчикъ и началъ ходить по комнатѣ. — Стараюсь въ то же время глядѣть на насъ, онъ чуть-чуть не задѣлъ головой ребенка объ уголъ кровати.

Мы посматривали другъ на друга и на этихъ дѣтей, когда въ комнату вошла дѣвочка, дитя по наружнымъ формамъ, но взрослая и умная по выраженію въ личикѣ, — очень миленькомъ личикѣ. На ней надѣта была шляпка, слишкомъ большая для нея, и передникъ, о который она вытирала руки. Ея пальцы были бѣлые, и кожа на нихъ сморщилась отъ стирки; на нихъ оставалась еще мыльная пѣна, которую она вытирала передникомъ. Безъ этихъ признаковъ, ее бы можно было принять за ребенка, который забавлялся стиркой бѣлья, подражая, съ бѣглою наблюдательностію и отчетливостію, всѣмъ дѣйствіямъ надъ этимъ занятіемъ опытной прачкѣ.

Она приближала откуда-то по сосѣдству и, какъ видно, торопилась, потому что, несмотря на свою легкость, она запыхалась, нѣсколько минутъ не могла говорить съ нами, и вмѣсто того переводила духъ, вытирала руки и спокойно глядѣла на насъ.

— А вотъ и Чарли! сказалъ мальчикъ.

Ребенокъ, котораго онъ наньчилъ, протянулъ рученки и слезами просилъ Чарли взять его къ себѣ. Маленькая дѣвочка взяла ее и съ манерой взрослой женщины стала смотрѣть на насъ черезъ пошу, крѣпко прильнувшую къ ней.

— Возможно ли подумать, что этот ребенок трудится для цѣлаго семейства? прощенталь мой опекунъ, когда мы придвинули стулъ для Чарли и усадили ее вѣстѣ съ ребенкомъ, между тѣмъ какъ мальчикъ прижался къ ней и держался за передникъ. — Посмотрите на нихъ! ради Бога, взгляните на нихъ!

Дѣйствительно, было на что посмотреть: передъ нами находились три ребенка другъ подлѣ друга, и двое изъ нихъ съ надеждой смотрятъ на третьяго, который самъ такъ еще молодъ, а уже на дѣтскомъ лицѣ его и во всей фигурѣ отражалось такъ много и молодости, и зрѣлаго возраста, и степенности!

— Чарли, Чарли! сказала мой опекунъ: — сколько тебѣ лѣтъ?

— Да ужъ побольше тринадцати, сэръ, отвѣчала Чарли.

— Неужели? О, какая ты большая! сказалъ мой опекунъ: — какая ты большая, Чарли!

Не могу описать той нѣжности, съ которой опекунъ мой произносилъ эти слова: въ нихъ отзывались и ласка, и грусть, и состраданіе.

— И ты живешь здѣсь одна, съ этими малютками?

— Да, одна, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ, отвѣчала Чарли, взглянувъ съ совершеннымъ довѣріемъ въ лицо моего опекуна.

— Какъ же ты живешь Чарли? спросилъ онъ, отвернувшись отъ нея на нѣсколько секундъ. — Скажи мнѣ Чарли, какъ же ты живешь съ ними?

— Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ, я хожу работать. Вотъ и сегодня я уходила на стирку.

— Помоги тебѣ Господи, Чарли! сказалъ мой опекунъ. — Но, кажется, ты такъ еще мала, что едва ли достаемъ до лоханки.

— Въ деревянныхъ башмакахъ я достаю, сэръ, быстро сказала она. — Послѣ маленьки остались мнѣ очень высокіе башмаки.

— А давно ли умерла твоя маменька? Бѣдная мать!

— Маменька моя скончалась тотчасъ послѣ рожденія Эммы, сказала Чарли, взглянувъ на личико, прильнувшее къ ея груди. — Батюшка сказалъ мнѣ тогда, чтобъ я была такой доброй матерью для Эммы, какъ только можно. И я старалась быть такою: я работала дома, я нянчила ее, мыла и холила, пока не пришла пора работать на сторонѣ. Вотъ видите, сэръ, почему я могу и умѣю стирать.

— И часто ты выходишь на работу?

— Такъ часто, какъ только могу, сказала Чарли, смотря во все глаза и улыбаясь: — вѣдь надо же зарабатывать полу-шиллинги и шиллинги.

— И когда уходишь, такъ всегда забираешь ихъ?

— Да; чтобъ были цѣлы, сэръ, сказала Чарли. Иногда заглядеть къ нимъ мистриссъ Блайндеръ, иногда подымется сюда и миссеръ Гридли, иногда и я забѣгу, — вѣдь они могутъ играть безъ меня. И Томъ совсѣмъ не боится, когда его заируть.... Ты не боишься, Томъ?

— Нѣтъ! сказалъ Томъ протѣжно, но рѣшительно.

— Когда стемнѣетъ и когда на дворѣ вжгутъ фонари, такъ здѣсь бываетъ свѣтло, почти совсѣмъ свѣтло. Не правда ли, Томъ?

— Да, Чарли, сказалъ Томъ: — почти совсѣмъ свѣтло.

— Онъ у меня такой славный, настоящее золото! сказала Чарли, — и о сколько материнской нѣжности, сколько зрѣлаго возраста отзывалось въ ея словахъ! — Устанетъ Эмма, онъ уложитъ ее спать, устанетъ онъ — и самъ ляжетъ отдохнуть; а когда я приду домой, зажгу свѣчку и накрою ужинъ, онъ встанетъ, сядетъ подле меня, и мы вмѣстѣ поужинаемъ. Не правда ли, Томъ?

— О, да, Чарли! сказалъ Томъ: — мы вмѣстѣ ужинаемъ.

И, при этомъ ли отблескѣ величайшаго наслѣденія въ жизни, или изъ признательности и любви къ Чарли, которая была для него всѣмъ на свѣтѣ, онъ сироталь лицо свое въ складкахъ ея изношеннаго платья и перевелъ отъ искреннаго смѣха къ горькимъ слезамъ.

Съ минуты нашего прихода это были первыя слезы, пролитыя между этими дѣтьми. Маленькая осиротѣвшая дѣвочка говорила объ отцѣ своемъ и матери, какъ будто вся скорбь въ ея душѣ была подавлена необходимостью вооружиться бодростью, ея ребяческимъ вознаміемъ собственныхъ своихъ силъ и ея дѣятельностію для приобрѣтенія насущнаго хлѣба. Но теперь, когда заплакалъ Томъ, хотя она смиренноко сидѣла, спокойно глядѣла на насъ и ни малѣйшимъ движеніемъ не тронулась до волоска на головѣ каждаго изъ двухъ маленькихъ своихъ питомцевъ, но я видѣла, какъ двѣ беззвучныя слезы катились по ея лицу.

Я стояла вмѣстѣ съ Адой у окна, показывая видъ, будто любоваясь вершинами зданій, закопѣлыми трубами, жалкими цвѣтами и птичками въ маленькихъ клѣткахъ, приналежавшими ближайшимъ сосѣдамъ, когда въ комнату вошла мистриссъ Блайндеръ (быть можетъ, она все это время вбиралась на лѣстницу) и заговорила съ моимъ опекуномъ.

— Ну что значить, сэръ, простить имъ деньги за квартиру! говорила она: — много ли это? да и кто бы рѣшился взять отъ нихъ деньги?

— Прекрасно , прекрасно ! сказалъ мой опекунъ , обращаясь къ намъ. — Наступитъ время , когда эта добрая женщина увидитъ , что она сдѣлала *очень много* , и что , сдѣлавъ одному изъ мальхъ сихъ.... Но этотъ ребенокъ , прибавилъ онъ , послѣ минутнаго молчанія : — долго ли онъ можетъ поддерживать такимъ образомъ цѣлое семейство ?

— Конечно , сэръ ; я думаю , Чарли долго можетъ , сказала мистриссъ Блйндеръ , съ трудомъ переводя дыханіе. — Она такъ трудолюбива и проворна , какъ только можно быть въ ея лѣта. — Да знаете ли , сэръ , послѣ смерти матери она такъ нѣжно берегла дѣтей , что сдѣлалась предметомъ разговора въ цѣломъ кварталѣ. Посмотрѣли бы вы , какъ она распорядилась , когда захворалъ ея отецъ : это было просто чудо , да и только ! « Мистриссъ Блйндеръ — сказалъ онъ мнѣ , и эти слова были для меня послѣдними его словами — мистриссъ Блйндеръ , каково бы ни было мое призваніе въ этой жизни , но вчера , въ этой самой комнатѣ , я видѣлъ , какъ ангелъ сидѣлъ подлѣ моей малютки , и я поручаю ее нашему Отцу Небесному ! »

— У него не было другого занятія ? спросилъ опекунъ .

— Нѣтъ , сэръ , не было , возразила мистриссъ Блйндеръ . — Когда онъ явился сюда и нанялъ квартиру , я не знала , кто и что онъ такой , и , признаюсь , когда узнала , чѣмъ онъ занимается , то въ ту же минуту назначила срокъ очистить квартиру . Знаете , это ремесло не слишкомъ уважается въ нашемъ кварталѣ , его не жаловали мож другіе постояльцы , вообще это призваніе нельзя назвать благороднымъ , и порядочные люди гнушаются имъ . Мистеръ Гридли сильнѣе всѣхъ другихъ гнушался имъ ; а онъ , надо вамъ сказать , постоялецъ славный , хотя характеръ его куда какъ суровъ .

— Итакъ , вы назначили срокъ очистить квартиру ? сказалъ мой опекунъ .

— Да , что дѣлать ! назначила . Но когда наступилъ этотъ срокъ , и когда дурного за нимъ ничего не замѣтила , я , знаете , воусомнилась . Онъ былъ очень аккуратенъ и прилеженъ ; онъ дѣлалъ то , что обязанъ былъ дѣлать , сказала мистриссъ Блйндеръ , безъ всякаго умысла пристально устремивъ свои взоры на мистера Скинпола : — а согласитесь , дѣлать что нибудь ужъ и то въ здѣшнемъ мірѣ много значить .

— Значить вы—таки оставили его въ покоѣ ?

— Я сказала ему , что если онъ поладитъ съ мистеромъ Гридли , такъ я уладила бы съ прочими жильцами , и не стала бы обращать вниманія на то , что нравится здѣшнему кварталу и что ему не нравится . Мистеръ Гридли поворчалъ на это , однако согласился . Онъ всегда ворчалъ на покойника , зато къ дѣтямъ всегда былъ очень

ласковъ. Едь, право, не узнаешь человѣка, пока самъ не скажется.

— Ну, а другіе сосѣди были ласковы къ дѣтямъ? спросилъ мистеръ Джорджисъ.

— Вообще, нельзя сказать, сэръ, чтобы не всѣ были ласковы. Конечно, не такъ многіе, какъ можно ожидать, еслибъ ремесло отца было другое. Нѣкоторые сосѣди, бывало, трунили и постукивали другъ друга по плечамъ, когда старикъ проходилъ мимо ихъ, но когда онъ умеръ, то сейчасъ же сдѣлали подлинску.... вообще, нельзя сказать, чтобы было дурно. Точно также и съ Шарлоттой. Нѣкоторые не хотѣли нанимать ее потому, что была дочь полицейскаго сыщика; другіе нанимали ее, и упрекали бѣдновскую ремесломъ отца; другіе давали ей груду работы, а платили бездѣлицу. Впрочемъ, она терпѣливѣе, чѣмъ были бы другія въ ея положеніи; къ тому же она очень умна, всегда охотно беретса за работу и работаетъ безъ усталы. Вообще, я должна сказать, не совсѣмъ дурно, сэръ.... конечно, оно бы могло быть и лучше.

Мистриссъ Блайндеръ сѣла на стулъ, съ тѣмъ, чтобы предоста-вить себѣ благопріятный случай перевести дыханіе, крайне стѣснен-ное такой длинной рѣчью. Въ то время, какъ мистеръ Джорджисъ повернулся къ намъ, съ намѣреніемъ сказать что-то, его вниманіе было отвлечено отъ насъ совершенно неожиданнымъ появленіемъ мистера Гридди, о которомъ только что говорили и котораго мы видѣли во время нашего подъема по лѣстницѣ.

— Я рѣшительно не знаю, леди и джентльмены, что вы дѣлаете здѣсь, сказалъ онъ, какъ будто недовольный нашимъ присутствіемъ: — но во всякомъ случаѣ вы извините за мой приходъ. Я незатѣивъ хожу сюда, чтобы на меня тарачили глаза. Ну что Чарли? что мой Томъ? каково у васъ дѣла идутъ сегодня?

Онъ нагнулся надъ группой весьма ласково и нѣжно: ясно было, что дѣти считали его за друга, хотя лицо его сохраняло суровое выраженіе, и хотя обращеніе его было такъ грубо, какъ только можно.

— Разумѣется, никто не осмѣлится сдѣлать это, кротко замѣтилъ мой опекунъ.

— Положимъ, что такъ, сэръ, положимъ, возразилъ постоялецъ, посадивъ Тома на колѣни и качая его съ какимъ-то раздраженіемъ. — Я не хочу спорить съ леди и джентльменами. Я столько проспори-рилъ на своемъ вѣку, что, право, другому бы не достало на это че-ловѣческаго вѣка.

— Весьма быть может, что ваша вспыльчивость и раздражительность оправдываются основательными причинами, сказалъ мистеръ Джорндисъ.

— Все вздоръ! воскликнулъ незнакомецъ, становясь съ каждою минутою буйне раздражительнымъ. — Я человекъ вздорнаго характера. Я вспыльчивъ. Я невѣжа.

— Ну не совѣжъ, я думаю.

— Послушайте! воскликнулъ мистеръ Гридли, спуская съ колѣнъ мальчика и подходя къ моему опекуну, по видимому, съ намѣреніемъ ударить его. — Знаете ли вы что нибудь о Верховномъ Судѣ?

— Можетъ статься, и знаю, къ моему крайнему сожалѣнію.

— Къ вашему сожалѣнію? сказалъ мистеръ Гридли, останавливая порывъ своего гнѣва. — Если такъ, то я прошу у васъ прощенія. Я знаю, что я невѣжа. Простите меня, сэръ! (съ возрастающимъ изступленіемъ) меня тянули по раскаленному желѣзу почти четверть столѣтія, и потому не удивительно, что я отвыкъ отъ бархата. Сходите въ Верховный Судъ и спросите, что въ настоящее время больше всего ихъ забавляетъ? и они непремѣнно скажутъ вамъ, что нѣтъ не доставляетъ имъ такого удовольствія, какъ шропшайрскій челобитчикъ! Я-то и есть, сказалъ онъ, гнѣвно ударя одной рукой о другую: — тотъ самый шропшайрскій челобитчикъ, который служитъ имъ предметомъ самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ.

— Я вѣрю, вѣрю. Я и семейство мое имѣли честь доставлять удовольствіе этому серьезному мѣсту, сказалъ мой опекунъ спокойно. — Можетъ статься, вы слышали обо мнѣ: мое имя Джорндисъ.

— Мистеръ Джорндисъ! сказалъ Гридли, дѣлая человекъ поклонъ: — вы, мистеръ Джорндисъ, переносите свои критическія и обиды спокойно, чѣмъ я переношу. Я вамъ говорю: гораздо спокойнѣе, чѣмъ я. Пусть будутъ свидѣтелями вотъ эти джентльмены и эти леди, что еслибъ я переносилъ эти обиды какъ нибудь иначе, то давнымъ бы давно сошелъ съ ума. Превратить и въ души свей отищать имъ и настойчиво требовать отъ нихъ правосудія — вотъ единственное средство, которое доставляетъ мнѣ возможность сохранять разумъ свой въ здоровомъ состояніи. Это только и есть единственное средство! сказалъ онъ грубо, невѣжливо и съ нѣкоторой запальчивостію. — Пожалуй вы знаете, что я терю терпѣніе, выхожу изъ себя; но я вамъ скажу, что это въ моей натурѣ, что я, какъ человекъ оскорбленный, долженъ выйти изъ себя. Лучше для охранять это положеніе, или сидѣть и улыбаться, какъ пологая женщина, которая является въ каждомъ засѣданіи Суда.

Ирми я на себя другую роль, и меня непременно свела бы съ ума.

Непріятно, даже больно было видѣть в этотъ рѣвъ, в это изступленіе, въ которомъ находился онъ, и перемѣны въ выраженіи его лица, и буйные жесты, которыми сопровождалъ онъ каждое слово.

— Мистеръ Джордансъ, говорилъ онъ : — вы только разберитесь мое дѣло. Оно такъ ясно, какъ ясно небо, покрывающее насъ. Насъ было два брата. Отецъ мой, фермеръ, сдѣлалъ духовное завѣщаніе, которымъ отказалъ и ферму и все хозяйство въ неизвѣстное владѣніе нашей матери. По смерти матери, все это достояніе законнымъ образомъ должно достаться мнѣ, — рѣшительно все, кромѣ трехсотъ фунтовъ стерлинговъ, которые я, по волѣ покойнаго, обязанъ былъ выдать моему родному брату. Мать умерла. Спустя нѣсколько времени братъ мой потребовалъ свою долю. Я и нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ говорили ему, что онъ, получая квартиру и кушанье и многое другое, получалъ уже съ избыткомъ то, что завѣщалъ отецъ. Теперь посмотрите, какой оборотъ приняло дѣло. Никто не опровергалъ духовнаго завѣщанія, ни о чемъ не было спору, кромѣ того только, выплачена ли была часть завѣщанныхъ трехсотъ фунтовъ, или нѣтъ. Чтобы рѣшить этотъ споръ, я принужденъ былъ обратиться въ Верховный Судъ. И, представьте себя, семнадцать человѣкъ сдѣлались отвѣтчиками въ этой пустой тяжбѣ! Въ первый разъ приступили къ ней спустя два года послѣ подавія просьбы. Послѣ того остановили еще на два года, въ теченіе которыхъ наводили справки о томъ (чтобы у нихъ руки отсохли!), дѣйствительно ли я сынъ моего отца? да въ этомъ никто и не думалъ сомнѣваться! Потомъ оказалось, что число отвѣтчиковъ недостаточно, что мы должны были припутать еще когонибудь и некому снова начать всю исторію. Судебныя издержки, прежде чѣмъ приступлено было къ дѣлу надлежащимъ образомъ, превышали уже духовное завѣщаніе втрое! Мой братъ съ радостію отказался бы отъ наслѣдства, лишь бы избавился только отъ дальнѣйшихъ издержекъ. Вер мое достояніе, оставленное мнѣ духовнымъ завѣщаніемъ отца, превратилось въ издержки. Самая тяжба, до сихъ поръ еще не конченная, сдѣлалась для меня пыткой, гибелью; она довела меня до совершеннаго отчаянія, и вотъ видите, въ какомъ положеніи я нахожусь теперь! Въ вашей тяжбѣ, мистеръ Джордансъ, дѣло идетъ о тысячахъ и тысячахъ, а въ моей только о сотняхъ. Не легче мнѣ выносить ее или тяжелѣе — рѣшить нетрудно: стоитъ только предетавить, что въ этихъ сотняхъ заключалась всѣ средства къ моему существованію, и всѣ они высосаны изъ меня самымъ низкимъ образомъ!

Мистеръ Джорджисъ сказалъ, что онъ отъ души сожалѣеть его, и что самъ вполне испыталъ на себѣ всю несправедливость отъ этой чудовищной системы.

— Ну вотъ опять! возразилъ мистеръ Гридли, нисколько не смигчая своего гнѣвнаго тона. — Система! Со всѣхъ сторонъ говорятъ мнѣ, что это система! Говорятъ, что я не долженъ никуда обращаться, потому что это такая ужъ система! Да, хороша система! Я не долженъ являться въ Судъ, не смѣи сказать тамъ: «ми-лордъ, объясните мнѣ, справедливо это или нѣтъ? Есть ли у васъ на столько совѣсти, чтобъ сказать мнѣ, что я получилъ правосудіе, и потому долженъ удалиться?» Милордъ ровно ничего не знаетъ объ этомъ. Онъ засѣдаетъ тамъ, чтобъ поддерживать эту систему! Я не долженъ обращаться къ мистеру Толкинхорну, когда онъ приводитъ меня въ бѣшенство своимъ хладнокровіемъ и самодовольствіемъ; они всѣ бѣсятъ меня, ибо, я знаю, они приобрѣтаютъ чрезъ это, между тѣмъ какъ я теряю. Я не смѣи сказать ему, что хочу тѣми или другими средствами вытянуть чтонибудь изъ одного изъ нихъ за мое раззореніе! На немъ, извольте видѣть, не лежитъ отвѣтственности. Это система виновата! Я не прибѣгаю къ насильственнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ нимъ, но не знаю, что могло бы случиться со мной, еслибъ меня окончательно вывели изъ терпѣнія! Я стану судиться съ учредителями и представителями этой системы, лицомъ къ лицу, передъ Великимъ Всевѣчнымъ Судомъ!

Гнѣвъ мистера Гридли былъ ужасенъ. Я бы не повѣрила, что бѣшенство можетъ доходить до такой степени, еслибъ не видѣла этого своими глазами.

— Я кончилъ! сказалъ онъ, опускаясь на стулъ и утирая лицо. — Мистеръ Джорджисъ, я кончилъ! Я знаю, у меня буйный характеръ. Я долженъ знать это: я сидѣлъ въ тюрьмѣ за нарушеніе порядка въ Верховномъ Судѣ. Я сидѣлъ въ тюрьмѣ за угрозы адвокату. Я находился въ различныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и слова буду находиться. Я, извольте видѣть, шпроншѣйрскій челобитчикъ и отъ времени до времени являюсь въ судъ, не для того, чтобы забавлять ихъ, хотя они и находили забавнымъ, когда меня вводили въ судъ и выводили подъ стражей. Было бы лучше, говорятъ они, еслибъ я удерживалъ себя; а я имъ говорю, что еслибъ я удерживалъ себя, то по, милости ихъ, давнымъ бы давно сошелъ съ ума. Вѣдь я когда-то былъ очень кроткій человекъ. Земляки мои говорятъ, что они помнятъ, до какой степени я былъ кротокъ и спокоенъ; но теперь, подъ вліяніемъ оскорбленія, нанесеннаго мнѣ, я по необходимости долженъ дать полную свободу такому направле-

нію духа: иначе ничто не могло бы сохранить разсудокъ мой въ цѣлости. «Было бы гораздо лучше для васъ, мистеръ Гридли — скажалъ мнѣ лордъ-канцлеръ на прошлой недѣлѣ — еслибъ вы не трятили здѣсь вашего времени, а оставались бы при полезныхъ занятіяхъ въ Шропшэйрѣ». — «Милордъ, милордъ, я знаю, что это такъ — отвѣчалъ я ему — но было бы еще лучше для меня, еслибъ я никогда не слышалъ о вашемъ Верховномъ Судѣ; но, къ несчастію, я не могу передѣлать прошедшаго, а прошедшее тянетъ меня сюда!» Къ тому же, прибавилъ Гридли, снова приходя въ бѣшенство: — я непремѣнно хочу пристыдить ихъ. До послѣдней минуты моей жизни я буду показываться въ Судѣ къ стыду его. Еслибъ я зналъ заранѣе минуту моей смерти, еслибъ въ эту минуту я могъ находиться тамъ, могъ владѣть языкомъ, я бы умеръ тамъ, сказавъ: «вы тянули меня сюда и выгоняли отсюда многое множество разъ. Теперь выгоните меня отсюда, вынесите меня отсюда ногами впередъ.»

Его лицо, быть можетъ, вслѣдствіе тяжелыхъ испытаній въ теченіе многихъ лѣтъ, до такой степени усвоило суровое выраженіе, что даже и теперь, когда, по видимому, ничто не возмущало души его, оно нисколько не смягчалось.

— Я пришелъ сюда, чтобы взять къ себѣ этихъ малютокъ, сказалъ онъ, снова подходя къ нимъ: — пусть они поиграютъ у меня. Вѣдь я вовсе не намѣренъ былъ высказать вамъ это; впрочемъ, бѣда не велика, если и высказалъ.... Томъ, ты не боишься меня? да, не боишься?

— Нѣтъ! сказалъ Томъ. — Зачѣмъ я стану бояться? вѣдь вы не сердиты на меня?

— Правда, правда, дитя мое.... Ты идешь назадъ, Чарли? Да?... Пойдемте же ко мнѣ, малютки!

И Гридли взялъ младенца на руки, который охотно перешелъ къ нему съ рукъ Чарли.

— Не найдется ли у насъ внизу нибирнаго солдатика? Пойдемте-ка, поищемъ!

Онъ сдѣлалъ мистеру Джорндису прежній холодный и даже грубый поклонъ, не лишенный, впрочемъ, нѣкотораго достоинства, слегка поклонился намъ и ушелъ въ свою комнату.

Послѣ этого мистеръ Скимполь, въ первый разъ по нашемъ приходѣ сюда, заговорилъ съ прежнимъ веселымъ и безпечнымъ настроеніемъ духа.

— Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ: — очень пріятно и неиздательно видѣть, какъ все въ мірѣ, иногда даже противъ нашего желанія, устроивается къ лучшему. Вотъ, напримѣръ, хоть этотъ мистеръ Гридли, человѣкъ съ необъятной силою воли и удивитель-

ной энергіей, — говоря ясно, человекъ въ родѣ необтесаннаго кузнеца, сколько-нибудь, быть можетъ, скитался въ жизни, отыскивая предметъ, надъ которымъ бы можно было развернуть свою избыточную наклонность къ упорной борьбѣ, какъ вдругъ на дорогѣ встрѣтился ему Верховный Судъ и представилъ собою тотъ самый предметъ, который онъ отыскивалъ. Съ этой минуты они неразрывно соединились другъ съ другомъ. Въ противномъ случаѣ онъ могъ бы сдѣлаться великимъ полководцемъ, взрывающимъ на воздухъ укрѣпленные и неукрѣпленные города, могъ бы сдѣлаться великимъ человекомъ въ политическомъ мѣрѣ, трактующимъ о судьбѣ народовъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ парламентской риторикъ, но, какъ уже было сказано, онъ и Верховный Судъ столкнулись другъ съ другомъ пріятнѣйшимъ образомъ; никому отъ этого столкновения не сдѣлалось хуже, и Гридди съ той минуты пристражился въ жизни. Обратимся теперь къ Коавинсесу! Бѣднымъ Коавинсесомъ! (отецъ этихъ очаровательныхъ дѣтей!) какъ восхищенно помыслитъ онъ тотъ же самый принципъ! Мистеръ Скинполъ самъ очень часто сѣтовалъ на существованіе Коавинсеса. Онъ встрѣтилъ Коавинсеса на своей дорогѣ. Онъ могъ бы обойтись и безъ него. Бывали времена, когда онъ, еслибъ былъ султаномъ и еслибъ великій визирь сказалъ ему въ одно прекрасное утро: чего желаешь повелитель нравовѣрныхъ отъ рукъ своего раба? онъ рѣшился бы отвѣтить ему: головы Коавинсеса!... Но какой же оборотъ приняло все дѣло? Въ теченіе всего этого времени онъ доставлялъ замятисъ достойнѣйшему человеку; онъ былъ благодѣтель Коавинсеса, онъ непосредственно доставлялъ Коавинсесу возможность поднять на ноги этихъ плѣнительныхъ дѣтей и развить въ нихъ общественныя добродѣтели! И дѣйствительно, въ эту минуту сердце мистера Скинпола такъ было полно и слезы такъ замѣтно выступали на глаза его, что, окидывая взоромъ комнату, онъ какъ будто думалъ: «Я одинъ былъ сильнымъ покровителемъ Коавинсеса, и небольшой комфортъ, которымъ наслаждался онъ въ семейной быту — это твореніе моихъ рукъ!»

Въ его легкомъ прикосновеніи къ этимъ фантастическимъ струнамъ было столько очаровательнаго, это былъ такой милый, веселый, безпечный ребенокъ, сравнительно съ другимъ ребенкомъ, возмущаемымъ не по дѣтамъ, который стоялъ подлѣ него, что онъ невольнымъ образомъ заставилъ моего опекуна улыбнуться, прервать разговоръ съ мистрессъ Вайндеръ и взглянуть на насъ. Мы поцаловали Чарли, спустились вмѣстѣ съ ней съ лѣстницы и остановились передъ домомъ посмотрѣть, какъ побѣжитъ она къ своей работѣ. Не знаю, гдѣ она работала, но мы видѣли, какъ это

маленькое малое созданіе, въ жевской шляпкѣ и передникѣ, побѣжало черезъ крытую галлерею въ концѣ двора и вскорѣ слилось съ борьбой и шумомъ многолюднаго города, какъ нанли росы съ волнами океана.

ГЛАВА XVI.

УЛИЦА ОДИНКОГО ТОМА.

Миледи Дэдлокъ безпокойна, очень безпокойна; она не можетъ долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Изумленная такимъ событіемъ, фешенебельная газета не успѣваетъ слѣдить за ней, не знаетъ иногда, гдѣ ее найти. Сегодня она въ своемъ помѣстьи Чесни-Воулдѣ, вчера была въ своемъ столичномъ домѣ, завтра, быть можетъ, умчитъ за границу: фешенебельная газета не можетъ сказать ничего положительно. Даже сэръ Лэйстеръ, при всей своей любезности и при всемъ желаніи, не можетъ безотлучно находиться при миледи. Его вѣрная и неразрывная подруга — подагра, насильственнымъ образомъ пробирается въ старинную дубовую спальню въ Чесни-Воулдѣ и сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ его обѣ ноги.

Сэръ Лэйстеръ принимаетъ подагру, какъ неприятную гостью; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ гостью въ нѣкоторомъ родѣ изъ высшаго аристократическаго круга. Всѣ Дэдлоки, по прямой мужской линіи, со времени незапамятныхъ, имѣли подагру. Это не требуетъ даже доказательства. Отцы другихъ людей могли умирать отъ ревматизма или отъ сообщенія въ ихъ организацію зараженной какимъ нибудь другимъ недугомъ крови простолюдина, но фамилія Дэдлоковъ представляла собою что-то исключительное даже въ общемъ для всѣхъ смертныхъ процессѣ умиранія. Причиной смерти всѣхъ Дэдлоковъ была ихъ собственная, семейная подагра! Она составляла семейное наследство блистательной линіи Дэдлоковъ и переходила изъ рода въ родъ, какъ серебро, какъ помѣстье въ Линкольнширѣ. Она принадлежала къ числу главнѣйшихъ достоинствъ и почестей этой линіи. Быть можетъ, сэръ Лэйстеръ имѣетъ нѣкоторое убѣжденіе, хотя и никогда не рѣшался высказать его, что ангелъ смерти, исполняя свои обязанности, явится въ извѣстный день въ царство аристократическихъ тѣней съ слѣдующимъ донесеніемъ: «милорды и джентльмены, имѣю честь представить вамъ еще Дэдлока: онъ присоединяется къ вашему обществу черезъ семейную подагру.»

Вслѣдствіе этого, сэръ Лэйстеръ спокойно обрекаетъ свои едвалинные ноги фамильному недугу, какъ будто имя его и богатство много поддерживаются этимъ феодальнымъ правомъ. Онъ считаетъ, что лежать въ постели и испытывать судорожное сжатіе и извѣстную боль въ ногахъ — принадлежитъ исключительно однимъ Дэдлокамъ; объ этомъ онъ такого мнѣнія :

«Мы всѣ обрекали себя этому недугу; онъ принадлежитъ намъ, какъ наша неотъемлемая собственность; въ теченіе многихъ столѣтій мы нисходили въ фамильные склепы не иначе, какъ пострадавъ сначала отъ этого недуга, — и поэтому я съ готовностію покоряюсь тому, чему покорялись мои предки.»

И какое величественное зрѣлище представляетъ онъ собою, окруженный малиновымъ бархатомъ, съ золотыми бахрамами, по срединѣ великолѣпной гостиной, передъ любимымъ портретомъ миледи! Широкія полосы яркаго солнечнаго свѣта врываются сквозь длинный рядъ оконъ, пересѣкаясь нѣжными отливами тѣней. Снаружи, величавые дубы, пускавшіе въ теченіе вѣковъ корни свои въ почву, покрытую бархатистою зеленью, — почву, которая никогда не знала плуга, которая служила сборнымъ пунктомъ для героевъ, когда они съ мечемъ и щитомъ отправлялись на бранное поле, или когда съ лукомъ и стрѣлой сиѣшили на шумную звѣриную охоту, — все это безмолвно свидѣтельствуетъ о величій Дэдлока. Внутри — его предки, глядя на него съ высокихъ стѣнъ, какъ будто говорятъ: «Каждый изъ насъ провелъ здѣсь свой вѣкъ и оставилъ по себѣ намалеванную тѣнь, уносясь изъ воспоминанія точно такъ, какъ уносится отдаленное карканье грачей, которые теперь убаюкиваютъ тебя!» Эти предки безмолвно свидѣтельствуютъ о его величій. И дѣйствительно, въ этотъ день Дэдлокъ очень величественъ! И горе Бойторну или всякой дерзновенной твари, которая, въ безумствѣ своемъ, рѣшится оспаривать его величіе.

Въ настоящую минуту присутствіе миледи подлѣ сэра Лэйстера Дэдлока замѣняется ея портретомъ. Она умчала въ столицу, безъ намѣренія, впрочемъ, остаться тамъ, и скоро примчѣтъ сюда снова, къ крайнему недоумѣнію фешенебельныхъ листковъ. Столичный домъ не приготовленъ надлежащимъ образомъ къ ея приему. Онъ весь подъ чехломъ и полонъ мрачнаго унынія. Одинъ только Меркурій въ пудрѣ беззубно зѣваетъ у окна приемной залы; не дальше, какъ вчера онъ сообщалъ другому Меркурію, своему знакомцу, привыкшему къ порядочному обществу, что если продолжится эта скука еще дольше (невыносимая скука, потому что человѣкъ съ его душой не могъ бы вынести ея), — если продолжится эта скука,

для него, по чести говоря, останется одно только средство — перерезать себя горло!

Какая может быть связь между помѣстемъ въ Линкольншйрѣ, столичнымъ домомъ, Меркуриемъ въ пудрѣ и какимъ-то Джо, отверженнымъ свидѣтелемъ, на которомъ отражался отдаленный лучъ отраднаго свѣта, въ то время, какъ онъ подметалъ ступеньки кладбища? Какая можетъ быть связь между многими людьми, которые съ противоположныхъ береговъ огромной бездны, ихъ раздѣляющей, какъ-то странно сталкиваются другъ съ другомъ?

Джо въ теченіе цѣлаго дня подметаетъ свой перекрестокъ, совсѣмъ не помышляя объ этомъ звенѣ, если только есть тутъ какое нибудь звено. Умственное его состояніе всего вѣрнѣе опредѣляется собственными его словами: «я ничего не знаю.» Онъ знаетъ, впрочемъ, что въ ненастную погоду тяжело счищать грязь съ перекрестка, и что еще тяжелѣе жить такой работой. Никто не училъ его даже и этому: онъ самъ донскался того. Джо живетъ, или, вѣрнѣе сказать, Джо до сихъ поръ еще не умеръ, въ грязномъ мѣстѣ, извѣстномъ подобнымъ ему бѣднякамъ, подъ названіемъ Улицы Одинокаго Тома. Это самая грязная улица въ Лондонѣ, которую объѣгаютъ порядочные люди, — улица, гдѣ вѣтхія зданія, весьма близкія къ своему паденію, заселены отважными бродягами, которые, вступивъ во владѣніе руинами, отдають ихъ въ наемъ отдѣльными квартирами. Ночью, эти жалкія, надающія обиталища заключаютъ въ себя цѣлый рой нищеты. Какъ на глѣбющемъ трушѣ человѣческомъ появляются плотоядные черви, такъ и эти изгнившіе пріюты питають толпу отверженныхъ созданій, которыя вползають сюда и выползають, свертываются въ груды и спятъ въ мѣстахъ, гдѣ дождевая вода обливаеть ихъ, куда они приходятъ и уходятъ, принося и унося съ собой заразительныя болѣзни и разсѣвая на каждомъ шагѣ столько зла и разврата, что истребить то и другое мало было бы пятисотъ лѣтъ для лорда Кудля и сэра Томаса Дудля и герцога Зудля, хотя они и рождены на свѣтъ исключительно для этой цѣли.

Еще не такъ давно въ этой улицѣ два раза произошелъ ужасный трескъ и въ то же время поднялось облако пыли, какъ будто отъ взрыва мины, и каждый разъ разрушался какой нибудь домъ. Эти происшествія доставляли матеріалъ для газетной статейки и наполняли большими ближайшіе госпитали. Несмотря на то, щели остаются незаткнутыми, и въ этомъ хламѣ вѣтъ одной квартиры, которая не была бы биткомъ набита жалкимъ народомъ. Такъ какъ вѣкоторыя дома уже готовы къ паденію, то ожидаютъ, что слѣдующій взрывъ будетъ весьма замѣчательный.

Безъ всякаго сомнѣнія, эта пріятная недвижимость составляетъ собственность или опеку Верховнаго Суда. Каждый слѣпшій знаетъ это очень хорошо. Почему эта улица носитъ такое страшное названіе—никто не знаетъ. Потому ли, что «Томъ» считается народнымъ представителемъ челобитчика или отвѣтчика въ тяжбѣ Джорджасъ и Джорджасъ; потому ли, что Томъ жилъ здѣсь одинъ въ то время, когда тяжба опустошила всю улицу, и жилъ до тѣхъ поръ, пока не поселились другіе сосѣди, — или потому, что титулъ этотъ, основанный на преданіи, служитъ общимъ названіемъ убѣжища совершенно отрѣзаннаго отъ общества честныхъ людей и лишенаго всякой надежды? никому не извѣстно. Разумѣется, и Джо ничего не знаетъ объ этомъ.

— Я ничего, говоритъ Джо: — ничего не знаю.

Должно быть, весьма странно находиться въ такомъ положеніи, въ какомъ находится Джо! Шататься по улицамъ и оставаться въ совершенномъ мракѣ касательно значенія таинственныхъ символовъ, въ такомъ изобиліи вышвенныхъ надъ лавками, по угламъ улицъ, надъ дверьми и въ окнахъ! Видѣть, какъ люди читаютъ, видѣть, какъ люди пишутъ, видѣть, какъ почтальоны вручаютъ письма — и не имѣть ни малѣйшаго понятія о томъ, какимъ образомъ это дѣлается, — оставаться глухимъ и нѣмымъ, оставаться камнемъ для всякой каракульки, которую видѣлъ въ письменахъ роднаго языка! Должно быть, очень, очень страшно видѣть, какъ добрые люди, съ книжками въ рукахъ, отправляются по воскреснымъ днямъ въ храмъ Божій — и подумать (быть можетъ, Джо и думаетъ иногда), что все это значить, и если это что нибудь да значить, то почему же для меня оно не имѣетъ никакого значенія? Подвергаться дажѣ, толкотнѣ, унеситься впередъ съ толпами народа и, нѣкоторымъ образомъ, убѣждаться въ истинѣ, что я не имѣю никакого дѣльнаго занятія ни здѣсь, ни тамъ, андѣ, и между тѣмъ приходить въ замѣнательство при одной мысли, что вѣдь я попалъ же сюда какъ нибудь и зачѣмъ нибудь, и невольнымъ образомъ сиротить себя: что же такое я! Должно быть, странное положеніе не только слушать отъ другихъ, что я почти не имѣю скотства съ другими людьми (какъ, напримеръ, при случаѣ, когда я предлагаю себя въ свидѣтели), но и чувствовать это по убѣжденію въ теченіе всей своей жизни! Видѣть, какъ проходятъ мимо меня лошади, собаки и всякій скотъ — и сознаваться, что, по нещѣстью, я принадлежу къ нимъ, а отнюдь не къ превосходнымъ созданіямъ, благородное и высокое назначеніе которыхъ я оскорблю! До какой степени должны быть странны понятія Джо (если только онъ имѣетъ ихъ) о всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вся его матеріальная и

нематериальная жизнь удивительно строга; а еще страшнее его смерть.

Джо выходит изъ Улицы Однокаго Тома, встрѣчая заездалое утро, которое въ этой части Лондона занимается еще позже, и, пробираясь по ней, жуётъ грязный кусокъ хлѣба. Его путь пролегалъ по множеству улицъ, гдѣ дома еще не отперты.

Онъ идетъ на свой перекрестокъ и начинаетъ очищать его на предстоящій день. Городъ пробуждается; громадная машина заводится на цѣлый день; непостижимое чтеніе и писаніе, прекращавшіяся на нѣсколько часовъ, снова начинаются. Джо и другіе вступаютъ въ общій хаосъ, кто какъ умѣетъ. Сегодня торговый день. Быки съ завязанными глазами, не вмѣру загнанные, не вмѣру понукаемые, не вмѣру не руководимые, забѣгаютъ въ мѣста, куда имъ не слѣдуетъ вбѣгать, и откуда выгоняютъ ихъ сильными побоями. Съ глазами, налитыми кровью и съ пѣной у рта, они бросаются на каменные стѣны и часто наносятъ сильный вредъ невиннымъ, часто наносятъ сильный вредъ себѣ. Точь-въ-точь, какъ Джо и ему подобныя, — точь-въ-точь!

Вотъ подходитъ труппа странствующихъ музыкантовъ и начинаетъ играть. Джо слушаетъ музыку. Ту же музыку слушаетъ и собака, — собака гуртовщика, которая ждетъ своего хозяина у дверей мясника и очевидно думаетъ о трехъ баранахъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ часовъ составляли предметъ ея заботъ, и отъ которыхъ, къ счастью, она отдѣлалась. Но видимо, она находится въ недоумѣніи касательно трехъ-четырёхъ другихъ барановъ, не можетъ припомнить, гдѣ оставала ихъ, поглядываетъ вдоль улицы то въ одну, то въ другую сторону, какъ будто думаетъ, не заблудились ли они, и все еще надѣется ихъ увидѣть, — но вдругъ приподнимаетъ уши, виляетъ хвостомъ и вспоминаетъ все, что сдѣлалось съ ними. Совершенно бездомная собака, привыкшая къ низкимъ обществамъ и нитейнымъ домамъ, — страшная собака для барановъ, готовая по первому свистку вскочить на спину каждаго изъ нихъ и вырвать какъ шерсть; но, при всемъ томъ, это воспитанная; ученая, съ развитыми способностями собака, которую научили исполнять свою обязанность, и она умѣетъ ее исполнять. Она и Джо слушаютъ музыку, вѣроятно, съ тою же степенью животнаго удовольствія: вѣроятно, они стоятъ на одной параллели въ отношеніи къ тѣмъ душевнымъ опущеніямъ, которыя производятъ на нихъ окружающіе предметы, одушевленные и неодушевленные.

Обратите потомковъ той собаки въ дилное состояніе, — состояніе, въ которомъ находится Джо, и черезъ нѣсколько лѣтъ они

такъ переродятся, что теряютъ способность лаять, — но не теряютъ способности кусаться.

День, вмѣстѣ съ исходомъ своимъ, измѣняется и, отъ мелкаго дождя, становится мрачнымъ. Джо, послѣ тяжелой борьбы на своемъ перекресткѣ съ грязью, колесами, лошадьми, бичами и зонтиками, заключаетъ его и собираетъ сумму едва достаточную для того, чтобъ заплатить за отвратительный пріютъ въ Улицѣ Одинокатома. Наступаютъ сумерки; газъ яркими полосами свѣта начинаетъ вырываться изъ оконъ магазиновъ; фонаричекъ, съ своей лѣсенкой, перебѣгаетъ по окраинѣ тротуара отъ одного столба къ другому. Несносные сумерки замѣняются несноснѣйшимъ вечеромъ.

Мистеръ Толкинхорнъ сидитъ въ своей комнатѣ и замышляетъ о полученіи, на другое утро, отъ ближайшаго судьи приказанія на чей-то арестъ. Гридли, этотъ несчастный, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ челобитчикъ, являлся сюда сегодня и былъ ужасенъ. Согласитесь, намъ не слѣдуетъ подвергать себя страху, и этого полоумнаго человѣка, ожесточеннаго противъ цѣлаго міра, непременно нужно снова посадить въ тюрьму. Съ плафона, приплюснутая Аллегорія, въ лицѣ небывалаго римлянина, неизмѣнно указываетъ рукой Самсона (вывихнутой и нѣсколько странной) за окно. Неужли мистеръ Толкинхорнъ станетъ для такихъ пустяковъ смотреть за окно? Развѣ рука не указываетъ туда постоянно? Вслѣдствіе этого онъ и не смотритъ за окно.

А еслибъ онъ и взглянулъ, то чтѣ вышло бы изъ того, еслибъ увидѣлъ женщину, проходящую мимо его оконъ? По мнѣнію мистера Толкинхорна, въ мірѣ есть много женщинъ, — даже очень много; онѣ болѣе всего встрѣчаются тамъ, гдѣ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей происходятъ безпорядки, хотя, чрезъ это самое, онѣ доставляютъ занятіе адвокатамъ. Чтѣ бы вышло изъ того, еслибъ увидѣлъ онъ проходящую женщину, — проходящую даже скрытнымъ, таинственнымъ образомъ? Всѣ женщины скрытны: это извѣстно всякому, а мистеру Толкинхорну больше всѣхъ другихъ.

Впрочемъ, не всѣ женщины имѣютъ сходство съ той, которая въ эту минуту оставляетъ за собою и мистера Толкинхорна и его домъ. Между ея простой одеждой и ея изящными манерами есть что-то чрезвычайно несообразное. По платью она должна быть служанка высшаго разряда, а по осанкѣ и походкѣ — это настоящая леди. Ея лицо закрыто вуалью, а все же изъ подъ вуали на столько видно прекрасное лицо, которое невольно заставляетъ многихъ

проходящих останавливаться и бросать на нее быструю проницательную взгляды.

Она не смотрит ни в ту, ни в другую сторону. Леда это важная служанка, но, впрочем, она имеет свою цель, и стремится к ней. Она не смотрит ни в которую сторону, до самого перекрестка, где Джо занимается своей метлой. Джо переходит с ней на другую сторону и просит за труды. Она по привычке не повертывает своей головы ни в ту, ни в другую сторону. Наконец она останавливается и слегка кивает Джо и говорит ему: «споди сюда!»

Джо идет за ней; они делают несколько шагов и входят на безлюдный двор.

— Ты ли тот мальчик, о котором я читала в газетах? спрашивает она из-под вуали.

— Не знаю, отвечает Джо, упрямо и пристально вглядываясь в вуаль: — я ничего не знаю о газетах. Я вовсе ничего и ни о чем не знаю.

— Но ведь тебя приводили к какому-нибудь следствию и допрашивали там?

— Я ничего не знаю.... ах, да! не то ли вы хотите спросить, куда привели меня староста? говорил Джо. — В газетах-то как зовут мальчика? Джо?

— Да.

— Ну, так это я! говорит Джо.

— Не идешь со мной дальше.

— Вы верно насчет того... насчет человека, который умер? говорит Джо, слѣдуя за женщиной. — Хотите знать, как он умер?

— Тс! Говори шепотом! Слышишь! Скажи, каков он казался при жизни? о чем больше всего сожалел?

— Он был человек....

— На кого похож.... не на тебя ли? спрашивает женщина с отвращением.

— Не то, чтобы на меня, говорит Джо: — он был лучше меня! Вы верно знали его?

— Как ты смѣешь объ этом спрашивать меня?

— Не сердитесь, миледи, говорит Джо, съ величайшим уничижением: даже и он подозревает, что перед ним стоит лед.

— Я не лед: я служанка.

— Значит вы такая славная служанка! говорит Джо, без малѣйшего усилия сказать что-нибудь оскорбительное: он выражает только свой восторг.

— Слушай и молчи. Не говори со мной и держись отъ меня поодаль. Можешь ли ты указать мнѣ всѣ тѣ мѣста, о которыхъ я читала въ газетахъ, указать мнѣ мѣсто, гдѣ онъ писалъ, гдѣ онъ умеръ, гдѣ происходили слѣдствія и гдѣ его похоронили? Знаешь ли ты мѣсто, гдѣ его похоронили?

Джо утвердительно киваетъ головою. Онъ кивалъ точно также послѣ каждого ея вопроса.

— Иди впередъ и укажи мнѣ всѣ эти ужасныя мѣста. Останавливайся противъ каждого изъ нихъ и не говори со мной, пока я спрошу тебя. Не оглядывайся. Дѣлай что я хочу, и я заплачу тебѣ хорошо.

Джо внимательно выслушиваетъ каждое слово, повторяетъ ихъ надъ палкой своей метлы, находитъ, что трудно ихъ запомнить, старается угадать ихъ значеніе, угадываетъ и еще разъ утвердительно киваетъ своей всклокоченной головою.

— Я готовъ, говоритъ Джо: — но, знаете, тутъ есть того... чтобъ насъ не поймали на крючокъ.

— Что хочешь сказать это страшное созданіе! восклицаетъ служанка, отвернувшись отъ него.

— Чтобъ намъ не подрѣзали крыльцѣвъ, говоритъ Джо.

— Я не понимаю тебя. Иди впередъ! Я дамъ тебѣ столько денегъ, сколько ты не видывалъ въ жизни!

Джо складываетъ губы, чтобы свистнуть, почесываетъ свою всклокоченную голову, беретъ подлѣ мышки метлу и отправляется указывать дорогу, ловко пробираясь босыми ногами по камнямъ, черезъ лужи и грязь.

Вотъ Подворье Кука. Джо останавливается. Минутное молчаніе.

— Кто здѣсь живетъ?

— Тотъ, кто давалъ ему работу и подарилъ мнѣ полъ-кроны, шопотомъ говоритъ Джо, не оглядываясь даже черезъ плечо.

— Ступай дальше.

Вотъ домъ Крука. Джо опять останавливается. Молчаніе продолжительнѣе прежняго.

— Кто здѣсь живетъ?

— Онъ здѣсь жилъ, отвѣчаетъ Джо, какъ и прежде.

Послѣ минутнаго молчанія его спрашиваютъ: «въ которой комнатѣ?»

— Въ задней комнатѣ.... вонъ тамъ. Съ этого угла вы можете увидѣть ее. Вонъ тамъ.... Тамъ я видѣлъ его мертвымъ. А вотъ это гостиница, въ которую приводили меня.

Слѣдующій переходъ длиннѣе перерывъ; но Джо, откинувъ свои опасенія , строго соблюдаетъ условія , возложенныя на него , и не оглядывается назадъ. Разными улицами и переулками , встрѣчая множество неприятностей , она приходитъ къ небольшому проезду подъ зданіемъ , ведущему во дворъ , подходитъ къ газовому фонарю (зажженному теперь) и къ желѣзнымъ воротамъ.

— Вонъ его тамъ положили , говоритъ Джо , держась за рѣшетку и вглядываясь въ даль.

— Гдѣ?... О , какая ужасная сцена !

— Да вонъ тамъ , говоритъ Джо , указывая пальцемъ : — вонъ , вонъ тамъ , — между грудями костей и какъ разъ подъ окномъ вонъ этой кухни. Они зарыли его неглубоко , такъ неглубоко , что нужно было притоптать ногами. Я , пожалуй , своей ветлой открылъ бы его вамъ , еслибъ ворота были отворены. Вотъ почему , я думаю , и запираютъ ихъ (при этомъ Джо сильно потрясъ ворота). Они всегда на-заперти. Взгляните-ка ! Крыса , крыса ! восклицаетъ Джо , съ нѣкоторымъ восхищеніемъ. — Ха , ха !... Взгляните ! Вонъ она идетъ ! Вонъ , вонъ ! Ушла ! и вѣрно въ чью нибудь могилу.

Служанка прижимается въ уголъ , и влажные испаренія отъ мертвецовъ заражаютъ ея платье. Она протягиваетъ руки и упрашиваетъ провожатаго уйти отъ нея. Онъ становится для нея невыносимо-тяжелымъ. Джо стоитъ выпуча глаза. Служанка оправилась наконецъ отъ страшнаго впечатлѣнія.

— Неужели это страшное , отвратительное мѣсто отведено для кладбища ?

— Я ничего не знаю , говоритъ Джо , выпуча глаза.

— Освящено ли оно ?

— Что-о ? говоритъ Джо , въ высшей степени изумленный.

— Освящено ли оно ?

— Не знаю ничего , говоритъ Джо , выпуча глаза сильнѣе прежняго : — ничего не знаю.

Служанка не обращаетъ вниманія на слова Джо и , по видимому , не обращаетъ вниманія на свои слова. Она снимаетъ перчатку , чтобы достать изъ кошелька нѣсколько денегъ. Джо молча замѣчаетъ бѣленькую и маленькую ручку и представляетъ себѣ , какая должна быть она славная служанка , если носить такія блестящія кольца.

Она опускаетъ монету ему въ руку , не касаясь къ ней и содрагаясь отъ одного сближенія ихъ рукъ.

— Теперь , прибавляетъ она : — покажи мнѣ еще разъ могилу.

Джо просовываетъ сквозь рѣшетку палку отъ метлы и съ аккуратностью , какую только могъ располагать , указываетъ на могилу.

Наполеонъ, взглянувъ въ сторону, чтобы удостовѣриться, принимающа ли его, онъ видитъ, что подлѣ его нѣтъ ни души.

Первымъ дѣломъ онъ садится поднести монету къ газовому фонарю и испугаться при видѣ ея жолтого нѣфта, при видѣ золота. Потомъ, для удостовѣренія въ достоинствѣ монеты, онъ кусаетъ ее ребро; потомъ, для безопасности, кладетъ ее въ ротъ, подметаетъ съ особеннымъ тщаніемъ ступонныя плашки и пробѣль. Дѣло его кончено, и онъ отправляется въ Улицу Одинокого Тома, останавливаясь у безчисленнаго множества фонарей, чтобы вынуть изъ рта золотую монету, попробовать ее на зубакъ и убѣдиться, что она не фальшивая.

Меркурій въ пудрѣ не жалуется въ эту вечеръ на недостатокъ въ обществѣ. Миледи отправляется на роскошный обѣдъ и на три или на четыре бала. Сэръ Дайстеръ случаетъ въ Чессинг-Воудъ. Онъ бесѣдуетъ съ своей подругой. Онъ жалуется мистриссъ Ронсвелъ, что дождь такъ монотонно стучитъ на террасѣ, что невозможно читать газеты даже подлѣ камня въ его спальнѣ.

— Сэръ Дайстеръ лучше бы сдѣлалъ, еслибы перебрался въ другую половину дома, говоритъ мистриссъ Ронсвелъ, обращаясь къ Россѣ. — Его спальня подлѣ спальни миледи; а въ теченіе этихъ лѣтъ я еще ни разу не слышала шаговъ на Шенцадѣ Замогильнаго Призрака такъ ясно, какъ сегодня вечеромъ.

ОПЫТЪ БЮГРАФІИ

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ.

ОКОНЧАНІЕ ТРЕТЬЯГО (И ПОСЛѢДНЯГО) ПЕРІОДА.

Семейныя заботы. — Гоголь опять въ Римѣ. — Письмо по поводу отрывка изъ «Мертвыхъ Душъ», поставленнаго на сцену. — Черты изъ душевной исповѣди. — Высочайшая милость. — Случай въ Прагѣ. — Еще нѣсколько признаній. — Переписка съ друзьями. — Послѣдствія журнальныхъ отзывовъ. — Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ. — Стремленіе къ собственному совершенствованію. — Возвращеніе въ отечество. — Малороссійскія мѣста, наиболее любимыя Гоголемъ. — Путешествіе Гоголя съ М. А. Максимовичемъ въ Малороссію на долгихъ, въ 1850 году. — Дорожныя приключенія и посѣщенія. — Какъ разнѣ понимали Гоголя его знакомые. — Письмо къ П. А. Плетневу изъ Одессы. — Гоголь на родинѣ. — Собственное его мнѣніе о второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». — Возвращеніе въ Москву. — Общество Гоголя и его занятія. — Послѣднія письма. — Разговоръ съ О. М. Боданскимъ. — Послѣдніе дни. — Сожженіе рукописи и смерть.

Окончивъ хлопоты по предмету изданія первой части «Мертвыхъ Душъ», Гоголь посѣдѣлъ на покой въ свой «тихий уголокъ, въ Римѣ». Но прежде онъ позаботился, какъ умѣлъ, о спокойствіи своей матері. Письмо его, по этому случаю, къ Н. Д. Бѣлозерскому исполнено трогательнаго интереса (*); но я долженъ

(*) Подлинникъ хранится у Н. Д. Бѣлозерскаго.
Т. XLIV. Стл. II.

былъ исключить изъ него нѣкоторыя подробности, неважныя для читателя.

(Апрѣля 12, 1842, изъ Москвы.)

«Благодарю васъ, добрый другъ мой Николай Даниловичъ, за ваше письмо. Я его вовсе не ожидалъ. Объ васъ я нигдѣ не могъ узнать — что вы и гдѣ вы. Словомъ, ваше письмо меня обрадовало. Все въ немъ относившееся до васъ было прочтено съ участіемъ; но въ этомъ вы не сомнѣваетесь. Благодарю васъ также за выписку о раздачѣ земель. (*) Мнѣ бы очень хотѣлось обнять васъ, но нѣтъ для этого мнѣ возможности. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта. Или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской. Вы въ письмѣ вашемъ сказали, хотя вскользь и хотя не иначе, какъ на условіяхъ, что, можетъ быть, когда нибудь побываете въ моей родинѣ, то есть въ деревнѣ. Теперь я буду васъ просить объ этомъ серьезно. Ради Бога, если случится вамъ быть въ Полтавѣ, пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню Васильевку, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Полтавы. Вы мнѣ сдѣлаете великую услугу и благодареніе. Вотъ въ чемъ дѣло: рассмотрите ее и положеніе, въ какомъ она находится, и напишите объ этомъ мнѣ, а также и чѣмъ можно поправить обстоятельства. Дѣла запущены мною. — — — Вы человекъ умный и знающій: вы замѣтите тотчасъ то, чего я самъ никакъ не замѣчу, ибо я, признаюсь, теперь едва даже могу замѣтить, что существую. Сдѣлайте мнѣ эту милость. Въ Полтавѣ вы узнаете, гдѣ наша деревня и какъ до нея добхать, отъ Ивана Васильевича Капниста, который живетъ постоянно въ Полтавѣ. Маменька нѣсколько разъ слышала объ васъ отъ меня и будетъ рада вамъ несказанно. Сестры мои, изъ которыхъ двѣ на дняхъ вышли изъ института и вамъ нѣсколько знакомы, предобрый дѣлушки и еще, безъ сомнѣнія, не успѣли выучиться ничему

(**) Раздача земель въ южной Россіи началось въ началѣ 1764 года, по плану о раскошеніи Новороссійскаго края, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы земли не были раздаваемы свыше 12,000 десятинъ одному лицу, и проч. Г. Бѣлозерскій доставилъ Гоголю записку, подъ заглавіемъ: «Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ южной Россіи», составленную Н. Д. Мизюю. Н. М.

дурному. Вы проживите денёка два или три, чтобъ вамъ встать сдѣлать непременно. Если вы не хотите дать виду вамъ покажется неловкимъ показать маленькѣ, что вы решаете иначе, то скажите, пожалуйста, что и васъ просила особенно изслѣдовать почту весьма и годность ей для сада, а маленькая знаетъ, что я всегда хотѣлъ развести садъ. Это ее обрадуетъ, какъ знакъ, что я, безъ поминанія, собиралось самъ пожить скоро въ деревнѣ. А потомъ, между прочимъ, рѣчь и о козиствѣ и о аэробытствѣ вашемъ все видѣть, что все очень натурально, а я, между прочимъ, отъ себя предуведомила маленькую, что вы большой охотникъ до сада и большой охотникъ козничать и знатокъ. Итакъ, не откажите въ этой просьбѣ, которую вы не можете себѣ представить, какъ меня обижаетъ. Вамъ вѣрно выберется время по уборкѣ хлѣба и окончаніи работъ, прекраснымъ сентябрень, осенью, или, еще лучше, прежде. Впрочемъ, какъ вамъ угодно. — — — Я не извиняюсь передъ вами въ томъ, что налагаю на васъ такую комиссію. Я знаю ваше доброе сердце и дружбу вашу. Прощайте, мой добрый другъ Николай Давыдовичъ. Уведомляйте меня подробнѣе о вашей жизни и о томъ, что дѣлается съ вами. Я буду васъ также уведомлять. Одно письмо ваше я могу еще получить въ Москвѣ; адресуйте на имя профессора Михаила Петровича Погодина, на Девичьемъ полѣ, въ собственномъ домѣ. Обнимаю васъ и вашего брата и всѣхъ вашихъ добрыхъ знакомыхъ, если только они цѣнятъ и любятъ васъ.

«Вашъ Гоголь.»

Опять Гоголь въ Римѣ, и снова проза жизни отблекаетъ его мысли отъ предметовъ его творчества — тяжкое, но необходимое условіе каждаго таланта. Вотъ его письмо къ П. А. Плетневу, отъ 2 ноября 1852 года.

«Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой, другъ души моей Петръ Александровичъ! Узнайте, что дѣлаютъ экземплярны «Мертвыхъ Душъ», назначенные мною къ представленію Г***, Г*** и Н***, и оставленные мною для этого у гр. В***. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковский, мнѣ обыкновенно чтонибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень-очень было бы нужно. Я сижу на совершенномъ безденежьи. Всѣ выручаемыя деньги за продажу книги идутъ до сихъ поръ на

уплату долговъ моихъ. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, какъ вы знаете, кромѣ меня, есть кое-какія довольно сильныя обязанности. Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого нибудь великодушія, а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно, я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать всеможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъдается царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участіе. Теперь другая просьба, также корыстолюбивая. Вы вѣрно будете писать разборъ «Мертвыхъ Душъ»; по крайней мѣрѣ мнѣ бы этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете вишневымъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпнитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше, чѣмъ когда либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно, и постарайтесь отыскать во мнѣ побольше недостатковъ, хотя бы даже они вамъ самимъ казались неважными. Не думайте, чтобы это могло повредить мнѣ въ общемъ мнѣніи. Я не хочу мгновеннаго мнѣнія. Напротивъ, я бы желалъ теперь отъ души, чтобы мнѣ указали сколько можно болѣе моихъ слабыхъ сторонъ. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ предъ всѣмъ свѣтомъ. Безъ этого сознанія не можетъ быть исправленія. Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное безстрастіе воцаряется въ душу, и когда возгласы, шевелящіе юность и честолюбіе, не имѣютъ власти надъ душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать никакими наружными знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слѣдуетъ воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни. Прощайте; не забывайте и пишете.

«Вашъ Гоголь.»

«Мой адресъ: Via Felice, № 126. 3 piano.»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же лицу представлены довольно интересныя мелочи изъ матеріальнаго быта Гоголя.

«Рязь, 28 ноября (1842).

«Въ догонку за первымъ моимъ письмомъ, пишу къ вамъ другое. Если вы еще не употребляли вашего участія и заботы отбисительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дѣло можно оставить. Во первыхъ, уже потому, что съ моей стороны какъ-то неприлично это все же нѣсколько корыстное исканье; а во вторыхъ, зачѣмъ тормозить бѣднаго В***, которому, можетъ быть, вовсе неловко. Я же пока занялъ денегъ у Языкова, которому прислали. А въ началѣ будущаго года авось Богъ дастъ мнѣ изворотиться, очиститься отъ долговъ вовсе и получить кое-что для себя. И потому, вмѣстѣ прежней моей просьбы, исполните вотъ какую просьбу. До меня дошли слухи, что изъ «Мертвыхъ Душъ» таскаютъ цѣлыми страницами на театрѣ. Я едва могъ вѣрить. Ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ не водится, чтобы кто осмѣлился, не прося позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. (А я тысячами бѣю, какъ нарочно, причинъ не желать, чтобы изъ «Мертвыхъ Душъ» что либо было переведено на сцену.) Сдѣлайте милость, постарайтесь какънибудь увидѣться съ Г*** и объясните ему, что я не давалъ никакого позволенія этому корсару, котораго я даже не знаю и имени! Это очень нужно сдѣлать, потому что въ выходящемъ изданіи моихъ сочиненій (*) есть нѣсколько драматическихъ отрывковъ, которые какъ разъ могутъ очутиться на сценѣ, тогда какъ на нихъ законное право имѣеть одинъ только Щепкинъ. Сдѣлайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидѣтель, что находящееся у Щепкина письмо, которымъ я передаю ему право на постановку этихъ пьесъ на сцену, писано именно мною и есть неподдѣльное. Что я, въ самомъ дѣлѣ, за беззащитное лицо, котораго можно обижать всякому? Ради Бога, вступитесь за это дѣло: оно слишкомъ близко моему сердцу. Прощайте. Я слышалъ, что въ «Современникѣ» есть очень дѣльная статья о «Мертвыхъ Душахъ». (**)

(*) Въ четырехъ томахъ. Сиб. 1842.

(**) Гоголь не зналъ, что эта статья принадлежитъ самому г. Штетеву. Имѣя нѣсколько закоренѣлыхъ антагонистовъ между пишущимъ

переслать мнѣ ее: я бы страшно хотѣлъ прочесть. — — — С...
говорять, во Флоренции и хочетъ быть въ Римѣ. Прощайте; ма-
лую васъ тысячу разъ и обнимаю. Жду съ нетерпѣніемъ отъ
васъ вѣстей. Прокоповичъ пишетъ, что изданіе моихъ сочиненій
приходитъ къ концу: не найдете ли ерадства послать по выходѣ
однѣхъ экземпляръ мнѣ — — —»

П. А. Плетневъ писалъ къ директору Императорскихъ Театровъ о томъ, что такъ непріятно было для Гоголя, и получилъ отъ него, отъ 11 декабря 1842 года, отвѣтъ, что дѣйствительно спецы изъ «Мертвыхъ Душъ» вступили въ Санктпетербургскую Дирекцію отъ ренессёра Куликова, а въ Московскую — отъ актера Самарина, и были играемы въ ихъ бенефисы, но что не удержались больше на репертуарѣ. При этомъ онъ прибавляетъ :

«Самъ не могу я къ нему писать, потому что на дняхъ дана была его комедія «Женитьба», и ежели бы пришлось упомянуть объ ней, то, къ сожалѣнію, ничего не могъ бы сообщить ему удовлетворительнаго.»

Гоголь остался неизмѣннымъ къ прежнимъ друзьямъ своимъ, но уже не могъ уделять много времени на письма къ нимъ. Его занимали новыя душевные вопросы, для разрѣшенія которыхъ онъ не находилъ ни труда, ни времени. Въ процахъ своихъ сношенійхъ съ людьми онъ замѣтно старался быть, какъ можно кротче, какъ это покажетъ слѣдующее письмо его къ одной изъ любимѣйшихъ женщинъ, къ которой онъ, бывало, писалъ такъ много и такъ охотно.

«Ривъ, Ноября 2-го. 1842»

«Я къ вамъ пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобы я былъ лѣнивъ. Это правда, мнѣ тяжело бываетъ приняться за письмо; но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не

братію, г. Плетневъ не хотѣлъ вводить ихъ въ искушеніе, искать въ своей обширной критической статьѣ однихъ недостатковъ и подписалъ подъ нею буквы С. П. и городъ Житомиръ. Этими буквами онъ намекаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на человека, о которомъ Гоголь писалъ, что съ нимъ никогда не бываетъ скучно, никогда! и который служилъ тогда въ Житомирѣ. Въ литературныхъ кружкахъ статью прочитали безъ предубѣжденія, и въ самыхъ непріязненныхъ къ г. Плетневу журналахъ отозвались о ней съ большими похвалами. А статья-то написана была тѣмъ, къ комъ они не хотѣли прибавать ни малѣйшаго вѣса, ни уточненнаго ума.

Н. М.

отмладываю. Последніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, при разставаніи съ вами, я замѣтилъ, что душа ваша сильнѣе развилась и глубже чувствуетъ, чѣмъ когда либо прежде, и потому вы теперь не имѣете никакого права не быть со мною вполне откровенны и не передавать мнѣ всего. Вспомните, что вы пишете вашему искреннѣйшему другу, который въ силахъ оцѣнить и понять васъ, и который надражденъ отъ Бога даромъ живо чувствовать въ собственной душѣ радость и горе, чувствуемая другими, что другіе чувствуютъ только вслѣдствіе одного тяжелаго опыта. Прежде всего извѣстите меня о состояніи вашего здоровья и помогло ли вамъ холодное леченіе; потомъ извѣстите меня о состояніи души вашей: что вы думаете теперь и чувствуете, и какъ все, что нынѣ есть вокругъ васъ, вамъ кажется. Это первая половина вашего письма. Теперь слѣдуетъ вторая. Извѣстите меня обо мнѣ: заявляйте все, что когда либо вамъ случится услышать обо мнѣ, — всѣ мнѣнія и толки обо мнѣ и объ моихъ сочиненіяхъ, и особенно, когда бранятъ и осуждаютъ меня. Последнее мнѣ слишкомъ нужно знать. Хвала и осужденія для меня слишкомъ полезны. Послѣ нихъ мнѣ всегда открывался яшнѣ какой нибудь мой недостатокъ, доколѣ мною не замѣченный; а увидѣть свой недостатокъ — это уже много значить: это значить — почти исправить его. Итанъ, не позабудьте записывать все. Просите также вашихъ братьевъ — въ ту же минуту, какъ только они услышатъ какое нибудь сужденіе обо мнѣ, справедливое или несправедливое, дѣльное или ничтожное, въ ту же минуту его на лоскуточекъ бумажки; пеняиѣста она еще не врослась, и этотъ лоскуточекъ вложите въ ваше письмо. Не скрывайте отъ меня также имени того, который произнесъ его; знайте, что я не въ силахъ ни на кого въ мнѣ теперь разсердиться, скорѣй обниму его, чѣмъ разсержусь. Прощайте. Жму сильно вашу руку. Обнимите за меня всѣхъ вашихъ и попросите вашу маленьку, ради нашей старой дружбы, приписывать иногда отъ себя хоть нѣсколько строчекъ ко мнѣ, хотя на французскомъ языкѣ.»

О заграничной жизни Гоголя въ 1843 году я знаю только изъ письма его къ Н. Д. Вѣловерникову, что онъ проживалъ въ Дюссельдорфѣ (у Жуковского) и занимался продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Это письмо замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Гоголь допытывался у своихъ корреспондентовъ

товъ различныхъ мелочей практической жизни; изъ которыхъ потомъ строилъ свой громадный «дворецъ», какъ называется онъ продолженіе своего сочиненія. Надобно полагать, что онъ писалъ множество подобныхъ писемъ къ кому только могъ. Помѣщаю это письмо здѣсь безъ сокращеній. (*)

«Августа 30. Дюссельдорфъ. 1843.

«Мнѣ хочется знать, что съ вами дѣлается, мой добрый Николай Даниловичъ. Отвѣчайте мнѣ на всѣ слѣдующіе вопросы. Я ихъ всѣхъ занумеровываю, потому, что у людей есть всегда охота увиливать и не отвѣчать на все. 1) Какъ ваше здоровье и всѣхъ васъ, то есть вашего брата и проч.? 2) Отправляете ли вы донынѣ судейскую вашу должность, и что удалось вамъ въ ней сдѣлать хорошаго и полезнаго? 3) На сколько вообще уфадный судья можетъ сдѣлать добраго и на сколько дурнаго? 4) Какъ идетъ ваше хозяйство? 5) Сколько получаете доходовъ за уплатой всякихъ повинностей? 6) Какія главные и доходливѣе статьи вашего хозяйства? 7) Что вамъ удалось или вашему брату сдѣлать хорошаго по этой части во все продолженіе вашей жизни въ деревнѣ? 8) Каковы ваши сосѣди и кто замѣчательнѣе вообще изъ березинскаго дворянства и чѣмъ? 9) Чѣмъ каждый среди ихъ полезень себѣ и другимъ и чѣмъ вреденъ себѣ или другимъ? 10) Что говорятъ у васъ о «Мертвыхъ Душахъ» и о моихъ сочиненіяхъ (экземпляра я вамъ не послалъ потому, что съ трудомъ даже получилъ для себя)?— Не пренебрегайте въ этомъ дѣлѣ ни чѣмъ ивѣиємъ и кто какъ ни говоритъ, напишите мнѣ, хотя бы это были совершенныя глупости. Итакъ, вотъ вамъ запросы! Ихъ всѣхъ числомъ десять. Я ихъ нарочно записалъ у себя въ книгѣ, чтобы вы котораго ивбудь изъ нихъ не пропустили. Хотя коротко, но на каждый вы должны отвѣчать понумерно. Прощайте. Будьте здоровы и не забывайте меня.

«Душевно васъ любящій Гоголь.

«Адресъ мой: Dusseldorf, Poste restante».

Сбоку:

«Напишите о нашихъ общихъ знакомыхъ, съ кѣмъ вамъ когда либо случилось встрѣтиться и видѣться.»

На облаткѣ летящая птичка, съ надписью: Sans crainte.

(*) Подлинникъ хранится у Н. Д. Вѣлозерскаго.

Впрочемъ, вотъ еще одно письмо изъ Дюссельдорфа, отъ 6 октября 1843 года, къ П. А. Плетневу. Оно относится къ дѣшевымъ обстоятельствамъ Гоголя въ Россіи и изображаетъ его намъ во время послѣдняго пребыванія его въ Петербургѣ. Въ это время, въ 1841 году, онъ прожилъ у П. А. Плетнева нѣсколько дней и былъ до такой степени страненъ въ своемъ обращеніи съ нимъ, что даже самъ это замѣтилъ, и вспомнилъ черезъ три года.

«Началомъ письма уже просьба. Шевыревъ изъ Москвы извѣстилъ меня — — — что Прокоповичу предстоитъ тяжба (*) (Прокоповичъ не далъ мнѣ до сихъ поръ никакого обстоятельнаго увѣдомленія о положеніи дѣлъ моихъ), и потому я прошу васъ помочь, сколько можно, вашимъ участіемъ, если точно дѣло въ плохомъ положеніи. Денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за М. Д. пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ — — — типографію, взявшую страшно дорого за нанечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ видно, тупо. Если придется къ тому потерять экземпляры, то и впередъ не предстоитъ никакой возможности на пропитаніе тѣлесныхъ дней моихъ. И потому, что можно сдѣлать — сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспоможеніе. — — — Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому. — — — Впрочемъ, вы сдѣлаете что только будетъ въ вашей возможности, потому что видите сами мое положеніе, и потому, что раздѣляете его душевно. Важность всего этого тѣмъ болѣе значительна, что нескоро придется мнѣ выдать чтонибудь въ свѣтъ. Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе двигаемъ дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой немолвимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отчего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая

(*) Н. Я. Прокоповичъ былъ повѣреннымъ Гоголя по части печатанія его сочиненій.

обо мнѣ, говорить : « Ну, чтобы могъ сдѣлать этотъ человекъ, если бы захотѣлъ ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тону, какъ « Мертвая Душа », онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячъ годового дохода. » А того никто не рассмотритъ, что этотъ тонъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, стоитъ почти пяти-лѣтней работы, стало бытъ, некто не зовется исполнѣ выработаннымъ кровью и потомъ. Я знаю, что послѣ буду творить полнѣи и даже быстрѣе; но де этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно де того времени вывести внутреннее сильное воспитаніе, душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій. Признайтесь : не показался ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, неоткровеннымъ и несообщительнымъ, — словомъ, страннымъ ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ : захлопотанный собою, занятый мыслию объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорнымъ слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всеми слѣдовало вознестись, — иначе какъ разъ очутиться въ ихъ власти, — занятый всегъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ : это принадлежность безмятежной души. А моей душѣ еще далеко де этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотѣлъ говорить, не потому молчу, что не умѣю говорить, все наше бы словъ даже, какъ разсказать то, чтѣ захотѣлъ бы разсказать. Но я заговорилъ, кажется.... Впрочемъ, это слово изъ моей душевной неволи. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга. Прощайте. Обнимаю васъ и цалую отъ всей души. Чтѣ можно сдѣлать по моему дѣлу, вы сдѣлаете, а чего не сдѣлаете, того вѣрно уже нельзя было сдѣлать. Мнѣ жалъ, что удержался я въ началѣ : совѣство навьючить васъ моими дѣлами. Мнѣ бы слѣдовало просто быть нахальну — взвалить на васъ однихъ изданіе моихъ сочиненій, не вутаясь ни во что самому и не затѣвая отъ себя ничего, а особливо въ то время, когда мнѣ все было не де того и когда все свернулось и скомкалось внопылахъ. Вы бы, конечно, сказали : « вотъ навалить обузу », и выбрали бы только сначала, а потомъ все-таки бы дѣло сдѣлали; а съ Проконевичемъ не мудрено, что случилась, какъ съ новымъ человекомъ,

такая исторія, которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не знаю въ настоящемъ видѣ. — Еще разъ обнимаю. Прощайте.

Привѣска на сторонѣ:

«Получила ли «Матео Фальконе» отъ Жуковского? Я интересуюсь знать о немъ; хотъ это и не мое дѣя, но я его воспринимала отъ вунели и торопиль изъ появленію въ свѣтъ. Вы заиѣтили, я думаю, что онъ переписанъ моею рукою.»

Эта черта совершенно художническая: артистъ, въ любви къ искусству, принимаетъ на себя смиренный трудъ переписчика, для того только, чтобы нескорѣе одѣлать доступнымъ для другихъ произведенію, которое его восхитило.

1844 годъ остается совершеннымъ пробѣломъ въ моемъ «Опытѣ». Ни одного письма, относящагося къ этому году жизни Гоголя, я не имѣю, а рассказы людей, не знакомыхъ близко съ поэтомъ — если бы мнѣ и удалось собрать ихъ — объяснили бы намъ къ немъ немногое, такъ какъ вся его дѣятельность заключена была внутри его и заверта строгимъ молчаніемъ. Нѣкоторымъ только людямъ, подобнымъ П. А. Плетневу, открывалъ онъ часть своихъ душевныхъ тайнъ, в письма его къ нимъ составляютъ почти единственный источникъ для біографіи его духа. Омъ тѣмъ менѣе оставилъ по себѣ память своего пребыванія въ разныхъ европейскихъ городахъ, что, кромѣ итальянскаго, не говорилъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ и, кажется, никогда ни заботился о томъ, чтобы научиться говорить. Ему нужны были только ясное небо и цвѣтущая земля; а людей набралъ онъ въ свою душу изъ Россіи и не разставался съ ними ни на молчаливыхъ развалинахъ римскаго Капитолія, ни на берегахъ кипящаго дѣятельностью Рейна. Въ Остенде поминать его, въ черномъ пальто и въ сѣрой шляпѣ, бродящимъ ежедневно взадъ и впередъ по морской плотинѣ, вѣчно одинокимъ и задумчивымъ. Его принимали тамъ за несчастнаго вхождрика или мизантропа, и никто не подозревалъ, сколько таллоо глубокаго смысла подъ этимъ страннымъ іероглифомъ, въ которомъ иные прочитали мощныя вѣдѣности, а другіе отказались понять хотъ что нибудь.

Въ 1845 году произошло въ жизни Гоголя событіе, должентвовавшее имѣть важное вліаніе на его литературную дѣятельность. Государь Императоръ, поощряя, съ свойственнымъ Ему великодушіемъ, труды каждаго высокаго таланта, благоволилъ

пожаловать Гоголю по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ. (*) Ободренный столь милостивымъ вниманіемъ и обезпеченный на долго со стороны матеріальныхъ нуждъ, поэтъ нашъ пошелъ еще болѣе твердымъ шагомъ къ своей возвышенной цѣли самосовершенствованія и оправдалъ своею жизнію и смертію, что былъ достоинъ благоволенія и щедротъ Монаршихъ.

Въ этомъ году Гоголь много путешествовалъ по Европѣ и между прочимъ былъ въ Прагѣ. Тамъ національный музей, завѣдываемый извѣстнымъ антикваріемъ Ганкою, обратилъ на себя особенное его вниманіе, такъ что онъ приходилъ нѣсколько разъ и рассматривалъ хранящіяся въ немъ сокровища славянской старины. Ганка никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, котораго сочиненія онъ изучалъ съ такою любовью (такъ наружность Гоголя, его приемы и разговоръ мало выказывали того, что было заключено въ душѣ его); наконецъ спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненій.

— И, оставьте это! сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

— Ваши сочиненія, продолжалъ Ганка: — составляютъ украшеніе славянскихъ литературъ (или что нибудь въ этомъ родѣ).

— Оставьте, оставьте! повторялъ Гоголь, махая рукою, и ушелъ изъ музея.

Но Ганка не таковскій человекъ, чтобы разойтись съ подобнымъ путешественникомъ, не взявъ съ него контрибуціи. Въ альманахѣ, изданномъ въ Прагѣ Павломъ Кларомъ, подъ заглавіемъ: *Libussa Taschenbuch für's Jahr 1852*, въ жизнеописаніи Ганки, гдѣ приведены выписки изъ его альбома, на стр. 368 мы читаемъ:

«Желаю еще сорокъ-шесть лѣтъ ровно здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянъ. Дня 5 (17) августа 1845. Гоголь.»

1845 годъ былъ замѣчательнъ въ жизни Гоголя по какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не совсѣмъ ясно упоминаетъ онъ въ короткомъ письмѣ къ г. Плетневу, написанномъ по выздоровленіи отъ опасной болѣзни. Вотъ это письмо:

(*) Эти деньги поручено было получать изъ Главнаго Казначейства П. А. Плетневу, для пересылки Гоголю.

«Римъ. 19 ноября (1845).

«Посылаю тебѣ свидѣтельство о моемъ существованіи на свѣтъ. Существованіе мое точно было въ продолженіе нѣкотораго времени въ сомнительномъ состояніи. Я едва было не отклонялся; но Богъ милостивъ: я вновь почти оправился, хотя остались слабость и какая-то страшная зябкость, какой я не чувствовалъ доселѣ. Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ только согрѣюсь и слѣду отдохнуть, остываю въ нѣсколько минутъ, хотя бы комната была тепла, и вновь принужденъ бѣжать согрѣваться. Положеніе тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу, или, лучше, мнѣ некогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чувствую въ себѣ и голову и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу тебѣ только то, что много-много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля посланнаго мнѣ скорби и все то, что мы обыкновенно приедемъ за горькія непріятности и несчастія. Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя какъ слѣдуетъ для труда моего. Мертво и холодно было бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама правда.

«Прощай! обнимаю тебя. Пиши ко мнѣ и не забывай. Вексель можешь послать на имя посольства, для большей вѣрности, а меня увѣдомить письмецомъ на мою квартиру. Адресъ ея слѣдующій:

«Via de la Croce. № 81. 3 piano.

«Твой Г.»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ г. Плетневу Гоголь явнѣе раскрываетъ свои душевныя тайны.

«Римъ. 20/2 февраля 1846.

«Я не отвѣчалъ тебѣ вдругъ на твое милое письмо (отъ 2/14 ноября 1845 г., С.-Петербургъ) потому, что, во первыхъ, тяжкое болѣзненное состояніе овладѣло было мною съ новою силою и привело меня въ такое странное состояніе, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое нибудь сказать о себѣ слово; во вторыхъ, я ожидалъ, не дождусь ли отвѣта на мое

письмо, отправленное къ тебѣ еще въ прошломъ году, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о моемъ существованіи, которое я велѣлъ издѣлать въ Москвѣ. Увѣдомъ тебя теперь объ этомъ поскорѣе и пришли всѣ деньги, какія тебѣ слѣдуютъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Съ С^{***} уравнился послѣ. — Миѣ нужно теперь сдѣлать феды и путешествіи какъ можно больше. Изъ всѣхъ средствъ, какія я ни предпринимала для моей странной болѣзни, до нынѣ это одно миѣ помогало. Тяжки и тѣжки миѣ были послѣдніи времена, и весь минувшій годъ такъ былъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. — Болѣзненнымъ состояніемъ до такой степени (въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго) были невыносимы, что пошепталъ или услышалъ казались какъ бы похожимъ на какое-то лекарство и облегченіе. А между тѣмъ Богъ такъ былъ милостивъ ко миѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе споспешныя, не посмѣла ко миѣ приближаться. И тѣ душевныя страданія, которыхъ доселѣ и испытать много и много, замолкнули вовсе и среди страданій тѣлесныхъ выработались въ умѣ моемъ. Такъ что во время дороги и предстоящаго путешествія я принужденъ съ Божьимъ благословеніемъ писать, потому что духъ мой становится въ такое время свѣжимъ и расположенъ къ дѣлу. О, какъ премудръ въ Своихъ дѣлахъ управляющій нами! Когда я расскажу тебѣ потомъ всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою (когда мы встрѣтимся у родного очага) и всю открою тебѣ душу, все поймешь ты тогда до единого во миѣ движенія и не будешь изумляться ничему тому, что теперь такъ тебя останавливаетъ и изумляетъ во миѣ. Другъ мой, повторию вновь тебѣ, люби меня, люби на вѣру. Вотъ тебѣ мое честное слово, что ты былъ во многомъ заблужденіи насчетъ многого во миѣ и многое принято тобою въ превратномъ смыслѣ и вовсе въ другомъ значеніи, и горько миѣ, горько было оттого въ одно время, такъ горько, какъ ты даже и представить себѣ не можешь. Скажу также тебѣ, что не дѣло литературы и не слава моя занимала въ то время, какъ ты думалъ, что они только и составляютъ жизнь мою. Ты принималъ платъ за то тѣло, которое должно было облекать платъ. Ду-

ша и дѣло думвеное (*) меня занимали и трудную задачу нужно было разрѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ тользы, которыя ты мнѣ оставлялъ на видѣ. Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя, и всякія горькія и трудныя минуты, и всякія недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, и все на то, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ тѣго не разрѣшилась бы во вѣки. Вотъ все, что могу тебѣ сказать впередъ: остальное все договорить тебѣ мое же твореніе, если угодно будетъ святой воли ускорить его. Весь путь и маршрутъ мой пришлю тебѣ какъ только получу отвѣтъ твой. Не замедли какъ имъ, такъ и присылкою денегъ. Прощай; цалую тебя отъ всей души и вновь говорю тебѣ твердо: люби меня.

«Твой Г.»

«Напиши мнѣ о себѣ и о томъ, что ближе твоей душѣ въ настоящую минуту. Такія строки мнѣ будутъ дороги. — Не лѣньнись и поспѣши; я также буду увѣдомлять о себѣ чаще.

«Адреса не позабывай :

«Via de la Croce. № 81. 3 piano.»

Въ 1846 году одинъ изъ петербургскихъ художниковъ просилъ у Гоголя, чрезъ посредство П. А. Плетнева, позволенія напечатать вторымъ изданіемъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ», съ политипажамъ, въ числѣ 3,600 экземпляровъ. Онъ желалъ пользоваться этимъ правомъ въ теченіе трехъ лѣтъ и предлагалъ за него Гоголю 1,500 рублей серебромъ наличными деньгами. Отвѣтъ Гоголя въ письмѣ его изъ Рима, отъ 20 марта 1846 года, придаетъ новую черту его строго-художническому характеру. Вотъ это письмо :

«Вексель получилъ; письмо отъ 16/18 февраля и пражнее, чрезъ Жуковскаго, получилъ; свидѣтельство пришло въ апрѣлѣ, къ сроку выдачи слѣдуемой тогда трети. За неточность во всемъ другомъ не гнѣвайся: отъ больного человека, одержимаго въ такой степени усталостью и изнеможеніемъ тѣлеснымъ, трудно и требовать. Художнику Б*** объяви отказъ. Есть много причинъ, вслѣдствіе которыхъ не могу покамѣстъ входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда она

(*) Эти слова подчеркнуты Гоголемъ.

выправится и явится въ такомъ видѣ , въ какомъ ей слѣдуетъ явиться. Во вторыхъ , потому , что , по странной участи , постигавшей изданіе моихъ сочиненій , выходила всегда какая нибудь путаница или безтолковщина , если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ. А въ третьихъ , я врагъ всякихъ полнотипажей и модныхъ выдумокъ. Товаръ долженъ продаваться лицомъ , и нечего его подслащивать этимъ кандитерствомъ. Можно было бы допустить излишество этихъ родовъ только въ такомъ случаѣ , когда оно слишкомъ художественно. Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь; да притомъ нужно , чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ , приобритшимъ полную извѣстность , вычищеннымъ , конченнымъ и не наполненнымъ кучею такихъ грѣховъ , какъ мое. За тѣмъ прощай; о прочемъ впредь.

«Твой Г.»

«Не забудь , хотя нѣсколько словъ , написать о себѣ самомъ. Какъ тебѣ живется , что чувствуется , о чемъ думается и что дѣлается.»

Здѣсь надобно упомянуть о событіи 1846 года , одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ литературной жизни Гоголя.

Въ 1845 году онъ былъ опасно боленъ ; онъ ужъ переступалъ черту , отдѣляющую человека отъ жиани съ ея очарованіями и заблужденіями , и въ это время все , что напечаталъ онъ , естественно , представилось ему слишкомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ , чѣмъ была полна душа его , проникнутая высшимъ безстрастіемъ и великими предчувствіями иной жизни. Обозрѣвая съ духовной высоты своей все пройденное поприще , онъ находилъ только свои письма къ друзьямъ произведеніями , общающими пользу ближнему , и потому оставилъ завѣщаніе издать выборъ изъ нихъ послѣ его смерти. Но здоровье и употребленіе моральныхъ силъ возвратились къ нему еще одинъ разъ. Тогда , не теряя времени , онъ собралъ у своихъ друзей лучшія свои письма и выбралъ изъ нихъ то , что , по его мнѣнію , должно было «искупить бесполезность всего дотола имъ ванечатаннаго».

Между тѣмъ въ обществѣ еще не было извѣстно , что произошло въ душѣ Гоголя , ибо онъ только изрѣдка , ито передъ ближайшими друзьями , приподнималъ покровъ съ души своей. Всѣ считали Гоголя еще прежнимъ Гоголемъ , всѣ ожидали отъ

него второго тома «Мертвыхъ Душъ», въ смыслъ произведенія юмористическаго, и, можетъ быть, немногіе только помнили его намекъ на «незримыя, невѣдомыя міру слезы»....

Въ это время вдругъ падаетъ на столъ къ г. Плетневу его рукопись, исполненная странныхъ признаній, воплей души, томлящейся въ ея грѣховной тѣснотѣ, проповѣдей, облеченныхъ всею грозю краснорѣчія, указующаго прямо на болящія раны сердце, полу-дозрѣлыхъ убѣжденій и горькаго сарказма. То была извѣстная теперь каждому «Переписка съ Друзьями». Она произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэтъ, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его введутъ въ огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны; пламя хлещетъ въ гортань печей, утоляя неутолимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ, всепожигающимъ потокомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, хлокотанье, свистъ и шипѣніе; вездѣ загадочное, по видимому, беспорядочное и зловѣщее движеніе. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшеюся фабрикою. Такъ именно — по крайней мѣрѣ на пишущаго эти строки — подѣйствовала «Переписка съ Друзьями». Это была распахнутая внезапно дверь во внутреннюю мастерскую Гоголя, въ тотъ моментъ, когда въ ней кипѣла самая жаркая работа, и когда онъ находился въ напряженномъ, трепетномъ и вмѣстѣ энергически-восторженномъ состояніи духа, подобно тому, какъ Бенvenuto Челлини при отлитіи колоссальной статуи Персея. Но тутъ работа была громаднѣе и опасностьъ больше. Если бы не направилъ Гоголь куда слѣдуетъ потоковъ души своей, расплавленной высшимъ поэтическимъ огнемъ, собственный пламень сжегъ бы его и собственный приливъ мыслей, чувствъ и глубокихъ душевныхъ сокрушеній! уничтожилъ бы его въ минуту высочайшихъ поэтическихъ предчувствій. Вотъ почему такъ сжалось за него сердце у каждаго истиннаго дѣятеля его таланта, хотя никто не могъ тогда объяснить себѣ, чего именно надо опасаться. Книга вышла въ свѣтъ во всей странности новаго покроя своихъ мыслей, и

всюду повторялись разнообразно ощущенія, испытанныя въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ гоголева друга.

Всѣмъ извѣстны рецензїи, написанныя по случаю выхода въ свѣтъ «Переписки съ Друзьями»; ихъ появилось множество, и почти всѣ онѣ строго осудили писателя, который до тѣхъ поръ былъ осыпаемъ самыми восторженными похвалами. Гоголь въ своей «Перепискѣ» такъ круто повернулъ въ сторону съ своей прежней литературной дороги, что всѣ считали себя вправѣ — хотя это очень странно — кричать ему изо всей силы, чтобъ остановился и воротился на прежній путь. Неумѣренность тона критикъ глубоко оскорбила поэта, которому уже одинъ почти единодушный восторгъ, съ которымъ публика встрѣчала прежнія его сочиненія, давалъ право на почтительное съ нимъ обращеніе. Онъ горько на нихъ жаловался въ своихъ запискахъ, но я не имѣю права повторить здѣсь его жалобы, хотя онѣ стоили бы повторенія. По словамъ его, «душа его изнемогала отъ множества упрековъ», и онъ горячо благодарилъ тѣхъ, «которые могли бы также осыпать его за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной природы человѣка, рукой скорбшаго брата приподымали его, повелѣвая ободриться».

Такъ дорого обошлась Гоголю его «Переписка съ Друзьями»; эта книга, въ которой онъ, изъ любви къ ближнимъ, рѣшился показать себя имъ безъ театральной одежды лирическаго и комическаго писателя! И кто, читая замогильныя жалобы Гоголя, не «содрогнется», какъ онъ говорилъ, «душою»? Многіе ли изъ насъ, подобно издателю «Переписки съ Друзьями», остались, при ея появленіи, въ почтительномъ молчаніи касательно внутреннѣйшаго ея смысла? Намъ теперь грустно за тогдашнее время, и въ грусти своей мы готовы повторять то, что было высказано съ благородною искренностію С. Т. А. :

«Поразили меня эти двѣ статьи («Предисловіе» и «Защитное» въ «Перепискѣ съ Друзьями»). Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно, такое дѣйствіе произвести теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые такъ же, какъ и я, были недовольны этою книгою, и особенно печатнымъ защитаніемъ»

живого человека. Смерть все изменила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе.» (*)

Въ «Предисловіи» къ «Перепискѣ съ Друзьями» упоминается о приготовленіяхъ къ путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, которое, по словамъ Гоголя, «было необходимо душѣ его». Свѣдѣнія мои объ этомъ благочестивомъ подвигѣ поэта ограничиваются, вѣкамість, только тѣмъ, что онъ совершилъ перѣздъ черезъ пустыню Сиріи въ сообществѣ своего соученика по Гимназій, Б***, — того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ куріовъ. Б***, занимая значительный постъ въ Сиріи, пользовался особеннымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія, онъ долженъ былъ играть роль полномочнаго вельможи, который признаетъ надъ собой только власть «Великаго Падишаха». Каково же было изумленіе арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его тицдадушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить, — не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрана. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мѣтніе арабовъ о значеніи Б*** въ русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ что угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ забывалъ дружескія условія и обращался въ избалованнаго ребенка. Тогда Б*** рѣшился вразумить пріятеля самымъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Б*** все-таки полновластный визирь «Великаго Падишаха», и что выше его нѣтъ визиря въ Имперіи.

Но любопытно было бы проводить Гоголя мыслью по всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ въ Палестинѣ, что, безъ сомнѣнія,

(*) «Московскія Вѣдомости». 1852 года, № 32. «Письмо къ друзьямъ Гоголя».

кто либудь и сдѣлаеть въ свое время. Въ жизни такого писателя и человѣка, какъ Гоголь, не можетъ быть шагу, который бы можно было оставить безъ вниманія. Если какое либудь движеніе его души и непонятно для насъ, несообразно съ извѣстными намъ обстоятельствами, или даже, по нашему нынѣшнему взгляду на вещи, вовсе незамѣчательно, то мы все-таки должны сохранять его въ чистотѣ истины для будущихъ мыслителей, которые, можетъ быть, будутъ стоять на бо́льшей высотѣ, нежели мы стоимъ, и озирать обширѣйшій кругозоръ фактовъ, нежели какой представляется нашимъ ушественнымъ взорамъ.

Относительно побудительныхъ причинъ къ путешествію въ Іерусалимъ я долженъ сказать, что Гоголь въ этомъ случаѣ руководился не однимъ безотчетнымъ чувствомъ благоговѣнія къ мѣстамъ, освященнымъ столь великими воспоминаніями — чувствомъ, общимъ всѣмъ христіанамъ; у него было болѣе частное душевное побужденіе къ этому священной дѣлу.

Выше было уже сказано, что мысль о службѣ никогда не оставяла Гоголя, что онъ въ первой молодости своей переѣхалъ нѣсколько мѣстъ, мѣста, гдѣ бы приносить больше пользы своему отечеству; что, почувствовавъ наконецъ себя достойнымъ дѣятелемъ на воприщъ писателя, онъ оставилъ службу и обратилъ всѣ свои силы на то, чтобы произвести твореніе, вѣтимо полезное соотечественникамъ, и этимъ способомъ доказать, что онъ также гражданинъ земли своей. Мы знаемъ, какъ онъ исполнилъ часть своего предпріятія, написавъ и издавъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ»; но это было не болѣе, какъ начало; это было, по его же сравненію, только сѣрое и закопченное дымомъ предмѣтіе къ великолѣпному городу, въ который онъ намѣревался ввести своего читателя: это было только крыльцо къ тому двору, который строился въ воображеніи автора. Таки какъ по плану Гоголя нужно было, чтобы вся первая часть «Мертвыхъ Душъ» наполнена была только пошлыми лицами, выражающими паденіе натуры человѣческой, то онъ написалъ ее безъ особенныхъ усилій. Онъ уже стоялъ на такой нравственной высотѣ, чтобы видѣть въ другихъ и въ самомъ себѣ все, унизительное для человѣческаго достоинства! Онъ прошелъ по тому пути, на которомъ вскрываются изображенныя имъ лица, и изучилъ всю ихъ обстановку. Глубокое со-

эваніе того, чѣмъ слѣдуетъ быть человѣку, и грустныя воспоминавія вѣдѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни помогли ему выставить пошлости и пороки современнаго человѣка съ такой безошадной истиною, что всѣ безъ исключенія почувствовали отвращеніе къ его героямъ; а нѣкоторые, не разобравъ, что тутъ дѣйствовала въ авторѣ необычайная способность воспроизводить въ полныхъ типахъ отдѣльныя явленія повседневной жизни, не обинуясь объявили, что онъ самъ долженъ быть сродни своимъ Чичиковымъ, Плюшкинымъ, Ноздревымъ и т. д. А между тѣмъ авторъ немогалъ подъ тажкою своею обязанностию входить въ нечистыя души своихъ дѣйствующихъ лицъ, принимать на себя ихъ отвратительный видъ и лицедѣйствовать за нихъ передъ публикой. Тягость его подвига тѣмъ больше подавляла его, что онъ зналъ, какъ взглянуть на него за его метампсихозисъ. Онъ зналъ это и завидовалъ писателю, «который не замѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не спускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвышенныя образы.» (*) Онъ зналъ это и жаловался на удѣлъ писателя, «дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю странную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою умолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи!» (**). Онъ предвидѣлъ, что современный судъ «мазоветъ ничтожными и никими иль лелѣянныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества иль же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта.» (***)

«И долго еще — говорилъ онъ съ грустью одинокаго безсмертнаго путника посреди дороги — опредѣлено иль чудной властью ильги объ руку съ мощи страшными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру

(*) «Мертвыя Души», стр. 252.

(**) Тамъ же, стр. 252 — 253.

(***) Тамъ же.

смѣхъ и неспривыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная зыбга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ бланстанье главы, и почувуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей....» (*)

Это было сказано недаромъ. Онъ исполнилъ часть своего предпріятія тѣмъ, что создалъ характеры и выставилъ явленія, которые внушили «сильное отвращеніе отъ ничтожнаго» и «разнесли по Россіи нѣкоторую тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ себя.» Но ему предстояло совершить гораздо больше: ему нужно было представить такіа явленія русской природы, которыя бы подвинули читателя впередъ уже не отвращеніемъ только отъ низкаго и дурнаго, а пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному. Тутъ онъ былъ остановленъ въ своей работѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Произведя анализъ надъ собственной душой, онъ убѣдился, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человеческой души нельзя по воображенію, что «добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь, и что пока не станешь самъ хотя сколько нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоеуешь силой въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твоё, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды.» (**)

Чтобы подняться на высоту, съ которой видны ясно недостатки и достоинства каждаго народа, Гоголь оставилъ на время всѣ свои занятія по предмету изученія русскихъ людей и Россіи и «обратилъ все свое вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще.» Онъ принялся читать книги, пишущія предметомъ исслѣдованіе души человеческой въ разныхъ ея проявленіяхъ, откровеннымъ записки людей разнаго званія о своихъ душевныхъ тайнахъ, трактаты и системы законодателей и, переходя отъ наставника къ наставнику, дошелъ наконецъ до яснаго уразумѣнія того, съ чего въ дѣтствѣ началъ науку живана, но что онъ до тѣхъ поръ понималъ не совсѣмъ ясно. Онъ убѣдился, что всѣ ученія философовъ сходятся, какъ радіусы въ центрѣ, въ ученіи Спаси-

(*) Тамъ же, стр. 234.

(**) .Переписка съ Друзьями, стр. 130.

толя міра, и что только христіанину отверзаются всѣ таинства души человѣческой.

Разрѣшивъ оживленную вновь вѣрою во Христа нѣкоторые важные вопросы, занимавшіе его душу, и удовлетворивъ своей жаждѣ знать человѣка вообще, онъ опять почувствовалъ влеченіе къ поэтическому труду своему и занялся съ новымъ жаромъ изученіемъ Россіи и русскаго человѣка. Онъ началъ знакомиться съ опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которымъ хорошо были извѣстны разныя особенности на Руси и вообще ея вещественное и нравственное состояніе, и завелъ переписку съ такими лицами, которыя могли сообщить ему какое нибудь интересное обстоятельство или описать какой нибудь замѣчательный характеръ. Это было ему нужно для того, чтобы, при созданіи своихъ типовъ, онъ могъ принимать въ соображеніе какъ можно больше предметовъ и явленій дѣйствительнаго міра, ибо свойство его творчества было таково, что только тогда каждое лицо въ его сочиненіи становилось живымъ, когда онъ, утвердивъ въ умѣ крупныя черты его, обнималъ въ то же время всѣ мелочи и дрябги, которыя должны окружать это лицо въ жизни дѣйствительной.

Письменные запросы Гоголя были, однакожь, напрасны; напрасно было также и воззваніе его въ предисловіи ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ», въ которомъ онъ просилъ помощи у всѣхъ грамотныхъ людей. Онъ выказалъ этимъ только простодушіе художника, который смотритъ на міръ съ вѣрою въ его симпатію и предполагаетъ въ немъ множество людей, готовыхъ помочь ему въ его великомъ дѣлѣ. Будучи, однакожь, не только артистомъ въ душѣ, но и человѣкомъ умнымъ, онъ не могъ не знать, что его запросы и особенно печатныя, вызвадутъ на него насмѣшки со стороны людей, вливающихъ вещи съ прозаической точки зрѣнія; но онъ рѣшился переносить и насмѣшки, лишь бы добыть хоть отъ нѣсколькихъ лицъ такія записки, которыя помогли бы ему двинуть впередъ свою работу и продолжать такимъ образомъ по своему службу отечеству, которая была для него главнѣйшимъ долгомъ на землѣ. Но всѣ были заняты своими дѣлами и предоставляли поэту дѣлать свое; никто или почти никто не помогъ ему, а въ журналахъ на его запросы отвѣчали насмѣшками. Онъ долженъ былъ ограничиться собственными наблюденіями и распросами у нѣсколькихъ

земляковъ, съ которыми сталкивался онъ за границею. Тамъ люди охотнѣе разговаривали съ нимъ о томъ, что составляетъ характеристическія особенности русскаго человѣка, и глубже вникали въ явленія русской жизни. Въ Россіи, напротивъ, Гоголь слышалъ чаще всего отвѣченные толки, лишеныя анекдотическаго характера. А ему нужны были только факты, только черты, взятая съ природы, а не изъ философическихъ изведеній, для того, чтобы придать образовавшимся въ его фантазіи высокимъ характерамъ колоритъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ работа шла у него медленно, — тѣмъ болѣе, что, возвысясь до чистаго художественнаго критицизма, онъ сдѣлался очень строгъ къ самому себѣ и безпрестанно оставался себя вопросомъ: «Зачѣмъ? къ чему это? какая отъ этого будетъ польза?» и т. п. Онъ написалъ было уже второй томъ «Мертвыхъ Душъ», но, повинаясь своему непреложному внутреннему суду, сжегъ его вмѣстѣ съ прочими своими произведеніями, существовавшими въ рукописи, какъ недостойное обнародованія. Пробовалъ писать вновь, но ничто его не удовлетворяло. Христіанинъ и художникъ спорили еще въ немъ другъ съ другомъ и не слились въ одно животворное духовное существо. Онъ былъ доволенъ только своими письмами къ знакомымъ и друзьямъ о томъ, что занимало его пересоздававшую себя душу, и, обрадовавшись, что могъ выказываться хоть въ этой формѣ, издалъ выборъ изъ писемъ особою книжкою. Онъ надѣялся, что этими письмами обратитъ вниманіе общества на то, что онъ называлъ дѣломъ жизни, и что, заставляя говорить другихъ, заговоритъ самъ о Россіи. Но, вмѣсто разрѣшенія предположенныхъ намъ въ «Перепискѣ» вопросовъ, грамотные русскіе люди принялись судить и рѣдить о самомъ авторѣ. Это заставило его снова погрузиться въ самого себя и признать себя недорѣшаннымъ еще до того, чтобы произнести умное и нужное человѣку слово. Мало по малу онъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что его сочиненія, какъ писателя не вполне организовавшагося, могутъ скорѣе принести вредъ, нежели пользу, и что поэтому онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ положить перо до тѣхъ поръ, пока не почуветъ себя вполне приготовленнымъ къ своему дѣлу. Смиреномудрый въ высшей степени и постоянно одушевленный жаждою принести пользу ближнимъ, Гоголь удержался наконецъ даже въ томъ, дѣйствительно ли поприще

зисателя есть прямое его назначеніе. Въѣздъ въ Цѣрковъ, которая была глубоко виѣдарена въ него воспитаніемъ и пронесла въ посредствѣ анализе, произведеннаго изъ надъ своей душою; въ немъ возгорѣлась прежняя страсть къ службѣ государственной. Только теперь ужъ онъ не строилъ себѣ, какъ прежде, никакиѣ планы касательно должности, которая должна быти создана собственно для него. Теперь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на обыкновеннаго человѣка, и всѣ мѣста по службѣ казались ему одинаково значительными, если только, служа Царю всеяму, служить этимъ самымъ и поставившему его Господу. Онъ рѣшился возвратиться въ Россію и немедленно вступить въ государственную службу, — только выбрать себѣ должность по своимъ способностямъ, такую должность, которая бы дала ему возможность изучать русскаго человѣка практически, съ тѣмъ; что если возвратится къ нему творчество, то чтобы у него нашлись матеріалы. Такъ совершилось въ Гоголѣ безпримѣрное перерожденіе, торжество христіанина надъ художникомъ и потомъ возрожденіе художника въ христіанинѣ; — словомъ, душевное пересозданіе, возведшее его на ту степень поэтическаго творчества, на которой онъ явился во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Онъ понялъ, что онъ ужъ другой человѣкъ, что ученіе его кончилось, что онъ вступаетъ на новое поприще служенія ближнему, какова бы ни была форма этого служенія; и вотъ онъ отправляется въ Іерусалимъ помолиться своему Божественному Учителю на томъ мѣстѣ, которое было освящено Его стопами, испросить у Него новыхъ силъ на дѣло, къ которому готовился всю жизнь, и поблагодарить Его за все, что ни случилось съ нимъ въ жизни.

Вотъ объясненіе предпріятія, которое, во мнѣнію людей, стоявшихъ вдали отъ Гоголя, казалось явленіемъ совершенно отдѣльнымъ отъ всего въ его жизни, но которое теперь оказывается въ тѣсной и необходимой связи съ его душевною исторіею. Гоголь вообще дѣйствовалъ такъ просто, какъ дѣйствуетъ ребенокъ, какъ дѣйствуетъ поэтъ или природа.

Объясненіе побудительныхъ причинъ къ путешествію къ Святымъ мѣстамъ составленное мною по слухамъ о его задушевныхъ признаніяхъ, прольетъ для насъ новыи свѣтъ и многое въ исторіи внутренней жизни нашего поэта. После этого для насъ понятнѣе будетъ дальнѣйшая переписка его

друзьями. Но, къ сожалѣнію, 1847 и 1848 годы прошли въ молчаніи съ обѣихъ сторонъ между Гоголемъ и писиріишникомъ первыхъ его произведеній. Причину этому объяснить трудно. Она, можетъ быть, объясняется впоследствии. Но мы знаемъ, что, посреди тогдашнихъ политическихъ бурь, поэтъ нашъ сохранялъ такое спокойствіе, какое хранитъ опытный и дальновидный старикъ, наблюдая горячую и кратковременную ссору юношей. Это намъ извѣстно изъ письма къ нему Жуковскаго «О поэтѣ и современномъ его значеніи», наисамаго въ отвѣтъ на его письмо. Гоголь назвалъ искусство примиреніемъ съ жизнью и, развивая эту тему, просилъ, видно, Жуковскаго разрѣшить ему нѣкоторыя сомнѣнія, относительно поэтического творчества. Жуковскій прекрасно разъяснилъ сущность его задачи и привелъ свою рѣчь къ слѣдующей невольнѣ поэта:

Не счастья, не славы здѣсь.
 Нищу я; быть хочу крыломъ могучимъ,
 Подъемиющимъ родныя нѣтъ сердца
 На высоту, — зарей, побѣду для
 Предвозвѣщающей, — великихъ думъ
 Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
 Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушнмыхъ,
 И сторожемъ вѣгннной той завѣсы,
 Которою предъ нами горній міръ
 Задержнть, чтобъ морой для смертныхъ
 Ее приподымать и святость жнванн
 Являть во всей ея красѣ небесной —
 Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!.

Обратнмса теперь къ тому времени, когда онъ, совершивъ путешествіе въ Іерусалимъ, возвратился въ отечество. Вотъ первое письмо, которое онъ написалъ къ П. А. Плетневу, послѣ долгаго молчанія.

«Декабря 18. (1849.) Москва.

«Мы давно уже не переписывались. И ты замолчалъ, и я замолчалъ. Я не писалъ къ тебѣ отчасти потому, что самъ хотѣлъ быть въ Петербургѣ, а отчасти потому, что нашло на меня *лѣтсательное* (*) расположеніе. Всѣ кругомъ на меня жалуются, что не пишу. При всемъ томъ, мнѣ кажется, виновать не я, но

(*) Это слово подчеркнуто Гоголемъ.

умственная спячка, меня одолевшая. «Мертвые Души» тоже тянутся лѣнливо. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ ни въ не выходить. Теперь люди не годятся какъ будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по приѣму «Одиссеи». Два-три человѣка обрадовались ей, а то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственного безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло. — Но ты в самъ, безъ сомнѣнія, свидѣтель многого. Пожалуста, отправь это письмецо къ Гроту (*) и сообщи мнѣ его точный адресъ. Передай также мой душевный поклонъ Б—нымъ и скажи имъ, что я всегда о нихъ помню. За тѣмъ, обнимая съ тобой виѣстѣ всѣхъ близкихъ твоему сердцу, остаюсь

«Твой весь

«Н. Г.

«Адресъ мой: въ домѣ Талызина, на Никитскомъ Бульварѣ.

«Объ «Одиссеѣ» не говорю. Чтѣ сказать о ней? Ты вѣрно наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золь!»

Черезъ мѣсяць съ небольшимъ (21 января 1850 года) Гоголь писалъ къ своему другу изъ Москвы слѣдующее:

«Не могу понять, чтѣ со мною дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго въ насъ вяло и лѣнливо, отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, но я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летитъ такъ, какъ еще никогда не помню. Встаю рано, съ утра принимаюсь за перо, никого къ себѣ не впускаю, откладывая на сторону всѣ прочія дѣла, даже письма къ людямъ близкимъ, — и при всемъ томъ такъ немного изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы — уже время ѣдать. Нѣкогда даже пройтись и прогуляться. Вотъ тебѣ вся моя исторія. Конечъ дѣлу еще нескоро, т. е. разумѣю конечъ «Мертвыхъ Душъ». Всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ *набросаны*; собственно написанныхъ двѣ-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе. Это можетъ

(*) Якову Карловичу.

только одинъ Богъ, у котораго все подъ рукою: «Разумъ и Слово съ Нимъ». А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разума доискиваться. — У С*** я точно прогостилъ осенью. Не писалъ о ней вотому, что полагалъ тебя знающимъ насчетъ ея черезъ Аркадія Ос. Р***, которому при этой вѣрной оказіи передай мой душевный поклонъ. Она въ началѣ было тосковала и болѣе хворала. Въ послѣднее же время, какъ мнѣ показалось, она чувствовала себя лучше. Всего больше меня порадовало то, что она принялась именно за то дѣло, за которое всякая женщина, по моему, должна бы приняться съ самаго начала, то есть за хозяйство и всякія экономическія заботы по имѣнію. Теперь я слышу, что она ихъ продолжаетъ и за ними не скучаетъ. Отъ этого и самое здоровье ея, говорятъ, лучше. Такъ мнѣ о ней рассказывали видѣніе ея еще недавно въ Калугѣ. Дочери у ней вышли очень миленькія, обѣ почти певѣсты; вторая даже красавица. Воспитываются хорошо, благодаря гувернанткѣ миссъ О***, удаленію и близости отъ жизни деревенской. Какъ живешь ты? съ кѣмъ выдаешься и о чемъ разговариваешь чаще? Передай поклонъ милой супругѣ своей и милой дочери. На меня не сердись и люби потому, что я также тебя люблю, а письмо — дрянъ. Оно никогда не можетъ выразить и десятой доли человѣка. Поэтому-то я никогда не сержусь на друга, если онъ напишетъ письмо коротенькое и не такъ обстоятельно, какъ бы хотѣлось. У меня правило: всякое письмо считать подаркомъ; а даренному коню въ зубы не смотреть. Прощай. Хотѣлъ было просить тебя взять изъ ломбарда послѣдній кушъ денегъ, но раздумалъ. Пусть ихъ лежать; авось какъ нибудь изворочусь. Впрочемъ, увѣдомь, можно ли брать по частямъ, или нѣтъ?

«Твой весь

«Н. Г.»

Осенью 1849 года М. А. Максимовичъ, соскучась жить въ своемъ живописномъ, но пустынномъ и отдаленномъ отъ большихъ дорогъ помѣстьѣ надъ Днѣпромъ, переѣхалъ въ Москву, къ старымъ своимъ знакомымъ и друзьямъ. Пребываніе Гоголя въ Москвѣ было для него одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ этой поѣздкѣ. Гоголь велъ жизнь уединенную, но любилъ посидѣть и помолчать въ кругу хорошо извѣстныхъ ему людей и старыхъ пріятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью, и тогда не было предѣла его затѣйливимъ выход-

намъ и сибѣху. Особенно привлекалъ его къ себѣ домъ А—выхъ, гдѣ онъ слушалъ и самъ пѣвалъ народныя пѣсни. Гоголь до конца жизни сохранялъ страсть къ этимъ произведеніямъ поэзіи и, по возвращеніи изъ Іерусалима, болѣе полугода бралъ уроки сербскаго языка у О. М. Бодянскаго, для того, чтобъ понимать красоты пѣсней, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Пѣсня русская вообще увлекала его сердце непобѣдимую силою; какъ живой голосъ всего огромнаго населенія его отечества. — Это намъ хорошо вѣдомо изъ его собственныхъ признаній. «Я до сихъ поръ — говоритъ онъ — не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздвѣрающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всѣмъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вьются около моего сердца (*)....» Но къ малороссійской пѣснѣ онъ сохранилъ чувство, подобное тому, какое остается въ нашей душѣ къ прекрасной женщинѣ, которую мы любили въ ранней молодости. Много прошло новыхъ чувствъ и новыхъ привязанностей черезъ нашу душу; не разъ перегорѣла она новымъ огнемъ, не разъ мы убѣждали себя, что —

«Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ....»

Но когда наконецъ мы успокоимся не на шутку, и всѣ молодыя наши страсти сдѣлаются для насъ предметомъ разсудительнаго созерцанія, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ и скоро убѣждаемся, что всѣхъ могущественнѣе владѣетъ нашею душою ранѣе всѣхъ охладѣвшая привязанность. Она ужъ не волнуетъ нашего сердца страстными внушеніями, не поднимаетъ насъ къ небесамъ восторгамъ невыразимаго блаженства, не погружаетъ въ преисподнюю мрачнаго унынія и отчаянія, но безотчетно радуется, какъ радуютъ ребенка ласки матери, и, помолодѣвъ сердцемъ, мы предаемся ей довѣрчиво и беззаботно, какъ испытанному другу, и ужъ ничто не замѣнитъ для насъ ея сладостныхъ ощущеній. Такъ я объясняю увлеченіе, съ какимъ Гоголь передъ концомъ своей жизни слушалъ и пѣвалъ украинскія пѣсни. Приглашая своего земляка и знатока народной поэзіи О. М. Бодянскаго на вечера къ А—вымъ, которые онъ посѣщалъ чаще всѣхъ другихъ вечеровъ въ Москвѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: «ушесья пѣснями нашей Малороссіи», и, дѣйствительно, онъ уживался ими

(*) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 133.

такъ, что иной куплетъ повторялъ разъ тринадцать сряду, въ какомъ-то поэтическомъ забытїи, пока наконецъ надоѣдалъ самымъ страстнымъ любителямъ малороссійскихъ пѣсень, и земляки останавливали его словами: «Годи, Мыкóло, годи!» (*)

Какія же пѣсни особенно любилъ Гоголь? Современемъ пруданіе объ этомъ исчезаетъ, и мы не будемъ знать, какіе мотивы, какія мелодїи трогали струны чуткой души поэта. А можетъ быть, на родинѣ почитатели его таланта, въ воспоминаніе о немъ, пожелали бы пѣть именно тѣ пѣсни, которыми онъ «упивался». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше почтить память поэта, какъ не пѣснями? Назовемъ эти пѣсни по преимуществу гоголевскими. (**)

1.

Не буду я жениться,
 Бо що мнѣ зъ того?
 Не стае мнѣ десять грошей
 До пивъ-золотога....

2.

Ой знаты знаты,
 Кто кого любить:
 Близенько сидае
 Та й прыголубить....

3.

Казала Солоха прїйды,
 Щось дамъ, щось дамъ....*

4.

Зчорнивъ я, змарнивъ я,
 По полю ходячы,
 За тобою, дивчынонько,
 Тужачы, тужачы....

5.

Чы ты жъ мене, моя маты,
 На мисти купыла,
 Що всимъ дала по делоньци,
 А мене втопыла?...

6.

Журылася попада
 Своею бидою....

(*) Т. е. «Полно, Николай, полно!»

(**) Въ своемъ исчисленїи гоголевскихъ пѣсень я руководствовался указанїемъ трехъ авторитетовъ: С. Т. А***, О. М. Бодянского и М. А. Максимовича.

7.

Ой дичыно сердечко, чья ты?
Ой чы выйдешь на юлицю гуляты?

8.

Ой посіавъ мужыкъ
Та й у поли ячминь;
Мужыкъ каже: Ячминь,
Жинка каже: Гречка;
Не мовъ мина не словечка,
Нехай буде гречка!..

9.

Ой розсердывся мій милый на мене....

Эта пѣсня переведена имъ на русскій языкъ въ статьѣ «О малороссійскихъ пѣсняхъ» (*), какъ образецъ «глубины чувствъ», выражающейя въ украинской народной поэзіи. Она была известна ему съ дѣтства, и онъ любилъ припоминать, отъ кого и какъ онъ ей научился.

10.

Та оравъ мужыкъ край дороги
А въ його волю круторогы....

11.

Ой ты живешъ на гороньци,
А я пидъ горою;
Ой чы тужышь такъ за мною,
Якъ я за тобою?...

12.

Ой беда, беда
Чайци небози,
Що вывела дитки
Пры бытій дорози!...

13.

Больтъ моя головонька
Одъ самого чола:
Не бачыла маленького
Ни теперь, ни вчора....

14.

Полюбила Петруся
Та й сказать боюся...

15.

Одна гора високая,
А другая низькая:

(*) «Арабески», ч. II, стр. 101.

Одна мыла далекая,
А другая близьна....

16.

Чы се тыи чоботы,
Що зять давъ?
А за тыи чоботы
Дочку взавъ....

17.

Да чы я въ лузи не калына була,
Да чы я въ лузи не червона була?

18.

Ой на двори метельца,
Чому старый не женицца?..

19.

Ой оре Семель, оре
Та чорными волами....

20.

Ой не жоды, Грыцо,
На вечорыццо.
На вечорныцахъ
Дивкы чаривныца....

21.

Ой ходывъ чумагъ
Симъ рикъ по Дону,
Та не було прыгодоньки
Няколы юму....

22.

Ой чый же се двиръ?
Прыточывъ бы я свій;
Хорошая, чорная —
Я ходывъ бы ихъ ий....

23.

И дощавъ шло.
И метельца гуде;
Дивчына казака
Черезъ юльццо веде....

24.

Ой пидъ вышешького,
Пидъ черешеньюю
Стоявъ старый въ молодой
Якъ изъ ягодою....

25.

Ой у поли могола
 Зъ витромъ говорыла,
 Повій, витре, ты на мене,
 Щобъ я не чорнила....

26.

Ой на гори
 Та жонци жнуть,
 А по пидь горюю,
 По пидь зеленою
 Козаки йдуть....

27.

Та журба мене зкрушыла,
 Та журба жъ мене асушила....

28.

У поли крыныченька,
 Холодна водыченька, —
 Тамъ чумаць воды наповае....

29.

Ой краче, краче та чорненькій воронъ
 Та на глыбокій долини:
 Ой плаче, плаче молодой козаче
 Пры нещасливый годины....

30.

Ой нарада кары очы, израда....
 Чому жъ въ тебе, козаченьку, не вся щыра правда?

31.

Ой пидь гаемъ-гаемъ,
 Гаемъ зелененькымъ,
 Тамъ орала дивчинонька
 Волькомъ чорненькымъ....

32.

Гоминь-гоминь по дуброви,
 Туманъ поле кошырае,
 Маты сына прогоняе....

33.

Ой въ-пидь гаю, гаю,
 Зъ-пидь чорного гаю,
 Ой крыкнулы козаченькы:
 . Утикай Нечаю! .

34.

Ой ты дивчино,
 Горда та пышка!

Чомъ ты до мене
Зъ вечера не вышла?

35.

У Києви на рынку
Пьють козаки горилку....

Самыми любимыми изъ этихъ пѣсень были напечатанныя подъ номерами 12, 21 и 25; пѣсня подъ номеромъ 28 была одною изъ первыхъ, которымъ Гоголь научился въ дѣтствѣ. Главною его музою въ этомъ случаѣ была его тетка, о личности которой интересно было бы собрать возможно полныя свѣдѣнія. Въ жизни Вальтера Скотта играла важную роль тетка его миссъ Анна Скоттъ, первая поэтическая натура, съ которой сблизили его обстоятельства его дѣтства. Можетъ быть, здѣсь было то же самое.

Жаль, что мы не вошли еще, такъ сказать, во вкусъ біографій и какъ-то холодно собираемъ матеріалы для этого рода сочиненій, а между тѣмъ едва ли въ какомъ нибудь другомъ родѣ могутъ быть совмѣщены серьезный интересъ исторіи, глубокія психологическія изслѣдованія и самый роскошный романтизмъ. Поэтому-то, можетъ быть, хорошая біографія появляется только въ литературахъ народовъ, стоящихъ уже на высокой степени общественнаго развитія. Тамъ она находитъ много цѣнителей, слѣдовательно много и дѣятелей для скопленія матеріаловъ, изъ которыхъ ужъ потомъ такой человекъ, какъ Вальтеръ-Скоттъ, какъ Вашингтонъ Ирвингъ, какъ Томасъ Муръ, строятъ цѣлое и вѣчное созданіе. Будемъ надѣяться, что и наши знаменитыя личности не останутся безъ подробныхъ мемуаровъ для будущихъ біографовъ. Что касается до пишущаго эти строки, то онъ, понимая вполне важность предмета, старался разузнать отъ кого только могъ обо всемъ касавшемся Гоголя и желаетъ лучше быть въ своемъ изложеніи отрывочнымъ, нежели пренебречь какимъ нибудь извѣстнымъ ему моментомъ жизни поэта.

Простота воззрѣнія Гоголя на жизнь и стремленіе примириться съ нею какъ можно болѣе, выразились въ его переездѣ изъ Москвы въ Малороссію, лѣтомъ 1850 года. Гоголь, какъ извѣстно, боялся холоду и потому не хотѣлъ оставаться на зиму въ Москвѣ. Между тѣмъ въ его планы не входили уже новыя поѣздки за границу: онъ готовился къ изданію второго тома «Мертвыхъ Душъ». Итакъ, онъ избралъ своимъ зимовьемъ Одес-

су, откуда намѣревался прѣхать въ Грецію или въ Константинополь. Для этого онъ началъ заниматься новогреческимъ языкомъ, но молитвеннику, который, во время перѣзда въ Малороссію, составлялъ единственное его чтеніе. Онъ читалъ его по утрамъ вмѣсто молитвы, стараясь, однакожь, дѣлать это тайкомъ отъ своего спутника.

Спутникомъ же его былъ не кто другой, какъ М. А. Максимовичъ, съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго еврея съ извѣстною будкою на колесахъ, называющеюся, для красоты слога, брикою или шарабаномъ. Въ нее предполагалось положить вещи, а сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую г. Максимовичу. Но еврей, порядившійся веств Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остаться подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до полученія паспорта, а потомъ онъ начисто отперся отъ своего словеснаго обязательства.

Гоголь былъ въ страшной досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ прискиваютъ ему другого «долгаго» извозчика, уже изъ православныхъ; тотъ закладываетъ въ свою громадную телѣгу тройку коренастыхъ, но тупыхъ на ногу, лошадей; укладываются въ нее пожитки обомъ литераторовъ; впрягается такая же тройка въ бричку г. Максимовича, и 13 іюня (1850) они выѣзжаютъ изъ Москвы въ безконечно долгую дорогу черезъ нѣсколько губерній.

По разказу г. Максимовича, они оставили Москву въ пятомъ часу по полудни, или, говоря точнѣе, въ это время они выѣхали изъ дому А—выхъ, у которыхъ они на прощаньи обѣдали. Первую ночь провели въ Подольскѣ, гдѣ въ то же время ночевали Х—вы, съ которыми Гоголь и его спутникъ провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. На 15-е іюня ночевали въ Маломъ Ярославцѣ; утромъ служили въ таинствѣ монастырѣ молебень; напились у игумена чаю и получили отъ него по образу св. Николая. На 16 число ночевали въ Калугѣ, и 16-го обѣдали у г-жи С***, искренней пріятельницы Гоголя, который пыталъ къ ней глубокое уваженіе. 19-е іюня путники наши провели у И. П. К***, въ Долбинѣ, гдѣ нѣкогда проживалъ Жуковский и написалъ лучшія свои баллады; а 20 у г-жи А. П. Е*** въ Петрищевѣ. Наконецъ, 25 іюня, разстались въ Глуховѣ, откуда Гоголь уѣхалъ въ Яновщину, въ коляскѣ А. М. Маркевича.

Страннымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состоянн ѣхать на почтовыхъ; но такыи именно были тогдашнн его обстоятельства. По крайней мѣрѣ онъ считалъ необходимымъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и предпочесть медленную и дешевую ѣзду быстрой и дорогой. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что онъ везъ матери рублей сто серебромъ, или немного болѣе, въ подарокъ. Онъ былъ «все тотъ же пламенный, признательный, никогда незагашавшнй вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ.» (*) Между прочимъ, путешествне на долгихъ было для него уже какъ бы началомъ плана, который онъ предполагалъ осуществить впоследствии. Ему хотѣлось совершить путешествне по всей Россн отъ монастыря къ монастырю, ѣздя по прѣселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Это ему было нужно, во первыхъ, для того, чтобы видѣть живописнѣйшнхъ мѣста въ государствѣ, которыя болѣею частью были избираемы старинными русскими людьми для основанн монастырей; во вторыхъ, для того, чтобы изучать прѣселки русскаго царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразнн; въ третьихъ, наконецъ, для того, чтобы написать географическое сочиненн о Россн самымъ увлекательнымъ образомъ. Обо всемъ этомъ говорилъ Гоголь у г-жи С***, въ присутствн графа А. К. Т***, который былъ знакомъ съ нимъ издавна, но потомъ не видалъ его лѣтъ шесть или болѣе. Онъ нашолъ въ Гоголѣ большую переимѣну. Прѣжде Гоголь, въ бесѣдѣ съ близкими знакомыми, выражалъ много добродушн и охотно владался до все капризы своего юмора и воображенн; теперь онъ былъ очень скупъ на слова, и все, что имъ говорилъ, говорилъ, какъ человекъ, у котораго неотступно пребывала въ головѣ мысль, что «съ словомъ надобно обращаться чистно», или который исполненъ самъ къ себѣ глубокаго почтенн. Въ томъ его рѣчи отзывалось что-то догматическое, такъ, какъ бы онъ говорилъ своимъ собесѣдникамъ: «Слушайте, не прероните ни одного слова.» Тѣмъ не менѣе, однакожь, бесѣда его была исполнена души и эстетическаго чувства. Онъ повотчивалъ графа двумя малоросснйскими колыбельными пѣснями, которыми восхищался, какъ рѣдкими самородными перлами. Вотъ онѣ:

(*) Смъ вышн, 4-е письмо къ матери изъ Нѣжина.

1.

«Ой спи, дитя, безъ сповытты.
 Цюкы маты въ поля прыйде
 Та привесеа тры квиточны:
 Одна буде дримывая,
 Друга буде сонлывая,
 А третяя щаслывая.
 Ой щобъ спало — щастя мало,
 Та щобъ росло — не болгло,
 На серденько не скорбиле!
 Ой ристочки у кисточки.
 Здоровьячко на сердечко,
 Роаумъ добрый въ головоньку,
 Сонькы-дримкы у виченькы!»

2.

«Ой ходыть сонъ по улоньци,
 Въ билесенькій кошулоньци:
 Слоняецца, тыняецца,
 Господонькы пытаецца:
 А де хата теплѣсенька,
 И дытына малесенька,
 Туды пійду ночуваты
 И дытыны колыхаты.
 А въ насъ хата теплѣнькая
 И дытына малѣнькая;
 Ходы до насъ почуваты
 И дытыны колыхаты!
 Ходы, сонку, въ колысочку,
 Прыспы нашу дытыночку!»

Велѣдъ за тѣмъ Гоголь попотчивалъ графа лакомствомъ другого сорта: онъ продекламировалъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, великорусскую пѣсню, выражая голосомъ и мимикою патриархальную величавость русскаго характера, которой исполнена эта пѣсня.

«Пантелей государь ходитъ по двору,
 Кузьмичъ гуляетъ по широкому:
 Кунья на немъ шуба дѣ земля,
 Соболья на немъ шапка дѣ верху,
 Божья на немъ милость дѣ вѣку.
 Бяре-то смотреть изъ города,
 Бодрыни-то смотреть изъ терема,
 Сужена-то смотреть изъ-подъ пологу.
 Бяре-то молвать: Чей то такой?»

Боярыни-то молвят: Чей то господинъ?
А сужена молвить: Мой дорогой!

Изъ приведенныхъ выше чиселъ видно, что путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно; но Гоголь не чувствовалъ, по видимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ѣзды, такъ и на постоялыхъ дворахъ. Его все занимало въ дорогѣ какъ ребенка, и онъ часто для выраженія своихъ желаній употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьники. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ «отправлялся къ Храповицкому», а когда желалъ только отдохнуть, то говорилъ своему спутнику: «не пойти ли намъ къ Полежаеву?» Хаживалъ онъ также къ «Обѣдову» и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и все это безъ малѣйшаго вида шутки. (*) Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ телѣгѣ, онъ предлагалъ товарищу «пройти пѣхандачка» и мимоходомъ собиралъ разные цвѣты, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему г. Максимовичъ. Это онъ дѣлалъ для одной изъ своихъ сестеръ, страстной любительницы ботаники. У него было очень тонкое обоняніе. Иногда, въѣзжая въ лѣсъ, онъ говорилъ: «Тутъ сосна должна быть: такъ и пахнетъ сосной», и, дѣйствительно, путешественники открывали между березъ и дубовъ сосновые деревья. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собираніи цвѣтовъ, и никто бы не узнавалъ въ немъ, что мы привыкли разумѣть подъ именемъ поэта. Онъ былъ простой путешественникъ, немножко разсѣянный, немножко прихотливый, порой дѣтски затѣшливый, порой какъ будто грустный, но постоянно спокойный, какъ бываетъ сносно старикъ, переиспытавшій много на вѣку своемъ и убѣдившійся окончательно, что все въ мірѣ совершается по строгимъ

(*) Въ «Мертвыхъ Душахъ», на стр. 362, мы читаемъ: «... Всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знали только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишнымъ и Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ полежать и завалиться, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно какъ фраза: захватъ къ Сопикову и Храповицкому)....»

законамъ необходимости, и что причина каждаго несприятнаго для насъ явленія можетъ скрываться виѣ границъ не только нашего вліянія, но и нашего вѣдѣнія. По дорогѣ онъ любилъ заѣзжать въ монастыри и молиться въ нахъ Богу. Особенно понравилась ему Оптина пустынь, на рѣкѣ Жиздрѣ, не доѣжая Калуги. Гоголь, приближась къ ней, прошелъ съ своимъ спутникомъ до самой обители версты двѣ пѣшкомъ. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку съ мисочкой клубники и хотѣли купить у нея клубнику; но дѣвочка, узнавъ, что они люди дорожные, не захотѣла взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что «какъ можно брать съ странихъ людей деньги?»

— Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ, замѣтилъ Гоголь, умиленный этимъ, конечно рѣдкимъ, явленіемъ. — И я не разъ замѣчалъ подобное вліяніе такихъ обителей.

Во время дороги Гоголь вообще, кромѣ обычныхъ своихъ шуточекъ, говорилъ мало, и въ этомъ маломъ мысли его обращались преимущественно къ предметамъ практической жизни. Такъ, напримѣръ, онъ рассуждалъ о современной страсти къ комфорту и роскоши и приходилъ къ такому заключенію, что намъ «необходимо пріучать себя къ суровости жизни, а то комфортъ и роскошь заводятъ насъ такъ далеко, что мы проматываемся часъ отъ часу болѣе, и наконецъ намъ нечѣмъ жить.» На этомъ основаніи, онъ отвергалъ употребленіе въ сельскомъ быту рессорныхъ экипажей, особенно для людей его состоянія, и придумывалъ, какъ бы взять въ этомъ случаѣ средину между дорогимъ комфортомъ и грубою дешезвиною.

Всего замѣчательнѣе въ его сужденіяхъ о жизни было то, что онъ всякую идею примѣривалъ сперва на себя и потомъ уже пускалъ ее въ ходъ для служенія ближнимъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ не былъ похожъ на тѣхъ философовъ, которые заботятся о воздержаніи прочихъ, не зная никакихъ предѣловъ собственнымъ прихотямъ. Онъ ѣхалъ на простой телѣгѣ и рассуждалъ объ упрощеніи помѣщичьяго быта. Онъ утверждалъ, что такіа религіозныя учрежденія, какъ Оптина пустынь, распространяютъ благочестіе въ народѣ, и подтверждалъ искренность своего убѣжденія своимъ посѣщеніемъ иноческихъ обителей и своими молитвами въ нихъ. Онъ проповѣдовалъ терпѣніе и не-

полненіе ближайшаго своего долга (*), явилъ въ себѣ образецъ терпѣнія изумительнаго и совершенное безстрастіе къ тому, что не входило въ предѣлы его литературной дѣятельности. Это была истинно гениальная, самообразующая себя натура, въ которой передъ нашими глазами совершилась борьба добрыхъ началъ съ злыми, въ ободреніе и въ назиданіе всѣхъ, созерцавшихъ ее. (**)

Прихотливость Гоголя въ дорогѣ обнаруживалась въ томъ, что онъ кромѣ чаю пилъ еще и кофе, который варилъ собственноручно на самоварѣ, и если могъ остановиться отдохнуть въ гостиницѣ, то всегда предпочиталъ ее постоялому двору. Впрочемъ, онъ дѣлалъ эту уступку своимъ строгимъ правиламъ жизни, вѣроятно, только для поддержанія своего хилаго здоровья, о

(*) Не задолго до своей смерти Гоголь написалъ своимъ друзьямъ слѣдующее напутственное слово:

• Благодарю васъ много, друзья мои; вами украшалась много жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово.... Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ насъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, молясь въ тишинѣ. Общество тогда только исправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему давы, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все прійдетъ тогда въ порядокъ; сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законныя всему, и человѣчество двинется впередъ....

(**) Когда я написалъ эти строки, мнѣ пришла на мысль одна изъ страницъ «Переписки» Гоголя, и я подивился искренности убѣжденія, съ которымъ онъ проповѣдовалъ друзьямъ своимъ ученіе о самосовершенствованіи.

• Не останавливайся, учи и давай совѣты! поворотъ онъ — Но если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю я, и какъ *положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда*. Всякій совѣтъ и наставленіе, какое ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, что посоветовалъ другому, посоветуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который слѣлалъ другому, слѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядимъ на себя.... Это дѣлай непременно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя. (Стр. 123.)

которымъ онъ выражался съ трогательною навязностью въ своихъ письмахъ, что оно ему нужно.

Г. Максимовичъ, прѣхавъ въ Москву на собственныхъ лошадахъ, нашелъ для себя удобнымъ сбыть ихъ тамъ; однакожь, не могъ разстаться съ старымъ конемъ, который служилъ ему усердно нѣсколько лѣтъ. Конь этотъ шелъ сзади телѣги на свободѣ и былъ во всю дорогу предметомъ наблюденій Гоголя.

— Да твой старикъ просто жуируется! говорилъ онъ, замѣтивъ, что сзади повозки придѣланъ былъ для него рептухъ съ овсомъ и сѣномъ.

Потомъ онъ дивился, что лишь только извозчикъ двигался въ путь, ветеранъ г. Максимовича покидалъ свое стойло или зеленую лужайку и слѣдовалъ за кибиткою. Гоголь подмѣчалъ, не увлечетъ ли его какая нибудь конская страстишка съ прямого пути его обязанностей: нѣтъ, конь былъ истинный строгъ и оставался вѣренъ своимъ правиламъ до конца путешествія. Впрочемъ, Гоголь разстался съ г. Максимовичемъ въ Глуховѣ и не могъ ужь слѣдить за поведеніемъ его буцефала. Но когда Максимовичъ въ томъ же году посѣтилъ поэта на его родинѣ, онъ тотчасъ узналъ своего знакома и освѣдомился о благосостояніи его ногъ.

Въ дорогѣ одинъ только случай явственно задѣлъ поэтическія струны въ душѣ Гоголя. Это было въ Сѣвскѣ, на Ивана Купалу. Проснувшись на зарѣ, наши путешественники услышали не подалеку отъ постоялаго двора какой-то странный напѣвъ, звонко раздававшійся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

— Поди послушай, что это такое, просилъ Гоголь своего друга: — не купаловыя ли пѣсни? Я бы и самъ пошелъ, но ты знаешь, что я немножко изъ Глухова.

Г. Максимовичъ подошелъ къ сосѣднему дому и увидѣлъ, что тамъ умерла старушка, которую оплакиваютъ поочередно три дочери. Дѣвушки причитывали ей импровизированныя жалобы съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ. Все служило имъ темою для горестнаго речитатива: добродѣтельная жизнь покойницы, ихъ неопытность въ обхожденіи съ людьми, ихъ беззащитное сиротское состояніе и даже разныя случайныя обстоятельства. Напримѣръ, въ то время, какъ плакальщица голосила, на лицо покойницы съла му-

ха, и та, схвативъ этотъ случай съ быстротою вдохновенія, тотчасъ встала въ свою рѣчь два стиха :

«Вотъ и мушенька тебѣ на личенько сѣла,
Не можешь ты мушеньку отогнати!»

Проплакавъ всю ночь, дѣвушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выраженіями своихъ чувствъ, что начали думать вслухъ тоническими стихами. Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галерейкѣ второго этажа и, перебирая посуду или другія домашнія вещи, продолжали свои вопли и жалобы, «живо напоминая мнѣ, говорилъ г. Максимовичъ, Ярославну, плакавшую рано Путивлю городу на заборолѣ...»

Когда онъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ поэту изъ подъ Глухова; тотъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ при случаѣ въ «Мертвыхъ Душахъ».

Принося искреннюю благодарность М. А. Максимовичу за сообщеніе мнѣ разсказа о его путешествіи съ Гоголемъ изъ Москвы въ Малороссію, я долженъ, однакожь, сказать, что только соединеніе многихъ другихъ фактовъ изъ жизни поэта помогло мнѣ почувствовать характерную выразительность разныхъ мелкихъ обстоятельствъ этого путешествія. Тутъ я вспомнилъ то, что было сказано С. Т. А*** о трудности біографіи Гоголя, и внесу его слова въ мое сочиненіе, какъ важное дополненіе къ моей характеристикѣ поэта, или, говоря искреннѣе, какъ камертонъ, по которому я выработалъ собственный взглядъ на Гоголя :

«Біографія Гоголя — говоритъ онъ. (*) — заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспытающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура — въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами — ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ познанія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они

(*) Московскія Вѣдомости. 1833 года, № 36.

порѣдкѣ убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло, впрочемъ, понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и повѣрить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣешь, хотя безпрестанно говоришь о немъ....»

Далѣе тотъ же писатель представляетъ прекрасную характеристику разнообразнаго пониманія Гоголя со стороны знакомыхъ съ нимъ лично.

«Гоголя, какъ человѣка — говорить онъ — знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполне, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что онъ шьетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило оттого, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходящемъ вокругъ него; мало думалъ о томъ, что говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что самъ говоритъ. Къ этому должно прибавить, что разные люди, знавшіе Гоголя въ разные эпохи его жизни, могли сообщить о немъ другъ другу разные извѣстія. Да не подумаютъ, что Гоголь мѣшался въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ, съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіанство становилось чище, строже; высокое значеніе цѣли писателя — ястиѣ, и судъ надъ самимъ собою — суровѣе; итакъ, въ этомъ смыслѣ Гоголь измѣнялся. Но даже въ одно и то же время, особенно до послѣдняго своего отъѣзда за границу, съ разными людьми Гоголь казался разнымъ человѣкомъ. Тутъ не было никакого притворства: онъ соприкасался съ разными нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди, или, по крайней мѣрѣ, которыя могли онѣ понять. Такъ, напримѣръ, съ однимъ пріателемъ, и на словахъ и въ письмахъ, онъ только шутилъ, такъ что всякій хотѣлъ, читая эти письма; съ другими говорилъ объ искусствѣ и очень любилъ самъ читать Пушкина, Жуковскаго и Мерзлякова (его переводы древнихъ); съ иными бесѣдовалъ о предметахъ духовныхъ; съ иными упорно молчалъ и даже дремалъ или притворялся спя-

щимъ. Кого не слыхалъ самыхъ противоположныхъ отзывовъ о Гоголѣ? Одни называли его забавнымъ весельчакомъ, обходительнымъ и ласковымъ; другіе — молчаливымъ, утрующимъ и даже гордымъ; третьи — занятымъ исключительно духовными предметами. Однимъ словомъ, Гоголя никто не зналъ вполнѣ. Нѣкоторые друзья и пріятели, конечно, знали его хорошо, но знали, такъ сказать, по частямъ. Очевидно, что только соединеніе этихъ частей можетъ составить цѣлое, полное знаніе и опредѣленіе Гоголя.»

Обращаюсь опять къ перепискѣ Гоголя съ П. А. Плетневымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣднія письма Гоголя, то есть писанныя въ 1849 и 1850 годахъ, отличаются отъ предшествовавшихъ имъ несравненно большимъ соблюденіемъ правилъ правописанія. Въ нихъ встрѣчается даже нѣсколько помарокъ и поправокъ, обнаруживающихъ въ писателѣ желаніе сообщить своей рѣчи гладкость и окончательную выразительность, тогда какъ прежнія письма ясно показываютъ, что перо его летѣло за мыслями, не оглядываясь назадъ. Объ усовершенствованіяхъ въ почеркѣ было уже сказано выше. Слѣдующее письмо написано съ замѣтнымъ стараніемъ, на полномъ листѣ почтовой бумаги..

«Декабря 3-го 1850. Одесса.

«Пишу, какъ видишь, изъ Одессы, куда убѣжалъ отъ суровости зимы. Последняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, далась мнѣ вѣать сильно. Думалъ было, что укрѣпился и запасаюсь здоровьемъ на годъ надолго, но не тутъ-то было. Зима третьяго года кое-какъ перекочалась, но прошла — едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время пропало даромъ; а время мнѣ дорого. Работа моя — жизнь; не работается — не живется, хотя покуда это и не видно другимъ. Отнынѣ хочу устроиться такъ, чтобы три зимніе мѣсяцы въ году проводить внѣ Россіи подъ самымъ благотворнѣйшимъ климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время, то есть свойство благотворное для моей головы во время работы. Я уже испыталъ, что дѣло идетъ у меня какъ слѣдуетъ только тогда, когда все утружденіе, нанесенное головѣ поутру, развѣтается въ остальное время дня прогулкой и добрымъ движеніемъ на благопріобретенномъ шалухѣ (а здѣсь въ прошломъ году мнѣ немалъ было даже вы-

ходить изъ комнаты). Если это не дѣлается, голова на другой день тяжела, не способна къ работѣ. И никакія движенія въ комнатѣ (сколько ихъ ни выдумывалъ) не могутъ помочь. Слабая натура моя такъ уме устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло *не намопленное*. Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецію: за тѣмъ, признаюсь, и пріѣхалъ въ Одессу. Но такая одолѣла лѣнь, такъ стало жалко разлучаться и на короткое время съ Православной Русью, что рѣшился остаться здѣсь, понадѣясь на русскій авось: то есть, авось либо русская зима въ Одессѣ будетъ смолько нибудь милостивѣй моисовской. Разумѣется, при этомъ случаѣ стало представляться, что и вонь, накуренная послѣдними политическими событіями въ Европѣ, еще не совершенно прошла, и просьба о паспортѣ, которую хотѣлъ было отправить къ тебѣ, осталась у меня въ портфелѣ. Впрочемъ, уже и поводно: къ веснѣ во всякомъ случаѣ мнѣ нужно бы возвращаться въ Россію. Намѣренія мои теперь нѣтъ какого рода: въ концѣ весны или въ началѣ лѣта предлагаю быть въ Петербургѣ, за тѣмъ, чтобы, во первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечесть вмѣстѣ все то, что хочется вамъ прочитать, а во вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступить къ печатанію. Увѣдомь меня теперь же, какіе у тебя планы на лѣто. Какъ бы устроиться намъ такъ, чтобы провести его гдѣ нибудь на морскихъ водахъ, въ Ревелѣ или въ иномъ мѣстѣ. Я думаю, что взаимныя бесѣды намъ будутъ нужнѣй, чѣмъ когда либо прежде. Не полѣнись, напиши теперь же, присообща къ этому хоть два слова о своемъ житіи и о милыхъ, близкихъ твоему сердцу, которымъ всѣмъ передай душевный мой поклонъ.

«Твой Н. Гоголь.

«Адресъ: Въ Одессѣ, первой части перваго квартала, въ домѣ Трощинскаго.»

Буду продолжать автобіографію Гоголя, сохранившуюся въ его письмахъ.

«Одесса. Января 25-го 1851.

«Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твое письмо. Отъ всей души поздравляю тебя съ замужествомъ милой дочери и прошу также отъ меня передать ей поздравленіе. Радъ, что здоровье твое укрѣпилось отъ холоднаго леченія. Я тоже махнулъ отъ чего нилъзу. Намъ всѣмъ русскимъ нужно помнить и творить

дуть себѣ безпрестанно: ничего не доводи до излишества! Въ наши съ тобой дѣта совершенно переламывать привычки и прежій обычай жизни опасно, а понемигоу оставлять ихъ, трезвиться тѣломъ и духомъ очень недурно и даже непрѣнно слѣдуетъ. Иначе какъ разъ потеряешь равновѣсіе между тѣломъ и духомъ. Я уже давно веду образъ жизни регулярный, или, лучше, необходимый слабому моему здоровью. Занимаюсь только наукою: въ одиннадцатомъ часу вечера — въ постели. Стакаютъ холодной воды натошакъ и въ вечеру. Но большое употребленіе холодной воды и обливаніе вредитъ, производя во мнѣ большую испарину. Въ Одессѣ полагаю пробывать до апрѣля. Приѣздъ Жуковскаго въ Москву, можетъ быть, нѣсколько измѣнитъ мой маршрутъ, и вмѣстѣ весны придется, можетъ быть, въ Петербургъ осенью. Впрочемъ, это еще вреднѣе. Покуда будь здоровъ: не забывай меня. А мнѣ хочется очень съ тобой, по старинѣ, запершись въ кабинетъ, въ виду книжныхъ полокъ, на которыхъ стоятъ друзья наши, уже нынѣ отшедшіе, потелковать и почитать, вспоминать старину. Но это не могло и не можетъ быть, покуда не готово то, о чемъ нужно говорить. Будь готовъ — разговоримся такъ, что и языка не уйдемъ. Вѣдь старость болтлива, а мы, благодаря Бога, уже у вратъ ея. Будь здоровъ.

«Твой весь

«Н. Г.»

«Я писалъ тебѣ еще съ Мурзанивичемъ, ѣхавшимъ отсюда къ вамъ. Если вздумается порадовать строчкой, адресуй къ Шевыреву въ Москву.»

Изъ Одессы Гоголь въ послѣдній разъ переѣхалъ въ свою предковскую деревню и провелъ тамъ въ послѣдній разъ самую цвѣтущую часть весны; потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его могила. Вотъ его послѣднее письмо изъ Малороссіи:

Волгата. Маѣ 6. (1851.)

«Милое, доброе твое письмо получилъ уже здѣсь, въ деревнѣ моей натушки. Изъ Одессы послали мнѣ его довольно поздно, видно въ наказаніе за то, что я свое отправилъ къ тебѣ довольно поздно. Все, дѣйствительно, случилось такъ, какъ ты предположилъ: ровно черезъ мѣсяць послѣ того, какъ оно было написано, запечатано и, казалось, какъ бы уже и отправлено на почту, нашлось оно въ моемъ письменномъ столѣ. Что прика-

жизнь дѣлать? Видно горбатаго могилу исправить. Кажется, какъ бы я преуспѣваю со дня на день въ этой добродѣтели. Зато тѣмъ признательнѣе пришла и прочелъ и знакъ твоего щепетилостіа, твое милое и милующее письмо. На замѣчаніе только твое о моей молодости скажу: увы! два года, какъ уже пошелъ мнѣ пятый десятокъ, а сталъ ли я умнѣй, Богъ вѣсть одинъ. Знать, что прежде не былъ умнѣе еще, не значить поумнѣть. Что второй томъ «Мертвыхъ Душъ» умнѣе перваго — это могу сказать, какъ человекъ, имѣющій вкусъ и притомъ умнѣющій смотрѣть на себя, какъ на чужого человека, такъ что, можетъ быть, С^{***} отчасти и права; но какъ разсмотрю весь процессъ, какъ творилось и производилось его созданіе, вижу, что умнѣе только тотъ, кто творить и живетъ все, уотребляя насъ всѣхъ вмѣсто кирпичей для постройки по тому фасаду и плану, котораго Онъ одинъ истинно разумный Зодчій.

«Съ тобою всячески постараюсь увидѣться. Теперь ѣду въ Москву. Всякія письма и замѣчанія, какія были тебѣ присланы насчетъ «Мертвыхъ Душъ», запечатавъ въ одинъ пакетъ, пошлю ко мнѣ, адресуя на имя Шевырева, а если присоединишь къ этому двѣ-три строчки собственнаго письмаца, — впередъ посылаю тебѣ самое душевное спасибо. Всѣмъ тебѣ близкимъ братскій поклонъ.

«Твой весь

«Н. Гоголь.»

Итакъ, вотъ мнѣніе самого автора о второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», хотя онъ все еще не былъ доволенъ своимъ созданіемъ и совершенствовалъ его почти до самой смерти. «Безпрестанно исправляю — говорилъ онъ зимою 1850—51 года г. Мансиновичу — и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще ненаписанныя. Только вотъ съ первой главы туманъ сошелъ.» Въ іюлѣ 1851 года Гоголь, однакожь, писалъ къ П. А. Плетневу о приготовленіяхъ къ печати втораго тома «Мертвыхъ Душъ». Вотъ это письмо:

«Москва, 15 іюля.

«Пишу къ тебѣ изъ Москвы, усталый, взнемогшій отъ жару и пыли. Послѣшилъ сюда съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленья къ печати «Мертвыхъ Душъ» втораго тома и до того взнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ, чтобы

написать нѣсколько строчекъ записки, а не то что поправить или даже переписать то, что нужно переписать. Гораздо лучше просидѣть было лѣто дома и не торопиться; но желаніе повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ было тоже причиною всего нетерпѣнья. — — Второе изданіе моихъ сочиненій нужно уже и потому, что книгопродавцы дѣлаютъ разныя мерзости съ покупателями, требуютъ по сту рублей за экземпляръ и распускаютъ подъ рукою вѣсти, что втораго изданія не будетъ. — — Прежде хотѣлъ было вмѣстить нѣкоторыя прибавленія и перемѣны, но теперь не хочу: пусть все остается въ томъ видѣ, какъ было въ первомъ изданіи. — — Писалъ бы еще кое о чемъ, но въ силу вожу перомъ — весь расклеился. Передай душевный поклонъ мой достойной твоей супругѣ, о которой кое-что слышалъ отъ С***; Балабиннымъ, если увидишь, также мой душевный поклонъ. Получилъ пересланное тобою описаніе едлармоническаго быта въ большомъ свѣтѣ по поводу «Мертвыхъ Душъ». Двѣ страницы пробѣжалъ, правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мнѣ, наблюдательность и жизнь. Ради Бога, передай, что знаешь о Жуковскомъ, да и о себѣ также. Письма адресуй по прежнему на имя Шеврева.

«Твой весь

«Н. Гоголь.

«Правда ли, что князь В*** въ сильной хандрѣ?»

Гоголь проскучалъ въ Москвѣ все лѣто, тѣмъ болѣе, что всѣ его знакомые жили на дачахъ; наконецъ, получивъ извѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшился ѣхать къ ней на свадьбу. Вышло, однакожь, не такъ. Приближаясь къ Калугѣ, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ грусти, которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишали его власти надъ своими силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ, и молитва всегда укрѣпляла его. Такъ поступилъ онъ и теперь: заѣхавъ въ Оптину пустынь, онъ провелъ въ ней нѣсколько дней посреди смиренной братіи, и уже не поѣхалъ на свадьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ его былъ сдѣланъ О. М. Бодянскому, который не выѣзжалъ на дачу, и на вопросъ его, зачѣмъ онъ воротился, отвѣчалъ:

1 — Тамъ; мнѣ сдѣлалось какъ-то грустно.

И этия ограничивается все, что мы знаемъ о состояніи души поэта въ то время.

Наступила осень; съѣхались въ горады разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачъ. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ, что и въ прошломъ году. Онъ ужъ не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживало два-три семейства, въ которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ нему, каждый зналъ его привычки, его любимыя удовольствія и всѣ старался угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ или на вечеръ, онъ не имѣлъ надобности надѣвать ненастный для него фракъ (*) или совѣтоваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ вообще меньше, нежели въ Петербургѣ, соблюдаются уставы своенравнаго *сompagnie à la française*. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья и между прочимъ вареники, которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ рассказывалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ на родинѣ всякій разъ, какъ подавались на столъ вареники, непременно произносилъ къ нимъ слѣдующее воззваніе:

«Вареники-побидѣныки! сыромъ боку позаныханы, масломъ очи позалываны — вареники-побидѣныки! — — —»

Это обстоятельство между прочимъ показываетъ, до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же, какъ и въ родной Яновщинѣ, могъ распѣвать украинскія пѣсни своимъ, какъ онъ называлъ, «козлянымъ» голосомъ, могъ молчать сколько ему угодно, и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты, когда ему приходила охота читать свои произведенія (**), но и строгихъ критиковъ.

(*) Живя въ Петербургѣ, еще во времена «Миргорода» и «Ревизора», Гоголь былъ принятъ очень радушно въ одномъ домѣ, гдѣ къ обѣду непременно надобно было являться во фракѣ. Чтобы уклониться отъ соблюденія этой церемоніи, Гоголь подкальзывалъ булавками полы своего сюртука и являлся такимъ образомъ къ обѣду. Хозяева, до доброты своей, старались не замѣчать этой дикой выходки и прощали ее поэту.

(**) Гоголю не нравилось, когда его упрасивали читать его сочиненія въ то время, когда онъ не чувствовалъ къ тому охоты. Въ одномъ аристократическомъ домѣ хозяйка, не зная еще, какъ онъ упраситъ, за-

Приближаясь въ моемъ повѣствованіи къ концу многоскорбной жизни Гоголя, я, съ особеннымъ удовольствіемъ и съ чувствомъ благодарности за всѣхъ почитателей его таланта, останавливаюсь на его дружескихъ связяхъ съ такими домами, какъ домъ А—выхъ, домъ Х—хъ, домъ Э—хъ, домъ графовъ Т—хъ. Это были прохладные оазисы въ земномъ странствованіи нашего поэта, гдѣ онъ утолялъ сердечную жажду и завесался связями нравственными силами для дальнѣйшаго пути.

Въ это время онъ постоянно былъ занятъ во утрамъ охотательною отдѣлкою втораго, а можетъ быть и третьяго тома «Мертвыхъ Душъ», которые сдѣлалъ окончить, какъ бы предчувствуя близость своей смерти. Вотъ его послѣднее, коротенькое письмо къ П. А. Плетневу, выражающее слабость его силъ, которыя такъ были нужны для довершенія великаго его подвига. На этомъ письмѣ стоитъ печальная отмѣтка того, къ кому оно адресовано :

«24 февраля получено извѣстіе, что Н. В. скончался въ Москвѣ 21 февраля 1852.»

• Москва. Февра 30 (1851).

«Иванши, что не писалъ къ тебѣ. Вся собираюсь. Время такъ летитъ. Свѣжихъ минутъ такъ немного, такъ торопиться ими воспользоваться, такъ занять тѣмъ дѣломъ, которое бы хотѣлось скорѣй привести къ окончанію, что и двѣ строчки къ другу кажутся какъ бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печально соединеній, слава Богу, устроилось и здѣсь. Что же до печатальна подвѣдъ, то, впрочемъ, къ видѣ, кажется, все такъ же и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пойдутъ къ дѣлу.

«Что дѣлаешь ты? Иванши также хотѣ строчки двѣ е С—хъ. Я о ней ни слуху, ни духу.

«Твой вѣсъ.

«А Жуковскій — что и гдѣ? Я предъ нимъ тоже видювать : не писалъ, все ожидая приѣзда, а наконецъ не знаю даже и куда адресовать.»

ставила его прочитать что нибудь изъ «Мертвыхъ Душъ», несмотря на всѣ его отговорки. Чтوبъ помучить ее въ свою очередь, Гоголь развернулъ письмо на первой главѣ и проливалъ онѣмъ губернской гостиницы.

Я имѣю еще одинъ документъ, показывающій, чѣмъ дышала до конца жизни гѣжная и высокая натура Гоголя. Это — письмо его къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, писанное поотемъ изъ Москвы только за два мѣсяца до смерти, — именно отъ 22 декабря 1851 года. Помѣнюю адѣса его вполнѣ.

«Все собирался писать къ тебѣ, милая сестра Ольга, и все, за разными помѣхами, не удосужился. Не знаю, какъ благодарить за здоровье матушки Бога; вѣрно молитвы тѣхъ святыхъ людей, которыхъ мы просили за нее молиться, причиною; во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ ежеминутно благодарить Бога, благодарить его радостно, весело. Не быть радостнымъ, не ликовать духомъ — даже грѣхъ. Поэтому и ты не грусти, ничѣмъ не смущайся, не пребывай въ тоскѣ, не веселись безпрестанно въ безпрестанномъ выраженіи благодарности; вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной пѣсней благодаренія Богу. О, если бы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало для всякихъ другихъ рѣчей, кромѣ ликующихъ рѣчей вѣчной признательности Богу.

«Жаль мнѣ, что отецъ Григорій плохо прочелъ народу бесѣды *Сельскаго Священника*; не лучше ли бы прочелъ твой кумъ? Ты его заставь прочитать тебѣ самой прежде, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовная книга тебѣ самой становится понятнѣй, когда читаетъ ее принявшій рукоположеніе св. Духа. Прочитай сначала тебѣ, онъ въ другой разъ прочитаетъ лучше народу, какъ уже знакомое.

«За посадку деревъ тебя очень благодарю, за наливки также. Весной, если поможетъ Богъ управиться со всѣми здѣшними дѣлами, надѣюсь заглянуть къ вамъ и, можетъ быть, часть лѣта проведемъ вмѣстѣ. Какъ только сдѣлается потеплѣе, приплю тебѣ сѣмянъ для посѣва кое-какой огородины.

«За тѣмъ поздравляю тебя съ наступающимъ Новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы онъ и тебѣ и всѣмъ добрымъ людямъ былъ въ радость и ликование.

«Твоей вѣсь, теби любящій братъ

«Н. Гоголь.»

Въ это время онъ еще не думалъ о своей кончинѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которая надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ. За девять дней до Масленицы О. М. Бодяня

оний видѣлъ его еще полнымъ энергической дѣятельности. Онъ засталъ Гоголя за столомъ, который стоялъ почти посреди комнаты и за которымъ поэтъ обыкновенно работалъ сидя. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ разложены были бумаги и корректурные листы. Г. Бодянский, обладая прекрасною памятью, помнить отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Гоголемъ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь, Николай Васильевичъ? спросилъ онъ, замѣтивъ, что передъ Гоголемъ лежала чистая бумага и два очиненныя пера, изъ которыхъ одно было въ чернильницѣ.

— Да вотъ мараю все свое, отвѣчалъ Гоголь: — да просматриваю корректуру набѣло своихъ сочиненій, которыя издаю теперь вновь. (*)

— Все ли будетъ издано?

— Ну, нѣтъ; кое-что изъ своихъ юныхъ произведеній выпущу.

— Что же именно?

— Да «Вечера».

— Какъ! вскричалъ, вскочивъ со стула, гость. — Вы хотите посягнуть на одно изъ самыхъ свѣжихъ произведеній своихъ?

— Много въ немъ незрѣлаго, отвѣчалъ спокойно Гоголь. — Мнѣ бы хотѣлось дать публикѣ такое собраніе своихъ сочиненій, которымъ я былъ бы въ теперешнюю минуту больше всего доволенъ. А послѣ, пожалуй, кто захочетъ, можетъ изъ нихъ (т. е. «Вечеровъ на Хуторѣ») составить еще новый томикъ.

Г. Бодянский вооружился противъ поэта всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя, какъ лицо мертвое для русской литературы, и что публикѣ хотѣлось бы имѣть все то, что онъ написалъ, и притомъ въ порядкѣ хронологическомъ, изъ рукъ самого сочинителя.

Но Гоголь на всѣ убѣжденія отвѣчалъ:

— По смерти моей, какъ хотите, такъ и распоряжайтесь.

Слово *смерть* послужило переходомъ къ разговору о Жуковскомъ. Гоголь призадумался на нѣсколько минутъ и вдругъ сказалъ:

(*) Они печатались разомъ въ трехъ типографіяхъ.

— Право; случилося канъ посмотрѣть кругомъ на этотъ свѣтъ. Знаете ли вы? Жуковский пишетъ ко мнѣ, что онъ ослѣпъ?

— Какъ! воскликнулъ г. Бодянский: — слѣпой пишетъ къ вамъ, что онъ ослѣпъ?

— Да; пѣшцы ухитрились устроить ему какую-то штучку.... Семене! закричалъ Гоголь своему слугѣ по малороссійски: — ходы сюды.

Онъ велѣлъ спросить у графа Т***, въ квартирѣ котораго онъ жилъ, письмо Жуковского. На графа не было дома.

— Ну, да я вамъ послѣ письма привезу и покажу, потому что — знаете ли? — я распорядился безъ вашего вѣдома. Я въ слѣдующее воскресенье собираюсь угостить васъ двумя-тремя напѣвами нашей Малороссіи, которые очень мило Н. С. положила на ноты съ моего козлиного пѣнья; да при этомъ уьемся и прежними нашими пѣснями. Будете ли вы свободны вечеромъ?

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ гость.

— Какъ хотите, а я ужъ распорядился, а мы соберемся у О. О. часовъ въ семь; а впрочемъ, для большей вѣрности, вы не уходите; я самъ къ вамъ заѣду, и мы вмѣстѣ отправимся на Поварскую.

Г. Бодянский ждалъ его до семи часовъ вечера въ воскресенье, наконецъ, подумавъ, что Гоголь забылъ о своемъ обѣщаніи заѣхать къ нему, отправился на Поварскую одинъ; но никого не засталъ въ домѣ, гдѣ они условились быть, потому что въ это время умеръ одинъ общій другъ всѣхъ московскихъ пріятелей Гоголя — именно жена поэта Хомякова — и это печальное событіе разстроило послѣдній музыкальный вечеръ, о которомъ хлопоталъ онъ.

Г-жа Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя. Гоголь крестилъ у нея сына и любилъ ее, какъ одну изъ достойнѣйшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ жизни. Смерть ея, послѣдовавшая послѣ кратковременной болѣзни, сильно потрясла его. Она потрясла его не одною горестью, такую каждый изъ насъ чувствуетъ, лилась близкаго сердцу человѣка. Душа поэта, постоянно настроенная на высочайшій ладъ, постоянно обращенная чуткою своею стороною къ таинственному замогильному міру, исполнилась священнаго ужаса и сокрушительной скорби; заглянувъ въ дверь, кото-

рая расплакулась передъ нимъ на мгновѣніе и снова закрыла отъ него свои тайны. Эти чувства впиталъ онъ въ себя съ самымъ лѣгкостью, и они были еще съ того времени «мстѣшникомъ слезъ, никому не зримыхъ», но проявлялись въ немъ во всей сокрушительной своей силѣ только въ моменты глубокаго душевнаго страданія. Такимъ моментомъ была для него утрата тѣ-жи Хомяковой. Но онъ разсматривалъ это явленіе съ своей высшей точки зрѣнія и примирялся съ нимъ у гроба усопшей.

— Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти, произнесъ онъ, глядя на нее: — миръ не была бы такъ прекрасна, если бы не было смерти.

Но это высшее умственное созерцаніе не спасло его сердца отъ рокового погрѣшенія: онъ почувствовалъ, что болѣзнь тою самою болѣзью, отъ которой умеръ отецъ его, — именно, что на него «нашелъ страхъ смерти», и признался въ этомъ своему духовнику. Духовникъ успокоилъ его сколько могъ; но Гоголь во вторникъ на Мясницѣ явился къ нему, объявилъ, что говѣсть, и спрашивалъ, когда можетъ приобщиться. Назначенъ былъ для этого четвергъ. Пріятель Гоголя замѣтилъ, что онъ болѣе обыкновеннаго былъ блѣденъ и слабъ. Онъ и самъ говорилъ, что чувствуетъ себя худо, и что рѣшился поподѣться и поговорить.

— Зачѣмъ же на Мясницой? спрашивали его.

— Такъ случилось, отвѣчалъ онъ: — вѣдь и теперь церковъ читаетъ: «Господи, владыко живота моего», и исконы творятся.

Занятія корректурыю прекращены были имъ еще съ пошлѣнника на Мясницѣ. Онъ говорилъ, что ему «теперь некогда этимъ заниматься», — но продолжалъ посѣщать нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ и казался спокойнѣе прежняго, хотя видимо былъ ненуренъ какою-то усталостью. Друзья приглашали его постоу, и никто не видалъ, что онъ уже нѣсколько дней питается одною пресфорою, укладываясь, подлѣ рѣзачными предлогами, отъ употребленія божьей сытной пищи. Въ четвергъ онъ явился въ церковь съ Саввою Ославецкаго, въ отдаленной части города, еще до начатія заутраци, и исповѣдался у своего духовника; передъ принятіемъ святыхъ даровъ, у обѣдни, палъ ницъ и долго пладалъ. Въ движеніяхъ его замѣтна была чрезвычайная слабость; онъ едва держался на ногахъ. Несмотря на то, вечеромъ

онъ опять прѣѣхалъ къ тому же священнику и просилъ отслужить благодарственный молебенъ, утѣшая себя, что забылъ исполнить это поутру.

Во все время говѣнья и прежде того — можетъ быть, со дня смерти г-жи Хомяковой — онъ проводилъ большую часть ночей въ молитвѣ, безъ сна. Въ ночь съ пятницы на субботу, послѣ говѣнья, онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, и, стоя на коленяхъ передъ образомъ, услышалъ голоса, которые говорили ему, что онъ умретъ. Трепеща за спасеніе своей души, которую все еще не считалъ достаточно приготовленною къ переходу въ вѣчность, онъ тотчасъ разбудилъ своего слугу Семю и послалъ его за священникомъ, съ просьбой соборовать его насломя. Священникъ, посѣдивъ на его зовъ, нашолъ его, однакожь, ужь въ болѣе спокойномъ состояніи духа. Гоголь просилъ позволенія, что побезпокоилъ его, и отложилъ до другого дня совершеніе таинства.

Какъ ни ужасно было его положеніе, какъ ни глубоко была возмущена душа его видомъ смерти, шедшей къ нему на встрѣчу со всѣми своими загробными тайнами, но любовь къ ближнему оставалась въ немъ по прежнему могущественнымъ инстинктомъ. Въ субботу онъ посѣтилъ осиротѣлаго своего друга, г. Хомякова, и старался утѣшить его своимъ участіемъ. Этими оправдываются слѣдующія слова его «Завѣщанія» (стр. 8—9):

«... и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходился поближе со мной въ послѣднее время, никто изъ нихъ, въ минуты своей тоски и печали, не видалъ на мнѣ печальнаго вида, хотя и тѣньки были мои собственные минуты и тосковалъ я не меньше другихъ.»

Наконецъ не стало въ немъ больше силъ двигаться; онъ пересталъ выѣзжать и слегъ въ постель, но и тутъ еще поднимался съ одра болящимъ и ходилъ на молитву въ домовую церковь, гдѣ, по случаю говѣнья графа и графини Т***, совершалась божественная служба. Видя, что это его изуряетъ, они прекратили говѣнье. Гоголь не переставалъ молиться и готовиться къ смерти. Вѣруя слышаннымъ на молитвѣ голосамъ, онъ былъ совершенно убѣжденъ въ немзбѣжности близкой кончины. Тутъ въ немъ заговорилъ инстинктъ безсмертія, по влеченію котораго каждый изъ насъ старается оставить не себѣ воспоминаніе

хоть въ одномъ сердцѣ на землѣ, — истребить, выраженный прекрасно Жуковскимъ въ «Сельскомъ кладбищѣ» (1) и самимъ Гоголемъ въ разсказѣ о сожженіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» въ 1846 году. (2)

— Видя передъ собою смерть, говорилъ онъ: — мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что нибудь, обо мнѣ лучшее напоминающее.

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано вновь, навѣрное неизвѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своимъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи въ цензуру, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однакожь, почувствовать приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Т***, онъ просилъ его принять на сохраненіе его бумаги, а по смерти его отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, что напечатать и что оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что и другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ, и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя.

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ подступающей смерти, Гоголь подвелъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, показавшагося во всѣхъ своихъ преступленіяхъ и готоваго предать духъ свой въ руки Божіи. Душа его, какъ въ памятный 1845 годъ, «замерла отъ ужаса при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пылъ все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ шумляющихъ; весь умирающій составъ его застоналъ, почуявъ исполдискія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не проарѣвая и не слыша, какія страшнѣйшія отъ нихъ подымутся....» (3) Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ, и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ все, что не отъ истины. Изливъ свою душу предъ

(1) «Ахъ, вѣчная душа, природу покидая,

Надѣется друзьями оставить пламень свой.»

(2) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Другами», стр. 181.

(3) Тамъ же, стр. 11.

Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, онъ рѣшился снова исполнить подвигъ высокаго самоотверженія, за который уже однажды былъ награжденъ духовнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ созданнаго «въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ».

Важную роль играло здѣсь то обстоятельство, что онъ не смотрѣлъ на себя собственнo какъ на дѣятеля литературнаго. «Дѣло мое проще и ближе — говорилъ онъ — дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человекъ, не только одинъ я. Дѣло мое *душа и прочное дѣло жизни.*» (1) Онъ смотрѣлъ на себя просто какъ на существо, которому «повелѣно было быть въ мірѣ и освободиться отъ своихъ недостатковъ» (2); но это самоочищеніе постоянно соединялось въ немъ съ тѣмъ, что онъ на своемъ особенномъ языкѣ называлъ *прочнымъ дѣломъ жизни*. Соединеніе въ себѣ этихъ двухъ нераздѣльныхъ подвиговъ высокаго христіанина высказалъ онъ, переселяясь душою, незамѣтно для самого себя, въ другого поэта и указавъ въ немъ самому себѣ цѣль поэзіи, какъ онъ понималъ ее, и средства достигнуть этой цѣли.

«Страхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣни предъ Богомъ и проси у него гнѣва и любви! гнѣва — противу того, что губить человека, любви — къ бѣдной душѣ человека, которую губятъ со всѣхъ сторонъ, и которую губить онъ самъ. Найдешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ Пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе Богоизбраннаго своего народа.» (3)

Онъ, видно, не считалъ еще себя достигнувшимъ такого высокаго душевнаго совершенства, чтобы слова его были огнями, воспламеняющими добродѣтелью души и озаряющими «ясно какъ день пути и дороги къ ней для всякаго»; онъ не дерзнулъ помыслить передъ смертнымъ часомъ, чтобы его твореніе «уст-

(1) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 153.

(2) Тамъ же, стр. 150.

(3) Тамъ же, стр. 120.

решило общество или даже все поколѣніе къ прекрасному (*) , и опредѣлило — сдѣлать его тайной между собой и Тѣмъ , отъ Кого онъ получилъ первое поэтическое нѣніе.

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семена , надѣлъ теплый плащъ , взялъ свѣчу и велѣлъ Семену сѣднать за собой въ кабинетъ . Въ каждой комнатѣ , черезъ которую они проходили , Гоголь останавливался и крестился . Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и , отобравъ изъ портфеля нѣкоторыя бумаги , велѣлъ свернуть ихъ въ трубку , связать тесемкою и положить въ каминъ . Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь , чтобъ не жалѣть , когда выздоровѣетъ .

— Не твое дѣло , отвѣчалъ Гоголь и самъ зажегъ бумаги .

Обгорѣли углы тетрадей , и огонь сталъ потухать . Гоголь велѣлъ развязать тесемку и верочалъ бумаги , крестясь и тихо творя молитву , до тѣхъ поръ , пока онѣ превратились въ пепелъ .

Окончивъ свое auto da fe , онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло .

Мальчикъ плакалъ и говорилъ :

— Чтѣ это вы сдѣлали !

— Тебѣ жалъ меня (**)? сказалъ Гоголь , обнявъ его , поцаловалъ и самъ заплакалъ .

Потомъ онъ воротился въ спальню , крестясь по прежнему въ каждой комнатѣ , — легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе . Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста .

На другой день онъ объявилъ о томъ , чтѣ сдѣлалъ , графу съ раскаяніемъ ; жалѣлъ , что отъ него не приняты бумага , и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа .

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе , не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ , или допускалъ ихъ только на нѣсколько минутъ и потомъ просилъ удалиться , подъ предлогомъ , что ему дремлется , или что онъ не можетъ говорить . На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія , онъ отвѣчалъ , что они ему не помогутъ , и , уступивъ уже не задолго передъ

(*) « Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями » , стр. 153 .

(**) Эти самыя слова сказалъ раненый Пушкинъ своему слугѣ , когда тотъ несъ его на рукахъ .

кончивую настояніямъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ.

Такъ прошли первая недѣля поста и половина второй. Все свое время Гоголь проводилъ въ молитвѣ или въ молчаливомъ размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь, видно, долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія въ Евангелія, молитву Иисусу Христу и между прочимъ написалъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Какъ поступить, чтобы вѣчно, признательно и благодарно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?»

Относились ли они къ тому «необыкновенному событію», которымъ онъ былъ наведенъ на мысль передавать своимъ героямъ темныя побужденія своего сердца, или къ какому нибудь другому «душевному обстоятельству», это, можетъ быть, навсегда останется необъясненнымъ; но, оставляя въ сторонѣ частный смыслъ ихъ, нельзя не подивиться высокому свойству души поэта — до конца жизни сграть жаждою совершенства.

Доскажу въ немногихъ словахъ исторію виѣщней его жизни такъ, какъ она передана мнѣ очевидцами.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ. На это онъ согласился съ радостію и выслушалъ всѣ Евангелія, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружился признаки жестокой нервической горячки, а утромъ въ четвергъ 21 февраля его не стало.

Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24 февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами Университета и до самаго Данилова монастыря несенъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похороненъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ опредѣлено его почитателями вырѣзать слѣдующія слова пророка Іереміа (гл. 8, ст. 20): «Герцникъ мениъ словомъ посмѣюся.»

НИКОЛАЙ И.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Дворянскій протоколъ Гоголя.

1784 года, октября 19 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, Кіевскаго намѣстничества дворянское собраніе разсматривали доказательства, представленныя отъ полкового писаря Афанасія Гоголя Явовскаго, съ которыхъ усмотрѣно: 1) что прадѣдъ его Андрей Гоголь, будучи въ чинѣ полковничьемъ, жалованъ былъ привилегією Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира, въ 1674 году, на деревню Ольховецъ; 2) что онъ владѣеть жалованнымъ по универсалу бывшаго малороссійскаго гетмана и кавалера Разумовскаго дѣду жены его полковнику Танскому, вмѣсто жаловацной было Высочайшею грамотою блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ деревни Озерянь, въ деревнѣ Решоткахъ, Липлявомъ, Бубновѣ и Келебердѣ состоящемъ; 3) что онъ, за усердно и добropорядочно продолженную имъ чрезъ немалое время въ разныхъ мѣстахъ и должностяхъ службу, произведенъ прошлаго 1782 года, іюня 7 дня, полковымъ писаремъ, въ увѣреніе чего означенныя Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира на село Ольховецъ данную привилегію, на поданное въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, селѣ Келебердѣ и деревнѣ Решоткахъ универсалъ, и на тѣ имѣнія отъ тестя его, бунчужнаго товарища Семена Лизогуба, данную ему уступку, а въ подтвержденіе того, что точно онъ тѣми имѣніями владѣеть, выпись, изъ суда земскаго

чиринговскаго 1776 года выданную, также и на настоящій его полкового писаря чинъ ватентъ приложилъ. Въ Высочайшемъ же Ея Императорскаго Величества проектѣ о разборѣ дворянства въ 73 пунктѣ предписано въ первую часть родословной книги вносить роды дѣйствительнаго дворянства, кои отъ Ея Императорскаго Величества и другихъ королевскихъ главъ въ дворянское достоинство дипломомъ, гербомъ и печатью пожалованы; въ изъясненіи жъ, но дабы и тѣмъ родамъ оказать справедливость, кои доказательства имѣютъ на дѣйствительное дворянство до ста лѣтъ, повелѣно и такіе роды вносить въ сію часть. Для того разсудили поманутаго полкового писаря Яновскаго съ его дѣтьми внести въ родословную дворянскую кievскаго намѣстничества книгу, въ первую часть, и изготавить грамоту.

Подлинное подписали :

Губернскій предводитель Григорій Закревскій.
 Козелецкаго уѣзда депутатъ Иванъ Афондикъ.
 Пирятинскаго уѣзда депутатъ Григорій Савицкій.
 Миргородскаго уѣзда депутатъ Николай Зарудній.
 Голтванскаго уѣзда депутатъ Павелъ Остроградскій.
 Золотоношскаго уѣзда депутатъ Николай Мъсеневичь.
 Остерскаго уѣзда депутатъ Николай Соломка.
 Лубенскаго уѣзда депутатъ Илья Новицкой.
 Хорольскаго уѣзда депутатъ Андрей Кулябка.

II.

Классныя упражненія Гоголя.

1.

О томъ, что требуется отъ критики.

(Изъ теоріи словесности.)

Что требуется отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками, и часто обращается въ позорную брань — слѣдствіе необразованности, отсутствія истиннаго просвѣщенія. Первая главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе; но нужно, чтобы оно вѣрилось. Умомъ зerkимъ, истинно прѣвѣщеннымъ, могущимъ волюю отдѣлать прекрасное

отъ невзыщнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣмъ болѣе дать цѣны прекрасному, потому что просвѣщенный писатель не ищетъ безоглядной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы она была опредѣлена умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его нѣологъ, его твореніе. Она должна быть благопріе..., чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не вырвалось, уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ водила какая нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Слѣдственно, отсутствіе личности также необходимо для критики. Наконецъ несмѣдное — нужно, чтобы перо рецензента или критика правило жетинное желаніе добра и пользы. Оно должно одушевлять всё его изысканія и разборы, и быть всегда ея неизмѣннымъ водителемъ, какъ высочій, божескій характеръ души просвѣщеннаго мыслителя.

И. Гоголь-Яновскій.

Помѣтка профессора:

Изрядно. П. Николюской.

2.

Изложить законныя обряды апелляціи, какъ члѣнъ младшихъ инстанцій и въ Департаментъ Сената.

(Видъ русскаго права.)

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ нижнихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію высшую, въ гражданскую палату, въ томъ, что дѣло ихъ право, и резолюція нижнихъ инстанцій несправедлива. Это называется апелляціею. При внесеніи ея въ гражданскую палату, нужно внести и пошлинныхъ исковыхъ 12 рублей, послѣ чего гражданская палата требуетъ изъ нижней инстанціи все дѣло и рѣшаетъ сама. Но прежде еще внесенія апелляціи онъ долженъ внести въ нижнюю инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволенъ и рѣшеніемъ гражданской палаты, тогда имѣетъ право апеллировать въ сенатъ, внося въ гражданскую палату въ залогъ 200 рублей. Вместе съ апелляціею онъ представляетъ и свидѣтельство въ томъ, что апелляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для сего. Сенатъ, взявъ 12 пошлинныхъ, принявши апелляцію и свидѣтельство, судитъ въ собраніи сената единогласно; когда же нѣтъ, собираетъ чрезвычайное общее собраніе и рѣшается большинствомъ голосовъ, когда двѣ трети согласны. Но если генералъ-прокуроръ не согласенъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложенія причинъ, послѣ

чего онъ рѣшить уже самъ или обще съ государственными содѣ-
тмъ.

Гоголь-Яновскій.

Поѣтка профессора:

Хотя не обстоятельно, но понятія о предметѣ видны. Профес-
соръ Н. Бѣлевичъ.

III.

АТТЕСТАТЪ. (*)

Николай Гоголь Яновскій, коллежскаго ассесора Василія Аер-
насьевича сынъ, поступившій 1 мая 1821 г. въ Гимназію Высшихъ
Наукъ Князя Безбородко, окончалъ въ оной полный курсъ ученія
въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 г., при поведеніи очень хорошемъ, съ слѣ-
дующими въ наукахъ успѣхами: въ Законѣ Божіемъ съ очень хо-
рошими, въ нравственной философіи съ очень хорошими, въ ло-
гикѣ съ очень хорошими, въ російской словесности съ очень хоро-
шими, въ правахъ римскомъ: съ очень хорошими, въ російскомъ

(*) Редакція «Современника» получила этотъ документъ отъ г. Р-го при
слѣдующемъ письмѣ: «Въ февральской книжкѣ «Современника» настоящаго года
опубликована статья: «Опытъ біографіи И. В. Гоголя». Въ статьѣ этой (стр. 56)
«авторъ говоритъ: «Особенно на любилъ онъ (Гоголь) математику. Въ юности
онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переезда въ Петербургъ, едва ли
смогъ понимать безъ пособия словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмецко-
скому и англійскому языкамъ онъ питалъ и впоследствии какое-то отвращеніе.»

«Въ томъ, что онъ не любилъ математику, нѣтъ сомнѣнія: доказательствомъ
этому служить отрывокъ въ аттестатѣ его: «съ средственными успѣхами, и че-
ловѣчной оцѣнки, къ чести Гоголя, въ друидѣхъ нѣтъ. Но что касается
до языковъ французскаго и нѣмецкаго, то трудно согласовать слова автора на-
стоящей статьи съ аттестатомъ; ибо во французскомъ языкѣ онъ оказалъ ус-
пѣхи «очень хорошіе», и, слѣдовательно, долженъ былъ знать этотъ языкъ такъ,
что могъ читать книгу безъ словаря, ибо, въ противномъ случаѣ, профессоръ
сказалъ бы успѣхи его средственными, какъ, напримѣръ, въ математикѣ. Въ
нѣмецкомъ же языкѣ успѣхи его были «превосходные», и для того, чтобы по-
случить подобную отрывку, нельзя было нѣтъ отвращенія къ этому языку. Тамъ
труднѣе согласиться съ авторомъ статьи, что вообще учителя, а тѣмъ болѣе
«профессоры, языка нѣмецкаго ставили и ставятъ въ упоръ незнаніе его, на
стоишь основаніи, что, какъ говорятъ они, безъ этого языка человѣкъ образован-
нннмъ быть не можетъ, а употребляетъ слова «превосходные», профессоръ Шигеръ,
кто вѣ�чному, воздѣтъ должное, потому что слово это встрѣчается въ аттестатѣ
«Гоголя только два раза.

«Быть можетъ, г. авторъ не нѣветъ въ виду аттестата Гоголя: въ такомъ
случаѣ я считаю долгомъ сообщить редакціи копію съ копіи оваго (находящейся
въ Сенатской Архивѣ).

«Г. Р — 18.»

гражданскомъ съ очень хорошими, въ уголовномъ съ очень хорошими, въ государственномъ хозяйствѣ съ очень хорошими, въ чистой математикѣ съ средственными, въ физикѣ и началахъ химіи съ хорошими, въ естественной исторіи съ превосходными, въ технологіи, въ военныхъ наукахъ съ очень хорошими, въ географіи всеобщей и россійской съ хорошими, въ исторіи всеобщей съ очень хорошими, въ языкахъ: латинскомъ съ хорошими, въ немецкомъ съ превосходными, французскомъ съ очень хорошими, въ греческомъ (*), и по окончательномъ испытаніи конференціею Гимназіи, на основаніи устава ея, въ 19 день февраля 1845 г. Высочайше утвержденнаго, удостоенъ званія студента и г. министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ силу того же устава, утвержденъ въ правѣ на чинъ 14 класса, при вступленіи въ гражданскую службу, съ освобожденіемъ его отъ испытанія для прозводства въ высшіе чины, и при вступленіи въ военную службу, чрезъ шесть мѣсяцевъ, въ нижнихъ званіяхъ, на чинъ офицера, хотя бы въ полку, въ которомъ принять будетъ, на тотъ разъ и вакансіи не было. Въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему, Гоголь-Яновскому, сей аттестатъ отъ конференціи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Нѣжинъ 1820 г. Января 25 дня. Подлинный подписали: Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко директоръ Данило Яновскій, законоучитель нѣжинскій протоіерей Павелъ Вольнскій, старшій профессоръ юридическихъ наукъ Михаилъ Вѣлевичъ, старшій профессоръ предметовъ россійской словесности надворный совѣтникъ Парфентій Никольской, физико-математическихъ наукъ старшій профессоръ надворный совѣтникъ и кавалеръ Карлъ Шпалажнскій, историческихъ наукъ старшій профессоръ и кавалеръ Кирилъ Монсеевъ, французской словесности профессоръ Ландражинъ, немецкой словесности профессоръ Фридрихъ Зингеръ.

(*) Нѣтъ отысканіи.

СВѢДѢНІЯ

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

Пластическій видъ Балканскаго полуострова и въ особенности сѣверо-западной его части весьма мало извѣстенъ. По недостатку точныхъ измѣреній, которыя одни только могутъ опредѣлить направленіе горныхъ хребтовъ, сравнительная географія еще не разобрала всего этого смѣшенія разнovidныхъ плоскихъ возвышенностей, то спускающихся террасами къ берегамъ моря, какъ, напримеръ, плоская возвышенность Македоніи, — то замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ горными цѣпами и представляющихъ, подобно Герцоговинѣ, котловидныя углубленія, изъ которыхъ рѣки и озера не имѣютъ истока, — то разбѣгающихся на множество отдѣльныхъ группъ, даже совершенно отдѣльныхъ пиковъ, которые придаютъ такое разнообразіе и прелесть природѣ Эпира. Но ближе будетъ къ истинѣ, если мы представимъ себѣ всю Забалканскую Турцію массивнымъ поднятіемъ земли, подходящимъ почти вездѣ къ самому берегу моря и раздробленнымъ на множество кусковъ, мельчающихъ

по направленію къ югу. Доказательствомъ этому можетъ служить отсутствіе замѣчательныхъ рѣкъ на Забалканскомъ полуостровѣ: исключая одной Морицы, всѣ другія рѣки могутъ быть названы береговыми потоками. Горы и плоскія возвышенности подхлѣаютъ вездѣ къ самымъ берегамъ, то обрываясь въ море скалами, то открывая глубокія и прекрасныя долины, въ которыхъ любятъ теряться взоръ морехода. Этимъ Балканскій полуостровъ напоминаетъ Аравію, гдѣ общее плоскостное возвышеніе сдѣлало невозможнымъ развитіе рѣкъ. Но тогда какъ въ Аравіи эта масса остается неразбитою, сплошною, кое-гдѣ прорывающеюся оазисами, въ Греціи она распадается на тысячи кусковъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ незначительной величины отдѣльныхъ горъ, и такимъ образомъ происходитъ здѣсь, такъ же, какъ и въ Малой Азій, самая развитая форма земной поверхности: преобразованная, индивидуализированная плоская возвышенность. Природа Ирана, природа Аравіи, природа Малой Азій и природа Балканскаго полуострова представляютъ одинъ могучій типъ.

Центромъ всѣхъ этихъ раздробленныхъ плоскихъ возвышенностей Мальтебрюнъ принимаетъ высокую Македонію, — плоскую возвышенность, приподнятую отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Съ сѣверо-западной стороны ее обходитъ цѣпь Шаръ-Дага; на юго-востокъ она опускается прекрасными террасами и долинами къ Солоникскому заливу, такъ что мы едва ли ошибемся, если примемъ цѣпь Шаръ-Дага (древній Скардусъ), въ которомъ, по показанію нѣкоторыхъ путешественниковъ, видны даже двѣ вершины, увѣнчанныя нетающими снѣгами, за самое высокое мѣсто Балканскаго полуострова и за точку, съ которой мы начнемъ, слѣдя за водораздѣлами и горными хребтами, разбивать всю эту возвышенную массу на отдѣльныя области.

Прямо на востокъ отъ Аргентарскихъ Альпъ, или Шаръ-Дага, отдѣляя Булгарію на сѣверѣ отъ Фракіи на югѣ, идетъ самая замѣчательная, самая длинная и самая правильная и рѣзко очерченная горная цѣпь полуострова: это — Гемусъ, Эмине-Дагъ, или Балканъ. Балканъ составляетъ самую рѣзкую черту всего полуострова и разбиваетъ по крайней мѣрѣ восточную или большую его половину, ту, которая съ одной стороны ограничена бассейномъ Дуная, и съ другой — Эгейскимъ моремъ, на двѣ характеристическія половины. Но Балканъ не столько раздѣляетъ самъ, сколько служитъ мѣсто раздѣленія, образуемаго переломомъ всей массы Восточной Турціи, проходя по гребню этого перелома. На сѣверъ вся эта масса земля понижается медленно къ бассейну Дуная холмистою странюю Булгаріи, пастушескою и земледѣльческою, но открытою суровому ды-

ханію сѣверныхъ вѣтровъ. Далѣе къ сѣверу эта страна незамѣтно переходитъ въ каменистыя степи Добруши и въ равнину Валахіи.

На югъ за Балканомъ страна понижается быстро высокими и отрывистыми массами, и нѣсколько отпрысковъ Балкана, бѣгущихъ къ Константинополю и Дарданельскому проливу, разбиваютъ весь этотъ южный склонъ восточной Турціи на нѣсколько роскошныхъ долинъ, закрытыхъ съ сѣвера и востока и открытыхъ только съ юга благодѣтельному вліянію мало-азіатскихъ и эгейскихъ вѣтровъ. Деспото-Дагъ, или Родосъ, отдѣляясь отъ Балкана въ томъ мѣстѣ, гдѣ Балканъ соприкасается съ плоскою возвышенностію высокою Македонію, идетъ къ юго-западу, образуя высокую, зеленую, плодородную долину Морицы, какъ бы приподнятую съ обѣихъ сторонъ горами. Замѣтимъ, между прочимъ, что такія замкнутыя и приподнятыя горами долины составляютъ характеристику Балканскаго полуострова и Малой Азіи. Это не долины въ собственномъ смыслѣ, но куски плоской возвышенности, обнесенныя горами: они дѣлаютъ возможнымъ совмѣстное существованіе столькихъ отдѣльныхъ народностей, съ которыми знакомить насъ исторія Малой Азіи и Греціи.

Балканскія горы, неприступныя и дикія съ западной стороны, достигаютъ до самаго берега Чернаго моря, еще удерживая высоту трехъ тысячъ футовъ; но путешественникъ, ѣдущій изъ Константинополя въ Шумлу, нигдѣ не встрѣтитъ полосы вѣчнаго снѣга, — и это можетъ также служить доказательствомъ, что Балканъ нигдѣ не превышаетъ осьми или осьми съ половиною тысячъ футовъ. И если Балканъ служитъ такимъ рѣзкимъ раздѣленіемъ сѣверной и южной природы полуострова, это потому только, что онъ идетъ на гребнѣ перелома всей приподнятой массы земли, на которомъ онъ строитъ свои обрывистыя, фантастическія вершины. Какъ бы то ни было, но Балканъ служитъ сѣвornoю границею мало-азіатской природы и южною границею природы при-черноморскихъ степей, съ которыми Бугарія, Валахіа и Молдавіа связываются въ одинъ природный типъ. Изъ одной изъ этихъ областей въ другую, черезъ цѣпь Балкана ведутъ немногіе проходы. Главные изъ этихъ проходовъ: при Шумлѣ и Софіи. Проходъ при Шумлѣ извѣстенъ русскимъ. Проходъ, ведущій изъ Софіи въ Филиппополь, знаменитыя *Троіанскія ворота*, представляетъ медленный склонъ съ сѣвера и крутой, обрывистый спускъ на югъ, и узкое ущелье, которое доступнѣе съ сѣвера, нежели съ юга.

Балканъ играетъ здѣсь ту же роль, какую, въ миниатюрныхъ размѣрахъ, исполняютъ у насъ въ Крыму горы южнаго берега. Террасы и долины Оракіи — это террасы и долины

южного берега, только въ большихъ размѣрахъ и еще съ большимъ малоазіатскимъ характеромъ. Вершины этихъ террасъ увѣнчаны роскошными лѣсами, поражающими путника своимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ. Онѣ напоминаютъ нѣсколько лѣса Италіи и Сициліи, только съ тою разницею, что во Фракіи (*) сѣверныя деревья идутъ гораздо южнѣе, чѣмъ на склонахъ Аппенинъ. Простая сосна, обыкновенный дубъ, кленъ, каштанъ перемежаны здѣсь съ кедромъ, сикоморомъ, рожковыми деревьями и пышными восточными платанами: на сѣверъ же за Балканъ не переходятъ ни платанъ, ни сикоморъ, ни рожковое дерево. Вотъ почему Балканъ долгое время служилъ сѣвѣрною границею историческаго міра, дѣятельность котораго, касаясь еще Фракіи, не проникала уже далѣе. Фракія, по природѣ своей, продолженіе Малой Азіи, отдѣленное отъ нея только узкимъ проливомъ: вотъ почему, можетъ быть, эта несчастная страна служила и персамъ и туркамъ мостомъ въ Европу.

Балканъ есть не только единственная, рѣзко проведенная и вполнѣ выдержанная горная цѣпь полуострова, параллельная экватору, но и вообще можетъ быть названа единственною горною цѣпью Европейской Турціи. Во всѣхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного Деспото-Дага, наполняющихъ своими прихотливими извилищами всю середину и весь сѣверо-западный уголъ полуострова, мы видимъ борьбу двухъ основныхъ горныхъ направленій: параллельнаго и меридіональнаго, изъ которыхъ послѣднее преобладаетъ. Эта борьба, разорвавшая одно плоское возвышеніе на множество отдѣльныхъ группъ и значительныя горныя цѣпи на небольшіе отрывки, была, можетъ быть, причиною имперальнаго богатства Босніи, которымъ до сихъ поръ не умѣло воспользоваться турецкое правительство.

— Но если въ Европейской Турціи нѣтъ болѣе такихъ рѣзкихъ чертъ, какъ Балканъ, то, тѣмъ не менѣе, можно указать нѣсколько горныхъ цѣпей и водораздѣловъ, намѣчающихъ дальнѣйшее дѣленіе полуострова на природныя области.

Небольшія цѣпи горъ идутъ прямо къ сѣверу отъ высокой Македоніи, или, лучше, отъ того горнаго узла, которымъ связываются Аргентарскіе Альпы и Балканъ; достигая берега Дуная у Орсовы, онѣ встрѣчаются тамъ съ послѣдними скалами Трансильванскихъ горъ и вмѣстѣ съ ними сжимають русло Дуная. Эти горныя хребты, разорванные и перемежанные двумя противоположными напра-

(*) Которая въ географіяхъ несправедливо называется Румеліей, потому что Румелійскій турки назвали всю Грецію, страну Рима, въ противоположность Малой Азіи.

вліяніями, идутъ почти что по самой восточной границѣ Сербіи и если не отдѣляютъ ея отъ Валахіи, то по крайней мѣрѣ служатъ началомъ той запутанной гористой мѣстности, которая составляетъ характеристику Сербіи и Босніи, противопоставляя ихъ холмистой Валахской равнинѣ, закрытой съ сѣвера Трансильванскими горами, но открытый къ востоку.

Другою чертою, намѣчающею раздѣленіе полуострова, могутъ служить Динарскіе Альпы, или, лучше сказать, водораздѣлъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Дуная, отъ рѣкъ, текущихъ въ Адриатическое море. Узкая прибрежная полоса, лежащая къ западу отъ этого водораздѣла и составляющая Албанію и Далмацію, отдѣляетъ къ западу климатъ Италіи, къ которому здѣсь примѣшиваются, однакожь, особенная сухость и сѣверные холодные вѣтры, врывающіеся иногда въ эту область. Страны на востокъ отъ этого водораздѣла представляютъ постепенный склонъ къ долинамъ Савы и Дуная, — склонъ, который чѣмъ южнѣе, тѣмъ гористѣе, открытый вліянію вѣтровъ, дующихъ въ Австрію. Боснія и Сербія составляютъ такимъ образомъ одну особенную область полуострова, принадлежащую бассейну Дуная. Растительность также носитъ на себѣ слѣды этого раздѣленія, и тогда какъ албано-далматская флора имѣетъ сходство съ флорой Италіи, флора Босно-Сербіи имѣетъ сходство съ флорой Венгріи и Трансильваніи. Оливное дерево, попадающееся въ приморскихъ долинахъ Далмаціи и Албаніи, не переходитъ уже за этотъ водораздѣлъ въ Боснію и Сербію, гдѣ роскошные виноградники составляютъ характеристическую черту.

На югъ отъ Аргентарскихъ горъ идетъ цѣпь Пинда, отдѣляя страны, прилежащія къ Адриатическому морю отъ странъ, принадлежащихъ къ бассейну Эгейскаго моря, — Македонію, Фессалію отъ Албаніи и Эпира. Впрочемъ, Пиндъ также скорѣе можетъ быть названъ разорванною плоскою возвышенностію, куски которой означены небольшими горными цѣпями, разбросанными во всѣхъ направленіяхъ. Въ южномъ Эпирѣ эта плоская возвышенность представляется уже отдѣльными куполовидными горами, верхушки которыхъ убраны роскошными рощами и когда-то цвѣтущими, а теперь полу-разрушенными, православными монастырями. Афонская гора представляется одною изъ такихъ отдѣльныхъ, ни съ чѣмъ прямо не связанныхъ возвышеній, брошенныхъ на берегъ моря. Такимъ образомъ, признавая Эпиръ, или Нижнюю Албанію совершенно особенною областію, которая и по природѣ и по исторіи составляютъ неотъемлемую часть области классической Греціи, мы найдемъ, что природа раздѣлила Балканскій полуостровъ на шесть характеристическихъ типовъ, связывающихся въ центрѣ седьмымъ, имѣющимъ свои замѣчатель-

ныя особенности. Эта седьмая область по преимуществу гористая область Герцоговины, Черногоріи и Высокой Албаніи. Здѣсь одни только самыя точныя и подробныя измѣренія могли бы разобрать всю страшную путаницу горныхъ узловъ, внутреннихъ, со всѣхъ сторонъ замкнутыхъ долинъ, каменистыхъ котловинъ, убранныхъ только по окраинамъ роскошною растительностію, мелкихъ горныхъ цѣпей, перепутанныхъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Въ этой-то области, сердце которой составляетъ Черногорію, жили всегда свободныя и воинственныя племена.

ГЛАВА II.

КЛИМАТЪ И ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ. — ЕЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. — ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И СКОТОВОДСТВО.

При такомъ разнообразіи пластическаго вида, климатъ полуострова долженъ быть также разнообразенъ и индивидуализированъ. Слова Гипократа о Греціи, которыя приводитъ Мальтебрювъ (*), что часто «пространство въ одну стадею отдѣляетъ царство зимы отъ царства лѣта», могутъ быть отнесены вообще ко всей Забалканской Турціи. Чѣмъ выше, по приближеніи къ Гемусу и Высокой Македоніи, подымается почва, тѣмъ климатъ становится холоднѣе, такъ что и въ настоящее время, какъ и во время классической древности, сѣверная половина Фракіи и Македоніи является въ отношеніи береговъ Аттики жилищемъ Борея. Но зато въ этихъ горныхъ и все еще слишкомъ теплыхъ странахъ жили и живутъ до сихъ поръ сильныя племена горцевъ, которые одни только были въ силахъ противостоятъ туркамъ.

Греція, поставленная между двумя морями, не испытываетъ никогда общей засухи; но, прислоненная къ большой массѣ континента и приподнятая высоко надъ уровнемъ моря, она выноситъ болѣе рѣзкіе холода, нежели Италия и Испанія.

Балканскій полуостровъ, между двумя морями и двумя частями свѣта, подвергается вліянію самыхъ разнообразныхъ вѣтровъ; но это разнообразіе до такой степени сохраняетъ вѣчно однѣ и тѣ же формы, что, сравнивая описаніе Аристотеля съ описаніемъ новѣйшихъ путешественниковъ, мы видимъ, что и за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ жители Аттики точно такъ же, какъ и современныя

(*) Précis de la Géographie Universelle. T. VI. Paris. 1826 г. Par Maltebrun.

туристы удивлялись необыкновенной правильности, съ которою известный вѣтеръ, въ известномъ мѣстѣ, появляется всегда въ одно и то же время года и даже въ одни и тѣ же дни.

Тогда какъ воды Дуная каждый годъ оковываются льдомъ, вѣчная весна царствуетъ на берегахъ Атіи. Вотъ какъ описываетъ эту весну Софокль, свидѣтельство котораго Мальтебрюнъ не задумался внести въ свою географію :

«Соловей оглашаетъ нѣжными звуками эти зеленныя долины, гдѣ никогда не испытываютъ суровости зимы; вѣтеръ не даетъ здѣсь чувствовать своего шумнаго дыханія, и палящія лучи солнца перехватываются деревьями, отягченными плодами, съ густою листвою, веревитою виноградными гроздьями и плющемъ. Бахусъ и его прекрасныя жрицы поселились здѣсь навсегда. Нарцизъ во всякое время года выставляетъ здѣсь подлѣ золотаго шафрана свою душистую чашечку. Эти цвѣты служили вѣнцами безсмертнымъ. Хоръ музъ часто вмѣшивается въ блестящій кортежъ Венеры на очарованныхъ берегахъ Цефея, который, раздѣляясь на тысячи каналовъ, змѣится по тучнымъ пастбищамъ и по полямъ, имъ оплодотвореннымъ.»

Но мы уже сказали, какую рѣзкую границу и въ климатѣ составляетъ Балканъ; а здѣсь можемъ только прибавить, что на Дунаѣ яблоки, груша, сливы, вишни, абрикосы вѣчаютъ холмы; въ Валахіи они составляютъ цѣлые лѣса. Эти же самыя деревья переходятъ за цѣпь Балкана и покрываютъ во многихъ мѣстахъ высоты Фракіи и Македоніи; но оливковыя и апельсиныя деревья къ сѣверу за сороковымъ градусомъ появляются только на берегахъ моря, вдали отъ горъ и ихъ снѣговъ; но за сороковымъ градусомъ въ долинахъ Фессаліи и Эпіра яблоки и груши исчезаютъ: главнымъ деревомъ является оливковое, цѣлые лѣса котораго, перемежаемые съ лавромъ и широколиственною миртою, украшаютъ берега Атіи и Крита. Оливки сопровождаются лимонами, апельсинами, фигами, фисташками, мастиковыми деревьями, чернымъ шелковичникомъ и гранатами. Изъ кустарниковъ особенно поражаютъ своею прелестью розовый лавръ и кипарисы: одни обозначаютъ теченіе источниковъ, другіе группируются на скалахъ; лавро-вишневые кустарники повсюду. Горы Вабалкаской Греціи по преимуществу известняковыя, а потому и способныя для всѣхъ растений, любящихъ известковую почву. Но замѣтимъ себѣ — говоритъ Мальтебрюнъ — что виноградная лоза даетъ совершенно разныя произведенія на берегахъ Дуная и на берегахъ Архипелага. Виноградъ Греціи содержитъ болѣе сахаристыхъ началъ и легко превращается въ сладкія вина, виноградъ Валахіи имѣетъ болѣе воды и болѣе кислотъ, тогда какъ

виноградники Сербіи и Герцоговины, защищенные горами отъ вліянія жара и холода, даютъ грозды полныя благороднаго сока, способные превратиться въ сильное и пріятное вино. Если бы жители Европейской Турціи могли свободно заниматься винодѣліемъ, то страна ихъ могла бы соединить на своей почвѣ все, что только произвоятъ виноградники цѣлаго міра; но турецкое владычество, какъ прекрасно замѣчаетъ одинъ англійскій туристъ, «не положило основанія ни одной деревнѣ, не обработало ни одного акра земли и едва ли посадило хотя одно дерево.» (*)

Вина въ Молдавіи ежегодно выдавливаются около 200,000 ведеръ. На нѣкоторыхъ островахъ достигаются дорогіе сорта. Благоприятность климата и неистощимая сила почвы замѣняютъ, сколько могутъ, недостатокъ правильнаго винодѣлія въ Турціи. При заботливости со стороны правительства, вино въ Турціи, и въ особенности красное, превзошло бы качествомъ венгерское. Само собою разумѣется, что винодѣліемъ занимаются только христіане. Въ южной Турціи, по преимуществу, высушивается изюмъ и приготовляются сиропы.

Въ окрестностяхъ Константинополя растенія сѣвера и юга смѣшиваются на берегахъ Босфора: здѣсь дубъ, липа растутъ дружно съ кипарисомъ, миртомъ и восточнымъ платаномъ. Но флору сѣверныхъ и южныхъ растеній Европейской Турціи должно бы собственно изучать въ глубинѣ Фракіи и Македоніи, куда еще рѣдко проникаетъ ботаникъ.

Изъ хлѣбныхъ растеній, пшеница, рожь и проч. обрабатываются въ Валахіи, Молдавіи и Сербіи и нѣкоторыхъ частяхъ Болгаріи; рисъ — преимущественно въ той замкнутой долинѣ между Балканомъ и Деспото-Дагомъ, изъ которой пробиваетъ себѣ исходъ одна Морща; мансъ еще далѣе — въ Македоніи и въ Фессаліи; пенька и ленъ — въ сѣверныхъ провинціяхъ, шафранъ и перецъ — въ южныхъ; картофель вообще презирается; оливки — въ особенности въ Фессаліи, въ южной Албаніи, отчасти въ Македоніи и на островахъ. Хлопчатая бумага обрабатывается въ Македоніи и Кандіи въ такомъ количествѣ, что каждый годъ еще вывозится; табакъ — особенно въ Македоніи, въ окрестностяхъ Фессалоникки. Красильныя вещества вездѣ могли бы быть обработаны. Цвѣты и въ особенности розы роскошны. Въ сѣверныхъ и западныхъ провинціяхъ лѣсовъ много, но только тамъ, гдѣ они были недоступны, потому что турецкое хозяйство не щадитъ ихъ совершенно. Но земледѣліе вообще весьма плохо. Если вывозится нѣсколько хлѣба, то только

(*) Слова, которыя г. Бѣль замечаетъ у незнакомца изъ англійскаго туриста. Turkey, Truth unfolded. Malta.

изъ дунайскихъ провинцій, что со времени Адрианопольскаго мира и со времени учрежденія постоянного пароходства по Дунаю. Вообще земледѣліе находится въ жалкомъ состояніи не только въ Кандіи, Албаніи и Босніи, но даже и во Фракіи, въ самыхъ окрестностяхъ Константинополя. Въ Константинополѣ, во истребленіи янычаръ, тайные приверженцы ихъ, которыхъ много между старыми турками, приписывали этому истребленію то, что послѣ него цѣны на жизненные припасы учетверились: это, по ихъ словамъ, была явная месть пророка за уничтоженіе лучшихъ его защитниковъ. Но причина этого возвышенія цѣнъ была совсѣмъ другая, а именно та, что съ 1829 года Молдавія, Валахія и Египеть, эти прежніе большіе запасные магазины Константинополя, были для него замкнуты; а прежде они *должны были* половину произведеній своихъ полей везти въ столицу и продавать ихъ тамъ по произвольно назначеннымъ отъ правительства цѣнамъ, а иногда оставлять и вовсе безъ всякой платы. Въ тѣхъ же земляхъ, гдѣ турецкое правительство распоряжается непосредственно, тамъ никто и не хочетъ заниматься земледѣліемъ въ большихъ размѣрахъ, потому что правительство производитъ свои покупки по цѣнамъ, отъ него самого назначаемымъ. То же случается и съ другими продуктами. Эти произвольно назначаемыя цѣны составляютъ для населенія Турціи такое же зло, какъ пожаръ и чума вмѣстѣ: онѣ не только разрушаютъ благосостояніе народа, но и забрасываютъ самые источники, изъ которыхъ течетъ это благосостояніе. (*) Но въ странахъ, подчиненныхъ турецкому правительству, есть еще и другая, болѣе важная причина, дѣлающая невозможнымъ развитіе земледѣлія: это почти совершенное отсутствіе права собственности на землю. Вотъ что говорятъ объ этомъ сами защитники турецкой цивилизаціи:

«Нѣтъ ни одного факта — говорить «Эдинбургское Обзорѣніе» (**) — который бы бросалъ столько свѣта на общественное положеніе народа данной страны, какъ формы обладанія землею, принятыя въ этой странѣ, и мы сожалѣемъ, что этотъ предметъ не вполне объясненъ писателями и путешественниками, занимавшимися современнымъ изложеніемъ Оттоманской имперіи. Если мы не ошибаемся, то факты, относящіеся къ этому предмету, одни объяснили бы тѣ странныя причины, которыми прекраснѣйшія страны цѣлаго міра доведены до безплодія (to barren-esse), а правительство, управляющее этой чудной страной — до банкротства, причины,

(*) Die Türkei in der Gegenwart, Zukunft und Vergangenheit. Von Ungewitter. Erlangen. 1854. S 31, 32 и т. д.

(**) The Edinburg Review. 1854. January. The Ottoman Empire.

заставившія это правительство прибѣгать къ ростовщикамъ и выпрашивать милостыни у иностранцевъ и создавшія такое общество, въ которомъ все приносится въ жертву господствующему классу и исключительной вѣрѣ, *хотя въ томъ классѣ и между исповѣдующими эту вѣру едва ли можно найти одного человѣка богатаго или даже съ независимымъ состояніемъ.*» (Совершенно британская точка зрѣнія.) «Земледѣліе и теперь находится въ томъ состояніи, въ которомъ оно находилось тысячи лѣтъ тому назадъ», говоритъ неосновательно одинъ изъ разбираемыхъ нами писателей. *Тысячу лѣтъ тому назадъ*, напротивъ, эти страны прокармливали громадѣйшее народонаселеніе, тогда какъ въ настоящее время раскиданныя турецкія деревушки выносятъ всѣ ужасы періодически появляющихся голодныхъ годовъ; тысячу лѣтъ тому назадъ пышное царство мидянъ получало свое сокровище изъ той земли, которая въ настоящее время не можетъ содержать обнищавшаго правительства султана. Народонаселеніе и такъ слишкомъ скудно, чтобы обрабатывать почву, а между тѣмъ все мужское народонаселеніе, исповѣдывающее исламизмъ, исключительно назначается для военной службы. Мусульманское народонаселеніе все обязано поступать въ армию, а изъ сотни поступающихъ туда по крайней мѣрѣ тридцать пять никогда не возвращаются домой. Земледѣльцы не имѣютъ капитала и принуждены занимать деньги подъ залогъ жатвы, еще стоящей на корнѣ, что лишаетъ ихъ половины ея стоимости. Попытка, сдѣланная въ послѣдніе годы правительствомъ, уменьшить въ земледѣльческихъ округахъ проценты до восьми на сто — совершенно не удалась, и послѣдовавшее за этой попыткой исчезновеніе ходячей монеты только увеличило зло. Совершенный недостатокъ дорогъ ставитъ неодолимую преграду перевозкѣ произведеній земледѣлія, и хотя турокъ продолжаетъ перевозить на спинѣ осла и верблюда все, начиная отъ известки до строевого лѣса, по страна, въ которой неизвѣстно еще до сихъ поръ употребленіе колесъ, неизвѣстно даже употребленіе простой тачки, не имѣетъ первыхъ условій сельской промышленности. Но самый замѣчательный фактъ поземельной собственности Турціи — это тотъ, что не менѣе двухъ третей, а по другимъ писателямъ — даже три четверти всѣхъ земель Имперіи находится въ *вакуфахъ* и принадлежитъ мечетямъ или другимъ духовнымъ установленіямъ или для ихъ собственного употребленія, или *по довѣренности настоящихъ владѣльцевъ*. Эта послѣдняя собственность не подлежитъ ни податямъ, ни конфискаціямъ: это роль вѣчнаго залога, отдаваемого частными лицами мечетямъ, съ сохраненіемъ правъ пользованія собою и наследникамъ: по пресѣченіи же мужской линіи такая земля дѣлается настоящимъ *вакуфомъ*.

«Недвижимое имущество — говоритъ докторъ Михельсонъ — которое не принадлежитъ этимъ духовнымъ учрежденіямъ и собственникомъ котораго является государство, а временными владѣльцами — частныя лица, называется *Мюльк* (Mulk). Поземельная собственность (земля, домъ, рудники) можетъ въ Турціи принадлежать только турецкимъ подданнымъ. *Вакуфъ* (владѣніе духовныхъ установленій) не можетъ быть, по турецкимъ законамъ, ни быть проданъ, ни отчужденъ какимъ либо другимъ образомъ, и только посредствомъ злоупотребленій и разныхъ крючковъ можно его подмѣнить другою недвижимою собственностью, похожею на него, но не принадлежащею къ вакуфамъ. Перепродажа казенной собственности (Mulk) подвергается не мѣньшимъ же ограниченіямъ. Такъ, турокъ можетъ передать какимъ бы то ни было образомъ свою поземельную собственность только турку же, тогда какъ право поземельной собственности райя такъ стѣснено различными ограниченіями, что продажа ея кому бы то ни было, исключая турка, почти невозможна. Но такъ какъ продажа поземельной собственности сильно ограничена числомъ покупателей, и тѣ, которымъ позволено покупать (турки), не принадлежатъ къ зажиточному классу общества, то цѣна поземельной собственности страшно упала; тогда какъ въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ франки (европейцы) нашли средство пріобрѣтать поземельную собственность (эти покупки совершаются на имя турка, но въ пользу франка, который платитъ долги), цѣна земель возвысилась до баснословной высоты. Такъ, напримѣръ, поземельная собственность въ Перѣ и Галатѣ цѣнится выше, нежели въ Лондонѣ.» (Michelson, p. 178.)

«На это различіе — продолжаетъ «Эдинбургское Обозрѣніе» — можно смотрѣть, какъ на базисъ поземельной и финансовой системы Турціи. Послѣ завоеванія земля Имперіи была раздѣлена на три класса: одна треть — для мечетей, другая — въ частное владѣніе, третья — для государства. Но второй изъ этихъ классовъ поземельной собственности чрезвычайно уменьшился и перешелъ въ обладаніе мечетей. Г. Убичини (котораго, конечно, уже нельзя подозревать въ нелюбви и даже въ хладнокровіи къ туркамъ) описываетъ, какимъ образомъ совершались эти переходы.

«Предположимъ — говоритъ онъ — что какой нибудь сандъ — владѣлецъ недвижимою собственності въ 100,000 піастровъ цѣною, хочетъ обезопасить ее отъ хищничества турецкихъ властей и сохранить для собственнаго употребленія. Онъ уступаетъ эту собственность мечети, которая даетъ ему въ замѣнъ 10,000 піастровъ; но эта уступка вымышленная. Сандъ, уплачивая мечети 15 процентовъ на полученную имъ сумму, или 1,500 піастровъ ежегодно,

продолжаетъ удерживать вѣчное обладаніе своею землею, съ правомъ передачи этого пользованія и дѣтямъ. Онъ освободился отъ всѣхъ конфискацій, отъ всѣхъ насильственныхъ продажъ; на его землю не могутъ имѣть права ни кредиторы, ни сосѣди, которымъ, по турецкимъ законамъ, въ случаѣ продажи земли, дается преимущественно право на покупку. Но если самъ умретъ бездѣтнымъ, то, хотя бы у него и были внуки, земля переходитъ совершенно въ собственность мечети. Мечеть такимъ образомъ находится въ положеніи чловѣка, который бы купилъ какое нибудь помѣстье за одну десятую его стоимости, съ условіемъ, чтобы по прекращеніи мужскихъ и прямыхъ наслѣдниковъ настоящаго владѣльца оно перешло въ полную собственность мечети, а до тѣхъ поръ она довольствуется, получая 15 процентовъ съ употребленной ею суммы. Понятно, что такимъ образомъ земли частныя должны были быстро переходить въ собственность мечетей и *отчего теперь три-четверти поземельной собственности Турціи принадлежатъ въ собственность или заложены мечетямъ, къ великому ущербу общественныхъ доходовъ.*» (*Lettres sur la Turquie*, p. 270.)

Этихъ фактовъ — продолжаетъ «Эдинбургское Обзорѣніе» — достаточно, чтобы показать причину упадка Имперіи. Страхъ конфискацій и общая необезпеченность собственности перевели три-четверти земли во владѣніе мечетей, гдѣ она удерживается двойными узамъ духовной власти и юридическихъ тонкостей, потому что въ магометанскихъ странахъ законовѣдцами являются духовныя лица. Находясь въ этомъ состояніи, земля перестаетъ участвовать въ увеличеніи государственныхъ доходовъ, исключая косвенныхъ налоговъ на ея произведенія, и кромѣ того отчужденіе ея дѣлается невозможнымъ. Единственный классъ въ обществѣ, который довольно трудолюбивъ и бережливъ, чтобы собрать капиталы, не можетъ приобрѣтать поземельной собственности, и почва совершенно лишена всякой возможности улучшиться и доставить доходъ. Необходимо прибавить, что при такомъ положеніи дѣл не можетъ, конечно, образоваться класса землевладѣльцевъ, который могъ бы быть независимъ въ своихъ средствахъ и нести государственную службу. Но это состояніе вещей упрочено незапамятными обычаями страха и авторитетомъ корана: *она останется, по всей вѣроятности, безъ переменъ до тѣхъ поръ, пока падишахъ будетъ владѣльцемъ этой страны, а магометанизмъ — господствующей религіей и закономъ.* (Вотъ что говорятъ защитники султана!) (*)

Вотъ почему турецкое правительство должно покупать хлѣбъ въ Одессѣ, — хлѣбъ, собираемый на тѣхъ самыхъ степяхъ, которыя оно

(*) The Edinburg Review. 1853. January. s. 287—290.

такъ долго опустошало подчиненными ему ордами татаръ, сдѣлавшихся теперь мирными, трудолюбивыми земледѣльцами, благословляющими свою судьбу. Мы превратили эти степи въ неисчерпаемую житницу, къ которой привыкла прибѣгать Европа въ годы нужды и бѣдствій; отсюда кормится и самый Константинополь, хотя въ окрестностяхъ его лежать поля, съ плодородіемъ которыхъ не можетъ спорить ни одинъ уголокъ Азии и Европы, подъ лучшимъ небомъ въ цѣломъ мірѣ.... они стоятъ пустыя, покрытыя колючими кустарниками, которыми стыдливая природа стремится закрывать свою наготу — дѣло варварства и невѣжества.

Огромное количество луговъ, ежегодно покрывающихся самыми тучными травами безъ всякаго труда со стороны человѣка, ставятъ скотоводство Турціи выше ея земледѣлія.

Лошади Фессалии были уважаемы въ древности по причинѣ красоты и силы; турки привели съ собою особую породу лошадей татарскую, и отъ смѣшенія обѣ эти породы выиграли. Молдавія производитъ также много лошадей; больше уважаются тѣ, которыя рождаются въ горахъ: онѣ не велики ростомъ и по силѣ и скорости напоминаютъ русскую породу лошадей. Повсюду еще можно встрѣтить дикихъ лошадей, которыхъ татары убиваютъ себѣ въ пищу. Ослы и мулы такъ же хороши, какъ въ Италіи. Животныя вообще сильны, въ особенности въ Греціи и Валахіи. Луга въ Валахіи такъ тучны, что сосѣди пригоняютъ туда огромныя стада для поправленія. Бараны изобилуютъ въ Македоніи и въ Фессалии; въ Валахіи и Молдавіи ихъ считаютъ до шести милліоновъ головъ; главный рынокъ для шерсти въ Фессалоникѣ. Свинья, которыя изъ всѣхъ животныхъ существъ, населяющихъ полуостровъ, одна пользуется завидной привилегіей не возбуждать жадности турокъ, весьма многочисленны, особенно въ Сербіи, изъ которой въ 1843 году было доставлено за границу 1,250,000 штукъ. Въ Босніи свиней кормятъ каштанами, мансою и сливами. Въ гористыхъ странахъ стада козъ составляютъ богатство, и пастушество — главный промыселъ. Пастушеское народонаселеніе съ наступленіемъ жаровъ забирается все выше въ горы, а съ наступленіемъ зимы спускается въ долины. Верблюды пасутся только по пустыннымъ полямъ въ окрестностяхъ Константинополя и въ степныхъ прибрежьяхъ нижняго Дуная. Дичь бездна: дикія козы и дикіе кабаны, лисицы, медвѣди и волки попадаются повсюду. Въ при-дунайскихъ земляхъ особенно многочисленна порода степныхъ волковъ, которые такъ страшны и новороссійскимъ *отарамъ*. Рыбы въ Дунаѣ, при берегахъ морей и въ рѣчкахъ Эпира множество; но турки не любятъ рыболовства. Шелководство, которое могло бы быть чрезвычайно развито, едва суще-

стируетъ, что въ самомъ жалкомъ и грубомъ видѣ, въ Фессаліи и Македоніи. Что касается до произведеній минеральнаго царства, то одного взгляда на расположеніе хребтовъ Балканскаго полуострова достаточно, чтобы убѣдить всякаго, что минеральное богатство его нисколько не должно уступать его растительному богатству. Но какая есть возможность въ Турціи положить въ землю значительный капиталъ и дожидаться десятки лѣтъ, пока онъ начнетъ приносить доходъ? Кто можетъ въ Турціи, въ этой странѣ произвола, которая, кромѣ частныхъ грабежей, періодически, почти каждое десятилѣтіе подвергается общимъ, разсчитывать на десятки лѣтъ спокойнаго существованія? Да и гдѣ взять капиталовъ? Христіанамъ запрещено приобрѣтеніе собственности, а магометанинъ не любитъ собирать капиталовъ для употребленія въ промышленность.

Балканъ, Скардусъ, или Шаръ-Дагъ, и вся цѣпь горъ Албаніи и Босніи изобилуютъ металлами. Горы эти, по всей вѣроятности, представляютъ одинаковый составъ съ горами Штиріи. (*) Вообще минеральное богатство Турціи неизчерпаемо: недостаетъ только капиталовъ и поддержки. Единственные рудники, которые хорошо разрабатываются въ настоящее время, это въ округѣ Токата въ малой Азіи, гдѣ, по договору съ Вѣнскимъ кабинетомъ, занимаются горные австрійскіе промышленники. Мѣдь, желѣзо добываются здѣсь во множествѣ и лучшаго качества; мѣдь находятъ въ самыхъ окрестностяхъ Константинополя, но турки довольствуются тѣмъ, что лежитъ наверху, не забираясь въ глубь.

Такъ — говоритъ г. Унгевитеръ — природа и въ этомъ отношеніи сдѣлала для Турціи все, что могла; но все это минеральное богатство, при безпечности правительства, жадности турецкихъ чиновниковъ, приноситъ весьма мало существенной пользы. Разныхъ красивыхъ минеральныхъ веществъ въ Турціи очень много. Дунайскій каменный уголь хуже англійскаго и употребляется только для пароходства по Дунаю. Въ Турціи, впрочемъ, есть огромные залеги прекраснаго каменнаго угля, близъ Гераклеи, недалеко отъ Трапезонта; но жалкая обработка этого угля даетъ весьма мало выгодъ.

Мы окончимъ краткій обзоръ природныхъ богатствъ Балканскаго полуострова, гибнущихъ безъ всякой пользы для его жителей, живущихъ въ лачугахъ, болѣе похожихъ на норы, чѣмъ на жилища людей, словами французскаго географа, которыми онъ начинаетъ описаніе Европейской Турціи.

«Это общая родина челоѣчества, потому что здѣсь родились высокіе добродѣтели, таланты и гений. Но какая ужасная перемѣна

(*) Malte-Bran.

позрачаетъ нынѣ эту страну, нѣкогда столь пріятельскую, этотъ плодородный полуостровъ, орошаемый на сѣверѣ Дунаемъ, на востокѣ Пономъ Евксинскимъ, съ юга Эгейскимъ и Средиземнымъ морями, съ запада волнами Адриатики? Гемусъ еще и теперь вѣнчается зелеными лѣсами; Дунай еще и теперь орошаетъ свой богатый бассейнъ; равнины Фракіи, Македоніи и Фессаліи еще и теперь требуютъ только легкаго труда, чтобы предоставить обильную жатву; берега полуострова и острова представляютъ тысячи гаваней и тысячи заливовъ, гдѣ ласковыя волны плещутся въ подошвѣ холмовъ, отягченныхъ виноградниками и оливковыми деревьями. Но безпорядокъ и невѣжество наполнили пустынями эту страну, гдѣ нѣкогда города тѣснили другъ друга: однѣ развалины и горы свидѣтельствуютъ, что здѣсь была когда-то Греція.»

Но чтобы оцѣнить вполнѣ, до какой степени невѣжество, варварство и насильственное правленіе магометанъ извратили самыя неизчерпаемыя богатства въ бѣдность и опустошеніе, должно сравнить, что сдѣлали турки въ такой странѣ, какъ Греція, съ тѣмъ, что въ то же самое время сдѣлали русскіе посреди болотъ, лѣсовъ и степей своей отчины, посреди неизмѣримыхъ пространствъ, далеко отодвигающихъ море отъ моря. Пространства, покрытыя прежде болотистыми лѣсами, дававшими жалкую пищу бродячимъ племенамъ, нынѣ не только кормятъ 50 милліоновъ народа, но сдѣлались житницею цѣлой Европы! дикая степь, раздолье кровожадныхъ ордъ, безпрестанно вносившихъ опустошеніе въ Европу, — степь, отъ созданія невѣдавшая плуга, которую населяли греки чудницами своей фантазіей, кормитъ теперь обѣднѣвшаго жителя Фракіи и Фессаліи! Фактъ многозначительный!

Такое сравненіе припоминаетъ намъ слова одного англійскаго туриста, которыми онъ оканчиваетъ свой дневникъ изъ Константинополя въ Корфу.

«Мы надѣмся — говоритъ мистеръ Бовенъ (*) — что недалеко то время, когда прекраснѣйшая страна въ цѣломъ мірѣ, расположенная въ лучшемъ климатѣ и которую варварство и деспотизмъ турокъ опустошаютъ болѣе во время мира, чѣмъ другія страны опустошаются войною, снова будетъ возвращена цивилизаціи. Въ этой странѣ нѣтъ искусствъ, мануфактуры едва-едва существуютъ, земледѣліе въ упадкѣ, и самая человѣческая раса исчезаетъ. Даже послѣ четырехсотъ-лѣтняго пребыванія здѣсь истинный сынъ Османа, т. е. прямой потомокъ первыхъ завоевателей, считаетъ себя въ Европѣ не болѣе, какъ въ лагерѣ. Между ними повсюду можно

(*) Mount Athos, Thessaly, and Epirus. By. G. Ferguson Bowen. Esq. Lond. 1852. Стр. 245 и 246.

услышать предсказанія и предчувствія, что когда нибудь икъ раса снова возвратится на ту сторону Босфора, подобно тому, какъ испанскіе мавры возвратились изъ Европы назадъ за Гибралтарскій проливъ. Всякій правовѣрный турокъ заботится, чтобъ его смертные останки были погребены на обширномъ кладбищѣ въ Скутари, азіатскомъ предмѣстьѣ Константинополя, надѣясь такимъ образомъ избѣжать современемъ профанаціи отъ рукъ христіанъ.»

Все это справедливо; но если бы испанскіе патріоты, выгнавшіе мавровъ, жили уже въ то время, когда англійскій флотъ изгналъ свободу съ свободныхъ морей, то, во всей вѣроятности, мавры нашли бы себѣ защитниковъ въ англичанахъ. Но можетъ быть и нѣтъ! можетъ быть, мавры и не стали бы пріятелями англичанъ, потому что мавры вводили ремесла и искусства, разводили сады, строили дворцы и водопроводы, а главное — занимались торговлею. Турки же въ продолженіе болѣе четырехсотъ лѣтъ не выстроили ни одной деревни, а разрушили и выжгли икъ цѣлыя тысячы, превратили сотни городовъ въ развалины и цѣлыя области — въ пустыни: чудесный народъ для англійскихъ политиковъ!

ГЛАВА III.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА ПО ПЛЕМЕНАМЪ И ВѢРОИСНОВѢДАНІЯМЪ.

Если поверхностный обзоръ природы области, принадлежащей туркамъ, показываетъ уже несообразность владѣтелей и ихъ владѣній, степной орды, забравшейся на роскошныя поля Греціи, то одинъ перечень составныхъ элементовъ Балканскаго полуострова возведетъ эту несообразность до ея настоящихъ, гигантскихъ размѣровъ. Сколько юныхъ, сильныхъ, трудолюбивыхъ племенъ стонуть подъ пятою развратившагося сына степи! и какъ можетъ онъ властвовать надъ ними, если не силою оружія, не постояннымъ угнетеніемъ, не страхомъ, не беззавѣтною злобою, которая не содрогнется опустошить огнемъ и мечемъ цѣлую область, если только эта область покажетъ признаки жизни? Одно постоянное насиліе можетъ дать возможность горсти турокъ держать въ повиновеніи 14 милліоновъ юнаго, сильнаго населенія. Чтô можетъ сдѣлать здѣсь смѣшное передразниваніе европейской цивилизаціи?

Мы представимъ здѣсь только простые перечни различныгъ населеній Турціи, сопровождая ихъ небольшими замѣтками. Болѣе полную характеристику каждаго элемента мы представимъ въ кон

цѣ, называя исторію Турціи по племенамъ, ее составляющимъ. А теперь намъ хотѣлось бы дать нашимъ читателямъ только краткій, но, по возможности, полный статистическій очеркъ Балканскаго полуострова...

Народонаселеніе Турціи — вещь весьма мало извѣстная. Одни считаютъ, что все Турецкое государство, во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта, имѣетъ 121,000 кв. м. при 35¼ миллионѣхъ народонаселенія, тогда какъ другіе даютъ ей всего только 47,000 кв. м. при 24 миллионѣхъ жителей. Въ отношеніи Европейской Турціи эта неизвѣстность, конечно, меньше, но все-таки значительна. По послѣдней ревизіи, бывшей въ 1844 году, въ Европейской Турціи считаютъ на 9,100 кв. м. пространства 5,500,000 жителей — число, явно преувеличенное. Одинъ греческій профессоръ въ университетѣ въ Корфу, докторъ Филетасъ, уроженецъ Эпира, долго изучавшій этнографію Европейской Турціи, даетъ ей въ 1848 г., со включеніемъ Босніи, Сербіи, Молдавіи и Валахіи, всего только 8,500,000 населенія, полагая въ этомъ числѣ 6,650,900 христіанъ и 1,750,000 магометанъ. Англійскій путешественникъ Бовенъ, приводящій эти цифры, говоритъ, что онъ самъ долго повѣрялъ ихъ, живши въ Константинополѣ, и нашелъ, что онѣ довольно близки къ истинѣ. Народонаселеніе же въ 13 или 14,000,000, которые обыкновенно даютъ Турціи, мистеръ Бовенъ считаетъ крайне преувеличеннымъ.

Мы будемъ придерживаться въ этомъ случаѣ большаго числа, слѣдуя книгѣ г. Унгевитера, согласной въ этой случаѣ съ большинствомъ писателей о Турціи. Вотъ какъ распредѣляетъ онъ по провинціямъ Европейской Турціи общее число кв. м. и населеніе:

Въ Румелии	1,400 кв. м.	и 2,500,000 жнт.
• Булгаріи	1,600	• 3,000,000
• Македоніи	1,200	• 1,000,000
• Фессалии	165	• 500,000
На островахъ	205	• 325,500
Въ Албаніи	750	• 1,250,000
• Босніи	1,036	• 1,100,000
• Сербіи	700	• 1,000,000
• Валахіи	1,319	• 2,600,000
• Молдавіи	725	• 1,470,000

Итого 9,100 кв. м. — и того 14,745,500 жнт.

Что касается до раздѣленія по племенамъ, то надобно замѣтить, что правительство турецкое всегда старалось въ показаніяхъ своихъ увеличить число турокъ и уменьшить число другихъ племенъ. Но и по показаніямъ турокъ число дѣтей Османа не превышаетъ въ Европейской Турціи одного милліона, а по частнымъ извѣстіямъ не превышаетъ Т. XLIV. Стд. II.

пять 700 или 800 тысячъ. Большая часть этого числа турокъ, около 400,000, живетъ въ столицѣ и ея провинція Румелия, остальное — въ Македоніи и Фессаліи. Въ Бугаріи и Албаніи ихъ очень немного, а въ Босніи почти совершенно нѣтъ. Въ Молдавіи и Валачіи съ 1899 года турки не имѣютъ права жить. Въ Сербіи они живутъ только въ Бѣлградѣ, гдѣ число ихъ не выше 6,000. Самую большую часть народонаселенія Европейской Турціи составляютъ славяне, число которыхъ, по показанію Шахарита, простирается въ Турціи до 6,100,000, а по показаніямъ турокъ (особенно увеличивающимся числомъ населенія) до 7,200,000 душъ, а по другимъ показаніямъ — до 9,000,000 (по рев. 1842 г.). Къ славянамъ причисляются болгары, сербы, босняки, кроаты и моравки (въ Герцеговинѣ). За славянами по числу слѣдуютъ румыны, или валахи, потомки египетскихъ поселеній, переимѣненныхъ съ римскими и славянскими первоосновами. (*) Они живутъ въ Молдавіи, Валачіи, въ Сербіи въ двадцати-пяти деревняхъ, въ многихъ деревняхъ Македоніи, Албаніи и Фессаліи. Число этихъ послѣднихъ валаховъ (цандаровъ) Шахаритъ полагаетъ до 300,000. Языкъ молдаванина походитъ нѣсколько итальянецъ, особенно житель Далмаціи, привыкшій къ звукамъ славянскаго языка; но ему такъ же очень скоро выучиваются и русскіе солдаты. Число вѣхъ румыновъ въ Турецкой Имперіи простирается до 4,324,000 душъ.

За румынами по числу слѣдуютъ албанцы, или арнауцы, живущіе по преимуществу въ Албаніи, но встрѣчающіеся и въ другихъ провинціяхъ: число ихъ простирается до 1,600,000. Нѣкоторое считаютъ ихъ за потомковъ амазговъ, жившихъ когда-то у подошвы Кавказа; но это нѣтъ едва ли основательно, и гораздо вѣроятнѣе считать албанцевъ за одно изъ племенъ древнихъ эвиротовъ, которое, выйдя изъ глубины гористыхъ странъ, начало высказываться въ исторіи по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала Византійская имперія, и когда племена, ее составлявшія, должны были для своей защиты сами взяться за оружіе. Языкъ албанцевъ доказываетъ, что они живутъ въ Европѣ такъ же давно, какъ греки и кельты, съ которыми у нихъ много родственнаго. Вѣроятно, что эвиротскія племена, говорящія языкомъ родственнымъ языку пелазговъ, дарданцевъ, грековъ и македонянъ, жили съ незапамятныхъ временъ въ горахъ Албаніи, можетъ быть, по сосѣдству съ нѣсколькими племенами славянскими. Впослѣдствіи римляне и греки, покорившіе Иллирію, сѣдлались темъ съ жителями городовъ; но наступившая имъ въ горахъ Албаніи сохраненію свою первобытность, прибавивъ, можетъ

(*) Мы употребили здѣсь выраженіе Шахарита какъ ближайшее по дѣлу. Шахаритъ: Nereboris. W Pease. 1840. 114.

были, съ своею дѣлаву нѣсколько выраженийъ изъ италіянскаго; про-
стонароднаго языка (volgare italica) и нѣсколько выраженийъ изъ
языка римскихъ легионовъ. Эти выраженія еще болѣе увеличили
сходство, которое языки вѣнскій, македонскій и иллирійскій
имѣли съ италіянскимъ, и еще болѣе сблизили албанскій языкъ съ
лако-латинскимъ, которымъ говорятъ вѣнчиппне валахи. Тотъ и
другой языкъ, испытали новыя перемѣны отъ сближенія съ славя-
нами. Въ Албаніи, за исключеніемъ турокъ, живущихъ въ крѣпос-
тяхъ и большихъ городахъ, и нѣсколькихъ валашскихъ селеній,
нѣтъ другихъ; но зато албанскія деревни врываються далеко на
сѣверъ въ земли сербовъ. (*)

Число грековъ Европейской Турціи простирается до 1,000,000
(но мистеръ Бовенъ и, кажется, по большому праву, полагаетъ число
грековъ въ 1,240,000, изъ которыхъ 60,000 магометанъ). Греки —
прямые потомки древнихъ грековъ, съ сильною, впрочемъ, при-
мѣсью славянской крови, которая дала имъ новыя жизненные си-
лы. Самое большее число грековъ живетъ въ Фессалии, Македоніи,
на островахъ и въ Константинополѣ; кромѣ того они разсыяны по
всѣмъ провинціямъ.

Число армянъ Европейской Турціи простирается до 400,000;
живутъ они болѣею частью въ Константинополѣ и въ другихъ тор-
говѣхъ городахъ.

Татары — племя родствовавшее съ турками, но другой отрасли, —
вѣроятно, той же самой, каковои принадлежатъ наши крымскіе татары,
проникли въ Турцію черезъ Кавказскій Буджакъ. Главной жилищей
ихъ — на степныхъ устьяхъ Дуная и въ долину Балкана. Они по-
подняють въ Турціи лошадей, курьеровъ и сопровождаютъ путеше-
ственниковъ, доставляя имъ на сѣверѣ лавковыхъ сродствъ,
но зато скоро, лошадей и жизненные припасы. Число ихъ прости-
рается до 230,000.

Число цыганъ Европейской Турціи полагается до 80,000; жи-
вуть они преимущественно въ Молавіи и Валахіи, но сиваются по
всей Турціи и въ одной изъ отраслей Балкана, идущей въ окрестно-
стяхъ Филадельфіи, которая потому и называется Цыганскою
Балканомъ,

Жиды Европейской Турціи, въ числѣ 70,000 — потомки порту-
гальскихъ и испанскихъ жидовъ. Они говорятъ на испорченномъ
испанскомъ діалектѣ, промышляютъ торговлею, а потому живутъ
только почти въ однихъ большихъ городахъ и главнѣйшій притокъ ихъ
въ Константинополѣ.

(*) Safarik. Slowansky Narodpis. 193.

Число жителей, по различнымъ вѣроисповѣданіямъ, можетъ быть приблизительно представлено въ слѣдующей таблицѣ :

Магометанъ, по турецкимъ показаніямъ.	3,800,000
Христіанъ вообще.	11,600,000
Христіанъ православнаго исповѣданія.	11,000,000
Римско-католиковъ.	260,000
Протестантовъ.	5,000

Изъ этого послѣдняго перечисленія видно, какъ естественно полновластное и ничѣмъ необузданное владычество 800,000 турокъ надъ 13,000,000 европейскихъ племенъ и 3,000,000 магометанъ надъ 12,000,000 христіанъ. Изъ этого же краткаго перечисленія, не входя въ дальнѣйшее разбирательство, видно уже, можетъ ли русскій народъ забыть, что 11,000,000 его православной братіи стонуть подъ тяжкимъ игомъ горсти турокъ, блѣднѣющей передъ силой русскаго штыка.

Одиннадцать милліоновъ православныхъ !!!

И эти одиннадцать милліоновъ должны сносить турецкое иго потому только, что англичанамъ выгоднѣе видѣть лѣнивago турка въ обладаніи тремя морями, нежели промышленнаго славянина и грека, который самъ сумѣлъ бы построить себѣ корабли и воспользоваться своимъ высонимъ положеніемъ во всемірной торговлѣ! Англичане съ удовольствіемъ отдали бы всю Европу и даже Сѣверную Америку во власть турокъ, только бы это владычество уничтожило флоты всѣхъ націй и оставило англійскихъ купцовъ безъ соперниковъ въ торговлѣ: тогда-то бы они засѣли опіумомъ не одинъ, а два континента и отравляли имъ цѣлый міръ: то-то было бы весело!

Къ православной церкви принадлежатъ греки, молдаване, валахи, сербы и черногорцы, большинство болгаръ, часть босняковъ и часть албанцевъ. Большая часть римско-католиковъ Европейской Турціи (общее число которыхъ равняется 260,000) принадлежатъ къ уніатамъ. Римско-католики попадаютъ въ Краинѣ между кроатами и босняками, изрѣдка между болгарами, албанцами и еще рѣже между греками. Есть незначительное число и армяно-католиковъ; остальные армяне — грегорианскаго исповѣданія.

Что касается до магометанъ не турецкаго происхожденія, число которыхъ простирается до 2,800,000, то вотъ что говорить о нихъ англійскій туристъ :

«Магометане Албаніи, Босніи и другихъ провинцій Европейской Турціи не составляютъ и трети всего народонаселенія и происходятъ бѣльшую частію отъ людей, которые отrekliсь отъ христіанства, изъ временныхъ выгодъ или во избѣжаніе преслѣдованій. Но новая ихъ религія весьма слабо пристала къ нимъ, и они безпрестанно перемѣшиваютъ христіанскіе и мусульманскіе обряды. Проѣзжая Албанію, намъ часто случалось встрѣчать поселянъ, говорящихъ, что они исповѣдуютъ господствующую, т. е. мусульманскую, вѣру, и совершенно не знающихъ первыхъ ея основаній. Они носятъ даже два имени: одно христіанское, другое магометанское, такъ, напримѣръ, Магометъ-Афанасій, Дмитрій-Ахметъ. Часто встрѣчаются супружества, въ которыхъ одно лицо принадлежитъ къ христіанскому, а другое къ магометанскому исповѣданію. Въ албанскихъ хижинахъ мы часто видѣли хозяйку-христіанку, которая, варя фамильный супъ, кладетъ въ одинъ и тотъ же котелъ куски козлятины и свинины: она и ея дѣти будутъ ѣсть и то и другое; но супругъ-мусульманъ, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи иностранцевъ, будетъ ловить куски козлятины, избѣгая запрещенной пророкомъ свинины и только изрѣдка ошибался. Можно сказать съ увѣренностію, что, при перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, всѣ эти отступники непременно возвратились бы въ нѣдра христіанской церкви.»

Англійскіе миссіонеры проповѣдываютъ евангеліе въ ущельяхъ Гималаевъ и на островахъ Индійскаго Архипелага; а англійскіе политики удерживаютъ въ магометанствѣ три милліона христіанъ!

Босняки-мусульмане совершенно отличаются отъ турокъ, какъ въ нравахъ, такъ и въ интересахъ. Турокъ рѣдко и со страхомъ является въ ущельяхъ Босніи, и семейное, славянское начало, столь противорѣчащее гаремнымъ привычкамъ турокъ, осталось во всей силѣ у босняковъ даже и по принятію ими мусульманства. Босняки-мусульмане имѣютъ по одной женѣ; молодые люди знакомятся другъ съ другомъ свободно; дѣвушки и женщины показываются просто безъ покрывала, и турки называютъ босняковъ-мусульманъ полу-правотѣрными, за которыми надо наблюдать. Зато и извѣженность, развращеніе нравовъ, продажность, которыми характеризуется кровный турокъ, не проникли въ горы Босніи. Нравы ихъ суровы: они жестокі съ рабами, безпощадны къ непріятелямъ, но имѣютъ въ себѣ всѣ зародыши долгой и, можетъ быть, славной исторической жизни. Турки, болѣе чѣмъ за что нибудь, борются за Боснію: первый лучъ христіанства, первый лучъ образованія —

туманъ, завѣшанный коралловъ, ризойтой, и шедши тропическй брагъ
вырастаетъ въ самомъ сердцѣ Турціи.

Въ Босніи встрѣчаются шоловъдѣе приростающее и ралиско-ин-
толическое, и сосѣднія деревни, принадлежащія къ двумъ разнымъ
исповѣданіямъ, враждуютъ безпрестанно. Это, вѣроятно, и даетъ
возможность усилиться мусульманству.

Что касается до албанцевъ, то они занимаютъ Турецкую им-
перію только тогда, когда она имъ хорошо платитъ, и скартеры
Али-Паша рѣзали безъ различія и мусульманъ и христіанъ. Въ ка-
рактерѣ албанцевъ много отразились якая природа ихъ страны.
Всякій человекъ, рожденный въ Албаніи, по самѣчяню путешест-
венниковъ, имѣетъ характеръ, темперамента и эмпіонію, которые
отличаютъ его какъ отъ грековъ, такъ и отъ турокъ. Это солдаты
Пирра и Скандеръ-Бекъ; это албанцы, составлявшие вымпловою вой-
ско янинскаго тигра. «Эти солдаты — говоритъ одинъ изъ путешест-
венниковъ — завернувшись въ грубой холстъ, не зималя, кавакось,
суровости зины; дѣлкій день они занимаются битвою или пѣснями
и танцами; ихъ умѣренность довольствуется небольшимъ кускомъ
хлѣба, небольшимъ порціею чѣрныхъ ѣликовъ или солонихъ сарди-
нокъ. Они совершенно не похожи на турокъ, видящихъ все счастье
въ зѣнѣ и роскоши. Албанцы, напротивъ, любятъ вѣчную дѣятель-
ность и приходятъ въ восторгъ при приближеніи битвы; но пали-
кары не быются ни для славы, ни для отечества: одно только золото
можетъ ихъ вызвать изъ ихъ неприступныхъ ущелій.» Хотя больша-
я часть албанцевъ придерживаются магометанизма, но весьма къ
нему равнодушны и не исполняютъ строго его правилъ и въ дракѣ
не разбираютъ христіанъ и магометанъ.

При отдѣльномъ описаніи племенъ, составляющихъ мнѣблное
Европейскую Турцію, мы будемъ еще имѣть случай охарактеризи-
ровать каждое изъ нихъ въ подробности; а теперь приведемъ толь-
ко, изъ словъ истиннаго наблюдателя, нѣкоторыя цѣнарь и зайбѣкъ,
относящихся къ Эпирю — странѣ небольшой, но обращающей на
себя въ настоящее время всеобщее вниманіе.

Эпиръ, или Нижняя Албанія, ограничивается на сѣверѣ рѣкою
Венессой и цѣвлю Ница; на востокѣ — тоже цѣвлю Ница, которая
отдѣляетъ эту провинцію отъ Македоніи и Фессаліи; съ запада —
Юническій моретъ; съ юга же — Греціи.

Всѣ обитатели, изъ которыхъ одна часть магометанъ, принадле-
жатъ тремъ различнымъ племенамъ: греческому, албанскому
и рушульному. Христіане греческаго вѣроуви составляютъ двѣ тре-
тя всего народонаселенія Эпира.

Прежде востанія 1821 года греки Эпира вмѣстѣ съ жителями Константинополя, Хиоса и Смирны составляли образованнѣйшую часть эллинскаго племени. Янина, главный городъ этой провинціи, еще передъ началомъ нынѣшняго столѣтія былъ центральнымъ пунктомъ греческой цивилизаціи. Многие греки янинскіе находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Венеціою, и многие составили себѣ большія состоянія. Впослѣдствіи они стали селиться въ Австрію и преимущественно въ Россію. Но, составляя себѣ соотечественники, они не рестокали его на прихоти и раскаты, но употребляли на благодѣтельные цѣли и въ особенности на основаніе школы въ Янинѣ, на поддержаніе которыхъ они члоронили значительныя суммы въ Венецію.

Капиталы эти погибли при янинскій Венеціи французскими войсками. Тогда янинскіе греки, живущіе въ Россіи, дали снова деньги на поддержку общественныхъ школъ ихъ родимаго города. Это великодушное стремленіе богатыхъ янинцевъ вызвало живое соревнованіе въ эпиротахъ. И даже въ настоящее время, послѣ долгаго тиранства Али-Паши Тепелемскаго, послѣ всѣхъ несчастій, которыми повлекло за собою его паденіе, послѣ разоренія Янины и многихъ другихъ городовъ и истребленія огромнаго числа эпиротовъ, это благородное стремленіе къ образованію не исчезло. Въ настоящее время нѣтъ въ Эпирѣ ни одного городка, ни одного мѣстечка, ни одной деревни, которые бы не имѣли своей общественной школы, поддерживаемой жителями, будутъ ли то греки, албанцы, или румыны, потому что въ Эпирѣ всѣ эти три племени, общою исторіею долговременныхъ несчастій и общими стремленіями, слились въ одинъ народъ и различаются между собою только по языку. Эпирскіе румыны и албанцы называютъ себя греками, и такъ какъ они не имѣютъ своихъ собственныхъ знаменъ для письма, то пишутъ, читаютъ и даже говорятъ только по гречески. Магометане Эпира, за исключеніемъ тѣхъ, которые живутъ въ Артѣ и Янинѣ, албанцы по происхожденію и, какъ всѣ почти магометане въ коренныхъ греческихъ земляхъ, говорятъ только по гречески; очень немногіе изъ нихъ учатся по турецки. Иные говорятъ по албански и гречески, но пишутъ только по гречески. Такъ даже всѣ албанскіе беи, не только въ Эпирѣ, но и въ Албаніи, имѣютъ только греческихъ секретарей. Вся канцелярія знаменитаго Али-Паши состояла изъ грековъ, и вся дипломатическая переписка, исключая переписки съ Портою, велась на греческомъ языкѣ. По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ, народонаселеніе этой провинціи простирается отъ 500 до 550,000 душъ.

По статистическимъ вычислениямъ турокъ, которые заботливо скрываютъ число христіанъ, оно въ Эпирѣ простирается только до 300,000 душъ. (*)

Румуны живутъ только въ мѣстечкѣ Каларитесь, Сирако и другихъ осьми деревняхъ. Округи Либоговскій, Гардикійскій, Ланьюарійскій, Цигорскій, Редкій и Тебеленскій населены исключительно албанцами. Сули и Лака заключаютъ въ себѣ народонаселеніе изъ трехъ тысячъ албанцевъ. Вообще греческому племени принадлежитъ 247,000 христіанъ и 3,500 магометанъ; албанскому—57,765 магометанъ и 17,000 христіанъ; румунскому.— 17,000 христіанъ; къ этому еще надобно прибавить 1,300 жидовъ.

Въ Эпирѣ болѣе горъ, нежели равнинъ; а потому и жители его по преимуществу занимаются ремеслами и торговлею. Повсюду въ Турціи, Греціи и дунайскихъ княжествахъ встрѣчается множество эпиротовъ, занимающихся торговлею. Много богатыхъ негоціантовъ изъ Эпира живутъ въ Россіи, Вѣнѣ и Египтѣ. Всѣ они отличаются испытанною честностію, простотою нравовъ, бережливостію и въ особенности привязанностію къ своей отчизнѣ.

Народонаселеніе Эпира — одно изъ самыхъ воинственныхъ въ Турціи. Въ 1821 году почти вся турецкая армія, высланная противъ Али-Паши, занимала Эпиръ; а между тѣмъ народное движеніе продолжалось въ округѣ Арты. Извѣстно, какое участіе принимали эпироты въ борьбѣ грековъ за независимость. Въ числѣ лучшихъ

(*) Прилагается здѣсь перечень главныхъ мѣстъ Эпира и ихъ населеніе:

	Христіанъ.	Турокъ.	Жидовъ.
1. Округъ Явинскій. Городъ Янина . . .	14,000	3,000	1,000
— — Мѣстечко Метцово . . .	6,000	—	—
2. Четыре округа съ 218 деревнями . . .	11,360	—	—
3. Округъ Палеопогоши съ 35 дер. . .	22,780	—	—
4. Округъ Аргирокастроу съ 40 дер. . .	13,980	1,500	—
— — Г. Аргирокастроу . . .	550	7 500	—
— — Мѣст. Либогово . . .	170	2,350	—
5. Округъ Цигора съ 19 дер.	11,800	800	—
6. Округъ Тебелесъ съ 22 дер.	—	11,000	—
7. Округъ Дельвино съ 77 дер.	26,700	2,750	—
8. Округъ Филатесъ съ 44 дер.	15,900	5,000	—
9. Округъ Паринитія съ 72 дер.	30,000	3,950	—
10. Округъ Маргарити съ 89 дер.	12,100	11,010	—
— — Городъ Парга . . .	1,300	630	—
— — Превеза . . .	4,200	660	—
— — Арта . . .	8,200	500	300
11. Равнины Арты, Ламари, Сули и Лака съ 97 деревнями	20,000	300	—
12. Округъ Цумерка съ 28 дер.	5,500	—	—
13. Округъ Коинца съ 63 дер.	26,500	2,000	—

воиновъ Эмира можно указать на Каранскаки и Марко-Ботцариса. Въ продолженіе одного столѣтія эвироты въ другой разъ принимаются за оружіе, желая сбросить съ себя ненавистное иго. (*)

Эти подробности о населеніи Эмира, *въ которомъ нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не было школы*, показываютъ въ настоящемъ свѣтъ дѣйствія англичанъ, пытающихся усмирить дикарей Эмира, вооставшихъ противъ цивилизованной власти Порты, — цивилизованной англійскими консулами и французскими ренегатами.

ГЛАВА IV.

ТУРЕЦКАЯ РЕЛИГІЯ И ЕЯ ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Магометъ былъ не столько основателемъ новой религіи, сколько основателемъ новаго политическаго тѣла. Въ религіи своей онъ компилировалъ религіозныя повѣтія христіанъ, евреевъ, прибавивъ къ нимъ плоды арабской фантазіи; но главное самостоятельное его положеніе было только то, что послѣдователи Магомета, послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ единого и невидимаго Бога, должны проповѣдовать коранъ съ мечемъ въ рукахъ, обращающаго невѣрныхъ, къ какой бы религіи они ни принадлежали, или истребляющаго ихъ, если они противятся. Въ коранѣ нѣтъ ни положительной догмы, ни твердыхъ религіозныхъ убѣжденій: это созданіе восторга сына аравійской степи, — восторга, который отъ созерцанія величія Божія и его безконечной благодати можетъ, безъ всякихъ посредствующихъ размышленій, перейти прямо къ грабежу и убійству. Въ коранѣ, рядомъ съ высокими положеніями, заимствованными у христіанства о смиреніи и любви къ своимъ ближнимъ, встрѣчаются кровавыя выходы дикаго сына степи, жаждущаго, въ пылу неопредѣленнаго, туманнаго фанатизма, выразить пожирающую его внутреннюю энергію убійствомъ и грабежемъ. Трудно отыскать основную мысль корана, потому что въ немъ нѣтъ основной, *ему собственно* принадлежащей мысли. Вѣра въ единого и невидимаго Бога, сохраненная еврейскимъ племенемъ, посреди множества другихъ, соплеменныхъ ему народовъ Аравіи, которые мало по малу, при столкновеніи съ жителями Египта и Финикіи, принимали тотъ или другой идолопоклоннической культи, была обща не только еврейской и христіанской религіи, но сохранялась въ неснскихъ образахъ и у другихъ симметрическихъ племенъ, скитавшихъ

(*) Allgemeine Zeitung. 1854 г., № 59. Triest.

онъ въ центральныхъ пустыняхъ Аравіи, вдали отъ идоленослужительскихъ городовъ. Мысль о единствѣ Божіемъ была въ Аравіи только на время закрыта отрывочными образами идоленослужителя, забредавшаго туда изъ Индіи, Персіи, Финикіи и Египта. Эта мысль не составляетъ особенности верана, точно такъ же, какъ и та, что Магометъ есть пророкъ единого Бога. Евреи признавали также пророковъ въ Авраамѣ, Моисеѣ и проч.; магометанство признаетъ многихъ пророковъ, только отдаетъ червенство Магомету, какъ послѣднему и величайшему изъ всѣхъ. Ни вѣра въ предопредѣленіе, ни вѣра въ безсмертную жизнь и награжденіе праведныхъ точно также не составляютъ особенности верана: и то и другое мы находимъ въ другихъ религіяхъ, и часто выраженное почти тѣми же самыми словами, какими они выражены въ коранѣ. Басни, съ которыми перемежаны въ коранѣ высокія истины христіанства, также не могутъ сама по себѣ составить — по крайней мѣрѣ съ обрядовой стороны — особенной религіи: это дикія фантазіи, а не обдуманныя установленія. Что же даетъ ту особенность верану, которая до того рѣзко отличается въ характерѣ ея послѣдователей, что этотъ отпечатокъ сдѣлался послѣдствіемъ характеристической черты западной, мусульманской Азии и отличилъ ее отъ переходимую границу и отъ браминской Азии и отъ христіанской Европы?

Это не мысль: такой основной, характеристической мысли нѣтъ въ коранѣ, такой мысли не выразился и въ книгахъ Магомета: это не болѣе, какъ чувство, — чувство безпокойной энергіи, возникшей по временамъ и ищущей себѣ выраженія въ какихъ нибудь сильныхъ проявленіяхъ, а потомъ надвигающаго въ безднѣ. Это вѣчная борьба арабской мысли и арабской энергіи: такое уже влияние арабскаго солнца и безконечныхъ степей. Это то чувство, выходящее такія изъ обратныя стороны, составляетъ ту характеристическую черту мусульманства, которую европейцы неудачно называли фанатизмомъ. Проповѣдовать коранъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ то же время добывать себѣ данниковъ, которые бы могли дѣлать возможность восточной Азии и роскоши — вотъ главное, коренное основаніе турецкаго фанатизма. Мусульманство даетъ только форму, нѣтъ самыхъ неопредѣлимыхъ, этому стремленію, отличающему всегда западную Азію. Коранъ только прищипка, только порота, въ которой находятъ себѣ выходъ стремленіе, общее съ восточной имперіей и пашѣ какой нибудь малоазійской долины. Неполитическій народъ, оставить его работать на себя и имѣть возможность предаваться всѣмъ вспышкамъ необузданнаго характера, всѣмъ прихотямъ полу-дикой фантазіи — вотъ цѣль и стремленіе мусульман-

Благодаря этому, которому они до сих пор находили возможность удивляться. Такимъ же крайнимъ являлся состояніемъ турецкихъ ерзя, забравшихся отъ подошвы Аггалъ въ среднюю трудолюбивыхъ племенъ и заставлявшихъ работать ихъ на себя. Жители степи обиделись вдругъ властителями городовъ и, благодаря морю, выбранному ими въ это девиза, стали смотреть на покоренные ими народы, какъ на своихъ рабовъ, обязанныхъ имъ жизнью и имуществомъ. Такъ глядятъ турокъ, гдѣ бы они ни жила, на трудолюбиваго таджика (*), на торговца армянина, на грека и на славянина; ему нѣтъ дѣла до различія ихъ націй, ихъ религій: это все его естественные рабы, данные ему по милости Магомета и того оружія, которое Магометъ вложилъ ему въ руки. Турки мало заботились о распространеніи мусульманства; такое распространеніе было бы даже для нихъ невыгоднымъ. Правда, они отнимали дѣтей у христіанъ и выдавали ихъ язычарами, — но это потому, что будущи многочисленныя, побрѣдѣ своего численныя народы, безпрестанно возстававшихъ противъ нихъ варварской власти, они должны были позаботиться увеличить число своихъ собственныхъ защитниковъ воинами, не знающими ни роду, ни племени, а готовыми на всякое дѣло. Правда, они думали върять живымъ всѣмъ взрослымъ грекамъ, затѣмъ, чтобы дѣти ихъ утратили навсегда языкъ своихъ отцовъ, — но это потому, что они видѣли въ грекахъ естественныхъ враговъ своихъ, всегда готовыхъ возстать. Правда, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Великая Турка составляла часть потребления или обращенія въ мусульманство своихъ христіанъ Балканскаго полуострова и Малой Азии, — но это въ то время для турецкаго времени, когда одновременнымъ возстаніемъ въ Морю, Эпиръ, Молдавію и Валахію, въ Анатолию и на островкахъ даны имъ почувствовать, что имѣло 800,000 турокъ имѣло 12,000,000 христіанъ держится на слабыхъ основахъ и не можетъ долго продолжаться. Въ историческомъ очеркѣ Турціи мы надѣемся показать, что обращеніи, подобно Ами-Насибъ, не вѣрившему ни Магомету, ни чему бы то ни было на свѣтъ, ипадаютъ на каждаго шагу въ турецкой исторіи; и надѣемся, что читатель придетъ къ тому убѣжденію, что турецкое владычество, избравши своимъ девизомъ караиъ, есть не болѣе, какъ простое продолженіе многоплеменнаго владычества монголовъ, разрушеннаго уже въ чужеземныхъ своихъ владѣніяхъ православною религіею. Изъ русской исторіи мы знаемъ, какое незначительное вліяніе оказало на насъ принятіе мусульманства татарями, едва замѣченное на

(* Таджикомъ въ Иранѣ и туркестанскихъ городахъ вообще называется осетинъ, а въ Афганістанѣ, въ противоположность полу-кочующей ерзи.

ними лѣтописцами. Потомки Чингисъ-Хана въ Китаѣ, Индіи и Иранѣ и потомки Османа въ Константинополѣ — фактъ одного и того же внутренняго значенія, измѣняющій свой характеръ только по тѣмъ странамъ, гдѣ устанавлилось это владычество. Мусульманство, буддизмъ или идолопоклонничество здѣсь немного значатъ. Донская битва, покореніе Казани и Астрахани, завоеваніе Сибиря и Крыма, Арменія, Кавказа, Бессарабіи, побѣды Донскаго, Іоанна, Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины, Миниха, Суворова, Румянцова, Потемкина и намъ современныхъ героевъ носятъ одинъ и тотъ же характеръ: это торжество христіанства и образованія надъ дикостію средне-азіатской степени, торжество христіанства и цивилизаціи цѣлаго міра надъ заблужденіемъ и варварствомъ, — торжество, къ достиженію котораго не помогала намъ западная Европа, но которому она не могла отказать въ сочувствіи, — до тѣхъ поръ, пока торговыя интересы Англіи и политическіе интересы французскаго правительства не столкнулись съ интересами христіанства, человѣчества и образованія.

Вотъ почему мы имѣемъ основаніе называть господствующую религію въ Турціи религіею турецкою, и всякій, кто сравнитъ мусульманство Арабскаго Калифата съ мусульманствомъ Турецкой имперіи, согласится, что для этихъ двухъ отбѣнокъ одной и той же религіи надобно придумать два различныя названія. Въ Турціи мусульманство есть скорѣе политика, нежели религія. Это, какъ мы уже выше сказали, право жить роскошно, давать волю своимъ прихотямъ и страстямъ и ничего не дѣлать. Нападеніе на это право турокъ считаетъ нападеніемъ на свою религію. Но времена измѣнились: богатства, навоенныя покоренными народами, промотаны; жить однимъ грабежомъ — сдѣлалось физически невозможнымъ: средне-азіатская орда, забравшись слишкомъ далеко на западъ, очутилась вдругъ посреди христіанскихъ, промышленныхъ, трудолюбивыхъ націй; европейскія прихоти прокрались и къ туркамъ; требованія ихъ увеличились, средства скудѣють съ каждымъ годомъ; азіатскія ремесла и мануфактуры, завезенныя ими изъ туркестанскихъ городовъ, мало по малу утратили посреди европейской промышленности, всякое значеніе. Всѣ путешественники свидѣтельствуютъ о современномъ упадкѣ и тѣхъ немногихъ мануфактуръ, которыя существовали прежде въ Турціи и произведенія которыхъ стали теперь анахронизмами. Прокормленіе восьмисотъ тысячъ владѣтелей, присоединившихъ европейскія прихоти къ прежнимъ азіатскимъ, сдѣлалось невозможнымъ. Но сбросить дорожную одежду, взяться за соху для турка значитъ отказаться отъ Магомета, и онъ, надѣвъ свой нѣкогда дорогой, давно уже истасканный костюмъ,

предпочитаетъ лучше взяться за оружіе и выжимать послѣднія прохи изъ имущества подчиненныхъ ему раевъ, взятками ли, грабежомъ ли, какъ случится.

«Иностранецъ — говоритъ г. Бѣнъ (прусскій офицеръ, долго бывшій въ Турціи) (*) — иностранецъ, который знаетъ Турцію только по историческимъ преданіямъ объ ея прежнемъ могуществѣ и великолѣпіи, будетъ очень удивленъ, когда, при первомъ же взглядѣ, увидитъ повсюду бѣдность и самое непріятное негѣжество, которыя царствуютъ неограниченно въ этой странѣ: онъ сочтетъ всѣ эти преданія за сказки, за преувеличенные умыслы, за цвѣты восточнаго краснорѣчія. Но многое напоминаетъ еще пышность и роскошь, которыми характеризовались прежде всѣ классы турецкаго народа; претензіи на богатство, даже въ самыхъ низшихъ классахъ, признаки роскоши и мотовства такъ же вошли въ послѣдство, какъ и высокомѣрное тщеславіе и восточная гордость, составляющія турка отвергать съ презрѣніемъ совѣты образованнаго христіанина.

«Но — продолжаетъ тотъ же путешественникъ — защитники турецкаго правительства говорятъ, что Турція находится въ настоящее время въ переходномъ состояніи, что многія худшія черты турецкаго варварства уже исчезли, и что для искорененія всего зла требуется только время! Ахъ! время представляетъ только печальное явленіе — явленіе болѣзни, разгнѣнія, — и нужно что нибудь побольше слѣднаго фатализма, чтобы спасти Турцію отъ грозящаго ей паденія.

«Хищническая жадность прежнихъ оттоманскихъ правительствъ и продажничество *всѣхъ* турецкихъ чиновниковъ слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы ихъ нужно было доказывать. Черезъ это образовалось чувство страха и отсутствіе безопасности, которое скоро овладѣло всѣми такъ, что каждый стремился только, чтобы скрыть свое состояніе и казаться бѣднѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

«Въ настоящее время нечего уже болѣе скрывать: страшная бѣдность и неслыханная грязь, которую выставляетъ большинство шаржу, служить доказательствомъ того, что есть въ самомъ дѣлѣ и остатки сокровищъ, накопленныхъ въ прежніе годы, находятся въ рукахъ немногихъ. И, несмотря на эти очевидные факты, турецкіе журналы твердятъ постоянно, что общественное и матеріальное состояніе Турціи улучшилось, и эти ложныя фразы находятъ себѣ эхо въ европейскихъ газетахъ. Хотя настоящее правительство, въ самомъ дѣлѣ, не грабитъ богатыхъ райевъ для наполненія истощенной

(*) Zustand der Türkei im Jahre der Prophezeiung. (Von. H. Bochn). Berlin. 1853. S. 62.

нельзя турецкому правительству, христіане могутъ совершать свое богослуженіе, но только въ молку: употребленіе колоколовъ запрещено. Христіанинъ, заплотившій харандъ, можетъ еще одинъ годъ исповѣдовать свою религію; но если османтской толнѣ турокъ, одуряющей оумъ, вздумается разрушить христіанскую церковь, то христіане только за опромысленные деньги могутъ купить у васи право выстроить снова свою церковь. Это только совершается фактически: законы турки въ отношеніи христіанъ не любятъ: всякій законъ, какъ бы онъ ни былъ для насъ тяжель, лишь бы турки это право соблюли — предаются волю своей необузданной прихоти въ отношеніи побѣжденных. Христіанинъ подвергается множеству оскорбленій въ отношеніи права собственности, жилища и кооткова и не можетъ имѣть суда и защиты противъ насильственныхъ поступковъ мусульманина, но вой, очень простой, признаетъ, что, по турецкому законодательству, судебное свидѣтельство христіанина противъ мусульманина не имѣетъ никакой силы и отвергается судьей, какъ ничтожное. Клятва христіанъ не имѣетъ въ судахъ значенія. Что это и дѣйствительно существуетъ даже и въ настоящее время, въ этомъ лучшимъ руководствомъ служить рѣчь Пальмерстона («Allgemeine Zeitung», 1854 года, 21 марта. № 80, стр. 130). Христіанинъ, приравненный магометанство и обратившійся слова къ христіанству, долженъ быть немедленно казненъ. (*) При такихъ обстоятельствахъ — говоритъ г. Унгевиттеръ — понятна вся необходимость трактатовъ о христіанскихъ подданныхъ Порты, заключенныхъ Россіей и другими европейскими державами съ турецкимъ правительствомъ. А мы прибавимъ, что при такомъ положеніи дѣлъ понятна и самая необходимость права наблюдать за исполненіемъ этихъ трактатовъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ, гдѣ все дѣло прихоти, тамъ только одно непосредственное наблюденіе, подирѣвленное окомъ оружія, можетъ заставлять соблюдать законъ, заимствованный не изъ національнаго обычая, а изъ международнаго трактата. Такое наблюденіе, говорятъ враги Россіи, лишаетъ Порту самодержавія; но самодержавіе Порты, какъ мы видѣли, основано на томъ началѣ, что райя принадлежитъ мусульманину по праву завоеванія и пользуется жизнію только по его милости: это ибъщій военнопленный, который завтра же, можетъ быть, будетъ умерщвленъ по прихоти своего повелителя. Завоеваніе есть единственный базисъ существованія турокъ въ покоренныхъ ими земляхъ: подкопайте этотъ базисъ, и Турція не существуетъ. О какомъ же здѣсь оскорбленіи са-

(*) Die Türkei, von Ungewitter.

модержанія ведутъ рѣчь англійскіе полетники, такъ тонко доказывавшую права англчанъ на владѣнія Великаго Могола и построенную свою особенную систему, несслыханной юриспруденціи, по которой сотни независимыхъ и самодержавныхъ владѣній перешли въ руки лондонскихъ торговцевъ и сотни самодержавныхъ владѣтелей, султановъ, шейховъ, раджей, сгнили въ тюрьмахъ или промѣняли доходы своихъ государствъ на нѣсколько фунтовъ стерлинговъ пенсіона? По законамъ этой совершенно особенной юриспруденціи, золото и бриллы Делья попали въ шкапулки лондонскихъ банкировъ; по этой особенной юриспруденціи, англичане, охраняющіе теперь самодержавіе султана надъ его христіанскими подданными, не признаютъ въ то же самое время за китайскимъ императоромъ права защищать свои гавани отъ контрабанды опиумомъ и своихъ подданныхъ отъ отравы. Христіане, занимающіеся контрабандой, да еще и какой контрабандой!! Не только христіанское, но общечеловѣческое чувство — оскорбляется!

Къ стыду нѣкоторыхъ французскихъ и англійскихъ писателей, должно сказать, что въ послѣднее время нашлось много между нами такихъ, которые, польстившись на турецкіе шастры, не только стали доказывать гуманность и цивилизацію турецкаго правительства, великодушіе его въ отношеніи христіанскихъ его подданныхъ, но даже, увлекшись рѣвностію, стали ставить магометанство выше христіанства, коранъ — выше Евангелія: понавъ разъ на эту дорогу, они уже не могли удержаться болѣе, и турецкіе падишахи одинъ за другимъ стали выходить изъ подъ ихъ продажнаго пера образцами христіанской добродѣтели.

Впрочемъ, многіе французскіе писатели съ давнихъ поръ уже указывались падкими на магометанизмъ. Уже Вольтеръ говорилъ о Магометѣ II, кровожадномъ завоевателѣ Константинополя, залитшемъ кровью столицу и превратившемъ Грецію въ груду развалинъ, что это былъ самый образованный монархъ своего времени (*Le Prince le plus polic et le mieux élevé de son temps*).

Другіе, болѣе застѣчивые писатели сознаются, что христіанамъ точно было плохо въ прежнія времена, но что со времени преобразования Махмуда II, и еще болѣе со времени *танзимата-Гюлькани* (*), положеніе христіанъ въ Турціи не заслуживаетъ болѣе участія со стороны христіанскихъ державъ.

(*) Танзиматъ хейрине (Благое установленіе). Такъ называется государственное преобразование въ Турціи, сдѣланное на основаніи хатта шерифа-Гюлькани, т. е. султанское повелѣніе, объявленное 1839 года, 3 ноября, на третьемъ дворѣ Серая, въ міастѣ Гюлькани. Въ этомъ хатта-шерифѣ зачатіи Турціи видать основную хартію ея обновленнаго существованія.

Посмотримъ же теперь на дѣйствія турецкаго правительства въ отношеніи христіанъ и послѣ преобразованія Махмуда II и послѣ знаменитаго *хатти-шерифа Гюлькана*. Но пусть факты говорятъ сами за себя. Мы напомнимъ только одно происшествіе, или, лучше сказать, напомнимъ страшную катастрофу изъ царствованія великаго преобразователя Турціи Махмуда II, султана, *проникнутаго европейскими принципами*. Катастрофа эта, конечно, глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ каждаго православнаго; но она такъ хорошо характеризуетъ европейскіе принципы Блистательной Порты и взглядъ ея на религію и жизнь своихъ христіанскихъ подданныхъ, что не можетъ не найти здѣсь себѣ мѣста.

Мы повторимъ эту катастрофу со словъ г. Базили (*), хотя разсказъ его, сравнивая съ нимъ отзывы иностранныхъ писателей, кажется намъ не совсѣмъ вѣрнымъ и слишкомъ слабымъ:

«Мятежъ (весною 1821 г.) вспыхнулъ въ Дунайскихъ княжествахъ и козни пачались въ Константинополѣ. Диванъ узналъ осуществленіи обширнаго заговора Грековъ и со дня на день ожидали извѣстій изъ Морей и Эпира, гдѣ еще кипѣлъ бунтъ Али-Паши. Константинъ Мурузи, Великій Драгоманъ Порты, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Великаго Визиря и Султана, по выходѣ отъ перваго, получилъ на улицѣ письмо, въ которомъ его приглашали присоединиться къ великому дѣлу Грековъ. Мурузи возвратился къ Визирию и перевелъ ему письмо, но пропустилъ въ немъ одну фразу, которая могла бы подвергнуть опасности многихъ важныхъ Грековъ въ Константинополѣ. Эту фразу перевелъ другой драгоманъ, Армянинъ, и на другое же утро передъ кіоскомъ сераля Мурузи былъ казненъ; а въ кіоскѣ, за рѣшоткою, сидѣлъ Султанъ, чтобы насытить месть свою видомъ крови. Та же участь постигла и брата Мурузи.

«Велѣно было отобрать оружіе у Константинопольскихъ Грековъ, число которыхъ, передъ числомъ Турокъ въ Константинополѣ, совершенно ничтожно; тѣмъ болѣе, что все Греческое населеніе Константинополя состоитъ изъ однихъ купцовъ и ремесленниковъ. Отбирали не только ружья и сабли, но столовые ножи и вилки. Заржавленная пушка, служившая судамъ баластомъ и забытая въ саду, послужила причиною смерти хозяина этого сада, *богатаго банкира*, его сына, его брата и его зятя, а въ естѣ, арлыкѣ, вывѣшенномъ на трупѣ преступника, сказано было, что они готовили артиллерію для осады Босфорскихъ укрѣпленій. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ вся столица представляла обширное лобное мѣсто. Не было улицы, въ которой бы каждый день не совершалось нѣсколь-

(*) «Очерки Константинополя». Соч. Константина Базили. Спб. 1835 г. Ч. II, глава V.

кихъ казней и нѣсколькихъ убійствъ; предлоги для казней выдумывала всякая сволочь. Одинъ архитекторъ, заслужившій вниманіе Султана постройками въ Адмиралтействѣ, былъ повѣшенъ, и въ *ефть* было сказано, за то, «что онъ съ такимъ усердіемъ и такъ хорошо все выстроилъ, въ надеждѣ, что его постройки скоро перейдутъ во власть гауровъ». Но это все было только началомъ.

«Наступилъ Свѣтлый Праздникъ и Порта придумала для этого праздника особенное зрѣлище. Патриархъ Григорій, восьмидесятичетырехъ лѣтній старецъ, заслужившій всеобщее уваженіе своими добродѣтелями и святою жизнію и не принимавшій, что очень хорошо было извѣстно Блгстательной Портѣ, ни малѣйшаго участія въ возстаніи Грековъ, былъ выбранъ главною жертвою этого зрѣлища. Великій Визирь, узнавъ о возстаніи Морей, призвалъ патриарха и спросилъ: спокойно ли тамъ? Патриархъ показалъ ему письма епископовъ, въ которыхъ ничего не было сказано о возстаніи. Визирь отпустилъ Патриарха домой и далъ ему султанскій фирманъ на разрѣшеніе праздновать Пасху. Но когда на другой день въ Константинополь разнесся слухъ о возстаніи Морей, то Патриархъ понималъ, что участь его рѣшена и началъ готовиться къ смерти. Это было въ Страстную Пятницу.

«Наступило Свѣтлое Воскресеніе: глубокое уныніе царствовало въ народѣ; Патриархъ служилъ заутреню, съ полныиъ Синодомъ; но едва нѣсколько сотъ христіанъ присутствовали при этомъ торжествѣ, при которомъ обыкновенно до 15,000 народу собиралось въ Патриаршемъ Соборѣ. Носились слухи, что Турки рѣшились истребить все племя Грековъ и ждали его соединенія въ церквахъ, чтобы начать кровопролитіе.» (*)

«Въ 8 часовъ утра, въ воскресеніе, Патриархъ служилъ святую литургію; вошли въ церковь Чауши, посланные съ повелѣніемъ представить его Высокой Портѣ; онъ былъ въ олтарѣ, и послалъ имъ сказать, чтобы они подождали; они не смѣли не повиноваться, пораженные величіемъ его, когда онъ показался у царскихъ дверей въ полномъ обличіи, продолжая совершеніе таинствъ. По окончаніи Божественной литургіи, приобщившись Св. даровъ, Патриархъ со всѣмъ Синодомъ и съ другими почетными лицами зашелъ въ свою залу, и въ совершенномъ спокойствіи разговѣлся; на лицахъ всѣхъ его окружающихъ изображалась кручина мучительнаго предчувствія о его судьбѣ; онъ увѣщевалъ ихъ забыть всѣ земныя скорби, въ радостный день перваго Христіанскаго праздника, при ликованіяхъ церкви, и

(*)—И слухи, имѣя козвратъ нмгдѣ австралеице оиентали, не имаресине. Оди говорятъ, что этотъ слухъ распушенъ былъ Али-пашою; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что общее истребленіе христіанъ было рѣшено въ Совѣтѣ Властельной Парты.

пробывать гонимыи, какъ были персидскіе Христіане въ дни гоненій, и подобно имъ возложить упованіе на Спасителя. Потомъ онъ рождалъ, по старому обычаю, своеручно всѣмъ, по красному и по золотому яйцу, простился съ ними, далъ послѣднія наставленія своимъ приближеннымъ, и съ вѣрою мученика вышелъ къ ожидавшимъ его Туркамъ. Въ то же время были взяты подъ стражу три Митрополита, которые раздѣлили его участь.

Всѣ ожидали несчастія, но, припоминая важность патриаршаго сана и добродѣтели Григорія, припоминая, что со времени Магаметъ IV, при которомъ были повѣшены два патриарха, не было болѣе примѣра казни патриарховъ, надѣялись.

Во второмъ часу по полудни присталъ къ пристани Фенерь-Скелесси, недалеко отъ Патриаршей церкви, канкъ, въ которомъ сидѣли съ Патриархомъ четыре Чауши и палачъ. Тогда открылась вся ужасная истина народу, колеблемому между страхомъ и надеждою. Руки Патриарха были связаны за спиною; я видѣлъ его, когда Чауши помогали ему выйти изъ канка; тоже самое выраженіе покоя и благочестія, которое всѣ видѣли на его лицѣ, когда онъ сидѣлъ на престолѣ Златоустаго, которое сохранилось и по смерти его. Даже эти Турки, занятые въ ту эпоху ежедневнымъ исполненіемъ казней, фанатики, еще болѣе распаленные парами крови, не могли не окружать его нѣкоторымъ почтеніемъ. Его повели въ ближній кофейный домъ, между тѣмъ какъ палачъ пошелъ искать веревки, и приготовить подмостки для висѣлицы. Черезъ полчаса возвратился палачъ, и повелъ смиренную жертву. Расстояніе отъ пристани до Патриаршей церкви не болѣе двухъ сотъ шаговъ; палачъ шелъ впереди, за нимъ Патриархъ, потомъ Чауши. Черезъ архитравъ воротъ Патриаршаго двора была перенята веревка. Христіане стояли поотдалъ, и на ихъ лицахъ вы бы увидѣли оцѣпенѣніе страха, и печаль, которая не смѣла выразиться ни вздохомъ, ни слезою; изъ полуотворенныхъ оконъ окруженныхъ домовъ, съ боязнію и съ любопытствомъ, глядѣли женщины и дѣти. Когда все было готово, палачъ сталъ снимать верхнее платье съ Патриарха, и шарить въ кармаздахъ. Патриархъ сохранилъ свое всегдашнее спокойствіе, и предъ поносною смертію взгляды его выражали благодать Христіанства, прощающаго врагамъ своимъ. Онъ однажды только взглянулъ на Патриаршія знамя, на ворота, подъ конями веродъ проходилъ всегда съ благоговѣніемъ, и которыя обращались въ висѣлицу; лице его смутилось; но когда палачъ развязалъ его руки, онъ перекрестился, съ кротостію просилъ его подождать нѣсколько минутъ; сталъ на колѣна лицомъ къ своей церкви, и совершилъ свою послѣднюю земную молитву. Онъ боялся бросить прощальный взоръ пастыря къ осиротѣлому стаду, послать благословеніе мученика къ немощнымъ Христіанамъ, свидѣтелямъ его смерти; а видя онъ могъ подать поводъ къ обвиненію ихъ въ участіи въ воображаемыхъ его преступленіяхъ. Черезъ минуту палачъ, проворно какъ звѣрь, соскочилъ съ подмостокъ, сблизъ ихъ, и

мученикъ висѣлъ на воздухѣ. Христіане, проходя мимо, исполгоси шентами молитвы, и боялись поднять взоры. (*)

Но этимъ турецкое правительство не удовольствовалося. Три дня оставалось тѣло мученика на висѣлицѣ....

• Наконецъ къ вечеру третьяго дня обезображенный трупъ былъ брошенъ въ море; море принесло его къ одному Славянскому бригу, стоявшему у Галаты и готовому отплыть въ Одессу. Одинъ матросъ узналъ его, и покрылъ его рогожкой; и потомъ ночью подняли его на корабль и похоронили въ песѣ баласта. Всѣ жители Одессы приняли его съ благочестіемъ и восторгомъ; около 800 судовъ стояло въ гавани и на рейдѣ, когда бросилъ якорь Славянской бригъ подъ траурнымъ флагомъ; всѣ эти суда разныхъ Христіанскихъ вѣроисповѣданій во весь день продолжали пушечную пальбу. (**) По истеченіи карантиннаго срока тѣло Патріарха было похоронено въ Христіанской землѣ, съ торжествомъ, достойнымъ мученика и Главы Греческой Церкви.

Между тѣмъ въ Константинополѣ продолжались казни. Когда распространилось въ народѣ извѣстіе о кровопролитіи въ Морей, о возстаніи острововъ, фанатизмъ черни не зналъ никакой узды. Нѣсколько тысячъ Турокъ, большею частію послѣдняя сволочь Стамбула, предводительствуемые Дервишами, вооруженные, обошли Христіанскіе кварталы, ограбили и осквернили церкви и монастыри, изрубили всѣхъ, кто не успѣлъ укрыться, и проходя по улицамъ съ крестами, съ иконами, ризами, святыми сосудами и Евангеліями (**), похищенными въ церквахъ, стрѣляли въ окна, срывали рамы, рвали съ мостовой булыжники и бросали въ дома, и гдѣ нашли ворота отворенныя, или

(*) Иностранцы писатели не совѣтъ такъ рассказываютъ это страшное происшествіе и, кажется, извѣютъ на это право. Покажемъ главное различіе въ разсказѣ: во первыхъ, патріархъ и нѣкоторые члены его синода в десять протоіереевъ схвачены были въ полномъ облаченіи и въ самой церкви; во вторыхъ, патріархъ казненъ былъ немеленно, и казнь была устроена такъ варварски, что онъ, промучившись цѣлое утро, скончался только въ полдень; въ третьихъ, что епископы были подвергнуты неслыханнымъ мученіямъ, при которыхъ разажженные клещи, желѣзные котки, дыбы и всѣ срудія турецкаго судопроизводства были приведены въ дѣйствіе, а потомъ въ полномъ облаченіи повѣшены у дверей различныхъ церквей. Въ это же время въ Адрианополѣ были повѣшены, живые тамъ на колодѣ, патріархъ Кирилъ и тамошній архіепископъ. Десяти царей разграблено и прогнано въ различныхъ мѣстахъ Турецкаго царства. Но всѣхъ превзошелъ въ варварствѣ капуданъ-паша Кора-Али, который свирѣпствовалъ на малозіятскомъ берегу и на островахъ Архипелага; тамъ, апримѣръ, на островѣ Хиосѣ изъ 100,000 жителей Кора-Али оставилъ только небольшое число дѣтей и женщинъ.

(**) Въ Средиземномъ морѣ муческія суда всегда почти снабжены пушками, и по старой привычкѣ, и по причинѣ всегдашняго пиратства.

(***) И послѣ этого нѣкоторые писатели, купленные турецкими пістрами, свѣтъ утверждать, что турки, уважая въ Спасителя пророка, питаютъ уваженіе къ его храму!!!

гдѣ успѣли ихъ проломать, предались въ самыхъ домахъ неистовству Азіатца, ввязавшаго приступомъ вражій городъ. Вдоль морскаго берега семейства стояли у пристаней своихъ домовъ, готовые броситься въ море при приближеніи Турокъ, и даже нѣсколько женщинъ и дѣтей, испуганныя дикимъ гуломъ ихъ на улицѣ и стукомъ оружія у воротъ, сдѣлались жертвою волнъ.»

И все это совершалось въ 1821 году!

Таковъ былъ преобразователь, отъ преобразованія котораго, по словамъ англійскихъ и французскихъ писателей, христіане Турціи должны терпѣливо ждать, когда придетъ наконецъ то блаженное время, когда и съ ними станутъ обращаться по человѣчески.

Но не хотите ли послушать, до чего можетъ дойти печатное безстыдство? Не хотите ли послушать, что, на примѣръ, говоритъ извѣстный Пюклеръ-Мускау объ этомъ самомъ султанѣ, который наслаждался подобными зрѣлищами?

Описавъ, какъ передъ самою смертію своею султанъ Махмудъ II, возвращаясь изъ мечети, принялъ просьбу какой-то старухи, Пюклеръ-Мускау прибавляетъ:

«Это было послѣднее появленіе въ свѣтѣ Махмуда, и его послѣднее публичное дѣйствіе запечатлѣно было *благочестіемъ* и *добротою*. Исторія отдастъ ему справедливость и помѣститъ его между замѣчательнѣйшими людьми его времени.»

Одного приведеннаго нами факта, безъ сомнѣнія, извѣстнаго въ подробности каждому православному, и который такъ скоро позабыли христіанскіе писатели и христіанскіе политики Англіи и Франціи, достаточно, чтобы показать, что положеніе христіанъ въ Турціи не могло улучшиться при преобразованіи Махмуда II.

Теперь взглянемъ, на сколько знаменитый *хатти-шерифъ Гюльканы*, изданный съ такимъ торжествомъ, и въ которомъ защитника Турціи видятъ какую-то хартію безопасности христіанскихъ подданныхъ Турціи, измѣнилъ въ самомъ дѣлѣ ихъ положеніе.

Третьяго ноября 1839 года, по повелѣнію султана Абдуль-Меджида, министръ иностранныхъ дѣлъ Решидъ-паша прочелъ султанское повелѣніе въ присутствіи султана, всего двора, улемовъ, гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, представителей иностранныхъ державъ, шейховъ, имамовъ, трехъ христіанскихъ патріарховъ, еврейскаго раввина и всѣхъ важныхъ лицъ столицы, собравшихся на обширной равнинѣ Гюлькане, заключающейся внутри дворца Тотъ-Капу. Грамота эта начиналась слѣдующими словами:

«Весь свѣтъ знаетъ, что въ первый времена Оттоманской имперіи великія ученія Корана и законы Имперіи были всегда уважа-

сны, вследствие чего Имперія возрастала въ силѣ и величїи, и мѣтъ подданные безъ исключенія наслаждались довольствомъ и благосостояніемъ. Но вотъ уже полтора ста лѣтъ, какъ рядъ несчастныхъ происшествій и различныхъ обстоятельствъ отклонили отъ повиновенія священному кодексу законовъ и правиламъ, изъ него произтекающимъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ прежняя сила и благосостояніе превратилась въ слабость и бѣдность. Это потому, что Имперія теряетъ всякую крѣпость, какъ только перестаетъ сохранять свои законы. Эти размышленія представлялись намъ безрестанно, и съ того дня, какъ мы заняли тронъ, одна мысль объ общественномъ благѣ, объ улучшеніи состоянія областей и облегченіи народовъ занимала насъ. Если же посмотрѣть на географическое положеніе областей Оттоманской имперїи, на плодородіе ея почвы, на способности и умъ ея обитателей, то можно убѣдиться, что если стараться отыскать средства, то результаты, которыхъ мы ожидаемъ достячь съ Божіею помощію, будутъ достигнуты въ теченіе немногихъ лѣтъ. Итакъ, съ полной увѣренностью въ помощь Всемогущаго, поддерживаемые заступленіемъ нашего пророка, мы считаемъ необходимымъ обновленными установленіями доставить областямъ, составляющимъ Оттоманскую имперію, благодѣнія хорошей администратціи.»

Мы уже видѣли отчасти, каковы эти благодѣнія: впереди увидимъ еще больше. Въ своемъ мѣстѣ, налагая государственное управленіе Турціи, ея финансы и ея военныя силы, состояніе торговли и промышленности, мы будемъ еще нѣтъ случай говорить нѣсколько разъ о знаменитомъ таудзиматѣ, а теперь замѣтимъ только одно:

Таудзиматъ Гюлькане, какъ толкуютъ его и иностранныя писатели, хочетъ возвратити Турцію къ первымъ временамъ Оттоманской имперїи, хочетъ придать новую силу обетшаннымъ положеніямъ Корана и законамъ первыхъ султановъ. Вотъ его цѣль, вотъ его стремленіе, выраженное ясно: что же могутъ выиграть христіане отъ такого возвращенія къ старому, отъ такого строгаго исполненія предписаній Корана? Въ какое счастливое время, въ какую благословенную эпоху хочетъ ихъ возвратити турецкое правительство? Не къ счастливымъ ли временамъ Магомета IV, который повѣсилъ двухъ патріарховъ (въ 1641 и 1657 г.)? Не къ счастливымъ ли временамъ Магомета II, когда кровь христіанская лилась ручьями и церкви сотнями превращались въ мечети? Въ исторїи Турціи нѣтъ для христіанъ счастливаго времени, и христіанамъ Турціи нечего ждаль возврата къ прежнему порядку вещей и строгому соблюденію предписаній Корана. Теперь приведемъ нѣсколько фактовъ, дока-

зываютъ, что жизнь христіанъ, ихъ имущество, честь ихъ женщ и дочерей точно такъ же ограждены и въ 1854 году, какъ была въ 1820 и въ 1554. Тотъ, кто слѣдитъ за нынѣшними газетами, можетъ насчитать сотнями факты, доказывающіе справедливость этой мысли. Не выходитъ почти ни одного листка нѣмецкой, французской и даже англійской газеты, въ которой бы не было двухъ-трехъ самыхъ страшныхъ, самыхъ вопиющихъ поступковъ со стороны турокъ въ отношеніи христіанъ, остающихся безнаказанными точно такъ же при нынѣшнемъ правительствѣ, какъ было при Махмудъ II.

Вотъ что говорятъ по этому случаю сами газеты Times и Paus, которыхъ, конечно, ужь никакъ нельзя подозревать въ пристрастіи къ Россіи въ турецкомъ вопросѣ. Эти двѣ газеты болѣе всѣхъ другихъ вооружаются противъ насъ; но когда въ первой половинѣ сентября 1853 года стало извѣстно, что Порта не хочетъ принять ноты Вѣнскаго Конференціи безъ перемѣны и предлагаетъ въ ней такія измѣненія, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ отвергнуты Русскимъ Дворомъ, то Times и Paus, порицая этотъ поступокъ Порты, не находили болѣе другихъ пренатствій высказать, въ какомъ *въ самомъ дѣлѣ* положеніи находятся христіане въ Турціи, и, полагаясь на свидѣтельство одного человѣка, давно живущаго въ Турціи и хорошо знающаго положеніе тамѣшнихъ дѣлъ, объявили во всеуслышаніе: «Европа не знаетъ, что еще въ настоящее время въ Турціи честь каждой христіанки находится во власти перваго, попавшагося мусульманина, которому она имѣетъ несчастіе понравиться. Европа не знаетъ, что турки по произволу могутъ входить въ жилища христіанъ и брать тамъ все, что имъ вздумается; что жаловаться для христіанина опаснѣе даже, чѣмъ просто противиться, и что малѣйшее заступничество за несчастнаго райя есть для него величайшее благодѣяніе. Лордъ Редклифъ, несмотря на всѣ свои старанія привести турокъ на дорогу цивилизаціи, не могъ даже добиться того, чтобы прекратить вѣчное вымогательство денегъ у христіанъ со стороны турокъ, и чтобы у турокъ отнято было право безнаказанно нападать на христіанъ.» (*) Вотъ вамъ и вся цивилизація Турціи, которую теперь такъ восхваляютъ тѣ же самыя газеты! вотъ вамъ и защита, которую могутъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, оказать христіанамъ англійскія посольства и консульства!

Послѣ такого свидѣтельства, въ истинѣ котораго нельзя сомнѣваться, мы можемъ уже съ полною довѣренностью перевести здѣсь

(*) Die Türkei, von Ungewitter.

нѣсколько фактовъ, собранныхъ въ книгѣ г. Унгевиттера, которые дадутъ намъ ближайшее понятіе о благодѣяніяхъ, доставленныхъ христіанамъ знаменитымъ *танзимпапомъ*.

Въ Герцоговинѣ лежатъ, между прочимъ, *Требинья, Дубровники, Градачь и Поповъ*. *Требинья* есть главный городъ Герцоговины и лежитъ въ трехъ миляхъ къ сѣверо-востоку отъ извѣстнаго приморскаго города Рагузы; *Дубровники* лежатъ недалеко отъ *Требиньи*; *Градачь* лежитъ въ четырнадцать миляхъ къ сѣверо-западу отъ *Требиньи* и *Поповъ* лежитъ въ сторонѣ *Градача*. Въ *Поповѣ* жила шестнадцатилѣтняя христіанка, которой родители, римско-католики, не задолго передъ тѣмъ скончались. Ея красота привлекла на нее вниманіе одного турка, и такъ какъ его предложенія были отвергнуты и дѣвушка жила въ глубокомъ уединеніи, охраняемая своими родственниками, то онъ прибѣгнулъ къ *обычной* турецкой хитрости, которая употребляется турками ежедневно въ подобныхъ случаяхъ: объявилъ передъ судомъ, что дѣвушка желаетъ принять турецкую вѣру, но что ей мѣшаютъ въ этомъ ея родственники. По одному этому живому показанію, турецкіе сборы были отправлены въ домъ родственниковъ дѣвушки, и она была у нихъ вырвана изъ рукъ. Это случилось въ первыхъ числахъ августа 1853 года. Высшее католическое духовное лицо въ Градачѣ, получивъ объ этомъ извѣстіе, узнало, куда была скрыта дѣвушка. Тотчасъ же оно употребило всѣ усилія для ея освобожденія, и когда это ему удалось, то оно отправило дѣвушку въ Дубровники къ ея дядѣ. Едва узнали объ этомъ клеветы турка, какъ тотчасъ же, въ сопровожденіи вооруженныхъ людей, кинулись въ Градачь и ворвались въ домъ католическаго духовнаго лица, и онъ погибъ бы, если, по счастью, не успѣлъ скрыться въ Дубровники. Но это не остановило турокъ: они подкупили какую-то старуху, и та успѣла добыть имъ несчастную дѣвушку. Однимъ словомъ, турки достигли своего цѣли.

Подобныя поступки не рѣдкость въ Турціи, но рѣдко который изъ нихъ становится извѣстнымъ, по недостатку газетъ и по недопущенію такихъ дѣлъ до публичнаго разбирательства. Почти въ то же самое время, какъ рассказанное выше нами происшествіе совершилось въ Герцоговинѣ, нѣчто подобное совершилось также въ Магнезій, лежащей въ пяти миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Смирны. «Нѣсколько такъ называемыхъ турецкихъ волонтеровъ, находившихся тамъ въ это время на улицѣ, напали на цѣлую толпу христіанокъ и увлекли ихъ въ сосѣдній садъ... Если бы они совершили это злодѣяніе надъ турчанками, то, безъ сомнѣнія, заплатились бы за него жизнью; но здѣсь они отдѣлались нѣсколькими часами ареста, да и то только потому, что турецкія власти боялись общаго

возстанія христіанъ. За два мѣсяца передъ этимъ, именно около половины іюня 1853 года, албанскіе магометане, собравшіеся въ городъ *Воло*, въ Фессаліи, предупредили своихъ мало-азіатскихъ товарищей, и такъ какъ въ *Воло* живутъ только греки, то албанцы позволили себѣ такіа неистовства публично, о которыхъ мы не рѣшаемся говорить здѣсь.

Сердце замираетъ отъ ужаса и жалости, если только подумать, чему подвергаются христіане на европейской, своей собственной землѣ, въ девятнадцатомъ столѣтіи, подъ тѣмъ правительствомъ, съ которымъ христіанскія державы соблюдаютъ всѣ тонкости международнаго права, и съ которымъ теперь двѣ христіанскія націи вступаютъ въ дружескій союзъ противъ третьей, возставшей на защиту угнетенныхъ!

Но пойдѣмъ далѣе, если еще нужно итти далѣе, чтобы убѣдиться, что только одинъ страхъ русскаго меча, висящаго надъ Портою, какъ мечъ Демоклеса, можетъ принудить ее хоть сколько нибудь соблюдать права человѣчества, если уже не христіанства.

Въ одной албанской деревнѣ, лежащей на берегахъ Дриссы, стоила маленькая православная церковь, въ которой окрестные жители совершали свое богослуженіе, потому что въ окрестности не жили турки; во когда стало извѣстно, что въ Константинополь стараются возбудить фанатизмъ противъ Россіи, то паша Ускупа, въ округѣ котораго лежала албанская деревенька, захотѣлъ отличиться. Онъ твердо рѣшился сдѣлать какое нибудь зло христіанамъ и не зналъ только, какъ за это взяться. Сдѣлать что нибудь въ самомъ Ускупѣ или другомъ какомъ городѣ онъ боялся. Ему пришла на мысль небольшая деревенская церковь, и онъ, рѣшившись ее разорить, послалъ туда одного мусульманина, который, прійдя въ деревню, сорвалъ съ церкви крестъ и оттащилъ его въ рѣку; жители деревни, не смѣвшіе сопротивляться, вытащили крестъ изъ рѣки и снова поставили его на церковь. Мусульманинъ опять слялъ и бросилъ его въ рѣку, а когда христіане снова поставили крестъ на свое мѣсто, то паша объявилъ это за оскорбленіе, нанесенное мусульманству, и велѣлъ тотчасъ же разорить церковь до основанія, что и было немедленно исполнено. Это случилось въ концѣ іюня 1853 года.

Въ другомъ мѣстѣ, если не по прямому приказанію паши, то, по крайней мѣрѣ, съ его согласія, шайка турокъ ворвалась въ православный монастырь во время праздника и заставила монаховъ, покинувъ божественную службу, прислуживать себѣ за обѣдомъ. Еще ужаснѣе поступали въ это же самое время турки съ христіанами въ Бугаріи и въ малой Азій, гдѣ они уже рѣшительно не стѣсняли своей ненависти къ христіанамъ. Увѣчья и убійства христіанъ со-

вершались тамъ ежедневно; на всѣ жалобы турецкія власти общали каждый разъ нарядить слѣдствіе, но не наряджали ни разу, предоставляли полную свободу высказываться ненависти турокъ къ христіанамъ въ самыхъ ужасныхъ поступкахъ.

На островѣ Кандін, четвертаго іюня того же года, въ Мегаали-Бризи, мѣстечкѣ, въ округѣ Моссеа, пятнадцать вооруженныхъ турокъ напали на пятерыхъ безоружныхъ христіанъ, одного изъ нихъ убили, а троихъ смертельно изранили. Пятый христіанинъ, православный священникъ, успѣлъ уйти и объявилъ о злодѣйствѣ турецкому правительству города Кандін. Правитель, чтобы показать свою ревность, тотчасъ же послалъ на мѣсто преступленія двухъ *журиковъ*, которые, воротясь, объявили, что все славянское священникомъ справедливо, но что убійцы скрылись. На томъ дѣло и остановилось.

Въ то же самое время, какъ рассказанное нами въ началѣ происшествіе совершалось въ Тердоговниѣ, случилось тамъ и другое, которое очень ясно показываетъ, какъ соблюдается султанскій фирманъ, издаваемый имъ въ пользу христіанскихъ подданныхъ, и что всѣ увѣренія въ безопасности христіанъ пустыя слова. Два брата, оба христіанина, гнали восемнадцать штукъ быковъ на ярмарку въ Дубровники. Требиньскіе турки, провѣдавъ объ этомъ, вышли изъ города, убили обоихъ братьевъ и раздѣлили между собою добычу. Семейство умерщвленныхъ требовало по крайней мѣрѣ вознагражденія за отнятый скотъ; въ этомъ имъ отказали; еще больше: требиньскій судъ приговорилъ добычу въ пользу убійць.

Прихвѣръ турецкой справедливости и турецкаго безпристрастія въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ представляетъ также слѣдующій случай:

Въ 1852 году, шайка турецкихъ разбойниковъ напала на мало-азіатскую деревню Напа-Юой, въ которой жили только греки; жители защищались и убили при этомъ случаѣ нѣсколькихъ разбойниковъ. Турецкія власти оставили разбойниковъ, которые скрылись, въ покоѣ, и стали судить жителей деревни, какъ они смѣли убить мусульманъ. Восемь человекъ грековъ были схвачены, представлены въ Константинополь и, какъ государственные преступники, заключены въ тюрьму. Волнень имъ ихъ казнить, или по какимъ другимъ причинамъ, только ихъ оставили въ тюрьмѣ. Ихъ жены и дѣти, оставленные безъ куска хлѣба, бродили по улицамъ Константинополя, прося милостыни, и, вались въ ноги важныхъ турецкихъ чиновниковъ, молили ихъ объ освобожденіи заключенныхъ. Знатные европейцы, до слуха которыхъ дошло это дѣло, не могли добиться, чтобы несчастныхъ освободили или по крайней мѣрѣ

подвергнули суду. Они оставались въ тюрьмѣ въ продолженіе цѣлой весны и лѣта 1853 года и, сколько извѣстно, не освобождены еще и до сихъ поръ! Каковы же турецкія тюрьмы, объ этомъ очень хорошо знаютъ не только эти греки, но, между прочимъ, и христіане Востокъ, которые, только за то, что они христіане, во время похода турокъ противъ Монтенегро въ зиму 1852—53 года брошены были въ тюрьму въ Мостарѣ (въ Герцоговинѣ) и были выпущены оттуда только по вѣнштательству австрійцевъ 2 апрѣля 1853 года. Они сидѣли не въ тюрьмахъ, а въ какихъ-то подземельныхъ ямахъ, и нѣсколько изъ нихъ умерло отъ перенесенныхъ тамъ мученій. Семнадцать человѣкъ этихъ заключенныхъ, оставшихся въ живыхъ, долгое время не могли стоять на ногахъ и долго лежали какъ трупы посреди мостарскаго базара. Кровавыя полосы и куски мяса показывали слѣды веревочъ, оставшихся на ихъ тѣлѣ въ продолженіе тринадцати мѣсяцевъ. Первые дни они не могли ни ѣсть, ни пить. Такъ какъ четверо изъ нихъ были тяжело больны, то вѣскольکو мостарскихъ христіанъ хотѣли ихъ взять къ себѣ въ домъ, что было позволено имъ турками только тогда, когда двое изъ этихъ несчастныхъ уже умерли.

А вотъ небольшая выписка, помѣщенная въ «Allgemeine Zeitung», № 58, изъ одиннадцатой тетради «Spectateur de l'Orient»:

Эта газета, одна изъ лучшихъ вышедшихъ газетъ, продолжаетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ спокойствіемъ помѣщать умныя статьи, въ которыхъ объясняются всѣ происшествія Востока, и открывать глаза тѣмъ, которые еще не понимаютъ настоящаго положенія Турціи. Въ концѣ каждой тетради помѣщаются выписки изъ разныхъ корреспонденцій и другія краткія извѣстія за послѣдніе пятнадцать дней. Вотъ какія извѣстія помѣщены 7 февраля.

Изъ *Водины*, при Солоникѣ, похищены двѣ молодыя гречанки. Родители дѣвушекъ обратились къ ближайшимъ властямъ, но они прогнали ихъ съ бранью и запретили разглашать о своемъ несчастіи.

Въ деревнѣ *Молроне* двухъ греческихъ чиновныхъ лицъ низвела тѣлесно сирама паша, такъ что одинъ изъ нихъ умеръ подъ ударами, а другой отнесенъ въ солоникскій госпиталь, гдѣ отчаяваясь въ его выздоровленіи.

Въ Солоникѣ открытъ заговоръ улемовъ на жизнь христіанъ.

Въ Киссабѣ (Малой Азіи) турки убили христіанина, спокойно сидѣвшаго у дверей своего дома.

Въ различныхъ городахъ малой Азіи запрещено христіанамъ звонить, — не въ колокола: этого имъ никогда не позволялось, — во

въ особеннаго рода доски, висящія при церквахъ, и велѣно хоронить мертвыхъ не иначе, какъ по ночамъ.

Въ деревнѣ Булци, въ Эпирѣ, турки убили одного тамошняго богатаго жителя Алексѣя Бутриари и ограбили его домъ.

Въ Долианѣ, въ Эпирѣ, сорокъ турокъ ворвались въ домъ богатаго грека Полициантеса и ограбили его домъ. На дорогѣ они били всѣхъ жителей, которые имъ попадались, и нагрузивъ множество муловъ награбленнымъ богатствомъ, съ торжествомъ и пѣснями вышли изъ города.

Въ Аргирокастро (главномъ городѣ Албаніи), муфти, ненавидящій греческаго епископа, задумалъ его убить и спряталъ въ его свальнѣ фанатизированныхъ турокъ; но епископу удалось узнать объ этомъ заранѣе, и онъ уѣхалъ въ Янину: сомнительно, чтобы его жалоба имѣла какое нибудь дѣйствіе.

Таково-то положеніе христіанъ въ Турціи въ настоящее время. Къ этимъ фактамъ мы могли бы прибавить сотни другихъ изъ иностранныхъ газетъ; но такъ какъ эти извѣстія болѣею частію печатаются и въ русскихъ газетахъ, то они, безъ сомнѣнія, извѣстны нашимъ читателямъ. А потому, считая достаточнымъ сказаннаго выше, для доказательства, до какой степени необходимо для бѣдныхъ угнетенныхъ братьевъ нашихъ помощь русскаго оружія, которое только одно можетъ удержать злодѣйство полу-дикой, средне-азиатской орды, которая, чувствуя свое безсиліе и безпрестанно возрастающую силу христіанства, изливаетъ свою злобу на беззащитныхъ, — мы перейдемъ теперь къ изложенію военныхъ, промышленныхъ и финансовыхъ силъ Оттоманской Порты. Но прежде мы просимъ извиненія у нашихъ читателей за тотъ беспорядокъ, въ которомъ представляемъ имъ эти немногіе истинные факты, собранные нами наскоро изъ разныхъ современныхъ сочиненій о Турціи. Мы старались передавать ихъ съ возможною вѣрностію, не воботаясь слишкомъ о строгой системѣ и будучи увѣренными, что бѣольшая часть изъ нихъ далеко не новость. Мы передавали чужое: нашего же здѣсь только искра того чувства, которое оживляетъ въ настоящее время каждое истинно-русское сердце и которое заставляетъ насъ надѣяться, что и эта статья не будетъ вовсе бесполезна.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ О. И. ТЮТЧЕВА.

«Возвращеніе къ поэзіи стало замѣтно если не въ литературѣ, то въ журналахъ». Эти слова довольно часто слышались въ послѣднее время. Выраженное ими мнѣніе справедливо, и мы готовы согласиться съ нимъ, только съ слѣдующей оговоркой: мы не думаемъ, чтобы поэзія отсутствовала въ нашей текущей литературѣ, несмотря на всѣ упреки въ прозаичности и пошлости, которымъ она часто подвергается; но мы понимаемъ желаніе читателей насладиться гармоніей стиха, обаяніемъ мѣрной лирической рѣчи; мы понимаемъ это желаніе, сочувствуемъ ему и раздѣляемъ его вполне. Вотъ почему мы не могли душевно не порадоваться собранію восдино разбросанныхъ доселѣ стихотвореній одного изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ, какъ бы завѣщаннаго намъ пріятелью и одобреннаго Пушкина — О. И. Тютчева.

Мы сказали сейчасъ, что г. Тютчевъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для самолюбія современниковъ, г. Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предъидущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратьевъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одномъ г. Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность

Т. XLIV. Отд. III.

его съ жизнію автора, — словомъ, хотя часть того, что въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ г. Тютчева не обширенъ — это правда, но въ немъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безсвязно разбросанныхъ частей: онъ замкнутъ и владѣтъ собою; въ немъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ элементовъ чисто лирическихъ; но эти элементы опредѣлительно ясны и срослись съ самою личностію автора, отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ; они всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гёте, то есть они не придуманы и выросли сами, какъ плодъ на деревѣ, и по этому драгоценному качеству мы узнаемъ, между прочимъ, вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени.

Намъ скажутъ, что мы напрасно возстаемъ на сочиненіе въ поэзіи, что безъ сознательнаго участія творческой фантазіи нельзя вообразить ни одного произведенія искусства, кромѣ развѣ нашихъ нибудь первобытныхъ народныхъ пѣсень, что у каждаго таланта есть своя внѣшняя сторона — сторона ремесла, безъ которой ни одно художество не обходится; все это такъ и мы нисколько этого не отвергаемъ: мы возстаемъ только противъ отдѣленія таланта отъ той почвы, которая одна можетъ дать ему и сонъ и силу — противъ отдѣленія его отъ жизни той личности, которой онъ данъ въ даръ, отъ общей жизни народа, къ которой, какъ частность, принадлежитъ сама та личность. Подобное отдѣленіе таланта можетъ имѣть свои выгоды: оно можетъ способствовать къ легчайшей его обработкѣ, къ развитію въ немъ виртуозности; но это развитіе всегда совершается на счетъ его жизненности. Изъ отрубленного, высохшаго куска дерева можно выточить какую угодно фигурку, но уже не вырастетъ на томъ сушь свѣжему листу, не раскритыся на немъ пахучему цвѣтку, какъ ни согрѣвай его весеннею содице. Горе писателю, который захочетъ слѣдять изъ своего живого дарованія мертвую игрушку, котораго соблазнять дешевой триумфъ виртуоза, дешевая власть его надъ своимъ опошленимъ вдохновеніемъ. Нѣтъ, произведеніе поэта не должно даваться ему легко, и не долженъ онъ ускорять его развитіе въ себѣ посторонними средствами. Давно уже и прекрасно сказано, что онъ долженъ выносить его у своего сердца, какъ мать ребенка во чревѣ; собственная его кровь должна струиться въ его произведенія, и этой животворной струи не можетъ замѣнить ничто внесенное извнѣ: ни умныя разсужденія и такъ называемыя задушевныя убѣжденія, ни даже великія мысли, еслибы таковыя имѣлись въ запасѣ... И опѣ, и самыя эти великія мысли, если онѣ дѣйствительно велики, выходятъ не изъ одной головы, но изъ сердца, по прекрасному выраженію Воюварга: «Lez

grandes pensées viennent du cœur.» Чоловѣкъ, желающій создать что нибудь цѣлое, долженъ употребить на это цѣлое свое существо.

Начало «сочиненія», или, говоря правды, божественства, реторики, столь сильно развитое въ нашей литературѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, теперь, конечно, значительно ослабло: никому теперь не придется въ голову вдругъ, неизвестно почему, соорудить пятиактную фантазію по новоду какого нибудь итальянскаго живописца десятой руки, оставившаго послѣ себя двѣ-три плохія картины, спрятанныя въ темныхъ углахъ третьестепенныхъ галлерей; никто теперь не воспоетъ, скороностивно повергнувшись въ преувеличенный восторгъ, сверхъестественныхъ кудрей какой нибудь дѣвы, которой, можетъ быть, даже никогда и на свѣтъ не было; но все-таки божественство не исчезло въ нашей литературѣ. Слѣды его, и довольно сильныя, можно замѣтить въ произведеніяхъ многихъ нашихъ писателей; но въ г. Тютчевѣ его нѣтъ. Недостатки г. Тютчева другого рода: у него часто встречаются устарѣлыя выраженія, блѣдныя и вялыя стихи, онъ иногда какъ будто не владѣетъ языкомъ, — внѣшняя сторона его дарованія, та сторона, о которой мы упоминали выше, не довольно, быть можетъ, развита; но все это выкупается неподдѣльностью его вдохновенія, тѣмъ поэтическимъ дуновеніемъ, которымъ вѣетъ отъ его страницъ; подлѣнтіемъ этого вдохновенія, самый языкъ г. Тютчева часто поражаетъ читателя счастливою смѣлостью и почти пушкинскою красотою своихъ оборотовъ. Любопытно также наблюдать, каковыя образомъ зарождались въ душѣ автора тѣ, въ сущности немногочисленныя, стихотворенія (ихъ не болѣе ста), которыми онъ означалъ пройденный свой путь. Если мы не ошибаемся, каждое его стихотвореніе начиналось мыслию, но мыслию, которая, какъ огненная точка, вспыхивала подлѣ вліяніемъ глубокаго чувства или сильнаго впечатлѣнія; вслѣдствіе этого, если можно такъ выразиться, свойства происхожденія своего, мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается съ образомъ, взятымъ изъ міра души или природы, проникается имъ и сама его проникаетъ нераздѣльно и неразрывно. Исключительно, почти мгновенно лирическое настроеніе поэма г. Тютчева заставляетъ его выражаться сжато и кратко, какъ бы окружить себя стыдливо-тѣсной и изящной чертой; поэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, слытыя вмѣстѣ, и онъ болѣею частію высказываетъ ихъ единымъ образомъ, именно потому, что ему нужно высказаться, потому что онъ не думаетъ ни щеголять своимъ ощущеніемъ передъ другими, ни играть съ нимъ передъ самимъ собой.

Въ этомъ смыслѣ поэзія его заслуживаетъ названіе дѣльной, то есть искренней, серьезной. Самые короткія стихотворенія г. Тютчева почти всегда самыя удачныя. Чувство природы въ немъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно; но онъ, говоря словомъ, не совсѣмъ принятымъ въ хорошемъ обществѣ, не выѣзжаетъ на немъ, не принимается компоновать и раскрашивать свои фигуры. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бывають натянута и холодны у г. Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собственное открытіе. Кромѣ всего этого, въ г. Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ — плодъ многосторонняго образованія, чтедія и богатой жизненной опытности. Языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему знакомъ и дается ему. Стихотворенія г. Тютчева, почерпнутыя имъ не изъ собственнаго родника, какъ-то: Наполеонъ и др., намъ нравятся менѣе. Въ дарованіи г. Тютчева нѣтъ никакихъ драматическихъ или эпическихъ началъ, хотя умъ его, безспорно, проникъ во всѣ глубины современныхъ вопросовъ исторіи.

Совсѣмъ тѣмъ популярности мы не предсказываемъ г. Тютчеву, — той шумящей, сомнительной популярности, которой, вѣроятно, г. Тютчевъ нисколько не добивается. Талантъ его, по самому свойству своему, не обращенъ къ толпѣ и не отъ нея ждеть отзыва и одобренія; для того, чтобы вполнѣ оцѣнить г. Тютчева, надо самому читателю быть одареннымъ нѣкоторою тонкостію пониманія, нѣкоторою гибкостію мысли, не оставившейся слишкомъ долго праздною. Фіалка своимъ запахомъ не разить на двадцать шаговъ кругомъ: надо приблизиться къ ней, чтобы почувствовать ея благовоніе. Мы, повторяемъ, не предсказываемъ популярности г. Тютчеву; но мы предсказываемъ ему глубокое и теплое сочувствіе всѣмъ тѣмъ, которымъ дорога русская поэзія, а такія стихотворенія, каковы «Пошли Господь свою отраду» и другія, пройдутъ изъ конца въ ковецъ Россію и переживутъ многое въ современной литературѣ, что теперь кажется долголѣчнымъ и пользуется шумнымъ успѣхомъ. Г. Тютчевъ можетъ сказать себѣ, что онъ, по выраженію одного поэта, создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть; а для истиннаго художника выше подобнаго сознанія награды нѣтъ.

Ш. Т.

Мартъ 1854.

НОВЫЯ КНИГИ.

МАРТЪ 1854.

РАУТЪ. *Историческій и литературный сборникъ, изданный Н. В. Сушковымъ. Книга 3-я. Москва. 1854.*

Въ московской литературѣ происходятъ часто престранныя событія. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вошли тамъ въ моду сюрпризы, ничѣмъ не уступающіе тѣмъ сюрпризамъ, которые можно находить въ ящикѣ папирозъ или въ залѣ, гдѣ разыгрывается какая нибудь лотерея-аллегри. Дѣло въ томъ, что, въ одно прекрасное утро, когда вы преспокойно сидите у себя и ничего необычайнаго не ожидаете, передъ вами вдругъ является книга, написанная или изданная г. **Н. Н.** Сначала вы не обращаете вниманія на имя автора или издателя, но мало по малу вамъ начинаетъ казаться, что оно какъ будто не совсѣмъ безъизвѣстно для васъ.

«Съ какимъ-то Чапкинъ былъ когда-то я знакомъ»,

невольно говорите вы про себя и стараетесь припомнить, гдѣ именно и когда знакомство это завелось? Наконецъ память ваша доискивается до истины, и вы убѣждаетесь, напримѣръ, въ томъ, что авторъ или издатель въ эпоху двадцатыхъ годовъ пописывалъ кое-что и печаталъ это кое-что въ альманахахъ и журналахъ средней руки, а съ того времени безмолвствовалъ лѣтъ двадцать. Вотъ первый сюрпризъ. Этотъ сюрпризъ, впрочемъ, довольно слабый. Но, позвольте: дѣло этимъ первымъ сюрпризомъ не кончится. Разрѣшившись однажды изданіемъ своего произведенія, нашъ авторъ начинаетъ чувствовать болѣзненную, лихорадочную дѣятельность,

Т. XLIV. Стл. IV.

какъ бы понуждающую его вознаградить потерянное время; для него дѣлается непреодолимою потребностію писать, сочинять, во что бы то ни стало. И вотъ его сочиненія начинаютъ выходить одно за другимъ, книга за книгою, статья за статьею. Вы воображали, о добродушный читатель, что авторъ, въ теченіе двадцати лѣтъ ничего не печатавшій, отказался вовсе отъ литературы? Какое заблужденіе! Нѣтъ, онъ писалъ, онъ сочинялъ тихомолкомъ, онъ спорилъ съ невзвѣстными оппонентами, онъ терялъ рукописи и опять находилъ ихъ, а теперь всѣ эти келейные труды своего пера *предъявляетъ* современникамъ и потомству. Это второй сюрпризъ. За этимъ вторымъ начинается третій, самый неожиданный. Послѣ изданія двухъ или трехъ книжекъ, надѣ авторъ, обновившій въ публикѣ свою извѣстность, начинаетъ непоумѣрно кичиться своею литературною давностію, опираясь на несошоримые аргументы своего знакомства съ такимъ-то изъ умершихъ писателей, доказываетъ права свои на литературный авторитетъ и — даже — принимаетъ на себя роль судьи современныхъ явленій словесности, отъ которыхъ онъ уже поотсталъ немного, и которыя для него уже не совсемъ понятны. Но нашъ милый авторъ съ прелестнымъ самодовольствіемъ и во всеуслышаніе говоритъ: «какъ мнѣ этого не знать? Я ученикъ такого-то, я *старого льсу кочерга*; вы еще были на рукахъ у нянекъ, когда я бывалъ тамъ-то, писалъ то-то» и т. д. Этого мало: къ характеру Аристарха онъ прибавляетъ нѣкоторыя черты Мецената и собираетъ вокругъ себя почетную стражу изъ забытыхъ, подобно ему, сверстниковъ своихъ и изъ молодыхъ добродушныхъ новичковъ, жаждущихъ видѣть имя свое напечатаннымъ гдѣ бы то ни было, рѣшившихся какимъ бы то ни было способомъ вступить на скользкое поприще литературы. Первые, то есть сверстники нашего автора, разумѣется, мрачно посматриваютъ на все новое и живое въ литературѣ. И какъ это понятно! Они горько негодуютъ на то, что прошла ихъ пора, т. е. то блаженное время, когда они на кредитъ составляли себѣ репутациію, которой не признаетъ современное поколѣніе, живущее, по ихъ мнѣнію, въ такую эпоху, когда

Не стало у людей поэзіи!

Все рѣчь о скучныхъ барышахъ,

Съ какой-то прѣскостою мажизіи

Тоска тоскуеть въ ихъ душахъ.

Молодые же сочинители, жаждущіе видѣть имя свое напечатаннымъ гдѣ бы то ни было, вѣрать авторитету бызачьихъ людей своего кружка, убѣждающихъ ихъ, что и въ самомъ дѣлѣ *не стало у людей поэзіи*. Бѣдныя молодые люди! они сидятъ, отыскивать ее и

воспроизвести въ чужеземныхъ подражаніяхъ какими нибудь ита-
даванскимъ, чешскимъ и другимъ исповѣніямъ, какъ будто бы
сила и оригинальность этой поэзіи заключаются не въ глубокомъ
пониманіи и изящномъ выраженіи чувствъ, общихъ всему человѣ-
честву, а въ какихъ нибудь дѣтскихъ лепетаніяхъ обитателей тем-
наго уголка земли. Какъ бы то ни было, юноши и старцы состав-
ляютъ согласную и упорную фалангу, которая начинаетъ смѣлѣе
и смѣлѣе давать совѣты, порицать, заводить табель о литератур-
ныхъ достоинствахъ, изобрѣтаетъ ередства для пріобрѣтенія въ са-
увѣреніями въ своей благонамѣренности. Сюрпризъ развертывается
вполнѣ, является во всей красѣ.

Но намъ могутъ сдѣлать вопросъ: отчего мы относимъ такого
рода сюрпризы только къ области московской литературы? И развѣ
нѣтъ имъ подобныхъ въ петербургской литературѣ? На это мы бу-
демъ имѣть честь отвѣчать, что и въ Петербургѣ сюрпризы бывають,
это безспорно, но въ Петербургѣ они имѣють характеръ болѣе отры-
вочный. Вотъ, напримѣръ, петербургскіе сюрпризы: стишки г-на Ф**
къ Рашель, статейки г. Каменскаго объ «Американскихъ Штатахъ»,
съ которыми знакомство автора, по многимъ причинамъ, очень по-
дозрительно; разсылка при какомъ нибудь подземномъ сборникѣ пор-
трета его издателя, и т. п. Но все это отдѣльные факты, не обличаю-
щіе тѣсной связи между писателями, вознамѣрившимися, во что бы
то ни стало, помогать другъ другу и печатать свои творенія, — од-
нимъ словомъ, составить свою школу. Петербургу некогда зани-
маться такими мелочами, о нихъ оцѣ узнаеть даже очень поздно.
Такъ, напримѣръ, только послѣ трехъ-мѣсячнаго пребыванія здѣсь
великой трагической артистки до настоящей литературы дошли
слухи о томъ, что въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ въ какомъ-то
литературномъ захолустьи составилъ родъ лиги противъ нея, и что
тамъ преедѣловали ее, конечно *für wenige*, систематическимъ обра-
зомъ. Но объ этомъ сюрпризѣ никто почти и не упомянулъ! Въ
Москвѣ же, гдѣ такъ мало журналовъ и газетъ, литературные сюр-
призы рѣзче бросаются въ глаза и потому болѣе цѣнятся. Это не-
оспоримо. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, дозволимъ теперь обратится
къ московскимъ альманахамъ вообще и къ «Рассвету» въ особен-
ности.

Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ литературные сборники и аль-
манахи издавались все рѣже и рѣже, Москва съ жеромъ принимала
за нихъ въ послѣднее время. Воскресителемъ особаго рода альма-
наховъ, отличающихся невыразимой прелестью старческой манеры,
былъ изданный въ 1850 году г. Писемнова Архивъ «Дра-
матическій Альбомъ», снабженный портретами артистовъ, такими

портретами, при взглядѣ на которые становилось, какъ выражался нѣкогда Полевой въ «Гамлетѣ»,

«За человѣка страшно»:

до такой степени въ этихъ портретахъ не было ничего человѣческаго.

Въ этомъ «Драматическомъ Альбомѣ» г. Арапова въ первый разъ явно выказалось ретроспективное направленіе, вслѣдствіе котораго гордо появились въ печати: отрывки изъ «Мизогина» г. Сушкова, написаннаго въ 1821 году и испытывающаго съ тѣхъ поръ разные перевороты фортуны; водевили г. Арапова, игранные въ 1815 году; «Мальтійскій Кавалеръ» г. Офросимова, представленный въ 1830 году, и т. д. Все это по большей части были произведенія того давно-прошедшаго времени, о которыхъ такъ относился покойный Писаревъ:

Скропалъ Пимлашка водевилъ,
Гобоевскій сложилъ музыку;
Піеса шепнулась безъ крику:
Man kann nicht immer was man will.

(Несскій Альманахъ. 1830. Стр. 247.)

Въ Сборникѣ г. Арапова помѣщены были и историко-критическія статьи объ искусствѣ и другія сочиненія, отличающіяся вообще какой-то добродушной увѣренностью въ своемъ совершенствѣ и вообще въ превосходствѣ стараго надъ новымъ. «Драматическій Альбомъ» былъ, такъ сказать, зерномъ, породившимъ другіе такого рода сборники. И вотъ съ 1851 года гостепріимный г. Николай Сушковъ открылъ свои рауты для литературы. На этихъ раутахъ онъ какъ хозяинъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ со всѣми безцеремонно, читаетъ всѣ свои старыя сочиненія безъ исключенія, вытаскиваетъ для удовольствія своихъ читателей весь свой литературный архивъ. Вотъ любимое чадо его фантазіи, этотъ «Мизогинъ», который столько разъ съ 1821 года, какъ объяснялъ намъ самъ поэтъ, только прозой:

То пропадалъ, то находился
И ровно черезъ тридцать лѣтъ
На Раутъ съ гордостью явился.

Вотъ «Рампны», вотъ нѣсколько статей о нравахъ, вотъ астрическія нѣсповѣстія. Гостепріимный хозяинъ тѣмъ богатъ; тѣмъ и радъ. Изъ новаго поколѣнія москвитинъ литераторовъ на этихъ раутахъ появились гг. Мей, Вергъ, Миллеръ, Петерсонъ, Александръ, Вистенгофъ, Щербина и пр., даже Е. Туръ и г. Островскій. Изъ прежнихъ, кромѣ самоде издателя, гг. Араповъ, Глинка (С.), Шеваревъ,

г-жи Павлова, Глинка (А), графиня Ростопчина. Публика сожалѣла только о томъ, что не встрѣчала гг. М. Дмитриева и Лихомина: безъ нихъ торжество было какъ-то не совсѣмъ полно. Нельзя не замѣтить, что на этихъ раутахъ появлялись на мгновение Дармоштовъ, князь Вяземскій, Тютчевъ и Языковъ. Гостеприимный хозяинъ волею или неволею завлекалъ къ себѣ всѣхъ своею любезностію, противъ которой нельзя же устоять.

Въ «Раутѣ» 1854 года читатели найдутъ нѣсколько довольно любопытныхъ документовъ временъ царствованія Великой Екатерины и Александра Благословеннаго. Они украшены известными именами Суворова, Миниха, Фермора, Потемкина, принца Нассау-Зигенскаго, Храповицкаго, Ростопчина. За изданіе этихъ матеріаловъ нельзя не поблагодарить собирателя Раута. Кромѣ того не безъ любопытства можно пробѣжать краткія письма къ покойному Загоскину — Гибдича, Батюшкова, Дмитриева, Жуковскаго и другихъ, равно и письмо Гоголя къ г. Вигелю. Неизданныя стихотворенія Храповицкаго, А. С. Хвостова, Кашиста, Милонова и Пушкина также интересны, какъ факты для исторіи нашей литературы. Но существенную часть «Раута» составляютъ современныя литературныя произведенія, и вотъ о нихъ мы будемъ имѣть честь говорить теперь.

Начнемъ съ прозы. Первая статья «Раута» 1854 года: «Благотворительныя и учебныя учрежденія дамскаго пошечительства въ Москвѣ», написанная г-жею Драшусовой, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о богадѣльняхъ, убѣжищахъ, руководѣльныхъ и школахъ, основанныхъ въ древней нашей столицѣ общественною благотворительностію. Статью эту прочтутъ многіе не безъ любопытства.

«Свѣтонисъ» Ардымскаго (псевдонимъ) составляетъ какую-то загадку, необъяснимую для читателей и понятную безъ комментариевъ развѣ только той «возлюбленной четѣ», которой авторъ посвятилъ свой трудъ. «Сей городъ — говоритъ онъ — если не первый въ мірѣ, то по крайней мѣрѣ единственный въ своемъ родѣ на землѣ, недавно посѣтили вы, моя возлюбленная чета!» и проч. (См. стр. 37.) Видно, что статья эта написана только для возлюбленной четы, потому что чтѣ за охота публикѣ въ сотый разъ читать топографическое описаніе Москвы *à vol d'oiseau* и ломать голову таинственными изображеніями какихъ-то фантастическихъ лицъ московскаго общества? Кто, напримѣръ, этотъ «отчаянный любовникъ Россіи, обманенное чело котораго чувствительныя женщины украсили вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ розъ любви и пальмы красноречія»? (Стр. 44.) По крайней мѣрѣ мы рѣшительно ничего

не понимаемъ въ этой загадкѣ, хотя довольно знакомы съ Шюскиномъ. Но, можетъ быть, читателя наши будутъ пресорливые насъ и назовутъ шре себя ясна, скрытыя отъ нашей проницательности подъ риторическими, благоуханными цвѣтами. Для нихъ-то мы вышлемъ еще слѣдующія строки:

«Вскорѣ послѣ того узнали вы другую женщину, чужеземнаго, иновѣрнаго происхожденія, но у насъ родившуюся, которую *Rossia* съ ипростою себѣ присвоила (?). Это одна изъ малаго числа тѣхъ *необыкновенныхъ Пямокъ*, которыя являлись нашимъ отечеству и его аллиментъ. Но чувству превосходства своего, могла бы она не подчинять себя всѣмъ мекочамъ свѣта, но съ удивительною скромностію дала она добровольно опутать себя цвѣточными, кружевыми, зонточными оковами (?) и *часто съ общестомъ должна наизбавляла, чтобъ казаться всѣмъ расною*. Иногда однако же ея геній, противъ воли ея, разрываетъ эти узы и тогда я съ радостію вокругъ нея слышу роль ничтожества. Мужъ ея — также человѣкъ, отлично образованный, одаренный превосходными литературными талантами....»

Эпизодъ о сей «необыкновенной Пямкѣ» восхитителенъ, и мы всероумно благодаримъ за него г. Ардальскаго (псевдонимъ).

Фантастическое вдохновеніе автора «Свѣтлицы» имѣло большое вліяніе на сочиненіе подъ заглавіемъ: «Последніе партнеры, баллада въ прозѣ», г. Вистомцова. Тутъ уже дѣло не на шутку. Итъ! Вообразите, что героиня баллады — строгая картежница, забывшая для ермаша и пресеранса всѣ свои обязанности и играющая ночью въ карты съ мертвецомъ и бѣсомъ, которые ее отвратываютъ и душатъ! Но не пугайтесь, читатели! Все кончается благополучно, благодаря старинной удловкѣ альманахныхъ расстановковъ, которые любятъ выдумывать разные слухи, оказывающіеся при разлукѣ издоромъ — невольныи ономъ. Такъ и въ «Последніи партнеры». Разумѣется, что послѣ такого *сониаго* урома героиня исправилась и; бросивъ карты, сдѣлалась примѣрною матерью и ковайкой....

Другой рассказъ того же автора: «Свѣтлые и туманные дни», особенно замѣчательнъ по одному обстоятельству. Героиня его, Церешина, *доле бидажъ, то благодарныхъ родителей*, истощаетъ безуспѣшно всѣ средства къ приобрѣтенію денегъ, рѣшилась на такой поступокъ, который заставляетъ насъ думать, что она коротко знакома съ «Сантиментальнымъ мученичествомъ Ивана Чернопнижскакова по петербургскимъ дачамъ». Бѣдный Чернопнижниковъ! тебѣ неслуча горнила участь! Ты не кончилъ надлежащихъ образомъ своего существованія! Твои порывы были основаны. Ты не былъ одиномъ и цонкть. *Il était né trop tôt, c'est ce qui l'a perdu.*

Могъ ли онъ ожидать, что въ 1854 году московскій «Раутъ» будетъ заимствовать изъ его записокъ материалы для своихъ повѣстей! А вышло такъ: Серафима г. Вистенгофа для пріобрѣтенія денежнаго сбора летаетъ съ г. Квальярди на воздушномъ шарѣ, точно такъ же, какъ таинственная незнакомка, плѣбившая Чернокижнникова. Разница только въ одномъ: послѣдняя получила за этотъ подвигъ въ расчелливомъ Петербургѣ только пятьдесятъ цѣлковыхъ, тогда какъ щедрая Москва *набросала* Серафимѣ *двадцать пять тысячъ!* Кромѣ этого въ разсказѣ г. Вистенгофа замѣчательны фамиліи лицъ высшаго общества, въ ней выведенныхъ, это: *Азоровъ* и княжна *Мистерина*. Совершенно аристократическая фамилія! Чтò касается до развязки повѣсти, то она точно показалась намъ принадлежащей къ роду *мистерій*. Мы въ ней ровно ничего не поняли. Это-то и настоящее достоинство мистерій!

«Разсказъ, не стоящій заглавія», г. Колошина, въ сущности *разсказъ, не стоящій разбора*. Дѣло въ томъ, что Тарусинъ сказалъ Порѣцкому: «поѣзжай на мѣсто меня къ водамъ съ одной гордой и неприступной дамой, а мнѣ уступи свою фамилію, чтобы я могъ ѣхать въ такой-то городъ и разузнать тамъ инкогнито о предложенныхъ мнѣ невѣстахъ.» Дѣло слажено. Слѣдуетъ нѣсколько несообразностей, ни къ чему не ведущихъ, и все оканчивается тѣмъ, что Порѣцкій женится вмѣсто Тарусина на дамѣ-путешественницѣ, съ которой Тарусинъ не хотѣлъ ѣхать, считая невозможнымъ побѣдить ея сердце, а Тарусинъ лишается и ея и всѣхъ своихъ невѣстъ и остается въ дуракахъ.

Г. Петерсонъ подарилъ «Рауту» новый отрывокъ изъ своего романа, подъ названіемъ: «Все изъ густяновъ». Дѣйствіе происходитъ въ Павловскѣ, въ домѣ Катеневыхъ. У нихъ гостятъ всѣ лица высшаго круга, какъ явствуетъ изъ ихъ фамилій: лютическій *Склонскій*, глухой красавецъ *Карраровъ* и безподобная, должно быть вдова, *Надина О'Морфи* (!!!). Всѣ они что-то болтаютъ между собою и недоѣдаютъ другъ другу до того, что Карраровъ заводитъ разговоръ съ собственною совѣстью, и наконецъ выѣзжаютъ почему-то въ Петербургъ. Изъ за чего же пріѣзжали они? «Портретъ», разсказъ г. Кушнерева; не что иное, какъ старинный анекдотъ о томъ, какъ, не ошибкѣ мнѣ тлупности мистеривато, дѣлавшаго раму на портретъ какого-то юноши, мумъ его *незавѣданной* узналъ о проказахъ своей жены.

Для полноты, упомянемъ о коротенькомъ письмѣ съ Аонской горы, присланномъ къ г. Гречу и неизвѣстно почему очутившемся въ «Раутѣ».

Но самое капитальное произведение, *morceau de résistance*, прозаическаго отдѣла «Раута» есть, безъ сомнѣнія, статья самого издателя: «Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями», занимающая 160 страницъ. Какое пространство для фантази талантливаго автора! Дѣйствительно, онъ ужъ и разгулялся на этомъ пространствѣ изъ 160 страницъ. Послѣ довольно длиннаго вступленія, въ концѣ котораго неизвѣстно почему являются давно извѣстные стихи князя Вяземскаго: «Масляница», начинается рядъ рубрикъ или отдѣловъ, подъ заглавіями: Карамзинъ, Погодинъ, Полевой, Зонтагъ и Ишимова, Загоскинъ, Даль, Основьяненко, Пушкинъ, Лермонтовъ, Лажечниковъ, Гоголь, Вонлярлярскій и т. д. Не постигаемъ; для чего на этомъ тернистомъ пути къ потомству, который авторъ пролагаетъ для нашихъ писателей, выставлены, подобно верстовымъ столбамъ, заглавія этихъ рубрикъ? Они ровно ничего не указываютъ. Напримѣръ, подробности воззрѣнія автора на Гоголя, о которомъ сказано, между прочимъ, на стр. 395: «и дойдетъ онъ къ потомству.... безъ «Мертвыхъ Душъ» (?) надобно искать, какъ вы думаете гдѣ? въ отдѣлѣ, именуемомъ: Вонлярлярскій!! Невозможно вообразить хаоса, царствующаго въ этой статьѣ, въ которой упомянуто по крайней мѣрѣ двѣ сотни именъ писателей и въ такой непостижимой непослѣдовательности, что столкновенія ихъ рѣшительно сбиваютъ съ толку самаго усерднаго и понятливаго читателя. По поводу, напримѣръ, Даля, имена Карлгофа и гг. Зотовыхъ! Чтó это такое?

Сужденія автора о достоинствѣ нашихъ писателей всѣ такъ оригинальны и милы, что дѣлать изъ нихъ выписки невозможно. Надобно непременно прочесть всю статью вполнѣ. Тѣ же, кто откажутся отъ этого несказаннаго удовольствія, чтобы имѣть хотя слабое понятіе о мысляхъ и образѣ изложенія автора, могутъ обратиться къ «Ералашу» (3 № Современника). Тамъ есть драгоценный отрывочекъ о Пушкинѣ и о производствѣ г. Сенковскимъ автора «Мизогина» въ Шекспира, на которое званіе г. Николай Сушковъ имѣетъ, какъ онъ остроумно самъ выражается, старшинство, кажется, шесть лѣтъ. Если бы мы не боялись обвиненія въ нарушеніи права собственности, мы предложили бы редакторамъ «Ералаша» перевезти къ себѣ весь этотъ обозъ вполнѣ, — обозъ,

«Въ которомъ тысячи нечаянныхъ волось!»

но выраженію Крылова.

Но нельзя, однако, удержаться, чтобы не сдѣлать еще нѣсколько выписокъ изъ этого неподражаемаго обоза:

«.... пора въ путь-дороженьку! начну переключку хозаекъ и путчиковъ, и повѣрку подорожныхъ и накладныхъ.

• Ну, Аполлонъ! раздвигай рогатки! выпускай въ заставу подводы, по очереди! А ты, Меркурій! подстегивай лѣнливыхъ и усталыхъ лошадокъ! А вы, Музы, Камены! привѣсьте колокольчани, погренушки и бубенчики кому нужно прибавить прыти, ретивости на длинномъ пути! Вотъ, слава Богу, тронулись!...» (Стр. 259 и 260.)

• Прозанческій языкъ Карамзина и М. Н. Муравьева создалъ въ нашей словесности Батюшкова, который столько же прозаикъ, какъ и поэтъ, А. Стурдзу, Загоскина, Лажечникова, Греча, Булгарина, А. Норова, А. Муравьева, Вельтмановъ — мужа и жену, Павловыхъ — мужа и жену, Гр. Соллогуба, Лермонтова, Глинковъ, мужа и жену, Сенковского, съ нѣкоторыми уклоненіями отъ склада рѣчи Карамзинской и нововведеніями, нисколько впрочемъ не въ пору, а къ сближенію письменнаго языка съ языкомъ разговорнымъ; однимъ словомъ: всѣ, краснорѣчивѣйшіе у насъ писатели, во всѣхъ родахъ....» (Стр. 260.)

• 7. Пушкинъ. Пушкинъ — всадъ Пушкинъ; но проза его, исключая «Исторію Пугачевского бунта», о которой тутъ говорить не мѣсто, далеко ниже стиховъ. Даже — помните, что я говорю о его прозѣ не сравненію съ его же стихами — даже «Капитанская дочка» — развѣ уцѣлится за «Онегина», къ которому ужъ крѣпко прицѣпился «Графъ Нулинъ», или пойдетъ подъ «Полтаву», или сядетъ у «Бахчисарайскаго фонтана», или «Разбойники» заведутъ ее въ Цыганскій таборъ», или хоть найметъ она себѣ «Домикъ въ Коломнѣ» — вѣроятно, прѣостановится въ скучную «Мятедь» у «Станціоннаго смотрителя» поиграть съ «Сильвіо» въ карты, или замлугаетъ въ лѣсу съ «Акулиной», или «Пиковая Дама» (очень плохо переведенныя на Французскій языкъ), толкнетъ ее къ «Гробовщику» и тогда — вѣчный покой Бѣлкину!...»

• Лермонтовъ. «Герой нашего времени» (типикъ въ Европѣ, мнѣз на Руся): достоинъ стать на ряду и даже во главѣ лучшихъ нашихъ романовъ и повѣстей, и прежде и послѣ его куда написанныхъ, собственно по языку и частью по очерку двоимъ изъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ, вымышленнаго Печерина и не-выдуманнаго Максима Максимыча. Женщины, отъ полудикой Бѣлы и старухи-контрабандистки съ ея буйною товаркою, до княжны Мери и любящей Вѣры, не представляютъ ни одной, вновь подмѣченной черты въ этой, неразгаданной половинѣ челоуѣчества. Фаталистъ — что-то такое неполное, отрывочное, неподдѣланное; его не лзя назвать ни подлиннымъ разказомъ, ни эпизодомъ къ повѣсти, а развѣ только анекдотомъ; мысль въ немъ далеко не развита, и задача не разрѣшена. А ужъ Турецкая сказка и два отрывка изъ неоконченныхъ повѣстей — ровно ничего не значать.»

• О. И. Тютчевъ, лѣнливѣйшій и безпечнѣйшій изъ поэтовъ. Тоже раздумье, тоже разочарованіе по временамъ, даже лѣнность утомленной души; но гораздо меньше небрежностей и недосказовъ. Такъ, на прижѣръ, пѣснь: его «Волна и дума» (Раутъ 1852) и Лермонтова «Волны и люди» напоминаютъ она другую. Которая лучше — мудроно рѣ-

дать. — *Писатели*, не по страсти, а кой-когда, по внезапному вдохновению, как бы импровизаторы, Тютчевъ часто проявляетъ въ своихъ стихахъ силу и яркость воображенія, порой женскую, нервическую восприимчивость и раздражительность, иногда просто-музыкальное настроеніе души.»

Удивительнѣйшая характеристика писателей....

Теперь перейдемъ къ стихамъ «Раута».

Въ трехъ стихотвореніяхъ графиня Ростопчинной развиваются слѣдующія мысли :

1) Что поэтъ любить курить на балконахъ.

2) Что онъ не измѣняется, или, выражаясь собственными его словами :

«Что я все я на перекоръ судьбъ!»

3) Что онъ продолжаетъ по ночамъ слушать соловьевъ, которые *говорятъ* (не поютъ ли?) «объ юности, о всѣхъ ея затѣихъ», и

4) Что поэтъ нашелъ во всемъ обманъ и ложь....

«Опоры и любви.... ни въ комъ, ни въ чемъ!»

Все это прекрасно, хоть и не ново. Гг. Май, Д. Сушковъ, Лизандеръ и г-жа Жадовская по прежнему продолжаютъ упражняться въ сочиненіи довольно гладкихъ стиховъ, какъ то дѣлствуетъ изъ помѣщенныхъ ими въ «Раутъ». Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о чешскихъ, литовскихъ и другихъ пѣснопѣннѣхъ трудолюбивыхъ гг. Берга и Миллера. Между этими пѣснопѣннѣхъ встрѣчаются иногда болѣе, нежели неудачныя. Г-жи А. Глинка и Павлова отличаются въ «Раутъ» тѣми самыми блестящими достоинствами, которыя столь справедливо оцѣнены его издателемъ. Пьеса первой изъ нихъ : «Катка», дышетъ всею прелестію неподражаемыхъ твореній вѣчно-незабвенной памяти Анны Бувиной и «являе Петра Шаликова. Вторая, съ тою же гордою, достойною поета, самоуверенностію, говоритъ о высочайшемъ своемъ призваніи. Но кто болѣе всего порадовалъ насъ — это почтенный ветеранъ-поэтъ г. О. Глинка. Нѣтъ, невольно говорили мы про себя, читая его стихотворенія : онъ неизмѣненъ ! Все тотъ же и тѣ же курсивы ! какое удивительное постоянство!» Мы не хотѣли было дѣлать выписокъ изъ стихотвореній «Раута», но для г. О. Глинки дѣлаемъ исключеніе. Какъ скрыть такой литературный перлъ ?

Вотъ частички этого перла :

Я бурли вснахалъ, — разрытъ ураганомъ

И слѣзы — мой были покровъ :

Меня обольщали — обманъ за обманомъ,

Какъ ласки измѣнчивыхъ дѣвъ!...

Когда и пускался въ жгучее море,
 Мнѣ выдали (откуда?) плащій чезнокъ.

За кормилица съле — угрюмое море,
 Мой парусъ вьдуль бурей рокъ.

Теперь, ужъ покинувъ большую дорогу,
 Гляжу я на мiръ изъ окна;

Со мной же покинуть рѣшилась тревогу —
 Согрустница жизни — она!....

Какъ перья по вѣтру, кружить тамъ, въ орканахъ,
 Ихъ вѣтряныхъ — вѣтренность думъ: (?)
 Лишь мелочность жизни, лишь бурь въ стаканахъ
 Заботять и тѣшать ихъ умъ!... и проч.

Признаемся, что послѣ этихъ удивительныхъ стиховъ нечего, казалось бы, и говорить объ остальныхъ; но какъ пройти молчанiемъ «Грѣхи молодости» г. Долина, который, кажется, не шамфренъ исправиться и подъ старость? какъ не упомянуть о двустипшiяхъ и четверостипшiяхъ гг. Н. и П. Сушковыхъ, напоминающихъ конфетные билеты минувшихъ лѣтъ? Два билетика были помѣщены уже въ «Ералашѣ», при мартовской книжкѣ «Современника». Какъ не выписать, наконецъ, еще трехъ слѣдующихъ стихотворенiй:

1.

Какъ мила-то! — просто диво!
 Вглянеть, молвить — посулить!
 Усмѣхнется — подарить!
 А красива-то, красива —
 Звѣзды, мѣсяцъ, маковъ цвѣтъ!
 А честа — что Божiй свѣтъ!

2.

Вотъ памятникъ женѣ моей:
 Какъ королю и мнѣ и ей!

3.

Вгляну на землю — про былое
 Мнѣ три шогалы говорятъ;
 Вгляну на небо голубое —
 И тамъ три звѣздочки горять.

Самъ издатель вообще не покунулся на произведенiя и радушно угостилъ ими публику. Прочiя стихотворенiя «Раута» написаны г-жею Родванко и гг. Петерсономъ, Марковымъ, П., Ц. и З. Будто для контраста, находятся двѣ пьесы г. Тютчева: «Проѣздъ черезъ Кашино» и «Олеговъ щить»; но имъ, очевидно, какъ-то неловко на ряду съ прочими.

Стихотворный отдѣлъ «Раута», такъ же, какъ и прозаическій, имѣетъ свою капитальную пьесу, написанную также самимъ издателемъ. Это — «Сафо, лирическая трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ», на заглавномъ листѣ которой замѣчено, что первое изданіе ея было въ 1823 году, т. е. въ счастливыя времена «Мизогина». Объ этой *Сафѣ* мы отъ себя ничего не скажемъ, а только приведемъ отзывъ объ ней, взятый нами изъ одного альманаха 1824 года (Полярная Звѣзда, стр. 7, Обзорѣніе Русской Литературы) :

«Сафо, лирическая трагедія г. Сушкова, имѣетъ только одинъ «недостатокъ»: именно, что героиня пьесы топится въ 4-мъ, а не въ 1-мъ актѣ.»

Теперь «Сафо» черезъ двадцать лѣтъ является вновь къ немалому изумленію нашему. Но современный критикъ не будетъ такъ жестокосердъ къ ней и такъ строгъ къ г. Н. Сушкову, какъ критики двадцатыхъ годовъ.

Онъ послѣдуетъ, напротивъ, на помощь къ ней, но....

«Несчастливая — какъ выражается самъ авторъ ея — стремглавъ низринувшись,

Въ волнахъ искала гибели, спасенья не хотѣла!»

И всѣ усилія критика — увы! — остались тщетны, ибо онъ, говоря словами одной превосходной, но неизвѣстной свѣту поэмы:

«Увидѣлъ кругъ на темной влагѣ

И слышалъ только — буль, буль, буль!»

Сравнительные обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ. *Французское морское законодательство*. В. Мельницкій. Спб. 1853.

Начало обширнаго труда, предпринятаго г. Мельницкимъ — составить сравнительные обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ. Изданная нынѣ первая глава этого труда — французское морское законодательство (начально напечатанная въ Морскомъ Сборникѣ 1853 г.) — заключаетъ въ себѣ весьма важныя данныя, историческія и современныя, о состояніи настоящаго морскаго законодательства во Франціи, общія таковыя же обзорѣнія морскихъ законодательствъ другихъ націй, предназначаемыхъ окончательно, какъ видно изъ дѣла, къ сравненію съ русскимъ морскимъ законодательствомъ и объясненію его источниковъ. Важный, давно ожидаемый трудъ, могущій служить оцѣнкою нашей юридической по этому предмету дѣятельности, долженствующій, въ главнѣйшихъ чертахъ, пояснить исторію нашего флота.

Настоящее сочиненіе заключаетъ въ себѣ: историческій обзоръ французскаго морскаго законодательства и нынѣшняго его состояніе,

съ присовокупленіемъ общаго взгляда на морскія постановленія и учрежденія Франціи.

По предмету исторіи, въ бѣдной въ этомъ отношеніи французской литературѣ, нашъ авторъ, полагаемъ, не могъ найти готоваго источника и долженъ былъ, пользуясь самыми законами и постановленіями, съ отрывочными замѣчаніями нѣкоторыхъ современныхъ имъ и позднѣйшихъ писателей, составить собственную исторію. Дѣло это исполнено имъ довольно отчетливо: характеръ, вліяніе и даже нѣкоторыя подробности каждаго значительнаго закона изложены обстоятельно, и мы можемъ сдѣлать, въ этомъ отношеніи, только одно замѣчаніе: на нѣкоторую недостаточность въ системѣ изложенія, по которой объ иныхъ постановленіяхъ обстоятельно упомянуто въ примѣчаніяхъ, вмѣсто текста (см. прим. 4), а о другихъ — не довольно опредѣлительно въ самомъ текстѣ (стр. 7, о постановленіяхъ, предшествовавшихъ изданію известнаго *Ordonnance du Roi*, 1689 г.); да еще желательно было бы, приводимыя примѣчанія, довольно длинныя, часто весьма интересныя и непосредственно относящіяся къ дѣлу, видѣть въ русскомъ переводѣ, а не во французскомъ текстѣ.

Настоящее законодательство, состоящее изъ «Законовъ о службѣ на судахъ французскаго флота», изданныхъ въ 1851 году и цѣлкомъ переведенныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» 1852 — 53 г.; изъ статей «О морской запискѣ», этого основанія морскаго учрежденія Франціи, которымъ обязана эта нація знаменитому Кольберу, и «О кассѣ морскихъ инвалидовъ», прекраснаго постановленія, началомъ котораго Франція обязана тому же министру, — все это изложено со всею характеристическою подробностію и нужными историческими примѣчаніями.

Наконецъ, «Общій взглядъ на морскія постановленія и учрежденія Франціи» представляетъ перечень нынѣ дѣйствующихъ постановленій по общему морскому управленію, которымъ, къ сожалѣнію, недостаетъ общаго свода.

Во всемъ этомъ, не ограничиваясь сухими перечнями законовъ и постановленій, авторъ нашъ, характеризуя различныя законодательства, входитъ, какъ мы уже говорили въ началѣ, въ объясненія причинъ и вліяній перемѣнявшихся постановленій и, во многихъ мѣстахъ, приводитъ замѣчательнѣйшія о нихъ мнѣнія современниковъ или послѣдователей.

Приводимъ здѣсь нѣкоторыя:

Объясняя взаимную вражду между чинами Морскаго Министерства, начавшуюся со введенія законовъ 1765 года, постоянно замѣчаемому во Франціи и до сихъ поръ еще не вполнѣ прекратившему-

ся, автора приводит следующее мнѣніе Вильмотта, 1851 года «Странное дѣло — морскіе офицеры обижены, не только въ сравненіи съ другими, отдѣльными корпусами, но даже и противъ остальныхъ, второстепенныхъ чиновъ морскаго вѣдомства. Дыкомотъ, что спутники планетъ ярче свѣтять, чѣмъ самыя планеты!»

Далѣе, говоря о безпорядочности морскихъ постановлений той же націи (въ исходѣ прошлаго вѣка), авторъ прибавляетъ: «Были даже проекты разнѣсти морскихъ офицеровъ во внутреннія вероуды королевства, подобно ижеаскери, а гражданскихъ чиновниковъ морскаго вѣдомства сдѣлать командирами судовъ, и сѣръ Quedeville (внѣдлантъ Тудова) очень разосердился, услышавъ, что одинъ кригс-комиссаръ отказался отъ предложеннаго ему начальства надъ военнымъ фрегатомъ.»

Описывая состояніе французскаго флота въ концѣ XVIII вѣка, авторъ приводитъ слова морскаго министра (?): «Тщетно издавались одинъ за другимъ декреты тогдашняго правительства, тщетно выражали они чрезвѣрную строгость: возстановить дисциплину и положить основаніе новому порядку они не могли.»

Однакожъ, здѣсь авторъ, какъ будто поволебленный чуждымъ ему авторитетомъ, старается оправдать Францію, утверждая, будто: «въ какомъ бы ни были умалкѣ означенія средства государства, гдѣ народъ еще помехъ глубокаго чувства патриотизма и внутреннѣе силы, они снова возникаютъ подъ вліяніемъ гонималмаго призыва къ славѣ, и если глубоко этотъ источникъ народности — нечего бояться случайнаго застоя и расстройствъ, и приводить примѣры, что, «несмотря на неустойство, обнаружившееся во вѣхъ частяхъ морскаго управленія», директорія высылала въ море эскадру за эскадрою, которая жила и была; поблждалю аламаннаго армюналя, но поддержали честь французскаго флота въ отдѣльныхъ битвахъ, и что, подобно тому, какъ, въ древности, божественные спасители народной славы Греція и Рима, Семистовъ и Дуллидъ, создали флотъ какъ бы волшебствомъ, Наполеонъ построилъ новый флотъ на развалинахъ стараго и положилъ основаніе новой его организаціи. Съ своей стороны мы, все-таки остаемся при убѣжденіи, раздѣляемъ съ нами всѣми опытными флотоводцами, что если въ древнія времена, когда флоты, своею организаціею и назначеніемъ, мало отличались отъ сухопутныхъ силъ, можно было вдругъ создавать ихъ, разрывая потомъ равнодушно, въ надеждѣ, по новому призыву, снова создать ихъ, — то въ новѣйшее время, во сложности этой организаціи ю-обширѣйшему и болѣе специальному назначенію флотовъ, этого нельзя, и что частные подвиги, вездѣ проявляющіеся во всякой живой націи, не выку-

нѣютъ и не оправдываютъ потерь, переносимыхъ цѣлыми флотами.

Очень важны еще замѣчанія о маломъ содѣйствіи Морского Министерства (въ лицѣ глѣбдаго и своекорыстнаго Декреса) усиліямъ Наполеона, и справедливость, отданная г. Шабролю, издателю Морского Устава 1827 года, совѣстливо изучившему, въ его трехъ-дѣтніе управленіе Морскимъ Министерствомъ, ввѣренное ему, неприготовившемуся прежде, морское дѣло и часто выслушивавшему совѣты опытныхъ людей.

Оносительно измѣненій начальнаго предположенія устройства Дома Морскихъ Инвалидовъ, на установленіе пособій и попечительствъ приведены прекрасныя мысли Дюра-Ласала (Durat-Lasale) в Тьера.

«Посвятить свою молодость — говоритъ Ласаль — отдаленнымъ и опаснымъ экспедиціямъ, морякъ, по возвращеніи своемъ въ отечество, желалъ бы провести остатокъ дней своихъ на постоянномъ мѣстѣ, вблизи моря, въ мирѣ и легкомъ трудѣ. Поэтому полезно и благотельно, назначивъ ему пенсіонъ, предоставить свободу выбрать себѣ мѣсто жительства и возможность дѣлиться съ своимъ семействомъ помощью, получаемую отъ правительства. Отъ этой мѣры выигрываетъ интересъ общественный и частный: порты будутъ постоянно имѣть въ старыхъ морякахъ искусныхъ мастеровъ и работниковъ; а тѣ, къ незначительному пенсіону, могутъ прибавить свой послынный заработокъ; жить тамъ, гдѣ дешево содержаніе, и воспитать дѣтей своихъ. И въ этомъ новомъ поколѣніи государство найдетъ новыхъ моряковъ, которые, въ свое время, замѣнятъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ.»

Въ рѣчи Тьера, произнесенной имъ 16 апрѣля 1846 года, въ Палатѣ Депутатовъ, читаемъ слѣдующее:

«Каждый, посвятившій себя мореплаванію, говоритъ Кольберъ морякамъ, болѣе чѣмъ кто-либо нуждается въ покровительствѣ. Вы имѣете въ томъ надобность, болѣе чѣмъ другіе, и будете покровительствуемы. Но я требую отъ васъ постоянной готовности явиться на призывъ отечества; требую, чтобъ вы были всегда подъ рукою у него. Если вы откажетесь, то не ищите опоры во мнѣ; тогда вы еще болѣе подчинитесь трудностямъ службы.

«Таковы геніальныя мысли Кольбера, мысли, долгое время непонятныя; но, благодаря времени, нынѣ вполне оцѣненныя.

«Кольберъ прибавляетъ: я беру вашу жизнь; за то замѣняю вамъ отца — кормильца, учреждаю кассу инвалидовъ, до сего несуществовавшую. Достигнувъ старости, слѣлавшись неспособными къ службѣ, вы найдете во мнѣ холатая и помощника въ вашихъ нуждахъ. Если вы, отправляясь въ дальнее плаваніе, оставите жену и дѣтей, которыхъ во время вашего отсутствія будутъ нуждаться въ клѣбѣ, то касса инвалидовъ дастъ имъ средства для пропитанія.»

• Таково учрежденіе Кольбера , истинно - отцовское , правильное сказать — материнское , представляющее собою противовѣсъ всѣмъ трудамъ и стѣсненіямъ , налагаемымъ искирпціей .

О вынѣ существующихъ «Законахъ о службѣ на судахъ французскаго флота» выпиcываемъ сказанное въ донесеніи морскаго министра президенту Республики :

• Уставъ этотъ , господинъ президентъ , заключаетъ въ себѣ обязанности , опредѣляетъ порядокъ чиновъ , и назначаетъ мѣсто каждому лицу на военномъ суднѣ .

• Военный корабль представляетъ въ маломъ видѣ отечество , и потому , какъ для благосостоянія его , такъ и для славы , все должно направляться къ одной общей цѣли . Строгая дисциплина , возмозжолучшій порядокъ , безусловное повиновеніе начальнику служатъ для этого основными правилами . Уставъ освящаетъ корабль , и въ то самое время , какъ онъ передаетъ нѣкоторымъ образомъ верховную власть въ руки начальника , опредѣляетъ и границу этой власти , возлагая на начальника строжайшую отвѣтственность .

• Начальникъ во всѣхъ случаяхъ долженъ служить примѣромъ ; онъ наблюдаетъ за своими подчиненными и отечески заботится объ ихъ благосостояніи ; наконецъ , въ минуты опасности , онъ жертвуетъ для нихъ собою .

• Конечно , мы не имѣли надобности выставлять тѣ правила , которыми каждый морской офицеръ находитъ въ своемъ сердцѣ , и которые внушаютъ ему честь ; но въ уставѣ этомъ , каждый изъ моряковъ , отъ начальника до простаго матроса , можетъ видѣть начертаніе своихъ обязанностей ; и что , рядомъ съ требуемыми отъ него пожертвованіями , онъ встрѣчаетъ неопровержимое свидѣтельство о той заботливости правительства , съ которою оно старается улучшить по возмозжности трудности его положенія . Моряки наши знаютъ , что , благодаря этому прекрасному учрежденію , другіе народы намъ завидуютъ , и что , благодаря кассѣ морскихъ инвалидовъ , они обезпечены въ старости пенсією , и пособіями для вдовъ и сиротъ своихъ .

• И такъ , господинъ президентъ , согласовать порядокъ службы съ успѣхами морской науки и нашими правами , освятить усовершенствованія , непрерывно вводимыя попечительностью правительства , укоренить обычаи , введенные опытомъ , назначить каждому лицу свои обязанности , опредѣлить отвѣтственность и , наконецъ , упрочить дисциплину и усилить преданность — вотъ пѣль , избранная уставомъ , который я имѣю честь представить на ваше одобреніе .

Наконецъ , выпиcываемъ общія заключенія о современномъ состояніи французскаго законодательства по управленію флотомъ :

«Законы хозяйственныя , правила отчетности и проч . находятся въ менѣе удовлетворительномъ состояніи , и въ настоящее время составляютъ предметъ пересмотра законодательныхъ комиссій .

«Сводъ уголовныхъ морскихъ постановленій приводится къ окончанію.

По части коммерческаго и рыбноремесленного флота, морской полиціи и проч. изданы многочисленныя и подробныя распоряженія, изъ которыхъ составлены, частными лицами, отдѣльные своды и руководства, съ необходимыми комментаріями.

• Вообще можно сказать, что въ послѣднее время французское морское законодательство сдѣлало большіе успѣхи. Главнѣйшій недостатокъ этого законодательства — *нѣмныя общаго свода*.

• Многочисленность дѣйствующихъ постановленій объ одномъ и томъ же предметѣ, съ нѣкоторыми только поправками, исключеніями и пр. — сдѣлало беспорядочныя преобразованія и того вида, въ которомъ накопился французскій флотъ со временъ Людовика XIV до Наполеона, — прицѣною невозможности составить, въ настоящее время, полный сводъ французскихъ морскихъ законовъ.

• Но этотъ недостатокъ, до нѣкоторой степени, устраняется частною, ученою разработкою законовъ французскаго мореплаванія и составленіемъ частными лицами отдѣльныхъ сводовъ и сборниковъ, имѣющихъ законную силу. Сборники эти, преимущественно, и руководили насъ при составленіи сего обзора. Безъ такихъ трудовъ частныхъ лицъ, при недостаткѣ общаго свода, изданнаго правительствомъ, невозможно было бы изучить сущность и характеристическія особенности многочисленныхъ постановленій другаго государства.

• Разматривая французское морское законодательство въ отношеніи строгости или снисходительности, мы не можемъ не замѣтить, что законодательство это отличается строгою дисциплиною тамъ, гдѣ дисциплина эта необходима, — напримѣръ: во время службы на кораблѣ. Въ прочихъ же случаяхъ (напримѣръ въ морской запискѣ), въ морскихъ законахъ Франціи выражается та благоразумная и челоуколюбивая терпимость, которая дѣлаетъ изъ закона не одного только неумолимаго карателя за проступки и преступленія, но старается предупреждать ихъ; дѣлеть время и средства, уклонившемуся отъ предписаній долга чести и обязанности, замѣтить свое заблужденіе и, въ то же время, предупреждаетъ дальнѣйшее распространеніе его.

• Вообще историческій ходъ развитія французскихъ морскихъ законовъ доказываетъ то общее положеніе, что у всѣхъ народовъ, по мѣрѣ смягченія нравовъ и развитія образованности, смягчались и законы и, въ то же время, приложеніе ихъ къ практикѣ дѣлалось точнѣе и строже.

Итакъ, эта первая глава обширнѣйшаго труда, заключающая въ себѣ столько интереснаго, заставляетъ насъ съ нетерпѣніемъ ожидать послѣдующихъ, имѣющихъ быть посвященными законодательству другихъ морскихъ націй, и окончательнаго, вѣлшеуказаннаго нами результата — сравненія всѣхъ этихъ законовъ съ нашими,

составлявшимися, какъ извѣстно, по всѣмъ иностраннѣйшымъ законамъ, съ выборомъ приличнѣйшаго и собственными прибавленіями, заключаемыми особенностію національности. Тогда только мы будемъ въ состояніи оцѣнить всю обширность и пользу этого предпріятія, и увидѣть, по извѣстному въ нашихъ морскихъ лѣтописяхъ выраженію, какъ *дѣло лаллетъ, каковъ былъ трудъ!* — А между тѣмъ поспѣшаемъ прибавить, что, въ подспорье къ настоящему труду, готовится другой, не менѣе важный, однимъ изъ извѣстныхъ намъ лицъ. Извѣстно (изъ статьи: Начало морскаго устава, напечатанной въ IX ч. Зап. Гидрографическаго Департамента), что начальный уставъ, изданный въ 1720 году, былъ исправленъ въ 1724 г., и всѣ послѣдующія его изданія дѣлались съ этого, переправленнаго изданія, а экземпляры прежняго тщательно отобраны и истреблены. Нынѣ отъѣзжая одинъ изъ экземпляровъ этого перваго изданія, 1720 года, и вышеозначеннымъ лицомъ готовится сравненіе его съ послѣдующими.

А. С. Соколовъ.

Горе отъ ума. *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, А. С. Грибоедова. (Четыре новыя изданія, вышедшія въ Петербургѣ, въ 1854 году.)*

Лѣтъ около тридцати тому назадъ по всей Россіи ходили въ рукописяхъ сочиненія извѣстныхъ поэтовъ. Даже печатныя произведенія ихъ переписывались и продавались досужими писцами, извлекавшими изъ этого порядочные барыши, пользуясь тогдашнею дороговизною печатныхъ книгъ. Въ то время одна глава «Онѣгина» или «Чернецъ» Козлова стоили пять, шесть рублей ассигнаціями, и цѣна эта еще болѣе повышалась, по мѣрѣ того, какъ раскупались экземпляры. Нѣтъ сомнѣнія, что авторамъ и издателямъ расходъ такихъ рукописей былъ очень невыгоденъ. Но публика хотѣла читать новое, а это новое было для многихъ кармановъ недоступно; повзнить же цѣну его возможно было только смѣлому и ловкому издателю, который такъ же находился съ трудомъ: всякій зналъ, что его ждетъ опасное совмѣстничество переписчиковъ въ такое время, когда ремесло ихъ уже вошло въ обычай. Только около 1830 года Смирдинъ съумѣлъ приняться за дѣло такъ, что и читатели оставались довольными и собственный его интересъ не только не подвергался опасности, но щедро былъ вознаграждаемъ.

Въ числѣ упомянутыхъ нами рукописей появилось, съ 1823 года, «Горе отъ Ума», тогда еще не напечатанное и не игранное на сценѣ. Только отрывки изъ перваго дѣйствія и третье дѣйствіе его появились въ альманахѣ «Русская Талія», изданномъ, въ 1825 году, г. Булгариннымъ. Всякому извѣстенъ огромный рукописный усаѣкъ этой

геніальной сатиры. Россія знала давно наизусть произведеніе Грибоѣдова, когда оно, сначала отрывками, потомъ вполнѣ, появилось на сценѣ обѣихъ столицъ. Если не ошибаемся, это было: въ Петербургѣ — въ 1830 г., а въ Москвѣ — въ 1831 году. Только въ 1833 году было напечатано въ Москвѣ первое изданіе этой комедіи, разумѣется, скоро было раскуплено, такъ что черезъ пять лѣтъ почти невозможно было достать ни одного экземпляра. Тогда явилось новое, миниатюрное изданіе его, въ 32 долю листа, изящно напечатанное въ Петербургѣ, въ Военной типографіи. Оно было полезнѣе перваго и еще замѣчательно по длинной и дѣльной статьѣ г. К. Полеваго: «О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова», помѣщенной въ началѣ книги. Изданіе это, напечатанное въ началѣ 1839 года, теперь, подобно первому, давно не существуетъ въ книжной продажѣ.

Января 30 настоящаго года исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени трагической смерти незабвеннаго поэта. Слѣдовательно, отнынѣ твореніе его, на основаніи существующихъ узаконеній, сдѣлалось собственностію общественною, и всякій имѣетъ право его перепечатывать. И вотъ уже появилось въ Петербургѣ четыре изданія комедіи Грибоѣдова. Два изъ нихъ напечатаны въ маленькомъ форматѣ, in 32: одно — книгопродавцемъ Терскимъ, другое — г. Черноглазовымъ. Но они не равнаго достоинства. Изданіе г. Терскаго напечатано на сѣровой бумагѣ, избыткомъ шрифтомъ, портретъ къ нему приложенъ лубочный, и стоитъ оно 1 руб. 50 коп. сер. — цѣна огромная для такого изданія; у г. Черноглазова — бумага и шрифтъ хороши, портретъ тоже; кромѣ того приложены къ комедіи: статья г. Булгарина «О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова», кажется, уже напечатанная прежде, и снимокъ съ почерка руки покойнаго поэта, — и цѣна этому изданію только 75 коп. сер.

Два другія изданія напечатаны въ 16 долю листа. Одно сдѣлано тѣмъ же г. Черноглазовымъ и снабжено тѣми же приложеніями, которые находятся и въ миниатюрномъ его изданіи. Цѣна ему также 75 коп. сер. Другое напечатано г. Смирдинымъ, съ приложеніемъ портрета, и продается по 30 коп. сер. Въ отношеніи текста самой комедіи они ничѣмъ не отличаются отъ изданій, напечатанныхъ нынѣ въ 32 долю.

Мы слышали, что г. Смирдинъ собирается напечатать въ дополненіе къ «Горе отъ Ума» и прочія сочиненія Грибоѣдова, къ социальнѣю, немногочисленныя.

Говорятъ, что въ Москвѣ готовится еще два изданія «Горе отъ Ума».

Поэмок собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. *Подписіе* А. Смирдина. *Сочиненія Гюльча и Жемлицера. Сиб. 1854.*

Бюси Жемлицера напечатаны были г. Смирдинымъ еще въ 1846 году и теперь только соединены въ одинъ томъ съ издаваемымъ вновь сочиненіями Гюльча. Что касается до статьи послѣднихъ, то это не что иное, какъ перепечатка «Стихотвореній Гюльча», изданныхъ въ 1832 году. Даже «Новогреческія Письма» напечатаны съ оговоркою, что приложенія и примѣчанія къ нимъ помѣщены тутъ сокращенно (какъ въ изданіи 1832 года), а что желающіе проинспектироваться съ ними вполне могутъ обратиться къ отдѣльному изданію письма, вышедшему въ 1835 году. Нечего и говорить, что переводъ «Изаиды» не перепечатанъ г. Смирдинымъ. Онъ оставилъ въ помощь изданіи Гюльча переводъ вольтера «Танкреда», но не прибавилъ ни отрывковъ изъ расшивной «Федры», помѣщавшихся, если не ошибаюсь, въ «Сынѣ Отечества» двадцатилѣтъ годовъ, ни переводе нежскитрова «Лира», изданнаго на сценѣ еще въ 1806 году. Нѣкоторыя мелкія пьесы тоже забыты. Жаль, что такъ небрежно издавалась вещь сочиненія поэта, на погребѣ котораго такъ справедливо начертаны вотъ его же душою написанныя вѣковенныя Гомероваго стиха :

•Рѣчи, изъ устъ его вѣщихъ, сладчайшія меда, лилися. •

Графъ Барбеле. *Раманъ Поля Февала. Дня чести. Москва. 1854.*

Поль Феваль ославилъ себя своими романами до того, что невозможно никому (кромя рецензента, читающаго вслѣдъ по обязанности, для удостовѣренія читателей въ томъ, что такая-то книга — действительно пустая и пошлая книга) — невозможно никому читать его романовъ, не красясь самому за свои безцусіе. Вся пошлость, которыми пегубилъ свою литературную репутацію Дюма, всѣ пошлыя и жалкіе приемы этого Дюма Феваль усвоилъ себѣ до дельности ; не у Дюма есть талантъ разсказчика, есть нѣкоторая ловкость, — у Февала нѣтъ ни некры воображенія, ни тѣни дарованія, ни даже смысла. У него есть только одно — неизвѣрженіе пошлости и пошлости. Но и у самого Февала немногое пойдетъ такихъ жалкихъ, пошлыхъ и пошлыхъ романовъ, какъ «Графъ Синяя-Борода», который обратился въ графа Барбеле у русскаго переводчика, въ повиноваго смельца словъ «Le comte Barbe-Bleue» и даже не умѣвшаго прочитать ихъ. Намъ грустно говорить о подобныхъ переводахъ (мы думаемъ, что безграмотнѣйшій изъ переводчиковъ

самъ написалъ бы хотъ нѣсколько лучше, нежели П. Феваль), но въ этомъ романѣ Февала съ такимъ презрѣніемъ, что поставили себя въ необходимость показать справедливость нашего презрѣнія.

Въ описаніяхъ Париза или Ренна — хорошенько нельзя и понять изъ безцвѣленно-сентиментальнаго описанія — есть замокъ графа де-Ноэль (котораго имя пишется въ переводѣ Нуалль). Подлѣ замка живетъ негодяй Мальбрукъ, пласунъ на канатѣ; у него есть четырнадцатилѣтній пасынокъ Пишпене, котораго началъ онъ учить своему ремеслу. У графа де-Ноэль есть двѣ дочери: Маріэлла, семнадцатилѣтняя неземная красавица, и Бланка, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка неземной доброты и милой веселости. Хижины Мальбрука отдѣляются отъ графскаго парка только рядомъ тополей, и Бланка, а потомъ и Маріэлла, засматриваются на Пишпене, ловко пляшущаго на канатѣ; онъ влюбляется — въ одну изъ нихъ, а въ обѣихъ, также нельзя понять, — кажется, преимущественно въ Маріэлла, и сначала стыдится, что «долженъ передъ ихъ глазами выказывать свое ничтожество», но потомъ замѣчаетъ, что молодыя графини не съ презрѣніемъ смотрятъ на его плясанье — и рвеніе плясуна удовлется. Подобно читатъ самый романъ, чтобы понять, съ какою пошлою самоувѣренностью и самодовольствомъ разсказана эта нелѣпая завязка.

Вотъ небольшой отрывокъ:

«Маріэлла на него смотритъ — онъ долженъ умереть. Вы блестяте въ глазахъ ея. Ахъ! если бы вы могли видѣть, какъ онъ спрашивалъ на канатѣ! Коля трещать, канатъ звучитъ; Пишпене взлетаетъ, какъ стрѣла, наверхъ, прыгаетъ на 30 футовъ отъ земли. Маріэлла сбѣжала ему головою одобрительный знакъ. Пишпене сматывался на песокъ, какъ будто желнія воразила его. Не знаю, спрашивалось ли Маріэлла искусство Пишпене, только она опять воротилась смотрѣть, а это придаю ему еще больше силы: онъ почувствовалъ, что ноги его гнутся хорошо, поступъ вѣрна....» и т. д.

Мать Пишпене замѣчаетъ эту любовь и толкуетъ о томъ, что она ли Маріэлла будетъ подругою ея сына. Наконецъ Пишпене выучился смарничать на канатѣ, и объявляетъ его любовь. Мѣсто представляющія — поле подлѣ его хижины и подлѣ террасы графскаго парка. На представляющія сидятъ множество поселянъ; выходятъ на террасу и графъ съ сотнями гостей. Пишпене пляшетъ восхитительно: и бросаетъ взгляды на террасу, отъискивая владычицу своего сердца; но Маріэлла пѣтъ; онъ дѣлаетъ послѣдній прыжокъ къ ея: подобно отдохнуть, — и въ этотъ самый мигъ выходитъ на террасу Маріэлла; онъ видитъ ее съ высоты своего прыжка и съ

рыдающими падает на солому. Напрасно было его торжество: Мари-адла не наслаждалась имъ! Но нѣтъ, не все погибло! Онъ снова бросается на канатъ, онъ плашетъ въ упоеніи, восторженно, — и народъ бросаетъ ему деньги и букетъ, лучшую награду искусству; на лету ловитъ онъ букетъ и бросаетъ его Мариадлѣ; графиня въ восторгѣ, она (при всѣхъ гостяхъ) прижимаетъ букетъ къ сердцу и вынимаетъ изъ кармана лундоръ, чтобы наградить своего удивительнаго славою возлюбленнаго. Одинъ изъ ея поклонниковъ замѣчаетъ ея намѣреніе.

— Позвольте мнѣ выкупить вашъ лундоръ этимъ коншелькомъ: въ немъ тысяча экю.

— Согласна.

И поклонникъ прижимаетъ лундоръ къ сердцу и бросаетъ поше-лежъ великому артисту.

— У васъ лундоръ Мариадлы? говорить ему другой поклонникъ.

— Да.

— Я вокупаю его за десять тысячь лундоровъ.

— Не хочу.

— За все мое богатство, за мой великолѣпный замокъ и миллионы мои.

— Я сказалъ: нѣтъ.

— Итакъ, мы деремса.

— Да.

И они дерутся.

Между тѣмъ Пишене, упоенный любовью, соскочилъ съ каната и мечтаетъ о счастіи раздѣленной любви.

— Пошелъ плясать, говорить ему вотчимъ.

— Нѣтъ, я не могу и не хочу плясать въ эту минуту. Нѣтъ силы, которая могла бы повелѣвать вдохновеніемъ. Я люблю, но могу плясать. Я теперь принадлежу не искусству, а любви.

— Такъ ты нейдешь? Иди же.

И вотчимъ погоняетъ его хлыстомъ.

На лицѣ Пишене появился синий рубецъ. Артистъ не выноситъ обиды. Вотчимъ — гигантъ; но любовь даетъ силу, и мальчикъ желѣзною рукою хватаетъ гиганта за горло. Гигантъ падаетъ въ предсмертныхъ судорогахъ. Пишене убійца; но нога его гибка, станъ легокъ: онъ убѣгаетъ.

Но нѣтъ! не онъ убилъ Мальбрука: Мальбрука убилъ страшная болѣзнь, что-то въ родѣ чумы (избавляемъ читателя отъ ея смертельнаго описанія), и черезъ день чума эта свирѣпствуетъ въ околоткѣ. Всѣ боятся зачумленныхъ; одинъ во всей Франціи не боится

нелъ — Лакюзанъ, поклонникъ Маріаллы, прекрасный юноша, переръ-
тый въ двадцать-пять лѣтъ славною войною; онъ таскаетъ на себѣ
зачумленныхъ, и онъ невредимъ, потому что онъ — «Синья Бо-
рода». Онъ въ союзъ съ злыми духами, онъ задушилъ (такъ гово-
рить народъ) трехъ своихъ невѣсть наканунѣ свадьбы. Маріалла
любитъ его — она должна погибнуть отъ чумы; у нея есть это пред-
чувствіе. Она хочетъ видѣть, какъ умираютъ отъ чумы, и ночью,
тайкомъ, идетъ въ городъ съ Лакюзаномъ смотрѣть трупы и умира-
ющихъ; все это подробно описывается.

Но довольно этихъ и ношлостей. Разумѣется, Пишене не убійца,
Мальбрукъ оживаетъ и злодѣйствуетъ, Пишене становится вели-
кимъ и знатнымъ человѣкомъ, спасаетъ Маріаллу (вышедшую за
Лакюзана) отъ чумы, и т. д. и т. д.

Переводъ безграмотенъ: фраза «французы среднихъ вѣковъ
(du Moyen-âge)» переводится — «французы средняго возраста»;
родъ Атрея (d'Atree) — «фамилія д'Атре», и т. д. Этого мало: есть
страницы такого рода:

«Подумайте, что онъ долженъ написать къ своей возлюбленной,
«если эта молодая особа окажетъ ему какое нибудь преимущество,
или честь на какое нибудь преимущество или благосклонность на
какую нибудь выгоду, достойную чести!»

И этого еще мало: есть фразы такого рода:

«Я останусь съ рарою» — «я хочу видѣть рару» — это француз-
скими буквами напечатанное «папа» съ русскими буквами въ
концѣ.

Нѣтъ, уже гораздо умнѣе и лучше и написана и издается сказка
о «Бовѣ Королевичѣ».

*Звѣринецъ. Приглашеніе юношества къ высшему созер-
цанію животнаго царства, изображеннаго въ шестнадцати карти-
нахъ. Спб.*

На русскомъ языкѣ, не только между дѣтскими книгами, но во-
обще между вслкими книгами, очень мало такихъ великолѣпныхъ
и изящныхъ изданій, какъ *Звѣринецъ*. А потому нельзя не пожалѣть
отъ души, что издатель, г. Генколь, наименовалъ свой добросовѣстный
трудъ такимъ заглавіемъ. Кому придетъ въ голову, что приглашеніе
юношества къ высшему созерцанію животнаго царства, изображен-
наго въ шестнадцати картинахъ, — роскошно изданная книга, на
зеленой бумагѣ, въ прекрасномъ переплетѣ (обстоятельство это,
впрочемъ, для вразумленія публики, вошло въ составъ оглавленія на
объявленіи); что текстъ ея — живой и занимательный рассказъ дя-
дюшки Ивана Ѳомича, владѣльца такого великолѣпнаго звѣринеца,

какого не было еще до сихъ поръ ни у кого въ мірѣ; что *Рассказы* эти содержатъ въ себѣ *описаніе* всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыхъ можно было болѣе или менѣе удобно поимѣтить въ «Зверинецѣ», и о которыхъ можно было сказать что нибудь интересное и пріятное для дѣтей; что *описаніе* это украшено картинками, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣйствительно сдѣланы прекрасно, и что, наконецъ, все это: переплетъ, бумага, телятъ и картинки, стоитъ 4 рубля серебромъ — цѣна непомерная для заглавія, но весьма умѣренная для дорогого и прекраснаго изданія, украшеннаго этими картинками. Мы не знаемъ, удастся ли *Зверинцу* заставить «молодыхъ читателей почувствовать призваніе», какъ надѣется надеется (*съ предисловіемъ*), «изучить царство природы впоследствии съ чистоточеной точки зрѣнія», но вполне увѣрены, что, согласно его желанію, «книжка эта доставитъ какъ юношеству, такъ и друзьямъ его», величайшее «удовольствіе.»

Паденіе Турціи. Спб. 1854.

Уралъ Стихотвореніе Федора Гавики. Спб. 1854.

Взятіе Константинополя и Иерусалима христіанами и разрушеніе Оттоманской Порты, по турецкимъ преданіямъ и увѣжденіямъ. Спб. 1854.

Признательность псковскихъ гражданъ. Историческія сценки 1812 года. П. Лебедева. Спб. 1854.

Голосъ русскаго, во случаю объявленія войны Россіи Оттоманскою Портою. Сочиненіе крестьянина А. Комарова.

Откликнулось сердце Царю и отчивое. М. Владимірова. Спб. 1854.

Само собою разумѣется, что не для литературной оцѣнки выставили мы здѣсь эти сочиненія, ненуждающіяся въ подможкѣ со стороны критики. Мы отивчаемъ ихъ въ нашемъ журналѣ, какъ явленія, вызванныя, между прочимъ, настоящими событіями.

• ТОНКІЕ КРИТИКИ.

М. г.! (*) Я прочелъ вашу критическую статью (Отечественныя Записки, № 12) о сочиненіи г. Тулова, подъ названіемъ: «Руководство къ познанію родовъ . видовъ и формъ поэзіи», и, вполне раздѣляя ваше нерасположеніе къ такого рода руководствамъ, взялся написать вамъ благодарственное посланіе. Впрочемъ, не думайте, чтобы я самъ прочелъ «Руководство» г. Тулова, или хотѣлъ здѣсь дѣлать возраженія на его философскія и эстетическія положенія, или, наконецъ, защищать ихъ отъ вашихъ нападокъ. Совсѣмъ нѣтъ: такихъ книгъ, какъ «Руководство» г. Тулова, я давно не читаю, то есть съ того времени, какъ сошелъ съ ученической скамейки; защищать г. Тулова я тоже не могу, по той же причинѣ, то есть потому, что не читалъ книги. Я прочелъ вашу статью, которая поразила меня ясностью и легкостью, съ которою вы рѣшаете самыя трудныя вопросы. Съ тѣхъ поръ, какъ я самъ, сидя на гимназической скамьѣ, доказалъ равенство прямоугольныхъ треугольниковъ и параллельность лній, которымъ не суждено встрѣтиться на всемъ протяженіи земного и небеснаго пространства, — и ни въ одномъ руководствѣ, ни въ одномъ учебномъ сочиненіи не встрѣчалъ такой смѣлости доводовъ и ясности выводовъ, какими сторичею изобилуетъ ваша прекрасная статья. И пусть бы вы разсуждали о какомънибудь предметѣ изъ математическихъ наукъ, гдѣ доказанное однажды остается навсегда доказаннымъ, или о предметахъ изъ области наукъ естественныхъ, гдѣ опытъ подтверждаетъ то, что умъ заключаетъ изъ наведенія: меня бы ваша рѣшительная манера доказательствъ и доводовъ не такъ удивила. Но вы ясно, отчетливо и, слѣдовательно, самоувѣренно, какъ каждый чувствующій всю важность своихъ открытій и истинъ, говорите о предметахъ изъ области вкуса, — изъ той области, о которой отъ са-

(*) Письмо къ г. Введенскому, по поводу его критики, помѣщенной въ XII книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1853 года.

мыхъ древнихъ временъ существуетъ избитая, но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ имѣющая смыслъ поговорка, приводимая и вами въ вашей статьѣ. (*De gustibus* и проч.) Вотъ это-то меня и вдохновило, можно сказать. Какъ! то, о чемъ иногда думали такъ долго и такъ много, — думали люди, имѣвшіе несомнѣнный вкусъ, и становились въ тупикъ, то вы рѣшаете на двухъ-трехъ страничкахъ, — рѣшаете блистательно, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ самой туманной головѣ читателя! Да это верхъ совершенства! Вы являете міру такой рѣдкій критическій даръ, передъ которымъ и Лессингъ, и Шиллеръ, и Гёте (великіе критики, по моему мнѣнію) — пигмеи.

Но, чтобы ктонибудь не преувеличилъ похвалъ, которыя я вамъ пишу, чтобы вы знали, отъ кого получаете эти похвалы, я, скромный читатель вашей прекрасной статьи, долженъ сказать нѣсколько словъ о своихъ мнѣніяхъ, какъ бы недостаточны и ничтожны ни показались они въ вашихъ глазахъ. Этимъ, можетъ быть, объяснятся нѣкоторыя сомнѣнія, возникшія во мнѣ при чтеніи вашей статьи.

Видите ли, сначала я любилъ читать ученые трактаты объ искусствахъ вообще и литературѣ въ особенности. Теперь я больше люблю литературу и искусство, нежели трактаты о нихъ. Это вотъ какъ случилось: начитавшись до пресыщенія всевозможныхъ эстетикъ, на которыя вы такъ справедливо негодуете теперь, я вздумалъ—и въ самое короткое время написалъ самъ трактатъ объ искусствахъ. И—повѣрите ли!—трактатъ былъ недуренъ, — право, недуренъ, даже не хуже многихъ уважаемыхъ статей. Я хотѣлъ его напечатать, но мнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно, не знаю почему. Вѣроятно, однакожь, причина такой нерѣшительности и стыдливости заключалась въ моей молодости. Я совѣстился писать о томъ, чего не видѣлъ: не видѣлъ я ни картинъ, о которыхъ говорилъ, не видѣлъ статуй, которыми восхищался въ моей статьѣ, не читалъ тѣхъ поэмъ и драмъ (въ подлинникѣ), которыя называлъ образцовыми. Мнѣ сдѣлалось такъ совѣстно, что я разорвалъ свое превосходное, съ жаромъ написанное произведеніе, въ которомъ, кажется, очень ясно доказывалъ, что Рафаэль первый художникъ, Шекспиръ — первый драматургъ, а Гомеръ — первый эпическій поэтъ міра сего. Съ тѣхъ поръ пересталъ я читать и эстетическіе трактаты обо всемъ и всѣхъ, храня глубокое невѣріе въ такую рѣдкую способность знать искусство во всѣхъ его проявленіяхъ и у всѣхъ народовъ.

Я началъ читать произведенія всѣхъ литературъ, нисколько не справляясь съ критиками этихъ произведеній.... Но, можетъ быть,

вамъ не интересенъ этотъ мой искренній рассказъ? прошу у васъ извиненія и все-таки продолжаю. Я началъ читать романы, повѣсти, драмы, трагедіи и даже эпопеи. И — знаете ли что? — чтеніе это мнѣ показалось тысячу разъ занимательнѣе всѣхъ общихъ выводовъ, а главное — я увидѣлъ, что люди, занятые исключительно составленіемъ отвлеченныхъ понятій объ искусствѣ, ужасно холодно судятъ о самыхъ задушевныхъ и теплыхъ произведеніяхъ искусства. Какъ только что нибудь не входить въ рамку, ими составленную или придуманную, то они изгоняютъ изъ области искусства. — Какже это — думалъ я — вѣдь это мѣсто, этотъ монологъ прекрасны, полны одушевленія: за что же называютъ ихъ ложными, неестественными, натянутыми! Зачѣмъ такъ произвольно постунаютъ съ искусствомъ, когда исторія въ наше время такъ сильно стѣснила этотъ произволъ отвлеченныхъ идей въ жизни? Изъ жизни не выбросивъ ни одного періода ея развитія: зачѣмъ же изъ искусства такъ смѣло и даже дерзко вырываютъ прекрасныя произведенія? Кто далъ на это право? Нѣтъ ничего безпощаднѣе отвлеченныхъ идей: что сегодня превозносятся ими, то завтра топчется въ грязь. Послѣ идолопоклонства перелъ Корнелемъ и Расиномъ, вы знаете, наступило время совершеннаго къ нимъ презрѣнія; послѣ восторженныхъ похвалъ романтической школы появился насильникъ надъ этимъ утрированнымъ родомъ искусства. Идти — строго законно.

Я рѣшительно возненавидѣлъ игру въ эстетическія идеи, какъ и вы не любите эстетиковъ-критиковъ, и пристрастился къ тѣмъ критикамъ-историкамъ, которые каждому времени, каждому художнику и поэту отдають должное ему мѣсто въ литературѣ. Я былъ доволенъ, я торжествовалъ, что нашъ вѣкъ спускается и съ большимъ тактомъ обращается съ произведеніями вкуса, чѣмъ прежніе холодно-строгіе эстетика. И былъ доволенъ и потому, что нужно же имѣть хоть какую нибудь опору, взглядъ для оцѣнки литературныхъ произведеній, особенно тому, кто любитъ и читаетъ эти произведенія во множествѣ. Иначе онъ долженъ потеряться въ разнообразіи проявленій одного и того же безконечнаго искусства. Я былъ доволенъ, какъ бываетъ доволенъ каждый, въ нашъ скептический вѣкъ, когда найдетъ въ себѣ какую нибудь мысль, въ которой онъ не сомнѣвается. Я полюбилъ всѣхъ, кто занимался исторіей литературы.... Но, къ сожалѣнію, и этому убѣжденію не суждено было долго жить, какъ и всему, что неурочно построено. А мои заключенія объ исторіи литературы были такъ поспѣшно построены, въ нихъ было видно столько желанія отдѣлаться отъ холодныхъ законовъ прежнихъ эстетиковъ и найти въ литературѣ мѣ-

скольво болѣе живыхъ идей, что я торопился, можно сказать, убѣдиться въ своемъ новомъ убѣжденіи, прежде, нежели осудить его вполнѣ. Разочарованіе приходило постепенно. Сначала оно появилось во мнѣ при чтеніи многихъ статей объ исторіи литературы, гдѣ перечисляются всѣ самыя незначительныя произведенія писателей и часто забывается одно — смыслъ всѣхъ произведеній, ихъ идей. Но должно сознаться, что это не самая слабая сторона такихъ статей, потому что историческая критика по преимуществу смотритъ на мысль произведенія и его отношеніе къ современному обществу. Дѣйствительно, слабая сторона этихъ статей заключалась въ томъ, что историческая критика забывала указывать на дѣйствительно художественныя стороны какогонибудь произведенія, забывала объяснять эти стороны и доказывать, почему онѣ именно прекрасны и для нашего времени, хотя мы и отожданились отъ эпохи, въ которую писалъ разбираемый авторъ. Въ то же время критика эта очень обстоятельно указываетъ на всѣ чуть не младенческіе стихи поэта. Она этимъ напоминаетъ ту стилистическую (позволите такъ выразиться?) критику временъ Людовика XIV, помѣшавшуюся на условныхъ приличіяхъ, которая наконецъ вся состояла изъ толкованій и объясненій разныхъ отдѣльныхъ стиховъ, глагольныхъ фразъ, пріятности выраженій. Идея и исторія для нея ничего не значили. Съ этою-то критикою я сравниваю новѣйшую (иногда только въ томъ отношеніи, что она впадаетъ въ мелочность и, слѣдя больше всего за мыслью, за плесою, упускаетъ то, что называется искусствомъ, красотою. (Въ цѣли своей она совершенно противоположна стилистической.) Но лучше всего недостатки разныхъ критикъ узнаются на опытѣ, и потому я мысль свою волюю, вотъ какимъ случаемъ, лично со мною приключившимся: какъ недавно поставилъ меня въ совершенный тупикъ одинъ изъ очень умныхъ и начитанныхъ людей, котораго я привыкъ уважать за его познанія въ исторіи литературы и филологіи. Нужно вамъ сказать, что у меня много знакомыхъ литераторовъ, критиковъ и филологовъ. Одинъ изъ этихъ моихъ знакомыхъ приходитъ ко мнѣ однажды и предлагаетъ прочесть стихи, сочиненные какимъ-то его другомъ. Рукопись показалась мнѣ дливною, и я спросилъ моего знакомаго: «да хорошо ли это? стоитъ ли читать?» — «Это хорошо, это недурно», говорилъ мнѣ мой знакомый. Я началъ читать. Но вообразите же мое удивленіе, когда на первой же страницѣ я замѣтилъ всю вялость и безцѣльность этого стихотворнаго произведенія! Я недоумчиво посмотрѣлъ на моего знакомаго, надѣясь прочесть на лицѣ его, что вся эта протѣвка была только одна мистификація съ его стороны. Но на лицѣ его не было ни улыбки,

ни насмѣшки : одно вниманіе , глубокое вниманіе , какъ будто я читалъ вновь отысканное произведеніе Пушкина или Лермонтова. Я продолжалъ читать и съ трудомъ успѣлъ окончить. Знакомый мой , человѣкъ опытный , хотѣлъ , не знаю почему , знать мое мнѣніе , ни для кого не интересное. Не бралъ я на себя ответственности отвѣчать ему , что все это стихотвореніе — одинъ наборъ словъ и рѣчь , въ которыхъ не было ни капли поэзіи , ни одной картины , ни одного звука , ласкающаго слухъ. Я сказалъ , что покажу это стихотвореніе нѣкоторымъ моимъ знакомымъ , на вкусъ которыхъ полагаюсь въ этомъ дѣлѣ. Я сдержалъ обѣщаніе , — въ стихотвореніе дѣйствительно не заслужило ничего , кромѣ общаго насмѣшекъ. Я въ этомъ не сомнѣвался ; но для меня возникъ другой вопросъ : какъ же этотъ мой знакомый , такъ усердно и кропотливо отыскивающій какой нибудь затерянный стихъ посредственнаго поэта , посвятившій себя на объясненіе самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ въ жизни поэта , какъ онъ не приобрѣлъ хоть нѣсколько навѣйка , если не вкуса , при постоянномъ отыскиваніи и объясненіи затеряннаго? Вкусъ не приобретается , а дается природою , какъ талантъ ; онъ только развивается. Историки-критики (конечно , не всѣ) — не тѣ же ли это философы-эстетики , только взятые съ другой стороны? Какъ тѣ , такъ и другіе не обращаютъ ли одинаково вниманія только на мысль произведенія и на тѣ обстоятельства жизни , которыми служатъ къ поясненію мысли? Но всѣ ли они чувствуютъ въ произведеніи искусства то , что называется искусствомъ? Всѣ могутъ объяснять отношенія поэта , литератора , художника къ обществу , къ времени ; но всѣ ли въ состояніи объяснить самое искусство? Въдъ прежніе эстетики , всѣ безъ исключенія , могли много наговорить о значеніи эпической поэмы , а явился между ними новый Гомеръ , многіе ли изъ нихъ оцѣнили бы его по достоинству? Я увѣренъ , что многіе изъ поклонниковъ Гомера , изучающихъ этого поэта десятки лѣтъ и столько же лѣтъ комментирующихъ его съ исторической точки зрѣнія , не знаютъ даже о существованіи новыхъ поетовъ.

Прежнее мое пріятное расположеніе духа исчезло. Увѣренность , что теперь не можетъ быть такихъ заблужденій и кривыхъ толковъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній , прошла , и я снова погрузился въ хаосъ литературныхъ мнѣній. И какъ , казалось бы , не объяснить того , о чемъ каждый считаетъ себя вправе говорить! Отъ шестнадцатилѣтней , полной жизни дѣвушки , которая восторгается всѣми стихами , и дурными и хорошими , и говоритъ скромно : «это прекрасно», до критика , который

.... Какъ дѣлать въ приказѣ посѣдѣльи,
 Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва, —

говорить одно и то же : «это дурно», всѣ говорятъ о поэзіи, о прекрасномъ, объ изящномъ—и всѣ противорѣчатъ другъ другу. Чтожь такое, наконецъ, эта поэзія, эта литература, которую не могутъ объяснить теперь, когда многое сдѣлалось объясненнымъ и разгаданнымъ? Какою дорогою довести, по крайней мѣрѣ людей пишущихъ руководства и критики на нихъ, до взаимнаго пониманія и до разумѣнія самыхъ простыхъ поэтическихъ произведеній? Неужели то, что называется поэзіею, такъ же не дается ни критикамъ, ни филологамъ, какъ понятіе и опредѣленіе, что такое жизнь, не дается физиологамъ? Мы ходимъ, спимъ, иногда мыслимъ, исполняемъ общественныя и семейныя обязанности — и не знаемъ, что такое жизнь? Мы учимъ всѣхъ правиламъ реторики, пѣтики, исторіи литературы, читаемъ стихи и прозу — и не знаемъ, что такое поэзія? Неужели она (въ своемъ новещественномъ мірѣ) вѣчто въ родѣ тѣхъ простыхъ началъ, которыхъ химія не умѣетъ разложить, и которыя составляютъ первые элементы жизни?

Въ этомъ-то случаѣ, человѣку, внимающему въ ходъ искусства и литературы, при чтеніи какой нибудь теоріи этого искусства, становится тѣсно, какъ въ клеткѣ, потому что онъ чувствуетъ свое безсиліе передъ опредѣленіемъ той жизни, которая кроется въ искусствѣ, поэзіи и литературѣ. Какъ уловить этотъ неуловимый букетъ жизни, эту тонкую эссенцію образованности человѣческаго рода? Я былъ именно въ этомъ недоумѣніи, когда прочелъ вашу статью, въ которой вы, можно сказать, математически доказали то, чего никто не въ состояніи былъ доказать до сихъ поръ. Отчего это вамъ такъ удалось? и какъ просто! Впрочемъ, говорятъ, всѣ великія рѣшенія трудныхъ задачъ напоминаютъ колумбово яйцо. Вы говорите :

«При всемъ разнообразіи въ частностяхъ, всѣ изданныя доселѣ руководства согласны по крайней мѣрѣ въ томъ, что теорія словесности принимаетъ на себя обязанность представить систематическое изложеніе законовъ, которыми слѣдуютъ, въ своемъ развитіи, всѣ произведенія литературы. Но цѣль эта не могла и не можетъ быть достигнута путемъ чистаго умозрѣнія, потому, что такое умозрѣніе, не основанное на фактахъ, всегда имѣетъ видъ праздовой мечтательности, неудобоприлагаемой къ проявленіямъ дѣйствительной жизни. Для открытія *положительныхъ законовъ, обуславливающихъ развитіе* человѣческой мысли и чувства, теорія литературныхъ произ-

веденій нуждается въ огромной предварительной работѣ, которая только что начинается въ наше время. Эта работа состоитъ въ критическомъ изслѣдованіи произведеній литературы у всѣхъ народовъ *вообще* и у каждаго народа *порознь*. *Филологія* указываетъ вѣрный путь для такихъ изслѣдованій. Раздѣливъ человечество на извѣстные племена, существенно отличныя одно отъ другого коренными свойствами языка, *сравнительная метода языкованія* обуславливаетъ необходимость той же метоты какъ для исторіи человечества *вообще*, такъ и для исторіи литературы *въ частности*. По племенамъ, въ этнографической системѣ, должна быть излагаема всеобщая исторія, и такому же порядку должна слѣдовать исторія всеобщей литературы. Пусть будутъ (да будутъ!) слѣсны между собою съ историко-критической и филологической точки зрѣнія литературныя произведенія каждаго народа *порознь*: это дастъ возможность изслѣдовать *такимъ же образомъ*, по сравнительной методѣ, литературу цѣлаго пламени, индо-европейскаго или семитическаго, и потомъ, наконецъ, изъ сравненія *всѣхъ* племенъ въ литературномъ отношеніи, откроется возможность прелетавить въ стройномъ систематическомъ порядкѣ исторію *общаго* европейскаго образованія, или исторію всеобщей литературы — что одно и то же. (*) И когда такимъ образомъ историкъ литературы, опираясь на сравнительно-критическую методу, дойдетъ *последовательнымъ* порядкомъ до окончательнаго рѣшенія задачи, тогда — но непременно — наступитъ время для отвлеченныхъ философическихъ воззрѣній (потому что тогда будетъ изъ чего отвлекать), и эти философическія воззрѣнія, приведенныя въ систему, составятъ теорію *общей словесности*, гдѣ, на основаніи историческихъ и филологическихъ данныхъ (только!), будутъ изложены *всеобщіе и положительныя законы всѣхъ словесныхъ произведеній*. (**) Но до этой поры, безъ сомнѣнія, слишкомъ отдаленной (***) , всякая чисто-философическая исторія литературы столько же невозможна, какъ невозможно, при настоящемъ состояніи филологіи, составленіе всеобщей философской грамматики. Понятно отсюда (*очень*), что теорія словесности, понимаемая въ этомъ смыслѣ, состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ исторією литературы.

(*) Просимъ обратить вниманіе на ту ясность, которая проникаетъ систему г. Введенскаго. Правила искусства будутъ приведены въ порядокъ, какъ книги на полкахъ хорошо устроенной библіотеки.

(**) Какъ! филологія и исторія имѣютъ право предписывать законы, да еще и положительныя, искусству и всѣмъ его формамъ, которыя ни отъ кого не зависятъ, кровъ творчества и фантазіи, и такъ же самооправны, какъ таланты? Видно, что системы всегда останутся системами.

(***) И слова Богу!

«Чѣмъ же опредѣляется эта связь? Что такое *будетъ* теорія словесности въ *настоящихъ* (?) своемъ видѣ, какъ скоро отнята у ней возможность стоять отвлеченно на высшей философической точкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ужъ отчасти видѣнъ изъ изслѣдованій о литературѣ этой науки. *Теорія словесности* (откуда жь она теперь взялась? ея вѣдь нѣтъ до конца историко-критико-филологическихъ трудовъ) должна имѣть дѣло съ фактами, точно такъ же, какъ въ своей сферѣ исторія языка, и характеръ этой науки (которой нѣтъ по вашей системѣ) долженъ быть совершенно историческій. Фактовъ заготовлено и разработано довольно, какъ исторіей литературы, такъ и филологіей; пусть же *теорія словесности* (которой нѣтъ), не отступая ни на шагъ отъ сравнительной историко-критической методы, сгруппируетъ въ *одну общую систему* всѣ эти факты и *расположитъ ихъ по родамъ и видамъ въ стройномъ, естественномъ порядкѣ, точно такъ, какъ поступаетъ естествоиспытатель, разлагая по родамъ и видамъ предметы трехъ царствъ природы* (составляя гербаріи изъ высушенныхъ травъ и минералогическіе музеи?); тогда *теорія словесности* (которой нѣтъ), отвѣчая на современныя требованія науки (*), съ честью выполнитъ свое дѣло, единственно-возможное для нея въ настоящую минуту. При такомъ историческомъ характерѣ, теорія словесности будетъ, однакожь, существенно отличаться отъ исторіи литературы. На историкѣ, неимѣющемъ права отступить отъ хронологическаго порядка, лежитъ обязанность слѣдить за всѣми литературными явленіями, принадлежащими тому или другому народу, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и совершенно лишены были художественнаго значенія; теорія словесности между тѣмъ *анализируетъ только такіа явленія* (**), которыя имѣютъ высшій, общій или частный интересъ въ развитіи человѣческой мысли и чувства. Такъ, разсуждая о новѣйшей драмѣ, вы можете, не боясь упрека въ отсутствіи полноты, пропустить какихъ нибудь Марстона и Чампана, или даже Марло, Гейнуда и Раули; но колоссальный образъ Шекспира выставляется самъ собою, какъ скоро идетъ рѣчь о *сравнительномъ изслѣдованіи драматическихъ произведеній* (!!), и разобрать его критически (***) значить въ то же время показать существенное различіе между трагедіей греко-латинскаго міра и трагедіей новѣйшей, христіанской эпохи. Слѣдовательно, трагедіи Шекспира необходимо займутъ

(*) Вотъ въ этомъ-то и вся задача: какою науки?

(**) А чѣмъ руководствуется она при этомъ анализѣ? Теорія нѣтъ. И это поручается, что знающій исторію и филологію сумѣетъ отличить художественное произведеніе отъ нехудожественнаго?

(***) На основаніи филологіи и исторіи!!

мѣсто въ теоріи словесности. *Такимъ же* (?) выборомъ должно руководствоваться и въ *размѣщеніи* (?) всѣхъ другихъ явленій чело-вѣческаго слова, *строго различая* существенное отъ случайнаго (*), важное отъ мелочнаго и нелѣпаго. Въ этомъ смыслѣ, теорія словесности представитъ стройную перспективу произведеній, ваятыхъ изъ *всѣхъ* (опять ясно и просто!) образованныхъ литературъ подъ *однимъ* общій критическій взглядъ. Изъ ихъ обзора и взаимнаго сличенія откроются *сами собою*, вслѣдствіе естественнаго историческаго хода (?), всѣ эти умозрительныя отвлеченія, которыя безъ того такъ часто представляются произвольными теоріями.

«Напрасно, при этой исторической методѣ, любители философскихъ умозрѣній опасаются потеряться и погрязнуть въ безконечномъ лабиринтѣ эмпирическихъ явленій. Во первыхъ, это и не лабиринтъ, потому что, благодаря дружнымъ содѣйствіямъ европейскихъ ученыхъ, дорога здѣсь одна — *гладкая историко-критическая дорога*, и путешествовать по ней можно съ величайшимъ наслажденіемъ, такъ какъ она повсюду освѣщена *сравнительнымъ языкованіемъ и яркимъ огнемъ исторической критики*. Во вторыхъ, это и не *безконечный* лабиринтъ, потому что та же самая критика, отбросивъ въ сторону литературный хламъ, поставила свѣтлые маяки на этой дорогѣ, которые весьма нетрудно замѣтить при *нѣкоторой литературной опытности и усидчивомъ трудѣ* (1). Наконецъ, въ третьихъ, если тутъ придется имѣть дѣло съ *эмпирическими явленіями* (?), тѣмъ лучше: въ томъ-то и состоитъ достоинство новѣйшей науки, что она животворитъ (а не мертвитъ) себя опытомъ и наблюденіемъ, отказываясь отъ всякихъ безплодныхъ умозрѣній, въ которыхъ дѣйствительно не мудро потеряться и погрязнуть.» (Отечественныя Записки. № 12. Крит., стр. 47, 48 и 49.)

Что можетъ быть лучше этой системы, давно, давно повторяемой въ ученномъ мірѣ. И ясно и просто! Но согласитесь, вѣдь это одинъ наборъ словъ (между нами).

Теорія словесности — *нѣтъ*; она, какъ изъ воли богиня, только не прекрасная, возникнетъ изъ *историко-критическихъ и филологическихъ* наблюденій и изысканій, сперва о литературѣ какогонибудь одного народа, потомъ цѣлаго племени, а потомъ и всего челоуѣчества. Ходъ мысли прямой и ясный: исторія и филологія съ помощью теоріи, которой нѣтъ, достаточны для объясненія всего, что кроется въ мірѣ искусствъ и поэзіи: въ народѣ, въ племени и въ челоуѣчествѣ. Система наведенія здѣсь, какъ видите, во всей

(*) Безъ теоріи, руководствуясь только филологіей да исторіей! Не только различать, но даже *строго различать* художественныя произведенія!

силѣ — и да здравствуетъ Бэконъ! Принимаемся же за работу по вашему рецепту. Вы говорите :

«Пусть теорія словесности, не отступая ни на шагъ отъ сравнительной историко-критической методы, сгруппируетъ въ одну общую систему всѣ факты и расположить ихъ по родамъ и видамъ въ стройномъ естественномъ порядкѣ, точно такъ, какъ поступаетъ естественный испытатель, располагая по родамъ и видамъ предметы *трехъ царствъ природы*: тогда теорія словесности, отвѣчая на современные требованія науки, съ честью выполнитъ свое дѣло.... Сравнительная филологія.... маякъ.... и проч.»

Желая съ честью начать по крайней мѣрѣ, если не выполнить, историко-критическое и сравнительно-филологическое дѣло, я взялся сдѣлать маленькій опытъ приложенія вашей системы къ этому дѣлу. Я хотѣлъ взять *теорію словесности*.... но ея не нашелъ, потому что она должна прійти позже сама собою. Итакъ, за неимѣніемъ теоріи, я взялъ три царства поэзіи, соотвѣтствующія тремъ царствамъ природы: лярку (ископаемое), эпопею (растеніе) и драму (животное), — и, не отступая ни на шагъ отъ сравнительной историко-критической методы, положилъ всѣхъ писателей, какъ засушенные травы, обломки камней и остовы животныхъ, въ три ящика. — Лежать. Въ первомъ ящикѣ улеглись: Пиндаръ, треть Пушкина, Гораций, четверть Шиллера, одна-осьмая Гёте. Остальные части этихъ почтенныхъ людей, сообразно тому, сколько они написали драматическихъ и эпическихъ произведеній, я помѣстилъ въ другіе ящики. Во второмъ, какъ первозданные пласты, лежатъ: Гомеръ и Виргилій; на нихъ положила я второй пластъ: Тасса, Аріоста и Калдерона; на этихъ — Мильтона и Клопштока. Въ боковые ящики припряталъ Байрона, половину Пушкина, шесть-осьмыхъ Вальтеръ-Сотта, Сервантеса и части прочихъ, которые, знаете не то, чтобы эпикъ, а такъ, или романистъ, или писатели поэмъ, повѣстей въ стихахъ и др. Въ третьемъ — улеглись всѣ извѣстные драматурги: Эсхилъ и Шекспиръ, Расинъ и Гоголь, Лопе де-Вега и Софоклъ, Скрибъ и Эврипидъ.

Потомъ я взялъ.... *теорію словесности*.... Опять! но вѣдь ея нѣтъ. «Тогда только — но не прежде», говорите вы, когда сравнительная филологія и историко-критическая критика, все сравнить, тогда явится теорія словесности, гдѣ будутъ изложены положительные законы всѣхъ словесныхъ произведеній. А это случится въ эпоху очень отдаленную.

А между тѣмъ вы совѣтуете сейчасъ же, послѣ разложенія трехъ царствъ поэзіи, приниматься за теорію словесности и съ помощью ея извлекать философскія воззрѣнія. Съ помощью чего

извлекать намъ правила энонен изъ второго ящика, а правила драмы — изъ третьяго? Ну, какъ вынешь три знаменитыя единства! Вотъ это и затрудненіе. Напримѣръ, когда нужно извлекать квадратный корень, алгебра даетъ намъ правила, какъ извлекать. Но ваши правила словесности прійдутъ только тогда, когда ихъ уже извлечешъ изъ ящиковъ, извлечешъ безъ всякихъ правилъ. А вы знаете, малѣйшая неосторожность можетъ повредить или, что еще хуже, переишвать разрозненные члены поэтовъ. Тогда и гляди, что ноги Эврипида приставишь къ туловищу Расина, а голову Гомера къ ногамъ Вольтера, что вѣдь и случилось, если помните, во времена классической французской литературы, когда Буало всѣмъ грекамъ безъ исключенія приставлялъ французскія головы. Да и въ наше почти время, Шлегель развѣ не надѣли рыцарскихъ шлемовъ самымъ кроткимъ филистерамъ! Тогда вѣдь всѣ музыканты, которые играютъ въ театрѣ при представленіи какой нибудь Lustspiel, воображали себя трубадурами! А все оттого, что Буало и Шлегель извлекали правила словесности не такъ, какъ слѣдовало извлекать. А между тѣмъ, должно сказать въ ихъ оправданіе, они извлекали эти правила *каждый* *сообразно требованіямъ современной науки*, какъ вы предписываете намъ. Буало въ свое время былъ человекъ очень умный и шелъ наравнѣ съ вѣкомъ и современной ему наукой, Шлегель — тоже. Что жъ ихъ ввело въ заблужденіе? Неужели незваніе филологіи и исторической критики, или, какъ вы говорите, «сравнительнаго языкознанія и яркаго огня исторической критики»? Но на это я вамъ еще разъ замѣчу (хотя и говорилъ уже выше объ этомъ предметѣ), — замѣчу, напримѣръ, что неслучайно у насъ, съ помощью сравнительнаго языкознанія и яркаго огня исторической критики, Тредьяковскаго чуть-чуть не помѣтили въ числѣ поэтовъ, тогда какъ безъ яркаго огня его не считали поэтомъ. Слишкомъ яркій огонь дѣлаетъ иногда фальшивое освѣщеніе. Не вотъ вамъ, не угодно ли, другая задача: сравнительное и даже просто русское языкознаніе скажетъ вамъ, что Гюгаль писалъ тяжелымъ русскимъ языкомъ; историческая критика обратитъ вниманіе на его отношенія къ времени, въ которое онъ писалъ, и на мысль его произведеній. Но кто жъ обратитъ вниманіе на то, что онъ художникъ, даже больше художникъ, чѣмъ лингвистъ и мыслитель, — обратитъ вниманіе, однимъ словомъ, на то, что составляетъ жизнь и эссенцію его произведеній? Не забыли ли вы еще чего нибудь, необходимаго для оцѣнки писателей, кромѣ филологіи и исторической критики? напримѣръ, вкуса, пониманія того, что называется поэзіей, художествомъ, красотой. Одна историческая критика безвозвратно должна осудить Корнеля и Расина, потому что

у нихъ греки говорятъ женщинамъ *мадамъ*, потому что въ трагедіяхъ ихъ соблюдены три скучныя единства, греки ихъ и римляне — французы времянь Людовика XIV, въ трагедіяхъ много дѣйствій и много длинныхъ монологовъ.... но развѣ, кромѣ недостатковъ, нѣтъ достоинствъ въ трагедіяхъ Расина и Корнея? Кто жъ вамъ ихъ укажетъ? не филологія же. Однимъ словомъ, не забыли ли вы въ вашей теоріи литературы — поэзіи? это бываетъ иногда. Говорятъ, одинъ нѣмецъ, во всѣхъ отношеніяхъ великій мыслитель, написалъ философію природы и философію духа человѣческаго — и забылъ философію прекраснаго въ природѣ вѣдшей и въ душѣ нашей? Это его очень смутило, и онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ же Богъ создалъ красоту въ мірѣ, когда нѣмецкая система, такая правильная во всѣхъ частяхъ, можетъ легко обойтись безъ теоріи прекраснаго. Бѣдвйй! онъ не замѣтилъ красоты въ Божьемъ мірѣ, — а ужъ, кажется, какой яркій маякъ! Вы не говорите о поэзіи, о вкусѣ въ литературѣ, а обращаете вниманіе на усидчивость; но приведенный мною въ примѣръ нѣмецъ былъ очень усидчивъ.

Такъ, я полагаю, и одна историческая критика (въ которой много прекрасныхъ сторонъ, а въ особенности въ ней хорошо то, что она всюду обращаетъ вниманіе на мысль произведенія), — такъ, и одна историческая критика, даже съ помощью филологіи, не можетъ быть критикою оковчательною. Обращая слишкомъ много вниманія на мысль, она въ состояніи признать сухое разсужденіе за произведеніе поэзіи, и въ этой своей оцѣнкѣ можетъ иногда встрѣтиться съ тою отвлеченною эстетикою, которая такъ худо прилагалась къ объясненію частныхъ явленій литературы. А въ заключеніе, историческая и филологическая критика, положивъ себѣ обязанностью разбирать все, что написано и напечатано въ литературѣ извѣстнаго народа, можетъ превратиться въ нескончаемый трудъ. Вѣдь, во вашимъ словамъ, «на историкѣ литературы, не имѣющемъ права отступить отъ хронологическаго порядка, лежитъ обязанность слѣдить за *всѣми* литературными явленіями». — И обо всѣхъ о нихъ историки литературы примутся разсуждать, и всѣ эти явленія историки литературы примутся филологически комментировать! Нечего сказать: весело будетъ! Что жъ послѣ этого скучныя разсужденія эстетиковъ!

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Землетрясенія въ Италіи. — Выставки. — Письа г-жи Эмиль де-Жирарденъ: «La Joie fait Peur». — Продажа автографовъ въ Парижѣ. — Сбиратель пуговицъ. — Трогательный некрологъ. — Переписка императора Наполеона съ королемъ Юсифомъ. — Мелкія сочиненія А. Гумбольдта. — Новѣйшіе нѣмецкіе романисты: Робертъ Гизекъ, А. Штернбергъ, Шарфенбергъ, Виллабальдъ Алексисъ и Юлія Буровъ, и ихъ произведенія. — Путешествіе доктора Гукера въ Гималаи. — Крокодилы и убійцы въ Индіи. — Торговля съмевами датуры и опиумомъ. — Англійскія сочиненія о Турціи. — Турецкія школы и турецкіе математики и астрологи. — Трогательная заботливость англичанъ о турецкомъ управленіи.

Въ мартовской книжкѣ «Современника» мы упомянули о землетрясеніи въ Италіи, которое, высказываясь въ разныхъ мѣстахъ и въ равное время, не на шутку напугало жителей, а въ нѣкоторыхъ городахъ и деревняхъ произвело и дѣйствительное бѣдствіе. Ничто не можетъ сравниться — пишетъ одинъ корреспондентъ «L'indépendance Belge» — съ опустошеніемъ большого мѣстечка Бастія, лежащаго между Ассизомъ и Фолиньо: это теперь не болѣе, какъ груда развалинъ. Монастырь св. Екатерины разрушенъ до основанія, и монахи должны были, оставивъ свое жилище, переселиться въ другой монастырь въ Ассизѣ. Въ окружныхъ деревняхъ повсюду видны развалившіеся или готовые развалиться дома, и жители должны были скопиться въ немногихъ жилищахъ, пощаженныхъ землетрясеніемъ, или расположиться среди полей. Къ довершенію несчастія сильный холодъ, къ которому не привыкли итальянцы, увеличивалъ ихъ страданія, и земля была покрыта снѣгомъ (въ концѣ февраля). Жители почувствовали землетрясеніе во время ночи и, пораженные ужасомъ, разбѣжались, полуобнаженные, куда попало. Изъ нѣмецкихъ газетъ мы узнаемъ, что землетрясеніе не прекратилось еще и въ началѣ марта. Перваго числа этого мѣсяца въ Козенцѣ слышались сильные подземные удары. Всѣ эти происшествія вевольно напоминаютъ страшныя потрясенія, случившіяся также весною 1832 года и наидолнишія развалинами прекрасную долину Умбріи. Тогда землетрясеніе продолжалось болѣе трехъ мѣсяцевъ — отъ начала января до половины марта, и разрушило много деревень, мѣстечекъ и городовъ. Въ одномъ Фулиньо разрушено было 380 домовъ, домъ епископа, обѣ семинаріи и 22 церкви; въ маленькомъ горномъ городкѣ Сделло, недалеко отъ Фулиньо,

разрушилось 200 домовъ. Должно замѣтить, что въ пятьдесятъ лѣтъ нынѣшняго столѣтія Италия вынесла много землетрясеній. Землетрясеніе 1804 года чувствовалось на протяженіи 600 квад. миль, и изъ шестидесяти-одного города только два остались нетронутыми. Число жертвъ достигало до 6.000 человекъ. Это стоитъ холеры! Съ тѣхъ поръ до 1823 года не было большихъ опустошеній; но въ этомъ году, и тоже въ мартѣ, нѣсколько домовъ были разрушены въ Палермо, и 19 человекъ погибло подъ ихъ развалинами. Потомъ 24 апрѣля 1836 года Калабрія, такъ часто терпящая землетрясенія, снова пострадала: 263 человекъ было убито и 162 ранены. Но страшнѣе всего было несчастіе, разразившееся надъ прелестною страной, лежащею между Низой, Ливорно и Вольтерра, 14 августа 1846 года: число поврежденныхъ домовъ простиралось до 4,281, и убытокъ оцѣнивали въ 450,000 талеровъ. Въ это время было замѣчено, что передъ этимъ землетрясеніемъ, точно такъ же, какъ и передъ землетрясеніемъ 1742 года, Арно два года сряду опустошало окрестности своимъ необыкновеннымъ разливомъ. Но изъ всѣхъ землетрясеній настоящаго столѣтія Италия едва ли не замѣчательнѣе всѣхъ землетрясеніе 1851 года, въ которомъ Мельфи, владѣніе знаменитаго Дорія, Веноза, мѣсторожденіе Горация, и Канова были почти разрушены: Апулейская равнина также претерпѣла тогда много. Послѣдствія нынѣшняго землетрясенія еще неизвѣстны вполне.

— Въ Германіи новостей немного. Выставка картинъ нѣмецкихъ художниковъ въ Мюнхенѣ привлекаетъ всеобщее вниманіе.

— Въ Парижѣ новостей немного. Изъ театральныхъ пьесъ произвела нѣкоторое впечатлѣніе пьеса г-жи Эмиль де-Жирардъ, появившаяся на сценѣ Французскаго Театра «La Joie fait Peur» (радость производитъ страхъ). Въ этой пьесѣ, несмотря на то, что въ ней нѣтъ почти никакой интриги, что развязка предвидится съ самаго начала, интересъ поддерживается, не ослабѣвая, до конца. Дѣло въ томъ, что три женщины носятъ трауръ по одному и томъ же человекѣ, котораго считаютъ уже погибшимъ: одна оплакиваетъ въ немъ сына, другая — брата, третья — жениха; но онъ возвращается. Вотъ и все содержаніе пьесы. Горестъ цѣлой семьи, давно уже носящей трауръ, но не перестающей чувствовать всей тяжести своей потери, выражена прекрасно; старый слуга, который одинъ только съ упорствомъ сохраняетъ надежду на возвращеніе своего господина, бросаетъ отбѣнокъ трогательной веселости на эту слезную картину, гдѣ платки занимаютъ сначала самыя важнѣйшія роли. При поднятій завѣсь, артистъ не знаетъ, къ чему поведетъ его такое печальное зрѣлище; но потомъ онъ начинаетъ подозрѣвать, что человекъ, котораго оплакиваютъ, не умеръ, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, появляется. Старый слуга, который внезапно его увидѣлъ, пораженъ ужасомъ. Эта сцена, не имѣющая на словахъ никакого значенія, превосходно передана мастерскою игрою Ренье. Встрѣча матери съ сыномъ, невесты съ женихомъ, сестры съ братомъ разнообразны и обрисованы съ большимъ чувст-

воиъ и знаніемъ сердца. Однѣзъ только Октавій, молодой человекъ, расчитывавшій на отсутствіе Адріана, своего счастливаго соперника, не доволенъ его возвращеніемъ,

— Въ Парижѣ опять была огромная продажа автографовъ, между которыми были замѣчательныя автографы Сервантеса, Лабрюера, Монтана, Лесажа и проч. Многіе изъ этихъ автографовъ были явно поддѣланы; но, тѣмъ не менѣе, они нашли себѣ щедрыхъ покупателей. Такъ письмо Сервантеса, въ поддѣлкѣ котораго ни одинъ знатокъ не могъ сомнѣваться, было продано за 235 франковъ. Есть люди съ особенною страстью до рѣдкостей, которую трудно даже понять. Одинъ господинъ провелъ тридцать лѣтъ своей жизни въ собираніи пуговицъ. Въ эти тридцать лѣтъ, проведенныхъ такимъ образомъ, онъ объѣхалъ всѣ поля извѣстныхъ сраженій, отыскивая пуговицы людей, павшихъ на этихъ поляхъ, и былъ въ отчаяніи, что никакъ не могъ отыскать пуговицы Полтавской битвы. Наконецъ онъ нашелъ ее у одной цыганки и купилъ, конечно, болѣе, чѣмъ на вѣсъ золота. Одинъ морской офицеръ, которому нравилась дочь чудака, доставилъ ему весьма сомнительную пуговицу одного изъ полковъ Типпосамба и за то получилъ руку хорошенькой и богатой дѣвушки. Послѣ смерти этого собирателя пуговицъ, въ сундукахъ его, гдѣ было прежде много золота, наслѣдники нашли только пуговицы, съ которыми не знали, куда дѣваться.

Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ этотъ анекдотъ фельетонистъ L'Indépendance Belge, называя при этомъ собирателя своимъ другомъ. Этотъ же самый фельетонистъ сдѣлалъ недавно весьма забавный промахъ, который, впрочемъ, раздѣлили съ нимъ и другіе французскіе журналы. Онъ объявилъ, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, о смерти одной извѣстной французской актрисы, скончавшейся, будто бы, въ ужасной бѣдности въ домѣ сумасшедшихъ и почти насильственной смертью, потому что она утонула въ ваннѣ. При этомъ случаѣ онъ рассказалъ всю ея жизнь и, пользуясь правомъ некролога, выставилъ весьма свободно всѣ ея слабости и достоинства, сказавъ подъ конецъ, что она умерла тридцати-девяти лѣтъ отъ роду. Можно себѣ представить, какъ пріятно было актрисѣ читать все это, когда она и не думала ни умирать, ни сходить съ ума, ни быть въ бѣдности и жила вовсе не въ сумасшедшемъ домѣ, а въ хорошенькой виллѣ. Но что ее въ особенности разозлило, такъ это то, что журналы дали ей тридцать-девять лѣтъ. Этому она не могла имъ простить.

— Изъ литературныхъ явленій Франціи самыми замѣчательными показались намъ мемуары и политическая переписка короля Люиса, наданная г. Дюкасомъ, адъютантомъ Жерома Бонапарте: эта переписка начала уже выходить давно, и теперь появилась пятый томъ ея; всѣхъ томовъ будетъ восемь. Вотъ отчетъ объ этой перепискѣ, помѣщенный во французской Иллюстраціи, изъ которой мы переведемъ буквально нѣкоторыя мѣста:

«Нельзя не сознаться — говорить Феликс Морпандъ (Morpand) — что это издание можетъ разсѣять много иллюзій и прохладить много энтузіазмовъ. Самъ издатель сознавалъ, кажется, это и предувѣдомляетъ читателя въ предисловіи, что «онъ безъ сомнѣнія найдетъ въ перепискѣ императора выраженія жолчныя, гнѣбныя и иногда даже несправедливыя; но не должно — прибавляетъ издатель — судить о сердцахъ Наполеона по нѣсколькимъ фразамъ, надиктованнымъ имъ подъ вліяніемъ дурного расположенія духа, которое скоро проходило». Это же самое замѣчаніе сдѣлалъ самъ Іосифъ Іасъ-Казасу по доводу его записокъ (Mémorial de Sainte-Hélène). «Въ разговорахъ императора — пишетъ Іосифъ — есть много выраженій, которыя могутъ создать ему только враговъ, и которые, если бы они были вполнѣ поняты, при извѣстной его манерѣ выражаться быстро и живо, не имѣли бы значенія, придаваемого имъ самолюбіемъ однихъ и злобою другихъ.»

«Эта критика совершенно справедлива — продолжаетъ Феликсъ Морпандъ — но надо согласиться, что есть различіе между мыслями, быстро высказанными въ довѣрчивомъ разговорѣ или появляющимися по теченію разговора, и письмами, конечно также адресованными къ лицу близкому, но имѣющими по бѣльшей части отношеніе къ политикѣ, къ войнѣ, къ управленію, сохраняющими характеръ инструкцій и депешъ болѣе, нежели характеръ случайныхъ выраженій, и для которыхъ трудно допустить, чтобы въ нихъ не было твердаго рѣшенія и обдуманной мысли. Императоръ французовъ, располагавшій тогда судьбами западной Европы, пишущій собственноручно къ своему старшему брату, королю неаполитанскому, или королю испанскому, и предписывавшій ему, какъ онъ долженъ вести себя въ самыхъ запутанныхъ и щекотливыхъ обстоятельствахъ, не можетъ быть поставленъ на одинъ уровень съ Наполеономъ, когда онъ, въ своемъ заключеніи на островѣ св. Елены, бесѣдуетъ о своей судьбѣ въ кругу довѣренныхъ лицъ.»

«Выскажемъ разомъ: Наполеонъ такъ мало возвышается во мнѣніи людей повденіемъ въ свѣтъ его частной переписки о секретныхъ дѣлахъ государства съ его любимымъ братомъ, что часть этой переписки, уже опубликованная, подала поводъ къ многочисленнымъ комментаріямъ, изъ которыхъ нѣкоторые довольно странны. Мы не будемъ повторять здѣсь и не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ этомъ историческомъ предпріятіи какую-то реакцію, добровольную или нѣтъ, противъ исключительнаго господства *человѣка судьбы* въ ущербъ современнымъ принцамъ его фамиліи, слишкомъ раздавленнымъ пьедесталомъ этой огромной личности.»

«Эта столь любопытная и поучительная переписка Наполеона и Іосифа начинается съ 1795 года и продолжается до 1815 года, когда братья разстались навсегда. Въ первые два года эта переписка носитъ характеръ семейный, исполненный братскою привязанностію. Но съ 1797 года тонъ ея замѣчательно намѣняется, и это понятно: здѣсь уже главнокомандующій итальянскою арміею пишетъ къ французскому по-

слабинку въ Римъ (это мѣсто занимала тогда Иосифъ), и читатель не безъ нѣкотораго удивленія видитъ, что главнокомандующій диктуетъ свои краткія приказанія и инструкціи французскому посланнику въ такомъ томи; назъ будто въ то время не было во Франціи Министерства Иностранннхъ Дѣлъ. Надобно предполагать, что посланникъ Иосифъ долженъ былъ не разъ находиться въ затруднительномъ положеніи, сравнивая приказанія, приходившія изъ главной квартиры, съ тѣми, которыя приходили изъ Франціи. Между другими предписаніями, полученными Иосифомъ отъ главнокомандующаго, замѣчательно слѣдующее: «если — пишетъ Наполеонъ — папа умретъ, то вы должны одѣлать все, что только можете, чтобы поощрять выбору новаго папы и произвести революцію.» Это нѣсколько противорѣчитъ съ послѣдующими дѣйствіями Наполеона.

«Если должно высказать откровенно все наше впечатлѣніе, то мы должны сознаться, что чтеніе этихъ не подлежащихъ сомнѣнію актовъ уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ нравственную личность императора Наполеона и не возвышаетъ Иосифа.

«Наполеонъ помѣстилъ своего брата Иосифа въ Неаполѣ и потомъ въ Мадритѣ не столько какъ короля, но скорѣе какъ претора или проконсула. Этими импровизированными владѣтелямъ онъ пишетъ приказанія, какъ своимъ генераламъ и пресектамъ. Вотъ что выходитъ наружу изъ формы переписки между Наполеономъ и королемъ «безъ власти» Обѣихъ Сицилій и потомъ Мадрита. Король не адресуется къ своему меньшому брату иначе, какъ называя его *Majesté*, и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, но въ замѣнъ не получаетъ не только ничего подобнаго, а, напротивъ, языкъ императора повелителенъ, жестокъ, полонъ выговоровъ и оскорбительныхъ замѣтокъ. Постоянными предметовъ раздоровъ служила доброта Иосифа, который не умѣлъ понять своей роли, воображаетъ себя какимъ-то пастыремъ людей и не понимаетъ рѣшительно ничего въ искусствѣ *de réduire la saignée*. «Негодяи — говоритъ ему выразительно братъ — любятъ и почитаютъ только того, кого они боятся, и боязнь негодяевъ можетъ одна доставить вамъ любовь и уваженіе всего народа. Я не доволенъ мадритскою полиціею. Съ испанцами надо быть строгимъ. Я велѣлъ здѣсь (въ Валладолидѣ) схватить пятнадцать человѣкъ самыхъ злыхъ и расстрѣлять. Велите схватить тридцать въ Мадритѣ.... Дѣйствіе Бельяра превосходно: надобно велѣть повѣсить въ Мадритѣ десятка два негодяевъ. Завтра я вѣшаю здѣсь семерыхъ, присутствіе которыхъ пугало честныхъ людей: они мнѣ донесли на ихъ тайно и ободрились съ тѣхъ поръ, какъ отъ нихъ избавились.»

«Изъ этихъ ста — продолжаетъ Наполеонъ — велите повѣсить двадцать или пятнадцать человѣкъ, а остальныхъ сошлите во Францію на галеры....

«16 января. Судъ алькадотъ въ Мадритѣ оправдалъ мнѣ приговоривъ только въ тюрьмѣ тридцать негодяевъ, схваченныхъ Бельяромъ.

Должно назначить военную комиссию, чтобы судить надъ снова и разстрѣлять виновныхъ.

Къ несчастію, эти негодая Морнада, которыхъ нужно было разстрѣливать и вѣшать — замѣчаетъ Феликсъ Морнада — никакъ не вадитъ себя всю Испанію, упрямое защищающую свою національность. Скоро появилось этихъ негодаяевъ столько, что число составныхъ людей, доносившихъ поминальному на своихъ соотечественниковъ Наполеону, оказалось меньшинствомъ.

Въ Неаполь съ 1806 по 1808 годъ одинъ и тотъ же армія. Мы вѣдемъ о неаполитанскихъ войнахъ свидѣтельство человека, справедливость котораго долго заподозрѣвали: это Паль-Луи Курье, изъ писемъ котораго къ друзьямъ только и рассказывается, что о различныхъ экскузаціяхъ, и между прочимъ исторія маршала Радіо, котораго судили и пересуживали до тѣхъ поръ, пока засудили на смерть, какъ и испанскихъ негодаяевъ. На него сердились — говорить Курье — за то, что, будучи министромъ и любимцемъ королевы, онъ противился браку, который предполагалось устроить между двумя Дворами. Императоръ имѣлъ слабость всѣхъ выскочекъ подвергаться отказать. Ему было отказано здѣсь и тамъ. Бѣдный Радіо былъ взятъ потомъ въ какомъ-то уголкѣ Калабріи, во главѣ инсургентовъ, и хотя онъ сдался на честную и откровенную капитуляцію, но его схватили, подвергнули военному суду и, къ удивленію всѣхъ, оправдали. Онъ написалъ объ этой новости своей женѣ въ Катанцоро и считалъ себя внѣ опасности; но Наполеонъ велѣлъ его схватить, велѣлъ судить снова тѣмъ же самымъ судьямъ, которые его оправдали, и на этотъ разъ Радіо былъ обвиненъ. Это привело въ ужасъ всѣхъ и французовъ болѣе, чѣмъ неаполитанцевъ. Его разстрѣляли въ спину, какъ измѣнника своему законному властителю. Фактъ этотъ кажется вамъ очень сильнымъ, а я знаю еще другіе такіе же, и Курье приводитъ ихъ съ подлюжины.

Переписка Наполеона съ Иосифомъ въ эту самую эпоху подтверждаетъ вполне рассказъ Курье о свойствахъ приказаній, приходящихъ ежeminутно изъ Франціи, и о многочисленности казней. «Вы слишкомъ добры, вы слишкомъ слабы; вѣшайте, вѣшайте» — вотъ что привозилъ каждый курьеръ изъ Франціи королю Неаполя, и бѣдный Иосифъ восклицаетъ наконецъ: «да помилуйте, мы только этимъ и занимаемся!»

Вотъ что говоритъ Феликсъ Морнада, по поводу обнаруженія этихъ важныхъ историческихъ документовъ.

— Въ Германіи особенное вниманіе обращаютъ на себя мелкія сочиненія Александра Гумбольдта, которыхъ вышелъ еще только первый томъ (*Geognostische und physikalische Erörterungen. Mit einem Atlas, enthaltend Umrissse von Vulkanen aus den Cordilleren von Quito und Mexico*).

Знаменитый ветеранъ естественныхъ наукъ прожилъ и дѣйствовалъ во всю главную эпоху ихъ развитія, или, лучше сказать, еще самаго

ихъ возрожденія до настоящаго ихъ состоянія. Взглянувъ на удивительное развитіе естественныхъ наукъ, которыя имѣли намъ не только нашъ взглядъ на природу, но и всѣ условія нашей жизни, мы съ удивленіемъ спрашиваемъ себя: неужели прошло только 80 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда воздухъ и вода считались химическими элементами? Для насъ — говоритъ рецензентъ «Allgemeine Zeitung» — все, что мы учимъ и съ тѣхъ поръ, какъ мы учимся, всесторонній образъ Гумбольдта свързанъ со всѣми важными духовными движеніемъ новаго времени. Нѣтъ ни одной отрасли естественныхъ наукъ, которую бы онъ не оплодотворилъ богатыми идеями, которой бы онъ не придалъ новаго движенія и новаго направленія остроуміемъ своихъ взглядовъ и необыкновенною наблюдательностію, и, кроме того, онъ создалъ новую науку, которая возрасла съ каждымъ днемъ. Если мы получаемъ только, что этотъ ученый, который продолжаетъ трудиться на пользу науки, живетъ посреди насъ, то постоянно приходитъ на мысль, что уже прошло 46 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда А. Гумбольдтъ, вмѣстѣ съ Георгомъ Форстеромъ, путешествовалъ по Рейну и писалъ свои *Минералогическія наблюденія надъ базальтовой породой на Рейнѣ*. Когда этотъ необыкновенный человекъ начиналъ свою ученую карьеру, ученіе о кислородѣ было еще новостью, машина Монгольфери чудомъ, а гальванизмъ не былъ открытъ.

Съ такими чувствами смотримъ мы на это собраніе. Въ немъ собранъ Гумбольдтъ тѣ изъ своихъ прежнихъ произведеній, которыя были раскиданы въ журналахъ или въ дорогихъ изданіяхъ, доступныхъ немногимъ. Такое собраніе всегда бы имѣло высокую цѣну, которая теперь еще увеличивается оттого, что оно сдѣлано самимъ авторомъ. Здѣсь видѣнъ весь блестящій путь естественныхъ наукъ за цѣлое столѣтіе. Въ предисловіи авторъ объясняетъ самое значеніе своего собранія: «Я беру изъ моихъ прежнихъ произведеній только тѣ — пишетъ онъ — которыя, какъ я думаю себя надеждою, стоятъ замѣчанія со стороны специальныхъ ученыхъ, потому что, распространеныя другими, черезъ счастливое развитіе идей, они сдѣлались современнѣе плодотворными. Если эти труды, что имѣть для исторіи науки свои преимущества, издаются здѣсь въ своей первоначальной формѣ, то оцѣнками приложеніями я приспособилъ ихъ къ настоящему состоянію развившейся науки и къ новымъ выраженіямъ ея. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о перелѣтѣ этихъ сочиненій въ духъ новой науки. Тогда они потеряли бы самое важное свое значеніе — историческое.

Въ первой части замѣчательнѣйшія статьи слѣдующія:

• Геогностическое и физическое наблюденіе надъ волканами Квнто. Эту статью составляютъ: лекція, читанная въ продолженіе долгаго времени въ Берлинской Академіи, нахъ путешествій де-Ковдамина и Бугера въ Пихичу и экспедиція Виссе во внутренность кратера Пихича, докладъ Гумбольдта войти на Чибораю (въ 1802 г., 22 июня) и описаніе высокихъ равнинъ Боготы. Обѣ послѣднія статьи, отрывки

еще не появившейся части его большого путешествія, были въ первый раз помѣщены въ нѣмецкомъ трехмѣсячномъ журналѣ и въ шуматереновомъ астрономическомъ календарѣ (1837). Все, что касается до путешествія въ Пихичу, не было еще нигдѣ напечатано. Къ этому отдѣлу геогностическихъ воспоминаній относится и атласъ, въ которомъ, на двѣнадцати листахъ, представлены превосходныя изображенія вулкановъ и горъ съ снѣжными вершинами въ Андахъ, Новой Гренадѣ, Кито и Перу. Восемь изъ этихъ изображеній были уже помѣщены въ великолѣпномъ изданіи: «Vues des Cordillères et Monument des peuples indigènes du nouveau continent. 1813», которое, по своей высокой цѣнѣ, весьма мало распространилось; четыре изображенія прибавлены вновь. Въ этомъ отдѣлѣ читатель находитъ всѣ тѣ взгляды и идеи, которые вынесъ Гумбольдтъ изъ своего путешествія подъ тропиками, и которые имѣли такое важное вліяніе на всѣ отрасли естественныхъ наукъ, дали новое направленіе геодезіи, гидрографіи, метеорологіи, геогнозіи, ученію о земномъ магнетизмѣ и раздѣленіи теплоты по земному шару и были такъ плодотворны для зоологіи и ботаники.

Вторая замѣчательная статья: «Главные черты гумбольдтовой теоріи изотермическихъ линій», которая никогда не появлялась вполнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, а французскаго оригинала (Mémoires de la société d'Arcueil) нѣтъ болѣе въ продажѣ. Очень важное прибавленіе къ этому отдѣлу составляютъ таблицы изотермическихъ поясовъ. Онѣ были изданы Гумбольдтомъ въ 1817 году, потомъ во второмъ изданіи Мальмана распространены на четыре листа и приложены къ третьему тому «Центральной Азійи». Здѣсь онѣ появляются уже на пяти листахъ и содержатъ 566 пунктовъ. Только при богатыхъ средствахъ Гумбольдта и при его обширныхъ сношеніяхъ съ учеными цѣлаго міра можно было достигнуть такихъ значительныхъ результатовъ. При каждомъ пунктѣ означены: его географическое положеніе, высота надъ уровнемъ моря, средняя годовая температура всѣхъ четырехъ временъ года, холоднѣйшаго и теплѣйшаго мѣсяцевъ и число годовъ, въ которые производилось наблюденіе. Какъ самая холодная точка земного шара, которая только была доступна наблюденію, означена здѣсь *Мельвилловъ островъ*, подъ 74° сѣв. шир., съ среднею годовою температурою — 18°, 7' и съ лѣтнею температурою + 2°, 8'. Самую жаркую точку на земномъ шарѣ является *Массау* (Massoua), въ Абиссиніи, подъ 15° сѣв. шир., съ годовою температурою въ + 31° и съ зимнею температурою + 26°, 7'. Реестръ дѣлаетъ эти таблицы весьма удобными для справокъ и общаго обзоренія.

Это двѣ важнѣйшія статьи; кромѣ ихъ есть еще много важнаго и интереснаго.

— Въ прошедшемъ номерѣ «Современника» мы говорили о современномъ направленіи нѣмецкаго романа; теперь мы можемъ дать нѣсколько подробностей, нелишенныхъ интереса, о современныхъ германскихъ романистахъ.

Нѣмецкій романъ долго скитался въ туманныхъ областяхъ, принимая насильственную фантазію, въ которой не было ничего жизненнаго, за поэзію, бесплодную мечтательность—за глубину взгляда, и приторную сентиментальность—за чувство. Вліяніе, которое англійская литература, съ Шекспиромъ во главѣ, прониннувшая въ Германію, оказала на нѣмецкій романъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но чуждое вліяніе, если оно только вызываетъ подражаніе, а не пробуждаетъ самобытный геній народа, заставляя его отыскивать себѣ самостоятельную, еще нетронутую область, не можетъ создать великихъ оригинальныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе, пока такая область еще не отыскана, то лучше, подражая другимъ, изучать дѣйствительную жизнь, пока наконецъ найдемъ въ ней то, чего не находили другіе, нежели витать Богъ знаетъ въ какихъ пространствахъ, и гдѣ, по выраженію Гёте, не во что упереться взору, не на чѣмъ утвердиться ногѣ. Такимъ кажется намъ современное требованіе въ сферѣ нѣмецкаго романа, хотя нѣмцы и видятъ какое-то особенное, національное направленіе въ своихъ романистахъ. Мы перечислимъ этихъ романистовъ, слѣдуя статьѣ, помѣщенной въ «Allgemeine Zeitung»:

• Современное жизненное направленіе выразилось въ особенности — говорить эта статья — въ молодомъ писателѣ, Робертѣ Гизекѣ, котораго новѣйшее, трех-томное произведеніе подъ заглавіемъ: «Малый и большой Свѣтъ», лежитъ передъ нами (*Kleine Welt und grosse Welt. Ein Lebensbild. Von Robert Gieseke*). Писатель этотъ сдѣлался извѣстенъ въ первый разъ своимъ романомъ «Современные Титаны» (*Moderne Titanen*), который въ непродолжительномъ времени имѣлъ два изданія. Героимъ этого *новѣйшаго* романа является молодой художникъ, который, по своимъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ, принужденъ жить бѣдною мѣщанскою жизнью маленькаго городка. Но безпокойная душа заводитъ его въ блестящій высшій кругъ и въ шумную жизнь столицы, только затѣмъ, чтобы онъ возвратился оттуда назадъ въ свою бѣдную и тѣсную родину обманутымъ и съ разбитыми надеждами. Оба свѣта: «большой» и «малый», обрисованы авторомъ очень хорошо, и именно потому, что авторъ описывалъ ихъ безъ большихъ претензій, такъ что поэзія контрастовъ выдается сама собою. Поэзіи въ «маломъ свѣтѣ» больше, — не потому, чтобы это было такъ на самомъ дѣлѣ, а потому, что автору лучше удалось описаніе маленькаго городка. Описаніе это свѣжѣе, оригинальнѣе; въ немъ много истиннаго юмора.

Другое новѣйшее сочинленіе совсѣмъ въ другомъ родѣ: «Маріенбургскіе Рыцари», А. Штериберга. Три части. (*Die Ritter von Marienburg. Von A. Sternberg. Drei Theile.*) Г. Штерибергъ задумалъ описать этотъ цвѣтъ нѣмецкаго рыцарства и притомъ въ самую блестящую для нихъ эпоху — въ эпоху битвы Таузенберга. Понятно, что такая книга требовала много знаній, которыхъ у Штериберга, писателя, впрочемъ, съ талантомъ, вовсе нѣтъ, и романъ вышелъ какой-то карриатурой на рыцарство.

Въ книгѣ г. Штерриберга есть все, что вамъ угодно, только нѣтъ ни маріенбургскаго, никакаго другого рыцарства, даже ничего похожаго на рыцаря, и она должна отказаться отъ всѣхъ своихъ титуловъ.

Здѣсь нѣтъ ни ордена, ни рыцарей, ни Маріенбурга; но есть цѣлыхъ три тома, въ которыхъ авторъ толкуетъ о томъ, чего онъ вовсе не знаетъ. Тѣмъ не менѣе книга Штерриберга весьма недурна. Она похожа на безконечный разговоръ умнаго стараго господина, который послѣ сытнаго обѣда, когда дамы уже ушли, рассказываетъ старыя исторіи. Съ каждымъ часомъ шампанское сильнѣе туманитъ его голову, столъ, слушатели, зала, все уже начинаетъ кружиться, и онъ уже самъ не можетъ разобрать, говорить ли онъ о старомъ крестоносцѣ или о ротмистрѣ седьмой кирасирской дивизіи, объ аббатисѣ стараго монастыря или о знакомой оперной танцовщицѣ.

Третій новѣйшій романъ — г. Шарфенберга «Прихоти и Забавы Судьбы» (*Launen und Spiele des Schicksals. Von Sigismund Scharfberg. Zwe Theile*), очень наивенъ. Дѣло въ томъ, что одинъ гейдельбергскій студентъ имѣетъ бездѣтнаго дядю, министра и богатаго челоука, отъ котораго онъ ждетъ наслѣдства, и бѣдную мать. Онъ пишетъ къ нимъ письма въ одно и то же время: къ дядѣ — ласковое и почтительное, къ матери — полное жалобъ на скупого и ворчливаго дядю, который не видитъ никакого толку въ гейдельбергской жизни племянника. Все это очень естественно; но бѣда въ томъ, что молодой челоукъ перемѣшиваетъ письма, и письмо, написанное къ дядѣ, адресуетъ къ матери, а письмо къ матери — на имя его высокопревосходительства, тайнаго совѣтника и т. д. Путаница выходитъ страшная. Остроуміе молодого челоука, вмѣсто того, чтобы сорвать невольную и самодовольную улыбку съ устъ нѣжной матери, приводитъ дядю въ бѣшенство: онъ лишаетъ племянника наслѣдства, не хочетъ его знать, не посылаетъ ему денегъ. Бѣдный молодой челоукъ въ нищетѣ, и его безконечныя приключенія начинаются. Этими приключеніями такъ много, что г. Шарфенбергъ рассказываетъ ихъ уже три года и никакъ не можетъ досказать до конца: первая часть романа появилась три года тому назадъ, вторая только въ этомъ году, а третья еще обѣщана. Г. Шарфенбергъ, впрочемъ, тоже писатель съ талантомъ.

Гораздо интереснѣе романъ Вилибальда Алексиса (*Wilibald Alexis*). Г. Алексисъ давно приобрѣлъ себѣ извѣстность. Романъ его, «Спокойствіе есть первая обязанность гражданина» (*Ruhe ist die erste Bürgerpflicht.*), привлеченъ къ себѣ къ тому же общему вниманію. Въ этомъ романѣ авторъ беретъ эпоху Гессенскаго сраженія и описываетъ съ замѣчательною вѣрностью тогдашнее состояніе прусскаго общества. Новый его романъ, которому онъ далъ названіе «Искренность» (*Isgerinnig*), въ трехъ частяхъ и составляетъ назъ бы продолженіе перваго. Здѣсь авторъ покидаетъ столицу, занятую непріятелемъ, и переноситъ читателя въ провинцію, на ярмаркѣ, на озеро Говеланда, въ страну Кверблицца, лежащую на берегахъ Кверблицца, гдѣ

господа фон-дери-Кларбичи живутъ въ ихъ послѣдствіиномъ замкѣ Кашлау, землякомъ на Илицѣ. Въ замкѣ майора и фрейгерра фон-дери-Кларбича на Илицѣ авторъ установилъ свою главную квартиру и отсюда начинаетъ обрисовывать ландшафтъ и жителей; но самой характеристической фигурой остается все-таки самъ владѣлецъ замка — упрямая, круглая, верчливая, но въ высшей степени честная личность. Онъ невольно напоминаетъ собою волка въ «Рейнке-Лисъ» и вотъ почему ему дали прованіе «Изаегримма».

Изаегриммъ — настоящій нѣмецкій баронъ старыхъ временъ. Онъ суровъ, грубъ и флегматиченъ; но, тѣмъ не менѣе, его личность трогаетъ и располагаетъ въ свою пользу. Эта личность трогаетъ насъ не только своимъ домашнимъ горемъ, когда дочь старика одѣлалась добычею француза, виновата пріключеній, и когда другая дочь его вступила вовсе не въ равный союзъ, но в глубокую печалью, которую онъ испытываетъ, думая о судьбѣ своего отечества и короля: онъ еще болѣе нравится намъ своимъ горячимъ патриотизмомъ, своей безграничною преданностью отечеству и готовностью на всякую для него жертву. Этотъ характеръ такъ рѣзко очерченъ авторомъ, что полный жизни образъ Изаегримма глубоко запечатлѣвается въ душѣ читателя, — такъ глубоко, что, когда потомъ авторъ, увлеченный нѣмецкою страстью философствовать, заставляеть Изаегримма отшучивать сентенціи, которыя странно звучать въ устахъ фрейсера старыхъ временъ, то читателю кажется, что какъ будто историкъ искажаетъ любимый имъ и давно ему знакомый историческій характеръ.

Мы не говоримъ уже о мастерской, тонкой обрисовкѣ подробности, съ которыми давно познакомились читатели г. Алексиса. Онъ давно получалъ первое мѣсто между современными историческими романистами, и если бы въ немъ было поболѣе жару, увлеченія, быстроты, а поменьше сѣвера-нѣмецкой рѣзковости, то онъ занялъ бы мѣсто между величайшими рассказчиками:

Этотъ романъ, вѣстѣ съ замѣчательнымъ романомъ Отто Мюллера, «Шарлотта Аккерманъ», о которомъ мы говорили въ прошедшій мѣсяцъ, составляютъ первый томъ «Нѣмецкой Библиотеки», предпріятія, которымъ издатель, Отто Мюллеръ, безъ сомнѣнія, окажетъ много пользы нѣмецкой литературѣ. Въ успѣхѣ этого изданія нельзя сомнѣваться, потому что подобное же вѣское изданіе, «Альбомъ, Библиотека нѣмецкихъ оригинальныхъ романовъ», издаваемый Коберомъ, имѣлъ огромный успѣхъ. Нѣмецкіе писатели болѣе всего вредятъ переводы и копѣчнымъ изданіямъ романовъ иностранныхъ писателей: съ этой-то дешевой рѣшился бороться г. Коберъ, назначая за томъ своего «Альбома» только 20 рейнеровъ. Два первые тома этого «Альбома» познакомили Германію съ двумя новыми замѣчательными талантами. Выпуститъ 1854 года начинается романомъ: «Докторъ маленькаго города» (*Ein Arzt in einer kleinen Stadt, von Julie Wigow*), Юли Буровъ. Этотъ маленький романъ рассказанъ превосходно, съ особенною свѣжестью и теплотою сердца.

— Английская литература, по обыкновенію, наполнена путешествіями, въ которыхъ, само собою разумѣется, присоединяется безчисленное множество книгъ о Востокахъ вообще и о Турціи въ особенности. Мы остановимъ свое вниманіе на вышедшемъ нынѣ въ свѣтъ путешествіи натуралиста доктора Гукера. Путешествіе доктора Гукера начало выходить давно небольшими диврзонами, но только теперь окончено. Заглавіе этого путешествія «Гималайскій Журналъ», или Записки натуралиста въ Бенгаліи, Сикимѣ, Гималайскомъ Импале, Хасійскихъ горахъ и проч. (*Himalayan Journals: or, Notes of a Naturalist in Bengal, the Sikkim and Nepal Himalayas, Khasia Mountains et cetera. By Joseph Dalton Hooker.*)

Мы имѣли случай уже давно познакомиться съ г. Гукеромъ, въ первыхъ диврзонахъ его путешествія, и узнали въ немъ не только опытнаго и наблюдательнаго естествоиспытателя, но и прекраснаго и занимательнаго разсказчика. А теперь съ удовольствіемъ видимъ изъ «Атенеума», что это путешествіе окончено и обнимаетъ такіа любопытныя и малоизвѣстныя страны.

Докторъ Гукеръ прибылъ въ Индію въ свѣтъ новаго генераль-губернатора Индіи, маркиза Дальгуви. Проѣздомъ докторъ Гукеръ былъ въ Инсабонѣ, въ Гибралтарѣ на Мальтѣ, въ Каирѣ, откуда сухимъ путемъ онъ проѣхалъ къ Суэцкому перешейку и потомъ по Аравійскому заливу въ Адень, этотъ важный пунктъ, которымъ англичане завладѣли такъ ловко, хотя и не совѣтъ безукоризненными средствами. Изъ Адена, побывавъ на Цейлонѣ и въ Мадрасѣ, докторъ Гукеръ прибылъ въ Калькуту въ январѣ 1848 года; отсюда онъ отправился на сѣверъ, собирая растенія, но не выпуская изъ виду характеристическихъ чертъ страны, по которой онъ проѣзжалъ, — страны, гдѣ крайности красоты и ужасовъ природы такъ близко сходятся.

«Визъ Чанчіо — говоритъ докторъ Гукеръ — мы проѣхали мимо крокодила, котораго только что убили два человѣка.... гнусное животное въ девять футовъ длины! Но гораздо занимательнѣе его естественной исторіи было то обстоятельство, что онъ только что проглотилъ ребенка, который плескался въ водѣ возлѣ своей матери, мывшей посуду въ рѣкѣ. Страшное животное было уже мертво, но ужасно раздулось отъ своей добычи, и бѣдная мать стояла возлѣ него. Это была очень трогательная группа: мать ломала руни въ странной тоскѣ и не могла оторвать глазъ отъ отвратительнаго гада, который все еще бился и показывалъ живучесть, свойственную этой породѣ; возлѣ него стояли два атлета, склонившись на окровавленные бамбуковыя наги, которыми они только что доканали ужасное животное.»

Послѣ аллигатора слѣдуетъ охота за тигромъ, тоже описанная занимательно.

Слѣдуя вдоль по долинѣ Соаны, путешественникъ достигъ Мирзапора, откуда онъ отправился по Гангу до Карагомы. Между этими двумя пунктами докторъ Гукеръ проѣхалъ Патну, изъ которой англичане слѣлали разсадникъ опиума, и описываетъ обработку и пригото-

веще этого яда, который въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе губитъ народа, нежели всѣ тигры и крокодилы на свѣтѣ, съ причаею индѣйскихъ душителей и отравителей, которыхъ англичане преслѣдуютъ и истребляютъ съ такимъ постоянствомъ. Жаль, что «Атенеумъ» не помѣщаетъ описанія обработки и приготовления опиума, на которое докторъ Гукеръ, какъ натуралистъ, обратилъ особенное вниманіе: для англичанъ это дѣло знакомое, а для насъ было бы занимательною новостію. Умолчавъ объ опиумѣ, «Атенеумъ» восхваляетъ британское правленіе Индіи за преслѣдованіе *тубоовъ*, *дактоовъ* и отравителей, число которыхъ, замѣтимъ между прочимъ, увеличилось, вслѣдствіе того, что при управленіи Остъ-Индской Компаніи многими индѣйцамъ не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ выйти съ ножомъ на большую дорогу.

Лейтенантъ Вордъ, официальный преслѣдователь людей этого рода, встрѣтася съ Гукеромъ, представилъ ему лучшіе образчики всѣхъ трехъ классовъ: *тубоовъ*, *дактоовъ* и *отравителей*.

Первый изъ представленныхъ былъ тугъ. Это былъ человекъ, глядящій весьма кротко, но который выросъ и вскормился въ своемъ ужасномъ ремеслѣ. Онъ совершилъ множество убійствъ, но не видѣлъ въ этомъ ничего дурного и не чувствовалъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти. Органы наблюдательности и разрушенія были въ немъ очень развиты, а мозжечокъ весьма малъ. Онъ объяснилъ мнѣ, какъ онъ съ шайкою ловитъ на дорогѣ неосторожнаго путника, входитъ съ нимъ въ разговоръ и потомъ внезапно его схватываетъ: въ это время старшій набрасываетъ мертвую петлю на шею жертвы и удушаетъ его, придавливая кодьномъ въ спину; снявъ свой поясъ, онъ на моей рукѣ показалъ мнѣ весь оной маневръ съ величайшимъ хладнокровіемъ. Тугъ (по индостански значитъ обманщикъ, человекъ, дѣйствующій обманомъ и неупотребляющій силы), не принадлежитъ ни къ какой кастѣ и ни какой странѣ Индіи. Ихъ профессія имѣетъ особенныя станицы, гдѣ они обыкновенно совершаютъ убійства, бросая тѣла жертвъ въ колодцы. Дакоты (*даки*, грабитель) принадлежатъ къ классу, который грабятъ на дорогахъ, но никогда не совершаютъ убійства; закигательства и грабежъ со взломомъ — исключительное ихъ ремесло. Они всѣ изъ высшаго класса райчутовъ, уроженцы Гузерата, *которые, будучи побуждены*, поклялись местию всему человѣческому роду. Они говорятъ и по индостански и на другомъ исчезнувшемъ гузератскомъ нарѣчій; это послѣднее нарѣчіе совершенно горловое, и звуки его очень страшны. Дакоты — замѣчательный народъ: они *попадаютъ* во всей Индіи и *называются различными именами*; жены ихъ одѣваются особеннымъ образомъ и въ крайней степени лишены всякой скромности. Обманщикъ, который я видѣлъ, былъ небольшого роста, широкоплечій, съ бровями, изогнутыми дугой, и безъ органа наблюдательности. *Отравители* принадлежатъ къ кастѣ *пазіевъ*, продавцевъ *сладкаго трюа* (эта каста, вѣроятно, также создана англійскимъ владычествомъ; индѣйцы, сколько завѣство, трюа не пивали): они ходятъ по-

одначкѣ или шайками, подходить къ путешественникамъ, когда тѣ останавливаются, и предлагаетъ имъ грогъ, въ который положены сѣмена *датуры* (растенія, сѣмена котораго имѣютъ ошляющее свойство, подобно опиуму), въ поль-руніа вѣсомъ, цѣлать или въ коронкѣ. Питье, приготовленное такимъ образомъ, даетъ двадцать часовъ ошляенія, въ продолженіе которыхъ путешественникъ ограбленъ и оставленъ на произволъ судьбы: онъ можетъ прійти въ себя или заснуть на вѣки подъ одуряющимъ дѣйствіемъ этого наркотическаго средства (не то же ли самое дѣйствіе оказываетъ и опиумъ?). Отравитель разсказалъ мнѣ, что сѣмена *датуры* собираются безъ всякихъ особенныхъ церемоній, во всякое время, на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ возрастѣ растенія. Отравитель былъ грязный человекъ, съ злымъ взглядомъ и безъ малѣйшихъ признаковъ какихъ нибудь возвышеній за ушами и на лбу, но съ замѣчательно развитымъ мозжечкомъ (*cerebellum*).

Изъ приведеннаго мѣста дорожныхъ записокъ Гукера можно сдѣлать еще и другой выводъ, а именно тотъ, что изъ трехъ классовъ индійскихъ убійцъ и грабителей два, но крайній мѣръ *данкомы* и отравители, незнакомы были прежней Индіи, и что оба эти класса составились изъ людей, бѣжавшихъ въ лѣса и горы. Отравители, какъ говорятъ, скоро соевѣтъ выведутся: англичане ихъ преслѣдуютъ съ особеннымъ ожесточеніемъ; торговля сѣменами *датуры* можетъ доставить опасную конкуренцію торговлѣ опиумомъ.

Докторъ Гуеръ имѣлъ нѣсколько затрудненій получить позволеніе отъ раджи Сиккима позволеніе путешествовать по его владѣніямъ, но наконецъ добился этого позволенія и пробрался въ Тибетъ. Намъ вѣкогда слѣдовать за путешественникомъ въ его переходы черезъ горы; скажемъ только, что чудныя явленія горной гималайской природы описаны истинно-художнически, съ большимъ знаніемъ и съ большимъ интересомъ. Мы рекомендуемъ эту книгу для перевода или сокращенія: она въ высшей степени занимательна. На другую весну докторъ опять хотѣлъ было пробраться въ Тибетъ, но ему не дано позволенія, почему что недобріе тамошнихъ жителей къ англичанамъ возрасло въ высшей степени. Тогда путешественники рѣшились путешествовать тайкомъ, и очель повитно, что на возвратномъ пути докторъ Камбелъ и докторъ Гукеръ были захвачены жителями въ плѣнъ. Въ этомъ: столѣтніи они проводили время довольно непріятно. Однако, независимо какъ, они успѣли добраться до Дорджилгана по-доброу, по-здорову и имѣютъ теперь удовольствіе знать, прибавляетъ Амслеръ, что, вслѣдствіе дурнаго обращенія съ ними, Британская имперія въ Индіи приобрѣла новую землю.

Итакъ, за то, что независимый владѣлецъ схватилъ двухъ англичанъ, которые, въ противность его приказанія, путешествовали по его землѣ, и, схвативъ, поддержалъ да и выпустилъ, Англія приобрѣла: не только право отвять его землю, но и еще хвалиться почтеніемъ отъ пріобрѣтеніемъ. Вотъ какъ дѣйствуютъ защитныя независимости разпоряженій турецкаго султана надъ христіанскими раями!

О сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ Турцію, которыхъ книги появляются нѣмѣ въ Англіи, мы не считаемъ необходимымъ говорить: большая часть изъ нихъ написана съ извѣстнымъ англійскимъ безпристрастіемъ и противорѣчатъ не только лучшимъ иностраннымъ сочиненіямъ о Турціи, но и тому, что писали объ этой странѣ сами англйчане до завязки такъ называемаго восточнаго вопроса. Мы приведемъ здѣсь лучшее, небольшое описаніе турецкой школы, помѣщенной въ англійской Иллюстраціи: оно довольно занимательно.

Турецкая школа несравненно шумнѣе заведеній подобнаго рода въ Европѣ: всѣ читаютъ вслухъ коранъ, въ которомъ, по убѣжденію турокъ, заключается все необходимое для руководства въ сей жизни и въ будущей. Ученики не развлекаются разными предметами, но все вниманіе устремляютъ на изученіе корана, его комментарій и особеннаго произношенія, принятаго для каждаго слова въ этой книгѣ.

Коранъ обыкновенно раздѣляется на три отдѣла, и каждый отдѣлъ еще подраздѣляется на четыре части. Это раздѣленіе сдѣлано для чтеній въ султанскихъ мечетяхъ (Kouah temples въ подлинникѣ!), гдѣ присутствуютъ султанъ и знатные люди. (*) Къ каждой мечети (chapel!) (**) причисляется по тридцати такихъ чтеній, и они, смѣняя другъ друга, каждый день прочитываютъ весь коранъ.

Отъ такого ограниченія числа предметовъ, преподаваемыхъ въ медресахъ, или школахъ, происходитъ то, что литература, наука и искусства нахолятся у турокъ поа еще въ дѣтствѣ (какія дружелюбныя вѣнжестія!) Главныя отрасли воспитанія: грамматика, риторика, персидская и арабская поэзія, логика и философія темнѣе времени. Исторія, географія и математика въ совершенномъ пренебреженіи. Баронъ де-Тоттъ, желая завязать разговоръ съ главою турецкихъ географовъ, спросилъ у него, сколько прямыхъ угловъ можно составить изъ угловъ трехъ-угольника. Подумавъ немного и разгладивъ бороду, турецкій геометръ отвѣчалъ, съ важностью: «смотря по тому, какъ великъ трехъ-угольникъ.»

• Чтобы дать понятіе о крайнемъ невѣжествѣ турецкаго воспитанія въ точныхъ наукахъ, должно сказать, что астрологи находятся въ большомъ уваженіи у всѣхъ сословій, и всѣ турецкіе медики имѣютъ претензію на сверхъестественныя званія. При султанскомъ дворѣ есть и теперь челоѣкъ, носящій названіе главы астрологовъ, *Мунеджумъ Великъ*, у котораго спрашиваютъ совѣтовъ во всѣхъ случаяхъ, касающихся здоровья или безопасности султана: онъ также опредѣляетъ благоприятный день и минуту, когда должно быть начато какое нибудь важное государственное предпріятіе .

(*) The Illustrated London News ошибается: султанскими мечетями называются всѣ тѣ, которыя выстроены султанами; изъ тѣхъ, которыя не ими выстроены, одна только софійская носитъ это названіе.

(**) Мечети, гдѣ коранъ читается по пятницамъ, отличаются отъ обыкновенныхъ, которыя называются Иллюстраціи называетъ, вѣроятно, chapel: капеллами!

• Эти вовсе не софистическія школы засѣдаютъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ или въ густой тѣни высокихъ деревьевъ: ученики, какъ маленькіе португальцы, сидятъ на землѣ, поджавъ ноги, и зубрятъ коранъ, поглядывая изъ подлѣбья на учителя, который важно засѣдаетъ на коврѣ и, полусонный, потягиваетъ изъ своего чубука. Въ это время помощникъ наставника стоитъ въ сторонѣ съ палкою въ рукахъ, всегда готовый откатать по пятамъ провинившагося ученика.

«Такова система воспитанія въ турецкихъ школахъ, въ которыхъ учитель старается вбить въ голову учениковъ познанія о предметахъ, въ которыхъ онъ, можетъ быть, и самъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Вотъ почему не удивительно, что турецкіе министры, которые часто выбираются изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества, совершенно незнакомы съ статистикою своей собственной страны и что ихъ понятія о правительствахъ, дипломатіи и сношеніяхъ европейскихъ государствъ чрезвычайно поверхностны.»

Почему бы туркамъ не выбрать англійскихъ политиковъ себѣ въ министры, какъ выбирали ихъ индійскіе моголы, султаны, набобы и раджи, которыми, года черезъ два послѣ такого министерства, наука государственнаго управленія дѣлалась чрезвычайно легкою: бери котомку на плечи и ступай на всѣ четыре стороны, если у дверей не поставятъ вочетнаго караула.

Виселья «нигороднаго поддѣшчика» о русской журналистикѣ.

МАРТЪ 1854 ГОДА.

Литературное самолюбіе. — Лавровый листокъ и лѣность. — Баронъ Дельвингъ и его стихотвореніе. — Поезія марта иъльца. — «Клермонтскій Соборъ», г. Майкова. — «Пѣснь Побѣды», переведенная съ сербскаго. — Новая произведенія г. Фета: Шарманщикъ и Каленикъ. — Новая книжка «Москвитинина». — Отрывокъ изъ семейной хроники, госпоина С. Т. А.

За что насъ, литераторовъ, такъ часто упрекаютъ въ литературномъ самолюбіи? За что мы сами чести́мъ нашихъ собратій и недруговъ именемъ самолюбивыхъ литераторовъ? Что значать всѣ эти обвиненія, всѣ эти шуточки, всѣ эти дидактико-моральныя ухищренія? Почему автору не позволено имѣть авторскаго тѣлеславія? почему литераторъ не имѣетъ права обладать литературнымъ самолюбіемъ? Ты идешь по дожной дорогѣ, о литераторъ, укоряющій своего товарища за его самолюбіе! Ахъ, если бы всѣ поэты и прозаики, всѣ беллетристы и фельетонисты были именно тѣмъ, чѣмъ вы не желаете ихъ видѣть, то есть самолюбивыми, страшно самолюбивыми, безгранично самолюбивыми особами! Ахъ, еслибъ въ каждомъ изъ насъ, въ каждомъ изъ лицъ,

трудящихся на пользу русской науки и русской поэзии, горѣлъ этотъ жгучій огонь самолюбія, тотъ огонь, что такъ не приходится вамъ по вкусу, цѣнители и критики! Пусть бы каждый изъ насъ, старая на этомъ плодотворномъ огнѣ, вложилъ всю свою душу въ свое произведеніе, путемъ тяжкаго труда шелъ бы къ мерцающей впереди славѣ и добивался бы этой славѣ и, упиваясь сладостью успѣха, посреди упоенія, мечталъ бы о новой славѣ, о новой борьбѣ, о новомъ трудѣ, о новыхъ усиліяхъ и о новыхъ рукописканіяхъ! Тогда литература и поэзія приняли бы иное движеніе, тогда во сто кратъ пріятнѣе было бы бесѣдовать съ читателемъ о литературѣ и поэзіи. Тогда свѣтъ не былъ бы наводненъ поэтами безъ дѣла, нувеллистами, улегшимися на отдыхъ посреди своихъ поклонниковъ! Тогда мы не встрѣчали бы зрѣлыхъ мужей, всю свою жизнь подававшихъ однѣ надежды и никогда ихъ не осуществлявшихъ на дѣлѣ; тогда намъ не представлялось бы на каждомъ шагу одно изъ непріятнѣйшихъ литературныхъ зрѣлищъ — зрѣлище, состоящее въ томъ, что писатель, получившій два-три успѣха, начавшій свое поприще почти блистательнымъ образомъ, беззаботно ложится на свой лавровый листокъ и тихо засыпаетъ въ сладкой нѣгѣ, для поученія будущихъ труженниковъ. Вся бѣда въ томъ, что мы не хотимъ быть самолюбивыми, не имѣемъ духу быть самолюбивыми, боимся быть самолюбивыми и, слѣдовательно, славолюбивыми. Мы слишкомъ любимъ комфортъ и дешевенкій успѣхъ, убѣгая отъ труда упорнаго, мощнаго, мучительнаго, но славнаго. Намъ не жжетъ и не подстрекаетъ та лихорадочная жажда труда, безъ которой не создается ничего прекраснаго ни въ поэзіи, ни въ живописи, ни въ музыкѣ, ни даже въ журналистикѣ. Къ самому любимому произведенію мы подступаемъ тихо, вяло, небрежно; мы бережемъ себя какъ нѣкое завитное сокровище, подобно тому, какъ иной любитель лошадей бережетъ красивую, дорогую, но слабую и никуда не годную лошадку. Мы боимся проработать три ночи сряду и захворать вслѣдствіе сильнаго труда; мы не откажемся отъ бала и обѣда для того, чтобъ трудиться въ четырехъ стѣнахъ, сидя надъ любимымъ созданіемъ своей фантазіи. Такъ ли поступали великіе поэты, полные великаго поэтическаго самолюбія? такъ ли дѣйствовали художники, дѣяніями своими завоевавшие себѣ безсмертіе по смерти и безпредѣльную популярность при жизни? Кто изъ нихъ спалъ на лавровомъ листочкѣ, кто изъ нихъ отдавался лѣни, кто уклонялся отъ бесѣды о предметъ своихъ занятій, кто щадилъ себя на поприщѣ изысканаго? Они шли впередъ къ славѣ, не отдыхая и не отступая шагу, шли такъ, какъ лучшій воинъ идетъ на непріятеля, смѣло и твердо, не думая о себѣ собственно, не думая объ удобствахъ жизни, помышляя объ одной побѣдѣ! То были истинно самолюбивые люди, ибо они любили въ себѣ поэта и художника. Они не скрывали своего самолюбія, и ихъ за то никто не смѣлъ упрекнуть; на солнцѣ ихъ самолюбія зрѣли исперидскіе плоды, про которые рассказываетъ намъ древняя поэзія. «Служенье музъ не терпитъ суеты», думалъ каждый изъ этихъ великихъ себялюбцевъ. Въ

наше время мы думаем иначе. Намъ непременно хочется согласить свѣтскую суету и служеніе музамъ; но кажется, что всѣ попытки означенаго соглашенія оказываются неудачными допытками.

Предметъ, о которомъ я говорю въ настоящую минуту, состоитъ того, чтобъ надъ нами призадуматься. Въ настоящее время наша публика, исполненная благороднаго сочувствія ко всему родному, начинаетъ горячо любить русское искусство, русскую словесность и въздвигаетъ тѣмъ готова отчасти баловать литераторовъ своимъ вниманіемъ и своею предупредительностью. Она слишкомъ долго цитала невыгодное мнѣніе о писателяхъ вообще, — и вдругъ, сблизившись съ ними, была приятно поражена. На мѣсто воображаемыхъ ею угрюмыхъ и задорныхъ чудаковъ передъ ней предстали люди благовоспитанные, привлекательные, вѣжливые и часто остроумные, люди, вовсе не принадлежащіе къ разряду такъ прославленныхъ чердачныхъ поэтовъ, люди слишкомъ готовые подлаживаться, во вредъ себѣ, къ условіямъ и прихотямъ свѣта. Увидавъ такой эффектный сюрпризъ, публика осталась крайне довольна и въздвигаетъ тому устроила моду на поэзію и литераторовъ. Moda очень мила и зародыши ея чрезвычайно угѣшительны, но она можетъ быть опасна для нашихъ собратьевъ по словесности. Если мы и безъ моды на насъ умѣли дѣвнаться и вѣжливости на своихъ лавровыхъ днестникахъ, то чего же ждать отъ насъ ожидать теперь, когда насъ ласкаютъ, хвалятъ и балуютъ? Свѣтская ласка будетъ для насъ ринибаловой Капуею, и бѣдное искусство оттого пострадаетъ не мало! Мы пустимся выѣзжать, то стрить, непрерывно обѣдать въ гостяхъ, развѣшивать свое дарованіе на мелкую разговорную монету и заботиться о своихъ трудахъ гораздо менѣе, нежели мы о нихъ и теперь заботимся. Какъ трудиться и создавать, не имѣя времени на трудъ, убивая себя удовольствіями и тихо засыпая посреди вѣги, посреди тихаго лепета тихихъ похвалъ свѣта?

Нѣсколько разъ я пытался выяснитъ себѣ идеалъ поэта и литератора, такъ, какъ его понимаетъ и публика наша и большинство современныхъ литераторовъ и поэтовъ. И, нужно сознаться, я всякій разъ оставаюсь недоволенъ и недоволенъ означеннымъ идеаломъ. Литераторъ нашего времени, относительно литературныхъ дѣлъ, долженъ быть Чайльдъ Гарольдомъ или Печоринимъ, — иначе ему нѣтъ спасенія! Онъ долженъ судить объ изящныхъ предметахъ такъ, какъ, напримеръ, холерный пріятель княжны Мери судилъ о женщинахъ — съ учивой холодною, пожалуй даже съ истиннымъ или подѣльнымъ презрѣніемъ. Его одинъ видъ долженъ говорить зрителю: «Я не писатель, я не труженникъ — я человекъ свѣта, je ne m'occupe de la poésie que dans mes moments perdus! Я не глумлюсь надъ словесностью: глумлюсь я надъ ней не принято и глупо, — но я не выдаю ей любви». Я пишу оттого, что мои творенія нравятся. Трудя я не люблю: мнѣ дается легко и спокойно. Лучшій другъ мой не можетъ удивить, когда я работаю — утромъ, днемъ или вечеромъ. Свѣю думать, что во

•миѣ живеть истинный литераторъ, идеаль писателю, — лицо, которое можетъ безъ стыда показавъ себя свѣту!»

Горе же ребѣ, щеголеватый и равнодушный литераторъ, горе тебѣ, о лицо, которое можетъ безъ стыда показавъ себя свѣту! Во сколько разъ выше тебя, во сколько разъ полезнее для словесности эти сосредоточенные и задумчивые труженники, умѣющие говорить только о своихъ трудахъ, своихъ надеждахъ и своихъ литературныхъ усиліяхъ! Во сколько разъ сдѣлае тебѣ бѣдныя и крутые писатели, убѣгающіе отъ свѣта и проводящіе безсонныя ночи въ четырехъ стѣнахъ надъ книгой или рукописью! Что намъ за дѣло до ихъ угловатости, до ихъ конвульсивности передъ другими людьми, до ихъ малаго знамія женщины, до ихъ мензальнаго маршала! Эти люди оставить послѣ себя имя и трудъ; этими людьми, можетъ быть, станетъ гордиться русское искусство! Ни одинъ изъ нихъ не расчтетъ послѣ перваго успѣха, ни одинъ не отдастъ лѣни, ни одинъ не развѣтветъ своего дарованія на мелкую монету. Нельзя разомъ итти по двумъ дорогамъ, нельзя въ одно время служить тремъ господамъ, то есть самому себѣ, свѣту, и поэзіи!

На такого рода мысли и на многія другія имъ подобныя навело меня чтеніе одного изъ стихотвореній барона Дельвига, найденнаго въ рукописяхъ покойнаго поэта и доставленнаго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» г. Гаевскимъ, авторомъ известной, умной и еще неоконченной біографіи Дельвига. Въ жизни Дельвига, такъ, какъ она представляется миѣ въ настоящее время, имѣется много поученія для настоящихъ и будущихъ литераторовъ. Другъ и товарищ Пушкина, «возростившій на снѣгахъ еоокритовы вѣжныя розы», былъ германцемъ по имени, по характеру же чистѣйшій россия и даже малороссия. Поэтический талантъ его не подлежитъ сомнѣнію, душа его могла назваться прекрасною, поэтического инстинкта имѣлось у него бездна. Но Дельвигъ заразился лѣнностью съ юныхъ дней, и лѣнность эта оказалась тѣмъ зловреднѣе, что въ ней дѣйствительно заключалось нѣчто нѣжное, теплое и поэтическое. Слабѣесть пришла къ нему неожиданная и, можетъ быть, некрошенная: великій Пушкинъ взвелъ на Парнасъ своего милаго пріятеля, а потомъ и самъ повѣрилъ его заслугамъ. Русская публика, всегда готовая любить поэтовъ добрыхъ и милыхъ, наградила первые опыты Дельвига довольно шумными рукоплесканіями. Хорѣшенькая Софья Дмитриевна Пономарева, вдохновлявшая своими умомъ всѣхъ поэтовъ того времени, женщина истинно-замѣчательная и достойная на вѣки ославиться въ исторіяхъ русской словесности, была въ восторгѣ отъ идиллій, мадригаловъ, посланій и стихотворныхъ шалостей барона Дельвига. На долю счастливаго поэта-юноши, — поэта Хлои, Лидеги, празднои лѣни и шумной молодости, — вышалъ не одинъ лавровый листокъ, о которомъ мы говорили нѣсколько разъ, а листка три или четыре. Развѣженный успѣхомъ, милый товарищ Пушкина поспѣшилъ лечь на одинъ изъ этихъ листковъ, изъ двухъ другихъ свилъ себѣ вѣнокъ, украсилъ его розами и миртами, задремалъ и покончилъ свое доприще. Года проходивъ, а

Дельвигъ, исполнѣ довольный своею судьбою, своими лаврами и розами, своими друзьями и своими Хлоями, не ознаменовывалъ годовъ ни трудомъ, ни даже попытками къ труду. Беззаботный и тихій по сердцу, спокойный и кроткій по нраву, всѣмъ любимый и всѣмъ почитаемый, онъ весело прошелъ свое поприще, радуясь за успѣхи своихъ одноклассниковъ и изрѣдка бросая имъ какое нибудь посланье. Самолюбія въ немъ не было вовсе; за одинъ дружескій обѣдъ съ Пушкинымъ онъ отдалъ бы свой лучший сюжетъ, только что начинавшій созрѣвать, за день малороссійской дремоты подъ липой, подъ голубымъ небомъ и между цвѣтами, онъ, пожалуй, разстался бы и съ частью своей извѣстности. Его не томили бурные порывы вдохновения, голова его не облакалась въ священную бурю; еслибъ ему предложимъ не поспать десять ночей, честию ручаясь, что плодомъ бессоницы выдетъ великая поэма, онъ засмѣлся бы въ лицо людямъ, интересующимся его славою. Такъ жилъ и угасъ одинъ изъ наименѣе самолюбивѣйшихъ поэтовъ, когда либо проживавшихъ на свѣтѣ. Но всегда ли былъ Дельвигъ спокоенъ и счастливъ своей лѣнью, всегда ли онъ могъ взирать равнодушно на зарытый свой талантъ, на годы свѣтскаго успѣха, бесплодные для его музы, на свою испорченную славу, на свои недосказанные порывы? Увы! одно изъ стихотвореній Дельвита, нынѣ напечатанныхъ, даетъ намъ отвѣтъ, — отвѣтъ поэтически-грустный и почти потрясающій душу. Прочтите эти стихи со вниманіемъ, вникните въ ихъ меланхолическій размыръ, чуткиишь ухомъ подслушайте въ нихъ тяжкую жалобу, и вы проникнете въ сокровенные тайники дельвигова сердца:

Пѣвецъ! зачѣмъ, когда къ тебѣ стучалась,
Красавица вечернею порой,
И твою грудь подъ дымкой колебалась,
И взоръ свѣтлѣлъ притворною слезой,

Ты позабылъ твой жребій возвышенный
И пренебрегъ душевной чистотой,
И, потушивъ въ груди огонь священный,
Ты Бахуса манилъ къ себѣ рукой?

И Бассарай съ кистями винограда
Къ тебѣ пришелъ, шатаясь на ногахъ,
Съ улыбкой рекъ: «вотъ бѣдствіямъ отрада,
Люби и пей на дружескихъ пирахъ!»

Ты въ руки косишь: онъ выжалъ сокъ шипляцій,
И Грація закрылася рукой,
И отъ тебя мечтаній рой блестяцій
Умчался вольно невниманіемъ святой!

И твой удѣлъ у Пинда пресмыкаться,
Не будешь къ намъ ты Фебомъ приобщенъ!
Блаженъ, кто могъ съ невниманіемъ пробраться
Черезъ грязный міръ, возвышеннымъ плечемъ!

Этотъ вопль души кажется мнѣ едва ли не лучшимъ изъ всѣхъ произведеній Дельвига; поучительность выписаннаго здѣсь стихотворенія не можетъ подлежать сомнѣнью. Любопытно было бы узнать, въ какое время дельвиговой дѣятельности оно написано: въ послѣднiе ли годы жизни поэта, или въ пору его юношескихъ начинанiй, посреди розъ и грацій, миртовыхъ вѣтковъ и сладкой лѣни, такъ часто воспѣваемой всей плеядою пушкинскихъ товарищей, такъ упорно воспѣвавшихъ и восхвалявшихъ эту гибельную лѣнь, злѣйшаго своего врага, чудовище, пожравшее не одинъ талантъ на Руся. Какъ бы то ни было, стихотворенiе Дельвига, о которомъ мы ведемъ рѣчь, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ пѣснопѣвнiй, напечатанныхъ въ нашихъ журналахъ за мартъ мѣсяць.

Вообще мартъ мѣсяць, какъ слѣдуетъ первому весеннему мѣсяцу, богатъ стихотворенiями. Изъ каждаго журнала, изъ каждаго газетнаго листка доходятъ ко мнѣ поющiе голоса и очень часто голоса истинно-поэтическiе. По всей вѣроятности, въ настоящемъ моемъ письмѣ рѣчь будетъ идти объ однихъ только стихотворенiяхъ, объ одной только поэзии — обстоятельство небывалое и радостное, — по крайней мѣрѣ для меня радостное. Въ этомъ взрывѣ поэзiи, и прекрасной поэзiи, въ этой тысячѣ свѣжихъ голосовъ для меня имѣется прелесть неописанная. Давно ли, кажется, журналы по годамъ обходились безъ стиховъ, критики, говоря о стихахъ, впадали въ лирическое негодованiе? давно ли поэты, напуганные критиками и фельетонистами, крылись подобно оробѣвшимъ птичкамъ и боялись подавать свой голосъ? Теперь кончилось тяжелое время для поэтовъ; они переждали бурю и снова стали на свое мѣсто, въ головѣ русской литературы. Почти каждый изъ нынѣ живущихъ замѣчательныхъ поэтовъ снова началъ пѣть, посреди общаго вниманiя, при знакахъ величественнаго участiя. Князь Вяземскiй, Тютчевъ, Майковъ, Фетъ и другiе поэты, менѣе ихъ извѣстные, много сдѣлали для марта мѣсяца. Г. Фетъ даже разомъ выступилъ и со стихами и съ разсказомъ въ прозѣ, о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. «Клермонтскiй Соборъ», г. Майковъ, небольшая поэма, изображающая историческiй эпизодъ начала крестовыхъ походовъ, замѣчательна по прекрасной сценѣ, въ которой пилигримъ, вернувшiйся изъ Святыхъ Мѣстъ, разсказываетъ посреди феодальнаго собранiя про Гробъ Господень, про страданiя христанъ и про утѣснителей турокъ. Но, несмотря на достоинства «Клермонтекаго Собора», я долженъ признаться въ одно: послѣднiя страницы поэмы кажутся мнѣ слишкомъ сухи по выполненiю.

Въ нѣкоторыхъ послѣднихъ произведенiяхъ г. Майкова (и въ «Клермонтскомъ Соборѣ» между прочимъ) есть одна особеннiсть, по временамъ возбуждающая во мнѣ впечатлѣнiе какъ будто тягостное. Мнѣ кажется, что нашъ поэтъ, какъ нѣкоторые люди, съ сильной поэтической фантазiей соединяющiе аналитическiй умъ и значительную ученость, старается по временамъ вводить въ свою поэтическую рѣчь фразы и обороты не совсѣмъ согласные съ поэзiею, несмотря на все

свое изящество. Такъ, напримеръ, въ заключительной страницѣ «Клермонтскаго Собора», вслѣдъ за стихами безукоризненно отбѣланными, встрѣчается стихъ «чужда высокимъ идеаламъ», — стихъ, производящій эффектъ анахронизма въ дѣльномъ изысканіи или высокой фразы въ обыденномъ, бѣгломъ разговорѣ. А вотъ еще четыре стиха, еще болѣе необыкновенные. Авторъ спрашиваетъ, въ рядѣ прекрасныхъ выраженій, за что наши западные братья враждебно глядятъ на Русь, подвизающуюся на святомъ поприщѣ, и потомъ отвѣчаетъ:

*За то, что мы материализмомъ
Не разнастали разумъ свой,
Не наглумились съ цинизмомъ
Мы надъ безсмертною душой, и т. д.*

Мысль благородна и неоспорима, но, смѣю сказать, выражена не поэтическимъ образомъ. Научныя выраженія никогда не получаютъ гражданства въ языкѣ поэзіи, и пока поэзіи будетъ существовать на свѣтѣ, ни цинизмъ, ни материализмъ не станутъ рифмовать между собою, особенно въ произведеніяхъ поэтовъ-художниковъ, подобныхъ г. Майкову. Авторъ «Алкивиада», «Анакреона» и многихъ безукоризненныхъ антологическихъ стихотвореній слишкомъ хорошо знаетъ, что безъ картинности и простоты нѣтъ поэзіи, что вся тонкая прелесть стихотворной рѣчи бываетъ способна разрушиться отъ одного неточнаго слова, отъ одного оборота, нивьющаго характеръ риторической. Подобнаго рода мысль пришла мнѣ въ голову, когда я отыскалъ въ стихотвореніи г. Майкова «Встрѣча» строку, въ которой говорится объ «электричествѣ двухъ встрѣтившихся взглядовъ». И опять я почувствовалъ будто маленькій электрическій толчекъ и опять, неизвѣстно почему, слово «анахронизмъ» пришло мнѣ въ голову. Истинно правъ былъ нѣмецкій поэтъ, говорившій про себя: «Когда я беру перо и набрасываю первую размысленную строку, я забываю все прочитанное мною, я пишу будто для несовершеннолѣтнихъ!». Когда читатель съ поэтическимъ инстинктомъ приступаетъ къ чтенію поэтической вещи, съ нимъ совершается духовное превращеніе, которое, вѣроятно, каждый изъ насъ испыталъ, болѣе или менѣе. Онъ забываетъ все научное и добытое путемъ труднаго опыта: онъ становится юношей, почти дитятей; онъ скликаетъ вокругъ себя образы, давно любимые и понятные съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ молодѣетъ и свѣжѣетъ. Въ этомъ-то и состоитъ могущество поэзіи, сила ея вліянія на развитаго человѣка. Когда, въ прекрасной поэмѣ г. Майкова, чтеніе которой пробудило во мнѣ поэтическія фантазіи о феодальномъ времени, крестовыхъ походахъ, рыцарскихъ разсказахъ и дѣтскія впечатлѣнія при чтеніи ихъ, когда въ этой поэмѣ я встрѣтилъ слова цинизмъ и материализмъ и высокой идеаль, я словно постарѣлъ на двадцатью годами и изъ завѣтныхъ областей фантазіи перепрыгнулъ въ міръ ученой дѣйствительности. Вмѣсто старыхъ зданій Клермонта, вѣтазей, занованныхъ въ желѣзо, и пламеннаго пилигрима, съ пальмовой вѣтвью, яшаель я передъ собой книжку журнала, чисто и опратно наданную,

наполненную учеными статьями, стихотвореніями и такъ далѣе. Поэзія воспѣваемаго эпизода будто скрылась въ туманѣ.

Но вотъ еще одно стихотвореніе, по направленію своему сходное съ «Клермонтскимъ Соборомъ», стихотвореніе за мартъ мѣсяцъ, — стихотвореніе нашего брата по крови и племени, хотя и не по странѣ, — стихотвореніе, сочиненное сербомъ, имя котораго неизвѣстно, переведенное на русскій языкъ и совершенно неожиданно бросившееся мнѣ въ глаза при чтеніи «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ его перепечатали, кажется, изъ петербургскихъ газетъ. Оно попало мнѣ въ руки во время моей бесѣды съ двумя особами небезызвѣстными въ русской литературѣ и, какъ кажется, имѣющими право знать кое-что въ дѣлѣ поэзіи: однимъ изъ моихъ собесѣдниковъ былъ авторъ «Писемъ объ Испаніи», другимъ — авторъ «Рыбаковъ». Мы прочитали вслухъ пронаведеніе талантливаго серба и вскрикнули въ одно слово, будто хоръ жрецовъ въ оперѣ: «это истинная поэзія!» Мы перечитали стихи два раза, потомъ еще два раза, и всякій разъ съ прибывающимъ наслажденіемъ. Переводчикъ выполнилъ свое дѣло прекрасно, и пріятно было бы узнать его имя. Но самъ поэтъ долженъ принадлежать къ блестящимъ натурамъ, къ поэтамъ минуты, къ поэтамъ бурныхъ и славныхъ временъ, къ разряду тѣхъ поэтовъ, которыхъ идеаломъ ученые мужи воображаютъ себѣ греческаго Тиртея, а знатоки современной литературы — извѣстнаго война-поэта Арида. Что-то широкое, національное, выстрадавшее и грозное слышится въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воззаніи, особенно въ окончаніи произведенія. Вгляните, какими картинками оно открывается, какою поэзіею славянскаго духа и славянскихъ преданій оно преисполнено!

*Земля шумитъ, земля дрожитъ,
Заколыхался лѣсъ дремучій,
Орелъ взвился, орелъ паритъ
И размахиваетъ грудью тучи!
На горы встодитъ знамена,
Полки свѣтлѣютъ на поляхъ,
Встаетъ великая война —
То идутъ съ Сѣвера Славяне,
Съ своею дивною судьбой,
На крестовосный съ туркомъ бой!*

Вслѣдъ за этими поэтическимъ началомъ идутъ проклятія на мусульманъ-утѣснителей, совершенно понятныя и совершенно истинныя въ устахъ серба и христіанина. Тутъ есть двѣ или три строки, можетъ быть, слабо выполненныя въ оригиналѣ, или испорченныя въ переводѣ. Но зато сколько силы и гнѣва, сколько поэзіи въ этомъ изображеніи Стамбула, притона магометанскихъ враговъ.

Слушайте:

*Дрожи, Стамбулъ, слышавъ горе:
Созрѣвъ надъ тобой вѣка,
Тебя съ полнозвѣя смеетъ море ... (*)*

(*) Тутъ вся поэтическая мысль, несомненно переданная на русскій языкъ. Вѣка, означенные вѣроучествомъ, прошлѣмъ, и море, нахлынувшее на сушу, должно смѣнить Константинополь! Это повѣрье всѣхъ сербовъ.

Ели! ужь сильная рука
 Подлята ишь твоей главою!
 Не даромъ язвай міровую
 Издавна ты въ народахъ слыль
 И съ озлобленіемъ великимъ
 На всѣхъ кидался зѣркамъ дикимъ
 И безъ разбора всѣхъ губилъ! (*)
 Теперь, злодѣй, твой часъ пробилъ!
 Подходить время воздаянья
 За злодѣянія узнатныхъ странъ,
 За разоренія, за страданія
 Тобой гонимыхъ Христіанъ!
 И Сербовъ, и Болгаръ, и Грека
 Свинцомъ тяжелымъ паты (**),
 И всѣхъ, въ комъ образъ челоуѣка
 Топталъ, безчелоуѣчный, ты!
 Твои убійственныя руки
 И твой злокачальный шагъ
 Губилъ вѣру и науки,
 Стубилъ счастье Славянъ!

Въ послѣднихъ двухъ стихахъ — вопль цѣлаго племени! За ними идутъ послѣднія четыре строки, которыхъ нельзя читать и оставаться спокойнымъ:

Но страхъ объялъ твои ужь грады,
 Твой день послѣдній наступилъ:
 Не будетъ для тебя пощады
 За то, что валь ты не щадилъ!

Мы сейчасъ скавали, что разбираемое мною стихотвореніе прислано изъ Сербіи, какъ бы въ благодарность послѣ прочтенія книжечки *Ө. Н. Гливки*, недавно напечатанной въ Петербургѣ. Поэтъ, самъ не совавая силы, въ себѣ заключающейейся, робко подноситъ своимъ русскимъ братьямъ свой слабый трудъ, по его мнѣнію, не имѣющей никакой цѣны послѣ стихотворенія *Ө. Н. Гливки*! Поблагодаримъ же отъ души г. Гливку за то, что его нѣспощеніе возбуждаетъ отголоски подобнаго рода! Пусть поэтъ-сербъ приметъ и нашу дань братской похвалы за одно изъ самыхъ пламенныхъ, одно изъ самыхъ энергическихъ стихотвореній, читанныхъ нами за всѣ эти годы. Пусть получить онъ полное сознание своихъ силъ и долге еще поэтъ побѣдныя пѣсни своимъ собратіямъ-славянамъ!

Отъ поэтовъ героическихъ и вдохновляющихся современными событиями нужно будетъ перейти къ пѣвцу природы и неуловимо-поэтическимъ движеніямъ сердца челоуѣческаго, — именно къ г. Фету, напечатавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ» за мартъ мѣсяцъ два своихъ новыхъ стихотворенія. Второе изъ нихъ есть хорошій переводъ весьма плохой вещицы Шиллера, сдѣланный для полнаго собранія переводовъ изъ этого писателя, — собранія, подготавлиаемаго къ изданію г. Гербедемъ. Первое же, подъ заглавіемъ «Шарманщикъ», замѣчательно потому, что оно многимъ не нравится — вещь рѣдкая съ послѣдними

(*) Великолѣпнѣйшіе стихи, делающіе честь переводчику, не говоря уже о поэтѣ.

(**) Стихъ неудаченъ, но опять-таки виновать въ поэтѣ!

произведениями г. Фета. И действительно, «Шарманчикъ» зау-
таетъ, едва понятенъ. Но г. Фетъ остался вѣрнъ себѣ даже въ
этомъ легкомъ и небрежномъ эскизѣ. Въ теченіе трехъ или четырехъ
последнихъ мѣсяцевъ я убѣдился всѣмъ сердцемъ въ одной радостной
истинѣ: г. Фетъ, по моему непоколебимому убѣжденію, принадлежитъ
къ числу замѣчательнѣйшихъ поэтовъ нашего времени. Если къ кому
нибудь изъ поэтовъ нашего времени идетъ выразительный эпитетъ
тружѣра (un *troucheur*), то онъ идетъ къ г. Фету болѣе всего. *C'est un
troucheur par excellence*, сказалъ бы про него какойнибудь старый лю-
битель поэзіи. Дѣти, рожденныя въ воскресный день—говоритъ намъ
авторъ одной новой пьесы—имѣютъ способность видѣть духовъ; если
это нехѣтье принять за действительность, то нужно предположить, что
г. Фетъ родился въ воскресенье. Онъ видитъ безплотнаго духа поэзіи
тамъ, гдѣ до него другіе ничего не видали; онъ чувствуетъ поэзію такъ,
какъ муха чувствуетъ сахаръ или кошка мышь (тысячу разъ прошу про-
щенья за тривиальность сравненій). Въ послѣднее время талантъ г.
Фета значительно развился и общаетъ намъ много наслажденій въ
будущемъ: это видно даже изъ слабыхъ произведеній нашего поэта.
Всюду видитъ онъ поэзію и, мало того, заставляетъ насъ ее видѣть;
трусѣрство Фета такъ могущественно и своеобразно, что ему не вре-
дятъ даже недостатки, способные погубить другого писателя. Кому
изъ русскихъ поэтовъ прощали мы столько неточностей, туманностей,
неопредѣленныхъ выраженій, излишнихъ разсужденій, оборотовъ рѣчи,
явно враждующихъ съ грамматикой! Согласитесь въ одномъ: много
силы нужно имѣть поэту для того, чтобъ жить, писать и восхищать
читателя, несмотря на такіе недостатки. Со всѣмъ этимъ мы миримся,
и охотно миримся, безъ всякаго условія: мы безсозвѣстно подкуплены
дарованіемъ г. Фета. Еслибъ въ нашей литературѣ имѣлись три или
четыре поэта, ему подобныхъ, нашъ стихотворный языкъ исче-
тился бы въ конецъ: тамъ много неправильностей въ г. Фетѣ, но такъ
симпатично дарованіе, заставляющее насъ забывать эти неправильности.
Стихами г. Фета можно зачитываться до опьяненія: тамъ много даетъ
намъ самъ авторъ, такъ мало усилій требуетъ онъ отъ своего читате-
ля. Сколько тысячъ поэтовъ видѣли пчелъ, расцвѣвающихъ надъ кисти-
ми душистой сирени, сколько юныхъ организмовъ испытывали весен-
нюю пѣгу при этомъ зрѣлищѣ; но кто когда либо выносилъ изъ всего
этого произведеніе, по своей тончайшей прелести, достойное стать на
ряду съ пчелами г. Фета. Можетъ быть, въ моеѣ собственной натурѣ
есть что особенно симпатизирующее поэзіи талантливаго пѣвца,—
во всякомъ случаѣ, я признаюсь откровенно: появленіе всякой новой
вещи г. Фета есть для меня поэтическая праздничная вещь въ родѣ ма-
шиловскихъ именинъ сердца. Пересчитать, сколько разъ я прочелъ самъ
себѣ и другимъ, тихо и громко, вслухъ и шопотомъ «Сти, еще зарею»,
или «Старый Парижъ», или

И самой далекихъ
Одинокій бѣсъ,

может развѣ тотъ грекъ, которому Анакреонъ поручалъ есочинять своихъ возлюбленныхъ. «Положи сперва триста въ Афинахъ, да двѣ тысячи въ Коринѣ (этотъ городъ славенъ красавицами), да еще сколько-то сотъ въ другомъ городѣ....»

О разказѣ господина Фета же «Каленикъ» нельзя сказать многого, тѣмъ болѣе, что мы должны быть снисходительны къ первому прозаическому опыту поэта, доставившаго намъ столько чистыхъ и поэтическихъ наслажденій. Г. Фетъ можетъ писать прозой и проза его можетъ нравиться — въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но ему придется много поработать надъ собою, если онъ захочетъ серьезно испробовать свои силы на новой, часто скользкой для поэта дорогѣ. Начало «Каленика» показываетъ, какъ нельзя ясное, что даровитый авторъ видимо не зналъ, какииъ образомъ подступиться къ непривычной задачѣ: онъ открываетъ свой разказъ префилософскимъ афоризмомъ (смыслъ котораго тотъ, что природу понять очень трудно), а потомъ вдается въ личные воспоминанія, вовсе не причастныя къ ходу разказа. Каленикъ, герой вскива, является на минуту, потомъ исчезаетъ и опять приходитъ передъ читательское око весьма неловкимъ образомъ. Скажу откровенно, что такое запутанное начало поразило меня какъ нельзя неприятнѣе; но, разъ кончивъ со вступленіемъ и сдѣлавъ тотъ первый шагъ, что французы называютъ «половинною дѣла», авторъ миритъ съ собою своихъ почитателей. Въ его вещахъ есть мысль и новизна. Каленикъ Вороненко — это денщикъ-кавалеристъ, замѣчательный по своему оригинальному нраву, причудамъ и нѣкоторымъ необыкновеннымъ способностямъ. Въ особѣ Каленика ловко перемѣшиваются многія типическія особенности недаго кохла: и лѣзаетъ, и преданность, и веселость, и упорство, и зоркій глазъ, и беззачная удаля; но болѣе всѣхъ качество и недостатокъ замѣчательно въ немъ знаніе природы со многими ея таинствами и богатствами. Каленикъ видитъ на баснословномъ разстояніи утну, которой никто не видитъ, отыскиваетъ потерянную сигарочницу посреди степи, знаетъ самыя малозвѣстныхъ звѣрьковъ до тонкости (проживъ много лѣтъ на свѣтѣ, я только чрезъ Каленика получилъ свѣдѣніе о звѣрѣ: «зимское щема»), предсказываетъ грозу и ясную погоду, съ помощію одного кнута отыскиваетъ путь для переѣзда по весеннему льду. Кто знаетъ русскаго солдата (особенно легкаго кавалериста) и кто слѣдитъ, напримѣръ, за метеорологическими замѣтками нашихъ мужиковъ, тотъ безъ труда повѣритъ существованію Каленика и признаетъ его существованіе достойнымъ описанія. Вообще весь разказъ имѣетъ свою фнѣлономію, свое значеніе, и если господину Фету захочется время отъ времени дарить насъ вскивами изъ быта его подчиненныхъ и товарищей военновъ, мы всегда останемся ему благодарными.

Нельзя читать безъ особеннаго пріятнаго чувства статью С. Т. А. «Отрывокъ изъ Семейной Хроники», напечатанную въ пятой книжкѣ «Москвитянина». Или я очень ошибаюсь, или названное произведеніе дѣйствительно принадлежитъ тому литератору и дилетанту природы,

который еще недавно очаровывал русскаго читателя, рассказывая ему про охоту въ Орешбургскомъ краѣ, званоя его съ бытомъ и привычками лѣсныхъ птицъ и по поводу какого нибудь дупельшнаго рисунка передъ нимъ мастерскія картинны весны, лѣта, осени, болотистыхъ луговъ, степи, затканной цвѣтами, и дремучаго лѣса, наполненнаго пернатыми и четвероногими населеніемъ. Орывокъ изъ Семейной Хроникъ такъ хорошъ и живописенъ, что я душой желалъ бы видѣть слѣдомъ за нимъ другіе отрывки, а если можно, то и всю Семейную Хронику, изъ которой выдержки нѣмнѣ предложены читателю. Кому изъ насъ по временамъ не впадала на умъ мысль о томъ, что пора наконецъ, хоть для опыта, измѣнить форму теверенинхъ беллетристическихъ произведеній, оставить въ покоѣ любовь съ ея катастрофами, психологію съ ея тонкостями, и обратиться къ простотѣ разсказа и придать ему нѣчто обыденное, всѣмъ доступное и близкое къ дѣйствительному теченію людскаго быта? Я ко крайней мѣрѣ много разъ убѣждалъ одного изъ моихъ искреннѣйшихъ друзей помѣщика, человѣка до послѣдней тонкости понявшаго сущность сельскаго хозяйства и поставившаго свое помѣстье въ блистательное состояніе, произвести маленькій опытъ въ такомъ родѣ. Цѣня его умъ, наблюдательность, умѣнье владѣть перомъ и завилною способностью подходить къ каждому дѣлу съ практической стороны, я упрашивалъ его, описать въ сжатомъ, увлекательномъ и, пожалуй, въ юмористическомъ разсказѣ, всю исторію своего хозяйства, съ его удачами и неудачами, трудами и успѣхами, начиная отъ переселенія юнгодо мчтателя-помѣщика изъ Петербурга въ свое имѣніе, до той минуты, когда онъ, пройдя огонь и воду, проживъ десятки лѣтъ на исполненіе своихъ плановъ, могъ сказать себѣ самому: «имѣніе мое процвѣтаетъ, и крестьяне мои благоденствуютъ!». Смыю сказать, что подобнаго рода тема, обработанная даровитымъ человѣкомъ, въ родѣ господина С. Т. А., оказалась бы темою въ высшей степени плодотворною, а сочиненіе, написанное такимъ образомъ, сдѣлалось бы популярнѣйшимъ, любимѣйшимъ сочиненіемъ по всей читающей Россіи. Подумайте и сообразите, сколько тутъ можетъ быть истинны, жару, смысла, печальныхъ и радостныхъ страницъ, сколько борьбы ума съ рутинною, сердца съ интересомъ кармана, сантиментальной филантропіи съ здравымъ пониманіемъ русскаго быта и русскою натурою! Сколько тутъ можетъ быть высканно типовъ всякаго рода, какой увлекательный интересъ можетъ быть придавать фактамъ, по видимому, неспособнымъ быть увлекательно переданными! Чтобъ оцѣнить и по возможности выяснить себѣ свою мысль, пусть читатель, на примѣръ, перечитаетъ со вниманіемъ тѣ страницы Семейной Хроникъ господина С. Т. А., гдѣ авторъ описываетъ переселеніе своего дѣдушки, со всѣми его крестьянами, изъ Симбирской губерніи въ Уфимское намѣстничество. Тутъ есть умѣнье и мастерство неподдѣльное; читая этотъ отрывокъ, кто не сознается, что подъ рукой даровитаго человѣка всѣ средства хороши, всѣ событія интересны. Крестьянамъ дѣдушки Сте-

ваша Михайлыча и самому дѣдушкѣ съ сѣмьею было очень тѣсно въ Симбирской губерніи, но покидать свое родное жилище слишкомъ тяжело для русскаго человѣка, и прощаніе мужичковъ съ родной землей описано какъ нельзя лучше, хотя и въскользкими строками. Зато какъ радуется читатель простору и приволью, которое встрѣтило нашихъ переселенцевъ въ Оренбургскомъ краѣ, на пяти тысячахъ десятинъ дѣвственной земли, которую стоило только тронуть сохой для того, чтобъ она наградила работу баснословнымъ урожаемъ! Новое мѣсто лежало на рѣчкѣ Большой Бугуруславъ, быстрой, глубокой и многоводной: полюбуйтесь на то, какими живописными оборотами рисуетъ намъ авторъ чудную картину уголья и приволья на берегахъ этой рѣчки. «Вода такая чистая, что даже въ омутѣхъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную денежку! Мѣстами росла *урема* изъ березы, осины, рябины, каштанъ, черемухи и черноталу, вся переплетенная зелеными гирляндами хмѣля и обильная полевыми кистями его шишекъ; мѣстами одна тучная трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, подъ которыми возносили верхи свои *душистая кашка*, *татарское мыло* (барская спѣсь), *скорлазубица* (царскіе кудри) и *кошачья трава* (валеріана). Бугуруславъ течетъ по долинѣ: по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣсаясь, то отступаая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ растетъ черный дѣсь; поднимаясь на гору, тамъ равнина — не початая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ея видѣ болотамъ, всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, беласы, дупели и турактаны вили свои гнѣзда и разобразнымъ крикомъ и пискомъ наполняли воздухъ.... рѣка кишѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли сноить ея студеною воду, — щуки, окуни, головли; ази, даже кутема и дохъ изобильно водились въ ней; всякаго звѣря въ лѣсахъ и степяхъ водилось невѣроятное множество, словомъ сказать, это былъ, — да и теперь есть, — уголомъ обѣтованный....

Крестьяне привыкли къ новому мѣсту и полюбились жить оно. Да и какъ не привыкнуть, какъ не полюбить! Изъ безводнаго и лѣснаго села Троицкаго, гдѣ было такъ мало луговъ, что съ трудомъ промаршировали по коровѣ да по лошади на тягло, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пахали одни и тѣже загоны — переселились они на обширные, плодоносные поля и дуга, никогда не тронутые ни косой, ни сохой человѣка, — на быструю, свѣжую, адовую воду со множествомъ родниковъ, на широкій проточный и рыбный прудъ, и на мельницу у самого носа, тогда какъ прежде они таскались за 25 верстъ, чтобъ смолоть вѣзь хлѣба....

Если въ этихъ немногихъ строкахъ и въ мысли этихъ строкъ не бьетъ родникъ истины и чисто русской поэзіи, то нужно отказаться отъ повѣстей изъ русскаго быта и вернуться къ Дюкре-Дюминиллю.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ теченіе великаго поста въ Петербургѣ почти ежедневно давались концерты. Самые замѣчательные изъ нихъ были концерты Филармоническаго Общества, концертъ въ пользу Инвалидовъ, концерты гг. Рубинштейна, Лешетицкаго и Гензельта и скрипача Франкенштейна. Концерты такъ называемаго Концертнаго Общества въ залѣ Придворной Пѣвческой Капеллы, концерты Театральной Дирекціи съ живыми картинами и, наконецъ, концерты, даваемые нѣкоторыми петербургскими артистами и благотворительные безплатные концерты съ любителями, гдѣ музыка шла какъ бы въ придачу къ лоттерей адегри. Стеченіе публики на послѣднихъ концертахъ было многочисленно. Мы только бѣгло перечисляемъ здѣсь эти концерты, не желая входить поэтому ни въ какія подробности, мало интересныя для нашихъ иногородныхъ и еще менѣе интересныя для петербургскихъ читателей: отчеты обо всѣхъ этихъ концертахъ, болѣе или менѣе основательные, такъ по крайней мѣрѣ мы полагаемъ, читатели прочли въ ежедневныхъ листкахъ нашихъ петербургскихъ газетъ. — Г-жа де-ла-Гранжъ была въ Москвѣ и только недавно возвратилась оттуда. Передъ отъѣздомъ своимъ за границу она намѣрена дать прощальный концертъ. Этимъ концертомъ достойно закончатся рядъ концертовъ, о которыхъ мы упомянули.

Кстати о музыкѣ. Знаменитый Рубини, тотъ, который нѣкогда доставлялъ намъ столько высокиихъ артистическихъ наслажденій, скончался 2 марта н. с., въ Романо. Рубини родился въ одинъ годъ съ России, въ 1793 г., въ томъ же самомъ мѣстечкѣ, близъ Бергамо, близъ того города, который итальянцы называютъ *citta dei tenori*, и гдѣ родились, въ послѣднее полустолѣтіе, всѣ извѣстные теноры: Виганони, Бьянки, Нодзари, Донзели, два Давида, отецъ и сынъ, и три брата Рубини.

Рубини въ первый разъ дебютировалъ въ Парижѣ въ 1825 году и возвратился туда снова въ 1828 году, гдѣ и оставался до 1842 года, и потомъ былъ ангажированъ на петербургскую сцену. Вообще со сценой онъ разстался въ 1845 году, на 54 году отъ рожденія, и послѣднее время провелъ въ своей виллѣ въ Романо. Онъ не оставилъ послѣ себя наследниковъ, и, говорятъ, завѣщалъ значительную сумму городу Бергамо для учрежденія консерваторіи музыки и пѣнія.

— 24 февраля скончался въ Петербургѣ извѣстный французскій литераторъ и одинъ изъ авторовъ романа: «Струэнзе», г. Арну, мужъ извѣстной артистки г-жи Плесси.

— Мы получили недавно третью тетрадь превосходнаго историческаго и живописнаго альбома Тавриды (*Album historique et pittoresque de*

la Tauride), издаваемого въ Парижѣ г. де-Вильевомъ (E. de Villeuve). Эта третья тетрадь заключаетъ въ себѣ виды Θεодосіи, наружнаго и внутренняго вида синагоги каранмовъ. Мы рекомендуемъ это прекрасное изданіе нашимъ читателямъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 25 ливрезоновъ. Каждый ливрезонъ будетъ заключать въ себѣ четыре рисунка. — Полное изданіе будетъ стоить 50 р. сер. Каждый ливрезонъ отдѣльно 2 р.

— Въ Москвѣ вышло второе изданіе «Записокъ объ Уженѣ», С. Т. Аксакова, автора «Записокъ ружейнаго охотника Оренбургской губервіи». — Мы предоставляемъ себѣ удовольствіе поговорить подробнѣе въ «Современникѣ» объ этой книгѣ; скажемъ теперь только, что она отличается тѣми же достоинствами, которыя составили успѣхъ «Записокъ ружейнаго охотника» — той же свѣжестью колорита, прелестью и занимательностью разсказа и неподдѣльно русскимъ языкомъ и слогомъ.

— Читателямъ, слѣдящимъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, мы можемъ рекомендовать, какъ хорошее пособіе, «Карту Европейской и Азіатской Турціи», изданную съ дозволенія Военно-Топографическаго Депо. 1854. На ней отмѣнены большія и малыя дороги, всѣ крѣпости, форты, редуты и т. д.; за вѣрность и полноту показаній ручается то, что карта составлена по военнымъ картамъ, изданнымъ отъ Военно-Топографическаго Депо. Въ сравненіи съ другими картами она имѣетъ то преимущество, что къ общей картѣ Европейской и Азіатской Турціи, Грузіи, Кавказа и прилежащихъ областей присоединены еще подробный топографическій планъ Константинопольскаго пролива, слѣданный въ такомъ размѣрѣ, что на немъ представлены очертанія всѣхъ деревень и укрѣпленій, по берегамъ пролива; въ очертаніи Константинополя даже означено нѣсколько главнѣйшихъ улицъ и мѣстностей. (Продается въ магазинѣ Юнгмейстера.)

— Еще обращаемъ вниманіе читателей на «Карту Балтійскаго моря, великаго княжества Финляндскаго и губерній: Санктпетербургской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Витебской и Псковской», составленную Лыткинымъ и Сѣдневымъ, изданную Юнгмейстеромъ. Она хорошо гравирована и очень подробна. Между прочимъ на ней обозначена часть Варшавско-Петербургской желѣзной дороги, лежащая по губерніямъ, изображеннымъ на картѣ.

— Кстати о картахъ. Гидрографическій Департаментъ Морскаго Министерства издалъ «Каталогъ атласовъ, картъ и книгъ», отъ него продающихся, а г. Зуевъ издалъ «Географическій Атласъ», составленный по де-ла-Маршу, Бальби и другимъ лучшимъ атласамъ, и состоящий изъ трехъ частей. Часть первая: Генеральная, часть вторая: Снедальная, часть третья: Дополнительная.

— Другое изданіе Гидрографическаго Департамента: «Проектъ Ломоносова объ экспедиціи Чичагова», прелюбопытная книга, о которой мы будемъ говорить подробнѣе.

— Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ издалъ переводъ сочиненія Дюбрейна «О дрововодствѣ» (Cours d'agriculture), въ двухъ томахъ. Это сочиненіе продается по 5 руб. за экземпляръ: въ Санктпетербургѣ — въ типографіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, и въ Москвѣ — въ Справочномъ Департаментномъ обществѣ Сельскаго Хозяйства.

— Къ петербургскимъ литературнымъ новостямъ прибавимъ московскую: въ Москвѣ вышелъ четвертый томъ «Русской Исторіи» профессора Соловьева.

— По напечатаніи уже стихотвореній Э. Н. Тютчева, въ редакцію «Современника» поступило нѣсколько указаній на разные старые журналы и альманахи, въ которыхъ было напечатано нѣсколько его стихотвореній, невошедшихъ въ собраніе, появившееся въ 3 № «Современника». Желая сдѣлать изданіе стихотвореній г. Тютчева по возможности полнымъ, мы соберемъ всѣ невошедшія въ это первое собраніе стихотворенія и помѣстимъ ихъ въ слѣдующей книжкѣ «Современника».

МОДЫ.

Весенніе дамскіе наряды еще не установились. Впрочемъ, тяжелыя матеріи на платьяхъ замѣнились тафтой: Для гладкой тафты цвѣта неопредѣленные считаются нарядными; воланы у такихъ платьевъ роскошно затканы пестрыми цвѣтами или полосой въ видѣ лентъ; также воланы дѣлаютъ до половины газовые, на которыхъ затканы пестрые шелковые цвѣты. Для прогулки тафту выбираютъ клѣтчатую, мелкаго или крупнаго рисунка. Лифы у весеннихъ платьевъ дѣлаютъ болѣе закрытыя, баскѣ неразрѣзаная, и сзади у талии бантикъ изъ лентъ, смотря по уборкѣ платья; рукава покрываютъ четырьмя воланами, такъ что рукавъ видѣнъ не много отъ плеча. Бальныя платья иначе не дѣлаютъ, какъ изъ газу, крѣпу; воланы на этихъ платьяхъ убираютъ газовыми цвѣтными лентами о большихъ зубцахъ, такъ что юбка, лифъ и рукава, покрытыя такимъ легкимъ украшеніемъ, имѣютъ видъ цвѣтныхъ перушекъ. Для желающихъ имѣть платье наряднѣе можно убрать его такими же лентами, только съ золотомъ или серебромъ.

Изъ болѣе узкихъ подобныхъ лентъ дѣлаютъ шляпки, переишивая ихъ съ блондами тоже о зубцахъ. Тулья вся покрываетъ

ся мелкими цвѣтами, напримеръ ланальшами или незабудками. Подъ полями цвѣты прикалываютъ гораздо крупнѣе. Эти воздушныя шляпки замѣняютъ все чепчики и куфюры, потому что, для концертовъ и театровъ, болѣе не дѣлаютъ бальнаго туалета. Шляпки для прогулки дѣлаютъ изъ тафты, убираютъ ихъ рюшью, изъ блондъ или изъ той же матеріи, съ высьчкою. Въ Парижѣ вмѣсто соломы для шляпокъ выдумали дѣлать изъ дерева, которое такъ тонко и такъ искусно вырѣзано, что уподобляются кружеву. Эти шляпки подкладываютъ на цвѣтную тафту.

Еще ни одна весна не была такъ богата разнообразіемъ верхнихъ одеждъ, какъ нынѣшняя. Тальмы безчисленныхъ формъ, со складками, со швами, коротенькіе салопчики на кокеткахъ, прямые въ складкахъ съ большимъ воротникомъ, бурнусы въ видѣ косышочкы и длинныя салопы о двухъ воротникахъ.

Матеріи для этой одежды, болѣе употребительныя: это дамъ, пуде-суа и дра-де-дамъ; ихъ украшеніемъ служатъ: кружева, бахрама и разныя тесьмы.

Мантильи весенія тоже разнообразны. 1) Мантилья-шарфъ изъ муаръ-антикъ, спинка гладкая; но на бокахъ она расширяется; складки скрыты подъ бархатной лентой, которая нашита на узенькихъ кружевахъ и окаймляетъ всю мантилью. — Къ салопу пришито широкое кружево. 2) Вся разрѣзная вдоль; швы суживаются кверху, между каждымъ швомъ (а ихъ три, на плечѣ одинъ и спереди два) вышивается прошивка изъ кружевъ, или шовъ скрывается подъ рюшью изъ лентъ довольно узенькихъ, и оканчивается баутами съ каймами наверху и внизу. Этотъ фасонъ очень хорошъ для кисейныхъ лѣтнихъ мантилій; можно шивать роскошныя прошивки валансіенъ и класть ихъ на цвѣтную подкладку.

Башмаки носятъ съ круглыми носками и съ небольшими каблучками; цвѣтъ ихъ долженъ согласоваться съ цвѣтомъ платья.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БРАЛАСЬ. — III.

ДОСУГИ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА.

Настроение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходимъ канцелярская смывка виртуоза.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЕГО ДѢДА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Читатель, ты меня понялъ, узналъ, оцѣнилъ — спасибо! Докажу, что и весь родъ мой занимался литературой! Вотъ извлеченія изъ записокъ моего дѣда; за тѣмъ явдамъ записки отца, а потомъ — и мои собственныя.

Записки дѣда писаны скорописью прошлаго столѣтія — in folio — безъ помарокъ: значить, онѣ не черновыя! Спрашивается: гдѣ же сія послѣднія? Неизвѣстно! Предлагаю мои соображенія: дѣдъ мой жилъ въ деревнѣ, отецъ прожилъ въ ней же два года сряду: значить, онѣ тамъ, а можетъ быть, у сосѣднихъ помещиковъ, а можетъ быть, у дворовыхъ людей. Значить, ихъ читаютъ, значить, онѣ занимательны. Отсюда доказательство замѣчательной образованности моего дѣда, его ума, его тонкаго вкуса, его наблюдательности. Это факты, это несомнѣнно! — Факты, являющіяся изъ сближеній. Сближенія обуславливаютъ выводы.

Почеркъ рукописи различный: значить она писана не однимъ человекомъ. Почеркъ «приступа» совершенно сходенъ съ подписью дѣда: отсюда, тождественность лица, писавшаго «приступъ», съ личностью моего дѣда.

Дѣдъ мой родился въ 1720 году, кончилъ записки въ 1780: значить, онѣ начаты въ 1764. Въ запискахъ его вѣдана сила чувства, свѣжесть впечатлѣній: значить, при деревенскомъ воздухѣ, онъ легко могъ прожить до 70 лѣтъ; стало быть, онъ умеръ въ 1790 году.

Въ портфелѣ дѣда много весьма замѣчательнаго, но, къ сожалѣнію, неконченнаго (d'inachevé). Когда заблагоразсудится, издамъ все.

Прощай, читатель; выйни въ издаваемое!

Твой доброжелатель

Кузьма Прутковъ.

11 марта

1854 года (апприс, 1).

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Приступъ старика.

Уподобляясь подъ вечеръ жизни моею оному древнихъ римлянъ Цвинцинатусу, въ гнетомые старостью года свои утѣшаюсь я въ деревенской тишости кроткими наслажденіями и избобрѣнными удовольствіями и, достохвально въ воспоминавіяхъ упражняюсь, тебѣ, сынишкѣ моему, Петрушкѣ, ради душевныя пользы и наученія, жизненнаго прохожденія моего описаніе и многія гисторическія, изъ наукъ и свѣтскихъ разговоровъ почерпнутыя, свѣдѣнія, послѣ гроба моего, оставить положилъ. А ты оное мое писаніе въ необходимое употребленіе малому мальчишкѣ, Кузькѣ, необходимо передай; чѣмъ сильнѣе прежняго склонность мою заслужите.

Лѣта отъ Р. Х. 1780, іюня 22, сей приступъ къ прежде сочиненнымъ меморіямъ памяти своей написалъ и составилъ *отставной премьер-майоръ и кавалеръ Федотъ Кузьмичъ Прутковъ*.

1.

Соотвѣтственное возраженіе одного кухаря.

Какъ у одного кухаря, находившагося въ услуженіи у испанскаго совѣтника, спрашивано было: сколько дѣтей имѣть? то сей опытный въ своемъ дѣлѣ искусникъ далъ слѣдующій, ообразный съ своимъ рукоисломъ отвѣтъ: *Такъ, государь мой, у меня ихъ восемь персонъ!* Чему тотъ нарочито богатый испанецъ не мало смѣлся, закрывшись епанчею, и, приведъ домой, не замедлилъ разсказать, встрѣтившей его, своей супругѣ.

2.

Къ кому придетъ несчастье.

Нѣкоторый градодержатель, имѣя для услугъ своей персоны двухъ благонадежныхъ, прозвищами: Архипъ и Осипъ, нѣкогда опредѣлилъ имъ пойти пѣшдою эшпафетой къ любимой сего чиновника госпожѣ, не близости оныя того мѣста проживающей. Сии градодержателя холопы, застигнуты будучи на пути осеннимъ ненастьемъ, получили отъ того незрядную простуду, отъ коей Архипъ — осипъ, а Осипъ — охрипъ.

3.

Гастрономъ.

Нѣкій милордъ находилъ нарочитое удовольствіе въ яствахъ, то однажды на фрыштыкѣ въ 50 кувертовъ, въ присутствіи многихъ отъѣзжавшихъ персонъ, сказалъ: *Милостивые государи! родительница моя кушала доло, а родитель мой кушалъ много, поколику и я придерживаюсь обихъ сихъ правилъ.*

4.

Лучше побольше, чѣмъ поменьше.

Нѣкій австрійскій интендантъ, не замедливъ послѣ Утрехтскаго мира задать пиръ пятерымъ своимъ соратникамъ, предварительно наказавъ своему майрлому подать на столъ пять килекъ, по числу ожидаемыхъ. Какъ одинъ изъ гостей, болѣе противу прочихъ проворства имѣющій, распорядился на свою долю, вмѣсто одной, двумя кильками, то интендантъ, усмотрѣвъ, что черезъ то храбрѣйшій изъ соратниковъ, Бремзенбургъ фонъ-Экштадтъ, опредѣленной ему порціи вовсе лишился, воскликнулъ: *Государи мои! кто двѣ кильки взялъ?*

5.

Никто необязательно обнять не можетъ.

Однажды, когда ночь покрыла небеса невидимую своею спанчею, знаменитый философъ Декартъ, сидя на ступенькахъ домашней своей глѣстницы, нѣкій прохожій, подступилъ къ оному, съ превеликимъ вниманіемъ на врачный горизонтъ смотрѣвшему, вопросомъ: *Слажи, мудрецъ, сколько звездъ на семь небъ? — Чудаки! отвѣтствовалъ сей: никто необязательно обнять не можетъ!* Сія, съ превеликимъ огнемъ произнесенныя слова, произвели на прохожаго желаемое дѣйствіе.

6.

Лучшее средство въ такомъ случаѣ.

Нѣкогда маршалъ де-Басомпьеръ, задумавъ въ будущій четвертокъ угостить ближайшихъ изъ сродниковъ своихъ, кухарь сего вельможи пришелъ въ немалую оттого мыслей разстройку, униженно докладывая, что у нихъ всего одинъ быкъ имѣется: *незрядно — возразилъ маршалъ — а сколько у того быка частей? — Осемь, отвѣтствовалъ*

сей. — *Отнюдь* — перехватил маршалъ — *одиннадцать у быка, а для того можно оныи и на одиннадцать блюдъ изготовятъ.* Такъ, многія знанія во всякомъ званіи пригодиться могутъ.

7.

Не всегда съ точностью понимать должно.

Весьма достачочный мануфактуроправитель, не подалеку отъ нью-йоркскаго города проживающій, навсегда съ ранняго утра рабочихъ своихъ подымая, только съ темною ночьюъ домой ихъ отпускалъ; то, однажды, когда ночная мрачность совсѣмъ исчезла, и благодѣтельная денница, являя утреннюю зарю свѣтлѣющимъ лицемъ своимъ, взирая на вселенную, правою рукою усыпала землю розами и орошала, на подобіе жемчуга, изъ глазъ своихъ зеленую траву рососою, сей трудящій руководѣльникъ, многихъ изъ наемниковъ своихъ тотчасъ пробудивъ, на смятенный запросъ оныхъ степенно отвѣтствовалъ: *Государь мой! поднимая васъ прежде солнца и отпуская опосля луны, уповая, конечно: слѣдовать похвальному изреченію: «ученье свѣтъ, а неученье тьма».*

8.

Остроумное замѣчаніе.

Господинъ де-Волтеръ, однажды въ бесѣдѣ со многими той страны министрами находясь, весьма остроумно замѣтилъ: *Разность промежъ великими людьми временемъ догодить до высочайшаго градуса, отчего нынѣ такъ велики, что, накрываясь шляпою, на ципочки подниматься принужденными находятся, а другіе съ той цѣлю на колѣни опускаться должны.*

9.

Излишне сдержанное слово.

Единожды аббатъ де-Сугерій, съ Иваномъ Яковымъ де-Руссо гуляя, невапно такъ сказалъ: *Обожди, другъ, маленько у сей колонны, ибо я, на краткій мигъ нужду имѣя, тотчасъ къ тебѣ возвратиться не замедлю.* Сей искусный въ своемъ дѣлѣ философъ, многимъ въ жизни своей наукамъ обучаясь, непремѣнно слѣдовалъ солововымъ, ликурговымъ и платоновымъ законамъ, а особливо димоловской секты (*), для чего и не упустилъ господина аббата цѣлыхъ три дни съ упрямымъ дожидаться, а напоследокъ, сказываютъ, и вовсе отъ голода на указанномъ мѣстѣ умеръ.

10.

Отвѣтъ италіанскаго старца.

Двѣ молодыя италіанскія дѣвушки въ зелени на прекрасной долині сидѣли, а помимо ихъ шелъ сѣдой, но непомято прыткій старикъ; то онѣ съ усмѣшкою спросили: *отчего такое завидное, не вохлѣтамъ сложеніе имѣеть?* Отвѣтствовалъ: *потому, я съ издѣтствомъ употребляю масло вкнутрь, а медъ снаружку.*

11.

Два камизола.

Господинъ де-Графиньи, интендантъ ландокоюй, прогуливаясь въ одинъ лѣтній день въ двухъ черныхъ камизолахъ, въ семь удивленія достойномъ парадѣ повстрѣчался съ дюкомъ де-Ноаземъ, сей послѣдній спросилъ: *Господинъ интендантъ! возможно ли? два камизола въ столь важной день?* На что, съ тономъ печали, отвѣтствовала: *всчастливіе моя преслѣдуетъ, ибо вчера скончался отецъ мой, а сегодня испустила духъ моя бабка, для чего, государь мой, и пишу я сугубый трауръ.*

12.

Что къ чему привѣшено.

Нѣкоторая очень красивая дѣвушка, въ королевскомъ присутствіи, у кавалера де-Монбасона хладнокровно спрашивала: *Государь мой! что, собаки ли къ хвосту, или хвостъ къ собакамъ привѣшены?* То сей, опытный въ отвѣдахъ кавалеръ; нисколько не смятеннымъ, но, напротивъ того, постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: *Какъ случится, сударыня, ибо всякую собаку никому и за хвостъ, какъ за шею поднять невозможно.* Которая отвѣдъ тому королю отиѣнное удовольствіе причинивши, оный кавалеръ не безъ награды за нее остался.

13.

Слишкомъ помнитъ опасность.

Генералъ Монтекукули, въ извѣстную войну отъ непріятеля съ торопливостію отсупая, и внезапно въ рѣку Иннъ пистолець свой уронивши, нѣкій австрійскій путникъ, пять лѣтъ спустя, съ пригожею дѣвкою вдоль сей рѣки гуляя, такъ возразилъ: *Пожалуйте, сударыня, сей рѣки весьма поберегитесь, ибо въ оной заряженный пистолець обрѣтается.* На что та нарочито разумная дѣвица не упустила замѣтить, да и онъ съ своей стороны того же учинить не оставилъ.

14.

Неумѣстная настойчивость.

Извѣстный англійскій министръ Кучерстонъ, заказавъ опытному каретнику, для весеннихъ прогулокъ своихъ съ нѣкоторыми англійскими дѣвушками, по обычаю той стороны лѣдами называемыми, не большую двуколку, сей послѣдній не преминулъ оную къ нему на домъ представить. И когда министръ, удобство сей двуколки напередъ испробовать положивъ, легкомысленно во оную сѣлъ, то она, ни чѣмъ въ оглобляхъ придержана не будучи, немедленно и отъ тяжести назадъ опрокинулась, изрядно Кучерстона головою объ землю ударивъ. Однако симъ малымъ опытомъ весьма не довольствуясь, вознамерился онъ снова его испытать, и для того трикратно опять о землю ударился, а наослѣдокъ, острый передъ тѣмъ разумъ имѣвъ, и вовсе отъ повторенныхъ ударовъ мозгу своего конечно лишился.

Злоумышленно приложенная поговорка.

Какъ у нѣкаго педагога несоразмѣрно короткая провѣтъ нѣтъсь, на востокъ поставленная и ширною отъ свѣта загороженная; то одинъ школьникъ, во время сна сего пѣстуна своего, неумѣстно надъ онымъ подулнулъ, осторожно повадивъ наставничью ширму. Когда же учитель, ранѣе отъ солнечныхъ лучей проснувшійся, зазаваливо съ короткой кровати своей спросилъ : *Зачѣмъ мнѣ сѣлмо?* сей молодой проказникъ, ни мало не смѣшавшись, но съ надеждою отвѣтствовалъ : *Не вы ли сами, государь мой, съ преселекою настойчивостію спарали мнѣ, во всемъ придерживаясь поговорки : коротко и ясно !*

БАЛЛАДА.

(Съ нѣмецкаго.)

Баронъ фонъ Гринвальюсъ,
Извѣстный въ Германьи,
Въ забралахъ и въ латахъ,
На камиѣ, предъ замкомъ, —
Предъ замкомъ Амальи,
Сидитъ, принахмурясь, —
Сидитъ и молчить.

Отвергла Амалья
Баронову руку!
Баронъ фонъ-Гринвальюсъ
Отъ замковыхъ оконъ
Очей не отводитъ
И съ мѣста не сходитъ, —
Не пьетъ и не ѣсть!

Года за годами;
Бароны воюють,
Бароны пируютъ....
Баронъ фонъ-Гринвальюсъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позиціи
На камиѣ сидитъ.

ПЛАСТИЧЕСКІЙ ГРЕКЪ.

Люблю тебя, дѣва, когда золотистый
И солнцемъ облитый ты держишь лимонъ,
И юноши зрю подбородокъ пушистый
Межъ листьевъ аканѳа и бѣлыхъ колоннъ!
Красивой хламиды тяжелыя складки
Упали одна за другой :
Такъ въ ульѣ шумящемъ вокругъ рацеиной матки
Снуеть озабоченный рой.

ПУТНИКЪ.

Путникъ ѣдетъ косогоромъ,
Путникъ по полю спѣшать;
Онъ обводитъ тусклымъ взоромъ
Степи свѣжой грустный видъ.
— Ты къ кому спѣшишь на встрѣчу,

Путникъ гордый и вѣмой? —
«Никому я не отвѣчу:
Тайна то души больной!

• Ужь давно я тайну эту
Хороню въ груди своей,
И безчувственному свѣту
Не открою тайны сей.

• Ни за знатность, ни за злато,
Ни за груды серебра,
Ни подъ замахами будата,
Ни средь пламени костра!...»

Онъ сказалъ и вдаль несется
Косогоромъ, весь въ свѣгу;
Конь испуганный трясется,
Спотыкаясь на бѣгу.

Путникъ съ гнѣвомъ погоняетъ
Карабахскаго коня, —
Конь усталый упадаетъ,
Сѣдока съ собой роняетъ
И подъ свѣгомъ погребаетъ
Господина и себя.

Схороненный подъ сугробомъ,
Путникъ тайну скрылъ съ собой;
Онъ пребудетъ и за гробомъ
Тотъ же гордый и вѣмой!...

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Желанья вашего всегда покорный рабъ,
Изъ книги дней моихъ я вырву полъ-страницы
И въ вашъ альбомъ вклею. Вы знаете, я слабъ
Предъ волей женщины, тѣмъ болѣе дѣвицы.
Вклею! Но вижу я: ужъ васъ объемлетъ страхъ;
Змѣей тоски моей пришлось мнѣ подѣлаться.
Не цѣлая змѣя теперь во мнѣ.... но, ахъ!
Зато по полъ-змѣи въ обонхъ шевелится.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Фрицъ Вагнеръ, студюзусъ изъ Лены,
Изъ Бона Леронимусъ Кохъ
Вошли въ кабинетъ мой съ азартомъ, —
Вошли, не очистивъ сапогъ.

•Здорово, нашъ старый товарищъ!
Рѣши поскорѣ нашъ споръ:
Кто доблестнѣй Кохъ или Вагнеръ?•
Спросили съ бряцаніемъ шпоръ.

— Друзья! Васъ и въ Лентъ и въ Бонтъ
Давно уже я оцѣнилъ.
Кохъ логикѣ славно учился,
А Вагнеръ искусво чертилъ.

Отвѣтомъ моимъ недовольны,
•Рѣшай поскорѣ нашъ споръ!•
Они повторяли съ азартомъ
И съ тѣмъ же бряцаніемъ шпоръ:

Я комнату взглядомъ окинулъ
И, будто взоромъ прельщенъ;
•Мнѣ нравятся очень обои!•
Сказалъ имъ и выбѣжалъ вонъ.

Понять моего каламбура
Изъ нихъ ни единый не могъ,
И долго стояли въ раздумьи
Студюзусы Вагнеръ и Кохъ.

СМѢСЬ.

Г. Григорьевъ, въ 3 и 4 *М.М.* «Москвитянина» за нынѣшній годъ, напечаталъ *Элегию-Оду-Сатиру*, подъ названіемъ: «Искусство и Правда». Г. Григорьеву желательно было смутить чье-то веселье и бросить кому-то желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью, что обнаруживается изъ эпиграфа, взятаго имъ къ его элеги-одѣ-сатиры, изъ стихотворенія Лермонтова:

«.... О, какъ имѣ хочется смутить веселье ихъ,
И дерзко бросить имъ въ лицо желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью....»

Горечь и злость г. Григорьева были возбуждены появленіемъ въ Москвѣ г-жи Рашель.

Негодующій на г-жу Рашель, г. Аполлохъ Григорьевъ начинается *элегію-оду-сатиру* воспоминаніями и говорить о Мочаловѣ:

*Какъ Промисей онъ пламень похищала,
Какъ Промисей онъ былъ терзаемъ враномъ....*

*Мы правду въ нашемъ трагикѣ любили,
Трагизма правду съ нимъ мы хоронили....*

и замѣчаетъ, что когда трагикъ стоялъ съ *окаменѣвшимъ лицомъ*, то толпа какъ *звѣрь голодный выла*, и что

*Въ несладныхъ драмахъ Полеваго
Бывало, за него (за кого?) сидишь, (?)
Съ благоговѣніемъ молчишь*

И ждешь.... вотъ скажетъ два, три слова....

И ко всему этому прибавляетъ:

*Ему мы вѣрили; однимъ
Съ нимъ жили чувствомъ, дати алка,
И было — намъ за человека,
За человека страшно съ нимъ!*

За тѣмъ негодующій поэтъ переходитъ къ другой порѣ и къ другой правдѣ, которая, по его мнѣнію,

Здоровѣй дѣйствуетъ на грудь....

и говорить о какомъ-то *лашатаѣ новой правды*, о комъ-то, кто сказалъ *новое слово* и въ комъ комедія *лм* плачетъ, или трагедія *хохочетъ*, все равно, но кто заставляетъ по душѣ *гулять родной* быть, пировать на сценѣ *великорусскую жизнь*, *торжествовать великорусское слово*, *великорусскій рѣчи складъ*, *великорусскій умъ* и *великорусскій взглядъ*, и отъ произведеній котораго

Не страшно — весело теперь за человека!

Въ заключеніе негодующій поэтъ обращается къ г-жѣ Рашель:

*Театра зала вновь полна,
Партеръ и ложи блещутъ свѣтомъ
И рѣчь французская слышна
Привыкнувъ шаркать по паркетамъ.
Французскій и произносить
Тутъ есть охотниковъ не мало:
(Кому же обезьяной быть,
Ума и сметки не ставало?)
Но не одни *боктоны* тутъ:
Видна *мужей ученыхъ сталя*; (?)
Похвальной ревностью пылая,
Они безмядно взяли трудъ,
По всѣмъ эстетикамъ нѣмецкимъ,
Втолковывать героямъ свѣтскимъ:
Что есть трагизма и то и сѣ,
Корнель и эдакое все....*

Что вко. ва *стал* *успехъ* *музей*, безвѣдно *столковымащизнь* *свѣт-*
скимъ *героямъ*,

Что есть *трагизмъ* и то и сѣ,
Журнель и *эдакое* *вса*.

Неизвѣстно; но поэтъ намекаетъ, что это шутка....

И продолжаетъ:

Но бросимъ *шутки* *тошъ*.... Печально, не *снѣшно* —

Что *слишкомъ* *мало* въ насъ *достоинства*, *сованья*,

Что на *эффекты* насъ *поддѣтъ* не *мудрею*,

Что въ насъ не *вывелся*, *бичеванный* *давно* ,

Духъ *рабскаго*, *слѣзанаго* *поображалья* !

Пускай она талантъ, пусть *геній*! — *дай* *Вои* *сѣ* !

Да намъ *не* *ко* *двору* *пришло* *ея* *искусство*....

Въ насъ *слишкомъ* *дѣйственно*, *свѣжо* и *просто* *чувство*,

Чтобы *выкидывать* *колына* *почудилъ*.

На такія *колына* , *выражаясь* *слогомъ* г *Амоллона* *Григорьева*, по-
мѣщенный въ *Москвитянинѣ* , самъ же *Москвитянинъ* . отвѣчаетъ пре-
восходно въ 5 своемъ №:

Москвитянинъ *всегда* *любилъ* *шутку*, *лишь* *бы* *она* *была* *остра*,
умна, *не* *заключала* *никакого* *оскорбленія*, *еще* *меньше* *обиды*. Въ такомъ
случаѣ — для него все равно, къ кому бы эта шутка ни относилась,
хоть *бы* *къ* *нему* *самому*. Вотъ почему редакція помѣщаетъ съ удо-
вольствіемъ двѣ эпиграммы по поводу случайнаго стихотворенія, по-
мѣщеннаго въ послѣдней книгѣ:

Вы говорите, мой *любезный*,

Что будто стихъ у васъ *жельзный*!

Жельзо разное: *цѣна*

Ему не *всякому* *одна*!

Иное на *рессоры* *годно*;

Другое въ *ружьяхъ* *превосходно*;

Иное *годно* для *подковъ* :

То для *коней*, то для *ословъ*,

Чтобъ и *они* не *спотыкались*!

Такъ вы *какими* *подковались* ?

Не *добрый* *человѣкъ*, кто *злостью* *безполезной*

Смутитъ *веселый* *кругъ* и *хватитъ* *камень* въ *лобъ* !

Твой *стихъ* *тяжелъ*, но не *жельзный* :

Нѣтъ! — ты *увѣсистый* *булыжникъ* въ *лапы* *сгребъ* !

Послѣ этихъ эпиграммъ, которыя *Москвитянинъ* . печатаетъ , мы,
съ своей стороны, болѣе *ничего* *прибавить* не *можемъ* . и только *без-*
молвно *вносимъ* *всѣ* *эти* *любопытные* *факты* въ *Врашащъ* .

Графиня *Растопчина* *нанечатала* въ 5 № *Москвитянина* . нѣсколько
стихотвореній изъ *Зеленой* *рукописной* *книги* , подаренной ею одной
короткой *пріятельницѣ*. Въ этой *Зеленой* *книгѣ* . находились *неиздан-*

ция мелкія стихотворенія. Послѣ смерти пріятельницы «Зеленая книга» возвратилась къ автору, — и стихотворенія сдѣлались достояніемъ всѣхъ читающей публики.

.. Изъ напечатанныхъ стихотвореній намъ болѣе всего понравилось слѣдующее :

НАДѢВАЯ АЛБАНСКІЙ КОСТЮМЪ.

Нарядъ чужой, нарядъ восточный ,
Хоть ты бы счастье мнѣ принеси...
Меня отъ стужи полуночной
Подъ солнце юга перенеси!...
Подъ красной фескою Албанки
Когда-бъ забыть могла я вдругъ
Баль, свѣтскій шумъ, плѣнь горожанки ,
Молву, и тѣсный жизни кругъ!...
Когда-бъ хоть на день, птичкой вольной,
Свободной дочерью лѣсовъ,
Могла-бы я дышать раздольно
У Юнійскихъ береговъ!...
Разбивши цѣпь приличій скучныхъ,
Поправь у ногъ уставъ людей, —
Пошла-бъ часовъ благополучныхъ
Некѣтъ межъ гордыхъ дикарей!...
Какъ знать?... Далѣко за горами
Нашла-бъ я въ хижинѣ простой
Друзей съ горячими сердцами,
Привѣтъ радушный и родной?...
Нашла-бы счастья прямаго
Удѣлъ, — незнаемый въ дворцахъ, —
И Паликара молодого
Со страстью пламенной въ очахъ!...

«Ералашъ» обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ вологодскихъ обитателей, чему служить доказательствомъ отрывки изъ слѣдующихъ писемъ, воученныхъ нами изъ Вологды.

Письмо I.

Милостивый государь!

Къ февральской книжкѣ «Современника» приложена первая тетрадь «Литературнаго Ералаша», заключающая въ себѣ, между прочимъ, статейку «Вологодскіе Театралы». Помѣщеніе этой статейки дало мнѣ, нижеподписавшемуся, мысль предложить вамъ свои услуги именно для этого отдѣленія. Слѣдствіе этой мысли есть прилагаемое письмо г. О. Ступицына къ г. Кузьмѣ Шруткову, которое я желаю бы видѣть напечатаннымъ.

Если участіе О. Ступицына вы не сочтете излишнимъ, то двѣ строчки вашей руки, присланныя по приложенному адресу, будутъ

ключень, который отпереть довольно полный ящикъ въ его конторкѣ, и онъ станетъ посылать, по востребованію; въ редакцію «Ералаша», плоды своихъ досуговъ. На нѣтъ же съ вашей стороны — суда нѣтъ.

Теперь нѣсколько словъ насчетъ вологодскихъ театраловъ. Занимаясь составленіемъ и изданіемъ вашего журнала, можете ли вы представить себѣ, что значить составленіе неофициальной части губернскихъ вѣдомостей? Театральная статья, какая бы она ни была, есть насущный хлѣбъ для редактора, который передъ субботой просто не знаетъ, что ему дѣлать, чѣмъ наполнить полтора печатныхъ листа своего грѣшнаго изданія. А «Вологодскія Вѣдомости» не изъ худшихъ, какъ вы сами можете убѣдиться, просмотрѣвъ всѣ остальные (что я имѣю удовольствіе дѣлать каждую недѣлю de facto). Предѣлы нашей газеты есть предѣлы губерніи; современный ходъ науки и искусствъ не имѣетъ въ ней мѣста; все, что вышло изъ за границы Вологодской губерніи, хотя бы изъ Царевококшайска или Калязина — намъ чужое. Стаю быть, можно ли осуждать вологодскихъ театраловъ за то, что они воспользовались случаемъ посмѣшить своихъ — увы! — очень немногочисленныхъ читателей? Въ «Современникѣ» — говорятъ теперь у насъ — есть статья «Вологодскіе Театралы». — Ахъ, покажите, пожалуйста! ну, что? какъ? И бѣдная книжка «Современника» изчитана въ три дня....

Извините, что я не поставилъ имени въ началѣ письма: это потому, что оговорка указываетъ на отдѣльность редакціи «Ералаша», а я именно къ ней адресуюсь.

Въ заключеніе прошу извинить меня за длинное письмо и вѣрнѣе чувствамъ истиннаго уваженія и преданности вашего покорнѣйшаго слуги.

Ю. В.

22 февраля 1854 года.

Вологда.

Письмо II.

Милостивый государь,

Господинъ Кузьма Прутковъ!

Благое, истинно благое дѣло выгадумали, и желалъ бы я душевно быть вкладчикомъ въ «Ералашъ», въ которомъ вы, милостивый государь, принимаете такое ревностное участіе, — желалъ бы, потому что,

Смотря на мѣръ съ провинціальной точки,

Я долженъ вамъ по совѣсти сказать,

Что къ смыслу мы печатной каждой строчки

Почтеніе привыкли ощущать!

И если вы, Кузьма Прутковъ почтенный,

Насъ будете такъ тѣшить до конца,

То скажемъ мы, что нѣтъ во всей вселенной

Умище и забавѣ лица!.... и прочее.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	Стр.	
Стихотворенія <i>Ө. И. Тютчева</i> . (Девяносто-двѣ пьесы съ особой нумераціей, заглавнымъ листкомъ и оглавленіемъ.)		✓
Современныя замѣтки. Стих. <i>Князя П. А. Вяземскаго</i>	5	
Муму. Разсказъ <i>И. С. Тургенева</i>	9	✓
Мелочи жизни. Романъ <i>Н. Н. Станицкаго</i>		
Часть вторая	37	✓
Окончаніе второй и послѣдней части	145	✓
Шесть стихотвореній графа <i>А. К. Толстаго</i> . (I. <i>Колоколчики мои</i> ,— и проч. — II. <i>Ой стой, стой</i> ,— и проч. — III. <i>По гребль неровной и тряской</i> ,— и проч. — IV. <i>Коль любить, такъ безъ разсудку</i> ,— и проч. — V. <i>Умѣренность</i> . — VI. <i>Ты знаешь край, идѣ все обильемъ дышетъ</i> ,— и проч.	129	
Прощаніе. Стих. *	137	
Изъ Шиллера. <i>Н. В. Гербеля</i>	138	
Весенній бредъ. <i>Аполлона Майкова</i>	139	
Къ ключу <i>Бандузію</i> . <i>А. А. Фета</i>	144	
Холодный Домъ. Романъ <i>Чарльза Диккенса</i> . Части третья и четвертая.		✓
Мой романъ или разнообразіе англійской жизни. <i>Э. Л. Бульвера</i> . Часть двѣнадцатая.		✓
Опытъ Біографіи <i>Николая Васильевича Гоголя</i> . <i>Николая М.</i>		
Статья вторая	1	✓
Статья третья и послѣдняя	91	✓

✓ Воспоминаніе о Гоголѣ. (По поводу Опыта его біографіи.) *М. Н. Ломимова* 85

✓ Свѣдѣнія о современномъ состояніи Европейской Турціи. Статья первая 155

✓ По поводу романовъ и разсказовъ изъ простонароднаго быта. Статья вторая и послѣдняя. *И. А. А—ва* 1

✓ Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ *Ф. И. Тютчева*. *И. Т.* 23

Catalogue d'une belle collection d'ouvrages, en majeure partie rares et précieux 1

Мѣсяцесловъ на 1854 годъ 6

Карманная книга для русскихъ воиновъ въ турецкихъ походахъ. *О. Сенювскаго*. 10

Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи, по 1725 годъ. Составилъ поручикъ *Обручевъ*. — Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Составилъ *А. Савельевъ*. —

Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ въ средніе вѣка. *М. Богдановича* 11

Сочиненія *П. Каратыгина*. 12

Марьянтка, драма *Н. Кукольника*. — Дядюшка на трехъ ногахъ, комедія *П. Каратыгина*. 14

Мечта и дѣйствительность. Фантастическая драма въ пяти дѣйствіяхъ, основанная на германскомъ повѣртіи. 20

Раутъ. Историческій и литературный сборникъ, изданный *Н. В. Сушковымъ*. Книга 3-я. 25

Сравнительные обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ. Французское морское законодательство. *В. Мельницкаго*. 36

Горѣ отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, *А. С. Грибоѣдова*. 42

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Изданіе *А. Смирдина*. Сочиненія *Гвидяча* и *Хемницера*. 43

Графъ Барбеле. Романъ *Поля Феваля*. 44

Звѣринецъ 47

Паденіе Турціи. — Ура! Стихотвореніе *Федора Глинки*. — Взятіе Константинополя и Іерусалима христіанами и разрушеніе Оттоманской Порты, по турецкимъ преданіямъ и убѣжденіямъ — Признательность исковскихъ гражданъ. Историческія сцены 1812 года. *П. Лебедева*. — Голосъ русскаго, по случаю объявленія войны Россіи съ Оттоманскою Портою. Сочиненіе, крестьянина *А. Комарова*. — Откликнулось сердце Царю и откликнѣ. *М. Владимірова*. 48

Лекція В. Теккера объ англійскихъ юмористахъ. <i>Иностраннаго Подписчика</i>	1 ✓
Современныя замѣтки	16
Письма <i>Иностраннаго Подписчика</i> о русской журналистикѣ. Февраль 1853 года.	19
Иностранныя извѣстія. (Ничто не ново подъ луною. — Парижскія увеселенія. — Новая драма Дюма. — Облѣдъ во внутренности игнодода. — Чувствительное объясненіе съ читателемъ. — Переселеніе изъ Европы въ Америку. — О климатѣ Сѣверной Америки и вліяніе его на физиологическія и психологическія особенности Янки. — Литературныя бѣдуны въ Сѣверной Америкѣ. — Гонорары англійскихъ и сѣвероамериканскихъ писателей. — Вѣроятность, до чего можетъ дойти современемъ перепечатка. — Литературныя бѣдуны другого рода. — Германскія «букеты цѣтотъ» и англійскіе «кишески». — Легкое средство писать умныя и ученые книги. — Новый романъ Отто Мюллера: «Шарлотта Аккерманъ». — Романическія біографіи и біографическіе романы. — Новый англійскій романъ: «Вальтеръ Эвелина». — Кое-какія мелкія новости)	37
Петербургскія новости. (Итальянская опера. — Балетъ. — Балъ въ Благородномъ Собраніи. — Аукціонъ, ярмарка и лотерея въ пользу призываемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣлыхъ. — Различныя масляничныя увеселенія, балаганы и прочее)	64
Моды (съ парижскою картинкою)	67
Литературный Ералашъ. Тетрадь вторая: Литературныя гимны и знаменитая артистка. (Фантастическая сцена изъ подземной литературы). <i>Аполонія</i>	23
Досуги Кузьмы Пруткова. Часть вторая: Къ толпѣ. — Подражаніе Гейне. — Возвращеніе изъ Кронштадта. — Безвыходное положеніе. (Письмо къ моему пріятелю Апполонію въ Москву.) — Эмигранта. — Пятки не кстатъ. Басня. — Осада Памбы. (романсеро. Съ испанскаго.) — Въ альбомъ красивой чужестранкѣ.	32
Драмы изъ обыденной, преимущественно столичной жизни. Драма вторая: Опасные Сосѣди.	38
Смѣсь Ералаша: Нѣсколько литературныхъ рѣдкостей	41
Тонкіе критики. Z	69
Иностранныя извѣстія. (Землетрясенія въ Италіи. — Выставки. — Пьеса г-жи Эмиль де Жирарденъ: «La Joie fait Peur.» — Пролажа автографомъ въ Парижѣ. — Собираетъ пуговиць. — Трогательный некрологъ. — Перемѣна императора Наполеона съ королемъ Осифомъ. — Мелкія сочиненія А. Гумбольдта. — Новѣйшіе нѣмецкіе романисты: <i>Гизекъ, А. Штернбертъ, Шарфенбертъ, Виллабильдъ Алексисъ</i> и <i>Юліа Буровъ</i> , и изъ произведенія. — Путешествіе доктора Гукера въ Гималаи. — Крокодилы и убійцы въ Индіи. — Торговля съеззави датуры и опиумомъ. — Англійскія сочиненія о Турціи. — Турецкія школы и турецкіе математичи и астрологи. — Трогательная заботливость англичанъ о турецкомъ управленіи)	81

	Стран.
Письма <i>Июгороднаго Подмочника</i> о русской журналистикѣ. Мартъ 1854 года	96
Петербургскія новости	109
Моды (<i>съ парижскою картинкою</i>)	111
Литературный Ералашъ. Тетрадь третья :	
Досуги Кузьмы Прутковъ. Часть третья : Выдержки изъ записокъ моего дѣда. — Баллада. — Пластическій грекъ. — Путникъ. — Въ альбомъ. — Изъ Гейне	45
Смѣсь Ераляша : Элегія-Ода-Сатира, А. Григорьева, и эпигракъ изъ ней неизвѣснаго автора. — Зеленая книга гр. Ростопчиной. — Письма изъ Вологды	52

ПЕЧАТАТЬ ПОВЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы во вѣдомствѣхъ предѣлано было въ Ценсурный Комитетъ увеличенное число
экземпляровъ Санктпетербургъ, марта 31 дня 1853 года

Ценсоръ В. Бекетовъ

МОЙ РОМАНЪ

ИЛИ

РАЗНООБРАЗИЕ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ

Э. Л. БУЛЬВЕРА

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

=
1854

Современникъ 1854 года.

МОЙ РОМАНЪ

или

РАЗНООБРАЗІЕ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

Э. Л. БУЛЬВЕРА.

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СУЩІ.

Одлей Эджертоу въ глубокомъ раздумьи стоитъ у камина. Пережить министерства неизбежно, и Эджертоу не предвидитъ никакой возможности занять, при наступающихъ выборахъ, мѣсто въ Парламентѣ. Мысли, одна вращаясь другой, быстро сменялись въ его соображеніяхъ. Для этого человѣка занятіе государственными дѣлами составляло необходимое условіе его существованія, тѣмъ болѣе теперь, когда оно служило единственнымъ средствомъ къ удовлетворенію потребностей жизни, когда онъ видѣлъ неизбежное разореніе. Онъ зналъ, что отъ барона Леви зависѣло во всякое время наложить запрещеніе на его недвижимое имущество, что отъ этого человѣка зависѣло выпустить въ свѣтъ обязательства и векселя, которые такъ долго хранились въ шкатушкахъ изъ розоваго дерева, украшавшихъ кабинетъ услужливаго ростовщика, что отъ него зависѣло овладѣть самымъ домоу Одлея, и, наконецъ, обнаруживать въ газетахъ о публичной продажѣ богатаго имущества и драгоценныхъ вещей высокопочтеннѣйшаго Одлея Эджертона. Впрочемъ, основываясь на совершенномъ знаніи свѣта, Эджертоу былъ увѣренъ, что Леви не

прибѣгнуть къ подобнымъ мѣрамъ, пока будетъ видѣть, что Одлей все еще впереди всѣхъ въ политической войнѣ, пока будетъ видѣть, что для Одлея не совершенно еще утрачена надежда на возвращеніе своего могущества, быть можетъ, въ безпредѣльное число разъ сильнѣе прежняго. Леви, котораго ненависть Одлей угадывалъ, все еще считалъ его за человѣка или лишенаго послѣдней помощи, или слишкомъ сильнаго, чтобы открыто начать съ нимъ войну и надѣяться на побѣду. «Еще на одинъ бы годъ остаться въ Парламентѣ, провнесъ непоколебимый Одлей, сжимая рукой лѣвый бокъ: — и тогда, быть можетъ, дѣла мои приняли бы благопріятный оборотъ. Если нѣтъ, то все же я спокойнѣе бы умеръ облеченный властью, и только тогда бы узнали, что я нищій, и что я искалъ отъ своего отечества одной только могилы.»

Едва эти слова замерли на устахъ Одлея, какъ въ уличную дверь раздались два громкихъ удара, одинъ за другимъ, и черезъ нѣсколько секундъ въ кабинетъ Одлея явился Гарлей; но почти въ то же время къ Одлею подошелъ лакей и доложилъ о пріѣздѣ барона Леви.

— Попроси барона подождать, если ему не угодно назначить время для другого визита, сказалъ Эджертонъ, едва замѣтно мѣняясь въ лицѣ. — Ты можешь сказать ему, что я теперь занятъ съ лордомъ л'Эстренджемъ.

— Я полагаю, что ты навсегда отвязался отъ этого обольстителя юности, сказалъ Гарлей. — Я помню, въ веселую пору жизни, ты часто водился съ нимъ, но теперь, не думаю, чтобы ты нуждался въ деньгахъ; а если нуждаешься, то зачѣмъ же забывать, что Гарлей л'Эстренджъ всегда къ твоимъ услугамъ?

— Мой добрый Гарлей! вѣроятно, онъ пришелъ переговорить со мной о выборахъ. Онъ необыкновенно смѣтливъ въ этихъ щекотливыхъ дѣлахъ.

— Я пришелъ самъ именно по этому же дѣлу и требую передъ барономъ первенства. Я не только слышалъ въ обществѣ, но и читалъ въ газетахъ, что какой-то Дженкинсъ, картавый ораторъ, и лордъ Выголинъ, недавно сдѣланный членомъ Адмиралтейства, непремѣнно будутъ выбраны отъ города, котораго ты былъ представителемъ. Правду ли я говорю?

— Я полагаю, что они займутъ мое мѣсто безъ малѣйшаго сопротивленія. Продолжай, мой другъ.

— Повтому отецъ мой и я условились упробить тебя, ради старинной нашей дружбы, быть еще разъ представителемъ Лансмера.

— Гарлей! воскликнулъ Эджертонъ, мѣняясь въ лицѣ, но уже замѣтнѣе, чѣмъ при докладѣ о зловѣщемъ пріѣздѣ барона Леви: — Гарлей! я рѣшительно не могу принять такого предложенія.

— Не можешь! Почему же? И что съ тобой дѣлается, Одлей? ты такъ взволнованъ, сказалъ Гарлей, крайне изумленный.

Одлей молчалъ.

— Я сообщил эту идею двумъ-тремъ бывшимъ министрамъ, и они единодушно совѣтуютъ тебѣ принять наше предложеніе. Даже моя мать просила передать тебѣ, что она очень, очень желаетъ, чтобы ты возобновилъ къ нашему мѣстечку прежнія отношенія.

— Гарлей! снова воскликнулъ Эджертоуъ, устремивъ на умоляющее лицо своего друга пристальный взоръ, въ которомъ отразилось сильное волненіе души: — Гарлей! еслибъ въ эту минуту ты могъ читать въ душѣ моей, ты бы сказалъ.... ты бы....

Голосъ Одлея задрожалъ, и твердый, непоколебимый человекъ тихо склонилъ голову на плечо Гарлея, и судорожно сжалъ его руку.

— О, Гарлей! потеряй я твою любовь, твою дружбу — и для меня ничего бы не осталось въ этомъ мірѣ.

— Одлей! дорогой мой Одлей! ты ли говоришь мнѣ это? тебя ли я слышу, моего школьнаго товарища, моего друга, которому я девять всѣ свои тайны?

— Да, Гарлей, я сдѣлался очень слабъ, — слабъ тѣломъ и душой, сказалъ Эджертоуъ, стараясь улыбнуться. — Я не узнаю себя.... не узнаю въ себѣ того человека, котораго ты такъ часто называлъ стоикомъ и сравнивалъ съ желѣзнымъ человекомъ, въ поэмѣ, которую любилъ читать въ Итонѣ.

— Но даже и тогда, мой Одлей, я зналъ, что подъ желѣзными ребрами того человека билось горячее сердце. Я часто удивляюсь теперь, какимъ образомъ протекла твоя жизнь, не испытать мятельныхъ страстей. Оно и прекрасно! жизнь твоя была счастливѣе моей.

Эджертоуъ, отвернувъ лицо отъ сострадательнаго взора своего друга, оставался на нѣсколько секундъ безмолвнымъ. Онъ старался переицинить разговоръ и наконецъ спросилъ Гарлея, до какой степени успѣлъ онъ въ своихъ видахъ на Беатриче и въ своихъ наблюденіяхъ за графомъ.

— Что касается Пешьера, отвѣчалъ Гарлей: — мнѣ кажется, что угрожающую опасность мы представляли въ слишкомъ преувеличенномъ видѣ, и что его пари было одно пустое хвастовство. Въ настоящее время онъ очень спокоенъ и, по видимому, всей душой преданъ игрѣ. Его сестра въ теченіе послѣднихъ дней не отворяетъ дверей своихъ ни для меня, ни для моего молодого товарища. Я начинаю опасаться, что, несмотря на всѣ мои мудрыя предостереженія, она успѣла вскружить голову поэта, и что или онъ, прельщенный красотой маркизы, долженъ быть выслушать грубый отказъ ея, или, быть можетъ, предвидя опасность, онъ не рѣшился встрѣтиться съ ней лицомъ къ лицу. Я основываю такое мнѣніе на замѣшательствѣ, которое обнаруживается въ молодомъ человекѣ, когда я начну говорить о маркизѣ. Впрочемъ, если графъ дѣйствительно неопасенъ, то склонить его сестру на нашу сторону не предвидится особенной необходимости, тѣмъ болѣе, что я надѣюсь свискать правосудіе для моего друга-итальянца, чрезъ весьма обыкновенные каналы. Я приобрѣлъ союзника въ лицѣ молодого австрійскаго принца, который теперь въ Лондонѣ и который

обещала употребить все свое влияние въ Вѣнѣ въ пользу моего друга. Конечно, любимый Одлей, я давно собираюсь предложить тебѣ новое место; но такъ жажу у тебя очень мало свободнаго времени, не пожалуста назначь мнѣ часъ для этого свиданія. Этотъ молодой поэтъ — охота въ сестрамъ. Бываютъ минуты, когда выраженіе его лица имѣетъ удивительное сходство съ ней....

— Хорошо, конечно, отвѣчала Одлей, торопиво: — сдѣлаю съ нимъ когда тебѣ угодно.... Ты говоришь, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи.... и, конечно, повзвусь твоимъ расхоженіемъ, онъ охоту можетъ считатьъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ.... А отъ души этому радъ.

— А что твой *protégé*, этотъ Рандаль Леоли, котораго ты запрещаешь мнѣ не любить?... гнусное искомненіе!... Скажи, на что онъ рѣшился?

— Нести одну со мной участь. Гарлей, если небу не угодно будетъ продлить мою жизнь до возвращенія къ прежнему могуществу, если не успѣю я уврочить счастья этого молодого человѣка, не забудь, что онъ преданъ былъ мнѣ во время моего паденія.

— Если онъ будетъ преданъ въ тебѣ душой, я никогда не забуду. Я забуду тогда все, что заставляетъ меня сомнѣваться въ намъ въ настоящее время....

— Довольно! прерывалъ Одлей. — Теперь я спокоенъ и могу присутствовать съ тобой; мнѣ нужно увидѣть этого барона.

— Нѣтъ, я не выйду отсюда, не получивъ согласія на предложеніе еще разъ быть представителемъ Лэнсмера. Пожалуста не качай головой. Мнѣ нельзя отказать. Я требую твоего обещанія по праву нашей дружбы и не на шутку рассержусь, если ты хоть на секунду задумнешься надъ этимъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, Гарлей, тебѣ нельзя отказать. Однако, ты снѣтъ не будешь въ Лэнсмерѣ послѣ.... послѣ того печальнаго событія. Тебѣ придется отыскать въ сердцѣ старую рану.... Нѣтъ, Гарлей, ему не должно вѣдать туда. Признаюсь тебѣ откровенно, воспоминаніе о немъ грустно и тяжело даже для меня. Я бы и самъ не хотѣлъ вѣдать въ Лэнсмерѣ.

— О, другъ мой! мнѣ кажется, это уже забытое символически. Я самъ начинаю осуждать себя за свою слабость; я начинаю думать, что мнѣ не вѣдѣнъ никакого права обращать себя въ работу индустриала.

— Съ своей стороны и я начинаю думать, что въ послѣднее время ты очень перемѣнился, возвращая Гарлей, и лично его прозвѣдывая. — Скажи мнѣ, счастлива ли ты въ ожиданіи новой для тебя жизни? живу ли я до той поры, когда еще разъ увижу тебя прощающимъ Гарлея?

— Я могу отвѣтить тебѣ, Одлей, только одно, сказалъ Гарлей, съ задумчивымъ видомъ: — одно — что я дѣйствительно переживаю. Я собираю теперь силы и мужество, чтобъ исполнить долгъ, который

обратить своему отчеству.... Прощай, Оллей! Я скажу моему отцу, что ты единственно наше предположеніе.

Когда Гарлей ушелъ, Эджертонъ, какъ будто отъ крайняго смятеннаго и моральнаго изнеможенія, опустился въ кресло.

— Возвратившаяся въ это мѣсто, туда.... туда, гдѣ.... о, это новая мечта для меня!

И онъ съ услаиваніемъ ладился въ кресла, крѣпко сложилъ руки на грудь и медленными шагами началъ ходить по большой, угрюмой комнатѣ. Черты лица его постепенно принимали свое обычное, холодное и строгое спокойствіе, и Оллей снова казался твердымъ, непоколебимымъ человѣкомъ.

Пашера вовсе не былъ такъ мало дѣятеленъ, какъ казалось Гарлею, или, какъ, можетъ быть, думалъ читатель. Напротивъ того, онъ приготовилъ путь для своего послѣдняго предпріятія со всю неразборчивою въ средствахъ рѣшимостію, которая составляла одно изъ отличительныхъ свойствъ его характера. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы заставить Риккабокка согласиться на женитьбу его съ Виолантой, или, при неудачѣ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ отнять у своего родственника совершенную возможность къ поправленію дѣлъ. Спокойно и втихомолку онъ отыскивалъ, среди самыхъ бѣдныхъ и безнравственныхъ изъ своихъ соотечественниковъ, людей, которыхъ можно бы было принудить къ обличенію Риккабокка въ участіи въ заговорахъ и проискахъ противъ австрійскаго двора. Превія связи его съ карбонаріями доставили ему случай проникнуть въ нихъ убѣжище въ Лондонѣ, и полное знакомство съ характерами людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, совершенно приготовило его для злодѣйскаго замысла, который онъ намѣревался привести въ исполненіе.

Онъ во все это время собралъ уже достаточное число свидѣтелей для своего предпріятія, стараясь вознаграждать численностію тамъ, гдѣ нельзя было похвалиться ихъ личными качествами. Между тѣмъ (какъ Гарлей и предвидѣлъ уже заранѣе) онъ наблюдалъ за каждымъ шагомъ Рандаля; и за день до того, какъ юный измѣнникъ открылъ ему убѣжище Виоланты, онъ уже началъ на слѣдъ жилища ея отца.

Открытіе, что Виоланта находилась подъ кровомъ такого уважаемаго и, по свидѣнію, такого безопаснаго отъ нападеній дома, какъ домъ Ленсмерей, не остановило этого дерзкаго и отчаяннаго авантюриста. Разсмотрѣвъ домъ у Нейтбриджа во всей подробности, онъ нашелъ такое мѣсто, которое, по его соображеніямъ, вполне способствовало бы всякому *coup-de-main*, если бы таковой оказался необходимымъ.

Домъ лорда Ленсмера былъ обнесенъ стѣною, въ которой находилась дверь, выходящая на большую дорогу, и тутъ же комната привратника. Проведи запертые вѣра, съ замочкою по нимъ трешкетю,

обсаженною деревьями. Къ этимъ полямъ вела маленькая калитка, въ которую проходить, обыкновенно, садовники, иди на работу и съ работы. Эта калитка бывала обыкновенно заперта, но замокъ не отличался сложнымъ и замысловатымъ устройствомъ и потому уступилъ бы всякому поддѣльному ключу или слѣсарской отмычкѣ. Все это были такого рода препятствія, которыя опытность и ловкость Пешьеры сочли бы за ничто. Но графъ вовсе не былъ расположенъ употреблять на первый же разъ крутыя и насильственные мѣры. Онъ вѣрилъ собственнымъ дарованіямъ, собственной ловкости; онъ былъ небалованъ частыми побѣдами надъ особами прекраснаго пола, и потому естественно искалъ въ подобныхъ случаяхъ личнаго свиданія; на это онъ рѣшился и теперь, съ своею обыкновенною ловкостью. Описаніе вышности Виоланты, сдѣланное Рандалемъ, и нѣкоторыя подмѣченныя имъ черты ея характера и склонностей, наиболѣе обуславливавшихъ ея поступки, удовлетворяли всѣмъ требованіямъ, которыя графъ на первый разъ могъ сдѣлать.

Между тѣмъ возвратимся къ самой Виолантѣ. Мы видимъ ее сидящею въ саду у Нейтсбряджа, рядомъ съ Геленъ. Мѣсто это удивительно и не видно изъ оконъ дома.

Виоланта. Но отчего же вы не хотите мнѣ рассказать еще что нибудь объ этомъ прошломъ времени? Вы, кажется, еще менѣ искренны, чѣмъ Леонардъ.

Геленъ (*поднявъ голову и съ разстановкою*). Оттого, что мнѣ нечего рассказывать вамъ новаго: вы все уже знаете; это уже давно миновало, и обстоятельства съ тѣхъ поръ много, много перемѣнились.

Тонъ послѣднихъ словъ отзывался грустію и фраза окончилась вздохомъ.

Виоланта (*съ одушевленіемъ*). А какъ я вамъ завидую за это прошлое, о которомъ вы говорите равнодушно! Быть чѣмъ нибудь, даже въ самомъ дѣтствѣ, для образованія благородной природы, перенести на этихъ нѣжныхъ плечахъ половину бремени, даннаго въ удѣлъ мужчине! любоваться, какъ геній спокойно идетъ по гладкому пути жизни, и имѣть право сказать самой себѣ: «Я составляю часть этого генія!»

Геленъ (*съ неудовольствіемъ и смиреніемъ*). Часть! о, нѣтъ! Часть! Я хорошенько не поняла васъ.

Виоланта (*послышавъ*). Да, Геленъ, да, а сужу по собственному сердцу и потому въ состояніи читать въ вашемъ. Подобныя воспоминанія не могутъ изглаживаться. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, повѣрить, какъ причудливо, какъ загадочно рисуется иногда судьба женщины, даже въ самомъ ребячествѣ!—Потомъ она произнесла шепотомъ: «Могъ ли послѣ этого Леонардъ не заслужить вашей привязанности, могъ ли онъ не полюбить васъ, какъ вы его любите — болѣе всего на свѣтѣ?»

Геленъ (*вздрыгнувъ и съ сильнымъ заммшательствомъ*). Перестаньте, перестаньте! Вы не должны говорить мнѣ такъ. Это несправедливо. Я не

могу позволить этого. Я не хочу этого, этого не можетъ быть, никогда не можетъ быть!

Она закрыла на минуту лицо руками и восторгъ машинально опустила ихъ; лицо ея было грустно, но спокойно.

Виоланта. Что это значить! Уже не боитесь ли вы Гарлея — лорда г'Эстренджа? Полноте; вы значить не разгадали еще....

Геленъ (*поспѣшно вставал*). Замогчите, Виоланта: я обѣщана другому.

Виоланта также поднялась съ мѣста и остановилась въ нѣмомъ изумленіи; она была блѣдна какъ кусокъ мрамору, и только исподволь, но съ возрастающей силой прилиwała кровь къ ея сердцу, пока не отразилась на лицѣ ея яркимъ румянцемъ. Она крѣпко сжала руку Геленъ и спросила едва слышнымъ голосомъ:

— Другому! обѣщана другому! Еще одно слово, Геленъ... не ему, по крайней мѣрѣ не Гарлею.... не....

— Я не могу говорить, не должна говорить. Я дала слово! вскрикнула блѣдная Геленъ, и какъ Виоланта выпустила въ эту минуту ея руку, то она посидѣла уйти.

Виоланта безсознательно сѣла на прежнее мѣсто. Она была какъ будто поражена смертельнымъ ударомъ. Она закрыла глаза и съ трудомъ переводила духъ. Болѣзненная слабость овладѣла ею, и когда этотъ припадокъ миновалъ, то ей показалось, что она уже не то существо, какимъ была прежде, что самый міръ, ее окружающій, уже не прежній міръ, — какъ будто она превратилась въ ощущеніе сильной, безвыходной горести, какъ будто вселенная стала мертвой, безлюдной пустыней. Такъ мало принадлежимъ мы вещественному міру, — мы, люди, одаренные плотью и кровью: отнимите у насъ вдругъ одну неосозаемую, летучую мечту, которую делѣла душа наша, и вотъ свѣтъ для насъ меркнетъ, и солнце сіяетъ непривѣтно, и узы, связывающія насъ со всѣмъ существующимъ, распадаются и все повергается въ бездну забвенія и смерти, кромѣ самаго страданія.

Такъ сидѣла Виоланта, грустная и безмолвная, не произнося ни слова ропота, не выронивъ ни слезы отчаянія; только отъ времени до времени она проводила рукою по лицу, какъ будто желая прогнать какую-то мрачную мысль, которая не хотѣла ее покинуть, или тяжело вѣдыхала, какъ бы желая освободиться отъ тяжкаго бремени, которое легло ей на сердце. Бываютъ минуты въ жизни, когда мы говоримъ сами себѣ: «Все кончено; ничто не въ состояніи измѣнить моей судьбы; все пропало навѣки, безвозвратно.» И въ это время сердце наше какъ будто вторитъ нашимъ словамъ, какъ будто повторяетъ: «навѣки, безвозвратно пропало!»

Пока Виоланта сидѣла такимъ образомъ, какой-то незнакомецъ, тихо пробравшись сквозь чащу деревь, остановился между нею и заходящимъ солнцемъ. Она не замѣтила незнакомца. Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ тихо заговорилъ на ея родномъ языкѣ, назвавъ ее по

имени, которое она носила въ Италіи. Онъ говорилъ тоненькимъ блаженнымъ знакомымъ и извинялся въ своемъ неожиданномъ приходѣ.

— Я явился здѣсь, прибавилъ онъ, въ заключеніе: — чтобы доставить дочери средства возвратитъ своему отцу отечество и всѣ его почести.

При словѣ «отецъ» Виоланта поднялась съ мѣста, и вся ея любовь къ этому отцу заговорила въ ней съ удвоенною силой. Всегда случается такъ, что мы начинаемъ любить своихъ родственниковъ наиболее въ ту минуту, когда узы, привязывающія насъ къ нимъ, готовы разорваться, и когда совѣсть начинаетъ чаще повторять намъ: «Вотъ, по крайней мѣрѣ, та любовь, которая тебя никогда не обманывала!»

Она видѣла передъ собою человѣка кроткаго съ виду и съ изящными манерами. Пешьера — ибо это былъ онъ — отнялъ у своего костюма, точно такъ же, какъ у своей виѣшности, все то, что могло бы обличать непостоянство его нравственныхъ правилъ. Онъ игралъ прекрасно свою роль и, разъ избравъ ее, совершенно вошелъ въ ея характеръ.

— Мой отецъ! сказала она поспѣшно по итальянски. — Какое вамъ дѣло до моего отца? И кто вы сами, синьоръ? Я васъ не знаю.

Пешьера снисходительно улыбулся и отвѣчалъ тономъ, въ которомъ глубокое уваженіе сглаживалось нѣкоторымъ родомъ родственной нѣжности:

— Позвольте мнѣ объясниться, и удостойте меня выслушать.

Потомъ, сѣвъ на скамью, возлѣ нея, онъ сталъ смотрѣть ей прямо въ глаза и началъ такимъ образомъ:

— Вы, безъ сомнѣнія, слышали о графѣ Пешьера?

Виоланта. Я слышала это имя еще въ Италіи, бывъ ребенкомъ. И когда дама, у которой я тогда жила — тетя моего отца — замолгла и потомъ скончалась, то мнѣ сказали, что у меня нѣтъ болѣе пріюта въ Италіи, что домъ нашъ достался графу Пешьера — врагу моего отца.

Пешьера. И вашъ батюшка съ тѣхъ поръ старался внушать вамъ ненависть къ этому мнимому врагу?

Виоланта. Да, то есть отецъ мой запрещалъ мнѣ вовсе прошептывать имя этого человѣка.

Пешьера. Жаль! сколько лѣтъ страданій и изгнаній не существовали бы для вашего отца, если бы онъ былъ хоть немного справедливей въ отношеніи къ своему старинному другу и родственнику.... да, если бы онъ хоть не такъ упорно сокращалъ тайну своего мѣстопробыванія. Преступное дѣя, я тотъ самый Джуліо Франчини, графъ Пешьера, о которомъ вы слышали. Я тотъ человѣкъ, на котораго васъ научили смотрѣть, какъ на врага вашего отца. Я тотъ человѣкъ, которому австрійскій императоръ пожаловалъ его имѣніемъ. Теперь судите сами, дѣйствительно ли я врагъ его. Я пріѣхалъ сюда съ цѣлію отмстить вашего отца и предоставить въ его пользу земли, пожалован-

стал мнѣ императоромъ. Мною руководило единственное желаніе оправдать Альфонса въ его правахъ въ отечествѣ и возвратить ему его наследство, которое было отдано мнѣ, противъ моего желанія.

Визоланта. Батюшка, милый батюшка! Его благородное сердце опять узнаетъ крепость свободы. О, это великодушная мечь, неприменъ, достойная подражанія. Я исполнѣ помню ея, сеньоръ; ее вновь свидѣннѣ и, мой батюшка, потому что онъ тоже такимъ же образомъ отмытъ бы я вамъ, если бы представился къ тому случай. Вы видѣлись уже съ нимъ?

Пенъбера. Нѣтъ; нѣтъ еще. Да я не старался его видѣть прежде, чѣмъ не увижу васъ, потому что собственно вы одна можете располагать его судьбою, точно такъ же, какъ и моею.

Визоланта. Я.... графъ? Я.... располагать судьбою моего отца? Можетъ ли это быть!

Пенъбера *(со взоромъ, въ которомъ изображается состраданіе, омываемое съ восторгомъ, и тономъ родственной кѣжкости)*. Привлекательна, усладительна ваша невинная радость, но не сдѣлите предаваться ей. Можетъ быть, отъ васъ потребуютъ жертвы — жертвы для васъ слишкомъ тяжелой. Не прерывайте меня. Выслушайте хорошенько, и тогда вы поймете, почему я не хотѣлъ говорить съ вашимъ батюшкой прежде, чѣмъ не увижусь съ вами. Вы убѣдитесь, что одно ваше слово можетъ даже и теперь «оставить меня избѣжать вовсе встрѣчи съ нимъ. Вы, конечно, знаете, что вашъ отецъ былъ однимъ изъ предводителей партіи безумцевъ. Я самъ былъ жаркимъ участникомъ въ этомъ предпріятіи. Въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ я открылъ, что нѣкоторые изъ дѣятельнѣйшихъ сообщниковъ къ патриотическимъ планамъ принимали какіе-то злодѣйскіе замыслы. Мнѣ хотѣлось переговорить съ вашимъ отцомъ, но насъ раздѣляло большое разстояніе. Вскорѣ я узналъ, что онъ заочно присужденъ къ смертной казни. Нельзя было терять ни минуты. Я рѣшился на отчаянное предпріятіе, которое навлекло на меня подозрѣніе съ его стороны и ненависть многихъ соотечественниковъ. Моею единственною мыслию было спасти его, стараго друга, отъ смерти и отечество отъ безполезнаго кровопролитія. Я уклонился отъ плава возмущенія. Я спѣшилъ представиться главѣ австрійскаго правительства въ Италиі и выпросилъ помилованіе Альфонсу и другимъ предводителямъ партіи, которые въ противномъ случаѣ погибли бы на эшафотѣ. Я получилъ позволеніе лично заняться участіемъ моего друга, доставить его изъ всякой опасности, удалить его за границу, подъ видомъ изгнанія, которое должно было окончиться, когда бы опасность миновала. Но, къ несчастію, онъ вообразилъ, что я стараюсь погубить его. Онъ убѣжалъ отъ моихъ дружескихъ преслѣдованій. Солдаты мои вступили въ ссору съ какимъ-то англичаниномъ, который сталъ вмешиваться въ свое дѣло; вашъ отецъ убѣжалъ изъ Италиі и скрылъ свое мѣстопрѣбываніе; поступокъ этотъ совершенно лишилъ меня возможности выпросить ему прощаніе. Правительство предоставило мнѣ половину его

нѣнія, удержавъ другую половину въ свою пользу. Я принялъ это вознагражденіе съ цѣлію отворотить полную конфискацію его достоинства. Съ тѣхъ поръ я постоянно искалъ его, но не могъ никакъ открыть его мѣстопробываніе. Я не переставалъ также хлопотать о его возвращеніи. Только въ нынѣшнемъ году мнѣ посчастливилось. Ему будутъ восстановлены права наслѣдства и прежнее званіе, но съ обезпеченіемъ, которое правительство считаетъ нужнымъ для убѣжденія въ искренности его намѣреній. Обезпеченіе это названо правительствомъ: оно состоитъ въ союзѣ его единственной дочери съ такимъ лицомъ, которому правительство можетъ вѣряться. Интересы итальянской аристократіи требовали, чтобы такая старинная и извѣстная фамилія не лишилась вовсе представителя и не перешла въ боковую линію, то есть, чтобы вы соединились бракомъ съ однимъ изъ своихъ родственниковъ. Подобный родственникъ, единственный и ближайшій уже отыскался. Короче сказать, Альфонсо возвратитъ все, что потерялъ, въ тотъ самый день, когда дочь его отдастъ руку Джуліо Франчини, графу Пешьера. А! продолжалъ графъ, съ грустію: — вы трепещете, вы готовы отказаться. Значитъ человекъ, названный мною, недостоинъ васъ. Вы только что вступили въ весеннюю пору жизни, а онъ уже достигъ осени жизни. Юность сочувствуетъ только юности. Но онъ и не рассчитываетъ на вашу любовь. Все, что онъ находитъ сказать въ свою пользу — это то, что любовь не есть единственная услуга для сердца: не менѣе усладительно избавить отъ нищеты и бѣдствій много для насъ отца, возвратитъ ему наслѣдіе предковъ, въ числѣ которыхъ считается такъ много героевъ, незабвенныхъ для всѣхъ истинныхъ патриотовъ. Вотъ тѣ наслажденія, которыя я предлагаю вамъ, — вамъ, какъ дочери и какъ итальянкѣ. Вы все еще молчите! О, говорите, говорите же, ради Бога!

Замѣтно было, что графъ Пешьера хорошо умѣлъ овладѣть умомъ и сердцемъ дѣвушки. Притомъ графъ умѣлъ избрать самую благоприятную минуту. Гарлей былъ уже потерянъ для ея надеждъ и слово любви уже исчезло съ языка ея. Вдали отъ свѣта и людей только образъ отца представлялся ей яснымъ и замѣтнымъ. Виоланта, которая съ самаго дѣтства научилась переносить всѣ лишения, съ цѣлію помогать своему отцу, которая сначала мечтала о Гарлей, какъ о другѣ этого отца, могла возвратитъ теперь изгнаннику все, о чемъ онъ выдыхалъ такъ часто, и для этого должна была пожертвовать собою. Самопожертвованіе для души благородной имѣетъ, уже независимо отъ другихъ отношеній, много своей собственной прелести. Но при всемъ томъ теперь, посреди смѣтенія и замѣнательства, овладѣвшихъ ея умомъ, мысль о замужствѣ съ другимъ казалась ей такою ужасною и противною ея стремленіямъ, что она едва могла привыкнуть къ ней; притомъ же внутреннее чувство откровенности и чести, составлявшихъ отличительныя черты ея характера, предостерегало ея неопытность и какъ будто подсказывало, что въ этомъ предложеніи незнакома была какой-то тайный, неблагоприятный для нея смыслъ.

Однако, графъ съ своей стороны убѣждалъ ее отвѣчать; она собралась съ духомъ и произнесла нерѣшительно:

— Если это такъ, какъ вы говорите, то отвѣтъ должна дать не я, а мой отецъ.

— Прекрасно! возразилъ Пешьера. — Но позвольте мнѣ вамъ на этотъ разъ противорѣчить. Неужели вы такъ мало знаете своего отца, чтобы подумать, что онъ предпочтетъ свои интересы своему убѣжденію въ собственномъ долгѣ? Онъ, можетъ быть, откажется даже принять меня — выслушать мои объясненія; тѣмъ болѣе онъ откажется искупить свое наслѣдство, пожертвовавъ своею дочерью тому, кого онъ считалъ своимъ врагомъ и разнища дѣть котораго съ вашими заставить свѣтъ говорить, что честолюбіе сдѣлало его торгашемъ. Но если бы я пошелъ къ нему съ вашего позволенія, если бы я могъ сказать ему, что его дочь не остановится передъ тѣмъ, что отецъ ея считаетъ пренятствіемъ, что она добровольно согласилась принять мою руку, что она готова соединить свою судьбу съ моею, свои молитвы о счастіи родителя съ моими, — тогда я не сомнѣвался бы въ успѣхѣ: Италия извинила бы мои заблужденія и стала бы благословлять ваше имя. Ахъ, свнборина, не считайте меня ничѣмъ другимъ, какъ простымъ лишь орудіемъ для выполненія такого высокаго и священнаго долга: подумайте о вашихъ предкахъ, вашемъ отцѣ, вашей родинѣ и не пропустите благоприятнаго случая доказать, въ какой мѣрѣ вы почитаете всѣ эти священные имена.

Сердце Виоланты было затронуто за самую чувствительную струну. Она приводила голову. Краска снова показалась на ея блѣдномъ долгѣ лицѣ — она повернулась во всемъ блескѣ красоты къ коварному искусителю. Она готова уже была отвѣчать и рѣшить навсегда свою участь, когда вдругъ не вдалекѣ раздался голосъ Гарлея; Перонъ съ прыжками подбѣжалъ къ ней и помѣстился потомъ съ совершенною фамильярностію между нею и Пешьера; графъ отскочилъ назадъ, и Виоланта, которой глаза все еще были устремлены на его лицо, вдрогнула при видѣ перемѣны, которая произошла на этомъ лицѣ. Одной вспышки бѣшенства было довольно, чтобы выказать мрачныя стороны его натуры — то было лицо пораженнаго гладіатора. Онъ успѣлъ лишь произнести нѣсколько словъ.

— Я не хочу, чтобы меня здѣсь видѣли, проговорилъ онъ: — по завтра — въ этотъ же садъ — въ этотъ же самый часъ. Я умоляю васъ, для блага вашего отца, во имя его надеждъ, благополучія, самой жизни, сохранять тайну этого свиданія и опять встрѣтиться со мною. Прощайте!

Онъ исчезъ между деревьями такъ же тихо, таинственно, какъ и пришелъ оттуда.

Последнія слова Пешьера еще раздавались въ ушахъ Виоланты, когда появился Гарлей. Звукъ его голоса развѣялъ безотчетный, но не менѣе того сильный страхъ, который овладѣлъ сердцемъ дѣвушки. При этомъ звукѣ къ ней воротилось сознаніе той великой потери, ко-

торая ее ожидала; жало нестерпимой тоски проникло въ ея сердце. Встрѣтиться съ Гарлеемъ здѣсь, въ такомъ положеніи ей казалось невыносимымъ; она встала и быстро пошла къ дому. Гарлей назвалъ ее по имени, но она не отвѣчала и только ускорила свои шаги. Онъ остановился на минуту въ удивленіи и потомъ поспѣшилъ за нею.

— Подъ какимъ неблагопріятнымъ созвѣдіемъ я пришелъ сюда? весело сказалъ онъ, положивъ свою руку къ ней на плечо. — Я спросилъ Галею — она нездорова и не можетъ меня принять. Я отправляюсь насладиться вашимъ обществомъ — и вы бѣжите отъ меня, какъ отъ существа зловѣщаго. Дитя мое! дитя мое! что это значитъ? Вы плачете!

— Не останавливайте меня теперь, не говорите со мною, отвѣчала Виоланта, прерывающаяся отъ рыданій голосомъ, освобождаясь между тѣмъ отъ его руки и стараясь убѣжать по направленію къ дому.

— Неужели васъ постигло горе здѣсь, подлѣ кровомъ моего отца, — горе, въ которомъ вы не хотите мнѣ признаться? Вы жестоки! вскричалъ Гарлей, съ невыразимой нѣжностью упрека, которую были проникнуты слова его.

Виоланта не имѣла силъ отвѣчать. Стыдясь своей слабости, подчинилась вліянію кроткаго, убѣждающаго голоса Гарлея, она желала въ эту минуту, чтобы земля поглотила ее и забавила отъ этого тагостнаго замѣшательства. Наконецъ, отеревъ слезы съ замѣтнымъ усиленіемъ, она отвѣчала почти покойно:

— Благородный другъ, простите меня. У меня нѣтъ такого гора, повѣрьте мнѣ, которое... которое я могла бы открыть вамъ. Я думала только о моемъ батюшкѣ въ ту минуту, когда вы пришли. Можетъ быть, что опасенія мои насчетъ его были совершенно напрасны, ни на чемъ не основаны; но при всемъ томъ, одна лишь неожиданность, ваше внезапное появленіе вовлекли меня въ подобное ребячество и слабость; но мнѣ хочется увидѣться съ батюшкой! отправиться домой, непременно домой!

— Вашъ батюшка здоровъ, повѣрьте мнѣ, и очень доволенъ, что вы здѣсь. Опасность ни откуда не угрожаетъ ему, и вы сами совершенно въ безопасности.

— Въ безопасности... отъ чего?

Гарлей задумался. Ему хотѣлось открыть ей опасность, въ которой отецъ не признался ей; но какое право имѣлъ онъ дѣйствовать противъ воли ея отца?

— Дайте мнѣ время подумать, сказалъ онъ: — и получить позволеніе открыть вамъ тайну, которую, по моему мнѣнію, вы должны узнать. Во всякомъ случаѣ, могу сказать одно, что, преувеличивая опасность, которая будто бы васъ ожидаетъ, вашъ батюшка навѣрнѣе вамъ избрать защитника — въ лицѣ Рандаля Десли.

Виоланта вздрогнула.

— Но, продолжалъ Гарлей, съ спокойствіемъ, въ которомъ противъ его воли проглядывала какая-то глубокая грусть: — но я увѣренъ, что

вамъ предназначена боже счастливая судьба и замужство съ человекомъ боже благороднымъ. Я рѣшился уже посвятить себя общей всѣмъ намъ дѣятельной практической жизни. Но все-таки для васъ, прелестное дитя мое, я останусь пока по прежнему мечтателемъ.

Виоланта обратила въ эту минуту глаза на печальнаго утѣшителя. Взоръ его проникъ въ сердце Гардея. Онъ невольно опустил голову. Когда онъ вышелъ изъ раздумья, Виоланты уже не было воокаъ него. Онъ не старался догнать ее, но пошелъ назадъ и вскорѣ скрылся посреди деревьевъ, лишенныхъ листьевъ.

Часть сутокъ онъ опять вошелъ въ домъ и пожелалъ видѣть Геленъ. Геленъ теперь уже оправилась и могла къ нему выйти.

Онъ встрѣтилъ ее съ важною и серьезною нѣжностію.

— Милая Геленъ, сказалъ онъ : — вы согласились быть моею женою, кротною спутницею моею жизни; пусть это будетъ рѣшено скорѣе, потому что я нуждаюсь въ васъ. Я чувствую необходимость скорѣе войти въ этотъ неразрывный союзъ. Геленъ, позвольте мнѣ просить васъ назначить время нашего брака.

— Я слишкомъ много вамъ обязана, отвѣчала Геленъ, потупивъ взоръ : — слишкомъ много, чтобы не исполнить вашей воли. Но ваша матушка, прибавила она, можетъ быть съ надеждою отдалить развѣкъ : — ваша матушка еще не....

— Матушка... это правда. Я сначала объяснюсь съ нею. Вы увидите, что мое семейство съумѣетъ оцѣнить ваши прекрасныя свойства. Геленъ, кстати, говорили вы Виолантѣ о нашей свадьбѣ?

— Нѣтъ; я боюсь, впрочемъ, что, можетъ быть, заставила ее догадаться, несмотря на запрещеніе леди Лэнсмеръ; но....

— Такъ значить леди Лэнсмеръ запретила вамъ говорить объ этомъ Виолантѣ. Этого не должно быть. Я отвѣчаю за ея разрѣшеніе отиѣнить подобное распоряженіе. Того требуетъ вашъ долгъ въ отношеніи къ Виолантѣ. Разскажите все вашему другу. Ахъ, Геленъ, если я бываю иногда холоденъ или разсѣянъ, простите мнѣ это, простите меня; вѣдь вы меня любите, не правда ли?

ГЛАВА СІХ.

— Поднеси свѣчку поближе, сказалъ Джонъ Борлей : — еще поближе.

Леонардъ повиновался и поставилъ свѣчку на маленькій столикъ у изголовья больного.

Умъ Борлея былъ уже замѣтно разстроень, но въ самомъ бреду его была нѣкоторая послѣдовательность. Гораций Вальполь говорилъ, что «желудокъ его переживетъ его». То, что пережило въ Борлеѣ все остальное, былъ его неукротимый геній. Борлей задумчиво посмотрѣлъ на тихо пылавшій огонь свѣчи.

— Вотъ что никогда не умираетъ , произнесъ онъ : — что живетъ вѣчно!

— Что такое?

— Свѣтъ! — Борлей проговорилъ это съ какимъ-то усиленіемъ и, отвернувшись отъ Леонарда, сталъ опять смотрѣть на пламя. — Въ центральномъ свѣтилѣ мірозданія, въ томъ великомъ солнцѣ, которое озаряетъ полъ-вселенной, и въ грошевой лампѣ голоднаго писака блещитъ одинъ и тотъ же цвѣтъ стихій. Свѣтъ — въ мірозданіи, мысль — въ душѣ... ахъ! ахъ! полно съ своими сравненіями! Погаси свѣчку! Но ты не можешь угасить свѣта; глупецъ, онъ убѣгаетъ твоихъ глазъ, но продолжаетъ озарять пространство. Погибнуть міры, солнца совратятся съ путей своихъ, матерія и духъ обратятся въ ничто прежде, чѣмъ явленія, которыя порождаютъ это ничтожное пламя, исчезающее отъ дуновенія ребенка, теряютъ способность производить новый свѣтъ. Да и могутъ ли они потерять эту способность! Нѣтъ, это *необходимость*, это долгъ на пути творенія! — Борлей грустно улыбаулся и отвернулся на нѣсколько минутъ къ стѣнѣ.

Это была вторая ночь, которую Леонардъ проводилъ безъ сна у наговля больного. Положеніе Борлея замѣтно становилось хуже и хуже. Немного дней, можетъ быть нѣсколько часовъ оставалось ему жить.

— Я боюсь, не развратилъ ли я тебя худымъ примѣромъ, сказалъ онъ, съ нѣкоторымъ юморомъ, который превратился въ насмѣхъ, когда онъ прибавилъ : — эта мысль терзаетъ меня!

— О, нѣтъ, нѣтъ, вы сдѣлали мнѣ много добра.

— Говори это, повторяй это чаще, сказалъ Борлей, съ важнымъ видомъ : — отъ этого мнѣ легко дѣлается на сердцѣ.

Онъ выслушалъ исторію Леонарда съ глубокимъ вниманіемъ и охотно заговаривалъ съ нимъ о маленькой Геленъ. Онъ угадалъ сердечную тайну молодого человѣка и ободрялъ его надежды, скрывавшіяся за длиннымъ рядомъ опасеній, отчаянія и грусти. Борлей никогда не заводилъ серьезно рѣчи о своемъ раскаяніи; не въ его характерѣ было говорить съ должною важностію о вещахъ, которыя къ высокому значенію онъ наиболѣе сознавалъ.

— Я однажды смотрѣлъ, началъ онъ : — на корабль во время бури. День былъ мгlistый, мрачный, и корабль, со всеми своими мачтами, представлялся мнѣ взорамъ въ борьбѣ съ волнами на смерть. Наступила темная ночь, и я могъ только нарѣдка находить его на мрачномъ фонѣ бурной картины. Къ разсвѣту появились звѣзды: я снова увидѣлъ корабль... онъ уже былъ разбитъ совершенно... онъ шелъ ко дну точно такъ же, какъ потухали одна за другою звѣзды на небѣ.

Въ этотъ вечеръ Борлей вообще былъ въ хорошемъ расположеніи духа и говорилъ много съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ и юморомъ. Между прочимъ онъ упомянулъ съ замѣтнымъ участіемъ о поэтическихъ опытахъ и разныхъ другихъ рукописныхъ сочиненіяхъ, оставленныхъ въ домѣ какимъ-то прежнимъ жильцомъ.

— Я сталъ было писать для развлеченія романъ, заимствуя содержаніе изъ этихъ матеріаловъ, сказалъ онъ. — Они могутъ послужить и тебѣ въ пользу, собрать по ремеслу. Я сказалъ уже мистриссъ Гудайеръ, чтобы она отнесла эти бумаги къ тебѣ въ комнату Между ними есть дневникъ — дневникъ женщины; онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Страницы этого дневника напомнили мнѣ бурныя происшествія моей собственной жизни и великія міровыя катастрофы, совершавшіяся въ этотъ періодъ времени. Въ этой хроникѣ, о юный поэтъ, было столько генія, силы мысли и жизненности, разработанныхъ, развитыхъ, сколько потратилъ, разбросалъ ихъ по свѣту одинъ негодникъ, по имени Джонъ Борлей!

Леонардъ стоялъ у постели больного, а мистриссъ Гудайеръ, не обращавшая особеннаго вниманія на слова Борлея и думавшая только о физической сторонѣ его существа, мочила въ холодной водѣ перевязки, намѣреваясь прикладывать ему къ головѣ. Но когда она подошла къ больному и стала уговаривать его употребить ихъ въ дѣло, Борлей приподнялся и оттолкнулъ ихъ.

— Не нужно, сказалъ онъ лавинически и недовольнымъ голосомъ: — мнѣ теперь лучше. Я и этотъ усладительный свѣтъ понимаю другъ друга; я вѣрю всему, что онъ говоритъ мнѣ Да, да, я еще не совсѣмъ помѣшался.

Онъ смотрѣлъ такъ ласково, такъ вѣжно въ лицо доброй женщины, любившей его какъ сына, что она зарыдала. Онъ привлекъ ее къ себѣ и поцаловалъ ее въ лобъ.

— Перестань, перестань, старушка, сказалъ онъ, съ чувствомъ. — Не забудь разсказать послѣ нашимъ, какъ Джонъ Борлей то-и-дѣло удили одноглазого окуня, который ему, однако, не дался, и когда у него не стало прикормки и леса морвалась, какъ ты помогала бѣдному рыбаку. Можетъ быть, найдется еще на свѣтѣ нѣсколько добрыхъ людей, которые съ удовольствіемъ услышатъ, что бѣдный Борлей не ожогъ гадъ нибудь въ оврагѣ. Поцалуй меня еще разъ, и ты, добрый мальчикъ, тоже. Теперь, Богъ да благословитъ васъ, оставьте меня мнѣ нужно уснуть.

Борлей опустилса на подушки. Старушка хотѣла унести свѣчу. Онъ повернулся съ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пробормоталъ онъ: — пусть будетъ передо мной свѣтъ до послѣдней минуты.

Протянувъ руку, онъ откинулъ въ сторону и занавѣсъ кровати, такъ что свѣтъ напалъ ему прямо въ лицо. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ, дыша спокойно и правильно какъ ребенокъ.

Старушка отерла слезы и вывела потихоньку Леонарда въ сосѣдную комнату, гдѣ для него была приготовлена постель. Онъ не выходилъ изъ дому съ тѣхъ поръ, какъ явился туда съ докторомъ Морганомъ.

— Вы молоды, сэръ, сказала она: — а молодымъ сонъ необходимъ. Прилягте немножко; я васъ позову, когда онъ проснется.

— Нѣтъ, я не могу спать, я буду вѣнато васъ сидѣть у постели больного.

Старушка покачала головою.

— Я должна присутствовать при немъ въ послѣднія минуты его жизни; я знаю, впрочемъ, что онъ будетъ очень недоволенъ, когда, открывъ глаза, увидитъ меня передъ собою, потому что въ послѣднее время онъ сдѣлался очень заботливымъ въ отношеніи къ другимъ.

— Ахъ, если бы онъ столько же думалъ о самомъ себѣ! проговорилъ Леонардъ.

Онъ сѣлъ при этомъ къ столу, опершись на который, онъ разбросалъ бумаги, лежавшія тамъ. Онѣ упали на полъ съ глухимъ унылымъ звукомъ, напоминаяшимъ вѣдохъ.

— Что это? сказалъ онъ, вставая.

Старушка подняла рукояси и бережно отерла ихъ.

— Ахъ, сэръ, онъ просилъ меня положить сюда эти бумаги. Онъ думалъ, что вы развѣчетесь или въ случаѣ, если бы вамъ пришлось сидѣть у его постели и не спать. Онъ подумалъ также и обо мнѣ, потому что мнѣ такъ жаль было расставаться съ молодой леди, которой нѣтъ уже нѣсколько лѣтъ. Она была почти мнѣ столько же дорога, сколько и онъ, можетъ быть даже дороже до нынѣшняго времени.... когда... мнѣ приходится скоро потерять его.

Леонардъ отвернулся отъ бумагъ, не обративъ никакого вниманія на ихъ содержаніе; онѣ же представляли ему въ подобную минуту ничего любопытнаго.

Старушка продолжала:

— Можетъ быть, она только предшествовала ему на небеса; она и смотрѣла жилищей на бѣломъ свѣтѣ. Она оставила насъ неожиданно. Отъ нея осталось много вещей, кромѣ этихъ бумагъ. Вы никогда не слышали о ней, сэръ? прибавила она, съ какой-то наивностью.

— О ней? о комъ это?

— Развѣ мистеръ Джонъ не называлъ вамъ ее по имени.... ее, мою малую.... дорогу.... мистриссъ Бертрамъ.

Леонардъ вздрогнулъ: это было то самое имя, которое замечательность въ его памяти со словъ Гардея г'Эстремда.

— Бертрамъ! повторилъ онъ: — и вы въ этомъ уфрены?

— О, да, сэръ! А нѣсколько лѣтъ послѣ того она оставила насъ, и мы о ней болѣе ничего не слышали; потомъ приелантъ былъ на ее имя пакетъ изъ за моря, сэръ. Мы получили его, и Борлей старался распечатать его, чтобъ узнать что нибудь изъ этихъ бумагъ; но все было написано на какомъ-то иностранномъ языкѣ, такъ что мы не могли прочитатъ ни слова.

— Не у васъ ли еще этотъ пакетъ? Пожалуста, покажите мнѣ его. Онъ можетъ быть очень важенъ. Завтра все объяснится; теперь же я не въ состояніи объ этомъ и думать. Бѣдный Борлей!

Посреди размышленій, въ которыя Леонардъ за тѣмъ погружился, слабый крикъ поразилъ слухъ его. Онъ вдрогнулъ и съ предчувст-

вѣсть чего-то дурного бросился въ сосѣдную комнату. Старушка стояла на колѣняхъ у постели, держа руку Борлея и съ грустью смотря ему въ лицо. Леонарду было довольно одного взгляда. Все было кончено: Борлей заснулъ на вѣки, заснулъ спокойно, безъ ропота и стечаній.

Глаза его были полу-открыты, съ выраженіемъ того душевнаго мира, который иногда смерть оставляетъ за собою; они все еще были обращены къ свѣту; свѣчи горѣли ярко. Леонардъ опустилъ зававѣси кровати, и когда сталъ покрывать лицо покойнаго, замкнутыя уста Борлея, какъ будто улыбаясь, промывосили послѣднее прощаніе.

Леонардъ стоялъ возлѣ праха своего друга и старался уловить на лицѣ его, въ загадочной предсмертной улыбкѣ, послѣдній проблескъ души, который еще не заглядился тамъ совершенно; потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, онъ вышелъ въ сосѣдную комнату такъ тихо и осторожно, какъ будто боялся разбудить уснушаго. Несмотря на утомленіе, которое онъ испытывалъ, онъ не думалъ о снѣ. Онъ сѣлъ къ маленькому столу и, склонивъ голову на руку, погружился въ печальныя размышленія. Между тѣмъ время проходило. Внизу пробѣгли часы. Въ домѣ, гдѣ лежитъ тѣло покойника, самый звукъ часовъ получаетъ какой-то торжественный характеръ. Душа, которая только что оставила этотъ міръ, улетѣла далеко за предѣлы времени. Безотчетный, суевѣрный страхъ сталъ постепенно овладѣвать молодымъ человѣкомъ. Онъ вадрогнулъ и съ какимъ-то усиленіемъ подвѣлъ глаза къ небу. Мѣсяцъ уже скрывался на сводѣ небесномъ: сѣрый, туманный отблескъ разсвѣта едва проникалъ сквозь оконныя стекла въ комнату, гдѣ стояло тѣло. Тамъ, близъ угасающаго камина, Леонардъ замѣтилъ женщину, тихо рыдающую и забывшую, казалось, о снѣ. Онъ подошелъ къ ней сказать нѣсколько словъ утѣшенія; она пожала его руку и попросила оставить ее. Леонардъ понялъ ее. Она не искала другого утѣшенія, кромѣ облегченія, которое приносилъ ей слезы. Онъ опять воротился въ свою комнату, и глаза его остановились въ эту минуту на бумагахъ, которыхъ онъ до тѣхъ поръ не замѣчалъ. Отчего же сердце его перестало биться при этомъ? отчего кровь закидѣла у него въ жилахъ? Почему онъ схватилъ эти бумаги трепетною рукою, положилъ ихъ опять на столъ, остановился, какъ будто желая собраться съ силами, и опять обратилъ все свое вниманіе на эти листки? Онъ узналъ тутъ памятный для него почеркъ, тѣ красивыя, изящныя буквы, отдѣчавшіяся какою-то особенною женственною граціей, одинъ взглядъ на которыя составилъ для него эпоху еще въ годы дѣтства. При видѣ этихъ страницъ образъ таинственной Норы снова представился ему. Онъ ощутилъ присутствіе матери. Онъ подошелъ къ двери, осторожно затворилъ ее, какъ будто нѣвъ зависти ко всякому постороннему существованію, которое бы вздумало проникнуть въ этотъ міръ тѣней, какъ будто желая быть наединѣ съ своимъ призракомъ. Мысль, написанная въ пору свѣжей, ясной жизни, возникающая вновь передъ нами въ то уже время, когда рука, налагавшая ее, и сердце, сочувствовав-

ше ей, давно превратились въ прахъ, становится настоящимъ призракомъ.

Всѣ эти бумаги, лежавшія теперь въ безпорядкѣ, были когда-то сшиты; онѣ распались, по видимому, въ рукахъ неосторожнаго Борлея; но и теперь послѣдовательность ихъ могла быть скоро опредѣлена. Леонардъ тотчасъ понялъ, что это составляло родъ журнала, — впрочемъ, не настоящій дневникъ въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ въ немъ не всегда говорилось о происшествіяхъ какого нибудь дня; здѣсь случались пропуски во времени и вообще не было непрерывнаго повѣствованія. Иногда, вмѣсто прозы, тутъ попадались нѣсколко набросанные стихотворные отрывки, вылившіеся прямо изъ чераца; иногда разсказъ оставался неочерченнымъ вполнѣ, а лишь обозначался одною рѣзкою частностью, однимъ восклицаніемъ горя или радости. Повсюду вы нашли бы тутъ отпечатки натуры въ высшей степени воспримчивой, и неадѣ, гдѣ гений проявлялся здѣсь, то облекался въ такую безъискусственную форму, что вы не назвали бы все это произведеніемъ гения, а скорѣе — мгновеннаго душевнаго движенія, отдѣльнаго впечатлѣнія. Авторъ дневника не говорилъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Дневникъ начинался описаніями и короткими разговорами, веденными такими лицами, имена которыхъ были означены начальными буквами. Все сочиненіе отличалось простою, чистосердечною свѣжестью и дышало чистотою и счастіемъ, точно небосклонъ при восхожденіи солнца. Юноша и дѣвица скромнаго происхожденія, послѣдняя почти еще ребенокъ, оба самоучки, странствуютъ по вечерамъ въ субботу по полямъ, покрытымъ росой, вблизи суетливаго города, въ которомъ постоянно кипитъ дѣятельность. Вы тотчасъ замѣчаете, хотя писавшій, кажется, не хотѣлъ выразить этого, какъ воображеніе дѣвушки паритъ къ небесамъ, далеко за предѣлы понятій ея спутника. Онъ лишь предлагаетъ вопросы, отвѣчаетъ она; и при этомъ вы невольно убѣждаетесь, что юноша любитъ дѣвицу, хотя любить неясно. Леонардъ узнаетъ въ этомъ юношѣ неотесаннаго, недоучившагося грамотѣя, деревенскаго воэта Марка Ферфильда. Потому повѣствованіе прерывается; слѣдуютъ отдѣльныя мысли и замѣтки, которыя указываютъ уже на дальнѣйшее развитіе понятій въ авторѣ; на зрѣлость его возраста. И хотя отгѣнокъ простосердечія остается, но признаки счастья блѣднѣе и блѣднѣе отпечатлѣваются на страницахъ.

Леонардъ нечувствительно пришелъ къ убѣжденію, что жизнь автора вступала съ этого времени въ новую фазу. Здѣсь не представлялись уже болѣе сцены скромной, рабочей деревенской жизни. Какой-то прекрасный, загадочный образъ является въ описаніи субботнихъ вечеровъ. Нора любитъ представлять этотъ образъ: онъ постоянно присущъ ея гению, онъ овладѣваетъ ея фантазіей; это такой образъ, который она, будучи отъ природы одарена художественнымъ тактомъ, признаетъ принадлежащимъ роскошной, возвышенной сферѣ изящнаго. Но сердце дѣвицы еще не проснулось для чувства. Но

ный образъ, созданный ею, кажется однихъ съ нею лѣтъ; можетъ быть, онъ даже моложе, потому что здѣсь описывается мальчикъ съ роскошными, прелестными кудрями, съ глазами, никогда не задернутыми облакомъ грусти и взирающими на солнце прямо, подобно главамъ орленка, — съ жилами до того полными кипучей крови, что въ минуты радости кровь эта готова, кажется, брызнуть съ перлами, дрожащими при мысли о славѣ, съ откровенною, неспорченною душою, возвышающеюся надъ предразсудками свѣта, котораго она почти не знаетъ. Леонарда сильно интересовало, кто бы могъ быть этотъ мальчикъ. Но онъ боялся вмѣстѣ съ тѣмъ и доискиваться. Замѣтно, хотя объ этомъ и не говорится ясно, что подобное сообщество пугаетъ автора. Впрочемъ, любовь тутъ проявляется не обоюдно. Съ ея стороны это нѣжная привязанность сестры, участіе, удивленіе, благодарность, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкотораго рода гордость или боязнь, которая не даетъ любви простора.

Тутъ любопытство Леонарда еще болѣе усилилось. Неужели это были такія черты, которыя простую лишь загадку превратили въ убѣжденіе? неужели ему суждено было, послѣ длиннаго ряда лѣтъ, узнать воспримчиваго мальчика въ этомъ великодушномъ покровителѣ?

Отрывки разговора начинаютъ между тѣмъ образовывать пыльную, страстную натуру съ одной стороны и чистосердечное восхищеніе съ другой, смѣшанное съ сожалѣніемъ, неспособнымъ къ симпатіи. Какое-то различіе въ общественномъ положеніи обоихъ становится замѣтнѣе; это различіе поддерживаетъ добродѣтель, но вмѣстѣ и скрываетъ привязанность существа, ниже поставленнаго судьбою. За тѣмъ нѣсколько совѣтовъ, прерываемыхъ рыданіями, — совѣтовъ, произнесенныхъ надъ вліяніемъ уязвленныхъ и униженныхъ чувствъ, — совѣтовъ, полныхъ сознанія власти, какъ будто родитель автора вмѣшивался въ дѣло, задавалъ вопросы, упрекалъ, увѣщевалъ. Впрочемъ, становилось очевиднымъ, что этотъ союзъ сердець былъ далеко отъ преслѣдованія; онъ привелъ, правда, къ побѣгу, но все-таки съ цѣлю брака. Вслѣдъ за тѣмъ замѣтки становились короче, какъ будто подъ вліяніемъ какого-то рѣшительнаго намѣренія. Далѣе слѣдовало мѣсто до того трогательное, что Леонардъ невольно плакалъ, перечитывая его. То было описаніе дня, проведеннаго дома передъ какимъ-то печальнымъ разставаньемъ. Здѣсь является передъ нами гордая и нѣсколько тщеславная, но нѣжная и заботливая мать, еще болѣе нѣжный, но менѣе предусмотрительный отецъ. Наконецъ описывалась сцена между дѣвушкою и ея первымъ деревенскимъ поклонникомъ, заключавшаяся такъ: «она положила руку М. въ руку своей сестры и сказала: вы любите меня только воображеніемъ, любите ее сердцемъ», и вслѣдъ за тѣмъ оставила обрученныхъ въ нѣмомъ удивленіи. Леонардъ вздохнулъ. Онъ понялъ теперь, какимъ образомъ Маркъ Фрэнкель видѣлъ въ обыкновенныхъ, доживныхъ свойствахъ своей жены отечатоужь души и качествъ своей сестры.

Немного словъ произнесено было при прощаньи, но эти слова за-мѣняли цѣлую картину. Длинная, незнакомая дорога, которая тянется далеко, далеко — къ холодному, равнодушному городу. Двери дома, отворенныя на безлюдную улицу, старыя съ обнаженными верхушками деревья у крыльца и вороны, летающія вокругъ нихъ и призывающія карканьемъ своихъ птенцевъ. За тѣмъ слѣдовали отрывки грустно настроенныхъ стиховъ и нѣкоторыя размышленія, также носящія печальный колоритъ.

Писавшая эти строки была въ Лондонѣ. Лицо, до тѣхъ поръ не-видѣнное, показывается на страницахъ дневника. Его называютъ просто «Онъ», какъ будто единственнаго представителя ширιάды существъ, которыя шествуютъ по землѣ. Первое же описаніе этой замѣчательной личности даетъ понятіе о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ ею на воображеніе писавшей. Личность эта была украшена нѣ-тани вымысла; она являлась здѣсь какъ контрастъ съ деревенскихъ мальчикомъ, привязанность котораго прежде внушала болѣзнь, сожалѣ-ніе, а теперь почти забылась: здѣсь черты приведены съ болѣе важ-ными, серьезными, хотя также чистосердечными приѣмами — здѣсь залогъ, который внушаетъ уваженіе, здѣсь взоры и уста, выражаю-щіе соединеніе достоинства и воли. Увы! писавшая свой дневникъ обманывала себя, и вся прелесть очарованія заключалась въ контрастѣ не съ прежнимъ предметомъ ея привязанности, а съ ея собственнымъ характеромъ. Но теперь, оставивъ Леонарда прокладывать тебѣ дорогу посреди лабиринта этого повѣствованія, передадимъ читателю и то, чего Леонардъ не могъ дознаться самъ изъ лежавшихъ передъ нимъ бумагъ.

ГЛАВА СХ.

Нора Эвенель, избѣгая кипшеской любви Гарлея Г'Эстренджа, по-ступила компаньонкой, по рекомендаціи леди Лэнсмеръ, къ одной изъ ея помѣлыхъ родственницъ, леди Джэнь Гортонь. Но леди Лэнсмеръ не могла допустить, чтобы дѣвушка никакаго происхожденія была въ состояніи долго выдерживать свою благородную гордость и отклонять жаркія преслѣдованія человека, который могъ обѣщать ей званіе и общественныя права графини. Она постоянно внушала леди Джэнь, что необходимо выдать Нору за кого нибудь, кто бы нѣсколько по-болѣе соответствовалъ ея званію, и уполномочила эту леди обѣщать каждому претенденту придакое, превосходящее всѣ ожиданія Норы. Леди Джэнь осмотрѣлась и замѣтила въ ограниченномъ кругу своихъ знакомыхъ молодого адвоката, побочнаго сына пэра, который былъ въ болѣе близкихъ, чѣмъ того требовала его обязанность, отношенійхъ съ великосвѣтскими кліентами, раззорившимися и тѣмъ положившимъ основаніе его богатству. Молодой человекъ былъ красивъ собою и всегда хорошо одѣтъ. Леди Джэнь пригласила его къ себѣ и, вида,

что онъ совершенно очарованъ любезностію Норы, наикнула ему о ея приданомъ. Благосопитанный адвокатъ, который въ послѣдствіи сдѣлался барономъ Леви, не нуждался въ полюбныхъ намекахъ, потому что хотя онъ и былъ въ то время бѣденъ, но надѣялся сдѣлать карьеру собственными дарованіями и, въ противоположность съ Рандаемъ, чувствовалъ горячую кровь у себя въ жилахъ. Во всякомъ случаѣ, намеки леди Джонъ внушали ему увѣренность въ успѣхѣхъ, и когда онъ сдѣлалъ формальное предложеніе и получилъ столь же формальный отказъ, его самолюбіе было сильно затроуто. Тщеславіе было одною изъ главныхъ страстей Леви, а при тщеславіи ненависть бываетъ умасна, мщеніе дѣлательно. Леви удалился, скрывая свое негодованіе: онъ не понималъ даже самъ въ полной мѣрѣ, какъ этотъ порывъ негодованія, охладѣвъ, превратился въ сильную злобу при могущественномъ содѣйствіи счастья и удачи.

Леди Джонъ была сначала очень сердита на Нору за отказъ претенденту, который, по ея мнѣнію, былъ вполне достоинъ выбора. Но страстная грація этой необыкновенной дѣвушки наша доступъ къ ея сердцу и изгнала изъ него всѣ фамилльные предразсудки; она постепенно стала приходить къ убѣжденію, что Нора достойна человѣка болѣе привлекательнаго, чѣмъ мистеръ Леви.

Между тѣмъ Гарлей все еще думалъ, что Нора отвѣчаетъ его любви, и что только чувство благодарности къ его роднымъ, врожденный ей инстинктъ деликатности дѣлали ее равнодушною къ его искательствамъ. Во всякомъ случаѣ, должно отдать ему справедливость, что, какъ ни былъ онъ въ то время пылокъ и воспріимчивъ, онъ непремѣнно оставилъ бы свое намѣреніе, еслибъ понялъ, что оно имѣетъ видъ одного лишь преслѣдованія. Заблужденіе его въ этомъ отношеніи было очень естественно, потому что его разговоръ, пока онъ и не разоблачилъ совершенно его сердца, не могъ не удивлять и не восхищать гениальнаго ребенка, и откровенные, незнавшіе притворства глаза Норы при встрѣчѣ съ нимъ не могли не обнаруживать восторга. Кто же въ его лѣта былъ бы въ состояніи разгадать сердце этой женщины-поэта? Какъ поэтъ, она увлекалась великими залогами ума, котораго самыя ошибки проявляли лишь свойства роскошной и изящной натуры. Какъ женщина, она требовала натуры, можетъ быть, пылкой, блестящей въ проявленіяхъ своихъ благородныхъ началъ, — но уже натуры развитой и созрѣвшей. Гарлей былъ еще ребенокъ, а Нора принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя должны найти или создать для себя идеалъ, могущій господствовать надъ ихъ сердцемъ и неудержимо влечь его къ любви.

Гарлей открылъ не безъ затрудненій новое мѣстопробываніе Норы. Онъ явился къ леди Джонъ; но леди Джонъ, въ выраженіяхъ, совершенныхъ особеннаго достоинства, отказала ему отъ дома. Онъ никакъ не могъ получить отъ Норы согласія на свиданіе. Онъ писалъ къ ней; но убѣдился, что письма его не доходили, потому что оставались безъ отвѣта. Его молодое сердце запылаю негодованіемъ. Онъ дѣлалъ безъ

разсудства, которыя очень безмозголи леди Джонсмеръ и его благоразумнаго друга Олдея Эджертона. По просьбѣ матери и по убѣжденію сына, Олдей согласился посѣтить леди Джонъ и познакомиться съ Норой. При первомъ свиданіи, впечатлѣніе, которое Олдей произвелъ на Нору, было глубоко и необыкновенно. Она слыхала о немъ прежде, какъ о человѣкѣ, котораго Гарлей очень любилъ и уважалъ, а теперь въ выраженіи его лица, его словахъ, тонѣ его глубоко спокойнаго голоса она открыла ту силу, которой женщина, какъ бы ни была блестяща ея душевныя способности, никогда не достигаетъ. Впечатлѣніе, которое Нора произвела на Эджертона, было столь же неожиданно. Онъ остановился предъ красотой лица и формъ, которая принадлежитъ къ тому рѣдкому разряду, который удается намъ видѣть разъ или два въ жизни. Онъ почувствовалъ, что любовь проникла въ его сердце, тогда какъ довѣрчивость друга заставляла его быть очень осторожнымъ и бояться увлеченія.

— Я не пойду туда болѣе, сказалъ онъ разъ Гарлею.

— Отчего это?

— Дѣвушка тебя не любитъ. Перестань и ты думать о ней.

Гарлей не повѣрилъ ему и разсердился. Но Олдей видѣлъ много причинъ, чтобы поддержать чувство собственнаго достоинства. Онъ былъ бѣденъ, хотя и считался богатымъ, запутанъ въ долгахъ, старался возвыситься въ жизни, крѣпко удерживалъ свое значеніе въ обществѣ. Противъ толпы противодѣйствующихъ вліяній любовь отъаживалась на рукопашный бой. Олдей отличался мощною натурой; но если въ мощныхъ натурахъ преграды для искушенія бываютъ изъ гранита, то страсти, дѣйствующія на нихъ, получаютъ всѣ свойства необузданнаго пламени.

Гарлей пришелъ однажды къ нему въ врипадѣ глубокой грусти: онъ слышалъ, что Нора нездорова. Онъ умолялъ Олдея идти туда и удостовѣриться. Олдей согласился. Леди Джонъ Гортонъ, по болѣзни, не могла принять его. Ему указали на комнату, бывшую въ сторонѣ, вѣстѣ съ комнатою Норы. Ожидая ея, онъ механически перелистывалъ альбомъ, который Нора оставила на столѣ, отправившись къ постели леди Джонъ. Онъ увидѣлъ на одномъ изъ листовъ эскизъ своего портрета и прочелъ слова, написанныя подъ этимъ портретомъ — слова, исполненные безъискусственной вѣжности, безнадлежной грусти. — слова, которыя принадлежали существу, смотрѣвшему на свой собственный геній, какъ на единственнаго посредника между собою и небомъ. Олдей увѣрился, что онъ любимъ, и это открытіе внезапно уничтожило всѣ преграды между нимъ самимъ и его любовью. Черезъ нѣсколько минутъ Нора вошла въ комнату. Она увидѣла, что Олдей разсматриваетъ альбомъ. Она испустила крикъ, побѣжда къ столу и ногою упира на стулъ, закрывъ лицо руками. Но Олдей былъ уже у ногъ ея. Онъ забылъ о своемъ другѣ, объ обѣщаніи, данномъ нѣмъ, забылъ о честолюбіи, забылъ о цѣломъ мірѣ.

Забывая всякое благоразуміе при выполненіи основныхъ обязательствъ, Одди сохранилъ все присутствіе духа для того, чтобы соблюсти правды осторожности при выполненіи частностей. Онъ не хотѣлъ открыть свою тайну леди Джэнь Гортонъ, еще менѣе леди Лэнсмеръ. Онъ только внушилъ первой, что Нора, живя у леди Джэнь, не будетъ безопасна отъ дерзкихъ преслѣдованій Гарлея, и что ей гораздо было бы лучше перейти жить къ кому нибудь изъ своихъ родственниковъ, чтобы такимъ образомъ ускользнуть отъ вниманія восторженнаго юноши.

Съ согласія леди Джэнь, Нора перешла сначала въ домъ къ дальной родственницѣ своей матери, а потомъ въ домъ, который Эджертоу назначилъ для празднованія своей свадьбы. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы бракъ его не былъ открытъ прежде времени. Но случилось такъ, что утромъ въ день свадьбы одинъ изъ избранныхъ имъ свидѣтелей былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Затрудились тѣмъ, кого избрать вмѣсто его, Эджертоу остановился на Леви, своемъ постоянномъ адвокатѣ, человѣкѣ, у котораго онъ занималъ деньги и который съ нимъ былъ въ такихъ кароткихъ отношеніяхъ, которыя только могутъ существовать между истиннымъ джентльменомъ и его стряпчимъ: однихъ съ нимъ дѣла, знающимъ всѣ его дѣла и доведшемъ послѣднія, чисто изъ одной дружбы, до самаго плачевнаго состоянія. Леви былъ тотчасъ же приглашенъ. Эджертоу, который находился въ страшныхъ хлопотахъ, не сказалъ ему сначала имени своей невѣсты, но наговорилъ довольно о своемъ неблагоразуміи при вступленіи въ подобный бракъ и о необходимости держать все это дѣло въ тайнѣ. Леви увидалъ невѣсту въ самую минуту священнаго церемоніи. Онъ скрылъ свое удивленіе и злобу и прекрасно исполнилъ возложенную на него обязанность. Его улыбка, когда онъ поздравлялъ молодую, должна была обдать холодомъ ея сердце; но глаза ея были обращены къ землѣ, на которой она видѣла лишь отраженіе небеснаго свѣта, и сердце ея было безопасно на груди того, кому оно отдано было на вѣки. Она не замѣтила злобной улыбки, сопровождавшей слова радости. Такимъ образомъ, пока Гарлей л'Эстренджъ, огорченный извѣстіемъ, что Нора оставила домъ леди Джэнь, напрасно старался отыскать ее, Эджертоу, подъ чужимъ именемъ, въ глухомъ кварталѣ города, вдали отъ клубовъ, въ которыхъ слово его считалось словомъ оракула. — вдали отъ тѣхъ стремленій, которыя руководили имъ въ часы отдохновенія и труда, предался совершенно единственному видѣнію того райскаго блаженства, которое заставляетъ самое сильное честолюбіе потуплять глаза. Свѣтъ, съ которымъ онъ разстался, не существовалъ для него. Онъ смотрѣлся въ прелестные глаза, которые и послѣ являлись ему въ видѣніяхъ, посреди суровой и безиллюзорной для сердца обстановки дѣловаго человѣка, и говорилъ самъ съ собою: «Вотъ оно, вотъ истинное счастье!» Часто впоследствии, въ годы много уединенія, онъ повторялъ тѣ же самыя слова, но тогда настоящее превратилось для него въ прошедшее. И Нора, съ своимъ

полнѣе, роскошнѣе соразцѣтъ, съ неистощимыми сокровищами воображенія и мысли, дѣтя свѣта и вѣснотвѣнія, — могла ли она угадать тогда, что въ натурѣ, съ которою она связала все существо свое, было что нибудь сжатое и бесплодное, — былъ ли весь желѣнный умъ Оддея достоинъ одного зерна того золота, которымъ она обладала любовь его?

Отдавала ли Нора себѣ въ этотъ отчетъ? Конечно, нѣтъ. Геній не чувствуетъ лишений, когда сердце довольно. Геній ея отдыхалъ, заснулъ въ это время. Если женщина истинно любитъ кого нибудь, кто ниже ея умственными и душевными качествами, то какъ часто мы видимъ, что, спускаясь съ высоты собственныхъ дарованій, она безотчетно становится въ уровень съ предметомъ своей любви; она бовтса мысли считать себя выше его. Нора не знала о существованіи своего генія; она знала только, что она любитъ.

Здѣсь дневникъ, который Леонардъ читалъ въ это время, совершенно измѣнился въ тонѣ, нося отраженія того тихаго, безмятежнаго счастья, которое потому и безмятежно, что оно слишкомъ глубоко. Подобный промежутокъ въ жизни Эджертона не могъ быть значительнымъ; много обстоятельствъ содѣйствовало сокращенію его. Дѣла его пришли въ крайнее разстройство; всѣ они были въ полномъ распоряженіи Леви. Требования и взысканія, которыя прежде было затихли или не были очень настоятельны, теперь приняли бранчивый, угрожающій характеръ. Гарлей, послѣ поисковъ своихъ, пріѣхалъ въ Лондонъ, желая видѣться съ Оддеемъ. Оддей также принужденъ былъ оставить свое танцевенное убѣжище и появиться въ свѣтѣ; съ этихъ поръ онъ только урывками пріѣзжалъ домой, какъ гость, а не какъ членъ семьи. Леви, который узналъ отъ леди Джонъ о страсти Гарлея къ Норѣ, тотчасъ придумалъ, какъ отомстить за себя Эджертому. Подъ предлогомъ того, что онъ желаетъ помочь Эджертому въ исправленіи дѣлъ — тогда какъ тайнѣи самъ ихъ разстроивалъ и запутывалъ — онъ часто пріѣзжалъ въ Эджертовъ-Голль въ почтовой каретѣ и наблюдалъ за дѣйствіемъ, которое производили на молодого супруга, утомленнаго житейскими заботами, почти ежедневныя письма Норы. Такимъ образомъ онъ имѣлъ постоянно случай возбуждать въ душѣ честолюбиваго человѣка то раскаяніе въ слишкомъ поспѣшной, необдуманной страсти, то упреки въ измѣнѣ въ отношеніи къ г'Эстренджу. Эджертовъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не повѣряютъ своихъ дѣлъ женщинамъ. Нора, писавшая такъ часто къ мужу, была въ совершенной невѣдѣніи о томъ прозябскомъ несчастіи, которое ожидало ее. Потому, въ присутствіи Леви, весь этотъ притокъ вѣжливости, со всѣми порывами грусти о разлукѣ, просьбами о скорѣйшемъ возвращеніи, легкими упреками въ случаѣ, если почта не приносила отвѣта на вздохи любящей женщины, — все это представлялось глазамъ раздражительнаго, матеріальнаго человѣка, преданнаго практической жизни, плодомъ разстроеннаго воображенія и излишней чувствительности. Леви все шель далѣе и далѣе въ своей рѣшимости разединить эти два

сердца. Онъ старался, помощію преданныхъ себѣ людей, распространить между сосѣдями Нора тѣ самыя слезы, которыя были одолжены ему своимъ происхожденіемъ. Онъ достигъ того, что Нора подвергалась оскорбленіямъ при выходѣ изъ дому, насмѣшкамъ своихъ же людей и трепетала при видѣ собственной тѣни, брошенной и забытой всѣми. Посреди этихъ невыносимыхъ страданій появился Левъ. Часть для рѣшительныхъ дѣйствій наступилъ. Онъ далъ понять, что знаетъ, какими униженіямъ подвергалась Нора, выразилъ глубокое участіе къ ней и взялся убѣдить Эджертона «отдать ей полную справедливость». Онъ употреблялъ двусмысленныя фразы, которыя оскорбляли ее слухъ и мучили ее сердце, и вызвалъ ее на то, что она потребовала объясненій. Тогда, открывъ предъ нею картину самыхъ ужасныхъ и темныхъ опасеній, взявъ съ нея торжественное обѣщаніе, что она не откроетъ Оддею того, что онъ намѣренъ ей сообщить, онъ сказалъ, съ лицемернымъ видомъ сожалѣнія и мнимой стыдливости, «что бракъ ихъ въ строгомъ смыслѣ не законный, что при совершеніи его не были соблюдены требуемыя формальности, что Оддей намѣренно или, можетъ быть, и безъ умысла представлялъ себѣ полную свободу нарушить данный имъ обѣтъ и разойтись съ женою.» И пока Нора стояла какъ пораженная громомъ и, не будучи въ состояніи произнести слова, выслушивала небывавшія, которыя, при опытности Леви въ казуистикѣ и при ее совершенномъ невѣдѣніи судебныхъ формальностей, имѣли для нея полную убѣдительность, — онъ шелъ все болѣе и болѣе впередъ, не останавливаясь ни предъ какою ложью, и старался изобразить предъ нею всю гордость, честолюбіе и тщеславную привязанность къ почестямъ, которыя отличали будто бы Оддея. «Вотъ гдѣ истинныя препятствія вашему благополучію — сказалъ онъ — впрочемъ, я надѣюсь убѣдить его загладить всѣ эти недостойные поступки и вознаграить васъ за прошлыя несчастія. Въ свѣтѣ, въ которомъ живетъ Эджертонъ, считается гораздо болѣе предосудительнымъ обезчестить мужчину, чѣмъ обмануть женщину, и если Эджертонъ рѣшился на первое, то что мудренаго, что онъ рѣшится на второе! Не смотрите на меня такими удивленными глазами; напишите лучше вашему мужу, что опасенія, посреди которыхъ вы живете, сдѣлались для васъ невыносимыми, что скрытность, окружающая вашъ бракъ, продолжительное отсутствіе вашего мужа, рѣзкій отказъ съ его стороны открыто признать васъ женою навѣяли на васъ страшное сомнѣніе. Потребуйте по крайней мѣрѣ отъ него, если онъ не намѣренъ объявить о вашемъ бракѣ, чтобы всѣ формальности брачнаго союза были выполнены законнымъ образомъ.»

— Я пойду къ нему! вскричала Нора съ увлеченіемъ.

— Итти къ нему, въ его собственный домъ! Какая сцена, какой скандалъ! Неужели вы думаете, что онъ когда нибудь проститъ это вамъ?

— По крайней мѣрѣ, я буду умолять его притти сюда. Я не могу же написать ему такіа ужасныя слова.... не могу, рѣшительно не могу.

Левн оставилъ ее и поспѣшилъ къ двоимъ или тремъ изъ самыхъ неутомимыхъ кредиторовъ Одлея, которые совершенно готовы были дѣйствовать по убѣжденію Левн. Онъ уговорилъ ихъ тотчасъ же окружить сельскую резиденцію Одлея полицейскими комиссарами. Такииъ образомъ, прежде чѣмъ Эджертоиъ могъ бы увидаться съ Норой, ему пришлось бы сидѣть въ тюрьмѣ. Сдѣлавъ эти приготовления, Левн самъ отправился къ Одлею и пріѣхалъ, по обыкновенію, за часъ или за два до прибытія почты.

Письмо Норы также прибыло. Никогда еще важное чело Одлея не было такъ сумрачно, какъ по прочтеніи этого письма. Впрочемъ, съ своею привычною ему рѣшимостію, онъ вздумалъ исполнить желаніе жены, позвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ слугамъ приготовить себѣ дорожное платье и послать за почтовыми лошадьми.

При этомъ Левн отвелъ его въ сторону, къ окну.

— Посмотрите въ окно. Видите ли вы этихъ людей? Это полицейскіе комиссары. Вотъ настоящая причина, почему я пріѣхалъ къ вамъ сегодня. Вы не можете оставить этого дома.

Эджертоиъ затрепеталъ. — И это наивное, безразсудное письмо въ подобное время, пробормоталъ онъ, ударивъ по страницѣ, исполненной любви и опасеній, своею дрожащею рукою

— Прежде она писала ко мнѣ, продолжалъ Одлей, ходя по комнатамъ неровными шагами: — спрашивая постоянно: когда нашъ бракъ будетъ объявленъ, и я думалъ, что мои отвѣты въ состояніи удовлетворить всякую благоразумную женщину. Но теперь, теперь еще хуже: теперь она сомнѣвается въ моей честности. Я, который принесъ ей столько жертвъ, — сомнѣваться, чтобы я, Одлей Эджертоиъ, англійскій джентльменъ, былъ столь низокъ, чтобы...

— Чтò? прервалъ Левн: — чтобы обмануть вашего друга г'Эстренджа? Неужели вы думаете, что она не знаетъ этого?

— Сэръ! воскликнулъ Эджертоиъ, поблѣднѣвъ отъ негодованія.

— Не горячитесь пожалуйста. Въ любви, какъ и на войнѣ, все хорошо, чтò встаетъ, и вѣрно придетъ время, когда самъ г'Эстрендж поблагодаритъ васъ, что вы избавили его отъ подобной *misalliance*. Но вы, кажется, все еще сердитесь; пожалуйста простите меня.

Не безъ затрудненія и употребляя въ дѣло лесть и ласкательство, адвокатъ успѣлъ укротить бурю, которая разыгралась было въ душѣ Одлея. И тутъ онъ выслушалъ, съ притворнымъ удивленіемъ, содержаніе письма Норы.

— Недостойно меня было бы отвѣчать на это сплетеніе подозрѣній и сомнѣній, еще болѣе недостойно было бы оправдываться въ нихъ, сказалъ Одлей. — Мнѣ бы стоило только увидаться съ нимъ, и одного взгляда, исполненнаго упрека, было бы довольно; но взять листъ бумаги съ тѣмъ, чтобы написать на немъ: «я не негодиъ, и я тебѣ докажу это» — о, никогда, никогда!

— Вы совершенно правы; но посмотримъ хорошенько, нельзя ли найти средство согласить вашу гордость съ чувствами вашей жены.

Напишите только слѣдующія слова: «все, что ты хочешь, чтобы я тебѣ рассказалъ или объяснилъ, я сообщу Леди, какъ своему адвокату, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ все это тебѣ; ты же должна ему вѣрить въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ самому.»

— Прекрасно! она стѣнитъ, чтобы ее наказать хорошенько; а я увѣренъ, что подобный отвѣтъ уколетъ ее болѣе, чѣмъ пространныя объясненія. Умъ мой слишкомъ разстроены: я не могу теперь хорошенько понять всѣ эти женскія уловки и ужимки-боязливости. Рѣшено — я написалъ ей какъ вы сказали. Представьте ей всѣ доказательства, какихъ она потребуешь, и скажите ей въ заключеніе, что чрезъ шесть мѣсяцевъ по большей мѣрѣ, что бы ни случилось, она будетъ носить фамилію Эджертонъ, точно такъ же, какъ будетъ раздѣлять съ нимъ его участь.

— Отчего же непременно шесть мѣсяцевъ?

— Къ тому времени Парламентъ будетъ распущенъ. Я или получу кресло, избавлюсь отъ долговой тюрьмы, открою поприще для своей дѣятельности, или ...

— Или что?

— Во все откажусь отъ честолюбивыхъ замысловъ. Я могу поступить въ духовное званіе.

— Какъ! сдѣлаться деревенскимъ пасторомъ?

— И спокойно заниматься науками. Я уже испыталъ это въ нѣкоторой мѣрѣ. Тогда Нора была возлѣ меня. Объясните ей все это. Мнѣ кажется, что это письмо уже слишкомъ жестоко.... Впрочемъ, что за нерѣшимость!

Леди послѣдшнею положилъ письмо въ свой бумажникъ и, боясь, чтобы его не взяли назадъ, тотчасъ же простился. Изъ этого письма онъ сдѣлалъ такое употребленіе, что на другой день послѣ того, какъ онъ отдалъ его Норѣ, она бросила домъ, сосѣдей и убѣжала Богъ вѣсть куда. Когда Леди возвратился, исполненный надежды, которая подстрекала его къ мщенію,—надежды, что если онъ усѣнетъ любовь Норы къ Одлею превратить въ равнодушіе и презрѣніе, то ему удастся, можетъ быть, стать на мѣсто этого разбитого и униженнаго кумира,—его удивленіе и досада при извѣстіи о бѣгствѣ Норы были неописанными. Онъ напрасно искалъ ее нѣсколько дней. Онъ отправился къ леди Джэвъ — Норы тамъ не было. Онъ боялся также показаться и Эджертому, думая, что, можетъ быть, Нора написала ему въ этотъ промежутокъ времени. Однако, въ самомъ дѣлѣ Одлей не получалъ отъ жены ни строчки. Онъ былъ очень обезпкоенъ ея продолжительнымъ молчаніемъ.

Наконецъ Леди сообщилъ Одлею извѣстіе о бѣгствѣ Норы. Онъ представилъ его въ какомъ-то особенномъ видѣ. Она убѣжала — говорилъ онъ — безъ сомнѣнія, къ кому нибудь изъ своихъ родственниковъ, чтобы посоветоваться съ ними, какъ поступить при объявленіи о своей свадьбѣ. Эта мысль превратила мгновенное негодованіе Одлея въ положительную мрачную ненависть.

— Пусть ее дѣлаетъ, что хочетъ, сказала онъ холодно, продолжая волненіе чувствъ, надъ которыми онъ всегда имѣлъ сильную власть.

Когда Леви удалился и Оллей, какъ человекъ въ желѣзной маскѣ, увидалъ себя совершенно одинокимъ, онъ сталъ живѣе и живѣе сознавать всю важность понесенной имъ потери. Очаровательное, полное нѣжной страсти лицо Норы то-и-дѣло представлялось ему посреди опустѣлыхъ комнатъ. Ея кроткій, мягкій характеръ, ея душа, полная самоотверженія, возобновились въ его памяти и устраняли всякую мысль о ея проступкѣ. Любовь, которая заснула было въ немъ подъ вліяніемъ безпокойствъ и хлопотъ, но которая, несмотря на то, что не отличалась особенно изящнымъ проявленіемъ, все-таки была его господствующею страстью, снова овладѣла всѣми его мыслями, наполняла для него всю атмосферу чуднымъ, усладительнымъ очарованіемъ. Обманувъ бдительность полицейскихъ комиссаровъ, Оллей ночью прибылъ въ Лондонъ. Но, посреди огорченій, и безъ того осаждавшихъ его, Леви открылъ ему, что его арестуютъ чрезъ нѣсколько дней за долги. Положеніе Оллея было очень затруднительно. Въ это время лордъ г'Эстренджъ узналъ отъ слуги Оллея то, чего самъ Оллей не открылъ бы ему ни за что въ свѣтѣ. И щедрый юноша, который былъ наследникомъ независимаго состоянія, долженствовавшего перейти къ нему по достиженіи имъ совершеннолѣтія, успѣвши достать денегъ и выкупилъ всѣ векселя своего друга. Благодареніе это было оказано прежде; чѣмъ Оллей узналъ о немъ и успѣлъ его предотвратить. Съ тѣхъ поръ новое чувство, можетъ быть, столь же томительное, какъ сознаніе о потерѣ Норы, стало мучить этого человека, мечтавшаго только о мирныхъ занятіяхъ наукою, и болѣзненное ощущеніе у себя въ сердцѣ, которое онъ сталъ замѣчать съ нѣкотораго времени, возобновлялось все съ болѣею и болѣею силою.

Гарлей съ своей стороны тоже отыскивалъ Нору, не могъ говорить ни о чемъ, кромѣ какъ о ней, и казался очень растроганнымъ и печальнымъ. Цвѣтъ юности, украшавшій его до тѣхъ поръ, исчезъ. Могъ ли Оллей рѣшиться сказать ему: — та, которую ты ищешь, принадлежитъ другому; любовь уже не существуетъ для тебя въ жизни. Въ утѣшеніе же свое, узнай, что другъ твой обманулъ тебя. Въ состояніи ли былъ Оллей высказать все это? Онъ не отважился бы на подобное признаніе. Кто же послѣ этого изъ нихъ двоихъ страдалъ болѣе?

Между тѣмъ настало время общихъ выборовъ, а о Норѣ не было никакого извѣстія. Леви распрощался съ Оллеемъ и продолжалъ свои разсужденія въихомолку. Оллей предлагали должность депутата за нѣстечю Дэвисеръ не только Гарлей, но и родственники его, въ особенности графиня, которая втайнѣ притискивала полезнымъ содѣлать Оллея впавающимъ бѣгствомъ Норы. Эдмертонъ принялъ одѣлывающее ему предложеніе, не столько по убѣжденію собственнаго разсудка, сколько изъ

желанія получить, чрезъ связи въ Парламентѣ, выгодное мѣсто и заплатить такимъ образомъ долги.

Между тѣмъ несчастная Нора, обманутая хитростію и клеветами Леви, дѣйствуя по естественному влеченію сердца, столь склоннаго къ стыдливости, убѣжавъ изъ дому, который она, по ея мнѣнію, обезславилла, скриваясь отъ любовника, котораго власть надъ собою она признавала столь сильною, что боялась, чтобы онъ не заставилъ ее примириться съ своимъ позоромъ. — Нора только и думала о томъ, чтобы скрыться отъ взоровъ Оддея. Она не хотѣла идти къ своимъ родственникамъ, напимѣръ, къ леди Джэнь: это значило бы дать ключъ отъ своего убѣжища и возбудить преслѣдованія. Одна знатная дама, итальянка, ѣздила прежде къ леди Джэнь и всегда оченъ нравилась Норѣ; мужъ этой дамы, намѣреваясь отправиться тогда въ Италію, искалъ для жены компаньонку; дама сказала объ этомъ Норѣ, и леди Джэнь убѣждала въ то время Нору принять предложеніе, избѣжать чрезъ то преслѣдованій Гарлея и отправиться на вѣкоторый срокъ за границу. Нора отказалась въ то время, потому что она только что увидѣла Оддея Эджертона. Къ этой-то дамѣ явилась она теперь; предложеніе было возобновлено съ прежнею любезностію и принято съ торопливостію, свойственною отчаянію. Но въ то время, какъ новая покровительница Норы разѣзжалла по сосѣднимъ англинскимъ деревнямъ прежде, чѣмъ окончательно отправилась на континентъ, Нора нашла себѣ пристанище въ отдаленномъ предмѣстьи города, избранномъ слугою прекрасной иностранки. Тогда же ей въ первый разъ удалось побывать въ домѣ, въ которомъ умеръ Борлей. Вслѣдъ за тѣмъ она оставила Англію съ своею спутницею, безъ вѣдома леди Джэнь, точно такъ же, какъ и своихъ родственниковъ. Все это время она дѣйствовала подъ вліяніемъ одной ужасной мысли — избѣжать позора.

Но когда моря повесели передъ нею свои синія волны, когда сотни милъ легли между нею и предметомъ ея любви, когда новые образы стали представляться ея взорамъ, когда лихорадка исчезла и расудокъ сталъ вступать въ свои права, сомнѣніе стало преодолевать порывы отчаянія. Не была ли она слишкомъ довѣрчива, слишкомъ опрометчива? Что, если въ самомъ дѣлѣ она напрасно оскорбила Оддея? И, восреди этого ужаснаго раздумья, затрепетала въ ней новая жизнь. Она готовилась сдѣлаться матерью. При этой мысли ея мощный духъ склонился, послѣдніе порывы гордости утихли; ей хотѣлось возвратиться въ Англію, увидать Оддея, узнать отъ него самого истину, и если бы эта истина соответствовала вполнѣ ея ожиданіямъ, то ходатайствовать не о себѣ самой, а о ребенкѣ намѣнника.

До случая бывшихъ тогда на материкѣ Европы беззаконствъ, прошло довольно много времени прежде, чѣмъ ей удалось исполнить свое намѣреніе. Наконецъ она возвратилась въ Англію и отыскала ту подгородную хижину, въ которой жила до отъѣзда изъ отечества. Ночью она пришла въ домъ Оддея въ Лондонѣ: тамъ нашла она только жен-

щину, управлявшую хозяйствомъ. Мистера Эджертона не было дома : онъ отправился куда-то по дѣламъ выборовъ ; мистеръ Леви, адвокатъ сто, являлся ежедневно и навѣдывался всякій разъ о письмахъ , которыя нужно было передать Оллею. Нора не хотѣла показаться Леви, не хотѣла писать письма, которыя перешли бы чрезъ его руки. Только читая ежедневно газеты, старалась она узнать о мѣстопребываніи Одея.

Одважды утромъ она прочитала слѣдующее письмо :

• Графъ и графиня Лэнсмеръ готовятся принять въ своемъ деревенскомъ домѣ почетныхъ гостей. Въ числѣ приглашенныхъ будетъ миссъ Лесли, которой богатство и красота произвели такое глубокое впечатлѣніе въ большомъ свѣтѣ. Къ сожалѣнію многочисленныхъ сонскателей изъ среды нашей аристократіи, мы слышали, что эта леди избрала себѣ въ супруги мистера Одея Эджертона. Этотъ джентльменъ занимаетъ теперь званіе депутата мѣстечка Лэнсмеръ. Успѣхъ его вліянія болѣе нежеланъ вѣроятенъ, и, судя по отзыву значительнаго числа его почитателей, немногіе изъ вновь избранныхъ членовъ имѣютъ столько надеждъ на занятіе важнѣйшихъ постовъ въ министерствахъ. Этому молодому человѣку, уважаемому всѣми какъ за дарованія, такъ и за душевныя свойства, предсказываютъ блестящую карьеру, чему еще болѣе будетъ содѣйствовать то огромное состояніе, которое онъ скоро получитъ, вступивъ въ бракъ съ богатою наслѣдницею. •

Снова якорь спасенія оторванъ, снова буря необузданно бушевала, снова звѣзды исчезали на темномъ небосклонѣ. Нора снова подчиняется вліянію одной исключительной мысли, точно такъ же, какъ въ то время, когда она убѣжала изъ дому своего жениха. Тогда она думала лишь о томъ, чтобы скрыться отъ измѣнника ; теперь любимую мечту ея было увидаться съ нимъ.

Когда этотъ зловѣщій газетный листокъ попался на глаза Норѣ, она послѣдовала первому порыву своего страстнаго сердца : она сорвала обручальное кольцо у себя съ пальца и завернула его вмѣстѣ съ клочкомъ газеты въ письмо къ Оллею, — въ письмо, которое хотѣла наполнить выраженіями гордости и презрѣнія, но которое — увы! — носило лишь отпечатокъ ревности и любви. Она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не отдала этого письма собственными руками на почту, адресовавъ его на имя Одея, въ домъ лорда Лэнсмера. Лишь только письмо было отправлено, какъ раскаяніе снова овладѣло ею. Что она сдѣлала? Отказалась отъ правъ происхожденія за ребенка, котораго она готовилась подарить свѣту, отказалась отъ послѣдней вѣры въ честь своего возлюбленнаго, лишилась лучшаго, чѣмъ она обладала въ жизни — и изъ за чего? изъ за газетной статьи! Нѣтъ, нѣтъ ! она пойдетъ сама къ Лэнсмеру, къ отцу своему, она увидится съ Олеемъ прежде, чѣмъ это письмо попадетъ къ нему въ руки. Вѣдь только эта мысль пришла ей въ голову, какъ она поспѣшила привести ее въ исполненіе. Она нашла свободное мѣсто въ diligencѣ, который ѣхалъ изъ Лондона нѣсколькими часами прежде почты и долженъ былъ

остановиться за нѣсколько миль до имѣнія Лэнсмеръ; это послѣднее разстояніе она прошла пѣшкомъ. Усталая, изнуренная, она достигла наконецъ родного крова и остановилась у калитки, потому что въ маленькомъ садикѣ передъ домомъ она увидала своихъ родителей. Она слышала слабый говоръ ихъ голосовъ, и ей представилась въ эту минуту ея извѣнчившаяся участь, ея страшная тайна. Какъ отвѣчать на вопросъ: «Дочь, гдѣ твой мужъ и кто онъ?» Сердце у нея обливалось кровью; она спряталась за дерево, стараясь разсмотрѣть, что представляла ея картина жизни родной семьи, и расслушать разговоръ, который едва долеталъ до нея изъ саду.

— Такъ-то, старушка, сказала Джонъ Эвенель: — мнѣ надо отпра- вляться теперь, чтобы увидѣться съ тремя депутатами въ Фишп-Лейнъ; я думаю, они уже уладили дѣло и я встану ихъ дома. Они расска- жутъ намъ, какой мы должны ожидать оппозиціи; я знаю также, что старый Смайкзъ ушелъ въ Лондонъ искать кандидата. Ужъ не придет- ся же лэнсмерскимъ синимъ уступить какимъ нибудь лондонцамъ. Ха, ха, ха!

— Но ты, конечно, воротись до прихода Джэнь и ея мужа Марка. Я все не могу надвинуться, какимъ образомъ она могла выйти замужъ за простого плотника!

— Да, сказалъ Джонъ: — онъ теперь плотникъ; но у него есть право на голосъ, а это возвышаетъ наши семейные интересы. Если бы Дикъ не уѣхалъ въ Америку, у насъ было бы трое представителей. Но Маркъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошій синій. Пусть-ка попробуютъ лондонцы! желтый изъ Лондона пойдетъ противъ милорда и синихъ. .: ха, ха!

— Но, Джонъ, этотъ мистеръ Эджертонъ вѣдь лондонецъ?

— Ты значить ни о чемъ не имѣешь понятія, если говоришь по- добныя вещи. Мистеръ Эджертонъ кандидатъ синихъ, а синіе принадле- жать къ деревенской партіи: какже послѣ этого онъ можетъ быть лондонцемъ? Необыкновенно проникательный, благовоспитанный, кра- сивый собою молодой человѣкъ и, что всего важнѣе, искренній другъ милорда.

Мистрисъ Эвенель вздохнула.

— Что ты вздыхаешь и качаешь головой?

— Я думала теперь о нашей бѣдной, милой Норѣ.

— Богъ да благословитъ ее, произнесъ Джонъ, съ сердечнымъ увле- ченіемъ.

Между сучьями стараго, иссохшаго дерева раздался шорохъ.

— Ха, ха! я сказалъ это такъ громко, что, кажется, напугалъ во- роновъ.

— Какъ онъ любилъ ее! повторяла мистрисъ Эвенель, въ раздумьи. — Я увѣрена, что онъ любилъ ее; да и ничего нѣтъ въ томъ удиви- тельнаго, потому что, какъ ни говори, она смотрѣла настоящею ле- ди: отчего же ей было не сдѣлаться миледи?

— Онъ любилъ? Какъ тебѣ не стыдно повторять эти бабы слухомъ о милордѣ. А еще считаешься умной женщиной.

— Джонъ, Джонъ! Я знаю, что съ моею Норой не предположится никакая бѣда. Она слишкомъ нежорова и добра, въ ней слишкомъ много самалюбія, чтобы...

— Чтобы развѣсить уши передъ какими-нибудь тюрками, — воображаю! сказала Джонъ: — когда прибавилъ онъ съ разстановкою: — она могла бы выйти славной деви. Милордъ молодой-то недавно взялъ меня за руку и спросилъ, не слыхала ли я чего о ней, то есть о миссъ Эвенелъ? и тогда его бойкіе глазки были такъ же полны слезъ, какъ... ну, какъ теперь твои глаза.

— Продолжай, Джонъ; что же?

— Только и всего. Миледи подошла къ мамѣ и отвела меня въ сторону, чтобы потолковать о выборахъ; а между тѣмъ, пока я ждалъ съ нею, она мнѣ и шепчетъ: «Не позволяйте — говоритъ — никому пылкому мальчику говорить о вашей прелестной дочери. Мы оба должны стараться, чтобы молодежь не довела насъ до бѣды... До бѣды! это слово сначала было обидѣло меня, но миледи какъ-то увидѣла всегда выйти правой. Я рѣшительно думаю, что Нора любила молодого милорда; но, по добротѣ своей, она избѣгала выказывать это... Что ты на это скажешь?

И голосъ отца впадалъ въ грустный тонъ.

— Я увѣрена, что она не полюбитъ человека прежде, чѣмъ выйдетъ за него замужъ: это неумолимо, Джонъ, сказала мистриссъ Эвенелъ, вѣсколько разгорячившись, хотя и съ кротостию.

— Ха, ха! проговорилъ, разсмѣявшись, Джонъ и взявъ жену за подбородокъ: — ты мнѣ этого не говорила, когда я доподлагалъ тебѣ въ первый разъ ноль вѣнчикъ деревонъ... поминишь, задѣла еще я жилъ-то тогда не было.

— Полно, Джонъ, полно! — И престарѣлая супруга покраснѣла какъ молоденькая дѣвушка.

— Вотъ еще! продолжалъ Джонъ, шутливымъ тономъ: — я forse не вижу причины, почему намъ, простымъ людямъ, слѣдуетъ казаться болѣе строгими къ себѣ, чѣмъ наши господа. Врать хоть въ прикѣпъ миссъ Лесли, что выходитъ за мистера Эджертона: либо дорого взглянуть, какъ она имъ утѣшается, не можетъ глазъ съ него свести, проказница. Что за чудо, какъ наши воровы сегодня развозились!

— Ихъ будетъ славная парочка, Джонъ. Я слышала, что у ней-то гибель денегъ. А когда свадьба?

— Говорятъ, что тотчасъ послѣ выборовъ. Славная будетъ свадьба! Не послать ли и за Норой посмотрѣть на наше веселье?

Изъ за вѣтвей стараго дерева раздался слабый стонъ — одинъ шагъ страшнѣе звуковъ мелодической адониса, докторе, услышать разъ, невозможно забыть.

Старикъ посмотрѣлъ другъ на друга, не имѣя силъ выполнить слова. Они не могли приподняться со скамьи и смотрѣли на спорова...

Подъ сучьями дерева, у обожженныхъ корчей его, они увидели неопредѣленно рисовавшуюся въ тѣни человѣческую фигуру. Джонъ отдеръ занавѣску и обошелъ кругомъ; старушка прислонилась къ забору и стояла въ молчаніи.

— Жена, жена! кричалъ Джонъ Эвенель, наклонясь къ землѣ: — это наша дочь Нора! наша дочь, родная дочь!

И, пока онъ говорилъ это, изъ подъ вѣтвей дерева поднялась стая вороновъ, которые, вертаясь и кружась въ воздухѣ, звали своихъ птенцовъ.

Когда Нору положили на постель, мистриссъ Эвенель попросила Джона выйти на минуту и дрожащими руками, не смѣя произнести ни слова, начала разстегивать Норѣ платье, подъ которымъ сердце ея судорожно трепетало.

Джонъ вышелъ изъ комнаты въ томительномъ безпокойствѣ, не умѣя дать себѣ отчета, видитъ ли онъ все это на яву, или во снѣ; голоса его была тяжела и въ ухахъ раздавался сильный шумъ. Вдругъ жена его очутилась передъ нимъ и сказала ему почти шопотомъ:

— Джонъ, бѣги за мистеромъ Морганомъ.... торопись же. Помни только, что не надо никому говорить слова на дорогѣ. Скорѣе, скорѣе!

— Развѣ она умираетъ?

— Не знаю. Ручаться нельзя, что не умретъ, сказала мистриссъ Эвенель сквозь зубы. — Но мистеръ Морганъ скромный человѣкъ и искренно преданъ намъ.

— Настоящій смѣльчакъ! проворчалъ бѣдливый Джонъ, какъ бы въ припадкѣ умственной разстройства.

Онъ съ усиліемъ привсталъ, поглядѣлъ на жену, покачалъ головою и вышелъ.

Часа черезъ два, маленькая крытая телѣжка остановилась у домика мистера Эвенеля; изъ телѣжки выпрыгнулъ блѣднолицый и худощавый молодой человѣкъ, одѣтый по праздничному; его сопровождала женщина, съ привлекательнымъ, одушевленнымъ личикомъ. Она подала ему на руки ребенка, котораго молодой человѣкъ принялъ съ нѣжностію. Ребенокъ былъ, кажется, бодръ и началъ кричать. Отецъ сталъ дрыгивать, сдвигать и подкатъ, съ такимъ видомъ, какъ будто совершенно привыкъ къ подобнаго рода упражненіямъ.

— Онъ уйдетъ, Маркъ; лишь только бы намъ добрести до дому, сказала молодая женщина, вытаскивая изъ глубины телѣжки пироги и булки давнишняго печенья.

— Не забудь цвѣтовъ, которые далъ намъ садовникъ сквайра, сказалъ Маркъ-поэтъ.

Молодая женщина вынула между тѣмъ мѣшки и корзины, которые наполнили телѣжку, поправила свой клекъ, пригладила себѣ волосы и приготовилась идти.

— А тихо что-то; они видно не ожидаютъ насъ, Маркъ. Ступай, постучись. Вѣрно они еще не ушли спать.

Маркъ постучался въ дверь — нѣтъ отвѣта. Слабый свѣтъ, выходящій изъ окна, ложился на полу, но не было замѣтно къ домѣ движенія. Маркъ опять постучался. Кто-то, одѣтый въ платье пастора, идя по направленію отъ Лэнсмеръ-парка, съ противоположнаго конца дороги, остановился, услышавъ нетерпѣливый ударъ Марка, и сказалъ учтиво:

— Не тотъ ли вы молодой человекъ, котораго другъ мой Джонъ Эвенель ожидалъ къ себѣ сегодня утромъ?

— Точно такъ, мистеръ Дэль, сказала мистрисъ Фэрфильдъ, съ нѣкоторою кокетливостію. — Вы вѣдь помните меня. Это мой милый и добрый супругъ.

Въ это время человекъ, запыхавшійся отъ скорой ходьбы, съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ усталости, подошелъ къ крыльцу дома.

— Мистеръ Морганъ! вскричалъ пасторъ съ пріятнымъ удивленіемъ. — Надѣюсь, что здѣсь не случилось ничего печальнаго.

— Фу, пропасть! это вы, мистеръ Дэль? Пойдемте, пойдемте скорѣе. Миѣ нужно вамъ передать два-три слова. Но чтѣ же это тутъ за народъ еще переминается?

— Сэръ, сказалъ Маркъ, выглянувъ изъ за двери: — мое имя Фэрфильдъ, а моя жена дочь мистера Эвенеля.

— Ахъ, Джэнь, и ея малютка тоже! Славно, славно! Пойдемте же скорѣе; только будьте осторожны и не увлекайтесь слишкомъ. Можетъ, чай, безъ шума, а? Тихонько, тихонько!

Общество все вошло; дверь затворилась. Мѣсяцъ поднялся на небѣ и увидѣло освящальъ уединенный домикъ, заснувшіе цвѣты въ полисадникѣ и развѣсистое дерево съ растрескавшеюся корою.

Весь этотъ день Гарлей л'Эстренджа былъ болѣе обыкновеннаго унылъ и мраченъ. Воспоминаніе о времени, неразлучномъ съ именемъ Норы, увеличило лишь грусть, которая тяготила его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ упустилъ изъ виду Нору и потерялъ слѣды ея. Одлей, увлекаемый нѣжностію къ своему другу и чувствомъ раскаянія въ своихъ поступкахъ, уговорилъ л'Эстренджа оставить вечеромъ паркъ и отправиться за нѣсколько миль, съ цѣлію употребить будто бы содѣйствіе Гарлея для выполненія какого-то важнаго проэкта по дѣлу выборовъ. Перемиѣна мѣста должна была благотвительно развлечь его посреди его мечтаній. Самъ Гарлей былъ радъ избавиться отъ гостей въ домѣ Лэнсмеровъ. Онъ тотчасъ же согласился идти. Онъ не хотѣлъ возвратиться къ ночи. Депутаты, которыхъ онъ собирался посѣтить, жили въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, такъ что онъ могъ

пробыть день или два въ домѣ. Когда Гарлей вышелъ, Эджертоу самъ впалъ въ глубокую задумчивость. Носились слухи о какой-то неожиданной оппозиціи. Приверженцы его находились въ безпокойствѣ и страхѣ. Ясно было видно, что если интересы Лэнсмеровъ подвергнутся нападенію, то они окажутся слабѣйшими, чѣмъ предполагалъ графъ.

Эджертоу могъ потерпѣть неудачу на выборахъ. Въ такомъ случаѣ, что приходилось ему дѣлать? Какъ обезпечить существованіе жены, на возвращеніе которой онъ все еще рассчитывалъ, и бракъ съ которою ему слѣдовало наконецъ признать во всеуслышаніе? «Спокойствія, одного спокойствія жадею я!» думалъ про себя этотъ честолюбивый человѣкъ. Но пока Одлей приготавливалъ себя такимъ образомъ къ самому невыгодному исходу своей карьеры, онъ все-таки направлялъ всю свою энергію къ болѣе и болѣе блестящимъ цѣлямъ, и теперь онъ сидѣлъ въ комнатѣ, перечитывалъ избирательные реестры, разсуждалъ о личныхъ свойствахъ, мнѣніяхъ и частныхъ интересахъ каждаго изъ избирателей, пока не стемнѣло совершенно. Когда онъ воротился къ себѣ въ комнату, ставни у оконъ не были закрыты, и онъ стоялъ нѣсколько минутъ въ нѣмомъ созерцаніи мѣсяца. При этомъ зрѣлищѣ, мысль о Норѣ, оставившей и забывшей его, овладѣла имъ съ новою силою. Онъ отвернулся со вздохомъ, бросился на раздѣваясь на постель и погасилъ свѣчку. Но свѣтъ луны не хотѣлъ какъ будто оставить комнату. Онъ не давалъ Одлею нѣкоторое время заснуть, пока онъ не повернулся къ стѣнѣ и не принудилъ себя заснуть. Но и во снѣ онъ былъ опять съ Норою — опять въ скромномъ домицѣ, который они нѣкогда занимали. Никогда еще во снѣ Нора не представлялась ему такъ живо и правдоподобно: она смотрѣла пристально на него, положивъ ему на плечо руку по своему обыкновенію, и повторяла кроткимъ, мягкимъ голосомъ: «Развѣ я виновата въ томъ, что должна была уѣхать? Прости, прости меня!» И вотъ ему кажется, что онъ отвѣчаетъ: «Никогда не оставляй меня болѣе — никогда, никогда!», что онъ нагибается, чтобы напечатлѣть поцалуй на этихъ невнорочныхъ устахъ, которыя протягивались къ нему съ такою нѣжною предвзвѣтностью. И вотъ онъ слышитъ стукъ, точно стукъ молотка, мѣрный, но тихій, осторожный, какъ будто робкій. Онъ проснулся и все-таки слышалъ стукъ. Стучали къ нему въ дверь. Онъ приподнялся съ кровати въ безпокойствѣ. Луна угасла на небѣ — свѣтало.

— Кто тамъ? вскричалъ онъ съ безпокойствомъ.

Тихій шопотъ отвѣчалъ ему изъ за двери:

— Не бойтесь, это я; одѣвайтесь скорѣе; мнѣ нужно васъ видѣть.

Эджертоу узналъ голосъ леди Лэнсмеръ и, поспѣшно одѣвшись, открылъ дверь. Леди Лэнсмеръ стояла за дверью съ ужасною блѣдностію на лицѣ. Она положила себѣ палецъ на уста и дала ему знакъ за собою слѣдовать. Онъ механически повиновался. Они вошли въ ея спальню, и графиня затворила за собою дверь:

Тогда, положивъ къ нему на плечо руку, она проговорила прерывистымъ и тревожнымъ голосомъ :

— О, мистеръ Эджертонъ, вы должны оказать мнѣ услугу и вѣстѣ съ тѣмъ услугу Гарлею : спасите моего Гарлея ; ступайте къ нему, убѣдите его воротиться сюда. Смотрите за нимъ... забудьте ваши выборы... вамъ придется потерять только годъ или два въ вашей жизни... вамъ представится еще много случаевъ... окажите... эту услугу вашему Другу.

— Говорите, въ чемъ дѣло. Нѣтъ пожертвованія, котораго бы я не сдѣлала для Гарлея!

— Благодарю васъ ; я была въ этомъ уверена. Такъ ступайте же скорѣе къ Гарлею, удалите его изъ Лэнсмера подъ какими бы то ни было предлогами. О, какъ-то онъ перенесетъ это, какъ-то оправится отъ подобнаго удара. О, мой сынъ, мой милый сынъ!

— Успокойтесь! объяснитесь скорѣе! Въ чемъ дѣло? о какомъ ударѣ говорите вы?

— Ахъ, вы вѣдь въ самомъ дѣлѣ ничего не знаете, ничего еще не слышали. Нора Эвель лежитъ такъ, въ домѣ отца своего, — лежитъ мертвая!

Одлей отступилъ назадъ, приложилъ обѣ руки къ сердцу и потомъ упалъ на колѣни, точно пораженный громомъ.

— Моя нареченная, моя жена! простоналъ онъ. — Умерла! этого быть не можетъ!

Леди Лэнсмеръ была такъ удивлена этимъ восклицаніемъ, такъ поражена призваніемъ совершенно нежданнвымъ, что не находила словъ утѣшать или просить объясненій и, не бывъ вовсе приготовлена къ морыванью горести человека, котораго привыкла видѣть сохраняющимъ присутствіе духа и холоднымъ, она не могла надвинуться, какъ живо чувствовала онъ всю тяжесть своей потери.

Наконецъ онъ преодолѣлъ свои страданія и спокойно выслушалъ, невѣдка лишь переводя дыханіе, разсказъ леди Лэнсмеръ.

Одна изъ ея родственницъ, гостившая въ то время у нея, за часъ или за два, вдругъ почувствовала себя очень дурно ; весь домъ былъ встревоженъ, графиня проснулась, и мистеръ Морганъ былъ призванъ, какъ постоянный докторъ этого семейства. Отъ него леди Лэнсмеръ узнала, что Нора Эвель возвратилась въ родительскій домъ накануне поздно вечеромъ, почувствовала припадки сильнѣйшей горѣчки и умерла черезъ нѣсколько часовъ. Одлей выслушалъ это и пошелъ къ двери, но прежнему сохранилъ молчаніе.

Леди Лэнсмеръ взяла его за руку.

— Куда вы идете? Ахъ, могу ли я теперь просить васъ спасти моего сына, теперь, когда вы сами еще болѣе страдаете? Вы знаете, какъ онъ вспыльчивъ : что съ нимъ будетъ, когда онъ увидитъ, что вы были его соперникомъ, мужемъ Норы, — вы, которому онъ такъ заврался? Что выйдетъ изъ всего этого? Я трепещу заранѣе!

— Не бойтесь... я еще сохраняю присутствие духа! пустите меня... я скоро вернусь... и тогда (губы его дрожали)... тогда... мы поговоримъ о Гарлей.

Эджертоуз механически направилъ шаги черезъ паркъ къ дому Джона Эвенеля. Онъ подошелъ къ двери; она была отворена; онъ сталъ звать — отвѣта не было; онъ поднялся по узкой лѣстницѣ и вступилъ въ комнату покойницы. У дальняго конца кровати сидѣлъ Джонъ Эвенель; но онъ казался погруженнымъ въ глубочайшій, томительный сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ пораженъ былъ за нѣсколько часовъ параличемъ, — впрочемъ, не подверженъ этого, точно такъ же, какъ не замѣчали этого и другіе. Онъ былъ оставленъ, чтобы охранять домъ, — старикъ, самъ ощущавшій надъ собою дѣйствіе леденящей смерти. Одной подѣлся къ постелю; онъ приподнялъ покрывало, которое брошено было на блѣдное лицо покойницы. Кто въ состояніи описать, что происходило съ нимъ въ ту минуту, когда онъ стоялъ тутъ? Но когда онъ вышелъ изъ комнаты и тихонько спустился съ лѣстницы, онъ оставилъ за собою любовь и молодость, всѣ надежды и радости семейной жизни оставилъ навсегда, навсегда.

Нора умерла въ припадкѣ безпамятства, произведя на свѣтъ ребенка. Въ предсмертномъ бреду она повторила слова: «стыль, позоръ, презрѣніе»; на рукѣ ея не было видно обручальнаго кольца. Несмотря на всю силу грести, первую мыслью мистриссъ Эвенель было спасти доброе имя покойной дочери, сохранить незапятнанною честь оставшихся въ живыхъ Эвенелей. Не будучи въ состояніи плакать, отъ слишкомъ тяжелаго прилива отчаянія, она думала, придумала и составила планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Джонъ Ферфильдъ должна была взять къ себѣ ребенка тотчасъ же, не дожидаясь разсѣта, и воспитывать его вмѣстѣ съ своимъ. Маркъ долженъ былъ отправиться съ нимъ, потому что мистриссъ Эвенель боялась отъ него нескромности въ припадкѣ столь сильнаго негодованія. Сама мистриссъ Эвенель намѣревалась сдѣлать съ ними часть пути, съ цѣлю напомнить имъ о необходимости строго хранить тайну. Но они не могли же возвратиться въ Гавельденъ съ другимъ ребенкомъ; Джонъ должна была ѣхать въ такое мѣсто, гдѣ бы ее никто не зналъ; оба ребенка стали считаться близнецами. И хотя мистриссъ Эвенель была отъ природы сострадательной и любящей женщиной, хотя она какъ мать привязывалась къ дѣтямъ, но за всѣмъ тѣмъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ смотрѣла она на ребенка Джонъ и думала про себя: «мы избавимся бы всѣхъ хлопотъ, если бы тутъ былъ только одинъ. Ребенокъ Норы могъ бы тогда всю жизнь считаться ребенкомъ Джонъ.»

Гарлей очень удивился увидавъ Эджертона; еще болѣе удивился онъ, когда Эджертоуз сказалъ ему, что онъ ожидаетъ себѣ сильной оппозиціи, что онъ не надѣется имѣть успѣха въ отношеніи Локсмера и потому намѣренъ отказаться вовсе отъ своихъ притязаній. Онъ написалъ объ этомъ графу; но графиня знала истинную причину его отказа и сооб-

шила ее графу, такъ что, какъ мы видѣли уже въ началѣ нашего повѣствованія, дѣло Эджертона нисколько не потеряло, когда капитанъ Дашморъ появился въ мѣстечкѣ; а благодаря настоящимъ и ораторскимъ способностямъ мистера Гэзельдена, Эджертонъ приобрѣлъ перевѣсъ двухъ голосовъ — Джона Эвенела и Марка Фарнелла. Хотя первый и выѣхалъ не задолго изъ городка по совѣту медиковъ, и хотя, съ другой стороны, болѣзнь, которая поразила его и сдѣлала его смиреннымъ какъ дитя, — все-таки онъ сильно интересовался тѣмъ, какъ будутъ дѣйствовать свине, и готовъ былъ встать съ постели, чтобы замолвить словечко въ защиту своихъ убѣжденій. Въ Лэнсмеръ-паркѣ Одлею подали послѣднее письмо Норы. Почтальонъ принесъ его туда за часъ или за два до того, какъ онъ вышелъ. Обручальное кольцо упало на полъ и подкатилось къ ногамъ Одлея. И эти пылкіе, страстные упреки, весь жаръ оскорбленной любви объяснили ему тайну возвращенія Норы, ея несправедливыя подозрѣнія, причину ея внезапной смерти, которую онъ приписывалъ горячкѣ, произведенной раздражительностію, безпокойствомъ и усталостію. Нора вовсе не упоминала о ребенкѣ, который уже готовъ былъ родиться, и не упоминала, можетъ быть, съ намѣреніемъ. Получивъ это письмо, Эджертонъ не имѣлъ уже силъ оставаться въ деревенской глуши въ уединеніи или въ сообществѣ Гарлея. Онъ сказалъ на-отрѣзъ, что ему нужно ѣхать въ Лондонъ, убѣдилъ Гарлея сопутствовать ему, и тамъ, узнавъ отъ леди Лэнсмеръ, что похороны кончились, онъ открылъ Гарлею страшную истину, что Нора нѣтъ уже на свѣтѣ. Дѣйствіе, произведенное этимъ извѣстіемъ на здоровье и душевное расположеніе молодого человѣка, было еще сильнѣе, чѣмъ ожидалъ Одлей, который, отъ глубокой сосредоточенной горести, перешелъ къ томительному чувству раскаянія.

— Если бы не моя безразсудная страсть, отвѣчалъ великодушный Гарлей: — если бы не мои искательства, оставила ли бы она свой мирный пріютъ, оставила ли бы она свой родной городъ? Притомъ же борьба между чувствомъ долга и любовью ко мнѣ! Я это вполне понимаю! Но для меня она все-таки будетъ жить, какъ будто никогда не умирала!

— О, нѣтъ! воскликнулъ Эджертонъ, готоваясь дѣлать полное признаніе. — Повѣрь мнѣ, она никогда не любила тебя. Да, да! будь увѣренъ! Она любила другого, убѣждала съ нимъ, можетъ быть, вышла за него замужъ.

— Замолчи! вскричалъ Гарлей, въ сильномъ порывѣ страсти: — ты убиваешь ее для меня дважды, говори это! Я еще могъ бы мечтать, что она живетъ здѣсь, въ моемъ сердцѣ, представлять себѣ, что она любила меня, что ничьи еще уста не прикасались къ ней, не подарившей меня подлугемъ. Но если ты заставляешь меня сомнѣваться въ этомъ.... ты, ты....

Страданія молодого человѣка были слишкомъ сильны для его организма: онъ упалъ на руки къ Одлею; приливъ крови къ сердцу ли-

щадя его чувства. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ находился въ опасности и все это время не спускалъ глазъ съ Одея.

— Скажи мнѣ, повторялъ онъ : — скажи мнѣ, что ты не убѣжденъ въ томъ, что ты говоришь. Скажи мнѣ, что ты не имѣлъ основанія утверждать, будто она любила другого, принадлежала другому.

— Успокойся, успокойся : я, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ не по убѣжденію. Я думалъ этимъ отвлечь твои мысли отъ одного и того же предмета. . какое безразсудство, въ самомъ дѣлѣ! повторялъ несчастный другъ.

И съ этой минуты Одей отказался вовсе отъ мысли оправдаться передъ самимъ собою : онъ чувствовалъ, что безстыдно жечь — онъ, высокоумный джентльменъ.

Пока Гарлей не успѣлъ еще избавиться отъ своей болѣзни, мистеръ Дэль прибылъ въ полдень, съ тѣмъ, чтобы видѣться съ Эджертономъ. Пасторъ, обѣщая мистеру Эвенелю сохранить тайну, слѣлалъ это съ условіемъ, чтобы подобная скрытность не послужила къ униженію правъ сына Норы. Что, если они въ самомъ дѣлѣ были желаты? Не слѣдовало ли наконецъ узнать имя отца ребенка? Со временемъ отецъ ему понадобится. Мистриссъ Эвенель должна была подчиниться подобнымъ убѣжденіямъ. Впрочемъ, она уговаривала мистера Дэла не дѣлать поисковъ. Что могло изъ нихъ выйти? Если Нора дѣйствительно была обвинена, то мужъ ея, безъ сомнѣнія, самъ объявилъ бы свое имя; если ее обольстили и бросили, то открытіе отца ребенка, о существованіи котораго свѣтъ еще ничего не зналъ, только оскорбило бы память покойницы. Подобные доводы заставляли добраго пастора колебаться. Но Джэнь Ферфильдъ имѣла какое-то инстинктивное убѣжденіе въ невинности своей сестры, и всѣ ея подозрѣнія были направлены на лорда л'Эстренджа. Точно того же мнѣнія была и мистриссъ Эвенель, хотя она и не признавалась въ этомъ. Въ справедливости этихъ предположеній мистеръ Дэль былъ совершенно увѣренъ: восторженность молодого лорда, опасенія леди Лэнсмеръ были слишкомъ очевидны чловѣку, который часто посѣщалъ Паркъ; внезапный отъѣздъ Гарлея передъ самымъ возвращеніемъ Норы къ родителямъ, неожиданное уклоненіе Эджертона отъ представительства за мѣстечко, прежде чѣмъ оппозиція была объявлена, съ цѣлю не разлучаться съ своимъ другомъ въ самый день смерти Норы, — все подтверждало мысль, что Гарлей былъ или обольстителемъ, или супругомъ. Можетъ быть, тутъ былъ бракъ, совершенный за границей, такъ какъ Гарлею не доставало нѣсколькихъ годовъ до совершеннолѣтія. Пасторъ Дэль желалъ во всякомъ случаѣ увидаться съ лордомъ л'Эстренджемъ и попытаться узнать истину. Узнавъ о болѣзни Гарлея, мистеръ Дэль рѣшился увѣриться, въ какой мѣрѣ можетъ онъ проникнуть въ эту тайну чрезъ разговоръ съ Эджертономъ. Въ огромной репутации, которою пользовался этотъ чловѣкъ, и въ странномъ эксцентрическомъ характерѣ, соединенномъ въ немъ съ чувствомъ правоты и истинны, заключалась причина, почему

пасторъ рѣшился на подобную попытку. Онъ увидѣлся съ Эджертономъ, какъ будто съ цѣло дипломатическою — выведать отъ новаго представителя Ленсмеровъ, какой выгоды для себя можетъ ожидать семейство избирателей, которые дали ему большинство двухъ головъ.

Онъ началъ съ того, что представилъ ему въ трогательной видѣ, какъ бѣдный Джонъ Эвенель, удрученный горестью о потерѣ дочери и болѣзнию, пораженною его организмомъ и разстроившею его умственныя способности, несмотря на то, всталъ съ постели, лишь бы сдержать данное слово. Чувства, выказанныя при этомъ Оллеемъ, показали ему столь глубокими и естественными, что пасторъ шелъ въ своихъ объясненіяхъ все далѣе и далѣе. Онъ выразилъ догадку, что Нора была обманута, выразилъ надежду, что она, можетъ быть, была тайно обвинена, и когда Олей, по собственной ему способности владѣть собою, показалъ только должную степень участія, не болѣе, мистеръ Дэлъ открылъ ему наконецъ, что у Норы былъ ребенокъ.

— Не продолжайте далѣе своихъ развѣсканій! сказала свѣтскій человекъ. — Уважайте чувства и требованія мистриссъ Эвенель; они совершенно понятны. Предоставьте остальное мнѣ. Въ моемъ положеніи — я разумѣю свое положеніе въ Лондонѣ — я могу скорѣе и легче узнать истину, чѣмъ вы, не произвѣдая никакого скандала. Если мнѣ удастся оправдать эту... эту... эту несчастную (голосъ его дрожалъ) эту несчастную мать, или оставшееся дитя, то, рано или поздно, вы услышите обо мнѣ; если же нѣтъ, то похороните эту тайну на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь кроется, — въ могилѣ, которую еще не успѣлъ оскорбить молва. По ребенку — дайте мнѣ адресъ, гдѣ его найти — на случай, если я нападну на слѣды отца и успѣю тронуть его сердце...

— Ахъ, мистеръ Эджертонъ, не позволите ли вы мнѣ высказать догадку, гдѣ вы можете найти его и узнать кто онъ такой?

— Сэръ!

— Не сердитесь; впрочемъ, я въ самомъ дѣлѣ не имѣю права спрашивать васъ о томъ, что вамъ довѣрилъ другъ вашъ. Я знаю, какъ вы, знатные люди, щекотливы въ отношеніяхъ вашихъ другъ къ другу. Нѣтъ... нѣтъ... еще разъ прошу извиненія. Я все предоставляю вашимъ пожеланіямъ. Въ такомъ случаѣ я еще услышу объ васъ.

— А если нѣтъ, то это значить, что всѣ поиски напрасны. Другъ мой, одно могу сказать вамъ, что лордъ Г'Эстренджъ невѣнченъ въ этомъ дѣлѣ. Я... я... (голосъ замѣнялъ ему) я въ этомъ увѣренъ.

Пасторъ вздохнулъ, но не отвѣчалъ ни слова. Онъ далъ адресъ, котораго требовалъ представитель Ленсмеровъ, отправился назадъ и никогда уже не слышалъ болѣе объ Олей Эджертонѣ. Мистеръ Дэлъ убѣдился, что человекъ, который выказалъ въ разговорѣ съ нимъ столько участія къ чужому горю, безъ сомнѣнія, не имѣлъ удачу въ дѣйствіяхъ своихъ на совѣсть Гардея, или, можетъ быть, почелъ за лучшее оставить шна Норы въ покоѣ, а дитя ея вѣрить поочеченію родственниковъ и милосердію судьбы.

Гарлей и Эстрелджъ, едва поправившись въ своемъ здоровьи, поспѣшили присоединиться къ англійскимъ войскамъ на континентѣ, съ нѣлю найти тамъ смерть, которая рѣдко приходитъ, когда ее зовешь. Тотчасъ по отъѣздѣ Гарлея, Эджертонъ прибылъ въ деревню, указанную ему мистеромъ Дэлемъ, желая отыскать ребенка Норы. Но здѣсь онъ впалъ въ ошибку, которая имѣла значительное вліяніе на его жизнь и на будущую судьбу Леонарда. Мистриссъ Ферфильдъ получила отъ матери своей приказаніе жить подъ другимъ именемъ въ деревнѣ, въ которую она удалилась съ двумя дѣтьми, такъ что ея отношенія къ семейству Эвенелей, оставаясь въ тайнѣ, не могли подать повода къ розысканіямъ и празднымъ слухамъ. Грусть и тревога, которыя она испытала въ послѣднее время, лишили ее способности кормить грудью младенца. Она отдала ребенка Норы въ домъ одного фермера, жившаго въ недалекомъ разстояніи отъ деревни, и переехала изъ своего прежняго жительства, чтобы быть ближе къ дѣтямъ. Ея собственный сынъ былъ такъ слабъ и болѣзненъ, что его нельзя было поручить попеченіямъ чужихъ людей. Онъ, впрочемъ, скоро умеръ. Маркъ съ женой не могли видѣть могилу своего дѣтища: они поспѣшили возвратиться въ Гезельденъ и взяли Леонарда съ собою. Съ этихъ поръ Леонардъ считался сыномъ, котораго они потеряли.

Когда Эджертонъ пріѣхалъ въ деревню, ему указали хижину, въ которой женщина, воспитывавшая ребенка, провела послѣдніе дни; ему объявили, что она не задолго уѣхала, похоронивъ свое дитя. Эджертонъ не сталъ болѣе спрашивать, и такимъ образомъ онъ ничего не узналъ о ребенкѣ, отданномъ на руки къ кормилицѣ. Онъ тихими шагами отправился на кладбище и нѣсколько минутъ безмолвно смотрѣлъ на свѣжую могилу; потомъ, приложивъ руку къ сердцу, которому запрещены были всѣ сильныя ощущенія, онъ снова сѣлъ въ дилижансъ и возвратился въ Лондонъ. Теперь и послѣдній поводъ къ объявленію о своемъ бракѣ для него не существовалъ. Имя Норы нѣбжалого упрековъ.

Одлей механически продолжалъ свою жизнь — старался обратить свои попытки къ возвышеннымъ интересамъ честолюбивыхъ людей. Бѣдность все еще лежала на немъ тяжелымъ гнетомъ. Денежный долгъ Гарлею по прежнему оскорблялъ его чувство чести. Онъ не видѣлъ другого средства поправить свое состояніе и заплатить долгъ своему другу, какъ помощію богатой женитьбы. Умеревъ для любви, онъ смотрѣлъ на эту перспективу сначала съ отвращеніемъ, потомъ съ безстрастнымъ равнодушіемъ.

Бракъ съ богатой дѣвицей, со всѣми благопріятными послѣдствіями промотавшагося джентльмена, былъ заключенъ. Эджертонъ былъ нѣжнымъ и достойнымъ мужемъ въ глазахъ свѣта; жена любила его до безумія. Это общая участь людей подобныхъ Одлею — быть любящими слишкомъ горячо, выше собственныхъ достоинствъ.

У смертнаго одра жены сердце его затронуто было ея грустнымъ упрекомъ. «Я не успѣла достигнуть того, чтобы заставить тебя лю-

бить меня!» сказала ему жена, прощаясь съ нимъ на вѣки. «Правда!» отвѣчалъ Одлей, съ навернувшимися на глазахъ слезами. «Природа дала мнѣ маленькую частицу того, что женщины, подобныя тебѣ, зовутъ любовью, и эту маленькую частицу я успѣлъ уже истратить.» Тогда онъ разсказалъ ей, съ благоразумною умѣренностью, часть исторіи своей жизни: это утѣшило умирающую. Когда она узнала, что онъ любилъ, и что онъ въ состояніи грустить о потерѣ любимой женщины, она увидала въ немъ признаки человѣческаго сердца, котораго прежде не находила въ немъ. Она умерла, простивъ ему его равнодушіе и благословляя его. Одлей былъ очень пораженъ этою новою потерей. Онъ далъ себѣ слово не жениться уже болѣе. Онъ вадумалъ было сдѣлать молодого Рандаля Лесли своимъ наслѣдникомъ. Но, увидѣвъ итоскаго воспитанника, онъ не возмимѣлъ къ нему особенной привязанности, хотя и цѣнилъ его обширныя способности. Онъ ограничился тѣмъ, что сталъ покровительствовать Рандаю, какъ дальнему родственнику своей покойной жены. Отличался постоянною безпечностію въ денежныхъ дѣлахъ, будучи щедрымъ и великодушнымъ не изъ личнаго побужденія дѣлать добро другимъ, но по свойственному вельможѣ сознанію собственнаго долга и преимуществъ своего положенія, Одлей дѣлалъ самое прихотливое употребленіе изъ огромнаго богатства, которымъ владѣлъ. Болѣзненные припадки сердца его обратились въ органическій недугъ. Конечно, онъ могъ еще прожить долго и умереть потомъ отъ другой, совершенно естественной причины, но развитію болѣзни способствовали душевныя безпокойства и волненія, которымъ онъ подвергался. Единственный докторъ, которому онъ открылъ то, что желалъ бы утаить отъ всего свѣта (потому что честолюбивые люди желаютъ, чтобы ихъ считали безсмертными), сказалъ ему откровенно, что очень невѣроятно, чтобы, при всѣхъ тревогахъ и трудахъ политической карьеры, онъ могъ достигнуть даже зрѣлыхъ лѣтъ. Такимъ образомъ, не видя передъ собою сына, которому бы онъ могъ предоставить свое состояніе, имѣя въ числѣ ближайшихъ родственниковъ людей болѣею частію очень богатыхъ, Эджертонъ предался своему врожденному пренебреженію къ деньгамъ. Онъ не занимался собственными дѣлами, предоставляя ихъ попеченіямъ Леви. Ростовщикъ продолжалъ сохранять рѣшительное вліяніе во властолюбиваго лорда. Онъ зналъ тайну Одлея и, слѣдовательно, могъ открыть ее Гарлею. А единственная вѣжная, воспримчивая сторона натуры государственнаго человѣка, единственный уголокъ его организма, еще не погруженный въ Стиксъ прозаической жизни, дѣлающій человѣка недоступнымъ для любви, была полная раскаянія привязанность его къ школьному товарищу, котораго онъ обманулъ.

ГЛАВА СХІ.

Изъ повѣствованія, предложеннаго любознательности читателя, Леонардъ могъ почерпнуть только несвязные отрывки. Онъ былъ въ состояніи лишь понять, что несчастная мать его была соединена неразрывными узами съ человѣкомъ, котораго она любила чрезвычайно. Леонардъ догадывался, что бракъ матери его не былъ обличенъ въ требуемыя закономъ формы; что она странствовала по свѣту съ горечью отчаянія и возвратилась домой, не зная раскаянія и надежды: она подозрѣвала, что любовникъ ея готовъ былъ жениться на другой. Здѣсь рукопись теряла уже связный характеръ, оканчиваясь слѣдами горькихъ слезъ предсмертной тоски. Грустную кончину Норы, ея возвращеніе подъ родительскій кровъ, — все это Леонардъ узналъ еще прежде, изъ разсказа доктора Моргана.

Но даже самое имя мнимаго мужа Норы все еще оставалось неизвѣстнымъ. Объ этомъ человѣкѣ Леонардъ не могъ составить себѣ никакой опредѣленной идеи, кромѣ того, что онъ очевидно былъ выше Норы по происхожденію. Въ первомъ поклонникѣ-отроцѣ можно было безъ труда узнать Гарлея л'Эстренджа. Если это такъ, Леонардъ найдеть случай узнать все, что для него оставалось еще темнымъ. Съ этимъ намѣреніемъ онъ оставилъ коттеджъ, рѣшившись возвратиться для присутствованія при похоронахъ своего покойнаго друга. Мистриссъ Гудайеръ охотно позволила ему взять съ собою бумаги, которыя онъ читалъ, и присоединила къ нимъ пакетъ, который былъ присланъ съ континента на имя мистриссъ Бертрамъ. Находясь подъ вліяніемъ грустныхъ впечатлѣній, навѣянныхъ на него чтеніемъ, Леонардъ отправился въ Лондонъ пѣшкомъ и пошелъ къ отелю Гарлея. Въ ту самую минуту, когда онъ переходилъ Бондъ-Стригъ, какой-то джентльменъ, въ сопровожденіи барона Леви, зашедшій, сколько можно было судить по его разгорѣвшемуся лицу и громкому, неровному голосу, какой-то непріятный разговоръ съ фешенебельнымъ ростовщикомъ, вдругъ замѣтилъ Леонарда и, оставивъ тотчасъ Леви, схватилъ молодого человѣка за руку.

— Извините меня, сэръ, сказалъ джентльменъ, глядя Леонарду прямо въ лицо: — но если мои зоркіе глаза меня не обманываютъ, что случается, впрочемъ, очень рѣдко, я вижу передъ собою моего племянника, съ которымъ поступилъ, можетъ статься, немного круто, но который все-таки не имѣетъ никакого права вовсе забыть Ричарда Эвелинга.

— Милый дядюшка! вскричалъ Леонардъ, — вотъ пріятная неожиданность, и въ такую именно минуту, когда мнѣ необходимо радостное ощущеніе. Нѣтъ, я никогда не забывалъ вашей доброты въ отношеніи ко мнѣ и всегда сожалѣлъ только о нашей размовкѣ.

— Славно сказали! дай-ка мнѣ свою руку. Позволь посмотрѣть на себя — настоящий джентльменъ, смѣю увѣрить, и какой красивый. Впрочемъ, всѣ Эвенели таковы. Прощайте, баронъ Леви. Не дожидаетесь меня; я еще увижусь съ вами.

Дикъ Эвенель взялъ племянника за руку и старался какъ будто позабыть заботы, волновавшія его, показывая участіе къ судьбѣ посторонняго человѣка, усиленное въ этомъ случаѣ истинною привязанностью, которую онъ питалъ къ Леонарду. Но любознательность его не была вполне удовлетворена, потому что, прежде чѣмъ Леонардъ успѣлъ преодолѣть природное отвращеніе говорить о своихъ успѣхахъ въ литературѣ, мысли Дика стремились опять къ его сопернику въ Скрюстоунѣ, къ мечтѣ о возможности получить перевѣсъ въ числѣ голосовъ, — къ векселямъ, которые Леви готовился передать ему съ цѣлю поставить его въ возможность итти наперекоръ подавляющей силѣ болѣе извѣстнаго, чѣмъ онъ самъ, капиталиста, и къ тому «отъявленному плуту», какъ называлъ онъ Леви, который старался доставить два кресла за Лэнсмеръ: одно — для Рандаля Лесли, другое — для богатаго набоба, только что попавшаго въ число его кліентовъ. Такимъ образомъ Дикъ скоро прервалъ нерѣшительныя признанія Леонарда восклицаніями, очень мало относившимся къ предмету разсказа и скорѣе выражавшими его личныя ощущенія, чѣмъ сочувствіе или доброжелательство къ племяннику

— Хорошо, хорошо, сказали Дикъ: — я прослушаю твою исторію въ другое время. Я вижу, что ты удачно обдѣлалъ свои дѣльшки: этого и будетъ на первый разъ. Какъ ни разсуждай, а я долженъ тебѣ серьезно подумать о самомъ себѣ. Я въ маленькомъ недоумѣніи, сэръ. Скрюстоунъ не тотъ уже добродушный Скрюстоунъ, который ты знавалъ прежде: онъ весь передурчился, перековеркался, превратился въ демоническое чудовищное существо — капиталиста, который, помощью своихъ машинъ, въ состояніи перенести весь Ниагарскій водопадъ къ себѣ въ гостиную. И какъ будто этого еще было мало для того, чтобы одурочить такого простака, какъ я: онъ намѣренъ, я слышалъ, подарить свѣту совершенно не кстати новое изобрѣтеніе, которое заставитъ машины работать вдвое болѣе, вдвое меньшимъ количествомъ рукъ. Вотъ какими путями эти безчувственные негодяи додѣлываютъ нашего брата. Но ужъ и я же подпущу ему фугу.... не я буду, если говорю неправду.

Здѣсь Дикъ высказалъ цѣлую тучу нареканій противъ всѣхъ жителей безвозмездно окомода вообще и противъ капиталиста-чудовища въ Скрюстоунѣ въ особенности.

Леонардъ очень удивился, потому что Дикъ назвалъ то самое лицо, которое законтрактовало въ свою пользу всѣ усовершенствованія, сдѣланныя Леонардомъ въ паровыхъ машинахъ.

— Пойдите, дядюшка, пойдите! Что же, если этотъ человекъ въ самомъ дѣлѣ купилъ бы проектъ, о которомъ вы говорите, это было бы противно вашимъ выгодамъ?

— Целушко выходящъ, сэръ! это просто разорить жоца, то есть, репутацию, если предпріятіе ему удастся; но я скорѣе думаю, что все это чистые дустика.

— Нѣтъ, не думаю, ладюшка! я готовъ ручаться въ томъ.

— Ты! ты развѣ дидѣлъ мащину?

— Какже! я самъ изобрѣлъ ее.

Дикъ тотчасъ отдернулъ свою руку отъ руки Леонарда.

— Замѣнное отродье, скавалъ онъ съ негодованіемъ: — такъ это ты, котораго я дригнулъ на груди своей, ты собираешься разорить Ричарда Эвенела?

— Не разорять, а снасти его. Поидемте со мною въ Сити и взгляните на модель мою. Если вы ее одобрите, патентъ будетъ принадлежать вамъ.

— Славно! знай нашихъ! лихо! кричалъ Дикъ, дѣлая сильными движенія: — валай же впередъ, скорѣе. Я куплю твой патентъ, но есть, если онъ стоитъ дороже выдѣннаго яйца. Что касается до денегъ....

— Денегъ! И не говорите о нихъ!

— Ладно и то, сказалъ Дикъ съ мягкосердечіемъ: — я самъ теперь не намѣренъ говорить общими мѣстами. Что касается до этого черномазаго барона Леви, дай мнѣ сначала отдѣлаться отъ его жидовскихъ объятій; впрочемъ, иди знай, показывай дорогу: нечего терять намъ время.

Одинъ взглядъ на машину, изобрѣтенную Леонардомъ, далъ понять Ричарду Эвенелю, какую пользу она могла бы принести ему. Получивъ въ свое владѣніе право на патентъ, котораго прямые послѣдствія, состоявшія въ увеличеніи силы и сокращеніи труда, были очевидны для каждаго практическаго человѣка, Эвенель почувствовалъ, что онъ долженъ достать необходимую сумму денегъ для выполненія предпріятія, для наготовленія машинъ, уплаты векселей, данныхъ Леви, и для открытой борьбы съ самыми чудовищными капиталистами. При этомъ нужно было только принять въ свое сообщество какогонибудь другаго капиталиста; кого же? всякій товарищъ лучше Леви. Счастливая мысль въ это время посетила его.

Дикъ назначилъ Леонарду часъ, когда сойтись вмѣстѣ у мажера, чтобы условиться насчетъ формальной передачи имъ на кондикціяхъ, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ, бросился въ Сити отыскивать капиталиста, который могъ бы выхватить его изъ когтей Леви и забавить отъ машинъ соперника его въ Сирюстоунѣ. Муллианъ былъ бы вполне подходящій, еслибъ мнѣ удалось подѣлать его, скавалъ Дикъ. — Слышали вы о Муллианѣ? — О, это удивительный человѣкъ! Вгляните только на его гвозди — никогда не ломаются! Онъ составилъ себѣ по крайней мѣрѣ капиталъ въ три милліона чрезъ эти гвозди, сэръ. А въ этой старой, изношенной странѣ нужно имѣть аршинный гвоздь, чтобы бороться съ такимъ негоддемъ, какъ Леви. Продай.... прощайте, прощайте, мой милый племянничекъ!

Гарлей г'Эстренджъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Онъ только что читалъ передъ этимъ одного изъ своихъ любимыхъ классическихъ писателей, и рука его лежала еще на книгѣ. Со времени возвращенія Гарлея въ Англію произошла замѣтная перемена въ выраженіи лица его, въ манерахъ и привычкахъ его гибкой, юношеской природы. Уста его сжимались съ какою-то рѣшительною твердостью; на челѣ его напечатлѣлся болѣе сформированный характеръ. Мѣсто женственной, гибкой граціи въ движеніяхъ заступила необыкновенная энергія, столь же покойная и сосредоточенная, сколько и та, которою отличался самъ Одлей Эджертопъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы заглянули въ сердце Гарлея, мы увидали бы, что первое время онъ дѣлалъ много усилій, чтобы покорить свои страсти и увротить свой непреклонный духъ; мы увидали бы, что здѣсь весь человѣкъ направлялъ себя во имя сознанія собственнаго долга. «Нѣтъ — говорилъ онъ самъ съ собою — я не буду ни о чемъ думать, кромѣ дѣйствительной, практической жизни! Да и что за наслажденіе, если бы даже я не далъ слова другой, что за наслажденіе доставила бы мнѣ эта черноглазая итальянка? Не есть ли все это игра ребяческаго воображенія! Я опять получаю способность любить, — я, который въ продолженіе цѣлой весны жизни, преклонялся съ какою-то непонятною вѣрностію предъ памятью о милой для меня могилѣ. Перестань, Гарлей г'Эстренджъ, поступи наконецъ какъ должно поступать человѣку, который живетъ посреди людей. Не мечтай болѣе о страсти. Забудь мнимые идеалы. Ты не поэтъ: къ чему же воображать, что жизнь сама по себѣ есть поэма?...»

Дверь открылась, и австрійскій принцъ, который, по убѣжденію Гарлея, принималъ участіе въ дѣлѣ отца Виоланты, вошелъ въ комнату на правахъ близкаго съ хозяиномъ человѣка.

— Доставили вы документы, о которыхъ говорили мнѣ? Черезъ нѣсколько дней я долженъ воротиться въ Вѣну. И если вы не снабдите меня очевидными доказательствами давнѣйшей пзмѣны Пешьеры, или болѣе непреклонными доводами къ оправданію его благороднаго родственника, то я не вижу другого средства къ возвращенію Рикка-бокка въ отечество, кромѣ ненавистнаго для него замужства дочери съ его злѣйшимъ врагомъ.

— Увы! сказалъ Гарлей: — до сихъ поръ всѣ поиски были напрасны, и я не знаю, какъ поступать, чтобы не возбуждать бдительности Пешьеры и не заставлять его противодѣйствовать намъ. Моему несчастному другу, по всему видно, придется довольствоваться изгнаніемъ. Отдать Виоланту графу было бы слишкомъ безславно. Но я самъ скоро женюсь; у меня будетъ своя семья, свой домъ, который я могу предложить отцу и дочери, безъ опасенія ихъ тѣмъ унижить.

— Но не станетъ ли будущая леди г'Эстренджъ ревновать своего супруга къ такой прелестной гостьѣ, какова, по вашимъ рассказамъ, синьорина? Да и вы сами не подвергнетесь ли при этомъ опасности, мой несчастный другъ?

— Полноте! отвѣчалъ Гарлей, слегка повраснѣвъ: — моя прелестная гостыя найдутъ во мнѣ второго отца — вотъ и все. Попрошу васъ, не шутите столь важною вещью, какъ честь.

При этомъ отворилась дверь и вошелъ Леонардъ.

— Добро пожаловать! вскричалъ Гарлей, обрадовавшись возможности не оставлять долге наединѣ съ принцемъ, взглядъ котораго, казалось, проникалъ его: — добро пожаловать! Это одинъ изъ нашихъ благородныхъ друзей, который принимаетъ участіе въ судьбѣ Ринка-бонка, и который могъ бы оказать ему большія услуги, если бы удалось отыскать документы, о которыхъ мы говорили.

— Они здѣсь, сказалъ простодушно Леонардъ: — все ли тутъ, что вамъ нужно?

Гарлей торопиво схватилъ пакетъ, который былъ посланъ изъ Италіи на имя мняшой мистриссъ Бертрамъ, и, опершись головою на руку, сѣлшился обнять содержаніе бумагъ.

— Bravo! вскричалъ онъ наконецъ, съ лицомъ, сіявшимъ радостію. — Посмотрите, посмотрите, принцъ: здѣсь собственноручныя письма Пешьера къ женѣ его родственника, признаніе его въ томъ, что онъ называетъ своими патріотическими замыслами, и его убѣжденія, что бы она увлекла своего мужа къ участію въ нихъ. Посмотрите, какое сильное вліяніе онъ имѣетъ на женщину, которую нѣкогда любилъ; посмотрите, какъ искусно онъ отражаетъ всѣ ея доводы; посмотрите, какъ долго другъ нашъ противился обольщеніямъ, пока наконецъ жена и родственникъ не стали дѣйствовать на него соединенными силами.

— Этого довольно, совершенно довольно! вскричалъ принцъ, пробѣгая глазами тѣ мѣста писемъ Пешьера, на которыя Гарлей указывалъ ему.

— Нѣтъ, этого мало, повторялъ Гарлей, продолжая читать письма и постепенно воспламеняясь. — Вотъ гдѣ главное обвиненіе! О негодный, презрѣнный человѣкъ! Здѣсь, послѣ побѣга нашего друга, заключается его привнаніе въ преступной страсти; здѣсь онъ клянется, что нарочно строилъ козни противъ своего благодѣтеля съ цѣлію обезславить домъ, въ которомъ нѣкогда онъ нашелъ себѣ пріютъ. Ахъ! посмотрите, какъ она отвѣчаетъ. Благодареніе Небу, что она открыла наконецъ глаза и еще при жизни своей начала презирать своего поклонника. Она была невинна! Я это всегда говорилъ. Мать Віоланты не нанесла безчестія дочери. Вѣдная, мнѣ жаль ее. Какъ полагаете вы, обратитъ ли вашъ императоръ вниманіе на это обстоятельство?

— Я довольно хорошо знаю нашего императора, отвѣчалъ принцъ съ жаромъ: — чтобы заранѣе увѣрить васъ, что когда эти бумаги сдѣлаются ему извѣстны, то гибель Пешьера будетъ рѣшена, а вашему другу возвратятся всѣ права его. Вы еще доживете до той поры, когда дочь его, которой вы только что собирались приготовить уголокъ въ своемъ сердцѣ, сдѣлается богатѣйшею наслѣдницею въ Италіи, — невѣстою такого претендента, который достоинствами своими едва ли будетъ уступать владѣтельнымъ особамъ.

— Ахъ, сказала Гарлей, съ какою-то боязливою поспѣшностію и зашѣтно поблѣднѣвъ : — ахъ, я не увижу ее въ этомъ положеніи! Я никогда ужъ болѣе не поѣду въ Италію, никогда не встрѣчусь съ нею, если она оставитъ эту страну холодныхъ заботъ и празнической дѣятельности, — никогда, никогда!

Онъ поиникъ на нѣсколько минутъ голосомъ и потомъ скорыми шагами подошелъ къ Леонарду.

— Счастливыи поевъ! Для васъ идеалъ еще не потерянъ, оказалъ онъ съ грустною улыбкой. — Вы не зависите отъ обыденной, пошлой жизни.

— Вы не сказали бы, можетъ быть, этого, милердъ, отвѣчалъ Леонардъ печальвымъ голосомъ: — если бы знали, какъ то, что вы называете «идеаломъ», безоглядно зашѣнить для прота потерю привязанности одной изъ гениальныхъ личностей. Независимость отъ дѣйствительной жизни! Гдѣ она? Здѣсь у меня есть исповѣдь истинно-поэтической души, которую советую вамъ прочесть надосутѣ: когда вы прочтаете ее, погрудитесь сказать, будете ли вы желать сдѣлаться поэтомъ!

Говоря это, онъ подавъ дневникъ Норы.

— Положите это туда, на мою конторку, Леонардъ; я прочитаю оо-временемъ эту рунешись.

— Прочитайте се вниманіемъ: тутъ есть много такого, что связано съ моею судьбой, — многое, что остается для меня тайной, но что вы, вѣроятно, сумѣете объяснить.

— Я! вскричалъ Гарлей. — Онъ шелъ къ конторкѣ, въ одну изъ ящиковъ которой Леонардъ бережно положилъ бумаги, но въ эту самую минуту дверь съ шумомъ отворилась, и въ комнату стремительно вбѣжалъ Джакомо, въ сопровожденіи леди Лансмеръ.

— О, Боже мой, Боже мой! кричалъ Джакомо по итальянски: — синьорина, синьорина! Виоланта!

— Что съ нею? Матушка, матушка! что съ нею? Говорите, говорите скорѣе!

— Она ушла, оставила нантъ домъ!

— Ушла! нѣтъ, нѣтъ! кричалъ Джакомо. — Ее обманули, увезли насильно. Графъ! графъ! О, мой добрый господинъ, спасайте ее, какъ вы нѣкогда спасли ее отца!

— Постой! вскричалъ Гарлей. — Дайте мнѣ вашу руку, матушка. Вторичный подобный ударъ въ жизни выше силъ человѣческихъ, — во второй мѣрь выше моихъ силъ. Такъ, такъ! Теперь мнѣ легче! Благодарю васъ, матушка! Посторонитесь, дайте мнѣ подышать свѣжимъ воздухомъ. Значитъ графъ восторжествовалъ, и Виоланта убѣжала съ нимъ! Объясните мнѣ это хорошенько: я въ состояніи перенести все, что хотите!

ГЛАВА СХІІ.

Теперь намъ должно возвратиться назадъ въ нашѣмъ повѣствованіи и передать читателю обстоятельства побѣга Віоланты.

Припомнимъ, что Пешьера, испуганный неожиданнымъ появленіемъ лорда Г'Эстренджа, ниѣлъ время сказать лишь нѣсколько словъ молодой италіанкѣ, успѣлъ лишь выразить намѣреніе снова увидѣться съ нею, съ тѣмъ, чтобы окончательно рѣшиться насчетъ хода дѣла. Но когда, на другой день, онъ тамъ же тихо и осторожно, какъ и прежде, вошелъ въ садъ, Віоланта не появилась. Просидѣвъ около дома до тѣхъ поръ, пока совершенно стемнѣло, графъ удалился съ негодованіемъ, сознавая, что всѣ его ухищренія не успѣли привлечь на его сторону сердце и воображеніе избранной имъ жертвы. Онъ началъ придумывать и разбирать, вмѣстѣ съ Леви, всѣ возможныя крутыя и насильственныя средства, которыя могли только представиться его смѣлому и плодовитому воображенію. Но Леви съ такою силою возставалъ противъ всякой попытки похитить Віоланту изъ дома лорда Лансмера, въ такомъ комическомъ свѣтѣ представилъ всѣ возможные нечестныя похиженія, имѣющія девизомъ веревочную дѣйствицу, что графъ немедленно оставилъ мысль о романтическомъ подвигѣ, не употребительномъ въ нашей разсудительной столицѣ, — подвигѣ, который, безъ сомнѣнія, окончился бы тѣмъ, что графа взяли бы въ полицію съ похвальною цѣлію посадить его потомъ въ Исправительный Домъ.

Самъ Леви не могъ, впрочемъ, присовѣтовать ничего примѣнимаго къ дѣлу, и Рандаль Если былъ призванъ тогда на совѣщаніе.

Рандаль кусалъ себѣ губы, въ припадкѣ безсмысленнаго негодованія, какъ человѣкъ, который мечтаетъ о часѣ своего будущаго освобожденія и который преклоняетъ между тѣмъ свое гордое чело передъ необходимостію унижаться, съ какимъ-то безотчетнымъ, механическимъ спокойствіемъ. Необыкновенное превосходство глубокомысленнаго интригана надъ деразстію Пешьера и надъ практичностью Леви выказалось съ полнымъ блескомъ.

— Ваша сестра, сказала Рандаль Пешьера: — должна быть дѣйствующимъ лицомъ въ первой и самой трудной части вашего предпріятія. Віоланту нельзя насильно увести изъ дома Лансмеровъ: ее нужно убѣдить оставить этотъ домъ добровольно. Здѣсь необходимо содѣйствіе женщины. Женщина съумѣетъ лучше обмануть женщину.

— Прекрасно сказано! отвѣчалъ графъ. — Впрочемъ, хотя ея бракъ съ этимъ молодымъ Гезельденомъ находится въ зависимости отъ моей свадьбы съ прекрасною родственницею, но она сдѣлалась до того равнодушною къ моимъ выгодамъ, что я не могу разсчитывать на ея помощь. Нельзя не замѣтить, хотя она прежде очень желала замужства, но теперь, кажется, вовсе не думаетъ о томъ, такъ что я теряю на нее свои вліянія.

— Не увидала ли она когонибудь въ послѣднее время, кто ей больше пришелся по сердцу, чѣмъ бѣдный Франкъ?

— Я подозреваю это, но не придумаю, кѣмъ она можетъ быть теперь занята.... развѣ ненавистнымъ для васъ г'Эстренджемъ....

— Впрочемъ, все равно. Вы можете и не вступить съ нимъ въ переговоры; будьте только готовы оставить Англию, какъ вы и прежде предполагали, когда Виоланта будетъ въ вашихъ рукахъ.

— Все уже теперь готово, сказалъ графъ — Леви взялся купить ницъ у одного изъ своихъ клиентовъ прекрасное парусное судно. Я нанялъ человѣкъ двадцать отчаянныхъ генуэзцевъ, корсиканцевъ, сардинцевъ, которые, не будучи разборчивыми патріотами, держатъ себя какъ истинные космополиты, предлагая свои услуги всякому, у кого есть золото. Лишь только бы выйти въ море, и когда я пристану къ берегу, Виоланта, опираясь на мою руку, будетъ уже называться графиней Пешьера.

— Но нельзя же схватить Виоланту, сказалъ съ неудовольствиемъ Рандаля, стараясь, впрочемъ, скрыть отвращеніе, которое внушало ему дерзкій цинизмъ графа: — нельзя схватить Виоланту и унести на корабль среди бѣлаго дня и изъ такого многолюднаго квартала, въ какомъ живетъ ваша сестра.

— Я и объ этомъ подумалъ, возразилъ графъ. — Мои агенты отыскали ницъ домъ возлѣ самой рѣки: этотъ домъ такъ же надеженъ для нашего предпріятія, какъ какаянибудь венеціанская темница.

— Это уже не мое дѣло, отвѣчалъ Рандаля, съ нѣкоторою торопливостію: — вы разскажите госпожѣ Негра, гдѣ взять Виоланту; моя обязанность ограничивается изобрѣтательностію, составляющею дѣло разсудка; что же касается насилія, то это не по моей части. Я сейчасъ отправлюсь къ вашей сестрѣ, на которую надѣюсь имѣть болѣе сильное вліяніе, чѣмъ вы сами. Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Виоланта скроется и какъ подозрѣніе падеть на васъ, старайтесь постоянно являться въ обществѣ, въ сопровожденіи вашихъ друзей. Покупайте, баронъ, корабль, и приготовляйте его къ отплытію. Я извѣщу васъ, когда можно будетъ присутствовать къ дѣлу. Сегодня у меня бездна хлопотъ.... Надѣюсь вполне успѣть въ вашемъ предпріятіи.

Когда Рандаля вышелъ изъ комнаты, Леви послѣдовалъ за нимъ.

— Что вы задумали сдѣлать, будетъ сдѣлано успѣшно, безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ ростовщикъ, взявъ Рандаля за руку: — но, смотрите, чтобы, впадаясь въ подобное предпріятіе, не повредить своей репутаціи. Я многога ожидаю отъ васъ для общественной жизни; а въ общественной жизни репутація нужна, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько нужно понятіе о чести.

— Я стану жертвовать своею репутаціей, и для какогонибудь графа Пешьера! сказалъ Рандаля, съ наумленіемъ открывъ глаза: — я? да за кого вы меня принимаете послѣ этого?

Баронъ опустилъ его руку.

«Этот молодой человек далеко поидетъ», сказалъ онъ самому себѣ, возвратясь къ графу.

Проницательность, свойственная Рандалью, давно уже подсказала ему, что въ характерѣ Беатриче и ея понятіяхъ произошелъ такой страшный и внезапный переворотъ, который могъ быть лишь дѣломъ сильной страсти; какое-то недовольство, или, скорѣе, негодованіе заставляло ее теперь принять предложеніе молодого и вѣтреннаго родственника. Вмѣсто холоднаго равнодушія, съ которымъ въ прежнее время она стала бы смотрѣть на бракъ; могущій избавить ее отъ положенія, уязвлявшаго ее гордость, теперь она съ замѣтнымъ отвращеніемъ уклонялась отъ обѣщанія, купленнаго Фравкомъ такъ дорого. Испышенія, которыя графъ могъ бы противопоставить ей, съ тѣмъ, чтобы завлечь ее въ свое предпріятіе, оскорблявшее ее болѣе благородную натуру, не могли имѣть успѣха. Приданое теряло свою цѣну, потому что оно ускорило бы только свадьбу, которой Беатриче избѣгала. Рандаль понималъ, что иначе нельзя рассчитывать на ея помощь, какъ дѣйствуя на страсть, которая была бы въ состояніи лишить ее разсудка. Онъ остановился на мысли возбудить въ ней ревность. Онъ все еще сомнѣвался, былъ ли Гарлей предметомъ ея любви; но во всякомъ случаѣ это было очень вѣроятно. Если это такъ, то онъ шепнетъ Беатриче: «Віоланта ваша соперница. Если Віоланты не будетъ здѣсь, ваша красота вступитъ во всѣ права свои; въ противномъ случаѣ вы, какъ итальянка, можете по крайней мѣрѣ отступить за себя». Съ подобными мыслями Рандаль вошелъ въ домъ г-жи Негра. Онъ нашелъ ее въ расположеніи духа, которое вполне благопріятствовало его намѣреніямъ. Начавъ разговоръ о Гарлей и замѣтивъ при этомъ, что характеръ его вообще не измѣнился, онъ мало по малу вызывалъ наружу тайну Беатриче.

— Я долженъ вамъ сказать, произнесъ Рандаль, съ важностію: — что если тотъ, къ которому вы питаете нѣжную дружбу, посѣщаетъ домъ лорда Лэнсмера, то вы имѣете полную причину бояться за себя и желать успѣха плану вашего брата, призвавшему его въ Англію, потому что въ домѣ лорда Лэнсмера живетъ теперь прелестнѣйшая дѣвушка; я долженъ вамъ признаться, что эта та самая особа, на которой графъ Пешьера намѣренъ жениться.

Пока Рандаль говорилъ такимъ образомъ, чело Беатриче мрачно хмурилось и глаза ея горѣли негодованіемъ.

Віоланта! Не повторялъ ли Леонардъ этого имени съ такимъ восторгомъ? Не протекло ли его дѣтство на ея глазахъ? Кто кромѣ Віоланты могъ быть настоящей соперницей? Отрывистыя восклицанія Беатриче, послѣ минутнаго молчанія, открыли Рандалью, что онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Частію стараясь превратить ревность ея въ положительное мнѣніе, частію лаская ее надеждою, что если Віоланта будетъ немедленно удалена изъ Англіи, если она сдѣлается женою Пешьера, то не можетъ быть, чтобы Леонардъ остался равнодушнымъ къ прелестямъ Беатриче, — Рандаль увѣрялъ ее въ то же время, что онъ постарается

отранить честь ея отъ приязаній Франка Гезельдена и получить отъ брата удовлетвореніе долга, который сначала заставлялъ ее общать руку этому доверчивому претентенту. Однимъ словомъ, онъ разстался съ маркизой тогда лишь, когда она не только общала едѣять все, что предлагалъ Рандаль, но настоятельно требовала, чтобы онъ ускорила исполненіемъ своихъ намѣреній. Рандаль нѣсколько времени молча и въ разсудкѣ ходилъ по улицамъ, распутывая въ умѣ своемъ нити этой сложной и изысканной ткани дѣйствій. И здѣсь его дарованія навели его на свѣтлую, блестящую мысль.

Въ теченіе того времени, которое должно было пройти отъ побѣга Виоланты до отправленія ея изъ Англии, было необходимо для отклоненія подозрѣній отъ Пенъера (котораго могли бы даже задержать) представить какую нибудь правдоподобную причину добровольнаго отъѣзда дѣвушки изъ дома Лансмеровъ; это было тѣмъ болѣе необходимо, что самъ Рандаль непремѣнно хотѣлъ очистить себя отъ мареаній въ участіи въ планахъ графа, если бы даже этотъ послѣдній и былъ признанъ главнымъ дѣйствующимъ. Въ этихъ видахъ Рандаль немедленно отправился въ Норвудъ и увидѣлся съ Риккабокка. Представляла себя очень взволнованнымъ и огорченнымъ, онъ сообщилъ изгнаннику, что имѣетъ основательныя причины думать, что Пенъера употребилъ тайнымъ образомъ увидаться съ Виолантой и даже пронавелъ очень выгодное для себя впечатлѣніе на ея сердце. Говоря какъ будто въ принадлежѣ ревности, онъ умолялъ Риккабокка поддержать открытое домогательство его, Рандаля, руи Виоланты и убѣдить ее согласиться на безотлагательный бракъ съ нимъ.

Бѣдный итальянецъ былъ совершенно разстроенъ извѣстіемъ, сообщеннымъ ему. Суевѣрный страхъ, который онъ питалъ къ своему даровитому врагу, въ соединеніи съ убѣжденіемъ въ смелости женщины уступать наружнымъ преимуществамъ мужчинъ, не только сдѣлали его доверчивымъ, но даже преувеличили въ его глазахъ опасность, на которую намерялъ Рандаль. Мысль о женитьбѣ дочери съ Рандалемъ, котораго въ послѣднее время онъ принималъ такъ холодно, теперь улыбалась ему. Но первымъ движеніемъ его было желаніе отправиться самому или послать за Виолантой и перевезти ее къ себѣ въ домъ. Противъ это одного Рандаля возсталъ.

— Къ несчастію, сказалъ онъ:—я увѣренъ, что Пенъера знаетъ о вашемъ мѣстопробываніи, и, слѣдовательно, дочь ваша будетъ вѣкъ сморѣ подвергаться опасности, чѣмъ тамъ, гдѣ она теперь.

— Но какже, чортъ возьми, вы сами говорите, что этотъ человѣкъ видѣлъ ее тамъ, несмотря на всѣ общанія леди Лансмеръ и нѣры предосторожности, принятыя Гарлемъ?

— Совершенно справедливо. Пенъера самъ признавался мнѣ въ этомъ, хотя и не совсемъ открыто. Впрочемъ, я пользуюсь достаточно его доверчивостію, чтобы отклонить его попытку въ этомъ родѣ на нѣсколько дней. Между тѣмъ мы можемъ отыскать болѣе надежный докъ, чѣмъ званъ теперешній, и тогда будетъ самое удобное время

взять вашу дочь. Если вы согласитесь притомъ дать мнѣ письмо, которыми будете убѣждать ее принять меня, какъ будущаго мужа, то это разомъ отвлечетъ ея мысли отъ графа; я буду имѣть возможность, по приѣму, который она мнѣ сдѣлаетъ, открыть, въ какой мѣрѣ графъ преувеличилъ вліяніе, произведенное имъ на нее. Вы можете дать мнѣ также письмо къ леди Лансмеръ, чтобы предупредить вашу дочь насчетъ переѣзда ея сюда. О, сэръ, не старайтесь меня разубѣдить. Будьте снисходительны къ моимъ опасеніямъ. Повѣрьте, что я дѣйствую въ видахъ вашей же пользы. Не соединены ли мои интересы въ этомъ случаѣ съ вашими?

Философъ желалъ бы посоветоваться съ женою; но ему совѣстно было признаться въ своей слабости. Въ это время онъ нечаянно вспомнилъ о Гарлеѣ и сказалъ, отдавая Рандалю письма, которыя тотъ требовалъ:

— Вотъ.... я надѣюсь, что мы успѣемъ выиграть время, а я между тѣмъ пошлю къ лорду Г'Эстренджу и поговорю съ нимъ.

— Мой благородный другъ, отвѣчалъ Рандаль, съ мрачнымъ видомъ: — позвольте мнѣ просить васъ не стараться видѣться съ лордомъ Г'Эстренджемъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не успѣю объясниться съ вашею дочерью.... до тѣхъ поръ, пока она не будетъ находиться подъ родительскимъ кровомъ.

— Почему же?

— Потому, что я думаю, что вы, вѣроятно, поступаете чистоосердечно, удостоивая меня избрать своимъ зятемъ, и потому, что я увѣренъ, что лордъ Г'Эстренджъ съ неудовольствіемъ узнаетъ о вашей рѣшимости въ мою пользу. Не правъ ли я?

Рандаль молчалъ.

— И хотя его убѣжденія были бы ничтожны для человѣка столь пріязнато и разсудительнаго, какъ вы, они могутъ имѣть болѣе значительное дѣйствіе на неопытный умъ вашей дочери. Подумайте только, что чѣмъ болѣе она будетъ возстановлена противъ меня, тѣмъ болѣе она будетъ доступна замысламъ Пешьера. Не говорите же, умоляю васъ, съ лордомъ Г'Эстренджемъ объ этомъ до тѣхъ поръ, пока Биоланта согласится отдать мнѣ свою руку, или до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, когда она будетъ подъ вашимъ личнымъ надзоромъ; въ противномъ случаѣ, возьмите назадъ свое письмо: оно не принесетъ ни малѣйшей пользы.

— Можетъ быть, что вы правы. Вѣроятно, лордъ Г'Эстренджъ предубѣжденъ противъ васъ, или, лучше сказать, онъ болѣе думаетъ о томъ, чѣмъ я былъ, нежели о томъ, что я теперь.

— Кто можетъ мыслить иначе, глядя на васъ? Я прощаю ему это отъ всего сердца.

Попавшисьъ руку, которую изгнанникъ, по чувству сиромности, старался отнять у него, Рандаль положилъ письма въ карманъ и, какъ

будто подъ вліяніемъ самыхъ сильныхъ противоположныхъ ощущеній, выбѣжалъ изъ дома.

Галенъ и Виоланта разговаривали другъ съ другомъ, и Галенъ, слѣдя внушеніямъ своего покровителя, намекнула, хотя и вскользь, о данномъ ею словѣ выйти замужъ за Гарлея. Какъ ни была приготовлена Виоланта къ подобному признанію, какъ ни предвидѣла она такую развязку, какъ ни была увѣрена, что любимая мечта ея дѣтства навсегда покинула ее, но положительная истина, лишенная всякихъ прикрасъ, — истина, высказанная самою Галенъ, породила въ ней ту тоску, которая вполне доказываетъ, что невозможно *приготовить* чело-вѣческое сердце къ окончательному приговору, который уничтожаетъ все его будущее. Она не могла скрыть своего волненія отъ неопытной Галенъ; горесть, глубоко запавшая въ сердце, рѣдко можетъ притворяться. Спустя нѣсколько минутъ она вышла изъ комнаты и, забывъ о Пешьера, обо всемъ, что напоминало ей ожидавшую ее опасность, она оставила домъ и въ раздумьи направила шаги свои посреди лишенныхъ листьевъ деревьевъ. Отъ времени до времени она останавливалась, отъ времени до времени повторяла одни и тѣ же слова:

— Если бы еще Галенъ любила его, я не имѣла бы права жаловаться; но она его не любитъ: иначе могла ли бы она говорить мнѣ объ этомъ такъ спокойно, могли ли бы глаза ея сохранять это грустное выраженіе! Ахъ, какъ она холодна, какъ неспособна любить!

Рандаль Если позвонилъ въ это время у калитки, спросилъ про Виоланту и, завидѣвъ ее издали, подошелъ къ ней съ открытымъ и смѣлымъ видомъ.

— У меня есть къ вамъ письмо отъ вашего батюшки, синьорина, сказалъ Рандаль. — Но прежде, нежели я отдамъ его вамъ, необходимо войти въ нѣкоторые объясненія. Удостоите меня выслушать.

Виоланта нетерпѣливо покачала головою и протянула руку, чтобы взять письмо.

Рандаль наблюдалъ за ея движеніями своимъ пронзительнымъ, холоднымъ, испытующимъ взоромъ, но не отдавалъ письма и продолжалъ, послѣ нѣкотораго молчанія:

— Я знаю, что вы рождены для блестящей будущности, и единственное извиненіе, которое я могу представить, обращаясь къ вамъ теперь, состоитъ въ томъ, что права рожденія для васъ потеряны, если вы не будете имѣть духу соединить судьбу свою съ судьбою чело-вѣка, который лишилъ вашего отца всего состоянія, если вы не согласитесь на бракъ, который отецъ вашъ будетъ считать позоромъ для васъ самихъ и для себя. Синьорина, я осмѣлился полюбить васъ; но я не отважился бы признаться въ этой любви, если бы вашъ батюшка не ободрилъ меня согласіемъ на мое предложеніе.

Виоланта обратила къ говорившему лицо свое, на которомъ краснорѣчиво отражалось гордое изумленіе. Рандадь встрѣтилъ взглядъ ея безъ смущенія. Онъ продолжалъ, безъ особеннаго жара, тономъ чловѣка, который разсуждаетъ спокойно, но который чувствуетъ не особенно живо :

— Человѣкъ, о которомъ я упомянулъ, преслѣдуетъ васъ. Я ниѣю причины думать, что онъ уже успѣлъ видѣться и говорить съ вами.... А! ваше лицо доказываетъ это; вы видѣли значитъ Пешьера? Такимъ образомъ домъ этотъ менѣе безопасенъ, чѣмъ полагалъ вашъ отецъ. Впрочемъ, для васъ теперь одинъ домъ будетъ вполне надеженъ: это домъ мужа. Я предлагаю вамъ мое имя — имя джентльмена — мое состояніе, которое незначительно, участіе въ моихъ надеждахъ на будущее, которыя довольно обширны. Теперь я отдаю вамъ письмо вашего батюшки и ожидаю отвѣта.

Рандадь поклонился, отдалъ письмо Виолантѣ и отступилъ на нѣсколько шаговъ.

Онъ вовсе не имѣлъ въ предметѣ возбудить къ себѣ расположеніе въ Виолантѣ, но, скорѣе, отвращеніе или страхъ, — мы узнаемъ впоследствии, съ какою цѣлю. Такимъ образомъ онъ стоялъ теперь поодаль, принявъ видъ увѣреннаго въ себѣ равнодушія, пока дѣвушка читала слѣдующія строки :

« Дитя мое, прими мистера Лесли благосклонно. Онъ получилъ отъ меня согласіе искать руки твоей. Обстоятельства, которыхъ теперь нѣтъ нужды открывать тебѣ, дѣлаютъ необходимымъ для моего спокойствія и благополучія, чтобы бракъ вашъ былъ совершенъ безотлагательно. Однимъ словомъ, я далъ обѣщаніе мистеру Лесли, и я съ увѣренностію предоставляю моей дочери выполнить обѣщаніе ея почтительнаго и нѣжнаго отца. »

Письмо выпало изъ руки Виоланты. Рандадь подошелъ и подалъ его ей. Взоры ихъ встрѣтились. Виоланта оправилась.

— Я не могу выйти за васъ, сказала она, сухо.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчалъ Рандадь, тономъ равнодушія. — Это потому, что вы не можете любить меня?

— Да.

— Я и не ожидалъ отъ васъ любви, но все-таки не оставляю своего намѣренія. Я обѣщалъ вашему батюшкѣ, что не отступлю предъ вашимъ первымъ, необдуманнмъ отказомъ.

— Я сейчасъ поѣду къ батюшкѣ.

— Развѣ онъ этого требуетъ въ письмѣ своемъ? Посмотрите хорошенько. Извините меня, но я заранѣе предвидѣлъ ваше высокомеріе; у меня есть другое письмо отъ вашего отца — къ леди Лэнсмеръ, въ которомъ онъ проситъ ее не совѣтовать вамъ ѣздить къ нему (на случай, если бы вамъ вздумалось это) до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ самъ или не пришлетъ за вами. Онъ ноступить такъ, если вы оправдаете данное имъ обѣщаніе.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ это и рассчитывать на мою любовь?

Рандалъ иронически улынулся.

— Я рассчитываю только на бракъ съ вами. Любовь есть такой предметъ, о которомъ мнѣ нужно было говорить гораздо прежде или придется говорить впоследствии. Я дамъ вамъ нѣсколько времени для размышленія. Въ слѣдующій приходъ мой нужно будетъ назначить день нашей свадьбы.

— Никогда!

— Стало быть, вы будете единственною дочерью изъ вашего рода, которая не повинуется отцу своему; вы къ этому присоедините еще то преступленіе, что окажете послушаніе ему въ минуу гора, изгнанія и паденія.

Виоланта ломала себѣ руки.

— Неужели тутъ нѣтъ никакого выбора, никакого средства къ спасенію?

— По крайней мѣрѣ я не вижу средства ни къ тому, ни къ другому. Выслушайте меня. Я, можетъ быть, и люблю васъ; но согласитесь, что меня не ожидаетъ особенное благополучіе отъ женитьбы съ дѣвушкой, которая ко мнѣ равнодушна; честолюбіе мое не видитъ приманки къ особѣ, которая еще блѣднѣе, чѣмъ я самъ. Я женюсь единственно съ цѣлію вышолнить обѣщаніе, данное вашему отцу, и спасти васъ отъ злодѣя, котораго вы должны болѣе ненавидѣть, чѣмъ меня, и отъ котораго не защитятъ васъ никакія стѣны, не оградятъ никакіе законы. Только одна особа, можетъ быть, была бы въ состояніи избавить васъ отъ несчастія, котораго вы ожидаете въ союзѣ со мною; эта особа могла бы разрушить планы врага вашего отца, возвратитъ отцу вашему права его и всѣ почести; это....

— Лордъ д'Эстренджъ?

— Лордъ д'Эстренджъ! повторилъ Рандалъ, колко и наблюдая за движеніемъ ея блѣдныхъ губъ и перемѣнами, происходившими въ лицѣ ея: — лордъ д'Эстренджъ! почему же именно онъ? почему вы назвали его?

Виоланта потупила взоръ.

— Онъ спасъ уже однажды отца моего, произнесла она съ чувствомъ.

— И послѣ того хлопотагъ, сустился, обѣщавъ Богъ знаетъ чѣмъ, а между тѣмъ, къ какому результату привели всѣ его хлопоты? Особу о которой я говорю, вашъ отецъ не согласился бы увидать, не повѣрилъ бы ей, если бы даже съ нею увидался, между тѣмъ она великодушна, благодарна, въ состояніи сочувствовать вамъ обоимъ. Это сестра врага вашего отца — маркиза де-Негра. Я увѣренъ, что она имѣетъ большое вліяніе на своего брата, что она слишкомъ хорошо посвящена въ его тайны, чтобы страхомъ заставить его отказаться отъ всѣхъ видовъ на васъ; но, впрочемъ, къ чему я распроостраняюсь о ней?

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Виоланта. — Скажите мнѣ, гдѣ она живетъ: я желаю съ нею видѣться.

— Извините: я не могу исполнить вашего желанія; самолюбіе этой женщины задѣто теперь несчастнымъ предубѣжденіемъ отца вашего противъ нея. Теперь слишкомъ поздно разсчитывать на ея содѣйствіе. Вы отворачиваетесь отъ меня? мое присутствіе вамъ ненавистно? Я избавлю васъ отъ него теперь. Но пріятно или непріятно это вамъ, а вамъ придется современемъ переносить его въ продолженіе всей вашей жизни.

Рандаля опять поклонился по всеѣхъ правиламъ этикета, отправился къ дому и спросилъ леди Лэнсмеръ. Графиня была дома. Рандаля отдалъ записку Риккабокка, которая была очень коротка, заключаая въ себѣ лишь опасенія, что Пешьера открылъ убѣжище изгнанника, и просьбы, чтобы леди Лэнсмеръ удержала у себя Виоланту, даже противъ ея желанія, впредь до особаго распоряженія со стороны отца по этому предмету.

— Примите всѣ мѣры предосторожности, графиня, умоляю васъ. — Какъ ни безразсудны намѣренія Пешьера, но гдѣ есть сильная воля, тамъ и путь къ успѣху.

Сказавъ это, Рандаля распрощался съ леди Лэнсмеръ, отправился къ госпожѣ Негра и, пробивъ съ нею часть, поѣхалъ въ Ламмеръ.

— Рандаля, сказалъ сквайръ, который смотрѣлъ очень изнуреннымъ и болѣзненнымъ, но который не хотѣлъ признаться, что очень груститъ и беспокоится о своемъ непослушномъ сынѣ: — Рандаля, тебѣ нечего дѣлать въ Лондонѣ; не можешь ли ты переѣхать ко мнѣ жить у меня и заняться хозяйствомъ? Я помню, что ты показавъ очень основательныя свѣдѣнія насчетъ мелкаго сѣянія.

— Дорогой мой сэръ, я не премину пріѣхать къ вамъ, лишь только кончатся общіе выборы.

— А что тебѣ за надобность въ этихъ общихъ выборахъ?

— Мистеръ Эджертоуъ желаетъ, чтобы я поступилъ въ Парламентъ; потому дѣйствія для этой цѣли теперь въ ходу.

Сквайръ поникнулъ головою.

— Я не раздѣляю политическихъ убѣжденій моего полу-брата.

— Я буду совершенно независимъ отъ нихъ, вскричалъ Рандаля, съ увлеченіемъ. — Эта-то независимость и есть то положеніе, которое привлекаетъ меня.

— Пріятно слышать; а если ты вступишь въ Парламентъ, ты, вѣрно, не поворотишься спиною къ своей отчизнѣ?

— Поворотиться спиною къ родицѣ! воскликнулъ Рандаля тономъ благочестиваго ужаса. — О, сэръ, я еще не такой извергъ!

— Вотъ настоящее выраженіе для названія подобнаго человѣка, проговорилъ доверчивый сквайръ: — это изверги въ самомъ дѣлѣ! Это значитъ повернуться спиною къ своей матери! Родина для нихъ та же мать.

— Для тѣхъ, кто живетъ ея силами, безъ сомнѣнія, мать, отвѣчалъ Рандаль, съ важнымъ видомъ. — И хотя мой отецъ скорѣе умираетъ съ голоду, чѣмъ живетъ по милости этой матери, хотя Рудъ-Голль не похожъ на Гезельденъ, все-таки я....

— Поудержи свой языкъ, прервалъ сквайръ: — мнѣ нужно поговорить съ тобою. Твоя бабушка была изъ рода Гезельденовъ.

— Ея портретъ виситъ въ залѣ Руда. Всѣ говорятъ, что я очень похожъ на нее.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ сквайръ: — Гезельдены болѣею частью были крѣпкаго сложенія и съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ, чего у тебя вовсе нѣтъ. Но ты, конечно, не виноватъ въ томъ. Мы всѣ таковы, какими созданы. Впрочемъ, поговоримъ о дѣлѣ. Я намѣренъ измѣнить свое духовное завѣщаніе (съ продолжительнымъ вздохомъ). Тутъ предстоитъ адвокатамъ заняться серьезно.

— Прошу васъ.... прошу васъ, сэръ, не говорите мнѣ о подобныхъ вещахъ. Я не могу даже подумать о возможности....

— Моей смерти! Ха, ха! Какой вздоръ. Да мой собственный сынъ рассчитываетъ на мою кончину и чуть ли не обозначалъ самый день ея въ своихъ векселяхъ. Ха, ха, ха! Вполнѣ образованный сыночекъ!

— Бѣдный Франкъ! не заставляйте его страдать за минутное забвѣніе своихъ обязанностей въ отношеніи къ вамъ. Когда онъ женится на бѣдной иностранкѣ и самъ будетъ отцомъ, онъ ...

— Отцомъ! вскричалъ сквайръ, съ негодованіемъ: — отцомъ какойнибудь гурьбы хилыхъ ребятисшекъ! Никакая басурманская тварь не ляжетъ въ моемъ фамильномъ склепѣ въ Гезельденѣ. Нѣтъ, нѣтъ! Но не смотри же на меня съ такимъ упрекомъ.... я не хочу лишать Франка наслѣдства.

— Еще бы! замѣтилъ Рандаль, съ судорожнымъ движеніемъ губъ, спорившимъ съ радостною улыбкою, которую онъ старался выказать.

— Нѣтъ.... я предоставляю ему въ пожизненное пользованіе болѣшую часть моего имѣнія; но если онъ женится на иностранкѣ, то дѣти не будутъ имѣть права на наслѣдство.... въ такомъ случаѣ оно перейдетъ къ тебѣ. Но.... (не прерывай меня пожалуйста) но Франкъ, кажется, проживетъ дальше, чѣмъ ты; значить тебѣ не за что очень благодарить меня. Впрочемъ, я не ограничусь и въ отношеніи къ тебѣ однимъ лишь общаніемъ. Какихъ мыслей ты насчетъ жеватьбы?

— Я совершенно готовъ слѣдовать вашимъ указаніямъ, отвѣчалъ Рандаль, съ покорностію.

— Прекрасно. Тутъ есть одна миссъ — богатая наслѣдница, которая тебѣ была бы очень подѣстать. Ея земля смежна съ землею Руда. Я когда-то мѣтилъ на нее для моего болвана-сына. Но теперь я думаю устроить твою женитьбу съ этою дѣвушкою. Имѣніе ея заложено; старикъ Стикторайтсъ очень будетъ доволенъ выматать долгъ. Я переведу залогъ на Гезельденъ и очищу ему имѣніе. Ты понимаешь? Приѣзжай же скорѣе и старайся понравиться деви.

Рандаль выразилъ благодарность свою самымъ краснорѣчивымъ образомъ ; но при этомъ онъ далъ замѣтить очень тонко, что если свайръ столь добръ, что намѣренъ отдѣлить ему часть своего денежнаго капитала (конечно, безъ ущерба для Франка), по моему, гораздо полезнѣе бы было воротить нѣкоторые земляные участки, принадлежавшіе прежде Руду, чѣмъ получить всю дачу Ствикторайтса, хотя бы и свободную отъ всѣхъ другихъ залоговъ, кромѣ прекрасной наслѣдницы.

Свайръ выслушалъ Рандаля съ благосклоннымъ вниманіемъ. Подобное желаніе онъ, какъ помѣщикъ, вполне понималъ и не могъ не почувствовать ему. Онъ обѣщаль подумать объ этомъ предметѣ и сообразить средства свои къ выполненію желанія Рандаля.

Рандаль отправился теперь къ Эджертону. Государственный человѣкъ сидѣлъ у себя въ гостиной, повѣряя вмѣстѣ съ своимъ управителемъ денежные счета и отдавая необходимыя приказанія для приведенія своего хозяйства въ размѣры хозяйства частнаго человѣка.

— Я, можетъ быть, уѣду за границу если не успѣю на выборахъ, сказала Эджертонъ, удостоивая слугу объясненіемъ причинъ, почему онъ старается сократить свои расходы: — если же я и не понесу неудачи, то все-таки, состоя въ правительственной службѣ, буду жить скорѣе какъ человѣкъ частный.

— Смѣю ли обезпечить васъ сэръ? сказалъ Рандаль, входя.

— Войдите: я уже окончилъ.

Управитель удалился, удивленный и недовольный намѣреніями своего господина; онъ также рѣшился отойти отъ своего мѣста, но только не съ цѣлю копить деньги, а съ цѣлю тратить накопленное.

— Я уладилъ дѣло въ нашемъ комитетѣ, сказалъ Эджертонъ: — и съ согласія лорда Лэнсмера вы будете представителемъ мѣстечка такъ же, какъ и я самъ. Если же со мною случится что нибудь особенное, если какимъ бы то ни было образомъ я оставлю свое мѣсто, то вы можете занять его: это, вѣроятно, послѣдуетъ въ скоромъ времени. Постарайтесь сблизиться съ избирателями, ищите возможности говорить съ трибуны за насъ обонхъ. Я буду заниматься исполненіемъ моей прямой обязанности и предоставлю дѣло выборовъ вамъ. Не благодарите: вы знаете, какъ я не люблю, когда меня благодарять. Прощайте.

— Я никогда еще не стоялъ такъ близко къ счастью и власти, повторилъ Рандаль, собираясь лечь въ постель. А всѣмъ этимъ я обязанъ своимъ познаніемъ — познанію людей, жизни, всего, чему мы можемъ научиться изъ книгъ....

— Вы знаете маркизу ди-Негра? спросила Віоланта, въ этотъ вечеръ, у Гарлея, который провелъ весь день у своего отца.

— Немного. Почему вы спрашиваете объ этомъ?

— Это моя тайна, отвѣчала Виоланта, стараясь уловиться. — Скажите, лучше ли она своего брата, по вашему мнѣнію?

— Безъ сомнѣнія. Мнѣ кажется, что у нея добрее сердце и что въ ней вообще много прекрасныхъ свойствъ.

— Не можете ли вы убѣдить батюшку повидаться съ нею? не можете ли вы посовѣтовать ему это сдѣлать?

— Каждое желаніе ваше для меня законъ, отвѣчалъ Гарлей полуплутивымъ тономъ. — Вы хотите, чтобы вашъ батюшка повидался съ нею? Я попробую уговорить его. Теперь въ награду откройте мнѣ вашу тайну. Какая цѣль у васъ въ этомъ случаѣ?

— Возможность возвратиться въ Италію. Я не забочусь о почестяхъ, блестящемъ положеніи въ обществѣ; даже батюшка пересталъ уже сожалѣть о потерѣ того и другого. Но отечество, родина — о, неужели я не увижу болѣе родной стороны! Неужели мнѣ придется умереть здѣсь!

— Умереть! Дитя, вы такъ еще недавно сиорхнули съ неба, что говорите о возвращеніи туда, минуя долгій путь печали, страданій и дрязго! Я, я все думалъ, что вы довольны Англійей. Почему вы такъ спѣшите ее оставить? Виоланта, вы несправедливы къ намъ, несправедливы къ Геленъ, которая такъ искренно любитъ васъ.

ГЛАВА СХІІІ.

На другой день утромъ, когда еще Виоланта была въ своей комнатѣ, къ ней принесли съ почты письмо. Она открыла его и прочла по итальянски слѣдующее:

• Я очень желала бы видѣть васъ, но я не могу открыто явиться въ домъ, въ которомъ вы живете. Можетъ быть, я была бы въ состояніи уладить нѣкоторыя семейныя несогласія, отвратить неприятности, которымъ подвергался вашъ отецъ. Можетъ быть, въ моей власти оказать вамъ очень важную услугу. Но для этого все-таки нужно, чтобы мы увидѣлись и поговорили откровенно. Между тѣмъ время проходитъ, а всякое замедленіе можетъ вредить успѣху. Не придете ли, въ часъ пополудни, на поляну, возлѣ маленькой калитки, ведущей изъ вашего сада? Я буду одна; а вамъ нечего бояться встрѣчи съ женщиной и притомъ родственницей. Ахъ, я очень желаю видѣться съ вами! Приходите, прошу васъ.

• Беатриче. •

Прочитавъ письмо, Виоланта немного колебалась. Не задолго до назначеннаго часа, она, никѣмъ незамѣченная, прошла между деревьями, отворила маленькую калитку и вскорѣ очутилась на удивленной полянѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она услышала легкіе женскіе шаги; подошедшая къ ней Беатриче, откинувъ покрывало, сказала съ какою-то льстивою затаенною энергіею:

— Это вы! Мнѣ правду сказали. Красавица! красавица! Ахъ, какая молодость, какая свѣжесть!

Голосъ ея отзывался грустью, и Виоланта, удивленная тономъ начатаго разговора и покраснѣвъ отъ неожиданныхъ комплиментовъ, нѣкоторое время молчала; потомъ сказала съ разстановкою.

— Вы, кажется, маркиза ди-Негра? Я слышала о васъ довольно много хорошаго, чтобы вѣрится вамъ.

— Обо мнѣ! отъ кого? спросила Беатриче, почти съ грубостію.

— Отъ мистера Лесли, и — и....

— Договаривайте; что за нерѣзительность?

— Отъ лорда Г'Эстренджа.

— И болѣе ни отъ кого?

— По крайней мѣрѣ я не припожню.

Беатриче тяжело вздохнула и спустила на лицо пошрывало. Въ это время нѣсколько человѣкъ прохожихъ появились на полянѣ и, замѣтивъ двухъ прекрасныхъ собою леди, остановились, рассматривая ихъ съ любопытствомъ.

— Намъ невозможно говорить здѣсь, сказала Беатриче съ нетерпѣніемъ: — а мнѣ многое нужно рассказать, о многомъ распросить. Скажите мнѣ еще разъ свое довѣріе; я для васъ же хочу переговорить съ вами. Моя карета стоитъ не вдалекѣ. Пойдемте ко мнѣ: я не удержу васъ болѣе часа; потомъ привезу васъ обратно.

Это предложеніе удивило Виоланту. Она отступила къ калиткѣ сада, выражая движеніями несогласіе. Беатриче положила руку къ ней на плечо и смотрѣла на нее изъ подъ вуаля съ смѣшаннымъ чувствомъ ненависти и восторга.

— Было время, когда и я не посмѣла бы сдѣлать шагу за ту черту, которою свѣтъ полагаетъ предѣлъ свободы для женщины. А теперь — посмотрите, какая во мнѣ смѣлость. Дитя, дитя, не играйте своею судьбою. Никогда не представится вамъ болѣе случай подобный настоящему. Я сюда пріѣхала нарочно, чтобы видѣться съ вами; я должна хоть скольконибудь познакомиться съ вами, съ вашимъ сердцемъ. Неужели вы колеблетесь еще?

Виоланта не отвѣчала, но играющая на лицѣ ея улыбка какъ будто карала искусительницу.

— Я могу возвратить вашего отца въ Италію, сказала Беатриче измѣнившимся голосомъ: — пойдемте только со мною.

Виоланта подошла къ ней, но все еще съ нерѣзительнымъ видомъ.

— Не черезъ замужство съ вашимъ братомъ, впрочемъ?

— Вы значить очень боитесь этого замужства?

— Боятся его! вовсе нѣтъ! Можно ли бояться того, отъ чего отказаться въ моей власти. Но если вы можете восстановить права отца моего болѣе благородными средствами, то вы сохраните меня для....

Виоланта вдругъ остановилась: глаза маркизы засверкали.

— Сохраните васъ для.... ахъ! я догадываюсь, что вы хотѣли сказать. Но пойдите, пойдите.... Посмотрите сколько здѣсь постороннихъ зрителей: вы все мнѣ расскажете у меня дома. И если вы не откажете принести мнѣ хотя одну жертву, то неужели вы думаете, что я не пожертвую для васъ съ своей стороны чѣмъ бы то ни было. Пойдите или проститесь навсегда!

Виоланта подала руку Беатриче съ такою открытою довѣрчивостію, которая заставила маркизу устыдиться своего вѣроломства; вся кровь бросилась ей въ лицо.

— Мы обѣ женщины, сказала Виоланта: — мы принадлежимъ обѣ къ одной и той же фамиліи, мы молились одной и той же Мадоннѣ: отчего же мнѣ не повѣрить вамъ послѣ этого?

Онѣ подошли къ каретѣ, которая стояла на поворотѣ дороги. Беатриче сказала что-то потихоньку кучеру, который былъ итальянецъ, назъ числѣ наемныхъ людей графа; кучеръ кивнулъ головою въ знакъ согласія и отворилъ дверцы кареты. Дамы вошли. Беатриче опустела сторы; кучеръ сѣлъ на козлы и энергически ударилъ по лошалямъ.

Беатриче спряталась въ задній уголъ кареты и громко рыдала. Виоланта приблизилась къ ней.

— Развѣ у васъ есть какое нибудь горе? спросила она своимъ вѣжливымъ, мелодическимъ голосомъ: — не могу ли я помочь вамъ чѣмъ нибудь, какъ вы хотите помочь мнѣ?

— Дитя, дайте мнѣ вашу руку и не мѣшайте мнѣ смотрѣть на васъ. Была ли я когда нибудь такъ хороша? Никогда! И какая прощась, какая бездна ложится между нею и мною!

Она произнесла это какъ будто обѣ, отсутствующей женщины и опять погрузилась въ молчаніе, но все продолжала смотрѣть на Виоланту, которой глаза, отъиванные длинными рѣсницами, не могли вывести ея взгляда.

Вдругъ Беатриче привстала, вскричала: «нѣтъ, этого не должно быть!» и схватилась за шнурокъ, привязанный къ рукѣ кучера.

— Чего не должно быть? спросила Виоланта, удивленная словами и постукомъ Беатриче.

Беатриче молчала; грудь ея высоко вздымалась.

— Постойте, сказала, она съ разстановкою. — Мы обѣ, какъ вы замѣтили уже, принадлежимъ къ одной и той же благородной фамиліи; вы отвергаете искательство моего брата, хотя, увидавъ его и поговоривъ съ нимъ, нельзя не сознаться, что и наружностію и умомъ онъ не можетъ не понравиться. Онъ предлагаетъ вамъ завидное положеніе въ обществѣ, состояніе, прощеніе вашего отца и возвращеніе его на родину. Если бы я могла устранить предубѣжденія, которыя сохраняетъ вашъ отецъ — доказать ему, что графъ гораздо менѣ вредилъ ему, чѣмъ онъ думаетъ, стали ли бы вы и тогда отвергать почести и богатство, которыя предлагаетъ вамъ Джуліо Франчини, ница руки вашей?

— О да, да, будь онъ вдвое лучше собою и вдвое знатнѣе!

— Въ такомъ случаѣ, скажите мнѣ, какъ женщинѣ, какъ родственницѣ, — скажите мнѣ, которая также любила, не значить ли это, что вы любите другого? Отвѣчайте же.

— Я не знаю. Нѣтъ, это не любовь : это была просто лишь мечта, несбыточная причуда воображенія. Не спрашивайте меня : я не могу отвѣчать — И слова ея сопровождались обильнымъ потокомъ слезъ.

Лицо Беатриче снова сдѣлалось сурово и неумолимо. Она опять опустила вуаль и оставила шнурокъ; но кучеръ почувствовалъ уже было прикосновеніе и остановилъ лошадей.

— Ступай, сказала Беатриче : — ступай какъ тебѣ приказано.

За тѣмъ обѣ долго молчали, — Виоланта — едва успѣвъ оправиться отъ волненія, Беатриче — тяжело дыша и скрестивъ руки на груди.

Между тѣмъ карета вѣзжала въ Лондонъ ; миновала кварталъ , въ которомъ находился домъ госпожи ди-Негра , переѣхала мостъ , пронеслась по широкому проспекту, потомъ по извилистымъ аллеямъ, съ мрачными, сѣрыми домами по обѣимъ сторонамъ. Она продолжала ѣхать все далѣе и далѣе, когда наконецъ Виоланта стала сильно беспокоиться.

— Неужели вы такъ далеко живете? спросила она, поднимая штору и съ удивленіемъ взглянувъ на незнакомое ей грязное предмѣстье. — Я думаю, меня уже ищутъ дома. О, воротитесь, прошу васъ!

— Мы уже почти приѣхали. Кучеръ выбралъ эту дорогу, чтобы избѣжать улицъ, гдѣ бы насъ могли увидѣть, гдѣ бы могъ попасться намъ самъ братъ мой. Послушайте меня, расскажите мнѣ исторію вашей любви, которую вы называете пустою мечтою. Чтѣ? неужели это невозможно?

Виоланта закрыла лицо руками и опустила голову.

— Для чего вы такъ жестоки? сказала она. — Это ли вы мнѣ обѣщали? Какимъ образомъ вы намѣрены спасти моего отца, какимъ образомъ возвратите вы его на родину: вотъ о чемъ вы хотѣли говорить со мною.

— Если вы согласитесь на одну жертву, я исполню свое обѣщаніе. Мы приѣхали.

Карета остановилась передъ ветхимъ, угрюмымъ домомъ, отдѣленнымъ отъ другихъ домовъ высокою стѣною, внутри которой былъ, по видимому, довольно просторный дворъ; къ дому примыкалъ узкій бульваръ, который съ одной стороны упирался въ Темзу. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была загромождена судами и лодками, лежавшими неподвижно подъ мрачнымъ зимнимъ небомъ.

Кучеръ сошелъ съ козелъ и позвонилъ. Двѣ смуглыя итальянскія фивіоніи показались на порогѣ.

Беатриче выпрыгнула изъ кареты и подала руку Виолантѣ.

— Теперь мы въ совершенной безопасности, сказала она: — и черезъ нѣсколько минутъ участь ваша можетъ быть рѣшена.

Когда дверь затворилась за Виолайтой, въ ней пробудилось сильное безпокойство и подозрѣніе; она со страхомъ разсматривала темную и мрачную комнату, въ которую онѣ вошли.

— Ведите каретѣ ждать, скажите въ это время Беатриче.

Итальянецъ, которому дано было приказаніе, поклонился и слегка улыбулся; но когда обѣ дамы поднялись на дѣстницу, онѣ отворили уличную дверь и сказали кучеру:

— Поѣзжай къ графу и скажи, что все благополучно.

Карета удалилась. Человѣкъ, отдавшій это приказаніе, затворилъ и заперъ дверь и, спрятавъ огромный ключъ отъ этой двери въ одно изъ скрытыхъ мѣстъ, вышелъ. Комната, замкнутая со всѣхъ сторонъ и опустѣлая, представляла мрачный видъ тюрьмы; здѣсь была и желѣзная дверь, запертая крѣпкими засовами, и каменная дѣрутая дѣстница, скудно освѣщенная узкимъ окномъ, запыленныиъ въ теченіе длиннаго ряда годовъ и искрещенныиъ желѣзными полосами, и стѣны, пронизанныя желѣзными же сѣзьями, точно будто въ ожиданіи сильнаго напора тяжести или дѣйствія осадныхъ орудій.

На другой день послѣ отъѣзда Рандаля, Риккабокка, вслѣдствіе убѣжденій жены, отправилъ Джакомо въ домъ леди Лэнсмеръ съ очень нѣжнымъ письмомъ къ Виолантѣ и запискою къ самой леди, прося послѣднюю привести дочь въ Норвудъ на нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ желалъ переговорить съ ними обѣими. Только по пріѣздѣ Джакомо въ Нейтсбриджъ открылся побѣгъ Виоланты. Леди Лэнсмеръ, очень дорожившая мнѣніемъ свѣта и общественными толками, упростила Джакомо не сообщать своихъ опасеній другимъ слугамъ и старалась поддержать между домашними убѣжденіе, что молодая леди, съ вѣдома ея, отправилась навѣстить одну изъ своихъ пріятельницъ и, вѣроятно, прошла чрезъ садовую калитку, которая была найдена отворенною: путь здѣсь былъ несравненно спокойнѣе, чѣмъ по большой дорогѣ, и подруга Виоланты, безъ сомнѣнія, проводила ее по аллеѣ, ведущей отъ дому. Говоря это, по видимому, съ полнымъ убѣжденіемъ, леди Лэнсмеръ велѣла подавать карету и, взявъ съ собой Джакомо, отправилась посоветоваться съ своимъ сыномъ.

Разсудокъ Гарлея едва успѣлъ оправиться отъ неурасеціи, послѣ таинскаго имъ при разсказѣ леди Лэнсмеръ о побѣгѣ Виоланты, когда доложили о пріѣздѣ Рандаля Лесли.

Австрійскій принцъ и Леонардъ вышли въ соседнюю комнату. Лишь только дверь затворилась за ними, какъ поднялся Рандаль, по видимому, очень взволнованный:

— Я сейчасъ только что былъ въ вашемъ домѣ, леди Лэнсмеръ. Я узналъ, что вы здѣсь; простите, что я послѣдовалъ за вами. Я нарочно пріѣхалъ въ Нейтсбриджъ съ тѣмъ, чтобы видѣть Виоланту, но

ми сказали, что она оставила васъ. Я умоляю васъ открыть мнѣ, гдѣ она теперь и что было причиною ея отъѣзда. Я имѣю некоторое право спрашивать объ этомъ: отецъ ея общалъ мнѣ ея руку.

Соколиные глаза Гарлей засверкали при видѣ Рандаль. Онъ пристально смотрѣлъ въ лицо молодому человѣку, но предоставилъ деди Лэнсмеръ самой давать отвѣты и пускаться въ объясненія.

Рандаль ломалъ себѣ руки.

— И она не къ отцу убѣжала отъ васъ? вы увѣрены въ этомъ?

— Слуга ея отца только что прибылъ изъ Норвуда.

— О, я самъ виноватъ во всемъ. Мои слишкомъ настоятельныя притязанія, ея боязнь, отвращеніе къ моимъ планамъ. Теперь я все понимаю!

Голосъ Рандаль глухо звучалъ раскаяніемъ и отчаяніемъ.

— Чтобы спасти ее отъ Пешьера, отецъ ея требовалъ, чтобы она немедленно вышла за меня замужъ. Приказанія его были слишкомъ рѣзки, и мое сватовство, кажется, неумѣстно. Я знаю ея неустрашимость; она убѣжала, чтобы скрыться отъ меня. Но куда же, если не въ Норвудъ, — куда же? Какіе у ней есть еще друзья, какіе родственники?

— Вы продиваете новый свѣтъ на это дѣло, сказала леди Лэнсмеръ: — можетъ быть, она дѣйствительно отправилась къ отцу и человѣкъ только разошелся съ нею. Я сейчасъ же поѣду въ Норвудъ.

— Сдѣлайте это; но если ея тамъ нѣтъ, то не испугайте Рикк-бокка извѣстіемъ о ея побѣгѣ. Предупредите и Джакомо въ этомъ смыслѣ. Онъ готовъ подозрѣвать во всемъ Пешьера и рѣшиться на какое нибудь насиліе.

— А вы сами не подозрѣваете Пешьера, мистеръ Лесли? спросилъ Гарлей, совершенно неожиданно.

— Какъ это возможно? Я былъ у него сегодня утромъ, вмѣстѣ съ Франкомъ Гэвельденомъ, который женится на его сестрѣ. Я не отходилъ отъ него до самаго отъѣзда въ Нейтсбриджъ, слѣдовательно до самой минуты побѣга Виоланты. Онъ никакъ не могъ принимать участія въ этомъ похищеніи.

— Вы видѣлись вчера съ Виолантой. Говорили вы ей о госпожѣ де-Негра? спросилъ Гарлей, внезапно вспомнивъ, что Виоланта заговорила съ нимъ рѣчь о маркизѣ.

Несмотря на все свое хладнокровіе, Рандаль почувствовалъ, что онъ измѣнился въ лицѣ.

— О госпожѣ Негра? Кажется, нѣтъ. Впрочемъ, можетъ быть, что и говорилъ. Именно, теперь я помню. Она попросила у меня адресъ маркизы; но я не могъ сообщить его.

— Адресъ легко достать. Значитъ она, можетъ быть, отправилась въ домъ маркизы?

— Я бѣгу туда и посмотрю, вскричалъ Рандаль, послѣшво вскочивъ со стула.

— И я съ вами. Постоите, милая матушка. Отправляйтесь, какъ вы уже предположили, въ Норвудъ и послѣдуйте совѣту мистера Лесли. Пощадите нашего друга отъ объявленія ему о потери дочери, если она, дѣйствительно, не тамъ, до тѣхъ поръ, пока она не будетъ возвращена. Оставьте Джакомо здѣсь: онъ можетъ мнѣ понадобится.

Тутъ Гарлей вышелъ въ сосѣдную комнату и попросилъ принца и Леонарда дожидаться его возвращенія, а также удержать Джакомо. За тѣмъ онъ вернулся къ Равдалю. Какъ ни были сильны опасенія и волненіе Гарлея, онъ сознавалъ, что ему необходимо теперь хладнокровіе и невозмутимое присутствіе духа. Лордъ л'Эстренджъ и Равдаль скоро нашли домъ маркизы, но узнали тамъ, что маркиза съ утра куда-то уѣхала въ каретѣ графа Пешьера. Равдаль съ безпокойствомъ взглянулъ на Гарлея; Гарлей какъ будто не замѣтилъ этого взгляда.

— Гдѣ же она теперь, по вашему мнѣнію, мистеръ Лесли?

— Я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ. Можетъ быть, боясь отпа своего — зная, какъ самовластно онъ пользуется своими правами, какъ твердо онъ будетъ держать слово, данное мнѣ, она уѣзжала къ кому нибудь изъ деревенскихъ сосѣдей, къ мистриссъ Дэль или мистриссъ Гэзельденъ.

— Я отправляюсь распршивать, гдѣ только возможно. Между тѣмъ вы поспуайте, какъ знаете, мистеръ Лесли, сказалъ Гарлей, прощаясь съ Равдалемъ: — но я долженъ вамъ признаться, что вы были, по видимому, не очень-то пріятнымъ женихомъ для благородной леди, которой руки вздумали искать.

— Грубіанъ! прибавилъ Равдаль, оставшись одинъ: — но онъ любить ее, значить я уже отищенъ.

Лордъ л'Эстренджъ отправился въ домъ Пешьера. Ему сказали, что графъ вышелъ вмѣстѣ съ Франкомъ Гэзельденомъ и нѣкоторыми другими молодыми людьми, которые у него завтракали. Онъ велѣлъ говорить всѣмъ, кто о немъ спроситъ, что онъ пошелъ въ Тоттерсолъ посмотреть лошадей, выставленныхъ тамъ на продажу. Гарлей пустился туда же. Графъ стоялъ на дворѣ, облокотясь на колонну и окруженный фешенебельными друзьями. Франкъ отдѣлился отъ этой группы и казался въ настоящую минуту недовольнымъ. Гарлей дотронулся до плеча его и отвелъ его въ сторону.

— Мистеръ Гэзельденъ, вашъ дядюшка Эджертоуъ — мой искренній другъ. Хотите и вы быть моимъ другомъ? Я ниѣю до васъ надобность.

— Милордъ.

— Подите за мною. Не должно, чтобы графъ Пешьера замѣтилъ, что мы разговариваемъ.

Гарлей оставилъ дворъ и вошелъ въ Сень-Джемскій паркъ маленькою калиткою. Въ немногихъ словахъ онъ рассказалъ Франку о побѣгѣ Виоланты и о причинахъ, по которымъ онъ подозреваетъ графа.

Первымъ впечатлѣніемъ Франка было негодованіе на бездоказательное подозрѣніе и на столь унижительное мнѣніе о братѣ Беатриче; но когда онъ постепенно сталъ припоминать циническій и оскорбительный тонъ короткаго разговора графа, намеки самой Беатриче на какіе-то планы Пешьера, наклонность послѣдняго къ хвастливой и безпредѣльной щедрости, когда дѣло шло о наслаженіяхъ, — щедрости, которой удивлялись всѣ друзья его, то невольно поддался подозрѣніямъ Гарлея. Онъ сказалъ при этомъ съ какою-то особенною важностію:

— Повѣрьте мнѣ, лордъ л'Эстренджъ, что если я буду въ состояніи помочь вамъ разрушить эти низкіе планы въ отношеніи несчастной леди, то готовъ служить вамъ по вашимъ указаніямъ. Ясно одно, что Пешьера не участвовалъ лично въ этомъ похищеніи, потому что я былъ при немъ цѣлый день; даже — теперь я начинаю соображать — даже я готовъ думать, что вы напрасно его подозрѣваете. Онъ пригласилъ насъ въ большомъ обществѣ ѣхать въ Булонь на будущей недѣлѣ съ тѣмъ, чтобы пробовать яхту; а это едва ли было бы возможно.

— Яхту, въ такое время года! Яхту — человѣку, который постоянно живетъ въ Вѣнѣ.

— Спендвиккъ и продаетъ-то ее, между прочимъ, потому, что теперь не время для морскихъ катаній; графъ же намѣренъ провести слѣдующее лѣто въ крейсировкѣ у Ионическихъ острововъ. У него тамъ есть имѣніе, котораго онъ еще ни разу не видалъ.

— Давно ли онъ купилъ эту яхту?

— Я не знаю даже, купилъ ли онъ ее, то есть заплатилъ ли деньги. Леви хотѣлъ сегодня утромъ увидаться съ Спендвиккомъ, чтобы окончить это дѣло. Спендвиккъ жалуется, что Леви все оттягиваетъ уплату.

— Мой милый мистеръ Гезельденъ, вы рѣшительно заводите меня въ лабиринтъ. Гдѣ бы найти лорда Спендвикка?

— Въ настоящую минуту, вѣроятно, въ постели. Вотъ его адресъ.

— Благодарю. А гдѣ стоитъ корабль?

— Прежде онъ былъ за Блэкволломъ. Я ходилъ смотрѣть на него — славное судно, называется «Бѣгущій Голландецъ»; на немъ есть даже и пушки.

— Довольно. Теперь выслушайте меня внимательно. Виоланта не можетъ еще быть въ опасности, прежде, чѣмъ Пешьера встрѣтитъ съ нею, пока мы знаемъ всѣ его планы. Вы скоро женитесь на его сестрѣ. Воспользуйтесь этимъ предлогомъ, чтобы не отходить отъ него ни на шагъ. Придумайте сказать ему что нибудь уважительное; я даже дамъ вамъ мысль. Выразите свое беспокойство и недоумѣніе насчетъ того, гдѣ теперь госпожа Негра.

— Госпожа Негра? вскричалъ Франкъ. — Что же это значить? Развѣ она не въ домѣ своемъ на улицѣ Курзонъ?

— Нѣтъ; она выѣхала въ каретѣ графа. По всей вѣроятности, кучеръ или слуга ея придетъ сегодня къ графу; чтобы отдѣлаться отъ

васъ, графъ, конечно, попросить васъ увидаться со слугою и убѣдиться, что сестра его ни въ опасности. Покажите видъ, что вы вѣрите тому, что будетъ говорить этотъ человекъ, и заставьте его идти за собою на квартиру, какъ будто съ намѣреніемъ написать письмо къ маркизу. Когда онъ будетъ у васъ, мы уже не выпустимъ его изъ рукъ, потому что я подниму на ноги полицію. Дайте же мнѣ тотчасъ знать, когда онъ придетъ.

— Но какже, возразилъ Франкъ, съ нетерпѣніемъ: — если я пойду къ себѣ на квартиру, какимъ образомъ я могу слѣдить за графомъ?

— Въ такомъ случаѣ это не будетъ необходимостію. Только постарайтесь, чтобы онъ проводилъ васъ до квартиры, а тамъ можете разстаться съ нимъ при входѣ.

— Постойте, постойте! Вы, конечно, не подозреваете госпожу Негра въ участіи въ такихъ ужасныхъ замыслахъ. Извините меня, лордъ Эстренджъ, но я не могу дѣйствовать съ подобнымъ убѣжденіемъ, не могу даже слушать васъ, не считая васъ врагомъ своимъ, если вы произнесете хоть слово оскорбительное для чести женщины, которую я люблю.

— Благородный молодой человекъ, дайте мнѣ руку. Я намѣренъ спасти госпожу Негра, точно такъ же, какъ дочь моего друга. Думайте только о ней, когда будете дѣйствовать по моимъ указаніямъ, и все выйдетъ какъ нельзя лучше. Я вполне доверяю вамъ. Теперь ступайте къ графу.

Франкъ воротился къ Нешьера, а Гарлей отправился къ лорду Спендвикку, пробылъ у него нѣсколько минутъ, потомъ снова появился въ своемъ отелі, гдѣ Леонардъ, принцъ и Джакомо ожидали его.

ГЛАВА СХІV.

Густой сумракъ наполнялъ комнату, въ которую Беатриче привела Виоланту. Съ самой Беатриче сдѣлалась въ это время странная перемена. Съ униженнымъ видомъ и рыданіями, она пала предъ Виолантою на колѣни и умоляла о прощеніи.

Послѣ рѣзкихъ и пытливыхъ вопросовъ, вызвавшихъ отвѣты, которые устраивали всякое сомнѣніе, Беатриче убѣдилась, что ревность ея была совершенно неосновательна, что Виоланта вовсе не была ея соперницею. Съ этой минуты, страсти, которыя дѣлали ее орудіемъ замысловъ злодѣя, исчезли и совѣсть ея содрогнулась при видѣ лжи и низости.

— Я обманула васъ! кричала она голосомъ, прерываемымъ рыданіями: — но я спасу васъ, во что бы то ни стало. Если бы вы были, какъ я прежде думала, моею соперницею, которая лишала меня всѣхъ надеждъ на счастье въ будущемъ, я безъ малѣйшаго раскаяніи

приняла бы участіе въ заговорѣ. Но теперь, вы — добрая, благородная дѣвица, — вы не должны быть женою Пешьера. Да, не удивляйтесь: онъ долженъ навсегда отказаться отъ своихъ намѣреній, или я слова пойду къ императору и отарю ему всѣ врачныя стороны жизни Пешьера. Побѣдите поскорѣе въ тотъ домъ, изъ котораго я увезла васъ.

Говоря это, Беатриче бралась за ручку двери. Вдругъ она изрогнула, губы ея побѣдѣли: дверь оказалась запертою старухи. Она стала кричать — стѣнать не было; звонъ колокольчика глухо отдавался въ комнатахъ; окна были высоко отъ полу и съ желѣзными рѣшотками; они выходили не на рѣку и не на улицу, но на крытый, мрачный, пустой дворъ, окруженный высокою каменною стѣною, такъ что самый сильный крикъ, самый тяжелый ударъ не могъ быть слыманъ навнѣ.

Беатриче догадалась, что она точно такъ же обманута, какъ и ея соперница, что Пешьера, сомнѣваясь въ ея твердости, при выполненіи задуманнаго плана, отнялъ у нея всякую возможность загладить сдѣланное преступленіе. Она находилась въ домѣ, принадлежащемъ его приверженцамъ. Не оставалось никакой надежды спасти Виоланту отъ гибели, угрожавшей ей.

Наступила ночь: онѣ слышали бой часовъ на одной изъ отдаленныхъ церквей. Огонь, горѣвшій въ каминѣ, давно уже погасъ, и воздухъ сдѣлался очень холоденъ. Никто не собирався, казалось, нарушить молчаніе, царствовавшее въ домѣ: не было слышно ни звука, ни голоса. Онѣ не чувствовали ни холода, ни голода; онѣ сознавали только уединеніе, безмолвіе и боязнь чего-то, что должно было случиться.

Наконецъ, около полуночи, звонокъ раздался у двери, ведущей на улицу; потомъ послышались поспѣшныя шаги, скрипъ запоровъ, тихіе, смѣшанные голоса. Свѣтъ проникъ въ комнату сквозь щели двери; дверь отворилась. Вошли двое итальянцевъ, съ свѣчами; за ними слѣдовалъ графъ Пешьера.

Беатриче вскочила и бросилась къ брату. Онъ слегка прикоснулся рукою къ ея устамъ и велѣлъ итальянцамъ выйти. Они поставили свѣчи на столъ и удалились, не проговоривъ ни слова.

Тогда Пешьера, отвѣдя сестру въ сторону, подошелъ къ Виолантѣ.

— Прегестная родственница, сказалъ онъ, съ видомъ самоувѣренности: — есть вещи, которыхъ никакой мужчина не согласится извинить и женщина не захочетъ простить; только любовь, не подчиняясь общимъ законамъ, находитъ себѣ извиненіе у однихъ и прощеніе у другихъ. Однимъ словомъ, я долженъ вамъ сказать, что я далъ обѣщаніе, что буду обладать вами, а между тѣмъ вовсе не находилъ удобнаго случая присвататься къ вамъ. Не бойтесь: худшее, что васъ ожидаетъ, это сдѣлаться моею невѣстою. Отойди, сестра, отойди.

— Нѣтъ, Джуліо Франциски, я стану между тобою и ею; ты прежде повергнешь меня на землю, чѣмъ дотронешься до края ея платья.

— Что это значить? ты, кажется, вооружаешься противъ меня?

— И если ты сейчас не уйдешь и не освободишь ее, я обличу тебя передъ императоромъ.

— Слишкомъ поздно, *mon enfant!* Ты поѣдешь вмѣстѣ съ нами. Вещи, въ которыхъ ты можешь имѣть нужду, уже на кораблѣ. Ты будешь свидѣтельницей вашей свадьбы, а тамъ ты можешь говорить императору что тебѣ угодно.

Ловкимъ и энергическимъ движеніемъ графъ отстранилъ Беатриче и упалъ на колѣни передъ Віолантой, которая, выпрямившись во всю вышину своего роста, блѣдая какъ мраморъ, но не обнаруживая боли, смотрѣла на него съ невозмутимымъ презрѣніемъ.

— Теперь вы сердитесь на меня, сказали онъ съ выраженіемъ смиренія и нѣкотораго энтузіазма: — и я этому не удивляюсь. Но повѣрьте, что пока это негодованіе не уступитъ мѣста болѣе нѣжному чувству, я не употреблю во зло той власти, которую приобрѣлъ надъ вашею судьбою.

— Власти! произнесла Віоланта съ гордымъ видомъ. — Вы похитили меня и заперли въ этотъ домъ.... вы воспользовались правомъ сильнаго и удачей; но власти надъ моею судьбою — о, нѣтъ!

— Вы думаете, можетъ быть, что ваши друзья узнали о вашемъ побѣгѣ и напали на вашъ слѣдъ. Предестное дитя, я принялъ всѣ мѣры противъ попытокъ вашихъ друзей, и я не страшусь ни законовъ, ни полиціи Англій. Корабль, которому суждено отвезти васъ съ этихъ береговъ, готовъ и ждетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.... Беатриче, повторяю тебѣ, перестань, оставь меня.... На этомъ кораблѣ будетъ патеръ, который соединитъ наши руки, но не прежде, какъ вы убѣдитесь въ той истинѣ, что дѣвушка, которая бѣжитъ съ Джулио Пешьера, должна или сдѣлаться его женою, или оставить его съ полнымъ сознаніемъ собственнаго позора.

— О, извергъ, злодѣй! воскликнула Беатриче.

— *Peste*, сестрица, будь поосторожнѣе въ выборѣ выраженій. Ты тоже выйдешь замужъ. Я говорю не шутя. Синьорина, мнѣ очень жаль, что я долженъ употреблять насиліе. Дайте мнѣ вашу руку; намъ пора идти.

Віоланта уклонилась отъ объятія, которое готово было оскорбить ея стыдливость, бросилась прочь, перебѣжала комнату, отворила дверь и потомъ поспѣшно затворила ее за собою. Беатриче энергически схватила графа за руки, чтобы удержать его отъ преслѣдованія. Но тотчасъ за дверью, какъ будто съ цѣлюю подслушать, что дѣлается въ комнатѣ, стоялъ мужчина, закутанный съ головы до ногъ въ широкій рыбацкій плащъ. Свѣтъ отъ лампы, упавшей на этого человѣка, блеснулъ на стволѣ пистолета, который онъ держалъ въ правой рукѣ.

— Тише! прошепталъ незнакомецъ по англійски и, обнявъ рукою станъ дѣвушки, продолжалъ: — въ этомъ домѣ вы во власти злодѣя; только по выходѣ отсюда вы будете въ безопасности. Но я воли вась, Віоланта: будьте покойны!

Голосъ этотъ заставилъ трепетать сердце Виоланты. Она вдрогнула, стала вглядываться, но лицо незнакомца было въ тѣни и закрыто шляпою и плащомъ; только черные, вьющіеся волосы выбивались наружу и видѣлась такая же борода.

Въ это время графъ отворилъ дверь, увлекая за собою сестру, которая ухватилась за него.

— А, это хорошо! вскричалъ онъ незнакомцу по итальянски. — Веди синьорину за мною, только осторожно; если она вздумаетъ кричать, ну, тогда... тогда заставь ее молчать, и только. Что касается до тебя, Беатриче, до тебя, намѣнница, я могъ бы убить тебя на этомъ мѣстѣ; но вѣтъ, этого довольно.

Онъ поднималъ сестру къ себѣ на руки и, несмотря на ея крикъ и сопротивление, быстро побѣжалъ по лѣстницѣ.

Въ залѣ тѣснилась цѣлая толпа людей суровыхъ и жестокихъ на видъ, съ смуглыми, грубыми лицами. Графъ обратился къ одному изъ нихъ и что-то шепнулъ; въ одно мгновеніе маркизу схватили и завязали ей ротъ. Графъ возвратился назадъ. Виоланта стояла возлѣ него, поддерживаемая тѣмъ самымъ человѣкомъ, которому Пешьера поручилъ ее и который въ эту минуту уговаривалъ ее не сопротивляться. Виоланта молчала и казалась покойною. Пешьера цинически улыбулся и, пославъ впередъ людей съ зажженными факелами, сталъ спускаться по лѣстницѣ, которая вела къ потаенной пристани, бывшей между заломъ и входомъ въ подвальный этажъ дома. Тамъ маленькая дверь была уже отворена, и рѣка протекала возлѣ. Лодка была причалена къ самымъ ступенямъ лѣстницы; кругомъ стояли четверо людей, которые имѣли видъ иностранныхъ матросовъ. По приходѣ Пешьера, трое изъ нихъ прыгнули въ лодку и взылись за весла. Четвертый осторожно перебросилъ доску на ступени пристани и почти-тельно протянулъ руку Пешьера. Графъ вошелъ первый и, напѣвая какую-то веселую оперную арію, занялъ мѣсто у руля. Обѣ женщины были также перенесены, и Виоланта чувствовала, какъ судорожно пожималъ въ это время ея руку человѣкъ, стоявшій у доски. Вся оставшая свита перебралась немедленно, и черезъ минуту лодка быстро понеслась по волнамъ, направляя путь къ кораблю, который стоялъ на полъ-мили ниже по теченію и отдѣльно отъ всѣхъ судовъ, толпившихся на поверхности рѣки. Звѣзды тускло мерцали въ туманной атмосферѣ; не было слышно ни звука, кромѣ мѣрнаго плеска веселъ. Графъ пересталъ напѣвать и, разсѣянно смотря на широкія складки своей шубы, казался погруженнымъ въ глубокія размышленія. Даже при блѣдномъ свѣтѣ звѣздъ можно было прочесть на лицѣ Пешьера гордое сознаніе собственнаго торжества. Послѣдствія оправдали его беззаботную и дерзкую увѣренность въ самомъ себѣ и въ счастьи, что составляло отличительную черту характера этого человѣка — отважнаго искателя приключеній и игрока, который всю жизнь провелъ съ рапиромъ въ одной рукѣ и поддѣльною колодою картъ въ другой. Виоланта, приведенная на корабль преданными ему людьми, будетъ

уже безвозвратно въ его власти. Даже отецъ ея будетъ очень благодаренъ, узнавъ, что пѣльница Пешьера спасла честь своего имени, сдѣлавшись женою своего похитителя. Даже собственное самолюбие Виоланты должно было убѣждать ее, что она добровольно приняла участіе въ планахъ своего будущаго супруга и убѣжала изъ отцовскаго дома, чтобы скорѣе стать предъ брачными алтаремъ, а не была лишь несчастною жертвою обманщика, предложившаго ей руку изъ состраданія. Онъ видѣлъ, что судьба его обезпечена, что удачѣ его позавидуютъ всѣ знакомые, что самая личность его возвысится торжественнымъ бракосочетаніемъ. Такъ мечталъ графъ, почти забывая о настоящемъ и переносясь въ золотое будущее, когда онъ былъ приведенъ въ себя громкимъ привѣтствіемъ съ корабля и суматохою матросовъ, которые хватались въ это время за веревку, брошенную къ нимъ. Онъ всталъ и пошелъ было къ Виолантѣ. Но человекъ, который постоянно смотрѣлъ за нею во все продолженіе пути, сказалъ ему по итальяски :

— Извините, ошеленца, на лодкѣ множество народа и качка такъ сильна, что ваша помощь помѣшаетъ синьоринѣ удержаться на ногахъ.

Прежде, чѣмъ Пешьера успѣлъ сдѣлать возраженіе, Виоланта уже подымалась по лѣстницѣ на корабль, и графъ на минуту остановился, смотря съ самодовольною улыбкою, какъ дѣвушка легкою поступью вошла на палубу. За нею слѣдовала Беатриче, а потомъ и самъ Пешьера. Но когда итальянцы, составлявшіе его свиту, тоже столпились къ краю лодки, двое изъ матросовъ остановились передъ ними и выпустили въ воду конецъ веревки, а двое другихъ сильно ударили веслами и направили лодку къ берегу. Итальянцы, удивленные подобнымъ неожиданнымъ поступкомъ, разразились цѣлымъ градомъ проклятій и брани.

— Молчать, сказалъ матросъ, стоявшій прежде у доски, переброшенной съ лодки: — мы исполняемъ приказаніе. Если вы станете булнить, мы опрокинемъ лодку. Мы умѣемъ плавать. Да сохранитъ васъ Богъ и святой Джаномо, если вы сами не хотите о себѣ думать.

Между тѣмъ, когда Пешьера поднялся на палубу, потокъ свѣта упалъ на него отъ факеловъ. Этотъ же свѣтъ изливался на лицо и станъ человека повелительной наружности, который держалъ рукою Виоланту за талию и котораго черные глаза при видѣ графа засверкали ярче факеловъ. По одну сторону отъ этого человека стоялъ австрійскій принцъ; по другую сторону — съ плащомъ и огромнымъ шарикомъ изъ черныхъ волосъ у ногъ — лордъ а'Встренджъ, съ сложеными на груди руками и съ улыбкою на устахъ, которой обычная проищя прикрывалась выраженіемъ спокойнаго, невозмутимаго презрѣнія. Графъ хотѣлъ говорить, но голосъ извѣнилъ ему. Все вокругъ него смотрѣло враждебно и дышало мщеніемъ. Когда онъ стоялъ та-

кинь образомъ въ совершенномъ смущеніи, окружавшіе итальянцы закричали съ бѣшенствомъ :

— *Il traditore ! Il traditore !* (измѣнникъ ! измѣнникъ !)

Графъ былъ неустрашимъ и при этомъ крикъ поднялъ голову съ повелительнымъ видомъ.

Въ это время Гарлей сдѣлалъ знакъ рукою, какъ будто съ пѣлію заставить умолкнуть матросовъ, и выпелъ впередъ изъ группы, посреди которой онъ до тѣхъ поръ стоялъ. Графъ приблизился къ нему смѣлою поступью.

— Чтѣ это за проказы? вскричалъ онъ дерзкимъ тономъ, по французски : — я увѣренъ, что мнѣ должно отъ васъ требовать объясненій и удовлетворенія.

— *Pardieu, monsieur le comte*, отвѣчалъ Гарлей, на томъ же языкѣ, который такъ удачно выражаетъ сарказмъ : — позвольте вамъ на это замѣтить, что объясненій вы имѣете право отъ меня требовать ; но чтѣ касается до удовлетворенія, то его мы ожидаемъ отъ васъ. Этотъ корабль....

— Мой! вскричалъ графъ. — Эти люди, которые теперь такъ дерзко оскорбляютъ меня, у меня на жалованьи.

— Ваши люди, *monsieur le comte*, теперь на берегу я, вѣроятно, пьютъ во славу вашего счастливаго путешествія. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что «Бѣгущій Голландецъ» принадлежитъ вамъ. Прося у васъ тысячу извиненій за то, что я осмѣлился перебить у васъ покупку, я долженъ вамъ признаться, что юрдъ Свендвиккъ былъ столько любезенъ, что продалъ корабль мнѣ. Впрочемъ, черезъ вѣсколко недѣль, *monsieur le comte*, я намѣренъ отдать въ полное ваше распоряженіе весь экипажъ.

Пешьера язвительно улыбнулся.

— Благодарю васъ, сударь ; но такъ какъ въ настоящее время я не могу отправиться въ путь съ тою особою, которая могла бы сдѣлать для меня поѣздку пріятною, то я намѣренъ возвратиться на берегъ и прошу лишь васъ увѣдомить меня, когда вы можете принять одного изъ друзей моихъ, которому я поручу разрѣшить вмѣстѣ съ вами еще не тронутую часть вопроса и устроить такъ, чтобы удовлетвореніе, съ вашей или съ моей стороны — все равно, было столь же соотвѣтственно обстоятельствамъ дѣла, какъ и то объясненіе, которыми вы меня почтили.

— Къ чему такія хлопоты, *monsieur le comte*! удовлетвореніе, если я не ошибаюсь, уже приготовлено : вотъ до какой степени я былъ предусмотрителенъ въ отношеніи всего, чего могли бы потребовать чувство чести и долгъ жеманна. Вы похитили молодую дѣвушку, это правда ; но видите, что она только возвратилась чрезъ это къ своему отцу. Вы располагали лишить своего знатнаго родственника всего дѣстолія его, но вы именно пришли на этотъ корабль, чтобы дать принцу ***, котораго вѣсть при Австрійскомъ Дворѣ вамъ хорошо извѣстна, случай объявить императору, что онъ самъ былъ сви-

дѣтелемъ вашихъ поступковъ, которыми вы хотѣли будто бы истолковать данное вамъ Его Величествомъ дозволеніе на бракъ съ дочерью одного изъ первыхъ подданныхъ его въ Италіи. Ваше изгнаніе, въ возмездіе за вѣроломство, будетъ сопровождаться, сколько позволено мнѣ думать, восстановленіемъ всѣхъ правъ и почестей славы вашей фамиліи.

Графъ вздрогнулъ.

— За это возстановленіе, сказалъ австрійскій принцъ, подошедшій въ это время къ Гарлею: — я заранѣе ручаюсь. Такъ какъ вы, Джуліо Францини, наносите безчестіе всему благородному сословію Имперіи, то я буду настаивать передъ Его Величествомъ, чтобы имя ваше было вычеркнуто изъ списковъ дворянства. У меня есть здѣсь собственныя ваши письма, доказывающія, что родственникъ вашъ былъ вами же вовлеченъ въ заговоръ, которымъ вы предводительствовали, какъ новый Катиліна. Черезъ десять дней эти письма будутъ представлены императору и его совѣту.

— Достаточно ли вамъ, *monsieur le comte*, сказалъ Гарлей: — такого удовлетворенія? если же нѣтъ, то я найду вамъ случай сдѣлать его еще болѣе полнымъ. Передъ вами станетъ вашъ родственникъ, котораго вы оклеветали. Онъ сознаетъ теперь, что хотя на нѣкоторое время вы и лишили его всего состоянія, но не успѣли испортить его сердце. Сердце его еще готово простить васъ, а рука его давать вамъ милостыню. Становись на колѣни, Джуліо Францини, на колѣни, побѣжденный разбойникъ, на колѣни, разворонный игрокъ, бросайся въ ноги Альфонсо, князя Монтеалеона и герцога Серрано.

Весь предъидущій разговоръ былъ веденъ по французски и потому былъ понятенъ лишь весьма немногимъ изъ итальянцевъ, стоявшихъ вокругъ; но при имени, произнесенномъ Гарлеемъ въ заключеніе рѣчи своей къ графу, единодушный крикъ огласилъ ряды ихъ.

— Альфонсо милостивый!

— Альфонсо милостивый! *Viva-viva*, добрый герцогъ Серрано!

И, забывъ въ эту минуту о графѣ, они столпились вокругъ высокой фигуры Риккабокка, стараясь наперерывъ поцаловать его руку, даже край его платья.

Глаза Риккабокка наполнились слезами. Съ бѣднымъ изгнанникомъ какъ будто сдѣлалось превращеніе. Сознаніе собственнаго достоинства отразилось во всей его личности. Онъ съ любовью протягивалъ руки, какъ будто стараясь благословлять своихъ единоземцевъ. Даже этотъ грубый крикъ смиренныхъ людей, изгнанниковъ, подобныхъ ему, почти вознаграждалъ его за годы лишеній и бѣдности.

— Благодарю, благодарю, повторялъ онъ: — рано или поздно, и вы, вѣроятно, воротитесь на нашу милую родину!

Австрійскій принцъ преклонилъ голову, выражая свое согласіе.

— Джуліо Францини, сказалъ герцогъ Серрано — мы имѣемъ право называть уже этимъ именемъ смиреннаго обитателя казино: — если бы providѣнію угодно было допустить васъ совершить вашъ

влодѣйскій умыселъ, неужели вы думаете, что на землѣ нашлось бы мѣсто, гдѣ похититель могъ бы спастись отъ руки оскорбленнаго отца? Но небу угодно было избавить меня отъ новаго тяжкаго испытанія. Позвольте и мнѣ при этомъ случаѣ показать примѣръ снисхожденія.

И онъ съ живымъ, спокойнымъ челою приблизился къ своему родственнику.

Съ той самой минуты, какъ австрійскій принцъ заговорилъ съ нимъ, графъ хранилъ глубокое молчаніе, не обнаруживая ни раскаянія, ни стыда. Поднявъ голову, онъ стоялъ съ рѣшительнымъ видомъ, какъ челоуѣкъ, готовый на всякую крайность. Когда принцъ хотѣлъ теперь подойти къ нему, онъ замахалъ рукою и закричалъ: «не радуйтесь заранѣе, не думайте, что вы одержали верхъ; ступайте, рассказывайте ваши выдумки императору. Я самъ найду случай отвѣчать за себя передъ трономъ.» Говоря такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы броситься къ борту корабля.

Быстрый умъ Гарлея угадалъ намѣреніе графа: онъ успѣлъ дать знакъ людямъ, и попытка Франціи не удалась. Схвативъ бдительными и овлабленными противъ него единоземцами, въ ту самую минуту, когда онъ собирался броситься въ рѣку, Пешьера былъ отведенъ въ сторону и связанъ. Тогда выраженіе лица его совершенно измѣнилось. Отчаянное изъшенство гладиатора запылало въ немъ. Необыкновенная гѣлесная сила помогла ему нѣсколько разъ вырваться изъ рукъ враговъ и повергнуть нѣкоторыхъ изъ нихъ на полъ. Наконецъ численность превозмогла: послѣ продолжительной борьбы онъ долженъ былъ уступить. Тутъ онъ забылъ о всякомъ достоинствѣ челоуѣка, потерялъ присутствіе духа, произносилъ самыя страшныя проклятія, скрежеталъ зубами и едва могъ говорить отъ сильнаго прилива бѣшенства.

Тогда, сохраняя видъ невозмутимой ироніи, которая сдѣлала бы честь французскому маркизу стараго времени, и которой тщетно сталъ бы подражать самый искусный актеръ, Гарлей поклонился разсерженному графу.

— Adieu, monsieur le comte, adieu! Мнѣ пріятно видѣть, что вы такъ благоразумно запаслись мѣховою одеждою. Она понадобится вамъ во время вашего путешествія; въ такую пору года вамъ придется перенести большіе холода. Корабль, на который вы удостоили званія, отправляется въ Норвегію. Итальянцы, которые сопровождаютъ васъ, были нѣкогда изгнаны вами изъ отечества; теперь же, въ замѣнъ того, они соглашаются раздѣлить съ вами время, когда вамъ наскучитъ ваше собственное сообщество. Отведите графа въ каюту. Осторожиѣе, осторожиѣе. Adieu, monsieur le comte, adieu! et bon voyage!

Гарлей повернулся на каблукахъ, въ то время, какъ Пешьера, не смотря на сопротивленіе, былъ сведенъ въ каюту.

Тутъ Гарлей вышелъ на средину корабля, гдѣ, за рядами матросовъ, почти закрытая ими, стояла Беатриче. Франкъ Гезельденъ, который

первый встрѣтилъ ее при входѣ на корабль, былъ возлѣ нея. Леонардъ находился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обоихъ, въ безмолвномъ наблюденіи всего, что происходило вокругъ. Беатриче въ эту минуту мало была занята Франкомъ; ея черные глаза смотрѣли на темное, усыпанное звѣздами небо, и губы ея шевелились точно произносилъ молитву. Все это время женихъ ея говорилъ ей съ большимъ жаромъ, тихо и торопливо:

— Нѣтъ, нѣтъ.... не думайте Беатриче, чтобъ мы подозрѣвали васъ. Я готовъ ручаться жизнью за ваше прямодушіе. О, зачѣмъ же вы отворачиваетесь?... отчего не хотите говорить?

— Дайте мнѣ еще минуту свободы, отвѣчала Беатриче кротко.

Она тихо, колеблющимися шагами подошла къ Леонарду, положила трепетную руку къ нему на плечо и отвела его въ сторону. Франкъ, удивленный подобнымъ поступкомъ, сдѣлалъ движеніе впередъ, потомъ остановился и смотрѣлъ на нихъ съ грустнымъ, задумчивымъ видомъ. Улыбка исчезла и съ лица Гардея: онъ также сдѣлался особенно внимателенъ.

Беатриче произнесла немного словъ. Леонардъ отвѣчалъ отрывистыми фразами. Наконецъ Беатриче протянула руку, которую молодой поэтъ, поклонившись, поцаловалъ. Она стояла въ нерѣшимости, и, при свѣтѣ звѣздъ, Гардей замѣтилъ, какъ краска покрывала ея щоки. Рукавецъ этотъ поблѣднѣлъ, когда Беатриче воротилась къ Франку. Дордъ и Эстренджъ хотѣли удалиться; но она сдѣлала ему знакъ остаться.

— Милордъ, сказала она, твердымъ голосомъ: — не смѣю упрекать васъ въ жестокости къ моему преступному и несчастному брату. Можетъ быть, поступки его заслуживаютъ болѣе тяжкаго наказанія, чѣмъ то, которому вы подвергаете его съ такими саркастическими выходками. Но какова бы ни была судьба его, — теперь презрѣніе, недосягаемая бѣдность, — я сознаю, что сестра его должна находиться при немъ, чтобы раздѣлять его участь. Если онъ виноватъ, то и я не права; если ему суждено терпѣть крушеніе на морѣ жизни, то и мнѣ не остается ничего, кромѣ какъ погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Да, милордъ, я не оставляю этого корабля. Все, чего я у васъ прошу въ настоящую минуту, это приказать вашимъ людямъ уважать моего брата, такъ какъ воалѣ него будетъ женщина.

— Но, маркиза, это невозможно, и....

— Беатриче, Беатриче, а я-то? а наше обрученіе? Неужели вы забыли обо мнѣ? кричалъ Франкъ, съ горькимъ упрекомъ.

— Нѣтъ, молодой и слишкомъ для меня благородный женихъ, я не забуду и васъ въ моихъ молитвахъ. Но выслушайте. Я была ослѣдена, обманута другими, но также, и еще болѣе, собственнымъ безразсуднымъ и довѣрчивымъ сердцемъ, — обманута, чтобы, въ свою очередь, обмануть васъ и оклеветать себя. Я горю отъ стыда, при мысли, что я могла навлечь на васъ справедливое негодованіе вашей семьи, связавъ вашу судьбу съ моею злополучною судьбою, ваше имя съ моимъ обезславленнымъ именемъ, мое....

— Ваше великодушное, любящее сердце! вотъ все, чего я у васъ прошу! вскричалъ Франкъ. — Перестаньте, перестаньте! это сердце уже принадлежитъ мнѣ!

— Молодой человѣкъ, я никогда не любила васъ; это сердце было для васъ мертво, и теперь оно умерло для всего на свѣтѣ. Прощайте. Вы забудете меня прежде, чѣмъ вы думаете, — прежде, чѣмъ я забуду васъ, какъ друга, какъ брата, если только братья бывають съ такимъ нѣжнымъ и добрымъ сердцемъ, какъ вы. Теперь, милордъ, угодно вамъ дать мнѣ вашу руку? Я хочу идти къ графу.

— Позвольте, одно только слово, сударыня, сказала Франкъ, замѣтно поблѣднѣвшій въ эту минуту, — сказала стиснувъ зубы, но спокойно и съ гордымъ выраженіемъ на лицѣ, до тѣхъ поръ сохранявшемъ видъ откровенности и чистосердечія: — одно слово. Я, можетъ быть, не стою васъ своими личными качествами, но чистая, безкорыстная любовь, которая никогда не допускала сомнѣній и подозрѣній, — любовь, которая увлекала бы меня къ вамъ даже и тогда, когда весь свѣтъ возсталъ бы на васъ, — подобная любовь возвышаетъ самаго ничтожнаго человѣка. Скажите мнѣ одно лишь слово правды. Поклянитесь всѣмъ, что есть для васъ священнаго, что вы говорили правду, сказавъ, что никогда не любили меня.

Беатриче поникла головою; она трепетала передъ этою мужественною личностію, которую такъ жестоко обманывала и высокихъ качествъ которой, можетъ быть, до сихъ поръ не сознавала.

— Простите, простите меня, сказала она, прерывающимся отъ рыданій голосомъ и съ глубокимъ, томительнымъ вздохомъ.

При видѣ ея нерѣшительности, лицо Франка просіяло внезапною надеждою. Беатриче подняла взоры, замѣтила эту перемену, потомъ взглянула на Леонарда, неподвижно стоявшаго вблизи, вздрогнула и отвѣчала съ твердostí:

— Простите меня, повторяю еще разъ. Я говорила правду. Сердце мое не принадлежало вамъ. Оно могло быть мягкимъ какъ воскъ для другого, для васъ оно было жестко и холодно какъ гранитъ.

Франкъ не произнесъ болѣе ни слова. Онъ стоялъ какъ будто прикованный къ мѣсту, не глядя даже на Беатриче, которая удалялась, опираясь на руку лорда Гэстренджа. Франкъ съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ выходу съ корабля и сталъ дожидаться, пока люди спустятъ на воду шлюпку. Проходя мимо того мѣста, гдѣ стояла Виоланта, шопотомъ отвѣчавшая въ это время на распросы отца, Беатриче остановилась. Она особенно энергически оперлась въ эту минуту на руку Гарлея.

— Теперь, кажется, ваша рука трепещетъ, сказала она, съ грустною улыбкою, и, отойдя прочь прежде, чѣмъ Гарлей успѣлъ отвѣчать, она смиренно преклонила голову передъ Виолантой. — Вы уже простили меня, произнесла она, такимъ голосомъ, который былъ вынужденъ лишь для слуха Виоланты: — и потому послѣднія слова мои не будутъ

касаться прошлого. Я вижу, как ваше будущее ярко блестит передо мною подъ этими торопливыми звѣздами. Вѣчная любовь, надежда и вѣра. Вотъ послѣднія слова той, которая съ этой минуты умерла для свѣта. Прелестная дѣвушка, эти слова — слова предвѣдѣнія!

Виоланта упала на грудь къ своему отцу и скрыла тамъ пылающее лицо свое, протянувъ между тѣмъ руку къ Беатриче, которая прижимала эту руку къ сердцу. Потомъ маркиза снова присоединилась къ Гарлею и вмѣстѣ съ нимъ спустилась во внутрь корабля.